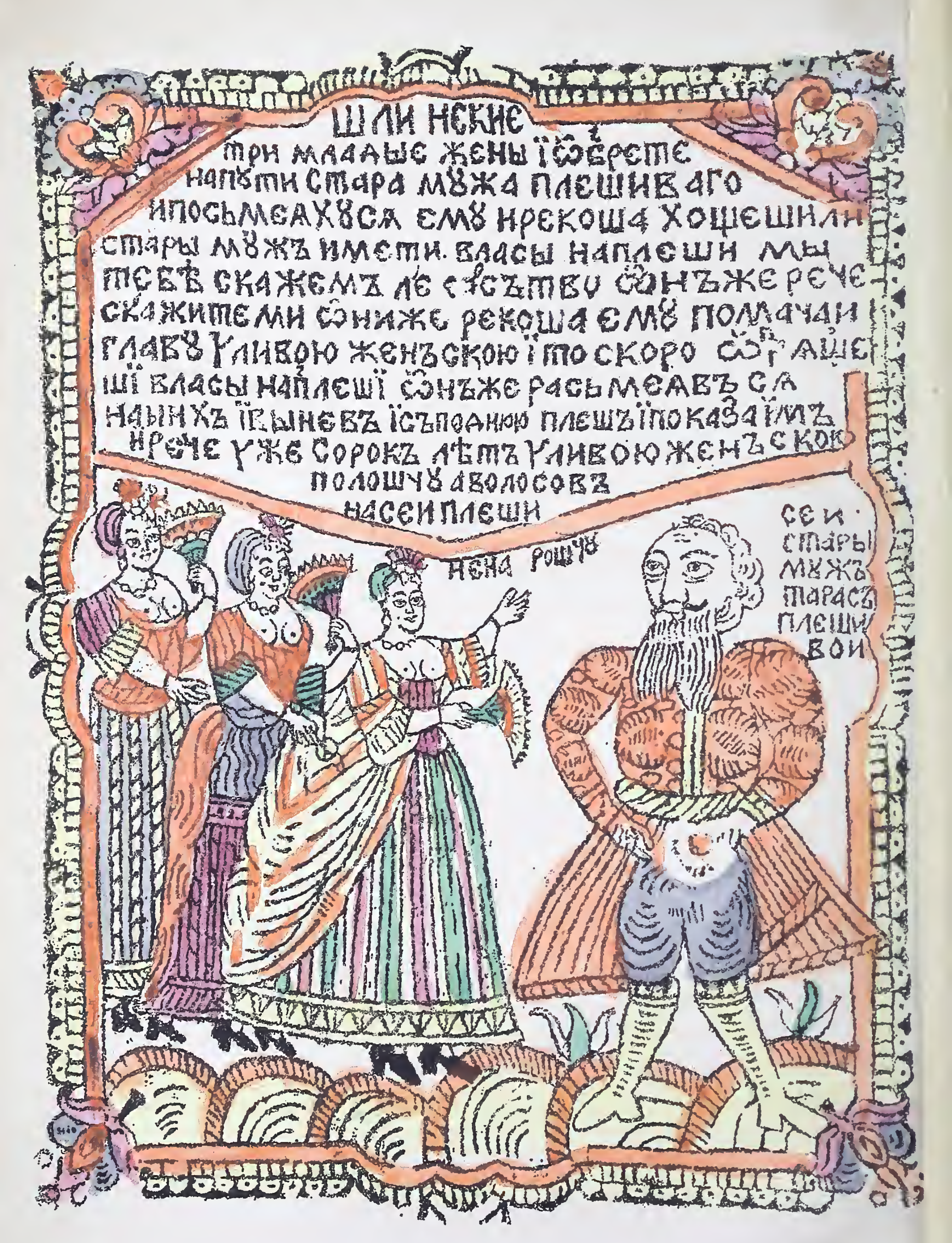


ШЛИ НЕКИЕ
три младые жены і ѿбрете
на пути стара мужа плешиваго
и посьмеахуся ему и рекоша хощеши ли
стары мужъ имети. власы на плеши мы
тебѣ скажемъ лекарство ѿнъже рече
скажите ми ѿниже рекоша ему полмачай
главу уливою женъскою і то скоро ѿрастаще
ші власы на плеші ѿнъже расьмеавъ са
на ныхъ і свыневъ і съподнюю плешъ і показа імъ
и рече уже сорокъ лѣтъ уливою женъскою
полошчу а волосовъ
на сеи плеши
нена рошчу
сеи стары мужъ тарасъ плешивои

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. РОВИНСКІЙ.

Книга IV.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Мартъ 1881 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга I.

1—7. **Русскіе богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.** Подъ этими нумерами представляется сводъ свѣдѣній о трехъ русскихъ богатыряхъ, раздѣленный на восемь отдѣловъ: I. Илья Муромецъ по сказкамъ; II. онъ же по былинамъ; III. онъ же, какъ преподобный, мощи котораго находятся въ Кіевскихъ пещерахъ; IV. онъ же по западнымъ сагамъ; V. Добрыня Никитичъ по сказкамъ; VI. онъ же по былинамъ; VII. Алеша Поповичъ по сказкамъ и былинамъ, и VIII. Лѣтописныя извѣстія о богатыряхъ Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ.

I. Илья Муромецъ по сказкамъ.

Наша лицевая сказка въ 8 картинкахъ (№ 1) представляетъ сокращеніе полной сказки, напечатанной И. Сахаровымъ по рукописному сборнику Бѣльскаго [1]). Отдѣльной книжкой, безъ картинокъ, полная «Сказка о сильномъ и славномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ», была издана въ С.-Петер-

[1]) При чемъ издателемъ сдѣланы значительныя измѣненія и поправки, съ цѣлію придать сказкѣ болѣе древній характеръ. Наша сокращенная сказка напечатана въ народныхъ русскихъ сказкахъ Аѳанасьева (III. 119), и у П. Безсонова (пѣсни Кирѣевскаго. I. стр. XVII) по тремъ лицевымъ изданіямъ, изъ которыхъ *самое старое* приведено у меня подъ лит. *б*; изданіе это означено у Безсонова лит. *в*.

бургѣ, 1839 г., въ осьмушку. Въ этѣхъ полныхъ сказкахъ, въ самомъ началѣ, прибавленъ разсказъ о томъ, что къ Ильѣ, въ то время, когда онъ еще сидѣлъ сиднемъ, приходили двое каликъ, и приказали ему встать и принести имъ пива. И по приказу ихъ Илья сталъ на ноги, пошелъ въ подвалы глубокіе, и принесъ каликамъ братину пива. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину виномъ крѣпкимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе: слышишь ли Илья свою силу? — И молвитъ Илья: слышу! — И спрошали его, Илью, калики перехожіе: какъ велика твоя сила? — И молвитъ Илья: кабы былъ столбъ изъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю. — Стали промежь себя калики говорить: много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ. Поубавимъ силы. И говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе: слышишь-ли, Илья, свою силу? — И молвитъ Илья: поубавилось силы, кабы на семую часть. — Стали промежь себя калики говорить: будетъ съ него. — И прощались съ Ильею калики перехожіе» (Сахаровъ, Русскія народныя сказки. С.-Петербургъ 1841, стр. 66). Этого разсказа въ нашей сказкѣ № 1 нѣтъ, а помѣщенъ онъ въ другой лицевой сказкѣ «объ Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ», подъ № 44.

Пріемъ у В. К. Владиміра переданъ въ полной сказкѣ тоже иначе: «Возговоритъ Владиміръ стольный князь Кіевскій: ты

скажись, молодецъ, кто твой родъ племенъ? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати. Отвѣчаетъ Илья: не великъ мой родъ племенъ, а почетенъ по міру; единъ былъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаевѣ, а и оба правятъ міромъ. — Ты скажи молодецъ: какъ доѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — Ѣхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, и не пропускалъ тамъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго.

Втапоры во теремѣ пошла молва неудалая: на него-то, Илью, косо посматриваютъ, про него-то Илью, худомъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіе богатыри: а и гой еси ты, ласковый Владиміръ Князь Кіевскій красное солнышко наше! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла-ли та дорога тридцать лѣтъ отъ того-ли Соловья разбойника. — Говоритъ тутъ Илья Муромецъ. Гой еси ты, Осударь, Владиміръ Князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со расправой на твоемъ широкомъ дворѣ, при старыихъ старикахъ. На передъ того посмотри на удаль калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному Князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ.

Втапоры пошелъ онъ, Великій Князь съ Ильею на широкъ дворъ смотрѣть на удаль калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и всѣ сильныи могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь братовъ Збродовичи, еще мужики Залешане, еще два брата Хапиловы; а всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ единаго. Идетъ Илья ко тому Соловью разбойнику, и уговариваетъ его, Соловья: ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти Соловей по соловьиному, пошипи змѣй по змѣиному, зрявкай звѣрь по туриному, и потѣшь Князя Владиміра съ княгинею Апраксѣевною. — Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ во Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй по змѣиному, поморилъ онъ старыихъ стариковъ; зрявкалъ звѣрь по туриному, побилъ онъ молодыихъ молодцовъ. Со того

ли свиста соловьинаго князья и бояре испугалися, на корачкахъ по двору наползалися; а сильны-то могучіе богатыри на земь присядали, да и круто ходомъ побранивали. И накурилъ Соловей бѣды несносимыя: добры кони со двора разбѣжалися, добры молодцы по улицамъ разходилися, молодыя молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ пряталися; а и самъ Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, со душой Княгиней Апраксѣевною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ Князь: а и гой ты еси Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника, а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ его, Соловья. (Сахаровъ, Р. Н. Сказки, 85). Въ собраніи И. Забѣлина находится замѣчательный списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ, начала прошедшаго столѣтія: онъ еще полнѣе списка Бѣльскаго (Сахаровскаго), а мѣстами и другой редакціи. Начала, до битвы подъ Черниговомъ, въ спискѣ Забѣлина недостаетъ; въ самомъ разсказѣ сдѣланы слѣдующія прибавки: когда конь, отъ соловьинаго свиста сталъ спотыкаться, Илья укоряетъ его: «что ты волчье мясо, травяной мешекъ». Пріѣхавъ въ Кіевъ, Илья идетъ прямо въ церковь божію; Великій Князь Владиміръ посылаетъ по него Алешу Поповича. Илья не пошелъ на зовъ, и только выбранился: «пусть де пришлетъ Князь кого повѣжливѣе, а то Алешу Поповича, бабью б...ь пересмѣшница». Тогда Владиміръ шлетъ Добрыню Никитича, который и приводитъ Илью въ княжескіе хоромы.

Въ сборникѣ Аѳанасьева напечатана другая «Исторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ», по рукописи XVIII вѣка, тоже принадлежащей И. Е. Забѣлину; въ этой исторіи Илья освобождаетъ не Черниговъ, а градъ Себежъ: «какъ будетъ онъ подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячь, и хотятъ они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самаго царя Себежскаго въ полонъ взять. И тако поѣхалъ Илья Муромецъ въ сугонь (т. е. въ погоню) за тремя церевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичей въ полонъ взялъ, и возвратился во градъ Себежъ...»

Побѣдивъ Соловья разбойника Илья спрашиваетъ его: «гдѣ твоя лежитъ злата казна? Отвѣчаетъ Соловей: лежитъ моя злата казна въ моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняютъ (туда) по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяцъ». Туда, въ жилье Соловья, и отправился Илья Муромецъ (Аѳан. III. 125).

Кромѣ того въ сборникѣ Аѳанасьева напечатано еще три сказки объ Ильѣ Муромцѣ, съ изустныхъ разсказовъ. Подъ № 175 (III. 128), въ сказкѣ новѣйшаго склада, разсказывается, какъ Илья Муромецъ до 18 лѣтняго возраста сиднемъ сидѣлъ; и вошелъ къ нему въ избу старичекъ божій: «нутка», говоритъ, «встань съ постели, да принеси мнѣ водицы». И всталъ Илья, и принесъ ему ковшъ воды; и заставилъ его старичекъ божій ту воду выпить.

«Слышишъ ли ты въ себѣ теперь силу?»—спрашиваетъ онъ Илью. «Слышу, старичекъ господень; еслибы утвердить въ землю кольце, то я кажись за это кольце ее бы повернулъ».

Тогда старичекъ приказалъ ему принести другой ковшъ воды; половину ковша этого онъ самъ выпилъ, а другую далъ выпить Ильѣ; силы у Ильи съ того полу-ковша и поубавилось.

«Ну будетъ съ тебя», сказалъ старичекъ божій, и пошелъ своей дорогой.

За тѣмъ начинаются подвиги Ильи: сперва онъ лѣсу съ корнемъ понавыворотилъ; потомъ, по приказу своего царя, ѣдетъ къ Королю его пріятелю; у этого де короля дочь красавица, и летаетъ къ ней двѣнадцатиглавый змѣй, и всю изсушилъ, и надо де ее отъ этого лиха избавить. Илья по дорогѣ къ Королю заѣзжаетъ къ тремъ Бабамъ-ягамъ, полонитъ Соловья разбойника, привозитъ его къ Королю, убиваетъ двѣнадцатиглаваго змѣя, и возвращается къ своему Царю, гдѣ встрѣчаетъ его, съ большими почестями, царская дочь, и выходитъ за него замужъ. Сказка эта сообщена Аѳанасьеву П. В. Кирѣевскимъ.

Въ другой сказкѣ (Аѳан. III. 425), тоже новѣйшаго склада, Илья является въ сообществѣ съ какимъ то Ѳедюхой Лыжниковымъ, подъ главною командой богатыря Ивана дурака. Всѣ они втроемъ приходятъ къ царю, и требуютъ у него дочь въ за-

мужество Ивану дураку; Царь высылаетъ на нихъ войско; Ѳедюха и Илья побиваютъ войско; Иванъ въ это время все валяется, да спитъ. Наконецъ высылаетъ Царь на нихъ своего богатыря Добрыню Никитича, отъ котораго Илья и Ѳедюха, со страху, дали тягу; устоялъ однако Иванъ богатырь; выхватилъ онъ свою саблю, и отсѣкъ Добрынѣ голову. Нечего дѣлать, отдалъ Царь свою дочь Ивану дураку.

Въ третьей сказкѣ (Аѳан. III. 429), богатыри Ѳома Беренниковъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ ѣдутъ выручать Короля Прусскаго противъ Царя Китайскаго. Илья съ Алешей побили его войско, а Ѳома главному Китайскому богатырю голову ссѣкъ. Король прусскій отдаетъ за него свою дочь за мужъ.

Въ 1-мъ выпускѣ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ, напечатаны слѣдующія любопытныя: *Отмѣтки изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ, В. И. Даля.*

«Отецъ Ильи—Иванъ Тимоѳеевъ; мать Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили, то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ него утвердить, я бы землю съ мѣста своротилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ вѣсти про Соловья разбойника, который промежь Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья задумывался, вздыхалъ и расспрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Что тебѣ до него, дитятко?»—говаривалъ отецъ—и Илья замолкалъ, но во снѣ и на яву все въ очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный. — Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купилъ у Корачаровскаго дьячка, шелудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утренникахъ, и вывалялся жеребенокъ конемъ

богатырскимъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утренню.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушалъ рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; кинулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ во утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе подвиги, а Иванъ Тимоѳеевъ недовѣрчиво усомнился, то онъ созвалъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку; подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею. Тогда родители его благословили, наложивъ однако заклятіе ѣхать не на Черниговъ-градъ, гдѣ залегъ Соловей, а объѣхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустилъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то, что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ исподъ копытъ богатырскаго коня живой ключь ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя Пророка Иліи.—На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетѣ черезъ Муромъ, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря; а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лѣсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что ращепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенья ножевые, Илья наѣхалъ остовъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который—гдѣ-то—и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ *освободилъ Кинешму отъ Литвы*, за что князь Кинешемскій и всѣ жители, кумирники, обратились въ Христіан-

ство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья-разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было столованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ, Соловья въ торокахъ привезъ. «Пріѣзжій дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется», рѣшили всѣ застольные богатыри, и пошли всѣ, съ великимъ княземъ и со княгиней Апраксѣевной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, въ сыромятныхъ путлищахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкѣ, на Черниговъ глядѣлъ; виситъ травянымъ мѣшкомъ, согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похожденія свои; девять сыновъ или зятьевъ Соловья, спасаясь отъ Ильи, обратились въ вороновъ, съ желѣзнымъ клювомъ, и живутъ понынѣ. Тутъ прискакалъ гонецъ исподъ Чернигова, съ вѣстью объ освобожденіи его Ильею, котораго повели почетно за княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрыней, съ Алешей Поповичемъ дружно жилъ; съѣзжался съ Калѣчищемъ перехожимъ, съ которымъ у *дьячка Корачаровскаго вмѣстѣ грамотѣ учился*; онъ-то надоумилъ Илью, что чудище *Полканище, Полканъ Полкановичь,* въ Кіевѣ *людей поѣдаетъ, по туриному жвачку жуетъ.* Илья обмѣнялся одежей съ Калѣкой и самъ, побираясь, прошелъ въ Кіевъ, былъ принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдѣ засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была обжорлива кобыла, да не много нажила: разорвало ее, волчью сыть.» Полканъ обругался, прибавивъ: — Каковъ-то у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы на него поглядѣлъ, и того бы ногтемъ прикрылъ, такъ бы только мокренько стало. — «А вотъ онъ каковъ», отозвался Илья, ударивъ Полкана

шляпою Калѣки перехожаго по головѣ: и вогналъ ему голову промежь плечъ, раскололъ на двое *пса-богатыря.*

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-орла,—но вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пѣсняхъ».

П. В. Безсоновъ прибавляетъ съ своей стороны слѣдующую замѣтку: Я слышалъ слѣдующій разсказъ о кончинѣ Ильи. Ѣздилъ онъ съ Добрыней и Алешей, наѣзжалъ на диво — Невеличку, поборолся; Невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крякнулъ: «невелика, говоритъ, птичка, а носокъ востёръ». Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. «Полѣзай», говорятъ Алёшѣ; Алёша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталъ Добрыня: гробъ ему узокъ. «Видно гробъ по мнѣ», сказалъ Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возьмись каменная крыша, захлопнула его накрѣпко. Кричитъ оттуда Илья, крышу силятся своротить, крыша не подается. «Берите мой мечь кладенецъ, рубите имъ!» Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. «Рубите обручи!» — Рубятъ, — а ихъ стало четыре, потомъ шесть. «Пришелъ мнѣ конецъ», послышался голосъ Муромца: «прощайте, товарищи!» Раздѣлилъ онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанью, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ».

II. Илья Муромецъ по былинамъ [2]) и преданіямъ.

1. Молодость Ильи. Въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ

---

[2]) Названіе *былины* попадается и въ древнихъ литературныхъ памятникахъ, напримѣръ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старъми словесъ трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича! начати же съ той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію бояню». Въ другомъ словѣ, о Задонщинѣ: «Лудчи бо намъ, братіе, на-

Корачаровѣ[2 а]) (по другимъ пересказамъ въ городѣ Кряковѣ, въ селѣ во Березинѣ[3]).—Рыбн. III. 13) у крестьянина Ивана Ивановича (по другому преданію Ивана Тимоѳеевича и Ефросиньи Яковлевны.—Кирѣев. I. прил. XXXII) было дѣтище Илья Муромецъ (Рыбн. I. 34). И сидитъ Илья Муромецъ сиднемъ[4]) трид-

чати повѣдати иными словесы... начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ (Изв. II. Отд. А. Н. VI. 345). Конечно названіе *былины* употреблено здѣсь въ томъ значеніи, что составитель словъ будетъ излагать не простые поэтическіе вымыслы, а то, что случилось въ дѣйствительности, и не имѣетъ прямаго отношенія къ нашимъ *поморскимъ былинамъ*, которыя, какъ замѣчаетъ Буслаевъ, составлялись часто многими столѣтіями позднѣе тѣхъ событій, о которыхъ повѣствуютъ, и воспѣваютъ старину по старой памяти, но на новый ладъ (В. Буслаевъ, Разборъ кн. о былинахъ В. Стасова: 12-е присужд. Уваровск. премій, 55).

[2 а]) Память и преданія объ Ильѣ Муромцѣ сохранились, по свидѣтельству нашихъ археологовъ, въ мѣстѣ его рожденія и до настоящаго времени. Въ предисловіи къ пѣснямъ И. Кирѣевскаго, П. В. Безсоновъ приводитъ разсказъ В. И. Даля о томъ, что въ селѣ Корочаровѣ, упоминаемомъ въ сказкѣ, есть крестъ Ильюшинъ и живутъ крестьяне Ильюшины (XXXII стр. I-го т.), которые, по увѣренію г. Авенаріуса, производятъ родъ свой отъ Ильи Муромца (Былины, XI). Близь этого села находится деревянная церковь Ильи Пророка, построенная въ 1601—1604 г., въ память моровой язвы (Ежегодникъ Владим. Губ. Статистич. Комит. I. 1875 г., вып. 1, стр. 238—242); стоитъ она возлѣ дороги, пролегающей изъ Мурома въ Касимовъ. Эта Комаринская, или точнѣе Комарицкая, дорога идетъ отъ г. Рязани по полямъ и лѣсамъ, не касаясь деревень; на перекресткахъ ея съ другими дорогами поставлены Пятницы, т. е. часовни съ иконами (Макаровъ, 23). О Комарицкой волости, какъ о волости забѣглыхъ людей и разбойниковъ, говорится во многихъ старинныхъ граматахъ. Изъ нея по всей вѣроятности выбѣжалъ и комарицкій мужикъ, съ своей знаменитой комарицкой пляской.

[3]) Въ былинахъ упоминаются еще королевичи изъ г. Крякова, изъ села Березова, со улицы со Рогатицы (Гильфердингъ, 2534) и Василій Королевичъ, изъ города Крякова, изъ села Карачаева (Гильферд. 898).

[4]) В. В. Стасовъ приводитъ примѣры такихъ сидней: одного (изъ пѣсни Сибирскихъ Киргизовъ) Акъ-хана, который просидѣлъ, невставая съ мѣста, 70 лѣтъ; другаго (изъ пѣсни Минусинскихъ Татаръ) Канакъ-Калеша, который пролежалъ 40 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, покрытый камнемъ (О происх. былинъ, стр. 653.—См. тоже Radloff. II. 387; Schiefner, Heldensagen. 424). При этомъ В. В. Стасовъ замѣчаетъ, что Илья Муромецъ сидитъ сиднемъ, въ бездѣйствіи, не отъ недостатка, а отъ избытка силъ (655). Илья, выпивъ воды, говоритъ, что у него сила великая; но не гоговитъ, чтобы силы у него отъ воды *прибавилось*, а послѣ третьяго раза у него силы поубавилось наполовину. Разсказъ этотъ напоминаетъ легенду о Рустемѣ (изъ Шахъ Наме): Рустемъ получилъ первоначально отъ Бога такую силу, что когда становился на камень, обѣ ноги его углублялись туда. Его печалила такая чрезмѣрная сила, и онъ сталъ просить

цать лѣтъ (Рыбн. I. 34; по другому пересказу 33 года.—Кир. I. 1. 3), за грѣхи своего дѣда (Кир. I. XXXII). По сказкѣ и преданію учился онъ грамотѣ, вмѣстѣ съ калечищемъ (Кирѣев. I. прил. XXI. XXXIV. Сказка № 1, стр. 6) въ школѣ у Карачаровскаго дьячка [5]).

2. Приходъ Каликъ. Разъ, когда родителей Ильи не было дома, приходятъ къ нему Калики, самъ Христосъ съ двумя апостолами (Кирѣев. II. 1); по другимъ пересказамъ двое Каликъ (Рыбн. I. 34; Гильферд. 646); по третьимъ одинъ старичекъ божій (Кир. II. 1), и приказываютъ они ему: «ты поиди Илья, принеси испить!» [6])

«Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ», отвѣчаетъ Илья.

«Ты вставай Илья, насъ не обманывай!» говорятъ Калики; всталъ Илья, принесъ имъ чашу въ полтора ведра (воду, квасъ.—Рыбн. III. 16; питье медвяное.—Рыбн. I. 34, или же чанъ съ пивомъ, который «осмерыми не могли прежде стащить»—Кир. I. 2).

И приказали ему Калики выпить чашу; и выпилъ Илья первую чашу [7]). «Многоли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»—спрашиваютъ его Калики; «а еслибы отъ земли столбъ былъ до неба, къ столбу было золото́ кольцё, за кольцё бы взялъ, Святорускую

создателя, чтобы тотъ взялъ у него часть его силы, для того, чтобы ему можно было ходить по дорогамъ. Пресвятый Богъ убавилъ у него силы. Но когда въ единоборствѣ съ богатыремъ Соградомъ Рустемъ былъ побѣжденъ, тогда онъ пошелъ къ находившемуся тамъ протоку, выпилъ изъ него воды, омылъ себѣ лице, тѣло и голову, и потомъ обратился съ такой молитвой къ Богу: О всемогущій и пресвятый Боже! Отдай мнѣ ту силу, какую вначалѣ даровалъ мнѣ! И Богъ отдалъ ему прежнюю силу и увеличилъ ее настолько же, насколько прежде убавилъ (655). Такъ и у Ильи Калики силы не прибавили, а убавили; впослѣдствіи же, когда въ томъ случилась надобность, прежняя сила, была возвращена Ильѣ вслѣдствіе молитвы его Николаю Чудотворцу.—У О. Миллера приведены указанія на сидней въ германскомъ эпосѣ (Илья Муромецъ, 174).

[5]) Грамотѣ Илья зналъ, и самъ даже на камнѣ надписи дѣлалъ; см. ниже его поѣздки.

[6]) Сказаніе о чудесныхъ странникахъ и богахъ въ видѣ странниковъ приведены у О. Миллера по Гримму (Илья Муромецъ, 177; Grimm, D. Mythol., Vorrede. XXXIV).

[7]) У В. В. Стасова приведено множество примѣровъ (стр. 654 и 655), изъ древнихъ легендъ, въ которыхъ богатырь получаетъ новую силу отъ воды и

(землю) поворотилъ», отвѣчаетъ Илья [8]). И заставили Калики Илью выпить другую чашу; и съ этой чаши у него силы убавилось на половину (Кир. I. 2).

Въ другомъ пересказѣ старецъ проситъ у Ильи подъ окномъ милостыню; «я сиднемъ сижу тридцать лѣтъ», говоритъ ему сперва Илья; на вторую просьбу старца онъ встаетъ съ мѣста и подаетъ ему большой хлѣбъ; но старецъ уже пропалъ изъ виду. Тогда сталъ Илья силу пробовать: схватилъ онъ чанъ пива, который только въ силу было семерымъ или восьмерымъ поднять, да и поставилъ его на чердакъ (Кирѣев. IV. 2).

Прощаясь съ Ильей, Калики заказали ему драться съ Святогоромъ богатыремъ, — «его и земля на себѣ черезъ силу носитъ»; съ Самсономъ богатыремъ, — «у него на главѣ семь власовъ ангельскихъ»; съ родомъ Микуловымъ (Селяниновича), — «его любитъ матушка сыра земля», и съ хитрымъ богатыремъ Вольгой Сеславичемъ; при этомъ Калики объявили Ильѣ, что смерть въ бою ему не писана (Рыбник. I. 35) [9]).

другихъ напитковъ. Въ Гаривансѣ, Рама (воплощеніе Бога Вишну), отправляя на богатырскіе подвиги Кришну съ его братомъ Санкаршаной, даетъ имъ выпить молока отъ своей коровы.., отъ котораго они получаютъ новую силу. Тамъ же мать Кришны, Прадіумна, поитъ его чудодѣйственными напитками, отъ которыхъ онъ получаетъ необыкновенно быстрый ростъ и силы. Въ Магабаратѣ, богатырь Бнима, выступая на послѣдній рѣшительный бой съ богатыремъ Карной, пьетъ напитокъ, который удвоиваетъ его силу (Holzmann, Ind. Sagen, I. 125). Въ одной литовской сказкѣ три дѣвы подземнаго царства, чтобы дать герою силы для поднятія волшебнаго меча, велятъ ему выпить цѣлый сосудъ «воды-силы» (Schleicher, Littauische Märchen, 136. 137). Германо-скандинавскій Сигурдъ пьетъ напитокъ, подносимый ему женщинами—эльбами, и чрезъ это получаетъ силу, равную силѣ 12 человѣкъ (Grimm, Deut. Mythol. I. 345). Рустемъ получаетъ прежнюю свою силу тоже отъ воды. Въ Германскихъ былинахъ Тролль тоже даетъ Королевичу выпить изъ рога, чтобы надѣлить его силою (Буслаевъ, Очерки, I. 25).

[8]) Въ одномъ «прѣніи живота и смерти» по списку XVI в., подобныя слова говоритъ смерть: Самсонъ сильныи не богатырь ли былъ не силен ли был такъ говорилъ еще было колце вземлю вдѣлано и я бы всѣмъ свѣтомъ воротилъ да и того я взяла (Некрасовъ, Рѣчь произнес. въ Новоросс. Университ. Авг. 1869 г., стр. 28).

[9]) Сербскій герой Марко Королевичъ тоже не могъ быть убитъ рукою богатыря; его могъ погубить одинъ Богъ (Dozon, Poésies popul. des Serbes, 108). Точно также не умираютъ и западные герои: Карлъ великій, Барбароса,

3. Приготовленія Ильи къ подвигамъ. Послѣ ухода Каликъ Илья какъ въ былинахъ, такъ и въ сказкѣ, отправляется силу пробовать: выворачивать дубы съ корнемъ (Рыбн. I. 35) и чистить займище[10]) (Гильфер. 648); по другому пересказу Илья, проводивъ Каликъ до бугра, залегъ спать, и спалъ 12 дёнъ (Кир. I. 2).

Затѣмъ сталъ Илья готовиться къ подвигамъ: покупаетъ себѣ шелудиваго[11]) жеребенка у мужика (по В. Далю у Корочаровскаго дьячка за три деньги.—Кирѣев. I. XXXII; по другимъ пересказамъ за пятьдесятъ съ полтиною.—Рыбн. I. 25); выкармливаетъ его пшеничнымъ тѣстомъ (Рыбн. I. 25), пшеномъ бѣлояровымъ, поитъ водой ключевой, и выкатываетъ въ три росы[12]). Грива у бурушки выросла «трехъ локоть», хвостъ въ три сажени, а шерсть трехъ прядей[13]) (Гильф. 1855), и когда бурушка (тучападушко.—Рыбн. IV. 16) сталъ исправно черезъ тынъ и въ ту и въ другую

Артуръ, мудрецъ Мерлинъ, финскіе богатыри: они засыпаютъ въ глубокихъ пещерахъ, гдѣ, погребенные подъ гранитными глыбами, ожидаютъ, когда придетъ ихъ время (Rambaud, 81).

[10]) У В. Стасова приведенъ подобный же разсказъ изъ цейлонскихъ буддійскихъ книгъ «Магаванзо», въ которомъ богатырь Готінмбира, будучи еще мальчикомъ, имѣлъ необыкновенную силу, но не хотѣлъ ходить на работу. Однажды шесть братьевъ, расчищавшіе поле и рубившіе толстыя деревья, для того, чтобы потомъ засѣять его, оставили часть земли нерасчищенною: пускай, дескать, тамъ поработаетъ младшій братъ. Готінмбира пошелъ на поле, вытаскалъ съ корнями всѣ стоявшія тамъ деревья, будто это были какія-нибудь коренья, и выворотилъ всю почву мотыкой... Послѣ того онъ отправился на царскую службу (Стасовъ, 653; Turner, The Mahawanso. Ceylon. 1837, I. 140).

[11]) У Марка Королевича, въ Сербской пѣснѣ, тоже былъ паршивый конь, Шарацъ, котораго онъ излечилъ виномъ; такіеже паршивые кони были и у многихъ другихъ богатырей (Angelo de Gubernatis, Mythologie zoologique, P. 1874. I.). И Еруслань, уходя изъ дома, взялъ съ собою коростовую клячу (I. 44).

[12]) Купанье въ росѣ, для пріобрѣтенія силы, встрѣчается и въ германскомъ эпосѣ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 182).

[13]) Наши древніе князья особенно дорожили своими конями: князь Андрей даже приказалъ любимаго коня своего, павшаго въ битвѣ, похоронить «надъ Стрыемъ» (Ипатьев. Лѣт. 47); про нѣкоторыхъ знаменитыхъ коней въ лѣтописяхъ даже означено, какой они были масти; такъ у Мстислава былъ конь *сивый*, у Даніила—*гнѣдой* (Ипатьев. 161. 174); у сербскаго Молочилы былъ конь крылатый (Буслаевъ, Разб. на 12-ю Уваров. премію, 68 и 69). Въ сказкѣ о Еруслан ѣ Лазаревичѣ конь названъ Арашемъ (въ персидскомъ оригиналѣ Ракшъ), а подъ Ивашкой конь сивъ, алый тягиляй (I. 44), какъ это замѣчено В. В. Стасовымъ.

сторону перескакивать, Илья осѣдлалъ его сѣдломъ черкаскимъ, на двѣнадцать подпругъ шелковыхъ, на 13-ю, на булатахъ «не для красы, а для крѣпости»; взялъ плетку шелковую, добылъ саблю вострую, копье мурзамецкое [13 а]),—только видѣли богатыря сѣдучись, да не видѣли его ѣдучись (Гильф. 984).

Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ
Пробиваетъ кожу до чернаго мяса,
Ретивой его конь осерчается,
Прочь отъ земли отдѣляется;
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго
Чуть по ниже облака ходячаго
Первый скокъ скочилъ 15 верстъ,
Въ другой скочилъ колодезь сталъ (Кир. I. 35) [14]).

Летитъ бурушка, въ каждый скокъ дѣлаетъ версту мѣрную (Рыбн. I. 45).

По былинѣ, записанной Гильфердингомъ въ Кижахъ, Илья добываетъ себѣ коня другимъ способомъ; послѣ очистки займища онъ находитъ *неподвижный* камень, на которомъ была такая надпись: «сопри камень съ мѣста, подъ нимъ найдешь ты коня богатырскаго, соболиную шубку, шелковую плеточку и булатную палицу». И нашелъ Илья все то подъ камнемъ, и когда сѣлъ на коня, то конь сперва спросилъ его человѣческимъ голосомъ: «можешь ли Илья владѣть конемъ богатырскимъ?»—а потомъ объявилъ ему, что это Господь послалъ ему и коня богатырскаго и ангеловъ милостивыхъ, которые дали ему руки, и ноги, и что смерть ему въ бою не написана (Гильф. 649).

[13 а]) Такоеже сѣделечко черкаское и плеточку шелковую беретъ и Еруcланъ Лазаревичъ (I. 45). Выдѣлкой оружія и конской сбруи издавна занималось кавказское племя Кубечей (Савельевъ, Мухамед. нумизм. въ отношеніи къ русск., LVIII. LIX.).

[14]) Между урочищами города Мурома и теперь еще называютъ горы: богатыреву и скаковую. Три ускока=три шага встрѣчаются въ Индійскихъ былинахъ (В. Стасовъ, Вѣстн. Евр., Янв. 1868. 206) и въ германскихъ (О. Миллеръ, 261).

Передъ отъѣздомъ на подвиги, Илья испросилъ благословеніе отъ родителей, съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ:

Помолиться чудотворцамъ Киевскимъ,
Заложиться за Князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой — правдою,
Постоять за вѣру христіанскую (Кир. I. 34).

Благословили его родители, взявъ съ него зарокъ:
«Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина
Не пролей въ пути крови христіанскія» (Кир. I. 34. 41)[15]).

4. Встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ богатыремъ, отъ котораго Илья получаетъ новую силу, а затѣмъ и самая смерть Святогора разсказаны въ особой пѣсни, записанной Рыбниковымъ на Кижскомъ погостѣ (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ). Разсказа этого нѣтъ ни въ сказкѣ, ни въ другихъ былинахъ. Выѣхалъ Илья въ чистое поле, смотритъ шатеръ стоитъ, а въ шатрѣ богатырская кровать, десять сажень вдлинну, и шесть въ ширину; вошелъ Илья въ шатеръ, легъ на кровать, и заснулъ, — «сонъ богатырскій крѣпокъ», — заснулъ на три дня и три ночи.

«На третій день услыхалъ его добрый конь великій шумъ изъ подъ сѣверной сторонушки: Мать сыра земля колыбается, темны лѣсушки шатаются, рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.... Ѣдетъ къ шатру Святогоръ Богатырь». Насилу конь добудился Ильи; всталъ Илья, да со страху скорѣе отъ Святогора на дубъ залѣзъ, спрятался. Видитъ онъ — «ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго, головой упираетъ подъ облаку ходячую, на плечахъ везетъ хрустальный ларецъ. Пріѣхалъ онъ къ сыру дубу, снялъ съ плечь хрустальный ларецъ, отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ: выхо-

[15]) Точно такъ, замѣчаетъ О. Миллеръ, приказываетъ Мономахъ въ своемъ завѣщаніи: ни праваго ни виноватаго не убивайте и не повелѣвайте убить, хотя бы онъ и заслуживалъ смерти, все таки не губите никакой души христіанской (О. Буслаевъ, Хрестоматія, 243; О. Миллеръ, Опытъ, 281).

дитъ оттоль жена богатыря. Такой красавицы набѣломъ свѣтѣ не видано и не слыхано: ростомъ она высокая, походка у ней щапливая, очи яснаго сокола, бровушки чернаго соболя, съ платьица тѣло бѣлое.... и пошелъ съ женою Святогоръ, проклаждатися въ разныя забавы заниматися. Тутъ богатырь и спать—заснулъ» (Рыбниковъ, I. 37). Красавица между тѣмъ вышла въ поле и запримѣтила Илью на дубѣ. «Ступай сюда, дѣлай со мною любовное, не то разбужу Святогора и обнесу тебя», говоритъ Ильѣ. Нечего дѣлать, слѣзъ Илья съ дуба, сотворилъ съ дѣвкой любовное[16]).

[16]) Разсказъ этотъ заимствованъ цѣликомъ изъ 1-й главы арабскихъ сказокъ 1001 ночи: Шахріаръ и Шахзенанъ, убѣдившись въ невѣрности своихъ женъ, отправились путешествовать, чтобы разсѣять свое горе. Дорогой сѣли они отдохнуть у моря, вдругъ слышатъ страшный шумъ и крикъ, который привелъ ихъ въ такой страхъ, что они поспѣшили спрятаться, и залѣзли на дерево. Море всколебалось и вышелъ изъ него точно черный столбъ, который доходилъ до облаковъ. Это былъ громадный великанъ, который несъ на головѣ большой хрустальный ларецъ, запертой на четыре стальные замка.

Великанъ опустилъ ларецъ на землю и отперъ его золотымъ ключемъ; изъ ларца вышла дама въ богатой одеждѣ, высокаго роста и чудной красоты. Поговоривъ съ нею о своей любви, великанъ улегся спать; онъ положилъ свою огромную голову на колѣна красавицы, протянулъ ноги до самого до моря, и захрапѣлъ на весь берегъ.

Въ это время дама нечаянно взглянула на верхъ и увидила обоихъ Шаховъ; она тотчасъ же приказала имъ сойдти съ дерева и сотворить съ ней любовь, стращая въ случаѣ несогласія ихъ на это, разбудить великана и погубить ихъ. Удовлетворивъ свое желаніе, красавица выпросила у каждаго изъ Шаховъ по перстню и спрятала ихъ въ коробочку, въ которой было уже нанизано на снуркѣ 98 разныхъ драгоцѣнныхъ перстней. «Видите ли вы эти перстни», сказала она имъ, «я выпросила ихъ на память отъ тѣхъ 98 мужчинъ, съ которыми я имѣла связь; съ вашими двумя перстнями число ихъ дойдетъ до сотни. Такимъ образомъ, не смотря на то, что великанъ постоянно сторожитъ меня, запираетъ въ хрустальный ларецъ и держитъ на днѣ морскомъ, я таки успѣла позабавиться съ сотней любовниковъ; вы видите изъ этого, что захочетъ женщина, то и сдѣлаетъ, несмотря ни на мужа, ни на любовника; лучшебы мужьямъ не стеречь своихъ женъ, жены сдѣлались бы тогда благоразумнѣе». О сходствѣ сказки 1001 ночи съ былиной о Святогорѣ замѣчаетъ и Ralston, въ своихъ «The Songs of the russian people» (Lond. 1872, 60), и Rambaud, въ «La Russie épique» (Paris 1876, стр. 50). О. Миллеръ приводитъ разсказъ на эту же тему изъ персидскаго сборника Тутти Наме (XIV в.; сокращенная передѣлка его XVII в.): однажды увидѣлъ одинъ человѣкъ въ степи слона съ носилками на спинѣ. Съ испугу онъ взлѣзъ на дерево. Слонъ случайно подошелъ къ томуже дереву, стряхнулъ со спины носилки и пошелъ себѣ далѣе пастись въ полѣ. Вдругъ упомянутый человѣкъ замѣчаетъ на носилкахъ прекрасную

Потомъ взяла она Илью, да и посадила Святогору въ карманъ. Когда Святогоръ проснулся, заперъ красавицу свою въ ларецъ и поѣхалъ въ поле, конь началъ спотыкаться и жаловаться, «что де трехъ приходится везти; жену твою да двухъ богатырей»; тогда Святогоръ вытащилъ Илью изъ кармана; Илья разсказалъ ему подробно все какъ было; Святогоръ убилъ свою красавицу, а Илью назвалъ меньшимъ братомъ (Рыбн. I. 40).

Святогоръ привезъ Илью къ себѣ въ гости, и говоритъ ему: «Когда приведу тебя къ батюшкѣ, ты руки ему не подавай, накали желѣзо да и подай». Такъ и сдѣлалъ Илья. Какъ захватилъ великій старикъ, отецъ Святогора, желѣзо, такъ и сдавилъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука Илья, хорошій ты богатырь» (Рыбник. III. 6)[17]). У Д. И. Минаева разсказъ этотъ записанъ въ другой редакціи: передъ поѣздкою въ Кіевъ Илья идетъ на поклонъ къ богатырю Старчищу Билогремлищу[18]), который въ былое время носилъ на головѣ колоколъ въ 300 пудъ, и билъ въ него булавой, скликая свою дружину. Отецъ Ильи говоритъ

женщину; онъ сходитъ съ дерева и старается заслужить ея благосклонность; и ей онъ понравился, и она начала говорить съ нимъ именно такъ, какъ надобно было для достиженія общей ихъ цѣли. Коротко сказать, они удовлетворили обоюднымъ желаніямъ. Далѣе говорится о томъ, какъ она вынула изъ кармана шнурокъ съ узелками и сдѣлала на немъ новый узелъ. На вопросъ же его, что это, она отвѣчала: мой мужъ чародѣй, обернулся слономъ и носитъ меня на спинѣ своей по полю, и между тѣмъ не смотря на то, что онъ сторожитъ меня такимъ образомъ, я уже позабавилась съ цѣлой сотней мужчинъ (столько и узелковъ на шнуркѣ). О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 166.

[17]) Гриммъ приводитъ сказку о слѣпомъ великанѣ, которому, вмѣсто руки, подали раскаленный жезлъ; стиснувъ его, великанъ завопилъ: «не велика же у васъ сила» (D. Mythol. 907). У О. Миллера (Илья Муромецъ, 290) и А. Рамбо (La Russie épique, P. 1876, 50) приведены другіе примѣры, болѣе отдаленнаго сходства, изъ германскихъ и индѣйскихъ источниковъ. Въ еврейскихъ сказаніяхъ есть разсказъ на этотъ же мотивъ: когда Іаковъ пріѣхалъ въ Египетъ къ Іосифу, то Іосифъ, зная страшную силу отца своего, подсунулъ ему, на первомъ свиданіи, вмѣсто себя, деревянный столбъ; слѣпой Іаковъ такъ сильно сжалъ этотъ столбъ, что изъ него потекъ сокъ. Не употреби Іосифъ этой хитрости, Іаковъ въ пылу радости задушилъ бы его въ своихъ объятіяхъ.

[18]) Это старчище билогремлище (передѣланное изъ старчища пилигримища) напоминаетъ старчище изъ сказки о новгородскомъ богатырѣ Васькѣ Буслаевѣ. Старецъ пилигримъ является дѣйствующимъ лицемъ и въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (I. 97).

ему, чтобы не подавалъ своей руки старчищу, не то сдѣлаетъ онъ изъ нея бросовую рукавицу; такъ и сдѣлалъ Илья, и на зовъ старика дать ему руку, попытать, горяча ли у него кровь, Илья попросилъ погрѣться съ мороза, а между тѣмъ накалилъ свою мѣдную палицу въ 25 пудъ въ печи, да и подалъ ее старчищу. Жметъ старчище палицу, только искры сыплются, да послѣ каждаго жома глубокіе перехваты остаются. «Ну», говоритъ, «Ильюшка, горяча твоя кровь, а супротивъ нашей не будетъ» (Ст.: Допетровская женщина, Библ. для чтенія 1864 г. IX. 8, съ разсказа 1822 г.—Л. Майковъ, Журн. Мин. Народ. Просв. 1868. Май, 624).

У Гильфердинга первое знакомство Ильи Муромца съ Святогоромъ описывается иначе: засталъ его Илья на конѣ въ чистомъ полѣ и подумалъ: это должно быть богатырь недобрый; напустилъ онъ на него коня и ударилъ по головѣ палкой; думаетъ убилъ богатыря съ конемъ; а богатырь сидитъ себѣ и назадъ не оглянется; ударилъ его Илья во второй разъ, — таже исторія; только послѣ третьяго удара Святогоръ назадъ обернулся, сказавъ: «я думалъ кусаютъ русскіе комарики, а тутъ славный богатырь Илья Муромецъ» [19]); и взялъ онъ Илью и съ конемъ на три дня въ карманъ къ себѣ посадилъ (Гильферд. 2001) [20]). Тоже самое разсказывается у К. Аксакова (по устному преданію):

---

[19]) Въ *младшей эддѣ* (германск. поэмѣ) Торъ ударяетъ молотомъ по головѣ спящаго великана Скримира. «Это должно быть листокъ упалъ», замѣчаетъ проснувшійся Скримиръ. Торъ ударяетъ его второй разъ, еще сильнѣе. «Это должно быть жолудь попалъ мнѣ въ лице», промычалъ великанъ, и опять засвулъ. Еще сильнѣе ударяетъ его Торъ въ третій разъ; великанъ, пробудившисъ, почесалъ себѣ щеку и произнесъ: «надо мною тамъ, на деревѣ, должны быть птицы и пометъ ихъ падаетъ съ вѣтвей мнѣ на голову» (Grimm, D. Mithol. 508. 509; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 170). Подобнымъ же великаномъ, по Талмуду, является Адамъ, который, въ первые дни своего созданія, былъ такъ громаденъ, что распростерся отъ востока до запада и касался тверди небесной (Bartoloni, Biblioth. rabbinica, I. 65).

[20]) Германскій Торъ тоже ночуетъ въ пальцѣ перчатки богатыря Скримира. Сажаніе въ карманъ встрѣчается и въ Эстонской поэмѣ (О. Миллеръ, 181). Мотивъ этотъ употребляется тоже въ пѣсняхъ и легендахъ народовъ тюркскаго племени; онъ часто встрѣчается и въ пѣсняхъ нашихъ южно-сибирскихъ народовъ (См. Radloff, Proben, I. 395. 398; В. Стасовъ, 667).

Илья Муромецъ, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не имѣя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать его, гору, и лежитъ на ней. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря, и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучокъ», говоритъ богатырь. — Илья, напрягши всю свою силу повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца, и сказалъ ему: «а это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь какой я уродъ: меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней (Кирѣев. I. XXXI)[20 a]).

Ѣдутъ Илья со Святогоромъ къ сивернымъ горамъ,—стоитъ на дорогѣ гробъ, а на немъ подпись: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Легъ въ него сперва Илья; не по немъ пришелся; за нимъ легъ Святогоръ; гробъ какъ разъ точно для него сдѣланъ; прикрылъ себя Святогоръ крышкою, а ужъ потомъ и не могъ ее долой поднять; не могъ ее поднять и Илья[21]). Говоритъ ему Святогоръ: «руби крышку моимъ мечомъ-кладенцомъ»; да не подъ силу пришелся тотъ мечъ Ильѣ. Тогда Святогоръ подулъ на Илью въ щелочку богатырскимъ духомъ, и прибыло въ Ильѣ силы, противъ прежняго втрое; сталъ онъ рубить крышку, да гдѣ ударитъ, — тутъ желѣзный обручъ поперегъ гроба и ляжетъ.

«Наклонись ка къ щелочкѣ», говоритъ ему Святогоръ, «чувствую свой конецъ, я тебѣ всю силу свою передамъ».

«Будетъ съ меня силы, большой братецъ», отвѣчалъ Илья, «а то и земля носить перестанетъ».

---

20 a) Это повтореніе исторіи Тора со спящимъ великаномъ.

21) У Гильфердинга записана пѣсня, въ которой тоже самое происходитъ между богатырями Святогоромъ и Самсономъ Самойловичемъ (стр. 646); а по сказочнымъ преданіямъ въ гробъ ложится Илья Муромецъ (Кирѣев. I. XXXIV).

«Хорошо сдѣлалъ, что не послушалъ меня», промолвилъ Святогоръ, «а то я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты легъ бы мертвъ подлѣ меня» (Рыбниковъ I. 40)[22].

---

[22]) Въ сборникѣ Гана (Griechische und albanesische Märchen, Leipzig 1864, I. № 3) есть сказки о Прекрасномъ и о великанѣ Дракѣ, представляющія, по замѣчанію О. Миллера, поразительное сходство съ разсказомъ о Святогоровой гробницѣ. Король даетъ Прекрасному разныя трудныя порученія: онъ долженъ украсть у великана Драка коня, одѣяло со звонками и т. д. Благодаря глупости великана, Прекрасный исполняетъ всѣ эти порученія; тогда король приказываетъ ему достать самаго великана; Прекрасный проситъ только двухлѣтняго срока, чтобы отростить бороду, съ которой великанъ не узнаетъ его. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ отправляется въ путь и, въ усугубленіе предосторожности, мѣняется платьемъ съ встрѣчнымъ каликою (подобно Ильѣ Муромцу). Дракъ въ это время дѣлалъ ящикъ; онъ не узнаетъ Прекраснаго. «Что это ты тутъ дѣлаешь», спрашиваетъ его Прекрасный. «Да вотъ натворилъ у меня всякихъ бѣдъ Прекрасный, такъ я и готовлю для него этотъ ящикъ: какъ удастся поймать, такъ и запру его». — «Знаю я этого негодяя», возражаетъ Прекрасный, «вѣдь онъ то меня и привелъ въ нищету; только этотъ ящикъ малъ для него». «Помилуй» отвѣчаетъ Дракъ, онъ и для меня довольно великъ». «Да вѣдь Прекрасный почти съ тебя ростомъ; поди ка, попробуй, коли ты туда влѣзешь, такъ влѣзетъ и онъ». Вотъ тутъ Дракъ и улегся въ ящикъ, Прекрасный же закрылъ крышку и закричалъ: «поприжми же, чтобы видѣть, не треснетъ ли ящикъ».

Дракъ нажалъ, что есть мочи, и закричалъ, въ свою очередь: «крѣпко, крѣпко, только открой поскорѣе». Прекрасный же, вмѣсто того, еще крѣпче прибилъ крышку гвоздями, взвалилъ себѣ ящикъ на спину, и понесъ къ королю.

Этому послѣднему захотѣлось взглянуть на Драка; прорѣзалъ онъ себѣ дыру въ ящикѣ, до пришлась она какъ разъ противъ рта великанова, и чуть король заглянулъ туда, Дракъ проглотилъ его.

Въ примѣчаніяхъ своихъ (во II части) Ганъ приводитъ четыре пересказа этого сказанія: въ одномъ изъ нихъ Прекрасный нанимается къ Драку въ работники; въ другомъ Прекрасный, подъ именемъ Костанти, переодѣтый каликою, начинаетъ рубить платановое дерево, красующееся противъ башни великана, чтобы сдѣлать изъ него *гробъ* для врага великанова и якобы своего. Великанъ до того радъ, что самъ выдѣлываетъ гробъ и самъ ложится въ него, для примѣра. Наложивъ крышку, Костанти относитъ гробъ къ королю, и предлагаетъ ему приподнять его. «Отворить же крышку», говоритъ, «прикажи старшему моему брату» (его ненавистнику). Народъ сходится отовсюду, чтобы присутствовать при этомъ открытіи. Когда же братъ Костанти отворяетъ гробъ, великанъ проглатываетъ его, а самъ убѣгаетъ домой, гдѣ находитъ жену свою, которая передъ тѣмъ была засажена хитрымъ Костанти въ печь (Рыбниковъ, IV. III). На сходство этой сказки съ былиною Святогора уже указывалъ Аѳанасьевъ (Поэтич. воззр. Славянъ. I. 589).

Въ сказаніяхъ Кашубовъ есть одна повѣсть, въ которой портной съ великаномъ срубили дубъ и сдѣлали изъ него большой гробъ; сперва легъ въ него

«А теперь съѣзди ты на Палавонскую гору, къ моему древнему батюшкѣ, и попроси у него для меня прощенія». Пріѣзжаетъ Илья къ отцу Святогорову съ нерадостною вѣстью, — заподозрилъ его отецъ Святогоровъ: «знать убилъ ты Святогора», говоритъ онъ ему, и хочетъ самаго его убить палицею; но Илья тутъ увернулся, а старикъ образумился, и далъ онъ Ильѣ вѣчное прощеніе своему сыну; и привезъ Илья Святогору отцово прощеніе, простился съ нимъ; и «кончился Святогоръ» (Гильферд. 9). По другому пересказу, Илья съ отцемъ Святогора пріѣхали на святыя горы и сталъ Святогоръ преставляться, пошелъ отъ него великій потъ; и лизнулъ того пота Илья два раза, а въ третій разъ не лизнулъ; и преставился Святогоръ (Гильф. 1201). Или же: пошла отъ Святогора пѣна, и сказалъ Святогоръ Ильѣ: «ты лижи мою пѣну, и не станешь ты бояться никакого сильнаго богатыря» (Гильф. 1218). Передъ смертію Святогоръ завѣщалъ Ильѣ Муромцу свой мечъ кладенецъ (Рыбн. I. 42).

5. Три поѣздки Ильи Муромца. Отправляясь на подвиги, Илья прежде всего выѣзжаетъ на конѣ *погулять по дикой степи*; и наѣхалъ онъ: посередь трехъ дорогъ [23]) лежитъ горючъ камень (сервалюцъ-камень.—Рыбн. IV. 16), а на камнѣ томъ подписано: «по правой ѣхать богату быть, по лѣвой женату быть, а по средней быть убитому»!

«Мнѣ жениться не во молодости», разсудилъ Илья, «да и худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ (Рыбн. III. 40); богатство не къ радости, — поѣду по середней дорогѣ: убить меня нé за что»; и наѣхалъ онъ на станичниковъ (камышничковъ.—Кирша

портной, но гробъ пришелся ему не по мѣркѣ; тогда улегся въ него великанъ, ему гробъ пришелся какъ разъ. Портной накрылъ его крышкой и заколотилъ ее (Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южн. бер. Балт. моря; въ Этногр. Сбор. 1862, V. 132. 126.—О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 240). Еще бóльшее сходство съ исторіей о смерти Святогора представляетъ исторія о томъ, какъ волшебникъ Мерлинъ, соблазненный Вивіаною, заключилъ самаго себя въ заколдованный гробъ (Rambaud, 52).

[23]) Подобныя же три дороги встрѣчаются и въ ново-греческихъ сказкахъ (у Гана, III. 50) и въ нашей сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ (I. № 40).

Данил. 412; Кир. I. 27) или попросту разбойниковъ[24]. Не захотѣлъ Илья съ ними драться, только пустилъ калену стрѣлу въ сырой дубъ, — разщепилъ его въ ножевые черенья; ужаснулись разбойники (Кир. I. 15. 21).

«Всѣ они съ добрыхъ коней попадали,
Безъ ума часовъ пять лежатъ,
А и стали они пробужатися,
Встаетъ Сёма—перёсемываетъ,
Встаетъ Спиря—поспириваетъ»

(Саратовскія пѣсни, собр. Костомаровымъ и Мордовцевой: Тихонравовъ, Лѣтописи Лит., Т. IV. Отд. II. 12). Просятъ они у Ильи милости, предлагаютъ ему коней, цвѣтнаго платья и всякой казны (Кир. I. 18. 32), и зовутъ въ атаманы надъ собою (Кир. I. 20. 24. 27). Илья отъ всего отказывается. По одной пѣснѣ, онъ беретъ часть казны, сказавъ: «это мое зарабочее». По другимъ пересказамъ Илья, встрѣтивъ разбойниковъ, говоритъ: «всякъ человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ, а не всякій завѣтъ справляетъ»; вырвалъ онъ съ корнемъ дубъ и перебилъ имъ всѣхъ разбойниковъ (Рыбн. III. 17). Еще по другимъ пѣснямъ Илья перебилъ разбойниковъ: шелковымъ колпакомъ своимъ въ 40 пудъ (Рыбн. III. 41; Гильф. 1023); желѣзной палицей въ 190 пудъ (Рыбн. II. 319); каленой стрѣлой, при чемъ, пуская ее, наговариваетъ: «всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ, всѣхъ убей ночныхъ подорожничковъ» (Рыбн. I. 63; III. 47).

Вернувшись къ горючъ камню, Илья подписалъ на немъ: «во дороженьку ѣздилъ—убитъ не былъ, а нонѣце поѣду, гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать»; и поѣхалъ по второй дорогѣ. Недоѣзжая Индіи богатой и проклятыхъ Корелъ, стоитъ большой, богатый теремъ, и выходитъ изъ него прекрасная королевична

---

[24]) Разбойниковъ этихъ по разнымъ пересказамъ насчитано: 44 (Рыбн. I. 15); 40 (Рыбн. III. 56; Кир. I, 10. 21); 41 (Кир. I 32); сорокъ тысячь (Кир. I. 87; Рыбн. III. 40); 401, изъ которыхъ Илья убилъ 400, а одного привязалъ къ стремени и увезъ съ собою (Гильф. 650).

(Зенира. — Рыбн. IV. 25); принимаетъ она Илью за руки, цѣлуетъ стараго въ уста сахарныя, поитъ, кормитъ его, а сама говоритъ: «не наѣдайся до́ сыта не напивайся ты до́ пьяна, чтобы тебѣ потомъ съ премладой королевичной позабавиться». Но Илья съ длинной дороги наѣлся таки до́ сыта и напился до́ пьяна. И зоветъ его королевична: «У тя есть ли охота, горитъ ли душа, со мною съ дѣвицей позабавиться?—ложись ка ты спать на мою кроватку къ стѣночкѣ». «Нѣтъ», говоритъ Илья, «ты сама ложись ко стѣночкѣ, у меня, стараго, мочь не держится, надо часто ходить мнѣ до вѣтра» (Рыбн. II. 321; III. 43). И схватилъ Илья королевичну за груди бѣлыя, бросилъ ее на кроватку тесовую; а подъ той кроваткой былъ выкопанъ глубокій погребъ [24 а]); провалилась туда королевична, пошелъ вслѣдъ за нею и самъ Илья, и нашелъ онъ тамъ сорокъ царей, сорокъ царевичей, да сорокъ королей, сорокъ королевичей (въ томъ числѣ и богатырей Алешу Поповича и Добрыню Никитича.—Рыбн. IV. 20); всѣхъ ихъ освободилъ онъ изъ полону; а самое королевичну разорвалъ на четыре четверти, привязавъ къ тремъ жеребцамъ (Рыбн. I. 64; или: просто отсѣкъ ей голову и разрубилъ на части.—Рыбн. II. 321).

И опять поѣхалъ Илья къ горючъ-камню, стеръ прежнюю подпись и на ново помѣтилъ: «въ дорожиньку ѣздилъ—убитъ не былъ, и въ другую ѣздилъ—женатъ не былъ; въ третью поѣду, гдѣ богату быть». И поѣхалъ Илья третьей дорогою, и подъѣхалъ къ камню большущему; отвалилъ онъ тотъ камень, а подъ камнемъ сундукъ, а въ сундукѣ казна несчетная, и подпись вверху: «кому этотъ животъ достанется, тому состроить церковь Индейскую [25]), да церковь Пещерскую». — Какъ построилъ Илья церковь Индѣйскую, да какъ началъ строить церковь Пещерскую — *тутова старъ и окаменѣлъ* (Кир. I. 89; Рыбн. III. 53).

[24 а]) О такой постелѣ упоминается въ сказкахъ Перро (Perrault. Contes. L'adroite Princesse: Rambaud, 62).

[25]) Названіе Индѣйской церкви могло произойти отъ индѣйскаго царя Іоанна, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскій пресвитеръ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 768).

По другому пересказу Илья насыпаетъ три мисы: золота, серебра и жемчугу; хочетъ строить три церкви: Спасу, Николѣ Можайскому и Егорію храброму (Рыбн. III. 45), и нанимаетъ на то хитро-мудрыхъ плотниковъ (Гильф. 1204). Еще по другому пересказу Илья, на полученныя сокровища, строитъ на полѣ монастыри богомольные, да церкви соборныя (Рыбн. II. 322).

6. Илья освобождаетъ Черниговъ. Покончивъ свои три поѣздки, Илья отправляется въ Кіевъ; по дорогѣ встрѣтился ему городъ Черниговъ (Рыбн. I. 56), а по другимъ пересказамъ: Чернягинъ (Кир. I. 26), Смолягинъ[26] (Рыбн. II. 326), городъ Бекетовецъ (Рыбн. I. 47) или Бекешовъ (Гильф. 298), городъ Кидешъ[27] (Кир. I. 79) или Покидошъ (Кир. III. IX), городъ Бѣжеговъ (Рыбн. III. 17), городъ Турговъ[28], село Орѣхово, гдѣ мужики Турговцы (безъ князя) выносятъ Ильѣ золотые ключи, и просятъ его быть у нихъ воеводою, и беречь ихъ отъ поганыхъ татаръ (Рыбн. IV. 9), и наконецъ городъ Кряковъ, при освобожденіи котораго Ильѣ помогаетъ Соловей разбойникъ[29] (Кир. II. 4).

Илья Муромецъ разбиваетъ обложившее городъ басурманское войско (Кир. I. 36; или: трехъ царевичей. — Кир. I. 35; Литву поганую.—Рыбн. I. 47); звали его горожане хлѣба соли откушать и воеводой у нихъ остаться; не согласился Илья исполнить ихъ

---

[26]) П. В. Безсоновъ объясняетъ, что Смолягинъ есть испорченное Чернягинъ (Рыбн. II. 326), а можетъ быть и Смоленскъ, о которомъ упоминается въ норвежской сагѣ; см. ниже: Извѣстія объ Ильѣ Муромцѣ изъ сагъ.

[27]) П. В. Безсоновъ помѣстилъ въ 4-мъ выпускѣ пѣсней Кирѣевскаго подробное сказаніе объ этомъ городѣ, который прозывался Большимъ Китижемъ, и скрылся подъ землею во время набѣговъ Батыя. Мѣсто, гдѣ онъ былъ выстроенъ до сихъ поръ указывается въ Нижегородской губерніи, въ 40 верстахъ отъ города Семенова, близъ села Владимірскаго, Люнда-тожъ (Кир. IV. CXVIII; Миллеръ, И. М., 295). По преданію, записанному В. И. Далемъ, Илья освободилъ передъ тѣмъ городъ Кинешму отъ Литвы, вслѣдствіе чего Кумирники Кинешемцы, со своимъ княземъ, обратились въ христіанство (Кир. I. XXXIII).

[28]) По О. Миллеру это древній историческій Туровъ (Рыбн. IV. X).

[29]) Въ Кижской былинѣ Илья встрѣчаетъ подъ Кряковымъ не войско басурманское, а Одолище поганое, съ которымъ ведетъ тотъ же разговоръ, что помѣщенъ въ нашей сказкѣ № 2 (съ Идолищемъ въ Кіевѣ); это Одолище онъ побѣдилъ, и привязалъ его къ стремени, къ которому уже былъ привязанъ имъ прежде того станичникъ—разбойникъ (Гильферд. 652).

просьбу, и прямо поѣхалъ въ Кіевъ (Кир. I. 36). Въ одномъ пересказѣ однакоже Бекетовцы подносятъ Ильѣ три мисы золота, серебра и жемчугу; Илья принимаетъ дары, сказавъ: «это мое зарабочее» (Рыбн. I. 47).

7. Бой Ильи Муроица съ Соловьемъ разбойникомъ. Прямоѣзжей дорогой отъ Чернигова до Кіева, какъ сказали Ильѣ, было 500 верстъ, а окольной — тысячу (Гильф. 440). На прямоѣзжей дорогѣ было три заставы: первая застава великая, — Ольги-топучія (или грязи Смородинскія.—Рыбн. 25; рѣчки Черниговки. — Гильф. 208); вторая: Соловей разбойникъ у Пачей рѣки; третья: сорокъ одинъ сынъ Соловья, да любимая его дочь Марья Соловьевна (Рыбн. III. 19). Въ деревнѣ Обалковщинѣ мужики Обалковцы говорятъ ему, что прямая дорога къ Кіеву завалена дубьемъ да колодами, и свито на ней гнѣздо Соловья разбойника, мимо котораго воинъ не проѣзживалъ и птица не пролетывала, отъ свисту соловьинаго *живы не могли бывать* (Гильф. 597) [29 а]).

Сидѣлъ тотъ Соловей, воръ Ахматовичъ [30]) (Кир. I. 79. 82; Адихмантовичъ. — Рыбн. I. 51; Рахмановъ [31]). — Рыбн. III. 14; птица Рахманная.—Гильф. 987; Догмантьевичъ. — Гильф. 8. 70;

[29 а]) Точно также, въ сказкѣ о Еруcланѣ Лазаревичѣ, сторожилъ царство Вахрамея Ивашка—бѣлая епанча, и мимо его ни одинъ человѣкъ не проѣзживалъ и никакой звѣрь не прорывался, и птица не пролетывала (I. 55).

[30]) Ахматъ былъ царь Золотой орды, современникъ царя Ивана III (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 328).

[31]) Славянскій ученый Ягичъ проводитъ весьма остроумную параллель между Соловьемъ разбойникомъ и Соловьемъ Будимировичемъ и между симъ послѣднимъ и царемъ Соломономъ. Соловей разбойникъ зовется въ былинахъ Рахмановичъ, т. е. Брахмановичъ, что указываетъ на его индѣйское происхожденіе; точно такъ и о Соломонѣ говорится, что онъ пошелъ съ философами въ страву дальную ко царю Индѣйскому, и что онъ *дѣтище индѣйскія веси богатыя.* У Соловья разбойника жилье было устроено на семи дубахъ; а въ его семейномъ жильѣ было построено три терема златоверхіе, — *верщечки съ верщечками свивалися* (Рыбн. II. 333). Соловей Будимировичъ тоже строитъ себѣ три терема, такъ, чтобы *верха съ верхами свивалися*; а Соломонъ «взгради себѣ градъ *въ древесѣхъ плетеныхъ* вельми мудро». Царь Соломонъ былъ мудрецъ и колдунъ,—Соловей разбойникъ тоже вѣщій человѣкъ. Соловей разбойникъ свиститъ по соловьиному, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному; такъ точно и Соломонъ «полетѣ подъ нѣбеса яснымъ соколомъ... поиде по земли лютымъ звѣремъ и поплы въ морѣ щукою» (Archiv, S. 122 et 123; Тихо-

Алатырецъ некрещеный[32]). — Кир. II. 2) въ гнѣздѣ свитомъ на девяти дубахъ (Кирша Д. 353, Кир. I. 42, II. 3; на двухъ дубахъ,—Кир. I. 31; на двухъ березахъ,—Рыбн. II. 329; на пяти дубахъ,—Рыбн. IV. 9; на трехъ дубахъ, на семи сукахъ,—Рыбн. III. 25; на двѣнадцати дубахъ[33]) сорочинскихъ,—Гильф. 17. 20; на тридевяти дубахъ,—Кир. I. 36; на сорока дубахъ,—

нрав. Лѣтоп. IV. Отд. II. 120). Самая повѣсть о Соломонѣ, Китоврасѣ и Соломоновой женѣ, переведена, какъ удостовѣряетъ Ягичъ, съ Латинскаго текста, почти безъ измѣненій (Archiv. I. 106). Ѳ. И. Буслаевъ указываетъ на сходство Соловья разбойника съ другими личностями изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Въ славяно-русской хроникѣ упоминается о поганомъ бискупѣ (жрецѣ) Лыздейкѣ, который былъ найденъ Витенемъ въ *гнѣздѣ орловомъ въ пущѣ* (Журн. Мин. Нар. Пр., Апр. 1871, 255); высшій жрецъ Богомилъ въ Новгородѣ былъ *сладкорѣчія ради нарѣченъ Соловей* (232). Противникомъ ему былъ тоже сладкорѣчивый посадникъ *Воробей*. Соловьемъ стараго времени названъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ вѣщій Боянъ (221). Ѳ. И. Буслаевъ приводитъ и другія сопоставленія Соловья разбойника съ сказочными разбойниками Мордвиномъ и Могутомъ (233); съ древними древолазцами—бортниками, промышлявшими медомъ и имѣвшими свое божество—Дидилада (234).

32) О значеніи названія *Алатырецъ* толкуется разно; оно могло быть передѣлано изъ словъ *Алюторецъ*: *Чюкши и Алюторы*, мелкіе сибирскіе народы, враждебные Россіи, упоминаются въ былинахъ у Кирши Данилова (196 стр.). Замѣчу, что въ Симбирской губерніи есть уѣздный городъ *Алатырь*, и что Алатырскіе нищіе пользовались въ народѣ извѣстностью еще въ концѣ прошедшаго столѣтія (см. картинку: денежный дьяволъ, № 245). Производятъ слово Алатырецъ и отъ Латыря, который, по объясненію П. В. Безсонова, означаетъ янтарь, добываемый изъ Балтійскаго моря (онъже бѣлъ—горючъ камень.—Калики, II. 362), и о которомъ упоминается въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

«Ахъ Латырь—море всѣмъ морямъ отецъ.
Латырь—камень, камнямъ отецъ. . . .
Ляжетъ онъ сприди моря. .
Идутъ по морю много корабельщиковъ,
Берутъ много съ яво снадобья,
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому (Калики, II. 362).

Въ духовныхъ стихахъ это камень, на которомъ стоялъ крестъ съ распятымъ Христомъ; на немъ же стоялъ Христосъ, когда училъ народъ (Кирѣев. IV. VIII). См. баба Латыгорка.—Слово Алатырецъ могло быть передѣлано и изъ Лютерца, т. е. лютеранина.

33) Въ одномъ заговорѣ для человѣка, идущаго на войну, упоминается: «тотъ змѣй, который убитъ двѣнадцатью богатырями подъ двѣнадцатью Муромскими дубами», (Сахаровъ, Сказанія русск. нар. I. 89). Въ 54 верстахъ отъ Брянска и въ 15 в. отъ Карачева есть желѣзно-дорожная станція *девять дубовъ*; отъ Бреста же въ 182 в. находится село *Киверцы*.

Рыбн. III. 14). Отправился Илья по прямой дорогѣ: лѣвой рукой онъ коня ведетъ въ поводу, а правой дубы рветъ, да мосты мостить (Рыбн. III. 19)[34]).

Заслышавъ Илью, Соловей засвисталъ по Соловьиному,

«А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третьи зравкаетъ по звѣриному[35]) —
Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачь[36]) (Кирша Д., 353).

Усидѣлъ таки Илья на конѣ: уши себѣ онъ заткнулъ передъ тѣмъ маковымъ цвѣтомъ; говоритъ онъ коню: «ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ, воронья ты крику не слыхивалъ» (Гильф. 301)[36 а]). И пустилъ онъ калену стрѣлу въ Соловья, наговаривая: «вереди ему сердце ретивое» (Кир. I. VI); въ первый разъ Илья недострѣлилъ, во второй перестрѣлилъ, а въ третій попалъ (Кир. I. 37) прямо въ правый глазъ (въ правое крыло,—Кир. I. 28); и вышла стрѣла у Соловья въ лѣвое ухо (Гильф. 301); и сва-

---

[34]) Такое мощеніе дороги въ грязныхъ мѣстахъ фашинникомъ, изъ связаннаго пучками хвороста, или же круглымъ лѣсомъ, извѣстно у насъ съ древнѣйшихъ временъ; до шоссе по такой *душетряской* дорогѣ приходилось ѣхать изъ Москвы до самаго Петербурга. Въ лѣтописяхъ князь Владиміръ, собираясь въ походъ противъ Ярослава, говоритъ своимъ людямъ: «требите путь и мостите мостъ» (Полн. собр. лѣтоп. I. 54).

Калина, по народному прозвищу *негниіючка* и *чистое дерево*, растетъ у насъ во множествѣ по сырымъ мѣстамъ, точно такъ, какъ и смородина (самородина), и употреблялась въ видѣ хвороста на *мощеніе* мостовъ, отсюда и названіе *мосты калиновые*, *рѣчка смородинка*.

[35]) В. В. Стасовъ дѣлаетъ сближеніе описанія битвы Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ съ одною пѣснею чернолѣсскихъ татаръ (у Телецкаго озера), въ которой, между прочимъ, представленъ чудовище—великанъ, семиголовый Іельбегенъ; одной головой онъ свисталъ на дудочкѣ, другой пѣлъ, третьей вопилъ, четвертой волховалъ, пятой ревѣлъ. Богатырь Тана убиваетъ этого Іельбегена восьмихвостой плетью (О происх. былинъ, 660).

[36]) Спотыканіе коня считается недобрымъ признакомъ: у князя Глѣба, незадолго передъ его убіеніемъ, конь «*потчеся* во рвѣ и наломи ногу мало» (О. Миллеръ, Христомат., 238).

[36 а]) Точно такъ Еруслан выговариваетъ своему коню: «о несытая кляча» (I. 46).

лился Соловей изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ[36 б]) (Кир. IV. 4; или комомъ, — Кирша Д., 354). По другому пересказу Соловей стоялъ въ гнѣздѣ и Илья ударилъ его дубиной въ грудь (Рыбн. II. 3).

Илья привязалъ Соловья къ стремени, отвязавъ напередъ разбойника и одолище, привезенныхъ изъ Крякова (Гильф. 653), и поѣхалъ въ Соловьевы палаты. Дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, и около двора желѣзный тынъ, а на всякой тычинкѣ, на маковкѣ, по головѣ богатырской (Кирша Д., 355). На дворѣ было три терема златоверхіе, вершечки съ вершечками свивалися, — разсажены были вокругъ сады зеленые, устроена усадьба красовитая (Рыбн. II. 333).

Увидѣла Илью молодая Соловьева жена, *наводила трубками нѣмецкими*, и посылаетъ она зятьевъ выносить Ильѣ золотую казну; но девять зятьевъ ея *закорилися*, хотятъ обернуться черными воронами съ носами желѣзными, разклевать Илью Муромца (Кирша Дан. 356; Кир. I. 33).

По другимъ пересказамъ Илью встрѣтили Соловьевы дочери Невея, Ненила и Пелька[37]), а зятья (въ числѣ ихъ упомянуты Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ), по наущенію матери, Акулины Дудентьевны (Рыбн. III. 20), вышли было на Илью съ рогатинами; но Соловей остановилъ ихъ.

По сказкѣ, Илья убилъ копьемъ старшую дочь Соловья Пельку, — она же Алена (Рыбн. I. 49; II. 331), или Марья

[36 б]) Какъ *овсяный снопъ* свалился и Ивашка—бѣлая епанча отъ удара Еруслана Лазаревича (I. 55).

[37]) Въ другихъ пѣсняхъ, вмѣсто Пелька, упоминается Катюшка перевозчица, которую Илья впослѣдствіи убилъ плетью за то, что она отказалась перевезти его черезъ рѣку Смородину (Кир. I. 81). Перевозомъ русскія женщины занимались издавна. По преданію, перевозчищею была и великая княгиня Ольга: князей перевозила, — кого перевезетъ, кого утопитъ; Игорь познакомился съ нею на перевозѣ (Ѳ. И. Буслаевъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Апр. 1871, 230). Въ поморьѣ до настоящаго времени перевозомъ по рѣчкамъ, озерамъ и порогамъ занимаются однѣ женщины; онѣ даже перевозятъ богомольцевъ изъ Кеми въ Соловки на лодкахъ по открытому морю. Имя Невеи встрѣчается въ числѣ лихорадокъ на образѣ препод. Сисинія (См. прим. къ № 1035).

Соловьевна (Рыбн. III. 19), или же Настасья Соловьевна (Рыбн. IV. 12) за то, что она хотѣла пришибить его подворотнею въ 40 пудъ (90 и 100 пудъ.—Рыбн. I. 49; II. 331)—вышла на него съ рогатиной (Рыбн. I. 9. 10; II. 63).

По однимъ пересказамъ, Илья убилъ Пельку плетью; по другому застрѣлилъ стрѣлой (Кир. I. 29); по третьему: «схватилъ за тресту за заднюю, да подбросилъ; и пала Пелька на землю, тутъ у ней кожа треснула и рубашка лопнула отъ бѣлой шеи до п . . . ы» (Рыбн. I. 50); по четвертому: Илья Настасью Соловьевну «пнулъ подъ гузно лѣвой ногой; она изъ угла въ уголъ по двору начала перелѣтывать, нажила увѣчье вѣковѣчное» (Рыбн. IV. 12; Гильф. 622); по пятому: Илья Алену (волшебницу) просто «пнулъ подъ ж . . . . е» (Гильф. 990).

Вынесенныхъ ему даровъ и золотой казны Илья, по однимъ пересказамъ, не принимаетъ; по другому: беретъ три чаши: золота, серебра и жемчуга, сказавъ: «это мое зарабочее» (Рыбн. I. 51); по третьему: Илья воткнулъ въ землю копье свое, и приказалъ засыпать его золотой казной до́ верху (Гильф. 622); по четвертому: Илья говоритъ Соловьятамъ, чтобы они везли сокровища свои въ Кіевъ, тамъ де можетъ быть отдадутъ имъ Соловья (Рыбн. II. 333), «а можетъ тамъ Соловья на вино пропью на колачъ проѣмъ» (Рыбн. II. 63); наконецъ по пятому: Илья спрашиваетъ Соловья, отчего у него всѣ дѣти «во единый ликъ»; «отъ того», отвѣчаетъ Соловей, что «сына выращу,—отдамъ за него дочь; а дочь выращу,—отдамъ за сына, чтобы Соловейкинъ родъ не переводился». За досаду показались эти слова Ильѣ Муромцу, вынулъ онъ саблю свою вострую, прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушекъ (Кир. I. 37).

8. Прибывъ въ Кіевъ, Илья ѣдетъ прямо на Княжескій дворъ; Соловья онъ оставляетъ съ конемъ, приказывая ему сторожить коня, а коню наказываетъ: «ужъ ты паче всего береги Соловья, чтобы не ушелъ отъ стрѣмянъ була̂тныхъ» (Рыбн. II. 333).

Увидала ихъ дочь князя Владиміра, показался ей перстень у Соловья на рукѣ, схватилась отнять его,—да Соловей ей палецъ откусилъ.

Пріемъ, сдѣланный Ильѣ Княземъ, разсказывается разно: по однимъ пѣснямъ, Илья принятъ былъ съ почетомъ; по другимъ, при дворѣ не учествовали гостя и между Ильею и Княземъ прямо начинается ссора.

Начнемъ съ пересказовъ *перваго разряда*: Владиміръ принимаетъ пріѣхавшаго Илью съ почетомъ; онъ уже ждалъ его, и съ первыхъ же словъ жалуетъ его конемъ; Илья отказывается, говоря, что у него есть свой конь латынскій, богатырскій. «Бери у меня», говоритъ Владиміръ, «золотой казны, города съ пригородками, села съ приселками, деревни съ крестьянами, чинъ великій»; отказался отъ всего Илья: «только дай мнѣ одно село Корачаево», бьетъ челомъ онъ Князю Владиміру (Рыбн. IV 24)[38].

Пошелъ онъ съ Владиміромъ Соловья смотрѣть, и проситъ Владиміръ Соловья показать свое искусство; отказалъ ему Соловей: «хотя твой хлѣбъ кушаю, не тебя слушаю» (Гильф. 995)[38 a]; «да и раночки мои кровью запечатались, и не хотятъ мои уста сахарныя». Тогда дали Соловью чару зелена вина въ полтора ведра (Гильферд. 1002), и приказалъ ему Илья показать свое искусство въ полсвиста, а самъ на то время Князя да Княгиню взялъ къ себѣ подъ пазуху и прикрылъ шубою (Кир. I. 38).

Но соловей засвисталъ по змѣиному, заревѣлъ по туриному

---

[38]) Въ повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 980 годомъ, говорится, что Владиміръ роздалъ Варягамъ, пришедшимъ въ его дружину, города (Полн. собр. лѣт. I. 34); а подъ 1036 г. сказано, что Мстиславъ Владиміровичъ «любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья не браняше» (Полн. собр. лѣтоп. I. 65). Былины позднѣйшей редакціи скорѣе всего имѣли въ виду прошедшее столѣтіе, когда крестьяне постепенно обращались въ крѣпостничество, въ особенности же въ царствованіе свободолюбивой Екатерины, которая раздавала ихъ своимъ богатырямъ цѣлыми волостями. Своимъ безкорыстіемъ Илья напоминаетъ Еруслана, которому Царь Киркоусъ предлагалъ разные дары, чтобы уговорить его остаться у него на службѣ; но Ерусланъ ничего неберетъ, а говоритъ: «Государь царь! одно взяти: любо корыстоватися или богатыремъ слыти» (Лѣтописи Тихонрав. III. 107). Убивъ Ивашку бѣлую паленицу, Ерусланъ тоже разсуждаетъ, «взять мнѣ Ивашковъ конь или ратное оружіе, и мнѣ разбойникомъ прослыть; и невзялъ Ерусланъ того погрому ничего» (Тихонр. Лѣтоп. III. 122).

[38 a]) Тоже слово говорилъ Иванъ богатырь китайскому царю: «я не твой слуга и не тебѣ служу» (I. 767).

во весь голосъ; хотѣлъ онъ уходить Илью Муромца (Кир. II. 6); и отъ того свисту крыши съ палатъ полетѣли, испугалися бояре и богатыри; всѣ на земь попадали, «на корачкахъ по двору наползалися; самъ Владиміръ заходилъ раскорякою, три часа безъ души лежалъ, со стула палъ (Гильф. 363); устоялъ только одинъ Муромецъ» (Кир. I. 45. 38; Рыбн. I. 54) [38 б]). За такую пакость Илья убилъ Соловейку, расшибъ его о землю, застрѣлилъ стрѣлой (Гильф. 303), отрубилъ ему голову (Рыбн. I. 61), разрубилъ на мелкія части, разбросалъ по полю (Рыбн. I. 54).

Въ другихъ пересказахъ конецъ Соловейки описывается иначе: Владиміръ предлагаетъ Соловью: «посажу тебя въ Кіевъ воеводою»; отказывается Соловей: «всѣ де отъ меня въ Кіевѣ будутъ выть, сердце мое разбойницкое». «Посажу тебя въ благовѣщенскій монастырь строителемъ», говоритъ Владиміръ. «Не строителемъ буду я монастыря, а разорителемъ», отвѣчаетъ Соловей (Гильф. 303).

По другому пересказу Соловей самъ проситъ Владиміра, чтобы отпустилъ его на волю: «онъ де повыстроитъ кругомъ Кіева села, да города, да монастыри». Илья возражаетъ на это: «что де Соловей не строитель, а разоритель»,— и посадили Соловья въ глубокій погребъ, пескомъ засыпали и травой замуравили. Пріѣзжаютъ дѣти Соловьевы съ золотой казной; позарился было Владиміръ на сокровища, да Илья остановилъ его: «везите», говоритъ Соловьятамъ, «сокровища ваши назадъ къ себѣ; это вамъ на пропитаніе отецъ вашъ оставилъ» (Рыбн. II. 345).

«Какъ это тебя взялъ Илья Муромецъ», спрашиваетъ Соловья Владиміръ въ третьемъ пересказѣ; «я въ то время пьянъ былъ, у меня старшая дочь была имянинница», отвѣчаетъ Соловей. Не полюбилась Ильѣ эта рѣчь, схватилъ онъ Соловья за вершиночку, подбросилъ кверху подъ самое облако; расшибъ тутъ Соловейка свои косточки (Кир. I. 39).

[38 б]) Этотъ эпизодъ напоминаетъ сцену, которая часто писалась на античныхъ вазахъ, и изображала испугъ Ерисѳея, когда Геркулесъ привелъ къ нему изъ ада трехголоваго Цербера (Rambaud, 54).

Потомъ пошли всѣ пировать къ обѣду Княженецкому (Кир. I. 39)[39]. «Увидали тутъ вси русскіе могучіи богатыри[40])

---

[39]) О пирахъ Кн. Владиміра Святославича и его богатствѣ, въ лѣтописяхъ, подъ 996 годомъ, говорится: «Се же паки творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати ложицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и серебра. Бѣ бо Владимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о рестехъ и уставѣ земленѣмъ» (Полн. собр. русск. лѣтоп. I. 54). Большимъ гостепріимствомъ отличался и соименный Владиміру Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (Русск. достопам. I. 69).

[40]) При дворѣ Владиміра были собраны богатыри изъ разныхъ мѣстностей русскихъ: оборотень Волхъ Всеславичъ, изъ Кіева; Алеша Поповичъ, изъ славнаго Ростова; Добрыня Никитичъ, изъ Рязани; Илья, изъ Мурома; Дюкъ Степановичъ (Duca) и Михайла Казарянинъ, изъ Волыни красна—Галичья; Суровецъ, изъ Суздаля (Буслаевъ, Очерки, I. 679); древніе богатыри Самсонъ Колывановичъ, Суханъ Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь, песъ-богатырь Полканъ, семь братьевъ Збродовичей, два брата Хапиловы, мужики Залешане (Кирша Д., 358) и богатыри Притченки (Кир. IV. 63).

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются имена богатырей, не воспѣтыхъ въ былинахъ: Янъ Усмошвецъ, Рогдай Удалой, «яко наѣзжаше сей на триста воинъ» (Никоновск., подъ 7000 г.); при Мстиславѣ Вечеславичѣ—Демьянъ Куденетовичъ съ слугою своимъ Таропомъ (Никонов., подъ 7778 г., IX. 68), слывшій, за «человѣка божьяго» (Полн. Собр. IX. 777 и 778); въ Липецкой битвѣ, кромѣ Александра Поповича, упоминается еще Нефедій Дикунъ; при Константинѣ Ростовскомъ да при Мстиславѣ Удаломъ: «мужи храбри зело и велицы богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша на себѣ ранъ» (Русск. Лѣт. по Ник. спис. II. 325). Затѣмъ лѣтописи упоминаютъ о Мстиславѣ Тмутороканскомъ, который убилъ великана—богатыря Редедю, и о битвахъ Славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами. Лѣтописныя извѣстія о богатыряхъ не идутъ далѣе XIII вѣка.

Въ Клинцовскомъ иконописномъ подлинникѣ гр. С. Г. Строгонова упоминаются тѣже богатыри: Янъ Усмошвецъ (седѣльникъ), Рогдай удалой, который противъ трехъ сотъ могъ выходить на бой, и «всѣхъ 37 богатырей».

Богатыри Збродовичи—жители съ броду, объясняетъ Ѳ. И. Буслаевъ (Журн. Мин. Нар. Просв., Апр. 1877, 220), а можетъ быть всякій сбродъ съ мелкихъ рѣчекъ. Залешане—или отъ *за ольсья*, или отъ *заолешья*, *олешниковъ*, т. е. топкихъ мѣстъ, поросшихъ ольхою. Что же касается до самаго слова *богатырь*, то оно употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ для обозначенія татарскихъ воеводъ, какъ варьянтъ монгольской формы *baghatur* (Монгольское baghatur, по персидски bagader, а по польски bahater). Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1240 г., между Батыевыми воеводами показаны: Се бѣдяй (Себедяй) *богатуръ*

Стара казака Илью Муромца:
Будь же ты нашъ, старый казакъ Илья Муромецъ,
Будь же намъ до вѣка большій братъ
Держимъ мы на тебѣ надежу великую.
Будь-ка ты граду Кіеву у насъ защитникомъ!»
(Былина Щеголенкова: О. Миллеръ, И. М. 451).

И побратался Илья съ Добрынею Никитичемъ и Алешею Поповичемъ (Кир. I. прим. XXI. XXXIV). [41])

9. Ссора Ильи съ княземъ Владиміромъ и причины этой ссоры разсказываются тоже въ четырехъ пересказахъ:

Пересказъ 1-й: Илья пріѣзжаетъ съ Соловьемъ разбойникомъ на княжескій дворъ, и бросивъ коня, не спрашиваючись, прямо идетъ въ княжескія палаты. На вопросъ князя: «откуда ѣдешь ты дѣтина сельщина, деревенщина?» Илья разсказываетъ ему о полонѣ Соловья. «Врешь ты дѣтина сельщина, полыгаешся, да надо мной надъ княземъ насмѣхаешся» говоритъ, Владиміръ. Пошли они на дворъ смотрѣть Соловья, — все какъ въ прежнихъ пересказахъ; посмотрѣвъ Соловья Илью позвали обѣдать; выпилъ онъ чашу

Бурундай *богатырь* (Полн. Собр. Лѣтоп. II. 177); подъ 1243 г. Половчанинъ Актай прибѣжалъ въ Холмъ сказать Даніилу, что «Батый воротился есть изъ Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возъискати тебя, Монъмана и Балая» (Ѳ. Буслаевъ, 14-е Присужд. Уваров. преміи, 80). Богатырями титулуются у Монголовъ и Турокъ такіе воины, которые трижды вторгались въ ряды непріятеля и убивали по крайней мѣрѣ одного врага (Энциклопед. Слов. Плюшара. II. 152; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, XXIII). Производятъ это названіе и отъ словъ «Богъ и Богатый» (богàтырь); такъ въ одной южнорусской сказкѣ у Рудченко (I. 162): «богатырь дивится чѣмъ худакъ живится». По замѣчанію оріенталиста Шатта, слово богатырь стало употребляться у Славянъ со времени нашествія Монголовъ (О. Миллеръ. Илья Муромецъ XXV).

[41]) Подобныя побратимства, послѣ испробованія силы и послѣ боя, были въ обычаѣ, не только въ западномъ рыцарствѣ, но и на русской землѣ. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 968 годомъ, записано: «Рече князь Печенѣжскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ»; онъ же рече: «тако сотворю». И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему броню щитъ, мечь» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 28). Въ сказкѣ № 15 Бова королевичъ, послѣ упорнаго боя, тоже бротается съ Полканомъ богатыремъ (I. 106), а въ сказкѣ № 10 Еруслапъ Лазаревичъ братается съ Иваномъ богатыремъ (I. 49). Сравни тоже у О. И. Буслаева (I. 438) предложеніе дьявола побрататься съ Богомъ.

вина въ полтора ведра, да еще чашу въ два ведра, съ водочкой, да съ наливочкой; его маленько и *ошабурило*; захотѣлъ онъ *поладиться* да *поправиться*, да всѣхъ гостей, купцовъ, бояръ и богатырей и прижалъ въ большой уголъ, погнулъ сваи желѣзныя, которыя были промежъ богатырскихъ мѣстъ закалочены, чтобы богатыри, напившись, не *сталкивалися* [42]). И сталъ его Владиміръ уговаривать: «зачѣмъ ты помѣшалъ у насъ всѣ мѣста; изволь ты у насъ попить—поѣсть, и оставайся воеводой жить; бери де себѣ что хочешь и садись куда хочешь: одно мѣсто тебѣ противъ меня, другое подлѣ меня, а третье, гдѣ тебѣ угодно» [42 а]). Не полюбилась Ильѣ эта рѣчь, вставалъ онъ на ножки на рѣзвыя, выхватилъ свою шелковую плеть о семи хвостахъ, съ проволокой, и давай хлестать на право и на лѣво: «на пріѣздѣ, де, гостя не употчивали, и на поѣздинахъ не учествовали»; всѣхъ отхлесталъ до послѣдняго, одинъ «царь за печку задвинулся, собольей шубкой закинулся» (Кир. I. 85) [43]).

Пересказъ 2-й. Илья приходитъ во дворецъ Владиміра, въ то время, когда тамъ идетъ пиръ богатырямъ (его на пиръ этотъ не позвали.—Кир. I. 97). Илью никто не узнаетъ; самъ же онъ назвался Заолѣшаниномъ, почему Владиміръ и посадилъ его за столъ

---

[42]) Подобно Муромцу, богатырь Тана (въ одной пѣснѣ Чернолѣскихъ татаръ) вступивъ въ юрту Печети-Хана, садится на желѣзный стулъ, и стулъ подъ нимъ ломается (В. Стасовъ, Былины, 662). Въ одномъ пересказѣ говорится что Владиміръ жаловалъ Илью тремя мѣстами: «первое мѣсто, садись около меня, второе—супротивъ меня, а третье—куда хочешь тутъ и сядь»,—и засѣлъ «Илья со конничка и пожалъ богатырей, да и очутился противъ самаго Владиміра». Не полюбилось то богатырю Алешѣ Поповичу, пустилъ онъ въ Илью ножемъ; но Илья увернулся, поймалъ ножъ на лету и воткнулъ его въ столъ (Кир. I. 39).

[42 а]) Эти же самыя слова царь Киркоусъ говоритъ Еруслану Лазаревичу, и получаетъ отъ него почти такой же отвѣтъ (I. 53. 63).

[43]) Слѣды расправы народа съ своимъ княземъ встрѣчаемъ мы и въ лѣтописяхъ: Въ 1135 году, побѣжденные Суздальцами, Новгородцы возвратились во свояси; князь Всеволодъ Мстиславичъ задумалъ бѣжать «въ Нѣмцы»; но Новгородцы задержали его и посадили подъ стражу, обвиняя его: «почто не блюде черныхъ людей... почто не крѣпко бися, и почто напередъ всѣхъ побежалъ, и почто возлюби ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше» (Никоновск. Лѣт.: Полн. Собр. IX. 159; Новгородск. III. 7).

съ боярскими дѣтьми. Ильѣ не показалось, что «самъ Владимiръ сидитъ съ воронами, а его садитъ съ воронятами»; началъ онъ буянить; и сталъ на него Владимiръ выпускать богатырей, по три человѣка. «Тебѣ князь охота потѣшиться», говоритъ Илья, «такъ гляди на меня теперь, снимишь охоту тѣшиться»; и сталъ онъ богатырей попихивать, такъ что всѣ по гриднѣ заползали, ни одинъ на ноги не можетъ встать, и не могъ Владимiръ Илью на пиру удержать. «Не умѣлъ ты гостя на прiѣздѣ учествовать», говоритъ старый, «на отъѣздѣ гостя не учѣствуешь» (Кир. IV. 49). Вышелъ Илья на улицу и началъ стрѣлять по *божьимъ церквамъ, по чудныимъ крестамъ, по золотымъ маковкамъ,* что на царскихъ окошкахъ (Кир. I. 97; повыломалъ кресты съ церквей божiихъ,— Гильф. 458), и сталъ кричать во всю голову: «охъ вы голь кабацкая, доброхоты царскiе, ступайте пить со мною зелено вино, обирать маковки золоченые» (Кир. I. 97)[44]. Пьютъ голи, да и призадумалися: «что то намъ отъ князя достанется, пропиваемъ мы

---

[44]) Этихъ латинскихъ голей Илья Муромецъ попомнилъ за ихъ *догадливость*. Въ одной пѣснѣ разсказывается, что послѣ боя съ разбойниками Илья въѣхалъ въ какой то городъ, перескочивъ на конѣ черезъ стѣну прямо въ кабакъ (точно такъ перескакиваетъ черезъ городскую стѣну и Бова королевичъ.—I. 95). Въ кабакѣ на ту пору сидѣли голи,—смѣты нѣтъ; догадались они сложиться по полушечкѣ,—купили полтора ведра вина и поднесли «старой собакѣ матерой выпить съ дороги». Понравилось это вниманiе Муромцу; посылаетъ онъ голей къ Латинскому королю: «чтобы несъ дары драгоцѣнные, я де разбилъ заставу великую». Король несетъ ему три обычныя чаши даровъ; но Муромцу онѣ не надобны: отворика ты погреба съ напитками; пейте голи Латинскiя, коли умѣли вы старую собаку съ дороги стрѣтити» (I. 63). Въ другой пѣснѣ это пришествiе разсказывается иначе. Пришелъ Илья Муромецъ въ кабакъ и требуетъ у цѣловальниковъ подъ залогъ золотаго креста дать вина на пятьсотъ рублей, «а ежели разопьюсь и на тысячу»; цѣловальники отказываютъ Ильѣ въ кредитѣ; тогда догадались голи кабацкiе, сложились по денежкѣ и купили старому полтора ведра. Раззадорило Илью зелено вино, попиналъ онъ съ крючьевъ вороты крѣпкiе, зашелъ въ погреба глубокiе; взялъ одну бочку подъ пазуху, другую тудаже, третью бочку ногой покатилъ, и выкатилъ на площадь торговую, перепоилъ голей со всѣхъ кабаковъ. А происходило все это у царя Константина Боголюбовича (Гильферд. 1050). Есть еще другой разсказъ, въ которомъ цѣловальники не пускаютъ Илью въ кабакъ: «покамѣсть идетъ пиръ у князя и не изойдутъ сроки тому пиру княженецкому, не имѣемъ мы права отпереть кабака», говорятъ они Ильѣ; но Илья разбилъ таки кабацкiя (три) двери (Гильф. 992).

его маковки!» Увидалъ это Муромецъ: «пейте вы голи», говоритъ, «не сумняйтеся, я заутру буду во Кіевѣ княземъ служить, а у меня вы будете предводителями» [44 а]). Испугался князь, посылаетъ Добрыню Никитича (Скомороха Скомороховича.—Гильф. 994) упросить Илью. Добрыня зашелъ къ Ильѣ *съзаду*, и успѣлъ таки уговорить его; только Илья потребовалъ, чтобы князь разослалъ тотчасъже указы по Кіеву и Чернигову, чтобы отворены были всѣ конторы, кабаки и пивоварни на трое сутокъ, и чтобы весь народъ пилъ, кто зелено вино, а кто пиво да медъ, прибавивъ: «ежели не сдѣлаетъ князь по моему, то онъ процарствуетъ только до утрія». И когда были посланы такіе указы, идетъ Илья вмѣстѣ съ голями въ палаты княжескія, не садится онъ на мѣсто на большое, а садится на мѣсто среднее, а возлѣ себя садитъ голей кабацкихъ. И пили всѣ и ѣли дó сыта.

Слѣдуютъ еще два пересказа, въ которыхъ ссора Ильи съ Владиміромъ происходитъ, въ одномъ, по случаю недовольства Ильи пожалованнымъ ему подаркомъ, а въ другомъ—по случаю обличенія Ильею Владиміра въ распутствѣ; оба кончаются заключеніемъ Ильи въ погребъ.

Пересказъ 3-й. Былъ у князя Владиміра пиръ во дворцѣ и дарилъ князь своихъ богатырей, кого чѣмъ: кого жемчугомъ, кого золотой казной; и говоритъ ему его княгиня: «всѣхъ ты одарилъ, одѣлилъ, одного только удалаго Илью Муромца ничѣмъ не дарилъ!» «Ты еси княгиня неразумная», отвѣчаетъ Владиміръ, «подарю я удалаго молодца тѣми дарами, которые мнѣ пришли отъ татарина, подарю я его тою шубою соболиною». Взялъ Илья Муромецъ шубу ту за одинъ рукавъ, сталъ ее бить о кирпичный полъ, а самъ приговариваетъ: «велитъ мнѣ Богъ шубу бить, велитъ ли мнѣ Богъ бивать татарина басурманина? Судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина, какъ таскаю шубу соболиную, такъ и оттаскалъ бы Калина царя». Придворные же (Гильф. 1277) донесли Владиміру, что Илья говорилъ про «собаку

[44 а]) Рыбниковъ находитъ въ этихъ словахъ «Summa majestas populi».

князя Владиміра» (Гильферд. 1267). «Всѣмъ то намъ твои дары по любви пришли», доносили бояре,

Одному то удалому молодцу
Дары тѣ не по любви пришли,
Что поимени Ильѣ Муромцу» (Пам. и образ. 306)[45]).

Не стерпѣлъ князь такой обиды, приказалъ своимъ скурлатамъ немилостивымъ[46]) бросить Илью въ погреба глубокіе на сорокъ дней, чтобы умеръ съ голоду (Гильферд. 1177); задернуть рѣшетками желѣзными, засыпать хрящемъ—камнемъ. И пробылъ Илья Муромецъ въ погребѣ ровно три года,—за все это время поила и кормила его тайкомъ княгиня (дочь Владиміра.—Гильферд. 305; Рыбн. III. 208); вдовица Апраксія, княгиня (Гильферд. 1177)[46 а]).

45) Митрополитъ Никифоръ укоряетъ Мономаха въ томъ, что слушаетъ наушниковъ (Росс. Древн. I. 71. 72). По словамъ Даніила Зоточника: «князь не самъ впадаетъ въ вещь (злую) а доумцы вводятъ. Съ добрымъ доумцею доумая князь высокаго стола додоумаетъ, а съ лихими доумцами доумаетъ и малаго лишенъ будетъ (Изв. III Отд. А. Н. X. 270).

46) Скурлаты—нарицательное имя отъ Малюты Скуратова, народнаго палача временъ Ивана Грознаго. Сажали въ глубокій погребъ, закладывали и засыпали пескомъ и Бову Королевича (I. 99).

46 а) Въ одной Сербской пѣснѣ по приказу Султана посаженъ въ тюрьму Марко Королевичъ; три года сидитъ онъ тамъ; между тѣмъ разбойникъ Мусю сталъ разорять государство и никто не могъ съ нимъ сладить; вспомнили о Маркѣ и вывели его совсѣмъ одичалаго и слѣпаго изъ тюрьмы. Султанъ уговариваетъ его помочь плачущей *сиротинкѣ*; Марко отъѣдается, получаетъ прежнюю силу, бьется съ Мусей и срубаетъ ему голову (О. Миллеръ, 675). Замѣтимъ, что во время сидѣнія Марка въ темницѣ, ему доставляетъ тихонько пищу Ходжа. Въ одной телеутской легендѣ разсказывается, что къ князю Конгодою пришли три человѣка съ желѣзными луками и сказали ему: «кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы будемъ платить дань; и если Конгодой не можетъ выстрѣлить, пусть плотитъ намъ дань». Никто не могъ натянуть ихъ луковъ; тогда вспомнили про старшаго сына Конгодоя богатыря Шеню, который по злобѣ своихъ братьевъ былъ посаженъ въ глубокую яму. Шеню вынимаютъ изъ ямы и откармливаютъ. Въ другой пѣснѣ, сибирскихъ Киргизовъ, ханъ Конгдаиди сажаетъ въ яму своего сына Суну, по навѣту придворныхъ. Между тѣмъ привозятъ изъ Монголіи огромный лукъ, съ такимъ объявленіемъ, что если у Киргизовъ кто натянетъ этотъ лукъ, то Монголы будутъ платить имъ дань, а если нѣтъ, то должны платить дань Монголамъ Киргизы. Никто небылъ въ состояніи натянуть лукъ; пришлось вынуть изъ ямы Суну; его отрыли, вы-

Ровно черезъ три года подступилъ къ Кіеву царь Калинъ (Смарадоновичъ.—Гильферд. 1293; Каинъ царь.—Рыбн. III. 214), съ несмѣтною силою; призадумался Владиміръ: некому выручить Кіева; тогда княгиня объявила ему, что Илья живъ; отрыли погребъ, а Илья тамъ у стола сидитъ, святое Евангеліе читаетъ, а на столѣ восковая свѣча теплится (Гильферд. 365) [47]). Выбравшись изъ погреба, Илья Муромецъ сперва порубилъ своихъ противниковъ, что про него князю наклепали, а потомъ въ трое сутокъ перебилъ всю силу басурманскую [48]).

Пересказъ 4-й. Въ былинѣ про «Василису Данилову», Илью Муромца сажаютъ въ погребъ за его дерзкія слова: «Ужъ ты батюшка Владиміръ князь! Изведешь ты яснова сокола! не пымать тебѣ бѣлой лебеди!». Слова эти сказалъ онъ, когда Владиміръ собирался взять себѣ въ жены Василису отъ живаго мужа; а мужа приспѣшники хотѣли извести смертію (Памятники великорусск. нарѣч. 1855).

мазали сметаной, откормили мозгомъ изъ костей и тогда Суну натянулъ всѣ три лука, выстрѣлилъ изъ нихъ и сказалъ: «Берите прочь эту дрянь, и убирайтесь вонъ!» И тогда тѣ три человѣка пошли прочь, и стали платить дань (Стасовъ, 665; Radloff, Proben, I. 206).

[47]) Въ запискахъ Барскаго (СПБ. 1800, стр. 1800) есть повѣсть объ иконѣ Богородицы *Олтарницы*, которая могла послужить (въ древней редакціи) мотивомъ при составленіи разсказа о выходѣ Ильи изъ погреба. Во время нашествія Сарацынъ на Аѳонскіе монастыри въ 862 году, одинъ изъ стражниковъ опустилъ эту икону, вмѣстѣ съ крестомъ, въ колодезь, «и съ ними купно свѣщу возженну и покры ю съ верху искусно». Черезъ сто лѣтъ стражникъ тотъ возвратился изъ плѣна, раскрылъ колодезь, въ глубинѣ котораго икона была совершенно цѣла «и свѣща предъ нею горяща». Эта же легенда разсказывается объ иконѣ нерукотвореннаго Спаса; (см. № 1063: III. 432). Мнѣ помнится еще одна легенда о замурованіи греческаго священника турками; священникъ этотъ черезъ 100 лѣтъ былъ найденъ живымъ и съ горящею передъ нимъ свѣчею; не могу припомнить, гдѣ я читалъ или слышалъ ее. Рембо приводитъ въ параллель съ разсказомъ о заключеніи Муромца легенду объ Ожье, который былъ посаженъ въ темницу Карломъ Великимъ, и котораго, во время заключенія, кормили архіепископъ Турпинъ и сама императрица (Rambaud, 59). Ѳ. И. Буслаевъ припоминаетъ по этому же случаю о томъ, что и В. К. Ольга приказала бросить Древлянскихъ пословъ въ глубокую яму (Журн. Мин. Народ. Просв., Апр. 1871, 230).

[48]) Басурманъ—отъ (Бассора) Bassora-man, точно такъ, какъ и Мусульманъ отъ (Моссулъ) Mossul—man??

Мишатычка Путятинъ сынъ совѣтуетъ Владиміру жениться на Василисѣ Никуличнѣ, женѣ Данилы Денисьевича, а мужа ея напередъ уморить. Согласившись на это, Владиміръ приказываетъ послать Данилу къ ключу греческому, поймать птичку бѣлогорлицу для княжескаго стола, да еще льва лютаго; отправляется Данило, — но вмѣсто звѣрей находитъ у ключа силу русскую, посланную Владиміромъ на его погибель; только что онъ побилъ эту силу своей саблею, какъ смотритъ, на него идутъ бранью братъ его родной Никита Даниловичъ, да братъ названный Добрыня Никитовичъ; не стерпѣлъ Данило того, что «братъ на брата съ боемъ идетъ», упалъ онъ на вострое копье свое *„спороль себѣ груди бѣлыя“*.

Не отдалась таки Владиміру и жена его Василиса; выпросилась она повидаться съ убитымъ мужемъ своимъ и надъ его трупомъ *спорола себѣ груди бѣлыя* булатнымъ ножемъ (Кир. III. 33). Такимъ образомъ сбылись слова Ильи Муромца. Владиміръ освободилъ его изъ погреба, а Мишатычкѣ «котелъ смолы пожаловалъ» (Кир. II. 38) [49]).

10. Битвы Ильи Муромца съ басурманами описываются во многихъ, разнообразныхъ пересказахъ: по однимъ изъ нихъ, Илья бьется, одинъ на одинъ, съ поганымъ Идолищемъ, по другимъ, вмѣстѣ съ богатырями и съ племянникомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, освобождаетъ Кіевъ отъ нашествія Калина Царя, Батыя Батыевича (онъ же Мамай) и бабищи Мамаишны.

Пересказъ 1-й: *Бой Ильи съ Идолищемъ.* Ѣздитъ Илья по чистому полю 12 лѣтъ (Кир. IV. 18); въѣздъ въ Кіевъ въ эти годы былъ ему заказанъ (Кир. IV. 19. 36). Попадается ему на дорогѣ Калика сильный Иванище (Кир. IV. 18), съ которымъ Илья еще въ Карачаровѣ грамотѣ учился (по сказкѣ), и говоритъ ему, что Кіевъ городъ обнасильничалъ Идолище поганое [49 a]) (Едолище, Батыга Батыговичъ. — Гильфер. 1149; или чудище Полка-

[49]) Въ этой исторіи Владиміръ сопоставляется съ Иваномъ Грознымъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 620). Напоминаетъ она и библейскую исторію царя Давида съ Уріемъ.

[49 a]) Въ лѣтописяхъ Половцы и Татары называются «погаными, хотящими прольяти кровь хрестьянскую» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 133).

нище.—Кир. I. XXXV); не приказано де въ Кіевѣ просить милостыни спасенья и не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ. Сидитъ Идолище у Владиміра въ новомъ теремѣ, а руки у княгини держитъ въ пазухѣ, и нѣкому въ Кіевѣ съ нимъ перевѣдаться. «Ай же ты калика перехожая», говоритъ ему Илья, «молодца въ тебѣ въ два меня, и силы то у тебя въ три меня, а смѣлости нѣтъ и въ полъ меня; скидывай ты платье каличье, и надѣвай на себя мое платье богатырское (насильно отнялъ у Калики Иваница клюку—Рыбн. I. 86)[50]).

Переодѣлся Илья въ каличье платье, и отправился въ Кіевъ, прямо въ княжескій теремъ. Увидалъ его Идолище и спрашиваетъ,—откуда пришелъ и знаетъ ли Илью Муромца, и помногу ли Илья хлѣба ѣстъ и пива пьетъ. Отвѣчаетъ Илья, «буде хочешь узнать богатыря Муромца, на меня гляди; и ѣстъ Илья по калачику, пьетъ по стаканчику». Посмѣялся надъ нимъ Идолище: «я по сороковкѣ къ выти пива пью, да по три печи хлѣба съѣдаю» [50 а]).

«У моего батюшки, у нашего попа у Левонтья Ростовскаго (Гильферд. 24) «сказалъ Илья,» было старое коровище обжорище (кобылище объѣдище.—Гильферд. 908) ста годовъ; вышло оно на задворье, обожралось дробиною, да тутъ и треснуло» [51]). Не понравились эти слова Идолищу; бросилъ онъ ножемъ въ Илью; а Илья снялъ съ себя шляпу земли греческія, да и пришибъ Идолище

[50 а]) *Выть*—земельный участокъ положенной мѣры, даваемый на прокормленіе; отъ выти—повытье или столъ,—повытчикъ, завѣдывающій вытями или столоначальникъ. Служащимъ и царскимъ мастерамъ, вмѣсто земельныхъ участковъ, выдавалось денежное жалованье и хлѣбный кормъ, тоже деньгами, который считался на *юфти*, причемъ въ каждой юфти полагалась четверть ржи и четверть овса. Знаменщику и рѣзчику оружейной палаты выдавалось напримѣръ, въ 1620 году, денежное жалованье по 8 рублей, да хлѣбеннаго деньгами за 8 юфтей (В. Румянцевъ въ моей книгѣ: Русскіе граверы. стр. 361).

[50]) Точно такъ переодѣвается и Бова Королевичъ: «увидѣлъ старца, щепы гребетъ и рече Бова старцу, дай ты мнѣ старецъ съ себя черное платье: а возьми съ меня мое цвѣтное платье; старецъ сталъ говорить: государь храбрый витязь Бова королевичъ непригодно мнѣ твое цвѣтное платье, а мое тебѣ черное платье, въ цвѣтномъ мнѣ милостыни не подадутъ, и Бова ударилъ старца о землю, снялъ съ себя цвѣтное платье, и надѣлъ на себя черное платье» (I. 101).

[51]) Дробина—ячменное зерно, оставшееся послѣ выварки изъ него пива.

(Кир. IV. 21)[51 а]). У Даля Идолище названъ Полканомъ; Илья ударилъ его плетью и раскололь нàдвое *пса-богатыря* (Кирѣев. I. XXXIV). Вывелъ Идолище на дворъ: «не честь де окровавить крылечко княжеское»,—и тамъ расшибъ его (Гильф. 888)[52]).

По одному пересказу, послѣ казни Идолища, Илья возвращается къ Иванищу, мѣняется съ нимъ платьемъ и говоритъ ему:

[51 а]) Отсюда, должно быть, произошла и хвастливая поговорка русская: «шапками забросаемъ!»

[52]) По другой пѣснѣ тоже дѣло происходитъ въ Іерусалимѣ; странникъ калика Данило Игнатьевичъ разсказываетъ Ильѣ о томъ, какъ Одолище завладѣло царемъ Константиномъ Боголюбовичемъ и царицей Еленой Александровной. Илья убиваетъ Одолище (Кир. IV. 35) и беретъ за это съ царя три мисы сокровищей, сказавъ: «это мое заслуженое; три часа всего послужилъ тебѣ, а получилъ и слово привѣтливое и хлѣбъ соль мягкую; у Владиміра князя служилъ я тридцать годовъ, да ничего не выслужилъ» (Кир. I. 94). Рембо полагаетъ, что эта былина могла образоваться вскорѣ послѣ взятія Турками Константинополя въ 1453 году (Rambaud, 62).

У Гильфердинга есть пѣсня, въ которой Илья, убивъ идолище Батыгу Батыевича, ѣдетъ за городъ, и уничтожаетъ всю его басурманскую силу; потомъ онъ ѣдетъ къ Литовскому королю, у котораго высватываетъ любимую его дочь Марью Митревну за своего названаго брата, Ивана могучаго (Гильф. 131). По другой пѣснѣ, Илья, переодѣвается въ платье *старчища Пилигримища* и бьется съ Идолищемъ, которое ѣздитъ подъ облакомъ на крылатомъ конѣ, подобно Тугарину. По молитвѣ Ильи у Идолищина коня подмочило крылья дождичкомъ; и спустился Идолище на землю и убилъ его Илья клюкой въ голову (Рыбн. III. 33). Есть сказка, въ которой Идолище жидовское, Скоропитъ (скорпіонъ?) и Тугаринъ Змѣевичъ состоятъ богатырями на службѣ въ Цареградѣ у царя Константина Боголюбовича и царевны Елены Александровны. Русскіе богатыри: Илья Муромецъ, дворянинъ Залѣшаничъ, Алеша Поповичъ, Глапитъ, Суханъ Домантьевичъ, дворянинъ Бѣлая Палица, да Добрыня Никитичъ,—всего семь человѣкъ, уѣхали тайкомъ изъ Кіева къ Царьграду погулять; въ полѣ встрѣтили они калику Никиту съ каликами, возвращающихся изъ Іерусалима, помѣнялись съ ними одежой и пріѣхали въ Царьградъ. Царь Константинъ хвастаетъ передъ ними своими богатырями; Идолище проситъ отпустить его съ богатырями въ Кіевъ, «привезутъ де они оттуда князя Владиміра и его княгиню, и въ Кіевѣ сдѣлаютъ сѣчь великую». Потомъ стали богатыри Цареградскіе хвастаться своими конями; но русскіе калики завели съ ними драку, поколотили ихъ, отобрали у нихъ коней и увели съ собой Тугарина Змѣевича; Идолъ Скоропитъ остался у царя Константина. Впрочемъ и Тугарина Змѣевича Владиміръ возвратилъ Константину, такъ какъ богатыри дали обѣщаніе царицѣ Еленѣ отпустить его (Памятн. Русск. Лит., т. II; Кир. IV. 38). Л. Майковъ замѣчаетъ, что Мономахъ посылалъ въ 1116 г. свое войско противъ византійскаго императора Комнена Алексѣя (Полн. собр. русск. лѣтоп., Ипатьевская лѣтоп., II. 8).

«въ другой разъ такъ не дѣлай, а защити крещеную землю отъ татарина». Еще въ другомъ разсказѣ,—Идолище летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ; Илья выпрашиваетъ у Бога дождя, чтобы подмочилъ Идолищу крылья; Идолище съ замокшими крыльями падаетъ на землю, и Илья убиваетъ его (Сравни Добрыню и Алешу Поповича и прим. 52 на стр. 41).

Пересказъ 2-й: Калинъ Царь. Подступилъ къ Кіеву Калинъ Царь, или Каинъ, — Калинъ Калиновичъ (Гильферд. 864), съ зятемъ своимъ Сартакомъ и сыномъ Лоншекомъ[53]). «Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?» говоритъ былина про это время,

«Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго;
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго

Не можно крещенымъ намъ живымъ быть» (Кирша Даниловъ. 242). Въ тѣ поры былъ въ Кіевѣ богатырь Василій пьяница; взбѣжалъ онъ на башню стрѣлецкую, пустилъ стрѣлу въ Калина царя, да не попалъ въ него, а попалъ въ его зятя въ Сартака, прямо въ глазъ, да и убилъ его на поваль[54]).

---

[53]) К. Аксаковъ замѣчаетъ, что Калинъ-царь имѣетъ весь видъ татарскаго хана; его нашествіе дышетъ ужасомъ нашествія Татарскаго (К. Аксаковъ, Сочиненія, I. 373). Пѣсня о Калинѣ царѣ, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, «явственно отмѣчаетъ періодъ татарскій, когда съ особой энергіей совершился переходъ въ народной фантазіи, отъ миѳовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому» (Очерки, I. 373).

Въ сказаніи о нашествіи Батыя есть мѣста, напоминающія наши былины: «И небѣ слышати въ градѣ глаголюще другъ къ другу въ скрыпаніи телѣгъ его». «И ту бѣ видѣть ломъ копейный, щитомъ скепаніе, и стрѣлы омрачиша свѣтъ»... «единому рязанцу битися со стомъ татариновъ».

Евпатій, притупивъ о татаръ свои собственные мечи, «емля мечи татарскіе, сѣчаше ихъ». Онъ же, «исполинъ сый, силою наѣха на Хоздовула богатыря и разсѣче его на̀ полы до сѣдла и многихъ богатырей и татаръ побивъ: овы на̀ полы просѣкая, а иные до сѣдла крояше».

[54]) О подобномъ происшествіи записано въ Никоновской Лѣтописи: въ 1381 году, во время осады Москвы Тохтамышемъ, почти все населеніе, застигнутое въ расплохъ и лишенное возможности защищаться, предалось пьянству;

И посылаетъ Калинъ царь въ Кіевъ, чтобы выдали ему виновнаго. Пріунылъ князь Владиміръ; да пришелъ выручить его Илья Муромецъ; насыпали они три мисы (три телѣги ордынскія.— Гильф. 378) золота, серебра и жемчуга; самъ князь нарядился поваромъ, вымаравшись котельной сажей, и отправился съ Ильей къ Калину, просить на три дня отсрочки [55]). Дары Калинъ царь отъ нихъ принялъ, а отсрочки не далъ, да еще Илью Муромца, за дерзкія его рѣчи, приказалъ связать шелковыми чембурами, и сталъ ему плевать въ глаза. Не понравилось это Ильѣ Муромцу, изорвалъ онъ чембуры на могучихъ плечахъ [56]), схватилъ татарина за ноги, да и давай имъ помахивать, — перебилъ всю силу татарскую [57]). Потомъ схватилъ за руки Калина царя: «васъ то царей не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ», согнулъ его корчагою, поднялъ выше головы, ударилъ о горючъ камень и расшибъ въ дребезги; а самъ вернулся въ Кіевъ, отыскалъ тамъ на Петровскомъ Кружалѣ Василья Пьяницу Игнатьева, назвался съ нимъ братомъ, и стали они у Владиміра попивать зелено вино (Кирша Даниловъ, см. выше; Кир. I. 76). Владиміръ предлагаетъ Ильѣ золотую казну, села съ приселками,—Илья ничего не принимаетъ: «дай мнѣ», говоритъ, «похвальный листъ своей руки» (Гильф. 865).

По другой пѣснѣ подступаетъ подъ Кіевъ Батый Каймановичъ (Каймаковичъ?) съ двумя сыновьями и зятемъ Лукаперомъ [57 а]).

немногіе дѣйствовали со стѣнъ противъ непріятеля и между прочимъ, «нѣкто гражданинъ Москвитинъ суконникъ, именемъ Адамъ, со Фроловскихъ воротъ пусти срелу изъ самострѣла и уби нѣкоего отъ Князей ордынскихъ, сына нарочита и славна суща, і печаль велику сотвори Тахтамышу царю і всѣмъ княземъ его (Р. Л. по Никон. спис. IV. 135).

[55]) Въ одной пѣснѣ Владиміръ ѣдетъ къ Басурманамъ въ коляскѣ, а Илья Муромецъ становится къ нему на запятки (Гильф. 706). Коляска отъ *коло*= колесо.

[56]) Въ одной пѣснѣ къ Ильѣ прибѣгаетъ его конь, и перегрызаетъ чембуры, которымъ онъ былъ связанъ (Гильф. 309). *Чембуръ*, по казачьи *повалецъ*,— третій, одиночный поводъ уздечки, за который водятъ и вяжутъ верховаго коня; на немъ даютъ коню *поваляться* (Кирѣев. I. 75).

[57]) Такимъ же способомъ расправлялся съ врагами и Еруслань Лазаревичъ: И ухвати Урусланъ одново богатыря, и убилъ ево до смерти, да тѣмъ многихъ богатырей побилъ (Тихонравовъ, Лѣтоп., III. 118).

Въ тѣ поры Илья Муромецъ былъ усланъ въ землю Латинскую закупать коней богатырскихъ; Добрыня—за черкаскими седлами; Алеша Поповичъ закупать пшено въ землю Сорочинскую; дома остался одинъ Василій Казнѣровичъ Пьяница: его идутъ звать на помощь и выводятъ изъ кабака (который онъ самъ и держитъ). Сперва Пьяница ломается, озарничаетъ: раздѣваетъ бояръ до нага, обираетъ у нихъ платье, колотитъ ихъ и выгоняетъ; потомъ когда, идетъ упрашивать его самъ Владиміръ, Пьяница выпиваетъ три чаши вина:одну похмѣльную чарочку, что пьетъ Илья Муромецъ въ полсёма ведра, другую чарочку заздравную, Добрынину, въ полпята ведра, и третью чарочку веселую, Алеши Поповича, въ полтретья ведра; отправляется стрѣлять въ непріятельскіе таборы и попадаетъ прямо въ глазъ Лукаперу. Осердился Батый, требуетъ выдать ему Пьяницу; бояре просятъ Владиміра выдать его; тогда Пьяница *смахнулъ* съ себя чудный крестъ, и отправляется къ Батыю съ словами: «принимаешъ ли ты насъ, добрыхъ молодцовъ, мы съ тобой возмемъ вмѣстѣ Кіевъ градъ, возьмемъ, вызжемъ, вырубимъ, божьи церкви на дымъ пустимъ, князя со княгиней въ полонъ возмемъ, а князей—бояръ въ котлѣ сваримъ» (Кир. II. 94). По другимъ пѣснямъ, Пьяница, подпивши у Батыя, побиваетъ его войско (Кир. II. 96)[58]).

[57 а]) Богатырь Лукаперъ заимствованъ изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ (I. 95).

[58]) У Кулиша приведена подобная же легенда о золотыхъ Кіевскихъ воротахъ (Записки о Южн. Руси, I. 3), сходная съ былиной о Васильѣ Пьяницѣ: Подступилъ къ Кіеву Татаринъ; былъ въ то время въ городѣ богатырь Михайликъ; взошелъ онъ на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, такъ, что попала она Татарину прямо въ миску. Только что сѣлъ Татаринъ обѣдать, только что благословился было поѣсть, стрѣла и воткнулась въ жаркое. «Э!» говоритъ, «да тутъ есть сильный богатырь! Выдайте мнѣ», говоритъ онъ Кіевлянамъ, «Михайлика, такъ отступлю. «Вотъ Кіевляне начали совѣтоваться: «а чтожы? отдадимъ?» А Михайликъ имъ на то»: Коли выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ Кіевлянамъ и проговорилъ: «Ой, Кіяне, Кіяне, честная громада! Поганая ваша ряда! Когда Михайлика не выдавали, — пока свѣтъ солнца—враги бы Кіева не достали?» И поднялъ онъ копьемъ ворота—вотъ какъ подымаешь снопъ святаго жита—и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ, а Татары и не видятъ его.

Пересказъ 3-й: Калинъ царь и Ермакъ. Подступилъ къ Кіеву Калинъ царь и посылаетъ онъ къ князю Владиміру посла татарина сказать ему, хочетъ де онъ княгиню Опраксію, отъ живаго мужа, за себя за мужъ взять. Пригорюнился князь, зоветъ богатырей на помощь; но богатыри Добрыня, Потапъ Михайловъ, по подговору Ильи Муромца, а потомъ и самъ Илья, отказываются драться съ татарами: «примахались де наши бѣлыя ручки, прискакались рѣзвыя ножки, помутилися ясныя очи; не можемъ больше стоять за Кіевъ градъ». Тогда Владиміръ зоветъ своего племянника Ермака Тимоѳеевича, который и отправляется драться съ татарами, въ то время, какъ другіе богатыри забавляются въ шатрѣ въ шашки—шахматы. Ермакъ бился съ татарами три дня и три ночи; тогда позвалъ Илья Муромецъ богатырей къ нему на помощь; и прибили они всю силу татарскую въ три часа; самаго же Калина царя Илья стащилъ съ кроватки рыбій зубъ [59]), изъ подъ одѣяльца соболинаго, переломалъ ему ноги да руки, другому татарину выкололъ глаза, привязалъ ему Калина за плеча, а самъ выговаривалъ: «Нутко татаринъ, неси домой, а ты, собака, дорогу показывай» (Рыбн. I. 106).

Пересказъ 4-й: Батый Батыевичъ. Приходитъ подъ Кіевъ изъ за Чернаго моря царь Батый Батыевичъ съ своимъ сыномъ Таракашкой (Тараканомъ Карабликовымъ.—Гильферд. 361) и зятемъ Ульюшкой, и шлетъ онъ Бурзу-Мурзу Татаровича съ ярлыкомъ, чтобы выдали ему трехъ богатырей: Илью Муромца,

---

А вотъ какъ онъ открылъ ворота, чужеземцы ввалились въ Кіевъ, да и пошли потоптомъ. А Богатырь Михайликъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ; передъ нимъ стоитъ стаканчикъ воды, да просвирка лежитъ: больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И какъ идучи мимо, кто нибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! Стоятъ всѣ опять тамъ, гдѣ стояли!» то золото такъ и засіяетъ. А если не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ ужъ, не бывать вамъ въ Кіевѣ!»—то золото такъ и померкнетъ.—И будетъ, говорятъ, такое время, что Михайликъ вернется въ Кіевъ и постановитъ ворота на свое мѣсто (Буслаевъ, Очерки, I. 422).

[59]) *Рыбья кость*—въ поморьѣ такъ называется моржевый зубъ, который цѣнится дороже слоновой кости, ибо крѣпче ее и не желтѣетъ отъ употребленія. Въ поморьѣ, въ прежнее время, изъ моржеваго зуба точили много подѣлокъ; теперь онъ вывозится почти цѣликомъ за границу.

Добрыню, да Алешу Поповича; «иначе де богатырей подъ мечъ склоню, князя съ княгиней, добрыхъ молодцевъ да красныхъ дѣвицъ станицами полоню, а божьи церкви на дымъ спущу». Сильно призадумался князь Владиміръ: Апраксія княгиня посовѣтовала Владиміру по всѣмъ по губерніямъ выпустить на волю *затюремщиковъ*, да позвать на пиръ могучихъ богатырей да козака Илью Муромца; «хоть онъ и сердитъ на тебя, а можетъ придетъ на пиръ (Гильферд. 376). Встрѣчаетъ Владиміръ Илью Муромца, переряженнаго каликой; а Ильѣ напредь того за двѣнадцать лѣтъ уже отъ Кіева было отказано.

И поклонился князь Ильѣ до земли и сталъ онъ уговаривать его, постараться за вѣру христіанскую: «не для меня и не для княгини Апраксіи, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей» [60]). Смиловался Илья, и отправился онъ съ Владиміромъ къ Батыю просить отсрочки на три года и три мѣсяца. Угостилъ ихъ Батый зеленымъ виномъ, но отсрочки далъ имъ всего на три дня.

За это время Илья съѣздилъ за Дунай рѣку и привелъ оттуда братановъ богатырей; бой уставили они такъ: Самсону Колывановичу, племяннику Ильи, досталась правая рука [61]), Никитѣ съ

60) По одному пересказу, Илья сидѣлъ въ это время въ погребѣ, по приказу Владиміра. Выслушавъ просительныя рѣчи, онъ говоритъ: «Я иду служить за вѣру христіанскую, и за землю россійскую, да и за стольный Кіевъ градъ, за вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей, и за тебя молодую княгиню вдовицу (?) Апраксію. А для собаки-то князя Владиміра да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба» (Гильф. 1179).

61) Въ одной пѣснѣ крестный отецъ Ильи «Самсонъ Манойловичъ» отказывается идти драться за князя и княгиню: «Князь де бояръ все слушаетъ, а богатырей не почитаетъ (Рыбн. III. 210). В. Стасовъ приводитъ монголо-калмыцкую поэму Джангаріаду, изъ которой заимствованы отдѣльные эпизоды нашей былины о Калинѣ царѣ и Ермакѣ. Ханъ Шарро Гурго посылаетъ къ Хану Богда-Джангару своего Бурзу—Бёкё—Цагана требовать, чтобы онъ отдалъ ему лучшаго своего коня и двухъ богатырей Хонгора и Алтана—Цедши, и что въ противномъ случаѣ Гурго засыплетъ его царство и уничтожитъ его имя. Бурза пріѣзжаетъ къ Джангару, бросаетъ коня своего на дворѣ, безъ привязи, и объявляетъ Джангару требованіе Гурги. Богатырь Хонгоръ гнѣвно отвѣчаетъ Бурзѣ, что требованіе его выполнятъ тогда, когда погибнутъ всѣ богатыри. Затѣмъ Хонгоръ ѣдетъ тайкомъ въ лагерь Гурга, выноситъ его соннаго изъ палатки; но конь его отказывается скакать далѣе; и Хонгоръ бро-

Алешей,—лѣвая, а самому Ильѣ Муромцу середка силы, *матица*. И рубились богатыри съ Батыемъ двѣнадцать дней *не пиваючи не ѣдаючи, добрымъ конямъ вздоха недаваючи;* и поѣхали богатыри отдохнуть, только Илья одинъ отдыхать не поѣхалъ; и говоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «смотри Илья, накопаны у татаръ три рва глубокіе, понатыканы въ тѣхъ рвахъ копья да сабли; изъ перваго подкопа я выскочу, изъ второго тоже выскочу; а въ третьемъ останемся и ты и я» [62]).

Не повѣрилъ Илья коню своему, бьетъ его по крутымъ ребрамъ и ругаетъ: «охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ! ты не хочешь служить за вѣру христіанскую»,—и пала лошадь въ третій подкопъ, и взяли Илью татары въ полонъ.

Предлагалъ ему Батый поступить къ нему на службу на три года,—да не полюбилось то Ильѣ; «послужилъ бы я», говоритъ «по твоей по шеѣ, по татарскія!» [63]), и приказалъ Батый за то разстрѣлять его стрѣлами калеными; и сталъ просить его Илья: «ты де такъ казни, какъ на Руси богатырей казнятъ; у насъ выведутъ на поле на Куликово [63 а]), положатъ голову на плашку на липовую, да по плечи отсѣкутъ буйну голову» [63 б]).

саетъ Гургу о земь и скачетъ назадъ; его настигаютъ враги, происходитъ бой,—Хонгоръ начинаетъ уже изнемогать; но обращается съ мольбой къ золотому талисману, полученному имъ отъ великаго Ламы. Силою этой молитвы Джангаръ узнаетъ, что Хонгору приходится плохо, онъ спѣшитъ къ нему на выручку. 72 мѣсяца длится бой его съ войсками Гурги; Алтанъ-Цедши бьется вередина, Джангаръ въ правой рукѣ, Хонгоръ въ лѣвой. Дѣло кончается полной побѣдой надъ Гургой. (Стасовъ, 672.—Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmucken, Riga 1805, IV. 190). Въ нашихъ пѣсняхъ Илья Муромецъ является товарищемъ, не только Ермаку Тимоѳеевичу, но и Стенькѣ Разину (Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар., I. 245).

[62]) Такую же яму, наполненную копьями и мечами, приказалъ вырыть Кабульскій царь; Рустемъ съ своими воинами попалъ въ нее и погибъ тамъ со всѣми конями (Стасовъ, 674.—Mohl, IV. 705).

[63]) Такія же слова говорятъ въ пѣсняхъ: Кн. Пожарскій Крымскому хану (Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар., I. III. 258) и Краснощековъ Левенгаупту (тамже, 242). Тоже самое расказывается въ другомъ пересказѣ про Царище поганое и Владимірова богатыря Михайлу Данильевича (Рыбн. III. 111).

[63 а]) По замѣчанію П. Витовтова, здѣсь упоминается Куликово поле Петербургское, на которомъ рубили головы при Петрѣ; отъ этого поля вѣроятно вышла и пословица: ступай къ черту на кулички.

[63 б]) Подобную же хитрость употребилъ царь Соломонъ, попавшись въ

Показалось то слово Батыю, и приказалъ онъ вывести Илью на поле Куликово; и взмолился Илья угоднику Николаю: «погибаю я за вѣру христіанскую!» И прибыло у него силы вдвое; схватилъ онъ за ноги татарина, да и началъ около себя помахивать; и тутъ подскакалъ къ нему его вѣрный конь; сѣлъ на него Илья и побилъ онъ татаръ чуть не до единаго (Кир. IV. 46)[63 в]).

Пересказъ 5-й: Подступаетъ къ Кіеву Мамай съ девятью сыновьями, девятью дочерями, и девятью зятьями; даетъ онъ Владиміру сроку на три дня; послѣ этого срока, начинаетъ драться съ татарами племянникъ Ильи Ермакъ Тимоѳеевичъ; бьется онъ ровно двѣнадцать дней, — тутъ уже подоспѣваютъ къ нему и прочіе богатыри съ Ильею Муромцемъ, и побиваютъ Мамаевы полчища (Кир. I. 63).

Пересказъ 6-й: Ермакъ и Бабища Мамаишна. Послѣ побѣды надъ Калиномъ царемъ богатырей спровадили потѣшаться на Куликово поле; въ Кіевѣ имъ жить не приходится: «разгуляются, распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать, народу не вытерпѣть,— котораго толкнутъ,—тому смерть да смерть».

На Куликовомъ полѣ пріѣзжаетъ къ богатырямъ *Бабища Мамаишна*; головище у ней съ дощанище, глазища съ пивные корцы[64]). Вызываетъ она богатырей: «вы де побили всю нашу

плѣнъ къ царю Китоврасу (или же Пору). Когда Китоврасъ приказалъ повѣсить его, то Соломонъ упросилъ устроить ему казнь торжественную на полѣ; всходя на висѣлицу, Соломонъ проситъ позволенія поиграть на трубѣ; по первой трубѣ войско Соломоново въ Іерусалимѣ сѣдлаетъ коней; по второй садится на коней, а по третьей скачетъ въ Китоврасово царство и выручаетъ Соломона (Изд. общ. любит. древн. письмен., № XV, 1876).

[63 в]) Точно такъ, когда по приказу Салтана Салтановича повели Бову на висѣлицу, тридцать юношей за правую руку, тридцать за лѣвую, и увидѣлъ Бова рели и петлю, прозлезился, и сказалъ самъ себѣ: «какая моя неправда, за что погибаю!» И вложи Богъ мысль въ его сердце, чтобы онъ сильный и славный богатырь не погибъ, и тряхнулъ Бова правою рукою и тридцать юношей убилъ, и побежалъ отъ задонскаго царства (I. 98). Въ другомъ мѣстѣ въ бою его съ Полканомъ богатыремъ помогаетъ Бовѣ Королевичу его конь (I. 106).

[64]) *Дощанище*=чанъ; *дощаники*=лодки изъ легкихъ досокъ, на которыхъ возвращались, въ былое время, волжскіе бурлаки, послѣ лямочной тяги. У огородниковъ дощаниками называются лари, съ квашеной капустой, зарытые въ землю. Корецъ=большой деревянный ковшъ; тоже хлѣбная мѣра поменьше гарнца.

силу Мамаеву, и царя моего убили, счастье ваше, что меня тогда съ нимъ не было; выходите-ка теперь со мной биться, да по одному, а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно». Хотѣлъ было пораспravиться съ нею Илья Муромецъ, да не допустилъ его къ тому молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ: пошелъ самъ на Мамаишну; и бились они съ ней двѣнадцать дней, и сталъ было Ермакъ изнемогать,—да научилъ его Илья, какъ надо бабу бить: за бѣлы груди схватить, да о сыру землю бросить. И послушалъ дядю Ермакъ, и убилъ Бабищу (Кир. I. 66).

Пересказъ 7-й: Соколъ корабль. Тридцать лѣтъ гуляетъ по морю по Хвалынскому *Соколъ корабль*, тридцать лѣтъ (13 лѣтъ,—Кир. I. 40) онъ на якорѣ не стаивалъ; хорошо Соколъ корабль разукрашенъ, бока его сведены по звѣриному, носъ да корма по змѣиному, на кормѣ правитъ Полканъ богатырь, а всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ. На Ильѣ кафтанъ (Кир. I. 40, рудожелтой камки); пуговки золотыя, а на каждой пуговкѣ по лютому звѣрю, по заморскому льву; онъ по кораблю похаживаетъ—тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ. И напали на Соколъ корабль разбойники, горскіе Татары съ Калмыками: повелъ Илья по пуговкамъ тросточкой, пуговки разгремѣлися, лютые львы разревѣлися, а разбойники съ испугу разбѣжалися (Кир. I. 22).

Въ другихъ пересказахъ атаманомъ на кораблѣ былъ Святогоръ богатырь, а подъ-атаманомъ Илья Муромецъ, и нападаетъ Соколъ корабль на Турецкой флотъ (Кир. I. 23). Или же: командуетъ кораблемъ Симеонъ богатырь, да второй богатырь Илья Муромецъ; на кораблѣ этомъ устроено было два торга, да четыре кабака (Кир. I. 40).

Пересказъ 8-й: Савишна. Собиралъ князь Владиміръ войско на *Загорскаго Тугарина Белевича* [65]); и порѣшили бояре, что рать

---

[65]) По замѣчанію П. В. Безсонова, Тугаринъ *почти несомнѣнно* Половецкій князь Тугорканъ, у котораго Святополкъ Михаилъ взялъ въ замужество дочь, и на внукѣ котораго Мономахъ женилъ своего сына Андрея. Онъ убитъ въ битвѣ противъ русскихъ, и похороненъ въ Кіевѣ. Въ Лаврентьевской лѣтописи объ этомъ событіи говорится подъ 1096 годомъ: Святополкъ и Владиміръ побили Половцевъ, «и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи...

поведетъ на врага Илья Муромецъ; и послали гонца къ нему, чтобы спѣхомъ спѣшилъ въ Кіевъ. Въ тѣ поры Илья на охотѣ далече полевалъ; дома случилась только молодая жена его Савишна. Выслушала она княжескій наказъ, и говоритъ гонцу: «ты гонецъ назадъ бѣги, а Илья будетъ за тобой»; а сама одѣлась въ платье богатырское и поскакала къ Кіеву; повела рать противъ Тугарина и разбила его на голову; убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскіе, проклинаючи богатыря Илью Муромца; а богатырь Илья Муромецъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ (Кир. I. 58).

11. Бой Ильи Муромца съ сыномъ и съ дочерью. Промежъ Кіева и Чернигова стояла руская застава [66]), атаманомъ на ней былъ Илья Муромецъ, подъ-атаманомъ Добрыня Никитичъ (или Дунай Ивановичъ.—Кир. I. 52), есауломъ Алеша Поповичъ; еще были у нихъ богатыри: Гришка боярскій сынъ, да Васька Долгополый (Кир. I. 51); еще семь братьевъ Грядовичей или Збродовичей, мужики Залешане, Потыкъ сынъ Ивановичъ (Рыбн. I. 75) и два брата Агрикановы (Рыбн. II. 346) [66 а]). И завидѣли богатыри

Назаутрье же налѣзоша Тугоркана мертвого и взя и Святополкъ акы тьстя своего и врага, и привезше и къ Кыеву погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестовъ и другымъ въ монастырь идуще» (Кирѣев. IV. CXVI).

66) Слово застава, «еже есть сторожевой постъ», встрѣчается въ Никоновской Лѣтописи подъ 1367 годомъ (IV. 21); но употребленіе сторожевыхъ пограничныхъ ставокъ извѣстно было гораздо ранѣе; такъ въ сагѣ объ Олафѣ Тригвазонѣ видимъ, что этотъ Норманъ служилъ у Владиміра начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ (Antiquités Russes, I. 278). И въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ не разъ упоминаются *сторожи* въ томъ же смыслѣ (Л. Майковъ: О былинахъ, 79).

66 а) *Агриканъ* богатырь упоминается въ сказкѣ о Добрынѣ Никитичѣ (I. 24); кромѣ того, въ житіи Петра и Февроніи Муромскихъ говорится о мечѣ (а не о копьѣ) Агриковомъ. Этотъ мечъ принадлежалъ древнему герою Агрику, былъ завѣщанъ имъ народу и заложенъ въ стѣну храма; Петръ Муромскій добылъ этотъ мечъ, и убилъ имъ змѣя дьявола, летавшаго въ образѣ брата Петрова на ложе снохи его. Сказаніе это находится во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка. Въ печатные Минеи и Прологи оно не вошло (Снегиревъ: Лубочн. карт., М. 1861, 96; Рыбн. II. XXV). Чулковъ упоминаетъ о могилѣ Агрикана: «сей курганъ или холмъ виденъ днесь и находится верстахъ въ трехъ отъ Оренбурга, въ правой сторонѣ, ѣдучи къ сему городу отъ Казани (Русск. сказки, I. 108).

разъ, мимо ихней заставы богатырь жидовинъ проѣхалъ; стали совѣтъ держать кому за Нахвальщикомъ ѣхать[67]): Гришка—рода боярскаго, боярскіе роды хвастливые, на бою—дракѣ призахвастается; послать Алешу Поповича,—Алешенька рода поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія; увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ золото,—золоту позавидуетъ, погибнетъ Алеша понапрасному (Кир. I. 51). Залешане—мужики «бѣда дремать», продремлютъ богатыря въ чистомъ полѣ; послать Сбродовичей,—ребята они молодые, ни за что погибнутъ ихъ головушки; послать Ваську Долгополаго,—«у Васьки полы долгія, ходитъ по землѣ заплетаются, на бою погибнетъ по напрасному».

Рѣшили послать Добрыню Никитича; однако Добрыня испугался, увидѣвъ Нахвальщика, вернулся назадъ на заставу, разсказываетъ, что Нахвальщикъ хвастается:

«Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ» (Кир. I. 53).

Ѣздитъ Нахвальщикъ по полю и требуетъ себѣ поединщика[68]). По одной сибирской пѣснѣ драться съ Нахвальщикомъ, Борискомъ, ѣдетъ Алеша Поповичъ; Бориска схватилъ его за руки и такъ

---

[67]) Этотъ Нахвальщикъ, сынъ Ильи Муромца, носитъ въ пересказахъ множество разныхъ названій: Татарченокъ (Кир. I. 2, 3, 5), Борисъ Козловъ (Кир. I. 6); Сокольничекъ, сынъ Ильи отъ бабы Латымирки изъ орды (Рыбн. I. 79), сынъ Семигорки бабы Владимірки (Гильф. 626); сынъ бабы Латыгорки (Кир. II. 17), Семигорки (Рыбн. II. № 34); Соловниковъ, сынъ Настасьюшки изъ за синя моря (Рыбн. I. 84); Петръ Царевичъ, или Васька, сынъ старой дѣвки Сиверьяничны (Гильф. 1085; Рыбн. III. 59); Збутъ Борисъ Королевичъ или Бориска, сынъ короля Задонскаго и тоже сынъ Ильи Муромца (Кир. I. 13), Бориска, сынъ Ильи отъ поленицы Авдотьи Горынчанки, которую Илья одолѣлъ въ бою; славное Аполонище, онъ же сынъ дѣвки Сиверьяничны изъ Золотой Орды (Гильф. 1151). Ему показано 12 лѣтъ, точно такъ какъ и Зорабу (Рыбн. I. № 13).

[68]) Требовать поединщика на единоборство—было въ обычаѣ у русскихъ издревле. Левъ Діаконъ разсказываетъ, что во время схватки русскихъ съ греками, вождь русскій выѣхалъ впередъ, на средину, и махая копьемъ, сталъ вызывать грековъ на единоборство (Чертковъ, Описаніе войнъ В. К Святослава, стр. 45).

отстегалъ шелепугой[69]), что Алеша насилу до заставы добрался (Кир. I. 9).

Пришлось ѣхать самому Ильѣ Муромцу; догналъ онъ Нахвальщика, и начали они драться,—сперва палками, потомъ саблями и наконецъ въ рукопашную. Три дня боролись они, и на третій день поборолъ Нахвальщикъ Илью. И сталъ говорить Илья такое слово: «неладно у Святыхъ отецъ написано, неладно у Апостоловъ удумано было, не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому, а теперь Илья подъ богатыремъ» (Кир. I. 51). И сталъ Илья молиться Спасу и Богородицѣ, обѣщая служить до смерти за церкви Божія и вѣру крещеную (Кир. I. 54)[70]). И лежучи, у Ильи втрое силы прибыло; сшибъ онъ съ себя Нахвальщика, повалилъ его и отсѣкъ ему голову (Кир. I. 51).

По другимъ пѣснямъ Илья допрашиваетъ Нахвальщика, кто онъ; оказывается, что Нахвальщикъ его сынъ Сокольничекъ отъ Омелфы Тимоѳеевны[71]), она же баба Латыгорка[72]) (Кир. II. 17) Илья отпускаетъ его съ поклономъ къ матери; но Сокольничекъ недоволенъ тѣмъ, что *по примѣтамъ онъ вышелъ вы......г* или *заугольничекъ;* отрубилъ онъ матери своей голову[73]); потомъ вер-

---

[69]) *Шелепуга* или *шелепъ*—плеть изъ толстаго ремня, а также изъ куска пеньковаго каната (См. просьбу монаховъ; прим. къ № 174).

[70]) Это обѣщаніе напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи о боѣ Мстислава съ богатыремъ Редедею: «И ятася бороти крѣпко, и на долзѣ борющимася има, нача изнемогати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: «о пречистая Богородица! помози ми аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ удари имъ о землю и вонзе ножь, зарѣза Редедю» (Полн. собр. лѣтоп. I. 63). Рустемъ (въ Шахъ Наме), отражая нашествіе туранцевъ на царство Кей Кауса, тоже обращается съ воззваніемъ къ божеству; сила его увеличивается, и онъ побѣждаетъ непріятеля (Стасовъ, 656).

[71]) Имя Омелфы Тимоѳеевны въ былинахъ носятъ еще: мать Василья Буслаева и мать Добрыни Никитича (Рыбн. II. 13).

[72]) Въ Псковской лѣтописи упоминаются народы Латыгора: «бѣ бо Псковичи подвели нѣмцы Чюдь и Латыгору (Латыши?) и Любь» (Полн. собр. лѣтопис. IV. 178; Ѳ. Буслаевъ, Разборъ сочин. на XIV премію гр. Уварова, 82). См. примѣчаніе о значеніи слова Алюторецъ.

[73]) О. Миллеръ сопоставляетъ этотъ мотивъ съ разсказомъ средневѣковой германской поэмы Otrut. Въ поэмѣ однакоже богатырь только хотѣлъ сжечь мать за то, что она не была вѣрна своему мужу и родила его, богатыря, незаконно; но потомъ былъ отвлеченъ отъ своего намѣренія (Илья Муромецъ, 21).

нулся, чтобы убить Илью Муромца; напалъ на него спящаго; но саблей ударилъ прямо въ тѣльной крестъ Муромца; проснулся Илья, схватилъ Сокольничка головой подъ пазуху, и задушилъ [74]). Въ другой пѣснѣ:

«Подбросилъ его подъ облаки,
И назадъ его не подхватывалъ,
И предалъ ему смерть скорую,
И самъ говорилъ таково слово:
«Два чада на вѣку было спорожено,
Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана» (Рыбн. III. 59) [75]).

Въ другихъ пересказахъ, вмѣсто нахвальщика—сына Ильи, выведена его дочь, удалая Поленица; всѣ богатыри отъ нея на утекъ; самъ Илья, отправляясь съ нею драться, потрухиваетъ и проситъ богатырей, если съ нимъ случится безвремьяце, чтобъ поспѣшили къ нему на выручку. Послѣ драки на разныя манеры, сталъ Илья съ Поленицей бороться; подошла къ нему Поленица, *подхватила его на косу бедру* (т. е. на бедро), *здынула выше головы* и повалила подъ себя на земь. Точно такъ какъ и въ разсказѣ о Нахвальщикѣ, Илья сбиваетъ съ себя Поленицу, и хочетъ распластать ее [76]), но узнаетъ, что она незаконная дочь его отъ

[74]) Разсказы о встрѣчѣ и боѣ отца съ сыномъ, неузнающихъ вначалѣ другъ друга, попадаются въ нѣмецкой пѣснѣ VIII вѣка (о Гильтебрантѣ и Гадрубатѣ), а также и въ Кельтскихъ и Персидскихъ повѣстяхъ; они подробно разобраны въ 1-й главѣ изслѣдованiи О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ и у Рембо (La Russie épique, 183). Такой же разсказъ находится и въ нашей сказкѣ о Еруcланѣ Лазаревичѣ (I. 70). Развязка въ пѣснѣ о Гильтебрантѣ не дошла до насъ; въ другихъ нѣмецкихъ поэмахъ развязка счастливая. У Фирдоуси бой Рустема съ сыномъ его Зорабомъ оканчивается трагически. Въ нашихъ былинахъ трагическiе концы преобладаютъ. У Гильфердинга такой же бой происходитъ между двумя королевичами изъ города Крякова, изъ села Березина, родными братьями Лукою и Васильемъ Петровичами; они узнаютъ другъ друга только по окончанiи боя, когда Лука Петровичъ одолѣлъ Василья Петровича (956).

[75]) Должно полагать, что подъ двумя чадами разумѣются здѣсь Нахвальщикъ и Поленица, незаконные сынъ и дочь Ильи Муромца.

[76]) Пластанiе и вырѣзыванiе сердца—исконный обычай въ Скандинавской жизни (Ѳ. Буслаевъ. Разб. 12 Уваров. премiи, 70). Въ восточной сказкѣ

вдовы калачницы «изъ темной орды, хороброй Литвы» (Рыбн. I. 73; или изъ земли Тальянской.—Гильф. 466). Тогда говоритъ ей Илья Муромецъ:

«Выхаживалъ дани—выходы отъ князя Владиміра,
И жилъ я у твоей родителя у матушки,
Спалъ я на кроватки, на тесовыя,
На той на перинкѣ на пуховой,
У нея у самой на правой рукѣ».

Илья отпускаетъ ее на волю; но Поленица, точно такъ какъ и Нахвальщикъ, *пораздумалась*, что де ее Илья назвалъ вы....кой, а мать ея б...ью; задумала она убить спящаго Илью; ударила она его рогатиной въ грудь, да и попала прямо въ чудный крестъ, что висѣлъ у Ильи на воротѣ; пробудился Илья, схватилъ Поленицу, разорвалъ ее на двое, разрубилъ на мелкія части, скормилъ сѣрымъ волкамъ, да чернымъ воронамъ (Рыбн. I. 78).

12. Дополнительные разсказы о встрѣчахъ Ильи Муромца съ разными богатырями.

А. Богатыри Илья да Добрыня, да старая сѣдатая Калика стали дѣлить между собою животы; и сталъ Калика дѣлить на четыре части. «Кому это ты четвертую часть мѣтишь?»—спрашиваетъ его Илья; «а тому, кто бѣлъ горючъ камень черезъ плечо перекинетъ», отвѣчаетъ Калика [77]). И стали богатыри подымать камень: поднялъ Илья по колѣна,—по колѣна увязъ въ землю; поднялъ Добрыня до пояса,—по поясъ ушелъ въ землю [77 а]); а Калика сѣдатая (или старчище пиригримище,—Рыбн. II. 77) взялъ

о Русланѣ тоже разсказывается, что «вспоролъ Ерусланъ у Зеленаго царя могучую грудь» (Тихонрав. Лѣтоп. III. 118).

[77]) По другому пересказу: тому, кто изъ камня сдѣлаетъ богатыря Михайлу. И говоритъ Илья Муромецъ Каликѣ: «если сдѣлаешь изъ этого камня богатыря, бери себѣ всѣ животы; намъ ничего не надо» (Рыбн. II. 69).

[77 а]) Сравните разсказъ о сумочкѣ, въ которой земная тяга была и которую Святогоръ не могъ съ земли поднять. Разсказъ о сумочкѣ напоминаетъ легенду о св. Христофорѣ, который переносилъ Христа черезъ рѣку и подъ тяжестью его (которая все болѣе и болѣе увеличивалась) такъ согнулся, что чуть было не утонулъ (Wollner, 81).

камень съ одного конца, да черезъ плечо его и перекинулъ; камень ударился объ землю, лопнулъ, и выскочилъ изъ него богатырь Потыкъ Михайловичъ (котораго туда королевична Марья лебедь бѣлая засадила.—Гильф. 200).

Б. Дюкъ Степановичъ, ѣдучи въ Кіевъ, встрѣтилъ въ полѣ шатеръ[78]), и сталъ вызывать богатыря на бой; но узнавъ, что въ шатрѣ былъ Илья Муромецъ, поклонился ему до земли: «одинъ де на Руси могучъ богатырь Илья Муромецъ, кто смѣетъ съ нимъ поборотися, тотъ боками отвѣдаетъ матки травы». Полюбилась эта рѣчь Ильѣ, и говоритъ онъ Дюку: «если на тебя въ Кіевѣ станутъ люди налегать, то пиши грамотку, да припечатавъ къ стрѣлѣ, пусти въ чисто поле; соколъ мой принесетъ мнѣ ту стрѣлу и помогу я твоему горю».

Въ Кіевѣ Дюкъ очень ужъ расхвастался своимъ житьемъ-бытьемъ въ Галичѣ и богатствомъ своей матери (Емерѳы Тимоѳеевны.—Рыбн. III. 165); не полюбилось то Чурилѣ Пленковичу, и вызвалъ онъ Дюка щапить — басить (щеголять) по Кіеву три года, кто кого перещапитъ, поставивъ съ проигравшаго зароку 500 рублей. По Чурилѣ поручился весь городъ; а по Дюку никто не поручился; и вызвалъ онъ стрѣлою Илью Муромца; поручился Илья за него своимъ конемъ и головою. И перещапилъ Дюкъ Чурилу Пленковича (Рыбн. III. 158). Въ другой разъ побились Дюкъ съ Чурилой скакать на коняхъ черезъ рѣку Днѣпру,—кто не перескочетъ тому рубить голову. Перескочилъ Дюкъ, — проигралъ Чурила; но Илья Муромецъ не далъ рубить ему головы (Рыбн. II. 145, 150, 183).

В. Когда у *Добрыни* была драка съ бабой *Горынинкой,* и Добрыня уже сталъ ослабѣвать, тогда Илья подоспѣлъ къ нему и научилъ его какъ съ бабой драться; «по титькамъ бей да подъ г..но» (Гильф. 1096). По этому рецепту Добрыня покорилъ бабу

---

[78]) Шатры извѣстны въ военномъ обиходѣ русскихъ съ давняго времени; въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ упоминается за диво, что Святославъ не имѣлъ шатровъ во время похода (Полн. собр. лѣтопис. I. 27). Шатеръ у Ильи Муромца былъ съ золотыми кистями; у другихъ богатырей шатры были простые (Рыбн. I. 117).

Горынинку. Повела она богатырей показывать свои сокровища, которыя были спрятаны въ глубокомъ погребцѣ; покуда Илья отвернулся отъ Добрыни высматривать сокровища,— не стерпѣлъ Добрыня и, несмотря на запретъ Ильи, отрубилъ бабѣ голову (Рыбн. I. 15).

Г. П. В. Безсоновъ приводитъ еще слѣдующій разсказъ: Ѣздилъ Илья съ Добрыней и съ Алешей, наѣзжаютъ они на диво-невеличку; поборолся съ нимъ Илья; невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крякнулъ: «невеличка», говоритъ, птичка, а носокъ востеръ» (Кир. I. XXXIV)[78 а]).

Д. У Гильфердинга есть пѣсня, въ которой Илья Муромецъ миритъ подравшихся богатырей Добрыню и Алешу Поповича (Гильф. 246; см. ниже въ сказаніяхъ о Добрынѣ).

[78 а]) Этотъ разсказъ напоминаетъ встрѣчу Еруслана Лазаревича съ старымъ человѣкомъ, который единымъ духомъ сдулъ его съ коня и положилъ на сырую землю (I. 72). Вообще нельзя не обратить вниманія на необыкновенное сходство многихъ подробностей разсказовъ о Ерусланѣ Еруслановичѣ въ нашей лицевой сказкѣ (№ 10) съ таковыми же въ былинахъ, распѣваемыхъ объ Ильѣ Муромцѣ. Уходя изъ дома, Ерусланъ беретъ себѣ точно также, какъ и Илья, *коростовую* клячу (I. 44); на коня своего надѣваетъ *седѣльце черкаское*, а въ руку беретъ *плетку шелковую* (45); точно также называетъ коня: *о несытая кляча* (46) и бьетъ его по *крутымъ бедрамъ* (48). Царь Картаусъ говоритъ Еруслану тѣже слова, что Владиміръ Ильѣ Муромцу: «бери себѣ, что тебѣ угодно, мѣсто тебѣ противъ меня, а другое подлѣ меня, а третье, гдѣ самъ хочешь» (53 и 63); но Ерусланъ, по примѣру Ильи, не захотѣлъ въ царствѣ Картауса жить, а поѣхалъ казаковать (53). Ивашка бѣлая епанча, мимо котораго 30 лѣтъ никакой человѣкъ *не проѣзживалъ* и никакой звѣрь *не прорыскивалъ* и птица *не пролетывала*, и который былъ сбитъ Еруслaномъ съ коня и упалъ на землю *какъ овсяный снопъ* (55), положительно напоминаетъ исторію Соловья разбойника; точно также какъ бой Еруслана съ сыномъ напоминаетъ бой Ильи Муромца съ Нахвальщикомъ. Битва Еруслана съ трехглавымъ змѣемъ, котораго овъ сначала пощадилъ, а потомъ убилъ, очень сходна съ битвой съ змѣемъ другого богатыря Добрыни Никитича (66). Сравните тоже эпизодъ о встрѣчѣ Еруслана съ человѣчкомъ-невеличкой съ разсказомъ о томъ, какъ Илья Муромецъ встрѣтился съ невеличкой съ ноготокъ. При этомъ однако замѣчу, что подробности эти выбраны изъ лицевой сказки позднѣйшаго изданія, во многомъ несходнаго по редакціи съ болѣе древнимъ спискомъ сказки, (напечатанной въ лѣтописяхъ Тихонравова); такимъ образомъ составитель лицевой сказки заимствовалъ для нея подробности изъ былинъ сказителей; а можетъ быть и сказители дѣлали *заимствованія* изъ готовой, напечатанной сказки, которую случалось мнѣ видѣть въ ихъ рукахъ въ немаломъ числѣ экземпляровъ.

Е. Въ одной былинѣ разсказывается, какъ Илья Муромецъ встрѣтилъ въ полѣ разъѣздную походную красную дѣвицу, которая ему жаловалась, что была де она прежде дочь гостиная, а бѣжала съ новыхъ сѣней отъ того «Олеши Поповича, отъ насмѣшника пересмѣшника»; на это Илья отвѣчаетъ ей: «чтожъ ты это мнѣ давно не сказала, ябы съ Олеши снялъ буйную голову» (Кир I. 5).

Ж. К. Аксаковъ слышалъ слѣдующее преданіе объ Ильѣ Муромцѣ: «когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя по берегамъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится Зюзю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, а схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки, и поставилъ на землю. Богатырь, пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ Илья Муромецъ, впередъ не буду» (Кирѣев. I. XXX)[79]).

13. Смерть Ильи Муромца разсказывается по былинамъ въ слѣдующихъ пересказахъ:

А. *Илья просто пропалъ безъ вѣсти:* «Илья то тутъ былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти, нынѣ и до вѣку» (Кир. I. 86).

Б. Пріѣзжаетъ старый въ Кіевъ градъ, къ пещерамъ Кіевскимъ, и прилетѣла невидимая сила ангельская, и взимала его съ добраго коня, и заносила въ пещеры Кіевскія; и тутъ *старый опочивъ держалъ* (Гильф. 313). Илиже: «самъ заѣхалъ въ пещеры въ глубокія, *тамъ и преставился;* понынѣ теперь его мощи нетлѣнныя» (Гильф. 1204).

В. Какъ состроилъ Илья церковь Индѣйскую, да какъ началъ строить церковь Пещерскую, *тутова старъ и окаменѣлъ* (посхимился?—Кир. I. 89; IV. 52). Одинъ пѣвецъ разсказывалъ г. Хари-

---

[79]) Германскій Торъ тоже подбрасываетъ врага кверху и подхватываетъ его на лету.

тонову, что въ Кіевѣ и теперь еще есть огромная *окаменѣвшая фигура* Ильи Муромца (Кир. IV. 52)[80]).

Г. Разъ въ бою съ Калиномъ царемъ прирубили богатыри всѣхъ татаръ, и подумалъ старый козакъ Илья Муромецъ: «если-бы была вся сила небесная, прирубили бы и всю силу небесную». И не прошла ему эта похвальба мимо,—разгорѣлись сердца богатырскія: разрубятъ татарина одного,—сдѣлается два; разрубятъ двоихъ,—сдѣлается четыре[81]); умножилось въ полѣ войска поганаго. И рубилъ его Илья Муромецъ, и *пересѣлся* (надорвался), *и закаменѣвши конь его* богатырскій на этомъ полѣ чистомъ» (Рыбн. I. 119). «И сдѣлались мощи да святыи, да со стара».

Въ Сибирской пѣснѣ, похвальныя слова говоритъ не Илья Муромецъ, а Алеша Поповичъ; и какъ онъ промолвилъ слово неразумное, такъ и явились двое воителей, «давайте», говорятъ,

---

[80]) Въ малороссійской сказкѣ *прекращеніе* богатырей разсказывается иначе: *послѣдній богатырь* былъ взятъ въ рекруты и поставленъ на караулъ ко дворцу; надоѣло ему держать ружье на плечо,—взялъ онъ пушку, да и спитъ себѣ; увидалъ его царь и смекнулъ, что это былъ богатырь; струсивъ его силы, приказалъ онъ богатыря того заковать въ цѣпи и посадить въ подземелье; такъ и кончился послѣдній богатырь (Драгомановъ: Древн. и Новая Россія 1875, № IX). По Смоленской легендѣ в. муч. Георгій, въ ночь на Ивана купала, окаменилъ дѣвицъ и женъ, собиравшихся на бѣсовское сборище: «и быша окаменѣни вси, иже ту обрѣтшися, аки люди стоящи, на полѣ томъ (около Смоленска) видими суть и донынѣ, въ наказаніе намъ грѣшнымъ еже тако не творити» (Цвѣтникъ 1665 г. въ Синод. Типогр.: Ѳ. Буслаевъ, Журн. Мин. Нар. Пр. 1871. Апр., 224). Каменные люди, какъ межевые знаки, упоминаются въ Книгѣ Большаго Чертежа: «а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ человѣкъ каменный и у него кладутъ изъ Бѣлграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на высотѣ и у дву дѣвокъ каменныхъ, а отъ каменнаго человѣка до Самары верстъ съ 30 (тамъ же, 234). Въ Крыму сохранилось много легендъ объ окаменѣніи людей и животныхъ. Подъ пещернымъ городомъ Качи—Кальеномъ, недалеко отъ Бахчисарая, стоятъ на виду два одинокіе камня очень любопытной формы; преданіе говоритъ, что это превращенныя въ камень мать и дочь. См. примѣры обращенія въ камни у Аѳанасьева, въ его: Поэтич. возр. слав., II. 676.

[81]) Такъ точно у Лернейской Гидры вмѣсто одной отрубленой (Геркулесомъ) головы, выростаетъ двѣ,—замѣчаетъ О. Миллеръ (Илья Муромецъ, 791). Въ разсказахъ Ардши Бордши, царь Викрамадитіа бьется съ бѣсами, которые размножаются отъ каждаго удара его, точно такъ какъ и въ нашей былинѣ; но Викромадитіа и самъ начинаетъ *умножаться* и выпускаетъ по льву противъ каждаго бѣса (Rambaud, 82).

«богатыри съ нами драться, не глядите, что васъ семеро, а насъ только двое». И завязался бой; налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ пополамъ, и ихъ стало четверо,—бросились другіе богатыри, стали силу колоть — рубить, а сила все растетъ, да растетъ, да на витязей съ боемъ идетъ. Бились витязи три дня, три часа и три минуты, а сила все растетъ; испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры: какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ; съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси (Кирѣев. IV. 114)[82]).

III. Свѣдѣнія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ св. Антонія.

Имя Ильи Муромца, какъ преподобнаго, встрѣчается въ двухъ народныхъ картинкахъ духовнаго содержанія, за №№ 1519 и 613. Въ III-й книгѣ нашего изданія, подъ № 1519, помѣщено описаніе тетради съ отдѣльными отпечатками 32-хъ досокъ изъ Кіевскаго Патерика 1661 года и съ 8-ью новыми картинками, отпечатанными въ этой тетради въ первый разъ и невошедшими ни въ одно изъ изданій Патерика. Въ числѣ этихъ восьми картинокъ находится изображеніе преподобнаго Ильи Муромскаго, «іже вселіся», какъ сказано въ надписи, «впещеру прд. Антонія

[82]) Образы нездѣшнихъ воителей, ангеловъ, неразъ являются въ нашей старинной литературѣ, см. Никон. Лѣт. II. 42 и 43, разсказъ о битвѣ Русскихъ съ Половцами на р. Сальницѣ въ 1112 г.; сказанія о Невскомъ побоищѣ, Никон. Л. подъ 1241 г. (III. 13), Лаврент. Лѣт. подъ 1263 г. (Полн. Собр. I. 206); Сказаніе о Меркуріѣ Смоленскомъ въ Историч. Очерк. Буслаева (II. 174). Въ Лаврент. Лѣт. подъ 1110 г., по поводу знаменія, бывшаго въ Печерскомъ монастырѣ, записано: «ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдають куюждо землю, аще суть и погани; аще Божій гнѣвъ будеть на кую либо землю, повелѣвая ангелу тому на кую либо землю, бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью Божью» (Полн. Собр. Лѣт. I. 122; Л. Майковъ, 112).

вкіевѣ. идеже до нн҃ѣ нетлѣнен пребывает». Преподобный Илья Муромскій представленъ въ ростъ, въ старческомъ возрастѣ, съ воздѣтыми къ небу руками; на плечи его накинутъ плащъ, которымъ онъ и прикрытъ сзади; спереди же прикрыта плащемъ одна нижняя часть живота преподобнаго. Волосы на головѣ его короткіе; борода средняя, клиномъ; тѣло изнуренное; вокругъ головы вѣнецъ. Сзади преподобнаго, справа—видна церковь, входъ въ пещеры преподобнаго Антонія, и деревья; а слѣва—холмъ и дерево. [83])

Мощи Ильи Муромскаго и донынѣ почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ (см. № 613 планъ пещеръ 1661 г.). Вопросъ о томъ, составляетъ ли Кіевскій угодникъ, преподобный Илья Муромскій, одно лице съ нашимъ богатыремъ, Ильею Муромцемъ, подвергался изслѣдованію нашихъ ученыхъ, Безсонова, Буслаева, Стасова и Миллера. Въ обширномъ трудѣ этого послѣдняго (стр. 799) сдѣланъ общій сводъ извѣстій и мнѣній по этому предмету. Славянинъ Лассота, бывшій въ Кіевѣ въ 1594 году и подробно описавшій въ дневникѣ своемъ его святыни (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle, 1866), упомянувъ о гробницахъ в. к. Ярослава и его супруги, находящихся въ одномъ изъ придѣловъ (capelle) Софійскаго собора, прибавляетъ, что въ другомъ придѣлѣ, внѣ церкви (in einer andern Capelle an der Kirchen ausserhalb), была гробница славнаго богатыря Ильи Муромца (Bohater Elia Morowlin), о которомъ разсказываютъ много басень. По словамъ Лассоты, гробница эта (Begräbniss) въ то время была уже разрушена; а подлѣ, въ той

[83]) Рѣзавшій эту картинку, монахъ Илья, тезоименитый преподобному, изобразилъ его въ такомъ видѣ съ очевиднымъ желаніемъ отмѣнить святорусскаго богатыря отъ прочихъ печерскихъ угодниковъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ подлинниковъ, образъ Ильи Муромца описывается иначе: «Надсѣдъ, брада Θеодосіева, разсохами. Власы съ ушей на плечахъ. Клобукъ чернъ. Риза преподобн. Исподь вохра (Клинцов. подл. XVIII в.: Буслаевъ, Очерки, II. 356). Преподобный Илья Муромецъ упоминается и въ книгѣ о россійскихъ святыхъ (Θ. Буслаевъ, разб. 45 прем. гр. Уварова, 82); но самаго житія Ильи не помѣщено, ни въ Минеяхъ Макарія и Дмитрія Ростовскаго, ни въ Прологахъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 799), хотя изображеніе Ильи помѣщено на образѣ печерскихъ святыхъ (подъ № 153; см. прим. къ № 1517).

же часовнѣ, находилась другая гробница, цѣльная, товарища Ильи; по предположенію О. Миллера, это была гробница богатыря Добрыни Никитича. По словамъ другаго писателя, Кальнофойскаго, преподобный Илья жилъ за 450 лѣтъ до его времени, т. е. около 1188 г., и по народному назывался Чеботкомъ (Czobotkiem: Terratourgema lubo cuda, ktore byly tak wsamym swieto cudotwornym monastyru pieczarskim Kyowskim, tako y w obudwa swietych pieczarach. 1638 г. стр. 16 и 70).

Въ Кіевскомъ полномъ мѣсяцесловѣ, подъ 19 декабря, значится: «память преподобнаго отца нашего Иліи Муромца, Чудотворца Печерскаго, въ XII вѣкѣ бывшаго».

Русскій паломникъ 1701 года, отецъ Леонтій, въ запискахъ своихъ о Кіевскихъ святыняхъ, пишетъ: «видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца, въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ; ростомъ яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ, язва вся знать; а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ» (Черниговскій Листокъ 1862 г., № 4). На эту руку Ильи Муромца ссылались и составители поморскихъ отвѣтовъ въ оправданіе стараго перстосложенія (IV. № 797); но вслѣдъ затѣмъ, не болѣе какъ черезъ 25 лѣтъ, въ сочиненіи Ѳеофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды раскольническія» (Москва, 1745 г.), въ числѣ *благословящихъ* и *молитвенныхъ* рукъ, представленныхъ *въ обличеніе раскольниковъ*, за подписью соборныхъ старцевъ Кіевопечерскія Лавры, таже рука Ильи Муромца изображена два раза, но уже въ доказательство правоты триперстнаго сложенія (съ надписями: «Прп̃бнаго Иліи Муромца рука на ѿворотъ» и «таяжъ рука по верхнему виду»)[83 а]). Однакоже удостовѣреніе соборныхъ старцевъ не убѣдило раскольниковъ: былинный сказитель Щеголенковъ сказывалъ Гильфердингу, что раскольники *выправляли* въ Кіевъ довѣренныхъ людей, разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воро-

---

[83 а]) Такая ссылка сдѣлана была на томъ основаніи, что поморы издавна признаютъ Илью *за древняго святорусскаго богатыря*, по старой вѣрѣ; онъ и въ былинахъ кладетъ крестъ *по писаному*.

тившись, разсказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи (Гильферд. 659).

Всѣ эти данныя приводятъ къ положительному убѣжденію, что народъ нашъ съ давняго времени считалъ святорусскаго богатыря Илью Муромца за одно лице съ преподобнымъ Ильею Муромцемъ, мощи котораго покоились сперва при Софійскомъ соборѣ и перенесены оттуда въ пещеры преподобнаго Антонія еще до 1661 года, и что тождество это признавалось и со стороны церкви; послѣднее видно и изъ того обстоятельства, что изображеніе преподобнаго Ильи Муромца было изготовлено для Патерика, и хотя не вошло въ него, точно такъ, какъ не вошло въ него и описаніе сказочныхъ подвиговъ этого святаго, слишкомъ несходныхъ съ обиходными житіями прочихъ преподобныхъ печерскихъ,—но все таки было включено въ тетрадку съ изображеніями этихъ угодниковъ.

IV. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по западнымъ сагамъ.

Извѣстія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о русскомъ богатырѣ временъ Владиміра, встрѣчаются и въ иностранныхъ источникахъ XIII вѣка и даже ранѣе. Въ одной сагѣ, написанной, по видимому, Норвежцемъ, около половины XIII вѣка, основанной на разсказахъ очевидцевъ, жителей Вестфальскаго ганзейскаго города Susat'a (Soest, Susat), и носящей названіе «Thidrekssaga», объ Ильѣ упоминается, какъ о братѣ Владиміра святаго. У Гертнида Холмоградскаго[84]), сказано тамъ, было три сына: Озантриксъ,—король Вильцинланда, Вальдемаръ—король русскій и Ярлъ Иронъ (Илія) изъ Греціи (Iarl Iron af greka), рожденный отъ наложницы.

[84]) Гертнидъ называется въ другихъ мѣстахъ саги «König der Ruzemänner»; жена его Настасья (Ostacia)—волшебница, Илья *русскій* называется тоже королемъ.

У этого Ирона былъ сынъ Гертнидъ (Von Riuzen) и дочь Гильдегунда[85]).

Въ этойже Тидрекссагѣ разсказывается, какъ король Аттилла опустошилъ и разорилъ царство короля русскихъ Владиміра (Waldemar van Ruzenmänner). Владиміръ кликнулъ кличъ, чтобы къ нему собирались всѣ, которые могутъ носить оружіе, и, набравъ войско, далъ Аттиллѣ большое сраженіе, въ которомъ Ярлъ его (Iarl König Waldemars von Greka[86]), по другому же списку Von gerseka Borg[87])—ein Blutfreund Königs Wladimir) ударилъ такъ сильно копьемъ рыцаря Гильдельбрандта, что вышибъ его изъ сѣдла. Аттилла побѣдилъ таки Владиміра, и взялъ Полоцкъ (Palteskia, Paltisca, Faltisca)[88]).

Въ другомъ мѣстѣ саги разсказывается, какъ Аттилла осадилъ Смоленскъ[89]), въ которомъ находился въ то время Ярлъ Иронъ (Iarl Iron), братъ Короля Владиміра. Ярлъ, созвавъ воиновъ, сказалъ имъ: «намъ предстоятъ двѣ доли на выборъ—или защищаться до послѣдней крайности и пасть отъ меча Аттиллы, или же покориться ему». Сказавъ это, онъ снялъ сапоги съ своихъ ногъ, и босой отправился, въ сопровожденіи воиновъ, въ станъ Аттиллы, который благосклонно принялъ его и, по общему совѣту, поставилъ его главою надъ русскимъ царствомъ (Raszmann; S. 323). Въ тойже сагѣ помѣщены и слѣдующія извѣстія о сыновьяхъ Ярла Ильи: къ королю Озантриксу (Osantrix, König in Wilcinenland) пріѣхали два молодые воина, сыновья его брата Ильи (Ilias des Iarls van Greka; ibid., S. 167); ихъ звали: Hertnit и Herdir. Гертнитъ былъ самый прекрасный и самый храбрый

---

[85]) Müllenhoff: Zeugnisse und Excurse zur Deutschen Heldensage, XXIV. 348; въ XII томѣ: Zeitschrift für Deutsches Alterthum, herausgegeben von Moritz Haupt. Berlin, 1859. Въ этомъ извѣстіи Илья смѣшанъ съ самимъ Владиміромъ.

[86]) Греками называли ганзейцы—русскихъ

[87]) Т. е. Городище города Новгорода.

[88]) Die Sagen Von den Wölsungen... in der Thidrekssaga, von Aug. Raszmann. Hanover, 1858 (S. 315 et 317).

[89]) Въ одной пѣснѣ Илья Муромецъ тоже освобождаетъ Смоленскъ; см. выше стр. 24.

изъ всѣхъ рыцарей; его Озантриксъ сдѣлалъ начальникомъ своей дружины, далъ ему имя (титулъ) *Ярла*, которое носилъ его отецъ *Илья*, и большое имѣніе въ Вильцинландѣ. Впослѣдствіи Озантриксъ посылалъ Гертнита къ королю Гунновъ Миліусу просить въ супружество его дочь; но Миліусъ отвергъ подарки Озантрикса, сказавъ, что пошлетъ ему за нихъ въ жены своихъ служанокъ, а не дочь, и заключилъ Гертнита въ темницу (S. 170). Озантриксъ пошелъ войною на Миліуса, побѣдилъ его и взялъ его дочь Оду себѣ въ жены [90]). Отъ нея онъ имѣлъ дочь Ерку, которая впослѣдствіи была похищена вмѣстѣ съ своею сестрою Бертою графомъ Родольфомъ, причемъ Ерка сдѣлалась женою Аттиллы, а Берта женою похитителя Родольфа [91]).

---

[90]) Этотъ эпизодъ напоминаетъ, съ одной стороны, лѣтописное сватовство Владиміра на Рогнѣдѣ, съ другой—былину о похищеніи Дунаемъ богатыремъ двухъ дочерей короля Етмануйла Етмануйловича, на одной изъ которыхъ, Афросиньѣ, женится Владиміръ, а на другой, Настасьѣ, самъ Дунай (Кирша Даниловъ, 85). Въ другомъ мѣстѣ саги, про Гертнита (или Ортнида) сказано, что онъ изъ Гортена, сынъ Ильи изъ Новгорода (Nogarden), перешелъ въ Ломбардію, и былъ избранъ королемъ въ Римѣ; при чемъ Гортенъ=Новгородъ смѣшанъ съ мѣстечкомъ Гарда, на озерѣ тогоже имени.

Въ сагѣ Битерольфа, составленной тоже въ половинѣ XIII вѣка, Илья упоминается подъ именемъ «Elias Van Reussen». Мюлленгофъ не сомнѣвается, что всѣ эти «Ilias van Greka, Iarl Iron, Ilias Van Riuzen и Elias van Reussen», означаютъ одно и тоже лице,—нашего Илью Муромца. Л. Майковъ, раздѣляя это мнѣніе, прибавляетъ, что имя Ilias von Ruizen славянское и очевидно взято съ славянскаго разсказа; въ противномъ случаѣ это вѣтхозавѣтное имя, по обще-германскому употребленію, было бы передано словомъ Elias (Былины, 31). Въ сѣверо-германскихъ сагахъ и актахъ имя Ильи упоминается еще ранѣе, въ XII и даже XI вѣкѣ, съ разными прозвищами: «Ilias de Entichoven, de Chamera, de Antichoven» (Haupt, S. 350). Наконецъ имя Ильи—Шаха встрѣчается и въ Турецкихъ эпическихъ сказаніяхъ, о чемъ было сообщено г. Смирновымъ на собраніи оріенталистовъ (Голосъ, 1876, № 240).

[91]) Наши изслѣдователи по части былинъ дѣлаютъ слѣдующіе выводы о значеніи Ильи Муромца въ средѣ русскихъ богатырей:

К. Аксаковъ. Илья Муромецъ пользуется у насъ общею извѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей; полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ—представитель, живой образъ русскаго народа. Богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ—это величайшая тѣлесная сила, соединенная съ кротостью и силою духа. При томъ Илья—первая *человѣческая* сила, въ противуположность другимъ богатырямъ, которыхъ сила нечеловѣческая, а *стихійная*. Илья составляетъ переходъ отъ этихъ стихійныхъ, старшихъ богатырей къ младшимъ, человѣческимъ (Соч. К. Аксак. I. 368—369). «Нельзя

V. Богатырь Добрыня Никитичъ по сказкамъ.

Наша сказка о богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ (№ 6) перепечатана дословно изъ книги Чулкова: «Русскія сказки» (Москва. Ч. I), съ весьма незначительными измѣненіями, напримѣръ: вмѣсто «Зимцерлы», въ № 6 поставлена «Заря»; пѣсня (на страницѣ 29) у Чулкова помѣщена въ видѣ примѣчанія, а въ № 6 она напечатана

не замѣтить (говоритъ С. Аксаковъ) пріема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: пріемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ неохотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой, непріятной для него, необходимости, онъ только показываетъ безвредно свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—разбойники падаютъ».

Самый полный сводъ всего, что было гдѣ либо писано и сказано объ Ильѣ Муромцѣ, сдѣланъ О. Миллеромъ, въ его книгѣ: «Илья Муромецъ и богатырство кіевское». Разбирая этотъ громадный трудъ, г. Буслаевъ дѣлаетъ о немъ такой отзывъ: «изслѣдованіе г. Миллера, по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности, оставляетъ за собою далеко все то, что до сихъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу (14-е присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 10). Въ своихъ тезисахъ О. Миллеръ приводитъ объ Ильѣ Муромцѣ слѣдующія положенія:

Какъ Владиміръ кіевскій служитъ въ эпосѣ *средоточіемъ внѣшнимъ*, такъ *средоточіемъ внутреннимъ*, *душой эпоса* является у насъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Эпосъ отдаетъ ему постоянное, ни въ какомъ случаѣ не колеблющееся предпочтеніе передъ Владиміромъ (полож. 15-е).

Первоначальныя пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ должны были сложиться въ суздальской Руси, куда, вмѣстѣ съ средоточіемъ исторической жизни, могъ перейти и первоначальный кіевскій (владиміровъ) эпосъ. Окончательное сліяніе съ нимъ эпоса суздальскаго должно было происходить подъ вліяніемъ того объединенія Руси, которое зачалось еще въ суздальскій, а окончательно совершилось только въ московскій періодъ (полож. 16-е).

Съ полною объединенностью Руси, доставшеюся нашему эпосу кіевскому только отъ московской поры, онъ идеально соединяетъ заботу о ненарушимости свободныхъ порядковъ, сохраненныхъ имъ отъ древней вѣчевой поры. Представителемъ этой заботы, безтрепетно выдерживающимъ грозу осуровившагося, по многимъ былинамъ, князя, какъ и постояннымъ оберегателемъ земщины отъ всякихъ внѣшнихъ враговъ, исторически возникавшихъ на русской землѣ, является Илья Муромецъ (полож. 17-е).

Первенствующее лицо въ нашемъ эпосѣ, Илья Муромецъ, представляетъ такой, вырабатывавшійся вѣками, совершенно живой, вполнѣ удавшійся идеалъ народный, которому ничего соотвѣтственнаго не можетъ представить наша литература, до сихъ поръ отличающаяся замѣчальными со-

въ текстѣ сказки, и т. п. Сказка о Добрынѣ Никитичѣ составлена Чулковымъ изъ разныхъ волшебныхъ повѣстей и не имѣетъ ничего общаго съ старинными русскими сказками и былинами объ этомъ богатырѣ, за исключеніемъ послѣдней части, въ которой описывается битва Добрыни съ Тугариномъ Змѣевичемъ.

зданіями преимущественно въ отрицательномъ родѣ, съ другой же стороны скорѣе вооружающаяся противъ всего идеальнаго неудачностію своихъ по большей части заоблачныхъ, безпочвенныхъ идеаловъ (полож. 24-е).

Рыбниковъ находитъ, что въ Ильѣ Муромцѣ: Русской народъ выразилъ сознаніе полноты своей духовной, нравственной и физической силы. Ему на бою смерть не опасна не потому только, что онъ всѣхъ сильнѣе, но потому, что онъ безсмертенъ. Въ Ильѣ сознаніе силы сливается съ сознаніемъ нравственнаго совершенства и непобѣдимаго мужества. Зная, что онъ всю жизнь стоялъ за вѣру христіанскую, за вдовъ и сиротъ, за народъ, онъ не можетъ усумниться въ себѣ, въ своей участи. Когда бывалъ побѣжденъ другой богатырь, на него нападаетъ тогда страхъ, или наконецъ онъ приготовляется къ смерти съ мужествомъ смиренія, страдательнымъ. Когда одолѣли Илью Муромца, когда у него на груди сидитъ побѣдитель, кажется «напуталъ весь какъ лысый бѣсъ», а ни на минуту не падаетъ духомъ и не теряетъ надежды побѣдить: «скопляетъ онъ силу въ одно мѣсто», или «начинаетъ изъ подлобья выглядывать, по плечу себѣ оружьины высматривать» (Рыбниковъ, Пѣсни, I. II). Илья Муромецъ—первой Русскій славный богатырь, старый казакъ Илья Муромецъ (Рыбн. II. 80); одинъ Донской козакъ снятой Руси (II. 28 и 30); старинушка Донской козакъ (Кир. I. 18): «не стало атамана Ильи Муромца, помутился тихій Донъ, помѣшалъ весь казацкій кругъ» (Плачъ: Кир. I. 90).

По *Безсонову*: Илья выборный дружины земской и никакъ не членъ дружины княжеской,—а потому представитель всей земли, міра, народа русскаго (Замѣтка П. Безсонова: Кир. IV. XII. XV).

Аѳанасьевъ не признаетъ въ типѣ Ильи идею служенія личности—земству (О. Миллеръ, 34 присужд. Демидов. наградъ. СПБ. 1866, 102).

Буслаевъ говоритъ, что «величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ быть, напоминала идеальные типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ быть, она была снимкомъ съ миѳическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора Славянской миѳологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Потому отзываются уже позднѣйшимъ протестомъ всѣ тѣ пѣсни, гдѣ удалой Муромецъ господствуетъ своего физическою силою и своимъ благородствомъ надъ прочими сословіями, гдѣ и князья, и бояре, и гости богатые, и вся родня Алеши Поповича, намѣренно выставляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ сравнительно съ его чистою, простонародною личностію. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ, также и битва Добрыни съ бабою Горынинкою, могутъ относиться къ первобытному миѳологическому эпосу; но

У Сахарова сказка о Добрынѣ Никитичѣ напечатана изъ сборника Бѣльскаго (рукопись XVIII вѣка), съ большими измѣненіями въ языкѣ и самой редакціи [92]). Сказка начинается съ того, что подъ Кіевъ подступилъ басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣевичъ. Калика, по приказу Владиміра, три раза кличетъ кличъ,

сословныя отношенія этихъ двухъ богатырей другъ къ другу внесены въ Владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Точно также къ позднѣйшей эпохѣ разлада между классами народа надобно отнести насмѣшки Ильи Муромца надъ прочими богатырями и видимое къ этимъ послѣднимъ презрѣніе. Въ пользу любимой народомъ личности, эпическая фантазія не пощадила даже самаго Владиміра. По одному эпизоду, этотъ послѣдній хочетъ жениться на одной прекрасной женщинѣ, мужа которой усердные приспѣшники хотятъ для того извести смертію, но только одинъ Илья Муромецъ возмутился отъ такого нечистаго дѣла. «Ужъ ты батюшка, Владиміръ князь!» воскликнулъ онъ: «изведешь ты яснова сокола! не пымать теѣ бѣлой лебеди». И за это слово былъ онъ посаженъ въ глубокій погребъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ позднѣйшею сословною раздражительностію даже нарушается величавый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда Муромскій герой теряетъ свое обычное, торжественное спокойствіе и снисходительность—эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и безъ всякаго милосердія побиваетъ княженецкую дружину. Наконецъ превращеніе муромскаго мужика въ донскаго козака объясняется тѣмъ же протестомъ, который позднѣйшія поколѣнія хотѣли заявить въ лицѣ своего избраннаго представителя» (Буслаевъ, Очерки, I. 418). Илья—могучій представитель силъ простаго народа и защитникъ его интересовъ передъ исключительнымъ господствомъ дружины (Буслаевъ, Очерки русск. слов., I. 418).

Стасовъ, въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ, доказываетъ, что сказанія объ Ильѣ Муромцѣ не заключаютъ въ себѣ ничего русскаго и создались первоначально не у насъ, а у народовъ азіатскихъ. Мнѣнія за и противъ этихъ положеній повели къ цѣлому ряду критическихъ статей.

M. Carrière (Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwickelung und die Ideale der Menschheit. Leipz. 1868. III. 2 Abtt. 26) замѣчаетъ, что у Муромца нѣтъ и въ поминѣ вассальной службы: ни Богъ, ни князь Кіевскій не являются сюзеренами; ни приказъ, ни обѣщаніе награды не становятся двигателями вполнѣ независимаго богатыря, но исключительно и единственно спасеніе народа—надъ нимъ только умилостивляется Илья Муромецъ; между тѣмъ какъ въ Иліадѣ цѣлыя тысячи должны пасть, чтобы умилостивился Ахиллъ, а въ франкскомъ сказаніи обиженный Карломъ Ожье не ранѣе соглашается выступить противъ невѣрныхъ, какъ послѣ выдачи ему на отмщенье королевскаго сына—его врага (О. Миллеръ, Илья Мур., 685).

Илью Муромца сравнивали съ Сидомъ Шевыревъ и Буслаевъ, первый съ тѣмъ, чтобы указать на ихъ несходство, а второй—на многія между ними общія черты.

[92]) «Ибо я», какъ онъ самъ выражается, «для способности къ чтенію, принужденъ былъ оныя по большей части переложить на нынѣшнее нарѣчіе» Русск. Народ. Сказки. СПБ. 1841, LXVII).

ктобы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; и вотъ въѣзжаетъ на дворъ Добрыня Никитичъ; идетъ онъ прямо къ князю Владиміру; объявляетъ, что пріѣхалъ изъ Новгорода, и берется убить Тугарина. На утро назначается бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣса стоячаго; а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь Добрыни выше лѣсу стоячаго, до облака ходячаго; самъ-то Добрыня мечемъ рубитъ Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, въ его крылья бумажныя. И упалъ онъ Тугаринъ на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову срубилъ, на копье взоткнулъ, и самъ копя ко граду Кіеву вернулъ».

И сталъ жить Добрыня у Владиміра; три года стольничалъ, три года приворотничалъ, да три года чашничалъ; и выпросился онъ у Владиміра погулять по Кіеву; далъ ему позволенье князь, заказалъ только ходить въ узкій переулокъ, гдѣ стоялъ Маришкинъ дворъ. Не удержался таки Добрыня, зашелъ на тотъ дворъ и видитъ онъ: сидятъ на Маришкиномъ теремѣ два сизые голубка, цалуются да милуются, будто надъ Добрынею насмѣхаются; загорѣлось сердце богатырское; пустилъ въ нихъ Добрыня калену стрѣлу, да не попала стрѣла въ сизыхъ голубей, а попала она въ окошко косящатое, пробила оконницу стекольчатую, разбила причалину серебряную, разшибла зеркальце стекольчатое.

А въ ту пору Маринка мылась-бѣлилась, въ цвѣтное платье наряжалась; бросила она бѣлыя бѣлилы, выбѣжала на красное крылечко въ одной рубашечкѣ, безъ юбочки, въ одныхъ чулочкахъ, безъ чоботовъ, и стала она бранить Добрыню за его невѣжество. Добрыня стоитъ, усмѣхается, надъ Маришкой издѣвается, а угрозы ея ни во что ставитъ.

И брала Маришка слѣды молодецкіе, разжигала ихъ въ печкѣ муравчатой, а сама приговаривала: «какъ бѣлодубовы дрова разгораются, такъ бы разгоралось сердце молодецкое у Добрыни Никитича. Какъ слѣды молодецкіе разгораются, такъ бы загоралась кровь богатырская у молода Добрыни Никитича». И сталъ

тосковать Добрыня, не ѣстся ему, не спится; идетъ онъ въ узкій переулокъ на Маришкинъ дворъ; смотритъ, собрались у Маришки жены молодецкія, молодыя молодушечки, да красныя дѣвицы душечки; и слышитъ Добрыня, какъ съ Маришкиныхъ словъ надъ вчерашнимъ его невѣжествомъ и удалью усмѣхаются; досадно стало ему, схватилъ онъ бревно толстое, и сталъ бить въ двери желѣзныя. И бросилась Маришка его бранить, а за нею и другъ ея, Змѣище Горынище, хотѣлъ было Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить. Вынимаетъ Добрыня саблю острую и хочетъ онъ змѣя изрубить; струсилъ змѣй еретикъ Горынище, хвостъ онъ поджалъ, прочь бѣжитъ, заклинается: «Охъ не приведи, лихой лиходѣй, у Маринѣ въ дому бывать, еще у молодой на вечерницѣ пировать; есть у Маринѣ не одинъ другъ, есть у молодой лучше меня, а и лучше меня и повѣжливѣе».

Взяло Маринку за ретиво сердце, срывала она съ себя цвѣтное платье, сунулась въ окошечко косящетое въ одной рубашечкѣ, безъ пояса, и сама говоритъ: «воротися, милъ надежъ, воротися, другъ сердечный! У меня, у Марины, ты одинъ сердечный... А и хочешь ли я Добрыню клячей водовозною оберну, будетъ Добрыня на тебя и на меня воду возить; а и хочешь ли я Добрыню гнѣдымъ Туромъ оберну?» Убѣжалъ Змѣй, а Добрыню Маринка оборотила гнѣдымъ туромъ: «походитко», говоритъ, «съ девятью моими турами по полю за красной дѣвицей; будь имъ всѣмъ турамъ набольшій, и нато жалую тебѣ золотые рога».

И не знаетъ никто въ Кіевѣ, куда дѣлся Добрыня Никитичъ; только къ матери его, Афимьѣ Ивановнѣ, заходилъ калика перехожій, заказалъ ей править сорочины: живо де ее дѣтище Добрынюшка. Собрала Афимья Ивановна сорочины великія, собрала гостей за дубовы столы; откуда ни взялась молода Марина, садилась сама за столъ непрошеная, незваная. И пошла за столомъ бесѣда веселая. Стала хвастаться своимъ житьемъ-бытьемъ Анисья Севастѣевна, жена Анкудина Ивановича, воеводы Кіевскаго. «Велика милость Божія до вѣку», отвѣчаетъ ей Настасья Ивановна, крестная мать Добрыни Никитича, «была единая у насъ

радость въ семьѣ, Добрыня Никитичъ, и того нынѣ не стало; завелось у насъ во Кіевѣ еретничество неслыхано, неслыхано-не видано». А молвивши, сама на Маришку поглядывала. Взяло Маришку за ретивое, и стала она, еретица, похвалятися: «гой еси вы, боярыни старыя! Всѣ ваши похвальбы некрасныя, некоростныя. Скажу я вамъ слово вѣстное, великое, а вы послушайте. Какъ и нѣтъ-то во Кіевѣ хитрѣе меня: что задумаю со полуночи, ко бѣлу свѣту состряпаю; что задумаю со вечера, ко полуночи придѣлаю. Ужъ я-де обернула девять молодцовъ сильныхъ, могучіихъ богатырей; а нынѣ отпустила десятаго молодца, молода Добрыню Никитича».

За то-то слово вѣстное матера вдова Аѳимья Ивановна изымается, изъ-за стола поднимается, наливаетъ чару зелена вина, подноситъ чару молодой вдовѣ Настасьѣ Ивановнѣ, а несучи, сама заплакала: «гой еси ты, молода вдова Настасья Ивановна! прінимай чару зелена вина, помнай своего любимаго крестника, Добрыню Никитича. Извела его еретица, злая Маришка».— Молода вдова Настасья Ивановна прінимала чару зелена вина, а сама молвила: «я-де сама слышала рѣчи Маришкины, и всѣ ея рѣчи похваленныя». Выпила чару зелена вина, подходила къ Маришкѣ.—«А и ты-то, еретица, извела Добрыню Никитича!»— И молвивши, ударила Маришку по щекѣ, сбивала со рѣзвыхъ ногъ, топтала её по бѣлымъ грудямъ, а сама причитывала: «ай ты, еретица, безбожница, Маришка окаянная! За чѣмъ ты извела моего любимаго крестника, молода Добрыню Никитича? Я-де хитрѣе тебя, я сижу на пиру, не хвастаю; а и хочешь-ли, я тебя сукой оберну? А и станешь ты по городу ходить, людей смѣшить».

Не успѣла молода вдова Настасья Ивановна взозрити, какъ Маришка перекинулась на крылечко красное, скидала съ себя цвѣтно платье, и обернулась ласточкой. И только видѣли Маришку.

Прилетѣла Маришка во чисто поле, во то чисто поле, гдѣ-то ходятъ девять туровъ, десятый туръ Добрыня Никитичъ. А сѣла Маришка къ Добрыни на правой рогъ, а сидючи, Добрыню уговариваетъ: «гой еси ты, Добрыня Никитичъ! Послушай мою рѣчь

простую; сколько молодцу по чисту полю не гулять, зыбучія болота не топтать, чисто поле принаскучитъ, зыбучи болота опротивятъ. Ужъ ты ли, Добрынюшка, на возрастѣ, а я ли, Марина, на выданьѣ. Возмешь-ли ты, Добрыня, меня, молоду, за себя? Женишься-ль, Никитичъ, на мнѣ?»—«А и право возьму! Ей Богу возьму!»—«Бысть дѣлу такъ»—молвила Марина—«а и сдѣлаю тебя по старому, по прежнему». И обернула его, Добрыню, добрымъ молодцомъ по прежнему, а сама обернулась красной дѣвицей. И пошли они ко Кіеву. А вта поры гости были на расходѣ. Молода вдова, честна Настасья Ивановна, выходила на крылечко на красное съ матерой вдовой, Аѳимьей Ивановной. И тутъ-то Добрыня на встѣчу имъ. Пошла радость великая, бесѣда веселая. А и сталъ Добрыня Маришку учить: онъ перво ученье далъ—руки отсѣкъ; а рубючи, самъ приговаривалъ: «та-то рука мнѣ не надобна—трепала она Змѣя Горынчища.»—Второе ученье далъ—ноги прочь отсѣкъ; а рубючи, самъ приговаривалъ: «тѣ-то ноги мнѣ не надобны—соплеталися ноги со Змѣемъ Горынчищемъ».—Третье ученье далъ—рубилъ губы прочь; а рубючи, самъ приговаривалъ: «тѣ-то губы мнѣ не надобны—цѣловали губы Змѣя Горынчища».—Четвертое ученье далъ—голову прочь отсѣкъ; а рубючи приговаривалъ: «та-то голова мнѣ не надобна—знала голова дѣла еретическія». Съ той поры задумалъ Добрыня въ законъ вступить; и взялъ онъ себѣ жену у гостя торговаго Микулы Микитича, дочь его Настасью Микуличну; дружкою былъ у него Илья Муромецъ, тысяцкимъ самъ князь Владиміръ, свахою княгиня Апраксѣевна, а въ поѣзжанахъ—всѣ князья да бояре Кіевскіе (Сахаровъ, Сказки, 37).

Въ «Альбомѣ русскихъ сказокъ и былинъ», изданныхъ Гоппе, подъ редакціею П. Н. Петрова (СПБ. 1875), напечатана сказка о Добрынѣ Никитичѣ, по рукописному сборнику особой редакціи, сходной съ нашею (Чулковскою). Все начало сказки сходно съ нашею сказкою (Чулкова), только въ немъ не говорится, чтобы Добрыня былъ вырѣзанъ изъ утробы своей матери; волшебница, воспитывавшая Добрыню, названа Добродушею. Похожденіе

Добрыни въ окаменѣломъ городѣ, битва съ великаномъ и освобожденіе каменной царевны,—разсказаны въ томъ порядкѣ, какъ и въ нашей сказкѣ, только гораздо короче. Затѣмъ Добрыня встрѣчаетъ огромную голову богатыря, которая научаетъ его, какъ добыть себѣ заговоренное копье Африканово (въ нашей сказкѣ Агриканово—Нимвродово) и мечъ у Змѣя Горынича.

Въ Африкановомъ погребѣ нашелъ себѣ Добрыня вѣрнаго слугу Торопа; при помощи его побѣдилъ Змѣя Горынища, взялъ у него мечъ кладенецъ и съ этимъ мечомъ пріѣхалъ въ Кіевъ, послужить князю Владиміру.

«И сталъ жить Добрыня въ Кіевѣ; а межъ тѣмъ подослалъ Горыничъ въ Кіевъ свое отродье, Маринку Кайдальевну,—дѣвку раскрасавицу, размерзавицу. Ничего у Маришки нѣтъ завѣтнаго, уловляетъ Маришка мужей у женъ. Звала Маришка къ себѣ Добрынюшку; богатырь былъ въ своемъ умѣ,—посмѣялся ей: «Гожа ты мнѣ, Маришка, стадо пасти; ужо дай заведу на заставѣ табунъ—другой, поставлю тебя, дѣвка, старостихой надъ всѣми жеребцами горячими».—«Не смѣйся молодецъ, можетъ взмолишься!» Засверкала Маришка очами ярыми, повела бровью соболиною, хлестнула длинной косой, черной тучею, и ушла къ себѣ въ теремъ на узкую улицу.

Попилъ-поѣлъ Добрыня, пображничалъ, отвелъ душу бесѣдой во гриднѣ княжеской; спустилась ночь—потемки на сыру землю, и поѣхалъ богатырь на заставушку; ѣдетъ слободой, и напала блажь,—«дакось заѣду къ Кайдальевнѣ; семъ-ка навѣстимъ ее гнѣвливую». Вздумалъ, и заѣхалъ добрый молодецъ. «Дома-ли Марина, дожидаетъ-ли? Звала угощаться—вотъ мы жалуемъ».

«Была пора время, посмѣялся мнѣ, а теперь, Добрыня, наша очередь. Хотѣлъ меня Добрыня въ табуны пустить,—ступай-кось прежде мои пасти». Ударила Добрынюшку на отмашь—оборотила богатыря въ тура златорогова. Пустила тура въ свои луга поемные: «пусть будетъ у туровъ моихъ старостой».

Слышитъ-прослышитъ Владиміръ князь: нѣтъ на заставѣ богатыря могучаго; рыскаетъ туромъ-воломъ Добрынюшка.

Ждалъ день, и другой, и третій Добрыню Торопъ слуга; узналъ—обороченъ въ тура господинъ его. Больно Торопу стала вѣсть эта. Заплакалъ Торопъ со злой кручинушки. Слышитъ, словно зоветъ его кто; оглянулся,—стоитъ боярыня, изъ себя румяная, привѣтливая; называетъ Торопа по имени: «ты, говоритъ, коли любишь-чтишь Добрыню по прежнему, можешь его, Торопушка, выручить. Подарилъ онъ мнѣ перстень съ руки; поѣзжай къ Пучай-рѣкѣ, припадай къ самой волнѣ, что сѣчетъ-рѣжетъ, палитъ и жжетъ; да смахни въ горстку съ волны пѣночку; опусти смѣло въ Пучай-рѣку ту руку, на какой перстень надѣтъ, не сожжетъ, не спалитъ тебя струя Пучай-рѣки; а сберешь въ горсть пѣнку, спусти въ корецъ, да держи скорѣе путь къ поемнымъ лугамъ. Прысни изъ корца на тура златорогова, и воротится къ Добрынѣ прежній образъ его».

Торопъ повторять не заставилъ наказа, сѣлъ на коня, и былъ таковъ. Подъѣхалъ онъ къ Пучай-рѣкѣ, теремъ Горынича ярко горитъ; припалъ Торопъ къ Пучай-рѣкѣ, набралъ въ корецъ пѣны, и пустился въ обратный путь—туда, гдѣ паслись Маришкины туры, и отыскалъ онъ златорогова тура, прыснулъ на нею изъ корца пѣною, и сталъ изъ тура по прежнему Добрыня Никитичъ.

И поѣхали они въ Кіевъ градъ. А въ тѣ поры случилось надъ княземъ Владиміромъ несчастье: унесъ Змѣй Горыничъ любимую племянницу его, Запаву Путятичну.

«Не горюй князь», говоритъ ему Добрыня, «отыщемъ мы княжну твою, только дай намъ расправиться съ Кайдальновной». Вотъ ѣдетъ Добрыня съ Торопомъ ко двору Маришкину; провѣдала злодѣйка бѣду неминучую,—стала кидаться, ломать бѣлыя руки; схватилъ ее Добрыня за косу, да и разорвалъ на двое, а какъ разорвалъ,—заплакалъ самъ: «единую ту слабость я на свѣтѣ зналъ». Потомъ отправился онъ съ Торопомъ къ Змѣю Горыничу; побилъ его, освободилъ изъ плѣна Запаву и многое множество бояръ, князей, женъ и богатырей, заполоненныхъ Горыничемъ; Запаву съ Торопомъ впередъ отослалъ, а самъ къ сѣдлу приковалъ Горынича, пропустивъ ему цѣпь сквозь ноздри багровыя,

да обручъ поперегъ тѣла. И чествовалъ Владиміръ Добрыню богатыря, и Добрыня величалъ Торопа братенникомъ, а Запаву Путятичну выдали за мужъ за Алешу Поповича. Змѣя же Горынича приковали на дворѣ на княжескомъ; и сталъ онъ жалобно хоботкомъ водить, себѣ святой милостыни просить (Альбомъ Гоппе, стр. 162 и 163).

VI. Сказанія о Добрынѣ Никитичѣ по былинамъ [93]).

1. Рожденіе и молодость его; бой со змѣемъ. Когда Скимень звѣрь (скиперъ.—Кир. II. 2, т. е. левъ) *зачуялъ нарожденье* Добрыни, то побѣжалъ онъ къ Непрѣ рѣкѣ [94]); за нимъ бѣжало стадо звѣриное—змѣиное; становился скимень на крутомъ берегу, закричалъ онъ по гусиному, зашипѣлъ по змѣиному, засвисталъ по соловьиному (Кир. II. 10); всколебалась земля, посыпался съ крутыхъ береговъ песокъ, помутилася вода въ Нѣпрѣ, темны лѣса къ землѣ склонилися, зелена трава въ полѣ повянула: родился на Руси Добрыня сынъ Никитьевичъ (Кир. II. 1. 2) [95]); люди говорили, что онъ убьетъ змѣя (Кир. II. 51). Отецъ Добрыни—

---

[93]) Подробное оглавленіе разсказовъ о Добрынѣ, помѣщенныхъ въ пѣсняхъ Кирѣевскаго, составлено Безсоновымъ (IV. 42).

[94]) Нѣпръ, вмѣсто Днѣпра; точно такъ же говорится: Икона Непрской Богородицы, вмѣсто Днѣпровской (См. IV. № 1311). Скумни или Скумень львовыхъ,—по объясненію Скорины, въ его псалтыри, изданной въ Прагѣ въ 1571 году, значатъ молодые львенята.

[95]) Такими же чудесными явленіями сопровождалось рожденіе *Гельги*, въ старой Эддѣ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 433); Индійскаго Бога Кришны (В. Стасовъ, О происхожд. былинъ, 645; Harivansa, I. 268); Александра Македонскаго (въ Александріадѣ); и наконецъ праотца Авраама: въ тотъ часъ, когда родился Авраамъ, явилась на востокѣ звѣзда и поглотила четыре звѣзды. Новорожденный былъ скрытъ кормилицей отъ гнѣва Нимврода въ пещеру, гдѣ и оставался до 10 лѣтъ (Сказанія изъ книги Мидрата: Dict. des apocr., III. 1104; Порфирьевъ, 44); у Рембо приведено еще нѣсколько примѣровъ по этой части (La Russie épique, 165). По справедливому замѣчанію Вольнера, явленія, бывшія при рожденіи Добрыни, неимѣютъ ничего общаго съ дальнѣйшей жизнею Добрыни и заимствованы безъ всякой цѣли изъ другихъ былинъ; такія явленія происходили при рожденіи Волха Сеславича (лѣтописнаго князя Олега, колдуна-волшебника) и здѣсь они совершенно у мѣста:

богатый Рязанскій гость Никита Романовичъ (Кир. II. 49. 69); мать—Амелфа Тимоѳеевна [95 а]) (Кир. II. 7), Афимья Александровна (Кир. II. 14. 19). Семи лѣтъ Добрыню посадили учиться грамотѣ, и грамота ему въ прокъ пошла; двѣнадцати лѣтъ у Добрыни уже заведена была своя дружина.

Разъ въ Петровскіе жары сталъ онъ проситься у своей матери, отпустить его погулять на Сафатъ рѣку (Кир. II. 50) [96]); далъ ему отецъ благословеніе (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 480); отпустила и мать, наказывая не купаться въ Пучай-рѣкѣ [96 а]) (Израй рѣкѣ.—Кир. II. 50; рѣкѣ Кострюнѣ.—ib. II. 41): рѣка эта свирѣпая, «середня струйка въ ней какъ огонь сѣчетъ» (Кир. I. 40).

Не послушался таки Добрыня совѣта матери, поѣхалъ на Пучай-рѣку. На той рѣкѣ въ тѣ поры мыли платье дѣвицы портомойницы, и говорятъ Добрынѣ, что у нихъ въ Пучай-рѣкѣ не купаются нагимъ тѣломъ, а купаются въ рубашечкѣ; не послушался и ихъ Добрыня, раздѣлся до нага, и пошелъ купаться [97]); переплылъ онъ за среднюю струю, а самъ говоритъ: «понапрасну говорила мнѣ матушка, что Пучай-рѣка свирѣпая, а Пучай-рѣка есть кротка смирна, она будто лужа дождевая».

Не успѣлъ онъ выговарить, откуда ни взялась темная туча, и налетѣла на Добрыню Змѣище Горынчище (восьмиглавое.—Гильф. 666), хочетъ Добрыню сжечь; сама говоритъ: «что захочу теперь съ Добрыней, то и сдѣлаю,—захочу съѣмъ-сожру, захочу потоплю,

---

отъ пятилѣтняго Волха дрожитъ земля, и спасаются звѣри, рыбы и птицы; 12-ти лѣтъ Волхъ тоже кончилъ свое обученіе и собралъ себѣ дружину въ 30 богатырей (Wollner, 48).

[95 а]) По мнѣнію г. Лавровскаго, имя Омелфы есть имя жены Пентефрія, встрѣчающееся въ апокрифическомъ завѣщаніи Іосифа; въ русскомъ переводѣ имя это передѣлано въ Амемфію, Мемфію, Амемфрію, Амеменсфрію.—Ягичъ тоже согласенъ съ этимъ мнѣніемъ (Духовный Вѣстникъ 1864 г.: Ягичъ, Die christlich-mythologische Schlicht. B. I. H. 1, 102; Wollner, 47).

[96]) О названіи *Сафатъ* см. Учен. Зап. Ак. Наукъ, Русск. отд., II. вып. 2. стр. 231.

[96 а]) Почай или Пучай рѣка отъ пучи=пучина (См. № 250). Она же Израй рѣка.

[97]) По одной пѣснѣ: «сталъ купаться въ полотняной рубашечкѣ» (Гильф. 665).

захочу въ хобота возьму». Увернулся таки отъ нее Добрыня: гораздъ онъ былъ плавать[98]); вынырнулъ надругой берегъ,— анъ платья его нѣту, меча бурзамецкаго тоже, лежитъ одинъ его пуховый греческій колпакъ; насыпалъ онъ въ него земли, махнулъ въ змѣю, да и сшибъ ей всѣ двѣнадцать хоботовъ (палицей.— Рыбн. I. 121)[99]); упала змѣя на землю, и вскочилъ ей Добрыня на «бѣлыя груди» (а на крестѣ Добрыни былъ булатный ножъ.— Рыбн. III. 62)[100]); взмолилась тутъ ему змѣя: «положимъ мы заповѣдь великую; не летать мнѣ на святую Русь, не носить больше людей русскихъ, а тебѣ не топтать милыхъ змѣенышей, не выручать моихъ полоновъ». На томъ и поладили. Змѣя обѣщала Добрынѣ достать въ жены царевну красавицу, и привела ему красную дѣвицу; сталъ Добрыня ту дѣвицу спрашивать: «хочетъ ли она пойти за него за мужъ?»—«Воля есть де ваша», отвѣчаетъ дѣвица. И началъ тутъ Добрыня дѣло дѣлати (Записано Е. В. Барсовымъ: О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 426). Хотѣлъ на ней Добрыня жениться, да мать уговаривала его оставить ту дѣвицу изъ невѣрной стороны.

Осерчалъ сильно Владиміръ на Добрыню за то, что онъ не убилъ змѣя (Гильф. 666). Летѣла змѣя Горынчище мимо Кіева, увидала князеву племянницу Запаву Путятичну[100 а]) (дочку цар-

---

[98]) Въ одной пѣснѣ Добрыня говоритъ змѣю: «не честь тебѣ на нагое тѣло напущатися», и пролетѣлъ змѣй мимо (Кир. II. 51). По другой пѣснѣ Добрыня переплылъ первую и вторую струю, третья его сама подхватила, и принесла въ пещеры бѣлокаменны (Кир. II. 50).

[99]) По одной пѣснѣ Добрыня тутъ же и убилъ змѣя дубиной и повѣсилъ его сушиться на осину на кляплую; а самъ поплылъ на дубинѣ въ пещеры бѣлокоменныя (Кир. II. 52).

[100]) Ѳ. И. Буслаевъ замѣчаетъ, что въ пораженіи змѣя Добрыня тѣсно связанъ съ Великомуч. Георгіемъ (Разб. соч. О. Миллера, Журн. Мин. Народ. Просв. 1871, CLIV. Отд. 2. Стр. 216). В. В. Стасовъ сопостовляетъ бой Добрыни со Змѣемъ—съ боемъ Индѣйскаго Кришны съ пятиглавымъ змѣемъ, которому онъ послѣ побѣды тоже даетъ пощаду (О происх. былинъ, 656), замѣчая при этомъ, что разсказы о томъ, какъ герой освобождаетъ воды извѣстной мѣстности отъ чудовищъ, существуютъ и въ древней Азіи (668).

[100 а]) Запава Путятична: имя Путяты историческое—въ Кіевѣ былъ воевода Путята при князѣ Святополкѣ Михаилѣ. Татищевъ, приводя русскую пословицу: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ», замѣчаетъ: въ пѣс-

скую, Мароиду Всеславьевну.—Гильф. 316), схватила ее, да и унесла къ себѣ въ нору глубокую. Три дня скликалъ князь Владиміръ волшебницъ, кто бы могъ съѣздить за его племянницей. И говоритъ ему Алеша Поповичъ: «пошли за нею Добрыню Никитича—у него съ змѣей заповѣдь положена; и достанетъ онъ Забаву Путятичну безъ *драки-кровопролитія* (Кир. II. 30; Рыбн. I. 124)—онъ змѣи крестовый братъ (Гильф. 32). И *накинулъ* Владиміръ ту службу на Добрыню, говоритъ ему: «если не достанешь Забаву, прикажу тебѣ голову срубить» (Гильф. 32). Сѣлъ Добрыня на своего бурушку, провожаетъ Добрыню его матушка; давала ему на прощанье шелковую плетку да шелковый платокъ, говорила ему: «платкомъ утирайся, а плеткой бей бурушку промежъ ушей да промежь ногъ, и станетъ онъ поскакивать, да змѣенышей отряхивать». И поѣхалъ Добрыня въ горы Сорочинскія; и какъ началъ конь его топтать молодыхъ змѣенышей, стали змѣеныши коню щеточки подтачивать; и не можетъ *бурушко поскакивать и змѣенышей отъ ногъ отряхивать*; и бралъ Добрыня плетку шелковую, и бьетъ онъ бурко противъ ушей да промежъ заднихъ ногъ,—и сталъ бурушка поскакивать, и змѣенышей отъ ногъ отряхивать, притопталъ ихъ всѣхъ до единаго (Кир. II. 30). И выходитъ тутъ змѣя проклятая, и говоритъ Добрынѣ: «ты зачѣмъ нарушилъ заповѣдь, притопталъ всѣхъ моихъ малыхъ дѣтушекъ?» «А тебя», отвѣчаетъ Добрыня, «черти несли черезъ Кіевъ градъ; зачѣмъ ты взяла Забаву Путятичну; отдай ее безъ *драки-кровопролитія*». Не отдала змѣя Путятичну и стала драться съ Добрыней [101]). Дрались они трое сутокъ (Кир. II. 30; Рыбн. I. 127).

няхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра такъ поютъ: «Противъ двора Путятина, противъ терема Забытина, стараго Путяты—темный, темный лѣсъ». Отсюда, замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, былинная Запава Путятична (Журн. Мин. Народ. Просв., Апр. 1871, 232).

[101]) Въ одной Олонецкой пѣснѣ о змѣѣ говорится: «Невѣжа то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ, по ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ, а по зарямъ то ходитъ добрымъ молодцемъ» (Рыбн. II. 16). Невѣжа застаетъ Добрыню въ Пучай-рѣкѣ; но Добрыня увернулся отъ него, разсѣкъ змѣя на мелкія части, и сжегъ (Рыбн. II. 17). Боя съ огненнымъ змѣемъ попадаются въ сказкахъ у многихъ народовъ; сличите: Сказки Аѳанасьева (I. 71. 97); духов-

Утирался Добрыня шелковымъ платкомъ, набирался отъ того новой силы (Гильферд. 346); ужъ хотѣлъ было Добрыня змѣю бросить, какъ слышитъ съ неба гласъ ему: «бился ты три дня, побейся еще три часа» [101 а]); и бился Добрыня съ змѣей еще три часа, и убилъ ее; и затопила змѣиная кровь около Добрыни всю землю; трое сутокъ ждалъ тутъ Добрыня, и наконецъ, по наставленію того же небеснаго голоса, ударилъ копьемъ землю,—земля разступилась и пожрала кровь змѣиную (Рыбн. III. 66) [102]).

Тогда отправился Добрыня въ глубокую нору; смотритъ, сидятъ тамъ старички, да старухи; у грудей у нихъ висятъ малые змѣеныши (Гильф. 1252), да многое множество князей, королевичей, царей и царевичей,—всѣхъ вывелъ ихъ на свѣтъ божій, да еще простой силы тамъ въ плѣну сорокъ тысячь насчиталъ; нашелъ онъ и Забаву Путятичну (или тетушку свою Марью Дивовну.—Кир. II. 52), говоритъ ей: «за тебя это я такъ странствую,

---

ныя стихи Кирѣевскаго; житіе св. Петра и Февроніи у Ѳ. Буслаева (Очерки, т. I); тоже лицевую сказку о Еруслaнѣ Лазаревичѣ, бой котораго съ змѣемъ очень напоминаетъ былинный бой Добрыни Никитича. Борьба витязя съ огненнымъ змѣемъ, изъ за похищенной этимъ послѣднимъ женщины, воспѣвается у многихъ народовъ (Ѳ. Буслаевъ, Очерки, I. 284; Hahn, № 70). Георгій храбрый побиваетъ цѣлые стада змѣенышей, и освобождаетъ царевну; а Ѳедоръ Тиронъ освобождаетъ отъ змѣя свою матушку. Легенда о св. Георгіи напечатана въ Золотой Легендѣ Іакова де Ворогине; самый разсказъ о боѣ его съ змѣемъ заимствованъ изъ греческой сказки о Персеѣ и Андромедѣ (Wollner, 54). Въ седьмой сказкѣ Пентамерона Тіенцо (купецъ), подходя къ дурацкому царству, видитъ, что тамошнюю царевну Менехеллу торжественно ведутъ на съѣденіе седмиглавому змѣю, который заполонилъ дурацкое царство. Тіенцо бьется съ змѣемъ, срубаетъ ему всѣ семь головъ, освобождаетъ Менехеллу и получаетъ ее въ жены (Der Pentamerone, Breslau 1846, I. 96). Прототипъ седмиглаваго змѣя представленъ въ апокалипсисѣ: «великъ и черменъ... имѣяй... роговъ 10 и хоботъ» (хвостъ; см.: III. № 810. Апокалипсисъ Кореня), который хотѣлъ затопить *жену*, напустивъ на нее цѣлую рѣку изъ зѣва; но земля разверзлась и приняла въ себя воду (Апокалипсисъ: 3, 12, 15, 16).

[101 а]) Такой же гласъ былъ Ѳедору Тирону, когда онъ ходилъ освобождать свою мать, и нашелъ ее въ пещерѣ змѣиной: она была одѣта дѣвушкой, 12 змѣй обвивали ее, а супротивъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ старый змѣй; всѣ они и разные гады, лежавшіе кругомъ, караулили ее (Тихонравовъ, Памят. Отреч. Лит., II. 93—99).

[102]) Точно такъ утопаютъ въ крови змѣиной Георгій Храбрый и Ѳеодоръ Тиронъ.

поѣдемъ со мной въ Кіевъ къ ласковому князю Владиміру, а вамъ всѣмъ, господа, воля вольная»[102 а]). И поѣхалъ онъ съ княжной къ рѣкѣ, и видитъ въ сторонѣ богатырскій слѣдъ прошелъ,— нагналъ онъ Алешу Поповича, проситъ его доставить княжну въ Кіевъ, наказывая: «везъ же я Забаву въ честности, такъ и ты не стыди ей личика бѣлаго,—пристыдишъ, пожалуется, голову срублю (Гильф. 36); а самъ поѣхалъ по богатырскому слѣду (Кир. II. 30; Рыбн. I. 128).

2. Добрыня и Маришка. Три года Добрыня у князя стольничалъ, три года харешничалъ, три года въ приворотничкахъ былъ (Кир. II. 41), и выпросился онъ у матери по Кіеву погулять; отпустила его мать, только заказала ходить на Андреевскую улицу (на Марьину улицу, Игнатьевскій переулочекъ.— Рыбн. III. 92), гдѣ живетъ Маринка (Кир. II. 44), Кайдальевна, Королевична (Гильф. 25)[103]).

Не послушалъ Добрыня матери, пошелъ таки искать по Кіеву Маринкинъ дворъ (Кир. II. 42); а Маринкинъ дворъ на семи верстахъ на семи столбахъ (Кир. II. 48); кругомъ двора желѣзный тынъ, на каждой тычинкѣ позолоченая маковка (Кир. II. 42; да по молодецкой головушкѣ.—Кир. II. 44; или: на каждомъ окошечкѣ голубь съ голубушкой.—Рыбн. III. 92), а на дворѣ два терема Златовѣрхіе[104]). Въ то время Маринка умывалася,

---

[102 а]) За эту службу князь Добрыню ничѣмъ непожаловалъ (Гильф. 321); а по другимъ пересказамъ: жаловалъ казною и платьемъ цвѣтнымъ (Гильф. 346).

[103]) Если взять во вниманіе, замѣчаетъ Снегиревъ, внѣшнее сходство именъ и дѣйствій, то подъ Кіевскимъ Добрынею Никитичемъ не разумѣется ли Филаретъ Никитичъ? потому что самое слово *Добрыня* равнозначительно Филарету, любителю доблести: отъ φιλέω—люблю и ἀρετή—доблесть, добродѣтель. Еретичка Маринка, обратившаяся послѣ данной ей пощечины въ ласточку, не есть ли Маринка Сендомирская, жена разныхъ Самозванцевъ, которая, по сказанію народному, превратилась въ сороку, проклятую святителемъ Алексіемъ Митрополитомъ?—съ тѣхъ поръ де сороки перевелись на Москвѣ. Въ Змѣѣ Горынчищѣ поэтому нельзя не видѣть изображенія Самозванца (Снегир., Лубочн. Карт., М. 1861. 100). Наконецъ самый Игнатьевскій переулочекъ и отчество Маришки,—Игнатьевна,—указываютъ на бывшаго въ смутное время два раза патріархомъ Игнатія; про эту же Маринку поется нѣсколько пѣсень, какъ она съ Гришкой разстрижкой во время обѣдни въ мыльнѣ мылась, блудъ творила (Рыбн. III. 265).

[104]) Это повтореніе описанія двора Соловья разбойника (См. выше, стр. 28).

собиралася на пиръ къ князю Владиміру. Видитъ Добрыня, на окошечкѣ у ней сидятъ два голубя, цѣлуются, межъ себя милуются; за досаду стало ему, натянулъ онъ свой лукъ, да и пустилъ въ нихъ калену стрѣлу; но въ голубей не попалъ, а попалъ въ окошко; разбила стрѣла причалы серебреные, оконенку стекольчатую (Кир. II. 54)[105]), убила у Маришки милова змѣя (Кир. 41; Притугаленика.—Кир. II. 48; Ивана Царевича Туга Змѣевича.—Гильф. 116). Разболѣлось у нея сердце ретивое по миломъ другѣ (Кир. II. 42); бросилась она въ одной рубашечкѣ, кричитъ: «а кто это невѣжа въ окошко стрѣлялъ, расшибъ зеркальце стекольчатое (Кир. II. 54), самъ пусть за стрѣлочкой придетъ» (Рыбн. III. 93). Звала Маринка Добрыню къ себѣ хлѣба-соли откушать; плюнулъ Добрыня, прочь пошелъ (Рыбн. II. 11); зоветъ его: «сдѣлай со мною любовь» (Гильф. 26); зоветъ, чтобы взялъ ее за себя за мужъ (Гильф. 116). Пришелъ къ ней Добрыня, схватилъ онъ Маринку за бѣлы груди, кинулъ ее о дубовый полъ, и взялъ свою стрѣлочку каленую (Рыбн. III. 93).

Собрала тогда Маринка слѣдочки Добрынины, вырѣзала ихъ ножечкомъ, побросала въ печь, сама приговаривала: «гори, гори, слѣдочки Добрынюшкины, боли, боли сердечко молодецкое» (Кир. II. 44; или: нашептала на листочки на лазуревые.—Рыбн. II. 11)[105 a]). Взяло Добрыню за сердце пуще остраго ножа; не пьетъ онъ хлѣба съ вечера, съ полуночи ему не уснется; бѣлаго свѣта все дожидается; всталъ онъ ранешенько и прямо къ Маринкѣ на широкій дворъ; пришелъ, проситъ Маринку сдѣлать съ нимъ любовь (Гильф. 26). Въ это время пировали у Маринки жены моло-

---

[105]) Этотъ эпизодъ напоминаетъ слѣдующій разсказъ изъ еврейскихъ апокрифовъ: когда Вирсавія мылась въ своей комнатѣ, окно которой было закрыто рѣшеткой, царь Давидъ стоялъ на крышѣ своего дворца; дьяволъ принялъ образъ птицы и сѣлъ на окно Вирсавіи. Увидавъ птицу, Давидъ пустилъ въ нее стрѣлу, стрѣла разбила рѣшетку; Вирсавія предстала передъ Давидомъ въ ослѣпительной наготѣ своей и Давидъ палъ (Порфирьевъ, 69).

[105 a]) Сосѣдка Лютеровой матери тоже извела преслѣдовавшаго ее пастора, собравъ его *слѣды* и опустивъ ихъ въ заговореную воду. Нѣмцы сбираютъ свѣжіе слѣды вора и сжигаютъ въ трубѣ, отчего воръ долженъ изсохнуть (Grimm, D. Myth., 4 Aufl. II. 915).

децкія, молодыя молодушечки, да красныя дѣвицы душечки; и стала Маринка Добрыню изъ окна бранить; хотѣлъ было Добрыня прочь уйти, да увидѣлъ онъ змѣя Горынича, зло взяло его. схватилъ онъ бревно, да и выломилъ въ теремѣ двери желѣзныя. Какъ бросилась ругать его Марина Игнатьевна: «деревенщина ты, дѣтина засельщина, вчера на дворѣ заходилъ, разшибъ у меня зеркало стекольчатое»; бросился было на него и змѣй; да Добрыня пригрозилъ изрубить его. Струсилъ Горыничъ, побѣжалъ вонъ, хвостъ поджавъ, страсть взяла его, зачалъ пердѣть, окольшки металъ по три пуда и бѣгучи онъ заклинается: «не дай богъ бывать у Марины въ домѣ, есть у нея не одинъ я другъ, есть лучше меня и повѣжливѣе». А Маришка въ то время высунулась по поясъ въ одной рубашкѣ, кричитъ ему: «воротись, милый другъ, хочешь я оберну Добрыню клячей водовозною, станетъ онъ на меня и на тебя воду возить»; и обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ (Кирша Данилов.; Кир. 55; ленемъ рыскучимъ — Рыбн. III. 93).

Или: стала Маринка Добрыню обвертывать, сперва обернула сорокою, потомъ вороною, потомъ свиньею и наконецъ гнѣдымъ туромъ (Гильф. 833); «оберну, говоритъ, тебя туромъ злторогимъ, отъ злторогово тура поворотъ—отъ есть, еслиже обвернуть тебя жабой подколодною,—отъ жабы и поворота нѣтъ». Сдобрилась Мариночка, обернула его туромъ (Гильф. 1090). Обернула Добрыню мірскимъ кобелемъ: «ты ходи по городу, сбирай кусочки подстольніи»; ходилъ Добрынюшка кобелемъ ровно суточки, и обернула его Маринка морскимъ туромъ (Гильф. 1327) [105 б]).

Ходилъ Добрыня туромъ шесть мѣсяцевъ (Кир. II. 57), притопталъ всѣ стада своей тетушки Авдотьи Ивановны, и гусиное, и лебединое, и коровъ, и овецъ, и лошадей всѣхъ; догадалась

[105 б]) Примѣровъ такихъ превращеній можно найти множество въ 1001 ночи. Принцъ Базимъ, напримѣръ, встрѣчаетъ принцесу, которая сперва дѣлается его любовницей, а потомъ хочетъ обратить его въ лошака; принцъ однакоже успѣваетъ обернуть ее, еще прежде, ослицей; но за то и самъ принужденъ обратиться въ птицу, и т. д. Вольнеръ приводитъ много такихъ примѣровъ (стр. 59).

Авдотья Ивановна, что то не туръ гулялъ, а родной племянничекъ Добрынюшка (Гильф. 28)[106]).

Сидѣла Марина на вечеринкѣ у князя Владиміра; больно напилась она и стала похваляться: «нѣ де въ Кіевѣ хитрѣе и умнѣе меня; обернула я девять богатырей гнѣдыми турами, а нынѣ отпустила десятаго молодца Добрыню Никитича». Подносила мать Добрынина Аѳимья Александровна чару вина любимой своей кумушкѣ Аннѣ Ивановнѣ, выпила Анна Ивановна чару, да за тѣ похвальныя слова ударила она по щекѣ Маринку, сшибла ее съ рѣзвыхъ ногъ, топтала по бѣлымъ грудямъ, стала Маринку ругать сестра Добрынина: «чѣмъ ты это б...ь хвастаешься; оборочу я тебя сѣрой сукою и станешь ты бѣгать позадь гумна съ борзымъ кобелемъ» («станешь ты Маринка за собой много псовъ водить» — Кир. II. 59). И взяла она дубовыхъ дровъ и зажгла ихъ съ заговоромъ: «загоритесь, загоритесь, дубовыя дрова, разгорись, разболѣйся у Маришки ретиво сердце по Добрынѣ Никитичѣ». И разгорѣлось сердце Маришкино, побѣжала она въ зелены луга, созвала своихъ туровъ (Кир. II. 42), обернулась касаточкой, прилетѣла въ поле, да сѣла Добрынѣ на правый рогъ, говоритъ ему: «возьмитко меня Добрыня за себя замужъ, да скажи, что не станешь бить до смерти, и оберну тебя по прежнему добрымъ молодцемъ». И говоритъ ей Добрыня: «право возьму, ей Богу возьму, только дамъ тебѣ Маринка поученьице, какъ

---

[106]) Въ одной пѣснѣ разсказывается, что узнала про Добрынино превращеніе Аѳимья Александровна, стала докторовъ по Москвѣ искать, чтобы отвернуть Добрынюшку, да не нашла; и поѣхала она въ Кіевъ градъ, нашла тамъ бабушку задворенку, которая обѣщала ей вернуть Добрыню; поѣхали онѣ обѣ въ Москву на Вшивую горку, взяла здѣсь бабушка лукъ Добрынинъ, и пустила изъ него стрѣлу, наговаривая: «донеси ты Добрынюшку, пусть бѣжитъ въ Москву на Вшивую горку». И прибѣжалъ туда Добрынюшка добрымъ молодцемъ; а Маришку бабушка задворенка обернула собакою (Рыбн. III. 94).

По другому пересказу мать Добрыни нарядилась старухой, пришла къ Маринкѣ, говоритъ ей: «поверни ты своихъ девять туровъ добрыми молодцами, а не повернешь, оберну тебя сорокой погуменною, и летай ты до вѣку». Испугалась Маринка, повернула туровъ своихъ добрыми молодцами: «подите», говоритъ, «къ своимъ домамъ, къ своимъ женамъ, ко отцамъ — матерямъ, а молите Бога за старуху за старую!»

мужья своихъ женъ учатъ» (Кир. II. 59). Оборотила Маринка Добрыню по прежнему добрымъ молодцемъ, сама она обернулась дѣвицей; новѣнчалися они кругъ ракитоваго куста [107]), и пошли въ Кіевъ въ Маринкинъ теремъ. Входитъ Добрыня въ покой и говоритъ Маринѣ: «и что это у тебя Марина въ теремѣ Спасова образа нѣтъ; некому помолиться, а и чай моя сабля острая заржавѣла» (Кир. II. 60); или: говоритъ Добрыня Маринкѣ: «ты Маринка б...ь не годишься мнѣ». И сталъ онъ Марину учить: первое ученье отсѣкъ руку,—«рука де мнѣ эта не надобна, трепала она змѣя Горынича»; второе ученье, отсѣкъ ей ногу,—оплеталась де она съ Змѣемъ Горыничемъ; третье, отрѣзалъ губы съ носомъ,—цѣловали эти губы Горынище; а четвертое ученье, отсѣкъ Маринкѣ голову и языкъ прочь, зналъ де онъ дѣла еретическія (Кир. II. 60) [108]). Собиралися попы, протопопы всѣ, дѣлали огни палящіе, жгли Маринкино тѣло; какъ во всякомъ суставѣ у ней по змѣенышу, да по гаденышу (Гильф. 835). По другимъ пересказамъ Маринка кончилась иначе: по одному—Катерина Никитична обернула Маринку въ суку долгохвостую; кобели за Маринкой гоняются, малы ребята палками въ нее метаются (Кир. II. 48); по другому—Добрынина мать обернула Маринку вѣщей сорокой; она изъ подъ гумна всѣхъ сорокъ повыгоняла, изъ чиста поля всѣхъ сорокъ повытащила (Гильф. 1090).

Есть еще нѣсколько пересказовъ о волокитствѣ Добрыни за Маринкой.

---

[107]) Или, какъ говорится въ народѣ, вѣнчались вкругъ ели, а черти пѣли (Ѳ. Буслаевъ, Очерки, I. 83). О вѣнчаніи вокругъ ракитоваго куста по языческимъ обрядамъ см. у Аѳанасьева: Поэтич. возр. II. 324.

[108]) Въ одной пѣснѣ Сагайцевъ, богатырь Ай-Толызы, желая наказать свою невѣрную жену, рубитъ ей ноги до колѣнъ, руки до локтей, и потомъ выбрасываетъ ее за окно (Radloff, Proben, II. 191). Такого рода казни встрѣчаются въ индійскихъ и германскихъ источникахъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 426). Отрѣзываніе губъ напоминаетъ народное преданіе о томъ, что Петръ приказалъ отрѣзать губы у фрейлины Гамильтонъ, которая была казнена за убійство своего незаконнорожденнаго ребенка. По духовнымъ законамъ, отрѣзываніе носа и ушей назначалось за любодѣяніе съ попадьей или черницей.

А. Задумалъ Добрыня жениться на Маринкѣ; отговариваетъ его старшая сестра его Катерина Никитична: «девять князей жениховъ своихъ извела де Марина, изведетъ и тебя десятаго». Не послушалъ таки Добрыня; обернулся онъ сизымъ голубемъ и прилетѣлъ на окно въ Маринкинъ теремъ свататься.

Въ тѣ поры лежала Маринка на постелюшкѣ, на рукѣ у ней лежалъ лютый змѣй, а на другой два змѣеныша; и хотятъ они Добрыню зажечь-запалить; и вскочила Маринка съ постели, схватила Добрыню за руки, стала его цѣловать въ уста сахарныя,—да и обернула его бѣлымъ туромъ: «иди де во чисто поле, выдирай тамъ траву съ ржавчиной, запивай траву водой болотною» (Кир. II. 46).

Б. Пришелъ Добрыня къ Маринкѣ, смотритъ она съ Змѣемъ въ полотняной палаткѣ сидитъ, *гладится* (нѣжится); не стерпѣлъ Добрыня такого вида, застрѣлилъ Горынчища, и говоритъ Маринкѣ: «хочешь за меня за мужъ идти». Согласилась Маринка; и повѣнчались они въ чистомъ полѣ, кругъ ракитова куста; и становилъ ее Добрыня противъ себя, и далъ ей три поученьица, (см. ниже), т. е. отрубилъ ноги, руки и голову (Гильф. 470).

В. Маринка, увидѣвъ Добрыню, зазвала его къ себѣ въ теремъ, подносила ему всякія яства и чару съ питьемъ; въ ту чару было змѣиной силы положено. Плеснулъ изъ нея Добрыня кобелю мелединскому (меделянскому?),—рóзорвало кобеля; и вынулъ Добрыня саблю острую, и отсѣкъ Маринкѣ голову (Рыбн. I. 173).

Г. Обѣщаетъ Туръ жениться на Маринкѣ; отворотила она его добрымъ молодцемъ и обвѣнчалась съ Добрынею въ Кіевѣ у князя Владиміра. Приходятъ они въ свои палаты, и кричитъ Добрыня, чтобы подали ему саблю вострую. Тутъ его Маринка обернула сперва горностаемъ, потомъ соколомъ; вымолился ей Добрыня, отвернула его опять добрымъ молодцемъ. Тутъ Добрыня саблю схватилъ и голову ей отсѣкъ (Гильф. 29).

Д. Наконецъ есть еще одинъ пересказъ, въ которомъ вмѣсто Маринки выведена Настасья Митревна. Раскинулъ Добрыня

бѣлъ шатеръ и сталъ забавляться съ Настасьей Митріевной; и наѣзжаетъ нечистый духъ Гришка-Растришка, говоритъ Настасьѣ: будешь за Добрыней, станутъ звать тебя бабой портомойницей; за меня пойдешь, станетъ тебѣ старый да малый кланяться». И схватила Настасья Добрыню за желтыя кудри, и приковала его къ дубу, а сама стала забавляться съ нечестивымъ. Прилетаютъ на ту пору три голубка, и кричатъ они звонкимъ голосомъ: «за что это головушка прикована, ради дѣвки дуры, б... и-сводницы?» Видитъ Настасья Митревна, бѣда неминучая, и говоритъ она Добрынѣ: «не станешь бить меня, пущу, не то палицей убью». И сорвалъ Добрыня сырой дубъ, и далъ онъ Настасьѣ поученьице (т. е. отсѣкъ руки, ноги и голову, какъ Маринкѣ.—Гильф. 934)[109]).

3. Женитьба Добрыни; ссора изъ за жены съ Алешей Поповичемъ. Про женитьбу Добрыни въ былинахъ находятся два совершенно разныхъ пересказа. Въ одномъ Добрыня женится двѣнадцати лѣтъ на Акулинѣ Микуличнѣ (Кир. II. 11), она же—Аграфена Григорьевна (Кир. II. 14), Настасья Гурьевна или Гурьешна (Кир. II. 17) и Настасья Никулична (Кир. II. 20). По другому же пересказу, чисто миѳическому и стоящему въ исторіи Добрыни особнякомъ, женитьба Добрыни происходитъ слѣдующимъ образомъ: послѣ того какъ Добрыня убилъ Змѣища Горынчища и передалъ освобожденную имъ Запаву Путятичну Алешѣ Поповичу для доставленія ея въ Кіевъ, наѣзжаетъ онъ на *паленицу*, *женщину великую*, и ударилъ онъ ее въ голову своей палицей булатною; паленица и назадъ не оглянулась[109 а]); *пріужахнулся* Добрыня, отъ-

[109]) Это повтореніе исторій о томъ, какъ училъ жену свою Настасью Митревну Иванъ Годиновичъ, за то, что она связалась съ царемъ Афромеемъ (Кирша Даниловъ, 145); въ другомъ пересказѣ Иванъ Годиновичъ замѣненъ Иваномъ Богатыремъ (Рыбн. III. 118). Въ Пантшатантрѣ такое же наказаніе производится надъ злою женщиной, измѣнившей своему мужу (Wollner, 61); разсказъ очень сходенъ съ разсказомъ о Годиновичѣ.

[109 а]) Точно такъ Андроновъ поваръ ударилъ Бову въ голову горячею головнею, «и Бова на мѣстѣ не тряхнулся» (I. 101). Также точно ударилъ Бову по головѣ Полканъ богатырь цѣлымъ дубомъ (I. 106); сравните выше сказаніе о Святогорѣ богатырѣ.

ѣхалъ въ сторону, смотритъ дубъ толщиной шесть сажень стоитъ, ударилъ онъ его палицей, весь по ластыньямъ (на драни) расшибъ; самъ говоритъ про себя: «сила у Добрыни по старому, а смѣлость не по старому». Догналъ онъ паленицу въ другой разъ, и въ другой ударилъ ее въ голову, паленица назадъ и не оглядывается; попробовалъ силу свою Добрыня въ другой разъ надъ дубомъ въ двѣнадцать сажень, и этотъ разшибъ онъ на ластынья. Собрался Добрыня, ударилъ паленицу въ голову въ третій разъ; тутъ только паленица назадъ *пріоглянулась*, сама говоритъ: «думала я комарики покусываютъ, а это русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ», схватила Добрыню за желтыя кудри, да и посадила его къ себѣ въ карманъ. Трое сутокъ возила она его въ карманѣ (какъ Святогоръ Илью Муромца), и сталъ конь ея жаловаться: «не могу де Настасья Никулична васъ съ богатыремъ везти; конь у богатыря *супротивъ меня*, а сила у богатыря *супротивъ тебя*». И сказала паленица: «ежели богатырь старый, я ему голову срублю, ежели молодой—въ полонъ возьму; а ежели въ любовь придетъ—за него за мужъ пойду». Выкинула она Добрыню изъ кармана, понравился ей Добрыня; и поѣхали они въ Кіевъ вѣнчаться (Кир. II. 30; Рыбн. I. 129) [109 б]).

Случилось Добрынѣ, по приказу князя Владиміра, въ дальнюю сторону ѣхать, и приказываетъ онъ женѣ своей (Памелфѣ Тимоѳеевнѣ—Кир. II. 7) ждать его 12 лѣтъ (три года—Кир. II. 11; девять лѣтъ—Лѣтоп. Тихонр.; Костоморовъ. IV. Отд. II. 8), а потомъ говоритъ: «выходи хоть за князя, за барина, хоть за та-

---

[109 б]) По справедливому замѣчанію Вольнера, этотъ бой Добрыни съ Настасьей составляетъ въ былинѣ о Добрынѣ совершенно неидущую къ дѣлу вставку и прямо заимствованъ изъ разсказа о Святогорѣ, котораго Илья три раза колотилъ въ голову и который наконецъ взялъ его, да съ конемъ въ карманъ посадилъ (стр. 66). Такое дѣйствіе вполнѣ прилично Святогору богатырю, котораго и земля насилу носитъ, и ни сколько не гармонируетъ съ разсказами о Настасьѣ, женѣ Добрыни.—Дѣвки поляницы извѣстны и въ германскомъ эпосѣ (О. Миллеръ, Илья Муром., 83). Богатырская Валкирія Брунегильда, вышедши за мужъ за Гюнтера и потерявъ дѣвство, и наша паленица, вышедши за Добрыню,—обѣ теряютъ прежнюю богатырскую свою силу и дѣлаются обыкновенными женщинами (Rambaud. 67).

тарина; только не выходи за Алешу Поповича» (Кир. II. 7; за Чурилу Пленковича—Рыбн. II. 23)[110]).

Стала ждать Настасья Добрыню; ждетъ три года, день за днемъ будто дождь дожжитъ, недѣля за недѣлей какъ трава растетъ, а годъ за годомъ какъ рѣка бѣжитъ,—ждетъ она еще три года;—въ ту пору пріѣзжаетъ изъ чистаго поля Алеша Поповичъ, привозитъ онъ вѣсточку нерадостную, что де нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича: лежитъ онъ въ чистомъ полѣ, буйна голова испроломлена, могучи плечи испрострѣлены. *Желешенько* плакала его матушка, *слезила она* очи ясныя по своемъ родномъ дитяткѣ. И сталъ къ женѣ Добрыниной поѣзживать князь Владиміръ, сталъ посватывать Настасью Никуличну,—«нельзя де тебѣ жить молодой вдовой». Отказала ему Настасья Никулична,—«ждала де я Добрыню шесть лѣтъ,—исполню заповѣдь его, прожду его еще шесть лѣтъ». Прошли и заповѣдные шесть лѣтъ, не бывалъ Добрынюшка съ чистаго поля; и порѣшила Никулична выдти за мужъ за Алешу Поповича (Кирѣев. II. 33; обвѣнчалъ ее съ Алешей князь Владиміръ силою—Рыбн. II. 26). А Добрыня былъ въ то время у Царя-града; и сталъ подъ нимъ конь спотыкаться: «ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть; зачѣмъ это ты спотыкаешься?»—говоритъ Добрыня. И отвѣчаетъ ему конь голосомъ человѣческимъ, что де Настасья Никулична за мужъ пошла за Алешу Поповича, что у нихъ третій день уже пиръ идетъ, а сегодня имъ принимать по злату вѣнцу[111]).

Разгорячился Добрынюшка, бьетъ своего бурку въ хвостъ и въ голову; съ горы на гору его бурушко поскакиваетъ, рѣки—озера перескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ, и прямо на дворъ пріѣхалъ къ Мамелѳѣ Тимоѳеевнѣ (Кирѣев. II. 34). Дома Добрыня застаетъ одну мать, которая

---

[110]) Въ другомъ пересказѣ: ни за купца, ни за барина, ни за московскаго гостя, а за русскаго богатыря.

[111]) Въ другой пѣснѣ эту вѣсть разсказываетъ голубь своей голубкѣ, Добрыня ихъ подслушиваетъ (Рыбн. III. 87); еще въ другой, вѣсть эту разсказываетъ служаночка Добрынина, которая прилетаетъ къ нему, обратившись въ колпицу (Гильф. 177).

сперва не признала его; но онъ показываетъ ей знадебку (родинку)[112]) на правой ногѣ (Кир. II. 16; подъ правой пазухой.—Рыбн. II. 29; бороздинку на лицѣ.—Гильф. 1305); тогда мать узнаетъ Добрыню и объявляетъ ему, что Настасья выходитъ за мужъ за Алешу Поповича; у нихъ тысяцкимъ самъ князь Владиміръ, а въ дружкахъ Илья Муромецъ, и въ этотъ часъ играютъ они свадьбу. Добрыня переодѣвается скоморохомъ, беретъ гусли и идетъ на свадебный пиръ (Кир. II. 7. 37; Каликой.—Кир. II. 13; накрутился Каликою.—Рыбн. I. 12); здѣсь начинаетъ онъ наигрывать пѣсню: «лежали де гусельки кряду шесть лѣтъ, да еще три года, да еще годъ, а на десятомъ играть стали»,—да еще другую пѣсню: «гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа за̀ мужъ идти» (Кир. II. 7). Подноситъ Добрыня Настасьѣ чару вина, а въ чару опустилъ свой перстень: «выпей, говоритъ, чару до дна, а не выпьешь до дна, не увидишь добра». Выпила Настасья чару до дна, видитъ на днѣ обручальный ея перстень; говоритъ Владиміру: «не тотъ мужъ, который подлѣ меня, а тотъ, который супротивъ меня», и выскочила изъ за стола дубоваго, да налила чару зелена вина въ полпята ведра, и подноситъ Добрынѣ (Кир. II. 8, 9, 38), падаетъ ему въ ноги, говоритъ: «ты прости жонку неразумную» (Кир. II. 14), кричитъ: «прямо скачу, обезчещу столы».

И говоритъ ей Добрыня: «а и ты, душка Настасья Никулична, прямо не скачи, не безчести столы, будетъ пора—кругомъ обойдешь», и вывелъ Настасью изъ за убраныхъ столовъ, и говорилъ такое слово: «гой еси мой названный братъ Алёша Поповичъ мла̀дъ! Здравствуй женимшись, да не́ съ кѣмъ спать» (Кир. II. 22, 23)[113]). «Я, говоритъ Настасья, ждала, да в. к. Владиміръ нудилъ, какъ не пойдешь за̀ мужъ не будетъ тебѣ мѣста ни въ Кіевѣ, ни за Кіевомъ» (Рыбн. III. 83).

---

[112]) Эпизодъ этотъ напоминать Улика и его кормилицу въ Одисеѣ. О родинкахъ, см. у О. Миллера: Илья Муром. 526.

[113]) Вся эта исторія о возвращеніи безъ вѣсти пропавшаго мужа къ женѣ, со всѣми приговорками: «прямо скачу...» и «не съ кѣмъ спать», почти дословно повторена изъ прекрасной былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и Запавѣ.

По другому пересказу, Настасья сама себя Алешѣ Поповичу просватала и уѣхала съ нимъ жить въ Смоленскъ, куда на пиръ къ Алешѣ и является Добрыня (О. Миллеръ, Илья Муром., 494). «Не дивлюсь я, отвѣчаетъ ей Добрыня, разгулу женскому, что волосъ дологъ, да умъ коротокъ[113 a]); ихъ куда ведутъ, они туда идутъ, а дивлюсь солнышку Владиміру да княгинѣ Апраксіи, что они живаго мужа жену просватали; кабы ты не Владиміръ князь, назвалъ бы я тебя сводникомъ а государыню княгиню сводницей»

Путятичнѣ (Кирша Даниловъ, 12), гдѣ она разсказана оригинальнѣе несравненно. Племянница в. к. Владиміра Запава Путятична зашла сама въ теремъ къ Соловью Будиміровичу, захотѣла полюбопытствовать, что у него дѣлается.

«Вта поры Соловей, онъ догадливъ былъ,
Подхватилъ дѣвицу за бѣлыя ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя;
«Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы де оба на возрастѣ».
«А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тутъ они и помолвили».

Но этимъ не кончилось; мать усылаетъ Соловья за море,—прошелъ слухъ, что онъ померъ; Владиміръ рѣшаетъ отдать Запаву за Голаго Щапа. Уже сыграли свадьбу, пиръ идетъ горой,—въ это время является Соловей. «Вотъ мой прежній обрученный женихъ, кричитъ Запава, пустите меня къ нему, не то:
«Прямо сударь скачу—обезчещу столы!»
Но до этого конечно не довели дѣла; Запаву выпустили къ Соловью, и сѣли они на большое мѣсто. Не утерпѣла таки Запава и тутъ, чтобы не отбрить голаго Щапа:
«Здравствуй!»—говоритъ ему, «женимши, да не съ кѣмъ спать» (Кирша Даниловъ, М. 1818, 12).

Сказаніе о неожиданномъ возвращеніи мужа къ женѣ, въ то время, когда она выходитъ за мужъ за другого, встрѣчается въ нѣмецкой повѣсти о рыцарѣ Брауншвейгѣ (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de S. Pétersb. IV. 279; статья Акад. Шифнера), и въ другихъ повѣстяхъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 526).

113 а) Эти слова повторяются и въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ; тамъ же разсказывается эпизодъ, напоминающій исторіи Добрыни съ женою: Бова много печалился о потерѣ супруги своей Дружевны, и рѣшился жениться на царевнѣ Мельчигріи, которая передъ тѣмъ сама за него насильно сваталась. Когда у Бовы шелъ сватебный пиръ, дѣти Дружевны вошли въ палату и объявили ему, что Дружневна жива; Бова оставилъ Мильчигрію и отправился къ прежней женѣ своей (I. 113).

(Рыбн III. 75). *И солнышку Владиміру къ стыду пришло*; и говоритъ Алешенька Григорьевичъ (Кир. II. 39): «прости меня братецъ названный за то, что посидѣлъ я подлѣ твоей молодой Настасьи Никуличны». «Въ этой винѣ», отвѣчаетъ Добрыня, «я прощаю тебѣ, только не прощу тебѣ другой вины, что привозилъ ты моей матушкѣ вѣсточку нерадостную, что Добрыня убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ, буйна голова испроломлена, могучи плечи испрострѣлены, что слезила моя матушка свои очи ясныя и желешенько по мнѣ плакала; этой вины я тебѣ не прощу».

И выхватилъ онъ Алешу изъ за дубоваго стола, бросилъ его о кирпичный полъ, выдернулъ шалыгу подорожную (гуслями яровчатыми—Гильф. 138), да и началъ его шалыгой ухажи вать(Рыбн. I. 39; Кир. II. 40), такъ что и не разберешь оханья отъ хлопанья. Насилу Илья Муромецъ удержалъ его, а тобы совсѣмъ Алешу убилъ (Рыбн. I. 145).

Въ другомъ пересказѣ, Добрыня Алешу совсѣмъ убилъ (Гильф. 357); въ третьемъ разсказывается, какъ послѣ пира Добрыня съ Алешей съѣзжаются на смертный бой (Кир. VII. доп. 11); а въ четвертомъ говорится, что Алеша постригся посхимился, пошелъ въ монастырь (Гильф. 1097).

4. Служба при князѣ Владимірѣ и другіе подвиги Добрыни.

А. Говоритъ Владиміръ своимъ богатырямъ: «а ктобы сослужилъ мнѣ службу дальнюю, ктобы съѣздилъ въ орды немирныя, да очистилъ дороги прямоѣзжія до моего тестя любимаго Этмануйла Этмануйловича, вырубилъ бы Чудь бѣлоглазую, прекратилъ Сорочину долгополую, да Черкесъ Пятигорскихъ, да Калмыковъ съ Татарами, и Чукшей и Алюторовъ». Позамялись богатыри, хоронится большой за меньшаго; одинъ Добрыня Никитичъ впередъ вышелъ, и взялся исполнить княжеское порученіе (Кир. II. 18)[114]. Передъ отъѣздомъ Добрыня жалуется на свою судьбу матери: «Лучше бы ты снарядила меня бѣленькимъ горючимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной въ рукавичекъ,

[114]) По другому пересказу: ѣдетъ въ землю Тальянскую (Гильф. 637).

Спустилабы меня въ синё море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцовъ, матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ» (Кир. II. 30).

Б. Невѣжа требуетъ отъ князя Владиміра поединщика; выходитъ противъ него Добрыня (Рыбн. III. 70), и убиваетъ его (Рыбн. II. 16).

В. Князь Владиміръ посылаетъ богатыря Василія Казиміровича въ большую орду Заоданскую (въ Астрахань.—Кир. II. 91), къ царю Батыю (Батьяну Батьяновичу.—Гильф. 488) везти дань: 12 соколовъ, 12 кречетовъ и три мисы золота, серебра и жемчуга[115]). Выпросилъ себѣ Василій Казиміровичъ въ товарищи Добрыню Никитича, да Марка Паробка (Кир. II. 84; Иванушку Дубровина.—Рыбн. 148). И поѣхали богатыри въ орду, не́ взяли они съ собой ни дани ни пошлины, взяли одинъ лучишко дорожный. Пріѣзжаютъ они къ Батыю, Добрыня остался въ сѣняхъ; Василій Казиміровичъ одинъ въ палаты пошелъ, и говоритъ онъ Батыю: «изволь де принять дани и пошлины отъ ласкова князя Владиміра». Не принимаетъ отъ нихъ даровъ Батый; «не видать вамъ богатыри земли Русской», говоритъ онъ имъ (Кир. II. 91). Тогда выходитъ Добрыня и предлагаетъ ему держать три заклада на голову (Кир. II. 92).

Въ первый закладъ играетъ царь съ Добрыней въ тавлеи вальящеты[116]); Добрыня обыгрываетъ его на четвертомъ ходу

---

[115]) По замѣчанію А. Хомякова, долгополый Василій Казиміровичъ представляетъ типъ стариннаго дьяка—граматника (Моск. Сборн. 1852 г., 329).

[116]) Бергманъ разсказываетъ, что у Калмыковъ въ большомъ употребленіи персидская игра, называемая по калмыцки *нарръ*, а по русски *тавлея*: играютъ на низенькомъ столикѣ, у каждаго игрока по шести мѣстъ (квадратиковъ), по которымъ мечутъ бѣлые и черные камешки (Стасовъ, Вѣстн. Европы 1868,

(Кир. II. 85; или же: Добрыня проигрываетъ 1-ю игру и вы-игрываетъ вторую и третью.—Рыбн. I. 156).

Второй закладъ былъ на борьбу: Добрыня пошелъ бороться съ татарами, а король Бутеянъ Бутеяновичъ съ Васильемъ Казиміровичемъ и съ Иванушкой Дубровичемъ пошли на балконы королевскіе, смотрѣть на борьбу богатырскую. И сталъ Добрыня татаръ попихивать; а татары стали на него наступать по двое и по трое, а потомъ цѣлыми десятками. Видитъ Добрыня дѣло плохое, схватилъ онъ одного татарина за ноги, сталъ имъ по сторонамъ помахивать, а самъ закричалъ во всю глотку: «ай же братцы мои крестовые! поспѣвайте ко мнѣ на выручку». Побѣжалъ тутъ Иванушка Дубровинъ на широкій дворъ, схватилъ ось желѣзную, и сталъ татаръ поколачивать; бились богатыри цѣлыя сутки *не ьдаючись, не пиваючись*, и сталъ просить король Бутеянъ Бутеяновичъ Василья Казиміровича унять ихъ: «возьми де отъ меня грамату повинную, буду платить дани князю Владиміру до вѣку» (Рыбн. I. 161; Гильф. 494).

Въ третій закладъ царь предлагаетъ Добрынѣ стрѣлять изъ лука. Триста татаровей приносятъ громадный царскій лукъ; взялъ его Добрыня въ руки, натянулъ тетиву, лопнулъ лукъ [117]); тогда

Іюль, 303; О. Миллеръ, Илья Мур. 508). Кромѣ игры въ шахматы и тавлеи въ XVII вѣкѣ существовали еще игры въ саки и бирки, какъ это видно изъ приказа (13 сент. 1680 г.): взять изъ Оружейной полаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро (Расходн кн. Оруж. Пал.: Забѣлинъ, Бытъ Царей, стр. 132). Шахматы также часто встрѣчаются и въ Западныхъ легендахъ XII вѣка: западные богатыри нетолько играютъ въ шахматы, но въ припадкѣ гнѣва проламываютъ другъ другу шахматными досками головы (Рембо, La Russie épique, 188).

Самое названіе *тавлея* происходитъ отъ греческаго ταβλὶ, латинск. tabula; на древненѣмецкомъ tavala, среднеитал. tavele (Ѳ. Буслаевъ, 12 присужд. Уваров. наградъ, 71). Въ нашихъ былинахъ подъ этимъ именемъ разумѣется простая игра въ шахматы (ступилъ ходъ—матъ получилъ); эта игра у поморовъ и теперь въ употребленіи.

[117]) В. В. Стасовъ указываетъ на сходство съ этимъ разсказомъ разсказа изъ Гариванзы, въ которомъ Кришна ломаетъ огромный лукъ, принадлежащій царю Кансѣ; затѣмъ, вмѣстѣ съ Сонкаршаной, борется съ тремя борцами, и убиваетъ ихъ; борьба эта происходитъ въ театрѣ, гдѣ царь Канса сидитъ въ особой царскій ложѣ (балконѣ); наконецъ Кришна убиваетъ самаго Кансу (стр. 658). Въ Рамаянѣ лукъ привозятъ на колесахъ, съ трудомъ, 800 человѣкъ; Рама

приноситъ ему Михайло паробокъ дорожный его лучишко; а въ томъ лукѣ были устроены гусли, и заигралъ на нихъ Михайла, такъ что всѣ заслушались; взялъ лукъ Добрыня, выстрѣлилъ онъ въ матерый дубъ, расшибъ весь дубъ на ножевое черенье, да еще дальше полетѣла стрѣла въ пещеру бѣлокаменную, убила тамъ змѣя троеглаваго (или же: стрѣляетъ три раза на ножевое остріе, такъ что стрѣла, разрѣзавшись на двое, пролетаетъ сквозь кольце)[118]). Вскочили наши богатыри на добрыхъ коней, не дали Батыю ни дани ни пошлины, уѣхали въ Кіевъ (Кир. II. 89). По другому пересказу закладъ былъ такой, чтобы разсѣчь стрѣлою копье пополамъ и на трое и на четверо. Сталъ стрѣлять Батый, натянулъ тетиву, и лопнулъ его лукъ. Тутъ богатыри сѣли на своихъ коней, и начали бить силу татарскую; взмолился имъ Батый: «не надо мнѣ вашей ни дани ни пошлины, только оставте мнѣ людей хоть на сѣмена» (Кир. II. 92).

Г. Разсказъ о томъ, какъ Добрыня ѣздилъ съ Ильею и другими богатырями въ Царьградъ къ царю Константину Боголюбовичу, и какъ они перебили тамъ его богатырей, помѣщенъ выше (Кир. IV. 38).

Д. Тамъ же помѣщенъ разсказъ о томъ какъ под-атаманъ Добрыня съ атаманомъ Ильей Муромцемъ и есауломъ Алешей Поповичемъ стояли на заставѣ, и какъ Добрыня былъ посланъ за Нахвальщикомъ. Струсилъ тогда Добрыня Нахвальщика, Господу взмолится и мати Пресвятой Богородицѣ: «унеси Господи отъ Нахвальщика» (Кир. I. 49).

Е. По приказу князя Владиміра ѣздилъ Добрыня въ землю Волынскую, въ городъ Галичъ, къ матери богатыря Дюка Степановича, смотрѣть, точно ли у нихъ такое богатство во всемъ, какъ Дюкъ разсказываетъ (Рыбн. III. 163).

натягиваетъ его и разламываетъ по поламъ; за этотъ подвигъ царь Гонока отдаетъ за него красавицу Ситу (Рамаяна, I. 176; Стасовъ, 660). См. у О. Миллера сопоставленіе этого эпизода съ разсказомъ о натягиваніи лука Улисомъ въ Одисеѣ (Илья Мур. 114).

[118]) По одному пересказу Добрыня стрѣляетъ три раза: въ первый разъ онъ перестрѣлилъ, во второй недострѣлилъ, а въ третій не попалъ вовсе (Рыбн. I. 159).

Ж. Добрыня въ Кіевѣ побратался съ богатырями Потапомъ Михайловымъ, Алешей Поповичемъ (Кирша Д. 215) и Ильею Муромцемъ. Этотъ послѣдній особенно любилъ Добрыню[119]), такъ что только одинъ Добрыня и могъ усмирять гнѣвъ расходившагося Ильи Муромца (Рыбн. II. 345). По наставленію Ильи Муромца, Добрыня пересиливаетъ и побѣждаетъ Бабу Горынянку; по его же наущенію Добрыня отказывается идти въ бой на Калина царя, отзываясь усталостію (Рыбн. I. 106).

З. Въ одной пѣснѣ о Добрынѣ разсказывается тоже, что и объ Ильѣ Муромцѣ, какъ онъ перескочилъ на конѣ своемъ черезъ двѣ закопани, и попалъ въ третью; тамъ напали на него татары, связали и сбирались уже отрубить ему голову; но Добрыня оправился, сорвалъ съ себя кандалы и перебилъ татарскую силу (Рыбн. II. 36). См. выше разсказъ о борьбѣ Ильи Муромца съ Невеличкой.

И. Случилось, что Добрынюшка проштрафился противъ князя Владиміра, и приказалъ князь Владиміръ посадить его въ темницу крѣпкую; сидитъ Добрыня три мѣсяца; и прознала про то его матушка, пришла Владиміру выговаривать, за что онъ безъ вины Добрыню въ темницу посадилъ; и задумалъ Владиміръ погубить Добрыню, посылаетъ его въ поганую Литву къ Литовскому королю, выправлять дани за двѣнадцать лѣтъ (Гильф. 605)[120]).

К. Выручаетъ Добрыню его жена; она переодѣвается богатыремъ и, назвавшись посломъ земли турецкой, побѣждаетъ высланнаго противъ нея богатыря тѣмъ, что попадаетъ стрѣлою въ кольцо; никто изъ богатырей не можетъ этого продѣлать. По ея требованію Владиміръ принужденъ вызвать изъ темницы Добрыню Никитича и отдать ей (Гильф. 670)[121]).

---

[119]) Въ одномъ пересказѣ Добрыня поименованъ въ числѣ зятьевъ Соловья разбойника (Кир. I. 28. см. выше).

[120]) Извѣстія о посылкѣ за данью богатырей встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: въ 1071 году былъ посланъ собирать на князя дань въ Бѣлоозерскомъ краю воевода Янъ сынъ Вышатинъ (Полн. Собр. Лѣтопис. I. 85).

[121]) Это—сокращенное повтореніе пѣсни о Ставрѣ бояринѣ. Князю Владиміру донесли на Ставра, будто хвастаетъ онъ, что у него палаты богаче княжескихъ и дворъ лучше Кіевскаго. Владиміръ приказываетъ посадить Ставра

Л. Есть особая пѣсня о боѣ Добрыни Никитича съ Алешей Поповичемъ: ѣдетъ Добрыня по полю, видитъ шатеръ поставленъ,

---

въ тюрьму, дворъ его запечатать, а молодую жену доставить къ нему въ Кіевъ. Узнала про то Ставрова жена, переодѣлась въ мужское посольское платье, и пріѣхала, съ великой свитою, къ Владиміру грознымъ посломъ изъ Золотой Орды Васильемъ Ивановичемъ, требовать отъ него дани пошлины за двѣнадцать лѣтъ, по три тысячи за годъ. Струсилъ Владиміръ; говоритъ тутъ ему Апраксѣевна: «не печалуйся, государь, не грозный то посолъ Василій Ивановичъ, а то Ставрова молодая жена Василиса Микулична». И сталъ князь посла испытывать; сперва выслалъ противъ него богатырей бороться, и изуродовалъ ему посолъ трехъ богатырей; потомъ стали стрѣлять богатыри въ сырой дубъ, посолъ изъ своего лука каленаго стрѣлою сырой дубъ въ ножевые черенья изщепилъ, Владиміръ князь окорачь наползался, всѣ могучіе богатыри встаютъ, какъ угорѣлые. Заставилъ Владиміръ посла играть *въ шахматы золотыми тавлеями*; *поигралъ* посолъ первую и вторую *заступь*, и въ третью заступь *шахъ и матъ* далъ Владиміру. Нечѣмъ Владиміру платить дани пошлины. «Изволь меня посолъ головой взять, съ женой», говоритъ онъ послу. Сталъ онъ потомъ посла угощать и всякими весельями забавлять; и спрашиваетъ его посолъ: «нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?» И вспомнилъ Владиміръ про Ставра боярина, велѣлъ его расковать, и привести на пиръ. Привели Ставра; сталъ онъ на гусляхъ наигрывать,

«Сыгрышъ сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ Князя со Княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ».

И говоритъ посолъ Владиміру: «не нужны мнѣ твои дани выходы, отдай мнѣ одного Ставра боярина»; отдавалъ князь Владиміръ послу Ставра съ великой радостію, провожалъ онъ посла со княгинею; и становился посолъ у Днѣпра въ палаткѣ,

«Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго,
И убирался въ платье женское,
При томъ говорилъ таково слово:
«Гой еси, Ставръ, веселый молодецъ!
Какъ ты меня не опознываешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игрывали:
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольце позолоченое,
И ты меня поигрывалъ,—
А я тебѣ толды вселды» (Кирша Д. 134).

И догадался Ставръ, что то была жена его.

По другому пересказу жена говоритъ Ставру: «моя была чернильница серебряная, а твое было перо позолочено,

А я то помакивалъ тогды—сёгды,
А ты то помакивалъ всегды—всегды.

дверь за замкомъ, и на замкѣ надпись: «кто въ шатеръ заходитъ, живъ изъ него не выходитъ»; сбилъ Добрыня замокъ, вошелъ въ шатеръ, смотритъ—столы съ разными яствами поставлены; поѣлъ онъ-попилъ, еще болѣе того добра на земь пролилъ, да потопталъ, и легъ уснуть. Пріѣзжаетъ на то время богатырь Алеша Поповичъ, садится онъ на Добрынинова коня и будитъ Добрыню копьемъ, тупымъ концемъ. Просыпается Добрыня, хватаетъ онъ свою палицу булатную и бѣжитъ биться съ Алешей. Бьются они трое сутокъ: Алеша ѣздитъ на добромъ конѣ, Добрыня поскакиваетъ пѣхотою; только наѣхалъ на нихъ Илья Муромецъ, и помирилъ онъ ихъ; и назвались Добрыня съ Алешею крестовыми братьями, Добрыня старшимъ, а Алеша младшимъ (Гильф. 246).

М. У Рыбникова приведенъ разговоръ Аники воина съ смертію, въ которомъ имя Аники замѣнено именемъ Добрыни (Рыбн. II. 36).

Н. Выѣхали въ поле семь богатырей: Годенко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ, да Илья Муромецъ. Наѣхалъ Добрыня на татарскаго богатыря и побился съ нимъ въ рукопашную; татаринъ одолѣлъ Добрыню, убилъ его, распоролъ грудь и вынулъ сердце съ печенью. Провѣдалъ про то Алеша Поповичъ, сыскалъ татарина, одолѣлъ его и уже хотѣлъ зарѣзать, какъ прилетѣлъ на это черный воронъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «не рѣжь татарина, принесу тебѣ мертвой и живой воды, вспрыснешь ты Добрыню и станетъ онъ опять живъ». Принесъ воронъ тѣхъ двухъ водъ; вспрыснулъ Алеша Добрыню мертвой водой, срослось его тѣло бѣлое, затянулись раны кровавыя; спрыснулъ живой, и пробудился Добрыня отъ мертваго сна, и отпустили богатыри татарина.

О. По другому пересказу Добрыня выѣзжаетъ въ поле, становитъ шатеръ, живетъ въ немъ долгое время, никого не видитъ; наконецъ пріѣхалъ въ поле богатырь-поединщикъ; Добрыня бьется съ нимъ, побѣждаетъ, хочетъ пластать его, но узнаетъ, что то былъ Бухарскій король изъ Золотой орды (должно понимать

его сынъ, —повтореніе эпизода съ Ильей Муромцемъ); онъ подымаетъ его и посылаетъ къ матери съ подарками и челобитьемъ отъ себя. Затѣмъ Добрыня вернулся въ шатеръ и залегъ спать. Бухарскій король тоже вернулся тайкомъ съ дороги, чтобы зарѣзать Добрыню, но тотъ проснулся во время и предалъ короля скорой смерти (Рыбн. III. 81).

II. Добрыня является къ женѣ стараго Пермяты, Катеринѣ прекрасной, поиграть съ нею въ шахматы; два раза обыгралъ онъ ее, а въ третій разъ Катерина не даетъ ему ступить: «не могу де смотрѣть на твою на красу; мое тѣло ходуномъ ходитъ, тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ, полны чоботы воды натекли». И сталъ тутъ Добрынюшка попихивать, а тесовая кроваточка поскрыпывать (Гильферд. 694). Въ тѣ поры дѣвка поваренка побѣжала къ старому Пермятѣ, да обо всемъ и разсказала ему; взялъ Пермята саблю вострую и отрубилъ онъ Добрынѣ голову (Гильф. 694)[122].

---

[122] Этотъ разсказъ сложенъ про Чурилу Пленковича; Чурило Пленковичъ забрался въ теремъ къ Катеринѣ прекрасной, женѣ стараго Бермяты; донесла на нихъ Бермятѣ дѣвка чернавка; Бермята срубилъ Чурилѣ голову, а Катерина сама прикололась (на мечъ пала); послѣ чего, по однимъ пересказамъ, Бермята женится на дѣвкѣ чернавкѣ, а по другимъ онъ (молодой Безмѣръ Васильевичъ) отрубаетъ головы Чурилѣ и Катеринѣ, дѣвкѣ чернавкѣ и самому себѣ (Гильферд. 78). Этотъ Чурило Пленковичъ—богатырь Алешиной масти, потаскунъ и бабій соблазнитель; про красоту его поется такъ: «двѣ свѣчки горятъ, то Чуриловы ясны очи глядятъ, шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ, а личико быдто маковъ цвѣтъ, очи быдто у ясна сокола, брови быдто у черна соболя». Глядя на него: «стары старухи костыли грызутъ, а молоды молодицы мошны дерутъ, а красныя дѣвки въ голенища сцутъ». Есть пѣсня, въ которой разсказывается, какъ Чурилою плѣнилась похотливая княгиня Апраксѣевна и какъ она, рушая лебедь, засмотрѣлась на Чурилу, да порѣзала себѣ руку (подобно женѣ Пентефрія). Безъ стыда пристаетъ она къ князю Владиміру, чтобы приставилъ Чурилу къ ней въ постельники. «Суди тебѣ Богъ», сказалъ ей наконецъ взбѣшенный Владиміръ, «что ты мнѣ въ любовь пришла, а то срубилъ бы я тебѣ по плечи буйну голову, что при всѣхъ ты господахъ обезчестила» (Гильф. 1064.—Сравни тоже сказку о Бовѣ Королевичѣ, I. 91). Самое слово Чурило значитъ по сербски—дѣтородный удъ (Миллеръ, Илья Муромецъ), которымъ чурались древнія Римлянки, и котораго носили въ числѣ амулетовъ отъ *глаза* и *порчи*. Отчество Чурилы—«Пленковичъ» (отъ плёнки), объясненія не требуетъ. Чурилу особенно жаловалъ

Р. Смерть Добрыни. Добрыня подъѣзжаетъ къ рѣкѣ Смородинѣ, и говоритъ ей: «охъ ты рѣчушка быстрая и глубокая Смородина, скажи намъ, есть ли на тебѣ переходы-переброды?» Отвѣчаетъ ему Смородина человѣческимъ голосомъ красной дѣвицы: «перебродовъ на мнѣ нѣтъ, а есть только два моста калиновыхъ и то они вдалечѣ въ чистомъ полѣ, а перевозу беру по добру коню, по сѣделечку черкаскому, да по добру молодцу; а тебя за ласково слово и такъ перепущу». Переѣхалъ Добрыня черезъ рѣку, и сталъ похваляться: «сказали про рѣчушку, что она и широка и глубока, а она хуже озера стоячаго, какъ дождевая калужина». Какъ взговоритъ ему рѣчушка: «воротись Добрыня Никитьевичъ, позабылъ ты за мной два ножа, да булатныихъ». И вернулся молодецъ за рѣку; онъ на перву ступень ступилъ,— сѣделичко черкасское потопилъ; на третью ступилъ,— самъ утонулъ (Кирѣев. II. 63).

По другому пересказу Добрыня окаменѣлъ, вмѣстѣ съ другими богатырями, подъ Кіевскими пещерами (см. выше стр. 59) [122 а]).

Петръ I; у него всѣ чины всешутѣйшаго собора звались Чурилами, съ разными прибавками. Вѣроятно въ его время сложена и пѣсня про Чурилью Игуменью, которая въ монастырѣ у себя лечитъ монахиню Стафиду Давидьевну, княженецкую племянницу, разными питьями. У Кирши Данилова разсказывается, какъ этой Давидьевны разъ не оказалось во время службы, не оказалось въ то время и пономаря Иванушки (Кирша Д., 385). Эта скоромная Игуменья напоминаетъ *обрюзглыхъ* отъ пьянства бабъ, представленныхъ въ нашей пародіи на всепьянѣйшій соборъ (№ 118). Сравните тоже имена похотливаго блудника Хотена Блудовича и вдовы Чесовой (отъ чесаться), составленныя по чуриловскому образцу. П. В. Безсоновъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ пѣснямъ Кирѣевскаго, приводитъ разныя объясненія о значеніи словъ Чурила и Чуръ (Кир. IV. LVIII—XCVIII); а К. С. Аксаковъ замѣчаетъ, что и теперь одно мѣсто близь Кіева зовется Чуриловщиною (Сочин. I. 336).

122 а) О характерѣ Добрыни Никитича встрѣчаемъ у нашихъ изслѣдователей слѣдующія заключенія.

Хомяковъ: «Добрыня типъ удалого наѣздника. Кажется, въ немъ воображеніе народныхъ поэтовъ олицетворило дружину варяжскую. Онъ—дружинникъ высокаго происхожденія, онъ ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Болѣе смѣлый наѣздникъ, чѣмъ сильный воинъ, онъ всегда подвиженъ, всегда молодъ; но русское чувство дало беззаботному богатырю мягкость и человѣколюбіе, которое рѣзко отдѣляетъ русскаго отъ татарина, равно жестокаго, какъ къ иноплеменникамъ, такъ и къ своимъ товарищамъ и подданнымъ» (Москов. Сборн. 1852, 327).

VII. Богатырь Алеша Поповичъ по сказкамъ и былинамъ.

По сказкамъ. Сказка про Алешу Поповича, помѣщенная въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аѳанасьева (III. 136), заимствована изъ сказки и пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ. Алеша Поповичъ сынъ Леонтья попа, а въ товарищахъ у него Марышко Парановъ сынъ. Пріѣзжаютъ они къ Великому Князю Владиміру, а тамъ Тугаринъ Змѣевичъ залатынилъ все царство; съ княгиней обнимается, а

К. Аксаковъ: «Добрыня—дядя Владиміра по лѣтописямъ и племянникъ его по пѣснямъ. Самое названіе «Добрыня» уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря; и точно, доброта и прямодушіе—его отличительныя свойства» (Сочиненія, I. 342).

Безсоновъ: «Благородство Добрыни по происхожденію, его боярство видно всюду: даже въ этомъ постоянномъ отчествѣ—Никитичь, въ этомъ «дородствѣ», которое преимущественно ему приписывается. Особенное благородство разлито и во всемъ его образѣ: мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ пріемахъ, рыцарство въ подвигахъ. Если Муромецъ, въ своей простотѣ и вѣрности назначенію, часто близокъ къ суровости и даже къ грубости, напоминая намъ въ этомъ случаѣ Ахилла и Марка королевича, то Добрыня—нашъ Гекторъ, нашъ Милошъ. Народъ называетъ въ немъ всю совокупность этихъ свойствъ *вѣжствомъ* или *вѣжествомъ*, вѣжливостью, знаніемъ, какъ съ кѣмъ и гдѣ обойтися, учтивостью, внушающею почётъ и умѣющею почтить: «у Добрыни вѣжество рожденное и ученое», по природѣ и по воспитанію, по сложившемуся въ жизни навыку. Съ другой стороны, чѣмъ тоньше черты въ этомъ изящномъ образѣ, тѣмъ способнѣе онѣ расплываться въ неопредѣленность; чувство, которому ближе всего говоритъ Добрыня, само по себѣ уже уступчивѣе и неопредѣленнѣе строгаго разума и стойкаго разумѣнія жизни. Потому, какъ ни ярокъ образъ Добрыни, въ опредѣленности онъ уступаетъ значительно Ильѣ Муромцу. Илья представляется постоянно старше, и не по однимъ лѣтамъ: онъ старше потому, что глубже его основы, старше и потому, что разумнѣе, что стоитъ въ головѣ и смотритъ впередъ. Только что успѣлъ русскій народъ прочнѣе сложиться, при своемъ появленіи на поприще бытописанія, онъ уже поспѣшилъ огласить себя былевымъ словомъ, какъ Греки, какъ всѣ народы съ ихнимъ эпосомъ: это былевое слово есть первый кругъ или циклъ нашихъ пѣсень, время Владимірово и Муромецъ—высшее его выраженіе, главный образъ среди народныхъ образовъ. Потому черты его такъ опредѣленны и законченны, что ихъ невозможно смѣшать ни съ чѣмъ другимъ, такъ точно, какъ невозможно битвъ съ разбойниками, съ Соловьемъ и Идолищемъ приписать кому либо другому, кромѣ Муромца. Но какъ сложившійся народъ русскій на первыхъ же порахъ закрѣпилъ складъ своего народнаго духа христіанскими началами, такъ онѣ-же проникаютъ и все существо Ильи, не смотря на видимую его суровость и даже грубость. На оборотъ, мы видѣли, что событія изъ жизни и дѣятельности Добрыни уже расплываются въ народномъ представленіи, сбиваются и перемѣшиваются въ разныхъ пѣсняхъ. При та-

надъ княземъ Владиміромъ играется-ругается. «Онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую—за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя; пирогомъ потянулъ, все вдругъ проглотнулъ». Тутъ и говоритъ ему Алеша Поповичъ: «было у нашего батюшки коровьище обжорище, ходила по пивоварнямъ, съѣдала цѣлыя кадцы гущи, дошла до озера, всю воду выпила; взяло тутъ ее и розорвало». На эту брань Тугаринъ пускаетъ въ Алешу свой мечъ, отъ котораго Алеша увертывается; Марышко хочетъ убить Тугарина, но Алеша не дозволяетъ ему этого, и зоветъ Тугарина биться на завтра въ полѣ; бой этотъ кончается смертью Тугарина.

Пересмѣшникъ Алеша Поповичъ является у Аѳанасьева еще въ сказкѣ о Данилѣ Безчастномъ. Данило взялъ себѣ въ жены волшебницу Лебедь-птицу; Алеша похваляется, что знакомъ съ

комъ свойствѣ образа, въ народное творчество гораздо легче было вторгаться недавнимъ свѣжимъ еще представленіямъ язычества; и вотъ въ числѣ подвиговъ Добрыни мы находимъ весьма многое, что отводитъ насъ въ глубь языческихъ вѣрованій: эти змѣи, хожденіе по ихъ пещерамъ, эта волхвующая Марина, превращеніе въ Тура, и т. д. Однимъ словомъ, кому, во чтобы то ни стало, хочется непремѣнно отъ древней Руси язычества, тотъ, съ прискорбіемъ отказавшись отъ Муромца, можетъ совершенно успокоить свою жажду на Добрынѣ и утѣшить пытливость свою тысячью баснословныхъ выводовъ» (Кирѣевск. II. XXI).

Буслаевъ: «Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ» (Русск. Вѣстн. 1862, V. 524).

И. Рыбниковъ говоритъ, что «Добрыня, спеціальный противникъ Змѣищь Горынчищь и Тугарина Змѣевича, ничто иное, какъ Индра, поражающій драконовъ; отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ» (Рыбниковъ, II. VI).

В. Стасовъ находитъ, что пѣсни о Добрынѣ представляютъ въ измѣненіи, а главное въ сокращенномъ видѣ, разсказъ о подвигахъ Кришны, при чемъ однакоже нельзя сказать, чтобъ наши пѣсни были прямымъ переводомъ или заимствованіемъ изъ Гаривансы (Стасовъ, 659).

Рембо замѣчаетъ, что съ миѳической стороны Добрыня, въ качествѣ покорителя темнаго змѣя, представляется какъ бы двойникомъ Ильи Муромца (Raimbaud, 66); да и по былинамъ Добрыня тоже представляетъ значительное сходство съ личностію Муромца: онъ также почти всю жизнь свою проводитъ въ поѣздкахъ въ орду и въ битвахъ съ басурманами за родную землю; даже самое освобожденіе богатырей, которыхъ Добрыня вывелъ изъ змѣиныхъ пещеръ, повторено въ разсказѣ о второй поѣздкѣ Ильи и освобожденіи имъ богатырей изъ плѣна волшебницы королевичны.

его женою[123]). Князь Владиміръ рѣшаетъ, чтобъ Алеша доказалъ похвальбу свою; докажетъ,—Данилѣ голову рубить, а не докажетъ Алеша,—то ему самому безъ головы быть. Алеша, при помощи Яги, воруетъ у жены Даниловой золотую цѣпочку; приходится Данилѣ голову рубить. Тогда Данило зоветъ князя Владиміра къ себѣ на пиръ. Лебедь-птица выстроила ему дворецъ на пустомъ мѣстѣ, въ одинъ день. Пируетъ князь со дворомъ своимъ, идетъ пиръ на весь міръ; только не показывается гостямъ жена Данилы. «Еслибъ это моя жена сдѣлала», говоритъ Алеша, «я бъ ее научилъ мужа слушать». Услыхала это Лебедь-птица, вышла на крылечко, махнула крылышкомъ: «вотъ какъ васъ мужей учатъ», говоритъ; въ мигъ все пропало, и дворецъ и сады, и пусто стало кругомъ по прежнему: море да горе, да мохъ, да охъ.

Въ другихъ сказкахъ Алеша служитъ богатырямъ Ивану и Ѳомѣ Беренникову (Кир. IV. CLII, CLIII).

Въ сборникѣ сказокъ Чулкова помѣщена повѣсть объ Алешѣ Поповичѣ, составленная по образцу французскихъ волшебныхъ повѣстей; Алеша названъ въ ней сыномъ Чурилы Пленковича; разсказаны подвиги его съ Царь-дѣвицей, которую онъ засталъ спящею, привязалъ за руки и за ноги къ кровати и насладился ея красотою, и другой—въ заколдованномъ домѣ пана Твардовскаго, гдѣ Алеша покоряетъ Вельсевула, избавляетъ самаго Твардовскаго отъ загробныхъ мученій, и помогаетъ дочери его сочетаться бракомъ съ избраннымъ ею женихомъ[124]).

Въ позднѣйшихъ козацкихъ пѣсняхъ Алеша называется Олексіемъ[125]) Поповичемъ Пирятинскимъ, писаремъ войсковымъ,

---

[123]) Волшебница Лебедь-птица или Бѣлая-лебедь была за мужемъ за богатыремъ Потыкомъ Михайловымъ (Кирша Даниловъ, 215).

[124]) Есть новѣйшая компиляція объ этомъ богатырѣ, подъ названіемъ: «Алеша Поповичъ, представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненное по стариннымъ Русскимъ былинамъ Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ» (Римъ. 1863). Москва 1869.

[125]) Имена Александръ и Алеша смѣшиваются въ одно имя черезъ посредство Олексы, т. е. Алексѣя; случай такого смѣшенія находимъ въ Софійскомъ временникѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. V. 87), гдѣ Олекса—Алексѣй принятъ за Александра (Л. Майковъ, 25).

казакомъ лестровымъ, и дѣйствуетъ на морѣ (Кирѣев. IV. XXIII; Основа 1862, № 8, стр. 20).

По былинамъ Алеша Поповичъ[125 а])—сынъ стараго попа Ростовскаго Өеодора (Кир. II. 75); въ другихъ мѣстахъ называется то Ивановичемъ (Кир. III. 88), то Григорьевичемъ (II. 33); то Леонтьевичемъ (II. 26). Грамоты онъ не знаетъ, за то всѣхъ лучше говоритъ по татарски; горделивъ, спѣсивъ, мастеръ ругаться, задоренъ и грубъ (Кир. IV. 13; Кирша Дан., 233).

Пріѣзжаетъ онъ въ Кіевъ послужить князю Владиміру, и по роду своему получаетъ большое мѣсто (Кир. II. 70. 75).

Ѣдутъ изъ славнаго города Ростова могучіе богатыри Алеша Поповичъ да Екимъ Ивановичъ, наѣзжаютъ они на горючъ камень, и на немъ подписано три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Владиміръ, а третья въ Кіевъ. И поѣхали богатыри на Кіевъ градъ; встрѣчаютъ они калечище: шуба на немъ соболья, лапотки семи шелковъ—подковырены чистымъ серебромъ, шляпа Сорочинская земли греческой, шелепуга подорожная—пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго, и говоритъ имъ калика, видѣлъ де онъ Тугарина Змѣевича, въ вышину онъ трехъ сажень, промежъ плечъ косая сажень, промежъ глазъ калена стрѣла, конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Перемѣнился Алеша съ каликой платьями и пошелъ за Сафатъ рѣку. Тутъ увидѣлъ его Тугаринъ Змѣевичъ, заревѣлъ на него зычнымъ голосомъ: «не видалъ ли онъ гдѣ Алеши Поповича». «Не слышу, говоритъ Алеша, подойди ты братъ поближе», и какъ подъѣхалъ къ нему Змѣевичъ, сшибъ Алеша его шелепугой съ коня долой, отрубилъ ему голову, а платье его на себя надѣлъ.

И сталъ Алеша догонять Екима Ивановича съ Каликой; увидя его, Екимъ Ивановичъ подумалъ, что гонится за ними Тугаринъ Змѣевичъ, метнулъ свою боевую палицу въ тридцать пудъ, угодилъ Алешѣ прямо въ грудь, и сшибъ его съ коня замертво;

[125 а]) Безсоновъ помѣстилъ подробный указатель всему, что разсказывается объ Алешѣ Поповичѣ въ пѣсняхъ Кирѣевскаго (Кир. IV. 55).

ужъ хотѣлъ онъ ему пороть груди бѣлыя, какъ увидалъ на немъ чудный золотой крестъ и узналъ Алешу. И стали они съ каликой Алешу трясти и качать, потомъ дали ему питья заморскаго, и сталъ Алеша здоровъ, всталъ, переодѣлся въ свое богатырское платье, и поѣхали всѣ вмѣстѣ въ Кіевъ. Здѣсь князь Владиміръ принялъ Алешу съ почетомъ. Во время пира 12 богатырей приносятъ на золотой доскѣ Тугарина Змѣевича [126]); усѣлся Тугаринъ за столъ подлѣ княгини Апраксѣевны, сталъ онъ нечестно хлѣбъ ѣсть, по цѣлой ковригѣ монастырской за щеку мечетъ, по цѣлой чашѣ въ полтретья ведра отхлестываетъ. И говоритъ Алеша Владиміру: «что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный, нечестно у князя за столомъ сидитъ, къ княгинѣ онъ, собака, руки за пазуху кладетъ, цѣлуетъ во уста сахарныя, тебѣ князю насмѣхается. Была у моего отца собачища старая и костью она подавилася, взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ; отъ меня Тугарину тоже будетъ». Почернѣлъ Тугаринъ, какъ осенняя ночь; Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ. Принесли потомъ лебедь бѣлую, и стала ее княгиня рушать, и обрѣзала себѣ ручьку лѣвую, и говоритъ такое слово: «либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую, либо смотрѣть на милъ животъ, на молода Тугарина Змѣевича». А Тугаринъ взялъ лебедь бѣлую, да всю вдругъ проглотилъ, да тутъ же еще и ковригу монастырскую. И говоритъ тутъ Алеша Владиміру: «была у моего батюшки Ѳедора, попа Ростовскаго, коровища старая, выпила она чанъ браги прѣсныя, да и лопнула; взялъ онъ ее за хвостъ, да подъ гору махнулъ; и Тугарину отъ меня тоже будетъ». Не стерпѣлъ Тугаринъ, бросилъ въ Алешу чингалищемъ; увернулся таки Алеша, а чингалище подхватилъ Екимъ Ивановичъ. «Самъ ли ты бросишь въ него или мнѣ велишь», спрашиваетъ Екимъ. «Ни самъ не брошу, ни тебѣ не приказываю», говоритъ ему Алеша, «а завтра съ нимъ перевѣдаюсь». На завтра назначенъ смертный бой; всѣ за Тугарина поруки держатъ:

---

[126]) Который, какъ выше сказано, уже былъ убитъ; такимъ образомъ два разные пересказа о побѣдѣ Алеши надъ Тугариномъ соединены здѣсь въ одну пѣсню.

князья кладутъ по сту рублевъ, бояре по пятидесяти, крестьяне по пяти, гости купеческіе три корабля съ товарами подписываютъ; а за Алешу подписалъ одинъ владыка Черниговскій.

Вышелъ Тугаринъ изъ палатъ, сѣлъ на коня своего и поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небо. И вскочила Апраксѣевна на рѣзвыя ноги, стала пенять Алешѣ: «деревенщина ты, засельщина, не далъ посидѣть другу милому!» На утро сталъ Алеша молиться Богу, чтобы послалъ тучу грозную[127]), и послалъ Богъ дождь, замочило Тугарину крылья бумажныя, опустился онъ на землю, лѣзетъ драться съ Алешей. И говоритъ ему Алеша: «гой еси Тугаринъ Змѣевичъ, у насъ былъ великъ закладъ биться одинъ на одинъ, а за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ». Оглянулся Тугаринъ назадъ, а втапоры Алеша подскочилъ, да ему голову срубилъ[128]). Возвратился Алеша въ Кіевъ съ почетомъ, сдѣлалъ ему столъ Владиміръ и уговорилъ его остаться у него на службѣ. Только Апраксѣевна выговаривала ему: «деревенщина ты, засельщина, разлучилъ меня съ другомъ милымъ, съ молодымъ Змѣемъ Тугаринымъ (такъ)»; отвѣчалъ ей на то Алеша: «а ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣевна, чуть не назвалъ я тебя сукою, сукою-то волочайкою!» (Кирша Даниловъ; Кир. II. 72).

О богатырскихъ подвигахъ Алеши въ былинахъ находятся слѣдующіе разсказы:

А. Какъ Алеша съ богатырями въ Царь-градъ ѣздилъ (IV. 41).

Б. Какъ Алеша есауломъ на заставѣ стоялъ вмѣстѣ съ Ильей и Добрыней, въ то время, когда мимо заставы Нахвальщикъ проѣхалъ. Хотѣли было Алешу за Нахвальщикомъ послать, да отдумали: Алешенька рода поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія; увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ золото,—золоту позавидуетъ; погибнетъ Алеша понапра-

---

[127]) Повтореніе того, что говорилось объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ.

[128]) Эта хитрость заимствована изъ разсказа объ Александрѣ Македонскомъ (II. 9 и 11).

сному и т. д. (Кир. I. 51)[128 а]). На этой заставѣ Алеша былъ и казначеемъ, какъ видно изъ словъ, которыя говоритъ Добрыня Никитичъ Нахвальщику: «зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь? атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ, податаману Добрынѣ Никитичу? есаулу Алешѣ въ казну не кладешь на всю нашу братію наборную?»

В. Въ одной былинѣ разсказывается о томъ, что Алеша Поповичъ, по приказу Владиміра, ѣздилъ въ Сорочинскую землю закупать пшеницу [129]) (Кир. III. 62; II. 93).

Г. Въ другой пѣснѣ поется, какъ Алеша Поповичъ плаваетъ на Соколъ-кораблѣ и побиваетъ напавшихъ на него разбойниковъ (Саратовск. пѣсни, собр. Костоморовымъ и Мордовцевой: Тихонрав. Лѣтоп. IV. Отд. II. 9).

Д. Любовныя похожденія Алеши Поповича Пустохвастовича (Миллеръ, Илья Мур., 488) гораздо многочисленнѣе его богатырскихъ подвиговъ: охочъ онъ былъ смѣяться чужимъ женамъ, да молодымъ вдовамъ, да краснымъ дѣвушкамъ (Кир. I. 3); отъ его преслѣдованій бѣжала красна дѣвица, дочь гостиная, и сдѣлалась походной красавицей (Кир. I. 5). Въ этомъ же смыслѣ поется о немъ и хороводная пѣсня, дѣвичье покорище (Сахаровъ, Сказ. русск. нар., II. 98). За гостиную дочь грозилъ Алешѣ и Илья Муромецъ (Кир. I. 5).

Е. О томъ, какъ Алеша Поповичъ хотѣлъ жениться на женѣ Добрыни Никитича (по другому пересказу на Запавѣ, невѣстѣ Соловья Будиміровича) и какъ онъ былъ жестоко побитъ за это Добрынею, разсказано выше на стр. 90. Въ былинахъ есть

[128 а]) По одной сибирской пѣснѣ Алеша таки поѣхалъ за Нахвальщикомъ, да тотъ его отстегалъ шелепугой.

[129]) Сорочинина (Сарацыны) упоминается въ лѣтописяхъ уже подъ 1116 годомъ (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 128). Въ былинахъ говорится еще о томъ, какъ Алеша указывалъ князю Владиміру невѣсту и ѣздилъ за нею съ Дунаемъ (Кир. III. 62), какъ онъ наущалъ Владиміра отправить Добрыню на опасное порученіе, въ бой съ Змѣищемъ Горынчищемъ (см. выше, стр. 77) и какъ доставилъ въ Кіевъ Запаву Путятичну, по порученію Добрыни (см. выше, стр. 79).

еще три разсказа о любовныхъ похожденіяхъ Алеши (въ послѣднемъ изъ нихъ онъ уже является сводникомъ, поставляющимъ любовника княгинѣ Апраксѣевнѣ):

Ж. Сидѣли бесѣдовали (во время пира у кн. Владиміра — Кирѣев. IV. 67) два брата; похвалялись они своей сестрою: и скромна она, и на улицу не ходитъ, и въ хороводы не играетъ... Откуда ни возьмись Алеша Поповичъ, и говоритъ имъ: «не хвалитесь вы своей сестрой, я у нее былъ, да двѣ ноченьки ночевалъ, да по два раза завтракалъ, обѣдалъ, да ужиналъ». И сдѣлали братья повѣрку, по кому снѣга въ комнату къ сестрѣ пустили; и говоритъ оттуда сестра: «не шути шутку Алеша, ступай прямо въ теремъ; моихъ братьевъ дома нѣтъ». Сковали братья сабельку, да и срубили сестрѣ голову. «А Богъ суди Алешу, не далъ пожить на свѣтѣ» (Кир. II. 65). По другому пересказу тоже дѣло происходитъ между двумя братьями Збродовичами и сестрою ихъ Настасьей Збродовичной. Въ концѣ Алеша уговариваетъ Збродовичей не рѣзать сестру, а отдать за него за мужъ (Кир. II. 69).

З. «Ѣхалъ Алеша съ Ильей Муромцемъ, и не случилось имъ по пути ни сѣраго гуся, ни бѣлаго лебедя, ни мелкой пташки, начемъ бы сердце пріутѣшити; и побѣжалъ Алеша въ степь; смотритъ, на дубу вѣщій воронъ сидитъ, съ ноги на ногу переступаетъ; хочетъ онъ ворона того подстрѣлить, и говоритъ ему воронъ: «тебѣ на мнѣ сердца не утѣшити, а бѣги ты черезъ степь Саратовскую къ рѣчкѣ Саратовкѣ, тамъ два Татарина некрещенные русскую дѣвицу полонили—увеземъ тебя, говорятъ, къ себѣ въ орду, отдадимъ за татарина за дороднаго, въ косу сажень, всѣ мы ему поклоняемся». И побѣжалъ Алеша къ рѣкѣ Саратовкѣ, одного Татарина онъ конемъ стопталъ, другого мечемъ зарубилъ, посадилъ онъ дѣвицу на своего коня, сталъ ее спрашивать какого она роду племени; и отвѣчаетъ дѣвица: «роду я ни царскаго, ни боярскаго, ни купеческаго, ни крестьянскаго, а я дочь попа Ростовскаго». «Думалъ я получить себѣ подвѣнечницу», говоритъ Алеша, «а выручилъ родну сестрицу», и

побѣжалъ онъ къ своему батюшкѣ, попу Ростовскому» (Кирѣев. II. 82)[130]).

II. Однажды пришли къ княгинѣ Апраксѣевнѣ, по пути въ Іерусалимъ, калики съ атаманомъ своимъ Касьяномъ; напоила ихъ княгиня, накормила; сильно приглянулся ей молодой Касьянъ; посылаетъ она Алешу Поповича уговорить его, чтобы пришелъ къ ней:

«На долгіе вечера посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы на единѣ въ спальнѣ съ ней».

Касьянъ не пошелъ на такой соблазнъ; за это Алеша Поповичъ, по наущенію Апраксѣевны, подложилъ ему въ сумочку серебряную чарочку, а потомъ обвинилъ въ воровствѣ. Уличеннаго Касьяна калики по *завѣту* окопали въ землю, а сами ушли въ Іерусалимъ. Ровно черезъ полгода, возвращаясь изъ Іерусалима, калики нашли Касьяна цѣлаго и невредимаго и привели его къ Владиміру. А тѣмъ временемъ княгиня Апраксѣевна за свою напраслину «лежала въ скорби недоброй, въ великомъ гноищѣ»; повинилась она передъ Касьяномъ; «а и дунулъ на нее Касьянъ духомъ святымъ своимъ», и избавилъ ее отъ недуга. Тогда устроилъ Владиміръ пиръ всѣмъ каликамъ; вышла къ нимъ и сама княгиня,

---

130) По другому пересказу трое татаръ наѣздниковъ полонили молодую княжну Мароу Петровну. Плачетъ она, разливается, чуетъ ее сердце, что будутъ вечеромъ расплетать ей косу злые татары, да еще втроемъ. «Не плачь душа дѣвица», утѣшаетъ ее одинъ изъ нихъ, «мы не тронемъ тебя; а повезу я тебя къ себѣ и отдамъ въ жены моему сыну». Но тутъ является Кіевскій богатырь Михайла Казарянинъ; перваго татарина онъ копьемъ сколоъ, второго конемъ стопталъ, а третьяго о сыру землю бросилъ; потомъ взялъ красну дѣвицу за бѣлыя ручки и повелъ во бѣлъ шатеръ грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить. Однако послѣ первыхъ же распросовъ Мароа Петровна оказалась Казарянину родной сестрой; на томъ дѣло и остановилось (Кирша Даниловъ, 211). Еще въ другомъ пересказѣ дѣло кончается иначе: полонили дѣвицу три богатыря—Татаринъ, Полякъ и Русскій; они такъ круто облюбили ее, что красавица на утро стала ругать ихъ: «ой вы Татары, злы вы поганы! не могу ставати, рукъ поднимати» (Кирѣев. VIII. 325).

«Молоду Касьяну покланяется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ» (Кирша Д., 226).

К. Смерть Алеши Поповича описывается въ былинахъ разно: въ одномъ разсказѣ о женитьбѣ Алеши на женѣ Добрыни, Добрыня убилъ Алешу на смерть (см. выше стр. 90); въ разсказѣ о томъ, какъ перевелись на землѣ Русской богатыри, Алеша произноситъ похвальныя слова противъ силъ небесныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ, во время боя съ этими силами, окаменѣваетъ вмѣстѣ съ другими богатырями. По лѣтописямъ Александръ Поповичъ убитъ въ сраженіи при Калкѣ[131]).

---

[131]) О характерѣ Алеши Поповича Л. Майковъ говоритъ слѣдующее: «Алеша Поповичъ, подобно Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу,—одно изъ главныхъ лицъ среди всего круга былинныхъ героевъ. Эти три богатыря—братья названные между собою; когда они съ другими богатырями стоятъ на заставѣ богатырской, то занимаютъ главныя должности: Илья Муромецъ атамана, Добрыня подъ-атаманья, Алеша есаула (Кир. I. 49); когда Батый подступаетъ къ Кіеву, то требуетъ выдачи ихъ троихъ, какъ перваго условія (Кир. IV. 41). Но между тѣмъ какъ былины въ Ильѣ и Добрынѣ изображаютъ два вполнѣ сочувственныхъ народу лица, Алешу онѣ противуполагаютъ этимъ богатырямъ, какъ воплощеніе нѣсколькихъ свойствъ порочныхъ; эти пороки былины представляютъ, отчасти же признаютъ отличительными чертами того сословія, къ которому принадлежитъ Алеша по происхожденію» (Л. Майковъ, 127). «По личнымъ своимъ качествамъ Алеша особенно отличается смѣлостію; онъ считаетъ себя всѣхъ богатырей поудалѣе, а своего коня порыскучѣе» (Кир. I. 8); онъ даже «зарывчатъ» (Рыбн. I. 76); поэтому съ нимъ случается, что онъ «изорветъ силу» до встрѣчи съ противникомъ; увлекшись побѣдой надъ земными врагами, Алеша вызываетъ на бой даже силу нездѣшнюю; Алеша горделивъ, спѣсивъ, бранчивъ, задоренъ и грубъ (Кир. IV. 13; К. Д. 233). Въ бою онъ не то, что силенъ и храбръ, какъ Илья, но вертокъ (К. Д. 190) и хитеръ: хитростью онъ подманиваетъ къ себѣ Тугарина, чтобы удобнѣе его поразить (К. Д. 184); хитростью дѣлаетъ онъ и другія дѣла житейскія. Онъ насмѣшникъ—пересмѣшникъ женскій (Кир. I. 5. 12; Рыбн. I. II); онъ смѣется надъ княгиней Апраксѣевной, что ей нравится Тугаринъ (К. Д. 194); отъ его преслѣдованія бѣжала красна дѣвица, дочь гостиная (Кир. I. 3); онъ опуталъ было своими ковнями и жену Добрыни, а сестру братьевъ Збродовичей, и совсѣмъ было опозорилъ (Кир. II. 67). Наконецъ Алеша слыветъ и судейскимъ перелестничкомъ (Кир. II. 6). Былины не разсказываютъ его похожденій прямо по этой части, но знаютъ однако нѣчто подобное, повѣствуя о томъ, какъ онъ плутовалъ, уговариваетъ Каличьяго атамана погостить у княгини Апраксѣевны, какъ

VIII. Свѣдѣнія о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ по лѣтописямъ.

973 г. **Лаврентьевская** лѣтопись (изд. Археол. Ком.): «Въ лѣто 6478... Въ се же время придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ»; и рече къ нимъ Святославъ: «абы пошелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече *Добрыня*: «просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ *Добрыня;* отець же бѣ има Малкъ Любечанинъ (разнорѣчіе: Малко Любчанинъ), бѣ *Добрыня* уй (т. е. дядя по матери) Володимеру... И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимеръ съ *Добрыною* уемъ своимъ Ноугороду».

983 г. «Въ лѣто 6488. Володимеръ же посади *Добрыну* уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ *Добрына* Наугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховымъ, и жряху ему людье Ноугородьстіе аки Богу».

985 г. «Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ *Добрыною* съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары. Рече *Добрына* Володимеру: «съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ».

Степенная книга (Москва 1775, I. 145): «Преосвященный же Митрополитъ Михаилъ Кіевскій и всея Русіи,... съ нимъ же шесть Епископовъ, иже Фотій Патріархъ даде ему на помощъ, съ нимъ же и Анастасъ Корсунянинъ, и Добрыня дядя Владимировъ, пришедше въ великій Новъ-градъ, вся идолы сокруши и требища раззори, и многіе люди крести.... кумира же Перуна посѣче, и верже на землю, повязавше ужы, влечаху его по калу, біюще

подкладываетъ атаману Владимірову чарочку и потомъ, обвинивши каликъ въ воровствѣ, является къ нимъ на обыскъ (К. Д. о 40 Каликахъ; Л. Майковъ, 129). Буслаевъ замѣчаетъ, что «характеръ Алеши Поповича, очерченный народною фантазіею съ очевидными признаками ироніи, указываетъ уже на столкновеніе частныхъ интересовъ съ церковными» (Буслаевъ, Очерки, I. 417).

жезліемъ и пхающе».. По другимъ, старшимъ лѣтописямъ, дѣло это приписывается одному епископу Новгородскому Іоакиму. Сравните объ участіи *Добрыни* въ крещеніи Новгорода въ Іоакимовской Лѣтописи у Татищева (Москва 1768, I. 38—40).

1000 г. **Никоновская** лѣтопись (Полн. собр. IX. 68). Подъ 6508 г.: «Пріиде Володарь съ Половцы къ Кіеву, забывъ благодѣянія господина своего князя Владимера, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаи, и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ, и изыде нощію въ срѣтеніе имъ *Александръ Поповичь*, и уби Володаря и брата его и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, возрадовася зѣло, и возложи нань гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей». По замѣчанію Л. Майкова (О былинахъ, 27) это событіе занесено подъ 1000 годомъ ошибочно, а должно быть отнесено къ 1110 году: въ этомъ году Владиміръ Мономахъ дѣйствительно былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ, между тѣмъ какъ въ его отсутствіи Володарь Перемышльскій могъ поднять противъ Кіева Половцевъ.

1001 г. Подъ 6509 годомъ: «*Александръ Поповичъ* и Янъ Усмошвецъ, убивый Печенѣжьскаго багатыря, избиша множество Печенѣгъ, а князя ихъ Родмана, и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и манастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великія кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше, и ядяше» (Полн. собр. русск. лѣт. IX. 68).

1004 г. Подъ 6512 г.: «Идоша Печенѣзи на Бѣлъградъ; Володимеръ же посла на нихъ *Александра Поповича* и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле» (Полн. собр. русс. лѣтоп. IX. 68).

1216 г. **Никоновская** лѣтопись. Подъ 1216 годомъ: ... «Князь Костянтинъ Всеволодичъ Ростовскії ста на рецѣ па Липице со всѣю силою своею снимже и два храбра, *Добрыня Ѕла-*

тый поясъ[132]), да *Александръ Поповичъ* ссвоимъ слугою с Торопомъ, славныя богатыри... И прииде на него (на кн. Новгородскаго Мстислава Мстиславича Удалого, союзника Кн. Константина) Александръ Поповичъ имѣя мечъ нагъ, хотя разсещи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онже возопи глаголя, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородцкиї; онже уставися, и тако спасе его богъ, от смерти. І рече ему *Александръ Поповичъ*: «Княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дѣти» (Русск. Лѣт. по Никон. списку. СПБ. 1768, II. 323, 300, 331). Въ этой же битвѣ пали *сильные зѣло* Іевъ Поповичъ и слуга его Несторъ (Карамз., И. Г. Р., III. Прим. 168).

1217 г. Въ одномъ **хронографѣ** греческой редакціи занесено другое извѣстіе, относящееся до *Александра Поповича*: «Влѣто

---

[132]) Прозваніе *златый поясъ* означаетъ по мнѣнію Буслаева такую же *гривну*, какая была возложена на Александра Поповича (Журн. Мин. Народн. Просв., Апрѣль 1871, 236) И. М. Снегиревъ замѣчаетъ, что въ отечественной исторіи встрѣчается не одинъ Добрыня; были двое Добрынь, бояре Кіевскіе: Добрыня посадникъ Новгородскій, и Добрыня Резатичъ, златый поясъ, богатырь убитый въ 1224 году; третій еще Добрыня—Судиславичъ, богатырь, историческое лице, современникъ Владиміра, его дядя и сподвижникъ, правитель Новгорода, поставившій тамъ истуканъ Перуновъ на берегу Волхова; потомъ съ воеводой Путятою, сдѣлавшись ревнителемъ Христіанской вѣры, онъ вводилъ ее мечемъ и огнемъ, по древней пословицѣ: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ» (Лубочн. Карт. 96).

По замѣчанію Ѳ. Буслаева Добрыня можетъ быть сынъ Мала или Низкина, убившаго Игоря. «Въ Древлянской сагѣ упоминается имя князя Древлянскаго *Мала*. По Лаврентьевскому списку, князь *Малъ* убилъ Игоря, и сватался къ Ольгѣ. По Густинской лѣтописи, *Маломъ* названъ только тотъ князь, который убилъ Игоря; послы же Древлянскіе, пришедши къ Ольгѣ, просили ее выйти замужъ, «за своего князя *Нискина*». По Якимовской Лѣтописи «Князь Древлянскій *Малъ* сынъ *Нискининъ* присла послы къ Ольгѣ просить да идетъ зань» (Татищевъ, I. 36). По хроникѣ Словено-русской *Малъ* и *Низкиня* (а не Нискиня, у Длугоша-Miskina) одно и тоже, и притомъ не просто *Малъ*, а *Малъ-дѣдъ* (сличи у Мавроурбина *Малдитт*). Такимъ образомъ, говоритъ Буслаевъ, «какъ у Ольги былъ женихомъ Малъ или Малъ-дѣдъ, такъ и у сына ея Святослава была наложницею Малуша, дочь Мала или Малка; употребляемое въ былинахъ отчество Добрыни—*Никитичъ*», замѣчаетъ онъ же, «не передѣлалось ли изъ древнѣйшаго *Низкиничъ*?» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1871, Апрѣль. 224).

,ѕѱке бысть бой Князю Юрью Всеволодовичу съ княземъ Константиномъ Ростовскимъ на рецѣ на Гдѣ, и поможе богъ Константину Всеволодовичу брату; а правда егоже пришла. И было со княземъ Константиномъ два храбра *Добрыня Златый* поясъ, да *Александръ Поповичъ* с своимъ слоугою с Торопомъ» (Поповъ, Хронографы, I. 196).

1223 г. **Лѣтопись по списку типографской библіотеки** № 3. 752—10 (писанная рукою Юрія Крижанича), листъ 9 обор.: «Въ лѣто 67.... Бой бысть князю Юрію (Всеволодовичу) съ княземъ Костянтиномъ (Ростовскимъ и Ярославскимъ), и одолѣ старѣиши братъ. Съ Костянтиномъ было 2 богатыря, *Добрыня Златопоясъ* да *Александръ Поповичъ*, съ слугою своимъ *Торопкомъ*. Въ лѣто 6731 брань бысть на Калкахъ... Тогда убиша *Александра Поповича*, и иныхъ много богатырей» (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ III. стр. XVIII).

1224 г. Въ **Тверской** лѣтописи (Полн. собр. XV. 336) есть особое сказаніе о битвѣ при Калкѣ, которая соединена здѣсь съ битвою Липецкою. «Бѣ нѣкто отъ Ростовскыхъ житель *Александръ, глаголемый Поповичь*, и слуга бѣ у него именемъ Торопь... *Александръ* же выходя многы люди великого князя Юріа избиваше, ихже костей накладены могылы великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи». Вмѣстѣ съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не *Добрыню*, а *Тимоню Златой поясъ* (Ѳ. Буслаевъ, Ж. М. Н. П., Апр. 1871. 237).

Въ той же лѣтописи сказано, что по смерти князя Константина, опасаясь мщенія князя Георгія, особенно за убіеніе его «безумнаго боярина Ратибора», *Александръ Поповичъ* «вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ (валъ) стоитъ пустъ. Ту бо събравшеся съвѣтъ сътвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе

и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ» (Полн. собр. лѣт. XV. 338).

1224 г. **Новгородская 4-я:** «Въ лѣто 6732... убиша *Александра Поповича*, а съ нимъ богатырь 70».

1225 г. **Львовская** (СПБургъ 1792, I. 397). О томъ же: «тогдажъ и *Александръ Поповичь* убіенъ бысть со инѣми седмьюдесять храбрыхъ вой...»

1225 г. **Степенная** книга. Въ разсказѣ о битвѣ при Калкѣ: «идѣже *Александръ Поповичъ* убіенъ бысть, съ нимъ же и иныхъ 70 храбрыхъ».

1225 г. **Никоновская:** «Въ лѣто 6733... воинственныхъ людей толико бысть побиено яко ни десятый от нихъ возможе избежати, и *Александра Поповича* и слугу его Торопа, и *Добрыню Рязанича Златаго пояса* и седмьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побьени быша гнѣвомъ божиимъ за грехи наша от Татаръ («О Калкскомъ побоищи» 1224 года; сравни Воскресенск. лѣтоп. въ Полн. собр. лѣт. VII. 132).

Вопросъ о происхожденіи русскихъ сказокъ-былинъ и времени ихъ составленія остается до настоящаго времени спорнымъ. Одни ученые полагаютъ, что былины образовались первоначально въ Кіевѣ; съ паденіемъ же Кіева и перенесеніемъ велико-княжескаго престола на сѣверъ, перешли туда и былины, и въ доказательство такого положенія приводятъ прежде всего то обстоятельство, что въ былинахъ постоянно говорится о Кіевѣ и о князѣ Владимірѣ, о Москвѣ же вовсе не упоминается[133]). Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что былины—произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви, потому что онѣ совершенно чужды и незнакомы всему малорусскому племени,—а это едвали было бы возможно, еслибы онѣ были пря-

[133]) Л. Майковъ, Былины.

мымъ остаткомъ глубокой старины [134]). Этотъ послѣдній и очень вѣскій доводъ остается до сихъ поръ неопровергнутымъ.

Еще болѣе споровъ возникало между нашими учеными относительно самаго состава былины. По мнѣнію однихъ, замѣчаетъ Пыпинъ, «былина привязана къ эпохѣ великаго князя Владиміра почти случайно, собственно-же ея начало и содержаніе относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ доисторической жизни; ея основное содержаніе—не историческое, а миѳологическое; ея герои только перерожденіе древнѣйшихъ божествъ, и та сторона былины, въ какой мы знаемъ её теперь, есть только позднѣйшая ступень ея развитія. Такимъ образомъ основной личности, являющейся въ былинѣ въ видѣ князя Владиміра, слѣдуетъ искать вовсе ни въ исторіи, а въ доисторической миѳологіи; въ его эпитетѣ «краснаго солнышка» надо видѣть не поэтическое украшеніе, а уцѣлѣвшій намекъ на солнечное божество, о которомъ говорилъ древнѣйшій эпосъ [135]); Илья Муромецъ и другіе богатыри точно также первоначально не историческія, а миѳологическія личности; ихъ борьба съ мрачными, губительными чудовищами объясняется борьбой стихійныхъ божествъ, свѣта съ тьмой, весны съ зимой и т. п. Изслѣдователи, принявшіе эту точку зрѣнія, сдѣлали скоро много открытій, которыя были-бы очень любопытны, еслибы были доказаны; именно они и старались снять съ народнаго эпоса его позднѣйшій наростъ и открыть первобытный миѳъ, лежащій въ его основѣ. Такимъ образомъ, князь Владиміръ былъ удаленъ съ непринадлежащаго ему мѣста, которое въ однихъ случаяхъ заняло солнечное божество, въ другихъ—миѳическій исполинъ и мудрецъ Волхванъ; Соловей разбойникъ оказался стихійнымъ божествомъ и т. п.» (Вѣст. Европы 1877. Январь, 451).

---

[134]) Костомаровъ: Русская Старина 1877 г. Январь, 174.

[135]) Славянскій ученый Ягичъ отвергаетъ миѳическое значеніе, придаваемое нашими изслѣдователями-миѳологами Ильѣ Муромцу и в. кн. Владиміру, указывая при этомъ на то, что названіе *краснаго солнышка*, которое придается въ былинахъ кн. Владиміру, очень часто придавалось византійскими писателями и греческимъ императорамъ и особамъ царскаго рода (Archiv, I. 160).

Другой взглядъ на былины заключается въ томъ, что: «хотя между сюжетами былинъ есть и такіе, которые можно возвести къ эпохѣ доисторическаго сродства индоевропейскихъ преданій, тѣмъ не менѣе, все содержаніе былинъ, а въ томъ числѣ и эти древнѣйшія преданія, представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть пріурочена только къ положительно историческому періоду; причемъ прежде всего слѣдуетъ отыскивать сходство между дѣйствующими лицами былины: кн. Владиміромъ, Добрыней, Алешей Поповичемъ и другими богатырями,—съ одноименными съ ними историческими лицами, упоминаемыми въ лѣтописяхъ» (Л. Майковъ, О былинахъ Владимірова цикла. СПБ. 1863, стр. 22).

«Третій взглядъ, сближающійся», по замѣчанію Пыпина, «иногда съ первымъ и вторымъ, поставилъ себѣ особенной задачей символическій, прообразовательный смыслъ народнаго эпоса: былина съ ея многоразличными героями и ихъ похожденіями, съ величайшею точностію, изображала княжескія, дружинныя и земскія отношенія древней Россіи, такъ что ея смыслъ былъ не столько историческій или миѳическій, сколько общественный». Защитники этихъ трехъ взглядовъ, отстаивая оригинальность русской былины, не отрицали однакоже и нѣкотораго вліянія на составленіе ея со стороны западныхъ и восточныхъ сказаній».

Въ недавнее время образовался еще новый взглядъ на наши былины, при чемъ доказывалось, что русскія былины не заключаютъ въ коренной основѣ своей ничего историческаго и даже ничего русскаго; что въ нихъ напрасно искать характеристики народныхъ сословій и описанія дѣйствительныхъ татарскихъ нашествій на Русь; что всѣ главныя личности былинъ и сказаній и темы ихъ взяты съ востока, всего чаще изъ позднѣйшихъ буддійскихъ источниковъ и пѣсень, и изъ сказаній восточныхъ народовъ, географически болѣе близкихъ къ Руси, причемъ наша былина утратила очень многое сравнительно со своими восточными первообразами; что восточные оригиналы ихъ, иногда прозаическіе, но

гораздо чаще стихотворные, легко узнаются, при изученіи древне-восточной поэзіи и литературы, и что трудами западныхъ изслѣдователей, особливо Бенфея[136]), доказано, что почти вовсе нѣтъ на западѣ такихъ сказокъ, которыя были бы самостоятельны, и не происходили бы съ Востока, изъ Азіи (В. Стасовъ, О происхожденіи былинъ: Вѣстникъ Европы 1868).

«Наконецъ стала высказываться и еще одна точка зрѣнія. По мѣрѣ того, какъ расширялось знаніе старой рукописной литературы, не только оказывалось, что въ ней былъ цѣлый обширный отдѣлъ народныхъ сказаній, но очевидною становилась близкая связь ея съ тѣмъ, что считалось чисто народнымъ, не книжнымъ, преданіемъ и вѣрованіемъ. Историки старой литературы все больше и больше находили между рукописными сказаніями и народнымъ преданіемъ паралельности, которая показы-

---

136) По мнѣнію Бенфея, бо́льшая часть Европейскихъ сказокъ составилась въ Индіи; оттуда онѣ перешли вмѣстѣ съ буддизмомъ къ Монголамъ, этими послѣдними занесены къ Славянамъ, а отъ Славянъ перешли на Западъ(Пантша—Тантра, предисловіе). Академикъ Шифнеръ, въ предисловіи къ монгольскому сборнику сказокъ Шидди-Куръ, держится того-же мнѣнія и въ этѣхъ сказкахъ видитъ не одни образцы монгольской и калмыцкой поэзіи (Этнограф. Сборн., кн. VI). Въ разборѣ сборника Радлофа онъ однакоже замѣчаетъ, что произведенія творчества могли перейти къ Монголамъ и Туркамъ отъ Запада, вмѣстѣ съ товарами, развозимыми предпріимчивыми людьми (Новгородцами и козаками) въ глубину Азіи (Отчетъ Акад. Наукъ 1864 г., XVIII и XIX). Мнѣніе о происхожденіи нашихъ сказокъ отъ индѣйскихъ и монгольскихъ было высказано еще прежде этихъ ученыхъ Бергманомъ (Bergmann, Nomadische Streifferei unter den Kalmucken. Riga 1803.—Снегир., Луб. Карт., 105) и русскимъ изслѣдователемъ Макаровымъ. «Въ нашихъ царевичахъ съ ягами», говоритъ Макаровъ, «и вообще въ разсказахъ о подсолнечныхъ королевичахъ есть что-то такое, что пахнетъ берегами Ганга, или Гангеса! По инымъ отношеніямъ: эта-же самая древность могла быть подновлена Монголами и Татарами, уже во времена гораздо того позднѣйшія, а впослѣдствіи совсѣмъ передѣлаться на русскіе нравы.... Чисто къ монгольскимъ сказкамъ принадлежатъ: всѣ наши Иваны царевичи съ подсолнечными королевами и ягами. Въ подражаніе къ восточнымъ языкамъ, появились и всѣ наши Иванушки дурачки. Сказка о Еруслане Лазаревичѣ и другія ей подобныя не дошли ли къ намъ отъ новѣйшихъ Славянскихъ народовъ? Бова-Королевичъ—повѣсть итальянско-французская, къ намъ принесена она Славяно-Итальянцами едва ли ранѣе временъ Іоанна III, а послѣ переложена на русскіе нравы» (Московск. Телеграфъ 1831, № 21, стр. 157).

вала наконецъ, что послѣднее во многихъ случаяхъ имѣло часто книжный источникъ. Въ послѣдніе годы число подобныхъ сличеній постоянно увеличивалось, и теперь не подлежитъ сомнѣнію, что многія произведенія народной поэзіи, цѣликомъ или частями, и отдѣльными подробностями, многія повѣрья, которыя прежде считались всего чаще собственнымъ созданіемъ народа, отголоскомъ его исконной миѳологіи,—имѣли свой источникъ въ книгѣ, слѣдовательно имѣютъ начало вовсе не доисторическое, а, напротивъ, болѣе или менѣе позднее, доступное хронологическому опредѣленію» [137]).

Главная причина, по которой до чрезвычайности трудно опредѣлить время составленія былинъ, заключается въ томъ, что текстъ былинъ оставался безъ *письменнаго закрѣпленія* до конца прошедшаго вѣка. Конечно и въ рукописныхъ сочиненіяхъ такое *закрѣпленіе* не представляло еще достаточно обезпеченія противъ порчи оригинала. «Каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глосы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ, и удерживалъ коментаріи; третій распространялъ его, замѣнялъ частныя національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, отъ чего книга, передѣланная на русскіе нравы, теряла свою иноземную внѣшность и принимала колоритъ домашняго произведенія» [138]). Если такія передѣлки происходили въ рукописной литературѣ, то понятно, что при изустной передачѣ характеръ сказителя и пѣвца долженъ былъ отражаться на произведеніи гораздо сильнѣе. Плохой, заурядный сказитель заучиваетъ былину со словъ своего *старшаго*, твердо, не дозволяя себѣ ни какихъ отступленій; всѣ варіанты у такихъ сказителей состоятъ единственно въ

---

[137]) А. Пыпинъ, рецензія на журналъ Ягича (Вѣст. Европы 1877. Январь, 452).

[138]) А. Пыпинъ, Очеркъ Литерат., стр. 4 и 5.

перевираніи географическихъ названій и собственныхъ именъ [139]), и въ переносѣ цѣлыхъ былинъ съ одного богатыря на другого [140]). За то опытные сказители, всегда грамотные и, по народному, развитые, включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, разсказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы [141]), не заботясь при этомъ ни о характерѣ воспѣваемыхъ ими лицъ, ни о значеніи разсказываемаго событія. Понятно, что въ рукахъ такихъ опытныхъ сказителей былина мало по малу подвергалась такимъ разнообразнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ, что добраться до

---

139) Въ этомъ искусствѣ доморощенное наше производство дошло до удивительныхъ результатовъ; кому напримѣръ придетъ въ голову, что русскій столярный инструментъ *струцынокъ* произошелъ отъ нѣмецкаго Schraub-Zwingel; рыле—отъ Leyer; Сафатъ—отъ Іосафатъ; Одесса—изъ Эдеса; не говоря уже о намѣренныхъ извращеніяхъ и упрощеніяхъ иностранныхъ и своихъ собственныхъ названій; я зналъ одного русскаго садовника *изъ ученыхъ*, получившаго до нѣкоторой степени классическое образованіе, т. е. перевиравшаго латинскія названія цвѣтовъ шиворотъ на выворотъ: геліотропъ у него назывался шлёпъ-трепъ, амарантусъ-каудатусъ—просто кишкатусъ; также намѣренно—перевраны въ солдатской средѣ имена предводителей изъ нѣмцевъ: Болтай-да-и-только, Индюкъ-въ-решетѣ, Филька-въ-шубѣ и т. д.; на этотъ-же манеръ наши матросики и свои мудренные кораблики перекрестили: корабль трехъ Іерарховъ (добрая память покойнику!) вышелъ у нихъ—трахъ-тарарахъ,—а другой, Аустерлицъ,—просто,—ус....сь. Г. Безсоновъ, въ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ Кирѣевскаго, приводитъ остроумные примѣры такихъ превращеній въ былинныхъ именахъ. Припомните тоже у гр. Л. Толстаго, въ его «Война и миръ», несравненную страницу 223 тома VIII-го (Соч. М. 1873).

140) До чего доходитъ при этомъ плодовитость сказителей,—можно заключить изъ того, что, записывая ихъ пересказы, покойный Гильфердингъ, въ продолженіе всего 48 дней, составилъ громадный томъ въ 2000 страницъ.

141) Не слѣдуетъ забывать при этомъ многочисленныхъ обмановъ и поддѣлокъ, которые практиковались новѣйшими сказителями въ виду бойкаго требованія на ихъ товаръ; довольно указать на *откровенное* признаніе Рыбникова о томъ, какъ одинъ волостной писарь «надулъ его», приславши шесть старинъ, которыя онъ отъ слова до слова списалъ у Кирши Данилова (Рыбн. II. XVI), и какъ другой сказитель началъ пѣть Гильфердингу совершенно новую балладу Щербины «Ово и Мара», на старинный ладъ. Поэтому особенно драгоцѣннымъ для насъ является сборникъ былинъ Кирши Данилова, составленный по порученію Демидова въ концѣ прошедшаго вѣка, когда еще на товаръ этого рода не было такого бойкаго спроса и сказителямъ не предстояло надобности дѣлать изъ былинъ спекулятивные изводы.

первоначальной древней основы ея, сквозь эти новѣйшіе узоры и вышивки, не представляется подъ часъ ни какой возможности.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ своду былинъ о трехъ старшихъ богатыряхъ нашихъ приведены мною, *по возможности*, тѣ мѣста изъ западныхъ и. восточныхъ сказаній, а также изъ рукописныхъ и книжныхъ источниковъ, которыя представляютъ *наглядное* (безъ натяжки) сходство съ текстомъ былины; изъ этѣхъ замѣтокъ, чисто компилятивнаго характера, каждый легко убѣдится, что въ былинахъ есть мѣста, которыя намекаютъ на извѣстныя историческія событія и даже прямо заимствованы изъ лѣтописи; что многое въ нихъ заимствовано изъ западныхъ и юго-славянскихъ легендъ и сказокъ; что не менѣе этого сдѣлано въ нихъ заимствованій и изъ еврейскихъ, византійскихъ и монголо-индѣйскихъ источниковъ[142]); что затѣмъ самый важный матеріалъ, изъ котораго сказители черпали полной горстью, заключается въ рукописной и книжной литературѣ, и что въ этомъ отношеніи не можетъ быть допущено никакой исключительной теоріи о происхожденіи нашихъ былинъ отъ одной какой либо чуждой намъ народности.

Дѣло будущихъ изслѣдователей разобрать всю эту путаницу, отдѣлить древнѣйшіе мотивы отъ новѣйшихъ пересказовъ, сравнить русскія сказки и былины съ чужеземными и опредѣлить, въ какое время переселились къ намъ западные образцы: перешла-ли къ намъ, напримѣръ, сказка о Святогорѣ съ ларцемъ изъ 1001 ночи въ *глубокой древности* или же передѣлана сказителями въ былину въ недавнее время, съ печатнаго подлинника; много-ли выработалось у нашего народа своеобразнаго, и что принадлежитъ ему одинаково съ другими народами[143])? Въ этомъ

---

[142]) При чемъ однакоже не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и теорію такъ называемыхъ *обратныхъ теченій*, по которой, напримѣръ, русское сказаніе, перешедшее къ Монголамъ, могло возвратиться отъ нихъ же обратно на Русь, съ разными прибавленіями и измѣненіями, подъ видомъ монгольской легенды.

[143]) О. Миллеръ, 34-е присужд. Демидов. нагр. СПБ. 1866, 81.

отношеніи приходится повторить то, что̀ было сказано А. Н. Пыпинымъ еще въ 1858 году, что въ этомъ вопросѣ, точно такъ, какъ и вообще въ вопросѣ о старой нашей литературѣ, «опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости; только оно можетъ указать съ точностію предѣлы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысли и фантазіи, и дальше которыхъ оно не имѣло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разрѣшеніе споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными партизанами старины и ихъ скептическими противниками» [144]). Только такая разработка можетъ поставить вопросъ о былинахъ на почву разумной критики и устранить изъ дѣла, такъ называемое, *чутье*, которое у каждаго автора, конечно, *самое лучшее*, но нисколько не убѣдительно для остальныхъ и ни на шагъ не подвигаетъ впередъ общаго дѣла.

Впрочемъ заимствованіе сюжетовъ для разсказовъ съ разныхъ сторонъ, нисколько не можетъ умалить значенія былины и ея простонародныхъ авторовъ; такія заимствованія практиковались и на западѣ, и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ статьяхъ Дунлопа, Буслаева и Пыпина можно прослѣдить, какимъ образомъ *разъ хорошо сказанное слово* [145]) повторялось несчетное число разъ, и какъ одна и таже *бродячая повѣсть* обходила всѣ европейскія литературы, подвергаясь мѣстной обработкѣ и попадала не только въ старинныя легенды, но и въ творенія знаменитыхъ писателей, какъ напримѣръ въ Боккачіевъ Декамеронъ и Лафонтеновы сказки. Въ этомъ отношеніи обработка чужихъ сюжетовъ нашими простонародными сказителями представляетъ много своеобразнаго и даже художественнаго; они очень рѣдко переносятъ заимствованный разсказъ въ былину цѣликомъ; по большей части такой разсказъ подвергается у нихъ существенной переработкѣ, и при этомъ не только обставляется другими подробностями, но и приводитъ къ совершено другому концу:

---

[144]) А. Пыпинъ, Очеркъ литературы, 302.

[145]) Keightley, Tales and popular fictions, their ressemblance and transmissions from country to country. London 1834.—Dunlop, XVII.

такъ, напримѣръ, повѣствованія о смерти Святогора, о Святогоровомъ ларцѣ, о борьбѣ Ильи съ сыномъ, и т. д. въ былинахъ оканчиваются совершенно иначе, чѣмъ въ оригиналахъ, изъ которыхъ они заимствованы.

Особенно ярко и образно въ былинахъ нашихъ выведена личность народнаго богатыря Ильи Муромца. Старый козакъ Илья Муромецъ—первый богатырь между русскими богатырями (Рыбн. II. 8. 28. 30) и нѣтъ его на свѣтѣ сильнѣе. Никакого врага онъ не боится, ибо смерть ему отъ человѣческой руки въ бою *не написана*. Онъ ѣздитъ въ *поле* отыскивать подвиговъ, супротивниковъ своихъ онъ бьетъ съ разборомъ, притомъ не ради рыцарскаго занятія, а *за дѣло*: такимъ образомъ бьетъ онъ разбойниковъ, станишниковъ, собравшихся его грабить; убиваетъ Соловья разбойника, заложившаго прямоѣзжую дорогу для православныхъ; убиваетъ поганое Идолище, которое обнасильничало Кіевъ и князя съ княгиней; убиваетъ колдунью королевичну за то, что она заполонила множество богатырей и его, Илью, загубить хотѣла; убиваетъ нахвальщика за то, что и онъ его убить соннаго хотѣлъ. Подвиги свои Илья Муромецъ дѣлаетъ столько же для пользы общей, сколько и ради князя Владиміра, которому онъ служитъ вѣрной защитой. Сказка говоритъ, что Илья прямо изъ дому ѣдетъ въ Кіевъ, чтобы послужить князю Владиміру; подстрѣливъ Соловья, онъ везетъ его къ томуже князю; того-же князя онъ избавляетъ отъ насилій Идолища и татаръ; наконецъ, въ промежуткахъ военныхъ дѣйствій, Илья стоитъ на княжеской заставѣ, вмѣстѣ съ другими богатырями, да и съ Нахвальщикомъ бьется, главное за тò, что тотъ мимо заставы *не заплативъ пошлины* проѣхалъ.

Роду Илья крестьянскаго; но крестьянской работой онъ занимается только одинъ разъ въ жизни: корчуетъ пни подъ пашню, послѣ ухода каликъ; затѣмъ онъ ѣдетъ на богатырскіе подвиги, и до самой старости своей ни разу не возвращается *къ крестьянству*, а дѣлается настоящимъ дружинникомъ; онъ защищаетъ слабаго отъ сильнаго, даже дѣтей Соловья разбойника отъ корысто-

любія князя Владиміра, защищаетъ вдовъ и сиротъ отъ татарскаго насилія и городскихъ кабацкихъ голей отъ приниженія[146]).

Но, при этомъ, Илья не считаетъ князя полновластнымъ владыкой своей богатырской личности, и часто заводитъ съ нимъ жестокія ссоры. Впрочемъ, въ этѣхъ ссорахъ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ чувствуется прежде всего протестъ простаго народа противъ правительственныхъ притѣсненій, противъ увеличенія сборовъ съ *царскихъ кабаковъ*, вздорожанія вина и непомѣрныхъ поборовъ съ простонародной *голи*. Самыя причины ссоры очень неясны[147]); впрочемъ былинщику нуженъ былъ какой нибудь, хотя бы и пустой, поводъ, только бы привести дѣло къ ссорѣ и заставить Илью заступиться за бѣднаго человѣка, за голь; и вотъ, начинаетъ у него Муромецъ уничтожать все казенное: хлещетъ-колотитъ княжескихъ богатырей-застольщиковъ и самаго князя, обламываетъ съ дворца золотыя маковки, разбиваетъ царскіе кабаки, тутъ же стаскиваетъ и кресты съ церквей,—хотя церкви и Божіи, но кресты на нихъ поставлены не по *писаному*, а никоновскіе крыжи, и потому не за грѣхъ такіе крыжи Ильѣ Муромцу съ голями и на вино пропить. Это тотъ-же самый протестъ, который, въ болѣе беззубой формѣ, перешелъ въ позднѣйшія народныя картинки: мыши кота погребаютъ (№№ 166—170), котъ казанскій (№ 172), драка бабы яги съ крокодиломъ и съ плѣшивымъ старикомъ (№№ 37—39), нѣмка верхомъ на старикѣ (№ 220), и въ слова Ильи царю Калину[148]) «васъ-де царей не казнятъ и не вѣшаютъ»;

---

[146]) Нигдѣ Илья не является защитникомъ исключительно крестьянскаго сословія; даже въ самомъ началѣ его повѣсти, въ то время, когда калики надѣлили его богатырскою силою, они сочли за нужное наказать ему, чтобы онъ не ходилъ драться съ родомъ Микулы Селяниновича, его-де мать-сыра земля любитъ.

[147]) Одна только изъ нихъ—волокитство Владиміра за чужей женой—и могла еще возбудить гнѣвъ Муромца; но пересказъ объ этой ссорѣ не вполнѣ народенъ и удаченъ, такъ какъ Илья попадаетъ въ немъ въ тюрьму, и, стало быть, протестъ его оканчивается безъ всякаго результата; буянить-же изъ за плохаго подарка или изъ за мѣста *не по чину*—было вовсе не въ его духѣ:

[148]) А также и князю Владиміру; см. IV, стр. 43, 36 и 46.

протестъ, который, въ наше предусмотрительное время, переведенъ на личность *фатальнаго фигера* въ Петрушкѣ.

До самой смерти своей Илья остается холостымъ, и, судя по общему смыслу былинъ, *дѣвственникомъ*: такъ смотрятъ на него и старообрядцы; противорѣчащая этому понятію легенда о женѣ его Савишнѣ, ходившей за него воевать съ Тугаринымъ Бѣлевичемъ, стоитъ совершенно особнякомъ, и никакого отношенія къ другимъ разсказамъ объ Ильѣ Муромцѣ не имѣетъ; также мало отношенія къ нимъ представляетъ и былина о нахвальщикѣ сынѣ Ильи, заимствованная изъ сказки о Еруcланѣ Лазаревичѣ, и другая былина о Святогоровой женѣ, блудившей съ Ильею, взятая также цѣликомъ изъ 1001 ночи.

Илья въ былинахъ отличается отъ прочихъ богатырей отсутствіемъ честолюбія и безкорыстіемъ: по окончаніи подвиговъ Илья отказывается отъ всякихъ почестей, отъ атаманства у разбойниковъ, отъ воеводства въ Черниговѣ, и отъ золотой казны и чиновъ у кн. Владиміра. Онъ ничего не беретъ отъ разбойниковъ, предлагавшихъ ему золото и сокровища; ничего не беретъ за избавленіе города Чернигова отъ басурмановъ, ничего не беретъ и съ дѣтей Соловья,—напротивъ того, когда, послѣ смерти Соловья, Владиміръ хочетъ забрать себѣ Соловьевы сокровища, Илья не даетъ ему покорыствоваться, и говоритъ Соловьятамъ, чтобы везли ихъ домой, «это-де вамъ отъ отца вашего на прожитокъ оставлено». Разъ только Илья ѣздилъ по той дорогѣ, гдѣ *богатому быть*, и добылъ несчетныя сокровища; но и эти сокровища онъ употребилъ не на свои надобности, а на построеніе церквей.

Необузданный въ гнѣвѣ своемъ, Илья, однако-же, скоро приходитъ въ себя, также скоро забываетъ нанесенную ему кровную обиду, и всегда готовъ идти на службу за землю русскую, стольный градъ Кіевъ, и за вдовъ и сиротъ его. Въ этомъ отношеніи, какъ замѣчаетъ французскій ученый Рембо, въ правдивой книгѣ своей о русскихъ былинахъ,—«Илья Муромецъ выше греческаго Ахилла и датскаго Ожье; а какъ покровитель слабыхъ, онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ

самыми высокими идеалами западнаго рыцарства.... Онъ далеко выше героевъ греческихъ и германскихъ, въ особенности-же выше сербскаго героя Марка, человѣка жестокаго, безжалостнаго, и ненасытнаго пьяницы» [149]).

Такова вполнѣ симпатичная и вполнѣ русская личность богатыря нашего Ильи Муромца по сказкамъ и былинамъ; былина придала ей всѣ тѣ качества и добродѣтели, которыя должны быть достояніемъ богатыря въ народномъ и человѣческомъ значеніи этого слова.

Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись наши сказители и къ *личности* коня Ильи Муромца.

Кони русскихъ богатырей, точно такъ, какъ и на западѣ, съ давняго времени пользовались любовью и уходомъ со стороны своихъ хозяевъ; князья наши очень дорожили ими: князь Андрей, напримѣръ приказалъ любимаго коня своего, павшаго въ битвѣ, въ знакъ особаго почета похоронить надъ Стрыемъ; про нѣкоторыхъ знаменитыхъ коней въ лѣтописяхъ даже означено какой они были масти и какихъ именъ: такъ у Мстислава былъ конь сивый, у Даніила гнѣдой, у сербскаго Молочилы былъ конь крылатый, у Марка королевича былъ чудный конь Шарацъ, напоминающій названіемъ своимъ коня Еруслана Лазаревича—Араша. Илья Муромецъ, какъ разсказывается въ сказкахъ и былинахъ, купилъ себѣ жеребенка шелудиваго, точно такъ, какъ и сербскій Маркъ королевичъ; цѣлые три мѣсяца держалъ онъ его въ срубѣ и выкармливалъ пшеномъ; потомъ началъ выводить его на волю и катать по зарѣ въ трехъ росахъ,—«и сталъ бурушко исправно черезъ тынъ, и въ ту и въ другую сторону, перескакивать»; тогда Илья осѣдлалъ его сѣделечкомъ черкасскимъ, на двѣнадцать подпругъ шелковыхъ, тринадцатую клалъ булатную,—«не для красы, а для крѣпости»; сѣлъ Илья на коня своего, бьетъ онъ его по крутымъ бедрамъ, пробиваетъ кожу до черняго мяса; ретивый его конь осерчается, прочь отъ земли

149) A. Rembaud, La Russie épique. Paris 1876, 64.

отдѣляется; онъ и скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго (Кир. I. 35); первый скокъ скочилъ 15 верстъ; въ другой скочилъ, колодезь сталъ...»; «летитъ бурушка скокъ версту мѣрную дѣлаетъ, рѣки, озера перескакиваетъ, темные лѣса промежъ ногъ пущаетъ» (Рыбн. I. 45); «видѣли богатыря на коня сядучись, да не видали его ѣдучись» (Гильфердингъ, 984).

И сталъ конь Ильѣ и слугою и другомъ: онъ оберегаетъ его во время сна; будитъ его, когда опасность подходитъ (когда напримѣръ завидѣлъ Святогора богатыря); стережетъ прикованнаго къ стремени Соловья разбойника; помогаетъ Ильѣ биться съ врагами и столько же топчетъ бусурманъ копытами, сколько Илья побиваетъ ихъ мечемъ. Передъ опаснымъ боемъ съ нахвальщиками, Илья обращается къ коню съ человѣческою рѣчью о помощи: «ай-же ты мой, бурушко косматенькій! Послужитка ты мнѣ вѣрою и правдою, послужи по старому по прежнему, чтобы не побилъ-бы насъ поганый въ чистомъ полѣ, не срубилъ бы онъ моей буйной головушки, не распласталъ-бы онъ моей груди бѣлыя» (Рыбн. I. 69). Въ другой разъ конь самъ предупреждаетъ его объ опасности: «три ямы, говоритъ онъ Ильѣ, вырыты въ полѣ басурманами, черезъ первую я тебя перенесу, черезъ вторую тоже, а въ третьей мы съ тобой оба останемся». Не послушалъ Илья Муромецъ своего коня, поѣхалъ въ поле, провалился въ третью яму, и былъ взятъ въ плѣнъ басурмаными; но и тутъ выручилъ его вѣрный конь: прибѣжалъ во̀ время, перегрызъ чембуры, которыми былъ связанъ Муромецъ, и улетѣлъ съ нимъ во свояси[150]). Нельзя не согласиться, что въ этихъ описаніяхъ богатырскаго коня, не смотря на всю простоту разсказа, вложено нашими сказителями много чувства и искренности.

На страницахъ 62—64 приведены извѣстія объ Ильѣ Муромцѣ по норвежскимъ сагамъ, и сказанія о немъ, какъ о свя-

[150]) Святогоровъ конь даже приноситъ хозяину своему жалобу, съ тайнымъ умысломъ вывести на свѣжую воду его любовницу (IV, стр. 17). Въ лицевыхъ сказкахъ конь Добрыни Никитича припадаетъ къ нему; конь Бовы королевича, отъ радости, что увидѣлъ его, обнимаетъ Бову ногами (I. 13. 101).

томъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ преподобнаго Антонія. Въ сагахъ имя Ильи греческаго упоминается въ XII и даже XI вѣкѣ. Въ норвежской Титриксагѣ, половины XIII вѣка, Илья названъ Ярломъ [151]) и братомъ великаго князя Владиміра, родившимся отъ наложницы; такимъ образомъ онъ смѣшанъ здѣсь съ самимъ Владиміромъ, который, по лѣтописному разсказу, происходитъ тоже отъ наложницы. Далѣе, изъ этой саги видно, что Илья былъ сильный богатырь, дрался въ войскѣ Владиміра и былъ намѣстникомъ въ городѣ Смоленскѣ [152]), въ то время, когда его осаждали варвары. Ученый Мюлленгофъ не сомнѣвается, что подъ именемъ Ильи греческаго въ сагахъ разумѣется нашъ русскій богатырь Илья Муромецъ (IV. 62).

Что касается до извѣстій объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, то уже въ 1594 г. славянинъ Лассота видѣлъ въ одной изъ *часовень* Кіево-Софійскаго собора полуразрушенную гробницу *Ильи Моровлина*. Вскорѣ послѣ того, при Петрѣ Могилѣ, останки Ильи были перенесены въ обновленныя пещеры преподобнаго Антонія, гдѣ они показаны на планѣ 1660 года (III. № 613). Въ это-же время монахъ Илья, рѣзавшій доски для изданія Кіевскаго Патерика, вырѣзалъ изображеніе тезоименитаго себѣ преподобнаго Ильи Муромца, въ видѣ полунагаго калечища (№ 1519). Картинка эта не была однако-же включена въ патерикъ, по той причинѣ, вѣроятно, что составитель патерика не рѣшился включить въ него свѣтски-сказочнаго житія богатыря Ильи Муромца.

Въ заключеніе замѣчу, что Илья Муромецъ пользуется особеннымъ уваженіемъ со стороны старообрядцевъ, какъ *столпъ православія*; въ поморскихъ отвѣтахъ своихъ они приводятъ руку Ильи Муромца въ подтвержденіе защищаемаго ими перстосложенія для крестнаго знаменія; противъ этого довода ихъ тогдашнее православіе и не возражало, хотя вслѣдъ за тѣмъ ловкій

---

[151]) Почетный титулъ (earl).

[152]) Въ одной былинѣ Илья Муромецъ освобождаетъ Смоленскъ (IV. Стр. 24. Прим. 26).

Θеофилактъ Лопатинскій, въ своемъ обличеніи неправды раскольнической, въ 1745 году, въ числѣ разныхъ благословящихъ и молитвенныхъ рукъ, приводитъ ту-же руку Ильи Муромца, но уже въ подтвержденіе триперстнаго сложенія (IV. 61).

Личности двухъ другихъ богатырей, Алеши Поповича и Добрыни Никитича, вышли въ былинахъ гораздо блѣднѣе.

Алеша богатырь рода Поповскаго, какъ повѣствуютъ сказители: «горделивъ, спѣсивъ, глаза поповскіе завидущи, руки загребущи»; на княжеской заставѣ онъ завѣдуетъ казной; онъ такъ жаденъ, что даже, убивъ Идолище, позарился на его красивое платье, переодѣлся въ него и въ этомъ платьѣ чуть-чуть не былъ убитъ своими-же собратіями, которые приняли его за самаго Идолища (IV. 102).

Въ сказкѣ Алеша названъ сыномъ извѣстнаго потаскуна Чурилы Пленковича [153]); по былинамъ онъ и является достойнымъ сыномъ такого батюшки: бабій потаскунъ, пересмѣшникъ и пустохвастовичъ,—какъ выражается сказитель,—гораздъ смѣяться чужимъ женамъ и молодымъ молодухамъ; да въ заключеніе всего, и сводникъ, который, по порученію Апраксѣевны, красавца Касьяна зоветъ къ ней въ спальную «на долгіе вечера» посидѣть на единѣ.

Какъ богатырь, Алеша Поповичъ представляется, также какъ и Добрыня, почти двойникомъ Ильи Муромца. Точно такъ, какъ Илья Муромецъ, побиваетъ онъ поганое Идолище (IV. 103); бьется съ Тугариномъ Змѣевичемъ, которому говоритъ тоже самое, что говоритъ Илья Муромецъ Идолищу, хотя при этомъ и сдѣлана прибавка изъ исторіи Александра Македонскаго [154]);

---

[153]) Чурило по сербски значитъ дѣтородный удъ; о дальнѣйшемъ значеніи этого слова, а также родственныхъ ему: Чурильи Игуменьи, Хотена Блудовича и Чесовой вдовы, см. въ алфавитн. указателѣ.

[154]) Передъ битвою Алеша говоритъ Тугарину: «у насъ былъ великъ закладъ биться одинъ на одинъ, а за тобою нынѣ сила идетъ несмѣтная»; оглянулся Тугаринъ назадъ, «а втѣ поры Алеша подскочилъ, да ему голову срубилъ» (IV. 104). Эти-же слова говоритъ Александръ Македонскій Пору, царю

вмѣстѣ съ Ильею Муромцемъ и Добрынею Никитичемъ стоитъ онъ на заставѣ княжеской и дерется въ битвѣ противъ басурманъ, и вмѣстѣ съ ними окаменѣваетъ въ бою противъ небесныхъ воителей.

Особенно большое количество былинъ, съ многочисленными пересказами ихъ, поется сказителями про богатыря Добрыню Никитича. Въ личности Добрыни изслѣдователи наши находятъ типъ удалаго наѣздника, варяжскаго дружинника высокаго происхожденія, который, какъ рыцарь, постоянно ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Нельзя не замѣтить однакоже, что эти качества, а равнымъ образомъ и княжеское его образованіе, ограничивавшееся, впрочемъ, умѣньемъ играть въ шахматы и скоморошничать на гусляхъ, не особенно ярко выставлены въ былинахъ. Замѣчаніе Безсонова, что образъ Добрыни по былинамъ значительно уступаетъ въ опредѣленности образу Ильи Муромца, вполнѣ справедливо: качества и подвиги этого послѣдняго такъ типичны и оригинальны, что ихъ нельзя приставить и присвоить другимъ богатырямъ; подвиги-же Добрыни, напротивъ того, не исключая даже битвы его съ Змѣемъ на Израй рѣкѣ, понабраны кусочками изъ разныхъ источниковъ и подвергнуты при этомъ только самой незначительной переработкѣ.

Начнемъ съ рожденія Добрыни; въ былинахъ разсказывается, что когда пришло время ему родиться, произошли разныя явленія въ природѣ: всколебалась земля, прибѣжало стадо змѣиное, да стадо звѣриное со львомъ во главѣ. По справедливому замѣчанію Вольнера, явленія эти заимствованы изъ былины о Волхѣ Сеславичѣ; тамъ они на своемъ мѣстѣ, и въ связи съ будущими подвигами колдуна Волха, отъ котораго, уже отъ пятилѣтняго, дрожала земля и спасались звѣри, птицы и рыбы; между тѣмъ какъ жизнь и подвиги Добрыни не представляютъ ничего общаго съ такимъ громкимъ началомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже

индійскому, на картинкѣ № 294; въ новѣйшее время находчивость эта повторена въ Офенбаховой «Синей бородѣ».

является трусомъ, какъ напримѣръ при встрѣчѣ съ нахвальщикомъ, отъ котораго онъ отмаливается Спасомъ и Богородицей: «унеси Господи отъ нахвальщика»[155]).

Разсказъ о боѣ Добрыни со змѣемъ представляетъ смѣшеніе легендъ о великомученикѣ Георгіѣ и Ѳедорѣ Тиронѣ и полное сходство съ ними не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ относительно освобожденія женщины изъ змѣиной пещеры, стоянія въ змѣиной крови и поглощенія этой крови разверзшеюся землею. Даже гласъ съ небесъ былъ слышанъ при этомъ Добрынею такой же точно, какой былъ слышанъ боровшемуся съ змѣемъ Ѳедору Тирону.

Другой разсказъ о томъ, какъ Добрыня встрѣтилъ поленицу Настасью и, чтобъ испробовать ея силу, началъ колотить ее въ голову, и какъ Настасья его къ себѣ въ карманъ положила, а потомъ замужъ за него вышла, заимствованъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ, котораго Святогоръ въ карманъ запряталъ; здѣсь разсказъ этотъ о боѣ богатыря Ильи, какъ обыкновеннаго смертнаго, съ полубогомъ Святогоромъ вполнѣ осмысленъ, между тѣмъ какъ, въ былинѣ о Добрынѣ, титаническая богатырша Настасья представляетъ какую-то шутовскую вставку и нисколько не вяжется съ кроткою и любящею личностью жены Добрыни, Настасьи Никуличны, которая никакими богатырскими подвигами во всю жизнь свою не занималась. Замѣчу, что даже подробности въ этомъ разсказѣ, и слова, которыя говоритъ Добрынѣ поленица: «думала, что это русскіе комарики покусываютъ, а это русскіе богатыри пощелкиваютъ»,— тѣ-же самыя, что и въ разсказѣ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ богатыремъ Святогоромъ.

Былина о томъ, какъ жена ждала Добрыню 12-ть лѣтъ и потомъ, получивъ извѣстіе, что Добрыня померъ, вышла за мужъ за Алешу Поповича, и какъ Добрыня явился на сватебный пиръ

---

[155]) Сходство начала былины о Добрынѣ съ былиной о Волхѣ идетъ еще далѣе: объ этомъ послѣднемъ разсказывается, что онъ, точно также, какъ и Добрыня, 12-ти лѣтъ кончилъ свое обученіе и собралъ себѣ дружину изъ 30-ти богатырей (IV. 75).

и разстроилъ сватьбу,—заимствована почти цѣликомъ изъ другой превосходной былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и Запавѣ Путятичнѣ. Соловья усылаетъ мать за море, точно такъ, какъ князь Владиміръ усылаетъ Добрыню къ басурманамъ; о Соловьѣ, точно такъ, какъ и о Добрынѣ, прошелъ слухъ, что онъ померъ, вслѣдствіе чего въ обѣихъ былинахъ князь Владиміръ является сватомъ и насильно заставляетъ выходить за мужъ, въ первой былинѣ Настасью за Алешу Поповича, а во второй Запаву за Голаго Щапа. И тамъ и тутъ настоящій мужъ является на сватебный пиръ [156]), а невѣста кричитъ, чтобъ её пустили къ нему, не тò, дескать: «прямо скачу, обезчещу столы», и затѣмъ отпускаетъ оконфуженному жениху остроту поморскаго засола: «здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать». Въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, въ концѣ, примѣшанъ только прозаическій эпизодъ о томъ, какъ Добрыня Алешу Поповича бросалъ о кирпичный полъ, ухаживалъ гусельками и забилъ почти дò смерти.

Что касается до сказокъ и былинъ о похожденіяхъ Добрыни съ Мариной Игнатьевной, то составленіе ихъ не могло имѣть мѣста ранѣе XVII вѣка, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ Маринкой разумѣется Марина Мнишекъ, жена Самозванца; Игнатьевной же она названа въ былинѣ по имени Игнатія, бывшаго два раза патріархомъ въ смутное время. Змѣй Горынычъ изображаетъ Самозванца Отрепьева, а прогнавшій его Добрыня Никитичъ есть никто иной, какъ Филаретъ Никитичъ, ибо и самое греческое имя Филарета, въ переводѣ на русскій языкъ, равнозначуще имени Добрыни (IV. 79). Хотя разсказъ этотъ долженъ быть признанъ до нѣкоторой степени русскимъ издѣліемъ, однако и здѣсь

---

156) Въ первой былинѣ Добрыня Никитичъ является изъ дальней отлучки сперва въ свой домъ и открывается матери, которая узнаетъ его по родинкамъ, точно такъ, какъ кормилица узнаетъ Улисса въ Одиссеѣ. Долговременная отлучка витязя, во время которой жена его готовится вступить во вторичный бракъ, возвращеніе его въ образѣ странника, кольце опущенное въ кубокъ, по которому жена узнаетъ своего мужа,—всѣ эти эпизоды встрѣчаются въ чешской повѣсти о Брунцвигѣ, передѣланной въ XVI вѣкѣ изъ нѣмецкой поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ и переведенной на русскій языкъ (А. Веселовскій: Исторія русск. литерат. Галахова, 444).

нѣтъ ни одной оригинальной подробности; всѣ онѣ понабраны изъ разныхъ источниковъ, своихъ и чужихъ. Въ описаніи двора Маринки повторено описаніе двора Соловья разбойника изъ былины; разсказъ о томъ, какъ Добрыня пустилъ стрѣлу въ голубей миловавшихся на окнѣ Маринки, какъ стрѣла разбила оконницу, и какъ передъ Добрыней предстала Маринка въ одной рубашечкѣ, — прямо взятъ изъ еврейскаго апокрифа о Давидѣ и Вирсавіи; превращенія Добрыни въ Тура и разныхъ другихъ звѣрей, а также и самой Маринки, сперва въ ласточку, а потомъ въ долгохвостую суку или сороку, сильно напоминаютъ арабскія сказки 1001 ночи; казнь Маринки взята изъ былины Ивана Годиновича, въ которой Годиновичъ, отрубивъ у жены руки, ноги, губы, голову, говоритъ даже тѣ самыя слова, которыми учитъ Маринку Добрыня; такимъ образомъ изъ всего разсказа оригинальною остается одна голая канва.

Затѣмъ въ сборникахъ слѣдуетъ цѣлый рядъ былинъ, сложенныхъ про другихъ богатырей, и въ которыхъ только имена этихъ богатырей замѣнены именемъ Добрыни; сюда относятся: разсказъ, цѣликомъ взятый изъ былины о бояринѣ Ставрѣ и его женѣ съ курьезной загадкой поморскаго засола (IV. 95); одинъ изъ разсказовъ о Чурилѣ Пленковичѣ, забравшемся къ молодой женѣ стараго Бермяты, Катеринѣ, тоже съ поморскою солью; разсказы о томъ, какъ рѣчка Смородинка утопила Добрыню за его хвастливость, относящійся совершенно къ другому богатырю, и какъ Добрыня велъ со смертью разговоръ, который на картинкѣ № 751 ведетъ съ нею воинъ Аника; три разсказа о Добрынѣ, изъ которыхъ одинъ, о битвѣ съ Тугариномъ Змѣевичемъ съ бумажными крыльями, вполнѣ сходенъ съ такимъ-же разсказомъ объ Алешѣ Поповичѣ, другой, о битвѣ Добрыни съ Алешей Поповичемъ, переиначенъ изъ битвы Еруслана съ Иваномъ богатырёмъ, а третій, о томъ, какъ Алеша Поповичъ воскресилъ изрубленнаго въ куски Добрыню, посредствомъ живой и мертвой воды, которую принесъ ему воронъ, заимствованъ изъ сказки объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ (№ 40), и наконецъ нѣсколько раз-

сказовъ, цѣликомъ заимствованныхъ изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, а именно: о томъ, какъ Добрыня перескочилъ на конѣ своемъ двѣ басурманскія ямы, а въ третьей увязъ, но потомъ, подобно Муромцу, высвободился изъ нея и перебилъ силу басурманскую, какъ Добрыня бился съ нахвальщикомъ, который оказался его сыномъ, королемъ бухарскимъ. Въ виду такихъ капитальныхъ позаимствованій нельзя не сознаться, что, какъ въ основѣ всѣхъ былинъ и сказокъ про Добрыню Никитича, такъ и въ обработкѣ ихъ подробностей, чрезвычайно мало оригинальнаго [157]).

Имена Добрыни и Алеши Поповича встрѣчаются и въ нашихъ лѣтописяхъ; въ Никоновской лѣтописи, подъ 1216 годомъ, и у многихъ другихъ лѣтописцевъ, упоминаются богатыри: Добрыня Рязаничъ, златой поясъ, и Александръ [158]) Поповичъ, *силенъ богатырь*, со своимъ слугою Торопомъ [159]); всѣ они были убиты въ битвѣ при Калкѣ (IV. 110), вмѣстѣ съ 70 другими богатырями. Кромѣ Добрыни Рязанича, златаго пояса, въ исторіи нашей упоминаются еще Добрыня Судиславичъ, дядя Владиміра, правитель Новгорода, поставившій тамъ истукана Перуна на берегу Волхова, а потомъ сдѣлавшійся такимъ ревнителемъ христіанской вѣры, вмѣстѣ съ воеводой Путятой, что о нихъ сложилась старинная пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ» (IV. 111). Странно, что ни въ одной изъ лѣтописей не упоминается о старѣйшемъ изъ всѣхъ богатырей нашихъ, Ильѣ Муромцѣ, хотя имя его, какъ мы замѣтили выше, не разъ встрѣчается въ норвежскихъ сагахъ, гдѣ онъ названъ братомъ Владиміра отъ наложницы; по догадкамъ Буслаева, Добрыню можно считать

---

[157]) Рембо справедливо замѣчаетъ, что Добрыня, и въ качествѣ покорителя темнаго змѣя, представляется какъ бы двойникомъ Ильи Муромца (Rambaud, Russie épique, 66). Такое же сходство представляетъ онъ съ Муромцемъ и по своимъ битвамъ съ басурманами; въ этомъ отношеніи онъ съ Муромцемъ и Алешей Поповичемъ представляетъ нераздѣльную боевую троицу.

[158]) Былинное имя Алексѣя передѣлано изъ Александра или Олексы (см. выше, стр. 101).

[159]) Въ сказкѣ Торопъ является слугою Добрыни (I. № 6).

братомъ незаконной матери Владиміра, наложницы Святослава, Малуши (IV. 111); догадки эти можно бы повести еще далѣе: наши богатыри Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ — не составляютъ-ли одно и тоже лице, и христіанское имя Ильи не принято-ли Добрынею при крещеніи, взамѣнъ его языческаго имени? Поморскія былины не противорѣчатъ такому предположенію; а родовитость Ильи, какъ брата или дяди Владиміра, подтверждается извѣстіемъ Лассоты о томъ, что гробница его показывалась рядомъ съ гробницей другаго богатыря (можетъ быть другаго брата Владиміра), причемъ обѣ гробницы были поставлены, каждая *въ особомъ придѣлѣ*, при соборной церкви въ Кіевѣ (IV. 60) [160].

8. Богатырь Усыня Горыничъ. Въ сказкѣ Аѳанасьева Усыня и Горыня (онъ же Валигора и Вертигоръ) представлены двумя отдѣльными богатырями: Горыня цѣлый вѣкъ свой ворочаетъ горы, а Усыня лежитъ на берегу рѣки, сперъ ее ртомъ, и ловитъ усами рыбу (Аѳанас. I. 373—381); по его усу, словно по мосту, пѣшіе идутъ, конные скачутъ, обозы ѣдутъ. Какъ Усыня, такъ и Горыня ведутъ войну съ длиннобородымъ карликомъ (Аѳанасьевъ IV. 120); въ нашей картинкѣ оба эти богатыря соединены въ одно лице *). Въ каличьихъ пѣсняхъ Усыня Горыничъ *змѣй*, и называется тоже *горынчищемъ* и *пещерной змѣей* (П. В. Безсоновъ, Калики, I. 505). Въ сказкахъ упоминается еще о богатырѣ Горыничѣ такой непомѣрной силы, что и земля его не могла держать (См. выше стр. 19).

Изъ богатырей этого разряда въ русскихъ сказкахъ встрѣчаются еще *Дубыня* или вертидубъ, спеціальность котораго заключается въ выворачиваніи съ корнемъ дубовъ (Аѳанасьевъ, IV. 120) и *Дугиня* (I. 381).

---

160) Причемъ Илья названъ Моровлинъ (morovlin), т. е. строитель-каменщикъ (муровщикъ),—имя Муромца могло быть передѣлано изъ муровлеца народными сказителями, изъ числа ходившихъ смотрѣть руку Муромца, и не понявшихъ хорошенько настоящаго его названія (IV. 61).

*) Ему должно быть съ родни приходится баба Горынинка, которой Добрыня голову срубилъ (IV, стр. 55 и 94).

9. Сильный богатырь Буслай Буслаевичъ. Въ былинахъ про Буслая разсказывается: «Жилъ былъ Буславъ въ Новѣ-градѣ, жилъ Буславъ девяносто лѣтъ, жилъ Буславъ цѣлу тысячу; живучи Буславъ не старился, не старился переставился. Съ Новымъ-городомъ Буславъ не спаривалъ, съ каменной Москвой преты не было» (Рыбн. III. 233). По словамъ жены его, Амелфы Тимоѳеевны, «не имѣлъ онъ въ карманѣ вѣдь ста рублей, а имѣлъ онъ дружину хоробрую» (Кир. V. 21. 32; Рыбн. I. 356, II. 202. 207; Кирша Даниловъ 9).

Въ сказкахъ Чулкова (Кир. IV. 209) Буслай или Богуслай названъ княземъ Новгородскимъ, умершимъ 90 лѣтъ отъ роду; послѣ него осталась вдова Амелфа Тимоѳеевна и сынъ Василій Буслаевичъ, подвиги котораго, заключавшіеся въ усмиреніи новгородскихъ вѣчниковъ, описываются въ сказкѣ. Картинка наша, по всей вѣроятности, и должна представлять этого послѣдняго врага новгородской вольницы, а не отца его, человѣка ничѣмъ не замѣчательнаго.

Отрокъ Василій Буслаевъ, разсказывается въ сказкѣ, оставшись сиротою послѣ смерти отца своего, для препровожденія времени началъ рвать руки и головы посадскимъ ребятамъ, а потомъ подобралъ себѣ двухъ товарищей Ѳому да хромаго Потаню. Описаніе выбора этихъ богатырей очень характерно. Василій Буслаевъ поставилъ чанъ водки, приказалъ спустить въ вино чарки въ 30 пудъ каждую, и кликнуть кличъ: «кто хочетъ въ холѣ пожить, пусть придетъ на дворъ, не обсылаючи, спросясь только съ своей силою». И пришелъ на дворъ Ѳома Ременниковъ, взялъ себѣ чару въ 30 пудъ въ руки, зачерпнулъ изъ чана вина, и напился. Увидавъ такую силу, Буслаевъ бѣжитъ внизъ съ вязовою дубиною, налитою свинцомъ, и прямо грохъ Ѳому въ правое ухо. На Ѳомѣ головушка и не тряхнулася! И назвалъ его Василій Буслаевичъ себѣ братомъ и товарищемъ. Точно такимъ же манеромъ посвященъ въ товарищи и хромой Потаня; только его уже колотилъ дубьемъ по уху не одинъ Буслаевичъ, а вдвоемъ съ Ѳомою; за то Потаня и силою былъ повыше Ѳомы: онъ просто

на просто взялъ себѣ чанъ съ водкою за ушки да и выпилъ все вино залпомъ, не прибѣгая къ чаркѣ. За тѣмъ въ сказкѣ разсказывается, какъ Новгородцы хитростію заманили Буслаева къ себѣ на пиръ и напоили его, какъ Буслаевъ сталъ похваляться, что быть ему княземъ надъ всею Русью новгородскою, и какъ Новгородцы, обидѣвшись на это, послали на Буслаева рать изъ посадскихъ. Рать эту побила сперва, находившаяся въ услуженіи у Буслаева, дѣвка чернавка чугунымъ коромысломъ въ 300 пудъ, а потомъ доколотилъ самъ Буслаевъ дубовою осью. Тогда Новгородцы уже покорились подъ его власть.

Очень характеренъ при этомъ разсказъ, какъ Новгородцы, видя погибель посадскихъ отъ Буслаева, прислали на помощь къ нимъ богатыря-старчище (Андронище—Рыбн. III. 239), который уже много лѣтъ передъ тѣмъ въ кельѣ сидѣлъ, никуда не выходилъ. Старчище снялъ съ колокольни вѣчевой колоколъ въ 600 пудъ, надѣлъ его себѣ на голову, вмѣсто шапки, и выступилъ противъ Буслаева; но Буслаевъ однимъ ударомъ разбилъ колоколъ въ дребезги, а старчище поставилъ на колѣна. Тѣмъ и покончилась вѣчность Новгородская.

10. Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ. Кромѣ двухъ изданій, приведенныхъ у насъ въ описаніи, существуютъ еще два изданія: 1) 1827 года (годъ этотъ означенъ въ концѣ сказки), гдѣ первая страница текста заканчивается словами: «свою мїлось црскую». Въ этомъ изданіи, въ текстѣ, сдѣланы нѣкоторые выпуски, на мѣстѣ которыхъ оставлены пробѣлы; а именно:

На стр. 10-й, послѣ словъ: «входїтъ онъ въ белъ шатеръ», выпущено: «образу божію молится».

На стр. 12-й, послѣ словъ: «въходитъ въ белъ шатеръ», выпущено: «не устрашаючись забылъ и образу божію помолиться».

На стр. 13-й, послѣ словъ: «вшелъ в белъ шатеръ», выпущено: «образу божію молится».

На стр. 16-й, послѣ словъ: «и пять черни милноновъ», выпущено: «а священнаго чина всѣхъ», и послѣ словъ: «оплача своего», выпущено: «образу божію молится».

На стр. 23-й, выпущено: «образу божію молится» и: «младенцевъ крестилъ всвою вѣру».

На стр. 24-й, выпущено: вѣдаю, что нехощетъ богъ смерти грешникомъ».

На стр. 26-й, выпущено: «повелѣлъ имъ въ церковь идти», «со обрученною княгинею» и: «новообрученный князь».

На стр. 29-й, выпущено: «и надѣлъ на себя порфиру царскую и злотой вѣнецъ (Еруспанъ)».

2) Изданіе *г*, съ тѣми же пропусками, но безъ пробѣловъ.

Оба изданія находятся въ собраніи П. А. Ефремова.

Текстъ нашей сказки почти дословно перепечатанъ изъ книги: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или настоящія русскія сказки. З. С. И.» СПБ. 1786. 16° *),—съ незначительными измѣненіями.

Въ Лѣтописяхъ Тихонравова (III. Отд. II. Стр. 100) сказка эта напечатана по старинному рукописному оригиналу, написанному совершенно другимъ языкомъ и въ другой редакціи, противъ нашей, подновленной; многія мѣста въ ней полнѣе и подробнѣе, другія же значительно сокращены, причемъ большинство именъ собственныхъ лицевой сказки, въ древнемъ спискѣ выпущены **). Нашъ царь Картоусъ названъ въ Тихонравовскомъ спискѣ Киркоусомъ Киркодановичемъ, дядя его — Залазаремъ Залазаревичемъ, Ерусланъ—Урусланомъ (карт. 1). Въ нашей

---

*) Безъ лицевыхъ изображеній сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ напечатана еще отдѣльными книжками: въ С.-Петербургѣ, въ 1792 и 1797 г., и въ Москвѣ, въ 1820 году.

**) Въ сборникѣ, въ которомъ находится эта сказка, помѣщены, кромѣ того: повѣсть о царѣ Михаилѣ, Троянская исторія и др.; въ концѣ его сдѣлана слѣдующая приписка: «Сия книга, глаголемая собраніе історнов вознесенскаго дѣвича монастыря монахини Любви Степановой, которую подарилъ Чюдова монастыря монах іерей Каріонъ Істоминъ» (въ Москов. пуб. музеѣ, изъ собр. В. Ундольскаго, № 930).

сказкѣ Еруслапъ уѣзжаетъ изъ отеческаго дома 12 лѣтъ (а не 15) на *коростовой* кобылѣ, о которой въ древнемъ спискѣ не упоминается. Ивашкинъ конь въ древнемъ спискѣ называется свтегиляй, а въ лицевой—алой тигиляй (карт. 3). Конь Еруслана въ древнемъ спискѣ названъ Арашемъ (карт. 5). Названія «бѣлая епанча, сорочинская шапка», прибавленнаго къ имени «Ивашки бѣлой поляницы», въ древнемъ спискѣ нѣтъ; тоже нѣтъ въ немъ и имени царя Далмата (карт. 13). Царь пламенный щитъ названъ въ древнемъ спискѣ: «зеленый царь, пламенный щитъ». Царевенъ, съ которыми забавляется Еруслапъ въ шатрѣ, по древнему списку только двѣ, а не три; въ немъ нѣтъ тоже названій: Щитинъ градъ, градъ Дерби, и именъ царевенъ Поликаріи, Настасьи Вахрамѣевны, Продоры, Тибубриги, Легіи, царицы Епистиміи, царя Вахрамѣя и богатыря Рослапея Прохоровича или Прохозовича.

Кромѣ того, въ древнемъ спискѣ находятся два слѣдующіе разсказа, изъ которыхъ первый въ нашей сказкѣ переиначенъ, а второй совсѣмъ выпущенъ.

1) Рать Ѳеодула змія побиваетъ не одинъ Иванъ Русскій богатырь, а вдвоемъ съ Урусланомъ: «сколько де, брате, чаеш рати бит», говоритъ Урусланъ», а тог болши смотри, чтоб не ушел Ѳеодул змей; как он побежит, такъ мнѣ скажи: яз еще ево не знаю; и толко он нынеча убежит, Ѳеодул змей, и нам ево не добыт, а тебѣ красной царевны не видати. И так пособил Богъ Уруслану, побили с половину рати и Ѳеодул змѣй побежал, и Уруслан издалече усмотрил и по указу опознал его кон Ѳеодулов, Кутас зелен: и Уруслан погонился за Ѳеодуломъ змеемъ на своемъ вещем Араше, а молвил Уруслан: Брате де мой, доброй кон, вещей Арашъ! служи ты мнѣ ту службу первую: не упусти ты мнѣ не друга брата моег кня Ивана, занеж есми с нимъ впервые познался. И вещей Арашъ молвит: Господине де Урусланъ: тобя, государя своег, блюдус, а тот кон, что под Ѳеодуломъ змеем, мнѣ болшой брат, а оба есми кони от водяных коней прироженіе наше, а нынеча тебѣ, государю своему, послужу, толко не уполо-

шейся: скачи на озеро, не бояся. Уруслан же добре учинился тому слову весел и напустил своег доброго коня за Өеодулом змеем. И какъ прискакалъ близко, Өеодул змей на озеро побежал, кон под ним какъ сокол полетел. И Уруслан пустил своег вещег Араша на озеро, и доброй кон, вещей Араш по озеру, поверхъ воды какъ сокол полетел, что по мосту скачетъ. И какъ угонил Уруслан Өеодула змея и бурой кон молвит, которой подъ Өеодулом Змеем, своему брату Урусланову коню, вещему Арашу: Брате мой Араш! вѣдаеш и сам, что я тебѣ болшой брат, а ты хош чти Урусланов, что за мною гонишъся: а яз чти хочю великому царю Өеодулу змею. Арашъ де вещей молвит: Брате мой, бурой кон! ты хошъ чти Өеодулу змею не на долго, до тѣхъ местъ, покаместь Өеодула змея достанетъ Уруслановa рука, и яз своимъ государемъ векъ коротати хочю. И какъ де Өеодул змей утек в каменные ворота городовые, и по божию веленью Уруслан Өеодула достал по шелому и розсѣкъ ево на двое до седла и бурово коня пересѣкъ на двоежъ» (Лѣтописи русск. литерат. III. 110) *).

2) Послѣ того какъ Урусланъ рѣшился добыть печень Зеленаго Царя, пламеннаго щита: «и поѣхал изъ княз данилова княжения Бѣлово, а самъ, едучи раздумывает на великом своемъ разуме, гдѣ достат Зеленог Царя: ни в которой земли слухом не слыхано. И поехал Уруслан в далные земли и сам не вѣдаетъ, куды ѣхат. И наѣхал Уруслан, в поле стоит дуб краковистъ велик добре, стоитъ середи поля: со всѣ стороны ни откуду лѣсу нѣтъ, а около тог дуба мног дорог пробито, а езжено перед ним недавно. И Уруслан учал мыслити на своем умѣ: откуды тѣ дороги пробиты и которой земли и какие тою дорогою люди ездили. И учал Уруслан тѣ дороги разъезжати, и учал дивитися,

*) Въ качествѣ змѣинаго покорителя имя Еруслана упоминается даже въ одномъ малороссійскомъ заговорѣ противъ змѣинаго укуса: «На осіянскомъ мори стоитъ дубъ, а въ томъ дубѣ Ярославъ Лазуревичъ: Ярославъ Лазуревичъ! не будешь ты своего гаду сбирати, изъ желтой кости зуба вынимати—полевой,-медовой, травяной, болотняной—побьетъ тебя день Середа! Аминь» (А. Веселовскій: Исторія русск. литерат. Галахова, 432).

что стоит дуб велик ис пустоши, а дороги около дуба все лежат. И стал Уруcланъ под дубом, притуляс и учал стеречи, кто тѣ дороги пробил. И какъ будет тогож дни въ полдни, ажно летит великое стадо птиц хохотуней, да учали около дуба садитися кругом; посидев немного, да сошли з дуба на землю да учали изметоватися красными девицы *). И Уруслан, стоячи, ужаснулся, а се молвил себе: По ся мѣстъ де я никакова человѣка не уполошевался; а самъ напустил на них вещег своего Араша, добраго коня. И девки все взлетели птицами на дуб, и Уруслан ухватил девку и девка учала изметоватися всякими зверми, и всякою птицею, и всякою гадиною. И Уруслан держитъ еѣ крепко и, как девка всем переметалас и не могла ничем перекинутися, и девка молвитъ Уруслану: Чего, Сударь, хочеш у меня, что держишъ меня крепко? И Уруслан молвит: Девка. У вас крыле, вы летаете по многим землям и по многим царствам; скажи мнѣ: слыхали ли есте на море Зеленог Царя, вогненног щита, пламенного копъя, а ездит он на осмероногомъ конѣ? И девка молвит: Господине Уруслан! есть Зеленой Царь, да никаков человѣкъ не может живъ его видети: И Уруслан молвит: Девка! того ты мнѣ не сказывай: не поставиш ты меня, в царстве Зеленог царя часа тог, тобѣ живой не быти и отпуску себѣ не чай отъ меня. И девка молвит: Господине Уруслан! до Зеленого царя далеко: одному ехати от сѣхъ мѣстъ 12 мѣсяцовъ, и яз того часу поставлю у Зеленог царя, толко меня не издержи ты, отпусти. И Уруслан молвит: Девка! как ты меня поставишъ у Зеленог царя, тот часъ тебя отпущу, не издержу. И девка молвит: Господине Урусланъ! коли ты так говоришъ, і ты зажмурся, а яз тебя посътавлю у Зеленог царя в царстве. И Уруслан зажмурился, да ступил трижды на своемъ добромъ конѣ, вещем Араше, и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. Ажно Уруслан стал на чистом поле под царством Зеленого Царя, и Уруслану па ум не взойдет, что

*) См. о такомъ же превращеніи голубицъ въ красныя дѣвицы въ сказкѣ о Иванѣ Царевичѣ и Царь дѣвицѣ (I. 131).

девка отпустит — ино назад не быти, дороги не познати. И Уруслан молвил: Девка! убьет меня Зеленой Царь, ино готова тебѣ простыня; а буду жив, и ты поставъ меня во княз данилово княжение Бѣлово. И приковал Уруслан девку у стремени у доброго своего коня, а сам Уруслан пошел к царству Зеленого царя».

Когда Урусланъ убилъ Зеленого царя то «вспорол ему могучюю груд и емлет в вощаночку кров горючюю и вымает свежую печен и обертел в шириночку и положил въ саадак, и вышел Урусланъ из царства Зеленого царя вонъ. И пришол к своему доброму коню, вещему Арашу, и учал девку откавыват; а сам учал говорит: Девка! постав ты меня во княз данилово княжение Бѣлово часа тог. И девка молвит: Господине Уруслан! поставлю яз тебя под тем же дубомъ, под которым яз тебя взяла. И девка молвит: Господине Уруслан! Зажмурся. А вещей Араш трижды ступил и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. И Уруслан прозрил: ажно стал под темже дубом, под которым его девка взяла. И стал Уруслан добре рад и девку от стремени откавал да отпустил на волю. И девка полетела птицею хохотунею; и сама девка молвит: Не дай Богъ впред под темъ дубом бывати, хотя векъ не играти» (Лѣтописи древн. лит. III. 118).

Ученый Гримъ еще въ 1831 году замѣтилъ, что сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ составляетъ отрывокъ изъ цѣльной поэмы, и что можно предположить, что въ сказкахъ о Ерусланѣ и Ильѣ Муромцѣ заключается главная основа эпическихъ народныхъ поэмъ, которыхъ стиль и размѣръ походятъ на таковые же въ сербскихъ поэмахъ *). Вслѣдъ за Гриммомъ и большинство нашихъ археологовъ признали за этой чисто восточной сказкой азіатское происхожденіе. В. В. Стасову выпала честь доказать это положеніе Гримма самымъ нагляднымъ и несомнѣннымъ способомъ:

*) In einigen Erzählungen möchte man, nach ihrem ganzen Gang zu schliessen, die Grundlage eines epischen Volksliedes, im Stil und Metrum der Serbischen vermuthen, namentlich in Nr. 17. von Ieruslan und in Nr. 6. von Ilija... Russische Volksmärchen.... von A. Dietrich mit einem Vorwort von Iacob Grimm. Leipzig, 1831. S. VII.

по его изслѣдованіямъ оказалось, что сказка объ Еруслан҄ѣ заимствована изъ персидской поэмы Шахъ-Наме, при чемъ, по русскому обычаю, имена собственныя передѣланы по своему: изъ Зальзера вышелъ Лазарь, изъ Кейкауса—Киркоусъ Киркодамовичъ, а изъ персидскаго коня Ракша—Арашъ*). Въ описаніи приключеній Еруслана Лазаревича сходство нашей сказки съ поэмою Шахъ-Наме еще очевиднѣе. Главнѣйшія черты той и другой, какъ замѣчаетъ Стасовъ, вполнѣ тождественны: добываніе богатырскаго коня, бой съ дракономъ (который замѣненъ въ сказкѣ богатыремъ Иваномъ) и помощь, оказываемая при этомъ со стороны коня Ракша, побѣда надъ дивомъ Ѳеодуломъ-Змѣемъ, побѣда надъ бѣлымъ дивомъ—княземъ Даніиломъ бѣлымъ, излеченіе слѣпоты царя посредствомъ вражьей крови, рожденіе сына Еруслапова, единоборство Еруслана съ этимъ сыномъ (они не знали другъ друга),—все это существуетъ, какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ персидскомъ оригиналѣ. Въ концѣ подробнаго изслѣдованія своего Стасовъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «богатырская сказка объ Еруслан҄ѣ Лазаревичѣ происхожденія нерусскаго—она ведетъ свое начало съ Востока, но вышла не изъ сказокъ, а изъ поэмъ, легендъ, пѣсень и сказаній древнѣйшаго востока. Нельзя указать, по крайней мѣрѣ теперь, одного отдѣльнаго произведенія, откуда она была бы переведена или заимствована: она имѣетъ многочисленные пункты ближайшаго сходства съ весьма разнообразными произведеніями восточной литературы, и представляется всего скорѣе какъ бы народной компиляціей, въ продолженіе долгаго времени сложившейся мозаикой, изъ разнородныхъ древнихъ мотивовъ (стр. 174); цѣльной же повѣсти о Еруслан҄ѣ Лазаревичѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ нашей русской сказкѣ, не найдено до сихъ поръ ни на одномъ языкѣ». По замѣчанію О. Миллера, иноземная основа восточной поэмы подверглась въ нашей сказкѣ чисто русской

*) У Марка Королевича былъ тоже конь *Шарацъ*; оба эти названія Арашъ и Шарацъ очевидно передѣланы изъ одного и тогоже Ракша.

переработкѣ *), хотя большое число иностранныхъ именъ, сохранившихся въ нашей сказкѣ и неимѣющихъ ничего общаго съ персидскими названіями **), и самое измѣненіе характера героя сказки ***), а равно и незначительная вставка русскихъ именъ, богатыря Ивана и поляницы Ивашки ****),—наводятъ на мысль, что русская сказка скорѣе всего *переводная*, съ готоваго западнаго или юго-славянскаго *****) оригинала.

11. А. **Бой Еруслана съ Змѣемъ.** Прибавить другой переводъ этой картинки: Еруслань бьется съ десятиглавымъ змѣемъ, у котораго три головы уже отрублены. Подпись таже, что̀ и на № 11; картинка листовая, гравирована на мѣди въ концѣ прошедшаго вѣка (Въ моемъ собраніи).

15. **Исторія о Бовѣ.** У меня есть еще два изданія сказки о Бовѣ: *е*—конца прошедшаго вѣка, въ которомъ послѣдняя строка текста 1-й картинки состоитъ изъ полуслова: «идано», и *ж*—съ той же доски, но грубо выправленной рѣзцемъ; земля, на которой стоитъ Бова во 2-й картинкѣ, заштрихована въ изданіи *е* въ одну черту, а въ изданіи *ж*—въ двѣ, на̀крестъ.

18. Сказка о Бовѣ Королевичѣ полная, въ 32-хъ картинкахъ. Кромѣ поименованныхъ изданій, есть еще изданіе, сдѣланное съ досокъ изданія *б*, но съ помѣтою на первой страницѣ: «Печ. Поз. 1839 г. Маія 12 д. Ценз. Михайла Коченовскій» (У П. А. Ефремова). Наша сказка (полная) о Бовѣ перепечатана дословно съ типографскаго изданія, носящаго названіе: «Знатная сказка о

*) С. Миллеръ, Илья Муромецъ, 46.

**) Продора, Легія, Тибубрига, Назарія, Поликарія, Епистимія, Прохозъ, Далматъ, Кандаула, градъ Дерби, градъ Щитинъ.

***) Которому въ сказкѣ приданъ рыцарскій характеръ, такъ напримѣръ: въ Шахъ-Наме Рустемъ выручаетъ Кей Кауса и принимаетъ отъ него дары; въ сказкѣ, напротивъ того, Еруcланъ ничего не беретъ отъ Киркоуса, говоря: «либо корыствоваться, или богатыремъ слыть»; точно также не взялъ онъ ничего и послѣ Ивашки бѣлой поляницы.

****) Имя Еруслана—татарское: въ Оренбургской губерніи есть рѣка Еруслань, а въ Самарской—уѣздный городъ Бугурусланъ.

*****) На что намѣкаетъ и имя Еруслановой супруги, названной на одной картинкѣ прекрасной Миленой (№ 35).

славномъ, храбромъ витязѣ бовѣ королевичѣ». СПБ. 1790. Другія изданія ея: СПБ. 1791 и 1815; Москва 1820, 1857 и мн. др.

Въ нашихъ рукописныхъ источникахъ сказка о Бовѣ появляется въ сборникахъ XVII—XVIII в.*). Относительно происхожденія исторіи о Бовѣ королевичѣ Яковъ Гриммъ первый указалъ на заимствованіе ея изъ четвертой книги поэмы Reali di francia, сочиненной, какъ полагаютъ, въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка Алкуиномъ. Въ «Collezione di opere inedite, Bologna 1872» приведены разныя редакціи романа Бовы; изъ нихъ англійская редакція существенно разнится съ текстомъ нашего Бовы: въ ней приведены не только другія имена, но и другія происшествія. Отецъ Бовы, Гюйонъ Ханстонскій, живетъ въ Англіи. Жена его Брандорія, недовольная старымъ своимъ мужемъ, объясняется въ любви (какъ и въ нашей сказкѣ) Дуну изъ Маинца, который приходитъ на ея зовъ, убиваетъ Гюйона, и женится на Брандоріи, которая, вслѣдъ за тѣмъ, приказываетъ продать сына своего Бову въ Армянское царство; здѣсь влюбляется въ него дочь короля Гермина Іозіана. Спустя малое время на царство Гермина нападаютъ Дамасскій король Брайдамонтъ и персидскій Данебусъ, и берутъ Гермина въ полонъ. Но Бова садится на своего коня Арунделя, разбиваетъ обоихъ королей, и освобождаетъ Гермина. Вмѣсто благодарности Герминъ, обозлившись на Бову за любовь его къ Іозіанѣ, предательски посылаетъ его отнести Брайдамонту письмо, въ которомъ заключалось при-

*) У Пыпина (Очеркъ, 248) поименованы слѣдующіе списки ея: 1) Пуб. Биб.—сборникъ конца XVII в., 27 л., 365: «сказаніе про храбраго витезя про Бову Королевичу»; 2) Пуб. Биб.—сборн. нач. XVIII в., съ тѣмъ же почти заглавіемъ; 3) Погод. № 1773—сборн. XVIII в: «сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно»; оно начинается такъ: «Бысть нѣкій король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ (юноша) велми храбръ, и збиралъ себѣ въ градѣ храбрыхъ витязей въ златыхъ поясѣхъ, и охочь былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы» и т. д.; вообще съ такими прибавками, замѣчаетъ Пыпинъ, которыхъ въ другихъ спискахъ обыкновенно небываетъ (248), и 4) Погодин. № 1778—1780. Забѣлинъ упоминаетъ кромѣ того о потѣшной книгѣ, въ лицахъ, о Бовѣ Королевичѣ, принадлежавшей царевичу Алексѣю Петровичу въ 1693 году (Бытъ царей, 117).

казаніе умертвить Бову. Брайдамонтъ запираетъ Бову въ темницу, изъ которой тотъ однакоже бѣжитъ, и возвращается къ Іозіанѣ, уже помолвленной въ то время за короля Иворина. Влюбленные бѣгутъ; Ивоpинъ посылаетъ вслѣдъ за ними гиганта Ахопарта, который, какъ и нашъ Полканъ, побѣжденъ Бовою, принимаетъ христіанство и становится другомъ Бовы. Вскорѣ послѣ того Бова оставляетъ жену свою въ Кельнѣ (Colonia), а самъ отправляется въ Лондонъ, гдѣ обвиняетъ передъ королемъ Вильгельмомъ короля Дуна въ убійствѣ отца, дерется съ Дуномъ на поединкѣ, и убиваетъ его. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о разныхъ подвигахъ Бовы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ нашей сказкѣ и заканчиваются извѣстіемъ, что одного изъ сыновей Бовы (отъ Іозіаны) Вильгельмъ король англійскій назначаетъ своимъ наслѣдникомъ, а другой сынъ Бовы дѣлается наслѣдникомъ царства Армянскаго (стр. 122).

Издатель «Collezione», съ своей стороны, полагаетъ, что эту англійскую редакцію не слѣдуетъ считать древнѣйшею; что, судя по мѣстностямъ, описываемымъ въ романѣ, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что всѣ событія, изложенныя въ повѣсти, происходили въ Италіи, а не въ Англіи, и что англійская редакція есть передѣлка итальянской редакціи Reali, въ которой Бова является предкомъ Роланда [1]) (хотя замѣтимъ, что и по разсказамъ Reali дѣйствіе происходитъ въ Англіи, а не въ Италіи). Итальянскіе пересказы исторіи Бовы извѣстны въ пяти разныхъ редакціяхъ; ближе всего изъ нихъ къ нашей русской сказкѣ подходитъ четвертая глава Reali [2]) и сѣверо-итальянская поэма о Бовѣ, написанная въ виршахъ; послѣдняя представляетъ, по замѣчанію А.

---

[1]) Есть народное изданіе «I Reali di francia. Italia Libreria di Santo Stefano 1864. 16⁰», въ которомъ сказаніе о Бовѣ передѣлано изъ англійской редакціи, причемъ подробно разсказаны любовные переговоры Друзіаны съ Бовою и совсѣмъ выпущены приключенія Бовы съ Полканомъ; а вторая половина нашей сказки сокращена такъ, что составляетъ всего полъ страницы; за то въ концѣ прибавленъ разсказъ о смерти Бовы и Друзіаны и о дѣяніяхъ сына Бовы.

[2]) Я пользовался изданіемъ: Venezia e Milano, 1679.

Веселовскаго особенное сходство въ именахъ (Исторія литерат. Галахова. СПБ. 1880, 452).

Впрочемъ тексты поэмы и 4-й главы Reali гораздо пространнѣе нашей сказки; въ нихъ вставлено множество эпизодовъ, которые въ сказкѣ совершенно выпущены, какъ напримѣръ: о происхожденіи Полкана (въ Reali), о битвахъ Бовы съ Пепиномъ, королемъ Французскимъ и т. д. Съ другой стороны въ сказкѣ есть такіе эпизоды, — какъ напримѣръ разсказъ о прежней любви Милитрисы къ Додону, — которыхъ нѣтъ ни въ поэмѣ, ни въ Reali. Наконецъ нѣкоторыя происшествія изъ поэмы и Reali — въ сказкѣ совершенно переиначены; такъ напримѣръ: въ сказкѣ Бова отрубаетъ голову королю Додону и подноситъ ее въ даръ матери Милитрисѣ, Милитрису же приказываетъ закупорить въ бочку и пустить въ море, въ поэмѣ и въ Reali — Бова убиваетъ Додона въ битвѣ (прокалываетъ насквозь копьемъ), Милитрису въ Reali четвертуютъ, а въ поэмѣ замуровываютъ въ стѣну; въ битвѣ Бовы съ Полканомъ, по сказкѣ, побѣждаетъ Полкана Бова, а въ поэмѣ и въ Reali одолѣваетъ Бову Полканъ, и только заступничество Дружневны избавляетъ Бову отъ вѣрной смерти. Имена собственныя нашей сказки представляютъ больше сходства съ именами поэмы, чѣмъ съ именами Reali: Мелитриса=Blandoia=*meltris*; Личарда=Rizardo (въ Reali вмѣсто него называется Антоніо); Салтанъ Салтанычъ=Soldan di Sadonia; Мильчигрія=Мальгарія; Урій=Orio; Тервисъ=Teris. Но въ текстѣ разсказа, поэма, какъ это видно изъ подстрочныхъ примѣчаній, приведенныхъ ниже, подъ извлеченіемъ изъ текста Reali, представляетъ много разницы съ текстомъ сказки, даже болѣе, чѣмъ самъ текстъ Reali. Изъ этихъ сближеній и сравненій должно придти къ тому заключенію, что наша сказка не передѣлана непосредственно ни изъ 4-й главы Reali, ни изъ виршевой поэмы, о которой говорено выше, а скорѣе переведена съ чужой готовой передѣлки Reali (скорѣе всего польской, судя по оборотамъ перевода), изъ числа тѣхъ, которыя издавались во множествѣ, въ видѣ поэмъ и

романовъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ [3]). Что касается до времени появленія у насъ сказки о Бовѣ королевичѣ, то она могла быть занесена къ намъ заѣзжими итальянцами, сопровождавшими царевну Софью, впослѣдствіи супругу великаго князя Іоанна III. На такой ранній переходъ ея къ намъ указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между нею и нашими былинами, въ пересказѣ однихъ и тѣхъ-же подробностей, а такъ же и заимствованіе изъ сказки о Бовѣ богатыря Пуликана, который закрѣпленъ въ нашихъ былинахъ [4]). Предлагаю здѣсь содержаніе 4-й главы изъ Reali, для нагляднаго сравненія итальянскаго разсказа о Бовѣ съ текстомъ

---

[3]) У Пыпина упоминаются: 1) стихотворный романъ: «Beuves d'Antone et sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie»; 2) англ. поэма: «Sir Bevis of Hampton»; 3) романъ въ прозѣ: «Le livre de Beufues danthonne et de la belle Josyenne sa mye»; 4) нидерландская народная книга: «Beuvyn und Susiame»; и 5) англійскій романъ: «Syr Bevis of Hampton» (Очеркъ, 245). Reali di francia, въ шести книгахъ, изданы въ первый разъ въ 1491 году, въ Моденѣ; исторія Бовы занимаетъ въ нихъ четвертую книгу; въ 5-й разсказана смерть Бовы. Стихотворное переложеніе исторіи Бовы напечатано въ первый разъ въ Болоньѣ, въ 1480 г. Въ Collezione di opere.... (Bologna 1872) упоминается о двухъ разныхъ редакціяхъ этого переложенія; одна изъ нихъ, очень сходная съ текстомъ нашей сказки, напечатана на стр. 491 и слѣд. (всего 2225 стиховъ).

[4]) На такое происхожденіе Полкана указываютъ Котляревскій, Пыпинъ, Вольнеръ (стр. 75) и А. Веселовскій (Истор. лит. Галахова). Рыбниковъ (II, CCXXXVI) и Безсоновъ не соглашаются съ ними и не допускаютъ, чтобы Пуликанъ итальянскихъ пантомимъ могъ служить прототипомъ былиннаго богатыря Полкана. По мнѣнію Безсонова, Полканъ происходитъ отъ слова: *Полъ-конь*; за всѣмъ тѣмъ происхожденіе Полкана отъ Пуликана, какъ справедливо замѣтилъ Вольнеръ, до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуто (стр. 75). Прибавлю съ своей стороны, что Полканъ въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ не представляетъ ничего унизительнаго: онъ является въ ней настоящимъ богатыремъ, и притомъ личностью весьма симпатичною, неимѣющею никакого сходства съ его соименникомъ, позднѣйшимъ Пуликаномъ итальянскихъ мимъ; Полканами въ старину назывались вообще люди необыкновенной силы, въ этомъ смыслѣ названіе это встрѣчается и въ лѣтописяхъ: въ сказкѣ Добрыни Полканы собираются на битву цѣлыми полками (I. № 6), Аникѣ воину смерть является тоже въ видѣ Полкана (III. № 751). Въ одномъ азбуковникѣ XVII в. про Полкана сказано, что онъ получеловѣкъ и полуоселъ. Древнѣйшій Полканъ-Кентавръ совершенно другаго, античнаго греческаго, происхожденія: это Кен-тавръ, конь-быкъ, или конь-туръ, Кентаврусъ, а въ русской передѣлкѣ Китоврасъ. Имя Полкана не разъ встрѣчается въ нашихъ сказкахъ (см. I, стр. 10, 17, 162) и легендахъ: Полканъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ

нашей лицевой сказки. Дѣло происходитъ въ Англіи. Герцогъ Гвидонъ изъ Антона (Гамптона) взялъ себѣ въ жены дочь короля Оттона изъ Бордеуса въ Гасконіи—Брандорію[5]), которая въ первый-же годъ родила ему сына Бову[6]). До десяти лѣтъ Бова воспитывался у дядьки Синибальда въ Рока Сансимоне, вмѣстѣ съ сыномъ Синибальдовымъ Териджіемъ, а потомъ привезенъ ко двору Гвидона[7]). Брандорія, наскучивъ своимъ старымъ мужемъ, задумала погубить его, и для того послала слугу своего Антонія къ молодому герцогу Маганцкому Дуоду[8]), отецъ котораго былъ убитъ Гвидономъ, и предложила ему придти въ Англію, отомстить смерть отца, избавить её отъ мужа и взять её себѣ въ жены. Чтобы привести въ исполненіе свой замыселъ, Брандорія, какъ и въ сказкѣ, проситъ Гвидона застрѣлить ей вепря и затѣмъ, когда онъ отправляется на охоту, приказываетъ запереть городскія ворота; Додонъ убиваетъ Гвидона и женится на Милитрисѣ. При видѣ такого злодѣйства Синибальдо взялъ Бову и побѣжалъ съ нимъ въ Сансимоне, но Додонъ настигъ его и отнялъ Бову. Бову сажаютъ въ темницу; мать хочетъ отравить его лепешкой, но прислужница (cameriera)[9]) предупреждаетъ его объ этомъ и выпускаетъ Бову на свободу. Бова вскорѣ отыскалъ корабль, гдѣ корабельщики приняли его на бортъ. Пріѣхавъ въ царство короля Ерминіона въ Ерминіи[10]), корабельщики продали Бову самому

правитъ Соколомъ кораблемъ (см. выше, стр. 48); въ другомъ мѣстѣ Илья Муромецъ убиваетъ Чудище Полканище, пса-богатыря (стр. 41); имя Полкана упоминаетъ и смерть въ разговорѣ своемъ съ Аникой воиномъ (№ 751).

[5]) Въ поэмѣ точно такъ, какъ и въ сказкѣ, названъ *Гвидонъ* изъ града *Антона;* вмѣсто *Оттона* изъ Бордеуса, поставленъ *Кирбитъ Верзоуловичъ*, а *Брандорія* передѣлана въ *Милитрису* или *Меретриксу*—отъ слова meretrix, соотвѣтствующаго имени дѣвицы Brandoria названной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Blandoia*; въ поэмѣ она прямо такъ и названа: «E la *meltris*». Разсказа изъ 1-й картинки о томъ, какъ сватался за Милитрису Гвидонъ, ни въ поэмѣ, ни въ Reali нѣтъ.

[6]) Бова въ сказкѣ родился черезъ три года.

[7]) Дядька въ сказкѣ названъ *Симбалдой*, сынъ его *Териджъ—Тервезомъ*, а Rocca *Sansimone*—градомъ *Суминымъ*.

[8]) *Антоній* въ поэмѣ и сказкѣ названъ *Личардой*, а *Duodo—Додономъ*.

[9]) Въ сказкѣ прислужница обращена въ дѣвку-чернавку.

[10]) Въ сказкѣ—Армянскаго царства царь *Зензевей Андроновичъ*, въ поэмѣ—царь Арменіи Арминьонъ.

королю въ услуженіе, подъ именемъ Агостино[11]). Въ этомъ мѣстѣ въ Reali помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ король подарилъ Бовѣ коня Ронделло, который такъ былъ приученъ Бовою, что слушался каждаго его слова; ни одна лошадь не могла опередить Ронделло. Въ Ерминіи въ Бову влюбилась дочь короля Друзіана и выпросила его къ себѣ въ услуженіе. На вопросъ ея, кто онъ и откуда, Бова отвѣчалъ, что онъ сынъ мельника, а мать его прачка. Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Друзіана поцѣловала Бову, и какъ Бова ушелъ отъ нея,—въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ сказкѣ; но затѣмъ въ Reali помѣщенъ разсказъ, не вошедшій въ сказку: о турнирѣ, данномъ въ честь Друзіаны, на которомъ Бова побѣдилъ польскаго короля Макабруна[12]) и всѣхъ прочихъ рыцарей, сватавшихся за Друзіану. По окончаніи турнира на Бову былъ возложенъ вѣнокъ, по поводу котораго разсказывается то-же, что и въ сказкѣ. Король Ерминій почти уже рѣшилъ отдать Друзіану за̀ мужъ за Макабруна, но въ это время подъ городъ его подступилъ Булдрасскій король со своимъ сыномъ, гигантомъ Лукаферромъ[13]), и съ несчетнымъ Сарацынскимъ войскомъ, требовать руки Друзіаны. Друзіана посвящаетъ Бову въ рыцари; узнаетъ отъ него, что онъ сынъ герцога и обручается съ нимъ; какъ и въ сказкѣ, Бова побиваетъ враговъ и освобождаетъ изъ плѣна Макабруна, Ерминіона и его брата Уголино. Потомъ разсказывается исторія объ измѣннической посылкѣ Бовы къ Булдрасскому королю съ письмомъ, какъ и въ сказкѣ, съ тою разницею, что посылаетъ Бову не дворецкій Орлопъ, а братъ короля Уголино; Бова встрѣчаетъ путешественника[14]), который опоилъ его соннымъ питьемъ и обобралъ; проснувшись, Бова отправляется къ Булдрасскому королю и отдаетъ ему письмо. Король хотѣлъ было

---

[11]) Въ сказкѣ: *Agostino* передѣланъ въ *Ангусся*, а *Drusolina* въ *Дружневну*; въ Reali встрѣчается подобное же имя—Drugiolinia (жена Фіорованте), которое могло навести на имя Дружневны.

[12]) Въ сказкѣ король *Маркобрунъ* изъ *Данска*.

[13]) Въ сказкѣ *Лукаперъ* и отецъ его *Салтанъ Салтановичъ*, а въ поэмѣ Lucafer и Soldan de Sadonia.

[14]) Въ сказкѣ *Пилигриммъ*.

умертвить его, но дочь его Маргарита[15]) упросила отца оставить Бову въ живыхъ и женить на ней; однако не могла она уговорить Бову на это дѣло, и царь приказалъ запереть Бову въ темницу. Между тѣмъ, въ отсутствіе Бовы, король Ерминій принудилъ Друзіану обручиться съ Макабруномъ, съ тѣмъ, чтобы ей сдѣлаться настоящею женою его только по истеченіи года. Когда этотъ годъ прошелъ Друзіана отправилась въ Польшу къ Макабруну, выпросивъ себѣ у отца въ проводники богатыря Пуликана. Этотъ Пуликанъ былъ на половину человѣкъ, на половину собака; родился онъ отъ знатной христіанской синіоры, съ которою долго воевалъ одинъ турокъ и, не могши побѣдить ее, предложилъ ей жениться на ней, обѣщая перейти въ христіанскую вѣру. Получивъ ея согласіе, турокъ приказалъ ее раздѣть до нага, привязать къ скамейкѣ и случить съ огромнымъ кобелемъ; потомъ отправилъ ее къ королю Ерминіону, гдѣ она и родила Пуликана (стр. 270); Ерминіонъ сперва приказалъ было сжечь чудище, но Друзіана выпросила ему помилованіе и воспитала его (стр. 272). Когда-же Пуликанъ сталъ подростать, то Ерминіонъ, опасаясь чудища, приказалъ посадить его въ темницу на цѣпь[16]). Между тѣмъ Бова сидѣлъ три года и четыре мѣсяца въ темницѣ, куда Маргарита посылала ему тихонько пищу. Однажды стражи полюбопытствовали узнать, что съ нимъ дѣлается, и стали спускаться къ нему по двое; Бова отыскалъ въ ямѣ своей мечъ сталъ рубить имъ стражей и порубилъ ихъ восемь человѣкъ; потомъ стражи, оставшіеся вверху, вытащили его изъ темницы (думая, что тащатъ своихъ товарищей); Бова и этихъ стражей перебилъ, ушелъ изъ города, сѣлъ на корабль и уплылъ въ море[17]), къ Константинополю; но буря сбила его съ пути и по-

---

[15]) Въ сказкѣ *Мильчигрія*, въ поэмѣ *Мальгарія*.

[16]) Объ уговорѣ о годичномъ срокѣ и о происхожденіи Пуликана, который названъ *Полканомъ*, въ сказкѣ не говорится; въ поэмѣ Друзіана просто выходитъ замужъ за Макабруна.

[17]) Въ сказкѣ точно такъ, какъ и въ поэмѣ, есть цѣлый разсказъ о томъ, какъ король, хватившись Бовы, преслѣдовалъ корабельщиковъ и требовалъ у нихъ его выдачи, и какъ Бова перебилъ корабельщиковъ и остался съ одними ярыжными (I. 100); въ Reali этотъ разсказъ выпущенъ.

вернула корабль къ Польшѣ (Polonia). Здѣсь встрѣтилъ Бова рыбака, который разсказалъ ему, что король этой земли Макабрунъ и что въ этотъ день у него большой праздникъ, ибо онъ женится на королевнѣ Друзіанѣ. Послѣ того Бова встрѣчаетъ Пилигримма и отнимаетъ покраденныя имъ вещи; буянитъ на Макабруновой кухнѣ. За тѣмъ его узнаютъ: сперва конь его Ронделло, а потомъ и сама Друзіана; Макабруна онъ поитъ забыдущимъ питьемъ и убѣгаетъ изъ Польши вмѣстѣ съ Друзіаной. Все это разсказано согласно съ текстомъ нашей лицевой сказки, но съ гораздо большими подробностями. Между тѣмъ герцогъ Санквино разбудилъ Макабруна и разсказалъ ему, что̀ и какъ было; послали они въ погоню за Бовой Пуликана; Пуликанъ нагналъ бѣжавшихъ и началъ биться съ Бовой; вскорѣ онъ изранилъ Бову, тогда какъ Бова никакъ не могъ схватить его, и Бова, отъ потери крови, сталъ ослабѣвать[18]). Тогда Друзіана начала вспоминать Пуликану, что онъ обязанъ ей своимъ спасеніемъ и что по этому онъ не долженъ губить ея мужа. Пуликанъ тронулся ея словами и побратался съ Бовою. Преслѣдованіе бѣглецовъ Макабруномъ и пребываніе ихъ въ замкѣ Монтефельтроне у герцога Канорo[19]) разсказаны согласно съ текстомъ сказки. Урилъ погибаетъ въ плѣну у Макабруна (а не отъ Полкана, какъ въ сказкѣ). Затѣмъ бѣглецы продолжаютъ свой путь; въ лѣсу Друзіана родитъ двухъ сыновей: Гвидона и Синибальда[20]); Бова оставляетъ её здѣсь подъ присмотромъ Пуликана, а самъ идетъ отыскивать какое нибудь жилье; по возвращеніи своемъ онъ не находитъ болѣе Друзіаны и дѣтей, а на мѣстѣ видитъ только трупы Пуликана и двухъ львовъ.

---

[18]) Въ сказкѣ битва Бовы съ Полканомъ разсказана совершенно иначе: Бова съ перваго-же раза, при помощи своего коня, побѣдилъ Полкана, и только по его мольбамъ оставилъ его въ живыхъ и побратался съ нимъ. Въ поэмѣ битва Бовы съ Полканомъ сходна съ Reali.

[19]) Въ сказкѣ градъ *Костелъ* (Castello Montefeltrone) и герцогъ *Урилъ*, какъ и въ поэмѣ (*Castel* и *Orio*).

[20]) Въ сказкѣ *Личарда* и *Симбалда*; въ поэмѣ имена тѣже, что̀ и въ Reali.

Отсюда исторія Бовы наполнена такимъ множествомъ подробностей и новыхъ эпизодовъ, не вошедшихъ въ нашу сказку, что намъ не представляется никакой надобности слѣдить за разсказомъ Reali. Въ концѣ концевъ Бова, черезъ 12 лѣтъ послѣ исчезновенія Друзіаны, хочетъ жениться на Маргаритѣ [21]), но въ самый день брака Друзіана является къ нему съ двумя сыновьями; затѣмъ Бова съ сыномъ Синибальдо Териджи, перерядившись докторами, хотятъ убить Дуодо ди Маганца, однакоже милуютъ и его и его сына Галіона, единоутробнаго брата Бовы.

Въ Reali слѣдуетъ длинный разсказъ о томъ, какъ французскій король Пепинъ, по просьбѣ Дуодо ди Маганца, переѣзжаетъ въ Англію и осаждаетъ Бову въ городѣ Антонѣ; Бова побѣждаетъ Пепина, беретъ его въ плѣнъ и мирится съ нимъ. Въ этой же битвѣ Бова убиваетъ Дуода ди Маганца, проколовъ его насквозь копьемъ (стр. 300). По усиленному требованію Бовы, Пепинъ приговариваетъ Брандорію къ смерти: ее разрубаютъ на четыре части и каждую часть тѣла ея прибиваютъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ (392); сына ея Галіона Бова отпускаетъ на свободу [22]). Четвертая глава Reali заканчивается смертію Бовы, котораго предательски убиваетъ въ капеллѣ (во время молитвы) его единоутробный братъ Галіонъ, и наконецъ смертію Друзіаны (стр. 340).

28. А. Прибавить: **„Царь Салтанъ Салтановичъ“**, скачетъ на конѣ вправо. Листовая картинка, гравированная на деревѣ. Въ Олсуф. собр. (IV. 1208); тойже работы, что̀ и № 28.

---

[21]) Въ сказкѣ и поэмѣ, о кончинѣ Милитрисы (Брандоріи) и Додона разсказывается совершенно иначе: въ сказкѣ Милитрису, закупоривъ въ бочку, пускаютъ въ море, а Додону Бова отрубаетъ голову; въ поэмѣ Милитрису замуравливаютъ въ стѣну, а Додонъ погибаетъ въ битвѣ. Варьянты изъ поэмы заимствованы мною изъ статьи А. Н. Веселовскаго (Галаховъ, Исторія литер. СПБ. 1880), такъ какъ самой поэмы у меня въ рукахъ не было.

[22]) Въ поэмѣ Бова побѣждаетъ Пассамонте и освобождаетъ отъ него Мальгарію; по его просьбѣ Мальгарія (наша Мильчигрія) принимаетъ христіанскую вѣру и вступаетъ съ нимъ въ бракъ, но тутъ является Друзіана въ видѣ арфистки-скоморошки съ своими дѣтьми, которыя пляшутъ подъ ея игру; Бова узнаетъ ихъ, соединяется съ Друзіаной, а Мальгарію выдаетъ замужъ за Териса, сына Синибальда.

29. Эта подпись сдѣлана на новгородскомъ нарѣчіи, въ которомъ: во 1-хъ, буква *ц* часто замѣняется буквою *ч* и говорится, напримѣръ, вмѣсто *цѣпь*, *царь*,—*чѣпь*, *чарь*; и во 2-хъ, вмѣсто *е* пишется *іо*, которое выговаривается однако какъ простое *ё*; такъ и на нашей картинкѣ «могут*іо*нъ и хараб*іо*ръ» слѣдуетъ читать: могут*е*нъ и хараб*е*ръ. Такія особенности встрѣчаются и въ письмѣ новгородской лѣтописи (сообщено мнѣ В. И. Ламанскимъ).

30—34. **Повѣсть о князѣ Петрѣ золотыхъ ключахъ.** Есть еще изданіе этой повѣсти (*е*) 1820—30-хъ годовъ, въ которомъ первая строка страницы заканчивается словами: «петре златы», у П. А. Ефремова. Наша сказка заимствована изъ французскаго романа: «Histoire de deux vrais et parfaits amoureux Pièrre de Provence et la belle Magellone Fille du roy de Naples. Paris. 4° (по Низару—1490 г.: Histoire des livres populaires, II. 411), при чемъ сдѣланы весьма значительные выпуски и сокращенія. Французскій романъ попадается въ провансальскихъ рукописяхъ уже въ XIV вѣкѣ; по увлекательности разсказа, нѣжности выраженій и силѣ чувства, онъ представляетъ одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній, написанныхъ въ стилѣ трубадуровъ. На западѣ онъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и имѣлъ болѣе 24-хъ изданій (Brunet, Bibliographie Universelle). У Симрока помѣщенъ полный переводъ его съ нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ Нюренбергѣ, при чемъ означено, что переводъ сдѣланъ съ французскаго подлинника, и герой романа Петръ названъ рыцаремъ серебряныхъ ключей. На русскій языкъ повѣсть о князѣ Петрѣ Золотые ключи переведена съ польскаго еще въ XVII вѣкѣ (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 10); другой переводъ ея напечатанъ въ 1796 году въ Смоленскѣ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Исторія о славномъ рыцарѣ златыхъ ключей Петрѣ Провансскомъ и о прекрасной Магелонѣ. Переведена съ французскаго Д. М.» (16°), съ портретомъ Петра и подписью подъ нимъ: «любовь все побѣждаетъ». Въ этомъ переводѣ, противъ подлинника, сдѣланы во многихъ мѣстахъ, сокращенія, а слишкомъ нѣжныя мѣста,—напримѣръ, какъ Магеллона заснула на колѣняхъ Петра

и какъ Петръ, любуясь на ея красоту, разстегнулъ ей сперва воротъ, а потомъ и все платье, и сталъ любоваться на снѣжную бѣлизну ея тѣла, и «хватать ее за бѣлыя груди» (et tastoit ses doulces mamelles),—выпущены цѣликомъ; въ этомъ отношеніи лицевая сказка наша (№ 30) полнѣе печатной.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ самомъ провансальскомъ оригиналѣ этой повѣсти многія мѣста заимствованы изъ восточныхъ повѣстей. Два эпизода въ немъ разсказаны, почти безъ измѣненій, изъ арабскихъ сказокъ 1001 ночи. Первый разсказъ— о томъ, какъ Бадура и Камарципани отправились для свиданія съ родителями Камарципани; на дорогѣ Бадура заснула на колѣняхъ у Камарципани; Камарципани вынулъ у нея изъ за пазухи мѣшечекъ съ талисманомъ, и сталъ разсматривать его; въ это время налетѣла птица и, схвативъ талисманъ, унесла его; Камарципани бросился бѣжать вслѣдъ за нею и, преслѣдуя ее, заблудился,— точно такъ, какъ и нашъ Петръ (ночь 222-я). Въ другомъ мѣстѣ разсказано (ночь 225-я), какъ Камарципани, чтобы скрыть отъ матросовъ перевозимыя имъ сокровища, насыпалъ золотой песокъ въ горшки, а сверху прикрылъ его оливками; подобная же исторія разсказана и на 7-мъ листѣ нашей сказки.

Исторія Петра Провансальскаго помѣщена Сервантесомъ въ его Донъ Кихотѣ. Гёрре предполагаетъ, что романъ Магеллоны заимствованъ изъ дѣйствительности: въ Провансѣ до сихъ поръ сохраняется гробница этой принцесы; подлѣ Марселя одинъ изъ острововъ носитъ даже ея имя, а въ Мадридскомъ арсеналѣ показываютъ ключъ, которымъ Петръ Провансальскій заводилъ своего коня (Снегиревъ, Лубоч. карт. М. 1861, 109). Въ Россіи имя этого витязя извѣстно не только по сказкѣ, но и по одному урочищу, находящемуся въ Саратовской губерніи, которое зовется: «Петръ златые ключи» (Снегиревъ, Лубоч. карт., 109).

36. **Сказка о Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ** перепечатана дословно изъ книги «Лекарство отъ задумчивости» (СПБ. 1786, Москва 1819 и 1839); она напечатана также въ сборникахъ Аѳанасьева IV. 173, и Худякова III. 108 1793 и 1815; (съ

измѣненіями: здѣсь царевенъ похищаютъ вихри), въ Московскомъ Телеграфѣ 1825 г. № 11, въ Илюстраціи т. I. стр. 87 (въ передѣлкѣ Полеваго) и отдѣльной книжкой, Москва 1838 г.

Въ Пентамеронѣ Базили находится разсказъ «Три брата-звѣри», послужившій очевидно первообразомъ для нашей сказки. У одного царя, по прозванію Зеленый холмъ, было три дочери, уже просватанныя за трехъ братьевъ королевичей, но злая волшебница обращаетъ жениховъ ихъ въ звѣрей — Сокола Оленя и Дельфина, послѣ чего родители отказываются отдать дочерей своихъ за оборотней. Тогда братья-звѣри собираютъ своихъ подданныхъ, опустошаютъ царство короля и принуждаютъ его выдать имъ дочерей Фабіеллу, Басту и Риму. Вскорѣ послѣ того королева родитъ королю сына Титона. Достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, этотъ Титонъ отправляется розыскивать своихъ сестеръ; отыскиваетъ ихъ точно также, какъ и царевичъ Иванъ въ нашей сказкѣ (безъ эпизодовъ съ бабой ягой и съ лѣшими), причемъ мужья-звѣри точно также переговариваются со своими женами и обѣщаютъ полюбить и обласкать пришедшаго къ нимъ брата. На прощанье мужья даютъ Титону одинъ свое перышко, другой—шерстинку, а третій—чешуйку: когда выдетъ-де въ насъ нужда, скажи только: «приходи сюда», и мы явимся къ тебѣ на помощь. Идетъ отъ нихъ королевичъ домой; на дорогѣ видитъ озеро, на озерѣ островъ, на немъ башня, а въ башнѣ, въ окно, видна чудная красавица—сидитъ она у ногъ спящаго дракона; увидала она Титона королевича и слезно молитъ его: «освободи меня, добрый молодецъ, отъ позорнаго плѣна». Взялъ королевичъ перышко, шерстинку и чешуйку, подбросилъ ихъ кверху и закричалъ: «приходите сюда!» Тотчасъ явились передъ нимъ Соколъ, Олень и Дельфинъ,—что-де тебѣ требуется. И сталъ ихъ просить королевичъ: «освободите эту красавицу отъ дракона, и дайте мнѣ её въ жены». Тогда, по приказанію Сокола, спустилась въ окно башни колесница, запряженная грифонами, дѣвица сѣла въ нее и вылетѣла на свѣтъ божій. Вслѣдъ за тѣмъ проснулся драконъ; онъ бросился было за нею въ погоню, но

Олень послалъ на него львовъ, тигровъ и волковъ, которые и растерзали его на мелкія части; а между тѣмъ Дельфинъ приказалъ волкамъ разрушить башню. Послѣ этого подвига, братья-звѣри приняли человѣческіе образы: срокъ ихъ превращенія уже окончился, и всѣ они, въ сопровожденіи своихъ женъ, Титона и его дѣвицы, отправились къ старому королю и поселились жить въ его владѣніяхъ.

Отдѣльный разсказъ о дракѣ двухъ великановъ (вмѣсто двухъ лѣшихъ—сказки № 36) помѣщенъ тоже въ сборникѣ Аѳанасьева (II. 105). У Боричевскаго (Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени, III. 124) разсказана черногорская сказка о мѣдной горѣ, во многомъ схожая съ нашей сказкой объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ. Въ мѣдной горѣ царевичъ Милой встрѣчаетъ двухъ чертей, которые ссорятся и не могутъ подѣлить наслѣдства: шапку невидимку, сапоги семимильные и кій-бій (дубинка поколачивай). Милой миритъ ихъ, обѣщая присудить наслѣдство тому, кто скорѣе другаго сбѣгаетъ въ Кіевъ и оторветъ хвостъ у самой старшей вѣдьмы. Черти бѣгутъ, а Милой спасается, забравъ оставленное наслѣдство въ свою пользу. У Рыбникова такимъ-же обманомъ отнимаетъ у разбойниковъ шапку невидимку, скатерть хлѣбосолку и коверъ самолетъ—Иванъ боярскій сынъ. Разбойники спорили кому владѣть вещами; Иванъ пустилъ стрѣлу изъ лука и послалъ ихъ догонять ее,—кто-де догонитъ, тому и находка; затѣмъ Иванъ продѣлываетъ со своими волшебными находками разныя сказочныя штуки (Рыбн. III. 309).

Въ черногорской сказкѣ, кромѣ того, разсказано, какъ къ рѣкѣ прилетали двѣнадцать голубицъ, обратились въ дѣвицъ и стали купаться,—точно такъ, какъ и въ сказкѣ № 36; но потомъ прибавленъ эпизодъ, невошедшій въ нашу сказку,—о томъ, что Милой утащилъ крылья у одной изъ дѣвицъ, которая оказалась царевной*). Милой женился на ней впослѣдствіи, но царевна, получивъ послѣ вѣнца свои крылья, улетѣла отъ мужа.

*) Сравните сказку о Еруланѣ Лазаревичѣ, стр. 139.

Въ нашей сказкѣ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Баба-Яга, или Ягая-Баба. Ягой въ Сибири, по удостовѣренію Снегирева, зовутъ сарафанъ съ длинными и широкими рукавами, похожій, по замѣчанію Макарова (стр. 81), на одежду рязанскихъ бабъ, а также ерчакъ, родъ верхней одежды, сшитый изъ двухъ мѣховъ, шерстью наружу (Лубочн. карт., 87). «Одинъ изъ древнихъ миѳовъ въ Славянорусскомъ мірѣ, замѣчаетъ Макаровъ, тождественный съ Индѣйскою богинею смерти (Marăna, Ježi-Baba и Zla-Baba), есть Яга-Баба, которая играетъ замѣчательную роль въ нашихъ сказкахъ. Это безобразная старуха, съ костяною ногой; задъ ея жилистый, передъ стриженный; у ней двѣ сестры и 12 сыновей. Эта людоѣдка, кудесница и колдунья живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, среди чащи лѣсной; тамъ она лежитъ, протянувшись изъ угла въ уголъ и упершись ногами въ потолокъ. Жилище ея обнесено заборомъ изъ костей человѣческихъ, на коихъ торчатъ черепы съ глазами; вмѣсто верей у воротъ, ноги человѣческія; вмѣсто запоровъ, руки; вмѣсто замка, ротъ съ острыми зубами. Избушка ея обращена къ лѣсу передомъ и поворачивается по призыву: «избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» При встрѣчѣ съ людьми, зашедшими къ ней въ трущобу, она восклицаетъ: «Фу, фу! доселева Русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ Русскій духъ въ очью проявляется!» Баба-Яга, какъ вѣдьма, присутствуетъ на сборищахъ вѣдовскихъ, можетъ предвѣщать будущее, разумѣетъ таинственный смыслъ загадокъ, распоряжается силами природы, пожираетъ похищенныхъ ею дѣтей; у ней хранится живая и мертвая вода. Она ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняя, помеломъ заметая. Три Яги-бабы сестры похожи на трехъ Паркъ и, подобно имъ, прядутъ нитки. Изъ нихъ то одна, то всѣ три являются дѣйствующими лицами въ лубочныхъ сказкахъ объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, о трехъ царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, и въ другихъ». Въ Собраніи Русскихъ Сказокъ Аѳанасьева объ этомъ чудищѣ помѣщено нѣсколько сказокъ. Изъ

нихъ видно, что лихія мачихи отдавали своихъ постылыхъ падчерицъ въ услуженіе Ягѣ-Бабѣ, которая задавала имъ самыя трудныя работы; но мыши, накормленныя сиротою, выручали её. Въ другой сказкѣ Котъ избавляетъ отъ погибели дѣвушку, посланную мачихой къ Ягѣ-Бабѣ и уже обреченную людоѣдкой этой на съѣденіе. Котъ даетъ сиротинкѣ гребешекъ и полотенце, съ коими она спасается бѣгствомъ. Баба-Яга гонится за нею; преслѣдуемая бросаетъ полотенце—дѣлается рѣка; кидаетъ гребешекъ—является дремучій лѣсъ. Гонительница, сколько ни грызла лѣсъ, но сгрызть его не смогла и ни съ чѣмъ воротилась въ свою трущобу (Аѳанасьевъ I. 39, IV. 52; Лубоч. карт., стр. 86).

Двѣ сказки о Бабѣ-Ягѣ изданы въ Москвѣ, въ 1794 году, особыми книжками; одна изъ нихъ русскаго изобрѣтенія, а другая переводная,—о томъ, какъ Зигейскій король женился на прекрасной Агіонѣ, и какъ тетка его, Баба-Яга, подмѣнила Агіону своею дочерью, а брата Агіоны, Ивана, обратила въ барашка. Въ двухъ другихъ сказкахъ, изданныхъ тоже въ Москвѣ въ 1794 году, въ одной о «финифтяномъ перышкѣ», и въ другой «о Василіѣ Королевичѣ», дѣйствуетъ тоже Баба-Яга. Въ послѣдней сказкѣ она, подобно Индѣйскому отшельнику Ариштѣ, вздумала было выпить море, но, не выпивъ его даже до половины, лопнула.

Есть еще русская сказка о Сизомъ Орлѣ, гдѣ Баба-Яга находится подъ командою у этого Орла; лежитъ она въ избѣ, изъ угла въ уголъ, уперши носъ въ потолокъ, губы висятъ на притолокѣ; у дверей у нея сидитъ котъ Еремѣй Казанской, разумъ Астраханской, усъ усастерской, пѣсни поетъ и сказки сказываетъ (сравни примѣч. къ № 166). Въ сборникѣ Чулкова, въ сказкѣ о Тарбелесѣ и Любанѣ, объясняется самое происхожденіе Бабы-Яги: «Сатана варилъ въ котлѣ, для какой-то потребы, двѣнадцать злыхъ женъ, да какъ-то нечаянно плюнулъ въ варево,—вышла изъ него Баба-Яга. Сперва Сатана думалъ, что эта Баба-Яга будетъ на землѣ всѣхъ золъ злѣе, но потомъ, свѣсивъ ее и сравнивъ съ нѣкоторыми свѣтскими госпожами, нашелъ, что, и безъ переварки, онѣ не уступятъ ей нравомъ ни на золотникъ. Съ досады

Сатана ударилъ Ягу объ полъ, такъ, что ноги у ней отлетѣли прочь. Впослѣдствіи Сатана придѣлалъ ей ноги костяныя, и, для выѣзда изъ ада, подарилъ одну изъ своихъ ступъ» (Чулковъ, изд. 1820 г., V. стр. 118). Нашему Ивану Царевичу Баба-Яга, по сказкамъ, приходится теткой; человѣку смѣлому Яга бываетъ большой подмогой: такой человѣкъ, какъ и нашъ Иванъ царевичъ, на первые вопросы ея о русскомъ духѣ и т. д., отвѣчаетъ коротко: «что ты старая сука расфикалась, не накормивъ, не напоивъ», и т. д., и станетъ она гостя ласково принимать, въ банѣ парить, угощать и всякую службу ему править. Баба-Яга крадетъ дѣтей и ѣстъ ихъ; въ польской сказкѣ у нея было 12 дочерей красавицъ, которыхъ хотѣли взять за себя 12 сыновей короля (Боричевскій, I. 125); Бабу-Ягу можно убить, зарядивъ ружье двѣнадцатымъ гвоздемъ изъ подковы (Боричевскій, I. 185)*).

Въ Итальянскихъ сказкахъ Баба-Яга — старая колдунья (дикая баба) хрычевка. Въ Пентамеронѣ (Изд.: Breslau 1846, I. 159) одна такая Баба-Яга держитъ въ заперти въ башнѣ дѣвушку; принцъ освобождаетъ плѣнницу; но Баба-Яга гонится за бѣглецами. Дѣвушка бросаетъ за собою, одно за другимъ, три волшебныя яблока, которыя превращаются: одно въ собаку, другое въ льва, а третье въ волка; послѣдній съѣдаетъ Бабу-Ягу (сравните у Аѳанасьева № 39, ч. I).

37 и 38. **Баба-Яга дерется съ крокодиломъ.** Крокодилами назывались въ старину вообще дикіе звѣри; въ Псковской первой лѣтописи, подъ 1582 годомъ, упоминается, что: «изъ рѣки (Волхова) вышли коркодилы лютіе звѣри, и путь затвориша, людей много поядоша и ужасошася людіе, и паки спряташася, а иныхъ избиша». Въ одномъ Цвѣтникѣ 1665 года (Синод. библ. № 908, л. 19: Буслаевъ, Очерки, II. 8) записано, что тѣло чародѣя Волоха, удавленнаго бѣсами, доплывшее до Перыня, было погребено тамъ съ великою тризною и что черезъ три дня послѣ

*) Сравните статью Потебни о Бабѣ-Ягѣ, въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Истор. и Древн. 1865 г., III. 88.

того земля разверзлась и пожрала его «мерзкое тѣло крокодилово» *).

«О Сиренѣхъ и коркодилѣ» говорится въ Амартолѣ (Погодин. спис., л. 186 об.). «О птице неясыти, о ехиднахъ, о аспидѣ зміи, о коркодилѣ звѣрѣ» есть толкованіе Максима грека (Востокова, Румянц. собр., л. 386).

О Бабѣ-Ягѣ говорено въ примѣчаніи къ № 36-му; впрочемъ, наша Баба-Яга не имѣетъ ничего общаго съ Ягой, теткой Дмитрія царевича; это чухонка, въ чухонской одеждѣ, съ чухонскими вышивками и чухонскими украшеніями. По разнымъ признакамъ видно, что авторъ имѣлъ въ виду представить Ягу изъ царскаго рода, а съ нею и крокодила, ея супруга, съ которымъ она вмѣстѣ то пьетъ, то дерется. Старообрядцы и донынѣ зовутъ своего недруга Петра перваго крокодиломъ; замѣтьте, что подъ крокодиломъ стоитъ маленькій корабликъ, а подъ кустомъ *скляница съ виномъ,* до которыхъ Петръ былъ истый любитель. Если припомнить здѣсь, что у Бабы-Яги въ послугахъ состоитъ знаменитый *Астраханскій котъ* (см. стр. 157) и что, по тексту картинки № 170, послѣ смерти этого державнаго кота осталась вдова, *чухонка Маланья,* то дѣйствующія лица картинокъ №№ 38 и 39, а также и № 40, могутъ быть названы безошибочно.

40. **Сказка о Иванѣ царевичѣ, жаръ птицѣ и о сѣромъ Волкѣ.** Есть еще изданіе этой сказки: *вв,* начала нынѣшняго вѣка, сдѣланное съ досокъ изданія *в.* Есть тоже новое изданіе ея 1838 года, безъ картинокъ, напечат. въ типографіи Евреинова.

Сказка эта дословно перепечатана изъ книги: «Дѣдушкины прогулки» (СПБ. 1790, стр. 108). Варіанты этой сказки напеча-

---

*) Въ одномъ хронографѣ, приведенномъ кн. Вяземскимъ, крокодилъ описывается слѣдующимъ образомъ: «Коподѣлже звѣрь великъ есть купно же и рыба до хвоста ноги ему четыре хвостъ ему великъ и остръ, хребетже ему едина кость аки ченъ каменъ изъострѣнъ аки пила зубы и тѣми бьетъ на нихъ же гнѣвается, егдаже ѕинетъ весь есть уста. Убиваетъ же сего индрия иже образомъ аки песъ обалявшися входитъ усты его во чрево и расторгши скоро исходитъ усты же его ибо коркодилъ спя усты отверсты имать (Изъ Физіологіи—Кн. Вяземскій и Ѳ. Булгаковъ: Памятники древней писменности. СПБ. 1878, стр. 72).

таны: въ сборникѣ Аѳанасьева I. 68, IV. 191, I. 445 (здѣсь мать царевича уноситъ Кащей безсмертный) и II. 1; въ сборникахъ Худякова I. 1 и Рудченко I. 54; отдѣльной книжкой: «Жаръ Птица и сильный могучій богатырь Иванъ Царевичъ, побѣдитель Змѣя Горыныча и братьевъ его. Москва 1839»; въ Москвитянинѣ за 1852 г., XXI. 15—38, съ изслѣдованіемъ барона Шепинга.

Въ сборникѣ Боричевскаго (III. 108) есть разсказъ о томъ, какъ Трое-сыне добывалъ Жаръ-Птицу, яблонь съ золотыми яблоками и Царь-Дѣвицу,—весьма сходный съ нашею сказкою № 40. Въ нѣмецкой народной сказкѣ—Der Goldne Vogel—начало точно такое-же, какъ и въ нашей сказкѣ: старшіе братья безуспѣшно караулятъ яблоню отъ Жаръ-Птицы, но младшій подстрѣливаетъ птицу и вырываетъ у ней золотое перо изъ крыла; затѣмъ онъ отправляется отыскивать самую птицу, и въ этихъ поискахъ помогаетъ ему лисица (Grimm, № 57).

Отдѣльные эпизоды изъ нашей сказки встрѣчаются въ валахской сказкѣ «Petru Fritschell» (№ 50); въ Пентамеронѣ (I. № 7); въ Nordische Märchen, стр. 25; въ новогреческихъ сказкахъ (Hahn, Griech. und Albanes. Märchen. Leipzig 1861, I. 285; II. 49) и у Аѳанасьева (IV. 191)*). Стасовъ подробно разбираетъ нашу сказку (№ 40) въ своихъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи русскихъ былинъ, выводитъ первообразы ея изъ индѣйскихъ сказокъ Сомадевы и татарскихъ пѣсень, и приходитъ къ такому заключенію, что «хотя и нельзя указать (покуда) однаго единичнаго оригинала, отъ котораго происходитъ сказка о Жаръ-Птицѣ, обращающаяся, какъ въ нашемъ, такъ и у мѣстныхъ европейскихъ народовъ,—но восточное ея происхожденіе несомнѣнно, и въ ней мы находимъ сохраненными, въ очень близкой

---

*) Въ сборникѣ его помѣщена эта сказка въ другомъ пересказѣ, несходномъ съ № 40: Иванъ Царевичъ крадетъ изъ подъ головы спящей Царь-Дѣвицы пузырекъ съ живой водой; и не могъ онъ сдержать своего слова, полюбовался таки на ея красоту, или, какъ она выразилась потомъ: у меня былъ, квасъ пилъ, да не покрылъ; и съ этого квасу понесла она поносъ и родила двухъ сыновей.

передачѣ: цѣлые отрывки, полные эпизоды изъ древнѣйшихъ поэмъ и пѣсень древней Азіи» (стр. 220).

Относительно живой воды, о которой упоминается въ нашей сказкѣ, у В. Стасова приведенъ, совершенно сходный съ текстомъ ея, разсказъ изъ сибирской пѣсни о богатырѣ Катанджулу. Живая вода извѣстна и въ юго-славянскихъ сказкахъ: въ одной сербской она замѣнена водою Іорданскою (Ягичъ, Achiv, II. 271). Въ одной болгарской рукописи о живой водѣ разсказывается, что Александръ Македонскій найдя живую воду, наполнилъ ею *кришндиръ* и, запечатавъ, далъ приказаніе *педопулу* своему Андрею никому той воды не показывать. Дочь Александра Панора начала приставать къ Андрею, чтобы тотъ сказалъ ей, что было въ сосудѣ, но всѣ домогательства ея остались тщетными; тогда она предложила Андрею самое себя; Андрей *слегся* съ нею, и отдалъ ей сосудъ. Вслѣдъ затѣмъ Панора убила заснувшаго Андрея, выпила воду изъ *кришндира* и сдѣлалась невидимой и безсмертной (Ягичъ, III. 611).

Что касается до имени *Ивана*, придаваемаго нашимъ сказочнымъ царевичамъ, то Снегиревъ замѣчаетъ, что имя Ивана самое употребительное у Русскихъ и что въ Болгаріи всѣхъ русскихъ иначе не зовутъ, какъ Иванами (Лубоч. картин., стр. 107). Впрочемъ, имя Ивана, какъ имя первѣйшаго изъ святыхъ—Іоанна Предтечи, въ такомъ же употребленіи и въ остальной Европѣ: у нѣмцевъ Iohann'овъ не меньше нашихъ Ивановъ; Iohn Bull, т. е. Иванъ быкъ,—сдѣлался историческимъ именемъ у англичанъ; а Iean de Paris, какъ истый Парижанинъ, вошелъ не только въ народныя легенды, но и въ пѣсни Беранже.

41 и 42. **Сказка о Силѣ царевичѣ и Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ.** Сказка эта дословно перепечатана изъ книги: «Лекарство отъ задумчивости». СПБ. 1786. 16°. У Аѳанасьева есть сокращенный пересказъ ея (IV. 442 и 446); другой пересказъ записанъ Безсоновымъ со словъ слѣпца, въ примѣчаніяхъ къ IV выпуску пѣсень Кирѣевскаго (XXVI). Сказка эта заимствована съ иностраннаго оригинала, на что указываетъ, между прочимъ, и имя царевны

Труды (Гертруда). По мнѣнію И. П. Хрущева, сказка эта— «не народное, а книжное произведеніе, подвергшееся на нашей почвѣ нѣкоторому измѣненію. Она имѣетъ характеръ совершенно легендарной повѣсти, писанной съ цѣлью наставительною, и только ея форма нецерковная даетъ ей мѣсто среди сказокъ. Сверхъ того, она принадлежитъ къ эпохѣ средневѣковаго мистицизма, когда писатель-историкъ приписывалъ происхожденіе цѣлаго народа отъ женщинъ и бѣсовъ. Какъ иногда въ церковномъ сказаніи, напримѣръ, объ Андреѣ Критскомъ или Георгіѣ, въ русской редакціи, можно видѣть основу языческую, миѳъ, подвергшійся переработкѣ, такъ и въ разсматриваемой сказкѣ, несмотря на «живую воду», «трехъ братьевъ» и нѣкоторыя другія черты, сквозитъ легенда поучительнаго характера, перешедшая въ сказку (Докладъ Общ. Любит. Древ. Пис.).

43. **Исторія о принцѣ Адольфѣ Лапландійскомъ.** Доски изданія *б* были отпечатаны новымъ тисненіемъ (*бб*), съ помѣтою на первой страницѣ: «печ. поз. м. 8 Окт. 1858 г. Цензоръ Фонъ Крузе; въ Металлогр. Логинова» (у П. А. Ефремова).

Исторія эта встрѣчается въ нашихъ сборникахъ XVIII вѣка въ болѣе полной редакціи. Судя по оборотамъ рѣчи и нѣкоторымъ словамъ, переводъ сдѣланъ съ итальянскаго языка. Начало повѣсти,—о томъ, какъ Адольфъ попалъ въ пещеру вѣтровъ,—повторено въ сказкѣ: «объ Арабскомъ царевичѣ Шекерѣ» (Москва, 1784). Въ сборникѣ Ирландскихъ сагъ и сказокъ Ерина (Erin, Auswahl vorzüglicher irischer Erzählungen. Stuttgart. 1847, I. 163) разсказана сказка: «Oschin und das Land der Iugend», сходная съ № 43. Ошинъ (т. е. Оссіанъ) отправляется караулить хлѣбное поле, съ тѣмъ, чтобы поймать неизвѣстнаго звѣря, который производитъ въ немъ потравы. Ночью увидалъ онъ на немъ кобылку, погнался за нею, схватилъ её за гриву, и былъ занесенъ въ невѣдомое подземное царство (какъ въ Ершовскомъ Конькѣ Горбункѣ), гдѣ кобылка обратилась въ прелестную дѣвушку; за тѣмъ съ Ошиномъ и этой дѣвицей происходитъ тоже, что и съ нашимъ Адольфомъ и его принцессой. Послѣ бѣшеной

любви и долгихъ наслажденій Ошину стосковалось по родинѣ; любовница его даетъ ему волшебнаго коня, на которомъ онъ выѣзжаетъ на землю; но здѣсь глазъ его не находитъ ничего знакомаго: оказывается, что Ошинъ пробылъ въ царствѣ юности 300 лѣтъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается вернуться къ своей красавицѣ; но вотъ, подлѣ одной рѣчки встрѣчается ему рабочій, который при переѣздѣ уронилъ въ воду небольшой мѣшокъ ржи; Ошинъ берется помочь ему, въѣзжаетъ въ рѣку, хочетъ вытащить мѣшекъ, не слѣзая съ лошади, но небольшой мѣшекъ оказывается очень тяжелымъ, Ошинъ слѣзаетъ съ лошади, и тогда въ одно мгновеніе исчезаютъ и работникъ, и волшебная лошадь Ошина, и Ошинъ обращается въ дряхлаго старца.

44. **Сказка объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ**—сходна со сказкою объ Ильѣ Муромцѣ: онъ тоже сидѣнь, и силу получаетъ отъ калекъ, какъ о томъ разсказывается по былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ (см. выше, стр. 11). Сказка эта напечатана у Аѳанасьева (IV. 391); варіанты ея у Рудченки (I. 47, 48), у Худякова (I. 4), въ сборникѣ Бронницына (61), въ Московскомъ городскомъ листкѣ (№№ 153 и 155) и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Сказка о тридесяти трехъ лѣтнемъ сиднѣ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ. СПБ. 1788».

45. **Сказка о Булатѣ молодцѣ** *) перепечатана дословно изъ книги: «Дѣдушкины прогулки. СПБ. 1790». 16°. Исторія о превращеніи въ нищаго царя, у котораго было украдено его одѣяніе, встрѣчается въ разныхъ источникахъ. Въ одной сербской сказкѣ негръ крадетъ у принца кольце, и выдаетъ себя за принца (Ягичъ, Архивъ, II. 271). Въ Небѣ новомъ (стр. 206) разсказана исторія, какъ ангелъ унесъ у купавшагося царя его одежды, одѣлся въ нихъ, пошелъ въ городъ, и занялъ его мѣсто, а царь обратился въ нищаго. Потомъ, когда царь покаялся въ своей гордости, и помолился Богородицѣ, то былъ прощенъ и

---

*) Такая-же сказка есть въ сборникѣ Аѳанасьева (I. 242). Въ сказкѣ о Булатѣ Молодцѣ есть обстоятельства, схожія съ англійской сказкой о Робертѣ дьяволѣ; см. Alt. Engl. Sagen und Märchen, W. I. Thomas, Braunschweig 1830.

снова пожалованъ въ цари (Изъ Антонин., ч. 2, тит. 3, гл. 2). Такому-же наказанію подвергся и царь Соломонъ, отдавшій перстень своей женѣ Аглинѣ; легенда объ этомъ помѣщена въ примѣчаніи къ № 798-му.

46. **Сказка о трехъ королевнахъ** передѣлана изъ легенды о Женевьевѣ, обращавшейся во Франціи въ числѣ лицевыхъ народныхъ изданій (Nizard, livres populaires). Наша сказка переведена съ французскаго, причемъ королевна Катерина, изъ Catherine la sotte, переиначена въ Катерину сатерину.

47. **Сказка о трехъ царствахъ** напечатана у Аѳанасьева (I. 264, 265 и 283), съ измѣненіемъ въ подробностяхъ; тоже въ сборникѣ Худякова (I. № 2; II, № 43; III, № 82) и у Эрленвейна (№№ 4 и 41).

48. **Сказка о Золотой горѣ.** Прибавить: У П. А. Ефремова есть другое изданіе этой сказки, начала нынѣшняго столѣтія; текстъ и картинки тѣ-же, что и въ изданіи *б*, съ незначительною разницею; 12-я страница заканчивается такъ: «и такъ они обладали сво | ихъ подъ данныхъ такъ же и всеми го | сударствами которые поставлены были | на одномъ море | *конецъ* | сеи русскай скаски».

У Боричевскаго разсказана сказка о подземномъ краѣ (I. 109), въ которой младшій царевичъ точно такъ же, какъ и въ Золотой горѣ, выручаетъ трехъ красавицъ изъ мѣдной и серебряной комнатъ; онъ спускаетъ этихъ красавицъ внизъ къ своимъ братьямъ, на полотнахъ, и затѣмъ братья обрѣзываютъ полотна и покидаютъ его. Конецъ сказки сходенъ съ концемъ № 48. Сказка о Золотой горѣ напечатана у Аѳанасьева (136, III. 11—31, IV. 90 и 167), въ сборникѣ Гана (I. 15) и отдѣльными книжками: Москва 1782 и Москва 1793 (съ двумя другими сказками).

49. Эта картинка помѣщена здѣсь по ошибкѣ: она уже была описана подъ № 8-мъ.

50—53. **„Гисторія о Евдонѣ и Берфѣ“** попадается въ нашей рукописной литературѣ въ спискахъ XVIII вѣка. Дѣйствующія лица въ ней тѣже, что и въ Неистовомъ Роландѣ. Исторія эта

извѣстна тоже подъ именемъ исторіи разбойника Барбоса, играющаго въ ней большую роль. Въ одной изъ рукописей Чертковской библіотеки (Всеобщ. библ. Росс. I. 526) означено, что «куріозная гисторія о Евдонѣ и Берфѣ, переведена съ Нѣмецкаго языка на Русской» (Пыпинъ, Очеркъ, 286).

Переводъ этого романа, сдѣланный съ нѣмецкаго въ началѣ прошедшаго вѣка, есть и въ СПБургской Публичной Библіотекѣ (Ѳ. XIV. 27). Въ началѣ романа Евдонъ спасаетъ Берѳу отъ разбойниковъ; влюбившись въ нее, онъ упрашиваетъ ее склониться на его предложенія, но Берѳа отказывается быть его *метресою*. Однажды Евдонъ хотѣлъ даже застрѣлиться у ея ногъ, но Берѳа остановила его, объявивъ, что сама его любитъ, и желаетъ быть его женою. Затѣмъ за Берѳу сватаются: сперва Аленкомъ, котораго Евдонъ убиваетъ на поединкѣ, а потомъ разбойникъ Роландъ, которому отецъ Берѳы и обѣщаетъ отдать ее. Тогда Берѳа убѣгаетъ изъ дома родительскаго съ Евдономъ; воины, посланные за ними въ погоню, берутъ Евдона въ плѣнъ; Берѳа же спасается въ монастырь. Роландъ обманываетъ любовниковъ подложными письмами, въ которыхъ удостовѣряется, что Евдонъ и Берѳа убиты. Между тѣмъ Евдонъ получаетъ свободу, ѣдетъ въ Парижъ и тамъ, за военные подвиги противъ разбойниковъ, производится въ фельдмаршалы. Однажды въ монастырѣ, въ которомъ постриглась Берѳа, произошелъ пожаръ; Евдонъ съ своими воинами поспѣшилъ туда на помощь, при чемъ въ числѣ монахинь узналъ Берѳу и спасъ ее отъ смерти. По его просьбѣ Берѳу выпускаютъ изъ монастыря и позволяютъ ей выйдти за него за̀ мужъ. Въ концѣ романа Евдонъ дѣлается французскимъ королемъ.

54. „**Гисторія о Ипполитѣ**, графѣ Аглинскомъ, и о Жуліи, графинѣ Аглинской-же, любезная и всѣму свѣту куріозная инвентура» извѣстна въ нашей рукописной литературѣ XVIII вѣка, по нѣсколькимъ спискамъ (Пыпинъ, 285).

54. А. Прибавить: „**храбрыии витезь вінціанъ Францел**“,—онъ скачетъ на конѣ, держа въ рукѣ штандартъ. Листовая картинка,

гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. А. Яковлева. «Исторія о храбромъ Рыцарѣ Францылѣ Венеціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ» была напечатана нѣсколькими изданіями въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка (Напр.: Москва 1789. 16°, 2-е изд.). По мнѣнію А. Н. Пыпина, она была извѣстна въ нашей рукописной литературѣ уже въ XVII вѣкѣ, на что указываютъ архаизмы, и самое изложеніе одной изъ редакцій ея, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ И. Е. Забѣлину (№ 69), подъ слѣдующимъ названіемъ: «Гисторія о храбромъ Гишпанскомъ рыцарѣ Венцыанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ по свидѣтельству Малтійскихъ кавалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему, второе кавалерское имя Францель,—и о прекрасной Гишпанской королевнѣ Пресіянѣ, выписано изъ древнихъ гранографовъ»... (Пыпинъ, стр. 287). Въ другихъ спискахъ Пресіяна названа великобританской королевой Роксаной.

54. Б. Прибавить: „**Походъ славнаго рыцаря колеандра лодвіка**“. Въ старинной царской каретѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ, сидятъ двое господъ; карета запряжена шестерикомъ, цугомъ, съ однимъ форрейторомъ на передней парѣ; впереди двое верховыхъ; у кареты, съ боку, гайдукъ и два пажа; одинъ пажъ еще сзади на запяткахъ. Двухлистовая картинка, гравированная на деревѣ[1]). Дѣйствующія лица заимствованы изъ: «гисторіи о Колеандрѣ, цесаревичѣ Греческомъ, и о прекрасной Неонилдѣ, цесаревнѣ Трапизонской» (рукопись находится въ библіотекѣ Казанскаго Университета: Журналъ М. Н. Просв. 1854. Августъ, 31.—Пыпинъ, 289). Въ СПБургской Публичной Библіотекѣ есть тоже переводъ этого романа (рукопись XVIII вѣка; Ѳ. XV. № 40), съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Гисторія о греческомъ цесаревиче Колеандрѣ і о трепизонской цесаревнѣ Неонилдѣ переведена з греческаго на словенскій языкъ».

55. **Шемякинъ судъ.** Дополнить: Съ досокъ изданія *г* сдѣ-

---

[1]) Изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. А. Яковлева.

лено новое изданіе (*е*), съ помѣтой на первой страницѣ: «печат. поз. М. 1839 года Маія 30. Цен. В. Флеровъ. въ Метало. Сергѣевой» (у П. А. Ефремова)[2].

Повѣсть о Шемякиномъ судѣ сохранилась въ русской рукописной литературѣ въ спискахъ конца XVII и начала XVIII вѣка; въ нынѣшнемъ-же столѣтіи она была издаваема много разъ нашими и иностранными учеными, а именно: 1) Въ 1808 году напечатана она, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Журналѣ г. Гейдеке «Janus», изданномъ въ Ригѣ; этотъ переводъ перепечатанъ Бенфеемъ въ его Pantschatantra (1859, I. 394). 2) Въ 1831 году, въ сказкахъ Дитриха (Russische Volksmärchen, Leipzig. 1831). 3) Въ передѣлкѣ, въ особой книжкѣ, съ картинками (Москва 1794 г.), подъ заглавіемъ; «Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ баснями въ лицахъ»; въ предисловіи авторъ, А. Оленинъ, говоритъ, что картинки рисовалъ и гравировалъ онъ самъ. 4) Въ русскихъ сказкахъ Сахарова (1841, 269), въ неполномъ видѣ, съ рукописи Бѣльскаго. 5) А. Н. Пыпинымъ, по двумъ спискамъ: Забѣлинскому и Толстовскому (Архивъ Калачева 1859, отд. V, стр. 1, и Очеркъ литерат., 300). 6) Ѳ. И. Буслаевымъ по списку, ему принадлежащему (Историч. Христоматія 1861 г., стр. 1443). 7) Н. С. Тихонравовымъ, въ его Лѣтописяхъ литературы (1861 г., V. 34). 8) Въ Памятникахъ Старинной Литературы, изданныхъ гр. Кушелевымъ (II. 405), по Толстовскому списку. 9) А. Аѳанасьевымъ въ его сказкахъ, по двумъ новѣйшимъ редакціямъ, съ особымъ прибавочнымъ разсказомъ впереди, о томъ, какъ жили два брата (въ другомъ спискѣ два пустынника): одинъ бѣдный, другой богатый; какъ бѣдный проработалъ у богатаго цѣлое лѣто за двѣ мѣры ржи и т. д. 10) Академикомъ М. И. Сухомлиновымъ—сводный текстъ Шемякина Суда по разнымъ спискамъ, съ приложеніемъ цѣлаго изслѣдованія о происхожденіи этой повѣсти (Приложеніе къ XXII тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, 1873 г.).

---

[2]) Есть еще изслѣдованіе г. Булгакова о Шемяк. Судѣ (съ воспроизведеніемъ лицевой сказки)—въ изданіяхъ Общ. любит. древней писменности.

Бенфей первый указалъ на индѣйское происхожденіе Шемякина суда и на сходство его съ Тибетской сказкой Дзанглуна и съ индѣйской сказкой о Каирскомъ купцѣ (Pantschatantra 1859, I. 394); нѣмецкій ученый фонъ-деръ-Гагенъ замѣтилъ, хотя и вскользь, подобное-же сходство Шемякина суда съ нѣмецкою пѣснью о судѣ Карла Великаго (Literar. Grundriss.... Berlin 1872, 172). «Въ Тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ, браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія: онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждами мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждами ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполнѣ сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ: такъ какъ отвѣтчикъ, приведя быка ничего не *сказалъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку-отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка царь приказываетъ бѣдняку взять её себѣ въ жены и прижить съ нею другаго ребенка, и т. д. Въ Индѣйской сказкѣ о Каирскомъ купцѣ подсудимый—солдатъ, взявшій у жида взаймы деньги подъ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидываетъ. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе; по остальнымъ обвиненіемъ—тѣже приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской» (Сухомлиновъ, 13). Въ пѣснѣ о судѣ Карла Великаго повторяется разсказъ о фунтѣ мяса, который жиду предстояло вырѣзать изъ тѣла купца; за-

тѣмъ купецъ идетъ на судъ императора; дорогой онъ заснулъ и лошадь его раздавила ребенка, — къ дѣлу прибавляется новый истецъ, отецъ ребенка; далѣе, въ ожиданіи суда, купецъ заснулъ въ горницѣ и вывалился изъ окна, причемъ задавилъ стараго рыцаря, сидѣвшаго подъ окномъ на лавкѣ; прибавляется еще истецъ, — сынъ рыцаря; приговоръ Карла Великаго вполнѣ сходенъ съ Шемякинымъ (Сухомлиновъ, 15). Случай о томъ, какъ каменщикъ упалъ съ башни и раздавилъ сидѣвшаго внизу человѣка, и какъ вызванный въ судъ, сыномъ убитаго, предложилъ ему: «войди на башню и бросься на меня и убей меня до̀ смерти», — разсказанъ и въ польской передѣлкѣ нѣмецкаго Eulen Spiegel'я, (Sowi-Zrzal, т. е. совиное зеркало)[3]) и въ нѣмецкихъ смѣхотворныхъ сборникахъ (Museum für Altdeut. Lit., II. 283).

У польскаго писателя XVI вѣка Рея изъ Нагловицъ мы находимъ разсказъ о камнѣ, который отвѣтчикъ показывалъ судьѣ, и который судья, во время суда, принималъ за мѣшекъ съ деньгами. Въ концѣ суда отвѣтчикъ объясняетъ ему, что этотъ камень полетѣлъ-бы ему въ лобъ, еслибы дѣло было рѣшено имъ неправильно (Тихонравовъ, Лѣтописи, V. 37). Симрокъ, въ своемъ сочиненіи объ источникахъ Шекспира (Die Quellen des Shakspeare. 1870 I. 213—254) перечисляетъ множество матеріаловъ для сравнительнаго изученія этой повѣсти.

Ѳ. И. Буслаевъ, въ статьѣ о странствующихъ повѣстяхъ, приводитъ, по этому предмету, слѣдующія замѣтки:

«Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ болонскаго изданія памятниковъ италіянской литературы напечатаны, съ примѣчаніями Алессандро Д'Анкона, Новеллы Джованни Серкамби (1347—1424), которыя вообще предлагаютъ много интереснаго по вопросу о литературномъ заимствованіи[4]). Между ними есть одна

---

[3]) Въ русской передѣлкѣ: «Похожде́ніе хитраго и забавнаго шута Совѣст-Драла большаго носа; переводъ съ Польскаго и дополнено съ другихъ языковъ». (1793, II. 173).

[4]) Scelta di litterarie, 1871, № 119. Рецензію Рейнг. и Кёлера см. въ Jahrbuch f. roman. u englische Liter. 1871, XII, стр. 347 и слѣд.

подъ названіемъ *О праведномъ судѣ* (№ IV), въ которой трактуется сюжетъ нашего *Шемякина Суда*. Сравнивая эту италіянскую новеллу съ современнымъ ей нѣмецкимъ стихотвореніемъ мейстерзенгера о Судѣ Карла Великаго, замѣтимъ, что она ближе стоитъ къ русскому сказанію и, вмѣстѣ съ однимъ древне-англійскимъ стихотвореніемъ, замѣняетъ извѣстный мотивъ о кускѣ мяса тяжбою о недочетѣ денегъ, которая въ свою очередь является въ странствующихъ сказаніяхъ самостоятельнымъ сюжетомъ. Отвѣтчикомъ на судѣ является у Серкамби крестьянинъ Ландрея. Разъ жена его приноситъ домой чемоданъ, который нашла на дорогѣ; не раскрывая положили они его въ сторону и сами стали обѣдать. Между тѣмъ владѣлецъ чемодана, богатый купецъ изъ Лукки, замѣтивъ потерю, немедленно отправился на поиски, и тотчасъ-же нашелъ у бѣдныхъ людей свой чемоданъ, котораго они еще не успѣли и раскрыть. Однако купецъ увѣрялъ, что въ чемоданѣ было сто флориновъ, а не девяносто, оказавшіеся налицо, и, обвиняя Ландрею въ утайкѣ десяти флориновъ, повелъ его на судъ въ Лукку. На пути Ландрея помогаетъ одному мужику, везшему дрова, вытащить изъ грязи лошадь, но, ухвативъ ее за хвостъ, обрываетъ его, и мужикъ тоже идетъ бить на него челомъ въ Лукку.

Послѣ того они встрѣтили одну благородную даму: лошадь подъ ней испугалась Ландреи и сбросила съ себя даму. Дама была на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и тутже на мѣстѣ выкинула недоноска. Мужъ дамы присоединился къ двумъ прежнимъ истцамъ. У самой Лукки Ландрея съ отчаянія бросается съ моста въ воду и убиваетъ въ лодкѣ одного мущину. Братъ убитаго тоже идетъ въ судъ съ жалобой. Судьи въ Луккѣ постановили такой приговоръ: во первыхъ, чемоданъ съ девяносто флоринами истцу не принадлежитъ, потому что у него было положено сто; пусть отвѣтчикъ оставитъ чемоданъ у себя до тѣхъ поръ, пока сыщется его владѣлецъ. Во вторыхъ, Ландрея обязанъ держать у себя лошадь до тѣхъ поръ, пока у ней отростетъ хвостъ, и тогда воротить владѣльцу. Втретьихъ, онъ-же обязанъ

взять къ себѣ даму и жить съ нею до шестаго мѣсяца ея новой беременности, и съ этимъ приплодомъ передать мужу, и наконецъ Ландрея былъ приговоренъ сѣсть въ лодку подъ мостомъ, чтобъ истецъ бросился съ мосту и ушибъ его до смерти. Тоже самое содержаніе было обработано въ стихахъ о нѣкоторомъ водовозѣ Буссотто, которые не разъ были издаваемы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. По древне-англійскому стихотворенію, нѣкоторый купецъ потерялъ мѣшокъ съ сотнею фунтовъ, и тому кто найдетъ обѣщалъ выдать двадцать фунтовъ. Мѣшокъ нашелъ одинъ бѣднякъ и отдаетъ купцу, но купецъ уже утверждаетъ, что было не сто, а сто двадцать фунтовъ, и потому онъ не обязанъ платить обѣщанную награду, такъ какъ нашедшій распорядился самъ и взялъ, что ему слѣдуетъ. Чтобы рѣшить тяжбу оба идутъ въ судъ къ самому Соломону. На пути встрѣтилась дама на лошади, которая испугалась бѣдняка. Дама упала и выколола себѣ глазъ. Ея мужъ тоже идетъ къ Соломону съ жалобой. Когда они шли вдоль моря, бѣднякъ рѣшился было утопиться, но попалъ съ берега въ лодку и убилъ въ ней рыбака. Братъ убитаго присоединился къ истцамъ. Соломонъ затрудняется какъ рѣшить дѣло, и поручаетъ его своему шуту Marke, More, вѣроятно Маркольфу или Марольфу, извѣстному наперстнику Соломона, въ народныхъ книгахъ объ этихъ двухъ лицахъ. Приговоръ все тотъ-же, только варіантъ о дамѣ рѣшается тѣмъ, что рыцарь долженъ промѣнять свою одноглазую жену на жену бѣдняка съ обоими глазами» (Стр. 703 и 704.—См. также А. Веселовскаго, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 75).

Всѣ эти кривосуды представляютъ видимую пародію на древній законъ Моисеевъ: «око за око, зубъ за зубъ», и попадаются даже въ древнихъ еврейскихъ источникахъ. Въ Вавилонскомъ Талмудѣ, напримѣръ, разказывается, что въ Содомѣ были четыре судьи: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-Дина (Кривосудъ). Если кто прибьетъ беременную женщину и она выкинетъ, то судьи приговаривали мужу отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беремен-

ною. Отсѣкалъ-ли кто ухо у чужаго осла,— судьи отдавали осла во владѣніе обидчику, пока у осла не выростетъ новое ухо (Трактатъ Синедріонъ, л. 109; Сухомлиновъ, 25)*). Такая пародія на право возмедія должна была найти полное сочувствіе въ допетровской Россіи, гдѣ право это проведено не только въ обычаяхъ, но и въ самомъ законѣ, который повелѣвалъ зажигателя— сжечь, убійцу—казнить смертію, дѣлателямъ фальшивой монеты—залить горло оловомъ (Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Гл. XXI. 75; V. I; X. 228). По этому-же обычаю, еще прежде того, казнилъ Иванъ Васильевичъ одного дьяка, который принялъ въ *посулъ* жаренаго гуся, начиненнаго деньгами. Когда дьяка вывели на площадь, царь спросилъ палача, который-бы умѣлъ разрѣзать жаренаго гуся, и приказалъ сперва обрѣзать дьяку ноги до икръ, потомъ руки, повыше локтя, и наконецъ голову «чтобы онъ совсѣмъ былъ похожъ на гуся» (Флетчеръ, О госуд. русск., 36). По свидѣтельству Котошихина (О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, изд. 1840, стр. 95), несостоятельный должникъ отдавался въ услуженіе заимодавцу; «если-же господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку, или ногу, или глазъ выколетъ, или губы, или носъ, или уши, или иное что обрѣжетъ, и ему противъ того-жъ будетъ указъ учиненъ самому рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ тогожъ».

Текстъ русской повѣсти о Судѣ Шемяки, по древнѣйшему списку конца XVII или начала XVIII вѣка (Публич. Библіот. Q. № 41, лл. 42—45 об.), слѣдующій: «Богатый-же ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити, и по нѣколику времени пріиде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужахъ тебя многа а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у

---

[5]) Подробно выписанъ этотъ трактатъ въ Судѣ Шемяки, изд. общ. любителей древней письменности: СПБ. 1879. № XXXVIII. (см. предисловіе Ѳ. Булгакова, стр. 41).

него просити: хомута нѣтъ, и оскорбися на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогій-же пойде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и пойде въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и накладчи на дровни елико лошади возможно везть, и повезе къ двору своему. И привезчи дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изо всей мочи бросяся зъ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогій же веземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ-же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и пойде на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ-же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить. И пріидоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый пойде ночевать къ попу того села по знакомству. Убогій же братъ пріиде къ тому же попу, и пріиде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывати про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попъ зъ богатымъ ужинати и пити и ясти. Убогій-же нача съ полатей смотрить что попъ зъ братомъ его пьетъ и естъ, а его не позовутъ, и незапу убогій урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ-же видѣ сына своего смерть и совершася (совѣщася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить челомъ на убогаго-же въ убійствѣ сына своего. И пріидоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій-же иде за ними-же. И внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій пойде мостомъ мостъ же сдѣланъ надъ глубокимъ рвомъ и нѣкій человѣкъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій-же размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умысля въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упаде на стараго человѣка — сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Того-жъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку. Убогій же мышляше какъ-бы ему бѣды избыти, и умысля взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста пе-

редъ судьею, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судьѣ. Судья-же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченый камень и показавъ де и поклонися.

Судія-же надѣяся, что ему отъ дѣла сулитъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошадь возьми». Потомъ нача другій судъ быти, и подаде попъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій такъ же выня платъ съ каменемъ и такожь судьѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда сулилъ убогій-же. Рече судія попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадью. Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій-же вынявъ изъ шапки тотъ-же заверченный камень въ платѣ и показа судьѣ. Судья-же чая, что ему третій узолъ сулилъ и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты убогій-же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогаго, якоже бросился на отца своего. Убогій же нача Бога хвалити что судія по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошадя своей. Онъ-же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогому брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ (хвоста). Потомъ же убогій нача попадьи просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадью ребенка у ней добыть а съ ребенкомъ бы попу попадью отдать. Попъ же нача убогому бить челомъ, чтобъ у него попадьи неималъ, а убогій же нача носитися и попадью хотя у попа взяти, и даде попъ убогому за попадью 50 рублевъ денегъ да кобылу съ жеребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убогій третьему истцу по

судейскому указу говорить: я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ, а ты съ мосту бросися на меня также якоже азъ на отца твоего. Онъ-же размышляя въ себѣ: аще мнѣ броситися, его будетъ не убити, а себя буде убити. И нача истецъ мпритися и даде ему 30 рублевъ денегъ да лошадь съ коровою. Судія-же высла человѣка своего къ отвѣтчику и велѣлъ у него взять показанные три узла. Человѣкъ-же судейскій нача у него трехъ узловъ просити; онъ-же вынявъ изъ шапки заверченный камень въ платѣ, показа тому человѣку, и человѣкъ нача его выпрошати, что то за за камень кажешь. Онъ же рече: я де того ради сей камень судьѣ казалъ, кабы онъ не по мнѣ судилъ и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибти. И пришедъ человѣкъ и сказалъ судьѣ. Судья же слыша отъ человѣка своего и рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убогій отыде въ домъ свой радуяся и хваля Бога. Аминь» (Сухомлиновъ, 8).

Такимъ образомъ основа русской повѣсти не представляетъ ничего оригинальнаго: отдача по суду лошади отвѣтчику до тѣхъ поръ, пока отростетъ у ней новый хвостъ, напоминаетъ Судъ Содомскихъ судей объ ослиномъ ухѣ; смерть попова ребенка и рѣшеніе судьи по этому случаю, а также и смерть больнаго человѣка, повторяются, какъ было указано выше, во многихъ источникахъ; а эпизодъ съ камнемъ, — польскаго происхожденія. Завсѣмъ тѣмъ повѣсть эта не переведена съ какого нибудь языка дословно, но она только заимствована или передѣлана изъ польскихъ или нѣмецкихъ сказаній, съ прибавленіемъ чисто русскихъ подробностей: самый судъ названъ Шемякинымъ, по имени Галицкаго князя Дмитрія Шемяки, прославившагося въ XV вѣкѣ своими беззаконіями, по приказанію котораго были выколоты глаза в. кн. Василію Темному. «Отъ сего убо времени», какъ свидѣтельствуетъ одинъ хронографъ, «въ велицей Руссіи на всякаго судью и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ» [6]) (Снегиревъ, Лубочн. карт. М. 1861, стр. 59).

---

[6]) Происхожденіе этой пословицы профессоръ Соловьевъ объясняетъ

Затѣмъ появленіе на судѣ, въ числѣ истцевъ, русскаго попа, приговоръ объ отнятіи у него попадьи, раздумье отвѣтчика о томъ, что хоженаго дать нечего и что де не быть живому при тогдашнихъ судейскихъ порядкахъ, — все это, какъ справедливо замѣчаетъ Сухомлиновъ, внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками (стр. 30).

Въ сказкахъ новѣйшаго изобрѣтеніи, записанныхъ у Аѳанасьева, къ этимъ припискамъ присоединены еще другія русскія особенности: о горемыкѣ, закабалившемъ себя за двѣ мѣры ржи, о снѣжныхъ сугробахъ, изъ которыхъ приходится вытаскивать проѣзжихъ; нежеланіе мужичка отдать дитя свое на воспитаніе въ чужую семью ни за какія деньги, рожденіе вымоленнаго у Бога ребенка и зарокъ взять въ кумовья. Мы не приводимъ здѣсь текста этѣхъ сказокъ, какъ по новости ихъ языка и разсказа, такъ и потому, что онѣ не имѣютъ прямой связи съ нашимъ судомъ, хотя и составлены какъ бы въ видѣ особаго къ нему вступленія.

55. А. Прибавить повѣсть: «**О дворянине и мужикѣ.** Дворенїнъ некїй дорогою шелъ впередї. а мужїкъ крестьянинъ | ехалъ позадї. которой весъ на лошадї дровъ продать, чемъ | себя ї жену здетмї пїтать, ї крїчалъ тому дворенїну господинъ поберегїсь, ви-

---

слѣдующимъ образомъ: «Положеніе Шемяки въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсти расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступиться отъ своихъ пріобрѣтеній... Обязанный уступать требованіямъ князей-союзниковъ въ ущербъ силѣ Московскаго Княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему не расположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго». По замѣчанію А. Веселовскаго самое имя Шемяки—восточное и примѣненіе Шемякина суда къ исторической личности Дмитрія Шемяки—чисто внѣшнее (Исторія русск. литерат. Галахова, 433).

дішъ свозомъ еду посторонісъ. годінъ же того бутто, не слыхаˣ, мужікже на лошеді оглоблею вспіпу попаˡ. втомъ велікую обіду показаˡ, на томъ годіне епанчу разодраˡ. відя гднъ сталъ снімъ бранітца, схватілъ мужіка поідемъ судітца. или заплати за епанчу, то ужъ ксуду непотащу. мужікъ-полна гднъ я крічалъ поберегісъ, покінь лутче со мной не судісъ. а ты ліха спесівъ болно сталъ, того раді і вспину оглоблею попалъ. гднъ нетъ мужикъ бестія я учіню надтобой отместіе. когда сталъ теперь бранітца, пойдемъ стобой судітца. і прішедъ педсудію сталъ объявлять, Какую обіду мужікъ могъ показать. годнъ судья прошу стакого віду стоящей здѣ мужікъ показаˡ мне обіду. прошу мілость сомной явіть, втомъ деле ево спросіть. мужікъ толко на судью взіраетъ, нікакіˣ речей ему необъевляеᵗ. судья неоднократно кричаˡ, дабы что нібудь ему отвечаˡ. свірепо закрічаˡ слышышлі, что говоряᵗ, тебя віть чучілу браняᵗ. видя судья сказаˡ нечево немова і судіть, когда нічего судья не говоріᵗ. гднъ судья неᵗ сударь я о томъ уже веᵐ, сей мужікъ істінно неᵐ. вотъ сімъ часоᵐ ехалъ бодро і крічаˡ во все горло. поторонісъ поторонісъ гднъ, извол відеть еду свозоᵐ неодінъ слышаˡ. судья расмеялся почтожъ ты просішъ втакой только себя стыдъ пріводішъ когда онъ крічать громко тщілся, для чево ты ему не посторонился. і велелъ годіна прогнатъ втолчкі, дать вспину хорошіе тычки. тако мужікъ явілся правъ, а господінъ понесъ на себѣ штрафъ. мало то годитца умному съ глупымъ судітца». Листовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева. Она раздѣлена на два отдѣленія: въ первомъ мужикъ наѣхалъ съ возомъ на господина; во второмъ господинъ судится съ мужикомъ, приставъ гонитъ его въ толчки (Въ моемъ собраніи).

56 и 57. **Сказка о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ** перепечатана цѣликомъ изъ книги: «Лекарство отъ задумчивости». СПБ. 1786 г. 16°. Оттуда же она перепечатана и въ сборникѣ Аѳанасьева (IV. 134). Другіе пересказы этой сказки напечатаны: въ сказкахъ Сахарова (стр. 174); имъ-же въ Отеч. Запискахъ 1841 г.

№ 1; Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 г. № 1, стр. 17 (въ передѣлкѣ); у Худякова, I. 24; и еще разъ у Аѳанасьева, I. 394. По замѣчанію Аѳанасьева (IV. 142), сказка эта сходна съ разсказами, напечатанными въ сборникѣ Валявца (стр. 44—47), въ Slav. Citanka (39—42), въ книгѣ: Westslawischer Märchenschatz (140—3), въ Kinder-und Hausmärchen (II. 129), и въ Пентамеронѣ Базили (II. № 47), подъ названіемъ: «пять сыновей».

Въ этой послѣдней сказкѣ одинъ братъ воръ, другой корабельщикъ, третій стрѣлокъ, четвертый понимаетъ птичій языкъ, а пятый знаетъ отыскивать живую траву. Они берутся возвратить царю его дочь, унесенную лѣшимъ (дикимъ человѣкомъ), похищаютъ ее и увозятъ на кораблѣ; третій братъ убиваетъ лѣшаго, пустившагося было ихъ преслѣдовать, а пятый достаетъ живой травы и оживляетъ ею умершую отъ страха царевну. Въ концѣ братья предъявляютъ права свои на царевну, причемъ каждый утверждаетъ, что сдѣлалъ для освобожденія ея больше другихъ; царь разрѣшилъ ихъ споръ тѣмъ, что отдалъ дочь въ замужество ихъ отцу (Pentamerone, II. 220).

Нѣкоторые мотивы сказки о семи Симеонахъ встрѣчаются тоже въ 5-мъ разсказѣ Пентамерона—«блоха». Одинъ царь потихоньку выкормилъ на своей головѣ блоху, такъ что стала она съ цѣлаго барана. Снялъ онъ съ нея шкуру, и обѣщалъ отдать свою дочь Порціеллу тому, кто угадаетъ съ кого снята была шкура. Загадку разгадалъ лѣшій (по запаху), онъ уводитъ Порціеллу; но семь сыновей одной старухи спасаютъ ее: одинъ изъ нихъ бросилъ камень,—башня выросла, другой—стрѣлокъ безъ промаха, третій—вѣтку вверхъ бросилъ,—лѣсъ выросъ и т. д. (Der Pentamerone. 1846, I. 66). Снегиревъ несправедливо указываетъ, что сказка наша заимствована изъ Sieben weisen Meister *или* изъ исторіи въ виршахъ (у Scheible) Die Sieben Schwaben; ни та, ни другая повѣсть не имѣютъ ничего общаго съ сказкой о семи Симеонахъ (Лубочн. карт., стр. 110). Въ заключеніе замѣчу, что въ нашей сказкѣ упоминается царь Адоръ; имя это, какъ имя цѣлаго народа, находится и въ «Сказаніи о

Синагриппѣ царѣ Адоровъ», помѣщенномъ въ одномъ сборникѣ съ словомъ о полку Игоревѣ и повѣстью о богатой Индіи. Въ изданіи пѣсенъ Рыбникова Безсоновъ дѣлаетъ сближеніе сказки о семи Симеонахъ съ древними греческими легендами о царицѣ Еленѣ (Рыбниковъ, II. CXXIX), а по замѣчанію В. В. Стасова, сказка наша имѣетъ сходство, какъ въ главныхъ частяхъ, такъ и въ подробностяхъ, съ Монгольско-Калмыцкой повѣстью Шидди Куръ, о шести товарищахъ (Въ VI т. Этнограф. Сборника Географ. Общ). Нѣкоторое сходство съ Симеонами, укравшими Елену, представляетъ Волхвъ, который, по порученію царя Китовраса (изъ Лукорья), отправляется на караблѣ въ Іерусалимъ, крадетъ тамъ жену царя Соломона, напустивъ на нее передъ тѣмъ сонъ, и увозитъ её къ Китоврасу (См. изд. Общ. любит. древней письменности, 1876. № XV).

58. — Мною пріобрѣтено еще старѣйшее изданіе этой сказки, въ 16 картинкахъ, гравированныхъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Послѣдняя строка текста первой картинки оканчивается такъ: «остался дом[а]».

58 и 59. **Сказка объ Емельянѣ дурачкѣ.** Сказка эта заимствована изъ Пентамерона Базили, но съ разными измѣненіями. Въ Пентамеронѣ архи-болванъ и лѣнтяй Первонто, по приказанію матери, идетъ въ лѣсъ нарубить дровъ. Здѣсь видитъ онъ на полянѣ, на полденномъ солнцѣ, лежатъ-спятъ трое юношей; жалко ему стало ихъ; вотъ нарубилъ онъ вѣтокъ и состроилъ надъ ними шалашъ. Когда юноши проснулись, то похвалили любезность Первонто, и въ награду дали ему волшебную силу: что онъ ни пожелаетъ, все будетъ дѣлаться (по щучьему велѣнью русской сказки). Прежде всего Первонто нарубилъ огромную кучу сучьевъ и приказалъ ей отправиться домой. Поскакала куча по пнямъ и по буграмъ, по дорогѣ въ городъ, по улицамъ мимо дворца; посмотрѣла на эту продѣлку изъ окошка царская дочь и захохотала во все горло (до того времени она ни разу даже и не улыбнулась).

Увидалъ ее Первонто, очень она ему понравилась: «хочу», говоритъ, «чтобъ сія принцесса тотчасъ-же отъ меня забрюхатѣла!» и ушелъ домой. А принцесса между тѣмъ поносъ понесла, и черезъ девять мѣсяцевъ родила двухъ сыновей; не придумаетъ царь, отъ кого бы родила она тѣхъ дѣтей; и посовѣтывали ему мудрецы: подождемъ-де семь лѣтъ, когда подростутъ ребята, созовемъ со всего государства знатныхъ людей, къ кому начнутъ они ласкаться, тотъ значитъ и отецъ имъ. Прошло семь лѣтъ; созвали всѣхъ знатныхъ: ни къ кому не ласкаются принцессины сыновья. «Попробуемъ», говорятъ мудрецы, «созовемъ всѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, и всякую голь; женскій вкусъ не разберешь, пожалуй что и съ дрянью слюбилась». Созвали, — и какъ разъ ребятишки прибѣжали къ Первонто, и вѣшаются къ нему на шею. Значитъ отысканъ виновникъ. По общему приговору сдѣлали бочку, посадили туда всѣхъ четверыхъ: принцессу съ Первонто и двухъ сыновей ихъ, и пустили по морю. Конецъ сказки такой-же, какъ и у насъ: по просьбѣ принцессы Первоно приказываетъ бочкѣ превратиться сперва въ корабль, а потомъ въ роскошной дворецъ; вечеромъ царь, отецъ принцессы, заблудившійся на охотѣ, проситъ пустить его во дворецъ, гдѣ находитъ Первонто, преобразившагося изъ пентюха въ благозрачнаго принца, свою дочь и внуковъ и благословляетъ ихъ на новую жизнь (Der Pentamerone v. G. Basili. 1846, I. 43. Pervonto.—Dunlop, 407). Точно такъ, какъ нашъ Емельянушка соглашается исполнить всякую просьбу не иначе, какъ послѣ трехъ приставаній, въ Неаполитанской сказкѣ Первонто исполняетъ просьбы своей принцессы послѣ того, какъ она три раза покормитъ его фигами и черносливомъ.

Въ сборникѣ Аѳанасьева напечатаны русскіе варіанты этой сказки (№№ 100, 101, 158 и 162) и перечислены подобныя же сказки на польскомъ, сербскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (IV. 187—189). Отдѣльно сказка эта напечатана въ Москвѣ, въ 1787 году. В. И. Даль напечаталъ её, въ литературной передѣлкѣ, въ своихъ повѣстяхъ Казака Луганскаго (II. 415).

60. **Сказка о хозяинѣ и работникѣ.** Прибавить: есть еще два изданія этой сказки: *г*,—послѣдняя строка текста заканчивается въ немъ словами: «началъ варить яица» (въ моемъ собраніи) и *д*, съ помѣтою: «въ Метал: Сергѣевой» (у П. А. Ефремова). Варіантъ этой сказки напечатанъ у Худякова (II. 70).

61. **Смирный мужикъ и драчливая жена.** Есть еще изданіе этой сказки, начала нынѣшняго столѣтія; первая страница заканчивается словами: «онъ въ дремучій лесъ» (У П. А. Ефремова). У Боричевскаго (I. 120) разсказана польская сказка, сходная съ № 61; но съ другимъ концемъ и съ нѣкоторыми разницами въ подробностяхъ. Мужикъ дуракъ спасъ колдуна,—тотъ даритъ ему за это сперва златоруннаго барана, потомъ курицу, несущую золотыя яйца, и наконецъ волшебную скатерть; старая колдунья подмѣняетъ у мужика всѣ эти вещи. Наконецъ колдунъ даетъ мужику мѣшокъ, изъ котораго по приказу хозяина выскакиваютъ двѣ палки и колотятъ, кого приказано. Этимъ послѣднимъ подаркомъ мужикъ отплатилъ колдуньѣ—палки забили её до смерти, самъ же онъ пристроился ко дворцу и женился на царской дочери. Варіанты на эту сказку напечатаны въ сборникѣ Аѳанасьева (II. 109, двое изъ сумы), гдѣ поименованы и иностранныя сказки, сходныя съ нашею.

Въ Пентамеронѣ Базили разсказаны приключенія Антона дурачка, напоминающія конецъ нашей сказки. Антонъ дурачекъ, за необыкновенную свою глупость, былъ выгнанъ матерью изъ дому; въ лѣсу онъ встрѣтилъ лѣшаго (дикаго человѣка), и нанялся къ нему въ услуженіе. Года черезъ два сталъ онъ проситься на побывку къ матери; лѣшій отпустилъ его и еще подарилъ за службу осла, который, какъ скажешь ему «arre caccaure», испражнялся золотомъ. Дорòгой дуракъ остановился на ночевку въ гостинницѣ; отправляясь спать, онъ отдалъ осла своего хозяину, предупредивъ его, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не говорилъ ослу «arre caccaure»,—не то худо будетъ. Конечно хозяинъ не послушалъ запрещенія, сказалъ завѣтныя слова, и оселъ нало-

жилъ ему полный мѣшокъ золота. Затѣмъ хозяинъ подмѣнилъ осла. Антонъ пріѣзжаетъ домой, приводитъ осла къ матери и объявляетъ ей чудныя его свойства; сдѣлалъ пробу, при которой вмѣсто золота отъ осла получилось совсѣмъ другое,—и мать по прежнему выгнала глупаго Антона въ лѣсъ; опять сталъ Антонъ служить лѣшему. Но не прошло и года, какъ Антону снова всгрустнулось по родинѣ; отпустилъ его лѣшій и подарилъ при этомъ скатерть самобранку, съ которой повторилась у хозяина гостинницы и у матери таже исторія. Въ третій разъ лѣшій, отпустивъ Антона на родину, подарилъ ему волшебную дубинку. По обыкновенію Антонъ по дорогѣ зашелъ въ знакомую гостинницу и, ложась спать отдалъ дубинку на сохраненіе хозяину, предваривъ его, чтобы онъ ей словъ «встань дубинка» не говорилъ. Къ ночи хозяинъ заперся съ женой своей въ спальню, положилъ передъ собой дубинку, и только что сказалъ ей запрещеныя слова, какъ дубинка пошла ходить по ихъ спинамъ и почемъ ни попало, и такъ обработала ихъ, что они, разбудивъ Антона, отдали ему и волшебнаго осла, и скатерть самобранку, и выпроводили съ дубиной изъ гостинницы. Антонъ вернулся съ своими сокровищами домой и конечно былъ принятъ домашними съ большимъ почетомъ (Der Pentamerone von G. Basili. Breslau 1846, I. 15. Der wilde Mann).

Въ одной старинной повѣсти о царѣ Соломонѣ занесенъ разсказъ, напоминающій начало нашей сказки,—о женщинѣ, которая жаловалась Соломону на вѣтеръ, развѣявшій у нея муку (Тихонравовъ, Лѣтописи литерат., IV. 147).

62. **Сказка о купцовой женѣ и о прикащикѣ.** Есть еще изданіе *(вв)* начала нынѣшняго столѣтія; послѣдняя строка первой страницы въ немъ состоитъ изъ словъ: «одинъ разбераешъ» (У П. А. Ефремова).

Текстъ этой сказки заимствованъ, съ довольно значительными измѣненіями, изъ сказки «О лукавой женѣ и о прикащикѣ», помѣщенной въ «Старичкѣ весельчакѣ» (стр. 50) и написанной тоже

виршами. Въ сказкѣ этой начальныхъ словъ: «во Франціи былъ»— нѣтъ; слова эти прибавлены только въ лицевомъ народномъ изданіи Первоначальные мотивы этой повѣсти находимъ мы въ индѣйскомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ *Семидесяти разсказовъ попугая* (Шукасаптати), переложенномъ на персидскій языкъ персіяниномъ Нахшеби († 1329 г.), подъ названіемъ *книги попугая*. Въ 8-й ночи этой книги помѣщенъ разсказъ о царѣ, его сынѣ и мачихѣ; мачиха влюбилась въ своего пасынка; пасынокъ отвергаетъ ея любовь; разсвирѣпѣвшая мачиха облыгаетъ его передъ царемъ, своимъ мужемъ, и царь повелѣваетъ казнить сына. Здѣсь начинаются увертки: совѣтникъ или воспитатель сына разсказываетъ царю притчи о женскихъ злобахъ, вслѣдствіе которыхъ царь убѣждается, что спѣшить казнію не слѣдуетъ, и отмѣняетъ казнь; затѣмъ разсказываетъ такія-же притчи мачиха, въ доказательство того, сколько вреда можетъ принести царю злой сынъ, если онъ будетъ оставленъ въ живыхъ; царь убѣждается этими разсказами, и снова приказываетъ казнить сына, который, по совѣту воспитателя, въ продолженіе семи дней притворяется нѣмымъ, а на седьмомъ заговорилъ и обличилъ свою мачиху. Повѣсть оканчивается казнію мачихи. Въ восьмой ночи (или главѣ) этой повѣсти разсказывается объ одномъ холостякѣ, который занимался изслѣдованіемъ женскихъ хитростей, и какъ двѣ женщины показали ему такія двѣ увертки, которыхъ онъ никогда не видалъ. Одна изъ этихъ увертокъ перешла почти цѣликомъ въ нашу сказку *о купцовой женѣ и о прикащикѣ*. Царица угощаетъ холостяка у себя въ спальной, и ласкается къ нему; въ эту минуту слышны шаги царя; царица прячетъ любовника въ сундукъ и запираетъ его на замокъ. Царь, видя приготовленный ужинъ, спрашиваетъ, что это значитъ; царица отвѣчаетъ, что она пировала съ любовникомъ, и сейчасъ только заперла его въ сундукъ. Царь уже идетъ къ сундуку, чтобы открыть его, какъ вдругъ царица разразилась громкимъ хохотомъ и говоритъ: «я хотѣла испытатъ твою мудрость! какой-же ты глупый, подумай, сказала-ли бы я тебѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ пришелъ ко мнѣ любовникъ, и я

спрятала бы его въ сундукъ». Царь ушелъ пристыженный[1]) (Буслаевъ, Странствующія повѣсти: Р. В. СХ. 716).

Повѣсть о царѣ, его сынѣ и мачихѣ въ свою очередь заимствована изъ древняго индѣйскаго произведенія, извѣснаго подъ именемъ *Синдибаба*. Въ персидскихъ и арабскихъ передѣлкахъ эта повѣсть значительно измѣнена и дополнена, получивъ при этомъ названіе *Исторіи семи визирей или семи мудрецовъ;* на испанскій языкъ она переведена съ арабскаго въ 1255 году, для инфанта донъ Альфонса, подъ названіемъ: *Книга о женскихъ обманахъ и продѣлкахъ*; въ нѣмецкую народную литературу повѣсть эта перешла подъ именемъ: «Die sieben weisen Meister» (Simrok, XII. 115)[2]); подъ этимъ же именемъ она извѣстна и въ другихъ европейскихъ литературахъ, въ томъ числѣ въ чешской и въ русской рукописной XVII вѣка (повѣсть о семи мудрецахъ); въ очеркѣ старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ А. Н. Пыпина (стр. 254) подробно изложено происхожденіе и литература этой повѣсти. Въ наши народныя картинки она не перешла.

63. **Сказка о ворѣ и бурой коровѣ.** Текстъ этой сказки перепечатанъ, съ незначительными измѣненіями, изъ Старичка весельчака (СПБ. 1790, стр. 18), причемъ въ началѣ, неизвѣстно съ чего, прибавлено, что дѣло происходитъ во Франціи; въ Весельчакѣ же она передѣлана изъ повѣсти, помѣщенной въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, подъ названіемъ. ,,О индерленскомъ татѣ» (А. Пыпинъ, 267); въ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ Забѣлину, повѣсть эта разсказана въ прозѣ и съ бо́льшими подробностями, и озаглавлена: «О индерланскомъ плутѣ краву оукрадшему» (№ 62, л. 24-ой). И. И. Голышевъ приводитъ другое изданіе этой сказки, во всемъ почти сходное съ нашимъ; начало

---

[1]) Въ новыхъ индѣйскихъ сказкахъ А. И. Минаева (СПБ. 1877 г., 46) одна индіянка поступаетъ еще хитрѣе: мужъ выноситъ изъ дому, во время пожара, сундукъ съ ея любовникомъ, воображая, что въ этомъ сундукѣ находится женино приданое.

[2]) Которая ближе всего къ русской редакціи.

его такое: «Злоумышленной воръ нѣкій былъ, Во многіе грады для кражи ходилъ», — а конецъ: «который за простоту свою тяжко по буренушкѣ своей вздохнулъ. Старинная пословица: чего не досмотришь, то карманомъ доплотишь» (Луб. карт., стр. 39—41).

64. **Диво Дивное.** — Подобная сказка есть и у нѣмцевъ (Grimm, Kinder- und Hausm., I. 64): «о золотомъ гусѣ» (Аѳанасьевъ, IV. 334.). Въ сборникѣ Аѳанасьева сказка эта перепечатана дословно съ лубочнаго изданія, а между тѣмъ внизу помѣчено, что: «она записана въ Архангельской губерніи». Сказка русская «диво дивное, чудо чудное» напечатана особой книжкой, безъ картинокъ: С.-Петербургъ, 1788. Насчетъ прилипанія гуся есть разсказъ въ Пентамеронѣ (II. 152)—о гусѣ, который былъ выброшенъ изъ окошка и прилипъ къ задницѣ одного принца; никто не могъ отодрать его оттуда, кромѣ дѣвушки Лоллы, которой этотъ гусь принадлежалъ.

65. **О пѣтухѣ и о курицѣ.** — Въ журналѣ: «И то и сїо», 1769 г., подшучивается надъ славными сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ именъ»; въ числѣ такихъ сочиненій упоминается и о нашей исторіи «о побѣгѣ изъ пушкарскихъ улицъ бѣлаго пѣтуха отъ курицъ» (Пыпинъ, 289).

66. **Утка съ золотыми яичками.** Поправить: изданіе *д* исключить, а вмѣсто него поставить: *д*, изданіе начала нынѣшняго столѣтія; послѣднія слова текста 1-й картинки: «по золотому яичку». Добавить: есть еще изданіе (*ж*), въ которомъ первая страница заканчивается словами: «всякой день будтъ»; съ цензур. пропускомъ В. Флорова, 10 Мая 1839 г. «Въ метало: Сергѣевой» (у П. А. Ефремова). Варіанты этой сказки помѣщены у Аѳанасьева (II. 150), Худякова (I. 25 и 26; III. 119) и Эрленвейна (10). Птица, несущая золотыя яйца и дорогіе камни, упоминается въ

сказкахъ сербскихъ (Караджича, 26), нѣмецкихъ (Grimm, I. 60; III. 102), сборникѣ Гальтрина (№ 6), сборникѣ греческихъ сказокъ Гана (I. 36). Кто съѣстъ голову такой птицы, тотъ будетъ царемъ, а по сербской сказкѣ,—будетъ знать все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и что думаютъ люди. Сказка эта издана особой книжной, безъ картинокъ: СПБ. 1789 г. Кавалеръ Луга (Lucas) нашей сказки указываетъ на италіанское ея происхожденіе. Снегиревъ замѣчаетъ, что народная поговорка *Ѳетинья Роговна* могла относиться къ невѣрности сказочной Ѳетиньи, приставившей рога своему мужу, и что сказаніе объ избраніи Ѳетиньинаго сына въ цари сходно съ Московскимъ преданіемъ: когда-то случилось Москвѣ быть безъ царя; народное вѣче присудило избрать того, при входѣ котораго въ Спасскіе ворота, сама засвѣтится свѣча у надворотнаго образа. Наконецъ одинъ человѣкъ въѣхалъ въ ворота, при этомъ зажглась надворотная свѣча и человѣкъ тотъ былъ нареченъ царемъ (Лубоч. карт., 104).

67. **Разсказъ о женатомъ волокитѣ** есть дословная перепечатка сказки Аблесимова: «Волокита» (Соч. Аблесимова въ изд. Смирдина. СПБ. 1849, стр. 148). Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ (1742—83), стихотворецъ-самоучка въ комическомъ родѣ, служилъ въ лейбкампанской канцеляріи при Сумароковѣ и, переписывая его стихи на бѣло, самъ почувствовалъ стремленіе къ сочиненію таковыхъ же. Первыя сказки его, въ стихахъ, изданы въ С.-Петербургѣ, въ 1769 году (2-е изданіе—въ Москвѣ, 1780 г.). Всѣмъ извѣстна его опера «Мельникъ», имѣвшая долгое время большой успѣхъ на сценѣ (Слов. свѣтск. писат. Евген., I. 1).

68. — Въ этой картинкѣ перепечатана дословно басня Хемницера: *„Желаніе кащея“* (Полное собр. сочин. Русск. Авторовъ. Сочиненіе Хемницера, изд. 2-е А. Смирдина. СПБ. 1852 г., стр. 67).

69. **О старомъ мужѣ и молодой женѣ.** Текстъ этой картинки взятъ изъ Старичка-Весельчака (СПБ. 1790, стр. 16); самый

же сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ Декамерона Боккаччіо (День VII, новелла IV), съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями. Въ Декамеронѣ разсказъ носитъ названіе: «исправившійся ревнивецъ»; дѣйствующія лица въ немъ: богатый ревнивый мужъ, Тофано, любящій выпить (но вовсе не старый, какъ въ русской повѣсти), и молодая красивая жена его Джитта, которой до того наскучила несправедливая ревность мужа, что она, съ досады, рѣшилась завести себѣ любовника. Пользуясь наклонностію мужа къ вину[1]), она подпаивала его почти ежедневно, и не только принимала любовника у себя на дому, но даже и бѣгала къ нему по ночамъ на квартиру. Кончилось тѣмъ, что мужъ замѣтилъ ея похожденія, и, чтобъ поймать её на дѣлѣ, притворился пьянымъ и легъ спать. Какъ только Джитта убѣжала къ любовнику, мужъ всталъ съ постели, заперъ двери дома на замокъ и самъ сѣлъ у окна. Джитта вернулась поздно ночью; на всѣ мольбы ея, Тофано объявилъ, что онъ хочетъ, за ея невѣрность, нанести ей публичное посрамленіе и дверей не отопретъ. Тогда Джитта объявила, что она утопится въ колодцѣ, а такъ какъ мужъ ея извѣстенъ за человѣка грубаго и жестокаго, то онъ непременно будетъ обвиненъ въ ея убійствѣ и казненъ. Затѣмъ она бросила въ колодезь большой камень, и притаилась у дверей дома. Тофано, испуганный поступкомъ жены, схватилъ бадью съ веревкой, и растворивъ двери, побѣжалъ къ колодцу спасать жену; въ это время Джитта вошла въ домъ, заперла за собою двери, усѣлась передъ окошкомъ, и начала выговаривать мужу, что онъ каждый день напивается, возвращается къ ней поздно ночью и т. д. Тофано, въ бѣшенствѣ, поднялъ шумъ на всю улицу[2]); сперва на дворъ къ нимъ явились сосѣди, а потомъ и родственники жены. Выслушавъ взаимныя жалобы и обвиненія супруговъ, родственники конечно повѣрили во всемъ Джиттѣ, избили Тофано и увели жену его къ себѣ въ домъ. Впослѣдствіи Тофано, наскучивъ одиночествомъ,

[1]) Объ этой наклонности въ русскомъ разсказѣ не упоминается.

[2]) Начиная съ этого мѣста, весь конецъ повѣсти въ русскомъ разсказѣ выброшенъ.

убѣдилъ жену вернуться домой, при чемъ обѣщалъ ей бросить ревность и не мѣшать ей въ любовныхъ дѣлахъ, съ тѣмъ, чтобы она занималась ими въ тихомолку. Новелла эта была извѣстна въ нашей рукописной литературѣ еще въ XVII вѣкѣ, и находится въ Толстовскомъ сборникѣ (лл. 58—62), подъ названіемъ: «О женѣ оболстившей мужа якобы ввержеся въ кладезь,» и въ сборникѣ Забѣлина (лл. 53—56), подъ названіемъ: «О гражданинѣ упивающемся и о женѣ его». Боккачіо самъ заимствовалъ содержаніе этой Новеллы изъ Фабліо «de celui qui enferma sa femme en une tour» (Barb. Méon, II. 99—107); она повторяется и у другихъ италіанскихъ новеллистовъ (Пыпинъ, Очеркъ, 277).

69. А. — Снегиревъ упоминаетъ еще объ одной картинкѣ, съ заголовкомъ **„О старомъ мужѣ и молодой женѣ"**, съ слѣдующей подписью: «Златоустъ рече: Корова носитъ млеко не для себя, а для прочихъ; овца носитъ руно, не для себя, а для прочихъ; старикъ женится на молодой, — не для себя, а для прочихъ». На этой картинкѣ представлена крестьянка, доящая корову, крестьянинъ стригущій овцу, и старикъ съ молодою женою (Лубоч. карт., 14); мнѣ не случалось видѣть такой картинки.

70. **Повѣсть о шутѣ и трактирщикѣ** дословно перепечатана изъ Старичка весельчака (СПБ. 1790 г., стр. 63). Мною пріобрѣтено другое изданіе этой картинки *(б)*, гравированное, судя по работѣ, мастеромъ Чуваевымъ; картинка скопирована съ французскаго оригинала; стѣны комнаты въ ней затушеванъ., тогда какъ въ изданіи, описанномъ подъ № 70, онѣ оставлены бѣлыми.

71. **Безстыжій въ трактиръ вошелъ** — переводъ стараго французскаго анекдота, гдѣ въ прибавокъ къ тому, что говорится въ нашей картинкѣ, безстыжій говоритъ: «А будь негодяй тотъ, кто ложки своей не съѣстъ» (Русскій Архивъ 1874 г., 1098).

Дѣлавшій эту картинку мастеръ *Петръ Николаевъ Чуваевъ*

(П. Н. Ч.) гравировалъ народныя картинки для Ильи Яковлева Ахметьева, который въ 1750—80 годахъ содержалъ въ Москвѣ заводъ для печатанія этихъ картинокъ. Работы Чуваева отличаются отъ работъ прочихъ лубочныхъ мастеровъ нѣкоторою исправностію рисунка и смѣлой гравировкой крѣпкою водкой; большая часть изъ нихъ скопирована или передѣлана съ французскихъ образцовъ (См. Русскіе граверы, стр. 321 и 322).

72. **Разговоръ дворянина съ крестьяниномъ и лукавая жена.** Текстъ разговора почти совершенно сходенъ съ текстомъ сказки: «о дворецкомъ большаго барина и о мужикѣ», въ Старикѣ весельчакѣ (СПБ. 1790); вторая повѣсть «Лукавая жена» перепечатана изъ тогоже Весельчака дословно (стр. 11). У Боричевскаго приведенъ разговоръ польскаго шляхтича съ мужикомъ, по замыслу и концу очень сходный съ разговоромъ дворянина: шляхтичъ хотѣлъ подтрунить надъ мужикомъ, а остался самъ отъ него въ дуракахъ (III. 119).

73. **Женская разсѣянность.** Разсказъ этотъ напоминаетъ повѣсть изъ Гептамерона, Наварской королевы Маргериты (сестры Франциска I-го). Одна дама разсказывала въ обществѣ, какъ молодой офицеръ забрался въ спальную женщины, въ которую былъ страстно влюбленъ, и увѣщаніями и угрозами добился отъ нея взаимности; утромъ онъ ушелъ никѣмъ не замѣченный, но при этомъ задѣлъ шпорой за одѣяло и сдернулъ его съ постели. «Представте себѣ, каково было мое удивленіе»,—прибавила разсказщица, — «когда я очутилась совершенно голая» (l'Heptameron. Paris 1862, p. 502). Текстъ нашей картинки перепечатанъ изъ письмовника Курганова (въ 11-мъ изданіи М. 1837. № 79, стр. 185). Тамъ же, на стр. 192, помѣщена другая разсѣянность, на которую тоже была, какъ сказывалъ мнѣ московскій старожилъ В. Ѳ. Щербаковъ, народная картинка. «Одна дѣвушка, покушавъ чрезмѣрно плодовъ, получила запоръ. Лекарь хотѣлъ было поставить ей клистиръ, но ей казалось сіе столь противно,

что она лучше хотѣла умереть; мать же ея сказала, что неотмѣнно то надобно сдѣлать. Бѣдная дѣвка не могла болѣе отговариваться; заплакавъ, молвила «теперь-то я знаю, какъ безвинные страдаютъ за виновныхъ».

Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1726 году, обучался на Сухаревой башнѣ математическимъ наукамъ, потомъ въ Морской Академіи; въ 1774 г. получилъ отъ Академіи Наукъ званіе профессора; умеръ въ Кронштадтѣ въ 1796 г. 13 января, на 69-мъ году. Напечаталъ много дѣльныхъ книгъ по части математики и навигаціи и всѣмъ извѣстный Письмовникъ (Евгеній, Слов. свѣт. писат., I. 327). Первое изданіе этой книги носило названіе: «Россійская универсальная Грамматика, или общее писмословіе. СПБ. 1769 г.». Многія «вещесловія» этого письмовника, служившаго въ Россіи долгое время единственнымъ сборникомъ энциклопедическихъ знаній, вошли въ наши народныя картинки; содержаніе ихъ довольно нескромно.

Въ первой части письмовника помѣщены: грамматика, сборъ пословицъ, разные анекдоты, шутки, повѣсти, апоѳегмы, свѣдѣнія о навигаціи, геральдикѣ и миѳологіи. Во второй—собраніе разныхъ стихотвореній и идиллій, сонеты, рондо, мадригалы, притчи, всеобщій чертежъ наукъ и художествъ, свѣдѣнія объ исторіи священной, свѣтской и естественной, и о философіи, нравоученія, историческіе анекдоты, словарь разноязычный и мелкія статьи. Книга эта имѣла такой успѣхъ, что изданія ея слѣдовали одно за другимъ, въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ, и, подобно народнымъ картинкамъ, исчезали въ народѣ отъ *употребленія* и времени.

74. **Скажи, о чемъ ты смѣялся.** Исторія эта цѣликомъ заимствована изъ арабскихъ сказокъ 1001 ночи (изъ самаго начала ихъ). Визирь разсказываетъ ее своей дочери Шехеразадѣ, которая, не смотря на всѣ его доводы, объявила ему, что хочетъ непремѣнно сдѣлаться женою султана. Въ сборникѣ Аѳанасьева (IV. 323) исторія эта помѣщена съ отмѣткою, что она записана въ Оло-

нецкой губерніи; варіанты ея напечатаны у Аѳанасьева же (II. 461) и Худякова (I. 143).

Что касается до оригинала нашей картинки, т. е. Арабскихъ сказокъ 1001 ночи, то первоначальный источникъ ихъ до сихъ поръ неизвѣстенъ; полагаютъ, что онѣ заимствованы съ Персидскаго (Hesâr efsâne, т. е. 1000 сказокъ Расти). Сказки эти были переведены еще въ VIII вѣкѣ, при Калифѣ Мансурѣ; въ IX-мъ вѣкѣ Джехестаби составилъ сборникъ персидскихъ, индѣйскихъ и арабскихъ сказокъ, подъ названіемъ тысячи ночей; въ сборникѣ, впрочемъ, было помѣщено всего 400 ночей. Полагаютъ, что этотъ сборникъ и послужилъ началомъ сказокъ 1001 ночи. Въ нынѣшней редакціи сказки 1001 ночи были извѣстны въ Египтѣ уже въ XV вѣкѣ; Габихтъ издалъ ихъ въ 1825 г. (лучшее изданіе: Habicht v. d. Haagen und Schall, Tausend und eine Nacht. 2-e Ausg. Breslau. 1827. 13 Bde). Во французскомъ переводѣ сказки 1001 ночи изданы Galland'омъ (Paris 1704. 12 vol.). Въ русскомъ переводѣ арабскія сказки 1001 ночи изданы невполнѣ въ 1839 году.

Въ нашихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчается исторія о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ, заимствованная изъ 1001 ночи и указывающая на то, что существовалъ греческій переводъ этихъ арабскихъ сказокъ (Пыпинъ, 84).

75. **Зачѣмъ мать сына худо учила.** Прибавить: Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*е*) этой картинки, конца прошедшаго вѣка; въ немъ 1-я строка текста заканчивается такъ: «ненаказавши погладі».

Исторія эта заимствована изъ Притчей Езоповыхъ, о которыхъ говорится въ примѣчаніи къ № 87. Въ притчахъ исторія короче, и разсказана въ слѣдующей редакціи: «37. *Отрокъ и мати.* Отрокъ у товарыща своего въ школѣ украдыи кнїгу, къ матерї своеи принесе. она же не наказывая прїятъ его. возрастая же и болшая нача красти. нѣкогда же на самомъ воровствѣ ятъ на смерть связаныи веденъ бысть. мати же провождаше и пла-

каше его. онъ же у спекулатора проси позволенія, да скажетъ матери своеи нѣчто на ухо. егда же мати пріложїлася къ нему ухомъ, онъ же взявъ зубами, угрызе ухо тоя; матерь же ї прочіи начаша его кленути яко не точїю покраде, но ї къ матери своеи ѕлочестївъ явїся. отвѣща онъ, яко та есть погїбелї моея вїновна аще бы мя наказала, егда азъ укралъ кнїгу, не прїшелъ бы я сѣмо, и не былъ бы изведенъ на смерть. Прїлогъ. Притча знаменуетъ, яко иже исперва не бываютъ наказывани, тїи умножаютъ вся ѕлая дѣла». На картинкѣ представленъ отрокъ, откусывающій у своей матери ухо; палачъ тащитъ его по лѣстницѣ на висѣлицу (точно такъ, какъ и на картинкѣ № 76); слѣва стоитъ солдатъ съ алебардой.

78. **Мужъ насѣдка.** Этотъ самый разсказъ въ другой, болѣе подробной редакціи, помѣщенъ въ сказкахъ Чудинскаго (Москва 1864 г., стр. 48).

80 и 81. **Разсѣянная молочница.** № 80 заимствованъ изъ басни Лафонтена: «La laitière et le pot au lait» (VII. 10). Ѳ. И. Буслаевъ въ своей статьѣ: «Странствующія повѣсти» (Русск. Вѣст., CX. 682) указываетъ на первоначальные мотивы обѣихъ картинокъ въ Пантшатантрѣ. «Тамъ дѣйствующимъ лицемъ является браминъ, по имени Горемыка, который, поужинавъ, собралъ оставшуюся кашу въ горшокъ; горшокъ прицѣпилъ къ гвоздю и повѣсилъ на стѣнѣ, а внизу ухитилъ себѣ постель, и всю ночь любовался на горшокъ, думая про себя: «Горшокъ полнехонекъ каши. Вотъ если будетъ голодъ, за одинъ этотъ горшокъ дадутъ мнѣ сто серебряныхъ монетъ. На нихъ куплю пару козъ; что ни полгода, будетъ отъ нихъ по козленку, и вотъ тебѣ цѣлое стадо. Отъ козъ перейду къ быкамъ; коровы будутъ телиться, а я телятъ продавать. Отъ быковъ къ буйволамъ! Отъ буйволовъ къ лошадямъ! кобылы станутъ жеребиться, и сколько будетъ у меня коней! На нихъ выручу много золота. Куплю большой домъ о четырехъ корпусахъ, чтобы такъ и шли четвероугольникомъ. Тогда придетъ ко

мнѣ браминъ и предложитъ мнѣ въ жены прекрасную дѣвицу съ богатымъ приданымъ. Родитъ она мнѣ сына. Я дамъ ему имя Сомасарманъ. Когда онъ немножко подрастетъ, буду я его качать у себя на колѣняхъ. И вотъ возьму я книгу, пойду въ конюшню, сяду тамъ и буду читать. Сомасарманъ видитъ меня, ему хочется покачаться у меня на колѣняхъ, онъ скользитъ изъ рукъ матери и прямехонько подъ копыта лошади. Во гнѣвѣ кричу я женѣ: «Возьми ребенка! Возьми ребенка!» А она, занявшись по хозяйству, и не слышитъ. Я вскочилъ и даю ей ногою толчекъ». И будучи погруженъ въ эти гаданія, браминъ такъ сильно лягнулъ ногою, что горшокъ разлетѣлся въ дребезги, а самаго его выбѣлило всего пшенною кашею. Потому я и говорю, заключаетъ разскащикъ: кто неразумно загадываетъ о будущемъ, съ тѣмъ можетъ случиться, какъ съ отцемъ Сомасармана: будетъ выбѣленъ пшенною кашею».

«Въ Гитопадешѣ притча эта потерпѣла значительныя измѣненія. Бесѣда идетъ между министромъ Коршуномъ и его царемъ. Царь размечтался о томъ, какіе бы онъ могъ получить выгоды отъ сосѣдняго государства. «Государь», улыбаясь, прервалъ его министръ, «кто впередъ радуетъ себя тѣмъ, чего добыть не можетъ, бываетъ посрамленъ, какъ браминъ, который перебилъ горшки». «Какъ это было?»—спросилъ царь, и министръ разсказалъ слѣдующее. «Въ городѣ Девикотѣ жилъ браминъ, по имени Девасарманъ. На праздникѣ весенняго равноденствія дали ему блюдо пшена, и онъ отправился съ нимъ къ одному гончару въ амбаръ, весь наполненный горшками, и, утомившись отъ жары, прилегъ въ углу и вздремнулъ, а въ рукѣ держалъ палку, чтобъ охранять свое пшено, и задумался: «если продамъ это блюдо съ пшеномъ, то выручу десять копѣекъ. Куплю горшокъ и тарелокъ, продамъ и опять куплю, а тамъ стану торговать перцемъ, одежею и всякимъ другимъ товаромъ, и разбогатѣю. Тогда заведу себѣ четыре жены; младшая изъ нихъ, самая красивая, будетъ моею любимицей. Другія жены озлятся и станутъ съ нею ссориться, а я возьму палку, да вотъ такъ ихъ!» И разгорячившись онъ швырнулъ палкою, и переколотилъ въ дребезги множество горшковъ, въ томъ числѣ и

свое блюдо съ пшеномъ. Заслышавъ шумъ и громъ, прибѣжалъ гончаръ, а видя разбитые горшки, сталъ ругать брамина и выгналъ его вонъ. Потому я и говорю, заключилъ разкащикъ: кто впередъ радуетъ себя тѣмъ, чего добыть не можетъ, бываетъ посрамленъ, какъ браминъ, который перебилъ горшки».

«Въ арабскомъ переводѣ Калилы и Димны Индійскій браминъ становится отшельникомъ или инокомъ, а въ греческомъ Стефаните и Ихнилатѣ—просто бѣднякомъ или нищимъ. Вотъ уже въ какой обстановкѣ и въ какомъ видѣ является наша притча въ этомъ послѣднемъ сборникѣ: «Скажи мнѣ философъ,—говорилъ царь своему совѣтнику,—чему подобенъ тотъ, который, сильно желая какой-либо вещи, прежде чѣмъ добывать её, торопится уже взглянуть на нее, какова она на самомъ дѣлѣ.—Философъ отвѣтствовалъ.—Жили, говорятъ, мужъ съ женою, и однажды мужъ сказалъ женѣ: надѣюсь, жена, у насъ родится сынъ, намъ на радость. Подумаемъ-ка теперь, какое бы дать имя.—А она ему: перестань болтать! Вишь какъ сладко выводитъ, точно тотъ, у кого по бородѣ текло масло съ медомъ, а въ ротъ не кануло. Разсказываютъ объ одномъ нищемъ, какъ онъ около своей постели держалъ горшокъ съ медомъ и масломъ. Однажды ночью смекалъ онъ: «Медъ и масло продамъ; на деньги куплю десять козъ, и черезъ каждые пять мѣсяцевъ будетъ приплоду столько-же, а въ пять лѣтъ будетъ у меня ихъ цѣлыя четыре сотни. На нихъ куплю сто головъ рогатаго скота и стану обработывать землю. Отъ телятъ и отъ земледѣлія въ пять лѣтъ я сдѣлаюсь богачемъ и построю себѣ домъ, весь золотомъ украшенный, о четырехъ корпусахъ. Накуплю невольниковъ и женюсь. Жена родитъ мнѣ ребенка и я дамъ ему имя Прекрасный. Ужъ непремѣнно будетъ у насъ мальчикъ. Какъ слѣдуетъ, буду я его воспитывать, ну, а если будетъ полѣниваться, я ему вотъ этой палкой такихъ надаю.....» При этихъ словахъ онъ схватилъ палку и такъ хватилъ ею по горшку, что онъ разлетѣлся въ черепки, и медъ съ масломъ потекли по бородѣ. И ты—присовокупила жена, обраща-

ясь къ мужу — когда такъ говоришь, мелешь такую же чепуху» (Буслаевъ, 686).

Въ одномъ повѣствовательномъ сборникѣ XIII в., носящемъ названіе: «Бесѣда животныхъ отлично морализованная (Dialogus creaturarum optime moralizatus)», помѣщена притча, вполнѣ сходная съ нашею баснею № 80-й. «Сколько безумно предаваться беспечности—поучаетъ эта назидательная книга—столько-же глупо возлагать надежду на пустяки; ибо суета суетъ дѣла человѣческія, какъ сказалъ Давидъ и какъ повѣствуется въ одной притчѣ о работницѣ, которую хозяйка послала въ городъ продавать молоко, но она сѣла отдохнуть на краю ямы и стала расчитывать, какъ на вырученныя съ молока деньги купитъ она курицу, курица выведетъ цыплятъ, цыпляты выростутъ курами, она продастъ куръ и заведетъ свиней; продавъ свиней, купитъ овецъ; продавъ овецъ, заведетъ коровъ. Когда она разбогатѣетъ, её сосватаетъ женихъ изъ благородныхъ и, радуясь заранѣе, она уже представляла себѣ въ какой славѣ она поѣдетъ къ вѣнцу на конѣ, а сама будетъ понукать его, покрикивая: ну, ну! И начала топать ногою, будто въ самомъ дѣлѣ погоняетъ коня шпорами, но поскользнулась и упала въ яму, а молоко пролилось. Такъ и осталась она безъ барышей» (Разговоръ 100-й).

Въ первой половинѣ XIV столѣтія, когда инфантъ Донъ Хуанъ Мануэль составлялъ свой сборникъ притчей и повѣстей, по восточному обычаю, въ общихъ рамкахъ назидательной бесѣды между графомъ Луканоромъ (откуда и самое названіе этого сборника) и его совѣтникомъ Патроніемъ, въ Испаніи слышали уже о несбывшихся замыслахъ нѣкоторой торговки, даже называли её по имени Труханою, только разногласили въ томъ, чѣмъ именно она промышляла, когда задумала разбогатѣть. Графъ Луканоръ однажды между прочимъ сообщилъ своему собесѣднику объ одномъ выгодномъ предпріятіи знакомаго ему человѣка, которое если будетъ приведено въ исполненіе, то можетъ принести большія выгоды. «Сеньоръ графъ Луканоръ, — возразилъ Патроній, — всегда я слыхалъ, что человѣкъ благоразумный долженъ бить на

вѣрняка, а не полагаться на авось, потому что съ тѣми, кто гоняется за мечтами, обыкновенно сбывается то̀, что случилось съ доньею Труханою».—«Что же это такое?» спросилъ графъ, и Патроній разсказалъ ему притчу о томъ, какъ Трухана несла однажды на базаръ продавать горшокъ съ медомъ, держа его, какъ Лафонтенева Перрета, на головѣ и размечтавшись такъ же, какъ она, сначала расчитывала купить яицъ, изъ которыхъ выведутся цыплята и т. д., и наконецъ разбила горшокъ» (Буслаевъ, 688).

Въ 176-й ночи арабскихъ сказокъ пятый братъ тоже фантазируетъ о прибыляхъ, которыя будутъ получены имъ отъ продажи посуды; фантазіи его кончаются также, какъ и фантазіи Мелинты. Такіе-же разсказы помѣщены въ нѣмецкой народной сказкѣ: der faule Heinz (Grimm, Kinderm., 2. 160) и во многихъ позднѣйшихъ басняхъ (Dunlop, 502. — Пыпинъ, Очеркъ, 166. — Минаевъ, Индѣйскія сказки. СПБ. 1877, 21).

81. А. — Прибавить: **«Мысли ветреныя»**; листовая картинка, гравированная на деревѣ; текстъ и сюжетъ тѣже, что и на картинкѣ, описанной подъ № 81, съ разницею въ переводѣ (Въ собраніи В. А. Яковлева).

82. **На всѣхъ не угодишь.** Текстъ этой картинки есть перепечатка: предметъ басни и самая картинка заимствованы изъ басни Лафонтена «Le paysan, son fils et l'âne»; эта же послѣдняя взята изъ повѣсти Ганса Сакса «Der Waldbruder mit dem Esel. Der argen Welt thut niemand recht». У Сакса повѣсть разсказывается такъ: въ одномъ лѣсу жили-были старикъ со своимъ сыномъ, двадцатилѣтнимъ малымъ; изъ лѣсу на свѣтъ Божій они никогда не выходили и на всѣ вопросы молодаго о томъ, какъ живутъ и что дѣлается на свѣтѣ, старикъ отвѣчалъ: «я переселился въ лѣсъ въ то время, когда ты былъ еще ребенкомъ; я навсегда бросилъ ненавистный свѣтъ, въ которомъ нѣтъ правды и никогда одинъ не бываетъ доволенъ другимъ». Однако юноша уговорилъ отца посмотрѣть на свѣтъ Божій; они собрались въ путь, и взяли

съ собой осла. Еще въ лѣсу встрѣтился имъ солдатъ; онъ посмѣялся на то, что сами они идутъ пѣшкомъ, а осла ведутъ за собой безъ пользы. Тогда старикъ посадилъ на осла мальчика. Не успѣли они проѣхать нѣсколько шаговъ, какъ повстрѣчалась имъ старая баба, которая упрекнула мальчика за то, что онъ, молодой, покойно ѣдетъ на ослѣ, тогда какъ старый отецъ его плетется сзади пѣшкомъ. Тогда сынъ слѣзъ съ осла, а сѣлъ на осла отецъ. Затѣмъ повстрѣчался имъ мужикъ, который упрекнулъ отца за то, что онъ самъ покойно усѣлся на осла, а сына заставляетъ брести пѣшкомъ. Тогда сынъ влѣзъ тоже на осла и усѣлся сзади отца. Въ этомъ видѣ встрѣтили они нищаго; «вотъ дурачье, — закричалъ онъ,— вдвоемъ взгромоздились на бѣднаго осла и хотятъ задавить несчастную скотину». Не зная какъ угодить на всѣхъ, старикъ съ сыномъ слѣзли съ осла, взвалили его себѣ на плечи и понесли далѣе. Теперь имъ встрѣтился дворянинъ, который выбранилъ ихъ хуже прежнихъ. — «Я говорилъ тебѣ, что въ свѣтѣ на всѣхъ не угодишь», говоритъ отецъ сыну. — «Ну что-же», отвѣчает сынъ,—«убьемъ осла, тогда свѣту не за что будетъ насъ бранить».—Порѣшили и сдѣлали. На крикъ околѣвающаго осла прибѣжалъ охотникъ.—«Что вы дѣлаете, скоты вы этакіе, зачѣмъ вы убиваете осла: живой онъ служилъ-бы вамъ, а теперь мертвый онъ ни на что болѣе не годенъ».—«Ты правду говорилъ мнѣ отецъ на счетъ свѣта»,—сказалъ тогда юноша,—«когда онъ за одинъ день столько бѣдъ заставилъ насъ вытерпѣть, что-же было бы съ нами, если бы мы остались жить въ немъ навсегда».—Съ этими словами оба ушли въ свой лѣсъ и не возвращались изъ него болѣе на бѣлый свѣтъ. У Сакса притча эта напечатана типографскимъ шрифтомъ на большомъ (двойномъ) листѣ; верхнюю часть его (почти половину всего мѣста) занимаетъ картинка, составленная изъ шести отдѣленій, на манеръ нашихъ сказокъ; въ этихъ отдѣленіяхъ представлены всѣ шесть эпизодовъ ослинаго путешествія, описанные въ притчѣ. Переводъ Сакса—другой, не сходный съ переводомъ русской картинки № 82 (Новый перепечатокъ этого листа въ книгѣ: «Hans Sachs im Gewande seiner

Zeit.... Gotha, in der Beckerschen Buchhandlung, 1821», gr. Folio).

Гансъ Саксъ, знаменитый народный писатель XVI столѣтія, родился въ Нюренбергѣ 5 ноября 1494 года; ремесломъ сапожникъ, въ свободное-же время отъ работы занимался писаніемъ повѣстей, притчъ для народа и сатиръ на папство и на испорченность тогдашнихъ нравовъ. Притчи эти печатались имъ обыкновенно на отдѣльныхъ листахъ, съ картинкою въ заголовкѣ, на манеръ нашихъ народныхъ картинокъ; онѣ разносились по Германіи иконниками и офенями и были въ большомъ ходу даже у крестьянъ, которые наклеивали ихъ въ избахъ на стѣны и на двери. Въ 1567 году Саксъ собралъ всѣ свои сочиненія, числомъ 6048, и издалъ ихъ въ пяти книгахъ, присоединивъ къ нимъ свое жизнеописаніе (до 72 года), которое заключилъ слѣдующимъ пожеланіемъ: «благословеніе Богу, который ниспослалъ меня на землю, милостиво одарилъ человѣка, который не ученъ не только греческому, но и латинскому языку. Пусть повѣсти мои зелено ростутъ и цвѣтутъ и много плодовъ приносятъ, вотъ чего желаетъ Гансъ Саксъ».

Изъ жизнеописанія Сакса мы узнаемъ, что онъ, въ 1514 году, былъ въ Мюнхенѣ въ качествѣ мейстерзингера, и вслѣдъ за тѣмъ содержалъ во Франкфуртѣ первую школу; онъ былъ три раза женатъ, и умеръ 20 января 1576 года, 82-хъ лѣтъ отъ роду.

Портретъ его былъ выгравированъ на деревѣ въ 1545 году (какъ кажется Шефелейномъ); новые отпечатки со старой доски приложены къ вышеупомянутой книгѣ: «Hans Sachs. Gotha, Becker, 1821». Въ этой книгѣ Беккеръ отпечаталъ всѣ сохранившіяся до его времени оригинальныя доски иллюстрацій Сакса, съ прибавленіемъ къ нимъ текста, и въ томъ самомъ видѣ, какъ они были изданы въ первый разъ при жизни Сакса. Такъ какъ картинки Сакса по замыслу и способу изданія имѣютъ большое сходство съ нашими народными картинками, то мы приводимъ здѣсь перечень досокъ, отпечатанныхъ въ изданіи Беккера: Содомъ и Гоморра. Бѣгство Лота и грѣхопаденіе его. Давидъ, соблазняющійся на Вир-

совію. Подвигъ Юдиои. Сусанна и старики. Судъ Даніила и Даніилъ во рву львиномъ. Бракъ въ Канѣ Галилейской. Добрый пастырь и пастырь худой; послѣдній въ видѣ папы, сидящаго на церковной крышѣ. Христіанское терпѣніе, въ видѣ женщины, плывущей на лодкѣ; въ нее пускаютъ стрѣлы: смерть, дьяволъ и свѣтъ. Два проповѣдника (лютеранскій и католическій), или: такъ говоритъ Господь, и такъ говоритъ Папа. Жалоба двухъ дикихъ людей (деревянныхъ) на неправды міра сего и жалоба міра на свою испорченность. Объясненіе картины Суда, написанной Апеллесомъ для царя Антіоха (двойнаго размѣра, противъ прочихъ). Молва по объясненію Виргилія; она изображена въ видѣ женщины съ крыльями, все тѣло ея покрыто перьями и глазами. Гнусный порокъ и его двѣнадцать качествъ. Жалоба истинной дружбы на христіанскій народъ. Полезный совѣтъ людямъ, хотящимъ жениться. На всѣхъ не угодишь (см. № 82). Четыре чудесныя качества вина. Хедерлейномъ меня называютъ, и всѣ забіяки меня хорошо знаютъ. Быль о миролюбивомъ дворянствѣ. Разговоръ изъ пяти порсонъ, называется совиная западня. Похвала городу Нюренбергу.—Замѣчу, что большинство этѣхъ картинокъ гравировано извѣстнымъ Гансомъ Шефелейномъ; всѣ повѣсти и притчи сочинены виршами, и отпечатаны типографскимъ шрифтомъ.

83. **Снѣжный ребенокъ.** Это дословная перепечатка басни А. Е. Измайлова (См. его Соч. въ изд. Смирдина, I. 107); Измайловъ-же заимствовалъ её изъ «Cent nouvelles nouvelles» (Cologne 1701. № 19. «L'enfant de neige»), авторъ которыхъ заимствовалъ её, въ свою очередь, изъ «Fabliaux Le Grand» (3, стр. 86. «L'enfant, qui fondit au Soleil»). Сказка эта напечатана и въ книгѣ: Hagen, Gesammt Abenteuer. Tübingen 1850, II. S. 379.

85. **Повѣсть о курѣ и о льстивой лисицѣ.** У меня есть еще три изданія этой картинки начала нынѣшняго вѣка; въ двухъ изъ нихъ, (*в*) и (*г*), текстъ и переводъ скопированы съ изданія (*а*); но тѣло ли-

сицы (въ послѣднемъ отдѣленіи), которое въ изданіи (*а*) все затѣнено штрихами, въ изданіяхъ (*в*) и (*г*) затѣнено только съ боковъ, середина-же его оставлена бѣлою; изданіе (*в*) отпечатано на синей бумагѣ, а изданіе (*г*), съ истертой доски, на сѣрой бумагѣ; надпись вверху—та же, что и въ изданіи (*а*): «повесть ѡ куре....». Изданіе (*д*), въ меньшемъ размѣрѣ и съ подписью: «повесть о куре и о льстивой лисицы». Текстъ этой повѣсти представляетъ извлеченіе, съ передѣлкою во многихъ мѣстахъ самыхъ виршей, изъ сказки «о курѣ и лисицѣ», помѣщенной въ Старичкѣ Весельчакѣ (СПБ. 1790, стр. 26—42). Въ Весельчакѣ сказка напечатана на 16-ти страницахъ и поэтому втрое пространнѣе № 85. Самый сюжетъ заимствованъ изъ Фроловскаго сборника (лл. 33 — 52), гдѣ она помѣщена подъ названіемъ: «Куріозное дѣйствіе кура и лисицы», и далѣе: «Исторія о прекрасномъ курѣ доброгласномъ, какъ онъ пріиде на покаяніе къ лисицѣ къ премудрой духовницѣ». Въ сборникѣ И. Е. Забѣлина находится такая же исторія (Пыпинъ, 293). У Аѳанасьева напечатана сказка, подъ заглавіемъ: «Котъ, пѣтухъ и лиса» (I. 17),— впрочемъ, несходная съ нашей; въ этой сказкѣ котъ, по приказанію стараго хозяина, стережетъ пѣтуха въ избѣ; лисица выманиваетъ пѣтуха пѣснями, горошкомъ и пшеничкой; котъ два раза выручаетъ петю изъ когтей лисы, но въ третій разъ петя попался и былъ съѣденъ ею (Аѳанасьевъ, IV. 12).

Повѣствованіе о шашняхъ и хитростяхъ лисицы были въ большомъ ходу на западѣ въ XVII вѣкѣ; извѣстная поэма Reinecke Fuchs имѣла множество изданій и нѣсколько разъ иллюстрирована знаменитыми живописцами и граверами; аллегорическое же погребеніе лисицы изображалось въ средніе вѣка на церковныхъ барельефахъ (Champfleury, Caricat. au Moyen âge, 29).

У Гильфердинга, въ числѣ пѣсень, приведенъ разсказъ о пѣтухѣ и лисицѣ. Лисица сманила *пѣтушейла* съ нашести на земь и уже хотѣла порѣшить его, но сжалилась на ласковыя слова и отпустила. Пошла она на боярскій дворъ, захотѣлось ей курицу поймать; закричалъ пѣтухъ, сбѣжались дѣвки и бабы, едва не

убили лисицу; задумала лисица порѣшить пѣтуха за эту продѣлку, сманила его опять съ нашести и задавила: «вы-де блудники беззаконники, по девяти, по десяти женъ держите»; крылушки ему обломала, перушки общипала, и съѣла. (Гильфед. 152). А. Веселовскій (въ Исторіи Литерат. Галахова, 2-е изд., 510) приводитъ еще рукописную: «Повѣсть о курѣ, то есть пѣтухѣ, и лисицѣ», которая, увидавъ пѣтуха на деревѣ, принимается расхваливать его голосъ и приглашаетъ спуститься на землю, чтобы принести ей о своихъ грѣхахъ чистое покаяніе. Она—«преподобная и убогая, кроткая и смирная вдовица, чернобурая лисица», «всѣмъ звѣрямъ и птицамъ духовница». Пѣтухъ въ началѣ не довѣряетъ «*Захарьевнѣ*», но потомъ послушался ея и попадаетъ къ ней въ когти. Не зная, какъ выпутаться изъ бѣды, онъ принимается разсказывать ей, будто на Крутицахъ умеръ главный пѣвчій басовщикъ и крутицкій архіерей приглашаетъ его, пѣтуха, къ себѣ на правый клиросъ. А когда я тамъ буду, и о тебѣ начну просить, чтобы тебя взяли въ просвирни: станешь ты по вся дни печи просвиры мягкія, варить каноны сладкіе, разводить сыту медвяную, и тою сладостною пищею всѣ твои косточки и суставы наполнены будутъ. — Лисица развѣсила уши, распустила когти, а пѣтухъ взлетѣлъ на дерево. — Потому тому куру честь и хвала, а лисицѣ укоризна вѣчная, смерть и поношеніе въ роды родовъ».

86. **Лисица и журавль.** Прибавить: У меня есть еще два изданія этой картинки конца прошедшаго вѣка, скопированныя точь въ точь съ изданія № 86; только рамка въ нихъ сдѣлана изъ зигзаговъ, тогда какъ въ № 86 она прочерчена прямыми штрихами. Одно изъ этихъ изданій (*б*)—на синей бумагѣ 1800 года; другое (*в*)—на сѣрой бумагѣ 1810 г.

87. **Лисица и куклы.** Картинка и текстъ заимствованы изъ книги: «Эсоповы прітчи повелѣніемъ Царскаго велічества напечатаны въ Санктъпітеръбурхѣ Лѣта Господня 1717, Апрѣля въ 5 день».

16°. Впереди въ этой книгѣ помѣщено житіе Езопа, а за нимъ сорокъ притчей, съ сорока одною картинкою; наша притча помѣщена въ ней въ слѣдующей редакціи.

«2. Лі́сі́ца. Лі́сі́ца в шедши въ домъ кукольні́ковъ, или комеді́алный, всѣ орудія его пересмотрі́ла, обрѣте же тамо лярву или харю, сі́рѣчь страші́ло, въ подобі́и лі́ца и главы человѣческія, изрядно устроенья, и веемши ту въ лапы, рече: о какова глава, а мозгу въ ней нѣтъ. Прі́логъ: Притча знаменуетъ тѣхъ людеи, которые суть красны и велі́ки тѣлесы, обаче умомъ неразсудни».

89 и 90. **Старикъ и смерть.** Картинка и текстъ заимствованы изъ Езоповыхъ притчей, поименованныхъ въ примѣчаніи къ № 87, съ нѣкоторыми измѣненіями; въ притчахъ басня эта напечатана въ слѣдующемъ видѣ: «4. *Старикъ и Смерть*: Стары человѣкъ нарубі́въ нѣкогда дровъ, несъ далече, и истомі́вся отъ велі́каго труда, положилъ дрова на нѣкоемъ мѣстѣ, и начатъ смерть прі́зыватї. Смерть же пришедши вопросила онаго, почто еѣ призывалъ. и старі́къ внезапу ужаснувся, и отвѣщалъ, того ради прі́зывалъ, да бы дрова помогла мнѣ нести. Прі́логъ. Прі́тча знаменуетъ, яко всякому человѣку любезенъ есть жі́вотъ, хотя нищь и ѕлощастенъ бы кто былъ».

90. А. — Прибавить: „**Притча орлы и скворцы.** Въ лѣсу между полей . . . . Павелъ Сумароковъ, въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи 1806 года»; двухлистоваго формата. Здѣсь напечатана вся басня Сумарокова; гравюра сдѣлана крѣпкой водкой въ академическомъ вкусѣ (Въ моемъ собраніи).

91. **Житіе Езопа.** Прибавить: Есть еще два изданія житія Езопа: *г*, 1-я строка 3-й страницы въ немъ заканчивается словами: «Смокви господинъ» (Въ моемъ собраніи) и *д*, изданіе первой четверти нынѣшняго вѣка, съ надписью на первомъ листѣ: «1. Житіе Славнаго баснотворца Езопа. Природу вещей . . .»; текстъ не представляетъ значительныхъ измѣненій, листы пере-

нумерованы: «1—16», 3-й листъ заканчивается словами: «мнѣ ьто хощешъ» (Въ собраніи П. А. Ефремова) [1].

О существованіи Езопа неизвѣстно ничего вѣрнаго, многіе даже считаютъ Езопа миѳомъ; въ Европѣ басни его собраны въ одно цѣлое Планудомъ, которымъ написано при этомъ и жизнеописаніе Езопа. Русскій переводъ басень и жизнеописаніе въ такомъ видѣ сдѣланы были въ 1608 году переводчикомъ греческихъ словъ и польскихъ, Ѳедоромъ Касьяновымъ Гозвинскимъ, въ Москвѣ (Опис. Румянц. Собр. л. 450; Собр. Сухтелена въ Пуб. Библіот. XIV F. 5). Въ 1700 году напечатано по повелѣнію Петра I-го первое изданіе басень, безъ житія Езопова, въ Амстердамѣ, а второе въ Санктпетербургѣ, въ 1717, какъ упомянуто выше, съ житіемъ. Въ Очеркѣ литературы русскихъ повѣстей А. Н. Пыпина подробно изложены всѣ относящіеся до этого предмета матеріалы на страницахъ: 4, 64, 70, 159, 169, 175 и 179.

Наше лицевое житіе перепечатано съ нѣкоторыми выпусками изъ 2-го Санктпетербургскаго изданія басень Езопа, которое, въ свою очередь, представляетъ сокращенную редакцію нѣмецкаго текста житія, напечатаннаго Симрокомъ.

Варіанты между текстомъ народнаго изданія притчей, изданія 1717 года и нѣмецкаго изданія Симрока—слѣдующіе:

Стр. 280 (кн. 1, нашего текста). Во народн. изд.: «и се некто мимо есопа идоша»; въ изд. 1717 г.: «и се нѣцыи . . . .»; въ нѣмецкомъ же изданіи сказано, что шелъ мимо жрецъ Исиды; хозяинъ Езопа названъ Агатопусомъ.

Стр. 282. Въ изд. 1717 г., послѣ слова «студентъ», поставлено въ скобкахъ: «или школяръ».

---

[1]) Есть еще полулубочное изданіе этого житія, съ заглавіемъ «Житіе славнаго баснописца Езопа. Leben des berühmten Fabeldichters Esops. 12 листковъ in-8⁰ вдлинну; изъ нихъ 6 текста и 6 картинокъ, отпечатанныхъ въ первую голову (съ одной стороны); подъ первой картинкой помѣченъ годъ 1745, подъ 2-й 1746, подъ 3-й 1747, подъ 4-й 1748, подъ 5-й 1749 и подъ 6-й 1750 (Губерти, Матеріалы для русск. библіогр. М. 1878).

Стр. 285. Передъ § 7-мъ изъ обоихъ русскихъ изданій выпущенъ разсказъ нѣмецкаго изданія: «Ксаноъ пошелъ впередъ и началъ на ходу мочиться; Езопъ сказалъ ему: если ты не продашь меня, то я отъ тебя убѣгу, ибо ты мочишься на ходу.—На это Ксаноъ отвѣтилъ ему: не безпокойся этому есть три причины; во первыхъ теперь полдень и я боюсь остановившись запалить голову солнцемъ, во вторыхъ нехочу обжечь ногъ моихъ мочею, и въ третьихъ не хочу имѣть подъ носомъ вони отъ мочи.—Езопъ похвалилъ отвѣтъ».

Стр. 287. Передъ § 10 въ народн. изд. пропущено: «по днехъ же нѣкїихъ, поїде . . . .».

Стр. 289. Передъ § 14 тамъ же выпущено: «Пїршеству же преставшу Схоластїцы и ѳїлософи предложиша между собою нѣкая совопрошенїя и едїнъ отнїхъ рече: когда будетъ велїкъ мятежъ въ человѣцѣхъ. Есопъ же стоя созади, отвѣща: егда станутъ мертвїи искати своихъ пожїтковъ. И схоластїцы смѣющеся рѣша: разуменъ есть новокупленый сей; другїи рече: коея ради причїны овца влекома на заколенїе, молчитъ, а свїнїя вїзжїтъ. Есопъ отвѣща: овца по обычаю своему; егда доятъ оную и стрїгутъ, послѣдуетъ молча, чающи, что хотятъ ею доїти или стрїщъ. И сего ради не крїчїтъ, а свинїя не доена ни стрїгома бываетъ, и егда оную повлекутъ, тогда и за неволю вїзжїтъ. Сїя же рекшу есопу: паки схоластїцы похвалили его» (въ изд. 1717 г., стр. 36; въ нѣмецкомъ изд. Симрока, XIII. 177).

Стр. 294. Послѣ § 18 въ русскихъ изданіяхъ выпущенъ слѣдующій разсказъ: «послѣ бани Ксаноъ спросилъ Езопа: скажи мнѣ почему человѣкъ послѣ испражненія оборачивается посмотрѣть на стольчакъ?—Это оттого, отвѣчалъ Езопъ, что одинъ мудрецъ въ давнее время, сидя долго на стольчакѣ вмѣстѣ съ нечистотами выпустилъ и свой разсудокъ; съ тѣхъ поръ всякій и оглядывается назадъ, неоставилъ-ли онъ подъ стольчакомъ своего разсудка. Ты-же хозяинъ этого не бойся; ты не можешь потерять, чего не имѣешь» (Симрокъ, стр. 185).

Стр. 295. Въ концѣ § 20 выпущенъ слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ изданіи 1717 г. (стр. 55) и у Симрока (стр. 188): «но иди за врата, и ежели увідіши двѣ вороны, скажи мнѣ (доброе бо знаменіе сіе) ащеже увідіши едіну, то ѕло есть, есопъ же шедъ відѣ двѣ вороны, и возвести Ѯаноу, Ѯанѳъ же изшедъ відѣть двухъ, и ее улетѣ едіна. Ѯаноу же увідѣвшему едіную, показася тяжко рече есопу: не реклъ ли ты мнѣ проклятыи, что ты видѣлъ двѣ, но се едіна: отвѣща есопъ, двѣ были, но едіна улетѣла. Ѯанѳъ же сіе токмо рече, твое дѣло, еже мнѣ насмѣхатіся, и абіе повелѣ обнажіть и біть его. Есопу же біему; пріиде нѣкто звати Ѯанѳа на обѣдъ, и есопъ еще біенъ возопи, увы мнѣ бѣдному, я видѣлъ двѣ вороны, и се біемъ есмь, а ты Ѯанѳе відѣвъ едіну идешъ ясти и піти, смертное бо бѣ (по ихъ тогда нечестівому ѕловѣрію) таковое знаменіе: Ѯанѳъ же есопову разуму подівяся, не велѣ къ тому біть его».

Послѣ сего у Симрока помѣщенъ слѣдующій разсказъ: Чрезъ нѣсколько дней Ксанѳъ приказалъ Езопу изготовить богатый обѣдъ. Езопъ накупилъ всякой провизіи и принесъ домой. Жена Ксанѳова въ то время спала ничкомъ на скамейкѣ, а такъ какъ Езопу нужно было снова куда-то уйти, то онъ и попросилъ ее постеречь, чтобы провизію не съѣла собака. «Ступай,—сказала ему хозяйка,—будь покоенъ, посторожу, у меня на ягодицахъ есть глаза». Изготовивъ обѣдъ, Езопъ вернулся и нашелъ хозяйку въ томъ же положеніи; тогда онъ поднялъ ей платье до пояса и оставилъ спать. Когда пришёлъ хозяинъ съ гостями и, увидавши хозяйку въ такомъ срамномъ видѣ, набросился на Езопа, тотъ преспокойно передалъ ему слова хозяйки и объяснилъ, что поднялъ ей платье съ тѣмъ, чтобы она могла лучше видѣть нижними своими глазами. «Ты большая скотина,—сказалъ ему Ксанѳъ, — я не хочу наказывать тебя ради гостей, но при первомъ случаѣ прикажу казнить тебя» (стр. 189).

Стр. 296. Въ изданіи 1717 года, послѣ словъ: «и вопроси есопъ изъ двора греческімъ языкомъ»,—прибавлено: «Ті сіи о кїонъ: еже есть сказуется, что трясетъ песъ» (стр. 57).

Стр. 296. Въ изданіи 1717 года напечатано (§ 22): «увідѣ сїя пїсмѣна грѣческая. А, в, д, е, о, х. Преводнѣже да будутъ...» (стр. 60). У Симрока приведены только латинскій текстъ и буквы.

Стр. 30. Въ изд. 1717 г. пріемышъ Езопа названъ Енною, а другъ его Ерминомъ. У Симрока §§ 5 и 6 (стр. 200) разсказано здѣсь гораздо пространнѣе. Пріемышъ Езопа Енусъ связался съ Езоповою наложницею и, боясь гнѣва его, оговорилъ своего усыновителя передъ царемъ Ликуріусомъ въ измѣнѣ. Ликуріусъ приказалъ царедворцу своему Ермину умертвить Езопа; но Ерминъ былъ другомъ Езопа и, вмѣсто того чтобы умертвить его, спряталъ въ пустую могилу,—имѣніе же Езопово было передано Енусу. Спустя нѣсколько времени Нектабанусъ царь Египетскій прислалъ Ликуріусу приказъ построить ему башню между небомъ и землею... Потомъ разсказано, какъ Ерминъ объявилъ царю, что Езопъ живъ, какъ Езопъ оправдался передъ царемъ по взведенному на него оговору и выпросилъ у царя прощенія своему пріемышу. Затѣмъ слѣдуютъ цѣлыхъ двѣ страницы наставленій, которыя даетъ Езопъ Енусу, и наконецъ разсказъ о построеніи воздушной башни и разговоры Езопа съ египетскимъ царемъ Нектабанусомъ: Езопъ приказалъ наловить молодыхъ орловъ; къ четыремъ изъ нихъ онъ подвязалъ корзинки, а въ корзинки посадилъ дѣтей и наклалъ мяса; дѣти манили орловъ мясомъ то кверху, то книзу. Этихъ-то строителей Езопъ привезъ къ Нектабанусу и потребовалъ матеріаловъ для постройки воздушной башни. Нектабанусъ, увидя такую находчивость Езопа, призналъ себя побѣжденнымъ [2]). Вотъ разговоры Нектабануса

---

[2]) Таже самая исторія разсказывается въ повѣсти объ Акирѣ премудромъ. Царь велитъ казнить Акира, но служитель, которому это поручено, казнилъ вмѣсто него другаго, на него похожаго, а его самого посадилъ въ темницу. Между тѣмъ египетскій царь Фараонъ, услышавъ, что мудраго совѣтника Синагрипа нѣтъ болѣе въ живыхъ, шлетъ Синагрипу такое посольство: пусть пришлетъ ему мудраго дѣлателя, который построилъ бы домъ между небомъ и землею и отвѣтилъ бы на другіе его вопросы; если пришлетъ такого, то онъ обѣщаетъ платить ему дань въ теченіи четырехъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ

съ Езопомъ: Съ чѣмъ ты меня сравниваешь? спрашиваетъ Нектабанусъ. Съ солнцемъ, отвѣчаетъ Езопъ, а окружающихъ тебя съ сіяніемъ его. — А съ чѣмъ ты сравниваешь Ликуріуса? Съ луною, и какъ солнце затемняетъ луну, такъ и твое царство заслоняетъ царство Ликуріуса. — Мнѣ привели изъ Греціи кобылъ, которыя понесли отъ жеребцовъ въ Вавилонѣ, никогда не бывши въ этомъ городѣ; скажи, какъ это сталось? Я отвѣчу на этотъ вопросъ завтра, сказалъ Езопъ; — а на завтра онъ досталъ большаго кота, и началъ его бить. На вопросъ Нектабануса — за что онъ кота наказываетъ, Езопъ сталъ жаловаться, что этотъ котъ въ прошедшую ночь заѣлъ у царя Ликуріуса самаго лучшаго пѣтуха. — Этого быть не можетъ, сказалъ Нектабанусъ, кошка не могла сбѣгать въ одну ночь въ Вавилонъ и прибѣжать назадъ. «Точно также, какъ и ваши греческія кобылы», отвѣчалъ Езопъ. Нектабанусъ не могъ нахвалиться мудростію Езопа.

Затѣмъ Нектабанусъ призвалъ для состязанія съ Езопомъ двѣнадцать мудрецовъ, изъ Солнечнаго града. За обѣдомъ первый мудрецъ вопросилъ Езопа: я посланъ сюда самимъ Богомъ для предложенія тебѣ вопросовъ. Богъ запретилъ людямъ лгать; а

придется платить ее Синагрипу. Царь не знаетъ какъ быть; Анадонъ не даетъ совѣта, и всѣ поминаютъ Акира. Тогда выступилъ служитель и винится передъ царемъ, что онъ, противно его велѣнію, соблюлъ Акира отъ смерти. Царь въ великой радости, Акиръ выпущенъ на свободу и идетъ посломъ въ Египетъ, гдѣ отвѣчаетъ на мудреные вопросы царя, противопоставляя имъ другіе, столь же мудреные, и такимъ образомъ доводя его ad absurdum. Такъ требованіе царя: сдѣлать ему дворъ между небомъ и землею, онъ обходитъ слѣдующей уловкой: двѣ орлицы, наученныя ястребниками Акира, взлетаютъ на воздухъ съ клѣткой, къ которой припряжены; въ клѣтку посаженъ мальчикъ и кричитъ: вотъ дѣлатели доспѣли, понесите каменіе и известь! Говоритъ Акиръ царю: повели, чтобы несли каменіе и известь, дабы не медлили дѣлатели. Какъ нести ихъ на такую высоту? отвѣчаетъ царь и принужденъ оставить это дѣло. Такой же reductio ad absurdum разрѣшается и другая задача царя: свить веревку изъ песку. Характеромъ обыкновенной загадки отличается третья: что такое: — стоитъ дубово бревно, на немъ двѣнадцать сосенъ, на каждой 30 колесъ и т. д. Бревно — это годъ, толкуетъ Акиръ, 12 сосенъ — 12 мѣсяцевъ и т. д. «И адорьсти конюси то вѣдають». Это дѣйствительно одна изъ самыхъ распространенныхъ народныхъ загадокъ (А. Веселовскій, Исторія Русск. Лит. Галахова, 418).

потому видно одно, что ты его не боишься. Другой мудрецъ задалъ ему слѣдующую загадку: стоитъ большой храмъ, внутри большой столбъ, на столбѣ двѣнадцать городовъ, и каждый городъ покрытъ тридцатью бревнами, по которымъ двѣ женщины бѣгаютъ, не переставая. Эту загадку знаютъ въ Вавилонѣ малыя дѣти, отвѣчалъ Езопъ: храмъ—это небо; столбъ—это годъ; двѣнадцать городовъ—двѣнадцать мѣсяцевъ, тридцать бревенъ—тридцать дней, а двѣ женщины—это день и ночь. Тогда Нектабанусъ сказалъ: справедливость требуетъ, чтобы я заплатилъ Ликуріусу дань; но мудрецы просили предложить Езопу еще слѣдующій вопросъ: «что такое, чего мы не видали и не слыхали до сего времени?» Езопъ обѣщалъ приготовить отвѣтъ къ завтрашнему дню. На другой день онъ принесъ сочиненное имъ письмо, въ которомъ Нектабанусъ благодарилъ Ликуріуса за присылку тысячи фунтовъ серебра.—Мы никогда объ этомъ даже ничего и не слыхали, и серебра этого не видали,—говорятъ мудрецы и Нектабанусъ.—Если вы говорите правду, то я разрѣшилъ вашу вчерашнюю задачу,—отвѣтилъ Езопъ. Затѣмъ Нектабанусъ щедро одарилъ Езопа и отпустилъ его къ Ликуріусу; а Ликуріусъ приказалъ поставить въ городѣ въ честь его золотую колонну.

Все это выпущено, какъ въ народномъ изданіи, такъ и въ изданіи 1717 года; §§ 27—30 въ этихъ-же изданіяхъ изложены съ бо̀льшими сокращеніями противъ Симроковскаго нѣмецкаго изданія, и выпущено три притчи, которыя Езопъ разсказалъ Дельфійцамъ передъ смертію. Первая притча о глупой дѣвицѣ: у одной матери была глупая дочь; мать часто молила боговъ, чтобы они вбили въ нее хоть немного разсудка. Разъ дочь эта идетъ полемъ и видитъ молодаго пахаря, который билъ своего осла; что ты это дѣлаешь? спросила она его;—я забиваю въ него разсудокъ, а то больно дуритъ,—отвѣчалъ пахарь. Ахъ, милый пахарь, набей мнѣ немножко разсудка,—проситъ дѣвица; мать тебѣ за это будетъ очень благодарна.—Послѣ того, какъ пахарь понабилъ ей разсудка, дѣвица возвратилась къ матери и разсказала обо всемъ какъ было.—Ну, дочь,—сказала ей

мать,—до сихъ поръ въ тебѣ была хоть одна капля разума, а теперь ты стала совсѣмъ дура дурой (стр. 212).

Другая притча: одинъ крестьянинъ состарѣлся, не видавши никогда сосѣдняго города; захотѣлось ему увидать его. Товарищи посадили его въ телѣгу, запрягли ословъ, и сказали: «погоняй ихъ, они привыкли бѣгать въ городъ, знаютъ хорошо дорогу». Но вскорѣ сдѣлался сильный вихрь; воздухъ наполнился пылью, ослы сбились съ дороги и понесли несчастнаго прямо къ пропасти. «За что я долженъ погибнуть!»—взмолился онъ Юпитеру,—«я никогда не преступалъ твоихъ заповѣдей, избавь меня отъ злой смерти».

Третья притча: одинъ человѣкъ, возгорѣвшись страстью къ своей дочери, отослалъ свою жену въ деревню, чтобы удобнѣе исполнить свое желаніе. Когда дочь его понесла отъ него, то сказала: «отецъ, ты сдѣлалъ страшное дѣло, я лучше бы согласилась имѣть связь съ цѣлой сотней любовниковъ, нежели съ однимъ тобою».

Въ этихъ притчахъ Езопъ сравнивалъ себя то съ глупой дѣвицей, то съ старымъ человѣкомъ, пожелавшимъ взглянуть на городъ, то съ дочерью развратнаго отца; но ничто не подѣйствовало на Дельфійцевъ, и они умертвили его.

Въ изданіи 1717 года конецъ сокращенъ еще значительнѣе; послѣ словъ: «и пришедъ въ дельфы много ихъ ползоваше» (народн. изд. § 27), вмѣсто §§ 28—30, придѣланъ короткій конецъ: «сказуя делфяне же за сїе не токмо его не почтїли, но облїчаеми отъ него за неблагодарство ихъ разлїчными баснями не стерпѣвше извѣдоша за градъ и врїнувше въ глубокую пропасть вонючую, тако жїтїе сего и басни смертью покрыли, сами же отъ взыскавшихъ его ѕлѣ пострадали» (стр. 75 и 76).

92. **Масляница и Семикъ.** Прибавить: у меня есть еще два изданія этой картинки: *в* и *г*; оба они, равно какъ и изданіе *д*, отличаются отъ изданія *а* тѣмъ, что въ открытую дверь въ первомъ отдѣлѣ не видно трехъ березокъ, которыя находятся въ изданіи *а*, отличить-же ихъ другъ отъ друга можно по 21-му отдѣленію: въ этомъ отдѣленіи земля раздѣлена на двѣ полосы

продольною чертою, въ родѣ веревки; въ изданіи *б*, какъ нижняя полоса, такъ и верхняя заштрихованы въ одну черту; въ изданіи *в*—нижняя полоса грубо перекрещена въ двѣ черты, а верхняя тушевана въ одну; въ изданіи-же *г*—обѣ полосы заштрихованы въ двѣ черты на крестъ. Масляница — послѣдній зимній праздникъ, а Семикъ—первый весенній праздникъ, олицетворены и соединены въ народной картинкѣ вмѣстѣ. Масляница самый бѣшеный и самый разгульный праздникъ и въ городѣ и въ деревнѣ; въ это время народъ еще весь въ сборѣ, дома; въ отлучкѣ только годовики, а потому и веселиться въ деревнѣ есть кому. Въ эту недѣлю, въ особенности же въ послѣдніе четыре дня ея, вездѣ устраивались въ старину кулачные бои, приходили вожаки съ медвѣдями и бродячій кукольникъ съ своимъ *Петрушкой* [1]). Всѣ эти потѣхи, а равно и ряженье въ маски, такъ называемое *москолоудство,* ведутъ начало свое съ глубокой древности. Изъ посланія архіепископа Луки Жидяты видно, что *москолоудство* (т. е. ряженье въ маски) было въ обычаѣ еще въ XII вѣкѣ. Въ грамотѣ 1648 года говорится о томъ, что въ Бѣлгородѣ и другихъ православныхъ городахъ «накладываютъ на себя личины и платье скоморошное, и межъ себя наряди кобылку водятъ, учиняютъ гаданія, пляски съ медвѣдями и собаками, сурны, домры, гудки, гусли, волынки, всякіе гудненыя бѣсовскіе сосуды и хари во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и поляхъ пѣсни слушаютъ богомерзскія .... и въ кулачныхъ бояхъ между собою драку дѣлаютъ и на качеляхъ колышутся во кругъ и на веревкахъ и на доскахъ (Ивановъ, Опис. Архива, 296—8). Впрочемъ качели были уже запрещены граматами 1649 года, потому что «многіе въ семъ убиваются до смерти» (Сахаровъ, Сказанія, II.—Акты Историч. IV. 124). Литье олова, воска, скаканье на доскахъ, кулачные бои, ряженье, медвѣжья и собачья пляски запрещены были тогдаже, конечно для одной проформы; въ одной изъ грамотъ (Акты Исто-

---

[1]) О кулачныхъ бояхъ см. примѣч. къ №№ 198—201; о медвѣдяхъ съ козою—примѣч. къ № 177, а такъ-же и въ заключеніи; тамъ же говорится и о русскомъ Петрушкѣ.

рич. IV. 124) даже народныя пѣсни и праздники порицались наравнѣ съ волхвованіемъ и чародѣйствомъ.

Кукольная комедія, или такъ называемый *Петрушка*, ведетъ начало свое тоже съ глубокой древности; Олеарій, въ путешествіи своемъ по Россіи (Verm. Moscow. Reisebeschr., Schleswig 1656, стр. 109), говоритъ, что Петрушка всегда сопровождалъ медвѣжьяго вожака, а изъ приложенной при этомъ разсказѣ картинки видно, что представлялась и въ то время таже самая нехитрая комедія о покупкѣ Петрушкой у цыгана лошади, о побіеніи имъ доктора и полицейскаго, которая представлялась еще въ недавнее время подъ Новинскимъ. Устройство бродячаго кукольнаго театра чрезвычайно простое: на двухъ палкахъ развѣшивается простыня изъ крашенины, и изъ-за этой простыни кукольникъ высовываетъ свои куклы и производитъ свои представленія; аккомпаньементъ къ этимъ представленіямъ, въ древнее время (на картинкѣ у Олеарія), состоялъ изъ гусляра и гудочника, теперь оба они замѣнены шарманкой [2]). Рядомъ съ кукольными

---

[2]) Въ Бѣлоруссіи, по описанію П. В. Безсонова, бродячій кукольный театръ устраивается нѣсколько сложнѣе: «дѣлается ящикъ, въ родѣ нашего райка со стеклышкомъ, чаще съ отдвижною или подымающеюся стѣнкою, иногда-же съ дверцами; въ ящикѣ извѣстныя декораціи; полъ устланъ шкурой; прорѣзаны дорожки для движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ лоскутьяхъ, дѣйствуютъ посредствомъ проволокъ или веревочекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тѣла (какъ въ театрѣ маріонетокъ); разговоры дѣйствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугою; свѣтъ въ ящикъ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ родѣ подвижнаго балаганчика, и носятъ его два человѣка; начало и антракты имѣютъ музыку: волынку или скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ его, служитель, порою два, три служителя, иногда завѣдуетъ цѣлая компанія. До послѣдняго Польскаго возстанія не было на Бѣлой Руси порядочнаго околодка, на который не приходилось бы хотя по одному такому подвижному балагану или ящику, наслѣдованному изстари, починенному или вновь сколоченному съ большими хлопотами въ теченіи Филиповокъ; нѣтъ почти мѣстности, особенно въ деревнѣ и селѣ, гдѣ бы хоть разъ въ коляду не отправлено было описанное нами представленіе въ томъ или другомъ видѣ. Любимѣйшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцѣлѣли онѣ, составляетъ, вопервыхъ, Бѣлорусскій *хлопъ* во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ трагикомическихъ отношеніяхъ его къ *пану*, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставитъ въ тупикъ; къ *жиду*, съ коимъ расправляется по свойски за ловкое торгашество, надуватель-

представлялись и *персонныя комедіи*; до чего эти комедіи или интермедіи были незатѣйливы, можно видѣть изъ описанія интермедіи, устроенной извѣстнымъ воромъ-сыщикомъ Ванькой-Каиномъ. Этотъ Ванька-Каинъ на масляницѣ устроилъ, близь мытнаго двора, гору для народнаго увеселенія. Гора эта и до сихъ поръ называется Каиновой. Всю масляницу народъ катался съ Каиновой горы; въ послѣдній-же день Каинъ нанимаетъ тридцать комедіантовъ и устраиваетъ на горѣ представленіе. Два шута разыгрываютъ судъ царя Соломона. Одинъ шутъ представляетъ царя Соломона, другой, изъ фабричныхъ, воруетъ у Соломона деньги. Вора ловятъ, раздѣваютъ, надѣваютъ на него крестьянскую шапку, галстухъ и большія рукавицы, а на спину медвѣжью шкуру, и проводятъ шесть разъ «сквозь строй», состоящій изъ 200 зрителей, которые хлыщутъ его по спинѣ метлами (розгами) до крови. За это фабричный (суконщикъ) получаетъ отъ Ваньки рубль денегъ и новую шубу.

Въ Петербургѣ, въ 1765 году, на масляницѣ былъ устроенъ на Брумбергской площади, близь Мойки, огромный театръ, гдѣ каждый день, въ 4 часа, играло подъ открытымъ небомъ комедію общество, состоявшее изъ наборщиковъ, переплетчиковъ, фабричныхъ и другихъ мастеровыхъ; они получали за труды отъ полиціи по 50 коп. на человѣка за каждый разъ (Штелинъ, СПБ. Вѣстн., Сент. 1779. 173). На нашихъ картинкахъ масляница справляется въ селѣ Покровскомъ; въ историческихъ опытахъ И. Е. Забѣ-

---

ство и неоплатные свои долги; къ *доктору* и *учителю*, которые въ дуракахъ передъ цѣльною натурою крестьянина; къ *женѣ*, которая наказана за вѣроломство, или наказываетъ мужа за корчму; нужно только сказать, никогда почти не выставлено дурное отношеніе между крестьяниномъ и *духовенствомъ*,—къ чести того и другого; далѣе—Еврейскій *шабашъ*; степенность и неуклюжесть *Литвина*, и т. п. Изъ старыхъ исторически-сказочныхъ—сцена *Соломона* и *Морольѳа* (она-же самый древній печатный тискъ Кракова), конечно обезображенная, гдѣ роль Китовраса Морольѳа и Дѣтины Поваренпаго — по чернотѣ своей—замѣщаетъ цыганъ, т. е. въ родѣ нынѣшняго нашего *Петрушки*, совмѣщающаго крохи той же исторіи съ образами Пьеро и Арлекина. Наконецъ ближе къ быту выставляются продѣлки простаго цыгана съ лошадью; тѣ-же на сценѣ журавли, медвѣди и т д.» (Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Москва. 1871, I. 99).

лина (II. 470) подробно описаны увеселенія, происходившія въ этомъ селѣ на масляничной недѣлѣ въ 1763 году. Кромѣ ледяной катальной горы и качель, устроены были: кегли, карусели, доска для скаканья и разныя увеселенія; все это стоило болѣе 18,000 руб. Катальныя горы въ послѣдствіи были отданы на откупъ съ тѣмъ, чтобы съ оныхъ дозволено было кататься дворянству, купечеству и всякаго чина людямъ, *кромѣ подлыхъ* (II. 479). Затѣмъ ледяныя горы переведены были сперва на Москву рѣку, потомъ подъ Новинское и наконецъ на Дѣвичье поле.

Что касается до Семика, который бываетъ на 7-й недѣлѣ послѣ поста, — отъ нее онъ и получилъ свое прозваніе, — то въ этотъ день погребали тѣла умершихъ, скоплявшіяся за зиму при убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ говоритъ Стоглавъ (вопросъ 23), по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, «и егда учнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играти, они-же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити» (Стоглавъ, вопросъ 23). Въ Семикъ дѣвушки завиваютъ вѣнки и вѣшаютъ ихъ на березки: чей вѣнокъ до Троицына дня разовьется, той и выдти въ томъ году замужъ. Такая березка съ завитыми вѣнками приносилась въ Троицынъ день въ избу; въ городахъ, въ этотъ-же день, всѣ дома превращались въ березовую рощу. Въ послѣднее время, въ видахъ лѣсосбереженія, привозъ березокъ (идущихъ въ деревняхъ милліонами на метлы и на хворостъ, въ печь) въ городъ запрещенъ (Сравни тоже о собачкахъ въ примѣч. къ № 177).

Въ Москвѣ гулянье въ Семикъ справлялось въ Марьиной рощѣ, принадлежащей гр. Шереметеву (что за Крестовской заставой); она называлась въ 1665 году Князьяковлевской (по имени кн. Черкасскаго), а въ 1676 и въ 1677 гг. Марьинскою. Въ ней ставили шатры, въ которыхъ цари переодѣвались при походахъ своихъ къ Троицѣ (Выходы Царей, Строева; Алфав. 51). Съ 1877 года гулянья эти настоящимъ владѣльцемъ рощи запрещены.

95. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе *(г)* этой картинки, скопированное точь въ точь съ Чуваевскаго; первая строка текста заканчивается такъ: «её поймалъ».

96. **По старинѣ.** Олеарій и Корбъ говорятъ, что хозяйка дома должна была, поднося вино и напитки, поцѣловать почетнаго гостя въ губы. Такой обычай былъ не въ укоръ въ то время, потому что, по русской пословицѣ: «поцѣлуй въ пазуху не лѣзетъ» *). Наша картинка сдѣлана съ иностраннаго образца, что можно замѣтить изъ того, что одинъ изъ гостей сидитъ за трапезой въ шляпѣ, о чемъ въ древнемъ русскомъ обиходѣ, какъ замѣчаетъ И. Снегиревъ, нельзя было и подумать (Снегиревъ, Лубоч. картин., 17). Подробныя указанія о томъ, какъ ѣли наши предки въ XVII вѣкѣ можно найти во II томѣ Актовъ историческихъ (про царей); перечень обиходнаго боярскаго стола XVI в. находится въ приложеніи къ Домострою (Временникъ Истор. Общ., 1850. V); о томъ, какъ ѣли монахи и чего имъ хотѣлось поѣсть, видно изъ текста картинки № 174.

97. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*и*), скопированное точь въ точь, но на оборотъ: второй кавалеръ стоитъ слѣва; изданіе конца прошедшаго вѣка.

97. А. — Таже картинка, только переводъ состоитъ изъ четырехъ персонъ; текстъ тотъ-же, но надпись другая: «знаи всякой самъ себя, и указываи всвоемъ доме»; 1810—1820 годовъ (въ моемъ собраніи).

99. **Славный объѣдало.** Сочиненіе скопировано съ французской каррикатуры: «Le Ci devant Grand Couvert de Gargantua Moderne en famille!!!!!!!» (Jaime, Musée de caricature, vol. I. pl. 10 g). На французской каррикатурѣ въ видѣ Гаргантуа пред-

---

*) Замѣтка И. М. Снегирева (Русскія пословицы, II. 119).

ставленъ Лудовикъ XVI [1]); онъ сидитъ за столомъ; справа его семейство. Множество прислуги несетъ къ столу разную провизію: жареную птицу, рыбу, пироги, омаровъ; работникъ и работница взбираются по лѣстницѣ, приставленной къ столу (какъ и въ русской картинкѣ), и ссыпаютъ изъ крошней на блюдо золото и ассигнаціи. Король поднялъ на вилкѣ цѣлаго поросенка; передъ нимъ большое блюдо жареныхъ сердецъ; внизу подпись: «Gargantua a son Petit Couuert», и стихи:

«Que dans un seul repas il consume de Viures!
Un boeuf pour lui. N'est qu'un lapin,
D'un coup u Uuide Un muid de vin,
Il ne fait qu'un morceau d'un pain de douze liures.
Qui diable d'un pareil Cadet
Voudrait etre obligé de remplir la bedaine?
Jaimerais presqu'autant Saôuler Une douzaine
De jeunes Clercs du Châtelet.
C. Duer inv.—C. Dumonstier sculpsit.—Se Vend à paris chez charle Dumonstier graueur Rue mondetour au evin de la rue de la chanverrie au 4-e et Presentement chez Danisi rue St Iacques a Paris [2]). — Avec permission de Mr Herault» [3]).

Въ русской картинкѣ семейство Гаргантуи выпущено, объѣдало пожираетъ провизію одинъ; выпущена тоже и королева,

---

[1]) Говорятъ, что Рабле написалъ своего Гаргантуа, имѣя въ виду Герцога Jean d'Albert'a, безобразнаго пьяницу, который расхаживалъ по своимъ подданнымъ и напивался до безчувствія (Dunlop, 326).

[2]) Этотъ второй адресъ прибавленъ впослѣдствіи и обозначаетъ 2-е изданіе.

[3]) Есть еще французская каррикатура на эту-же тему: «Mylord Richepanse et mylédis Gloutonne à la renommée des têtes de veau à la Frémont du Puits Certain. Rue Serpente № 14. Déposé»; на ней представлены: Лудовикъ XVI, королева и Mademoiselle, объѣдающіеся телячьими головками подъ раковымъ соусомъ.

представленная на французской каррикатурѣ сзади короля, съ стаканомъ въ рукѣ, въ который Булье цѣдитъ кровь изъ горла работника; подробности тоже переиначены на русскій ладъ. Людовикъ XVI пользовался славою большаго обжоры; въ Музеѣ карикатуры Жема есть еще двѣ хорошія карикатуры на него по этой части: одна—подъ названіемъ «Le Gourmand Scène à Varennes 21 Juin 1791», гдѣ Лудовикъ пожираетъ свиную голову (I, pl. 45 g); другая—на которой Лудовикъ представленъ по поясъ въ бочкѣ съ виномъ, а Генрихъ IV спрашиваетъ «Ventre St pris ou donc est mon petit fils Louis!!» (II. 164 g).

Въ англійскихъ народныхъ листкахъ есть исторія своего туземнаго объѣдалы: «The great eater of Kent or past of the admirable teeth and stomach Exploits of Nicholas Wood, of Harrisson.... by Iohn Taylor. London 1630» (Hindley, The old book collect. Lond. 1873. 3 vol). Этотъ господинъ съѣлъ за разъ цѣлаго барана, за котораго было заплочено 16 шиллинговъ; осталась одна шкура, шерсть, рога, да кости. — Наши русскіе обжоры ничто въ сравненіи съ англійскими и американскими обжорами, которые заявили такія необычайныя способности своего брюха во время всемірной Филадельфійской выставки (это Щербининскіе жрецы въ полномъ смыслѣ), когда они съѣдали по цѣлому барану и выпивали по нѣскольку ведеръ пива на человѣка. Въ нашихъ сказкахъ всѣ богатыри объѣдаются и опиваются; идолище представляетъ апоѳеозисъ обжорства, дружку которому можно подыскать только въ индѣйскихъ и монгольскихъ легендахъ. Крайнимъ обжорствомъ отличались и наши предки въ XVII и XVIII вѣкахъ, да и самъ Петръ и его приближенные. Такъ, напримѣръ, во время пребыванія своего въ Англіи, Петръ остановился въ гостинницѣ въ Годельмингѣ, съ своею свитою, самъ 21; за *завтракомъ* было съѣдено ими: полъ барана, четверть ягненка, десять куръ, двѣнадцать цыплятъ, семь дюжинъ яицъ, и выпито три кварты коньяку и шесть квартъ глинтвейну; за *объдомъ* они съѣли: $1^1/_4$ пуда говядины, цѣлаго барана ($1^1/_2$ пуда вѣсомъ), $^3/_4$ ягненка, плечо и филе телятины, 8 куръ, 8 кроли-

ковъ, и выпили 54 бутылки столоваго вина и 12 краснаго (Статья И. Фирсова: Древ. и Нов. Россія 1877, IX. 77). Петръ постоянно пилъ много; случалось, утверждаютъ англійскія газеты, что онъ выпивалъ поутру кружку коньяку и бутылку хересу, а послѣ обѣда до восьми бутылокъ столоваго вина—и, какъ ни въ чемъ небывало, отправлялся въ театръ. Съ Кормартеномъ онъ часто проводилъ вечера, попивая pepper and brandy (коньякъ на перцѣ); особенно полюбился Петру крѣпкій напитокъ, изобрѣтенный какимъ-то спекуляторомъ подъ именемъ Nectar Ambrosia; Петръ закупилъ его достаточное количество (статья И. Фирсова въ Древней и Новой Россіи 1877, IX. 75). Во время переѣздовъ Екатерина то и дѣло присылала Петру *крѣпыша*. Одинъ изъ старообрядцевъ увѣрялъ насъ, что картинка «объѣдало» составлена на его личность; другіе-же говорятъ, что объѣдало представляетъ знаменитаго Таврическаго князя Потемкина, который въ ѣдѣ отличался рѣдкою прожорливостью: помимо обычныхъ блюдъ, которыя онъ пожиралъ съ одинаковымъ апетитомъ, какъ самыя дорогія, такъ и самы дешевыя, онъ еще постоянно лакомился пирожками и бисквитами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ, даже у постели (Русская Старина, кн. IV: Путешествіе Вил. Кокса).

99. На страницѣ 314, вмѣсто № 99, поставить — 99 А, — и прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе *ж* этой картинки, отпечатанное доскою изданія *д*, пройденною вновь рѣзцемъ.

99. Б. — Въ моемъ собраніи есть еще другой переводъ этой картинки — копія съ № 99, съ подписью: «Славной объядала и Веселой подпивала», и съ сокращеннымъ текстомъ. Гравюра на мѣди, конца прошедшаго вѣка.

101. **Пляска.** По духовнымъ правиламъ пляска считалась дѣломъ позорнымъ и проклятымъ, и съ давнихъ временъ подверга-

лась порицанію со стороны духовныхъ писателей, наравнѣ съ игрою въ карты и музыкой. Въ Великомъ зерцалѣ помѣщены статьи: о еже не мня быти грѣхъ, кто играетъ картами и шахматы, и прочими *катырскими* играми (гл. 60); о еже не глумитися и играми не забавлятися (гл. 120), о пляшущихъ и танцующихъ, и како пляшущіе въ нощи Рождества Господа нашего І. Х. въ проклятіи цѣлый годъ плясаша (гл. 160). Плясаніе осуждается и въ главахъ 826—833, «како зла вещь есть плясаніе, и колико есть мерзко предъ Господемъ, отъ видѣнія является» (Пыпинъ, 201).

Въ древности святые отцы были еще строже къ этимъ забавамъ; о пляшущихъ и занимающихся музыкою «рече святый Нифонтъ: яко же труба гласящи собираіеть вои, молитва же творима совокупляіетъ ангели Божія, а сопѣли, гусли, пѣсни непріязньскы, плясанья, плесканья сбираютъ около себе стоудныя бѣсы, держай же сопѣлника, въ сласть любяй гусли и пѣнья, плесканья и плясанья чтитъ темнаго бѣса, иже желаіетъ и тщить пожрети весь міръ» (Памятники старин. рус. литерат., вып. I, стр. 207). Въ другомъ рукописномъ сборникѣ разсказана на устрашеніе плясуньямъ слѣдующая легенда: «Дѣвка нѣкая во дни святыя, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче въ играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываше, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера въ гумленихъ и в танцѣхъ пребываше». Возвратившись домой, она уснула и во снѣ была восхищена отъ бѣсовъ, которые опалили ей на головѣ всѣ волосы, покрыли тѣло ея вередами, а одинъ демонъ ей «главню горчяую в уста вонзе и рече: имѣй сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы, ризы же ея ни слѣду опаленія пріяша». Когда она проснулась и разсказала всѣмъ бывшее съ нею, былъ призванъ священникъ, и на исповѣди «ни единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти» (Памятники старин. рус. литературы, вып. I, стр. 209). Но книжныя угрозы этѣ оставались въ безсиліи и жизнь шла своимъ чередомъ, невнимая духовноспасительнымъ воплямъ. По указу Петра приказано было танцовать

всѣмъ россійскимъ дѣвицамъ, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста, подъ страхомъ жестокаго наказанія, — а затѣмъ заплясали и наши Императрицы. Особенно отличалась въ танцахъ Елизавета Петровна, которая при этомъ очень любила танцовать за мущину; рядилась въ мужское платье въ маскерадахъ и Екатерина II-я, а въ 1764 году великій князь Павелъ Петровичъ явился публично въ балетѣ Ацисъ и Галатея и, въ роли бога Гименея, «искусными и благородными танцами своими удивилъ всѣхъ зрителей» (Штелинъ, СПБургск. Вѣстн. 1779, Сентябрь. 169).

О русскомъ танцѣ своего времени академикъ Штелинъ говоритъ слѣдующее: «простой русскій танецъ хотя есть древняго славянскаго происхожденія, однако-же онъ имѣетъ нѣчто и *татарское*. Съ танцами прочихъ *европейскихъ* народовъ оный ни въ чемъ не сходствуетъ, ибо не состоитъ ни въ топаньи, ниже въ прыганьи, но единственно въ нѣкоей нѣжной и тихой, со стороны женщины, походкѣ, а со стороны мущины въ нѣкіихъ наклоненіяхъ и выправленіяхъ, или въ нѣкоей присядкѣ, дѣлающейся посредствомъ скораго выворачиванія и сжиманія колѣнъ. Кто *Китайцевъ*, *Бухарцевъ*, *Мунгалъ* и *Татаръ* танцующихъ видѣлъ, тотъ легко можетъ примѣтить, что въ русскихъ танцахъ есть нѣчто взятое изъ танцевъ сихъ народовъ.... Во время царя Алексѣя Михайловича въ Россіи не знали и не употребляли другихъ никакихъ кромѣ природныхъ танцевъ; однако же при его уже дворѣ иногда танцовывали веселые *украинскіе* и важные *польскіе* танцы, для которыхъ тогдашнее длинное русское платье весьма хорошо было. Въ 1767 году балетмейстеръ Анжолини, который имѣлъ случай, живя въ Москвѣ, узнать всѣ роды русскихъ танцевъ «дабы показать пріятство ихъ, сочинилъ огромный въ русскомъ вкусѣ балетъ, и въ музыку онаго вмѣстя русскія мелодіи, симъ новымъ ума своего произведеніемъ удивилъ всѣхъ и пріобрѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Уже въ началѣ царствованія Петра Великаго перестали при дворѣ и въ знатныхъ домахъ танцовать *русскіе* танцы и носить долгое платье, вмѣсто

котораго «сей государь введши иностранное, съ онымъ ввелъ и иностранные танцы, яко то: нѣмецкіе, англійскіе, а послѣ и французскіе, которые удивительно скоро пришли въ славу, ибо при немъ уже вмѣняли въ стыдъ благороднаго рода женщинамъ и мужчинамъ, если они не могли порядочно протанцевать минуэта, контретанца или польскаго. Во время же царствованія императрицы Елизаветы Петровны искуство танцеванія до такого совершенства доведено было, что г. Ланде, одинъ изъ первыхъ французскихъ балетмейстеровъ, публично говаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуэты танцевать надобно, долженъ пріѣхать къ Императорскому Россійскому Двору». «Сіе изрѣченіе конечно не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцеванія; она также чрезвычайно хорошо танцевала и природные русскіе танцы, которые хотя, какъ выше сказано, вообще и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однако-же иногда, а особливо во время придворныхъ маскерадовъ, ихъ танцуютъ. Всѣ роды европейскихъ танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ *русскимъ*, когда его прекрасная русская дѣвушка, въ русскомъ своемъ платьѣ танцуетъ, и смѣло сказать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти. Почти всякій годъ императрица Анна Іоанновна, во время придворныхъ веселостей, бывающихъ о масляницѣ, изволила приказывать быть при оныхъ гвардейскимъ унтеръ-офицерамъ съ молодыми ихъ женами, между которыми бывали совершеннѣйшія танцовщицы, дабы имѣть удовольствіе видѣть ихъ танцующихъ русскіе танцы; съ ними иногда также танцовывали и придворные кавалеры» (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ 1779, Октябрь. 243).

Рядомъ съ разными заморскими нововведеніями, появился въ Россіи и балетъ; онъ такъ понравился нашимъ предкамъ, что они стали обучать балетнымъ танцамъ своихъ *крѣпостныхъ дѣвокъ* и устраивать изъ нихъ крѣпостные балеты. У Мельникова «Въ

Лѣсахъ» весьма ярко разсказаны подвиги тогдашнихъ помѣщиковъ по этой части. Впрочемъ и высшія власти подавали имъ въ этомъ хорошій примѣръ; такъ напримѣръ, императрица Елизавета Петровна, услыхавъ объ оригинальности Камчадальскихъ танцевъ и пѣсенъ, приказала привезти ко двору шесть Камчадальскихъ дѣвушекъ; посланъ былъ за ними особый фурьеръ, Шахтуровъ; выбрали шесть дѣвицъ самыхъ красивыхъ и изъ самыхъ почетныхъ семействъ; везъ ихъ Шахтуровъ по Сибири цѣлый годъ, и такъ за ними ухаживалъ, что всѣ шесть еще въ Сибири *разрѣшились отъ бремени* (Древ. и нов. Россія 1877, II. 224).

Дѣйствующія лица на нашей картинкѣ № 101 танцуютъ вѣроятно одинъ изъ танцевъ Елизаветинскихъ временъ: матрадуръ, менуэтъ, манимаску или гавотъ.

Дама Арина и плясунъ-музыкантъ (на гитарѣ) — послѣдній справа — скопированы, въ увеличенномъ размѣрѣ, съ Riciulina и Mezetin изъ № 8 «Balli di Sfessania», гравированныхъ Каллотомъ; полишинель, пляшущій между ними, передѣланъ изъ Capitano Cardoni тѣхъ-же «Balli» № 22; арлекинъ, внизу, упрашивающій музыкантшу заиграть бычка, передѣланъ изъ Capitano Cerimonia № 3 «Balli». Первая нѣмецкая труппа буффъ съ Гельфертингомъ въ роли Панталона и Сколяри въ роли Арлекина и въ костюмахъ подобныхъ тѣмъ, которые мы видимъ на картинкѣ № 101, появилась въ Петербургѣ въ 1757 году (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ 1779 г., Сентябрь. 163). Иностранные танцы введены были при дворѣ и въ барскихъ домахъ еще ранѣе.

На картинкахъ №№ 100 и 101 представлены двѣ женщины, играющія на *рылѣ*. Въ № 101 это *рыле* имѣетъ видъ савоярдскаго ручнаго органчика *Leyer* (Leyermann) или *Vieille* [1]); наша музыкантша вертитъ одною рукою ручку органчика, а другою пе-

---

[1]) Віало или фіоль, извѣстное у насъ уже въ XVII вѣкѣ. Въ разрядныхъ записяхъ 1676 г. говорится, что въ Преображенскомъ играли для потѣхи Петра иноземцы комедію Алаферна «и въ органы играли и на фіолахъ и на струментахъ и танцевали» (Штелинъ, СПБ. Вѣст. 1779, IV. 84).

ребираетъ по грифу; это и есть настоящее *рыле*, на которой играютъ и въ настоящее время въ Малороссіи *лирники* или *рылейщики* (см. въ Живописной Украйнѣ Жемчужникова портретъ лирника Дмитро съ рисунка Кулиша). У другой музыкантши, на № 100, рыле имѣетъ видъ *цитры* или маленькихъ гуслей [2]), и лежатъ они у ней на колѣнахъ; музыкантша перебираетъ по струнамъ пальцами. *Гусли*, всесвѣтный инструментъ, представляютъ лежачую арфу съ декой снизу; её кладутъ на колѣна, а играютъ съ одной верхней стороны; струны въ нихъ металическія и натянуты на колкахъ, какъ въ фотепіано. Сложныя гусли имѣютъ до пяти октавъ; *діезы* (полутонныя струны) натянуты въ нихъ пониже *мажоровъ* (на полъ-пальца); при этомъ вверху, на свободномъ треугольникѣ деки, натягивается еще рядъ струнъ, составляющихъ дополнительные дисканты (нѣмецкій Гакебретъ);—въ простыхъ гусляхъ только 17 струнъ. Видоизмѣненіе гуслей представляютъ *цимбалы*, на которыхъ играютъ палочками или молоточками, и *цитра*. Въ этой послѣдней струны частію металлическія, а частію кишечныя; играющій надѣваетъ на большой палецъ правой руки желѣзное кольце съ *ногтемъ*, которымъ и играетъ по металлическимъ струнамъ мелодію, а на кишечныхъ перебираетъ пальцами акомпаньементъ (См. II. 487). Гусли извѣстны были у насъ на ряду съ органами съ глубокой древности. Преподобный Ѳеодосій, вошедъ въ храмину, гдѣ обѣдалъ кн. Святославъ Ярославичъ, «видѣ многыя играюця прѣдъ нимъ овы *гусльныя* гласы испущающи другыя же *органныя* гласы поющи, инѣмъ мусикискыя (замърныя) писькы гласящимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимъся, яко же обычаи іесть прѣдъ княземъ» (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, II. 2. 192). Въ поученіи преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго—«діаволъ лститъ.... скоморохи, *гусльми*, *сопьлми* и всякими играми» (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, т. II. в. 2. 195; тоже: Тихонравовъ, Лѣтописи, IV). На фрескахъ Кіевскаго собора, на

---

[2]) По мнѣнію Кугача (Опис и повѣст народных гласбала юго славена)—гусли (по чешски housle=скрипка) изобрѣтены Славянами.

лѣстницѣ, въ числѣ скомороховъ представлены два музыканта съ трубами, и одинъ играющій на четыреугольныхъ гусляхъ, поставленныхъ вертикально, въ видѣ арфы; тутъ же представлена женщина, играющая на гитарѣ (торбѣ), и двое плясуновъ, изъ которыхъ одинъ въ тоже время играетъ на флейтѣ, а другой бьетъ въ тарелки. Въ нашихъ былинахъ Добрыня Никитичъ и Ставръ играютъ на *гусляхъ* яровчатыхъ; Ставръ «натягивалъ тетивочки шелковыя на тыя струночки золоченыя» (Рыбн. I. 136. 149. 167; II. 31), а у Добрыни гусли были вдѣланы въ лукъ.

102. **Плясунъ и скоморохъ.** Плясунъ пляшетъ бычка, онъ-же трепакъ или камаринская; объ этомъ танцѣ говорится въ заключеніи. Названіе бычка или трепака пляска эта получила потому, что въ ней плясунъ собственно не танцуетъ, а *треплется* и *бычкомъ* выдѣлываетъ разныя колѣнца и выверты, для которыхъ въ народномъ языкѣ есть цѣлый рядъ техническихъ названій*). Ко-

*) Еще зовется эта пляска разгульнымъ именемъ камаринской; названіе это она получила повидимому или отъ заглушной Камаринской дороги, или отъ извѣстной «забѣглыми людьми» Камарицкой волости. Камаринская, или точнѣе Камарицкая дорога идетъ отъ Рязани по полямъ и лѣсамъ, не касаясь деревень; на перекресткахъ ея съ другими дорогами поставлены пятницы, т. е. часовни съ иконами (Макаровъ, 22). Камарицкая волость упоминается въ статьяхъ о сыскѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ, данныхъ сыщикамъ, отправленнымъ въ города Бѣлгородскаго вѣдомства (Полное собраніе законовъ, № 1645, 1698 года). Изъ этихъ статей видно, что изъ Камарицкой волости много народа бѣжало Бѣлгородецкаго полку въ украйныхъ городахъ. При этомъ «Камарицкихъ бѣглыхъ солдатъ», которые «написаны въ службу», рѣшено оставить на мѣстахъ,—тѣхъ изъ нихъ, которые «живутъ въ городахъ, укрываясь и переходя, а въ службу никакую не написаны, тѣхъ написать въ службу»; тѣхъ-же, «которые живутъ за вотчинники и за монастыри, и тѣхъ съ женами и съ дѣтьми сводить въ Камарицкую волость на прежнія ихъ жилища»; наконецъ: «которые бѣглыхъ камарицкихъ солдатъ бѣглыя жены, вдовы и дочери и свойственницы вышли зáмужъ за помѣщиковыхъ и вотчинниковъ крестьянъ, и тѣхъ крестьянъ, по тѣмъ вдовамъ, съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченнымъ изъ за тѣхъ помѣщиковъ въ Камарицкую волость выводить, и велѣть имъ быть въ службѣ и въ тяглѣ на тѣхъ жеребьяхъ, на которыхъ были прежніе мужья ихъ написаны, или гдѣ пристойно; а по дѣвкамъ тѣхъ помѣщиковыхъ крестьянъ не выводить, а имѣть на тѣхъ помѣщикахъ и вотчинникахъ выводъ за дѣвку по 10 рублевъ».

лѣнца эти и самый танецъ чрезвычайно ярко описаны въ «Садко Новгородскій Купецъ» гр. Толстаго.—Садко попалъ въ царство къ водяному царю, который приказываетъ ему поиграть на гусляхъ:

„Ударилъ Садкò по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлётъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, *упёрся въ бока,*
Готовится, дрыгая, въ пляску.
Сперва лишь *на мѣстѣ поводитъ усомъ,*
Щетинистой *бровью киваетъ.*
Но вотъ *запыхтѣлъ* и надулся, какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ;
Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ *выводить вензеля,*
Такъ всѣ затряслись половицы,
Пустился *на вывертъ пятами мѣсить,*
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!
То, *выпятя грудь,* на придворныхъ *онъ прётъ,*
Ломаетъ колѣнца и взадъ и впередъ,
Валяетъ загребомъ и *скокомъ;*
И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все *круче,*
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садкò,
Царь бѣшеный *мѣситъ ногами;*
Въ присядку понесъ его чортъ *ходуномъ,*
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ.
Гремитъ плясовая, колеблется домъ.
И море реветъ и бушуетъ».

104. **Азъ есмь хмѣль.** Текстъ картинки заимствованъ изъ старинной легенды о хмѣлѣ, которая напечатана въ Памятникахъ ста-

ринной русской литературы гр. Кушелева; въ ней разсказывается, что: жилъ нѣкій человѣкъ въ дебрѣ, и не стало у него пищи, и пошелъ онъ искать чего нибудь себѣ въ снѣдь, и нашелъ траву, у которой сорвалъ смоквицу,—и начала трава та ему говорить: «Азъ есмь хмѣль...» и т. д., почти тоже самое, что говорится въ народной картинкѣ № 104. Въ концѣ хмѣль говоритъ человѣку (въ легендѣ): «отложи прочь отъ себя смоковицу сію, якоже еси сорвалъ, да не увидиши зла надъ собою» (I. 449). Человѣкъ тотъ бросилъ смоквицу на землю и ушелъ въ свою хижину, размышляя о великомъ вредѣ вина. Въ сборникахъ XVII вѣка встрѣчается много варіантовъ этой легенды; они перечислены и разобраны въ Очеркахъ Буслаева (I. 558 и слѣд.). Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, какъ человѣкъ нѣкій, поймавъ *хмѣля*, связалъ ему руки и ноги и сталъ допрашивать: «повѣдай мнѣ свой родъ и славу и всѣ твои козни?» На это хмѣль отвѣчаетъ: „Азъ... силенъ и богатъ; добра у себя никакого неимѣю, а имѣю ноги тонки, а утробу прожорливую, а руки мои обдержатъ всю землю» и т. д.,—въ томъ же родѣ, какъ и въ народныхъ картинкахъ №№ 104—107; легенда кончается тѣмъ, что этотъ нѣкій человѣкъ хмѣля отъ узъ разрѣшилъ и отпустилъ къ его поспѣшнику, пьянственному бѣсу. Легенды о происхожденіи вина и винокуренія попадаются тоже во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII вѣка (Буслаевъ, Очерки, I. 560.—Востоковъ, Рум. муз., CCCLXIII. л. 410 и 412).

Первымъ «упившимся отъ вина» былъ Ной; по апокрифическимъ рукописямъ и преданіямъ упивался онъ два раза,—до потопа, и послѣ онаго. Въ лицевой Библіи XVII вѣка, принадлежащей гр. Уварову, есть двѣ картинки, относящіяся къ первому упитію Ноя: 1-я (л. 21)—«и пріиде сатана к женѣ Ноевѣ і пренесе ветоъ хмѣлевую і рече ей в семъ овощу сотвори квасу и дай мужеви своему і допроси у него куды онъ отъ тебя ходитъ»; копія съ этого рисунка приложена къ I-му тому Очерковъ Буслаева (стр. 440). На второмъ рисункѣ (л. 22) Ной бесѣдуетъ «з женою своею и рече жена Ноеви повѣждь ми господине куды ходиша, и Ной

повѣда женѣ своей», а сатана слушаетъ у окошка. На 3-мъ рисункѣ (л. 23) изображенъ разоренный ковчегъ, съ подписью: «Пріиде Ной на гору и виде ковчегъ, разоренъ и нача плакати і ангелъ Господень даде ему древо а ему рече за что повѣдалъ еси дѣло свое женѣ своей» [1]).

Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I. стр. 137), о происхожденіи винокуренія разсказывается въ слѣдующемъ видѣ: Сатана назвалъ одного изъ своихъ бѣсовъ «пияный еси бѣсъ, возлюбленный мой» и заказалъ ему идти на землю, достать той травы, которою была прельщена Ноева жена на Аравицкихъ горахъ, и посредствомъ ея смутить родъ человѣческій. Отправился пьяный бѣсъ на землю; встрѣчаетъ онъ на пути въ Палестину нищаго и говоритъ ему: пойдемъ со мною и будешь богатъ и пожалованъ царемъ. И пошли они къ источнику и устроилъ тутъ бѣсъ кубы и принесъ аравитской травы «еже есть хмѣль»; началъ варить ее и перегонять изъ нея питье. Питье это нищій понесъ ко двору; тамъ царь и придворные напились его и пошло веселіе: нищій былъ пожалованъ отъ царя великимъ вельможею и другомъ царевымъ; а пьяный бѣсъ «бысть великъ у сатаны» и сатана далъ ему 300 бѣсовъ на помощь. Легенда заканчивается извѣстіемъ: «и оттолѣ разнеся то хитрое зеліе сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлка, по всемъ странамъ и градомъ, въ Цари, і в Литву, і въ Немъцы, и во вся града, и к намъ в свято-русскую землю» (по замѣчанію редактора рукопись эта относится къ XVI вѣку). Таже легенда переиначена у Боричевскаго въ слѣдующую бѣлорусскую сказку:

---

[1]) Въ сказаніи о Ноѣ Меѳодія Патарскаго, помѣщенномъ въ Памятникахъ гр. Кушелева (III. 18; изъ Толстов. собр.: Публ. Библіот. Отд. XVII. Q. № 82), о второмъ *упитіи* Ноя разсказывается, что послѣ потопа Ной спросилъ Господа: «насажду ли виноградъ?» Рече ему Богъ: «насади да не упейся отъ него, еще-бо Адамля преступленія въ немъ корень есть». И насадилъ Ной виноградъ; но не могъ воздержаться и упился имъ. По сказанію Богомиловъ, райское древо познанія добра и зла было *виноградное;* его посадилъ въ раю Сатанаилъ; во время потопа оно было вынесено изъ рая, а послѣ потопа отыскано Ноемъ и, съ благословенія Божія, вторично посажено (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., Казань 1873, 39.—См. прим. къ № 892).

чортъ укралъ у бѣднаго пребѣднаго мужика Сидора послѣднюю краюху хлѣба. «На здоровье», сказалъ Сидоръ, «сегодня не поѣмъ, Богъ дастъ за одинъ день не помру съ голода». Когда на другой день Сатана выслушивалъ доклады о подвигахъ своихъ подчиненныхъ и чортъ похвастался, какъ онъ укралъ у Сидора краюху и что на это сказалъ Сидоръ, то Сатана сдѣлалъ ему строгій выговоръ впередъ такихъ добродушныхъ людей не обижать, за подобныя-де обиды приходится потомъ тяжело расплачиваться, и приказалъ чорту заслужить Сидору. Тогда чортъ нанялся у Сидора въ батраки, жилъ нѣсколько лѣтъ честно, прикопилъ Сидору много добра, но наконецъ таки не смогъ, напакостилъ, научилъ Сидора курить вино изъ хлѣба и перепоилъ всю деревню (III. 167). Въ другой, малорусской, сказкѣ куцый чортъ, желая нагадить людямъ, вздумалъ варить горѣлку изъ хвороста, огнище разложилъ такое, что даже небо закурилось. «Что, вы чуете дымъ?» спрашиваетъ Богъ; «чуемъ, да не знаемъ отколѣ», отвѣчаютъ святые. Господь посылаетъ справиться св. Петра. «Что ты тутъ дѣлаешь?» спрашиваетъ онъ у нечистаго; «да вотъ людямъ питье варю: пусть пьютъ, меньше воды станутъ пить». «Какой-же добрый! Что-жъ, хорошо оно?» — «Да вотъ, попробуй». Тотъ какъ хватилъ, — «знамо, человѣкъ непьюшій», тутъ же и упалъ. Тоже приключилось и съ св. Павломъ, который былъ посланъ вслѣдъ за Петромъ. Наконецъ Господь посылаетъ на землю козака Юрка (св. Георгія), съ копьемъ и саблей; онъ раскачалъ Петра и Павла, и всѣ въ-троемъ такъ принялись за нечистаго, что у него щетина посыпалась и треснула шкура. Дорого обошлась ему его выдумка, да и людямъ не дешево: долго они раздумывали, какъ это горѣлку изъ хворосту сварить; изъ нехворощу не сварили, а изъ святаго хлѣба какъ разъ потрафили. Того нечистому и было нужно [2]).

---

[2]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 17—18. По средневѣковому греческому сказанію, мотивы котораго не безъизвѣстны были и на западѣ, вино—это кровь Гроздія, осужденнаго на смерть кривосудіемъ другихъ плодовъ; легенда о немъ являлась пародіей на судопроизводство, либо травестіей мученическаго житія; въ послѣднемъ случаѣ «блаженный» Гроздій игралъ роль мученика. Въ этомъ видѣ легенда перешла въ

106. Прибавить: у меня есть еще три изданія этой картинки: одно *е*, съ окончаніемъ: «Глаголетъ вопросъ»; другое *ж*, снятое съ доски изданія *е*, но грубо пройденной вновь рѣзцомъ; и 3-е *з*, съ окончаніемъ 1-й строки: «тако глаголѣтъ».

107. **Пьянственная страсть.** Текстъ этой картинки составленъ какимъ нибудь виршеписцемъ изъ разныхъ источниковъ; начало и конецъ переиначены изъ повѣсти о хмѣлѣ, а наставленіе о чаркахъ, сколько пить, —изъ Пчелы; вирши же, помѣщенныя вмѣсте въ серединѣ (на страницахъ 324-й и 325-й), приведены дословно изъ сборника XVII вѣка, упоминаемаго въ Очеркахъ Буслаева (I. 570), только въ картинкѣ они приведены съ выпусками и нѣсколько

сербское сказаніе о «Блаженномъ Гроздіи и о осужденіи его», сохранившее шутливо-торжественный тонъ подлинника и его готовую, византійскую обстановку. «Царствующу великому Гдунію (айва), ипатствующу Яблоку, желтому Померанцу предстоящу съ Лимономъ и великимъ протонотаріемъ Грушею»—приходитъ радостно-блаженный Гроздій и вопіетъ воплемъ крѣпкимъ: Увы, помилуй мя, великій Гдуній, братъ-Смородина хочетъ убить меня и мечемъ голову отсѣчь.—Говоритъ ему великій Гдуній: Имашь-ли о томъ свидѣтелей?—Отвѣчаетъ Гроздій: Имамъ всѣхъ безъ порока и достовѣрныхъ, — и онъ называетъ ихъ: между ними киръ Орѣхъ шумящій, Миндаль желтый востроносецъ, сладкій Каштанъ, Фасоль черноокая и Горохъ «твердожило-крѣпитель», Чечевица домостроительница и Маслина добрая игуменья.—Тогда выступаетъ, въ багряной одеждѣ, Лукъ, гордыми словами возносится и, обращаясь къ Гроздію «наглосильно-мощно, люто-плачноочно, съ клятвою великою» и призвавъ во свидѣтели брата своего, бѣлаго чистаго Чеснока смертоустца, долгобрадаго Порея зеленаго, и побратима Горчицу, и суроваго Хрѣна, и Перца протонотарія любимаго,—обвиняетъ блаженнаго Гроздія въ клеветѣ.—Участь его предрѣшена, и Гдуній нетратитъ времени на разбирательство дѣла: «если онъ неправедно оклеветалъ васъ, говоритъ онъ, то да повѣсятъ его на кривомъ деревѣ и да отрѣжутъ его ножемъ и понесутъ корзинами въ топтало, и да топчутъ его ногами мощно, кровь-же его да хранится въ прохладномъ мѣстѣ, и да будетъ вино, веселящее сердце. И кто выпьетъ его довольно, да отнимется у него умъ и начнетъ онъ говорить неразумно, шатаясь отъ стѣны къ стѣнѣ, не видя дороги и нечестно и смѣшно возсѣдая въ калѣ».—Таковы злыя дѣянія вина; о добрыхъ не говорю: оно всегда полно смѣха, радости и веселія, старыхъ укрѣпляетъ, юныхъ веселитъ, умножаетъ любовь и губитъ душу.—Въ концѣ шутка сводится къ обычному поученію: «Охъ, охъ, охъ, зри, любимиче, бѣгай сего винопитія! Виномъ премудрый Соломонъ покорися и поклонися идоламъ и остави Бога, виномъ крѣпкій Самсонъ свою премудрость и крѣпость погуби и предадеся иноплеменникомъ и душу свою въ погибель предаде» (Веселовскій — въ Истор. русск. лит. Галахова, стр. 481).

смягчены, особенно тѣ, которыя относятся до духовнаго званія; именно: «аще содружится со мною попъ, — и онъ будетъ аки кабацкій котъ» и «аще содружится со мною игуменъ, ходить начнетъ съ сумою межъ гуменъ» (стр. 570)—выпущены цѣликомъ, а вирши: «аще содружится со мною чернецъ, — и онъ будетъ аки верченый жеребецъ» — измѣнены; всего о попахъ и духовныхъ находится въ виршахъ картинки — пять двоестишій [1]).

Кромѣ разныхъ словъ о пьянствѣ и наставленій Пчелы, Буслаевъ (Очерки, I. 568) упоминаетъ о Тропникѣ Иннокентія папы римскаго, заключающемъ въ себѣ различныя изрѣченія и настав-

---

[1]) О невоздержности этого сословія имѣется множество документовъ разнаго времени; въ древнѣйшемъ изъ нихъ, грамотѣ 1503 года, приказывается, если попъ напьется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить (Акты Археограф. Экспед., I. 486).

Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, стр. 148), въ легендѣ о Ляхѣ и пресвитерѣ, разсказано, какъ, во время разоренія Московскаго отъ Ляховъ, одинъ Ляхъ привелъ въ церковь (Новоторжскаго уѣзда, въ пустынѣ Каменкѣ) русскую плѣнницу: «вниде съ дерзновеніемъ во святый алтарь и дерзнулъ сняти со престола образъ пресвятыя Богородицы, и изнесе изъ алтаря в церковь, поверже на землю и богомерзское свое проклятое безстудство з женою оною на образѣ томъ содѣя».

Свидѣтель этому происшествію пресвитеръ храма, спрятавшійся со страху подъ трапезою, «умильно воздыхалъ» къ Богородицѣ, почто допустила она «толикое безстыдство на образѣ своемъ содѣяти»; на что «бысть ему гласъ отъ образа: «о пресвитере! это сдѣлалъ безстыдный иноязычникъ, но хуже дѣлаешь ты, понеже ввечеру упиваешься до пьяна, а заутра служиши святую литургію и пред симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный піянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника». Въ позднѣйшее время митрополитъ Амвросій о московскомъ духовенствѣ писалъ: «въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго духовнаго притчта людей премногое число шатается, которое къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ Крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаетъ безобразія, производятъ между собою торгъ, и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ, съ великою враждою, сквернословную брань, они даже дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или-же допиваются до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются».—С. М. Соловьевъ (Р. Старина. 1876. Окт., 197) разсказываетъ со словъ очевидцевъ, что крестцовые попы эти стояли съ калачами въ рукахъ, и когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, кричали ему: «неторгуйся, а то сейчасъ закушу (и затѣмъ не могу служить обѣдню)».

ленія по части пьянства. Въ числѣ находящихся тамъ повѣстей замѣчательны разсказы о томъ, какъ: «Греческій царь Михаилъ со игрецемъ Василіемъ въ пьянствѣ изгубили зерцало, «а то зерцало винныхъ людей безъ суда обличало». Да среди двора царева стояло райское древо со многими птицами, да на царевѣ-жъ дворѣ была палата отъ древъ негніющихъ, а въ палатѣ были три камени, аки корчаги день и ночь свѣтили, то все въ піанствѣ изгубили» (заимствовано изъ хронографовъ). Тамъ же помѣщена другая исторія о томъ: «какъ стоялъ Владиславъ Жигмантовичъ подъ Москвою, то смѣтили Поляки, миромъ вина подвезли на Ходынку, продавали питія ковшъ по Московскѣ. И Московскіе люди на вино падки: множество вино покупая, пили. И тогда Поляки на Ходынкѣ за седмь верстъ отъ бѣлаго города Московскихъ людей посѣкли 2030». Въ заключеніи замѣтимъ, что фигура голаго Бахуса на нашей картинкѣ (№ 107) скопирована съ печати, пожалованной Петромъ I-му Донскому войску: на этой печати былъ представленъ голый козакъ, сидящій на бочкѣ; въ рукахъ его—въ правой ружье, а въ лѣвой чарка, вокругъ надпись: «Печать войска Донскаго» (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1846. IV. 142, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ печати).

111. **Исторія о пьющемъ и непьющемъ.** Текстъ картинки представляетъ извлеченіе, съ значительными сокращеніями, изъ «разговора трезваго съ горькимъ пьяницей», помѣщеннаго въ «Старичкѣ весельчакѣ» (СПБ. 1790 г., стр. 42) и занимающемъ въ немъ восемь страницъ; разговоръ же «Весельчака», въ свою очередь передѣланъ изъ рукописной «исторіи о двухъ товарищахъ, имѣющихъ между собою разговоры, изъ которыхъ единъ любилъ пить вино, а другой не любилъ» (*XVIII* в. Толстовск. рукоп. — Пыпина, Очеркъ литерат., 206). Наставленіе: первую чару пить-здраву быть... и т. д. заимствовано (съ перемѣнами) изъ слова о пьянствѣ, помѣщенномъ на картинкѣ № 107 [1]). Въ Пчелѣ, сбор-

[1]) Князь Владиміръ, угощая богатыря Василья Пьяницу, подноситъ ему три чары: первую чару похмѣльную, вторую—заздравную, и третью—веселую

никѣ наставительнаго содержанія, переведеннаго съ греческаго языка, въ словѣ о пьянствѣ, чарокъ предлагается только семь: «когда сядешь въ пиру, то первую чашу вспіешь въ жажду, вторую въ сладость, третью во здравіе, четвертую въ веселіе, пятую въ пьянство, шестую въ бѣсовство, а послѣднюю въ горькую смерть, кому люто, кому молва, кому суды, кому сварь и пря, кому сокрушеніе вотще, кому сини очи? не пребывающимъ ли въ корчмѣ, назирающимъ, гдѣ пиры добывати? Не буди винопійца! Всякъ бо пьяница обнищаетъ и облечется въ утлая и коропьяная (вретище) ризы (л. 203 об. Синод. рукоп. XVII в. № 854) [2].

(Кирѣевскій, II. 95). Преподобный Θеодосій въ словѣ противъ пьянства позволяетъ спѣть за столомъ три тропаря, т. е. другими словами выпить три чаши: во славу Божію, Пресвятой Богородицы и за здравіе Государя. Обличая пьянство, Θеодосій говоритъ: «къ бѣсноватому придетъ іерей, сотворитъ молитву,—и прогонитъ бѣса, а къ пьяному хотя бы сошлись іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву,—то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства». Онъ вооружается противъ привычки праздновать христіанскіе праздники не духовно, а тѣлесно, и противъ той старой привычки, о которой Владиміръ говорилъ проповѣдникамъ магометанскимъ: «Веселіе есть Руси пити, не можемъ безъ того жити» (О. Миллеръ, Опытъ историч. обозр. рус. слов. СПБ. 1865, 253). По наставленію Матвѣя епископа Сорайскаго, не слѣдуетъ принуждать призваннаго въ домъ чернеца или причетника пить болѣе трехъ чашъ. См. тоже объ изрѣченіяхъ по этой части греческаго философа Арсахарсоса, встрѣчающихся въ русскихъ рукописяхъ (А. Веселовскій, Истор. литерат., 473).

[2]) На эту же тему существуетъ относительно *пьянства* талмудическая легенда о Ноѣ и дьяволѣ, присосѣдившемся къ нему, когда онъ садилъ виноградныя лозы: сатана закалываетъ при этомъ овцу, льва, обезьяну и свинью. Оттуда разнообразное дѣйствіе вина: выпьетъ его человѣкъ немного—будетъ овцой, выпьетъ больше—то львомъ, а далѣе онъ становится прыгающей обезьяной и грязной валяющейся свиньей (Fabricii, Codex pseudepigr. Vet. Testam., p. 275, прим.). Разсказъ этотъ перешелъ въ Римскія Дѣянія (cap. 159) и другіе средневѣковые памятники (Oesterley, Gesta Romanorum, прим. къ № 159). Между Нижегородскими татарами онъ существуетъ въ такомъ видѣ, будто, приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисьей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Оттого, если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у него гладенькій, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотритъ; а много выпьетъ—сдѣлается у него свирѣпый, волчій нравъ; а еще больше выпьетъ — и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ. Наиболѣе интересное отраженіе этого разсказа представляетъ греческая сказка изъ Беотіи, поэтически примѣшавшая къ талмудической баснѣ юный образъ Діониса. Когда Діонисъ былъ еще мальчикомъ и, странствуя по Элладѣ, сѣлъ отдохнуть на камнѣ, онъ

111. А. — Прибавить: есть еще изданіе этой картинки, конца прошедшаго вѣка, повтореніе изданія *б* № 111, но безъ листа съ надписью между разговаривающими; первая строка втораго столбца подписи заканчивается здѣсь такъ: «будемъ обще». — Въ моемъ собраніи.

112. На страницѣ 335, во второй строкѣ, вмѣсто словъ: «вторая строка», поставить: «первая строка».

113. Картинка эта скопирована точь въ точь съ французскаго оригинала, находящагося въ одномъ изъ (двухъ) томовъ *Фацецій*, въ Парижской библіотекѣ. Подпись подъ французской картинкой слѣдующая:

«Desolation. Sans que jamais on nous consolle
Pleurons nostre mauvais destin;
En perdant l'honneur du festin,
Nous auons perdu la parolle
Ayons tousiours en la pensée
Pour irriter nostre douleur,
Qu'il n'est point de plus, grand malheur
Qu'ene Bouteille renuersée.
J. Ragot excud».

115 и 116. **О пьяницѣ пропившемся на кружалѣ.** Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбо-

---

увидѣлъ у своихъ ногъ небольшое растеніе, пробивавшееся изъ-подъ земли. Оно приглянулось юному богу и онъ взялъ его съ собой, а для того, чтобы предохранить его отъ солнечныхъ лучей, спряталъ его въ птичью кость. Но растеніе принялось такъ быстро, что скоро выросло изъ своего вмѣстилища, такъ что Діонису пришлось спрятать его сначала въ львиную, а потомъ въ ослиную кость. Когда онъ прибылъ въ Наксосъ, оказалось, что его корни такъ плотно обвили всѣ три кости, что его пришлось посадить въ землю какъ есть. Лоза вскорѣ принесла прекрасныя гроздья, изъ которыхъ Діонисъ приготовилъ первое вино и далъ его пить людямъ. Тогда-то было чудо: въ началѣ они распѣвали какъ птички, пили больше и становились львами, а подъ конецъ обращались въ ословъ» (А. Веселовскій, Истор. Русск. Литерат., 470)

родко, вып. I. стр. 141) помѣщена подобная-же легенда, но въ другой редакціи и другого характера: въ легендѣ пьютъ *въ корчмѣ* «нѣцыи человѣцы честніи», и одинъ изъ нихъ, между прочими разговорами, въ видѣ похвальбы и кощунства, смѣется надъ тѣмъ, что, по словамъ іереевъ, «по смерти души живутъ»; товарищи его тоже начали всѣ смѣяться; тогда является дьяволъ, покупаетъ у кощунника душу и уноситъ самаго его въ адъ. Въ лубочной картинкѣ вопросъ о кощунствѣ и похвальбѣ устраненъ; въ ней представленъ простой пьяница, постоянный посѣтитель кабака, пропившійся *на кружалѣ* (*) до нага; не зная, чтобы еще пропить съ себя, онъ, въ пьяной простотѣ, объявляетъ, что готовъ бы продать душу за вино.

Въ тѣхъ же Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, стр. 145) помѣщена и другая легенда о продажѣ души дьяволу: о воинѣ, который «отдаде себе на всякую игру, внихже рвеніе, распря, гнѣвъ, зависть, свары», «и всѣхъ обыгрывалъ». Попущено было отъ Бога, чтобы съ тѣмъ воиномъ игралъ дьяволъ и обыгралъ его дочиста. «И вскочи воинъ разгнѣвався, рече: «или діаволъ еси?» Тогда дьяволъ объявилъ о себѣ, кто онъ, и такъ какъ у воина для игры сребра не достало, то онъ и унесъ его въ адъ; только чрево и внутренности воина остались въ храминѣ (изъ сборн. Румянц. Муз. № 363; по замѣчанію редактора — XVI вѣка). См. тоже повѣсть о горѣ злочастіи, въ которой молодецъ-пьяница разсказываетъ свои похожденія и конецъ по пьянственной части (А. Веселовскій, Истор. русск. литерат., 476).

118. **Посвященіе изъ простыхъ людей въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники** представляетъ до нѣкоторой степени пародію на Петровскій чинъ поставленія членовъ всешутѣйшаго и всепья-

---

*) Въ Лифляндіи корчмы и кабаки и теперь называютъ *Kruch* (древнее кружало или крухало); въ Лифляндскомъ Крухѣ на ставкѣ, вмѣсто нашихъ: крючка, косушки и шкалика, стоятъ: Kruch (кружка) и Schalle (шаликъ).

нѣйшаго собора. Этотъ чинъ начинается разговоромъ поставляющаго и поставляемаго:

„Что убо брате пришелъ еси и чесого просиши отъ нашея немѣрности?

«Еже быти сыномъ и сослужителемъ вашея немѣрности».

«Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою! Како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаешься?»

«Ей, Орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки, испиваю. И продолжающуся времени не инако, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ немалой; такожде перемѣняющимся брашнамъ всякій рядъ разными питьями; паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ чрево свое, яко бочку добрѣ наполняю; тако, что иногда и ядѣмъ, мимо рта моего носимымъ отъ дрожанія моея десницы предстоящей въ очесахъ моихъ мглѣ. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и е..........ю всѣхъ пьяноборцевъ. Но я же выше рѣхъ, творити обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движимся, и есть ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю тебѣ отцу моему, и всему нашему собору получити. Аминь». Поставляющій глаголетъ: «Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее тя во вся дни жизни твоея». Потомъ поставляемый ляжетъ персями, руками и главою на предлежащую делву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову (*). Затѣмъ поставляемаго облачаютъ, съ слѣдующими возгласами архижрецовъ. При возложеніи одежды: «Облачается въ ризу невѣденія своего». Наплечниковъ: «возлагаю, яко жерны сельскіе о выи твоей!» Флягу возлагая: «сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ!»

---

*) По замѣчанію М. И. Семевскаго, пѣснь эта составляетъ воззваніе: «о всепьянѣйшій отче Бахусе, отъ сожженныя Семиллы рожденный».... и т. д. (Рус. Стар., VIII. 869).

Нарукавники: «да будутъ дрожащи руцѣ твоя!» Отдавая жезлъ: «Дубина Дидана вручается ти; да разгониши люди твоя!»

Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: «тако да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего. Такожъ обѣ длани и четыре перста, ими же и чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: тако да будутъ дрожати руцѣ твои во вся дни жизни твоей».

Потомъ налагаютъ руки архижрецы и первый изъ нихъ читаетъ: «рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго, во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; такожъ во имя всѣхъ вкупѣ собранныхъ канарейки, спицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ». Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: «вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоемъ!» — Послѣ чего поетъ: «аксіосъ!» Потомъ сядетъ на свой престолъ и вкушаетъ Орла, и прочимъ подаетъ. И такъ оканчивается (Русская Старина, VIII. 870).

121. Прибавить: Есть еще изданіе *д*, точная копія съ изданія *а* (гравированнаго Чуваевымъ); отличить это изданіе *д* отъ изданія *а* можно по Ванюшкиной шляпѣ: въ изданіи *д* она тушевана въ одну черту, а въ изданіи *а*—въ двѣ черты на крестъ.

122. **Черный глазъ поцѣлуй хоть разъ.** Картинка изданія *в* награвирована на старой счищенной доскѣ, на которой было вырѣзано, какъ видно изъ сохранившейся на правомъ боковомъ полѣ надписи: «Пребываніе напол̇пона на островѣ святыя елены». Слѣды прежней гравировки видны по всей картинкѣ. Въ Музеѣ

Григоровича*) (Общества Поощр. Художествъ въ СПБургѣ) есть старинное нѣмецкое блюдо, нѣсколько напоминающее нашу картинку № 122; на немъ представлены, въ однихъ грубыхъ контурахъ, обнимающіе другъ друга дама и кавалеръ, съ подписью: «Jch liebe dich allein, kein andern mehr».

123. У меня есть еще два изданія этой картинки, скопированныя съ Ахметьевскаго, и одного съ нимъ времени; въ одномъ изъ нихъ (*д*) — первая строка подписи кончается такъ: «изволъ лишь» (въ изданіи *а*: «изволь лишь»); въ другомъ (*е*) — 1-я строка начинается такъ: «пожалуі отъдай».

131. **Старикъ на колѣнахъ у молодой.** Прибавить: есть еще изданіе *г* этой картинки, точная копія съ изданія *б*; но въ немъ, кругомъ всей картинки, сдѣлана рамка изъ сѣтки, которой въ изданіи *б* нѣтъ. (Въ моемъ собраніи). № 132, а также и №№ 217—220, составлены на стариковъ, которые, не смотря на свои сѣдины и лѣта, подлипаютъ къ молодицамъ и женятся на нихъ, какъ говоритъ пословица, не для себя, а для другихъ. Въ рукописной литературѣ особенно ярко изложенъ разсказъ о томъ, что говорила старому волокитѣ молодая дѣвица, въ которую онъ влюбился, и какъ отговаривала его отъ сватовства на себѣ: «Мужъ, вельми старъ, брадою сѣдъ, а тѣломъ младъ, костью храбръ, плотію встанливъ, умомъ совершенъ», вздумалъ свататься «ко прекрасной дѣвицѣ», сулилъ ей богатство и счастіе: «государынею въ дому будешь, станешь, моя миленькая, на многоцѣнныхъ коврахъ сидѣть, пити, і ясти, і веселиться со мною . . начну тебя согрѣвати въ теплой банѣ.... украшу тебя аки паву, пиръ сотворю и на пиру велю всякую потѣху играти гусельникамъ и трубникомъ и пляску..... отца и матерь твоихъ одарю многоцѣнными

*) Этотъ огромный и въ высшей степени замѣчательный Музей составленъ стараніемъ и упрямой волей одного человѣка, на которомъ, какъ это и во всемъ слѣдуетъ дѣлать для полнаго успѣха,—лежала даже вся черная и самая мелочная работа по его составленію.

дары». На всѣ эти приставанья дѣвица отказываетъ прямикомъ, безъ хитростей и уловокъ: если ты на мнѣ женишся, говоритъ она, то «храбрость твоя укратится, сѣдины пожелтѣютъ, тѣло почернѣетъ, кости изсохнутъ . . . уды твои ослабѣютъ и плотскому моему естеству не утѣха будеши; тогда азъ дѣвица отъ распаленія вниду впреступление со младымъ отрокомъ . . . . а не с тобою с вонючею душею, с понурою свинею . . . . Тебѣ пора о спасеніи души своей подумать, а не о томъ, какъ угождать женѣ». Если же отецъ и мать выдадутъ за тебя неволею, то я «стану ходить не по твоему докладу . . . аще велишь сдѣлать кисло, сдѣлаю пресно, а мякова тебѣ у меня хлѣба не видать . . . . младому отроку моему мяхкия крупичатыя колачики и здобные пироги, и различныя овощи, да сахаръ на блюдѣ, да вино в кубце, в золотомъ вѣнце, да сверхъ тово ему мяхкая, хорошая, лебединая перина да чижовое зголовье да соболиное одѣяло, а тебѣ у меня старому смерду спать на полу или на кутникѣ на голыхъ доскахъ съ собаками, а в головы тебѣ із под жерновъ дресватый камень; да пожалую тебя, велю тебѣ дать соломеную рогожу, да пей болотную воду да ешь сухой хлѣбъ . . . . а тебѣ, старому смерду, побѣрещеной рожѣ, неколотой потылицѣ, жаровной шеѣ, лещевымъ скорынямъ, сомовѣ губѣ, щучимъ зубамъ, поныроӣ свине, раковымъ глазамъ, потхилому гузну, опухлымъ пятамъ, синему брюху, рогозиннымъ руковицамъ, посконная борода, желтая сѣдина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржевая кожа в воде варена, чертова болота; свиной пастухъ, сиделъ бы ты на печи, чтобы у тебя всмерда, вшее скрыпело, а в роже храпело, а в носе сапѣло, а гузнѣ шипѣло, жилъ бы ты что жукъ въ говнѣ, что желна въ дуплѣ, что червь за корою, что сверчекъ за опечью, костямъ бы твоимъ ломота, зубамъ щепота».

Ругательства эти однако не подѣйствовали на старика; онъ все таки сталъ свататься за дѣвицу; все имѣніе свое отдалъ на сватовство; но дѣвица не далась ему и вышла таки за̀мужъ за своего «молодца хорошева». «Младому дѣвица честь и слава», прибавлено въ присказкѣ, «а старому мужу коровай сала; младая жена

лишняя сухота; отъ людей старъ бѣгаетъ, въ пиру не сидитъ, к людемъ не пристанетъ, и отъ воротъ не отстанетъ; самъ себѣ досадилъ старой мужъ, три года бѣгалъ и удавился» (Памятн. стар. русской литературы, вып. II. стр. 453). Совѣтую прочесть.

Въ письмовникѣ Курганова помѣщено жгучее посланіе по этой же части одного старичка, да еще отшельника, къ молодой красавицѣ (II. 91).

132. **Сѣдина въ бороду.** Персона, которая представлена на этой картинкѣ, встрѣчается и въ другихъ картинкахъ, напримѣръ: въ № 222 дамская персона, полька Херсоня, а на №№ 217—220 такой же масти нѣмки. Польша и Германія издавна поставляли этотъ товаръ въ Россію (см. №№ 124—127, 131, 134, 135). Впрочемъ и Русскія дамы не уступали иностранкамъ; Олеарій разсказываетъ, что торговые ряды были наполнены женщинами, которыя продавали разный товаръ, выставляя его на показъ,—и продавали въ тоже время другой товаръ, котораго не показывали. Особенно дисциплинированно-привилегированнаго класса изъ этихъ госпожъ, на парижскій манеръ, у насъ до нынѣшняго вѣка не существовало; всѣ мѣры по этой части ограничивались угрозами и приказами выгонять непотребныхъ женщинъ изъ полковъ (въ 1696 г. Полн. Собр. № 1540), отправлять ихъ въ главную полицію (1750 г. № 9789), отсылать на поселеніе (1765 г. № 12391), не держать въ трактирныхъ домахъ (1736, № 6947) и закрывать подозрительные дома (1718, № 3203, п. 9.). Въ народѣ госпожи этого рода прозывались синьками и сороками; въ пѣсняхъ у Рыбникова находимъ по этому предмету слѣдующія прибаутки (II. LXXIX):

«Сорока на морѣ кабацкая
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцовъ она прибираетъ».
«А сорока та кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,

Высоко подолъ поднимала,
Тѣмъ свою голову питала;
Сипка б. . . .а вертлива;
Она работы работать не умѣетъ,
Тѣмъ она голову питала,
Что она скоро скакала,
Отъ того сыта пребывала».

132. А. — Прибавить: тоже изображеніе похотливаго старика, на отдѣльной листовой картинкѣ, гравированной на мѣди. Вирши тѣ-же. — Въ моемъ собраніи.

134. Въ моемъ собраніи есть изданіе *д*, скопированное съ Ахметьевскаго *г*; но въ этомъ изданіи квадратики на полу затушеваны въ двѣ черты на крестъ, а въ изданіи *г* они затушеваны только въ одну черту.

135. А. — Прибавить: **«Семь бабъ про штаны дерутця, а что вниххъ датово недоберутся.** Кнамъ нынешнаго числа нелехкая занесла сего Прелюбодея которой трехъ было содея видишли сеи кинжалъ что вшанахъ прежде лежалъ другая кричитъ я башмакомъ готова дратца нечева и боятца третья гласитъ неворчи у самой есть ключи а четыре молодицы мы ради до полицы за штаны все умремъ недадимъ а раздеремъ чортъ васъ возми такихъ задорныхъ курвава б. . . . .ъ незговорныхъ видя едакую драку лутче лежать оголя с. . .у жаль одну толко бѣдняжку что лежитъ огля ляшку сколко вамъ бабы недраца а етова кинжала должны боятца потому что онъ сердитъ агде станетъ колоть такъ тамо и засвербить». Листовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева. Бабы дерутся, одна ключами, другая башмакомъ, третья кинжаломъ, а четыре дерутъ на части штаны; справа видѣнъ удаляющійся любодѣй, съ котораго должно быть и сняты спорные штаны. — Въ моемъ собраніи.

137. Исправить: изданіе *д* исключить (это есть изданіе *г*).

137 и 138. **Разговоръ жениха съ свахою.** Въ концѣ этого разговора сваха говоритъ жениху, что у нея есть *приворотный корень*, и что она ему приведетъ невѣсту козу съ рогами. На эту тему есть сказка о Вавилѣ (Москва 1795); этотъ шутъ Вавила перерядился въ женское платье, нанялся въ работницы къ одному крестьянину и женилъ на себѣ его сына. Въ первую ночь онъ ушелъ отъ пьянаго новобрачнаго и приволокъ ему на постель козу (стр. 29). У Аѳанасьева разсказаны двѣ подобныя-же сказки (III. 360): въ одной переодѣтый шутъ дѣлаетъ туже продѣлку съ купеческимъ сынкомъ; бѣдную козу забиваютъ дубинами, полагая, что это новобрачная-оборотень; а въ другой разсказывается, какъ дѣвка вышла замужъ за крестьянскаго дурня. Ночью она попросилась у него погулять на дворъ; дурень отпустилъ её, но привязалъ къ холсту, чтобъ не ушла совсѣмъ; дѣвка холстъ съ себя сняла, и привязала къ нему козу, которую новобрачный и втащилъ, съ пьяна, къ себѣ на постель, вмѣсто жены. Превращеніе невѣсты въ козу описывается и въ Пентамероне Базили (I. стр. 110).—Что касается до приворотнаго корня, то извѣстіе о немъ мы встрѣчаемъ въ одномъ судебномъ документѣ XVII вѣка. Въ дѣлѣ 1661 года о дьяконѣ Ѳеодоссѣ портной Тимошка сдѣлалъ доносъ, что тотъ дьяконъ научилъ его составъ дѣлать для приворота къ себѣ мужска и женска полу, *какъ женку привораживать къ мужику для блуднаго дѣла*. На разспросѣ Тимошка повинился, что все это сказано имъ на дьякона напрасно, по наущенію сотника Михайлова и поляка Ольшевскаго. Тоже самое онъ подтвердилъ послѣ пытки, 12-ти ударовъ кнутомъ и огня; послѣ чего дьяконъ Ѳеодоссъ всетаки былъ поднятъ на дыбу, битъ 15-ю ударами и жженъ огнемъ (Записки Отд. Русск. и Слав. Археол., II. 609).

Въ другомъ дѣлѣ встрѣчаемъ мы антиподъ приворотному корню: *невстанишный корень*: въ 1670 г. стольникъ кн. Василій Ѳедоровичъ Одоевскій женился; во время сватьбы его испортили *«ускопомъ»*, — подложили *«невстанишный корень»* подъ порогъ въ крестовой палатѣ. Князь Василій самъ допрашивалъ объ этомъ

человѣка своего Гришку, который въ застѣнкѣ повинился, сказавъ, что корень тотъ получилъ онъ отъ Ивашки, гулящаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи предложить князю Василію лекарство и взять съ него за это деньги. Въ застѣнкѣ чего не покажешь; но, судя по исходу дѣла и по тому, что кн. Василій не рѣшился пить въ банѣ приготовленное ему лекарство, онъ такъ и остался при невстанишномъ корнѣ (Записки Отд. Рус. Археол., изд. подъ редакціею В. Ламанскаго. СПБ. 1861, II. 397).

139. **Разсужденіе о женитьбѣ.** Текстъ этой картинки перепечатанъ цѣликомъ изъ Письмовника Курганова (11-е изд., стр. 347); подобное-же разсужденіе мы находимъ въ сказкѣ у Караджича (пч. 41—«Ђевојка, удовица и пуштеница»). Одинъ человѣкъ задумалъ жениться; ему предлагали въ жены: одни—дѣвушку, другіе—вдову, третьи—жену, разведеную съ мужемъ; всѣ три нравились ему одинаково и онъ совершенно недоумѣвалъ, которую изъ нихъ выбрать; наконецъ одинъ старикъ посовѣтовалъ ему идти къ премудрому. Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидѣлъ ребенка, разъѣзжавшаго верхомъ на палочкѣ, и спросилъ его о своемъ дѣлѣ; Соломонъ, — это былъ именно онъ, — отвѣчалъ ему: женишся на дѣвушкѣ—будешь хозяиномъ въ домѣ; женишся на вдовѣ — она станетъ управлять тобой; женишся на разведеной—берегись, чтобъ не сдѣлалось съ тобою того-же, что и съ первымъ мужемъ (Пыпинъ, Очеркъ, 122) *).

По поводу описанія красоты невѣсты представляю четыре изображенія типовъ женской красоты: 1—по нашимъ былинамъ, 2 и 3 — по понятіямъ XVII и XVIII вѣка и въ заключеніе 4— типа красоты духовной, измышленнаго по требованіямъ Пчелы, Измарагда, Златоструя и другихъ сказаній о женахъ злыхъ и добрыхъ. Вотъ какъ описывается въ одной пѣснѣ невѣста в. кн. Владиміра, Афросинья Королевична:

---

*) У Рабле есть тоже замѣчательный разговоръ о томъ, слѣдуетъ-ли жениться, или лучше остаться весь вѣкъ холостымъ.

«Стапомъ статна, и умомъ совершена,
Бѣлое лице какъ бы бѣлый снѣгъ,
А ягодицы (щеки) какъ маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ-бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола (Кирша Даниловъ. М. 1818, стр. 87).

Въ хронографѣ Кубасова жертва сластолюбія разстриги, царевна Ксенія, дочь Годунова, описана такъ: дѣвица замѣчательнаго разума и красоты необыкновенной, бѣла и румяна лицомъ, съ большими черными глазами, блиставшими свѣтомъ, особенно когда въ жалости обливались они слезами; тѣломъ полна, и будто-бы облита молочною бѣлизною; брови имѣла союзныя; возрастомъ была ни высока, ни низка; косы имѣла черныя, большія какъ трубы, лежали онѣ по плечамъ (Буслаевъ, Очерки, I. 525).

При текстѣ картинки, описанной за № 139, въ Письмовникѣ Курганова помѣщено слѣдующее описаніе женской красоты: «Женское пригожество составляютъ: младость, средній ростъ и дородство; стройность всѣхъ частей, длинные и бѣлокурые волосы, тѣло нѣжное и чистое, здоровая и румяная бѣлизна, ровное чело и не мускулистые виски; брови прямыя, глаза свѣтло-сѣрые, большіе, не на выкатѣ, но ровно съ лицемъ, имѣющіе пріятный взоръ; носъ долговатъ, щеки съ небольшими ямками; губы румяныя, малой ротъ, бѣлые и ровные зубы, нѣсколько продолговатую бороду съ ямкою; небольшіе уши, прилегшіе къ головѣ; грудь бѣлая и крутоватая, кисти у рукъ бѣлыя, длинноватыя и полныя, островатые пальцы, ногти жемчужные и овальные; тихое дыханіе, пріятный голосъ и добрый пріемъ, съ перехватомъ станъ, благородная и скромная походка».

Типъ нравственной красоты женской представленъ довольно оригинально въ житіи Юліаніи Лазаревской, написанномъ ея сыномъ (рукопись XVII в.): «Госпожа эта смѣха и всякой игры удалялась, была послушлива ко всякому человѣку. Изъ дѣтства имѣла обыкновеніе по сто поклоновъ до земли творити ежедневно — и мужа своего наставила тоже творить. Не требовала, чтобы кто

ей на руки воды подалъ, или, отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ; но все сама собою творила. Въ молодости ея, въ отсутствіе мужа, ненавистникъ добра, дьяволъ, думалъ было смутить её мечтаніями, но она, сильно того испугавшись, закуталась въ одѣяло, и легла въ постель, при чемъ имѣла святое видѣніе. Затѣмъ уговорила она мужа своего не имѣть съ нею супружескаго союза; ему дѣлала обыкновенную постель, а сама затворялась въ отходной клѣти, и тамъ упражнялась въ молитвахъ. Сапоги на босыя ноги обувала, и подъ подошвы, вмѣсто стелекъ, орѣховыя скорлупы и вострые черенки подкладывала, и тѣмъ плоть свою усмиряла» (Буслаевъ, Очерки, II. 253).

Относительно русскихъ красавицъ сѣверныхъ и поморскихъ странъ и ихъ нравовъ и обычаевъ въ народныхъ пѣсняхъ поется: „Дешевы поцѣлуи Бѣлозерскіе, Сладкіе поцѣлуи Новоладожскіе,... Рядные сарафаны—Кенозерочки; Пучеглазыя молодки—Слобожаночки; Толстобрюхія молодки—Лексимозерочки; ... Обосраные подолы—Олонецкіе (Рыбниковъ, II. XXXI).

140. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще три изданія этой картинки: *к* — повтореніе изданія *е*, съ подписью: «разсужденіе холостаго человѣка о женидбе», *л* — копія съ французскаго оригинала: дамы въ длинныхъ локонахъ, а женихъ завитой и въ французскомъ кафтанѣ,—первая строка текста заканчивается въ этомъ изданіи такъ: «себе помышляе[тъ]», и изданіе *м*, снятое съ доски изданія *и*, но пройденной вновь рѣзцомъ.

142. А. — Прибавить: таже картинка; переводъ сходенъ съ № 141 изд. *г*, но женихъ представленъ въ видѣ арлекина; надпись на листѣ, который держатъ двѣ дамы: «реэстръ|о дамахъ|і о прекас|ны[х] девица|хъ». Листовая картинка, гравированная на мѣди во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. — Въ моемъ собраніи.

143. У меня есть еще два изданія этой картинки: *г* и *д*; въ нихъ такъ же, какъ и въ изданіи *в*, справа изображенія сдѣлана

рамка изъ четыреугольниковъ; въ изданіи *в* — эти четыреугольники заштрихованы, одинъ въ одну черту, слѣдующій въ двѣ черты и т. д.; въ изданіи *г* — всѣ они заштрихованы въ одну черту; въ изданіи же *д* — всѣ они заштрихованы въ двѣ черты, накрестъ.

143. **Роспись приданому.** Это пародія на древнія рядныя записи, въ которыя съ чрезвычайною подробностію вписывались всякія мелочи, поступавшія въ приданое за невѣстой. Представляю выписку изъ двухъ такихъ записей: 1718 и 1730 годовъ, напечатанныхъ П. И. Савваитовымъ въ XI томѣ Записокъ Археолог. Общества (стр. 596) и заключающихъ въ себѣ тѣже названія и вещи, какія поименованы въ нашей картинкѣ.

Запись 1718 г. начинается перечисленіемъ образовъ; затѣмъ идутъ драгоцѣнныя вещи: «ларецъ серебряный плетеный и въ немъ бѣлильница съ румянницею, бочечка, тазикъ, суремница, клеянка, зеркало, серебряные золочены; ларецъ костяной, внемъ бѣлильница с румяницею серебряныя позолочены; серьги двойчатки, изумруды съ яхонты; чепецъ по алому атласу; рукавицы, фантажъ, шапка соболья, муфта соболья, платки, повойники»; опять чепцы, галстуки, манжеты, юбки; изъ платья: шамлукъ, самара штофная, кафтанцы шелковые, бастрокъ; постеля, съ подробнымъ описаніемъ подушечекъ, занавѣса, наволокъ и простынь; въ концѣ незабыты мѣдные рукомойникъ и лахань, три таза да кунганъ, и выведенъ итогъ всему имѣнію на 1500 рублей; послѣ итога перечислены вотчины, отдаваемыя въ приданое.

Въ другой рядной, 1730 г., переписи недвижимому имѣнію нѣтъ, а въ числѣ названій попадаются такія, которыхъ нѣтъ ни въ нашей росписи, ни въ рядной 1718 года: «серьги трясилки, тресило яхонтовое, огонки на шею собольи плостинчатыя, кроночко кружевное, два нацейха, агажанты подъ самару». Въ этой рядной еще подробнѣе описаны: сармары, юбки, шлафроки, корсеты, башмаки, чулки и постеля съ постельнымъ бѣльемъ, периною съ изголовьемъ и подушечками пуховыми; разные

ларцы холмогорскіе, китайскіе, нѣмецкіе; посуда и тазы. Въ числѣ женскихъ туалетныхъ принадлежностей поименованы: «Серебра на уборной столъ: зеркало болшое, оправа серебреная сканная; лохань болшая серебреная вызолочена, местами чеканная, на ней лицы; рукомойникъ серебряной чеканной, местами золоченъ, с кровляю, на немъ травы серебреные; блюдо серебреное белое уборное, по немъ обронная работа вырезано, края чеканныя; ларецъ прорезной травами накладными, на ношкахъ, серебряной чеканной, в—ысподи цка серебреная золоченая; пять коробочекъ с серцами серебреныя сканныя, под ними цка серебреная золоченая, в томъ числе две болшихъ; коробочка зделана серцомъ серебреная сканная, в ней семъ араматиковъ с ѳиниѳтью золоченые с колечками серебреными, в средине осмой поболше сканной серебреной; два блюдичка уборные серебреные чеканные траѳчетыя по краямъ, в средине вызолочено; две четвертинки с тисками серебреныя лосчатыя четверогранныя, местами травки нарезаны; два подсвешника серебреныя с ѳутляромъ серебренымъ, по краямъ золочены, птица попугай сидитъ на стуле, серебреной чешуйчетой; колоколчикъ серебряной Немецкой работы; коробочка серцомъ серебреная сканная; коробочка серебреная гладкая вызолоченая; араматикъ серебряной лебеткомъ с чепочкою серебреною; араматикъ серебряной грушею; три подушечки низаныя жемчюгомъ; суремница низаная жемчюгомъ с—ызумрудами, в ней спичка низаная; шесть подушечекъ шитыхъ серебромъ и золотомъ волоченымъ; два мешечка тканые з замочками серебреными; готовалня оклѣена бархатомъ, а в ней ножечекъ серебреной, шилцо серебреное, коробачка серебреная, ноженки, чернилница ентарная с песочницею, четвертинка енътарная, две ложечки ентарныхъ, ножечекъ ентарный; под вышеписанной уборъ серебреной на столъ чехолъ желтой таѳтяной с сеткой серебряной».

Эта рядная, по упоминаемымъ въ ней предметамъ, ближе всего къ тексту нашей картинки; очень жаль, что г-жа Авдѣева, въ своей статьѣ «Старинная русская одежда, измѣненія въ ней и

моды новаго времени» (От. Зап. 1853, LXXXVIII. VII. 182), не имѣла въ виду этихъ матеріаловъ, и не объяснила намъ встрѣчающихся въ нихъ техническихъ названій; представляю объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, со словъ старѣйшихъ московскихъ портнихъ Денисовой и Киселевой *).

Агонки, см. огонки.

Ароматикъ,—сткляночка съ духами; въ росписи 1730 г. упоминается коробочка сердечкомъ, въ ней пять ароматиковъ.

Бастрокъ,—короткій кафтанъ изъ такъ называемой *мочальной* (плетеной на подобіе рогожки) матеріи. Въ Сардамѣ Петръ одѣлся въ короткій бастрокъ, «какъ одѣваются ватерландскіе жители» (Нартовъ, Анекдоты: Москвитянинъ 1842, ч. 2, стр. 445).

Балахонъ,—шинель съ рукавами.

Башмаки начали входить въ употребленіе въ XVII вѣкѣ (Саввантовъ, 423).

Брыжжи,—воротнички, высовываемые изъ за гастуха; также кружева и оборки, которыми обшивали манишку.

Бѣлильница,—коробочка съ бѣлилами, румянами и кисточками для наводки ихъ.

Галстукъ (Halstuch),—шейный платочекъ; онъ бывалъ и «жемчужный съ такими же кистями» (росп. 1730 г.).

Душегрѣйка,—тѣлогрѣйка; коротенькая кофточка на мѣху или на ватѣ.

Епанча,—короткая шинель.

Зголовье, или изголовье,—нижняя подушка на двухспальной кровати (Саввантовъ, 440); изголовье иногда дѣлалось во всю ширину ея.

Исподница,—рубашка.

---

*) Нѣкоторыя объясненія заимствованы изъ описанія старинныхъ одеждъ П. И. Саввантова (Записки Русск. Археол. Общества. СПБ. 1865, XI). Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ (VIII. 353) помѣщенъ образецъ рядной—конца XVII вѣка, которая впрочемъ представляетъ мало общаго по языку и по самымъ предметамъ, въ ней перечисляемымъ, съ нашею картинкой.

Каптуръ, или капоръ; шелковый и мѣховой, соболій.

Кожухъ,—тулупъ; «не снимай кожуха до Святаго Духа, да и по Святомъ Духѣ ходи въ кожухѣ», говоритъ русская морозная пословица.

Козырь,—стоячій воротникъ, на манеръ нынѣшняго мундирнаго (смотритъ козыремъ).

Колпакъ для спанья; таже шапка съуженная кверху (валеный колпакъ съ хохломъ, см. №№ 112, 169).

Карнетъ, или **корнетъ**,—уборъ на голову, въ видѣ остроконечной шапочки.

Коробья, для укладки приданаго, славились Новгородскіе, окованные бѣлымъ желѣзомъ.

Корсетъ,—верхнее платье, лифъ на китовыхъ усахъ; въ росписи 1730 г. упоминается корсетъ шитый золотомъ и шелками; впослѣдствіе корсетомъ называли только лифа на китовыхъ усахъ, надѣвавшіеся подъ платье, для приданія женскому стану и таліи извѣстной формы.

Кроночко кружевное,—наколка на голову въ видѣ коронки.

Лабронъ, см. робронъ.

Ларцы китайскіе и нѣмецкіе для разной туалетной рухляди.

Наволочки,—чехлы на падушки и на перину.

Нахца,—наволочка, которая надѣвалась на подушку на ночь (Nacht-Zeuch).

Огонки,—мѣховое боа на шею или хвосты собольи.

Ожерелье (ошерелье),—нитки изъ бусъ или низанныхъ камней (росп. 1718 г.).

Пологъ,—матерчатый навѣсъ надъ кроватью; лѣтомъ навѣсъ изъ кисеи или рѣдины, для защиты отъ мухъ и комаровъ.

Портки,—штаны (отъ порты—одежда; Савваитовъ, 511);

Роба,—парадное платье для выѣзда.

Робронъ (Robe ronde),—платье съ пышной юбкой, у которой низъ подшитъ китовымъ усомъ или тростникомъ.

Рожекъ,—въ которомъ обыкновенно держали нюхательный табакъ; табатерки ввелись у насъ уже въ XVIII вѣкѣ: во времена

Екатерины даже барышни нюхали табакъ и носили табатерки, называвшіяся «Voitures d'amour», такъ какъ черезъ нихъ передавались любовныя письма.

Сармара, или **Самара** (simarre), — длинная одежда, какую встарину носили женщины (Савваитовъ, Опис. одежды, 598).

Сережки двойчатки, т. е. состоящія изъ двухъ ярусовъ («изумруды съ яхонты»—росписи 1718 и 1730 г). Въ розыскѣ 1611 г. упоминаются серьги *двоенки*, лалы съ яхонтами на золотѣ (Забѣлинъ, Бытъ царей; матеріалы, 18).

Складень,—по нынѣшнему медальонъ.

Суремница, — коробочка съ составомъ и спичка для сурменія бровей и вѣкъ.

Танцелеревой балахонъ, т. е. танцовальный.

Тресилки (висюльки),—длинныя подвѣски къ серьгамъ, фермуару и броши, а также и къ большимъ булавкамъ, употребляемымъ какъ головное украшеніе.

Фижменная юбка (отъ Fischbein),—юбка, подшитая китовымъ усомъ.

Фантажъ (Fontange), — гофрированный стоячій воротникъ около шеи (росп. 1718 и 1730 г. г.).

Шлафрокъ, или женское пальто-халатъ; упоминается въ росписи и *шлафоръ* гулевой, для вечера, съ золотымъ шитьемъ и металлическими пуговками (рядная 1730 г.).

Шубейка,—коротенькая шубка женская.

144. Прибавить: есть еще два изданія этой картинки: *е*, въ которомъ первая строка текста заканчивается словами: «блюдо въ 6 аршинъ», и *ж*, отпечатанное доскою изданія *в*, грубо пройденною рѣзцемъ.

147. Повидимому это поздравительный листъ на бракосочетаніе Петра III съ Екатериною II.

150. Есть два изданія этой картинки; въ первомъ — *а* — цензурное дозволеніе 1839 г. (Флерова) поставлено внизу справа;

во второмъ — б (другая доска) — оно поставлено внизу въ срединѣ.

151. **Доброе домосодержаніе.** Наставленія, какъ жить въ семьѣ и править домомъ, составлялись съ давнихъ временъ. Въ рукописной литературѣ нашей есть по этой части особый такъ называемый «*вождь по жизни*» и цѣлый Домострой, составленный извѣстнымъ сподвижникомъ Грознаго, попомъ Сильверстомъ (Домострой: Голохвастовъ, М. 1849.—Некрасовъ, М. 1873) *). Составитель Домостроя начинаетъ книгу свою обращеніемъ къ семьѣ: «благословляю азъ грѣшный, и поучаю и наказую, и вразумляю сына своего, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцевъ: быть во всякомъ христіанскомъ законѣ».... и т. д.; потомъ слѣдуютъ наставленія о таинствахъ, о почитаніи духовенства, царя и властей, родителей и старшихъ, и излагаются правила домашняго обихода, какъ содержать дворъ, чтобъ онъ вездѣ былъ крѣпко отыненъ (огороженъ), ворота всегда приперты, а къ ночи заперты, собаки были бы сторожливы.

Хозяйство, описываемое въ Домостроѣ, заведено на большую руку—это хозяйство зажиточнаго боярскаго дома: въ немъ есть не только ключникъ и конюхъ, но даже и хлѣбникъ и пивоваръ; всякій запасъ дѣлается на цѣлый годъ; стряпная описывается съ большими подробностями.

Наставленію тогдашней *русской дамѣ* посвященъ цѣлый отдѣлъ: въ гости она ходитъ и къ себѣ зоветъ и *ссылается*, только съ кѣмъ велитъ мужъ; въ обществѣ *отнюдь бы сама пьяна не была — пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ міру не пригоже*. Не слѣдуетъ ей сплетничать, а о комъ что спро-

---

*) Въ 1850 году Забѣлинъ, издавая дополненіе къ Домострою, привелъ одно указаніе, заимствованное изъ 1-й главы списка Домостроя, принадлежавшаго Погодину; въ первой главѣ, въ которой сказано: «Благословляю я грѣшный Силивестръ, и поучаю, и наказую, и вразумляю едино сына своего Анѳима, его жену Пелагею и ихъ домочадцевъ», и послѣ которой не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что составителемъ Домостроя былъ знаменитый Сильвестръ (Некрасовъ, стр. 2).

сятъ, отвѣчать: не вѣдаю ничего, и не слыхала, и сама о ненадобномъ не спрашиваю, ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сосѣдяхъ не пересужаю (стр. 58). Если-же, заключаетъ Домострой, жена всего этого не выполняетъ, то мужу слѣдуетъ ее *пользовать страхомъ на единѣ, не передъ людьми;* если же и это не подѣйствуетъ, а равно и *за страшное ослушаніе и небреженіе, то, смотря по винѣ, снявъ рубашку, плеткою вежливенько побить, за руки держа. А по уху ни по лицу не бить; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ, не колотъ; ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить. И кто въ сердцахъ, или съ кручины такъ бьетъ, — многія бѣды и притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и голова и зубы болятъ* (стр. 68).

Домочадцамъ предписывается тоже не сплетничать и ссоръ между господами не заводить. Кормить прислугу слѣдуетъ передъ господскимъ столомъ, «чтобъ она *стряпала не въ кручинѣ;* а по окончаніи господскаго стола, за хорошую стряпню, опять *прохладить и накормить.* Слугамъ, когда они посланы къ чужимъ господамъ, *носа не копать перстомъ, а отшедъ на сторону, вычистить носъ, или выкашляться: такъ будетъ не скаредно и вѣжливо; а сморкнуть или плюнуть заворотясь, да потереть ногою: такъ всякому человѣку пригоже»* (Буслаевъ, Очерки, I. 476).

Домострой запрещаетъ «всякія забавы, пѣсни бѣсовскія, пляcаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди и птицы и собаки ловчія.... чарованіе и волхвованіе... игру... всякое дьявольское угодіе, гаданіе и чародѣйство.... и скоморохи и зернь и шахматы и тавлею, а также и кормленіе медведей, собакъ и ловчихъ птицъ, на *глумленіе,* и на ловленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣковъ».

Въ XVII главѣ, «како дѣти учити и страхомъ спасати», составитель Домостроя говоритъ: «косни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его,

не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, и душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ; да не посрамиши лица своего; да въ послушаніи ходитъ; за не свою волю пріимши и въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое, и сотворитъ тя знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя передъ множествомъ народа; аще бо отдаш дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися при концы не постонеши на ню; сыну не дажъ власти въ юности, но сокруши ему донележа ростетъ, а, ожесточавъ, не повинитъ ти ся».

Забѣлинъ, въ Опытахъ своихъ (I. 182), указываетъ на источники всѣхъ этихъ наставленій: XX гл. Домостроя цѣликомъ заимствована изъ словъ Іоанна Златоуста о женахъ добрыхъ (гл. 157); глава XVII Домостроя, какъ дѣтей учить, взята оттуда же (гл. 160); изъ этого же источника черпали полною рукою всѣ наши сборники: Златоусты, Златоструи, Измарагды, Торжественники и т. д. Подробныя указанія на источники Домостроя и на критическія статьи объ этой книгѣ нашихъ изслѣдователей сдѣланы въ сочиненіи Н. Некрасова: О Домостроѣ, Москва 1873 г. Во Французской народной литературѣ наставленія по части домоводства гораздо полнѣе; существуетъ, напримѣръ, наставленіе новобрачной, какъ ей въ первый разъ входить въ спальную супруга «стыдливо, но съ рѣшимостью пожертвовать собою», и раздѣться такъ, чтобы супругъ не видалъ этого (Nisard, I. 312); есть цѣлыя сочиненія (XVIII в.), руководящія супруговъ въ дѣлѣ любви, съ скандальными картинками (I. 227); есть и наставленія XVII в.), напоминающія нашъ Домострой, какъ слѣдуетъ вести себя въ людяхъ, не грызть ногтей, не ковырять въ зубахъ, не вонять, не харкать, не сморкаться въ руку и въ рукавъ, а отвернувшись сморкнуться; какъ чихать съ учтивостію и не икать; если же будетъ позывъ на рвоту, то рвать въ уголъ (Nisard, II. 385).

152. **Худое домоправительство.** Картинка эта скопирована,

безъ всякихъ измѣненій, съ нѣмецкаго оригинала первой половины XVIII вѣка; надписи въ семъ послѣднемъ слѣдующія:

Вверху: «Glaubt, die ihr auf das Freijen denckt,
Diss Abentheur ist Kein Gedichte:
Liebt was euch Gott und Glücke schenckt,
Sonst zeugt euer Ehstand gleiche Früchte».

Надъ мужемъ: «Ich frage, wer ist schuld daran, Dass mich mein Weib so zausen kan?» Надъ женой: «Soll ich magd seyn bey Geld und muth, Ein Mannvergnugt noch nicht mein Blut». Надъ дьяволомъ: «Den Krebsgang schreib wo mans so treibt». На гирѣ: «1000 El Ein un gleich Paar, Führt Zentner Wahr, Wo es Zum Ziel, gleich diesem will». На лѣвомъ пьедесталѣ: «Was hilfft doch Kunst und viel verstehen? Wo es muss so verkehrt Zugehen». На правомъ: «Ein böses Weib mit Kinder noth ist auf der Welt schon Höll und Todt». Подъ коробомъ, въ которомъ сидитъ курица: «Wiltu mit mir nicht stimmen ein, So will ich Hahn im Korbe sein».

Подъ картинкой: «Das Böse Haushalten

Verdorben ist der hier zunennen,
Der Glück und Weib sich so erkiest
Von dem er sich bald wünscht zutrennen,
Da er schon fest verbunden ist.
Dem der im Bette Kranck muss liegen,
Dem hilfft offt Kraut Safft oder Gifft;
Allein der liegt im letzten ziegen,
Der seinen Ehstand wal nicht trifft».

Нѣмецкій подлинникъ находится въ моемъ собраніи.

153. **Упрямая жена.** Разсказъ этотъ составляетъ перепечатку басни Измайлова. По удостовѣренію В. Ѳ. Щербакова, существовала народная картинка на эту же тему, составленная по извѣст-

ному разсказу изъ Великаго Зерцала (гл. 845): «Мужъ съ женою единою иде чрезъ ниву, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена; жена-же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко покошена, а жена глагола: пострижена. Мужъ-же на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ вящше не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ, являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти». Этотъ разсказъ заимствованъ изъ старинной французской басни «du pré tondu», и извѣстенъ у насъ по пословицѣ: «стриженый» не бритый».

154. **Глупая жена и кошка.** У меня есть еще два изданія этой картинки: *д*—отпечатокъ доски изданія *а*, на синей бумагѣ 1800 года; въ немъ, въ концѣ предпослѣдней строки, буквы «же» затерты, а пониже ихъ видно пятно отъ крѣпкой водки, и *е*—изданіе 1830—1840 г.; послѣднее слово первой строки въ немъ: «ѡловянное». Текстъ этой картинки представляетъ безграмотное сокращеніе разсказа въ виршахъ, помѣщеннаго въ Старичкѣ Весельчакѣ (СПБ. 1790) подъ заглавіемъ «о глупой женѣ»; нѣсколько иначе разсказанъ онъ въ «Бабушкиныхъ Сказкахъ» Друковцева (М. 1781): «парень женился на лѣнивой дѣвкѣ, увѣривъ мать, что у него въ домѣ работы никакой не будетъ; все дѣлаетъ котъ, и варитъ, и жаритъ, и рубашки шьетъ. Въ первый день парень сказалъ: жена вели коту сварить щи; умница взяла мяса и дала коту, который его тотчасъ-же и съѣлъ. Увидавъ такую-притчу, парень сказалъ женѣ, что котъ его избаловался, и, что его надобно наказать; снялъ съ жены сарафанъ, посадилъ ей кота за пазуху и началъ стегать, по чемъ ни попало. Ученье пошло въ прокъ, и на слѣдующій день жена не стала дожидаться кота, а сама сварила мужу щи» (стр. 42).

157. **Рожденіе тятеньки.** Это одна изъ поздравительныхъ картинокъ, которыми дѣти дарили своихъ родителей въ день имянинъ,

точно такъ, какъ взрослые дарили въ такіе дни другъ другу чашки и чайники съ разными поздравительными подписями.

158. **Разговоръ мужа съ женой.** Четыре стиха: «Напрасно мужъ. . . . . . и жни» перепечатаны изъ Письмовника Курганова (стр. 228); впереди ихъ въ Письмовникѣ разсказана такая исторія:

«Одному придворному смѣялись, что онъ безсиленъ, а онъ ни мало не хотѣлъ въ томъ признаться; и нѣкогда, встрѣтившись съ однимъ насмѣшникомъ, сказалъ: Знаете-ли негодные порицатели, что моя жена недавно родила мнѣ сына?—Поздравляю, государь мой!—отвѣчалъ тотъ,—да о вашей женѣ никогда и не сомнѣвались». Затѣмъ слѣдуютъ вышеприведенныя вирши нашей картинки.

О безпорядочномъ поведеніи дѣвицъ семнадцатаго вѣка и о выходѣ ихъ въ замужество, даже съ готовымъ брюшкомъ, встрѣчаемъ извѣстія въ сочиненіи: «Книга о злонравныхъ женахъ, зѣло потребна, и женамъ досадна» (Опыты И. Е. Забѣлина, I. 127). «Ей ехиднѣ уподобишася нынѣшнія дѣвицы. Многія бываютъ мужамъ жены, въ утробѣ имѣютъ блудомъ прижитое дитя а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняютъ и помышляютъ себѣ, егда отроча изъ чрева изыдетъ, и како бы задушити его своими колѣнми, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуется, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ — истинная блудница. Кому прилучится зри ее: ходитъ быстро, очами обзорлива, нравомъ буява и во всемъ неистова (и ни въ чемъ не счастлива».

Кромѣ приведенныхъ выше четырехъ стиховъ, въ Письмовникѣ Курганова находимъ по предмету нашей картинки слѣдующее четверостишіе:

«Вчера свершился мой съ тобою бракъ
Что я хотѣлъ найти, не сдѣлалося такъ.
Жена ему на то: не тѣ ужъ нынѣ годы,
Трудненько то найдти, что вывелось изъ моды»

и пикантный разговоръ въ прозѣ: «Молодецъ, женясь, сказалъ

своей женѣ на первой ночи: ежели бы я тебя такъ зналъ прежде, тобы никогда на тебѣ не женился. — Это правда, отвѣчала она, я сама то думала, потому что меня прежде разъ пять обманули, и я опасалась болѣе въ такой обманъ даться». Шербаковъ завѣряетъ, что все это было воспроизведено въ народныхъ картинкахъ.

161. Въ моемъ собраніи есть еще изданія: *д*, въ которомъ первая строка текста кончается такъ: «рубить позабуди»; изданіе *е*, отпечатанное истертой Ахметьевскою доской, и изданіе *ж*, отпечатанное тою же доской, но грубо выправленной рѣзцемъ.

162. У меня есть еще изданіе этой картинки — *б*, копія съ изданія *а*, въ обратную сторону: рейтаръ ѣдетъ вправо. Рейтары, или конные стрѣльцы, неоднократно упоминаются въ актахъ XVII вѣка (Выходы царей, стр. 297).

163. Прибавить: есть еще изданіе рейтарши (*в*), отпечатанное доскою изданія *а*, но сильно выпечатанною; причемъ на доскѣ, около герба внизу справа, видна трещина.

164. **Терпѣливый отецъ.** Русская картинка скопирована точь въ точь съ нѣмецкой, на оборотъ (старикъ идетъ влѣво); но въ нѣмецкой картинкѣ на люлькѣ и корзинкѣ налеплены два клапана, на которыхъ изображены мышеловки и другія издѣлія изъ олова; когда эти клапаны закрыты, старикъ представляется продавцемъ мышеловокъ; когда ихъ 6, то подъ ними оказывается куча ребятъ и продавецъ мышеловокъ обращается въ добраго старика съ ребятами въ люлькѣ и корзинѣ. Стихи внизу картинки слѣдующіе:

«Hechelen Mauss faller Maustfaller.
kommt Kauffet die Razen und mäuse zu fangen,
hier allerhand fallen nach euren Verlangen.
schaut öffnet dieselben die alle hab ich,
gefangen, ein jeder kauff eine für sich».

Подлинникъ, гравированный на $1/2$ листѣ, въ концѣ XVII вѣка, находится въ моемъ собраніи.

Въ западной литературѣ существуетъ множество разсказовъ о простоватыхъ мужьяхъ, которые не только пропускаютъ мимо глазъ проказы своихъ женъ, но еще сами наводятъ ихъ на любовниковъ; одинъ изъ такихъ разсказовъ помѣщенъ въ Лимонарѣ (листъ 88): «Нѣкій юноша неимѣя дѣтей отъ своей жены просилъ Авву Даніила придти въ домъ его, сотворить молитву. И пришелъ въ домъ его Авва Даніилъ, и сотворилъ молитву; и зачала жена юноши отъ той молитвы; и стали всѣ говорить въ народѣ, что юноша неплоденъ, и что жена его зачала отъ Аввы Даніила. Когда же родился у юноши сынъ, пришелъ къ нему Авва Даніилъ, и, взявъ на руки двѣнадцатидневнаго младенца при всѣхъ вопросилъ его: ктой твой отецъ? и младенецъ указалъ перстомъ на юношу! И всѣ видѣвшіе прославили Господа!» Сюда слѣдовало бы отнести и картинку о лукавой женѣ, описанную подъ № 72-мъ.

166—170. **Мыши кота погребаютъ.** До насъ дошло шесть совершенно различныхъ переводовъ этой картинки: изъ нихъ три двухлистовые на деревѣ, одно трехлистовое на мѣди и два двухлистовые тоже на мѣди (одно зимнее, другое лѣтнее). Работа двухлистовой картинки № 167, гравированной на деревѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Стасовъ, имѣетъ много общаго съ гравюрой лицевой библіи мастера Кореня 1696 года: «и здѣсь шерсть мышей и кота выражена посредствомъ паралельныхъ, правильныхъ чертъ, которыми усѣяно тѣло животнаго; сверхъ того, глаза и мышей и кота имѣютъ точь въ точь такое очертаніе, какъ у всѣхъ людей и животныхъ въ лицевой библіи Кореня: очень продолговатая миндалина со зрачкомъ, прикрѣпленнымъ къ верхней вѣкѣ» (разборъ моей книги: Русскіе граверы, стр. 67). Разница въ томъ, что картинки лицевой библіи вырѣзаны съ бо́льшею тщательностію и съ хорошихъ рисунковъ мастера Григорія, которые граверъ Корень, не смотря на всю неумѣлость свою, не могъ до конца обезобразить своимъ грубымъ и толстымъ

рѣзцомъ (см. № 810). Судя по этому, можно заключить, что дошедшіе до насъ отпечатки на бумагѣ второй половины XVIII вѣка сдѣланы съ досокъ болѣе древняго времени, въ особенности погребеніе № 166, отпечатанное доскою сильно попорченною, потертою и съ обколовшимися буквами въ текстѣ.

Вопросъ о томъ, откуда взялась эта картинка въ нашемъ лубочномъ мірѣ и съ какого времени, уже давно занималъ нашихъ археологовъ. Макаровъ, въ одной изъ своихъ статей (Вѣст. Евр. 1821 г. № 9, стр. 53), говоритъ, что въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую-же сатиру, какую Лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва Лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ, и что затѣмъ сатира эта перенесена на личность Ивана Грознаго. Снегиревъ, замѣчая, что такое мнѣніе подтверждается нѣсколько изображеніемъ любимаго кота Ивана Грознаго, которое, по свидѣтельству г. Чижова, хранится въ Дрезденской галлереѣ, отвергаетъ однакоже возможность появленія подобной картинки въ то время, когда книгопечатаніе и гравированіе были еще впервые заведены въ Россіи и посвящены единственно религіознымъ предметамъ (Лубоч. карт. М. 1861, стр. 130).

Стасовъ, просматривавшій Чешскую хронику Гайка, не нашелъ въ ней приписки, указываемой Макаровымъ. Съ своей стороны замѣчу, что ни въ Дрезденскомъ музеумѣ, ни въ другихъ собраніяхъ, нѣтъ гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича: въ Дрезденѣ, въ галлереѣ, выставлена довольно рѣдкая гравюра работы Hollar'а, съ подписью «Le vray portrait du Chat du grand Duc de Moskouie 1661»; такіе-же экземпляры ея находятся въ Петербургской публичной библіотекѣ

и въ моемъ собраніи. Такимъ образомъ родословіе кота нашего отъ Лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными; еще менѣе представляется данныхъ къ производству этого-же кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индѣйскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индѣйскимъ богомазомъ въ новѣйшее время [1]); тамъ сидитъ котъ Видало, рыжій, съ черными пятнами и съ чернымъ хвостомъ. По обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши: одна спереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копье. Кромѣ того на спинѣ у кота сидятъ маленькія мышки и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на престолѣ (въ видѣ табурета) сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ.

Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбеѣ, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи: въ числѣ ихъ есть двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками; въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ, на остаткѣ древняго египетскаго папируса, — на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками; въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой-же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ,— кошки подносятъ ей разные дары (Champfleury, Hist. de la Caricat. antique, p. 24); въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камей, на которомъ представлена кошка, играющая на скрыпкѣ,—передъ нею пляшетъ мышь(тамъ-же, 81); въ Парижской библіотекѣ, въ «collection Hennin» (XVIII. 21), есть народная картинка—война мышей

---

[1]) Она привезена изъ Индіи Е. И. Барановскимъ.

съ кошками, съ подписью: «A Lyon par Leonard Odet, au coin de rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits»; внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ ни одна изъ этѣхъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ погребеніемъ; съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индѣйскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего Казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка— чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ Нюренбергскими похоронами охотника, — на которые указываетъ Снегиревъ,—ни съ другими западными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта, — это вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа.

Что касается вопроса о томъ, на кого могла быть сдѣлана наша сатира, то внимательное разсмотрѣніе текста ея приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нашъ котъ *брысъ*, онъ-же *Алабрысъ*, не простой смертный, а знатная особа; титулы его: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій. . . . прямо указываютъ на царское его происхожденіе.

2) По многимъ признакамъ можно заключить, что покойникъ былъ *знатный подпивало и веселый объѣдало*, любилъ сладко поѣсть (съ хорошими послѣдствіями такой ѣды) и выпить, а потому на тризну къ нему со всѣхъ сторонъ *отъ вольныхъ домовъ* [2]), *изъ*

---

[2]) *Вольными* домами назывались трактиры (Полное Собраніе Зак. № 6566, 1734 г.), въ которыхъ однако же запрещено было держать непотребныхъ дѣвокъ *вольнаго* обращенія (№ 6947, 1736 г.). Иноземцу Милле дозволено было завести трактиръ на Васильевскомъ островѣ въ 1718 г. (№ 3299).

большихъ питейныхъ погребовъ, везутъ и несутъ: горѣлку, вино и пиво въ ушатахъ, бочкахъ и скляницахъ.

3) Покойникъ хотя и былъ русскій, но состоялъ въ близкомъ родствѣ съ *чухнами*: тѣло его везется на чухонскихъ дровняхъ, да и *чухонка вдова* Маланья, о которой говорится въ картинкѣ, по видимому самое близкое къ нему лице—его собственная вдова, такъ какъ отъ нее несутъ главные предметы поминанья—пиво и оладьи: «двѣ мыши съ рожновой горы отъ *чухонки вдовы* тащатъ изъ шинка ушатъ мерзкаго пива летошняго года изъ подъ *Маймистскаго* захода»—и далѣе «мышь отъ *чухонки Маланьи* везетъ полны сани оладьевъ».

4) Покойникъ былъ нрава крутаго: «когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ» (№ 168), и много изобидѣлъ онъ въ жизни своей народа; за то эти обиженные и собрались посмотрѣть на своего недруга и съ радостію привѣтствуютъ стараго лиходѣя: здѣсь и тренка (Гренко) изъ убогаго дома веселыя пѣсни воспѣваетъ, безъ кота добро жить возвѣщаетъ (170. 9), и охтенская переведенка несетъ раненаго котомъ мышенка (21); тутъ же и мышенокъ *отшибено рыло* (50) и старая подовинная мышь [3]) смотритъ въ очки, — у ней котъ изорвалъ ж... въ клочки (19); въ двухъ мѣстахъ бредутъ *лазарецкія* и *хворыя* мыши, а въ третьемъ *лазарецкая* мышь тащится *на костыляхъ*, вѣроятно тоже вслѣдствіе котовой баталіи (34); мыши изъ ямской *хворыхъ* мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ (26). *Татарскимъ* мышамъ покойникъ пришелся особенно солонъ, — онѣ участвуютъ въ церемоніи въ четырехъ мѣстахъ: мышь татарская Оринка наигрываетъ въ волынку (10); мыши татарскіе ханжи (т. е. хаджи) [4]) несутъ вилки да ножи (42); мышь

---

[3]) Снегиревъ читаетъ: «*Подновинская*», по бывшему у него въ рукахъ испорченному новому тексту, и предполагаетъ, что въ этомъ названіи заключается намекъ на кн. В. В. Голицына, жившаго подъ Новинскимъ монастыремъ.

[4]) *Хаджи*, богомольцы — паломники, преимущественно мусульманскіе богомольцы, побывавшіе въ Меккѣ у Магометова гроба.

татарская изъ Крыму [5]) несетъ кобыльяго молока крину (54) и наконецъ мыши изъ подъ татарской мечети промежъ собою по татарски лепечутъ—какъ-бы поглубже велѣть про кота яму обрыть и поглубже его зарыть (29). Изъ другихъ русскихъ мышей участвуютъ въ процессіи представительницы вновь пріобрѣтенныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: *Олонки, Корелки, Охтенка, Шушера изъ Шлюшина* (несетъ съ Ладоги сиги, — ѣшь да плотно сиди, 51); а также и представительницы немногихъ областей русскихъ: мышь *Украинская, Новгородская* и мыши съ *Рязани*, по прозванію *Макары.* Прочія мыши собрались на погребеніе кота съ разныхъ Московскихъ улицъ и урочищъ: всѣ онѣ въ большой радости по случаю кончины державнаго Алабрыса, поютъ, скачутъ, играютъ на разныхъ инструментахъ [6]) и бранятъ возниковъ, чтобъ скорѣе

---

[5]) Въ новыхъ изданіяхъ ошибочно поставлено *ізриму*, какъ и прочелъ И. М. Снегиревъ въ своихъ коментаріяхъ по поводу Римскаго Папы.

[6]) Въ числѣ ихъ на древнейшемъ переводѣ (деревенская мышь) *Чюрилка Сурначъ* (т. е. *зурначъ*, отъ зурны) *въ сопель играетъ*, мышь аринка играетъ въ *волынку* и еще одна мышь въ *балалайку играетъ*, гостей созываетъ. *Сопель, сопелка, сиповка*,—деревянная дудка, которая дѣйствительно издаетъ сиповатые звуки, сопитъ (см. №№ 167, 168 и 170): въ одной изъ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 34), упоминается *сиповочка серебряна. Сурна* или *зурна* (на № 166)—труба, которая и до сихъ поръ въ ходу въ Грузіи; сурны и сопели въ древности употреблялись въ войскахъ и не разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ другомъ переводѣ поставлено: *Чурилка сарначъ* въ свирѣлку играетъ. *Свирѣль*, флейта съ тремя дырочками (изображена на № 679, см. II. 493; упомин. въ №№ 166, 167 и 170),—инструментъ, бывшій въ большомъ употребленіи въ шутовскихъ Петровскихъ процессіяхъ. Изъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ въ погребеніи упоминается *Волынка*; это духовой инструментъ,—цѣльный мѣхъ, содраный съ козла или барана, шерстью вверхъ; въ него вставляются четыре трубки: двѣ изъ нихъ внизу, басовыя, составляютъ гармоническій однообразный аккомпаниментъ,—онѣ постоянно открыты, какъ и третья дискантовая, имѣющая равно видъ флейты; на дырочкахъ этой послѣдней волынщикъ перебираетъ пальцами мелодію. Всѣ три трубки двухъсоставныя и настраиваются въ тонъ на каждую пьесу, посредствомъ ихъ удлинненія или укорачиванія; въ трубкѣ, въ самомъ соединеніи ея съ мѣхомъ, помѣщены язычки, какъ въ кларнетѣ. Въ четвертую трубку волынщикъ постоянно надуваетъ свою волынку, т. е. наполняетъ ее воздухомъ: волынку держитъ онъ подъ мышкой, а звуки производитъ, подазливая её локтемъ, причемъ воздухъ, проходя въ первыя три трубки, даетъ мелодію и аккомпаниментъ. Въ

везли, поспѣшали съ веселіемъ кота поминать и похмельныхъ охмелять (17). Даже мышь съ Рязани, Сива въ сарафанѣ (въ другихъ изданіяхъ въ синемъ сарафанѣ), которая, судя по наряду, вмѣстѣ съ мышами Ермаками (13), мышами Елесями (12) и мышами пѣвчими, шествующими впереди, представляетъ въ процессіи духовный элементъ, — и та *горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ*.

5) Въ текстѣ, въ четырехъ мѣстахъ, упоминается о *лаптяхъ*: должно быть покойникъ особенно интересовался этой отраслью народнаго богатства. Въ самомъ началѣ картинки, съ нѣкоторой ироніей замѣчено, что онъ хотя и *плелъ лапти*, но самъ *носилъ сапоги* (170); въ самой процессіи: шутъ-мышка Фарносикъ красный носикъ растоптала *лапти*, align ознобила лапки (33); другая мышка, сѣвши на пенёкъ, надувается третій день, *въ новы лапти* обувается (31); а въ № 28 мыши идутъ: одна съ метлой, другая съ ветлой, по пути дорогу *лаптями* устилаютъ, а сами по сторонамъ посикаютъ [7]).

Малороссіи волынка носитъ названіе Кобзы, а волынщикъ зовется Кобзаремъ. Волынка — національный инструментъ у Шотландцевъ, на югѣ Франціи, у Итальянцевъ, у которыхъ она устроена сложнѣе нашей; въ настоящее время волынка вывелась изъ употребленія почти повсемѣстно. Она представлена и упоминается на нашихъ картинкахъ въ №№ 102, 166, 168, 170 (8 и 10). *Балалайка* или *домра* (итальянская Calascione), — самая простая склеена изъ четырехъ треугольныхъ дощечекъ, съ придѣланнымъ къ нимъ грифомъ и ладами; струнъ на русской балалайкѣ три,—бываетъ и двѣ, но рѣдко. Балалаечникъ или *мажетъ* пальцами взадъ и впередъ по всѣмъ струнамъ разомъ, безъ перемежки, производя (тремя пальцами лѣвой руки) рядъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ аккордовъ; или-же *перещипываетъ* по струнамъ свою мелодію. На этомъ, до крайности простомъ и незатѣйливомъ, инструментѣ московскій любитель Радивиловъ (въ пятидесятыхъ годахъ) давалъ публичные концерты и извлекалъ изъ трехъ струнъ его очень полные и пріятные звуки; Радивиловъ игралъ и на однострунной балалайкѣ. Балалайка изображена на № 166. *Бубенъ* или *барабанъ* упоминается въ №№ 169, 170 и 679; *ложки* или кастаньеты съ бубенчиками изображены на картинкѣ № 191; *доски желѣзныя, клепала* и *била* описаны въ примѣч. къ № 174.

[7]) Встарину, впереди духовныхъ процесссій, шли метельщики и прометали дорогу метлами. Такое метеніе изображено и у Олеарія на картинкѣ: «Eine moscowitische Procession» (Viel-vermehrte moscov. Reisebeschr., Schlesswig 1656, стр. 46). Въ пѣснѣ о Дюкѣ Степанычѣ разсказывается, что когда идетъ его мать, то передъ нею расчищаютъ дорогу сперва лопатники, потомъ

6) Изъ картинки видно, что похороны происходятъ *зимою* и съ музыкой; погребальные дровни везутъ *восемь мышей*, впереди идутъ пѣвчіе: «съ балчуга старая изъ мучныхъ рядовъ крыса поминаетъ кота Илабриса, съ Збрысу по *нотной книгѣ* выпѣваютъ и малыя ея дѣти тутже съ визгомъ провожаютъ».

7) Наконецъ изъ заголовка древнѣйшаго экземпляра Котова погребенія видно, что казанскій уроженецъ умеръ въ *сѣрый* (т. е. зимній) *четвергъ*, въ *шестопятое* число, въ жидовскій шабашъ (№ 166).

Петръ I скончался въ четвергъ сѣраго—зимняго мѣсяца января, съ пятаго часа на шестой (въ первой четверти 6-го) или, какъ сказано на картинкѣ, въ шестопятое число. Кромѣ того мы знаемъ, что въ первый разъ въ Россіи музыка была допущена на похоронахъ Лефорта въ 1698 году; что на похоронахъ Петра I была тоже музыка, и что тѣло его было перевезено на погребальныхъ саняхъ на восьми лошадяхъ. (Описаніе порядка держанного при погребеніи Петра Великаго. М. 1726, стр. 24.)

Эти существенные признаки, кажется намъ, достаточно указываютъ, что державный покойникъ нашъ никто иной, какъ славный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора Пахомъ Михайловъ,—и что самая процессія его погребенія представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью сладко поѣсть, попить и повеселиться. Не онъ ли приходился лютымъ звѣремъ и крокодиломъ, какъ его называютъ раскольники, и—Охтенкѣ, насильно переведенной изъ роднаго края на Питерское болото, и бѣдному Гренкѣ съ Дона, и Шушерѣ изъ Шлюшина, которыхъ онъ переводилъ, переселялъ, обкладывалъ разными тяжелыми работами и повинностями? Худо пришлось отъ него татарамъ; но за то и дома у него развелось много лазарецкихъ мышей—калекъ на костыляхъ, вернувшихся домой съ разныхъ баталій: даже и на похоронахъ одна мышь бьетъ дробь въ бубенъ,—походъ-де будетъ. Искалеченныхъ лазарец-

метельщики, а затѣмъ уже постельщики постилаютъ сукно (Рыбниковъ, III. 161. 173).

кихъ мышей ямскія мыши на себѣ везутъ *и прогоновъ не берутъ*, конечно потому, что прогоновъ имъ не платятъ [8]).

Относительно плетенія лаптей мы знаемъ отъ Голикова и Штелина, какую заботу прилагалъ Петръ о распространеніи этого художества у чухонцевъ. «Примѣтя на чухонскихъ мужикахъ весьма худую обувь, спросилъ онъ у одного изъ нихъ: для чего они не столько же хорошо плетутъ лапти, какъ русскіе мужики. И получа отвѣтъ, что они лучше не умѣютъ, приказалъ Монархъ изъ Нижегородской или Казанской губерніи, откуда лучшіе привозятся на продажу лапти, привезть въ Петербургъ шестерыхъ наилучшихъ лапотниковъ, и отправилъ оныхъ въ Выборгскую губернію, повелѣвъ ихъ раздѣлить по уѣздамъ, чтобъ они подъ надзоромъ сельскихъ пасторовъ обучали мужиковъ плести лапти по русскому образцу, и не были-бы прежде отпущены, пока чухонцы не выучатся плесть оныхъ такъ чисто и прочно, какъ и они; а пасторы должны были всякій мѣсяцъ подавать въ Выборгское правленіе извѣстіе, сколь далеко простерлось тамъ обученіе; и русскіе оные лапотники получали по указу его отъ правленія денежную сумму, изъ коей каждому изъ нихъ давалось по рублю въ недѣлю кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Штелинъ, мужики во всей Россійской Финляндіи научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошіе лапти какъ изъ ивы, такъ и изъ липы и другихъ годныхъ лыкъ, и попечительный отецъ отечества достигъ своего намѣренія, научивъ новыхъ своихъ подданныхъ сохранять свои ноги, и предостерегъ тѣмъ жителей сей земли отъ разныхъ, и обыкновенно дотолѣ случавшихся, болѣзней, кои прежде сего всегда происходили отъ худой, яко не защищавшей

8) «Мыши изъ ямской хворыхъ мышей на себѣ везутъ, *прогоновъ не берутъ*» (26)—указываетъ на недавно еще практиковавшуюся перевозку больныхъ солдатъ и арестантовъ: часовой, сопровождающій больнаго, завидѣвъ извощика, останавливаетъ его за воротъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, садится на него съ своимъ больнымъ и ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не попадется по дорогѣ другой порожній извощикъ; такимъ простымъ и безплатнымъ способомъ оба достигаютъ до мѣста назначенія, конечно при помощи городовыхъ и будочниковъ, помогающихъ часовому *придерживать* извощиковъ, которые, завидѣвъ *лазарецкую мышь*, толпой улепетываютъ въ переулки.

отъ мокроты ногъ, обуви» (Голиковъ, Дѣянія Петра I, III. 222.— Штелинъ, Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ, 215 и 216)[9]).

На тождественность Алабрыса со всешутѣйшимъ протодіакономъ указываютъ и другія подробности, разбросанныя въ текстѣ картинки:

8) Дровни тянутъ мыши съ Рязани, а *прозваніемъ они Макары*; Снегиревъ объясняетъ это мѣсто встрѣчею, сдѣланною Петру I въ Рязани: онъ спросилъ одного изъ подававшихъ хлѣбъ соль — «какъ тебя зовутъ?» — «Макаромъ, надежа Государь», отвѣчалъ тотъ. «Очень хорошо», промолвилъ Петръ; а прочіе, услыхавъ такой отзывъ, подумали, что имя Макаръ ему очень понравилось, и на вопросъ его объ ихъ именахъ, всѣ оказались Макарами. — «Будьте-же вы всѣ Макарами», приказалъ Петръ; съ того времени Рязанцевъ и стали прозывать Макарами (Луб. карт., стр. 127).

9) Въ процессіи, въ верхнемъ ряду, одна мышь везетъ боченокъ, верхомъ на ней сидитъ другая, маленькая мышь, и куритъ изъ коротенькой голландской трубочки; надъ нею поставлена надпись: «мышка тянетъ табачишка». Куреніе табаку въ Россіи было запрещено подъ страхомъ смертной казни указомъ царя Михаила Ѳедоровича въ 1634 году, а по Уложенію о наказаніяхъ царя Алексѣя Михайловича курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы (Улож. XXV. гл. 11 и 16). Не смотря на это, *питухи* и *пропойщики*, занимавшіеся куреніемъ табака, встрѣчались въ народѣ въ людяхъ *всякихъ чиновъ* и, по

---

[9]) Рядомъ съ этими лаптями слѣдуетъ поставить и другое распоряженіе Петра о томъ, чтобы юфть изготовлялась не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ; кто-же будетъ приготовлять по прежнему, того ссылать на каторгу (впрочемъ по истеченіи годоваго срока). Существуетъ легенда, что Петръ и самъ учился плести лапти, и что сплетеный имъ форменный лапоть хранился въ числѣ его вещей въ Ермитажѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Лапти плетутся, или ковыряются въ *однорядь*: или простой плетенкой, *чисто-ковыромъ*, или-же съ *подковыркой*, причемъ подошвы и носокъ подковыриваютъ, т. е. проплетаютъ въ другой разъ; такія лапти прочнѣе и дороже. На передкѣ или личикѣ, подковырка дѣлается иногда и узорчатая (Кирѣевск. II. 71).

свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ русскіе были охотники употреблять табакъ, въ особенности курительный, и упивались дымомъ его до обморока. Дозволеніе ввозить (по десяти тысячъ бочекъ въ годъ) травы никоціаны—дано было въ первый разъ Петромъ англійскому маркизу Кармартену въ 1698 году на семь лѣтъ, причемъ дозволено ему привозить и нѣмецкія никоціанныя трубки, коробочки и другія мелочи къ никоціанскому куренію (Полн. Собр. Зак. № 1628). За тѣмъ указами 1723 и 1727 г. (Полн. Собр. № 4381, п. 3 и 5164) объявлено было о *вольной продажѣ* табака и даже приказано разводить его въ Россіи повсемѣстно. Раскольники однакоже продолжали по прежнему чуждаться табачнаго зелья, посаженнаго сатаною [10]).

---

[10]) Въ книгѣ «Миръ съ Богомъ», переведенной съ греческаго въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, табакъ названъ зельемъ проклятымъ; въ «Сказаніи отъ книги глаголемыя Пандокъ» разсказывается, что о появленіи въ свѣтъ табачнаго зелія возвѣщено было въ пророческомъ сновидѣніи «нѣкоему царю эллинскому, именемъ Анепсію». Ему видѣлась дѣва въ царскомъ вѣнцѣ и одѣяніи, возсѣдающая на престолѣ, прекрасная и радостная; вокругъ нея множество народа: старики любуются на нее и трепещутъ, и умираютъ отъ изнеможенія и страха; юноши взбираютси на ихъ трупы, чтобы поглядѣть на нее, но и ихъ постигаетъ та-же участь; за юношами слѣдуютъ младенцы, такъ что отъ множества труповъ нельзя было узрѣть ни дѣвы той, ни престола ея царскаго. Царь просыпается въ ужасѣ и, не повѣдавъ никому о своемъ снѣ, бѣжитъ отъ царства своего, покинувъ власть. Онъ идетъ три дня и три ночи, смиряя себя постомъ и трудомъ, но Господь посылаетъ къ нему ангела, который, явившись передъ нимъ въ образѣ вельможи-каженика, велитъ ему вернуться: то, что онъ видѣлъ, не предвѣщаетъ зла ни ему, ни его царству, а имѣетъ сбыться въ послѣдніе дни, теперь-же зло только начало пріемлетъ; черезъ двѣнадцать лѣтъ и ты увидишь его, о царь. Анепсій возвратился на свое мѣсто и царствовалъ двѣнадцать лѣтъ, никому не повѣдавъ повѣсть сію. Былъ въ то время врачъ Тремикуръ, родомъ эллинъ: однажды, когда онъ отправился въ поле искать врачебнаго зелья, сатана вложилъ въ него мысль сорвать и обнюхать «траву ту новорастущу, что произрасла надъ трупомъ блудницы. И веземь Тремикуръ и обоня ноздрями своими и обвеселися, яко забыти ему вся печали житейскія». Онъ посадилъ сѣмена той травы въ свой огородъ, а отъ него она расплодилась и у другихъ; и всѣ принялись обонять то зелье, «и пьяьствовати начаша; мнози же на огнь того былія полагающе и дымъ его цѣвницами вдыхаху во уста, и обледяша, иные обмираютъ, овіи умираютъ, иніи яко мертвіи лицы, разслабленнымъ умомъ растлѣнны вертятся, безчинно ходяше, во умѣ пьяны сущи и во умѣ своемъ сице имуще кійждо сошедшеся глаголаху: сіе зеліе за вся далъ веселія ради вмѣсто хмѣль-

10) Составитель картинки не забылъ прибавивь, что у Алабрыса усъ сусастерскій: котскій усъ (усъ съ уса стерскій, т. е. торчкомъ къ верху стоящій) такой точно, какой носилъ отецъ протодіаконъ,—и что одинъ мышенокъ ѣдетъ въ любимой Петромъ одноколкѣ (двухколесной телѣжкѣ), которая до него была запрещена указомъ царя Ѳеодора Алексѣевича (28 декабря 1681 г.).

11) Въ процессіи мыши несутъ, въ мѣшкахъ, студеное кушанье, которое по указу Князя Папы приказано было имѣть всегда на готовѣ для всешутѣйшаго собора [11]).

наго питія, якоже во иныхъ земляхъ бываетъ; у насъ же здѣсь сіе зеліе насъ веселитъ». Анепсій, увидѣвъ передъ палатами толпу бѣсновавшихся и обмиравшихъ людей, подвергаетъ ихъ допросу и велитъ Тремикуру указать мѣсто, гдѣ онъ нашелъ пьянственное зеліе. Начали копать и добрались до зловоннаго трупа; оказалось, что на мѣстѣ томъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ жила блудница. Тогда царь уразумѣлъ пророчество, бывшее ему отъ ангела, и замыслилъ принять святое крещеніе; дѣвица христіанка является первой его просвѣтительницей, епископъ города Еладетера креститъ его и, по наученію ангела, торжественно проклинаетъ «то зеліе, законопреступленія плодъ». Ослушниковъ ожидаетъ адъ; кто-же «престанетъ отъ сего вкуса и покается съ постомъ и молитвами, чистымъ сердцемъ, со слезами и воздыханіемъ чистымъ, и то малую отраду и ослабу приметъ себѣ, и *между рая и мукою учиненъ будетъ, а въ рай невходимъ будетъ*». Тогда благовѣрные мужи и жены новокрещеные искоренили то зелье изъ вертоградовъ своихъ; тѣже, что противились Божію закону, развезли то зелье по дальнимъ поганымъ странамъ, а оттуда оно зашло и къ христіанамъ. Господь во гнѣвѣ своемъ насылалъ на грѣшныхъ людей грозу и трусъ; ангелъ Господень явился къ епископу, повелѣвая ему отлучать непокорныхъ отъ церкви и причащенія святыхъ тайнъ. «Слышавъ же епископъ отъ ангела и написа сія. По многихъ же лѣтехъ бысть явленіе на Красной Горѣ недужной дѣвицѣ Ѳеклѣ»: Богородица предстала передъ ней и велѣла идти въ міръ, возвѣщая Божіе повелѣніе, чтобы люди праздники господскіе почитали, въ воскресные дни не работали, въ церковь бы ходили и отъ всего имѣнія Богу давали бы десятую часть, пьянство бы оставили, а табакъ отнюдь не пили—проклятъ бо есть отъ Бога и отъ святыхъ отецъ (А. Веселовскій въ Истор. Литер. Галахова: 2 изд., 464.—А. Пыпинъ, Очеркъ, 207).

[11]) Относительно *студенаго кушанья*, которое мыши несутъ *мешками*, надо припомнить, что всепоядающій, всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра I разъѣзжалъ постоянно по знатнымъ и богатымъ домамъ для пированья; есть указъ князя папы, чтобы для пріема собора хозяева въ убытокъ не входили и ядей никакихъ не готовили, подъ опасеніемъ большаго орла, а держали бы на готовѣ холодныя закуски: хлѣбъ, соль, калачи, икру, сельдей, окорока, сухихъ куръ или зайцевъ, сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капусту, яйца и шабашъ (т. е. довольно). «И надъ всѣми-же сими превозлюбленные наши вины,

12) Изъ мышей и крысъ, участвующихъ въ процессіи, самая высокая по росту изъ всѣхъ, рязанская мышь Сива въ сарафанѣ синемъ, безспорно представляетъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Мышь съ молотомъ Савка, которая «стучитъ да хвалитъ, что пироги ѣсть сладки» (59), напоминаетъ Савву Рагузинскаго, который на сватьбѣ Зотова былъ одѣтъ въ венецейскомъ платьѣ и игралъ на свирѣлкѣ; онъ пользовался такимъ уваженіемъ въ царскомъ семействѣ, что даже погребенъ на ряду съ царскими особами въ церкви Благовѣщенія Невскаго монастыря [12]) (Богдановъ, Описаніе СПБ., 375). Кого нибудь да представляютъ и Емелька [13]) приспѣшникъ (онъ же и могилякъ) и Гренко съ Дону, старая крыса съ Арбата, мышь татарская Оринка, старая мышь Брудня, Дорошка Ерошка потяпъ [14]). Мышь съ шутовскимъ прозваніемъ Ѳарносъ красный носъ вѣроятно означаетъ одного изъ шутовъ, до которыхъ Петръ I былъ такой охотникъ (см. № 209). Въ процессіи участвуетъ еще мышь *палена*, напоминающая старинный обычай выводить мышей: вымазывали мышь саломъ и, подпаливъ ее затѣмъ, выпускали на свободу; говорятъ, что такая паленая мышь выгоняла своимъ запахомъ всѣхъ остальныхъ мышей изъ подполья.

пиво, и медъ, сего что вяще, то намъ угоднѣйше будетъ, ибо въ томъ живемъ и не движемся и есть-ли или нѣтъ, не вѣдаемъ» (Русская Старина 1872, VIII. 878).

[12]) Савва *Рагузинскій*, выходецъ изъ Турціи, былъ сперва тайнымъ агентомъ Россіи въ Константинополѣ; послѣ окончательно перешелъ въ Россію, хотя Турки требовали выдачи его. За вѣрное служеніе ему была дана привилегія торговать въ Россіи (Полн. Собр. Закон. IV, 20441), а въ 1712 г. ему отдана на откупъ пристань корабельнаго лѣса въ Архангельскѣ; онъ велъ заграничную торговлю, отправлялъ корабли, имѣлъ конторы, отличался чрезвычайной скупостію и безобразіемъ; былъ старъ, сѣдъ и безъ зубовъ; при этомъ занимался литературой и переводами (Пекарскій, I. 253).

[13]) По пѣснямъ, Емелька попъ ѣхалъ въ поѣздѣ въ пятыхъ саняхъ за Гришкой да Маришкой, гдѣ онъ «крестомъ благословляетъ, а самъ восклицаетъ: ступайте вы, дѣти, въ чужія клѣти; если Богъ поможетъ, попа не забудьте, если чортъ обрушитъ, попа не клеплите» (Кирѣев. VIII. 311).

[14]) Св. Іероѳей, епископъ Аѳинскій, извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Ерофея Офени (Мельниковъ, Въ лѣсахъ, I. 267). Дорошка Ерошка потяпъ— напоминаетъ и козака-потяпа, гетмана Петра Дорофеевича Дорошенку.

13) Цензура съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія и въ этомъ отношеніи, чутьемъ своимъ, опередила нашихъ изслѣдователей: сперва было исключено ею означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнѣйшемъ переводѣ его погребенія; затѣмъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, устроено лѣтнее — на телѣгѣ и выпущены всѣ мѣста — о вдовѣ чухонкѣ, о маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ, — которыми переполнена трехлистовая картинка № 170 [15]).

Замѣтки наши о котѣ и его погребеніи закончимъ здѣсь однимъ смѣхотворнымъ объявленіемъ, хотя и не относящимся прямо къ нашему предмету, но трактующемъ о *Казанскихъ котахъ*, которые и въ половинѣ XVIII вѣка пользовались еще особою извѣстностію. Въ 1745 году, Высочайшимъ указомъ приказано было сыскать въ Казани *здѣшнихъ породъ* кладеныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ для ловленія мышей, и прислать въ Петербургъ. Объ этомъ было сдѣлано объявленіе, съ тѣмъ, что у кого есть такіе коты, чтобъ донести, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, штрафа (Русск. Стар. 1871. 643).

171. У меня есть два изданія этой картинки: *а* и *б*, отпечатанныя одною и тою-же доскою; въ изданіи *б* доска эта грубо пройдена рѣзцомъ.

171. А. — Прибавить: такое же **Катанье**, повтореніе № 171, въ обратную сторону: ѣдутъ вправо. — Въ моемъ собраніи.

---

[15]) Въ заголовкѣ нашей картинки сказано, что она «небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обернута въ черныхъ тряпицахъ». Указывая на эту присказку, Снегиревъ замѣчаетъ, что такая оговорка сочинителя не означаетъ-ли со стороны его опасенія огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда подобная картинка легко могла довести его до застѣнка въ Преображенскомъ или въ ссыльномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него вымучивать на дыбѣ, подъ ударами кнута, сознаніе, кого именно онъ разумѣлъ подъ изображеніемъ кота и мышей и съ какимъ умысломъ выдалъ такой пасквиль?» (Луб. карт., 12(6

172. А. — Прибавить: такой же **Котъ**, копія (на деревѣ-же) съ № 172, въ обратную сторону (клеймо съ надписью справа). Въ моемъ собраніи.

172. Б. — Прибавить: еще **Котъ**; картина четырехлистоваго размѣра, гравированная на деревѣ, — отпечатокъ на бумагѣ со знакомъ 1808 года, со старой доски, рѣзанной на манеръ Штеллиновскихъ. Котъ по переводу сходенъ съ № 172. Въ правомъ верхнемъ углу прибавлена большая вѣтка съ цвѣтами и сидящими на нихъ двумя птицами. Въ верхнемъ лѣвомъ углу надпись: «котъ каза|нской а у|мъ астра|ханской | сусасте|рской сл|авно жил|ъ слатко | елъ слап|ко бзделъ».

По разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ, наши прадѣды были большіе знатоки по этой части и издавали надстольные звуки и подстольные выстрѣлы не только у себя въ домѣ и въ церкви, но даже и во время царскаго стола, безъ всякаго *комфуза;* всѣ бояре напротивъ того привѣтствовали каждый такой откровенный выстрѣлъ *легкаго пороха* (см. картинку № 175) съ большою радостію и смѣхомъ. По этой части разсказываютъ:

Петрей (1615 г.): «die Musskowiter.. schemen sich gleicher massen nicht, wenn Sie Mahlzeit halten, seyn zu gaste, in der kirchen . . . . mit dem hindertesten etliche lauffen lassen, vnd darzu lachen vnd grosse Frewde haben» (Petreius de Erlesunda, Historien. Lipsiae 1620, p. 592).

Мейербергъ (1661 г.): «Durante convivio erumpunt frequentissime in repentinos sonorissimi bombi ructus, qui per allij, ceparum, raphanorum, et vini adusti indigestam mixturam foetidi, et, licentia stoicorum, qui ructus et crepitus liberos esse volunt, crepitosis imi ventris exhalationibus mixti pestilentissima mephiti adstantes afflant» (Mayerberg, Iter in Moschoviam, p. 20).

Брандъ (1673 г.): «Kaum hatten wir uns in unsere ordnung gestellet, da lässt einer auss denen dreyzehn Boyaren einen solchen rülpss, dass wir alle erschracken, und noch mehr uns verwun-

derten, dass solches ohne eintzige alteration des Czaren und andrer bedienten geschehen» (Ioh. Arn. v. Brand, Reysen. Wesel 1702, p. 229) *).

173. **Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки—*д*, точная копія съ изд. *а*, и одного съ нимъ времени; въ немъ 33 нумера и слѣдующій заголовокъ: «поветь о ерьше . . . .» (въ изд. *а*: повесть о ерше . . . .), и *е*, отпечатанное доскою изданія *а*, но грубо подрѣзанною рѣзцомъ. — И. П. Сахаровъ напечаталъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ въ Литерат. Газетѣ за 1841 годъ.

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, встрѣчается въ рукописной русской литературѣ XVII и XVIII вѣка въ многочисленныхъ спискахъ и редакціяхъ; Аѳанасьевъ относитъ сочиненіе ея даже къ XVI вѣку. Повѣсть эта представляетъ забавную пародію на древнее судопроизводство, съ вѣрнымъ повтореніемъ всѣхъ формъ словеснаго суда и расправы, извѣстныхъ намъ по правымъ грамотамъ, напечатаннымъ въ юридическихъ актахъ. До сихъ поръ было напечатано, кромѣ текста нашей лубочной картинки, семь разныхъ списковъ этой повѣсти: четыре изъ нихъ въ сборникѣ Аѳанасьева — 1 и 2 въ видѣ сказокъ въ прозѣ, 3 въ виршахъ (помѣченъ 1729 годомъ) и еще 4, съ заголовкомъ: «списокъ суднаго дѣла слово въ слово какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ» (Народн. русск. сказки Аѳанасьева. М. 1873, I. 41); три другихъ списка напечатаны — 5 въ Пермскомъ сборникѣ (I. 125 — 6), 6 въ Телеграфѣ 1832 г. № 18 (одинъ отрывокъ) и 7 въ Русск. народныхъ сказкахъ Сахарова, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о лихомъ человѣкѣ, и какъ съ

---

*) Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ г. Феттерлейномъ. Стасовъ читалъ у одного изъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи XVII в. разсказъ о томъ, какъ во время торжественнаго пріема пословъ издалъ *einen rülpss* самъ царь Алексѣй Михайловичъ; на что бояре почтительно встали со своихъ мѣстъ и пожелали ему *здравствовать*.

нимъ тягались рыбы лещь да головель» (Русск. Сказ. 1841, 157—174).

Текстъ народной картинки, описаной подъ № 173, заимствованъ, въ самомъ краткомъ извлеченіи, изъ списка суднаго дѣла (№ 4); конецъ же его, о ловлѣ Ерша и его погубленіи, составленъ изъ виршеваго списка (№ 3). Самый любопытный и замѣчательный изъ всѣхъ списковъ это послѣдній, 7-й, составленный въ видѣ сказки. Въ судной избѣ по Ершову дѣлу сидятъ судьи: Осетръ бояринъ и Сомъ воевода отъ моря Хвалынскаго, и выборные мужики: Судакъ и Щука съ Волги и Дона. При судѣ показаны должностныя лица: Карась-доводчикъ [1]), который читаетъ челобитье; Вьюнъ, который писалъ судное дѣло, разрѣшавшееся по грамотамъ суднымъ; Ракъ, который печаталъ грамоту своей клешней; понятой Язь, которому были сданы челобитчики; приставъ Окунь и понятые—Моли. Лещъ съ товарищами жалуется, что Ершъ насильно завладѣлъ Ростовскимъ озеромъ, попросившись только переночевать въ немъ. Челобитная такъ начинается: «Господа судьи! Богомъ вы сотворены. Вѣдая свое дѣло правое, били челомъ по правдѣ и въ томъ

---

1) По объясненію Татищева (Судебникъ Ц. Іоанна Васильевича. М. 1786, 8), это губной староста, разбиравшій дѣла, какъ областной судья; онъ состоялъ при воеводахъ въ качествѣ недѣльщика или пристава (Снегиревъ, Луб. карт. 1861, 64). Впрочемъ объясненіе это не подтверждается текстомъ сказки: губнымъ старостой Ростовскаго озера состоитъ здѣсь большая рыба Севрюга,—доводчикъ же рыба малая, всего Карась. Доводчикъ, судя по самому названію его, на судѣ доводилъ дѣло до рѣшенія. Такіе доводчики существуютъ до настоящаго времени въ Китаѣ: въ Кантонѣ мнѣ случилось присутствовать въ засѣданіи суда по одному важному дѣлу о грабежѣ; судья сидѣлъ почти все время молча и предлагалъ обвиняемымъ сторонамъ только первые вопросы, затѣмъ уже разъяснялъ дѣло дальнѣйшими распросами и чтеніемъ актовъ другой китаецъ—чина неважнаго (потому что онъ все время передъ судьею стоялъ), но въ которомъ заключалось вся суть дѣла: онъ представлялъ собою прокурора и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдователя, который всѣхъ распрашивалъ и говорилъ во все время безъ умолку, защитника же на судѣ не полагалось; въ промежуткахъ слѣдствія обвиняемые подвергались пыткамъ и батогамъ,—одинъ изъ нихъ былъ запытанъ почти на смерть, а въ заключеніе этого праваго и скораго суда всѣ привлеченныя къ дѣлу лица и даже свидѣтели были перепороты бамбукомъ.

ручаемся животомъ и жизнію: да какъ вы посудите, такъ тому и быть». Выслушавъ челобитную и поговоривъ промежъ собою, судьи посылаютъ приставомъ Окуня — поставить Ерша на судъ къ отвѣту. Когда приставъ, который обыкновенно вызывалъ отвѣтчика *приставною грамотой*, поставилъ Ерша на судъ, тогда доводчикъ Карась прочелъ жалобу челобитчиковъ. Ершъ, вызвавшись доказать ихъ неправость, просилъ на нихъ суда и расправы *въ дѣлѣ великомъ*, что они въ челобитной поносили его и безчестили, называли «воромъ, ябедникомъ, Ершишкою, волочайкою и укрывальцею»: за это требовалъ съ срамителей доправить большое безчестье съ проторы и убытки. На вопросъ судей Лещу съ товарищами: «если дѣло неправое по суду отвѣтчикову доказано будетъ, чѣмъ они ручаются за большое безчестье?» — «Животомъ и жизнію», отвѣчали они, утверждая, что «Ершъ затѣялъ дѣло неправое, взвелъ лихой извѣтъ, кабы судъ проволочить». Судьи, поговоря промежъ собою, приговорили: лихой извѣтъ оставить, а Ершу указали—безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ по челобитью истцовъ. Въ отвѣтѣ своемъ Ершъ доказывалъ, что Ростовское озеро изстари было его, что имъ владѣли отцы его и дѣды, что оно дано было въ отчину старому Ершу, его дѣду, и потому жъ «оно прочно за нимъ въ вѣкъ», что родъ его происходитъ отъ дѣтей боярскихъ, мелкихъ бояръ Переславскихъ, а «челобитчики де бывали у отца его въ холопѣхъ», и что онъ Ершъ, по батюшкиной душѣ, отпустивъ ихъ на волю, велѣлъ имъ жить за собою, поитися и кормитися самими собою; а какъ Ростовское озеро отъ великихъ засухъ повысохло и стала скудость великая и голодъ, то бывшіе холопи его сами сволоклися на Вырпу рѣку и по затокамъ разселились, умышляя лихое дѣло на господскую голову, послѣ стали отъ крестьянства отбиваться и воровствомъ въ Ростовскомъ озерѣ промышлять, между тѣмъ какъ онъ живетъ въ Ростовскомъ озерѣ отцовскимъ домишкомъ, какъ добрый человѣкъ, а не тать и разбойникъ, и живетъ своею силою и кормится своею отчиной». «Меня Ерша», примолвилъ онъ, «знаютъ на Москвѣ большіе князья и бояре, и околничіе и дво-

ряне, и дьяки и гостиныя сотни, и всѣхъ чиновъ люди въ иныхъ городахъ и во многихъ селахъ». — Затѣмъ судьи спросили Леща съ товарищи: на кого они шлются, что Ростовское озеро ихъ, а не Ершово? Тѣ сослались на свидѣтелей, добрыхъ людей, Новгородской области Ладожскаго озера: на Бѣлугу, на Бѣлую рыбицу съ Бѣлаозера. Въ лубочной картинкѣ Лещъ сослался на Сига и Ладогу; и тамъ, какъ и здѣсь, Ершъ отвелъ этихъ свидѣтелей потому, что онѣ рыбы великія и водятъ хлѣбъ-соль, кумовство и сватовство съ Лещемъ. Подъ такимъ же предлогомъ отвелъ Ершъ и Сельдь Переславскую, приведенную его соперниками въ свидѣтели, между прочимъ и за тѣмъ, что, по убожеству его, нечѣмъ платить за ѣзду поѣзжаное приставу съ понятыми. Лещъ-истецъ возразилъ, что извѣтнымъ словамъ Ерша нельзя вѣры имать безъ доводчиковъ и крѣпкой поруки. Судьи, поговоря межъ собою, приговорили: «послать, мимо истцевъ и отвѣтчиковъ, приставомъ Окуня, а понятымъ Линя». Въ притчѣ Сомъ отозвался неспособностью, а въ сказкѣ Линь хворостью, слабостью зрѣнія и памяти. Въ уваженіе сего, вмѣсто Линя, судьи выбрали Язя.

Въ судномъ дѣлѣ (№ 4) это обстоятельство расказано иначе: «приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня (т. е. налима) и Мень Окуню-приставу ссулитъ посулы великіе, и рече: господине Окуне! азъ негожуся въ понятыхъ быть, брюхо у меня велико—ходить не смогу, а се глазы малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говорить не умѣю. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Язя». Въ другихъ спискахъ (1 и 2) въ число понятыхъ берутся двѣ горсти Молей (снѣтковъ). Понятые съ приставомъ поставили Переславскую Сельдь къ отвѣту на судъ. Сельдь похвалила Леща и опорочила Ерша, что онъ Ершъ изстари не бывалъ въ дѣтяхъ боярскихъ, холопей за собою при дворѣ не имѣлъ, а живалъ въ бобыляхъ, что его Ерша знаютъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ и селѣхъ на кружалахъ не князья и бояре, не стольники, не дворяне, не дьяки и торговыя сотни, но ярыжки, бражники и зернщики. На вопросъ судей: чѣмъ Ершъ опорочиваетъ рѣчи сви-

дѣтельскія?—Ершъ отвѣчалъ, что Сельдь говоритъ съ похмѣлья, показавъ истцамъ и то, что она его никогда не видывала. Въ своихъ рѣчахъ Ершъ положилъ порукой Налима, какъ человѣка добраго; между тѣмъ доводчикъ Карась прочелъ судное дѣло, да потому жъ проговорилъ отвѣтчиковы и свидѣтельскія рѣчи и, взявъ у нихъ сказки въ томъ за ихъ руками, положилъ ихъ предъ судьями. Налимъ на судѣ отозвался невѣдѣніемъ. Тщетно Ершъ ссылался на старыхъ старожиловъ, на Плотвицу съ товарищи; но судьи приговорили Ершу за оболганіе Сельди и Налима очныхъ ставокъ болѣе не давать. По совѣщаніи, они истцевъ и челобитчиковъ выслали изъ суда вонъ, сдавъ ихъ на руки понятому Язю, а судное дѣло велѣли писать Вьюну, вершить по грамотамъ суднымъ, а грамоту печатать Раку своею клешней. Наконецъ они рѣшили: Леща съ товарищами оправить, а Ерша обвинить и выдать его Лещу головою. Для исполненія дана слѣдующая память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ Севрюгѣ съ товарищи: «Въ прошлыхъ де годѣхъ 7110, явясь на судъ, челобитчики Ростовскаго озера рыба Лещъ съ товарищи били намъ челомъ и подали свое челобитье за руками; а въ томъ ихъ челобитьѣ писана на Ерша Ершова, сына Щетинникова, жалоба великая: онъ де Ершъ изъ Волги рѣки Вырпою рѣкою пришелъ къ намъ въ Ростовское озеро зимою, не въ погожую пору, и выпросился обманомъ у насъ рыбы Леща съ товарищи одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ ночевать, а послѣ онъ де Ершъ просился у насъ рыбы Леща съ товарищи покормиться съ женишкою и дѣтишками, и онъ де Ершъ у насъ, рыбы Леща съ товарищи, поллѣта прожилъ и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху за Карпушкина сына выдалъ; да онъ де Ершъ, стакався съ своими племянники и дѣтишки, приговорили насъ рыбу Леща съ товарищи перебить, и животишки наши разграбить, и изъ отчины вонъ выгнать, и тѣмъ Ростовскимъ озеромъ завладѣть напрасно. А по сыску и допросу въ томъ судѣ оказалось, что де онъ Ершъ воръ и разбойникъ, живетъ де онъ Ершъ по озерамъ и болотамъ бобылемъ, и онъ де Ершъ говорилъ въ судѣ, будто

онъ изъ боярскихъ дѣтей, мелкихъ бояръ Переславскихъ, и что де та рыба Лещъ съ товарищи изстари были за отцемъ его крестьянами,—и то онъ Ершъ лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, и ты бы того Ерша съ товарищи взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, чтобы впредь имъ и всѣмъ братіямъ, на то смотря, такъ дѣлать было неповадно, и, учиня имъ наказаніе, доправилъ бы, безъ Московскія волокиты [2]), съ него Ерша всѣ проторы и убытки, выдалъ бы того Ерша ему Лещу головою, и велѣлъ бы его Ерша, водя по торгамъ, бить кнутомъ, а бивъ кнутомъ, повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ бы еси къ намъ записку безъ замедленія (мотчанья)».

Снегиревъ, въ своей книгѣ о Лубочныхъ картинкахъ (М. 1861 г., стр. 64), откуда заимствовано мною содержаніе сказки, замѣчаетъ, что «такое судное дѣло въ Ростовѣ, нѣкогда Великомъ, намѣкаетъ на какое-то значительное событіе въ Ростовскомъ мірѣ и на лица, тогда почему либо замѣчательныя: Лещъ—исконный владѣтель Ростовскаго озера, а Ершъ—пришлецъ, приплывшій изъ рѣки Вырпы, впадающей въ Оку (а не въ Волгу), въ Калужской губерніи. Въ эту же рѣку Вырпу Лещъ съ товарищи сволокся, когда Ростовское озеро повысохло отъ великихъ засухъ. Подобнаго событія не находимъ въ лѣтописцѣ. Содержаніе самой сказки, по видимому, беретъ начало въ политическихъ отношеніяхъ Ростова къ Москвѣ, которая нѣкогда скупала его по частямъ: Ростовскіе князья продали Великому Князю Московскому сперва одну, потомъ другую половину своей отчины и, оставаясь въ ней *окупными князьками*, пользовались только нѣкоторыми опредѣленными доходами».

Въ спискѣ съ суднаго дѣла (№ 4), по которому судъ производили также, какъ и въ народной картинкѣ: осетръ, бѣлуга и бѣлорыбица, послѣ словъ сельди, что лещъ «человѣкъ добрый,

---

[2]) Т. е. безъ вошедшей въ пословицу *московской* медленности въ производствѣ.

христіанинъ божій, живетъ своею а не чужою (силою), а Ершъ, господа, змѣй-человѣкъ, Щетинникъ»,—говоритъ Осетръ: «азъ, господа вы, не въ правдѣ и мне въ послушествѣ, а впрямь слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошать про него, злаго человѣка, никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда́ азъ былъ толще тебя и до́лѣ, бока мои терли у Волги-рѣки береги, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелесное [3]) слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, поидемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напередь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли ме́ньшей братъ ходитъ напредь бо́льшаго [4])? И я на его, господа, прелесное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что̀ боярскій дворъ — итти ворота широки, и вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ечею [5]), а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, а тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня му-

[3]) Въ рукописи вставлены здѣсь слова: «къ рѣкамъ жированье».
[4]) Въ рукописи слѣдуютъ за этимъ слова: «кои честь».
[5]) Ячеи или клѣтки, изъ которыхъ состоитъ неводъ.

жики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!» (Аѳанасьевъ, Сказки, I. 138). Въ сказкѣ № 2 судитъ Петръ-Сетръ (осетръ) праведный, а въ сказкѣ № 1 — рыба, мелкая и крупная, въ виду беззаконій Ершевыхъ, «собралась въ единъ кругъ и стала выбирать себѣ судью праведную, рыбу Сомъ большимъ усомъ». Судъ начинается безъ всякой жалобы, прямо съ допроса Ерша: «почему онъ Ростовскимъ озеромъ завладѣлъ». Ершъ отвѣчаетъ, что «я вашимъ озеромъ потому завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло». Въ этомъ онъ ссылался сперва на сорогу-рыбу (плотва), которая на пожарѣ была, глаза запалила, и понынче у нея красны, потомъ на рыбу окуня, который «на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны», на щуку рыбу — вдову честную, притомъ не мотыгу, которая на пожарѣ была, головешки носила и понынѣ черна, и наконецъ на налима, который отъ пожара де и понынѣ черенъ. Налимъ предъ Сома его величества стать побоялся, — у меня, говоритъ, «губы толсты, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу; нате братцы вамъ гривну на труды и волокиту». Всѣ прочіе свидѣтели обличили Ершовы лжи, что де Ростовское озеро никогда не горывало и что де, кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ. Затѣмъ, послѣ суда и приговора, Ерша повѣсили; но по Ершовымъ молитвамъ Богъ далъ дождь да слякоть, Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ и ушолъ. Точно также уходитъ онъ и по другимъ спискамъ; но въ концѣ концовъ, какъ и на картинкѣ, Ершъ пойманъ, сваренъ и съѣденъ.

Привожу здѣсь эти концы, такъ какъ они имѣютъ прямое отношеніе къ тексту нашей картинки. По 1-му списку: «въ Камѣ рѣкѣ идутъ щука да осетръ; куда васъ чортъ понесъ? — говоритъ Ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко кропочишко, ершишко пагуб-

нишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку: наварю, говоритъ, ухи, да и скушаю. Тутъ и смерть ершова!»

Во второмъ спискѣ окончаніе совершенно другое. На судѣ ершъ говоритъ осетру: «ну, послушай же и мою челобитную — они сами обидчики, межи-борозды вытерлись [6]), а берега водою подмыло, а я ѣхалъ тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко [7]) гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-Осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ, да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всё выскочитъ. Петръ-Осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На починѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазёнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-Осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»—«Вижу, ершъ, что ты правъ; ступай въ озеро, да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ, да ворона тебя изъ грязи вытащитъ». Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «доброже, рыба севрюга, калуга! достанется и всѣмъ язямъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу!» Шелъ Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шелъ Сергѣй, нёсъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ [8]); пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить, да ерша упустилъ. С. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа» (Аѳанасьевъ, Сказки, I. 128).

Въ сказкѣ въ виршахъ конецъ тотъ же, что и въ нашей картинкѣ, съ нѣкоторыми прибавками и измѣненіями: «Ершъ семгѣ

---

[6]) Сгладились, уничтожились.

[7]) Очень много.

[8]) Заколъ рыбный.

подивовалъ и самъ на утренней зарѣ вздремалъ, мужику въ морду [9]) попалъ. Пришелъ Никонъ, заколилъ приколъ [10]); пришелъ Перша, поставилъ вершу; пришелъ Богданъ, и ерша Богъ далъ; пришелъ Вавила, поднялъ ерша на вила; пришелъ Пименъ, ерша запинилъ [11]); пришелъ Обросимъ, ерша оземь бросилъ; пришелъ Антонъ, завертѣлъ ерша въ балахонъ; пришелъ Амосъ, ерша въ клѣть понесъ; идетъ Спира, около ерша стыритъ [12]); Амосъ Спиру да по рылу: «ахъ ты, Спира! надъ эдакой рыбой стыришь, у тебя эдака рыба вѣкъ въ дому не бывала!» Пришелъ Вася, ерша съ клѣти слясилъ [13]); пришелъ Петруша, ерша разрушилъ [14]); пришелъ Савва, вынялъ съ ерша полтора пуда сала; пришелъ Іюда, расклалъ ерша на четыре блюда; пришла Марина, ерша помыла; пришла Акулина, ерша подварила; пришелъ Антипа, ерша стипалъ [15]); пришелъ Алупа, ерша слупалъ; пришелъ Елизаръ, блюда облизалъ; пришелъ Власъ, попучилъ глазъ; пришла Ненила, и блюда обмыла!» (Аѳанасьевъ, Сказки, I. 134).

174. **Просьба Кашинскому Архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря.** Пародія эта составлена въ концѣ XVII вѣка и напечатана по рукописи, принадлежавшей В. М. Ундольскому (Моск. Муз. № 1073), въ Русскомъ Архивѣ Бартенева (1873 г., стр. 1776).

Лица, упоминаемыя въ челобитной, не вымышленныя: архіепископъ Симеонъ, на имя котораго она адресована, дѣйствительно былъ Тверскимъ архіепископомъ съ 1676 по 1682 г.; около этого же времени управлялъ Калязинскимъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ. Текстъ просьбы, напечатанной подъ № 174-мъ, сходенъ съ текстомъ рукописной челобитной; но рукописная челобитная написана не по пунктамъ и изложена нѣ-

---

9) Т. е. въ вершу.
10) Т. е. сдѣлалъ droколъ.
11) Т. е. запихалъ (пихать, пнуть).
12) Стырить—дразнить.
13) Т. е. стащилъ (лясить—льстить).
14) Т. е. разрѣзалъ.
15) Т. е. укралъ.

сколько иначе, въ концѣ же ея сдѣлана слѣдующая прибавка, которой въ № 174 нѣтъ: «А въ Калязинѣ обитель не малая, казна большая, послѣ мору старыхъ лѣтъ въ запасѣ осталось, въ хлѣбнѣ по подловичью стулья да чепи валяются, въ мукосѣйнѣ по спицамъ шелепы да плети висятъ, въ караульнѣ по подлавичью снопы батоговъ лежатъ, и у насъ богомольцевъ твоихъ отъ того страху очи не видятъ, а у малодушныхъ за плечами кожа вертится, отъ того и ночью не спится. И о семъ дивимся, что онъ архимандритъ въ Колязинѣ живетъ, а по нашему пить не научится и нашу братью смирять гораздъ. Не лутче-ли ему прочь отъ насъ? А на его мѣсто охочихъ будетъ много изъ нашей братьи великаго смысла; а на пустое жить не станемъ, а въ анбарахъ простору прибавимъ: рожь да ячмень въ солодъ изростимъ, да пиво наваримъ, овсяныя бражки поставимъ, а на деньги вина прикупимъ, начнемъ крестьянами наряжать, прикажимъ колокола отвязать, велимъ въ Кашинъ сослать и на вино промѣнять: и такъ намъ много они зла учинили, всѣхъ насъ оглушили и нищими въ вѣкъ насъ нарядили.

А какъ мы того лихаго архимандрита избудемъ, а добраго добудемъ, который бы съ нами гораздъ лежа вино да пиво пить, а въ церковь не ходить, а насъ бы не томить, и мы начнемъ прибыль чинить, вино въ чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное станемъ на дрожди наливать, а въ доски и въ колотовки не станемъ бить, а на погребъ готовы и безъ звону ходить, ладону да свѣчь не станемъ жечь, пиво да вино съ лучиною станемъ пить, а ризы да книги въ сушило вынесемъ, церковь замкнемъ, а печать и въ лубокъ загнемъ, пономарей вышлемъ въ слободу жить, прикажимъ имъ почаще въ монастырь ходить, изъ недѣли въ недѣлю въ годъ по одиножды.

Милостивый государь, преосвященный Семеонъ, архіепископъ Тверскій и Кашинскій, пожалуй насъ богомольцевъ своихъ, вели государь его архимандрита счесть, колокола да чепи вѣсомъ, а уголья мѣрою, доски и колотовки числомъ, а въ утерной убыточной казнѣ отчетъ бы намъ далъ: крылосскіе люди живутъ не богато, нажитку не имѣютъ, только у насъ плошки да лошки. А

будетъ ему архимандриту и перемѣны не будетъ, и мы богомольцы твои ударимъ объ уголъ плошки да лошки, а въ руки возьмемъ по сошкѣ, да ступимъ по дорожкѣ въ иной монастырь, а гдѣ пиво да вино найдемъ, тутъ и поживемъ; а когда тутъ допьемъ, въ иной монастырь пойдемъ. А съ похмѣлья да съ тоски, да съ третьей бродни, да съ великія кручины назадъ въ Колязинъ пойдемъ и въ житницахъ и въ анбарахъ все пересмотримъ. Господинъ, смилуйся! А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мазаевъ, да Антонъ Дроздовъ, Кирилла Мельникъ, да Романъ Бредникъ, да Ѳома Веретенникъ.

Зри очима, слушай ушима, внимай сердцемъ, пиши рукою, сиди крѣпко; у Бога милости проси, да и молися, не плоши». Точно такой-же списокъ этой челобитной (скорописью конца XVII вѣка), съ небольшими сокращеніями и измѣненіями, находится въ собраніи рукописей И. Е. Забѣлина.

Калязинской монастырь основанъ въ половинѣ XV вѣка; въ 1609—1610 г. онъ былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Михаила Скопина Шуйскаго, а въ 1654 году, во время моровой язвы, въ немъ проживала царская семья. Монастырь этотъ не пользовался въ народѣ доброй славой, и въ этомъ отношеніи даже упоминается въ народныхъ пѣсняхъ. Не отставали отъ него и другіе монастыри и пьянство въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходило до того, что передъ всенощною въ алтарь приносились ведра съ пивомъ и съ медомъ и монахи поочереди ходили въ алтарь подкрѣпляться; отсюда сложилась и поговорка: «правый клиръ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ [1])». Богатство и жадность монастырскія тоже послужили темою для многихъ пословицъ (Опытъ изслѣдов. объ имуществахъ монастырскихъ,

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ монаховъ и соборныхъ старцевъ клирикъ Григорій, современникъ Кашинскихъ монаховъ, подававшихъ челобитную:

«Самолюбіемъ одержими. И сребролюбіемъ объяшася. И братоненавидѣніемъ соплетошася. И скупостію связашеся .... Сами убо безвременно всегда ядяху различныя брашна. Насъ же (клириковъ) худыми брашны не хотяху питати. Виноже и всякое питіе всегда піяху» ... и т. д. (Безсоновъ, Калики, II. XIV).

СПБ. 1876). Чернецы жили вмѣстѣ съ черницами, въ общихъ обителяхъ, и только при Иванѣ Грозномъ было строго запрещено такое наивное сожительство (Соборн. грам.: Акты Археогр. Экспед., I. 486). По словамъ Флетчера (1588 г.), монахи были въ его время самыми оборотливыми купцами въ государствѣ и торговали всякаго рода товарами; при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ монастыри даже брали на откупъ таможенныя и ярморочныя пошлины. Не смотря на прямыя обличенія ихъ въ безпутной жизни (Посланіе Грознаго къ Кирилловъ монастырь: Акты Историч., I. 204), не смотря на возгласы Валаамскихъ преподобныхъ Сергія и Германа о томъ, что «подобаетъ инокамъ питатися отъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и крестьянскими слезами», и что пожалованіе монастырей вотчинами служитъ инокамъ «въ душевредство и вѣчную погибель» (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1859. № 3),—монахи продолжали вести тунеядственную жизнь и, пользуясь ханжествомъ и суевѣріемъ, прибирать къ рукамъ своимъ лѣса, земли и цѣлыя крестьянскія волости. Петръ I, необращая вниманія на старинные уставы, которые грозили отлученіемъ отъ церкви и вѣчною погибелью тѣмъ, кто вздумалъ-бы отнять у церкви «села и озера» или другую какую собственность,—составилъ цѣлый планъ окончательнаго уничтоженія монастырей и обращенія ихъ доходовъ на дѣла, въ самомъ дѣлѣ богоугодныя. Указъ объ этомъ (31 января 1724 г.) былъ уже составленъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, но остался безъ исполненія за смертію Петра. Въ этомъ указѣ, описавъ при какихъ условіяхъ монашество основалось и расплодилось, авторъ продолжаетъ: «что же потомъ произошло, когда къ Греческимъ Императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ, и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городахъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежныя помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко и трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему Императоры паче своей должности, въ чемъ было имъ трудитися надлежало, сею мнимою святынею или

обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, какъ Исторіи Цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царяграда, которой не болѣе 30 верстъ протягается, 300 монастырей; что же по другимъ мѣстамъ оныхъ было, всѣ съ великими доходы; и тако какъ отъ прочаго неусмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли, что когда Турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человѣкъ воиновъ сыскати могли.

Сіе и у насъ зѣло было распространяться начало, подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у Римлянъ, какъ выше писано, но еще Господь богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ Греческихъ въ неразсмотрѣніи сего излишества, которыя во умѣренности оныхъ держали, ибо когда стали было вотчины продавать и отдавать разными образы въ монастыри, тогда оное престережено ради вышеписанныхъ причинъ и во время дѣланія уложенія въ 7157 году оное запрещено, какъ въ явствуетъ въ томъ Уложеньѣ въ 17 главѣ, а именно въ 42 пунктѣ, понеже нынѣшнее житіе монахомъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность; то сколько забобоновъ, расколовъ, но и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть; такожъ у насъ почитай всѣ изъ поселянъ, то что оные оставили, явно есть не точію не отреклись, но приреклись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ: то есть дому своему, Государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилежатъ же ли разумѣнію Божественнаго писанія и ученія? — всячески нѣтъ. А что говорятъ, молятся, то всѣ молятся, и сію отговорку отвергаетъ Василій Святый, какъ выше показано. Что же прибыль обществу отъ сего? во истинну токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ

есть. Находится же оной способъ житія празднымъ симъ не праздной, но богоугодной и не зазорной, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцемъ». Вслѣдствіе чего указомъ этимъ опредѣляется, чтобы монастыри были не иначе, какъ въ пустыняхъ, чтобы монахи жили уединенно, не домогаясь «прочихъ трудами туне насыщатися»; «поселить въ монастыри отставныхъ солдатъ, инвалидовъ и нищихъ, монаховъ же опредѣлить къ нимъ для служенія, одного на двухъ или трехъ, залишнихъ же монаховъ посадить на землю. Крылошанъ не имѣть, старцевъ по селамъ не держать; а для надзиранія посылать за служками старыхъ и не часто. Исходъ изъ монастыря крѣпче положить: свободный выѣздъ намѣстнику, келарю, казначею для нуждъ монастырскихъ; а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, неболѣе четырехъ человѣкъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь, ибо когда оставили міръ, уже возвращаться въ оный не подлежитъ».

Наша картинка была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила свой планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и безъ сомнѣнія — съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ. Картинку, судя по работѣ, дѣлалъ тотъ-же мастеръ, который гравировалъ и картинку Жуковыхъ (№ 332), которая тоже была издана по волѣ Императрицы.

Но всѣ единичныя мѣры противъ монаховъ не помѣшали имъ изобрѣсти новые способы для увеличенія своихъ доходовъ и снова забрать въ свои руки огромную земельную собственность и денежные капиталы. Въ настоящую минуту, по словамъ составителя изслѣдованія о монастырскихъ доходахъ (СПБ. 1876), монастыри уже успѣли скопить себѣ болѣе 675,000 десятинъ лѣса и разныхъ угодьевъ; они получаютъ въ пособіе отъ государственнаго казначейства болѣе 400,000 руб.; всѣ-же различные доходы ихъ простираются до 9 милліоновъ, включая въ это число деньги за молебны,

за просфоры (въ Троицкой лаврѣ болѣе 28,000 руб.), за свѣчи (тамъ-же до 40,000 р., въ Кіевской еще болѣе), отъ явленныхъ и чудотворныхъ иконъ (въ Иверской часовнѣ до 70,000 р.), за могилы (въ Александро-Невской лаврѣ до 50,000 р.), съ лавокъ, погребовъ, трактировъ, кабаковъ въ монастырскихъ домахъ (въ Москвѣ болѣе 50 домовъ) и неприкосновенныхъ капиталовъ (болѣе 23 мил. руб.) [2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи единовременныя пожертвованія на монастыри отличались особенно крупными цифрами: лѣсные участки Троицкая лавра получала цѣлыми тысячами десятинъ; Ивановскому монастырю въ Москвѣ купчиха Мазурина пожертвовала единовременно 300,000 р., да ежегодно по 18,000; Іерусалимскому монастырю въ Таганрогѣ г. Варвацій подарилъ 660,000 р.; Никола Угрѣшскій въ 1850—59 гг. получилъ до 600,000 р.; Юрьевскій Новгородскій отъ одной графини Орловой пріобрѣлъ 900,000 р. Прибавимъ къ этому, что большинство монастырей живутъ въ самой безпредѣльной праздности, не исключая въ этомъ отношеніи и пресловутаго Соловецкаго монастыря, такъ увлекательно описаннаго г. Немировичемъ-Данченко. Эта, такъ сказать, монашеская республика существуетъ положительно на счетъ самаго бѣднаго народнаго класса,—нужняка-помора. Монастырю необходимо выбрать съ этихъ нищихъ богомольцевъ, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, 80,000 руб., для своего обихода, иначе монастырской братіи предстоитъ голодъ. Все въ монастырѣ покупное, даже лѣсъ на постройки; только рыба, и то одна мелкая, ловится въ озерахъ, за крупной же: треской, семгой,—монастырь тоже посылаетъ на Мурмань; причемъ самъ монастырь ничего не производитъ и не продаетъ и, не смотря на громадное число братіи и такъ называемыхъ годовиковъ (которыхъ бываетъ до 400 человѣкъ), остающихся (безвозмездно) послужить угодникамъ Зосимѣ и Савватію на полъ года, на годъ и даже болѣе,—нанимаетъ на всякія свои нужды постоянныхъ работниковъ.

---

[2]) Г. Покровскій (Православное Обозрѣніе 1876 г. Ноябрь) называетъ цифры эти преувеличенными.

Въ нашей челобитной упоминается о желѣзныхъ доскахъ, въ которыя били желѣзными колотушками, точно такъ, какъ и въ *клепала*, т. е. склепанные изъ кровельнаго желѣза колокола, которые употреблялись встарину за недостаткомъ мѣдныхъ колоколовъ. Кромѣ клепалъ, для этой-же цѣли устраивались на вислѣцахъ била [3]). Эти три инструмента сохранились въ первобытной ихъ формѣ въ монастыряхъ на Аѳонѣ и въ русскихъ раскольническихъ скитахъ, въ которыхъ колокольный звонъ запрещенъ. Эти била сдѣланы изъ сухой ясеневой доски вершка въ полтора толщины, съ двумя или тремя отверстіями по краямъ; такихъ билъ при часовнѣ бываетъ по два и по три: одно изъ нихъ носитъ названіе *малаго древа*, оно аршина въ полтора длины и вершка два ширины; другое—*большое древо*, аршина въ три длины и въ полъ аршина ширины; висятъ они на веревкахъ, иногда скрученныхъ изъ толстыхъ струнъ. Бьютъ въ била желѣзнымъ молоткомъ или большимъ гвоздемъ (троетеснымъ). Сначала въ било ударяютъ медленно, потомъ скоро и громко, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ и разными переливами, что зависитъ отъ болѣе или менѣе сильныхъ ударовъ молотка. *Деревянный звонъ*, какъ называютъ его въ скитахъ, гармониченъ, особенно издали и если производитъ его опытная рука. Въ скитахъ дорожили искусными *звонарихами*, умѣвшими владѣть такими незатѣйливыми инструментами (Мельниковъ, Въ лѣсахъ, II. 261). Жидовская игра на палочкахъ представляетъ обращикъ такой усовершенствованной деревянной музыки въ миніатюрѣ.

175. А. **Вятская баталія.** Прибавить: у меня есть другое изданіе этой картинки, полуторалистовое, — копія съ предыдущаго; над-

[3]) Происхожденіе била весьма древнее: о немъ упоминается въ еврейскихъ апокрифахъ, гдѣ говорится, что при построеніи ковчега Богъ приказалъ Ною сдѣлать било изъ индійскаго дерева, въ три локтя длинны и полтора ширины, и молотокъ изъ того-же дерева и ежедневно ударять въ било утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы собирать работниковъ на работу и распускать ихъ (Порфирьевъ, 108). По нашимъ апокрифамъ, Богъ приказалъ Ною ударять въ бильце для того, чтобы созвать въ ковчегъ животныхъ (Кушелевъ, Памятн., III. 17 и 18).

пись въ немъ и самый текстъ—тѣ же, но съ небольшими измѣненіями и смягченіями (наприм., текстъ № 6: «хотябъ былъ у сеи гадины червякъ вхвосте и я бы у него разъковырялъ этими рогами дукостей»; № 20: «лутче тутъ сідеть а нежели набаталы умирать»).

Посадъ Варта, о которомъ упоминается въ текстѣ картинки, находится въ Турекскомъ уѣздѣ Калишской губерніи; что же касается до словъ: «вятское гражданство противу серпа воевало», то объясненіе этого выраженія находимъ въ сказкѣ «о старушкѣ и ея сынѣ» (М. 1794). Одинъ парень ушелъ отъ своей матери, необыкновенной дуры, погулять по бѣлу свѣту. Послѣ разныхъ похожденій у разныхъ дураковъ, которые оказались еще глупѣе его матери, онъ набрелъ на ржаное поле, гдѣ бабы жали рожь не серпами, а перегрызая солому зубами. Парень заказалъ кузнецу серпъ, и въ то время, когда народъ весь былъ на отдыхѣ, нажалъ нѣсколько сноповъ, заткнулъ въ одинъ изъ нихъ серпъ и влѣзъ на дерево посмотрѣть, что изъ этого будетъ. «Вскорѣ посемъ собрался народъ на полѣ и, увидя снопы связанные, закричали: ахъ! сколько червякъ попортилъ хлѣба у насъ. Одинъ изъ нихъ казался похитрѣе и, увидя серпъ, заткнутый въ снопъ, сказалъ: братцы! вотъ еще и червякъ то здѣсь. Всякой сътремглавъ побѣжалъ въ свой домъ, кто за шестами, кто за баграми, кто за веревками, и, пришедъ опять въ поле, не осмѣливались приближиться къ снопу, опасаяся, чтобы червякъ не переѣлъ ихъ самихъ. Разумные крестьяне начали сперва серпъ потрогивать шестами и баграми, чтобы его отдернуть отъ снопа; на послѣдокъ затянули мертвую петлю и удалось имъ оною зацѣпить за серпъ; потомъ нѣсколько человѣкъ, ухватясь за веревку, тащили червяка сего къ рѣкѣ топить. Серпъ-же, будучи самъ по себѣ легокъ, отъ скораго тащенія крестьянъ то вскакивалъ, то зацѣплялся за кочки; они удивлялись сему и переговаривали между собою, что червякъ мечется на нихъ. Наконецъ къ несчастію ихъ какъ-то серпъ вскочилъ на шею одному мужику и зацѣпился. Крестьяне, желая пособить сему горю, чтобы червякъ не заѣлъ мужика, сильно веревкою тянули серпъ, которымъ перерѣзали шею бѣдному крестья-

нину». Наконецъ крестьяне дотащили серпъ до рѣки, выбрали жеребьемъ кому топить его посередь рѣки, привязали жеребьеваго къ бревну за ноги и спустили его на воду. Кончилось тѣмъ, что серпъ былъ потопленъ, но съ нимъ вмѣстѣ пошелъ ключемъ ко дну и топившій его жеребьевый. Въ сказкѣ однакоже не сказано, чтобы дѣло это происходило въ Вяткѣ (стр. 25). На этотъ же сюжетъ есть сказка у Аѳанасьева (III. 384). Вятичи и на самомъ дѣлѣ были прозваны слѣпородами, за то, что въ 1480 году они, ночью, предводительствуемые Розсохинымъ, напали на Устюжанъ, пришедшихъ къ нимъ съ Анѳаломъ на помощь противъ татаръ, и только съ разсвѣтомъ они увидѣли, что били своихъ сосѣдей и союзниковъ (Сахаровъ, Сказан. Русск. Народа. СПБ. 1841 г., I. 109.—Снегиревъ, Луб. карт., стр. 132).

176. **Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ.** Есть еще два изданія этой картинки: *г*, 1820—30 годовъ, въ которомъ первая строка текста заканчивается словами: «мясникомъ ког», и *д*, второй половины прошедшаго вѣка,—копія точь въ точь съ изданія *г* (въ обратную сторону противъ изданія *а*); въ немъ строеніе, у котораго стоитъ на караулѣ жена дворянина, тушевано въ двѣ и три черты, въ изданіи же *г*—оно тушевано въ одну черту. Первоначальные мотивы этой картинки можно подыскать во многихъ западныхъ произведеніяхъ: въ средневѣковыхъ миніатюрахъ есть изображенія мущины, посаженнаго за прялку; у Ганса Сакса зайцы жарятъ охотника на вертелѣ (Scheible, Das Schaltjahr, I. 409); въ нашемъ Эрмитажѣ есть картина знаменитаго Поттера, на которой представленъ судъ звѣрей надъ охотникомъ. Но полнѣе всего мотивы *свѣта наизворотъ* представлены на заглавномъ листѣ англійскаго лубочнаго изданія: «Mad fashions, odd fashions, All out Fashions, or, The Emblems of these Distracted times, By John Taylor. London, Printed by John Hammond, for Thomas Banks, 1642 (Old book Collectors, ed. by Ch. Hindley. London 1873, vol. III); на этой картинкѣ, гравированной на деревѣ и ближе всего подходящей къ нашему № 176, представлены: человѣкъ,

у котораго на рукахъ, вмѣсто перчатокъ, надѣты сапоги со шпорами, а на ногахъ перчатки; церковь внизъ крышей, свѣча внизъ огнемъ; лошадь, на заднихъ ногахъ и съ кнутомъ въ передней ногѣ,—она замахивается на вывалившагося изъ телѣжки сѣдока; собака, бѣгущая отъ зайца, кошка отъ мыши; рыба, плавающая въ воздухѣ; текстъ въ виршахъ, — въ немъ объясняется, что въ Британскомъ королевствѣ идетъ теперь все навыворотъ, точно такъ, какъ это представлено на картинкѣ.

Наша картинка подвергалась неоднократнымъ запрещеніямъ: начальство смущалось то быкомъ, который будто бы представлялъ крѣпостнаго крестьянина, то попугаемъ, который мужика въ клѣтку посадилъ для того, чтобъ онъ говорилъ; говорили, что это сатира на сельскихъ засѣдателей, а въ послѣднее время,— что это можетъ быть сочтено за намекъ (заднимъ числомъ) на новое земство и т. д.

177—179. **Медвѣдь съ козою.** О держаніи медвѣдей для потѣхи упоминается еще въ Домостроѣ; нѣтъ сомнѣнія, что забава эта ведетъ начало свое со временъ незапамятныхъ. Бои людей съ медвѣдями велись еще во времена Ивана Грознаго: Малюта Скуратовъ держалъ медвѣдей, которыхъ травилъ для потѣхи; а у Ромодановскаго были и такіе ученые медвѣди, которые, по знаку хозяина, бросались на провинившагося гостя (Русская Старина, VIII. 850). Петръ I не разъ употреблялъ медвѣдей въ своихъ потѣшныхъ процессіяхъ, а въ пыткахъ у него существовалъ медвѣдевъ ящикъ съ инструментами, въ числѣ которыхъ находилась и «медвѣдева лапа» (едва ли не имъ и изобрѣтенная). Самъ онъ охоты на звѣрей не любилъ, но иногда занимался травлею свиней для потѣхи; такимъ образомъ въ 1722 году было заплочено посадской вдовѣ Иринѣ Семиреткиной за свинью, которую загрызла собака Левикъ, полтина (Есиповъ, II. 105); а въ Нижнемъ дано человѣку Строганова, Борису Максимовичу Гремзанову, за двѣ свиньи, которыхъ травили собаками, два рубля (Есиповъ, 106). С.-Петербургскій преосвященный Ѳеодосій (1745—1750) былъ

страстный любитель медвѣдей; келейникъ его Карповъ обучалъ молодыхъ медвѣжатъ ходить на заднихъ лапахъ и плясать, въ платьѣ и безъ платья, и дѣлать *разныя фигуры*. Императрица Елизавета Петровна любила держать медвѣжатъ въ дворцовой передней; по ея приказу ихъ отправляли въ Невскую лавру къ келейнику Карпову для обученія. Такимъ образомъ въ 1754 году было послано Карпову два медвѣженка; одного изъ нихъ онъ обучилъ ходить на заднихъ лапахъ, *даже въ платьѣ*, «а другой медвѣденокъ», доносилъ онъ въ рапортѣ дворцовому кабинету, «къ наукѣ непонятенъ и весьма сердитъ» (Древн. и Нов. Россія 1876. Декабрь, 419). Обыкновеніе ходить съ медвѣдями по городамъ и деревнямъ ведется тоже съ глубокой древности, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ (до тѣхъ поръ, пока тамъ были медвѣди). Въ грамотѣ 1649 г. говорится о томъ, что въ Бѣлгородѣ и другихъ городахъ, въ числѣ разныхъ бѣсовскихъ игрищъ, «учиняютъ гаданіе и пляски съ медвѣдями и собаками»; при чемъ медвѣжьи и собачьи пляски запрещены были тогда же (см. примѣч. къ № 92). Несмотря на это запрещеніе, медвѣди продолжали танцовать на Руси, и Олеарій, въ своемъ путешествіи по Россіи и Персіи, разсказываетъ, что вожаки съ танцующими медвѣдями въ его время ходили по всѣмъ деревнямъ и что при нихъ всегда находилась и кукольная комедія. У Олеарія помѣщена по этому поводу чрезвычайно любопытная картинка, на которой представлены такая *бродячая* кукольная комедія и танцующій медвѣдь (Vermehrte moscowitische und persianische Reisebeschreibung. Schlesswig 1656, стр. 103). Болѣе подробное описаніе этихъ потѣхъ см. въ заключеніи.

178. Прибавить: Въ послѣднее время мною купленъ экземпляръ древнѣйшаго изданія перевода *а*, съ котораго скопирована доска изданія *а*, работы мастера Чуваева. Вторая строка надписи заканчивается въ немъ словами: «медведь шляпу».

180. **Медвѣдь и баба.** У меня есть еще изданіе (*в*) этой картинки, работы мастера Чуваева (безъ его имени), скопированное

съ изданія *а*; текстъ начинается такъ: «и пошла баба влесъ за грибами на встречю» . . . (въ изд. *а*: «за грыбами» и «на встречу»).

181. Есть у меня еще изд. *г*, прошедшаго столѣтія, гдѣ 1-я строка заканчивается словами: «у троїцы в».

183. **Похожденіе о носѣ и о сильномъ морозѣ.** У меня есть еще два изданія этой картинки: *ж*, конца прошедшаго вѣка; первая строка въ немъ заканчивается словами «на кабакъ вышедъ»; и — *з*, отпечатанное доской изданія *г*, но подправленной рѣзцомъ.

Кромѣ этой картинки, про Морозку сложено нѣсколько сказокъ; одна изъ нихъ помѣщена въ сборникѣ Аѳанасьева (I. 52). Жестокость и продолжительность нашихъ морозовъ хорошо извѣстны и сельскому и городскому жителю; но самый большой вредъ наносятъ хлѣбу и хозяйству ранніе осенніе и поздніе весенніе морозы. «Бѣдствіе ими причиняемое, иногда, особенно на сѣверѣ Россіи, такъ велико, что память о нихъ сохранилась даже въ лѣтописяхъ. Въ 1127—1128 годахъ, въ сѣверныхъ областяхъ, особенно въ Новгородской, отъ жестокаго холода вымерзли озими; снѣгъ лежалъ до 30-го апрѣля. Голодъ. — 1161. Въ сѣверныхъ областяхъ все лѣто продолжались жары и засухи; а къ осени морозъ побилъ всѣ яровыя поля. Дороговизна хлѣба и голодъ.— 1215. Въ Новгородѣ осенній морозъ побилъ рожь. Голодъ и моръ.—1230. Сентября 14-го жестокій морозъ побилъ всѣ озими; ужасный голодъ во всей Россіи, кромѣ Кіева.—1318. Морозъ побилъ рожь въ сѣверной Россіи. Голодъ въ Твери и Псковѣ. 1419. Глубокій снѣгъ выпалъ 15-го сентября, когда еще не былъ убранъ хлѣбъ съ поля; снѣгъ шелъ три дня и три ночи. 1435. Въ концѣ іюля морозъ побилъ хлѣбъ во Псковѣ.—1466. Въ Новгородской и Устюжской провинціяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отъ великихъ морозовъ, случившихся около 29-го іюня, всѣ полевыя растенія позябли.—1601. Іюля 28-го морозъ побилъ хлѣбъ; цѣна на него дошла до 15 руб. сер. за четверть.

1682. Въ Новгородской и Устюжской провинціяхъ столь же гибельный морозъ случился 22-го іюля, причемъ снѣга выпало на 7 вершковъ.—1735. Іюня 5-го въ Соликамскѣ былъ такой морозъ со снѣгомъ, что крестьянки, шедшія изъ деревень въ городъ, померзли» (К. Веселовскій, О климатѣ Россіи, 124). На моемъ вѣку четыре раза замерзали въ Московскомъ округѣ всѣ яблони, въ томъ числѣ два раза до корня замерзали воздушныя вишни и сливы. Морозы бывали въ маѣ и даже іюнѣ (въ 1879 г. 4-го числа), и побивали не только дубы, ясени и клены (до корня), но даже и неприхотливую сѣверную липу и березу (листья). Что давно не было такихъ временъ, свидѣтельствовали яблони въ Коломенскомъ, которыя при прежнихъ климатическихъ условіяхъ доросли до столѣтняго возрата. Поэтому крестьянинъ старается такого незваннаго гостя, какъ морозъ, всячески задобрить; Аѳанасьевъ разсказываетъ, что во многихъ мѣстностяхъ, наканунѣ Рождества и на «Великъ день», въ каждой крестьянской семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя и, высунувъ на вѣтеръ, говоритъ: «Морозъ, морозъ, приходи киселя ѣсть. Морозъ, морозъ, не бей нашъ овесъ» (Поэтич. воззр. Слав., I. 319). Подробнѣе объ этомъ предметѣ говорится у насъ въ заключеніи, по поводу 1812 года.

184. Прибавить: есть точная копія съ этой картинки, отпечатанная на бумагѣ съ знакомъ 1810 года; на ней Данилкинъ рукавъ (его лѣвой руки) заштрихованъ въ одну черту, тогда какъ въ оригиналѣ онъ заштрихованъ въ двѣ черты; копистъ помѣстилъ внизу и подпись Чуваева, находящуюся на оригиналѣ: «Петръ Н.», но подпись эта затерта и едва видна. — Въ моемъ собраніи.

185. **Захаръ, Пантюха и Филатъ.** Копія точь въ точь съ Чуваевской картинки, но безъ его монограммы; рамка кругомъ состоитъ изъ четыреугольниковъ съ прямолинейными сторонами, въ Чуваевской же картинкѣ стороны четыреугольниковъ состоятъ изъ зигзаговъ. — Въ моемъ собраніи.

187. **Тарасъ плѣшивый.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*е*), гдѣ 1-я строка текста заканчивается словами: «и по».

Текстъ картинки заимствованъ изъ фацеціи (жарта) Поджіо: «juvencularum a calvo quodam faceta dilusio». Пыпинъ, въ изслѣдованіи своемъ, приводитъ повѣсть «о младыхъ и о старомъ», такогоже содержанія (изъ сборника Забѣлина XVIII в., въ которомъ она помѣщена въ числѣ «жартовъ о женахъ и ихъ хитростяхъ»; Пыпинъ, 269). Въ другомъ сборникѣ Забѣлина разсказъ этотъ изложенъ въ слѣдующей редакціи: «Издевка младыхъ надъ старикомъ. Некия младыя жены сретоша стара плешива рекоша ему хощеши ли имети власы на плеши мы тебе скажемъ лекарство на се Он же рече скажите И жены отвещаша помочаи главу уриною женскою И тако вскоре увидиши власы на плеши Старикъ отда жартъ показа стыдливы удъ глаголя молодушны уже сорокъ летъ женскою уриною полощу а власовъ не нарощу».

Въ сборникѣ повѣстей (скоропись XVII в.), принадлежащемъ Обществу любит. древней письменности, этотъ жартъ изложенъ съ нѣкоторыми измѣненіями: «Издѣвка младыхъ надъ старикомъ. Нѣкия младыя жены срѣтоша стара и плешива рѣкоша ему: хочешили имѣти власы на плеши мы тебѣ скажемъ лекарство на не. онъ же рече скажите и жены отвѣщаша: помочай главу уриною жены и тако вскорѣ увидиши власы на плеши. Старикъ отда жартъ показа имъ на тайный удъ глаголя: молодушки, 40 лѣтъ женииною уриною полощу а власовъ никакъ не нарощу» (Ѳ. Булгаковъ, Памят. древ. писм. СПБ. 1878, стр. 133).

Имя Тараса плѣшиваго давно извѣстно въ исторіи русскаго шутовства: англичанинъ Самуилъ Коллинсъ, бывшій восемь лѣтъ врачемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1658—1666), разсказываетъ, что Иванъ Грозный послалъ какого-то воеводу въ Казань за Тарасомъ плѣшивымъ; воевода же, не разслышавши приказанія, велѣлъ привести *полтораста плѣшивыхъ* (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1846 г., I. Матер. иностр., стр. 14). Впослѣдствіи эта исторія разсказана въ анекдотахъ Балакирева, при

чемъ Иванъ Грозный замѣненъ Петромъ Великимъ, а тугоухій воевода шутомъ Балакиревымъ. Имя Тараса встрѣчается и въ штатѣ придворныхъ дураковъ Петровскаго времени: въ расходной книгѣ 1719 года записано, что дураку Тараскѣ куплены сапоги за 2 руб. по приказанію государя Петра (Есиповъ, Матер., II. 85). По старой пословицѣ, Тарасъ ѣсть пряники гораздъ; другихъ добродѣтелей за нимъ не полагается.

188. У меня есть еще изданіе (*д*), конца прошедшаго вѣка; 1-я строка текста въ немъ заканчивается словами: «о промысла».

188, 189 и 205. **Ерема, Ѳома и Парамошка.** Текстъ картинки № 188 заимствованъ (съ большими сокращеніями) изъ слѣдующей повѣсти, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка (СПБургской Публичной Библіотеки, XVII. Q. 4. лл. 8 и 9).

«Повѣсть о двухъ братехъ—о Еремѣ и Ѳомѣ.
Были себѣ да жили два человѣка—
Торговые люди—Ерема да Ѳома.
Славные люди! Славно живутъ!
Сладко пьютъ и ѣдятъ, носятъ хорошо!
У Ереме клѣть, а у Ѳомы—изба.
Ерема и Ѳома—торговые люди;
Ерема въ торгъ, а Ѳома на базаръ.
Ерема за капусту, а Ѳома—за крупы,
У капусты не прикупъ, а у крупъ наложатъ;
Гдѣ они ни станутъ, вездѣ накладываютъ.
Похотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Ѳомою—
Сѣсти поѣсти, позавракати;
Ерема сѣлъ на лавку, а Ѳома—въ скамью,
Ерема за рѣдьку, а Ѳома за чеснокъ,
Ерема чеснокъ лупитъ, а Ѳома толчётъ,
Только сидятъ, ничего не ѣдятъ,
Коя бѣда ѣсть, (коли нѣтъ ничего?)

Вставши они, другъ другу челомъ,
(Другъ другу челомъ,) а не вѣдаютъ о чемъ.
Еремей щепливъ, а Ѳома ломливъ;
На Еремѣ шляпа, а на Ѳомѣ колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а Ѳома въ чеботахъ,
Ерема въ чужомъ, а Ѳома не въ своемъ.
Захотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Ѳомою,
(Еремѣ съ Ѳомою)—къ обѣдни итить;
Ерема въ церковь, а Ѳома на паперть,
Ерема креститься, а Ѳома кланяется,
Ерема въ книгу глядитъ, а Ѳома поклоны установляетъ.
Ерема не учитъ, а Ѳома не умѣетъ.
И пришелъ къ нимъ, двумъ братомъ, лихой пономарь,
И учалъ просить денегъ на молебенъ;
Ерема въ мошну, а Ѳома—въ карманъ,
У Ереме ни пула, и у Ѳомы—ничего;
Осердился на нихъ лихой пономарь
Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки.
Ерема въ двери, а Ѳома въ окно,
Ерема ушелъ въ лѣсъ, а Ѳома—въ сосникъ;
Стали они другъ другу говорить:
«Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»
У Ереме гусли, а у Ѳомы домра.

. . . .

Разгладивши усокъ, на братиночку глядитъ,
Братиночка добра, и часть хороша.
Ерема наливаетъ, а Ѳома испиваетъ,
Ерема играетъ, а Ѳома напѣваетъ.
Ерема кричитъ, а Ѳома не молчитъ.
Ерема кривъ, а Ѳома съ бѣльмомъ.
Осердился хозяинъ на Ерему и на Ѳому:
Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки!
Ерема ушелъ, а Ѳома убѣжалъ,
Ерема въ овинъ, а Ѳома подъ овинъ,

Ерему сыскали, а Ѳому нашли,
Ерему били, а Ѳомѣ не спустили,
Ерема ушелъ въ березнякъ, а Ѳома—въ дубнякъ.

Еще стали они себѣ жеребьи метать:
Ерема за зайцы, а Ѳома за лисицы,
Ерема хва(та)етъ, а Ѳома перенимаетъ,
Ерема загагалкалъ, а Ѳома закричалъ.
Ерема Ѳомѣ говоритъ:
«Брате Ѳоме, хватай, въ кошель сажай!»
—Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?
(Коли нѣтъ ничего,) жидовина-ли хватать?

Ерема усталъ, а Ѳома отдыхаетъ,
Ерема сталъ въ рожь, а Ѳома въ ячмень,
Рожь помяли, а ячмень потоптали;
Ерема припалъ, а Ѳома прикокорнулъ,
Ерему сыскали, а Ѳому нашли,
Ерему и Ѳому бить стали;
Ерему по спинѣ, а Ѳому по бокамъ,
Ерема ушелъ, а Ѳома убѣжалъ.

Сѣли они въ сани да поѣхали сами,
Встрѣчу имъ трое саней,
Ерема задѣлъ, а Ѳома зацѣпилъ,
Ерему бить стали по ушамъ, а Ѳому—по глазамъ,
Ерема ушелъ къ рѣкѣ, а Ѳома—на рѣку.

Захотѣлось двумъ братомъ утятинки поѣсть;
Взяли они по палочкѣ,
Ерема броскомъ, а Ѳома шибкомъ,
Ерема не попалъ, а Ѳома не ушибъ.
«Стой, брате Ѳоме, не тереби!»
—Кая бѣда теребить, коли нѣтъ ничего?
(Коли нѣтъ ничего) жидовина ли теребить?

Ерема сѣлъ въ лодку, а Ѳома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплылъ, а Ѳома не остался;
Какъ будутъ они середи рѣки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а Ѳому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водѣ, а Ѳома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали.

Какъ будетъ Еремѣ да Ѳомѣ третій день,
Сходилось на ту рѣку народу смотрѣть;
Ерема былъ плешивъ, а Ѳома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба равны.....
Нѣкто б.....ъ сынъ одинъ добывалъ....
Колико бы и жить, а зла не творить....
Стали они имѣть себя въ великой любви жить:
Единъ безъ однаго хлѣба не ѣдали
И чарки вина не испивали,
И въ гостяхъ другъ безъ друга не бывали.
А дворъ у нихъ былъ въ горѣ,
А окошки были къ небу, ни сухими, ни мокрымъ путемъ

И тако двумъ братомъ конецъ! Еремѣ съ Ѳомою, обѣимъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

Въ Лѣтописяхъ Тихонравова напечатана слѣдующая пѣсня, записанная въ Саратовской губерніи Костомаровымъ:

«Ерема съ Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали; —
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ тортицѣ;
У нихъ бороды, ка бороны, усы, какъ кнуты;
Они вздумали бородушки на торгъ везти:
Ерема взялъ полтину, Ѳома восемь алтынъ,
Ерема купилъ мерина, Ѳома жеребца,

Ереминъ-то не тянетъ, Ѳоминъ-то не везетъ, —
Ерема въ бокъ неможенъ, Ѳома шкуру на рожонъ.
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать,
А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться.
Ерема-то въ церковь, а Ѳома-то въ алтарь,
Ерема-то за ризу, а Ѳома-то за стихарь,
Ерема-то кадитъ, Ѳома кланяется,
Ѳома кланяется—величается.
Какъ Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли,
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ—не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется;
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться;
А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать.
Ерема-то въ клѣть, а Ѳома-то въ подклѣть,
Ерема-то за коробъ, а Ѳома-то за сундукъ,
Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли.
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема то бѣжитъ—не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется.
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать,
А наше съ тобой дѣло, брать рыбку ловить.
Ерема-то въ лодку, а Ѳома-то въ ботикъ,
Ерема упалъ въ воду, а Ѳома-то на дно,
Ерема-то на дно, а Ѳома-то тамъ давно» (IV. Отд. II. 75).

Изслѣдованіе о разныхъ варьянтахъ этой повѣсти помѣщено въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 г. (V. Библіогр. 58) и въ статьѣ г. Аристова, въ Древней и Новой Россіи (1876 г., IV. 359). Въ этомъ послѣднемъ изслѣдованіи, кромѣ сказки о Ѳомѣ

и Еремѣ изъ Аѳанасьевскаго сборника и нѣсколькихъ пѣсень, записанныхъ въ разныхъ губерніяхъ, напечатаны двѣ пѣсни про Ѳому и Ерему, записанныя самимъ авторомъ, — одна въ Липецкомъ [1]), другая въ Тамбовскомъ уѣздѣ; обѣ онѣ въ сущности сходны съ текстомъ нашей повѣсти.

Шутовскія фигуры Ѳомы и Еремы представлены на нашей картинкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они описаны въ рукописной повѣсти. Кромѣ ихъ, на картинкѣ помѣщенъ еще Парамошка, который подчуетъ ихъ толками и пинками. Этотъ Парамошка никто иной, какъ лихой пономарь рукописной повѣсти, который выгналъ Ѳому и Ерему въ шею изъ церкви (Аристовъ, 363); вдали видна и самая церковь. Этого самаго Паромошку, въ полномъ нарядѣ пономаря, съ большими очками на носу и съ косичкой на затылкѣ, мы встрѣчаемъ въ «аптекѣ цѣлительной съ похмѣлья»: онъ тамъ играетъ въ карты съ Савоськой (№ 11) [2]); на

---

[1]) Въ Липецкомъ пересказѣ упоминается: «игралъ Губкинъ на гитарѣ», — этотъ Губкинъ (а не Губинъ) былъ извѣстный торбанистъ и гитаристъ сороковыхъ годовъ, игравшій по Московскимъ трактирамъ и гуляньямъ; пѣсня, о которой упоминаетъ г. Аристовъ, сочинена самимъ Губкинымъ и пѣлась въ такомъ видѣ:

«Въ рощѣ Марьиной гулянье
Въ самый день тотъ, какъ семикъ;
Всѣ красотки веселятся,
Вмѣстѣ съ ними и старикъ;
Игралъ Губкинъ на гитарѣ,
Спиридонъ пошелъ плясать,
А Андрюшка косолапый
Сталъ ногами загребать».

(Андрюшка и Спиридонъ трактирные пѣвцы-плясуны).

[2]) Игра въ карты, на равнѣ съ игрою въ зернь и кости, какъ азартная, была издавна строго запрещена: виновныхъ постановлено было казнить кнутомъ (указъ 1668 г.: Полн. Собр. Зак., № 436); запрещеніе играть зернью повторено и въ 1761 году (Полн. Собр., 11 282); въ этомъ-же году дозволено играть въ карты, но только для препровожденія времени (11 275); конечно всѣ эти дозволенія относились къ простымъ смертнымъ: баре играли постоянно, а при Екатерининскомъ дворѣ—въ фараонъ, марьяжъ, ломберъ, мушку и тинтере заигрывались не только мущины, но и барыни. Запрещенія играть въ карты и другія азартныя игры въ трактирахъ повторялись до нашего времени; не смотря на это, въ заглушныхъ мѣстахъ, въ кабакахъ и трактирахъ,

другихъ картинкахъ, представляющихъ туже игру Савоськи съ Парамошкой (№№ 191 и 192), Парамошка изображенъ въ простомъ, не пономарскомъ, нарядѣ. Пыпинъ замѣчаетъ, что въ лицахъ Ѳомы и Еремы олицетворены глупость и нелѣпость. Впрочемъ въ другой сказкѣ Аѳанасьевскаго сборника, «о плеткѣ живилкѣ», Ѳома и Ерема являются хотя и шутами, но шутами смышлеными; въ одной сказкѣ у нихъ называется третій братъ, Кузьма (Аѳанасьевъ, III. 366) [3]).

191. **Савоська и Парамошка.** Гудокъ — трехструнный первообразъ скрыпки, корпусъ его безъ выемки; играютъ на немъ смычкомъ, по всѣмъ тремъ струнамъ разомъ, причемъ на дискантовой струнѣ выводится (перебирая лады) тема, а двѣ нижнія подъ смычкомъ постоянно *гудятъ* однообразный аккомпаниментъ (аккордъ изъ терціи и квинты). Гудокъ упоминается на №№ 191 и 205.

192. У меня есть еще изданіе *ж*, конца прошедшаго столѣтія; окончаніе въ немъ тоже, что и въ изд. *в*: «и парамошка»; но надъ всѣми тремя буквами «а» въ изданіи *ж* поставлено по двѣ точки.

простонародными игроками велись азартныя игры, въ три листика и трынку, и болѣе простыя, но не менѣе азартныя игры, въ орелъ и рѣшетку или орлянку. Высшія классы и до сихъ поръ играютъ въ клубахъ въ азартную стуколку,— видоизмѣненіе игры въ банкъ, которая была запрещена еще въ 1786 году (Полное Собраніе Законовъ, № 16440).

[3]) Дурацкія персоны Ѳомы и Еремы являются и въ былинѣ о Щелканѣ, въ которой Возвягъ Таврульевичъ суды разсуживалъ,

Всѣ дѣла приговаривалъ,
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городомъ съ пригородами,
И Хому дарилъ Тотьмою,
И Ерему Новымъ-городомъ (Гильферд. XLII. №№ 235, 269, 283.—

А. Веселовскій, Истор. русск. лит. Галахова, 504). См. тоже «Хвомку и Еремку» въ сказкѣ о Баринѣ-разстригѣ (Колосовъ, Сборн. Русск. Отд. Ак. Наукъ, XVIII. 187).

193. У меня есть еще изданіе этой картинки—*б*, конца прошедшаго столѣтія; вторая строка подписи подъ Ларею кончается такъ: «Страшенъ а на» (въ Ахметьевскомъ изданіи: «кожуся страшенъ»).

195. Дополнить текстъ: «Софронка и Ховронія союзъ получили ксебе ворону приучіли». Ворона издревле составляла принадлежность дурака: въ «Stultifera navis» дураки представлены съ воронами (карт. 19 и 31); ворона есть и у Фарноса и у Гоноса (см. имена этихъ шутовъ).

196. **Дуракъ и дура кормятъ котенка.** Есть еще два изданія этой картинки: *в* — копія съ изданія *а*, въ ту-же сторону (конца прошедшаго вѣка), только внизу четыре мышенка (а не пять, какъ въ изд. *а*), и *г*—копія съ изданія *а* (1830—1840 г. г.), съ такимъ исковерканнымъ текстомъ: «неумѣемъ мы дураки зделать робенка ста|немъ кормить серова катека авось подста|рость намъ станетъ намъ по|имаетъ чернова мышонка». — Въ собраніи Акад. Никитенки.

199—201. **Борцы и кулачные бои.** Борьба и кулачные бои издавна составляли любимую потѣху для русскаго народа [1]).

У Киршы Данилова въ 5-й пѣснѣ поется, какъ шуринъ царя Ивана Васильевича, Мастрюкъ Темрюковичъ, боролся съ московскими борцами. Борцы сперва спросили: «смѣть-ли имъ царскаго шурина побороть?» На что получили отъ царя позволеніе не только побороть, но если поборятъ, то и раздѣть побѣжденнаго до нагà, и взять его платье себѣ.

Борьба у Мастрюка Темрюковича, говорится въ пѣснѣ, ученая, борьба черкесская, колесомъ онъ бороться пошелъ. Первый пошелъ съ нимъ бороться Мишка Борисовичъ и бросилъ его *съ носка о землю*. «Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься», по-

---

[1]) Бои на копьяхъ или другомъ оружіи были не въ русскомъ народномъ духѣ: рыцарствовало этими кровавыми потѣхами одно высшее сословіе; такъ въ Троицкой лѣтописи подъ 1390 годомъ записано, что въ этомъ году вел. кн. Олегъ былъ «поколонъ на колоткѣ въ игрушкѣ».

хвалилъ его царь. За нимъ пошелъ бороться хромой (на костылѣ) Потанька; онъ *сгробился* за плеча Мастрюковы.

«Согнетъ корчагою, воздымалъ выше головы своей».

Опустилъ о сыру землю — Мастрюкъ безъ памяти лежитъ. Послѣ чего съ него по уговору сняли все платье и пустили нагишемъ, «на корачкахъ домой» (Кирша Даниловъ. М. 1818, 43).

По другой пѣснѣ, записанной г. Костомаровымъ въ Саратовской губерніи, бороться съ Мамстрюкомъ выходитъ крестьянскій сынъ: «съ ноги на ногу онъ прихрамываетъ, съ ноздри на ноздрю присапываетъ, языкомъ пришепетываетъ»; одолѣлъ онъ таки князя, приподнялъ выше могучихъ плечь и ударилъ за̀мертво, о сыру землю. Но затѣмъ (по другой пѣснѣ) князь вызываетъ его на новую борьбу, «на драку смертную»; сцѣпилися они за̀ воротъ и возилися вплоть до вечера,—и одолѣлъ князь крестьянина, разорвалъ его тѣло синее, разметалъ по широкому двору (Тихонравовъ, Лѣтописи, IV. Отд. II. 19). У Гильфердинга съ Кострюкомъ Кострюковичемъ (Дебрюкомъ Дебрюковичемъ) борются три брата—московскіе борцы: Васенька, Потанюшка и Мишенка (хромой и маленькій). Царь Иванъ Васильевичъ обѣщалъ имъ за борьбу по 25 руб. деньгами, по голубому кафтану, да по листу похвальному—торговать по ярмаркамъ безпошлинно. Поборoли московскіе борцы Кастрюка Кастрюковича, а Кастрюкъ оказался красной дѣвушкой — «побѣжала она закрывшись правой ладонью» (Гильфердингъ, 1331).

Въ пѣсняхъ-былинахъ упоминается еще о царевичѣ Петроѣ [2]), который былъ весьма обученъ бороться объ одной ручкѣ, подошелъ онъ къ Поляницѣ, схватилъ ее на косу бедру, да и спустилъ на сыру землю (Гильфердингъ, 538) [3]).

---

[2]) Здѣсь разумѣется вѣроятно царевичъ казанскій Куйдакулъ, братъ Алегаловъ, который 21 декабря 1505 г. былъ крещенъ въ Москвѣ и названъ Петромъ; въ началѣ 1506 г. вел. кн. Василій Ивановичъ выдалъ за него сестру свою Евдокію; въ 1509 г. Петръ ѣздилъ съ нимъ въ Новгородъ, а въ 1510 во Псковъ (Истор. Гос. Рос. Карамзина, VII. 7. 21. 26.).

[3]) Это пріемъ древней борьбы Ильи Муромца, Поляницы, Добрыни и др. (Кир. I. 6. 12. 13; IV. 16. 113—116; Алфав. Безсонова. 41).

У Кирѣевскаго (Пѣсни, 8. 38) есть пѣсня, какъ Петръ Первый боролся съ молодымъ драгуномъ; тотъ поборолъ его и въ награду получилъ дозволенiе безденежно по кабакамъ вино пить (а если бы не поборолъ, — былъ бы казненъ; такой уговоръ сдѣланъ).

Въ первой четверти прошедшаго столѣтiя кулачные бои производились и въ Петербургѣ и во многихъ урочищахъ, и притомъ съ большимъ ожесточенiемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго именнаго указа, объявленнаго 21 iюля 1726 года генералъ-полицеймейстеромъ, графомъ Девiеромъ: «Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бываютъ на Адмиралтейской сторонѣ на лугу позади двора Графа господина Апраксина и на Аптекарскомъ островѣ и въ прочихъ мѣстахъ въ многолюдствѣ, отъ которыхъ боевъ случается иногда, что многiе, ножи вынявъ, за другими бойцами гоняются, а иные, въ рукавицахъ положа ядры и каменья и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертными побоями, отъ которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убiйствъ, которое убiйство между подлыми и въ убiйство и въ грѣхъ не вмѣняютъ, также и пескомъ въ глаза бросаютъ; чего ради нынѣ Великая Государыня Императрица, для охраненiя народа, указала: по Именному Своему Императорскаго Величества указу, тѣмъ кулачнымъ боямъ при Санктпетербургѣ безъ позволенiя Главной Полицимейстерской Канцелярiи не быть, а ежели они эти кулачные бои будутъ безъ позволенiя имѣть, то тѣ люди будутъ наказаны, смотря по состоянiю вины и дѣла; а кто впредь къ такимъ кулачнымъ боямъ для увеселенiя будетъ имѣть желанiе, то имъ выбрать межъ себя, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, являться въ Главной Полицеймейстерской Канцелярiи, гдѣ ихъ имена записываютъ, и для того боя показываютъ указныя мѣста изъ полицiи; но такъ-же и въ тѣхъ мѣстахъ онымъ боямъ быть подъ присмотромъ тѣхъ сотскихъ и прочихъ, что имъ означенныхъ предерзостей отнюдь не чинить, и за ними того имъ смотрѣть въ такой силѣ, что имъ каждому своему десятку или сотни осмотрѣть чтобъ у нихъ ни-

какого оружія и прочихъ инструментовъ ни подъ какимъ видомъ къ увѣчному бою не было, какъ выше показано, да и во время того бою и дракъ между собою бы не чинили, кто упадетъ, а лежащихъ никого не били бъ; а ежели же не противъ вышеписаннаго будетъ поступлено, то какъ съ тѣми сотскими и пятидесятскими и десятскими, также и съ бойцами поступать противъ вышеписаннаго же, чего надсматривать и отъ Главной Полицмейстерской Канцеляріи; и для того при С.-Петербургѣ публиковать и у приказу приказать, дабы невѣденіемъ не отговаривались» (Полн. Собр. Зак., т. VII. № 4939). Въ заключеніи представлено мною описаніе кулачныхъ боевъ, происходившихъ въ присутствіи графа А. Г. Орлова, здѣсь же приведу описаніе одного кулачнаго боя, который былъ устроенъ гр. Орловымъ на-показъ, по случаю пріѣзда англійскаго путешественника Вильяма Кокса въ 1778 году,— со словъ самого Кокса: «Мы отправились въ манежъ, гдѣ застали толпу изъ трехъ сотъ крестьянъ (крѣпостныхъ графа Орлова). Они раздѣлились при насъ на двѣ партіи; изъ нихъ каждая выбрала себѣ распорядителя, который вызывалъ бойцовъ и ставилъ ихъ другъ противъ друга: въ бою участвовало всегда не болѣе одной пары. На рукахъ бойцовъ были рукавицы изъ такой жесткой кожи, что они съ трудомъ сжимали кулакъ: многіе били прямо ладонью. Бойцы выдвигали впередъ лѣвую сторону тѣла и, размахивая правою рукою, которую держали нѣсколько наотлетъ, лѣвой отбивались отъ противника; они никогда не наносили ударовъ прямо, а большею частью кругообразно, и били только въ лицо и голову . . . . Если которому нибудь бойцу удавалось повалить своего противника на землю, то его немедленно провозглашали побѣдителемъ; затѣмъ выступала другая пара. Мы видѣли до двадцати подобныхъ свалокъ. Нѣкоторые изъ бойцовъ отличались большою силой, но они не могли сдѣлать вреда, благодаря самому способу драки; здѣсь не бываетъ тѣхъ переломовъ и ушибовъ, какими часто сопровождаются кулачные бои въ Англіи. Обѣ партіи принимали живое участіе въ успѣхѣ своихъ бойцовъ и нѣсколько разъ порывались вступиться за нихъ; но

графъ Орловъ, при малѣйшемъ поползновеніи къ спору или дракѣ, останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ или жестомъ» (Русская Старина 1877 г. Февраль, стр. 319).

Объ одномъ изъ знаменитыхъ бойцовъ, любимцевъ графа Орлова, фабричномъ Семенѣ Трещалѣ, баснописецъ Измайловъ говоритъ, въ сказкѣ своей «Кулачные бойцы», въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Москвѣ фабричный былъ Семенъ, силачъ, боецъ:
Заразъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятерней;
Когда же, на бою являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А клики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья . . . .» (Изд. Смирдина, I. 179).

Въ прошедшемъ вѣкѣ на бойцовъ была вездѣ мода: искусство драться на кулакахъ въ Англіи, напримѣръ, входило въ курсъ джентельменскаго образованія; въ наше же чахлое время бои и борьба почти вывелись, а если гдѣ и случаются, то о нихъ печатаютъ, какъ о явленіи чрезвычайномъ. Въ Англіи, у «этой образованной націи», и въ Америкѣ бои составляютъ по прежнему одно изъ любимыхъ занятій какъ нисшаго, такъ и самого высшаго сословія: еще недавно въ Лондонѣ Персидскій шахъ былъ свидѣтелемъ англійскаго бокса. «Боксировать—значитъ драться на кулачкахъ», замѣтилъ онъ въ своемъ курьезномъ журналѣ, «что̀ требуетъ большаго искусства и ловкости На руки надѣвается нѣчто въ родѣ большихъ перчатокъ, набитыхъ шерстью и бумагой: безъ этихъ перчатокъ, бойцы убили бы другъ друга. Это было очень смѣшно и забавно»; только не всегда, прибавимъ мы, потому что боксы эти нерѣдко кончаются увѣчьемъ и даже смертными случаями.

Вотъ напримѣръ выписка изъ Нью-Іоркской полицейской газеты за 1876 годъ (№ 1.609) объ одномъ кулачномъ боѣ; находящаяся при статьѣ картинка изображаетъ кулачный бой на смерть въ присутствіи многочисленной публики: у многихъ въ рукахъ пачки денегъ—признакъ пари, которые они держатъ за того или другаго бойца. «Бой этотъ происходилъ недавно въ городѣ Пенсвиль штата Нью-Іоркъ, среди бѣлаго дня, по всѣмъ правиламъ кулачныхъ боевъ: въ кругу, при посредникахъ; бойцы были одѣты въ трико. При торжественныхъ аплодисментахъ начался бой, причемъ каждый поклялся: или лечь мертвымъ или побѣдить. Семьдесятъ шесть разъ бой начинался и, послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ ударовъ, прекращался для отдыха. Что это былъ за бой, можно судить потому, что одинъ изъ бойцовъ, Уокеръ, избитый въ грудь, лицо, съ затекшими отъ ударовъ глазами, упалъ мертвый. Побѣдитель Уидденъ далъ мертвому ударъ ногою на прощанье и спокойно, съ избитымъ лицемъ, отошелъ къ своей партіи. Уидденъ и свидѣтели арестованы до суда. Онъ показалъ, что съ убитымъ жилъ мирно и дружно, злобы другъ противъ друга не имѣли». Въ Англіи кулачные бои были въ повсемѣстномъ обычаѣ еще въ 1840—50 годахъ; на нихъ собирались десятки тысячъ зрителей, какъ въ Испаніи на тауромахіи (бои быковъ); устроивались эти бои зачастую шайками грабителей и воровъ. Площадка для бойцевъ и зрителей, платившихъ до 5 и 10 шиллинговъ, обставлялась кругомъ телѣгами; за этимъ кругомъ стоялъ неплатящій людъ; пока шелъ бой, мошенники изъ шайки бойцевъ очищали карманы зрителей, а другіе бѣгали по домамъ и обворовывали квартиры; въ концѣ боя телѣги раздвигались, толпа врывалась въ кругъ, и начинались грабежъ и давка въ полномъ смыслѣ (Библ. для Чтен. V. vij. 41. № 8).

200. У меня есть еще изданіе *б* этой картинки; послѣднія слова въ немъ написаны такъ: «въ смятку».

202 А. **Козакъ и солдатъ**, въ огромной треуголкѣ и съ косичкой, дерутся на кулачкахъ (въ длинныхъ рукавицахъ); слѣва

летитъ вверхъ тормашками третій боецъ, должно быть изъ кучеровъ; подписей нѣтъ. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ мастера Чуваева. — Въ моемъ собраніи.

Солдаты славились хорошими борцами и бойцами уже во времена Петра І-го. Въ анекдотахъ Нартова находимъ любопытный разсказъ объ одномъ бойцѣ шотландцѣ, который билъ всѣхъ лбомъ въ грудь; Петръ І-й выставилъ противъ него своего гренадера на пари и выигралъ 500 гиней, такъ какъ гренадеръ успѣлъ ударить шотландца по шеѣ и свалить его съ ногъ. «Этотъ гренадеръ, какъ самъ сказывалъ, хаживалъ одинъ за Сухаревой башней противъ кулачной стѣны. Послѣ этого единоборства Петръ приказалъ своимъ гренадерамъ, а были то все люди отборные по росту и силѣ, сперва побороться, а потомъ и подраться на кулачки, чтобы показать англичанамъ русскія ухватки» (Москвит. 1842 г., ч. 2., стр. 452). Въ сборникѣ Кирѣевскаго есть пѣсня о томъ, какъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ борется съ 15-ти лѣтнимъ драгуномъ на закладъ: «когда поборешь ты меня, тогда милую тебя; а я поборю,—казнить буду тебя». Подпоясывалъ Царь шелковый кушакъ; драгунъ лѣвой рукой его побарывалъ, правой подхватывалъ, *непущалъ Царя на сыру землю* и поборолъ его. На вопросъ Петра чѣмъ его жаловать: селами-деревнями или золотой казной,—драгунъ отъ всего отказался: «дай ты мнѣ только безденежно по царевымъ кабакамъ вино пить» (Кир. VIII. 38).

203. **Воръ на яблонѣ.** Эта картинка заимствована изъ весьма распространенной французской народной повѣсти «*Нужда-добрякъ*» («Histoire du bonhomme Misère» 1719: Champfleury, Imag. popul., 109.—Nisard, Hist. des livres pop., I. 407). Однажды, разсказывается въ этой повѣсти, въ деревню, гдѣ жилъ Нужда-добрякъ, зашли Петръ и Павелъ; погода была страшная, дождь шелъ ливнемъ. Путники постучались было переночевать къ богатому крестьянину, но тотъ не пустилъ ихъ; тогда они зашли къ Нуждѣ-добряку, тотъ съ радостію принялъ ихъ. Раз-

ставаясь, они спросили его: чего-бы хотѣлось ему на этомъ свѣтѣ? «У меня всего имущества моя избушка да вотъ эта груша, моя кормилица», сказалъ Нужда; «другой годъ повадился лазять на нее воръ, такъ что мнѣ ничего не остается на продажу и я пришелъ въ большую бѣдность; хорошо бы сдѣлать такъ, чтобы воръ, залѣзши на дерево, не могъ сойти съ него, покуда я не отпущу его».—«Хорошо», сказали Петръ и Павелъ, «будетъ по твоему».

Утромъ странники ушли. Выходитъ Нужда изъ избушки и видитъ: воръ, который такъ долго оббиралъ его груши, сидитъ на деревѣ и не можетъ слѣзть съ него; Нужда не отпустилъ его, не смотря на его мольбы и обѣщанія. На бѣду пришли двое сосѣдей, попробовали было снять вора, но и сами прилипли къ вѣткѣ подлѣ него. Спустя нѣсколько времени пришла за Нуждою Смерть, и начался у нихъ такой разговоръ: «ты кажется меня вовсе не боишся, Нужда, а вѣдь меня боятся и цари и богатые».

«Чего мнѣ бояться тебя, я бѣденъ, у меня ничего нѣтъ, кромѣ этой груши; дай мнѣ твоей косы достать вотъ эту спѣлую грушу и полакомиться въ послѣдній разъ».

«Отчего не полакомиться; только косы я тебѣ не дамъ, полѣзай за грушей самъ».

«Да вѣдъ я старъ, не влѣзу».

«Ну такъ и быть, я тебѣ сама достану». Тутъ Смерть влѣзла на дерево и достала грушу, но что за оказія: назадъ слѣзть дерево её не пускаетъ; поняла Смерть, что попалась Нуждѣ на удочку, взмолилась она ему: «пусти меня! никогда не приду къ тебѣ, только подъ конецъ вѣка, когда всѣхъ людей передушу, тебя послѣдняго подкошу».

Отпустилъ её Нужда съ дерева, убѣжала старая чертовка. Съ той поры живетъ Нужда, старый и бѣдный по прежнему; Смерть обходитъ его и не умретъ онъ, Нужда-добрякъ, до скончанія вѣка *).

---

*) Повѣсть эта въ западной народной литературѣ столько же распространена, сколько и легенда о Вѣчномъ Жидѣ; безчисленныя изданія ея выходятъ

Во французскомъ оригиналѣ Нужда, въ разорванномъ кафтанѣ, несетъ котелокъ; въ нашей картинкѣ изъ Нужды сдѣланъ какой-то подбоченившійся сторожъ въ военной шляпѣ; слѣва прибавлена собачка. Текстъ совершенно другой, не имѣющій никакого отношенія къ французской повѣсти.

204. Прибавить: у меня есть еще изданіе (*ж*) этой картинки, точная копія съ изданія *б*; но въ изданіи *б* душегрѣйка хозяйки оторочена по низу полосою узорчатой матеріи, чего въ изданіи *ж* не сдѣлано. Наша картинка заимствована съ нѣмецкаго народнаго листа (XVIII вѣка), но текстъ въ ней совершенно другой: въ нѣмецкой картинкѣ воръ утащилъ курицу, чтобъ попользоваться отъ нея яйцемъ; женщина бѣжитъ за нимъ безъ ухвата; вверху надпись: «*Der hennen taster*. Du bist ein wunderlicher gast, Das du die henen hast so fast»; внизу вирши, тоже неимѣющія никакого сходства съ виршами нашей картинки. Нѣмецкій оригиналъ находится въ моемъ собраніи.

205. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки, конца прошедшаго вѣка; въ нихъ первая строка заканчивается такъ: въ изд. *и*—«муз^{ык}у разум», въ изданіи *к*—«взалиъ рукаміи».

209 А. Прибавить: **Фарносъ красный носъ**; онъ ѣдетъ на свиньѣ особой породы и трубитъ въ большую трубу. Листовая картинка, гравированная на деревѣ; подлинникъ находится въ собраніи Яковлева. Надпись вверху: «я детина не богатой а имею носъ горбатой собою весма важеватой зовутъ меня Ѳарносъ красной носъ, три дня надувался, какъ втанцовалные башмаки обувался, а колпакъ съ перомъ наделъ, полны штаны набзделъ, совсемъ

до настоящаго времени (1719—1851); въ 1878 году въ Парижѣ легенда эта была поставлена на сцену, съ декораціями и обстановкой въ готическомъ стилѣ, и имѣла большой успѣхъ.

оболокся, на виноходной свинье поволокся, а свинья моя хрюкаетъ, лакомства своего нюхаетъ».

209 Б. Прибавить: **Шутъ Гоносъ.** Дуракъ въ шапкѣ съ ослиными ушами ѣдетъ верхомъ на палочкѣ (съ лошадиной головкой), которую онъ погоняетъ бичемъ; у задницы его подпись: «дхъ изаду своего испущаю темъ ся откамаровъ защищаю»; подпись внизу: «У меня дурака имя гоноса. тяшко и велико бремя носа. Брада власами акі лесъ густая, а голова мозгомъ что дупло пустая. вкавтанъ азъ облекся полосаты. а пуговицы на немъ узловаты исчириками купно смазные. но и пуговицы на нихъ вырезные. впуть азъ ноги свои приуготовляю и бичь долги коню своему являю. дабы конь мои бежалъ неспотыкался и шпорами вребра неударялся. а за плечами сию ворону ношу. пения слаткаго ѡтоныя прошу зане гласъ ее ѕело преслатки но токмо пребываетъ кратки». Листовая картинка, гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. И. Яковлева.

Въ расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты за 1633 годъ сохранились куріозныя свѣдѣнія о построеніи дурацкихъ костюмовъ дурамъ и потѣшнымъ слѣнымъ.—«143 г. мая 31 государева жалованья потѣшнику Науму Слѣпому здѣлано платья: *однорядка* сукно аглинское зелено, на подпушку 1 ар. безъ чети киндяку лазоревого, на строку пошло золотникъ шолку багрового, нашиты петли хамьяные, пришито 12 пугвицъ серебряныхъ бѣлыхъ, на отлошки лоскутъ отласу золотного; всего однорядкѣ цѣна 3 р. 1 алт. $4^1/_2$ д; *ферези* киндякъ лимонной, на подпушку зендени черленой 1 ар. безъ чети, на подкладку пол-5 аршина крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта, нашивка шолкъ черленъ съ мишурою, всего ферезямъ цѣна 3 алт. 3 д.; *кафтанъ* дороги гилянскіе черлены, на подпушку 9 вер. киндяку лимонново, на ожерелье вершокъ отласу золотного по черленой землѣ, на подкладку пол-4 ар. крашенины лазоревой, на простилку полфунта бумаги хлопчатой, нашита нашивка на снуркѣ шолкъ рудожолтъ, всего кафтану цѣна рубль 28 алт. пол-6 д.; *сапоги* сафьянныя

жолты, 15 ал.; *шапка* сукно черлено съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; а пожаловалъ государъ ево въ приказъ, приказалъ государевымъ словомъ бояринъ Бор. Ив. Морозовъ.—143 г. іюля 11 государева жалованья потѣшникомъ слѣпымъ Якункѣ да Лукашку по однорядкѣ сукно настрафиль, одинцовые, татарскіе, съ круживы и съ завязки по 3 р. по 11 алт. однорядка; по кафтану крашениному по 23 алт. 2 д. кафтанъ; взялъ однорядки комнатной сторожъ Тимоха Омельяновъ, а кафтаны потѣшной сторожъ Перша Гурьевъ; а присылалъ ево государевымъ словомъ бояр. Бор. Ив. Морозовъ.—144 г. окт. 22 государева жалованья Янкѣ слѣпому *шапка* сукно вишнево съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; *сапоги* сафьянные жолты 16 ал. 2 д.; *штаны* сукно аглинское зелено 21 ал. 4 д.; *кафтанъ* крашенинной холодной, ожерелье бархатѣль съ мишурою 30 ал.; а приказалъ государевымъ словомъ стряпчей съ ключемъ Ив. Мих. Оничковъ.—144 г. марта 31 въ хоромы сдѣлано шутихѣ жонкѣ Манкѣ слѣпой сарафанъ крашенинной лазоревъ, крашенины пошло пол-9 ар. по 9 д. арш., на подкладку пошло пол-8 ар. холста по 4 д. арш., пришита пугвица нитная денга; ей же *сукня* сукно настрахиль черлено, сукна пошло $3^1/_4$ арш. по 20 алт. арш., на подоплеку 2 арш. крашенины лазоревой, на опушку около ворота 7 верш. киндяку зеленаго $1^1/_2$ ал., пашита нашивка шолкъ зеленъ, пугвицы оловяные 9 алт.; всего *сукнѣ* цѣна 2 р. 12 алт. съ деньгою; а приказывалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороковъ.

145 г. окт. 31, по имянному приказу государыни царицы *уродивому Елисѣю* сермяга сукно муравское бѣлое, пошло съ моченьемъ 7 арш. 7 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, пришита нашивка втычная шелкъ бѣлъ, на петли пошло $10^1/_2$ арш. снурка шелкъ бѣлъ; всего сермягѣ цѣна 2 р. 29 ал. пол-5 д.; а приказалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороковъ, взялъ иголникъ Карпъ Кириловъ.—148 г. декабря 30 по приказу стольника Ивана Өедоровича Стрѣшнева Меншова велѣно сдѣлать на Казенномъ дворѣ двѣ тафьи суконные настрафилные одну червчету, а другую желтую; и тѣ тафьи принялъ къ

царицѣ въ хоромы онъ же Иванъ Ѳедоровичь, а сказалъ, что тѣ тафьи государыня пожаловала дѣвкамъ дуркамъ Орюткѣ да таркѣ Дункѣ.—168 г. іюня 28 государева жалованья *богомольцу* Исаю здѣланъ *чюфай* изъ дороговъ кармазиновыхъ; пошли цѣлыя дороги, въ прибавку 2 арш., на подпушку аршинъ дороговъ зеленыхъ гилянскихъ, на подкладку 10 арш. крашенины, пришито 25 пугвицъ серебряныхъ. Ему-жъ здѣланъ *чюфай* киндяшной, въ кроенье пошло киндякъ узкой, на подкладку $8^2/_4$ арш. холста; ему-жъ здѣлана шапка вершокъ вишневъ соболь полтора рубли, на подборъ пупокъ соболей, на тулью 8 хребтовъ бѣльихъ; рубашка да порты тонкіе 40 ал., сапоги да башмаки сафьянные $1^1/_2$ р.; а приказалъ о томъ Ѳед. Ал. Полтевъ дьяку Данилу Панкратьеву; и то платье взялъ потѣшныхъ хоромъ сторожъ Сава Максимовъ.—169 г. окт. 10, въ потѣшную полату сдѣлано *попугаю* на постилку изъ киндяка красного длина $^3/_4$, ширина поларшина, пол-фунта бумаги хлопчатой; взялъ постилку потѣшной палаты сторожъ Сава Максимовъ» (Забѣлинъ, Бытъ царицъ; матер., 152).

210. **Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ.** Мотивъ картинки заимствованъ изъ нѣмецкихъ народныхъ листовъ. Въ Берлинскомъ музеумѣ есть картина Луки Кранаха младшаго (№ 593), на которой представлено, какъ старики везутъ своихъ старухъ цѣлыми возами и бросютъ ихъ въ молодящее озеро; на другомъ берегу тѣже старухи, но помоложенныя, пируютъ и веселятся.

212 А. **Точильщикъ носовъ.** Прибавить: копія съ изданія *а*, конца прошедшаго столѣтія; фонъ сзади мастера, обтачивающаго носъ (справа), затѣненъ зигзагами, тогда какъ въ изданіи *а* онъ затѣненъ въ одну черту (Въ моемъ собраніи). Русская картинка скопирована точь въ точь съ нѣмецкаго оригинала, конца XVII вѣка (судя по бумажному знаку), грав. на мѣди. Русскій мастеръ прибавилъ двухъ длинноносыхъ, которыхъ везутъ къ доктору, а вмѣсто парня, который въ нѣмецкомъ оригиналѣ, сидя на под-

ставкѣ, пакоститъ на обтачиваемый носъ, представилъ парня, накачивающаго на носъ воду изъ насоса. Впрочемъ на цензурный просмотръ московскаго полиціймейстера была представлена картинка, вполнѣ согласная съ нѣмецкимъ образцомъ, и фигура парня измѣнена послѣ; поправки и выбойки на доскѣ еще видны, равнымъ образомъ слова: «насосомъ поливать» и «старайся больше» вырѣзаны по выскобленному и вмѣсто нихъ первоначально стояли выраженія, болѣе крѣпкія. Надписи и текстъ русской картинки переведены съ нѣмецкой дословно; привожу ихъ съ нѣмецкаго подлинника, находящагося въ моемъ собраніи. Вверху: «Der Nasen Schleiffer bin Ich genand, Allen Gross-Nasen wohl bekandt».

«Hör wunder über wunder doch,
Was neues muss man hören noch,
Ein neuer schleiffer ist vorhanden
Der zeucht herum in allen landen,
Hat auch ein Jungen hübsch v. ran,
Der mit dem Arsch aufgiessen kan».
Внизу: «Ey holla holla kombt Ihr Leüt,
All die mit Nasen seynd bekleidt,
Sie seyen breit lang oder dick,
So wil Ich in eim augenblick,
Sie schleiffen dass Er warten kan,
Und hett Er hundert Knipffel dran,
1 *). So wird mein Jung sich auch befleissen,
2. Dir tapffer auf die Nass zu scheissen,
So bald die Nass das Wasser spürt,
Alssdenn sie wieder kleiner wird,
3. Alss wie des Bauren so hie staht,
4. Der Meister Ihm geholffen hat,
Wilt aber dein Nass stättlich zieren,

*) № 1 стоитъ надъ парнемъ, который пакоститъ на точило; 2-й надъ обтачиваемымъ носомъ; 3-й надъ мужикомъ съ обточенымъ уже носомъ; 4-й надъ мастеромъ и 5-й надъ подмастерьемъ, который наводитъ на носы глянецъ.

5. So Kan sie mein Gesell poliren,
Und magst du wiederumb heim gehn,
Bey diesem schleiffen wohl verstehn,
Wer sein Nass in alln dreck wil stecken,
Der muss dess Jungen wassers lecken».

Въ книгѣ Райта (Wright, Histoire de la caricature. Paris 1875, стр. 337) помѣщена карикатура на англійскаго короля Карла II-го, которому пресвитеріанскій епископъ обтачиваетъ носъ на такомъ же точилѣ; вертитъ точило шотландецъ «Iockie». Эта карикатура, направленная противъ пресвитеріанцевъ, вышла 14 іюля 1661 года, послѣ Ворчестерской битвы. Въ подробностяхъ и положеніи фигуръ она очень напоминаетъ нашу картинку подъ 212 нумеромъ. Точеніе носовъ, какъ видно изъ самаго текста картинки, представляетъ одну изъ интерлюдій или интермедій, которыя давались въ антрактахъ между дѣйствіями настоящей драмы или комедіи. Такія интермедіи, съ потасовками, пѣніемъ, танцами и разными *пахабствами*, составляли въ былое время необходимую принадлежность каждаго представленія; большинство публики только для нихъ и являлось. Въ нашей рукописной литературѣ XVIII вѣка сохранилось множество интермедій, состоящихъ изъ разговоровъ гаера, шляхтича, цыгана, купца, раскольника, молодокъ и пр. (Пекарскій, Наука, I. 457). Въ Европѣ интермедіи-экспромпты съ политическимъ характеромъ были въ ходу между странствующими актерами, которыхъ поэтому правительство строго преслѣдовало. Въ Англіи въ XVI вѣкѣ неоднократно издавались указы, запрещавшіе: «Stage-Plays, Interludes and common Players»; а парламентскимъ актомъ 11 февраля 1647 года велѣно было сломать всѣ *ходячія комедіи*, актеровъ сажать въ тюрьмы, а съ зрителей брать пени по пяти шиллинговъ съ человѣка, въ пользу бѣдныхъ. У насъ цензура нравовъ добралась до этого отдѣла не такъ рано, да впрочемъ противо-правительственныхъ политическихъ тенденцій кажется въ нашихъ интермедіяхъ искать было нечего: соленый разговоръ съ крѣпкимъ словомъ, закончен-

ный хорошею потасовкою, вполнѣ удовлетворялъ неприхотливыхъ зрителей; до чего подобныя интермедіи были иногда просты и пошлы сравните примѣч. къ № 92.

213. **Еремушка и бабушка.** Обыкновеніе лечить накидываніемъ горшковъ ведется въ захолустныхъ деревняхъ нашихъ и до настоящаго времени: бабушка покрываетъ брюхо больному мокрой тряпкой, кладетъ въ горшокъ горсть пакли, зажигаетъ ее и затѣмъ накидываетъ горшокъ на брюхо, пакля постепенно тлѣетъ и брюхо больнаго втягивается въ горшокъ; отъ каковаго процесса происходитъ для него облегченіе. Горшки вмѣстѣ съ банею составляли еще очень недавно почти единственныя радикальныя средства для нашихъ деревенскихъ больныхъ [1]). Что касается до крѣпкихъ приговорокъ, которыми Еремушка сопровождаетъ свою рѣчь къ бабушкѣ, то обычай такихъ приговорокъ ведется на Русской землѣ съ издавна; еще Фотій Митрополитъ, въ посланіи къ своей паствѣ, говорилъ (въ 1410 г.): «учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ скверныхъ словесъ, что лаютъ отцевымъ и матернымъ» (Снегиревъ, Русск. въ своихъ послов., II. 121); въ Румянцевскомъ сборникѣ XVIII вѣкѣ (Вост. № 370 и 177) есть на этотъ предметъ особое душеполезное слово. Замашка ругать родителей — чисто восточная, гдѣ нѣтъ того обиднѣе, какъ выбранить чьего либо отца. У насъ впрочемъ крѣпкія слова *по матери* да-

---

[1]) Въ древности врачеваніемъ занимались духовныя лица — священники и монахи; эти послѣдніе устраивали даже больницы при своихъ монастыряхъ: преподобный Антоній «служаше самъ болящимъ» (Патерикъ печерск., 6); за то и народъ относился съ полнымъ уваженіемъ къ истинно полезной и трудовой ихъ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ въ заглушномъ быту нашего крестьянина нѣтъ лица, которому ближе и удобнѣе можно бы поручить тѣлесное врачеваніе паствы: въ деревняхъ священникъ призывается почти всегда въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда въ городахъ призывается медикъ (котораго въ заглушной деревнѣ *никогда* и быть не можетъ), и своевременная медицинская помощь его при этомъ можетъ спасти не одну сотню простаго человѣка; новая *полезная* дѣятельность уничтожитъ старинныя народныя пословицы о поповской жадности и обезпечитъ бытъ духовенства, не отягощая при этомъ крестьянина новыми налогами.

леко не сохранили того браннаго характера и составляютъ въ народномъ разговорѣ не болѣе какъ приговорку, которая:

«Какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ
Вкусъ придаетъ рѣчамъ»,

какъ мѣтко выразился макароническій, но чрезвычайно талантливый и народнѣйшій нашъ писатель Барковъ, и нисколько не даетъ повода обвинять простой народъ нашъ въ нравственномъ развратѣ. Сравните лексиконъ ругательствъ другихъ народовъ и вы увидите насколько они злѣе, грубѣе и ехиднѣе нашихъ. Нашъ ругательный лексиконъ очень кратотъ,—на все и про все почти одно и то же крѣпкое слово; смотря по тону, съ которымъ оно сказано, выражаетъ оно и горе, и радость, и брань, и божбу, и похвалу; безъ него не можетъ обучитьси ни рекрутъ своей службѣ, ни ремесленникъ своему мастерству; да и никто и не обижается имъ, если оно сказано «съ усмѣшкой, безъ сердцовъ». И не у одного простаго народа было въ употребленіи крѣпкое русское слово: еще очень недавно употреблялось оно лицами, очень и очень высоко поставленными, на ученьяхъ, смотрахъ, въ строяхъ и даже на парадахъ. Въ XVIII вѣкѣ приговорка *по матери* пріобрѣла гражданство даже въ тогдашней литературѣ и переводчикъ Мольеровой комедіи «Дорогія несмѣяныя» (les précieuses ridicules) слово «parbleu» незадумался перевести по русски: «растакую твою мать» (Сухомлиновъ). Иностранные путешественники наговариваютъ на насъ въ этомъ отношеніи много напраслины. Ульфельдъ замѣчаетъ, что Русскіе: «A juramentis ... absunt ... sed per matrem, canem, caniculae filium, spuriumque jurant et maledicunt, dicentes: Pudi matter, Sabach, Suginsin, Pledinsin» (Ulfeld, Hodoeporicon Rvthenicvm. Francofurti, 1608. Pag. 21). Олеарій разсказываетъ, какъ одинъ придворный заспорилъ съ провожавшимъ его приставомъ, о томъ, кому сидѣть на старшемъ мѣстѣ, и при этомъ оба подчивали другъ друга крупными словами: «Bledisin, Sukkinsin, butz fui matir, Huren Sohn, Hund, vnd andere schmehliche Worte» (Vermehrte Moskowitische vnd Persianische Reisebeschreibung.

Schlesswig 1663, S. 190). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про народъ: «Sie haben nichts gemeiners auff der Zungen, als: Bledinsin, sukkinsin, sabak, butzfui mat, jabonamat, Hurkind, Petzen Sohn, Hund, ich schende deine Mutter ins Grab. In os ipsius; in oculos, vnd was dergleichen schändliche Reden mehr seynd, so nicht alleine Erwachsene vnd Alte sondern auch kleine Kinder, ehe sie Gott, Vater vnd Mutter zu nennen wissen, dass jebutzfui mat im Munde führen, vnd gegen die Eltern, gleich die Eltern gegen die Kinder heraus stossen» (ibidem, S. 191). У другихъ путешественниковъ по этой части находимъ, — у Лизека: «nihil in eorum ore frequentius, quam *Sukkinsin* quod spurium, *Bledinsin* quod adulterinum significat: item *je bionamat* corrumpam matrem tuam, *je blufemat* corrupi matrem tuam et similis materiae elogia . . .» (Lyseck, Relatio eorum quae circa S. C. M. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Bottoni et Terlingerenum de Guzman a. 1675 gesta sunt. Salisburgi, 1676. Pag. 99); у Рейтенфельса: «Quocunque modo irritati, matrem adversarii Hebraeam, Paganam, impuram, caninam, et publice infamandam, vocant. Inimicos, servos, liberosque catulorum, et spuriorum vocabulis dehonestant; aut oculos sese illis, aures, nasum, os, et matrem violaturos turpiter comminantur» (Reutenfels, De rebvs Moschoviticis. Patavii, 1680. Pag. 183); у Таннера: «Pudy, Pudy, bledyn syn» и «In rixarum occasionibus pessima usurpant scommata, uti Blendin Syn: Stulti filius, Sukin Syn: Canissae filius; Sobaka, canissa» (Tanner, Legatio polonolithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1689. Pag. 88 et 99).

Особенно былъ крѣпокъ *на слово* Петръ Великій, который публично ругалъ по матери и своихъ вельможей и иностранныхъ. Фельдмаршалу Огильви напримѣръ, когда тотъ, не стерпя грубаго его обращенія, попросилъ уволить его въ отставку и отпустить къ великому цесарскому величеству, онъ при всѣхъ, не задумавшись, закричалъ: «Ja plun na Tebe ij na Cesare, snaislij eto gebionamat?» (Der Ehrliche Simon Petersen wider den Schelmischen. Altona, den 10 Septemb. Anno 1705); тоже слово сказалъ онъ

майору Киркеру въ Архангельскѣ, передъ цѣлымъ фронтомъ (Neugebauer, Schreiben eines vornehmen deutschen Officierers an einen Geheimen Raht eines Hohen Potentaten, wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken. Jetzo zum Achtenmahl nachgedruckt, und mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerckungen vermehret. Anno 1705, листъ E. 2). Бояре тоже неотставали отъ него; однажды, когда персидскій посолъ на публичномъ угощеніи отказался пить вино за здоровье Государя, такъ какъ вино было запрещено пить по его закону, и просилъ подать себѣ другаго питья, то одинъ изъ бояръ выплеснулъ ему стаканъ вина въ лицо и громко сказалъ ему, что онъ «Gebionamat, Hurensohn» (ibid., листъ B. 4). Служившій при Петрѣ I въ русской службѣ офицеръ Нейгебауеръ сравниваетъ Московію того времени «cum *cunno canino*, qui ingressum quidem praebet facilem, egressum verò difficillimum» (ibid., листъ C. 4) [2]).

214—215. **Бани.** Встарину на Руси бани были общія; въ Стоглавѣ (Стогл. I. LI. вопр. 18) упоминается о такой банѣ у Псковитянъ, гдѣ безъ зазора мылись «мужи, жены, чернцы и черницы». Хотя такія бани и были запрещаемы указами 1743, 1760 и 1785 гг., а равно и уставомъ благочинія (§§ 220, 262), но общія бани существовали въ Москвѣ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ 1799 году изданы купцомъ Вальзеромъ 12 видовъ Москвы, писанные Адамомъ де ла Бартомъ и отлично выгравированные за границей Ейхлеромъ; на одномъ изъ этихъ видовъ представлены Серебряницкія бани: мущины и женщины моются и купаются вмѣстѣ на берегу Яузы. На другой картинкѣ, гравированной знаменитымъ скульпторомъ Козловскимъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, представлена тоже баня, въ которой женщины моются вмѣстѣ съ мущинами. Въ Финляндіи

---

[2]) Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ К. Ѳ. Феттерлейномъ.

и въ настоящее время, въ баняхъ и купальняхъ, посѣтителей моютъ женщины. По разсказамъ Снегирева, передбанники, гдѣ раздѣвались въ торговыхъ баняхъ, были отдѣльные для мущинъ и для женщинъ, а мылись и парились они вмѣстѣ, въ одной банѣ, размѣщаясь при этомъ на разныя стороны (Лубочн. карт., 118). Въ деревняхъ русскихъ крестьяне парятся и моются цѣлой семьей, по очереди, въ печахъ, а окачиваться выходятъ на дворъ, на морозъ. Изображеніе этого рода бань можно видѣть въ путешествіи барона Рехберга. Олеарій (стр. 104) разсказываетъ, что, во время его путешествія, женщины не разъ выходили къ нему на встрѣчу изъ избы совсѣмъ голыя. Отличительное свойство русской бани—распариванье тѣла на полкѣ, въ 60-ти градусной жарѣ, и сѣченіе его вѣниками. Для простаго народа такая паровая баня, съ каменкой, составляетъ одну изъ первыхъ жизненныхъ потребностей: разъ въ недѣлю идетъ онъ выпариться, вымыться, пережарить расплодившееся на немъ чужеядное звѣрье и *облегчить* свое тѣло отъ передѣланныхъ за семь дней работъ. Здѣсь бабы правятся животами, старики и старухи выправляютъ кости и выпариваютъ простуду, *чемы* и *ломы*. Такъ велось съ глубокой древности. Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ (XVII в., въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ), въ описаніи путешествія Андрея Первозваннаго, приводится разсказъ о томъ, что онъ былъ въ Новгородѣ у Славянъ и видѣлъ, какъ тамошніе люди мылись въ банѣ: «и удивися имъ!» Бани, разсказывалъ онъ въ Римѣ, у нихъ деревянныя, въ нихъ наваленъ камень, который накаляютъ до красна; тогда они раздѣваются до нага и обливаются «квасомъ кислымъ и возмут на ся прутіе младое, и біются сами. И того ся добіют, едва излѣзут еле живи, и обліются водою студеною». Такъ дѣлаютъ они каждый день, прибавляетъ св. Андрей, «и не мучими никим же: но сами ся мучат и то творят омовеніе себѣ а не мч҃еніе» (Сухомлиновъ, О древн. русск. лѣтоп. СПБ. 1856, 18). Такая баня предлагалась каждому путешественнику и гостю: когда Древляне прибыли въ Кіевъ съ предложеніемъ сочетаться вел. кн. Ольгѣ бракомъ съ ихъ княземъ, то она «повелѣ угото-

вати ихъ ради баню велію, и посла къ нимъ, моля ихъ, да первѣе по трудѣ путнемъ измыются въ *банѣ* и почіютъ» (Минеи Четьи. Житіе Ольги, стр. 290). Въ Никоновской Лѣтописи тоже упоминается: «строеніе банное» (Русск. лѣтоп. по Никонов. списку. СПБ. 1767 г., I. 192).

216. **Подъячій и смерть.** У меня есть еще два изданія этой картинки: *д*, конца прошедшаго вѣка, гдѣ 1-я строка текста заканчивается словами: «все хватаетъ», и *е*, съ тѣмъ же окончаніемъ, только дверь, передъ которой стоитъ смерть, тушевана въ одну черту, тогда какъ въ изд. *д* — она тушевана въ двѣ черты, на крестъ.

220. **Нѣмка верхомъ на старикѣ.** Картинка эта, по мнѣнію раскольниковъ, представляетъ царя Петра Алексѣевича; она имѣетъ отношеніе къ разсказамъ, ходившимъ въ народѣ о большой слабости его къ шведской дѣвицѣ. С. М. Соловьевъ приводитъ по этому поводу любопытное показаніе, данное въ Преображенскомъ, въ застѣнкѣ, подъ пыткою, гулящимъ человѣкомъ Никитою Мининымъ, который объявилъ, что жена дворцоваго повара Якова Чуркина при немъ говорила: «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ, — а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. И та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду, и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его государя!» И она имъ сказала: «Подите, посмотрите; буде онъ валяется, и для вашего прошенія выпущу». И князья и бояре, посмотря его государя, ей сказали: «Томенъ, государыня». И она имъ сказала: «Коли томенъ, и вы его выньте». И они его выневъ отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ бояромъ, и бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвоздья, и въ тое бочку хотѣли его положить. И про то увѣдалъ стрѣлецъ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ, и

говоритъ: «Царь-Государь, изволь встать и вытти! Ничего ты не знаешь, что надъ тобою чинитца». И онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ, на его мѣсто; и бояре пришли, и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море» (Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., кн. IV). Самый мотивъ картинки заимствованъ изъ исторіи объ Аристотелѣ, осѣдланномъ любовницей Александра Македонскаго; эта исторія разсказывалась съ глубокой древности и изображалась даже въ церквахъ, на барельефахъ. Такія же исторіи о философѣ, осѣдланномъ женщиной, помѣщены: въ Пантша-Тантрѣ (Deslongchamps, Essai sur les fables Indiennes, p. 50), у Петра Альфонса въ Cent nouvelles nouvelles № 23, въ баснѣ Vogel mit drei Lehren (Schmidt, 106), въ повѣсти о Варлаамѣ и Іасафѣ (Dunlop, 483).

227. **Раскольникъ и цырульникъ.** Относительно брадобритія въ 40-й главѣ Стоглава сказано слѣдующее: «Также священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняютъ, ни брити брадъ и усовъ, ни постригати. Таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія, греческаго царя Константина Ковалина. И о семъ апостольская и отеческая правила весьма запрещаютъ и отрицаютъ, правило святыхъ апостолъ еще глаголетъ: аще кто браду брѣетъ, и преставится тако, не достоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры ни свѣщи по немъ въ церковь не приносити [1]): съ не-

[1]) Однако великій князь Василій Ивановичъ, вступивъ въ бракъ съ Еленою въ 1525 году, обрилъ себѣ бороду, чего прежде, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ, никто изъ великихъ князей не дѣлалъ (Adelung, Herberst., 175—182). Г. Михневичъ посвятилъ исторіи о бородѣ рядъ фельетоновъ въ «Новостяхъ»; начальный обычай брить бороду имѣлъ чисто практическую цѣль, независимо отъ прихотей моды. Разсказываютъ, что Александръ Македонскій, предпринимая походъ въ Индію, узналъ, что тактика тамошнихъ воиновъ заключается въ томъ, чтобы во время боя прежде всего хватать своихъ противниковъ за бороды. Въ предупрежденіе этой военной хитрости, Александръ приказалъ своимъ воинамъ сбрить бороды, и, какъ извѣстно, стяжалъ себѣ въ Индіи неувядаемые лавры. Такимъ образомъ, бритье бороды незамѣтно

вѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша. О томъ же правило 11-е шестаго собора, иже въ Труллѣ Полатнемъ, о стризаніи брадъ: что же о пострижепіи брады, не писано ли есть въ законѣ: не постригайте брадъ вашихъ? себо женамъ лѣпо, мужемъ же не подобно: создавый Богъ судилъ есть, Моисеови бо рече: постригало да не взыдетъ на браду вашу, себо мерзость есть Господеви; имъ отъ Константина царя Ковалина еретика се узаконено есть; на томъ бо вcѣ знаютъ, яко еретическія слуги, иже суть брады имъ постризаны. Вы же се творяще, человѣческаго ради угодія, противящеся закону Божію, ненавидими будете отъ Бога, создавшаго насъ по образу своему. . .» Въ словѣ о брадобритіи, приписываемомъ патріарху Адріану, объ этомъ же предметѣ говорится, что: «Богъ всеблагій въ Троицѣ поемый. . . . . мужа и жену сотвори, положивъ разнство видное между ими, яко знаменіе нѣкое: мужу убо благолѣпіе, яко начальнику — браду израсти, женѣ же яко несовер-

---

вошло въ обычай въ македонскомъ войскѣ, а изъ подражанія ему стали впослѣдствіи бриться въ Греціи и всѣ граждане. Римляне, во всемъ подражавшіе грекамъ, въ свою очередь переняли и этотъ обычай, а отъ нихъ сталъ онъ мало по-малу распространяться и среди варваровъ, съ которыми грекоримскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе. Этимъ путемъ бритье бороды было заимствовано и нѣкоторыми нашими предками-славянами еще до введенія христіанства. Извѣстно, что малороссы, поляки и южные славяне до сихъ поръ брѣютъ бороды; въ Малороссіи отпускаютъ бороды только маститые старики, выражая этимъ какъ бы отчужденіе отъ міра и обращеніе помысловъ къ Богу. Христіанская Европа среднихъ вѣковъ носила бороды, хотя въ ношеніи ихъ, стрижкѣ и прическѣ соблюдались прихоти измѣнчивой моды. Бритье бороды и усовъ вводится въ цивилизованной Европѣ одновременно съ возрожденіемъ классицизма—во времена новѣйшія, во времена такъ называемаго «Renaissance'а». Извѣстно, что въ подражаніи древнимъ псевдо-классики доходили до странныхъ и даже смѣшныхъ крайностей. Такою же ненужною крайностью была мода брить бороды и усы, явившаяся единственно изъ подражанія грекамъ и римлянамъ. Мода эта даже пережила времена увлеченія классицизмомъ. Уже въ XVIII вѣкѣ вся образованная Европа была безбородая. Позднѣе наступили времена романтизма, вслѣдъ за ними—реализма, а обычай брить бороду все еще упорно держался и даже и до сихъ поръ далеко не исчезъ окончательно. Царство бороды въ культурныхъ странахъ началось весьма недавно, какихъ-нибудь лѣтъ двадцать пять назадъ—не болѣе; но и теперь еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ и для нѣкоторыхъ профессій она считается почти неприличіемъ.

шенной но подъначальнѣй, онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчинена, зрящи мужа своего красоту, себя же лишенну тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна. О веліе зло человецы, созданніи по образу Божію, измѣниша доброту зданія его, и зракъ свой мужескій обругаша, уподобляющеся женамъ блудовиднымъ, ради угожденія сквернаго, или паче рещи — подобящеся безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ или псомъ и подобнымъ имъ: тіи бо усы простерши брадъ же не имуть тако и человѣцы младо умни, или паче свойственнѣе рѣщи, безумніи, усы простирающе». Тамъ же упоминается, что мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій... «по принятіи святаго крещенія пострадаша въ Вильнѣ за брадобритіе и ношеніе тафей отъ нехристіанскаго еще литовскаго князя Олгерда» (изъ подлин. XVIII в., принад. гр. Строгонову). Въ другомъ словѣ о брадобритіи, помѣщенномъ въ сборномъ подлинникѣ (гр. Строгонова; XVIII в.) раскольничьей редакціи, прибавлено еще убѣдительное свидѣтельство о святости бороды: «Взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя въ деснѣй странѣ христа стоящи, вси имущи брады; на шуей же стоящіи бесермены и еретики, люторы и поляки и иныя подобныя имъ брадобритенники, точію имущія едины усы, яко имутъ кошки и псы....» (Буслаевъ, Очерки, II. 234).

Въ одной рукописи XVI вѣка, волошскаго письма, принадлежавшей профессору Григоровичу, въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ, находимъ разсказъ о томъ, почему брѣетъ бороду католическое духовенство: «А зачѣмъ Папа вашъ стрижетъ бороду?» — спрашиваетъ Панагіотъ. Азимитъ отвѣчаетъ: «Пришолъ Ангелъ Господень ночью къ Папѣ и сказалъ: «если хочешь быть такъ, какъ ангелъ, остриги свою браду, потому что ангелы безъ брадые предстоятъ престолу Божію». «Не такъ», отвѣчаетъ Панагіотъ, «ты солгалъ Азимише! Слушай же, и я скажу тебѣ сущую правду, понеже писано есть: аще вы умолчите, каменія возглаголютъ. Вотъ Папа хотѣлъ имѣть жену, жена же, пославъ къ нему, велѣла сказать ему: «если хочешь, чтобы я была

твоею, то остриги бороду свою и сотворись безбраденъ и младъ къ любви моей». Но когда жена увидала его съ остриженною бородкою, сказала: «Осрамотилъ еси свою почесть и погубить хочешь свой святительскій чинъ, о безумный, за мой худой и нечистый полъ и за похоть скверную. Того ради живъ Господь Богъ и душа моя! Не приду къ тебѣ обезумѣвшему и развратившемуся». Папа, видя смѣхъ и паденіе отъ жены, предался было великой печали; но потомъ, раздумавъ, написалъ епистолію и созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ епископовъ, и сказалъ имъ: «Миръ вамъ, чада мои духовныя! Услышьте, что скажу вамъ о любви Божіей, иже объяви мнѣ Господь смиренному о вашемъ спасеніи. Господь послалъ ко мнѣ ангела съ этою эпистоліею и велѣлъ сказать мнѣ: Аще хощеши быти яко ангелъ, то острizи браду свою. Такъ я и сдѣлалъ. Такъ же сдѣлайте и вы, остригите брады свои; понеже ангелы безбрады, а Папа возрадовался радостію великою. И этого обычая и до нынѣ вы держитесь» (Буслаевъ, Очерки, I. 502)».

Бороду встарину, какъ сказано выше, считали священною принадлежностію всякаго мужа. Князь Ростовскій, завѣряя Ивана Грознаго въ томъ, что не переписывался съ Польскимъ королемъ, клялся: «не видать мнѣ моей бороды» (Снегиревъ, Русск. пос., II. 47); Коллинсъ (1659 г.) говоритъ, что одному слову бородатаго въ Москвѣ вѣрятъ больше, чѣмъ клятвѣ безбородаго (Чтен. Москов. Общ. Истор. 1846, I. 21). Споры насчетъ святости бороды и ея неприкосновенности продолжались долгое время и послѣ смерти Петра Перваго; за бороды сильно держались еще въ половинѣ XVIII вѣка, и не только раскольники, но и православные сомнѣвались—брить ли ихъ. Подъ №№ 1435 и 1436 приведено два изображенія св. Димитрія Митрополита Ростовскаго, гравированныя около этого времени, съ цѣлію укрѣпить брѣющихъ бороды и поколебать правоту раскольничьяго вѣроученія. Въ текстѣ одного изъ этихъ изображеній говорится, что въ 1705 году, когда св. Димитрій былъ въ Ярославлѣ, то въ одинъ день послѣ литургіи подошли къ нему двое бородачей, за совѣтомъ: «намъ велятъ

бороды наши брити, а мы готовы скорѣе наши головы за брады положити» [2]). Ненайдя чтобы отвѣтить имъ изъ св. писанія, св. Димитрій спросилъ ихъ: «что отростетъ—голова или борода?»—«борода», отвѣчали бородачи; «а голова отростетъ развѣ при общемъ воскресеніи». Выслушавъ этотъ отвѣтъ, святой пошелъ въ свою келію, вошли съ нимъ и многіе честные граждане, и было у нихъ разглагольствія довольно о брадобритіи и небрадобритіи. Въ другомъ изображеніи (№ 1436) въ текстѣ говорится, что обрившіе по указу бороды сомнѣваются въ томъ: не испортили ли они тѣмъ подобіе Божіе; св. Димитрій отвѣчаетъ, чтобы никто не усумнился въ спасеніи своемъ, «понеже они не по своему произволенію обрили свои бороды, а по велѣнію властей».

При Екатеринѣ II либерализмъ относительно брадобритія пошелъ уже въ другую сторону; сбрилъ себѣ бороду священникъ Самборскій и, несмотря на протесты Митрополита, отправлялъ въ такомъ видѣ священическія требы. Въ Русской Старинѣ 1876 года (Май, стр. 13: Записки Гарновскаго) приведенъ по этому случаю слѣдующій весьма характерный разсказъ: При освященіи Софійскаго собора Новгородскій Митрополитъ не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ протопопомъ Самборскимъ. «Зачѣмъ ты здѣсь, говорилъ онъ ему, я съ тобою служить не стану! Знаешь ли ты, что изъ Кіева пишутъ? Неурожай въ хлѣбѣ отъ того, что ты бороду брѣешь, ты новую ересь заводишь. Брадобритіе подаетъ поводъ къ расколамъ и къ возмущеніямъ народнымъ. Что ты умничаешь! Отрости бороду, или предамъ и предаю тебя суду Божію. Воды освящать не дозволяю и къ причастію Святыхъ тайнъ не нахожу тебя достойнымъ. Лицемѣръ! я не признаю тебя за протопопа!» На это Самборскій между прочимъ отвѣчалъ: «Отецъ

---

[2]) Въ одной пѣснѣ у Кирѣевскаго о козакахъ при французахъ разсказывается, что «прогнѣвался на нихъ царь Александръ; онъ велѣлъ съ нихъ обрать платье цвѣтное, обрядить въ платье штатское, онъ велѣлъ имъ обрить всѣмъ бороды; ужъ и тутъ они его ослушались: охъ ты гой еси нашъ батюшка, православный царь Александръ Павловичъ! Не приказывай ты намъ обрить бороды, прикажи ты намъ рубить головы» (Кир. X. 83).

мой, священникъ, ходилъ съ бородою и въ такое время, когда по случаю неурожая въ хлѣбѣ былъ моръ, отъ коего спасти борода отца моего не въ состояніи была. Не умничаю, но не нахожу, чтобы борода составляла таинство вѣры» и т. д. Въ заключеніе привожу выборку изъ памяти 1705 года, откуда видно, что Государь указалъ: «впредь усы и бороду брить» на Москвѣ и во всѣхъ городахъ: царедворцамъ, приказнымъ, дворовымъ, гостяномъ, гостиной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ; если же брить усовъ и бороды не захотятъ, то брать съ нихъ въ годъ: съ царедворцовъ и дворовыхъ приказныхъ — по шестидесяти рублей съ человѣка, съ гостиной сотни отъ 60-ти до 100 рублей, съ посадскихъ, Московскихъ городовыхъ жителей и съ церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, по 30-ти рублей съ человѣка, въ годъ, и давать имъ изъ приказа земскихъ дѣлъ *знаки* и тѣ знаки имъ *на себѣ носить*; изъ другихъ городовъ за тѣми знаками пріѣзжать въ Москву, а въ Сибирскіе дальніе города и Поморскіе—знаки послать изъ Москвы (Полевой, Русск. Вивліоѳика. М. 1833, I. 381). Въ собраніи извѣстнаго нумизмата Ю. Б. Иверсена есть два мѣдныхъ жетона, которые выдавались въ видѣ квитанціи въ томъ, что пошлина за право ношенія бороды внесена. На первомъ изъ нихъ, кругломъ, на лицевой сторонѣ представлена борода съ усами и носомъ; надъ ними надпись: «денги взяты»[3]); кругомъ жетона лавровый вѣнокъ; на оборотѣ такойже лавровый вѣнокъ, двуглавый орелъ и надпись: «҂аѱє году». Другой жетонъ—квадратной формы; по краямъ его фестончики, а всрединѣ надпись: «сбороды (пошлина) взята 1725»; обратная сторона жетона гладкая, а на гуртѣ надпись: «борода—лишь—ная тягота» (Изображеніе этого жетона помѣщено у Шодуара: Табл. 23. № 1).

Взаключеніе представляю перечень указовъ, вышедшихъ до 1764 года къ притѣсненію раскольниковъ и въ ограниченіе ихъ правъ:

---

[3]) Подъ буквами «вз» выбитъ штемпелемъ двуглавый орелъ.

1705 г. Кромѣ поповъ и дьяконовъ всѣмъ брить бороды и усы, а съ небрѣющихъ взыскивать пошлины (Полн. Собр. № 2015).

1714. Подтверждено о наказаніи за ношеніе бороды (П. С. 2874).

1722. Установлено для бородачей платье особаго покроя и запрещено принимать отъ бородачей челобитныя, если они будутъ подавать ихъ не въ указанномъ платьѣ; всякаго такого бородача велѣно приводить (П. С. 3944). Не вѣнчать раскольниковъ съ православными (П. С. 4009). Не вѣнчать раскольниковъ между собою, а за брачное сожитіе предавать суду (П. С. 4009, п. 9). Освобождать отъ штрафа бородачей, которые обрѣютъ бороды (П. С. 4041). О тѣхъ, кто будетъ бороды подстригать (П. С. 4034).

1723. Съ торговыхъ бородачей брать штрафъ (П. С. 4245), съ крестьянъ не брать его (тамъ же).

1724. Для бородачей установлено особое платье и знаки для бороды; учреждена контора при сенатѣ для сбора съ нихъ денегъ (П. С. 4596). Запрещено назначать ихъ въ такія должности, гдѣ они могутъ имѣть подначальныхъ (тамъ же).

1726. Пріѣзжающимъ въ Петербургъ для работъ, кромѣ крестьянъ, брить бороды (П. С. 4944). Подтвержденіе брать съ бородачей штрафъ (П. С. 4985, п. 1. 2. 3. 6. 7. 9.).

1728. Непахатныхъ людей бородачей писать въ двойной окладъ и брать за бороду по 50 рублей (П. С. 5349).

1735. Вѣдомости о бородачахъ присылать въ раскольническую контору (П. С. 6780).

1748. Подтвержденіе бородачамъ носить указанное платье (П. С. 9479).

1752. Подтвержденіе, чтобъ носили указанное платье и знаки (П. С. 1752).

1762 (П. С. 11, 725) и 1764 (П. С. 12, 067). Предоставлено раскольникамъ носить бороду, усы и ходить въ неуказанномъ платьѣ.

Относительно раскольничьяго платья, Голиковъ пишетъ, что Петръ придумалъ для раскольниковъ особый нарядъ: «приказалъ

имъ носить на спинѣ продолговатый четыреугольникъ изъ краснаго сукна и стоячій на затылкѣ козырь изъ желтаго сукна [4]), съ тѣмъ, что ежели кто изъ нихъ съ бородою и безъ сихъ знаковъ на ихъ староманерномъ платьѣ придетъ въ приказъ о чемъ просить, то, нигдѣ ни о чемъ просьбъ ихъ не принимая, взыскивать, не выпуская изъ приказу, по 50 рублей штрафу; также кто увидитъ кого съ бородою безъ таковаго платья, то бъ приводили оныхъ къ Комендантамъ и Воеводамъ и къ приказнымъ, и онымъ тотъ же штрафъ съ нихъ взыскать и приводцамъ онаго штрафа половину, и платье раскольничье отдавать...; изъ сего монархъ исключилъ только однихъ крестьянъ, да и тѣхъ точно пашенныхъ, а не торговыхъ». Это повелѣніе послѣдовало послѣ покушенія на жизнь Петра со стороны одного раскольника, который, подъ видомъ подачи просьбы, пробрался къ нему въ кабинетъ съ ножемъ въ рукахъ (Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, VIII. 150.—Анекдоты Штелина, стр. 42).

227 А. Прибавить: **Компанія нюхающихъ табакъ** (8 человѣкъ); внизу подпись: «Иностранныя народы изволятъ нюхать табакъ на разныя манеры насъ табакъ забавляетъ и глаза наши исцеляетъ».

227 Б. **Компанія курящихъ табакъ** (8 человѣкъ); внизу подпись: «Господа Иностранцы Изволятъ занимается табакомъ потому табакомъ макроту выгоняютъ отого И здравы бываютъ».

Двѣ полулистовыя картинки, гравированныя на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева, должно быть копіи съ иностранныхъ оригиналовъ; нѣкоторыя фигуры скопированы въ нихъ съ извѣстной карикатуры Гогарта: «A midnight modern conversation» (Въ моемъ собраніи). О введеніи табака въ Россіи см. примѣч. къ № 166.

---

[4]) Это описаніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ одеждой раскольника на картинкѣ № 227, хотя здѣсь онъ представленъ въ короткой голландской епанчѣ, неимѣющей ничего общаго съ длиннополою раскольничьею одеждою.

227 В. Прибавить: въ моемъ собраніи есть полулистовая картинка, гравированная на мѣди и изображающая двухъ табачниковъ; изъ нихъ одинъ, который постарше, подчуетъ другаго табакомъ изъ своей табатерки; внизу вирши:

«Здравствуй почтенной Старичокъ
Я вижу что ты нюхаешь табачокъ
О! какъ я къ чужому табаку привыкъ
Отъ того у меня и носъ великъ
Я мало себѣ табаку покупаю
А все по чужимъ табатеркамъ носъ набиваю.
Екой твой проклятой носъ
Не шутъ-ли тебя Ко мнѣ поднесъ
Мнѣ было бы на цѣлой день
А ты захватилъ въ одну пядень
Прощай шутъ будь съ тобою
И не встречайся ты со мною
Ты меня вовсе разорилъ табакомъ
Нестолько вынюхаешъ Сколько разсоришъ».

228. **Реестръ о цвѣтахъ.** Въ Письмовникѣ Курганова (11-е изд. ч. II, стр. 357) помѣщено *мнѣніе о цвѣтахъ*, во многомъ впрочемъ несходное съ нашею картинкою, а именно: «Алый, пріятство. Алый съ чернымъ, печальное прощаніе. Бѣлый, чистота, цѣломудріе, правда. Бѣлый съ брусничнымъ, лукавство. Брусничный, ласкательство. Васильковый, гордость. Вишневый, обманство. Гвоздичный, уныніе. Голубой съ чернымъ, злобство. Гуляфный, праздность. Голубой, постоянство. Дымчатый, услужливость. Жаркой, свиданіе, веселіе. Желтый, сомнѣніе. Желтый съ чернымъ, сбойство. Зеленый, надежда. Кофейный, смиреніе. Коришневой, благодарность. Крапивный, крючкотворство, шумство. Красный, миръ. Лимонный, простота. Лазоревый, непріятство. Маковый, желаніе. Малиновый, лицемѣрство. Осиновый, сутяжество. Песочный, удовольствіе всего. Померанцовый, радость. Перловый,

ученость. Пунцовый, величество. Розовый, нѣжность, глупость, мудрость. Сливный, коварство. Соломенный, снисхожденіе, уничиженіе. Сѣрый, непостоянство. Синій, мужество. Свинцовый, скупость, бережливость. Темнозеленый, вѣрность. Черный, печаль *).

228, 230 и 231. **Карлики** составляли издавна, съ глубокой древности, необходимую принадлежность всякаго Двора. «Калечище малъ малешинекъ» былъ у воротъ теремовъ в. к. Владиміра и ударялъ въ набатъ къ сбору богатырей на княжій дворъ (Кирша Даниловъ, 27). Въ нашихъ актахъ находимъ извѣстіе, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, устраивая брату своему Петру какъ-бы особый штатъ, подарилъ ему, между прочимъ, четырехъ карликовъ (Есиповъ, Матер., I. 23). Въ 1697 году, при русскомъ посольствѣ въ Амстердамѣ, находились тоже четыре карлика: Ермолай Мишуковъ, Денисъ да Ѳедоръ Еремѣевы и Екимъ Іевлевъ (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, III. 34). Кромѣ карловъ при дворѣ Петра I-го были арапы, гайдуки, бандуристы, гудошники, гудошницы, скороходы и множество шутовъ. По другой переписи этого же времени карликовъ при дворѣ значилось 70 человѣкъ. Петръ очень занимался своими карликами Лукою Честихинымъ **) и Екимомъ Волковымъ. Въ 1710 году на сватьбу Волкова было собрано, по его приказанію, 30 карли-

*) Для сравненія цвѣтовъ прилагаю списокъ различныхъ цвѣтовъ матерій и одеждъ, встрѣчающихся въ царскихъ выходахъ 1632—1682 гг. (Строевъ, Алфав., 102): алый, червчатый, багровый, темнокоричневый, брусничный, песочный, вишневый, гвоздичный, голубой, дымчатый, жаркій, огненный, рудожелтый, зеленый, лазоревый, празелень, кирпичный, коричный, лимонный, крапивный, маковый (темный), малиновой, осиновый, сахарный, сизовый, сливный, соломенный, сѣрогорячій, таусинный (синій темный), ценинный, шафранный.

**) Изъ расходной росписи видно, что этому Честихину въ 1716 году сдѣланъ *сартукъ* изъ краснаго сукна, а въ 1717 году купленъ въ Гагѣ у *парукера* парикъ за 25 гульденовъ (Есиповъ, II. 51, 57). Въ 1719 г. Его Величество издержалъ на покупку сапогъ дураку Тарасу 2 р. и Екиму карлѣ 23 алтына 2 деньги. Въ 1722 году Екатерина I купила скороходу Ильѣ сапоги (II. 140); въ этомъ же году упоминаются придворные гайдуки, бандуристы, гудочница Наталья (II. 145), гудочникъ Коневъ (II. 167), Иванъ и Денисъ бандуристы (II. 139, 114, 145, 147, 148), Арапъ Арапковинъ (II. 128, 151), Калмыченка и карлы

ковъ; самая сватьба эта была награвирована въ 1711 году Алексѣемъ Зубовымъ, съ слѣдующею подписью: «бракъ и веселіе Его царскаго величества Карлы, бывшее въ Сактъ-Питербургѣ накоторое собрано было множество Карлъ въ домѣ его свѣтлости князя Александра Даниловича Меньшикова Ноября въ 14 день. 1710. Грыдоровалъ въ Санктъ Пітеръбурхе Алексій Зубовъ 1711; а какимъ порядкомъ оное опредѣлено было и то указуетъ въ семъ градированномъ начертаніи по нумерамъ: 1. Столъ, гдѣ изволилъ сидѣть его царское величество и свѣтлѣйшій князь и ближніе люди. 2. Высочайшіе его царскаго величества дамы и надъ брачными короны и балдахины. 3. Ближніе его царскаго величества люди и нѣкоторыя дамы. 4. Офицеры. 5. Женихъ и при немъ чиновные люди Карлы. 6. Невѣста съ ближними дѣвицы. 7. Маршалъ и шаферы. 8. Чиновники и дѣвицы. 9 Музыка, трубы и литавры». Картинка гравирована рѣзцомъ; вышина ея 9 франц. дюймовъ и 8 линій, ширина 10 и 3 (см. Русскіе Граверы, стр. 199). Въ 1713 году была устроена еще смѣхотворная сватьба карлика, а въ 1715 году такія же похороны (Weber, N. R., I. 385). У кн. Меньшикова были свои карлы (Русск. Арх. 1875. 479); на одномъ ужинѣ, данномъ у него въ честь Петра Перваго, двѣ карлицы *сюрпризомъ* выскочили изъ большаго паштета, стоявшаго на столѣ (Weber, I. 392). У царевенъ были часто свои карлицы; Голиковъ упоминаетъ о карлицѣ Маρѳѣ Даниловой, числившейся въ комнатахъ при Аннѣ Петровнѣ (Дѣян. Петра В., VII. 378). Обычай имѣть при себѣ карловъ и карлицъ велся на Руси и въ нынѣшнемъ столѣтіи: карловъ держали не только знатные и богатые вельможи, но и дворяне средней руки, причемъ карлы и карлицы цѣнились наравнѣ съ самыми дорогими звѣрьми и собачками *).

Петръ Бисеровъ (I. 33), Верхоцѣнскій (I. 33), Петръ (I. 37, 46, 262), Алексѣй Ивановскій (I. 33), Ермолай (I. 298, 340, 341), семья Муратовыхъ—четыре карла (I. 112) и Пятовъ (I. 33, 328).

*) Правдивую повѣсть объ этихъ *человѣченцахъ* можно прочесть въ «Соборянахъ» Стебницкаго, гдѣ, рядомъ съ Плодомасовскими карликами, выставлены и высоко художественные и симпатичные типы сельскаго духовенства.

На картинкѣ № 228 внизу сдѣлана надпись: «чево ты смотришь розиня», причемъ буквы поставлены въ разбитную; такой манеръ писать нерѣдко употреблялся встарину. Еще въ большемъ употребленіи было такъ называемое письмо *тарабарщиною*, для котораго составлялись отдѣльные ключи, иногда буквами, иногда цифирью. Самая простая тарабарщина заключалась въ замѣнѣ однихъ согласныхъ буквъ другими, по слѣдующему ключу:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

232—238. **Сатиры на моды и на высокія прически.** Всѣ поименованныя картинки скопированы съ французскихъ оригиналовъ, откуда, съ половины XVIII вѣка, получались въ Москвѣ и Петербургѣ законы на моду и прически. О прежнемъ времени Коллинсъ, въ своемъ путешествіи по Россіи (въ 1659 г.), говоритъ, что московскія женщины употребляютъ румяны, похожія на краски, которыми въ Англіи красятъ трубы, и бѣлила шпанскія, отъ которыхъ только портятся зубы; что онѣ кромѣ того чернятъ зубы и бѣлки глазъ, любятъ розовую воду и не терпятъ мускуса (Чтен. Москов. Общ. 1846, I. 21). Въ примѣчаніи къ №№ 783—785 можно прочесть описаніе кокетки того времени, прихорашивающейся для выхода *на устрѣляніе сердецъ*. Въ XVIII вѣкѣ, въ журналѣ «Модное ежемѣсячное сочиненіе», издававшемся съ 1779 г. (всего вышло 12 книжекъ), помѣщено 9 картинокъ модъ и причесокъ: 1, Щеголиха на гуляньѣ (съ огромнымъ хохломъ, въ родѣ того, который представленъ на нашихъ картинкахъ), 2, Счастливый щеголь, 3, Головной уборъ по манеру шишака Минервина или по драгунски, 4, Разцвѣтающая пріятность, 5, Покрытыя прелести, 6, Прелестная простота, 7, Рогъ изобилія, 8, Уборъ а-ла-бель-пуль (на головѣ цѣлый корабль на парусахъ, какъ въ балетѣ Камарго), 9, Леванскій турбанъ (Русск. Стар. 1873 г. Апр. 586, замѣтка г. Неустроева; причемъ приложены копіи съ нѣкоторыхъ картинокъ).

Въ 1791 году издавался: «Магазинъ англинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ новыхъ Модъ», съ гравированными картинками; изданіе это подробно описано г. Неустроевымъ, а нѣкоторыя картинки изъ него (головной уборъ «пчелиный улей», роба на манеръ королевиной, à la Triomphe, по крестьянски и à la Reine) помѣщены въ Русск. Старинѣ (1875. Янв. 226). Богатый матеріалъ по части модъ можно найти въ старинныхъ рядныхъ записяхъ, а также и въ текстѣ картинки: роспись приданому (№№ 143 и 144). Что касается до прически, то въ этомъ отношеніи московскія дамы доходили до сумашествія даже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Къ извѣстному балу, напримѣръ, всѣмъ барынямъ хотѣлось чесаться у знаменитаго въ то время парикмахера Глазова; въ виду многочисленной практики у этого послѣдняго, иныя дамы причесывались наканунѣ бала, рѣшаясь такимъ образомъ лучше просидѣть въ вертикальномъ положеніи цѣлую ночь на стулѣ, чѣмъ быть причесанной другимъ парикмахеромъ, а стало быть и хуже своихъ товарокъ.

238 А—Л. Прибавить: одинадцать листовъ, изображающихъ ѣзду въ саняхъ и на дрожкахъ; полулистовыя картинки, гравированныя на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева; чрезвычайно любопытныя по костюмамъ и упряжи:

А. Дама ѣдетъ на извощикѣ, въ саняхъ, вправо.

Б. Дама съ дѣвочкой, въ саняхъ, на извощикѣ; ѣдетъ влѣво.

В. Двѣ дамы въ саняхъ въ одну лошадь, впереди кучеръ; ѣдутъ влѣво.

Г. Господинъ въ треуголкѣ, ѣдетъ на *волочкѣ*, въ одну лошадь (безъ кучера).

Д. Въ такомъ же экипажѣ, безъ кучера, ѣдутъ кавалеръ съ дамой, влѣво.

Е. Тоже: дама въ кокошникѣ и покрывалѣ.

Ж. Они же ѣдутъ вправо.

З. Въ такомъ же экипажѣ ѣдетъ одна дама съ распущеннымъ зонтикомъ; впереди кучеръ (ѣдутъ вправо).

И. Въ такомъ же экипажѣ ѣдутъ вправо кавалеръ съ дамой; впереди ихъ кучеръ.

К. Кавалеръ въ коляскѣ, парой въ дышло, ѣдетъ вправо; самъ правитъ лошадьми; на запяткахъ мальчикъ.

Л. Такая же упряжь; ѣдетъ дама влѣво; сама правитъ.

Всѣ находятся въ моемъ собраніи.

238 М. Прибавить: Пастушекъ развязываетъ поясъ у спящей пастушки; подлѣ лежатъ три овечки.

238 Н. Пастушекъ подноситъ пастушкѣ овечку; сзади еще пастушеская пара.

238 О. Три полулистовыя картинки, гравированныя въ манерѣ мастера Чуваева, на каждой представлено по три фигуры (фокусники?); всерединѣ дама, показывающая карту—бубновый тузъ; по сторонамъ ея два плясуна съ палками. — Въ моемъ собраніи.

239. Нравоученія эти извлечены изъ книги: Житіе и дѣла Марка Аврелія Антоніна цесаря римскаго, при томъ собственныя и премудрыя ево разсужденіи о себѣ самомъ; съ нѣмецкаго на россійской языкъ перевелъ Академіи наукъ Секретарь Сергей Волковъ. Въ Санктпетербургѣ въ 1738 и 1739 году. А напечатана сія книга по высочайшему повелѣнію .... СПБ. 1740 г.

240. **Похвала розгѣ.** Изображенія, подобныя нашей картинкѣ, встрѣчаются во множествѣ и въ западной калькографіи. Въ моемъ собраніи, напримѣръ, находится старинная нѣмецкая народная картинка XVII столѣтія, на которой представлено благочестивое семейство за трапезой; вверху, въ лѣвомъ углу картинки, отецъ одной рукой нагибаетъ молодое дерево, а другою, большимъ пуч-

комъ розогъ, поретъ мальчика; подъ картинкой надпись: «Des Baume nutz ist Iung gebogen, Der Kinde wohlfahrt Iung gezogen». Привожу еще двѣ редакціи розочныхъ виршъ, въ родѣ тѣхъ, которыя помѣщены на картинкѣ № 240: одну изъ рукописнаго сборника XVII — XVIII вѣка и другую изъ букваря 1679 года.

1. Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ:
Розга убо мало здравія вредитъ.
Розга разумъ въ главу дѣтямъ погоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ убо всѣхъ стрезаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ;
Розга Божественнаго писанія учитъ.
Розга аще убіемо, но не ломитъ кости,—
Дѣтищь оставляетъ всякіе злости.
Розгою аще часто мати біетъ дѣти,
Избавитъ души ихъ отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати ради приснаго хлѣба;
Розга дѣти ведетъ до неба.
Розга всякимъ убо добротамъ научаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей добрыя претворяетъ.
Розгою мати, яже дѣтище не біетъ,
Удаву на выю ему скоро увіетъ.
Вразуми Боже матери и учители.
Розгою малыхъ дѣтей бити хранители!
Благослови Боже оныя лѣса,
Яже розги родятъ на долгія времена!
Къ малымъ розга березова ко умиленію,
А старымъ жезлъ дубовый къ подкрѣпленію.
Младъ убо безъ розги не можетъ сего умѣти:
Тоже старъ сый безъ жезла не можетъ ходити.
Аще безъ розги измала возрастится;
Старости не достигъ, безвременно скончитъца (Буслаевъ,
Очерки, I. 585).

2. Хощеши чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися въ трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти
Розги малому, бичь большимъ требѣ..
То орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже враждаютъ.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую въ благу прелагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службы ходити..
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ..
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
Сіе же слово за даръ благъ возмите,
Не злословьте ми, но благословите:
Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю».

Относительно размѣровъ наказанія розгами, въ рукописи *XIV* вѣка, извѣстной подъ названіемъ «Златая цѣпь», говорится: «если домочадцы тебя не слушаютъ, ... то лозы на нихъ не щади, до шести розогъ и даже до двѣнадцати. Если велика вина, то и двадцать розогъ. Если очень велика, то и тридцать розогъ лозою: но больше тридцати не велѣно» (Буслаевъ, Очерки, I. 584). О томъ, какое примѣненіе имѣла розга на практикѣ не совсѣмъ давняго времени, можно прочесть въ запискахъ Варѳоломѣя Шевченки, обучавшагося въ школѣ села Кириловки, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи (Древн. и Нов. Россія 1876. Май) *).

*) Въ заключеніе привожу народную пѣсню о значеніи розогъ въ школѣ, сочиненную извѣстнымъ воромъ Ванькой Каиномъ:

242 А—Е. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще 6 картинокъ работы того-же мастера (№ 242), рѣзцемъ:

242 А. Листовая картинка: двое ребятъ—одинъ здоровый, другой истыканный оспой; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Куда хорошъ дѣтина
Горбатъ и кривошей, рябая образина!
Вотъ шитая-то рожа, вѣзеной, братцы, носъ!
Трегубъ и кривоносъ и косъ!
Отъ ногъ до головы весь пѣгой!

Житье въ школѣ не по насъ,
Въ одинъ день сѣкутъ пять разъ.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
И лозами по бедрамъ,
И палями по рукамъ.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Придешь въ школу не готовъ,
Не припомнишь разныхъ словъ.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Ни съ другова слова въ рожу,
Со спины дерутъ всю кожу.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Не дадутъ и погулять,
Только пенсами морятъ.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Учителя не гнѣви,
За столомъ смирно сиди.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Въ кашицѣ хоть ложки мой,
Не крупой пахнетъ—водой.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Ударь ложкою, щелкнетъ;
Пузырь на ней не вскокнетъ.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда
Оккупацію слагай,
А пусты щи вырызгай.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
О проклятое чернило!
Сердце наше изсушило:
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
И бумага и перо
Сокрушаютъ насъ зѣло.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Какъ учителя узришь,
Полумертвъ въ школѣ сидишь.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.
Хоть какого молодца
Скрушитъ школа до конца.
О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

(Обстоятельная и вѣрная исторія двухъ мошенниковъ: Ваньки Каина... и Картуша. Москва 1794).

Не даромъ дѣвки всѣ зовутъ тебя: прочъ бѣгай!
А я благодаря разумнымъ лѣкарямъ,
Да батькѣ съ матерью, сговорнымъ старикамъ,
Какъ видишъ чистъ лицемъ, кровь съ молокомъ здоровъ.
Мнѣ воспа привита безвредная съ коровъ».

2 столбецъ: «Ты правъ, да и меня пожалуй не вини,
Что рябъ я и уродъ виной отцы одни.
Вольно имъ не давать привить и мнѣ коровьей
И я бъ тогда имѣлъ хорошее здоровье.
Теперь я дѣвичьи насмѣшки всѣ сношу
Не требую ихъ ласкъ, ихъ милости прошу.
И чувствую притомъ отказы ихъ позорны;
Для васъ, для красиковъ, онѣ на все сговорны.
Вамъ стоитъ дѣвкѣ разъ лишь глазомъ повести,
Растаитъ сердце въ ней, и дѣвушка прости;
А я ставъ чучеломъ отъ оспы мнѣ наносной
Въ нихъ толку не добьюсь и въ годъ весь высокосный».

242 Б.—Листовая картинка: двѣ бабы—здоровая и рябая, при каждой по трое ребятъ; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Какой позоръ рябымъ уродливымъ мальчишкамъ,
Смотрите какъ они хорошимъ ребятишкамъ
Дурными кажутся, и какъ отъ нихъ бѣгутъ.
Товарищами ихъ въ игрушкахъ не зовутъ,
Съ уродами (жъ) играть какъ будто все боятся
И такъ спешатъ отъ нихъ скорѣе прочь убраться».

2-й столбецъ: «Вотъ батюшка родной
Вѣдь ты тому виной,
Что съ нами не играютъ
И съ страхомъ убѣгаютъ
Калибъ истинно любилъ,
Каровью-бъ оспу намъ привилъ».

242 В. Листовая картинка: рябой старикъ и три здоровыхъ молодушки; внизу вирши:

„Ахъ вы дѣвушки подружки
Поглядитятка на чуду
На рябова-та Филатку
Ека рожа та дурная
Ека харя та рябая
Щеки бледныя рябыя
Тараканы знать кусали
И глаза ево косые
Знать то куры изклевали.
Вы красавицы Молотки
Перестанте вы смѣяться
Нада мною забавлятся
Тому мать съ отцемъ виною
Что такъ страшенъ я собою
Коровью оспу бы привили
То здоровья-бъ не лишили
Меня наносная згубила
Всей дародности лишила».

242 Г. Полулистовая картинка: рябая Акулина и гладкая Степанида; внизу вирши:

«*Акулина*: Завидую тебѣ любезна Степанида
Что столь хорошаго ты вида
А я дурна, ряба, незнаю какъ и жить.
Степанида: Несчастіе твое могла бы отвратить
Коровью оспу лишь въ младенчествѣ-бъ привить.
То также и тебя-бъ пригожей сохранили.
Отцы и матери, вотъ вся тому вина
Что дѣти ваши страшны такъ собою.
Коль зла сего хотитѣ избежать
Спешите дѣтямъ все коровью оспу прививать».

242 Д. Полулистовая картинка: двое ребятъ, истыканныхъ оспой, и трое здоровыхъ; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Оглянись назадъ Ипатка,
Что за чучелы тамъ ходятъ?
То Антипка и Филатка
Все одни какъ стени ходятъ.
Ихъ всѣ дѣвки убѣгаютъ,
Въ хороводы не пускаютъ».
2-й столбецъ: «Не пугайтесь такъ вы насъ,
Были-бъ мы не хуже васъ:
Насъ отцы наши згубили,
Коровей оспы не привили
Какъ наносная напала
Такъ и рожи намъ вспахала».

242 Е. полулистовая картинка: баба съ ребятами, истыканными оспой, и другая, здоровая, съ двумя здоровыми ребятами; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Полно Фекла пустомелить,
И моимъ словамъ не вѣрить.
Въ городахъ таво не трусятъ,
Коровью оспу прививаютъ
Я послушалась людей,
Тѣмъ спасла своихъ дѣтей».
2-й столбецъ: «Вижу Гурьевна любезна,
Коровья оспа что полезна.
Ушь пришло теперь рѣшиться
Чтобъ въ передъ всѣмъ нашимъ дѣтямъ
Не вѣря болѣ бабьимъ бреднямъ
Коровью оспу прививать».

242 Ж. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще летучій листокъ, въ видѣ афиши; текстъ отпечатанъ типографскимъ шриф-

томъ: «Наставленіе о прививаніи предохранительной оспы.... С.-П.-Бургскаго Импер. Воспит. Дома, Главный докторъ Лейбъ-Медикъ, Дѣйств. Ст. Совѣт. и разныхъ Орденовъ Кавалеръ Яковъ Кильвейнъ». На правой сторонѣ отпечатаны мѣдной доской двѣ картинки, одна подъ другой. На верхней представлены «Пагубныя дѣйствія наносной оспы, уродство, болѣзнь, краткость жизни, смерть»: двѣ крестьянки и хромой крестьянинъ плачутъ надъ умирающими отъ оспы дѣтьми; справа видно кладбище, крестьянинъ несетъ гробикъ (фигура заимствована изъ картинки № 242), за нимъ идутъ его жена и дочь. Въ нижней картинкѣ изображены «Спасительныя дѣйствія прививной оспы: красота, здоровіе, долголѣтіе, жизнь»: одинъ крестьянинъ играетъ на балалайкѣ, другой пляшетъ съ крестьянкой трепака; шесть мальчиковъ вертятся въ хороводѣ; справа мать указываетъ на эту картину оспеннаго счастія своей дочери. Подъ этими двумя картинками отпечатаны красной краской: «Видъ оспы въ 4-й день — въ 6-й день — въ 10-й день — въ 18-й день». На картинкѣ бумажный знакъ 1818 года.

Всѣ наши картинки (№№ 241 — 242) относятся къ привитію коровьей оспы. Что касается до привитія натуральной оспы, въ видѣ предупрежденія отъ оспы наносной, наводившей появленіемъ своимъ ужасъ на европейское населеніе, то привитіе ея практиковалось въ Россіи съ давняго времени. Первые опыты правительственнаго оспопрививанія были дѣлаемы въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; а въ 1765 году былъ вызванъ въ Петербургъ извѣстный англійскій инокуляторъ Ѳома Димсдаль, который и привилъ натуральную оспу, какъ самой императрицѣ Екатеринѣ II, такъ и наслѣднику престола, получивъ за *сіе* 10.000 фунтовъ стерл. единовременно, да пенсіи по 500 фунтовъ ежегодно; мальчикъ съ котораго брали оспу для Высочайшей прививки, получилъ дворянское достоинство и фамилію *Оспенный*. Объ этомъ счастливомъ событіи будетъ упомянуто подробнѣе въ заключеніи; здѣсь же приведу подлинный текстъ красно-

рѣчиваго привѣтствія, принесеннаго Императрицѣ и ея наслѣднику Правительствующимъ Сенатомъ, по случаю означеннаго привитія и счастливаго исхода оспенной болѣзни.

Полн. Собр. Зак. № 13. 204; 1768 года Ноября 20. Сенатскій указъ: «О принесеніи Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству Государю и Наслѣднику благодаренія за великодушный и знаменитый подвигъ къ благополучію своихъ подданныхъ привитіемъ оспы и объ установленія торжествованія въ 21 день Ноября каждаго года», съ приложеніемъ Высочайшаго отвѣта и Сенатскаго указа.—«Объявляется всенародно. Не прошло еще семи лѣтъ, какъ Всевышній промыслъ, благословляя Россію, благоволилъ Скипетръ ея правленія вручить Великой Екатеринѣ, а уже отечество наше на такой степень блаженства возведено, какого и во многіе годы ожидать намъ едва было возможно. Сіе всякій, не только явственно видитъ, но и ощущаетъ самъ въ себѣ, пользуясь тѣми учрежденіями, каковыя насъ почти отъ всякихъ роду человѣческому свойственныхъ злоключеній ограждаютъ, словомъ сказать, въ толь краткое премудраго Ея правленія время, юношество, отъ всѣхъ съ ихъ лѣтами наразлучныхъ поползновеній, предохранено добрымъ воспитаніемъ, мужескій возрастъ отъ всѣхъ рокомъ и злостію наносимыхъ бѣдствій защищенъ премудрымъ въ правительствахъ распоряженіемъ, обремененная службою и тягостію лѣтъ старость достойнымъ воздаяніемъ награждена, почтена и успокоена. А сверхъ того, попеченіе нашей чадолюбивой Матери отечества простирается не на одно настоящее, но и на будущія времена, что бы тожъ самое блаженство, которое мы отъ Нее получили, чувствовали и наши потомки; въ чемъ безсмертнымъ свидѣтельствомъ быть можетъ, собственнымъ Ея Величества трудомъ сочиненный и Коммиссіи о новомъ Уложеніи данный Наказъ, споспѣшествуемымъ и ново установляемымъ на основаніи онаго закономъ.

Но не на томъ только остановилась Сей Великой Монархини къ подданнымъ Ея любовь и милость. Видѣла она, въ коликомъ

трепетѣ и содроганіи вѣрные Ея подданные быть должны о томъ, что Она и дражайшій Ея Сынъ и Наслѣдникъ, въ которомъ состоитъ для будущихъ временъ вся Россійскихъ сыновъ надежда, ежечасно подвержены отъ оспы той опасности, которая большей части человѣческаго рода наноситъ смертоносную язву; и дабы сей страхъ отъ всѣхъ какъ наискорѣе отнять: то, не смотря на зрѣлость Своихъ лѣтъ и несравненно большую противъ младолѣтства опасность, изъ любви къ отечеству, предпріяла, не токмо Собственную Свою Особу опыту ново-изобрѣтеннаго прививанія оспы мужественно вдать, но симъ Своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и Вселюбезнѣйшаго Своего Сына и Наслѣдника на то же поступить, чѣмъ и рѣшила бывшія до сихъ поръ вообще подданныхъ ея сомнѣнія, обрадовавъ изумленную Россію совершеннымъ выздоровливаніемъ Обоихъ Сихъ вседражайшихъ для нея Особъ.

Сенатъ, будучи увѣренъ, что всѣ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные принесутъ за то Всевышнему благодарственныя и всеусердныя молитвы, не оставляетъ объ ономъ благополучномъ окончаніи всякому чрезъ сіе знать дать; самъ же собственнымъ и общимъ всего народа движеніемъ радости побужденъ, за долгъ свой, какъ перваго въ Государствѣ учрежденнаго Правительства, почелъ всеподданнѣйше просить у Ея Величества Всемилостивѣйшаго дозволенія, чтобъ оный, присоединя къ себѣ выбранныхъ отъ управляющихъ Государственными дѣлами мѣстъ и отъ всѣхъ областей Ея Императорскаго Величества присланныхъ и здѣсь находящихся въ Коммисіи сочиненія проекта новаго Уложенія Депутатовъ, которые въ лицѣ своемъ представляютъ жителей всей Имперіи, удостоился изъявить и принесть Ея Величеству и Любезнѣйшему Ея Сыну и Наслѣднику Ея Престола, опасностію дражайшей ихъ жизни къ благополучію своихъ подданныхъ жертвовавшихъ, и оказавшихъ симъ подвигомъ чаяніе смертныхъ превосходящую милость, всеподданнѣйшее поздравленіе съ освобожденіемъ отъ опасности и со благополучнымъ толь великодушнаго, знаменитаго и безпримѣрнаго

подвига совершеніемъ. Къ чему и назначенъ отъ Ея Императорскаго Величества сего Ноября 22 день.

А дабы память сего отъ Всевышняго на Россію изліяннаго милосердія въ сердцахъ вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества незабвенно пребывала, то на будущіе годы установленъ Ноября 21 день торжествовать, какъ въ столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ Имперіи Ея Императорскаго Величества городахъ, во всемъ подобно нынѣшнему учиненному здѣсь въ Резиденціи торжеству».

На это поздравленіе послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій отвѣтъ: «Съ удовольствіемъ принимаю Я поздравленіе Сената именемъ всея Имперіи. Я знаю, что Сенатъ ни единаго не пропускаетъ случая, чтобъ не оказать своего усердія, ревности и любви ко Мнѣ и къ отечеству, слѣдовательно не сомнѣваюсь о искреннемъ участіи, кое вы Мнѣ изъявляете въ выздоровленіи, Божіею помощію, Моемъ и Сына Моего отъ прививной оспы. Мой предметъ былъ, Своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ Моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не знавъ пользы сего способа, онаго страшась, оставалися въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія Моего; ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду Мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ Моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо. Симъ думаю вамъ пріятнѣйшій дать знакъ Моего благоволенія».

Послѣ этого отвѣта былъ изданъ слѣдующій Сенатскій указъ о торжествованіи ежегодно въ 21 день Ноября, въ память того знаменитаго подвига привитія оспы: «Правительствующій Сенатъ, по испрошеніи Всемилостивѣйшаго отъ Ея Императорскаго Величества дозволенія о принесеніи Ея Величеству и любезнѣйшему Ея Сыну и Наслѣднику Ея престола всеподданнѣйшаго благодаренія за великодушный и знаменитый подвигъ ко благополучію своихъ подданныхъ привитіемъ оспы и всерадостнаго поздравле-

нія съ благополучнымъ того окончаніемъ, въ назначенный къ тому отъ Ея Императорскаго Величества Ноября 22 день 1. Изтребовалъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о бытіи по всѣмъ здѣсь въ Санктпетербургѣ церквамъ духовному празднеству за изліянное на Россію Божіе милосердіе, принесеніемъ Всевышнему благодарственныхъ и всеусерднѣйшихъ молитвъ, увелича оное всенощнымъ бдѣніемъ, а по Божественной литургіи о здравіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества молебствіемъ со звономъ, продолжа сей звонъ во весь оный день. 2. Чтобъ сіе торжество наизнаменитѣйшимъ оказано и каждому вѣрноподданному ко изъявленію всеобщей радости способъ поданъ былъ; то Сенатъ опредѣлилъ, на тотъ же Ноября 22 день, не только въ управляющихъ Государственными дѣлами мѣстахъ присутствія не имѣть, но и отъ публичныхъ работъ дать свободу, а по наступленіи ночи здѣшній Столичный городъ весь иллюминовать, и продолжить такую же иллюминацію и послѣдующіе два, чтобъ всѣхъ было три дня. 3. Равное сему, какъ духовное, такъ и свѣтское торжество учинить и по всей Ея Императорскаго Величества Имперіи во всѣхъ городахъ, по полученіи сего указа, на другой день, да и впредь подобное сему первому во всемъ, кромѣ продолженія иллюминаціи, послѣдующихъ двухъ дней, повсягодное торжество, какъ въ Столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ Имперіи Ея Императорскаго Величества городахъ производить Ноября 21 дня».

По всей Россіи давались по этому случаю праздники и парады, награвированъ былъ аллегорическій портретъ Императрицы съ атрибутами Эскулапа; какой то Тейльсъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ) написалъ оду на благополучное выздоровленіе Императрицы отъ оспы (1771 г.), поэтъ Майковъ написалъ «Сонетъ ко дню празднованія о благополучномъ выздоровленіи отъ прививанія оспы Ея И. В. и Его И. В., придворнаго росс. театра актерами и актрисами пѣтый», СПБ. 1768. 4°, и еще «Торжествующій Парнасъ: Прологъ на выздоровленіе отъ прививанія

оспы Ея И. В. и Его И. В.», Москва 1775. 8° (Геннади и Собко, Справочный Словарь. Берлинъ 1880, II. 274), а архитекторъ Козаковъ распорядился изобразить это событіе на одномъ изъ барельефовъ въ большой Сенатской залѣ, въ Москвѣ.

Старанія Правительства о введеніи въ Россіи коровьей оспы начинаются съ 1802 года. Въ этомъ году изъявилъ желаніе объѣхать Россію съ коровьей оспой докторъ, «иностранецъ Буттатцъ», которому и дали на этотъ предметъ 3,000 рублей подъемныхъ, назначивъ при этомъ и жалованья по 1,500 рублей въ годъ (Полн. Собр. Зак. № 20226). Въ 1804 году послѣдовало предписаніе со стороны Синода, чтобы духовенство убѣждало крестьянъ къ привитію коровьей оспы младенцамъ; поводомъ къ такому предписанію послужило донесеніе, что крестьяне Нижнедѣвицкаго и Воронежскаго уѣздовъ не соглашаются прививать ее своимъ дѣтямъ (Полн. Собр. № 21475).

Въ 1811 году внесена была по Высочайшему повелѣнію на разсмотрѣніе комитета Министровъ многорѣчивая записка Министра Полиціи, изъ которой видно, что оспопрививаніе шло въ Россіи путемъ весьма медленнымъ. «Ежели взять», говорится въ ней, «въ сравненіе, что, по публикованнымъ отъ Святѣйшаго Синода вѣдомостямъ, изъ числа родившихся одного Греко-Россійскаго исповѣданія въ 1807 году 1.334.592 и въ 1808 — 1.334.130 младенцовъ обоего пола привито только, какъ изъ отчетовъ Министра Внутреннихъ дѣлъ явствуетъ, извѣстными Медицинскими чинами, въ первомъ 83.072 и во второмъ 117.948 младенцамъ; да полагая, что таковому-жъ числу еще привито врачами вольнопрактикующими и другаго званія людьми, о коихъ Медицинское управленіе вовсе свѣденія не имѣетъ: то и за таковымъ двойнымъ числомъ, то есть, въ 1807 году считая 166.144, а въ 1808— 235. 896, воспользовались только симъ спасительнымъ средствомъ въ 1807 съ небольшимъ осьмая, а въ 1808 менѣе нежели шестая часть родившихся, прочіе же оставлены свирѣпству натуральной оспы». Причинами такого неуспѣха выставлялись:

1. Предразсудки многихъ людей и въ особенности простаго народа, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худаго вліянія и на самую нравственность. 2. Неимѣніе въ довольномъ числѣ Медицинскихъ чиновниковъ или другихъ способныхъ людей, могущихъ повсемѣстно распространять сію операцію; и 3. Несовершенно достаточные за симъ надзоръ и пособіе со стороны мѣстныхъ чальствъ.

Къ отвращенію первой причины предполагалось предписать духовнымъ лицамъ, чтобы они «всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею, злу первой противополагали благодѣянія второй, и даже, подъ опасеніемъ гнѣва Божія, вперяли бы имъ мысль, что не употреблять испытанныхъ и извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значитъ отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самымъ человѣкоубійствомъ. Къ вящшему же достиженію успѣха со стороны Духовенства, и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, не безполезно, кажется, учредить, чтобъ тѣ дѣти, а особливо по деревнямъ, у коихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи, приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря по удобности мѣстнаго разстоянія, и въ самую хорошую лѣтнюю погоду въ церковь для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить впереди на особомъ, отъ Священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность Священника при семъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ, онъ по окончаніи богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, объявлялъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы съ свой-

ственнымъ пастырю духовному увѣщаніемъ и о тѣхъ, кои (ежели гдѣ къ несчастію случится) потеряли по небреженію своему семейнаго человѣка отъ натуральной оспы».

Къ отвращенію же двухъ другихъ причинъ положено было устроить повсемѣстно оспенные комитеты, предписавъ имъ: доставлять о ходѣ оспеннаго дѣла вѣдомости; обучать прививанію повивальныхъ бабокъ и учителей; составить руководство для сего на русскомъ языкѣ и перевести оное на всѣ языки, употребляемые жителями Россійскаго государства; тѣмъ же лицамъ, которыя окажутъ особое рвеніе по части оспы, обѣщать награды и знаки отличія.

«Такимъ образомъ», сказано въ запискѣ: «3. Если съ сего времени кто изъ Медицинскихъ чиновъ привьетъ оспу коровью не менѣе 2.000 людей въ одинъ годъ, и засвидѣтельствуютъ о томъ мѣстные Комитеты, тотъ получитъ въ награду отъ щедротъ Монаршихъ подарокъ, а привившему въ годъ не менѣе, какъ 3.000, сверхъ подарка уменьшится къ полученію ордена Св. Владиміра изъ 35 лѣтъ одинъ годъ, буде чиновникъ находится въ службѣ и въ классномъ чинѣ или Лекарскомъ званіи. Уменьшеніе времени къ сему награжденію постепенно можетъ прибавляться по мѣрѣ ежегоднаго успѣха въ прививаніи. Имена отличившихся въ семъ дѣлѣ трудами припечатаны будутъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ».

Самый крайній срокъ для совершеннаго выполненія сихъ благодѣтельныхъ распоряженій Правительства назначается три года, «въ продолженіе коихъ ни одного не должно остаться во всемъ Государствѣ дѣтяти, коему не было бы привито оспы, исключая вновь родившихся въ послѣдней трети послѣдняго года».

Комитетъ, находя предполагаемыя Министромъ Полиціи мѣры къ распространенію коровьей оспы весьма полезными, разсуждалъ, «что въ пополненіе оныхъ, надлежитъ поставить въ обязанность Медицинскому Совѣту, чтобы онъ пекся о достаточномъ всегда заготовленіи матеріи коровьей оспы, а врачамъ подтвер-

дить, чтобы они, при прививаніи сей оспы, избѣгали называть ее между простымъ народомъ коровьею, по причинѣ невѣжественнаго предубѣжденія къ ней, но употреблять сіе названіе только въ донесеніяхъ своихъ и другихъ бумагахъ»; вслѣдствіе чего положеніе комитета было Высочайше утверждено 3 Мая 1811 года (Полное Собраніе, № 24.622).

243. **Денежный дьяволъ.** Картинка эта скопирована точь въ точь съ французскаго оригинала конца прошедшаго столѣтія, причемъ самый текстъ значительно измѣненъ и передѣланъ на русскіе нравы. У Шанфлери (Histoire de l'Imagerie populaire. Paris 1869, p. 209) помѣщена этаже французская картинка, но скопированная съ новѣйшаго изданія, съ значительными измѣненіями въ рисункѣ: стряпчаго, верхомъ на чертѣ, нѣтъ; нѣтъ тоже ни собаки, ни обезьяны; за хвостъ дьявола тянутъ поэтъ и живописецъ, а сапожникъ сзади шьетъ сапоги. Въ русифицированномъ текстѣ нашей картинки называются жители нѣкоторыхъ губерній и ихъ занятія; подобный же, весьма интересный, списокъ, чѣмъ какой русскій городъ славится, помѣщенъ въ Письмовникѣ Курганова, въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Санктпетербургѣ есть устерсы и раки,
Хотя привозные чрезъ море, буераки.
Клинъ городъ лаптями, а Муромъ калачами;
Замками славенъ Тверь, а Новгородъ сыртями;
Гусями Арзамасъ, а Угличь толокномъ;
Россія малая волами и виномъ.
Рѣка Яиксъ икрой, Ростовъ же чеснокомъ,
А Глуховъ, древній градъ, папушнымъ табакомъ.
Изъ Вязьмы пряники, изъ Шуи крѣпко мыло;
Изъ Вологды свѣчи иль сальное свѣтило;
Бѣлоозерскіе всѣхъ славнѣе снетки;
Олонецъ нитяны пускаетъ къ намъ мотки;
А Псковъ сушеными снетками насъ питаетъ;

Ружьемъ и шпагами то Тула снабдеваетъ;
Арбузы Астрахань, а Боровскъ лукъ даетъ;
Изъ Краснаго села набойка къ намъ идетъ.
Козлами, лошадьми прославилась Казань;
А изъ украины всѣхъ лучшая Рязань» (II. 53).

Если прибавить сюда: калужское тѣсто, тульскіе и тверскіе пряники, ржевскую пастилу, астраханскіе балыки, бѣломорскую треску, печорскую семгу, невскіе сиги и лососину, кочегурскую осетрину, соловецкіе сельди,—то получится довольно полный список русскихъ произведеній обжорнаго разряда (см. тоже Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ, IV. 167).

244. Картинка **«мать учитъ сына»** скопирована Чуваевымъ съ французской картинки, гравированной крѣпкой водкой, неизвѣстнымъ мастеромъ, съ оригинальной картины Chardin, находящейся въ галереѣ гр. Лихтенштейна въ Вѣнѣ.

244 А. Прибавить: такой же работы, съ монограммой мастера «D S», есть небольшая картинка, представляющая мальчика съ птичкой въ клѣткѣ; она скопирована съ голландской народной картинки, на которой помѣщены слѣдующія вирши: «Myn vogeltiens Sÿn vlighierom malt ick se Sluÿten Wan beter twe daer in dan driemal twe daer buÿten» (наход. въ Парижск. публ. библіотекѣ: collection Hennin, № 91).

244 Б. **Танцмейстеръ — скрыпачъ** учитъ барышню танцовать и франтъ съ вееромъ въ рукѣ любезничаетъ съ разряженой дамой; двѣ картинки въ 8-ю долю листа, гравированныя крѣпкой водкой на одной доскѣ, — копіи съ французскихъ оригиналовъ конца прошедшаго столѣтія.—Въ моемъ собраніи.

244 В. Два мальчика, спускающіе волчки, и дѣвочка, играющая съ куклой (8°).

244 Г. Два кружечка на одной доскѣ 4°: въ первомъ мальчикъ рубитъ говядину, дѣвочка смотритъ на его работу; во второмъ мальчикъ поваръ приготовляется рѣзать кошку (?), дѣвочка стоитъ съ уполовникомъ. Полулистовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ Чуваева.—Въ моемъ собраніи.

244 Д. Кавалеръ, приготовляющійся вальсировать съ дамой: онъ въ треугольной шляпѣ, она въ высокомъ капорѣ; подписей нѣтъ. Полулистовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева.—Въ моемъ собраніи.

245. У меня есть еще изданіе *ж*, отпечатанное доской изданія *е*, подправленной рѣзцомъ; текстъ картинки почти цѣликомъ выбранъ изъ похожденій шута Совѣстдрала, большаго носа (СПБ. 1791): Совѣстдралъ даетъ точно такіе-же отвѣты на вопросы профессора и совершенно сбиваетъ его съ толку. Напримѣръ: «Вопросъ. Кто живота лишась не гнилъ, или: кто родясь не умиралъ. О. Лотова жена.

В. Гдѣ оселъ кричалъ такъ громко, что его голосъ весь свѣтъ слышалъ? О. Въ Ноевомъ ковчегѣ.

В. Кто однажды рожденъ, а дважды умираетъ, О. Лазарь.

В. Кто тебѣ вспомоществуетъ въ твоихъ опытахъ: природа или ученіе? О. И то и другое

В. Когда вымыслы разные начались? О. Когда ученые дураками сдѣлались.

В. Какимъ бы титломъ такихъ людей наименовать? О. Профессорами.

Профессорамъ въ нашихъ картинкахъ вообще не посчастливилось, и въ космографіи назначенъ имъ въ жилище «островъ *пустъ*, живутъ на немъ философы.

245 А. Прибавить: таже картинка, гравированная на мѣди, въ другомъ переводѣ, конца прошедшаго вѣка; первая строка текста заканчивается словами: «а спокоемъ умаля».—Въ моемъ собраніи.

246. Прибавить: у меня есть еще три изданія этой картинки: *з* (1830—40 года), гдѣ первая строка текста оканчивается словами: «М никакъ ибо»; *и*, отпечатанное на бумагѣ 1810 года и въ которомъ строка эта заканчивается такъ: «но скажи мой», — съ помѣтой внизу мастера Чуваева: «Гра Н. П. Ч»; и *к*, отпечатанное доскою изданія *з*, но грубо подправленною рѣзцемъ. **Разговоръ между книжникомъ и мальчикомъ** перепечатанъ дословно изъ Письмовника Курганова (11-е изданіе, стр. 414).

Разсказы о мудрыхъ мальчикахъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ (Очеркъ, 98), — мотивъ общеизвѣстный: французская народная книга говоритъ о мудромъ ребенкѣ трехъ лѣтъ, которому задавалъ трудные вопросы императоръ Адріанъ (Nisard, Hist. des livres populaires. Paris 1854, 2, 16—19); точно также въ монгольской сказкѣ говорится о мальчикѣ, скакавшемъ безъ сѣдла, въ русской сказкѣ—о сынѣ Басарги; въ сказаніяхъ о Соломонѣ—мальчикъ удивляетъ разумныхъ своими отвѣтами. Разговоры посредствомъ загадокъ, а также и посредствомъ вопросовъ на вопросы, также давно извѣстны въ старинныхъ повѣстяхъ и легендахъ (Пыпинъ, Очеркъ, 116.—Памятн. Кушелева, II. 380).

См. тоже: споръ грубаго поселянина Морольфа съ мудрецомъ Волотомъ, котораго онъ удивляетъ своими выходками,—заимствованный изъ Vita di Bertoldo (Grässe, Sagenkreise, 466 ff.—Dunlop, 328. — Пыпинъ, 104.—Веселовскій, о Китоврасѣ); загадки и разгадки Соломона и южской царицы (Пыпинъ, 116); бесѣду трехъ святителей, напоминающую разговоры №№ 245 и 246 (Тихонравовъ, Памятники Отречен. Литературы, II. 430); пародію на преніе Тарасія съ Елферіемъ или поморный разговоръ Тараски жидовскаго философа съ скоморохомъ (Буслаевъ, Очерки, I. 500) и наконецъ легенду о Петрѣ и Февроніи (Веселовскій, Журн. Мин. Народ. Просв., CLIV. отд. 2. стр. 95). Подобные же разговоры, состоящіе изъ вопроссвъ на вопросы, и изъ загадокъ встрѣчаются и въ нашихъ сказкахъ и былинахъ. Очень забавна загадка, которую предлагала Ставрова жена своему мужу, когда тотъ не могъ признать ее подъ богатырскимъ платьемъ (см. IV. 95).

247. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки: *а* и *б*, отпечатанныя одною и тою же доской; въ изданіи *б* доска дала трещину снизу вверхъ, почти во всю картинку.

248. **Щипли самъ себя за носъ.** Въ моемъ собраніи находится нѣмецкій оригиналъ, съ котораго копирована, съ нѣкоторыми перемѣнами, наша русская картинка. Надпись на нѣмецкой картинкѣ: «Nosce te ipsum», а внизу шесть стиховъ:

«Nicht recht ist es seine Fehler inn den hintern Sackh einlegen
Und dess Nächsten unter augen: in den Vordern da hingegen
Heuchler, solst du nicht am ersten, deinen Eignen Balcken ziehen
Ehe du dich um den Splitter deines Bruders wilst bemühen:
Mein wie Kanst du doch So hefftig, nur auf andre Leute rasen.
Kehre fein von deiner Thüre. Nimm Dich Selber bei der Nasen».

Картинка гравирована, судя по знаку въ бумагѣ, въ концѣ XVII вѣка. Притча о сучкѣ и бревнѣ изображена на нѣмецкой картинкѣ иначе, нежели въ русской: въ нѣмецкой бѣднякъ хватается за полѣно, воткнутое въ глазъ богатаго франта, который указываетъ бѣдняку на то̀, что и въ его глазу торчитъ сучекъ. Изображеніе это напоминаетъ тоже *химеру*, которая въ такомъ же почти видѣ представлена на одномъ древнемъ камеѣ, принадлежавшемъ гр. Каилюсу (Champfleury, Car. ant., 85).

250. Скорѣе слѣдуетъ читать надпись на картинкѣ такъ: «рыба медуза...» — Медуза одна изъ трехъ Горгонъ, старшая дочь нимфы Цето и морскаго бога Форка, жила на Ореадскихъ островахъ, въ Эѳіопскомъ морѣ [1],—по книгѣ «Небо новое» она жила «въ морѣ оцеанскомъ» (стр. 58), а въ нашей космографіи «эѳіопская пуча» [2]) показана у большаго океана моря (кн. II,

[1]) Минерва превратила волосы Медузы въ змѣй, за то, что вмѣстѣ съ Нептуномъ, осквернила ея храмъ. Персей отрубилъ Медузѣ голову; изъ крови ея родились Пегасъ и Хризаоръ, а мертвая голова ея обращала въ камень того, кто на нее взглядывалъ.

[2]) *Пуча*, въ древней славянской формѣ Пѫчина, есть исконное названіе для моря,—тоже, что греческое πόντος (Кирѣевск. IV, прим. П. Безсонова).

№ 590, стр. 270), да и на картинкѣ № 250 Медуза живетъ: «въ окияне море близъ ееіонския пучи»; на извѣстную же по западнымъ легендамъ Мелузину на нашей картинкѣ даже нѣтъ никакого намека [3]).

На нашей картинкѣ Медуза имѣетъ, по описанію, сходство съ аспидомъ, который изображается въ одной рукописи XVII вѣка такъ: «*Аспидъ*. Лице имѣетъ дѣвичье, хоботъ змѣевъ, ноги василиска, и крылья, которыми желѣзо разсѣкаетъ; боится трубнаго гласа, живетъ въ каменныхъ горахъ; его ловятъ трубнымъ гласомъ, не стерпя котораго онъ прокалываетъ себѣ уши и умираетъ, обливая синею кровью камни кругомъ». По другимъ сказаніямъ: «Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на землю не садится, токмо на камени. Обояницы, пришедше обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и закрываются дномъ житнымъ, и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжегаютъ клещи. Егдабо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое затя-

[3]) Волшебница Мелузина считается родоначальницей рода Лузиньяновъ. Боги, въ наказаніе за то, что она извела своего отца, присудили, чтобы она каждую субботу обращалась въ полузмѣю, оставаясь женщиною до пояса; при этомъ Мелузинѣ суждено было остаться такимъ чудовищемъ, еслибъ ее кто либо увидалъ во время субботняго превращенія. Легенда разсказываетъ, что Мелузина вышла за̀мужъ за графа Раймунда, прижила съ нимъ много сыновей и жила счастливо, пока Раймундъ не увидалъ ее во время субботняго ея превращенія и не попрекнулъ ей этимъ при всемъ народѣ; тогда Мелузина мгновенно обратилась въ получудовище и скрылась изъ замка Раймунда. Сохранилось преданіе, что она появляется тамъ каждый разъ, когда кому либо изъ дома Лузиньяновъ грозитъ погибель (Görre, Deutsche Volksbücher. Heidelberg 1807, 235.—Simrok, Die Deutshen Volksbücher. Frankfurt am Main 1877, VI Band). Романъ о Мелузинѣ написанъ Иваномъ Аррагонскимъ въ 1387 году въ стихахъ на латинскомъ языкѣ; первое изданіе его напечатано въ Женевѣ въ 1478 году, въ нѣмецкомъ переводѣ, съ большими гравюрами на деревѣ,— единственно полный экземпляръ этого изданія находится въ Вольфенбютельской герцогской библіотекѣ (Hundert Merkwürdigkeiten der Herzog. Bibliothek zu Wolfenbüttel. Hannower 1849, стр. 67). Русскій переводъ романа Мелузины сдѣланъ съ польскаго языка въ XVII вѣкѣ (А. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 10).

нетъ хоботомъ, начинаетъ биться. Человѣцы же, ухвативше ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи не едины, но двои и трои, и такъ сожженъ клещами умираетъ». Ѳ. И. Буслаевъ находитъ въ этомъ повѣствованіи сходство съ однимъ эпизодомъ въ Эддѣ—о змiѣ Фафнирѣ (Архивъ Калачова, т. I, стр. 9).

251. Въ книгѣ «Margarita philosophica» упоминается, что *гарпіи* у поэтовъ, знаменитыя женщины, — не *люди*, а монстры; см. примѣч. къ № 310.

251 А. Прибавить: копія въ обратную сторону съ № 251 (голова гарпіи обращена влѣво); подпись таже: «Гарпия чудовище живущее въ воде и на зѣмле».

252 А. Прибавить: **Птица Алконостъ**, дружка Сирину № 252, въ томъ же видѣ, но съ руками; изо рта ея выходитъ подпись: «потщитеся придіте сотщаніемъ желатели раискіхъ блг҃ъ идіте скорбевши утешитеся насладітеся безсмертнаго наслаждения уготованнаго вамъ ѿ скорбевшаго васъ ради на кр҃те вл҃ки нектому уже вы». Надпись въ свиткѣ, который Алконостъ держитъ въ лѣвой рукѣ: «праведніцы|векі жіву҄т ї ѿ|бг҃а мзда ихъ|и попеченіе пре҄д вышім сего раді|пріиметъ ц҃ст|вие ї благолеп|ие ї венецъ до|века». Надпись въ клеймѣ, слѣва: «Алконостъ та|ковъ венецъ носі|тъ и сіцевы цветъ|израя їзноситъ|хронографъ гъ|лава четвертая». Внизу на полѣ подпись мастера Ахметьевской фабрики Чуваева: «Гратіровалъ петръ ако (?) году 1787 года». Листовая картинка, гравированная крѣпкой водкой.—Въ моемъ собраніи.

253 А. Прибавить: на одномъ листѣ—«раиские птицы алконостъ», съ надписью сбоку: «Алконостъ таковъ венецъ носитъ и сицевы цветы израя износитъ. хранографе глава 4», и «птицы раискіе сиринъ», «О сихъ же птицахъ книга хронографъ сказуетъ достоверно въ 4 главе повествуетъ что пение ихъ святымъ влепоту, которое отъустъ восходитъ навысоту». Внизу, подъ 1-й:

«Потщитеся притти со тщаниемъ желатели раискихъ благъ идите скорбе^д^ощіи (?) утешетися инасладитеся безсмертнаго наслаждения уготованное вамъ отскорбевшаго васъ ради накрестѣ владыки нектому уже сеі»; надъ 2-й: «Человецы потщитеся еже раи наследити испышати пение раискихъ птицъ и видете раиские древеса и весѣлие святыхъ якоже гд͠е рече ихъже око невиде и ухо неслыша уже уготова богъ любящимъ его». Первая строка надписи въ свиткѣ Алконоса: «Правед».

Въ Публичной библіотекѣ есть три изданія этой картинки: 1-е *а*, описанное выше; *б*—повтореніе предыдущаго изданія того же времени, гдѣ первая строка текста въ свиткѣ Алконоса: «праведницы» (Собраніе Даля, II. 106); и *в*—такое же повтореніе, только тутъ первая строка состоитъ изъ слова: «праведніцъ» (ibid. 107).

Объ райскихъ птицахъ въ нашихъ рукописныхъ источникахъ содержится много разныхъ свѣдѣній: по однимъ сказаніямъ, райскія птицы не имѣютъ ногъ и потому все летаютъ (Буслаевъ, Очерки, II. 340).

О птицѣ Сиринъ въ хронографахъ находится сказаніе, что «въ царство Маврикіево .... солнцу возсіявшу, явистася въ рѣцѣ Нилѣ два животна человѣкообразна, до пупа мужъ и жена, а отъ пупа птица. Мужъ красенъ персми и власы над-черменъ; женѣ же лице и власы чермны: имяхужъ оба сосца безъ власъ; Ихъ же наричутъ сладкопѣсниные *сирины*. Слышавъ же сихъ, человѣкъ, пѣсни, аще не престаютъ поюще, весь плѣняется мыслію и, вслѣдъ шествуя, умираше. И до девятаго часа эпархъ и все людіе зряще чудяхуся; и паки въ рѣку внидоша» (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 153). Это тотъ самый *птицъ*, который увлекъ монаха изъ монастыря своимъ пѣніемъ и котораго монахъ, не замѣтивъ того, прослушалъ цѣлыхъ тысячу лѣтъ (см. № 716).

Птица Сиринъ изображена на наружной стѣнѣ церкви Вознесенія на дебрѣ въ Костромѣ; она вырѣзана тамъ на кругломъ клеймѣ изъ бѣлаго камня. Птицы Сирины были написаны на столахъ въ хоромахъ царя Алексѣя Михайловича.

О другой райской птицѣ Алконостѣ въ азбуковникѣ говорится:

«Алконостъ птица есть, имѣетъ гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря... взимаетъ въ яицахъ чада своя иноситъ на среду моря и пущаетъ въ глубину... сноситъ яица на едино мѣсто и насядетъ на нихъ вверху моря въ глубинѣ сущимъ... и море неколебимо будетъ за ѕ҃ дней донежли алконостова чада излупятся во глубинѣ, и вышедши познаютъ родителя своего. Егдажъ море не поколебимо будетъ ѕ҃ дней, тогдажъ корабельницы ждутъ поносна вѣтра и нарицаютъ тѣ дни алконостовы» (Кн. Вяземскій, Памятн. древн. писмен. изд. Общ. любит. древн. писм. 1878, стр. 51 и 62, Бестіарій). По Голубиной книгѣ Алконостъ топитъ корабли съ драгоцѣнными товорами. Райской птицей считали тоже птицу *Гамаюнъ*, которая была поднесена царю въ 1686 году (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 193).

256 и 257. Въ моемъ собраніи есть два изданія этихъ картинокъ: *а* и *б*; оба отпечатаны однѣми и тѣми же досками, но въ изданіи *б*—обѣ доски сильно выпечатаны и покрыты трещинами (на № 256).

258. Въ 1490 году посолъ Максимиліана Юрій Делаторъ привезъ великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминичнѣ, въ даръ отъ короля, птицу «папагалъ»; съ этихъ поръ *папагалъ* сдѣлался постояннымъ обитателемъ царскихъ хоромъ и привозился царямъ нашимъ въ подарокъ послами и заѣзжими купцами (И. Е. Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царей, 191). Въ расходной книгѣ оружейной палаты за 1637 г. записано, что: «въ потѣшную полату сдѣлана *попугаю* постилка изъ киндяка краснаго, длина $^3/_4$, ширина пол-аршина» (Забѣлинъ, Бытъ царицъ; матер., 154). Изображенія попугая помѣщались въ числѣ украшеній въ заставкахъ и рамкахъ, а на одномъ мѣдномъ бухарскомъ тулумбазѣ XVII в. (литаврѣ) для царя попугай былъ написанъ зелеными красками (Савваитовъ, Древн. одежды, 510).

260 и 261. Въ одной изъ пѣсень, помѣщенныхъ въ сборникѣ Рыбникова, про пѣтуховъ говорится, что они — «казаки

донскіе, тото молодцы удалые: по многу жёнъ они содержатъ, по три жены да почетыре, иной до цѣлаго десятка, и всѣхъ нарядити онъ умѣетъ.... Не такъ какъ на Руси у мужа одна его бажоная жёнушка, и той нарядить онъ неумѣетъ, на работу разрядить не разумѣетъ» (Рыбник. II. LXXVII):

262 — 264. Въ той же пѣснѣ въ сборникѣ Рыбникова про курицу говорится такъ:

«Всѣ у насъ птицы по работамъ...
Пѣтухи поютъ по сараямъ,
Курицы гогочутъ по фатерамъ...
И курица у насъ побѣдна птица:
И кто ее во дворѣ поимаетъ
И всякій перстомъ дыры покопаетъ.
Оттуль яицо добываетъ,
И зятю свѣту запасаетъ,
Отъ того теща и честь залучаетъ».

265 А. Такой-же Филинъ; копія съ № 265, но безъ подписи.—Въ моемъ собраніи.

265 Б. «Der Japanische Pfau. Pavo».

265 В. «Phasianus Metf. Der Fasaner Hahn».

Двѣ полулистовыя картинки заграничной гравировки, отпечатанныя у насъ на синей бумагѣ 1800 года.—Въ моемъ собраніи.

267 и 268. Обезьяны извѣстны при русскомъ дворѣ съ давняго времени. Петръ имѣлъ при себѣ постоянно обезьяну, которая сидѣла у него въ кабинетѣ; онъ возилъ ее даже съ собою въ Англію (Древн. и Нов. Россія 1877, IX). Особенно любила обезьянъ Императрица Елисавета Петровна. Послу Головину отъ нея былъ посланъ указъ: «разсказывалъ де голландскій шкиперъ Кемптесъ, что есть въ Амстердамѣ мартышка зеленаго цвѣта, которая входитъ въ индійскій орѣхъ, и ту мартышку купить для двора, при этомъ... о той мартышкѣ чтобы доискаться тайно, не говоря что для двора покупается, а для партикулярной забавы, дабы продавецъ *не задорожалъ в'цѣнѣ*»; мартышка была куплена и отослана къ двору съ особымъ курьеромъ, гвардіи сержантомъ Валуевымъ (Русск. Стар. 1871, 586).

Наши картинки №№ 267 и 268 сдѣланы въ насмѣшку надъ нѣмцами шарманщиками, которые начали появляться на Петербургскихъ улицахъ уже съ половины XVIII вѣка.

269—277. Эти девять изображенiй русскихъ гренадеръ сдѣланы въ память знаменитыхъ кампанiй нашихъ въ Пруссiи въ 1757—1762 годахъ (см. №№ 313—319).

280 А. Турецкiй всадникъ; ѣдетъ вправо, держитъ саблю на голо. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ Чуваева.—Въ моемъ собранiи.

282. **Охотникъ медвѣдя колетъ.** Охота на звѣрей, по Домострою, поставлена наряду съ пляской и чародѣйствомъ. Не смотря на это, она составляла любимое занятiе нашихъ князей и бояръ—съ глубокой древности, какъ это можно судить по фрескамъ, сохранившимся на лѣстницѣ Кiево-Софiйскаго собора. Въ лѣтописяхъ Никоновской и Новгородской, еще подъ 1135 годомъ, записано извѣстiе, что Новгородцы посадили подъ стражу князя Всеволода Михайловича, за то, между прочимъ, что онъ «возлюби ястребовъ и собакъ собра» (Полн. Собр. Лѣтоп., IX. 159 и III. 7). Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенный охотникъ до соколиной охоты: на потѣшномъ дворѣ его, напримѣръ, было до 100 человѣкъ сокольниковъ и до 3000 всякихъ потѣшныхъ птицъ; кромѣ того устроенъ былъ дворъ для голубей, на которомъ находилось болѣе 100.000 гнѣздъ. Для ловли птицъ на царскую забаву, въ Сибири и въ Россiи, поставлено было до 100 кречетниковъ, и налавливалось такихъ птицъ до 200 въ годъ, и посылались онѣ къ Персидскому шаху, который цѣнилъ ихъ очень дорого: по 100, 200, 500 и до 1000 руб. за птицу (Котошихинъ 2-е изд., 70. 96). См. подробнѣе объ этомъ предметѣ въ статьѣ А. Н. Попова: «Сокола и Кречеты царя Алексѣя Михайловича» (Русск. Бесѣда 1856, II. 72—84) и свѣдѣнiе о рукописи: *Урядникъ соколинаго пути* царя Алексѣя Михайловича, которымъ, по замѣчанiю Ѳ. И. Буслаева, нанесенъ былъ ударъ стариннымъ предразсудкамъ про-

тивъ охоты (Очерки, I. 497). Въ нашихъ картинкахъ о царскихъ *ловахъ и охотахъ* не упоминается.

283 А. Прибавить: «Охота на кабана». Около него три охотника; три собаки рвутъ его. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ Чуваева.—Въ моемъ собраніи.

283 Б. Прибавить: «Охота за зайцами». За двумя зайцами скачетъ трубачъ; сбоку идутъ двое пѣшихъ: одинъ съ трубой, другой съ копьемъ; за зайцами бѣгутъ три собаки. Листовая картинка, гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ. Въ собраніи В. А. Яковлева.

284. **Превращающіяся головы.** Есть французская картинка (XVIII вѣка), сдѣланная на манеръ нашего № 284,—она носитъ названіе «Haine aux femmes»; когда же перевернуть ее, верхъ книзу,—выйдетъ «Haine aux hommes» (Vignères, Catal. 373. Paris 1876, № 8).

285. **Постройка житницы.** Это часть четырехлистовой картинки, которая описана въ числѣ притчей, подъ № 768 (отд. 6-е).

287. Есть два изданія этой картинки: въ первомъ *а*—цензурное дозволеніе 1839 г. (Флерова) поставлено слѣва внизу; въ другомъ *б*—оно поставлено внизу, всрединѣ (это другая доска).

287 А. Прибавить: **Послѣдствія роскоши**, листовая картинка рѣзцомъ. За столомъ, должно быть въ Марьиной рощѣ, сидитъ франтъ, на колѣняхъ у него красотка; сбоку играетъ на гитарѣ мамзель, самоварница наливаетъ въ кружку пиво, разнощикъ предлагаетъ ананасъ; справа другая самоварница разговариваетъ съ извощикомъ и какимъ то цилиндромъ, который держитъ въ рукахъ бумагу съ надписями: «въ случаѣ выпить можно толко осторожно.... съ разсудком». Надпись на одной бочкѣ: «вино все куражитъ, И смелость даетъ, И дружбой обяжетъ, въ знакомство

въ ведетъ»; на другой бочкѣ, подлѣ которой лежитъ оборваный пьяница: «ахъ піяницамъ худ безмѣры кто піетъ творитъ изних чуде себя самъ убіетъ». Подпись внизу картинки: «Вотъ роскоши или неосторожность человек. находится отъ слабости всем убитъ.

Очень грустно забывать пить безъ мѣры И матать.
Такъ за бочкою валятся себя мотомъ представлять.
А какъ богатъ ты пилъ напитки и красотокъ надѣлялъ
А теперь во всемъ убытки все за безчинство прогулялъ.
Нетъ рубашки платье въ тлетѣ
Сталъ отъ всехъ ты отдаленъ
Нетъ и должности другой
Сталъ ты бахусу слугой
Правда игры и пирушки утешатъ все меня
Теперь денегъ неполушки нетъ и друга у меня
Без похмѣлья умираю и никто не охмелитъ
Винцо капли собираю моя глупость такъ велитъ
Невоздержный мотъ Ленивецъ
Игрокъ пьяной неучтивецъ
Ходилъ часто пить вкабакъ
Сталъ всемъ гнусенъ и дуракъ».

288—291 представлютъ образцы народныхъ картинокъ, которыя гравировались болѣе для средняго класса граверами: Харитоновымъ, А. Аѳанасьевымъ, Касаткинымъ и н. д. Изъ крестьянъ покупали ихъ одни зажиточные, такъ какъ цѣна имъ противъ «простыхъ» была втрое и вчетверо. Картинки этого разряда копированы съ иностранныхъ образцовъ, при чемъ рисунокъ крайне изуродованъ; гравированы онѣ на мѣди, рѣзцомъ и пунктиромъ. Исторія Матильды копирована съ французскихъ гравюръ, съ оригиналовъ Верне; онѣ были въ ходу въ 1805—1810 годахъ, когда былъ изданъ романъ «Mathilde» г-жи Коттенъ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга II.

293. **Монархическій колоссъ**; картинка скопирована (какъ скасказано въ ней) съ нѣмецкаго образца, въ туже мѣру, съ незначительными измѣненіями. Нѣмецкая картинка носитъ слѣдующее названіе: «Colossus monarchic. g. Statua Danielis Dan. II. 31 .... Matthaeus Seutter excud. et Venal. exponit. August: Vind». Экземпляръ такой картинки имѣется въ моемъ собраніи; при немъ находится и другая картинка, дружка первой, изображающая такой же колоссъ, съ подписью: «Statua Regum Europaeorum P. C. N. Nomina continens». Въ нашей картинкѣ русскіе цари, начиная в. кн. Василіемъ и кончая Петромъ III (1762), при которомъ она издана, поименованы съ особенною, противъ царей другихъ странъ, подробностію. Мастеръ Михайла Махаевъ, который гравировалъ нашу картинку, родился въ 1716 году, взятъ въ Академическую школу въ 1726 году, въ 1754 былъ подмастерьемъ у Ив. Соколова и Качалова, и занимался снимaніемъ проспектовъ; труды его по этой части подробно перечислены въ моей книгѣ: «Русскіе граверы и ихъ произведенія», стр. 250—255. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить: Планъ Москвы съ окресностями на 30 верстъ, съ видомъ Кремля внизу (доска въ Главномъ штабѣ) и съ подписью: «Проспектъ снималъ М. М. Махаевъ». Изъ оригинальныхъ гравюръ Махаева извѣстны: 1) Портретъ Бухвостова (Русскіе граверы, № 1), 2) «Линія баталіи....» — очень

рѣдкій листъ, въ Московскомъ Университетѣ, и 3) Монархическій колоссъ, описанный подъ № 293 *).

293 А. Прибавить: **Послѣдній день Помпеи**; народная картинка четырехлистоваго размѣра, составленная по разсказамъ о знаменитой картинѣ К. П. Брюллова, какъ значится внизу ее—«Рис: Ѳедоръ Бобѣль. Издательница Катерина Бѣлова. Грав. Ѳ. Алексѣевъ» (пунктиромъ). Подъ картинкой помѣщено слѣдующее описаніе ея: «*Послѣдній день разрушенія города Помпеи* (23-го Августа 72-го года по Р. X). Пятнадцать дней сряду продолжавшееся землетрясеніе увеличилось до такой степени, что почти каждый домъ разрушался, и наконецъ съ 4-хъ часовъ утра всѣ зданія стали колебаться съ ужасною силою, море воздымилось изъ самыхъ нѣдръ своихъ, и отхлынуло изъ береговъ. На противоположной сторонѣ разсѣлось черное, наполненное пламенемъ облако, и разлилось огненными потоками, подобно рѣкѣ растилался густой дымъ (,) въ сіе время ничего небыло слышно кромѣ воплей женщинъ, плача дѣтей, криковъ мужчинъ, мертвая женщина съ младенцемъ, одною рукою онъ держится еще за висящій съ груди матери платокъ (,) а другою опирается на землю и плачетъ (,) его движеніе ясно показываетъ, что мать спасла это невинное твореніе, держа его на рукахъ во время паденія съ колѣсницы, сіе подтверждаютъ разбросанныя кругомъ нихъ драгоцѣнная утварь и украшенія (,) которыя она хотѣла спасти, колесо съ остаткомъ изломанной оси, и влѣкомая въ нѣкоторомъ отдаленіи бѣшеными конями самая колесница, изъ которой падаетъ полумертвый супругъ ея. На противоположной сторонѣ три сына спасаютъ отца. Старецъ, опираясь на плечо сильнейшаго изъ нихъ воина, и поддерживаемый младшимъ, обращаетъ взоры на негодующее небо, заслоняясь правою рукою отъ падающаго пепла, и обхвативъ лѣвою сына, старающагося идти съ крайнею осто-

*) Въ христіанскомъ музеумѣ СПБ. Академіи Художествъ этотъ монархическій колоссъ написанъ въ величину нашей гравюры № 293 на полотнѣ, масляными красками.

рожностію, между тѣмъ какъ средній сынъ хочетъ поднять съ мѣста мать и уговариваетъ ее послѣдовать за нимъ, но она увѣщеваетъ его спасти только самаго себя, оставивъ ее на жертву неизбѣжной судьбѣ. Юноша поддерживаетъ находящуюся въ безпамятствѣ или даже можетъ быть лишенную жизни супругу свою, съ которою недавно соединилъ его Гименей (,) въ самомъ близкомъ разстояніи отъ молніеноснаго и гремящаго метеора (,) взбѣшенный конь старается сбросить съ себя спасавшагося всадника, поднимается на дыбы, между тѣмъ какъ всадникъ отвращаетъ глаза отъ ослепительнаго блеска. Окружающіе ихъ люди спѣшатъ устранится отъ копытъ коня, но въ это самое мгновеніе подземный ударъ поколебалъ близь стоящій надгробный памятникъ и съ онаго падаютъ двѣ статуи (,) сдѣсь же бѣдное семейство готовится бѣжатъ, но отецъ онаго (,) обхвативъ правою рукою супругу, распростираетъ надъ дѣтьми своими плащь (,) дабы сколько возможно защитить ихъ отъ низвергающихся камней и пепла (,) левою же держитъ оный такъ, что при свѣтѣ молніи можно было видѣть предстоящій имъ путь. Около скауровой гробницы съ крикомъ толпится народъ. Жрецъ (,) который держа въ рукахъ орудія жертвоприношенія, съ отчаяніемъ и негодованіемъ бросаетъ взоры на небо, и позади его идетъ живописецъ (,) неся на головѣ принадлежности своего искуства, и (,) какъ спокойный наблюдатель, ищетъ въ семъ явленіи природы только предмета для творческой кисти своей. На ступеняхъ Скауровой гробницы смятеніе въ большой степени: некоторые (,) пораженные страхомъ, при видѣ разрушающагося зданія (,) спѣшатъ назадъ и сталкиваются съ другими, стремящимися къ нимъ на встрѣчу. Скупой наклонился, дабы подобрать нѣсколько золотыхъ монетъ высыпавшихся изъ мѣшка. Тутъ еще стоящая на колѣняхъ мать между двухъ дочерей, которыхъ она съ нѣжностію обнимаетъ; къ ней подходитъ старецъ; символъ искупленія, висящій на груди его, и церковная утварь, завернутая въ покрывало, показываетъ, что это Христіанскій пастырь. Въ правой рукѣ онъ держитъ горящій Факелъ (,) дабы освѣщать путь страждущимъ братьямъ сво-

имъ». «Ценз. И: Снигиревъ. 1834 года Апреля 11 дня». Картинка передѣлана на русскіе нравы, съ русскими костюмами, и не имѣетъ ничего общаго съ картиною К. П. Брюллова.

294—297. **Битва Царя Александра Македонскаго съ Поромъ Царемъ Индійскимъ.** Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, произведеніе Псевдо-Каллисѳена, была любимымъ чтеніемъ всего Запада съ давняго времени и переведена на всѣ языки, съ сообщеніемъ ей въ каждомъ переводѣ мѣстнаго колорита (Dunlop, 163); въ болгарской, сербской и русской литературахъ она заимствована изъ того-же источника; на польскомъ языкѣ она напечатана въ первый разъ въ Краковѣ въ 1550 году (Чешское изданіе 1513 г.—Статья А. Гильдебрандта: Древ. и Нов. Россія 1878, XII. 342). По замѣчанію Пыпина, повѣсть эта написана не сразу, а составлялась постепенно изъ разныхъ источниковъ, и съ разными добавленіями (27); у него-же перечислены и описаны разныя редакціи этой повѣсти. Нашъ русскій переводъ ближе всего подходитъ къ сербскому, причемъ въ немъ даже сохранены всѣ переиначеныя на сербскій ладъ имена собственныя; въ картинкѣ нашей конь Александра тоже названъ по сербскому—*дочупаломъ*.

Вотъ вкратцѣ содержаніе Псевдо-Каллисѳеновой повѣсти по спискамъ сербско-болгарской редакціи, какъ оно изложено А. Веселовскимъ въ Исторіи русской литературы Галахова (397): «Говорятъ, что Александръ былъ сынъ Филипповъ; это ложь: онъ былъ сынъ египетскаго царя—волхва Нектанеба (Нектенабъ, Нектеванъ). Когда Дарій, царь персидскій, напалъ на Египетъ, Нектанебъ узналъ чарованіемъ, что его войску быть поражену, и ночью бѣжалъ переодѣтый, оставивъ по себѣ рукописаніе. Въ немъ онъ объявлялъ своимъ милымъ египтянамъ, что удаляется отъ нихъ, не будучи въ состояніи видѣть ихъ горя, но черезъ 30 лѣтъ вернется юный и сильный и подклонитъ къ ихъ стопамъ ихъ враговъ персовъ. Прибывъ въ Македонію, Нектанебъ сказывается врачемъ и звѣздочетомъ. У царя македонскаго Филиппа была прекрасная жена Олипіада; объ одномъ онъ горевалъ, что

она была неплодная. Однажды, отправляясь на войну, онъ призвалъ ее и сказалъ: если ты не зачнешь до моего возвращенія, знай, что очи мои тебя болѣе не увидятъ и сердце къ тебѣ не пристанетъ. Олимпіада скорбитъ и по совѣту рабыни рѣшается обратиться къ помощи врача-волхва Нектанеба. Какъ увидѣлъ ее Нектанебъ, прельстился ея красотою и говоритъ: сами боги хотятъ посѣтить тебя; если ты ихъ допустишь, наречешься матерью великому царю. Самъ онъ является къ ней въ образѣ бога Аммона; а образъ этотъ былъ таковъ: глава орлиная, рога василисковы, хвостъ (опашь) аспидовъ, ноги львиныя, крылья грифа золотыя и червленыя. Такъ прельстилъ онъ царицу. Когда настало время рожденія, Нектанебъ снова является къ ней: потерпи, говоритъ онъ ей, пока не наступитъ благополучный часъ; если ты родишь теперь, то родишь раба и непотребнаго человѣка; если потерпишь, «докле небеске планите на уставу стану», то родишь царя царямъ и мудрѣйшаго мужа. Она родитъ Александра, которому оракулъ Аполлона пророчитъ, что онъ будетъ царемъ по всей подсолнечной, благочестивъ и разумомъ великъ, убьетъ отца своего и на сороковомъ году вернется къ матери своей землѣ».

«Возвратившійся Филиппъ обрадованъ рожденіемъ сына, который отданъ въ науку къ Аристотелю и Нектанебу; у перваго онъ изучаетъ Иліаду и Одиссею, у втораго всякую небесную и Виргиліевскую («верзилийской») хитрость, устроеніе небеснаго круга и зодіака и т. п. Одно изъ Аполлоновыхъ прорицаній исполняется: Александръ убиваетъ своего отца Нектанеба, причемъ узнаетъ впервые тайну своего рожденія. Слѣдуетъ далѣе разсказъ о первыхъ подвигахъ Александра, о томъ какъ онъ добылъ чуднаго вологлаваго коня (Букефала), о его войнѣ съ куманами (скифами греческаго текста) и т. п.»

Далѣе Александръ «осаждаетъ Аѳины, которыми правили въ то время 12 мудрецовъ, державшихъ въ Эллинской землѣ господство судомъ правымъ и разумомъ. Діогенъ, перешедшій на сторону Александра, научаетъ его взять городъ хитростью. Онъ велитъ поджечь его, при чемъ сгорѣла и церковь аѳинская со

всѣми своими богами. «И увидѣвъ то, Александръ сказалъ: если бы вы были боги, сами отъ огня сохранили бы себя...» Затѣмъ «Александръ приходитъ въ Римъ. Римляне, услышавшіе объ участи аѳинянъ и подобно имъ управлявшіеся «общиной», встрѣчаютъ его съ дарами и изъявленіями покорности. Въ числѣ даровъ упоминаются 12 одеждъ Соломона, его вѣнецъ, стемма царицы южской Сивиллы, оружіе, принадлежавшее Парису и Аяксу и т. п. Эллинскіе философы толкуютъ Александру пророчество, бывшее о его пришествіи въ Римъ; услышавъ его, онъ сказалъ: какъ изволитъ божій промыселъ, такъ и будетъ: сильные надъ сильными пали, а немощные подвинулись въ крѣпости. Цари запада посылаютъ ему дары и молятъ пощадить ихъ. Смиловался надъ ними Александръ и, поставивъ Лаумедонта царемъ въ Римѣ и надъ всѣмъ западомъ, отправляется далѣе въ южныя страны».

«Вернувшись въ Македонію, гдѣ онъ нѣкоторое время отдыхаетъ послѣ своихъ подвиговъ, Александръ замышляетъ покорить востокъ. Дарій напрасно пытается остановить его грознымъ посланіемъ. Первый походъ направленъ противъ Іерусалима. Въ то время іерусалимскимъ господствомъ и царствомъ обладалъ пророкъ бога Саваоѳа, Іеремія. Пророкъ Даніилъ вѣщаетъ ему во снѣ, что явился предвозвѣщанный имъ освободитель отъ персидскаго ига. Александръ вступаетъ въ Іерусалимъ, настроенный благоговѣйно вѣщимъ сновидѣніемъ. Узнавъ, что евреи поклоняются единому Богу, творцу неба и земли, онъ говоритъ: «да вѣрую и азь вь нь и исповѣдоую его.... и богъ вашъ да боудеть мнѣ богь, и мирь его сь мною да боудеть» — и отказывается отъ дани. Онъ идетъ въ Египетъ, и Іеремія благословляетъ его: не видать тебѣ болѣе этой земли, о Александръ! Но и далѣе онъ не оставляетъ его, являясь ему въ сновидѣніяхъ и наставляя, чтобы въ битву онъ вступалъ съ именемъ господа Саваоѳа на устахъ. Благочестіе Александра было въ рукахъ славянскихъ пересказщиковъ однимъ изъ способовъ народнаго пріуроченія».

«Египтяне сопротивляются Александру, хотятъ подкупить его врача Филиппа, чтобы онъ отравилъ его; когда тотъ отказался,

пишутъ Александру письмо, въ которомъ Филиппъ обвинялся въ злоумышленіи противъ его жизни. Подозрѣнія царя разсѣялись, когда врачъ выпилъ половину лѣкарственнаго зелья, которое онъ ему подалъ; Александръ показываетъ ему подметное письмо. «О великій царь, восклицаетъ Филиппъ, отъ главы твоей зависятъ главы всѣхъ царей земныхъ; еслибы я хотѣлъ учинить такое, паденіе твоей главы поколебало-бы весь свѣтъ—а весь свѣтъ ея не стоитъ». Египтяне начинаютъ молить о помилованіи: помилуй насъ царь Александръ, нашего царя Нектанеба сынъ; старымъ онъ отъ насъ удалился, молодымъ вернулся!—Они толкуютъ Александру предсказаніе Нектанеба и знаменіе, по которому они могутъ узнать его: надъ кѣмъ сорвется вѣнокъ, который держитъ въ рукѣ его статуя и на чью голову падетъ—это будетъ онъ самъ, вернувшійся къ намъ и поюнѣвшій. Чудо совершается надъ Александромъ, который велитъ поставить четыре столба великихъ и на нихъ столько же статуй: свою и своихъ трехъ полководцевъ. Всѣ онѣ обращены къ востоку, гдѣ съ тѣхъ поръ посредоточивается интересъ дѣйствія: уже Дарій стоитъ съ войскомъ на Евфратѣ и его битвы съ Александромъ, отвѣчая близко историческимъ фактамъ, обставлены романическими подробностями. Дарій побѣжденъ, даже помощь индѣйскаго царя Пора не помогла ему... Дарій убитъ своими властелями, и умираетъ, утѣшаясь тѣмъ, что его дочь Роксана (Роксандра, Роксанда) выйдетъ замужъ за побѣдителя: жалость моя на радость мою право обратися».

«...На блаженномъ (макарійскомъ) островѣ Александръ находитъ потомковъ Сиѳа (нагомудрци), ведущихъ ангельскую жизнь, непричастныхъ людскимъ смутамъ; ему жаль своихъ македонянъ, а то бы онъ остался съ ними. Эвантъ, царь блаженныхъ людей, говоритъ ему: иди съ миромъ; когда ты овладѣешь всею землею, ты возвратишься въ нее, не видавъ своей родины. Надпись въ городѣ Солнца вѣщаетъ ему смерть; человѣкообразныя птицы останавливаютъ его словами: пусть не идетъ далѣе, ему не видать рая; пусть вернется: его ждетъ Индія и Порово царство».

«...Александръ побѣждаетъ Пора, Амазонки признаютъ его

господство; онъ идетъ посломъ, подъ именемъ Антигона, къ царицѣ Кандакіи и по дорогѣ посѣщаетъ жилища боговъ и отжившихъ героевъ». А потомъ «Александръ затворилъ за двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы сѣвера».

«Онъ готовится идти въ Вавилонъ; пророкъ Іеремія является ему во снѣ и вѣщаетъ: «се бо число 40-го лѣта свершается, четверосъставнаго тѣла твоего естество возвратитися имать въ землю, отъ неяже взято бысть». Отсюда и до конца романа, быстро приближающагося къ развязкѣ, мысль о смерти не оставляетъ Александра: среди празднествъ въ Вавилонѣ, куда собрались всѣ народы и властители, гдѣ являются къ нему Аристотель и Олимпіада, она сказывается во всякомъ его словѣ. Онъ умираетъ отравленный. Роксана убиваетъ себя надъ тѣломъ Александра и похоронена вмѣстѣ съ нимъ въ золотыхъ ковчегахъ на столбѣ, донынѣ стоящемъ посреди Александріи».

Александръ Македонскій, кромѣ славнаго имени героя и побѣдителя, заслужилъ репутацію человѣка геніальнаго и любознательнаго. Повѣсть говоритъ, что онъ понималъ птичій языкъ, что онъ поднимался на небеса на четырехъ птицахъ (сравни жизнеописаніе Езопа), и спускался въ колоколѣ на морское дно, куда приплыли къ нему рыбы всѣхъ породъ.

Для славянъ имя Александра было памятно еще и потому, что онъ далъ имъ, какъ говоритъ преданіе, грамоту на свободу (Dlugossi, Histor. Polon. Lips. 1712, I. 14). По словамъ Сарницкаго, эта грамота на разныя привиллегіи сохранялась еще въ его время въ Богеміи (тамъ-же, II. 1). Таже выдумка повторяется и у чешскаго писателя XVI вѣка, Гайка, и въ разныхъ славянскихъ хронографахъ (Востоковъ, Румянц. Музей, 767.— Лавровскій, Изслѣдов. о Якимовской лѣтоп. СПБ. 1855, стр. 33), а также и въ Синопсисѣ Гизеля, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1680 году. Въ одномъ хронографѣ 1679 года обстоятельство это описано слѣдующимъ образомъ:

«О князѣхъ Рускихъ бывшихъ при Александрѣ Македонскомъ. Начальницы убо въ Словенехъ и Русехъ князи быша, имъ же

суть имена первый Великосанъ, второй Асанъ, третій Авесха-санъ. Сіи же бяху храбрствомъ и мудростію многихъ превозшедше, всеяже вселенныя тогда самодержецъ многосчастный Александръ сынъ Филиппа Македонскаго, о сихъ же выше реченныхъ Словянехъ и Русехъ отъ всѣхъ странъ жалостенъ слухъ и самому самодержцу возгремѣ во уши, пресвѣтлый же самодержецъ и всесвѣтлый царь нача размышляти съ подданными своими рече, что сотворити подобаетъ съ сыроядцы сими, ратьми ли ополчитися многими и разбити ихъ и покорити въ вѣчную работу, но неудобно сему быти никакоже зелнѣйшаго ради дальнаго разстоянія пути, и неудобь проходныхъ морскихъ водъ и превысокихъ, но обаче посылаетъ къ нимъ съ дары многими, и писаніе всякими похвалами украшено и самаго царя высокодержавнаго десницею златопернатыми письмены подписано, писаніе-же имяше образъ сицевъ. Посланіе Александра Македонскаго къ Русскимъ княземъ. Александръ царемъ царь и надъ цари бичь, божій презвитяжный рыцарь и всего свѣта обладатель, и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный повѣлитель, къ непокоривымъ яростный мечъ и страхъ, всего свѣта честнѣйшихъ надъ честнѣйшими въ далномъ разстоятельномъ и незнаемомъ крае вашемъ отъ нашего величества честь и миръ и милость вамъ и по васъ храбросердому народу Словенскому, княземъ и владѣльцомъ отъ моря варяжскаго даже до моря Хвалимскаго дебелнымъ и милымъ моимъ храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авесхасану вѣчнѣ поздравляю, яко самѣхъ васъ любезно лицемъ къ лицу цѣлую сердечнѣ пріемлю, яко други по сердцу моему, и сію милость даю вашему владычеству, аще каковый народъ вселится въ предѣлехъ вашего княженія отъ моря Варяжскаго и до моря Хвалимскаго да будетъ вамъ и роду вашему подлежими вѣчной работѣ, во иные же предѣлы отнюдь да не вступитъ нога ваша. Сіе же достохвалное дѣло замкнено нашимъ листомъ и подписано царскою высокодержавною правицею и за природнымъ нашимъ государскимъ златокованнымъ гербомъ привѣшеннымъ. Дано вашей чести въ вѣчность въ мѣстѣ нашего предѣла въ велицей

Александріи изволеніемъ великихъ Боговъ Марша, Юпитера и богини Минервы и Венусы мѣсяца примоса началнѣйшаго дня. А припись царьскія руки сверхъ строкъ златопернатыми писмены написано сице: Мы Александръ царь царемъ и надъ царьми бичь, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венуса въ небѣ, земски же Филиппа сильнаго царя и Алимпіады царицы нашею высокодержавною правицею утвердилъ вѣчнѣ. Сіи же князи Словенорустіи, иже таковыя. высокія чести сподобишася отъ вседержавнаго того самодержца пріяша сію пречестнѣйшую епистолію, почитаху велми и обѣсиша ю въ божницѣ своей по правую страну идола Велеса и честнѣ поклоняхуся ей, и праздникъ честенъ творяху въ началный день примоса мѣсяца».

Въ сказочной рукописи дьякона Каменевича Рвовскаго, писавшаго около 1699 года: «О древностехъ Россійскаго Государства» (Москов. Синод. библ. № 529), приведена подобная-же грамота, данная Александромъ Македонскимъ Славянскимъ вождямъ, на обладаніе занятыми отъ нихъ землями*): «Братъ Славеновъ Руссъ», разсказываетъ Каменевичъ, — «основалъ городъ Русу и назвалъ тамъ одну рѣку Порусьею, а другую Палистою: такъ именовались жена и дочь его. Потомки сихъ князей обогатились и прославились мечемъ своимъ, завладѣвъ всѣми странами сѣверными до Ледовитаго моря и *желтовидныхъ водъ*, и за высокими каменными горами, въ землѣ Сибири до Оби, и до устья *бѣловидныя млечныя рѣки*, гдѣ ловятъ звѣри *дынку* или соболя. Они воевали въ Египтѣ, въ странахъ Іерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ, міръ ужасался ихъ храбрости. Во время Александра Македонскаго управляли Словенами и Руссами Князья: Великосанъ, Асанъ, Авехасанъ». Далѣе разсказывается сходно съ редакціей хронографа 1679 года.

По свидѣтельству Пыпина, въ одной Публичной Библіотекѣ около ста списковъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ; основныя редакціи русскихъ списковъ — одна болгарская, а другая

*) Такая же грамота напечатана Гильтебрандтомъ въ Древней и Новой Россіи 1877, т. XII. См. также у Попова грамоту изъ Хроники Бѣльскаго, II. 440.

сербская. А. Поповъ указалъ на тѣсную связь отдѣльныхъ сказаній объ Александрѣ съ хронографами; ученый Ягичъ сдѣлалъ опытъ критическаго изданія этихъ сказаній сербской редакціи (Исторія Сербо-Хорватской Литературы. Русск. перев. Казань 1871 г.—Starine, III. 1871). Въ 1-й книжкѣ Извѣстій Казанскаго Университета помѣщенъ литературно-философическій очеркъ отрывковъ чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ И. А. Снегирева (Древ. и Нов. Россія 1878, XII. 343).

297. Есть еще изданіе (*д*) этой картинки, конца прошедшаго столѣтія; въ немъ первая строка подписи (вверху) оканчивается словами: «а вои».—Въ моемъ собраніи.

298. **Люди дивіе, найденные Александромъ Македонскимъ.** Въ одномъ славянскомъ сборникѣ XVII вѣка разсказывается, что войско Александра «жены обрѣтоша дивіи и долги, всякая жена 3 сажени, косматижъ: космы аки свиныя, очи же аки звѣзды, и на войско Александрово наѣхаша». Въ Александріи съ миніат. XVII в. (въ собр. Забѣлина) говорится, что Аляксандръ «людіе обрете величествомъ только локоть. . . . и ти людіи птицы наричются человѣцы . . . . все тѣло ихъ человѣческо, глава же песія. . . . . человѣцы. . . отъ пояса горѣ человѣкъ, а отъ пупа конь, исполиниже наричются. . . . Дѣвица Горгонѣя: имуще же лице и перси и руки человѣски, а ноги и хвостъ имѣетъ аки у коня; на главѣ же ей за власъ мѣсто змѣй имѣетъ, и выросташа всякими лица».

Въ словѣ Меѳодія Патарскаго [1]) разсказывается, что Александръ Македонскій встрѣтилъ этихъ народовъ, называемыхъ имъ Гогомъ и Магогомъ, въ солнечной странѣ; они жили какъ дикіе

---

[1]) Слово Меѳодія Патарскаго о томъ, что случится въ концѣ міра, ложно приписывается этому писателю, такъ какъ въ немъ говорится о завоеваніи Св. земли Сарацынами и др. происшествіяхъ, о которыхъ Меѳодій Патарскій, умершій въ 310 г., не могъ и знать. Порфирьевъ полагаетъ, что это слово написано Меѳодіемъ, патр. Константинопольскимъ, умершимъ въ 346 г. (95); оно напечатано у Тихонравова (Отреч. Книги, II. 213. 281). Старообрядцы основываютъ на этомъ словѣ свое ученіе объ антихристѣ (Порфирьевъ, 97).

звѣри, ѣли все нечистое, гнусное и скверное—комаровъ, мышей, кошекъ и змѣй; мертвыхъ не хоронили, но ѣли ихъ трупы. Видя все это, Александръ убоялся, чтобы они какъ нибудь не дошли до святой земли и не осквернили ея разными сквернами. Помолившись Богу, онъ погналъ ихъ къ сѣвернымъ горамъ. Богъ повелѣлъ соединиться двумъ горамъ; горы сошлись и заключили въ себѣ нечистые народы; между горами осталось пространство только на 12 локтей; его заперли желѣзными воротами и замазали эти ворота асинхитомъ (въ лат. — Assurim, въ слав.— асигнитомъ, сунклитомъ), чтобы нельзя было ихъ ни желѣзомъ разсѣчь, ни огнемъ расплавить; ибо таково свойство асинхита, что его ни желѣзо не разсѣкаетъ, ни огонь не сожигаетъ. Въ послѣдніе дни, при кончинѣ міра, Гогъ и Магогъ и всѣ нечистые народы выйдутъ изъ этого заключенія. Знаменіемъ наступленія послѣднихъ временъ считаются завоеванія по всей землѣ Измаильтянъ и страшныя опустошенія и бѣдствія, которыя они произведутъ (Порфирьевъ, 96).

По Луцидаріусу [2]) мѣсто замурованія тѣхъ же народовъ опредѣляется нѣсколько иначе: «въ Индѣи же есть нѣкая гора, нарицаемая Каспинусъ, и оттуду идетъ Каспанійское море, и промежъ того моря горы, гдѣ замуровалъ великій царь Александръ Македонскій два племени людей нарицаемыя Гогъ и Магогъ. Тѣ люди не ѣдятъ иного кромѣ животныхъ сырыхъ мясъ и человѣческихъ мясъ же» (Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., I. 44. Лусидаріусъ) [3]).

---

[2]) «Книга именуемая *Лусидаріусъ*, сирѣчь златый бисеръ»—представляетъ отчасти извлеченіе изъ латинскаго сочиненія: «Elucidarius dialogicus theologiae tripartitus», многократно издававшагося и приписываемаго разнымъ авторамъ, и состоитъ изъ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя: о Богѣ, объ ангелахъ, о раѣ, объ адѣ и пр. Къ предметамъ богословскимъ присовокуплены космографическіе и естествословные, коихъ нѣтъ въ латинскомъ Елуцидаріусѣ; напримѣръ описаніе Европы, Азіи и Африки, перемѣшанное съ баснословными сказаніями древнихъ географовъ, изъясненія о моряхъ, вѣтрахъ, земномъ шарѣ и т. п. (Востоковъ, Румянц. Музей, 550).

[3]) Въ народѣ разсказываютъ, что Александръ загналъ Гога съ Магогомъ въ горы, одну гору на другую сводомъ поставилъ, и трубы на нихъ наложилъ.

О дивныхъ людяхъ говорится и въ посланіи царя Ивана Индѣйскаго Греческому императору Мануилу: «Есть у меня въ одной странѣ живутъ люди немыя, а въ другой люди рогатые (въ другомъ спискѣ *ропатые*), а иные люди травоядцы, а іные люди десяти сажень высота их, а иные люди половина человѣка, а другая пса; а иные люди шесть рукъ имѣютъ; а иные люди въ волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единь ударитца въ полкъ на 1000 человѣкъ; да родятся въ моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры (по др. списк.: *драмадаре*, т. е. дромадеры?); водятся у насъ велбуды і коркодилы звѣри лютые, і киторасы звѣри: головы человѣчьи, власы женскія, і зверки скамалдры, которы во огны скачютъ, а не згораютъ, а на что онѣ прогнѣваются, на человѣка или на древо, помочится по сердцу і згоритъ ѡт мочи его тот час. Есть у меня птица, имя ей нагавинъ, свиваетъ гнѣздо на пятнадцети древесахъ. Есть у меня птица чараѳитъ....» (Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., т. II. отд. III. стр. 100).

Извѣстія о существованіи разныхъ царствъ съ дивами пользовались общимъ довѣріемъ въ XV и XVI вѣкахъ. Жители Цейлона, съ волчьими головами, изображены въ путешествіи Марко Поло (Champfleury, Caricat. du moyen âge, 52); о нихъ-же разсказываетъ Павелъ дьяконъ (De gestis Longobard., I. XI.— Буслаевъ, Очерки, II. 146). Въ исторіи Guerino Meschino (Dunlop, 313) описаны лунныя и солнечныя деревья, люди съ собачьими головами и человѣкъ-диво объ одной ногѣ, который ею закрывается, на манеръ зонтика, отъ солнца; такой-же чудакъ представленъ въ Нюренбергской хроникѣ Шеделя. Въ Космографіи Мюнстера, рядомъ съ научными свѣдѣніями, приведены и описанія дивъ, существовавшихъ будто-бы въ Африкѣ близь озера Мерое, съ собачьей головой, одноногихъ, одноглазыхъ, безголовыхъ, двухголовыхъ, съ лицемъ на груди (Scheible,

---

Какъ подуетъ вѣтеръ, трубы и подымутъ вой; Гогъ и Магогъ затрепещутъ, думая, что живъ еще Александръ; а выдутъ они передъ самою кончиною міра (Аѳанасьевъ, Сказки, III. 173. Записан. въ Саратовской губерніи).

Schaltjahr, II. 329); въ Маргаритѣ философской есть цѣлое разсужденіе о такихъ дивахъ [4]).

Въ Бесѣдѣ трехъ Святителей упоминаются люди, живущіе подъ негасимымъ огнемъ и которые не пьютъ, не ѣдятъ, а какъ паутина летятъ туда, куда ихъ вѣтеръ гонитъ.

Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка (Царскаго № 314) есть слѣдующая статья о дикихъ людяхъ: «Люди зовомые исаторы (сатиры), живутъ и въ лѣсахъ и по горамъ; хожденіемъ скоры, никто ихъ не догонитъ, ходятъ нагіе, обросли шерстью, рѣчи не имѣютъ, только кричатъ (л. 111).

Врахмани человѣцы суть иже живутъ близъ рая, въ дрязгу древесъ, нази пребываютъ; и ничто же свѣта сего имуще (л. 110).

Гиганты есть люди объ одномъ глазѣ, велики аки Волотове, а живутъ въ Сицилійской земли, подъ горою, зовомою Етна.

Опокентавръ звѣрь Китоврасъ, иже отъ главы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки оселъ (л. 120 об.).

О Андроинахъ. Люди именуеміи Андроини, а живутъ они въ Ѳрицкой земли, а имѣютъ у себя плоть половину страну мужскую, а другую женскую, у всякаго человѣка правой сосокъ мужескъ, а лѣвой женескъ.

О Аримаспахъ. Люди Аримаспи живутъ въ далнихъ земляхъ Татарскихъ и имѣютъ по одному глазу или оку, а воюются съ грифы за жемчугъ и злато.

О Астромовехъ. Люди Астромове или Астаніи живутъ въ Индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обоихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего, и отъ цвѣтовъ, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, ни піютъ, только нюхаютъ. А покамѣста у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ.

О Атонасіяхъ. Люди есть Атонасіи, живутъ на полунощи океана моря, уши у нихъ столь велики, что покрываютъ ими все свое тѣло.

---

[4]) См. также сказанія о людяхъ-собакахъ у Китайцевъ (Буслаевъ, Сравнит. изуч.: Русск. Вѣст., I. 708), и о людяхъ съ лошадиными головами у Индѣйцевъ (Минаевъ, Индѣйскія сказки. СПБ. 1877, 243).

О Поподесехъ. Люди Поподеси живутъ надъ моремъ окіяномъ, главы у нихъ человѣчіи, а руки и ноги какъ конскіе ноги, а ходятъ на всѣхъ четырехъ ногахъ.

О Неурилахъ. Люди Неурили живутъ въ далнихъ Татарскихъ земляхъ, и умѣютъ обращатися въ человѣка, въ волка, а изъ волка паки въ человѣка.

О Пилмѣяхъ. Люди есть зовомые Пилмеи, живутъ въ Индѣйскихъ земляхъ, ростомъ невелики, толко локтя единого, и недолговѣчны, толко по осми лѣтъ вѣкъ ихъ. А жены ихъ родятъ въ пятый годъ, а дерутся съ журавлями о корму, а ѣздятъ на козлахъ, а стрѣляютъ изъ луковъ.

О Каталпахъ. Люди зовоми Каталпи живутъ въ Сикилійской странѣ подъ горою именемъ Етна, тѣ люди велики какъ волотове, а имѣютъ по одному оку, а иные слѣпы, а мнятъ, что и нѣтъ такихъ людей на земли, чтобы у нихъ было по два ока, а родомъ тѣ люди добрѣ хороши, и молятся солнцу и мѣсяцу.

О Щиритахъ. Люди Щиритове живутъ въ Татарской земли безъ ушей, толко лишь диры за ушей мѣста.

О Троглодитахъ. Люди Троглодиты живутъ въ Ѳритской странѣ по горамъ, а ѣдятъ змѣй.

О Мантикорахъ. Люди Мантикоры живутъ въ Индѣйскихъ странахъ, зубы у нихъ въ три ряда, главы у нихъ человѣчи, а тѣло лютаго звѣря.

О Мономерахъ. Люди Мономери зовомы, а и индѣ Монокули, объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ и онъ можетъ покрытися ногою какъ лапою.

О Потоміяхъ. Люди зовомии Потомія ходятъ на рукахъ и на ногахъ, брады у нихъ долги, половина человѣка, другая конь. А у женъ ихъ власовъ на главахъ нѣтъ, а живутъ въ водѣ. Много и иныхъ всякихъ чюдныхъ какъ въ Ѳритскихъ и во Индѣйскихъ и въ Сирскихъ странахъ; у иныхъ песьи главы, а иные безъ главъ, а на грудѣхъ зубы, а на локтяхъ очи, а иныя о двухъ лицахъ, а иные о четырехъ оченъ, а иные по шти рогъ на главахъ

носятъ, а у иныхъ по шти перстовъ у рукъ и у ногъ, а всѣ тѣ люди на вселенную пошли отъ единаго человѣка, рекше Адама, и за умноженіе грѣховъ тако ся учинилися, можемъ разумѣти отъ жены Лотовы и отъ прочихъ, ихъ же множество и окаменѣша» (Поповъ, Обозр. Хронографовъ. Москва 1866, вып. 1, стр. 97; сравните также прим. къ № 590).

Въ одной изъ русскихъ легендъ (Памятники старин. русск. литер., III. 52) разсказано, что Китоврасъ, послѣ освобожденія его Соломономъ, подарилъ ему человѣка о двухъ головахъ, который, по разсказамъ его, жилъ подъ землею, куда солнце отъ запада, а луна отъ востока сходитъ; Соломонъ далъ ему жену, отъ которой у того человѣка родилось два сына—одинъ о двухъ головахъ, а другой объ одной. Послѣ смерти отца сыновья заспорили о его наслѣдствѣ: двуголовый требовалъ себѣ двойную часть. Соломонъ приказалъ принести кипятку, сказавъ, что: если польютъ на одну голову и другая обжога не почувствуетъ, то дастъ имѣнія двуголовому вдвое противъ одноголоваго; конечно опытъ кончился въ пользу послѣдняго. Самъ Китоврасъ [5]) принадлежалъ тоже къ числу людей-дивъ. У Попова находимъ подобное-же сказаніе о человѣкѣ Янусѣ и Центаврѣ: «Послѣ Ноева потопа бысть человѣкъ на земли именемъ Янусъ о двухъ главахъ, и обѣими главами владѣлъ и языкомъ говорилъ. И тотъ первый послѣ потопа научилъ человѣки письма и азбуки и знаменія небесныя указалъ и годъ учинилъ имъ, и по солнечному теченію онъ же раздѣлилъ годъ, и по лунному теченію на 12 мѣсяцевъ и иныхъ всякихъ премудростей научилъ и на земли насади древа всякія. При томъ же Янусѣ бысть человѣкъ въ Италіанской земли дороденъ, разуменъ, бородатъ, по поясъ человѣкъ, а отъ пояса—человѣкъ на конскихъ ногахъ, а жилъ онъ на землѣ 120 лѣтъ, трижды умиралъ и трижды оживалъ» (по хронограф. русск. редакц.: Поповъ, II. 115; заимствов. изъ Хроники Конрада Ликостена: Памятн. старин. русск. литерат., III. 52).

---

[5]) Передѣлано изъ греческаго Кентавроса.

Есть еще два изданія этой картинки—копіи съ изданія *а*; въ нихъ послѣднія слова первой строки въ подписи— слѣдующія: въ изд. *з*—«о^т нихъ прои», въ изд. *и*—«люди на нихъ»; оба изданія—конца прошедшаго столѣтія.

299. **Смотрины греческой Царевны.** Этотъ листъ гравированъ А. Зубовымъ. Алексѣй Зубовъ, граверъ на мѣди, сынъ извѣстнаго иконописца Ѳедора Евтихіева Зубова; до 1699 года онъ былъ тоже иконописцемъ при Оружейной Палатѣ, а 14 августа 1699 года отданъ въ наученіе грыдоровальному мастерству къ новоприбывшему голландскому мастеру Адріану Шхонебеку, у котораго учился гравировать сперва орловъ для гербовой бумаги, а потомъ и фигурныя доски. Въ 1701 году онъ представилъ первую такую доску, съ изображеніемъ сошествія Св. Духа (см. карт. № 1000), и получилъ за нее прибавку жалованья. Первыя десять лѣтъ А. Зубовъ провелъ при Оружейной Палатѣ и произвелъ въ это время, подъ смотрѣніемъ Шхонебека, лучшія свои доски (невошедшія въ настоящее описаніе); въ 1711 году Зубовъ уже работаетъ въ С.-Петербургѣ (этимъ годомъ подписана имъ сватьба карлика; см. IV. 332), и состоитъ старшимъ мастеромъ при типографіи. Въ 1717 году Санктпетербургская типографія была закрыта; граверы распущены и Зубовъ, въ числѣ прочихъ, получилъ отставку; ему даже не додали жалованья; тогда онъ просилъ, въ случаѣ недостатка наличныхъ денегъ, додать ему книгами и инструментами, оставшимися въ типографіи для печатанія гравюръ, что и было исполнено (Пекарскій, II. 652). Не имѣя средствъ производить на свой счетъ большія многодѣльныя гравюры, Зубовъ принялся работать изъ за дневнаго пропитанія. Въ 1732 году онъ уже работаетъ въ Москвѣ, копируетъ картинки изъ голландской библіи, и гравируетъ подносные листы, посвящая ихъ разнымъ благодѣтелямъ. Послѣдній гравированный имъ въ Москвѣ листъ помѣченъ 1741-мъ годомъ; вѣроятно въ этомъ году А. Зубовъ кончилъ многотрудную свою жизнь. Въ настоящее сочиненіе попали листы только этого послѣдняго времени, съ прибавленіемъ учениче-

скаго произведенія его (сошествія Св. Духа); всѣ они ниже всякой посредственности (см. Русскіе граверы, 193).

300 А. **Похищеніе Прозерпины.** Полулистовая картинка, гравированная грубымъ пунктиромъ и рѣзцемъ, безъ всякихъ подписей. Плутонъ везетъ Прозерпину въ колесницѣ парой (влѣво); копія съ иностраннаго оригинала.—Въ моемъ собраніи.

301. **Освобожденіе Бѣлграда отъ осады Печенѣговъ.** Здѣсь говорится о Кіевскомъ Бѣлградѣ на рѣчкѣ Рупинѣ, что нынѣ мѣстечко Бѣлгородка (Снегиревъ, Луб. карт., 70). Текстъ картинки заимствованъ изъ Синопсиса Гизеля *), изданнаго въ Кіевѣ въ 1674 году (2-е изд. 1678 г., 3-е 1680 г.). Въ изданіи 1680 года извѣстіе «ѡ бѣлгородѣ како киселемъ ѿ ѡсады свободися»—напечатано на листѣ А и оборотѣ его, безъ перемѣнъ. Самый Синопсисъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, есть сколокъ съ хроники Софоновича, съ разными баснословными добавленіеми. Въ немъ разсказывается, напримѣръ и то, что Славяне происходятъ отъ Іафета Мосоха и т. д. и что грамоту свою на свободу они получили отъ Александра Македонскаго (Изслѣдов. о Якимовск. лѣтоп.: Уч. Зап. II Отд. Ак. Н., кн. II. вып. 1. стр. 77—160).

За всѣмъ тѣмъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, Синопсисъ этотъ, до изданія Ломоносовскаго лѣтописца, былъ у насъ единственнымъ учебникомъ по части русской исторіи.

303. **Мамаево побоище** (1380). Этой огромной картины существуетъ три разные перевода, которые могутъ быть отличены по числу коронъ и вѣнковъ, спускающихся изъ облака подъ словами: «егоже божіею»; въ изданіи *а*, описанномъ подъ № 303,— коронъ 7, вѣнцовъ 3; въ изданіи *б*—коронъ 7, вѣнецъ 1 (оба у П. А. Ефремова); въ изданіи *в*—коронъ 7, а вмѣсто вѣнцевъ—

---

*) Иннокентій *Гизель*, архимандритъ Кіево-печерскаго монастыря, род. въ Польской Пруссіи отъ родителей реформатскаго вѣроисповѣданія; поступилъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ и умеръ въ 1684 г. О разныхъ изданіяхъ Синопсиса см.: Справочный Словарь, Геннади и Собко, II. 59 и 387.

3 обруча; надпись вверху: «ѡполчение ї походъ великаго князя» (вмѣсто «ѡполчение и походъ великаго князя»...). Въ изданіяхъ *б* и *в* текстъ сокращенъ, число фигуръ уменьшено.

303 А. Таже картина, другой переводъ: текстъ внизу, надписей на самой картинѣ нѣтъ, все выгравировано очень грубо крѣпкой водкой, въ манерѣ мастера Чуваева.

304. **Исторія о походѣ В. К. Дмитрія Ивановича.** Заголовокъ, въ четырехъ извѣстныхъ мнѣ изданіяхъ этой тетради, слѣдующій: Изд. *а*: «История О походѣ»...... Оно описано подъ № 304. Изд. *б*: «Исторія О походе».... Изд. *в*—съ тѣмъ-же заголовомъ; это таже доска, съ прибавленіемъ цензурной помѣты цензора Снегирева «23 Іюня 1839 года», на первой страницѣ. Изд. *г*: «История о походе».... у П. А. Ефремова. Изд. *д*: позднѣйшее изданіе съ той-же доски, подновленной рѣзцемъ. Всѣ эти изданія— нынѣшняго столѣтія.

Описаніе Мамаева побоища дошло до насъ во многихъ редакціяхъ; старѣйшая изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ *Задонщины*, представляетъ описаніе битвы въ поэтической формѣ въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ[1]). Составленіе его приписывается рязанскому іерею Софронію (Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., V. Прим. 65 и слѣд.); но дошедшій до насъ древнѣйшій списокъ его (Румянц. № 378), по замѣчанію Буслаева, принадлежитъ перу не самаго Софронія, а только заимствованъ у него, такъ какъ въ немъ встрѣчается такое выраженіе: «азъ-же помяну Рязанца Софронія» (Христоматія, 1324). Въ лѣтописцахъ и хронографахъ кромѣ того

[1]) Древнѣйшій изъ списковъ этой редакціи, Кирилло-Бѣлозерскій, относится къ XIV вѣку. И. И. Срезневскій напечаталъ сводный текстъ его съ текстомъ Задонщины, по списку Ундольскаго (XVII в.), въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ (IV. 22 и 23); оба списка эти весьма бѣдны подробностями о Куликовской битвѣ, которыми изобилуютъ другія сказанія, записанныя въ лѣтописи и Синопсисѣ. Списки другихъ редакцій напечатаны во Временникѣ Московскаго Общества Любителей Исторіи 1852 г., кн. XIV, и въ Историческомъ сборникѣ 1838 г., III. I.

встрѣчаются отдѣльныя, болѣе краткія, описанія Куликовской битвы въ разнообразныхъ редакціяхъ (Поповъ, О Хронограф., I. 204). Затѣмъ до насъ дошли о Куликовской битвѣ сказанія книжныя, записанныя въ лѣтописяхъ: Новгородской, первой и четвертой, Софійской и первой Ростовской, и сказанія народныя, занесенныя во множество сборниковъ, а также въ Никоновскую лѣтопись и въ Синопсисъ. Подробности, помѣщенныя въ сихъ послѣднихъ, свидѣтельствуютъ во первыхъ о томъ, что, кромѣ извѣстныхъ намъ, существовало много и другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ; во вторыхъ, что и послѣ составленія первоначальныхъ редакцій, въ нихъ вносились разные эпизоды, вслѣдствіе различныхъ вліяній и притомъ спустя много времени послѣ составленія основнаго сказанія, что̀ подтверждается ихъ анахронизмами: такъ напримѣръ въ подробномъ сказаніи, изданномъ Сахаровымъ, вмѣсто Герасима, какъ сказано въ Софійской и въ Новгородской лѣтописи, является Кипріанъ, пріѣхавшій только въ 1381 году, а также разсказывается, что великій князь, отправляясь на битву, молился передъ иконою Богоматери, перенесенной въ Москву изъ Владиміра уже въ 1395 году, слѣдовательно черезъ 15 лѣтъ послѣ Куликовской битвы [2]). Текстъ нашей картинки № 303 заимствованъ почти безъ измѣненій изъ Синопсиса Гизеля (3-е изданіе, Кіевъ 1680 г., лл. б҃в—р҃г).

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, неудачно подновленное, издано въ Москвѣ 1837 г., въ 16°. Въ числѣ сказокъ Аѳанасьева есть тоже разсказъ про Мамая безбожнаго: о томъ, какъ къ нему посолъ отъ великаго князя, Захарій Тютринъ, пріѣзжалъ,—обругалъ Мамая и былъ имъ высланъ; и какъ Мамай послалъ вслѣдъ за нимъ 29 татаръ — изъ этихъ татаръ Захарій 24 человѣкъ побилъ, а пятерыхъ отпустилъ къ Мамаю. Затѣмъ описывается Куликовская битва; разсказъ этотъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ сказаніемъ, записанъ онъ г. Ларивоновымъ въ г. Шенкурскѣ (III. 164). О Куликовской битвѣ поется и въ Каличь-

[2]) П. Полевой, Опыты сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. СПБ. 186 , стр. 103.

ихъ пѣсняхъ, гдѣ силу Мамаеву топчетъ великомученикъ Димитрій (Безсоновъ, Калики, I. 576). Поминовеніе по убіеннымъ на Куликовскомъ полѣ производится въ родительскую Дмитріевскую субботу, между 18 и 26 октября.

До нашего времени сохранилась память о нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ Куликовской битвы. По словамъ Макарова, посохъ Пересвѣта, простая толстая дубинка изъ яблони, аршина два вышины, находился въ 1825 году, въ Скопинскомъ Дмитріевскомъ Монастырѣ (Русск. предан., II. 79). А въ Голутвинскомъ Монастырѣ, еще въ 1840 г., показывали костыль, съ которымъ преподобный Сергій вышелъ встрѣчать в. к. Дмитрія Ивановича послѣ Куликовской побѣды (тамъ же, II. 94) [3]).

305. **Описаніе Россійской Имперіи 1794 года.** Въ моемъ собраніи находится два изданія этой картинки: *а* и *б*; въ изданіи *а*, орнаменты кругомъ выгравированы одной крѣпкой водкой; фоны внизу, всрединѣ, еще несовсѣмъ отчищены. Въ изданіи *б*—орнаменты пройдены рѣзцемъ.

305 А. Снегиревъ упоминаетъ еще одно: **Описаніе разстоянія столицъ**, нарочитыхъ градовъ, славныхъ государствъ и земель, также знатныхъ острововъ и проливовъ воднымъ и сухимъ къ тому путемъ, съ изображеніями городовъ, между коими не помѣщено С.-Петербурга; конца XVII в. и другой переводъ тогоже листа (*б*), начала XVIII вѣка (Луб. карт.—стр. 74).

305 Б. **Описаніе Россійской Имперіи** временъ Елисаветы, двухлистовое, съ слѣдующимъ текстомъ (описано по Снегиреву: Луб. карт., стр. 74 и 75): «Описаніе славныхъ и великихъ и провинціальныхъ городовъ всеросійской Имперіи и исчисленіе верстъ отъ высокопрестольнаго и славнаго и великаго града Москвы и

---

[3]) Мамаева могила находится между Ѳеодосіей и Старымъ Крымомъ. Разсказываютъ, что Мамай довѣрилъ свои сокровища Генуезцамъ, которые умертвили его по жадности (Карамзинъ).

въ Москвѣ соборовъ, церквей, монастырей и пустынь к҃є, а во всей Сѵнодальной области оныхъ же ҂д҃ѵмд. въ Крутицкой ц҃ід. съ изображеніемъ самыхъ городовъ въ 50 мѣстечкахъ». Въ заглавіи, подъ тремя коронами, двоеглавый орелъ съ поднятыми къ верху крыльями, въ одной лапѣ у него скипетръ, въ другой держава, на персяхъ, вмѣсто всадника, или ѣздеца, стремглавъ распятый Св. Андрей первозванный. Подъ гербомъ слѣд. буквы: С. Р. І. П. Н. Подъ изображеніемъ новой столицы написано: «Царствующій Санктъ-Питеръбургъ новопрестольная Россійская столица построеніемъ блаженныя и вечно достойныя памяти, яко отца отечества, Его Императорскаго Величества Петра перваго и великаго, еще же устроившаго и утвердившаго корабельной и галерной флотъ, крѣпость и утвержденіе Россійскаго Государства отъ ближнаго сосѣдства Шведскаго Королевскаго и отъ иныхъ политическихъ странъ, которые на Россійскую Имперію брань начинаютъ сами, прежде побѣжденные бываютъ при рѣкѣ Невѣ. Вразстояніи отъ Москвы чрезъ Новоградъ ѱ҃лд версты». О Кіевѣ сказано: «Богохранимый славный градъ Кіевъ, перъвопрестольная Россійская столица, въ немъ же множество честныхъ монастырей и святыхъ церквей, отъ него же благодать Божія возсіяла въ Россійскую землю чрезъ с҃того Апостола Андрея и с҃того равноапостольнаго великаго Князя Владимера, иже Россійскій народъ стымъ крещеніемъ просветившихъ и отъ тьмы идолослуженія къ христіанъской вѣре обратившихъ. Въ Киевской епархіи соборовъ к҃а, церквей а҃мі, монастырей и пустынь ма; въ растояніи отъ Москвы и до Киева чрезъ Калугу ц҃з версты». Переяславль Рязанскій здѣсь смѣшанъ съ Переяславлемъ Малороссійскимъ. Въ концѣ читаемъ слѣдующее замѣчаніе издателя сего чертежа: «Буди же известно, яко оные грады и провинціи кто присовокупи подъ Московскую протекцыю; понеже первый собиратель Московскій Князь Іоаннъ Васильевичь великій, и по истинѣ великій не словомъ, но дѣломъ; ибо разсыпанное отечество въ разделеніе дѣтей Владимеровыхъ, во едино собралъ и паки утвердилъ честь имени своему и славу Россійской Имперіи, яже и нынѣ Ея Императорскаго

Величества Елисаветъ Петровна и Самодержица всероссійская благополучнымъ здравиемъ и непремѣннымъ щастіемъ всероссійская Имперія славою и честію процвѣтаетъ. Любезнѣйшій мои читателю, буди о Бозѣ подражателю! Кая намъ погрешенія, да молимъ о семъ прощенія, самъ исправиши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно».

308 (309, 321 и 344). **Изображеніе испанскаго мужика.** Испанія, какъ видно, была главною поставщицею разныхъ чудищъ въ Европѣ. Еще въ романѣ Мендозы «Lazarillo do Tormes» (1553 г.) разсказывалось, что Лазарилло потерпѣлъ крушеніе на пути въ Алжиръ и былъ обращенъ въ морское чудо; впослѣдствіи онъ пойманъ рыбаками и показывался въ Испаніи по разнымъ городамъ, потомъ освобожденъ и обратился въ пустынножителя (Dunlop, 336). По всей вѣроятности, легенда эта подала поводъ къ сочиненію разныхъ картинокъ о «морскомъ чудѣ» и къ перенесенію ихъ и въ наши картинки. Въ хроникѣ Шеделя тоже говорится о пойманномъ въ С. Мартино морскомъ чудѣ, которое имѣло сходство со львомъ, а плакало и кричало, какъ человѣкъ. Въ Англіи встрѣчаемъ, въ XVII вѣкѣ, объявленіе о драконѣ въ 9 футъ длины, вполовину человѣкѣ, вполовину звѣрѣ, появившемся въ полу милѣ отъ Хорзкома, причемъ прибавлено, что его видѣли и могутъ засвидѣтельствовать о томъ двое гражданъ, названныхъ по фамиліямъ, и одна вдова (Hindley).

310. **О рожденіи урода въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1730 году.** Въ книгѣ Пекарскаго «Наука и Литература при Петрѣ I» находятся подробныя извѣстія о началѣ и умноженіи академической кунсткамеры, для которой Петръ купилъ анатомическія собранія у аптекаря Себы и у старика Рюйша (I. 53); вслѣдъ за симъ изданъ былъ Петромъ повторительный указъ, 13 февраля 1713 года, о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ приказано было приносить въ кунсткамеру уродовъ, но принесено съ того времени всего два младенца, каждый о двухъ головахъ, и еще два, кото-

рые срослись тѣлами. Потому подтверждалось, чтобы такіе «человѣчьи, скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ к комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р. за мертвыхъ. А за живыхъ: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною противъ обыкновеннаго, то меньше». Причемъ комендантамъ не приказано спрашивать, отъ кого уродъ родился (стыда ради); а уродовъ, когда умрутъ, класть въ спирты или двойное вино и закрыть крѣпко, дабы не испортились, за которое вино заплочено будетъ изъ аптеки особливо (I. 54).

Извѣстія о рожденіи разныхъ уродовъ записывались въ лѣтописяхъ и хронографахъ съ давняго времени. Такимъ образомъ, въ византійскомъ хронографѣ Георгія Амартола (грѣшнаго) занесено извѣстіе, что при Маврикіѣ: «жена дѣтищь роди, въ Костянтинѣградѣ, безь очію и безъ руку, въ чресла ему бѣ рыбій хвостъ приросль, бѣ въ образѣ черепокожныя рыбы. И песъ родися шестоногъ, главу имѣя львообразенъ; бысть же превелій зело. Тако же и во Ѳракіи два дѣтища родистася, единъ о четырехъ ногахъ, а другой о двою главу. Глаголютъ бо нѣціи образники, не знаменуется благое во градѣхъ, идѣже аще тако родися» (Рукопись Толстовск., отд. I. № 89. л. 445). Эти извѣстія занесены и въ лѣтопись Нестора (Труды Моск. Истор. Общ. 1828, IV. 176). Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ записано подъ 7047 годомъ о рожденіи уродовъ о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ въ Новгородѣ. Въ хронографѣ XVII вѣкѣ русской редакціи (Поповъ, II. 104) записано: «въ лѣто 5495 въ Луканѣ градѣ родилось два барана, съ конскими ногами, а глава какъ у пиѳика, тогда же огнь вышелъ отъ земли, и отъ того огня пламень былъ до неба». «Въ лѣто 5408 въ Умынѣ градѣ родилась дѣвка о дву головахъ, да о четырехъ рукахъ, тогда же падало и каменіе съ небеси аки дождь, и небо горѣло». «Въ лѣто 5414 на Мутыненскихъ поляхъ сходилися двѣ горы великія и толкалися».

«6472.... въ градѣ Алцене жена родила слона, а дѣвка ужа».

У Θ. И. Буслаева (въ Очеркахъ) приведено извѣстіе о рожденіи въ 1543 г. ребенка съ коровьимъ рогомъ вмѣсто носа; на груди двѣ звѣриные морды... сзади хвостъ съ крючкомъ на концѣ и спина поросла сабачьею шерстью. Извѣстія о такихъ чудесныхъ рожденіяхъ встрѣчаются во множествѣ и въ западныхъ источникахъ. Въ хроникѣ Шеделя помѣщены извѣстія, съ рисунками, о рожденіи собаки съ человѣчьей головой, ребенка съ двумя головами (стр. 247); въ хронографѣ Іогана Вольфганга (Lectionum memorabilium, 1600; tomus primus et secundus) разсказывается о рожденіи въ Бельгіи, въ 1544 году, ребенка съ змѣинымъ хвостомъ, съ лапами вмѣсто ногъ и шестью собачьими мордами на тѣлѣ (стр. 510); о рожденіи въ 1494 году поросенка съ человѣчьимъ лицемъ (903) и медвѣженка съ человѣчьей головой (906); о рожденіи въ 1492 г. ребенка съ нижней частью, до пояса, собачьей «semicano» (стр. 911)[1]), который *родился отъ кобеля и отъ женщины*. Такому происхожденію отъ связи животныхъ съ женщинами, а также людей съ демонами вѣрили не только простой народъ, но даже люди образованные и ученые, какъ напримѣръ Лютеръ, о которомъ въ Promptuarium exemplorum 1574 г. разсказывается анекдотъ, какъ онъ призналъ одного безобразнаго мальчика за бѣсовскаго подкидыша и требовалъ даже его уничтоженія [2]).

Подобныя извѣстія распространяются и въ наше время. Такъ напримѣръ въ 1876 году было напечатано въ одной газетѣ, что въ селѣ Успенскомъ корова отелилась бычкомъ съ человѣческою головой: голова и все лице человѣка, а туловище четвероногаго. Когда этотъ феноменъ захочетъ пить, то кричитъ какъ ребёнокъ. Онъ жилъ три дня. Старшина села Иванъ Васильевъ Крючковъ, собравъ сходку, міромъ порѣшилъ зарыть его живаго въ землю;

---

[1]) Сравни Полкана, въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ.
[2]) См. примѣч. къ № 721 А.

но крестьяне не согласились и просто выбросили его изъ хлѣва на огородъ, гдѣ его тотчасъ же разорвали собаки.

Въ нашихъ рукописныхъ извѣстіяхъ дается по этому же предмету слѣдующее наставленіе, заимствованное «изъ великой и предивной науки Раймунда Люллія» [3]): «Подобаетъ вѣдать, что не всякое существо, имѣющее плотской образъ человѣка, есть человѣкъ. Сирены-рыбы морскія, отъ головы до чрева имѣютъ видъ человѣка, но они не истинные люди. Сказываютъ, что и райскія птицы бываютъ съ человѣческими лицами, но они не люди; также и гарпіи, знаменитыя у поэтовъ женщины, тоже не люди; сатиры или косматые лѣсняки подобные людямъ, но не люди, потому что истинный человѣкъ познается не по плотскому образу, сходному съ человѣческимъ, но по разуму и провѣданію» (см.: Великая и предивная наука богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія: Хрестоматія Буслаева стр. 1364).

О томъ, какъ поступать съ новорожденными дивами, находимъ въ сборникѣ XVII—XVIII вѣка (принад. Ѳ. И. Буслаеву) особую статью: «Вѣдати подобаетъ о крещеніи дивовъ или чудъ родящихся. Яко аще бы ся родило отъ жены полъ-звѣря, и полъ-человѣка, то имать крещено быть подъ прилогомъ сицевымъ: «аще сей человѣкъ, крещается рабъ божій» и прочее. Аще-ли рожденное ни коего образа человѣка, не иматъ быти крещено».

311. Извѣстіе объ этомъ явленіи записано и въ рукописныхъ сборникахъ (Снегиревъ, Луб. карт., 72). Вообще же сверхъестественныя явленія заносились и въ лѣтописи и въ хронографы. Въ одной лѣтописи напримѣръ записано, что въ 1584 году на небѣ видна была между церквами Ивана Великаго и Благовѣщенія комета съ крестообразнымъ знаменіемъ; Иванъ Грозный принялъ явленіе ея за предзнаменованіе своей смерти; по приказу его было собрано до 60 астрономовъ изъ Россіи и Лапландіи, которые

---

[3]) Тоже въ Маргаритѣ философской.

и предрѣкли царю смерть (Карамзина Ист. Гос. Рос., IX. прим. 328).

Въ одномъ хронографѣ русской редакціи записано: «Въ лѣто 5370 лучъ съ небеси огненъ великъ былъ, а дождь кровавый шолъ, тогда же въ Ѳризиноне граде родился младенецъ о дву головахъ, да петелъ о пяти ногахъ» (Поповъ, II. 114). «Въ лѣто отъ Адама 5384 въ Риму былъ дождь молокомъ шолъ, въ то время и земля тряслась и рѣвѣла яки волъ, а на небеси три солнца видѣти было». Въ Очеркахъ Буслаева (I. 508) помѣщено подробное извѣстіе о видѣніи, бывшемъ въ 1662 и 1663 годахъ.

Всѣ эти извѣстія во многомъ сходны съ лицевыми явленіями нашихъ картинокъ XVIII вѣка.

Кромѣ описанныхъ изданій картинки № 311 мною пріобрѣтено въ послѣднее время еще три изданія: *д*, конца прошедшаго столѣтія,—первая строка подписи заканчивается въ немъ такъ: «ѡбразомъ подобно»; *е*, того-же времени,—окончаніе первой строки: «власы же»; *ж*, изданіе 1820—30 гг., отпечатанное доскою изданія *в*, но поправленою рѣзцемъ, — въ немъ правая сторона шеи чудовища тушевана въ двѣ черты на крестъ (въ изданіи *в* въ одну черту).

315. По случаю побѣдъ надъ Пруссаками въ то время были выгравированы слѣдующія картинки:

1) «Изображеніе Баталіи Одержанной Россійскимъ войскомъ подъ Командою Генерала-Аншефа и Кавалера Графа Салтыкова надъ Прусскою арміею подъ Командою Генерала Веделя при Деревнѣ Пальцигѣ 1759 года Іюня 12 дня. Вырѣзывали Ник. Саблинъ и Патр. балабинъ 1761 года». Гравиров. на мѣди рѣзцомъ на двойномъ листѣ; доска находится въ Главномъ штабѣ и даетъ еще очень хорошіе отпечатки.

2) «Изображеніе баталїи, выигранной Россійскою Императорскою арміею, подъ командою Генерала-аншефа и кавалера графа Петра Семеновича Салтыкова, надъ Прусскою арміею, подъ командою генерала Веделя, при деревнѣ Палцигѣ, близь мѣстечка

Цилихау въ Шлезіи. Іюня 12 дня 1759 года»; справа тотъ же текстъ по французски. Рисунокъ совершенно другой противъ предыдущей картинки; гравировано крѣпкою водкой на мѣди, въ большой листъ.

3) «Изображеніе баталіи, выигранной Россійскою Императорскою арміею, подъ командою Генерала-аншефа и кавалера Графа Петра Семеновича Салтыкова, надъ Прусскою арміею, предводительствуемою самимъ Королемъ Фридерикомъ II, близь города Франкфорта на Одерѣ, подлѣ деревни Кунерсдорфа. 1-го августа, 1759 г.»; слѣва тотъ же текстъ по французски. Гравировано черною манерою, контуры проведены иглою. На листѣ, на первомъ планѣ, влѣво отъ середины, изображены двѣ собаки, которыя пьютъ изъ рѣки, и солдатъ, который черпаетъ воду манеркой.

4) Изображеніе той же баталіи, но другое сочиненіе; подпись внизу таже самая, слово въ слово и строка въ строку; картинка той же работы и тогоже размѣра. На первомъ планѣ, въ лѣвомъ углу, огромный камень и дерево; изъ за нихъ выѣзжаютъ пять всадниковъ.

5) Изображеніе тойже баталіи, съ тѣми же подписями, тойже работы и тойже мѣры; сочиненіе другое: слѣва большое дерево, обвитое плющемъ, на первомъ планѣ въ срединѣ двѣ собаки.

6) Изображеніе тойже баталіи и съ тѣми-же подписями; сочиненіе другое (работа и размѣръ тѣже); справа дерево, подлѣ котораго видна пирамида, а впереди большой камень.

Всѣ пять картинокъ, 2—6, находятся въ Олсуфьевскомъ собраніи (XII, листы 62—66).

По поводу Прусской кампаніи были вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ изображенія русскихъ гренадеръ, описанныя подъ №№ 269—277.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго напечатано много пѣсень, относящихся къ Прусской кампаніи; во всѣхъ нихъ слышатся жалобы на большія потери въ войскахъ и лишенія, перенесенныя солдатами (Кир. IX, 92 и слѣд.); есть впрочемъ и похвальба на счетъ побѣды, одержанной надъ Прусскимъ королемъ, а также и жалобы на

странный миръ съ Прусскимъ королемъ Петра III, которыя начинаются такъ: «что за диво за диковинка, отдаютъ нашу армеюшку непріятелю, непріятелю королю Прусскому» (Кир. X. 29).

317. Слѣдуетъ читать: «пруской драгунъ»; буква «п» въ оригинальной доскѣ скололась при печатаніи.

319 А. Прибавить: **Малороссійскій козакъ**; внизу подпись: «воина сего знакъ, то есть гербовыи козакъ храбрыхъ кои судъ родъ, волныи Оны И|здревле побѣду носили Надъ турски Лядски И татарски Сили вь вѣрности своеи россиской державы| котори Съединясь доброволно сами живутъ вволности своеи всегда цѣли Истерегутъ ѿчизны| своеи предѣли». Козакъ представленъ въ ростъ, въ полномъ вооруженіи; у ногъ его два знамени—одно съ турецкою луною, другое съ прусскимъ орломъ. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ половинѣ прошедшаго столѣтія.—Въ моемъ собраніи.

320. Мною пріобрѣтено еще изданіе этой картинки —*г*, конца прошедшаго столѣтія; первая строка текста заканчивается въ немъ такъ: «получено изве».

324. Хотя при нашемъ Дворѣ скоморохи находились съ давняго времени, однако публичныя представленія по этой части иностранныхъ комедіантовъ начались только при Петрѣ Великомъ; при немъ показывали народу и перваго великана (Отеч. Зап., II. 321). Еще до того времени привезенъ былъ Петромъ Великимъ изъ Кале, Николай Буржуа, котораго онъ нанялъ въ свою службу во Франціи, за его огромный ростъ; Буржуа при Петрѣ I состоялъ гайдукомъ; чучело его находится въ кунскамерѣ (Анекд. Нартова: Москвит. 1842, VI. 128). Особенный охотникъ до великановъ былъ въ то время Прусскій король, который набиралъ ихъ въ свое войско; Петръ I подарилъ ему немало русскихъ солдатъ-великановъ [1]).

[1]) Русскіе великаны въ Пруссіи, изд. Коммиссіи при Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

Свой доморощенный тульскій великанъ и скороходъ появился въ Москвѣ только въ 1820 году (Отеч. Зап., II. № 4. стр. 228); въ 1825 году онъ уже былъ ростомъ 3 арш. 8 верш.; тѣломъ этотъ великанъ былъ довольно пропорціоналенъ; но голосъ у него былъ тонкій, «съ огромностью его несообразный» (Отеч. Достопамятности. Москва 1823, II. 51). Въ древности огромнымъ ростомъ славились наши Калмыки: въ исторіи великаго короля Егинарда разсказывается, какъ въ Ротенъ и Прагу приходили изъ странъ Калмыковъ великаны съ разными требованіями; какъ наконецъ рыцарь Юліусъ побѣдилъ четырехъ изъ нихъ, избавилъ Богемское королевство и женился на дочери короля Алексія. «Въ нашей землѣ Калмыковъ», говорилъ великанъ Іеду Цальки, «живутъ самые сильные люди въ цѣлой землѣ» (Simrok, VII. 167).

Кромѣ великана при Петрѣ показывалъ свои фокусы какой то силачъ, тотъ самый, который, назначивъ экстренный спектакль и собравъ много публики, вдругъ объявилъ всѣмъ, что, согласно Высочайшей волѣ, представленіе дано не будетъ,—сегодня де 1-го апрѣля (Пекар. I. 434).

325. Первая компанія жонглеровъ, подъ командой Іогана Карла-фонъ-Еденберга, давала свои представленія въ Петербургѣ, въ 1721 году, причемъ были мастера, которые на веревкѣ танцуютъ (Древн. и Нов. Россія 1877. Янв., 23)[2]. Англійская кампанія жонглеровъ была въ Москвѣ около 1762—65 г.

Петръ любилъ смотрѣть шутовство въ чужихъ земляхъ; но изъ Петербурга онъ приказалъ фигляровъ выслать, съ тѣмъ, чтобы народъ не платилъ имъ даромъ деньги (Анекдоты Нартова: Москвит. 1842 г., 6 п. 4. стр. 24).

326. Мною пріобрѣтено еще два изданія этой картинки: изд.

---

[2]) Въ 1629 г. канатный плясунъ нѣмчинъ (послѣ перекрещенный въ Ивана Семенова Ладыгина) остался въ Москвѣ на постоянной службѣ и давалъ представленія въ кремлевой потѣшной палатѣ и въ Покровскомъ Рубцовѣ.

в, конца прошедшаго столѣтія, — въ немъ подпись внизу въ одинъ столбецъ, четвертая строка ея заканчивается такъ: «смотря расуждали»; стѣны въ комнатѣ бѣлыя; и изд. *г*, — таже доска, но стѣны комнаты затушеваны въ одну черту.

332. **Обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ.** Подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ помѣщены К. П. Побѣдоносцевымъ въ его книгѣ: «Историческія изслѣдованія» (СПБ. 1876, стр. 269). Убійство Жуковыхъ, матери съ дочерью, случилось 10 сентября 1754 года въ Москвѣ, на Большой Никитской, въ домѣ Жукова, нынѣ принадлежащемъ г-жѣ Мещериновой. 13 сентября были отысканы двѣ дѣвки, находившіяся въ услуженіи у Жуковыхъ; онѣ повинились на первыхъ же допросахъ и, по ихъ указазанію, тотчасъ же открылось, кѣмъ совершено убійство.

Кол. сов. Жуковъ, Пензенскій воевода, находился въ это время въ г. Пензѣ подъ слѣдствіемъ, за взятки; жена его съ пятнадцатилѣтнею дочерью переселилась въ Москву; туда же переѣхалъ и старшій сынъ Жукова, Алексѣй. Этотъ Алексѣй былъ мотъ и человѣкъ распутный и съ матерью не ладилъ, а съ весны 1754 года, послѣ того какъ онъ женился, безъ ея позволенія, на дочери поручика Варварѣ Полтевой и переѣхалъ жить къ тещѣ, нелады ихъ обратились въ открытую вражду. Между тѣмъ Алексѣю Жукову нужны были деньги; онъ зналъ, что у матери его подъ кроватью хранился мѣдный сундучекъ съ деньгами и бриллiантами, и составилъ вмѣстѣ съ женою планъ отдѣлаться отъ матери. Оставалось найти нисшихъ исполнителей злодѣйства. Для этого Алексѣй Жуковъ обратился сначала къ крѣпостному дворовому человѣку своей матери, крещеному Калмыку, Александру Александрову, черезъ дѣвку Авдотью, и обѣщалъ дать ему 20 руб. и отпустить на волю, если убьетъ мать и доставитъ ему изъ подъ постели мѣдную скрыню съ деньгами. Калмыкъ согласился. Дѣвку Авдотью и другую, Катерину, Алексѣй подговорилъ еще прежде: содѣйствіе ихъ было необходимо, потому что обѣ онѣ всегда были при старой барынѣ и спали около нея: одна

въ спальнѣ, другая въ ближней комнатѣ, у дверей. Потомъ приговорили и другихъ участниковъ. Молодой Жуковъ съ женой жили у Полтевой въ саду въ палаткѣ; людей своихъ при немъ не было, а служилъ ему человѣкъ Полтевой, Михайла Григорьевъ; и его недѣли за двѣ подговорилъ Жуковъ, чтобъ онъ помогъ Калмыку задавить старуху на постелѣ, а если нужно, то и дочь вмѣстѣ съ нею, для того, чтобы дочь не могла потомъ показать на нихъ; наконецъ, за нѣсколько дней до 16 числа, подговоренъ былъ къ тому же еще столяръ Иванъ Сизовъ, бѣглый человѣкъ поручика Шереметева, работавшій по найму въ домѣ у Аграфены Жуковой,— ему обѣщано дать 100 рублей и выкупить его на волю у помѣщика. Нѣсколько разъ велись переговоры о задуманномъ дѣлѣ въ присутствіи жены и тещи Жукова, наконецъ день былъ назначенъ: дѣвкамъ сказано, чтобы ждали въ комнатахъ, а Калмыку положено дожидаться ночью у забора, подлѣ сада. Къ вечеру Иванъ Сизовъ пришелъ въ домъ къ Полтевымъ и легъ спать въ людской. Часовъ въ 11, поужинавъ, всѣ были готовы, заложили карету — Иванъ сѣлъ на дроги передъ каретой, а Михайло на козлы; сзади кареты поставили человѣка Полтевыхъ, ни о чемъ незнавшаго, Тимоѳея Ефремова, на случай, для сторожи у кареты. Въ карету сѣли Алексѣй Жуковъ съ женой, а Настасья Полтева провожала ихъ съ крыльца. Около полуночи карета подъѣхала къ забору Жуковскаго дома, гдѣ дожидавшійся Калмыкъ сказалъ, что старуха уже спитъ. Жуковы остались въ каретѣ съ человѣкомъ, стоявшимъ назади, а прочіе люди перелѣзли черезъ заборъ, прошли садомъ и вслѣдъ за Калмыкомъ влѣзли по лѣстницѣ, черезъ окно, въ пустыя комнаты большаго каменнаго дома Жуковыхъ. Дѣвка Катерина отперла имъ дверь середней комнаты, а Авдотья пустила въ спальню и тотчасъ погасила горѣвшій огонь. Тутъ они бросились на Аграфену Жукову и на дочь ея Надежду, спавшихъ рядомъ на одной постели и, ухватя за горло, задушили обѣихъ; въ это время дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Старуха успѣла только прокричать: «Иванъ, что ты дѣлаешь?» Между тѣмъ

пришла изъ Полтевскаго дому по уговору третья дѣвка, Матрена Семенова, приданая горничная Варвары Жуковой, и вздула огонь. Сыскавъ ключъ отъ сундука, убійцы вынули скрыню съ деньгами и захватили подъ столомъ бутылку съ водкой; дѣвки взяли себѣ по бархатной шубѣ, и всѣ отправились обратно къ каретѣ объявить дожидавшимся Жуковымъ, что все исполнено. На это Алексѣй Жуковъ сказалъ, что сестры ему жаль, а матушка— Богъ съ ней! Скрыню поставили въ карету, туда же сѣли обѣ дѣвки, и съ пѣснями поѣхали всѣ къ Мясницкимъ воротамъ, въ домъ къ Нестеровой, гдѣ хозяйка встрѣтила ихъ и поднесла людямъ по чаркѣ водки. У нея оставили двухъ дѣвокъ и воротились со скрыней домой къ ожидавшей ихъ Настасьѣ Полтевой. Въ скрынѣ оказалось деньгами 563 рубля 20 коп.

Всѣ подсудимые по этому дѣлу были неоднократно пытаны и сѣчены плетьми, при чемъ всѣ участники въ убійствѣ повинились, а Полтева созналась въ томъ, что подговаривала зятя къ убійству; она умерла вслѣдствіе пытки; умерли отъ пытки и убійцы: Михаилъ Григорьевъ и калмыкъ Александръ и, совершенно стороннее къ дѣлу лицо, семидесятилѣтній старикъ Захаръ Ивановъ, у котораго Григорьевъ проживалъ послѣ убійства. Тѣла умершихъ преступниковъ *оттащены* по обычаю въ *убогіе домы*, для погребенія. Затѣмъ составлена выписка, по которой генералъ-полицеймейстеръ Татищевъ приговорилъ всѣхъ преступниковъ къ смертной казни: «Алексѣя Жукова, жену его Варвару, тещу Наталью, калмыка Александра и Михаила Григорьева, пятерымъ: отсѣчь руки и ноги и голову; дѣвкамъ Авдотьѣ Іоновой и Катеринѣ Даниловой отсѣчь головы; дѣвкѣ Матренѣ, которая хотя при самомъ томъ смертномъ убійствѣ и не была, однакожъ о томъ умыслѣ вѣдала и въ то самое время, какъ то убійство учинено, входила въ палату, а нигдѣ о томъ не донесла, почему явилась такою-же убійцею, отсѣчь голову». Но какъ, по указу 1 мая 1746 года, велѣно было генералъ-полицеймейстеру о смертныхъ винахъ доносить Государынѣ, то приговоръ былъ представленъ Елисаветѣ,

при докладѣ 25 октября 1754 года; онъ оставался безъ утвержденія до 1766 года, а между тѣмъ преступники содержались при полицеймейстерской канцеляріи, прикованные цѣпью къ стулу; ключи отъ цѣпей хранились у солдата, носившаго названіе «старосты при замкахъ и желѣзахъ». Алексѣй Жуковъ и жена его помѣщены были въ особенныхъ камерахъ, какъ важные преступники, подъ стражей; за исключеніемъ очныхъ ставокъ, имъ не позволено было видѣться другъ съ другомъ, но попытки къ тому были. Въ 1758 году у Варвары Жуковой нашли ключь, которымъ отпирала она цѣпь свою, и однажды поймали ее поздно вечеромъ на дворѣ, когда, надѣвъ на себя принесенные солдатомъ гренадерскій плащъ и шапку, она хотѣла подъ видомъ гренадера пробраться въ мужскую половину, для свиданія съ мужемъ.

Рѣшеніе участи преступниковъ послѣдовало не ранѣе 1766 года, уже при императрицѣ Екатеринѣ II, и подало поводъ къ слѣдующему манифесту, всенародно объявленному.

«Учиненное убійство въ 1754 году матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевою, по отцѣ Полтевыхъ, и сообщниками ихъ — столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіянскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило человѣколюбивое сердце покойной тетки нашей, императрицы Елисаветы Петровны. Но какъ такое окаянное дѣло, въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божіими по сіе время не рѣшалося, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ Сената нашаго докладомъ [1]), и между тѣмъ, нѣкоторые участвующіе, яко орудіе въ семъ убійствѣ, уже померли, главные же самые убійцы и прямые содѣятели: сынъ и братъ убитыхъ матери и сестры и

---

[1]) Неизвѣстно, когда именно и по какому поводу дѣло это было отослано Императрицею на разсмотрѣніе Сената, и въ чемъ состояло самое опредѣленіе сената.

жена его живы на землѣ остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, угоднѣе ли Богу будетъ лишеніемъ живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или, видѣвъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ нарушенія нашего правосудія и безъ соблазна народнаго, оставя дни и животъ ихъ въ рукѣ Всевышняго Судіи, на собственное совѣсти раскаяніе и всечасное ихъ сокрушеніе. Въ таковомъ духа нашего смущеніи, повелѣли мы изъ первѣйшихъ нашихъ духовныхъ, а именно: Димитрію, митрополиту новгородскому, Иннокентію, епископу псковскому, и Гавріилу, епископу тверскому, изслѣдовать въ исторіи церковной и въ правилахъ святыхъ отецъ, какія въ древней церкви нашей православной употреблялися подобнымъ злодѣямъ наказанія, и какимъ образомъ души ихъ предавалися въ помилованіе Богу, на что намъ всеподданнѣйше отъ нихъ представлено, что хотя по древнѣйшему церкви православной обычаю монархи христіянскіе, яко властители сами духовные и мірскіе, будучи власть предержащая отъ Бога, сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь таковымъ злодѣямъ состояла въ волѣ и власти ихъ; но по истинному христіянству прежде всего пеклися они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что церковь Божія, по слову евангельскому и апостольскимъ поученіямъ и по силѣ правилъ святыхъ, ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямаго покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ и вовсе закона отпадшихъ. Вслѣдствіе такого злоключенія душъ сихъ осужденныхъ, повелѣваемъ: Алексѣя Жукова и жену его Варвару, яко первыхъ виновниковъ душегубству родства и сродства своего, предать церковному предъ народомъ покаянію, такъ, какъ въ приложенномъ обрядѣ предписывается. По исполненіи котораго послать повелѣваемъ Алексѣя Жукова въ Соловецкій монастырь, а жену его Варвару То-

больской епархіи въ Далмацкій монастырь, гдѣ имъ, по правиламъ святыхъ отецъ о убійцахъ, двадцать лѣтъ, включая и время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, ходить на всякое церковное пѣніе и становиться не въ церкви, но въ трапезѣ, и всякій постъ исповѣдаться, токмо не причащаться кромѣ смертнаго случая. Настоятели же тѣхъ монастырей должны употреблять ихъ въ сносные, по силѣ каждаго, монастырскіе труды. Сверхъ того, поручить ихъ въ смотрѣніе искуснѣйшимъ изъ монашествующихъ, которые должны наблюдать ихъ жизнь и чаще имъ напоминать силу вѣры и закона и страшный и неизбѣжный нераскаявающимся грѣшникамъ судъ Божій. По прошествіи сего времени покаянія, ежели съ явными знаками раскаянія оное препроводятъ, то, по силѣ помянутыхъ же правилъ, пріобщить ихъ къ церкви и сподобить причастія Св. Таинъ, а потомъ намъ доложить. Что же касается до сообщниковъ сего убійства, о которыхъ дѣло сіе также рѣшено, съ оными поступить такъ, какъ посланными изъ Сената въ 1754 году указами таковыхъ подлежащимъ смертной казни чинить повелѣно [2]). И по сему Сенатъ нашъ исполнить имѣетъ немедленно, а сей нашъ манифестъ, напечатавъ, публиковать всенародно» (Полное Собр. Зак.).

Обрядъ покаянія, происходившій въ силу этого манифеста, подробно описанъ въ текстѣ, помѣщенномъ подъ картинкою.

Картинка, изображающая обрядъ покаянія Жуковыхъ, какъ уже было замѣчено при описаніи ея (II. 78), сдѣлана съ довольно хорошаго рисунка; нѣтъ сомнѣнія, что она была пущена въ народъ по приказанію самой Екатерины, какъ это дѣлалось ею и въ другихъ выходящихъ изъ ряду случаяхъ (см. картинку № 174).

По дѣлу Жуковыхъ, какъ уже сказано выше, всѣ подсудимые и свидѣтели были во время слѣдствія неоднократно пытаны. Относительно того, какъ производилась у насъ въ старину пытка,

---

[2]) Указомъ этимъ *натуральной смертной казни впредь до разсмотрѣнія и точнаго о томъ указа* производить не велѣно, а предписано вмѣсто нея наказывать кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ клейма, ссылать въ тяжкую работу (какъ то указано и въ сенатскомъ докладѣ 1753 года).

сохранился въ дѣлахъ Тайной канцеляріи (1735—1754 г.) чрезвычайно важный документъ: справка, составленная по этому предмету для Императрицы Екатерины II, подъ названіемъ:

«**Обрядъ како обвиненный пытается.** Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое *застѣнокъ,* огороженъ палисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь; и для записки пыточныхъ речей подъячей; і въ силу указу 1742-го года, велено записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, не выходя іззастенка.

Взастенке-жь для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третей сверху, поперегъ. I когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачь явиться долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оные есть: хомутъ шестяной, хкоторому пришита веревка долгая; кнутья і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пыткѣ, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягиваетъ, дабы пытанной на земле не стоялъ; у котораго руки и выворотитъ со всемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і рястянувши симъ образомъ бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станетъ.

Естьли-жъ ісподлежащихъ к пыткѣ такой случитца, которой изобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е тиски здѣланныя из желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножные два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ

больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е Наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ [3]) і вертятъ такъ, что оный ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, отъ чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е При пыткѣ, во время таково-жъ запирательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно и на оное палачь становится за тѣмъ чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе істязанія чувствовалъ. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытаннаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу таким же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй іли на третьей пытке рѣчи перемѣнить, то еще трижды пытается. И если переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли вчемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь отвязавъ привязанныя ноги отъ столба, висячего на дыбѣ ростянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся, і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются

[3]) Кляпъ кромѣ того вкладывали въ ротъ подсудимому, чтобы не позволить ему говорить съ народомъ, когда везли его на казнь; отсюда угрозная поговорка: «кляпъ тебѣ въ ротъ»,—которая только въ новѣйшее время получила какое-то, не принадлежащее ей, срамное значеніе. Особенно характеристичны еще пыточныя пословицы: «въ три погибели согнуть», и «въ утку свернуть»,—человѣку привязывали голову къ ногамъ, просовывали шестъ и вертѣли (надъ огнемъ), подтянувъ голову къ самымъ пяткамъ (Снегиревъ. Русск. въ послов. III. 181); при чемъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ сгибался «въ три погибели». Другая пословица: «выпытаемъ всю подноготную», напоминаетъ о забиваніи подъ ногти деревянныхъ спицъ (Карамз., И. Гос. Рос. VII. 204).

ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезываются. І сверхъ того особливыми присланными штемпелями на лбу и на щекахъ кладутся знаки (вор); въ техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і отъ того слова видимы бываютъ» (Русская Старина 1873 года. Іюль, 58).

Едвали и въ древнѣйшія времена существовали на Руси болѣе сложныя пытки; какъ чудилъ надъ своими подданными царь Иванъ Грозный мы хорошенько не знаемъ; знаемъ только, что при немъ точно такъ, какъ и по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, фальшивымъ монетчикамъ заливали горло оловомъ, убійцъ и разбойниковъ четвертовали, колесовали, сажали на колъ, а изрѣдка и сдирали съ живыхъ кожу. При Петрѣ, въ дѣлѣ царевича Алексѣя, попадается какой-то *медвѣдевъ ящикъ со инструментами*, которые привозились въ застѣнокъ для пытокъ. Преданіе говоритъ, что въ немъ была желѣзная *лапа,* которою царапали человѣка по брюху, да мѣховая шапка съ желѣзными спицами, въ видѣ медвѣжьей головы[4]). Для личнаго врага своего, Глѣбова, Петръ придумалъ

---

[4]) Петръ пыталъ всѣхъ, безъ разбора и часто безъ всякой надобности, когда дѣло было уже совершенно ясно. Колекція пыточныхъ инструментовъ въ его время находилась въ приказѣ, что у церкви Петра и Павла, отчего и взялась пословица: «живетъ правда у Петра и Павла».

Такой же порядокъ выпытыванія собственнаго сознанія существовалъ во всей средней Европѣ во время слѣдственнаго процеса; только тамъ онъ былъ установленъ съ большею важностію и съ большимъ стараніемъ оградить обвиняемаго отъ произвола судьи. Въ Австрійскомъ кодексѣ императрицы Маріи Терезіи съ нѣмецкою пунктуальностію и мельчайшими подробностями преподаны правила, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ пытать заподозрѣннаго; множество рисунковъ, приводящихъ въ ужасъ современнаго человѣка, изображаютъ обряды самой пытки. Представленъ, напримѣръ, человѣкъ поднятый «посредствомъ особаго механизма на дыбу», съ вывернутыми руками, съ подвѣшенными къ ногамъ чугунными гирями; представленъ и испанскій сапогъ, утыканный тупыми желѣзными шипами ввутри, который надѣвался на ногу заподозрѣннаго и завинчивался ключемъ. На особой картинкѣ изображено какъ забинтовываютъ руки тонкой бичевкой, стягивая локти вмѣстѣ,какъ защемляютъ пальцы между

подушку съ гвоздями, на которой тотъ трое сутокъ мучился, а за тѣмъ былъ посаженъ на колъ [5]). Вообще же говоря, хотя наши пытки были проще противъ чужеземныхъ, но за то и жесточе: запытать человѣка на допросѣ ничего не значило; по дѣлу Жуковыхъ большая часть подсудимыхъ перемерли на другой день послѣ пытки. Отъ судей при этомъ не требовалось даже простаго канцелярскаго объясненія.

Офиціально пытки уничтожены манифестомъ императора Петра III, закрывшаго тайную уголовныхъ дѣлъ канцелярію; на дѣлѣ же они оставались по прежнему: и въ дѣлахъ государственныхъ и въ убійствахъ пытали всѣхъ, даже малолѣтнихъ [6]).

желѣзными полосами и наконецъ какъ жгутъ заподозрѣннаго огнемъ; для этого палачъ растягивалъ его на лѣстницѣ, бралъ пучекъ свѣчь, зажигалъ ихъ и жегъ ему бока, повыше пояса (у насъ должность свѣчь исправляли простые вѣники). У Scheible (Das Kloster, XII. 1100) описаны разные роды пытокъ; однѣхъ *желѣзныхъ дѣвушекъ*, сохранившихся до XIX вѣка, насчитываетъ онъ въ Германіи 12.

[5]) Глѣбовъ получилъ 34 удара кнутомъ, былъ пытанъ горячими угольями и раскаленнымъ желѣзомъ; на колѣ Глѣбовъ оставался живымъ цѣлые сутки, послѣ чего отрубили ему голову. Черезъ три года Петръ опять вспомнилъ о Глѣбовѣ и приказалъ Синоду предать его «анаѳемствованію», въ недѣлю православія.

[6]) Въ 1739 году шесть разъ пытали и жгли огнемъ малолѣтную дѣвочку, подозрѣвавшуюся въ поджогѣ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не сгорѣло. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что пытать ее, за малолѣтствомъ, не слѣдовало; но затѣмъ рѣшеніе свое все таки основалъ на сознаніи дѣвочки, данномъ съ пытки. Въ 1742 году былъ возбужденъ общій вопросъ о пыткѣ несовершенно лѣтнихъ; Сенатъ полагалъ освободить отъ пытокъ всѣхъ подсудимыхъ моложе 17-ти лѣтъ; но Синодъ находилъ, что такая льгота будетъ слишкомъ велика, что въ 12 лѣтъ узаконено подданнымъ присягать Его Величеству, и что поэтому признано, что человѣку и меньше 17 лѣтъ *смыслъ имѣть можно*. Мнѣніе Синода было принято. Въ Полномъ Собраніи однакоже есть указы: 1) 1742 г. № 8601 о томъ, чтобы не пытать дѣтей моложе 15 лѣтъ; 2) 1744 г. № 8996, чтобы не пытать моложе 17 лѣтъ; 3) 1752 г. № 9923, чтобы не пытать въ Остзейскихъ провинціяхъ; 4) чтобы не пытать въ кн. Литовскомъ (1794 г. № 17.264, ст. 536); 6) чтобы пытать осторожно (1769 г. № 11, 706); 8) чтобы избѣгать пытки по возможности (1762 г. № 11. 445. п. 5). Наконецъ 11-го ноября 1767 года Екатерина, по неотступному ходатайству Новгородскаго губернатора Сиверса, подписала секретное повелѣніе губернаторамъ: не пытать подсудимыхъ, по *дѣламъ*. За всѣмъ тѣмъ еще въ 1781 году Петербургскій губернаторъ показывалъ Джону Говарду разные инструменты для пытки и въ томъ числѣ машину, посредствомъ которой ломали руки и ноги казненнаго (т. е. колесовали); машина эта впрочемъ, какъ замѣчаетъ Говардъ

Въ общихъ дѣлахъ изъяты были отъ пытки, въ силу воинскихъ процессовъ, старики свыше ста лѣтъ, знатные люди и дворяне, малолѣтные и беременныя женщины. Екатерина II не отмѣнила пытки на чисто: «пытка», сказано въ указѣ 10 февраля 1763 года, «не можетъ быть должнымъ изобличеніемъ оговоренному, а особливо, когда онъ не *подлаго состоянія*». Объ оговоренныхъ предписывалось производить повальный обыскъ, и если по этому обыску окажутся явныя подозрѣнія и, къ тому же представитъ человѣкъ *подлогъ*, то тогда уже слѣдуетъ его пытать въ изысканіе истины. Но и затѣмъ пытки употреблялись подъ техническимъ названіемъ *допроса съ пристрастіемъ* и въ царствованіе Павла I-го и послѣ него; такъ что Императору Александру I-му пришлось издать по этому случаю подтвердительный указъ 27-го сентября 1801 года «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной»[7]).

Несмотря на это, допросы «съ пристрастіемъ» и истязанія, пытками употреблялись и послѣ того, не только по уголовнымъ дѣламъ, но и въ помѣщичьемъ обиходѣ, въ числѣ мѣръ къ исправленію строптивыхъ холоповъ[8]). Не далѣе какъ въ пятидесятыхъ

больше не употреблялась (The state of prisons in England and Wales, with preliminary observations and an account of some foreign prisons and hospitals by John Howard, 3 edition. Warrington 1784; съ рисункомъ древней московской тюрьмы.

[7]) «Съ крайнимъ огорченіемъ», сказано въ этомъ указѣ, «дошло до свѣдѣнія моего, что по случаю четырехъ пожаровъ въ Казани взятъ былъ, по подозрѣнію въ зажигательствѣ, одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Втеченіе суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность. Но жестокость и предубежденіе не вняли его гласу, осудили на казнь. Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности, и въ этомъ признавіи умеръ» Указомъ этимъ повелѣвалось навсегда уничтожить пытки въ судахъ. Около тогоже времени женѣ умершаго отъ пытокъ мѣщанина Яковлева, а также ремесленнику Мухину, доведенному пытками до такой степени разслабленія, что онъ лишился всякой возможности снискивать себѣ пропитаніе, назначено было по 150 рублей ежегодно (Древняя и Новая Россія 1878 г., XI. Статья Гильтебрандта, стр. 259).

[8]) Недавно разсказано Г. Славытинскимъ въ Древней и Новой Россіи дѣло генерала Измайлова; оно представляетъ полную картину тѣхъ пытокъ и сѣ-

годахъ нынѣшняго столѣтія частный приставъ Стерлиговъ, въ Москвѣ, связывалъ одному мѣщанину руки бичевками, выворотивъ ихъ назадъ, и вѣшалъ его въ такомъ видѣ на перекосякъ, исправлявшій при этомъ должность дыбы; мѣщанинъ впослѣдствіи лишился возможности владѣть руками, а приставъ былъ преданъ суду.

Кормленіе соленымъ сельдемъ [9]) составляло тоже самый обыкновенный пріемъ полицейскаго слѣдствія, и только съ учрежденіемъ суда присяжныхъ, когда прошла надобность выбивать изъ подсудимаго *собственное, чистосердечное* сознаніе, *сіе лучшее доказательство всего свѣта,*—и пытка и допросъ съ пристрастіемъ потеряли свое значеніе и почти совершенно исчезли изъ нашего уголовнаго міра.

Въ заключеніе сдѣлаю краткое описаніе разныхъ орудій, употреблявшихся при тѣлесныхъ наказаніяхъ (у меня есть довольно полное собраніе ихъ).

Кнутъ состоитъ изъ толстаго кнутовища, длиною вершковъ въ десять; къ верхней части его привязанъ на мѣдномъ колечкѣ обрѣзокъ кожанной плети, вершка въ четыре длиною, называемый *головкой;* къ этой головкѣ подвязывается кнутъ,—твердый, прямой какъ палка сыромятный ремень, выдѣланный желобкомъ и загнутый на концѣ ногтемъ; этимъ-то ремнемъ,

---

ченій, которымъ подвергались еще въ 20-хъ—30-хъ годахъ крѣпостные. Въ 1827 году въ арсеналѣ Измайлова найдено слѣдователемъ: 36 рогатокъ шейныхъ; изъ нихъ 12—по полтора фунта каждая, 18—по фунту и три четверти, 3—двухфунтовыя, одна въ два фунта съ четвертью, одна въ три фунта, и одна въ четыре фунта. Желѣзъ ножныхъ найдено 9, вѣсомъ отъ 2-хъ до 4-хъ фунтовъ; ручныхъ—одна пара, въ два фунта. Два подвижныхъ цѣпныхъ стула, съ двумя деревянными кандалами; вѣсомъ: одинъ въ пудъ 9 фунтовъ, другой — въ пудъ 7 фунтовъ; къ нимъ цѣпи: одна въ 12, другая въ 5 фунтовъ. Кромѣ того еще двѣ стѣнныя цѣпи: одна въ четыре съ половиною фунта и другая въ шесть съ половиною фунтовъ (Древ. и Нов. Россія 1876. Декабрь, стр. 370. Г. Измайловъ и его дворня) Авторъ этой статьи говоритъ, что были у Измайлова рогатки въ 10, 15 фунтовъ и болѣе (тамъ же).

[9]) Накормивъ соленымъ сельдемъ, сажали въ жаркую баню и оставляли тамъ, не давая пить, пока обвиняемый не *сознавался* (Снегиревъ, Русскіе въ пословицахъ. III, 196).

спинкой его, т. е. выпуклой стороной, и наносятся удары преступнику. Въ древности били кнутомъ на козлѣ (Улож. Алексѣя Михайловича, XXV. 11 и 16), послѣ чего преступникамъ вырывали ноздри и обрѣзывали носы; впослѣдствіи козла употреблять перестали, а стали наказывають на «живомъ козлѣ», при чемъ помощникъ палача подхватывалъ приговореннаго за обѣ руки черезъ свои плечи и подбрасывалъ его къ себѣ на спину; еще позднѣе, для исправленія должности такого козла, ловили на улицѣ перваго попавшагося. У Chappe d'Auteroche (Voyage en Sibérie) представлено производившееся такимъ способомъ при Елизаветѣ Петровнѣ наказаніе кнутомъ извѣстной красавицы Лопухиной; Екатерина II отмѣнила этотъ обычай и приказала наказывать на станкѣ, носившемъ имя козы или козла (1788 г., 28 апрѣля); впослѣдствіи такой станокъ названъ кобылой. Хотя число ударовъ кнутомъ при пыткѣ и было установлено закономъ (указомъ 1673 г. № 561), но правило это не выполнялось, и число ударовъ, а равнымъ образомъ и бо̀льшая или меньшая жестокость самаго наказанія, зависѣли отъ судьи и исполнителей приговора. Въ одномъ лечебникѣ XVII вѣка помѣщено нѣсколько рецептовъ «*битому человѣку отъ кнутья* отъ московскаго, а не отъ сельскаго»: «добробы въ скорѣ захватить овчиною сырою тотъ часъ, какъ битъ; и привязывати мездрою къ битому, и кровь битую овчиною высосетъ все, и скоро жить станетъ». Отъ сельскаго кнутья: «молокомъ коровьимъ парнымъ мазать, перомъ или топленымъ грѣтымъ молокомъ» (Мулловъ, лекарства отъ правежа, л. 97 и 98).

Плеть, толщиною въ палецъ, плетеная изъ кожаныхъ ремешковъ, длиною около пяти четвертей. До 1840 года плеть съ середины раздваивалась, т. е. была двухвостая; Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ 10 мая 1839 года, установлена плеть трехвостая. Плетью, точно такъ какъ и кнутомъ, били сперва по спинѣ, а въ послѣднее время, вслѣдствіе секретнаго предписанія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, плеть переселилась на заднія мягкія части.

Кошка—четыреххвостая плеть, съ узелками на концѣ.

Линьки — отрубокъ морскаго каната, толщиною въ большой палецъ.

Шпицрутены — тонкій хлыстъ, потолще ружейнаго шомпола, и въ 5—6 четвертей длиною.

Въ 1847 году установлены и разосланы по Губернскимъ Правленіямъ «образцовыя розги» для наказанія преступниковъ, по судебнымъ и полицейскимъ приговорамъ. Онѣ состояли изъ связанныхъ пучковъ, 10—15 тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длинною въ пять четвертей; послѣ каждыхъ десяти ударовъ пучки приказано было перемѣнять.

Тѣмъ преступникамъ, которыхъ били кнутомъ или плетьми, ставили штемпельные знаки на лбу и щекахъ: до 1846 г., — «в-о-р», а послѣ 1846 г.—«к-а-т». Штемпеля были деревянные съ мѣдной дощечкой на головкѣ, на которой были насажены стальныя иглы, образующія вышеприведенныя буквы. Палачъ наставлялъ клеймо преступнику на лобъ и щеки, ударялъ по рукояткѣ рукою, отчего иглы вонзались въ тѣло и производили ранки, которыя затирались, до 1846 года, порохомъ, а съ этого времени особо изобрѣтеннымъ для того, въ Медицинскомъ совѣтѣ, составомъ. Для наложенія клеймъ на ссыльно каторжныхъ «С—К» и ссыльно бѣглыхъ «С—Б» сочинены были въ тоже время особыя машинки съ куркомъ и пружиною; это послѣднее изобрѣтеніе было весьма неудачно: пружина скоро портилась и не вдавливала какъ слѣдуетъ клейма въ руку преступника, такъ что палачу приходилось налегать на штемпель всѣмъ тѣломъ, или накалачивать его кулакомъ.

Въ статьѣ Студенкина «Заплечные мастера» (Русская Старина 1873 г. Августъ, 215) описано съ большою подробностію, какимъ порядкомъ производилось въ С.-Петербургѣ наказаніе плетьми. Послѣ объявленія приговора, преступника заковывали въ ножные кандалы и сажали въ одиночную камеру. Въ день наказанія его везли на позорной колесницѣ на площадь, въ сопровожденіи военнаго караула, причемъ на груди преступника привѣши-

валась дощечка съ названіемъ совершеннаго имъ преступленія. По прибытіи на мѣсто, его взводили на эшафотъ и привязывали къ позорному столбу; судебный чиновникъ прочитывалъ приговоръ и преступникъ отдавался въ руки палачей, которые, разорвавъ на немъ рубашку и обнаживъ до пояса, растягивали его на такъ называемой кобылѣ (толстая деревянная доска съ вырѣзками для головы, рукъ и ногъ), привязывали къ ней ремнями и подтягивали такъ, чтобы спина выгнулась кверху. «Приготовивъ преступника къ наказанію», палачи брали плети, дотолѣ лежавшія въ углу эшафота, покрытыя рогожею, становились въ ногахъ осужденнаго, клали конецъ плети на эшафотъ, и, перешагнувъ черезъ этотъ конецъ правою ногою, ждали приказа начать наказаніе. Начиналъ сперва стоявшій съ лѣвой стороны палачъ, медленно поднимая плеть, какъ бы какую тяжесть, онъ съ крикомъ: «берегись! ожгу»! наносилъ ударъ; за нимъ начиналъ свое дѣло другой. При наказаніи наблюдалось, чтобы удары слѣдовали въ порядочные промежутки одинъ послѣ другаго. Наказаннаго преступника отвозили въ особомъ фургонѣ (положивъ брюхомъ на матрасъ) обратно въ тюремной замокъ». Въ Москвѣ наказаніе производилось съ мéньшею помпою: палачи словъ «берегись! ожгу»! при первомъ ударѣ не кричали.

Палачи набирались по преимуществу изъ преступниковъ, при чемъ они освобождались отъ слѣдовавшаго имъ тѣлеснаго наказанія. Бить плетьми новички учились у стариковъ; для этого кобыла устанавливалась въ тюремной банѣ; на нее клали вырѣзку изъ лубка, въ видѣ человѣческой спины; по этой вырѣзкѣ били плетьми, ударъ за ударомъ, нà крестъ, такъ чтобъ не тронуть головы и боковъ. Въ Москвѣ палачъ Алешка, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, разрѣзàлъ плетью толстый лубокъ съ одного удара пополамъ. Что касается до послѣдствій телѣсныхъ наказаній, то сильные удары кнута, независимо отъ страшнаго сотрясенія сердца и всѣхъ внутренностей, пересѣкали надреберныя мышцы и вели къ медленной чахоткѣ. Наказаніе плетьми взбивало кожу и мясо на спинѣ и дѣйствовало въ родѣ обжога; старая кожа сходила почти

нà чисто. Для слабыхъ натуръ и это наказаніе грозило тоже чахоткою. Наказаніе розгами, при безчеловѣчныхъ исполнителяхъ и продолжительномъ сѣченіи, представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе жестокое наказаніе, нежели самое наказаніе плетьми; съ нѣкоторою настойчивостію и умѣньемъ не трудно было засѣчь и до смерти. Въ «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго весьма ярко переданы всѣ ужасы этого наказанія.

Въ доброе старое время «сѣкуціи» производились въ Частныхъ домахъ поутрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею, за то что не накормилъ вòвремя барынину собачку,—всыпятъ сотню, и расфранченой барышниной камердинершѣ, за то что баринъ дѣлаетъ ей глазки,—и той всыпять сотню, — барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значитъ и виноватъ,—ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ, часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома,—да не одна, а цѣлые десятки.

Теперь, какъ извѣстно, розги, безъ суда, *почти* отмѣнены; *по суду* онѣ служатъ замѣною тюремнаго заключенія, въ тѣхъ только случаяхъ, когда мѣста въ таковыхъ не имѣется. Кромѣ того поретъ своихъ сочленовъ волостной судъ за разные проступки, а главное за податныя недоимки. Будемъ надѣяться, что съ устройствомъ мѣстъ для ареста и съ уничтоженіемъ несоразмѣрной личной подати, при которой взысканіе недоимки безъ пособія розги оказывается невозможнымъ,—уничтожится и послѣдняя надобность въ этомъ инструментѣ, столь поэтически описанномъ въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сопровождавшемъ разосланные въ 1848 году образцы розогъ (Русск. Стар., тамъ-же 213).

332 А. Прибавить: Снегиревъ въ своей книгѣ о лубочныхъ картинкахъ (стр. 67) упоминаетъ еще о другой народной картинкѣ, изображавшей казнь знаменитой вдовы Дарьи Николаевой Салты-

ковой, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Салтычихи, обвинявшейся въ умерщвленіи до 138 человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ обоего пола. Въ указѣ, поправленномъ собственною рукой Государыни, Салтыкова, вмѣсто женскаго рода, написана въ мужскомъ «въ томъ предположеніи, что въ женскомъ полѣ не могло быть такого изверга и чудовища». По повелѣнію Екатерины, въ назначенный день Салтычиха выведена была въ саванѣ на первую, т. е. на Красную, площадь (гдѣ нѣкогда закапывали мужеубійцъ по плечи) и поставлена палачемъ на особо устроенномъ эшафотѣ; по прочтеніи предъ всѣмъ народомъ сентенціи Юстицъ-Колегіи, она оставалась прикованною къ столбу цѣлый часъ, съ листомъ на груди, на коемъ крупными буквами написано было: «*мучительница и душегубица*». Послѣ этого, закованная въ желѣзо, она заключена была, по смерть свою, въ подземельную тюрьму при церкви, въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, чтобы, какъ выражено въ указѣ, «лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ее тѣло предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей». Тамъ она сидѣла сорокъ лѣтъ до самой смерти своей, сперва въ подземельной тюрьмѣ, потомъ у церкви, въ застѣнкѣ, гдѣ, черезъ узенькое окошечко, могла слушать божественную службу. «Позорная эта казнь», прибавляетъ Снегиревъ, «какъ увѣрялъ насъ одинъ почтенный любитель русской старины, была олицетворена на лубочной картинкѣ, которую онъ обѣщалъ намъ доставить». Такой картинки мнѣ не случалось однакоже видѣть *).

---

*) Народныя картинки съ изображеніями знаменитыхъ преступниковъ и ихъ казни были въ ходу и въ западной Европѣ, съ давняго времени. Въ числѣ древнѣйшихъ укажемъ на англійскіе летучіе листки, помѣщенные въ «Hindley, The old book collecter's miscellany. London 1872»: The drimming of Thomas Nash. Lond. 1597,—The arraignment and execution of the late traitors (восьми человѣкъ). Lond. 1606 (II. 37), и на кровавое повѣствованіе о томъ, какъ Анна Гамптонъ отравила своего мужа въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1641 года, при помощи и по совѣту Маржерета Гарвуда, Лондонъ, съ двумя картинками (II), а равнымъ образомъ и на знаменитыя картинки по этой части карикатуриста Гогарта.

343. Въ моемъ собраніи находятся три изданія этой картинки, всѣ одного времени и одного перевода; въ нихъ 1-я строка текста, справа внизу, заканчивается словами: въ изд. *а*—«храбре», въ изд. *б*, «веліча» и въ изд. *в*—«ретраншаменту».

344. Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: *б*,—таже доска, только нижняя подпись: «сія ѳигура.... году» затерта (но слова видны), и *в*, работы мастера Чуваева (безъ его имени); подпись таже, но подъ картинкой помѣчено: «сія ѳигура переведена снемецкой на российской 1779 году».

345. **Праздникъ на Ходынкѣ.** 23 іюля 1775 года былъ спущенъ на Ходынкѣ фейерверкъ въ четырехъ отдѣленіяхъ; онъ былъ награвированъ тогда же на трехъ картинахъ большаго размѣра, изъ подписей подъ которыми видно, что «идея», т. е. сочиненіе, фейерверка принадлежала поручику Мартынову, исполненіе было М. Нѣмова, а рисовалъ проэкты М. Козаковъ. На первомъ листѣ представлено: «Дѣйствіе I-е и II-е нарушаемой покой Россїй возъ обновляемъ мудростїю и попѣченїемъ Великїя *Екатерины*». На второмъ: «Дѣйствіе III-е. Памятникъ славныхъ дѣлъ Великїя *Екатерины* сооруженной усердїемъ вѣрностїю й Благодарностїю сыновъ Россїйскихъ». На третьемъ: «Дѣйствіе IV-е утѣшенная Россїя приноситъ ѳимїамъ Великой *Екатерине* за изливаемыя на нея Щедроты и Матернее о ней попеченіе». Это отдѣленіе, состоящее изъ длиннаго ряда фантастическихъ зданій и храмовъ, контуры которыхъ очерчены свѣчнымъ огнемъ, было устроено съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. 26 ноября 1770 г. былъ

---

*) В. И. Майковъ издалъ по поводу Ходынскаго праздника двѣ книги: 1. «Описаніе разныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ, представленныхъ во время мирнаго торжества, заключеннаго между Росс. Имп. и Оттоманскою Портою... близь Москвы на Ходынкѣ 1775 г. Іюля 16.» и 2. «Описаніе увеселительныхъ огней, которые представлены въ продолженіи мирнаго торжества, заключеннаго между Росс. Имп. и Оттоманскою Портою 1795 г. Іюля 16. Москва, 4° съ 4 гравюрами. (Геннади и Собко, Словарь. II. 275).

зажженъ передъ зимнемъдворцомъ въ С.-П.-Бургѣ такой же великолѣпный фейерверкъ въ пяти отдѣленіяхъ.

347 А. Въ томъ же 1775 году праздновался торжественный въѣздъ въ Москву гр. Румянцева. Въ моемъ собраніи находится пять картинокъ, съ изображеніемъ тріумфальныхъ воротъ, устроенныхъ по этому случаю: 1-й листокъ безъ нумера, съ заголовкомъ: «Arcs de triomphe erigés à Moskwa au Maréchal Comte de Rumaenzow», и тоже по нѣмецки; внизу: Vue de l'Arc Triomphal de St Nicolas avec une partie de l'Arsenal». 2-й листокъ съ «№ 3. Vue de l'Arc Triomphal entre la Biblioth. de l'Université et la Cour de Monnoye». 3-й съ «№ 4. Vue de l'Arc Triomphal Sur la rue Twerkaja dans le Bielgorod». 4-й съ «№ 5. Vue de l'Arc Triomphal dans le quartier nommé Semljanoi Gorod». 5-й съ «№ 6. Vue de l'Arc Triomphal dans le Semlenoy gorod du Côté de la Yamskoi de Twer». Всѣ рѣзаны на мѣди, въ 4°, кажется, для приложенія къ придворному календарю.

348. У меня есть еще изданіе (*б*) этой картинки, съ тѣми же подписями; внизу, подъ картинкой, прибавлено: «Переведена скиевскаго (такъ) на рускои 1786 года».

354. Въ тоже время картинка эта была выгравирована при Академіи Наукъ, съ такимъ заголовкомъ: «Изображеніе страшнаго изверженія горы везувія, бывшаго 8 числа Августа въ вечеру, 1779 года. Представленный здѣсь огненный столбъ въ три минуты поднялся въ вышину на три Италіанскія мили. Грав. И. Саблинъ»; рѣзцомъ, въ листъ.

354 А. Прибавить: **Взятіе крѣпости Измаила.** Большая картинка 6-ти листоваго размѣра; надпись вверху: «На сихъ дняхъ присланы къ Ея Императорскому Величеству отъ господина генералъ фельдмаршала князь Григорія Александровича потемкина Таврическаго съ генераломъ маіоромъ поповымъ, какъ обстоятельныя реляція о взятье приступомъ города и крѣпости измаила

такъ и другія разныя объ успехахъ, оружіемъ Ея Величества надъ непріятелемъ одержанны донесеніе состоящее въ слѣдующемъ»; внизу подробная реляція о взятии Измаила. Отпечатокъ на синей бумагѣ, съ водянымъ знакомъ 1809 года.—Въ моемъ собраніи.

354 Б. Прибавить: **Взятіе Бендеръ 9 Ноября 1789 года.** Трехлистовая картина; вверху надпись: «Отъ господіна фельдмаршала Князя григорія александровича потемкина тавріческаго присланы къ Ея Императорскому Величеству съ генераломъ маіоро|мъ поповымъ ключи крепости Бендерской при реляціи отъ 9 минувшаго ноября 1789 году|следующаго содержания»; внизу газетная реляція о взятіи Бендеръ и помѣта: «гравировалъ (это слово затерто) Илья Петровъ». Отпечатокъ на синей бумагѣ, съ знакомъ 1809 года. Въ моемъ собраніи.

354 В. Прибавить: Копія съ иностранной карикатуры по случаю неудачнаго нападенія на Гибралтаръ (1773 г.); представлены вѣсы: на одной доскѣ ихъ стоитъ богиня правосудія, на другую цѣпляются разные народы; вдали видна крѣпость «Гибралтаръ—Gibraltar». Подписи: «1. Равновѣсіе правосудія. 2. Никто меня не можетъ озлобить безъ наказанія. 3. Мечь правосудія. 4. Родней разрушилъ нашъ флотъ. 5. Государь мой, помоги намъ или мы пропали. 6. Моя неблагодарность наказана такъ какъ и весь разумъ. 7. Я сделаю что нибудь за деньги. 1. la balane de la puissance. 2. ne persone m'offence sans puni. 3. l'epee de la justice. 4. Rodney a ruiné notre flotte. 5. Monsieu aidez a nous ou somes perdu. 6. mon ingratitude est punt com tous raison. 7. je ferai qulque chosse pour l'argent».

Полулистовая картинка, гравированная на мѣди; въ моемъ собраніи. Иностранный оригиналъ, съ котораго она скопирована, въ свою очередь скопированъ съ английской карикатуры мастера R S, озаглавленной: «The Ballance of Power. London, published.... Ian. 17, 1781»...

355. Есть еще два изданія этаго листа: *б*, на синей бумагѣ 1800 года; доска пройдена и помѣчена: «Гра Іль Пѣтро^{в}».—У гр. Толстаго; и *в*, безъ имени гравера (другая доска); предпослѣдняя строчка подписи въ немъ заканчивается словомъ «солдать» (въ изд. *а*—полусловомъ: «сал»).—Въ моемъ собраніи.

355 А. **Взятіе Очакова**; тотъ-же переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Картинка, гравированная рѣзцемъ, двухлистоваго размѣра; внизу помѣщена только одна солдатская пѣсня, безъ реляцій. Въ моемъ собраніи находятся два изданія ея—*а* и *б*: *а*, съ помѣтою гравера «І П» (Илья Петровъ), и *б*, безъ помѣты гравера—изданіе 1810 года.

355 Б. **Взятіе Очакова**; другой переводъ, съ тою же солдатскою пѣснею, послѣ которой помѣчено: «Конѣцъ. І. П.» (т. е. Ілья Петровъ гравировалъ); описанія, которое находится на № 355, нѣтъ. Картинка двухлистоваго размѣра. Въ моемъ собраніи.

356 А. Прибавить: «Слонъ персидскіи» двухлистовая картинка, гравированная на мѣди; бумага синяя 1801 года. Впереди скороходъ ведетъ лошадь; за нимъ скачетъ на свиньѣ татаринъ, а позади его идетъ огромный слонъ, съ вожакомъ на шеѣ. Пониже, во второй полосѣ, восемь фигуръ: два персидскіе всадника, два музыканта, еще всадникъ и трое зрителей. — Въ моемъ собраніи.

356. Б. Въ моемъ собраніи есть эта же двухлистовая картинка въ другомъ переводѣ: персіанинъ въ верхнемъ ряду скачетъ верхомъ на свиньѣ, съ закорюченнымъ хвостикомъ; отпечатана она на синей бумагѣ.

356 В. Прибавить: «Силны зверь слонъ земли персицъкия страны»; листовая картинка, гравированная на деревѣ. На слонѣ сидятъ два вожака; сзади идутъ два персіянина: одинъ съ копьемъ, другой съ винтовкой на плечѣ.—Въ собраніи В. А. Яковлева.

357. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*в*) этой картинки, скопированное съ изданія *а* въ обратную сторону: слонъ идетъ вправо.

357 А. Прибавить: **Коронація Императора Александра I**; большая картинка листоваго размѣра, гравированная крѣпкою водкой; на ней представлено, въ десяти продольныхъ полосахъ, шествіе: «Его Величества благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича самодержца всероссійскаго и Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны въ большой Успенскій соборъ изъ Грановитой палаты для воспріятія коронованія и священнѣйшаго миропомазанія и обратно изъ онаго Сентября 15-го 1801 года.

1. Взводъ Кавалергардовъ подъ предводительствомъ 1 офицера кой останавливается дошедъ до церкви и раздѣляются по обѣ стороны пути.

2. Двадцать шесть пажей и камеръ-пажей съ ихъ гофмейместеромъ прошедъ сквозъ церковь ожидаютъ окончанія службы въ Крестовой синодальной Палатѣ.

3. Два церемоніймейстера съ жезлами показавъ идущимъ въ церемоніи мѣста становятся передъ Иимператорскимъ мѣстомъ, равно какъ и бывшіе для показанія мѣстъ Церемоніймейстеры.

4. Депутаты отъ всего россійскаго купечества по 2 человѣка изъ каждой губерніи, изъ коихъ по одному старшему остаются въ Церкви а прочимъ проходить сквозь овую.

5. Купцы иностранные, изъ коихъ старшіе остаются въ Церквѣ.

6. Войска черноморскаго Кошевой съ депутатами; изъ коихъ Кошевой съ старшимъ депутатомъ остается.

7. Войска Донскаго атаманъ съ депутатами, изъ коихъ атаманъ со старшимъ депутатомъ остается въ Церкви.

Московскія: 8. Городское Правленіе, 9. Московскій Императорскій Университетъ, 10. Опекунскій Совѣтъ, 11. Палаты Московской Губерніи, 12. Губернское Правленіе, 13. Московскій

Архивъ Старыхъ дѣлъ, 14. Вотчинный Департаментъ, 15. Департаментъ Камеръ-Коллегіи, 16. Департаментъ ревизкихъ коллегій, 17. Банковыя Конторы, 18. Бергъ Контора, 19. Монетный Департаментъ.

Присутственныя мѣста: 20. Государственное Казначейство для статныхъ и для остаточныхъ суммъ, 21. Межевая Канцелярія, 22. Главная Соляная Контора, 23. Медицинская Контора, 24. Мануфактуръ Контора, 25. Московское Депо провіанская Коммисія, 26. Комиссаріатъ, 27. Московской Почтъ Амтъ. Начальствующій каждаго присутственнаго мѣста съ двумя старшими чиновниками остаются въ Церкви, а прочіе проходятъ сквозь оную.

28. Депутаты Дворянства всѣхъ губерній отъ каждой остаются въ Церкви по два, а кои не суть христіанской вѣры обходятъ мимо.

29. Правительствующій Синодъ, 30. Государственный Совѣтъ, всѣ вышеписанные особы и чиновники идутъ въ процессіи по три врядъ, 31. Два Оберъ-Церемонійместера съ жезлами, 32. Верховный Церемонійместеръ съ жезломъ, 33. Два Герольдмейстера со знаками, 34. Императорскія Регаліи, несомыя назначенными для сего особами съ ихъ ассистентами въ таковомъ же порядкѣ какъ перенесены были въ Ауедіенцъ Контору, 35. Взводъ Кавалергардовъ, 36. Два Гофмаршала а въ срединѣ, 37. Оберъ Гофмаршалъ съ своимъ жезломъ, 38. Верхомъ Маршалъ, 39. *Его Императорское Величество* имѣетъ при Особѣ своей двухъ Ассистентовъ по сторонамъ Двухъ Генералъ-Адъютантовъ, и Шефа Каваліергадскаго корпуса съ обнаженною шпагою, 40. *Ея Императорское Величество* имѣетъ при Особѣ своей Двухъ Ассистентовъ; балдахинъ надъ *Ихъ Императорскими Величествами* несутъ 16 Генералъ-Маиоровъ, а шнуры держатъ 16 Генералъ-Лейтенантовъ, 41. Придворныя Дамы, 42. Взводъ Каваліергардовъ, 43. Корпусъ знатнаго Россійскаго Дворянства по одному изъ каждой фамиліи, по три въ рядъ подъ предводительствомъ одного между ими изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ, остаются при

входѣ въ Церковь, 44. Корпусъ Мануфактурщиковъ и заводчиковъ по три въ рядъ, 44. Знатное Московское купечество по три въ рядъ, 46, въ заключеніи взводъ Каваліергардовъ».

358 А. Прибавить: **Воздушное путешествіе Гжи Гарнеренъ въ 1804 г.**—«1804 года 8-го мая и 15 чиселъ въ москве ваксале происходящее воздушное путешествие гжи гарнерень съ росискою дамою и ихъ неустрашимость плавания въ свирепое время отпроисходящихъ за полъ чеса громовыхъ ударовъ и силнаго дожжа и въ 7 часо пополудни оне поднялисъ на воздухъ более 900 таузовъ и уведомляютъ что оне въ высоте чуствовали несное жаръ и чрезъ три четверти часа опустилисъ воокресностяхъ Царицына за 20 верстъ о вансала а опущение ихъ послѣдовало небеструда и опасности по притчине сильного ветра дунувшаго на тотъ расъ отого бывъ брошены на лесъ и на деревья где сопутьница гжи Гарнеренъ ударилась нарочито болно потомъ оне понесенъны копширному пруду наткоторымъ поднялись вверхъ и миновавъ онои несколько разъ ударялись о землю наконецъ бросили якорь и такъ остановился съ помощию подоспевшихъ людеи и дамы сошли на сухой путь не потерявъ духа которои неоставлялъ ихъ во все продолженія сего путешествия». Листовая картинка, гравированная на мѣди; на ней представлено поднятіе шара при большомъ стеченіи публики.—Въ моемъ собраніи.

Это кажется было первое путешествіе на воздушномъ шарѣ, произведенное въ Россіи; второе было произведено въ томъ же году 30 іюня академикомъ Захаровымъ съ ученою цѣлью, по назначенію Академіи Наукъ. Объ этомъ путешествіи въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ было помѣщено слѣдующее извѣстіе. «Прошедшаго іюня мѣсяца, 30-го дня (1804 года), совершено было здѣсь въ С.-Петербургѣ — воздушное путешествіе, назначенное императорскою академіею наукъ для учиненія разныхъ опытовъ и наблюденій въ высшей части атмосферы. Академія предложила принять на себя трудъ сей академику Захарову, который, изъявивъ на то свое согласіе, дѣйствительно исполнилъ оный къ

совершенному ея удовольствію. Шаръ для сего путешествія сдѣланъ былъ въ С.-Петербургѣ господиномъ професоромъ Робертсономъ и имѣлъ 27 французскихъ футовъ въ діаметрѣ. Приборъ къ оному и наполненіе водороднымъ газомъ Академія произвела своимъ иждивеніемъ. Наполненіе производимо было въ саду перваго кадетскаго корпуса, откуда господинъ академикъ Захаровъ въ сопровожденіи господина Робертсона, въ присутствіи господъ членовъ Академіи наукъ и другихъ ученыхъ мужей, отправился на семъ шарѣ, въ 7 часовъ 15 минутъ пополудни и, поднявшись вверхъ слишкомъ на двѣ версты, опустился, не встрѣтивъ никакихъ неудобствъ, того же вечера въ 10 часовъ 45 минутъ, въ 60-ти верстахъ отъ С.-Петербурга, въ деревнѣ Сиворицахъ, принадлежащей тайному совѣтнику Петру Григорьевичу Демидову (С.-Петерб. Вѣд. 1804, 8 Іюля; см. Воздухоплаватель за 1879 г.) Въ 1812 году сдѣлана была попытка устроить воздушный шаръ для военныхъ цѣлей, оказавшаяся впрочемъ неудачною (см. прим. къ № 458). Въ 1820 — 30 годахъ въ Москвѣ предпринималъ неоднократныя увеселительныя воздухоплаванія механикъ-самоучка Иванъ Семеновъ, въ бумажномъ шарѣ собственнаго издѣлія, наполняемомъ нагрѣтымъ воздухомъ; подымался онъ въ немъ во время народныхъ гуляній для общей потѣхи, конечно невысоко; Семеновъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ прорвавшимся своимъ шаромъ, падалъ и, по словамъ В. Ѳ. Щербакова, въ одно изъ такихъ паденій, покончилъ расчеты съ здѣшнею жизнію. Позднѣе, въ 1850 годахъ, славился своими воздушными путешествіями г. Бергъ.

360. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки; третья строка подписи въ нихъ заканчивается такъ: въ изданіи *а*—«чесовъ неприя,» въ изданіи *б*—«чесовъ непр».

362 А. Прибавить: **битва при Вишау.** Двухлистовая картинка, отпечатанная на синей бумагѣ, съ знакомъ 1801 года; гравирована рѣзцемъ. Въ моемъ собраніи. Надпись на самой картинкѣ: «Городъ Вишау», пониже: «росіисское воиско»; подъ картинкой:

«Изъ № 16 Московскихъ Вѣдомостей. Изъ донесеній генералъ отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, между прочимъ напечатано: По принятіи мѣръ къ наступательному дѣйствію нашей арміи, авангардъ подъ командою Генералъ-Лейтенанта князя Багратіона пошелъ 14 ноября тремя отдѣленіями къ Вишау, который занятъ былъ четырьмя непріятельскими конными полками. Одно отдѣленіе слѣдовало по большой дорогѣ а два другія по двумъ сторонамъ оной. Неприятель видя намѣреніе Князя Багратіона, окружить его въ Вишау, немедленно выступилъ изъ сего города. 4 эскадрона гусаръ и 2 казачьихъ полка, по данному имъ повелѣнію, атаковали непріятеля; но онъ получивъ подкрѣпленіе почти всей кавалеріи съ поспѣшностію ретировался, не взирая на превосходство силъ своихъ, былъ преслѣдуемъ, тѣснимъ и поражаемъ до самаго мѣстечка Раусницъ, гдѣ соединился онъ съ новыми войсками. Князь Багратіонъ прибылъ туда съ авангардомъ, построилъ оный на высотахъ въ боевой порядокъ, и дѣйствіемъ артиллеріи принудилъ замолчать непріятельскія батареи, противъ него поставленныя. Между тѣмъ въ Вишау находящійся непріятельскій гарнизонъ препятствовалъ маршу перваго отдѣленія слѣдовать по шоссе; посему князь Багратіонъ отрядилъ для взятія сего города по баталіону 6-го егерскаго и псковскаго мушкатерскаго полка, подъ командою генералъ-адъютанта князя Долгорукаго, по нѣкоторомъ сопротивленіи городъ очищенъ и бывшіе въ ономъ сто человѣкъ нижнихъ чиновъ съ четырьмя офицерами взяты въ плѣнъ».

365. **Нутко Русскіе солдаты...** Эта пѣсня напечатана въ сборникѣ Кирѣевскаго, X. 146.

370 А.—Г. Липранди упоминаетъ еще о восьми сраженіяхъ изъ отечественной войны 1812 года, изданныхъ по распоряженію начальника штаба гвардейскаго корпуса Г. А. Сипягина; доски этихъ гравюръ уничтожены. Въ 1814 году изданы были «двѣнадцать побѣдъ, одержанныхъ надъ Французами въ 1812 году», полулубочной гравировки Беггрова и Өедорова, подъ смотрѣні-

емъ придворнаго гравера Карделли,—двѣнадцать большихъ листовъ въ длину, подъ каждой подписи: *D. Scotti invenit 1814.* **S. Cardelli** *direx.* (и имя гравера). *Издано въ С.-Петербургѣ 1814 года*; подписи на русскомъ и франц. языкѣ.

1) *Сраженіе при Бородинѣ 26 авг. 1812.* **Fedoroff** *sculp.* Впереди слѣва видѣнъ *кн. Голенищевъ-Кутузовъ.*

2) *Побѣда при Тарутинѣ, 6 окт. 1812.* **Fedoroff** *sculp.* *На полѣ сраженія изображены: кн. Голенищевъ-Кутузовъ, бар. Бенингсенъ, гр. Орловъ-Денисовъ и гр. Остерманъ.*

3) *Взятіе Полоцка гр. Витгенштейномъ, 6 окт. 1812.* **J. Beggrow** *sculp.*

4) *Побѣда при Маломъ-Ярославцѣ 12 окт. 1812.* Впереди генералы: *Дохтуровъ и Дороховъ.* **J. Beggrow** *sculp.*

5) *Бѣгство французовъ изъ Москвы 12 окт. 1812. Г. М. Иловайскій 4-й* преслѣдуетъ ихъ. **Beggrow** *sculp.*

6) *Побѣда при Колотскомъ монастырѣ 18 окт. 1812.* одержан. *гр. Платовымъ.* **Fedoroff** *sculp.*

7) *Взятіе г. Вязьмы, 22 окт. 1812. ген. м. Милорадовичемъ.* **Beggrow** *sculp.*

8) *Побѣда при Духовщинѣ, 26 окт. 1812.*, одержан. *гр. Платовымъ.* **Fedoroff** *sculp.*

9) *Разбитіе Маршала Давуста при г. Красномъ, 6 нояб. 1812.* **S. Cardelli** *direx Sculp. St.-P.* На полѣ сраженія *кн. Голенищевъ-Кутузовъ, ген. Тормасовъ, Милорадовичъ, кн. Голицынъ и бар. Розенъ.*

10) *Разбитіе маршала Нея, 6 нояб. 1812 г.*, при Красномъ. На полѣ сраженія гр. *Милорадовичъ.*

11) *Разбитіе Наполеона при переправѣ черезъ Березину 16 и 17 нояб. 1812.* **Fedoroff** *sculp.*

12) *Разбитіе Маршала Виктора при г. Старомъ Борисовѣ, 25 и 26 нояб. 1812.* Впереди справа *гр. Витгенштейнъ.* **Beggrow** *sculp.*

376. **Карикатуры 1812 года художника Теребенева** имѣли въ 1812—14 гг. обширный сбытъ и продавались въ высшемъ об-

ществѣ, въ хорошей раскраскѣ и на хорошей бумагѣ по $1^1/_2$ и по 2 руб. за листъ, а въ болѣе сѣромъ видѣ, для людей по проще, много дешевле. Затѣмъ цѣна ихъ все таки была слишкомъ высока для народа, и потому народными картинками, въ настоящемъ значеніи этого слова, ихъ назвать нельзя.

Въ 1815 году, послѣ смерти Теребенева, тетрадка изъ 24-хъ его карикатуръ (раскрашенныхъ) продавалось въ квартирѣ редактора Сына Отечества по 25 руб. за экземпляръ *). Эту тетрадку можно было еще найти въ продажѣ въ пятидесятыхъ годахъ, въ магазинахъ Сленина, Улитина и Кольчугина. На обложкѣ книги: «Жизнь Кн. Голенищева Кутузова, соч. Синельникова. СПБ. 1813 г.», помѣщено объявленіе о продажѣ коллекціи 30 карикатуръ или «изображеніе великихъ подвиговъ Россіянъ и звѣрство французовъ въ незабвенную компанію 1812 года; цѣна за всѣ 40 руб.; особенно по 1 р. 50 к.». Въ каталогѣ Плавильщикова обозначена коллекція въ 200 листовъ за 120 руб.; это однакоже было не особое изданіе карикатуръ, а просто книга, въ которой были собраны всѣ выходившія за то время карикатуры. Нѣсколько такихъ сборныхъ экземпляровъ продавалось еще въ 1870 годахъ у книгопродавца Лисенкова. Въ 1855 году Траншель издалъ 10 листовъ Теребеневскихъ карикатуръ по 3 руб. сереб. за экземпляръ.

Карикатуры Теребенева вполнѣ художественны и оригинальны и только въ немногихъ изъ нихъ проглядываетъ нѣкоторое подражаніе французскимъ карикатурамъ конца прошедшаго столѣтія: такъ напримѣръ № 391, входъ въ Парижъ, напоминаетъ «convoi du très haut et très puissant seigneur des abus. 4 mai. 1789» (Jaime, Mus. de Car., I. pl. 34. g); плѣнные козаки (№ 409), поставка искалѣченныхъ рекрутъ (404), воздушная экспедиція (458) и пусканіе мыльныхъ пузырей (401)—имѣютъ сходство съ революціонными карикатурами, помѣщеными у Жема

*) Теребеневскія карикатуры 1812 года. С.-П.-Бургскія вѣдомости 1855 г. № 284, статья Григ. Данилевскаго; въ этой тетрадкѣ помѣщены были слѣдующіе нумера карикатуръ: 376, 378—380, 383, 384, 386, 397, 400—412, 414—416.

(подъ №№ 46. g. I, 108 и 109. g.), 145. g. II,; но за всѣмъ тѣмъ карикатуры нашего Теребенева и замысловатѣе и несравненно художественнѣе французскихъ.

Иванъ Ивановичъ Теребеневъ родился въ 1780 году, умеръ 16 января 1815 года, 35 лѣтъ. Онъ готовился сперва быть живописцемъ, но послѣ занялся скульптурою и, при выходѣ изъ Академіи, былъ назначенъ въ число пенсіонеровъ, однако отсталъ отъ Академіи и предпочелъ заняться своимъ художествомъ безъ казенной помощи. Изъ произведеній его замѣчательны: большіе барельефы для новаго Адмиралтейства и барельефы и статуи для торжественныхъ воротъ въ честь гвардіи (1814 г.). Всего же болѣе онъ прославился своими карикатурами на войну съ Наполеономъ. Семейство Теребенева осталось послѣ его смерти въ крайней бѣдности. Книгопродавецъ Сленинъ тогда же возвратилъ въ его пользу всѣ доски, прежде купленныя имъ у Теребенева; раскрашенные отпечатки съ нихъ, въ числѣ 24-хъ листовъ, какъ сказано выше продавались за счетъ вдовы Теребенева издателемъ Сына Отечества по 24 р. за экземпляръ (вмѣсто прежде назначенныхъ 35). Сынъ Отеч. 1815 г. № 4. стр. 164 (См. также Отеч. Запис. 1819 г. и Сынъ Отеч. 1820. LXIV. 332).

377. **Наполеонъ послѣ сожженія Москвы.** Гр. Сегюръ въ своей Исторіи Наполеона (II. гл. VII) разсказываетъ, какъ императоръ, спасаясь изъ Кремля отъ пожаровъ, пробирался съ своею свитою, среди горѣвшихъ домовъ и разрушавшихся сводовъ. «Мы шли», говоритъ Сегюръ, «по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ; сильный жаръ жегъ глаза наши, удушливый воздухъ и дымъ спирали наше дыханіе, пламя обжигало руки наши и искры прожигали наше платье. Въ этомъ то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился. Здѣсь окончилась бы наша жизнь, еслибы случайное обстоятельство не спасло императора отъ неизбѣжной гибели Грабители изъ корпуса Даву нат-

кнулись на его свиту, вывели императора по пожарищамъ къ Москвѣ рѣкѣ, къ Дорогомиловскому мосту, а оттуда берегомъ въ Петровскій дворецъ (Ségur, Hist. de Napol., II. гл. VII. — Поповъ, Русск. Арх. 1876. I. 330).

Наполеонъ предвидѣлъ уничтоженіе Москвы; еще прежде говорилъ онъ Пав. Алексѣев. Тучкову, взятому въ плѣнъ: я желаю мира, иначе я займу Москву и какія бы я мѣры не принималъ къ сбереженію ея отъ раззоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція, или занятая непріятелемъ столица похожа на дѣвку, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратить уже невозможно (Русск. Арх. 1873, Записки Тучкова. О пожарѣ Москвы подробно говорится въ заключеніи).

377 А. **Наполеонъ бесѣдующій съ сатаною.** На обложкѣ книги: Жизнь Кн. Кутузова-Смоленскаго, напис. Синельниковымъ (СПБ. 1813 г.) помѣщена публикація о двухъ картинкахъ на эту тему: 1) «Разговоръ Наполеона съ сатаною послѣ сожженія Москвы и подорванія Кремлевскихъ стѣнъ; 2. руб.» (это нашъ № 377), и 2) «Наполеонъ бѣсѣдующій съ сатаною, послѣ сожженія Москвы»; 1 р. 50 к. (у насъ 377 А).

380. **Русская баня.** Во второмъ изданіи этой картинки сдѣлана надпись: «Н . . . нъ у Русскихъ въ банѣ»; стихи тѣже, равно и подпись Теребенева.

381 А. **Попляши подъ нашу дудку.** Прибавить: Копія точь въ точь съ № 381-го; надъ Наполеономъ сдѣлана надпись: «Ахъ тошно мнѣ на чужой сторонѣ». Въ собраніи Ефремова. Въ 1812 году была сочинена пѣсня *), которая и вдохновила составителя

---

*) Передѣлана ли она съ французскаго илиже сама послужила оригиналомъ для французской пѣсни, какъ полагаетъ П. А. Безсоновъ, опредѣлить трудно. Сочинилъ ее кажется гр. Ростопчинъ, который особенно хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ. Вполнѣ напечатаны оба текста, русскій и французскій, въ X выпускѣ пѣсень Кирѣевскаго, стр. 139.

этихъ картинокъ. Наполеону захотѣлось потанцовать; сперва онъ прошелъ Англезу, потомъ Экосезу и Польскій; скоро однакоже Польскій ему наскучилъ, музыкантовъ (Сарматовъ) перемучилъ:

Сѣмъ на Русь пойду
Тамъ я Барыню, пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся
    Пляску заведу!...
Знавши вывертки французски
Заиграть велѣлъ по Русски
    Музыкѣ своей:
Наши грянули по свойски—
Мы не знаемъ по заморски—
    Нутка козачка!
Чутъ прослышалъ Корсиканецъ:
Провались проклятый танецъ,
    Дастъ онъ мнѣ толчка.
Видно хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
    Нѣтъ братъ погоди!
Захотѣлъ плясать по Русски
Присядайко по французски
    Ты Наполеонъ!
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
    Хоть кричать «пардонъ».
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
    Дрогнула нога.
Его музыки нестало,
Скрипокъ будто небывало:
    Пляска дорога!
Моргонулъ онъ Коленкуру:
Сѣмъ-ка, выкинемъ фигуру

На цыганскій ладъ!
Бросивъ пышныя ухватки,
По цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

(Вѣстникъ Евр. 1813 г., I. 147).

385. **Проѣздъ высокаго путешественника изъ Варшавы въ Парижъ.** Наполеонъ бѣжалъ изъ Москвы въ Варшаву съ Коленкуромъ и Дюрокомъ (См. № 438).

385 А. Прибавить: есть хорошая копія съ этой картинки, безъ подписи Теребенева; отличитъ ее отъ оригинала можно по буквѣ *В* въ словѣ *Варшавы*: въ копіи эта буква прописная, а въ оригиналѣ она вышла на манеръ печатной; хвостъ у лошади въ оригиналѣ состоитъ изъ отдѣльныхъ прядей волосъ, а въ копіи онъ сплошной.

387. Въ 1812 году продавались бумажные вѣера, съ такою подписью: СульТъ, мюрАтъ, Даву, Ожеро, Сюне, Викторъ И НЕЙ; читая большія буквы, выходитъ: стадо свиней (Русск. Стар. 1874, III).

389. 468 и 469. **Чѣмъ онъ побѣдилъ врага своего?—нагайкой.** Эта картинка объясняется слѣдующимъ разсказомъ; послѣ стычки козаковъ съ Вестфальской конницей, которая была при этомъ разсѣяна, одинъ козакъ примѣтилъ въ сторонѣ офицера, въ блестящемъ мундирѣ, и захотѣлъ около него поживиться. Смѣло налетѣлъ онъ на него съ своею пикою, но офицѐръ успѣлъ перерубить его пику; тогда козакъ выхватилъ саблю, но и ее офицеръ выбилъ у него изъ рукъ; тогда козакъ въ одну минуту очутился сзади офицера и такъ окрестилъ его по спинѣ нагайкой, что тотъ упалъ безъ чувствъ съ лошади (Сынъ Отеч. 1842. № 7. 43).

390. **Крестьянинъ увозитъ у французовъ пушку.** Здѣсь изображено подлинное происшествіе: французскіе артиллеристы, оставивъ около одной деревни на Калужской дорогѣ пушку, бросились на

грабежъ. Одинъ крестьянинъ, увидавъ такое дѣло, сѣлъ на пушку, махнулъ по всѣмъ по тремъ, и привезъ пушку въ нашъ лагерь (Сынъ Отеч. 1812. № V. 216).

391. 463. 464. **Французы, испугавшіеся козы.** Происшествіе это случилось въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Мародеры застали въ избѣ одну старуху и стали ее просить: «клѣба и млека». Хлѣба корку она имъ дала, «а молока», говоритъ, «у меня нѣтъ; коровъ французы порѣзали; одна коза осталась». «Куда коза?» закричали испуганные французы, принявъ козу за козака. «А вонъ тамъ на дворѣ», отвѣчала старуха. «На дворъ казака!» закричали французы и опрометью побѣжали вонъ изъ избы (Сынъ Отеч. 1812. IX. 128) *).

Французы ненавидѣли и боялись козаковъ. Въ французской исторіи Шантро (II. 578) говорится, что: «Козаки трусливы и подлы, они суть поношеніе человѣчества. Двѣ тысячи сихъ малодушныхъ и ничтожныхъ всадниковъ не отважутся напасть на одинъ французскій эскадронъ, если только оный твердо будетъ ихъ ожидать» (Русск. Вѣстн. 1812 г. № 8). Англичане, напротивъ того, не находили достаточныхъ похвалъ для козаковъ (конечно въ то время, когда они дрались въ ихъ пользу). Козакъ Землянутинъ три раза награвированъ съ своей длинной пикой въ Лондонѣ (см. мой: Словарь русскихъ портретовъ. СПБ. 1872, стр. 62); о пребываніи у нихъ другаго козака въ Сынѣ Отечествѣ (1813 г. № 17. 14) помѣщено слѣдующее извѣстіе: Русскій капитанъ Бокъ привезъ съ собой въ Лондонъ 18—6 марта козака Александра Витиченкова; ему 54 года, росту онъ 6 футъ; плотенъ и силенъ; въ обхожденіи непринужденъ; бороду имѣетъ длинную, сѣдую, кудрявую. 14—2 апрѣля его привозили на биржу и оттуда къ лордъ-меру, которой угостилъ его за столомъ и сказалъ, что, въ качествѣ верховнаго чина въ городѣ, считаетъ

*) Монахи Саввинскаго подворья тоже разсказываютъ, съ какимъ страхомъ спрашивали у нихъ застрявшіе въ монастырѣ французы: есть ли казака или еще нѣтъ казака? (Тромонинъ, Достопамят. Москвы. М. 1843, 93).

за честь и счастіе пожать руку столь отличному воину, хотя онъ не имѣетъ ни титла, ни чина. Старый воинъ отвѣчалъ просто: готовъ де умереть за Государя и отечество». Вслѣдъ за тѣмъ была устроена подписка одѣть его, вооружить и отослать обратно на родину; 19—7 апрѣля художникъ срисовалъ его въ аккерманской увеселительной залѣ, желая выгравировать его изображеніе. На вопросъ, сколькихъ онъ убилъ своей пикою, Витиченковъ отвѣчалъ: трехъ офицеровъ, а сволочи нѣсколько четвериковъ. Лордъ мѣръ увѣрялъ его именемъ, что онъ перебилъ 39 человѣкъ (изъ англійскаго современнаго летучаго листка). Въ тоже время была сочинена какимъ то поэтомъ пѣсня «Cossack, War Song., — оканчивавшаяся восклицаніемъ»: Hourra Cossack! О томъ какъ боялся козаковъ Фридрихъ Великій см. въ заключеніи.

392 А. Прибавить еще карикатуру въ листъ: «Руской Геркулесъ загналъ французовъ въ лѣсъ и давилъ какъ мухъ» (Въ Публ. библ.) *) Г. Н. Геннади разсказывалъ мнѣ, что этотъ геркулесъ г. Сычевки былъ никто иной, какъ староста его дѣда Денпска, который пошелъ въ ратники и съ ватагой своихъ односельчанъ занимался истребленіемъ французскихъ мародеровъ или по тогдашнему народному прозвищу *міродеровъ.*

393 (и 408). **Русскій Сцевола.** Въ арміи Наполеона вступающимъ въ войско накладывали на руку клеймо; такое клеймо наложили одному крестьянину, котораго думали заманить на французскую службу; крестьянинъ, увидпвъ клеймо на рукѣ своей, схватилъ топоръ и отсѣкъ себѣ клейменую руку **) Такъ раз-

---

*) Рисунокъ этой картинки напоминаетъ англійскую карикатуру, изображающую Блюхера, наказывающаго розгами Наполеона I, съ подписью: «old Blucher Beating the Corsican Big Drum, pub. april 8 th. 1814».

**) Такое клейменіе существовало и у насъ при Петрѣ I; сохранилось письмо Петра I къ кн. Якову Өедоровичу Долгорукову съ приказаніемъ клеймить всѣхъ взятыхъ въ рекруты (ради побѣга), выжигая крестъ на лѣвой рукѣ (при письмѣ приложенъ и рисунокъ клейма). Хотя указъ объ этомъ не былъ опубликованъ, но въ народѣ это клеймо прозвали печатью антихриста (Русск. Архивъ 1873 г., 2070). По указу новобранцевъ пятнали рекрутскимъ пятномъ въ лѣвыя руки.

сказанъ сюжетъ этой картинки въ Сынѣ Отечества (1812. IV. 168). Ростопчинъ въ своей Правдѣ о пожарѣ Москвы (Сочинен., стр. 251) говоритъ о томъ же въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Всѣмъ извѣстна исторія Смоленскаго крестьянина, замѣченнаго на рукѣ, чтобы быть узнаннымъ, который отрубилъ ее однимъ ударомъ топора».

394 (и 487). **Твердость русскаго крестьянина.** Во время французскаго нашествія крестьяне подмосковной деревни Планковой выселились въ лѣсъ. Разъ уговорили они восьмидесятилѣтняго старика, изъ своихъ односельцевъ, сходить въ оставленную деревню, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Старика увидѣли мародеры, схватили его и начали допрашивать: «куда дѣвали крестьяне свои пожитки?» Старикъ на все отвѣчалъ: «говорите погромче, глухъ батюшки, ничего не слышу». Били его, таскали, кололи въ грудь штыкомъ,—а ничего такъ и не добились; поплевали ему въ лице, и пошелъ старикъ назадъ къ своимъ, съ недобрымъ извѣстіемъ; такъ разсказанъ случай, изображенный на нашей картинкѣ въ Сынѣ Отечества (1813. IX. 133).

395 (и 434. 459. 460). **Французскій вороній супъ.** Очевидцы разсказывали, что французы въ Москвѣ каждый день выходили стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ «Soupe aux corbeaux» (Сынъ Отеч. 1812. VII. 44). Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ № VIII Сына Отечества была напечатана басня Крылова «Ворона».

396. Торжественный выѣздъ Наполеона въ Парижъ былъ описанъ въ англійскомъ журналѣ «The Courier», слѣдующимъ образомъ: 1. Везены были въ саняхъ двѣ Сибирскія кошки, немного поврежденныя при взятіи Кремля. 2. Кибиточка для Римскаго короля. 3. Колпакъ и туфли, которые Карлъ XII потерялъ при Полтавѣ. 4. Гренадеръ *покойной* французской Императорской Гвардіи замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохрани-

вшійся. 5. Подарки, присланные непобѣдимыми гвардейцами Парижскимъ ихъ подругамъ. 6. Искусно сдѣланная изо льду модель деревеньки, въ которой Его Величество стоялъ на бивуакахъ послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ маршалами Даву и Неемъ, 5 и 6 Ноября. 7 Двѣнадцать чучелъ, представляющихъ казаковъ, Калмыковъ и Башкировъ, заключали шествіе. Король Римской, сей возлюбленный младенецъ, изволилъ смотрѣть на сіе зрѣлище изъ драгоцѣнной своей колыбели съ великимъ удовольствіемъ (Сынъ Отеч. 1813. III. 149).

396 А. Прибавить: Точная копія съ № 396, съ подписью: «Торжественный въѣздъ въ Парижъ, не побѣдимой Французской Армій».—У П. А. Ефремова.

402. **Наполеонъ грибъ съѣлъ.** Картинка эта напоминаетъ слѣдующій неудавшійся проэктъ Наполеона: узнавъ о союзѣ Пруссіи и Россіи, Наполеонъ велѣлъ послу своему сказать въ Вѣнѣ: Если Императоръ Александръ не согласится вступить въ переговоры, то мы предложимъ слѣдующее—Пруссія будетъ раздѣлена на 3 части. Въ ней 5 миліоновъ жителей: одинъ милліонъ на востокѣ отъ Вислы останется ей; два милліона, т. е. лучшую часть получитъ Австрія, 1 милліонъ Саксонія, и 1 милліонъ Вестфалія (Древн. и Нов. Росс. 1877. 12. 353).

404. **Усердная и добровольняя поставка рекрутъ.** Въ разговорѣ съ плѣннымъ французскимъ интендантомъ Пюисбюскомъ Кутузовъ спросилъ его: «еслибы Наполеонъ ушелъ изъ-подъ Березины, неужели французскія войска снова стали бы жертвовать ему своею кровію а Сенатъ поощрятъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ?». «Народъ утомленъ постоянными войнами, скоро недостанетъ рукъ для земледѣльческихъ работъ, торговля страдаетъ, новые наборы произ-водятся только насильственными способами», отвѣчалъ Пюисбюскъ. «А Сенатъ», замѣтилъ снова Кутузовъ, «какъ онъ будетъ поступать, когда Наполеонъ, потерявъ всѣ арміи, потребуетъ новой».

Пюисбюскъ признался, что Сенатъ будетъ покоренъ его волѣ. «Въ такомъ случаѣ», говорилъ Кутузовъ, «если онъ уйдетъ изъ подъ Березины, то послѣдуетъ еще много бѣдствій и кровопролитія». Такъ и было впослѣдствіи; слова Пюисбюска о «насильственныхъ способахъ, которыми производились новые наборы», носившіе въ бюлетеняхъ іезуитское названіе «добровольныхъ и усердныхъ пожертвованій», послужили темою для настоящей картинки; съ нея была сдѣлана въ тоже время копія въ Лондонѣ.

410. **Собранная на Эльбѣ армія.** Приказъ командовавшаго Эльбскою арміею генерала Лористона появился въ Гамбургѣ 14 февраля 1813 года. Приказъ этотъ наполненъ бранью на противниковъ, крайнею лестью Наполеону и шутовскою похвальбой, и заканчивается на манеръ Наполеоновскихъ рѣчей, словами: «Солдаты. Вашъ Генералъ чтитъ и уважаетъ васъ. Вы должны поведеніемъ своимъ послужить образцами народамъ, которыхъ должны защищать и покровительствовать. Подписано: Главнокомандующій (*небывалою*, замѣчено редакторомъ Сына Отеч.) обсерваціонною арміею на Эльбѣ, Г. Лористонъ» (Сынъ Отеч. 1813. X. 189).

412. **Вывозъ рѣдкостей.** Во вторыхъ отпечаткахъ этой гравюры на бюстѣ Пугачева сдѣлана надпись «Аттила», но самое изображеніе Пугачева осталось прежнее (и схожее).—У П. А. Ефремова.

416 А. Прибавить: **Освобожденіе Европы**; копія съ № 416, гравированная въ однихъ очеркахъ.—У И. И. Ваулина.

419. **Французское воспитаніе.** Французскіе гувернеры приглашались для воспитанія русскаго юношества высшихъ слоевъ съ давняго времени; еще въ 1726 году графъ Александръ Өедоровичъ Головинъ нанялъ къ сыновьямъ своимъ французскаго гувернера Пирара, преподавать не только французскій языкъ, но и хорошія манеры (Древн. и Нов. Россія 1877. Январь, 12 2).

Въ Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ Ефремовскаго старосвѣтскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева, гр. Ростопчинъ говоритъ: «Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову...... Русскихъ они считаютъ за медвѣдей... всему у нихъ свое названіе: *холопъ—mon ami*, Москва—ridicule; Россія—fi donc». Господи помилуй! только и видимъ, что молодежь одѣтую, обутую по французски. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. Старухи и молодыя сошли съ ума. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряду... *Это лѣтъ ужъ тридцать у насъ завелось*» (Соч. Ростопчина, изд. Смирд., стр. 10).

Въ письмѣ къ Богатыреву, другаго Ростопчинскаго философа Правдина, Ростопчинъ языкомъ Правдина говоритъ, что въ Россіи только и видишь молодежь, по всѣхъ отношеніямъ французскую (324). Отецъ только и твердитъ: у меня братецъ лучшей аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу Мадамъ? она и пекись о дочеряхъ моихъ... А какія Мадамы то!... я самъ знаю нѣкоторыхъ, которыя нѣсколько мѣсяцевъ были мадамами, а теперь сидятъ у модницъ, шьютъ тряпки (327).... Войдешь въ знатный домъ—только и услышишь по Русски: человѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ... Пойдешь и не къ знати даже—къ купцамъ, тоже да тоже (Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго въ СПБ., или посланіе Силы Сидоровича Правдина къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, стр. 227).

421 А. Прибавить: «Французской магазинъ помады и духовъ». На столѣ стоятъ стклянки и банки съ надписями: «l'Esprit—pour la bouche—pour les moustaches». Мамзель продаетъ франту помаду; другая мамзель сзади. Подпись: «1-й французское ли это? 2-я. О мосіе! самое свѣжее». Картинка очеркомъ, въ листъ, вдлинну.—Въ собраніи М. О. Вольфа.

423. **Дѣятельность француженки въ магазинѣ.** Въ числѣ первыхъ выслана была въ 1812 году изъ Москвы содержательница моднаго магазина Оберъ Шальме (Auber Chalmé), которую въ публикѣ, за дороговизну ея товаровъ, называли Оберъ Шельмой. Оберъ Шальме, кромѣ модъ и шляпокъ, торговала красивыми француженками и сводничала *).

Магазинъ Шальме, при ея высылкѣ, былъ разграбленъ полиціей; Волкова пишетъ объ этомъ Ланской слѣдующее: «ты представить не можешь, что здѣсь (т. е. въ Москвѣ) творится. Всему виной Растопчинъ; за то и ненавидятъ же его здѣсь! Онъ просто плутъ, злодѣй, съ этимъ согласны всѣ его прежніе поклонники. Сноснымъ его находятъ лишь тѣ, которымъ онъ помогаетъ воровать, грабить и наживаться. Я говорю о полицейскихъ чиновникахъ. Представь, что графъ и его агенты подѣлили между собою всѣ товары изъ магазина мадамъ Оберъ-Шальме. Ты можешь судить, какъ велика была пожива. Мой двоюродный братъ, Волковъ,—единственный человѣкъ, не учавствовавшій въ дѣлежѣ. Каждому частному приставу досталось бронзовыхъ вещей тысячъ на десять или на пятнадцать. Весь магазинъ оцѣненъ былъ въ шестьсотъ тысячъ рублей. Замѣть, что это не изъ худшихъ поступковъ» (Письма Волковой къ Ланской: Русск. Вѣстн. 1879 г.).

426. **Изгнаніе изъ Москвы французскихъ актрисъ.** Французскимъ актерамъ при Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ дано было въ это время увольненіе (Сынъ Отеч. 1812. X. 181).

427. Въ 1812 году Рязанскій губернскій предводитель дворянства Измайловъ пріѣхалъ во главѣ депутаціи, заявить о готовности дворянъ собрать ополченіе. Министръ полиціи Балашевъ выругалъ дворянъ и выслалъ изъ Москвы, за то, что они осмѣлились явиться безъ спросу съ такимъ предложеніемъ (Древн. и Нов. Росс. 1876. 9).

---

*) Этими же дѣлами занимались и парикмахеры *по дамской части*; они, вмѣстѣ съ парфюмеріями, доставляли имъ средства имѣть *любовныя утѣхи, неимѣя при этомъ дѣтей.*

429. 6-го Ноября, на другой день послѣ сраженія при Красномъ, въ которомъ корпусъ Даву былъ уничтоженъ, Кутузовъ сидѣлъ на коврѣ за чашкой чая, окруженный офицерами, и торжественно читалъ имъ новую басню Крылова: Волкъ въ овчарнѣ. Когда дошло до словъ: «ты сѣръ, а я пріятель сѣдъ», Кутузовъ снялъ фуражку съ сѣдой головы своей и громкое ура раздалось въ воздухѣ (Поповъ, Р. Арх. 1876, 307).

432. **Духъ неустрашимости Русскихъ.** Подмосковные крестьяне ежедневно хватали большое число французовъ, отправлявшихся на грабежъ, и убивали ихъ. Чтобы устрашить ихъ, французскіе начальники приказали схватить нѣсколько крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень; похватали человѣкъ двадцать, привели въ Москву, приговорили къ смерти; прочли имъ приговоръ, переведенный на русскій языкъ, и разстрѣляли. Передъ смертью крестьяне о пощадѣ не просили и, кланяясь міру говорили: помилуй меня Господи! прощайте добрые люди (Сынъ Отеч. 1812. V. I.244). Въ напечатанномъ процесѣ о зажигателяхъ сказано, что было представлено 30 поджигателей, при чемъ всѣ они названы по именамъ; изъ нихъ тринадцать, уличенные въ поджигательствѣ, были приговорены къ смерти. Это было въ первыхъ числахъ сентября; сперва всѣхъ тридцать человѣкъ вывели изъ Хамовническихъ казармъ и пригнали, подъ сильнымъ прикрытіемъ къ Петровскому монастырю (что на бульварѣ); здѣсь ихъ продержали цѣлый часъ, поставя въ одну линію; затѣмъ отсчитали справа переднихъ тринадцать, поставили ихъ къ монастырской стѣнѣ, и разстрѣляли. Тѣла ихъ были подняты на фонарные столбы съ французскою и русскою надписями; гласившими что они зажигатели. Другіе семнадцать были отпущены, и впредь уже не тревожимы (гр. Ростопчинъ, Правда о пожарѣ Москвы: его соч., стр. 216).

433. **Наполеонъ занимается въ Москвѣ выжигою.** Сюжетъ этой картинки взятъ изъ дѣйствительности; въ первые же дни занятія

французами Москвы, въ Успенскомъ соборѣ, на мѣстѣ паникадила, были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; по уходѣ непріятеля на иконостасѣ были еще видны цифры: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ же стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей (Статья А. Н. Попова: Русск. Арх. 1876, I. 445). Войска водили на грабежъ по очереди, по нѣсколько ротъ разомъ, какъ говорилось въ приказахъ «для приготовленія свѣжихъ припасовъ продовольствія» (Поповъ, Руск. Арх. 1876, I. 335). Полагая, что каждому достанется грабить по одному разу, солдаты грабили начисто, разбивая окна, двери, кладовыя и погреба; грабили и свои солдаты и арестанты, выпущенные гр. Ростопчинымъ изъ острога. Хуже всѣхъ были Поляки, которые позволяли себѣ безцѣльныя жестокости съ обывателями; Баварцы ломали и разрушали все, а Виртембергцы даже разрывали могилы. Совѣстливѣе всѣхъ были сами Французы.

434. **Кухня главной квартиры.** Не только въ Москвѣ, но и въ Штетинѣ французскіе рестораторы жарили водяныхъ крысъ и кормили ими почтенныхъ своихъ воиновъ (Сынъ Отеч. 1813, № 41).

436. **Смотръ французскимъ войскамъ.** Поправить въ подписи: «1812. № 480 письмо изъ Варшавы отъ 14 ноября Иванъ Теребеневъ». Большинство экземпляровъ этой картинки обрѣзаны справа.

437 А. Прибавить: «Бѣгство Наполеона великаго». Онъ ѣдетъ въ санкахъ въ одну лошадь; правитъ ознобленный мамелюкъ; сзади бѣгутъ три маршала. Надписи: надъ мамелюкомъ:— «Не слушайте его, ну гдѣ ему править; у него обѣ руки отморожены»; надъ Наполеономъ—«полно ворчать, погоняй, погоняй бездѣльникъ, а то велю тебя тутъ же разстрѣлять»; надъ марша-

лами—«Ваше величество! силъ нѣтъ бѣжать, да и не ремесло это для маршала великой націи: позвольте мнѣ имѣть щастіе сѣсть на блучокъ вмѣсто мамелюка»?—«Какъ живъ былъ покойный мой корпусъ, то всегда намъ было жарко, теперь умираю отъ стужи».—«Отъ самой поганой Москвы дуетъ намъ все противный вѣтръ». Подъ маршалами подписаны ихъ фамиліи: «Давустъ, Ней, Лефебръ». Крѣпкая водка, въ листъ, вдлинну. Въ собраніи М. О. Вольфа.

438. **Рыцарская поѣздка Наполеона изъ Варшавы.** Въ декабрѣ Наполеонъ бѣжалъ подъ именемъ Коленкура; французы острили на его счетъ, говоря, что это *Colin qui court*; у самой Вильны, въ то время, когда Наполеонъ завтракалъ, кучеръ его замерзъ на козлахъ (Русск. Старина. Декабрь 1879. Записки Шуазель Гуфье, 601).

438 А. Въ азбучномъ спискѣ карикатуръ 1812 года, составленномъ И. П. Липранди (Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 годъ объ отеч. войнѣ 1812 года. Москва 1876 г.) помѣщена еще слѣдующая карикатура: Наполеонъ, ѣдущій въ изодранной бричкѣ. На встрѣчу ему офицеръ съ ремонтными лошадьми. Наполеонъ кричитъ: «Сейчасъ дай мнѣ дорогу!» А Офицеръ отвѣчаетъ: «Остановись негодяй, и жди до тѣхъ поръ, покуда пройдутъ ремонтныя лошади». Попадается на встрѣчу сему офицеру Коленкуръ съ тремя генералами; спрашиваетъ: «Невидалъ ли Императора, проѣхавшаго въ бричкѣ?» Онъ отвѣчаетъ, что никого, кромѣ одного, ѣхавшаго съ быстротой, который перепортилъ было ремонтныхъ лошадей (стр. 44. № 42).

439 А. Прибавить: «Выѣздъ Наполеона изъ Москвы въ сопровожденіи Нея и Мюрата». Наполеонъ верхомъ на ослѣ. Ней, верхомъ на свиньѣ, подаетъ ему кусокъ хлѣба, съ словами: «Скушайте Ваше величество рускаго хлѣба; вамъ гораздо легче бу-

детъ». Мюратъ на быкѣ; около него надпись: «Увы! только двѣ галки осталось! что будетъ со мною завтра» . . . . . Плохая листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

440. Эта картинка имѣетъ много сходства съ «Schlittenfahrt aus Moscau», изображенной на картинкѣ: «Napoleons Stuffenjahre». На этой оригинальной картинкѣ представлена лѣстница на двѣ стороны; слѣва, по шести ступенькамъ, взбирается Наполеонъ, какъ «Corsicher Knabe—Militair Schüler—Lieutenant—General—Consul»—и наконецъ «Kaiser». Справа представлено, на четырехъ ступенькахъ, его паденіе: «Abschied aus Spanien—Schlittenfahrt aus Moscau — Lebewohl aus Deutschland» и «Ende». Подъ лѣстницей Наполеонъ лежитъ на Ельбѣ; около него бумага съ надписью: «Das grosse Reich—Insel Elba» (Подлинникъ въ моемъ собраніи).

441. **Отступленіе въ полномъ порядкѣ.** Картинка эта намекаетъ на то, что во время войны 1812 года какъ русскіе, такъ и французы предполагали воспользоваться воздушными шарами, для нанесенія вреда другъ другу. Императоръ Александръ писалъ изъ Вильны Н. В. Обрѣзкову, чтобы отвести мѣсто посылаемому въ Москву иностранцу Шмидту, для изготовленія воздушнаго шара; мѣсто это было отведено ему на казенномъ дворѣ въ Тюфелевой рощѣ, близъ Симонова монастыря, гдѣ шаръ этотъ и изготовлялся. При назначеніи Ростопчина главнокомандующимъ города Москвы, Императоръ Александръ въ другомъ письмѣ приказывалъ Обрѣзкову сообщить о шарѣ Ростопчину, съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ предпріятію Шмидта (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева. М. 1869, стр. 244). Въ одной изъ своихъ афишекъ Ростопчинъ объявляетъ о воздушномъ шарѣ жителямъ Москвы: «Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или

послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели» (Сочин. Ростопчина, стр. 171).

Въ Русской Старинѣ за 1877 годъ напечатано свѣдѣніе о томъ, что проэктъ объ устройствѣ воздушнаго шара, съ тѣмъ, чтобъ съ него осыпать непріятеля снарядами, былъ представленъ Французомъ Леппихомъ сперва Наполеону, а за отказомъ его Императору Александру, который приказалъ дать Леппиху всѣ средства къ тому. Леппихъ помѣстился въ селѣ Ростопчина Вороновѣ, подъ Москвою, и подъ ревностнымъ покровительствомъ Ростопчина истратилъ на свое изобрѣтеніе до 320.000 франовъ. 30 іюня 1812 года Ростопчинъ писалъ Государю, что онъ увѣренъ въ успѣхѣ его предпріятія, что Леппихъ предлагаетъ ему самому летѣть съ нимъ для пробы, но что онъ не смѣетъ рѣшиться на это безъ дозволенія Его Величества; а черезъ два мѣсяца потомъ донесъ, что шаръ, устроенный Лепихомъ для подъема пяти человѣкъ, не могъ поднять и двухъ человѣкъ; машина оказалась неготовою и крылья слабыя; словомъ—предпріятіе кончилось полною неудачею (Русск. Стар. 1877. Сент., 718).

442 А. Прибавить: маленькая гравюрка крѣпкой водкой in 8°. Наполеонъ бѣжитъ съ козой на плечахъ; козакъ погоняетъ его морковью; отъ него идетъ надпись: «Съ празникомъ»; внизу подпись: «Ich schoss den Bok im vorgen Iahr!
Als ich zu lang in Moscau war!
Er lebt und schreit, ich glaub beinah:
Das Thierchen ist aus Corsica!
Ich seh's am Lorbeerschweif am Bonen bart
Kein anders Reich zieht Böke dieser Art».

И дружка къ ней: такая же маленькая картинка in 8°, съ одною нѣмецкою надписью: «Russ. Wunder Elixir....». Наполеонъ стоитъ у стола съ рецептомъ въ рукахъ, на которомъ надпись:

«Secret». См. тоже картинку: Черный глазъ въ прим. къ № 122.

446. **И на нашей улицѣ праздникъ, кричитъ пруссакъ.** На союзъ Русскихъ съ ненавистными имъ, до того времени, Прусаками была сочинена *«въ Берлинѣ»* застольная пѣсня:

Веселись солдатъ съ солдатомъ,
Русскій съ храбрымъ Прусакомъ:
Онъ привыкъ тебя звать братомъ
И владѣть какъ ты штыкомъ
Обними солдатъ солдата
Русской храбра Прусака . . .

(Кир. X. 165).

449 и 450. **Зимнія квартиры.** Бивуаки французовъ подъ Борисовымъ были сдѣланы изъ снѣгу и изъ тѣлъ замерших ихъ товарищей — семнадцати тысячъ человѣкъ! .. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замерзали французы цѣлыми толпами: съ отмороженными по локоть руками и по колѣна ногами уподоблялись они истуканамъ изъ слоновой кости. Въ Вильнѣ не успѣвали хоронить умиравшихъ. . . . Извѣстно, что французы пожирали другъ друга, но неизвѣстно еще, что они сего ни мало не скрывали, а еще хвастались, говоря тѣмъ, которые ихъ въ томъ упрекали: Mais, monsieur, ça vaut mieux que de la charogne (это лучше падали). Очевидцы разсказываютъ, что французы вырѣзали для того *лучшія части* изъ павшихъ товарищей (Сынъ Отеч. 1813. VIII. 90).

452. **Ночной Кошемаръ.** Этотъ листъ скопированъ К. Аоанасьевымъ, съ нѣкоторыми измѣненіями *), съ англійской карикатуры: «Dutch Night Mare Or The Fraternal Hug—returned with a

---

*) Въ оригиналѣ Наполеонъ, въ рубашкѣ, покрытъ одѣяломъ (ушитымъ орлами), изъ подъ котораго высовываются въ корчахъ голыя ноги; въ копіи Наполеонъ лежитъ въ мундирѣ и ботфортахъ.

dutch squeeze». Pub[d] nov[r] 29 1813 by R. Ackermann № 101, Strand».

454. **Обратный проходъ Наполеоновой гвардіи черезъ Вильну.** Въ одномъ письмѣ изъ Вильны отъ 1 декабря разсказывалось, что гвардія, проходившая черезъ Вильну, была покрыта рубищами; защищаясь отъ холода, люди надѣвали на себя что могли: женскія юбки всѣхъ цвѣтовъ, рогожи, платки, шкуры и т. п. Вмѣсто шапокъ на головахъ ихъ были наверчены мундиры; башмаковъ не было; а ноги они обертывали сукномъ, старыми шляпами и кожею. У одного отморозило носъ, у другаго уши; ружья они побросали. Самъ Наполеонъ бѣжалъ 24 ноября, въ сопровожденіи 15 польскихъ уланъ и 14 неаполитанскихъ солдатъ (Сынъ Отеч. 1812. XII. 271). На нашей картинкѣ нѣкоторые французы представлены въ поповскихъ рясахъ. У Тромонина помѣщенъ разсказъ монаховъ Саввинскаго подворья о томъ, какъ французы, забравшись въ ризницу, оборвали ризы съ иконъ и жертвенниковъ, доискиваясь все серебра и золота, а все, что было аплике, побросали; потомъ надѣли на себя двѣ архіерейскія митры и ушли (Тромонинъ, Достопамят. Москвы, 92).

455. **Ретирада французской арміи.** Картинка эта, работы М. Богучарова, была приложена къ № 19 Сына Отечества за 1813 годъ, въ которомъ помѣщено слѣдующее объясненіе нумеровъ, поставленныхъ подъ изображеніями на картинкѣ: «Конница: I. Trompette major des chevaux legers. Староста трубачей легкой конницы. II. Colonel de la garde. Гвардейской Полковникъ. III. Colonel du 1 regiment des chasseurs legers. Полковникъ 1 легко-егерскаго или конно-егерскаго полку. IV. Mameluc de la garde. Гвардейской Мамелюкъ.—Пѣхота: V. Tambour major de la garde. Гвардейской барабанной староста. VI. Colonel des chasseurs de la garde. Полковникъ гвардейскихъ егерей. VII. Sergent major de la garde. Гвардейской фельдьфебель. VIII. Elite de la garde. Отборная гвардія. Рисунокъ сдѣланъ съ натуры и еще весьма далеко отстоитъ отъ подлинниковъ, возбуждавшихъ состраданіе и ужасъ».

455 А. Прибавить: при № 27 того же журнала за 1813 г. приложена другая гравюра того же мастера (безъ его подписи), на которой изображенъ: «Бивакъ Французскихъ войскъ, подъ Вильною, на попятномъ ихъ пути; рисовано съ натуры, въ концѣ 1812 года. Bivouac de troupes Françaises, près de Wilna, à leur retour—dessiné d'après nature, à la fin de 1812». Здѣсь представлены почти тѣже лица, что и на предыдущей картинкѣ. Они (9 человѣкъ) грѣются у костра; одинъ воинъ жаритъ воткнутый на шпагу лошадиный окорокъ; кругомъ стоянки разбросаны обнаженныя мертвыя тѣла. По случаю изгнанія французовъ въ 1812 году была напечатана цѣлая шуточная книжка, подъ заглавіемъ: Ретирада большой французской арміи, или Наполеонъ горе-богатырь, карикатурное пѣснопѣніе на подвиги прослывшаго было непобѣдимымъ на возвратъ въ Парижъ на конкордатъ и на регенство и проч. Соч. въ Енисейскихъ поляхъ покойнымъ придворнымъ шутомъ Балакиревымъ, изданное П. Лобысевичемъ. СПБ. 1813. 8° (Геннади и Собко, Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, II. 244).

459 А. Прибавить: французская артиллерія; четыре канонира тащутъ лафеты, на коихъ лежитъ приготовленная къ ужину мертвая лошадь; послѣднюю же пушку заколачиваетъ артиллеристъ, съ восклицаніемъ: «Vive la grande armée» (Липранди, Опытъ каталога 1812 г., стр. 48. № 84).

461. **Французы, голодные волки, терзаютъ барана.** Сюжетъ этой картинки разсказанъ въ Сынѣ Отечества такъ: козаки привязали, около пушки, барана на веревку; тотчасъ же накинулись на него французскіе гусары, побросали оружіе и начали уже дѣлить барана, какъ вылетѣли изъ за пушки козаки и перехватали ихъ безъ боя (Сынъ Отеч. 1812 г. III. 126).

462. **Хлѣбосольство русскихъ.** «Герои Русскіе подъ начальствомъ графа Витгенштейна, послѣ одной побѣды (кто ихъ всѣ упом-

нитъ), одержанной мужественнымъ графомъ Витгенштейномъ надъ французами, Русскіе храбрые солдаты сидятъ уже около горячихъ щей съ говядиной, а тамъ невдалекѣ взвивается къ облакамъ паръ отъ кипячей кашицы. Въ сіе время ведутъ плѣнныхъ французовъ; они тощіе, блѣдные, насилу ноги тащатъ, но лишь взвидѣли человѣческую пищу, остановились несчастные, нейдутъ впередъ, вперили глаза полумертвые отъ голода на пищу. Тогда нѣсколько Русскихъ солдатъ, оставя ложки, встали и говорятъ товарищамъ: «ребята! что намъ стоитъ день не поѣсть! уступимъ наше горячее бѣднымъ плѣннымъ французамъ; вѣдь они тоже люди, не ѣли, какъ мы сами знаемъ много дней, а можетъ быть только по приказу Бонапарта злодѣйствуютъ». Вдругъ всѣ встали и плѣнные французы бросились ѣсть...» (Сынъ Отеч. 1813. № XI. 295).

466. **Французская аттака русской бани.** Партія мародеровъ зашла въ какую то опустошенную деревушку, близь Москвы. Двѣ бабы, случившіяся въ деревнѣ, бросились спасаться отъ нихъ въ баню, и зарылись въ кучу вѣниковъ. Между тѣмъ мародеры завидѣли гдѣ то на задворьѣ курицу и начали ловить ее; курица, перелѣтая съ крышки на крышку, взлетѣла на баню,—мародеры за нею, она въ баню, въ вѣники. Одинъ французъ, доставая ее, наступилъ на ногу спрятавшейся бабы; баба вскочила, другая за ней тоже, и бросились съ крикомъ вонъ. Испуганные мародеры побѣжали тоже сломя голову, а тотъ, который залѣзъ было на банную крышку за курицей, упалъ, вывихнулъ себѣ ногу и остался на мѣстѣ» (Сынъ Отеч. 1813. III. 150).

471. **Французы въ Россіи.** Это одна картинка съ № 456. «Во время ограбленія Полоцка, одинъ французскій капитанъ добылъ на свою долю щегольскую карету. Заложивъ въ нее четверню и пригласивъ товарищей, французы поѣхали прокатиться, но подъѣхали близко къ кордону. Здѣсь козаки подшутили съ ними: быстро налетѣли на четверню, сшибли кучера съ козелъ, вмѣсто

его сѣлъ козакъ, лошадей повернули, и помчали незванныхъ гостей по кочкамъ и буеракомъ въ русскій лагерь; французовъ привезли они къ полковнику полумертвыхъ, отъ кареты же остался одинъ кузовъ безъ колесъ. Вотъ, Ваше Высокоблагородіе, гости незваные и нежданые; примите ихъ по ласковѣй, а мы свое дѣло сдѣлали» (Сынъ Отеч. 1812. VII. 44).

475 А. Прибавить: «Козаки на форпостѣ»; листовая картинка крѣпкой водкой; справа стоитъ священникъ, слѣва разведенъ костеръ.

475 Б. Прибавить: «Эстампъ, представляющій козаковъ, летящихъ въ аттаку, посвященный не союзнымъ англійскимъ народомъ Великому Наполеону. СПБ. 1813». Объ этомъ листѣ упоминаетъ Липранди въ своемъ каталогѣ 1812 г. стр. 49.

477. **Освобожденіе Винцингероде и Нарышкина.** Полковникъ Чернышевъ взялъ въ плѣнъ трехъ кабинетъ-курьеровъ, съ важными бумагами и при этомъ освободилъ находившагося въ плѣну у французовъ генер.-лейт. барона Винценгероде и майора Нарышкина. Въ № 6 Сына Отечества (стр. 40) освобожденіе это описано слѣдующимъ образомъ: «Винцингерода и Нарышкина сопровождали всего три жандарма; по дорогѣ имъ встрѣтился русскій казакъ, которому Винцингероде успѣлъ закричать: я русской генералъ. Козакъ ускакалъ; но вскорѣ вернулся съ товарищами; они освободили плѣнныхъ, пересадили ихъ изъ коляски на лошадей, и доставили въ русскій лагерь (Сынъ Отеч. 1812. VI. 247).

477 А. Прибавить: «Генералъ-Лейтенантъ баронъ Винцингероде освобожденный изъ плѣну Флигель-Адьютантомъ Чернышевымъ Ноября 3 дня 1812 года: посвящено Ея Превосходительству Баронессѣ Винцингеродѣ» и таже подпись по нѣмецки. Листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

477 Б. Прибавить: «Изгнаніе изъ Москвы непріятеля отрядомъ легкой кавалеріи подъ командой Генералъ-Маіора Иловайскаго 4-го (составлявшимъ Авангардъ корпуса Генералъ Лейтенанта Барона Винценгероде, октября 10-го 1812 года). И: Ивановъ». На картинкѣ представлена кремлевская площадь; гравиров. рѣзцемъ.

479 А. Прибавить: **Иди козырь не вертися.** Картинка въ пять фигуръ, in 4°, въ ширину, гравированная крѣпкой водкой; внизу стихи:

«Иди козырь Невертися!
А часами непрельщай
Сказакомъ не гаречися
Нашихъ русскихъ не стращай
Знай мы воины прямыя.
Не какъ взятокъ не беремъ,
Наши руки не кривыя
Схватя за волосы съ ведёмъ.—
васъ въ россіи было много
все кричали пардоне
Ихъ наказывали строго.
Мы нагайкой по спине
Пушки ружья мы отбили
всехъ заставили бежать
Все мятежи усмирили
Стали русскимъ подражать
Я крестьянка скажу проста
Покажу какъ курицъ есть
Я въ топтала васъ здѣсь соста
Утоплю и вашу честь
И другому тоже будетъ
Пусть стоитъ болваномъ тутъ
Онъ вовеки не забудетъ
Что короткій вамъ здесь судъ».

Подъ картиной поставлена подпись мастера: «І. С. Черны-шовъ».

На картинкѣ представлены: казакъ, замахнувшійся нагайкой на французскаго офицера, который предлагаетъ ему, въ подарокъ, часы, и крестьянка, которая тащитъ французскаго солдата за волосы въ воду. Слѣва стоитъ еще солдатъ, привязанный къ дереву. Вдали разведенъ огонь, на которомъ французики собирались зажарить воткнутую на шпагу курицу (У И. И. Ваулина).

480. 481 (и 504). **Французы, голодныя крысы, въ командѣ у старостихи Василисы.** «Староста одной Сычевской деревни отправился съ партіей плѣнныхъ французовъ; между тѣмъ крестьяне наловили еще плѣнныхъ и привели ихъ къ старостихѣ Василисѣ, которая важно усѣлась на клячу, взяла въ руку косу и скомандовала: ну злодѣи французы во фрунтъ! ступай, маршъ! Одинъ было французикъ заортачился, такъ она его косой по головѣ на тотъ свѣтъ спровадила, предупредя прочихъ: всѣмъ вамъ, ворамъ, собакамъ, тоже будетъ! ужъ я двадцати семи такимъ озарникамъ сорвала головы! маршъ въ городъ!» (Сынъ Отеч. 1812. XI. 225).

485. Саксонскій офицеръ взялъ къ себѣ въ деньщики плѣннаго русскаго кирасира. Этотъ кирасиръ сказалъ ему, что въ одной деревнѣ, въ огородѣ, зарыто въ землѣ множество съѣстнаго. Покуда Саксонецъ сталъ отрывать съѣстное, кирасиръ убѣжалъ отъ него, собралъ бабъ, которыя схватили саксонца, связали его, а одна баба привела его, на рогатинѣ, къ передовымъ постамъ. (Сынъ Отеч. 1812. III. 125).

486. **Бабушка Кузминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами.** Въ Смоленской губерніи зашли тощіе Французы въ одну избу и просятъ старуху чего нибудь поѣсть; та сжалилась на нихъ и подала имъ щей. Не понравились щи французамъ; стали они въ нихъ плевать и ругать старуху. Тогда она хватила одного

француза горшкомъ въ голову, выбѣжала на улицу, приперла дверь ухватомъ и созвала народъ (Сынъ Отеч. 1812; XI. 225).

487. **Твердость русскаго крестьянина.** Поправить въ подписи:... 1813 г. № 9 стр. 133 (а не 186); картинка въ листъ, въ длинну. Въ 1812 году въ господскихъ имѣніяхъ грабили не одни французскіе мародеры, но за частую и свои собственные крестьяне. Въ объявленіи отъ 20 октября 1812 года гр. Ростопчинъ прямо обращается къ «крестьянамъ Московской губерніи», и говоритъ: по возвращеніи моемъ въ Москву, узналъ я, что вы недовольны бывъ тѣмъ, что ѣздили и таскали, что попадалось на пепелищѣ, еще вздумали грабить домы господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. «Гей ребята! живите смирно, да честно; а то дураки, забіячныя головы, кричать: батюшки, не будемъ» (Сочиненія Ростопчина, 194). Въ письмѣ Волковой къ Ланской по этому предмету находимъ слѣдующее: «Подвиги французовъ ничто въ сравненіи съ поступками русскихъ войскъ и крестьянъ изъ окрестностей города. Были офицеры, раззорявшіе Москву съ помощью солдатъ; затѣмъ, притворяясь раненными, они продолжали грабить за Москвой. Въ Коломнѣ и по ту сторону Оки намъ разсказывали про нихъ такія исторіи, отъ которыхъ я пришла въ крайнее негодованіе... Вообрази, что по удаленіи враговъ мужики начали дѣйствовать по ихъ примѣру. Только-что непріятель оставилъ Москву, тысячи крестьянъ явились туда съ повозками, сначала увозили самыя цѣнныя вещи, и потомъ снова возвращались за добычей. За то и разбогатѣла губернія».

491. **Владимірцы.** Французскіе мародеры сдѣлали набѣгъ на сельцо Владиміроно, па Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Въ господскомъ домѣ (М. И. Прянишниковой) они перерыли все, даже всю библіотеку, думая найти за книгами деньги. Чтобы избавиться отъ грабителей, крестьяне толпою собрались у дома, и стали кричать: «казаки, казаки»!. Испуганные мародеры побрасали добычу, и обратились въ бѣгство (Сынъ Отеч. 1812. X. 180).

492. **Гвоздила и Долбила.** Названіе *Долбилы* заимствовано изъ просьбы монаховъ (№ 174), которую подписали: Колотила, Долбила, Сустила, да дьяконъ Хоботила.

495 А. Прибавить: «Што, Мусье, кувырнулся, разъ, два, три; ась не прибавить ли Мусье?» Картинка in 4°, хорошо гравированная по способу, называемому *au lavis*.

497 А. Прибавить: точная копія въ обратную сторону,— французъ лежитъ головой вправо; по сторонамъ придѣлано два дерева.

498 А. Прибавить: «Русскій Сцевола». Онъ только что отрубилъ себѣ топоромъ руку; отрубленная кисть руки, заклейменная вензелемъ Наполеона «N», лежитъ на столѣ, за которымъ сидятъ французскіе воины. Подъ картинкой: «сочинялъ И. Тупылевъ», и вирши:

«Вотще Порсена Римъ громами потрясаетъ
Кай Муцій твердостью одинъ его спасаетъ
Ктожъ, кто поколебать возможетъ тотъ престолъ
Который держитъ тьмы Сцеволъ? 1812 года».

Гравировано очеркомъ, на манеръ Теребеневскихъ листовъ. Въ моемъ собраніи.

498 Б. Прибавить: «Русской Сцевола Въ Армій Наполеона клеймили Всѣхъ солдатъ въступающихъ въ Его Службу Слѣдуя Сему обыкновенію на Ложили Клейма на Руку однаго Русскаго крестьянина попавшаго въ руки Французовъ Едва узналъ онъ что сїе значитъ; тотъ часъ схватилъ Топоръ и отсекъ клеименую свою руку прочь».

499. **Русскій Курцій.** Когда Мюратъ вошелъ въ Кремль и сталъ расправшивать находившихся тогда въ зданіи арсенала больныхъ, раздался изъ Кремля выстрѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ

выскочилъ ратникъ Московскаго ополченія, который тутъ-же прикололъ пикой одного польскаго полковника, принятаго имъ за самаго Мюрата. Ратникъ былъ въ ту-же минуту изрубленъ (Сынъ Отечества 1812 г. VI. 244). Сцеволы и Курціи выискивались и въ войскѣ: партизанъ Фигнеръ сбирался убить Наполеона и объявилъ объ этомъ Кутузову, который долго раздумывалъ объ его предложеніи; но накопецъ позволилъ таки ему взять 8 козаковъ (Русская Старина. Іюль 1875, 450). Генералъ Милорадовичъ тоже брался осадить Петровскій дворецъ и взять Наполеона живымъ или мертвымъ (Русскій Архивъ 1864, 790).

499 А. Прибавить: **Русскій Курцій**; тотъ-же предметъ, другое сочиненіе. Ратникъ прикалываетъ французскаго гусара, въ виду двухъ кавалеристовъ и трехъ солдатъ Наполеоновой арміи. Внизу подпись: «Сочинялъ И. Тупылевъ».

«Зачѣмъ въ исторіи примѣровъ намъ искать?
Спартанцы, Римляне престали удивлять:
Коль Россы въ наши дни блескъ славы ихъ затмили
Весь міръ геройствомъ удивили.

Случившееся въ Москвѣ 1812 года». Гравировано въ малый листъ, въ вышину, въ манерѣ Теребеньевскихъ картинокъ, и раскрашено; это дружка № 498 А.

499 Б. Прибавить: «Русской герой 1812. Le Héros Russe. D: de Scotti fecit 1814». Отличная гравюра крѣпкой водкой талантливаго мастера, итальянца Скотти, работавшаго въ Москвѣ въ 1810—20 гг., и расписывавшаго аль-фреско стѣны собора въ Донскомъ монастырѣ.

503. Поправить: картинка вдлинну (а не въ 4°).

504. **Сычевцы.** Городъ Сычевка и уѣздъ его отличились особенною храбростію въ истребленіи французовъ. Особенно прославился богатырь-силачъ бурмистръ села Левшина; онъ, съ помощію дру-

гаго крестьянина, заперъ 31 француза въ избѣ, и не выпускалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не собрались прочіе крестьяне и не перехватали мародеровъ. Самъ богатырь былъ при этомъ смертельно раненъ; передъ смертью онъ просилъ не избивать французовъ, что его односельцы и обѣщали, ради его памяти, исполнить (Сынъ Отечества 1812. VI. 246; сравни №№ 392 и 392 А.).

504 А. Прибавить: Русскій великанъ держитъ за шиворотъ Наполеона; внизу подпись: «Блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ». Листовая картинка крѣпкой водкой.

505. **Корнюшка Чихиринъ**, подраженіе русскимъ народнымъ картинкамъ; гаерный текстъ написанъ самимъ гр. Ростопчинымъ. Картинка была издана 1 іюля 1812 года, т. е. за два мѣсяца до входа французовъ въ Москву, и чрезвычайно рѣдка (Въ Публич. Библіотекѣ). См. афишки гр. Ростопчина въ его сочиненіяхъ, стр. 161; куда они перепечатаны изъ Историч. Статистическ. и Географич. журнала (1812 г. за Августъ); въ этомъ послѣднемъ они названы дружескими посланіями отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея.

Вотъ одно изъ такихъ посланій, выпущенное одновременно съ Чихиринскою картинкою: «А свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть на улицахъ драться. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогаткой; а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую Богоматерь въ госпиталь къ раненымъ: тамъ воду освятимъ, они скорѣе выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба! (Соч. гр. Ростопчина, изд. Смирдинымъ, стр. 175).

506 А. Прибавить: точная копія съ № 506; въ надписи буква «т» въ словѣ «тріумфальное» маленькая, а въ оригиналѣ она большая.

506 Б. Прибавить: «Вшествіе Наполеона въ Парижъ. Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ: 1-е Впереди скромный герой въ Еврейскомъ платьѣ, въ сопровожденіи побѣдоноснаго Маршала Нея. 2. Ведена была подъ уздцы, вѣрный въ походахъ товарищь Наполеона, изранена Кобыла украшенная Трофеями, Колпакомъ и Туфлями Карла XII-го потерянными имъ при Полтавѣ. 3. Двѣ Сибирскія кошки, немного изувеченныя при взятіи Кремля, везли колясочку для Е. В. Короля римскаго. 4. Гренадеръ покойной французской гвардіи замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохранившійся, на подпоркахъ. 5. Модель деревеньки въ которой Е. В. стоялъ, послѣ побѣдъ 5. 6. Ноября, несомая Министромъ Полиціи, возлюбленный младенецъ король римской въ мундирѣ Италіянской гвардіи смотрѣлъ на все сіе зрѣлище съ великимъ удовольствіемъ». Листовая картинка крѣпкой водкой, очень плохая; сравните прим. къ № 396.

512 А. Прибавить: Наполеонъ сидитъ за столомъ съ толстымъ англичаниномъ; они пьютъ чай; англичанинъ накладываетъ себѣ сахаръ, говоря: «Goddem« .... Наполеонъ помѣшиваетъ въ чашкѣ, свеклой; сзади нянька держитъ его сына, который ѣстъ свеклу; она говоритъ ему: «Кушай Королечекъ Кушай; папенька сказываетъ Что это сахаръ». Листовая картинка крѣпкой водкой.

519 А. Существовала народная картинка съ подписью: «Пребываніе наполиона на островѣ святыя елены»; мнѣ не случалось её видѣть. Какъ сказано въ примѣчаніи къ № 122, картинка эта была счищена, а на доскѣ вырѣзана другая картинка: «Черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ».

519 Б. Прибавить: «Генералъ Вандамъ, при Кульмскомъ сраженіи взятъ въ плѣнъ 30 Августа 1813 г.» Листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

520. Это есть копія, въ уменьшенномъ видѣ, англійской картинки («Pub[d] by R. Ackermann 101 Strand London»), съ нѣмецкимъ и французскимъ текстомъ внизу.

Ни одинъ человѣкъ не пользовался такою громадною популярностію въ русскомъ народѣ, какъ Наполеонъ I-й. Замѣчательна судьба этого человѣка по отношенію къ Россіи. Въ 1789 г. во время войны съ Турками онъ подавалъ генералу Тамара, имѣвшему порученіе устроить флотилію въ Средиземномъ морѣ, прошеніе о принятіи его на русскую службу; но не былъ принятъ, ибо требовалъ чина маіора, тогда какъ былъ подполковникомъ въ Корсиканской національной гвардіи. — «Я имѣлъ это письмо много разъ въ своихъ рукахъ»,—говоритъ гр. Ростопчинъ въ своихъ запискахъ (227).

522. Голова Наполеона представляетъ подражаніе гравюрѣ рѣзцемъ прошедшаго столѣтія, на которой изображена голова Ирода, составленная изъ труповъ Виѳліемскихъ младенцевъ; внизу гравюры подпись: «Caput Herodis compositum ex Infantibus innocentibus. Symbolum. Quit fiat ratione, ne scepidus sis in actione» (у И. П. Новово, въ Кіевѣ).

522 А. Прибавить: большая картина съ изображеніемъ Бородинской битвы; внизу отдѣльные эпизоды изъ подвиговъ Василисы и другихъ героевъ, прославившихся въ 1812 году.—П. А. Ефремовъ имѣлъ её въ рукахъ; мнѣ же видѣть ее не случалось.

523 А. Прибавить: «Портреты матушки и сынка: Летиціи Ранніони (такъ въ надписи) и Н. Бонапарте; послѣдній съ очками; ему оныя подарены подъ Малоярославцемъ. Цѣна за оба 4 коп. (й этого довольно). Москва 1812»,—объ этой картинкѣ упоминаетъ Липранди (стр. 45).

523 Б. Прибавить: еще профиль Наполеона въ треуголкѣ и очкахъ, съ надписью: «Н. Бонапарте». Если перевернуть картинку, то получится изображеніе старухи въ капорѣ, съ надписью: «Л. Раніоли». 4°.

523 В. Прибавить: еще маленькая картинка, съ надписью: «Дѣдушка Бона, и дядюшка Фешъ».—«Мясникъ корсиканскій и Кардиналъ Ліонскій». Двѣ карикатурныя фигуры; вверху надпись: «Бонапартевы».—Въ моемъ собраніи.

524. **Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года.** Въ азбукѣ этой повторены слѣдующіе нумера карикатуръ 1812 г.: А—487, Б—440, В—395, Г—406, Д—454, Е—481, Ж—382, З—398, И. І—481, К—393, Л—388, М—499, Н—404, О—462, П—447, Р—506, С—408, Т—397, У—407, Ф—482, Х—445, Ц—436, Ч—386, Ш—389, Щ—472; Ъ—410, Ы—446, Ь—383, Ѣ—390, Э—475, Ю—421, Я—414, Ѳ—402, V—512.

526. **Поклоненіе царей.** Прибавить еще четыре изданія этой картинки, одного перевода съ нашимъ № 526:

Изд. *а*: грав. на мѣди, въ 8°; въ Пуб. биб., портреты Петра I. № 1.—Изд. *б*: тамъ же № 2; тоже въ 8° Обѣ гравюры конца XVIII вѣка (см. мой Словарь русскихъ портретовъ, стр. 64).

Изданіе *в*: точная копія съ № 526, въ туже мѣру, на синей бумагѣ 1801 года; послѣднее слово въ виршахъ въ ней: «дастя», вмѣсто «дастся».—Въ моемъ собраніи.

Изданіе *г*: такое же повтореніе, 1820—30 гг.; въ Пуб. биб., собр. Даля I. 2.

На нашей картинкѣ изображены цари Іоаннъ (умъ) и Петръ (слово) и малолѣтній царевичъ Алексѣй Петровичъ *), а по угламъ—тезоименитые имъ святые: св. Іоаннъ Предтеча, св. Петръ апостолъ и св. Алексій человѣкъ божій (См. № 1651); кромѣ того изображенъ въ клеймѣ и св. Алексѣй Митрополитъ, тезоименитый царю Алексѣю Михайловичу.

Такимъ образомъ картинка наша сочинена между 1690 годомъ (годъ рожденія царевича Алексѣя Петровича) и 1696-мъ (годъ смерти царя Ивана Алексѣевича).

*) Въ моемъ Словарѣ портретовъ неправильно показаны вмѣсто того цари Ѳеодоръ, Иванъ и Петръ Алексѣевичи.

527. **Василій Кипріяновъ**, который упоминается на этомъ листѣ, былъ начальникомъ Московской гражданской типографіи, состоявшей подъ надзоромъ Я. В. Брюса. Его трудами (тщаніемъ) изданы почти всѣ учебныя пособія, книги, карты и таблицы для навигаторовъ Петровскаго времени, *подъ надзрѣніемъ* Я. В. Брюса. Кипріановъ самъ гравировалъ на мѣди; самое громадное изданіе его — большой Брюсовъ календарь; позднѣйшій листъ посвященный имъ Петру II, помѣченъ 1728 годомъ (портретъ Петра II).

534. **Иванъ Зубовъ**, гравировавшій портретъ Петра II,—граверъ на мѣди, ученикъ Адріана Шхонебека; съ 1708 года онъ значится подмастерьемъ при Петрѣ Пикартѣ въ Московской типографіи; въ типографскихъ бумагахъ онъ называется ученикомъ тогоже П. Пикарта. Въ 1727 году Иванъ Зубовъ былъ уволенъ изъ Московской типографіи съ тѣмъ, что если въ немъ и другихъ граверахъ будетъ надобность, то нанимать ихъ временно, а не держать на постоянномъ жалованьи (Пекарскій, II. 652); послѣ чего И. Зубовъ продолжалъ работать въ Москвѣ плохія картинки, описанныя въ настоящемъ сочиненіи. Позднѣйшая гравюра его, портретъ Петра II, помѣчена іюнемъ 1728 года и посвящена Императору отъ библіотекаря Василія Кипріанова (См. Русскіе Граверы, стр. 207).

538. **Портретъ Елизаветы Петровны.** Представляю переводъ сдѣланной рукою Штелина помѣты на экземплярѣ этого портрета, находящемся въ Публичной библіотекѣ (изъ собранія Погодина): «Эту омерзительно великолѣпную гравюру купилъ я въ одной картинной лавкѣ въ Москвѣ подъ Кремлевскими воротами и представилъ ее черезъ одного придворнаго Ея Императорскому Величеству осенью 1742 г. Вслѣдъ за тѣмъ 6 апрѣля 1744 года вышло изъ Сената Высочайшее повелѣніе: всѣ экземпляры этого портрета у продавцовъ отобрать, и дальнѣйшую продажу ихъ подъ большимъ наказаніемъ воспретить, съ тѣмъ, чтобы никто на будущее время не осмѣливался портретовъ Ея Императорскаго

Величества безъ апробаціи Санктпетербургской Академіи гравировать или продавать».

Портретъ, приведенный подъ № 538, тотъ самый, по поводу котораго состоялись Высочайшіе указы 6 апрѣля 1744 года и 11 марта 1747 года. Изъ этихъ указовъ видно, что для «одобренія Императорскихъ портретовъ» учреждена была совершенно особая цензура. Указомъ 1723 года 21 января поручено было суперъинтенданту Зарудневу осмотрѣть всѣ какъ продающіяся, такъ и въ домѣ у частныхъ лицъ находящіяся «парсуны» Императора и Императрицы, и тѣхъ изъ нихъ которыя окажутся писанными невѣждами неискусно и недобрымъ мастерствомъ» отобрать и затѣмъ имѣть наблюденіе, чтобъ впредь такія персоны писались искусными и свидѣтельствованными мастерами Въ 1744 году указано было академическому граверу Ивану Соколову награвировать примѣрный портретъ Императрицы, который и былъ изданъ при Академіи Наукъ въ 1746 году, съ плохаго оригинала Каравакка. Портретъ этотъ, одно изъ самыхъ посредственныхъ произведеній Соколова, въ указѣ 1747 года апробованъ, и затѣмъ приказано прочимъ мастерамъ, чтобы они «дѣлали и писали на подобіе вышеписаннаго и апробованнаго Ея Императорскаго Величества портрета», подъ опасеніемъ наижесточайшаго истязанія безъ всякой пощады. При этомъ поручено живописцу Вешнякову впредь имѣть надзоръ за писаніемъ царскихъ портретовъ въ Санктпетербургѣ, а въ Москвѣ, для таковаго надзора, приказано Главному Магистрату выбрать особаго мастера.

Въ цензурномъ уставѣ 10 іюня 1826 года постановлено (§ 183, п. 3), чтобъ портреты лицъ Августѣйшей Фамиліи имѣли художественныя достоинства, приличествующія изображенію особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство; въ позднѣйшее время по этому предмету изданы были особыя постановленія, которыя до нашихъ народныхъ картинокъ не относились. Въ заключеніи замѣчу, что оригинальныя мѣдныя доски портретовъ Елисаветы Петровны и Петра Өеодоровича отысканы у Конона Тимоөѣева, который и гравировалъ ихъ; о другихъ

работахъ этого лубочнаго мастера см. въ алфавитномъ указателѣ.

Иванъ Соколовъ, гравировавшій апробованный портретъ Елисаветы Петровны,—искусный граверъ на мѣди (род. 1717 г.), ученикъ Еллигера и Вортманна, а послѣ отставки послѣдняго мастеръ (первый изъ русскихъ) въ гридоровальномъ департаментѣ Академіи Наукъ по части портретовъ; онъ умеръ въ 1756 году. Произведенія его описаны подробно въ моей книгѣ: Русскіе Граверы, стр. 282—290; портретъ Елисаветы Петровны, выгравированный имъ вслѣдствіе Императорскаго указа, какъ уже замѣчено выше, не изъ лучшихъ работъ Соколова и недалеко ушелъ отъ оригинала, писаннаго бездарнымъ живописцемъ Каравакою.

Привожу въ подлинникѣ замѣчательные указы 1744 и 1747 гг:

А. 8912, 1744 г. Апрѣля 2. Именный, объявленный изъ Сената Генералъ-Прокуроромъ. О запрещеніи живописцамъ писать неискуснымъ мастерствомъ портреты Высочайшей фамиліи.

Въ собраніи Правительствующаго Сената господинъ Генералъ-Прокуроръ и Кавалеръ словесно предлагалъ: Ея Императорское Величество соизволила отдать ему господину Генералъ-Прокурору два листа, на которыхъ напечатаны портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, неискуснымъ мастерствомъ, и нимало несходны, съ такимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы такіе листы, такіе же и доски, которыми тѣ листы печатаются, обобравъ во всѣхъ мѣстахъ и впредъ таковыхъ неисправныхъ по силѣ прежняго указа печатать и продавать запретить; и потому Ея Императорскаго Величества изустному указу показанныхъ листовъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ собрано, а именно въ Спасскихъ воротахъ печатнаго двора у батырщика Ѳеодора Елизарова 22, Архангельскаго собора у дьячка Андрея 22 же, за Спасскими вороты Новгородскаго подворья, у воротъ Барашской слободы купца Никифоровской жены Ивановской, у вдовы Прасковьи Васильевой 29, и того 73, въ томъ числѣ Ея Императорскаго Величества 50, Его Императорскаго Высочества 23, да большой таможни у сторожа

Конона Тимофеева досокъ мѣдныхъ 2, таковыхъ же листовъ большихъ и малыхъ 18, которые при томъ объявлены. А понеже въ состоявшемся блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго, 1723 года Генваря 21 дня, указѣ напечатано: Его Императорское Величество указалъ, продаваемыя въ Москвѣ по разнымъ мѣстамъ и обрѣтающіеся по домамъ Его Императорскаго Величества и благовѣрныя Государыни Императрицы, персоны, которыя неискусно невѣждами писаны, усмотря прилежно Суперъ-Интенданту Зарудневу, обрать въ Синодъ, и впредь такъ неискусно невѣждамъ писать, и никому продавать, и въ домахъ имѣть отнюдь не велѣть, а о томъ учинить жестокое запрещеніе, а велѣть такія персоны искусно писать свидѣтельствованнымъ въ добромъ мастерствѣ живописцамъ со всякою опасностію и прилежнымъ тщаніемъ, чего надъ ними оному Зарудневу въ Синодѣ указъ объявленъ, и къ тому дѣлу былъ опредѣленъ; а потомъ онъ Заруднев умре. А справкою изъ Святѣйшаго Синода объявлено, что по смерти того Заруднева къ тому смотрѣнію другаго никого по нынѣ не опредѣлено: того ради не соизволеноль будетъ о всемъ томъ надлежащее опредѣленіе учинить? Приказали: вышеписанные собранные листы, на которыхъ напечатаны портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, и 2 доски мѣдныя, запечатавъ, отдать въ Сенатской архивъ; а вышеписанныхъ продавцовъ батырщика Елизарова и дьячка Иванова, вдову Прасковью Васильеву допросить, не имѣютъ ли они, или другіе кто въ домахъ своихъ, и въ прочихъ гдѣ мѣстахъ таковыхъ же листовъ и досокъ, и буде имѣютъ, то потомужъ, обобравъ и запечатавъ, отдать въ архивъ же, и впредь имъ, таковымъ неисправнымъ и неискуснымъ письмомъ мастерамъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, портретовъ печатать и писать и въ продажу употреблять запретить, и въ томъ имъ объявить указъ съ подпискою, такожь и прочимъ всякаго чина людямъ, таковыхъ неискуснымъ мастерствомъ портретовъ не печатать и не писать же; и буде у кого въ домахъ таковые

портреты на листахъ и на картинкахъ и доски, которыми такіе портреты печатаны, есть, оные велѣть объявить имъ въ Сенатѣ немедленно, и о томъ чрезъ Полицію публиковать, и обывателямъ объявить съ подписками; а для смотрѣнія надъ живописцами, чтобы такіе портреты писаны были по силѣ вышеобъявленнаго, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго, 723 года указа, добрымъ искуснымъ мастерствомъ, Главному Магистрату, выбравъ живописнаго мастера, человѣка въ томъ мастерствѣ совершенно искуснаго, представить въ Правительствующій Сенатъ немедленно, и о томъ, куда надлежитъ, послать указы; а въ Сенатскую контору сообщить вѣденіе, въ которомъ написать, чтобы въ Сантпетербургѣ за живописцами, дабы портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества писаны были самымъ добрымъ мастерствомъ, какъ вышеписанный указъ повелѣваетъ, смотрѣніе поручить до будущаго указа живописцу Ивану Вешнякову.

Б. 9371. Марта 11, 1747 г. Сенатскій. О неписаніи портретовъ Ея Императорскаго Величества неискуснымъ мастерствомъ.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Понеже по Именному, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго указу, состоявшему въ 1723 году Генваря 21 дня, повелѣно, продаваемые въ Москвѣ по разнымъ мѣстамъ обрѣтающіеся по домамъ живописные Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны персоны, которыя неискусно невѣждами писаны, усмотря прилежно Суперъ-Интенданту Зарудневу обрать въ Синодъ, и впредь такъ неискусно невѣждамъ писать, и никому продавать, и въ домахъ имѣть отнюдь не велѣть, и о томъ учинить жестокое запрещеніе, и велѣть такія персоны искуснымъ писать, свидѣтельствованнымъ въ этомъ мастерствѣ живописцамъ, со всякою опасностію и прилежнымъ тщаніемъ, чего надъ ними оному Зарудневу надзирать. А въ 1744 году Апрѣля 4 дня, Ея Императорское Величество указать соизволила: листы, на которыхъ напечатаны

портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества весьма неискуснымъ мастерствомъ, и ни мало не сходные, такожъ и доски, которыми тѣ листы печатаются, отобравъ во всѣхъ мѣстахъ, и впредь такихъ неисправныхъ, по силѣ прежняго указу, печатать и продавать запретить; и потому Ея Императорскаго Величества указу, по опредѣленію Правительствующаго Сената, показанные листы и доски въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ отобраны; а чтобъ впредь таковыхъ неисправныхъ и неискуснымъ письмомъ мастерамъ, Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества портретовъ не печатать, и въ продажу не употреблять, а у кого такіе въ домахъ есть, оныебъ отъ нихъ объявлены были въ Сенатѣ немедленно, о чемъ чрезъ Полицію публиковано, и обывателямъ объявлено съ подписками. А сего 1747 года Генваря 20 дня, въ Правительствующій Сенатъ Канцелярія Наукъ доносила, что въ прошломъ 1745 году Ея Императорское Величество указать соизволила Академическому мастеру Ивану Соколову вырѣзать на мѣди самымъ добрымъ и чистымъ мастерствомъ портретъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше опробованъ, чего ради одинъ экземпляръ высокореченнаго портрета Ея Императорскаго Величества въ Правительствующій Сенатъ при томъ донесеніи взнесенъ, съ такимъ отъ Канцеляріи Наукъ представленіемъ, чтобы въ настоящіе мѣста подтвердить указами, дабы наподобіе онаго Высочайшаго портрета, худымъ мастерствомъ и неистовою работою высокихъ портретовъ Ея Императорскаго Величества нигдѣ неДѣлали; того ради Правительствующій Сенатъ *Приказали*: въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ публиковать указами, чтобы мастера худымъ мастерствомъ тѣхъ высокихъ портретовъ Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ отнюдь нигдѣ не дѣлали и неписали, а дѣлалибъ и писали наподобіе вышеписаннаго опробованнаго отъ Ея Императорскаго Величества портрета самымъ добрымъ и искуснымъ мастерствомъ, подъ опасеніемъ, ежели кѣмъ неискусно тѣ портреты Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ дѣ-

ланы будутъ, наижесточайшаго истязанія безъ всякой пощады. И для того крѣпкое смотрѣніе имѣть въ Москвѣ опредѣленному отъ Главнаго Магистрата, а въ Санктпетербургѣ живописному мастеру Вешнякову; и у кого нынѣ портреты Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ худымъ мастерствомъ находятся, оные имъ всѣ отобрать и объявить въ Санктпетербургѣ въ Сенатѣ, а въ Москвѣ въ Сенатской Конторѣ.

Къ № 539. Екатерина II съ В. К. Павломъ Петровичемъ. Переводы портретовъ великихъ князей и царей на этой картинкѣ— другіе, чѣмъ на портретѣ Петра I, который гравированъ Пикаромъ въ 1717 году, и расположены они иначе. Тексты подписей въ описаніи № 539 скопированы съ портрета Петра I, такъ какъ во время описанія № 539, всѣ находившіеся въ рукахъ моихъ экземпляры его были изорванные и крайне неполные; затѣмъ въ 1879 году, уже послѣ отпечатаніи II-й книги, куплено мною нѣсколько экземпляровъ этого листа въ полномъ видѣ; за незначительною разницею текста въ Петровскомъ и Екатерининскомъ портретахъ, варьянтовъ не предлагается. Кромѣ царей, вошедшихъ въ число изображенныхъ на портретѣ Петра I, на Екатерининскомъ листѣ помѣщены: Петръ I, Екатерина I, Петръ II, Анна, Елисавета и Петръ III. Всѣ извѣстные мнѣ отпечатки этаго листа сдѣланы на синей бумагѣ.

549 А. Прибавить: **Кн. Суворовъ и Кн. Багратіонъ**, на коняхъ, другъ противъ друга; листовая картинка на мѣди. Текстъ: «Гласъ Суворова Князю Петру Ивановичу Багратіону Марта 3 дня 1806 года.

Еще при мнѣ бросать ты громы научился—
И лавры смѣло пожиналъ;
Ко славѣ ревностно стремился—
И я наперсникомъ тебя избралъ:
Наслѣдуй въ славѣ мнѣ, герой! се часть твоя, въ тебѣ воскресну я!

Кантата князю багратиону.

Славой лаврами вѣнчанный
Послѣ громкихъ, дивныхъ дѣлъ;
Россовъ честь, Герой избранный;
Рокъ тебя сюда привелъ!
Послѣ брани успокойся.
Въ кругѣ мирныхъ согражданъ
Здѣсь носился многократно
Слухъ о всѣхъ твоихъ дѣлахъ;
Сколько же всей Москвѣ пріятно,
Зреть тебя въ своихъ стенахъ!
Пос. бр. усп. въ кр. мир. согрж.
Вся Европа изумленна
Взоръ къ тебѣ простерла свой;
Галловъ сила сокрушенна,
Гдѣ лишь громъ ударилъ твой,
Пос. бр. успо. въ кр. мир. согр.
Отъ монарха вдохновенный
Ты явилъ въ его глазахъ,
Что Его рукой веденный
Россъ враговъ разсыплетъ въ прах
Духъ Суворова конечно
Надтобой въ бояхъ леталъ,
Такъ какъ онъ блистаетъ вѣчно,
Ты подобно возблисталъ.
Ты предметъ рѣчей и взоровъ,
Всѣ тебѣ текутъ во слѣдъ;
Буть ты новый нашъ Суворовъ
Цепью блещущихъ побѣдъ
Тщетны Россамъ все препоны
Храбрость—есть побѣдъ залогъ!
Есть у насъ Багратионы:
Будутъ всѣ враги у насъ!
Когда ты громъ бросалъ, разя врага надменно,
Отъ страха трепеталъ Дунай въ своихъ брегахъ;

А нынѣ вся Москва весельемъ восхищена,
Увидя здѣсь тебя въ столь блещущихъ вѣнцахъ,
Отечества сыны, покрыты сѣдинами,
Оконча подвигъ, вкушающи покой,
Твоими храбрыми плѣняяся дѣлами,
Щитаютъ радостью, чтобъ въ мѣстѣ быть съ тобой.

Для блага общаго, живи благополученъ, да будетъ зеленъ ввѣкъ лавровый твой вѣнецъ, съ побѣдой, съ славою пребуди не разлученъ—се общій россовъ гласъ желанье всѣхъ сердецъ». Въ моемъ собраніи.

550. **Ѳедоръ Ивановичъ Дмитріевъ Мамоновъ**—чудодѣй прошедшаго столѣтія и астрономъ-самоучка; его система міра описана подъ № 594. Въ Словарѣ Геннади и Собко указаны другія куріозныя творенія Мамонова, невошедшія въ народныя картинки.

Василій Иконниковъ, который гравировалъ портретъ Мамонова и прочія изобрѣтенные имъ а также посвященные ему листы, состоялъ грыдоровальныхъ дѣлъ мастеромъ на мѣди при Московской Сѵнодальной типографіи въ половинѣ XVIII вѣка. 18 іюля 1757 г. онъ представилъ въ типографскую контору заказанныя ему двѣ доски съ изображеніями Евангелистовъ Марка и Іоанна въ листъ; подъ каждымъ подписано: «Грыдоровалъ Василей Іконниковъ, рисовалъ Семенъ Второвъ 1737 года», Онъ обучалъ своему мастерству Стефана Ефимова.

550 А. **Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша.** Портретъ всѣмъ извѣстнаго Московскаго прорицателя Ивана Яковлевича расходился, въ свое время, въ народѣ въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Въ 1860 году было издано жизнеописаніе его, подъ заглавіемъ: «Житіе Ивана Яковлевича извѣстнаго пророка въ Москвѣ. Соч. И. Прыжева. С.-Петербургъ 1860. 50 стр., къ книгѣ приложены: портретъ, сходный съ оригиналомъ № 550 А, и одна таблица заключающая два факсимиле съ записокъ и подписи Ивана Яковлевича. Житіе Ивана Яковлевича имѣетъ для

насъ особенное значеніе, такъ какъ оно наглядно представляетъ тогдашнее религіозное настроеніе русскихъ дамъ средняго и даже высшаго круга, въ особенности же Московскихъ купчихъ, немного уступающихъ въ этомъ отношеніи ревностнымъ католичкамъ.

Иванъ Яковлевичъ Курейша, изъ Смоленскихъ священническихъ дѣтей, учился въ духовной семинаріи, но курса не кончилъ; жилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ, около 1816 года, ушелъ въ лѣсъ юродствовать. Крестьяне нашли его тамъ копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку и стали посѣщать его, какъ блаженнаго; вскорѣ имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрестности; далеко шла молва о совершавшихся въ кельѣ его явленіяхъ. Въ то время жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь, богатая невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невѣстѣ вздумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу. Вотъ мать и дочь ѣдутъ къ нему въ лѣсъ, входятъ къ нему въ келью и спрашиваютъ: счастлива ли будетъ за мужемъ такая-то раба Божія? Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, вскакиваетъ съ своего мѣста, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ: «разбойники, воры, бей! бей?» Воротившись домой, невѣста объявила матери, что замужъ за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Получивъ неожиданный отказъ и разузнавъ о причинѣ онаго, женихъ отправился къ Ивану Яковлевичу, сильно избилъ его, а потомъ обратился къ Смоленскому губернатору на него же съ жалобою.

Ивана Яковлевича заарестовали и отвезли въ Москву въ *сумасшедшій домъ*. Судя по собственноручнымъ подписямъ Ивана Яковлевича, называвшаго себя студентомъ холодныхъ водъ, его здѣсь первоначально пользовали общимъ для сумасшедшихъ лекарствомъ, поливаньемъ холодной водою; но вскорѣ слава о его *прозорливости* приплелась и въ Москву; ему отвели особую комнату, у дверей которой устроили особую кружку, для сбора доброхотныхъ приношеній за входъ къ Ивану Яковлевичу и за по-

лученіе отъ него прорицаній и благодати (не менѣе 20 коп. серебромъ съ каждаго изъ несмѣтныхъ его почитателей). Этотъ сборъ употреблялся въ то время на улучшеніе пищи содержащихся въ безумномъ домѣ.

Вотъ описаніе комнаты и обстановки Ивана Яковлевича, сдѣланное Прыжевымъ около 1858 года: стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня. На полу, передъ образомъ, стоитъ большой высеребренный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей; въ подсвѣчникъ *ставятъ* свѣчи. На лѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами. На право, въ углу, молится баба; прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, а на полу извѣстная купчиха Заливская. Увидавъ насъ, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобъ не замарать его на полу, подвела *къ нему* подъ благословенье своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала ему руку и ладонь, перекрестила его и вышла. На право въ углу, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ уже предпочитаетъ лежать. Рубашка, одѣяло и наволочка у него изъ темнаго ситца; лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки; ему около 80 лѣтъ; лобъ высокій, голова лысая, лице какое-то придавленное. Ѣстъ онъ руками, кушанья, скоромныя и постныя, перемѣшиваетъ вмѣстѣ, самъ ѣстъ и другихъ кормитъ, производя при этомъ разныя эксцентричности. Принесутъ ему, напримѣръ, кочанъ капусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмокнетъ его въ сокъ, и положитъ его къ себѣ на плѣшь; и сокъ течетъ съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ѣстъ и другихъ кормитъ: скверное кушанье, а всѣ ѣдятъ. За обѣдомъ и ужиномъ не запрещена Ивану Яковлевичу водочка (Прыжовъ, стр. 22).

Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Иванъ Яковлевичъ намѣшаетъ въ чайникъ съ чаемъ табаку, помакиваетъ въ это снадобье ручку отъ калача и заставляетъ ѣсть не только купчихъ, но и дворянскихъ дамъ; это, какъ объяснялъ приставленный къ нему

дьяконъ, «сильно ужъ онѣ ему надоѣли». И чтоже, плачутъ, а ѣдятъ.

Иванъ Яковлевичъ прорицаетъ своимъ поклоницамъ изустно, — отсутствующія посылаютъ ему записочки; на послѣднія онъ отвѣчаетъ тоже записочками, которыя прежде писалъ самъ, а въ послѣднее время (около 1860 года) сталъ писать за него богадѣленный дьяконъ, главный толкователь всѣхъ его прорицаній.

«Дамы носятъ записочки Ивана Яковлевича на крестѣ; онѣ исцѣляютъ отъ зубной боли, но главное, по смыслу написаннаго въ нихъ, угадывается судьба. Пишетъ Иванъ Яковлевичъ очень хорошо, но нарочно дѣлаетъ каракульки вмѣсто словъ, съ тѣмъ, чтобы въ его писаніи представлялось больше чудеснаго. Съ этой же цѣлію употребляются имъ греческія и латинскія слова. Пророчества его и записочки всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно видѣть все, и ничего не видѣть, а потому, объясняемыя съ извѣстной цѣлью, они постоянно сбываются» (Прыжевъ, стр. 18) [1]. Особенно не любитъ онъ дураковъ и надоѣдливыхъ барынь; съ ними онъ поступаетъ очень цинично. Прибѣгающимъ къ его прозорливости, Иванъ Яковлевичъ провозглашаетъ отрывочныя, перепутанныя съ смѣхотворною латынью и никому непонятныя, фразы, которыя могли быть истолкованы только однимъ приставленнымъ къ нему снотолкователемъ, богадѣленнымъ дьякономъ.

---

[1]) Къ книгѣ Прыжова приложено много вопросительныхъ записокъ, писанныхъ почитательницами Ивана Яковлевича, съ отвѣтными записками, написанными самимъ Иваномъ Яковлевичемъ. Привожу примѣры. Вопросъ: Идтили ей въ монастырь?—Отвѣтъ: Цорная риза ни спасаетъ, а альпа (бѣлая, alba) риза у ереси нѣ уводитъ, будьте мудри, яко ехидны и цели, яко колюмны (голуби) и нетлѣненъ, яко арпорь (деревья) кипариси, и пѣвки и кедри ... 185 д. рока, мензисъ ieꙋлꙋе XXII. Студентъ холодныхъ водъ Іоаннусъ Іяковлевъ. В. Женится ли X?—Отв. Безъ працы небенды колоацы. В. Выдули я замужъ? Отв. Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили. В. Что ожидаетъ Петра, женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петръ?—Отв. Я не думала и не гадала, ни о чемъ во свѣтѣ тужить. А когда пришло времицко взяла грудь тамить. Несте подъ лексомъ (закономъ), но подъ благодатію (Прыжевъ, стр. 48 и 49).

Многія Московскія дамы до того вѣрили въ Ивана Яковлевича, что не начинали никакого дѣла, не посовѣтовавшись съ нимъ. Прыжевъ называетъ одну институтку, которая болѣе двадцати лѣтъ питала къ нему неограниченное довѣріе и посылала записочки за совѣтами (стр. 27). Я зналъ весьма умныхъ и почтенныхъ людей (А. П. Ерм., Г. В. Лих., Пог., Ѳ. И. Иноз., Преосв. Фпл., Ѳеоѳ., и мн. др.), которые положительно признавали въ Иванѣ Яковлевичѣ даръ прорицанія.

Иногда прорицанія Ивана Яковлевича сопровождались разными смѣхотворными жестами эмблематическаго характера. Пріѣхала къ нему, напримѣръ, извѣстная нѣкогда красавица купчиха Ш—а, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ поднялъ ей подолъ, да и говоритъ: «все растресла поди прочь» (Прыжевъ, 24); другая купчиха К—а спрашиваетъ его: «скажи Иванъ Яковлевичъ, что будетъ съ моимъ сыномъ». «Смотри въ окошко», говоритъ ей Иванъ Яковлевичъ. Нагнулась купчиха, смотритъ въ окно; вскочилъ Иванъ Яковлевичъ на нее, сѣлъ верхомъ и ну колотить ее по бокамъ ногами. «Это значитъ», объяснилъ потомъ богадаленный дьяконъ, «что сынъ вашъ перейдетъ скоро въ кавалерію». Иванъ Яковлевичъ умеръ 6 Сентября 1861 года и погребенъ на Черкизовскомъ кладбищѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, начала ходить молва о разныхъ явленіяхъ и исцѣленіяхъ, совершавшихся на его могилѣ скоро однакожъ она стала раздаваться все рѣже и рѣже,— не до того въ то время было,—и наконецъ мало по малу совсѣмъ затихла память объ Иванѣ Яковлевичѣ [2]).

По прежней службѣ моей, въ 1850—54 годахъ, мнѣ приходилось посѣщать Московскій сумасшедшій домъ почти ежемѣсячно: чрезвычайная грязь и зловошная обстановка, окружавшія Ивана Яковлевича, и католическое изувѣрство его поклонниковъ произ-

---

[2]) Въ книжкѣ И. Прыжева помѣщены любопытныя извѣстія о существованіи около того же времени въ Москвѣ и другихъ блаженныхъ: Семена Митрича, блаженнаго, ходившаго съ желѣзнымъ посохомъ, на который былъ посаженъ свинцевый голубь; гадальщика Саида персіянина и т. д. Въ тоже время славилось въ Москвѣ нѣсколько гадальщицъ, турчанокъ, гречанокъ и цыганокъ, прорицавшихъ на картахъ, кофе и на бобахъ.

водили дѣйствительно впечатлѣніе отталкивающее; но дѣтское добродушіе Московскаго прорицателя и необыкновенная его безсребренность (онъ ничего себѣ не выпрашивалъ и ничего себѣ не оставлялъ), при приближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, способны были даже возбудить нѣкоторое сочувствіе къ бѣдному страдальцу; въ этомъ отношеніи Иванъ Яковлевичъ представлялъ настоящій типъ блаженнаго XVI вѣка и нисколько не походилъ на тѣхъ лживыхъ пророковъ и *шпыней*, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло для вымапиванія денегъ у довѣрчивыхъ православныхъ *). Вся ошибка Ивана Яковлевича была въ томъ, что опоздалъ онъ явленіемъ своимъ на цѣлые 300 лѣтъ.

555. Есть множество портретовъ Императора Александра I въ сопровожденіи козацкаго гетмана Платова, который отличался своими подвигами въ 1812—15 гг. и обѣщалъ дочь свою и за нею приданаго 50.000 червонцевъ тому, кто доставитъ къ нему Наполеона живаго или мертваго *). Платовъ пользовался особенною симпатіею со стороны солдата и народа. Солдатъ сложилъ ему пѣсню: «Совьемъ Платову вѣнецъ изъ своихъ чистыхъ сердецъ» (Кирѣевск. X. 38). Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ совершенную противуположность съ другимъ любимцемъ Императора Александра, съ ненавистнымъ народу Аракчеевымъ, про котораго сложена пѣсня совершенно въ другомъ характерѣ:

---

*) О которыхъ говоритъ Даніилъ Заточникъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Чернецы и черницы, бабы и дѣвки, мужи и жонки, лживые пророки, старицы и старцы волосатые, то въ рубищѣ, то босые, въ однихъ рубашкахъ, то совсѣмъ нагіе, одержимые бѣсами и блаженные, святоши и окаянные, лишенные разума, прокураты и цѣлые строи каликовъ и лазарей, чудотворцы, подъячіе и *пахабные* ходятъ, ползаютъ и лежатъ, гремятъ веригами, трясутся, скитаются по улицамъ и по селамъ, и по деревнямъ, и въ волостяхъ. Одни собираютъ на церкви, другіе пророчествуютъ объ антихристѣ: эти поютъ стихи, а тѣ показываютъ раны. Во время службы по церкви бѣгаютъ шпыни, человѣкъ по десяти и больше, съ пеленами на блюдахъ, собираютъ деньги, являются малоумными.

**) Въ Англіи былъ выгравированъ въ 1814 г. портретъ «Miss Platoff» съ извѣстіемъ о такомъ обѣщаніи ея отца. См. мой Словарь Русскихъ Портретовъ стр. 137.

Пловцы плывутъ, пѣсни поютъ...
Разговоры говорятъ, всё Ракчеева бранятъ:
Ты разбестія, каналья, Ракчеевъ дворянинъ!
Всю Россію разорилъ, солдатъ бѣдныхъ погубилъ:
Пропиваешь—проедаешь наше жалованье,
Харчевое, пьяновое, третье денежное!
Какъ на эти—то деньжонки графъ палаты себѣ склалъ...
(Кир. X. 210).

582. Въ моемъ собраніи есть другое изданіе (*б*) этой картинки, начала 1800 года, точная копія съ изданія *а*—колчанъ у Аги Паши тушеванъ въ немъ въ три черты, тогда какъ въ изданіи *а*—въ одну черту.

590. **Космографія.** Прибавить: есть еще три изданія *в*, *г* и *д*, половины XVIII вѣка; первая строка надписи заканчивается въ нихъ словами: въ изд. *в*—«съ римскаго язы:» (въ собраніи В. И. Яковлева); въ изд. *г*—«перевѣдена бысть»; въ изд. *д*—«переведена бысть» (оба въ моемъ собраніи) *). Текстъ нашей картинки былъ напечатанъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 г. № 34, съ приложеніемъ снимка съ нея въ уменьшенномъ видѣ; о ней говоритъ Даль въ Dorpater Jahrbücher (1835. 1); впрочемъ ни тамъ, ни тутъ не обозначено откуда она заимствована. Сходная съ нашею картинкою космографія напечатана во Временникѣ Моск. Истор. Общ (1853 г. кн. 16. смѣсь 1), тоже безъ всякаго изслѣдованія. Весьма подробная космографія напечатана Д. Минаевымъ въ Сынѣ Отечества 1857 г. (№ III. 1—44). Въ изслѣдованіи А. Попова о хронографахъ напечатана космографія въ трехъ редакціяхъ: первая и вторая изъ нихъ относятся къ XVII вѣку, а третья 1696 года. Текстъ нашей картинки представляетъ сокращенное извлеченіе изъ текстовъ 1-й и 3-й редакцій Попова; привожу здѣсь нѣкото-

*) Листы съ изображеніями космографіи составляли необходимую принадлежность дворцовъ и палатъ частныхъ людей; такъ напримѣръ въ одной описи XVII вѣка домовой казны Патріарха Никона поименованы, въ числѣ 270 фряжскихъ листовъ: на большомъ листу *часть Космографіи* и еще на большомъ же листу *Космографія* (Временникъ Историч. Общ. XV. 114).

рыя существенныя дополненія къ тексту № 590 по всѣмъ тремъ редакціямъ.

Въ первой, по хронографу конца XVII в. (Поповъ, III. 461):

Королевство Сербское... вкупѣ съ нимъ Волошское государство.... подъ турскою дланью; имѣетъ въ своихъ предѣлахъ аѳонскую гору съ 12.000 черноризцовъ. По обилію хлѣба нѣтъ подобной земли въ Европѣ до сего дня; люди въ нихъ благообразны и благонравны, вѣру свою хранятъ крѣпко, мало же воинскихъ людей, но больше купецкихъ.

(9). Французы... люди воинскіе, зѣло храбры, храбрѣе ихъ силою не обрѣтается, и битися нанимаются по многимъ королевствамъ. Много въ нихъ и купеческихъ людей.

(10). Земля Германія. Человѣцы ласковы и смирны и слабы ко піанству и къ покою тѣлесному; короля у нихъ нѣтъ, а правятся разными Арцысами.

(11). Поляки къ наукамъ тщательны, къ войнѣ храбры; государей своихъ подданные у нихъ не слушаютъ, но вольно живутъ, платья же носятъ зѣло цвѣтно и слабы ко піанству и ко всякимъ сластямъ.

Земля Россійская славна благочестіемъ церковнымъ, иконами, колоколами; люди въ ней подобіемъ сановиты, брадаты; нравомъ непостоятельны. Много у нихъ воинскихъ людей и купецкихъ богатыхъ. Есть въ ней монастырь Соловецкій, ограда же дикого камени зеленаго.

(15). Королевство англійское; много въ нихъ купеческихъ людей, а воинскихъ мало. Человѣцы мудры и доктуроваты.

Извѣстія о Рахманахъ (15), о рѣкахъ едемскихъ (17), о стеклянныхъ горахъ (18) и дѣвической землѣ—тѣже, что и въ нашей космографіи; при извѣстіи о райскихъ птицахъ (28) названы ихъ имена: «Гамаюнъ и Ѳиниксъ», а къ извѣстію о драгоцѣнныхъ камняхъ (30) прибавлено: «яко одна жемчужина тянетъ полпуда».

Въ космографіи второй редакціи очень подробно говорится о томъ, что земля есть шаръ; за тѣмъ описываются одни европейскія государства; свѣдѣнія о разныхъ народахъ во многомъ схо-

дятся съ другими космографіями; свѣдѣнія о Россіи (какъ сказано въ самомъ текстѣ) выписаны изъ Герберштейна, а именно: Женскаго полу житіе и чинъ ихъ бѣдный, потому что ни единую за честную и за добрую не имѣютъ, развѣ которая живетъ въ дому въ затвореніи. Народъ хитеръ и обманчивъ, которой больше любитъ неволю, нежели волю, всѣ сказываются невольниками и холопами великаго князя; они же никогда въ покою не живутъ, потому что князь великій либо противъ Литвы, либо противъ Литовской земли, либо противъ татаръ воюетъ . . . . Брюхо или чрево не опоясаютъ, но только уды, и столь низко поясъ спускаютъ, чтобы брюхо выставилось.

Англинское государство. Старый нѣкой мудрецъ написалъ, что прежде сего въ томъ государствѣ былъ сицевой нравъ: егда кто изъ друговъ въ домъ своего друга придетъ званый и онъ бы прежде всего съ женою друга своего, къ которому въ домъ придетъ, прироженное совокупленіе сотворилъ, чтобъ былъ любовно въ дому принятый; таково же въ дорогѣ сообща требуютъ жену друговъ своихъ, и небывало то у нихъ безчестно, егда жены и дочери ихъ отъ того обеременѣютъ. А люди въ томъ государствѣ богатые и воинскіе.

Франція. Въ Ременской церкви есть суденко, въ которомъ хрисмо неисчерпаемое для помазанія королевскаго при венчаніи, изъ неба сосланное. Другое чудо есть, что король оранцузской дотнениемъ самымъ желѣзы и пухлины на шеи лѣчитъ, говоря тѣми словы: король ся тебя дотыкаетъ, а Богъ тебя уздравливаетъ.

Прусія; пишутъ, что прежде сего живали въ немъ тѣ люди, которые при Дону рѣки жили, а тѣ для неплодовитой земли пошли отъ Дону ищущи плодовитой земли и прошли до Прусской земли, а тамъ засѣли.

Въ Трансильвани люди зѣло воинскіе, межъ которыми нѣтъ боярскаго сына и мужика, всѣ одново чину люди.

Изъ не европейскихъ государствъ въ этой космографіи помѣщены: Египетъ, Карѳагенъ, Абиссинія и Варварія; списокъ повидимому неконченный.

Въ третьей космографіи, изъ хронографа 1696 года (Поповъ, III. 518), описаніе странъ сдѣлано съ бо̀льшею подробностію противъ 1-й космографіи, съ которою она впрочемъ сходна по расположенію статей и по извѣстіямъ о разныхъ баснословныхъ народахъ. О Россіи находимъ въ ней между прочимъ, слѣдующія извѣстія: «Градъ Москва крѣпокъ, тремя стѣнами каменными огражденъ; ему же величествомъ и крѣпостію едвали во всей Европѣ подобенъ градъ обрѣтается. Люди къ царямъ своимъ никогда противленія не показуютъ; въ вѣрѣ крѣпки и еретиковъ казнятъ дальними заточеніями и смертію. По чюжимъ государствамъ не ѣздятъ точію въ посольствѣ, боясь перенять въ нихъ что̀ и впасть въ ересь; ученыхъ людей и доктуровъ и ѳилософовъ имѣютъ у себя мало, потому что книжному писанію учены не всѣ, только вельможи, воинскіе люди, да купеческіе лучшіе люди; рабы же и поселяне зѣло неучени и мятежни... за что отъ государей своихъ по многу наказуемы и казнимы смертью».

Относительно первоначальныхъ источниковъ нѣкоторыхъ статей замѣтимъ слѣдующее: описаніе земли Рахманской (или Брахманской)—заимствовано изъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ; описаніе Китайскаго царства—изъ космографіи Мюнстера (Поповъ, II. 226); Врахманское царство упоминается и въ житіи преподобнаго Зосимы, который ходилъ къ Рахманамъ и перешелъ для этого облачную стѣну, которую до него никто не переходилъ, и большую рѣку, черезъ которую перенесли его два дерева на своихъ вѣтвяхъ (Тихонравовъ, Памятники отречен. литерат., II. 78 и 92). Въ Амартолѣ говорится, что Врахманы, жены и мужья, живутъ на двухъ противуположныхъ берегахъ рѣки, а въ рѣкѣ той живетъ страшный звѣрь, пожирающій по цѣлому киту за разъ: только на 40 дней звѣрь этотъ уходитъ изъ рѣки, и тогда мужья переходятъ къ женамъ и совокупляются съ ними (Сухомлиновъ, О русскихъ лѣтописяхъ. СПБ. 1856, 87). Врахманское царство, съ царемъ Вахрамеемъ Вахрамеевичемъ (Афромей, Афронъ) упоминается и въ народныхъ пѣсняхъ (Рыбниковъ, II. CLXXXII), при чемъ Макарицкій берегъ обращенъ

въ Макарьевскіе желтые пески (что̀ подъ Нижнимъ-Новгородомъ).

Въ нашей космографіи № 590 упоминаются люди человѣкоядцы (№ 33, стр. 268), о которыхъ въ средніе вѣка существовало много разсказовъ. Въ отрядѣ Готфрида Бульонскаго было до 20.000 «Ribbaus и Taffurs», которые питались человѣчьимъ мясомъ враговъ и находили «c'uns payens bien un cras mouton vault, et le mettent en rost com la char de biersault» (Becker, Monatschrift der Berliner Acad. Juli 1867, 437 — 439. — Миллеръ, Илья Муромецъ, 153).

Въ заключеніе привожу любопытныя сказанія объ Индіи богатой и о чудесныхъ дѣвицахъ, заимствованныя въ текстѣ нашей картинки изъ хронографовъ XVII вѣка:

1. Изъ повѣсти о Сивильскомъ царствѣ (по рукописи XVII—XVIII в., принадлежащей Ѳ. И. Буслаеву): «Межь юга и запада, за Нилою рѣкою, за Политарскою землею, есть гора, имя ей Скала, чрезъ нюже никому же прейти немощьно, никакому человѣку, высоты ради тоя. Скрозь юже есть пещера, а ити ею 8 дней со свѣщами. И прошедъ пещеру и увидятъ свѣтъ неизреченный. Земля же та равна, нѣсть на ней ни горъ, ни раздолей, только много на ней различнаго винограду; злата же тамо весьма много и каменія драгаго безъ числа много, сребра же у нихъ ни во что есть. А живутъ въ горѣ той въ пещерахъ все дѣвицы нескверніи и безсмертніи божіимъ повелѣніемъ и ихъ умоленіемъ (?). Одежду же на себѣ носятъ златомъ соткану, токмо до пояса, а отъ пояса все тѣло ихъ наго; а по тѣлу ихъ врѣзывано каменье драгое, самоцвѣтное. А царствуетъ у нихъ въ той землѣ дѣвица Сивилла Царица нескверна же и безсмертна. А приходятъ къ ней послы Политарскіе и Кореньскіе и Италиньскіе и Шпанскіе и Виницѣйскіе и Цысарскіе и изъ иныхъ многихъ земель. А приводятъ къ нимъ послы, въ даръ мѣсто, все дѣвицы до десяти лѣтъ или до 12-ти, а больше того годами не приводятъ. А емлютъ тѣ послы злата и сребра и каменія многоцѣннаго, сколько восхотятъ. Да и тѣ у нихъ приводныя дѣвицы безсмертные же бываютъ Божіимъ по-

велѣніемъ. Есть бо у нихъ источникъ живои воды, и какъ тѣхъ приведенныхъ дѣвицъ тою водою измоютъ, и тѣ дѣвицы такъ же безсмертны бываютъ, якоже и они. А измывъ водою тою, да по тѣлу рѣжутъ бритвами и вставливаютъ въ тѣ раны каменье многоцвѣтное. А болѣзни тѣ дѣвицы никакія на себѣ никогда же не имѣютъ: въ той часъ рана и заживаетъ. А пословъ тѣхъ учатъ премудрости разумѣти небесному двизанію и земному коловрату. А ходятъ съ тѣми послы по 12-ти человѣкъ, а 10 ихъ выдутъ, а двучеловѣкъ они у себя оставливаютъ.

2. Сказаніе **объ Индіи богатой,** изъ письма пресвитера Іоанна къ Греч. Имп. Мануилу: по русскому тексту ему повинуются 72 царя, въ его странахъ родятся *потамы*—полчеловѣка а полпса,—рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ и сатиры; люди тамъ не лгутъ, потому что отъ всякой лжи бледнѣютъ какъ мертвецы; улицы вымощены у нихъ драгоцѣнными каменьями и т. д. Позднѣйшія космографіи помѣщаютъ это царство въ Абиссиніи. По Румянц. Космогр. XVII в. (№ 380 и 90) «Кролевство попа Яна, земля великая, пространна, на мысу великаго моря, вѣра же въ ней евангилицкая и еретическая; толикожъ горды имѣютъ нравы — аще пріѣзжіе гости не учнутъ вѣры вѣровать и они у нихъ на главахъ положатъ бумажны шлыки, зажигаютъ, и оттого згораютъ; изобилно же плодомъ и всякимъ богато» (Пыпинъ 91; сравните тоже прим. къ № 298).

590 А. Прибавить: **Солнце съ зодіаками;** огромная картина четырехлистоваго размѣра, гравированная на деревѣ въ концѣ прошедшаго вѣка; въ срединѣ солнце съ луною и звѣздами, кругомъ его двѣнадцать знаковъ зодіака, а по четыремъ угламъ изображены четыре времени года, въ видѣ женщинъ: «весна—лѣто—зима—осень». Подпись кругомъ солнца: «вооібласть нерукотворшему свѣтла велия единому сонце вообласт день и нощь и звезды». Надъ знаками зодіака: «мцъ мартъ овенъ естествомъ теплъ сухъ имат дней ла»; «мцъ апрель телецъ естествомъ студенъ и сухъ иматъ днеи 30»; «мцъ маии близнецы теплъ и мокръ імат

днеи 31»; м͠цъ іюнь ракъ естествомъ студенъ и мокръ иматъ днеи 30»; «м͠цъ іюль левъ естествомъ теплъ і сухъ іматъ днеи 31»; м͠цъ августъ дева естествомъ студенъ імать днеи 31»; «м͠цъ сентябрь весь естествомъ теплъ и мокръ иматъ днеи 30»; «м͠цъ октябрь скорпия естествомъ студенъ и мокръ имать днеи 31»; «м͠цъ ноябрь стрелецъ естествомъ теплъ и сухъ имать днеи 30»; «м͠цъ декабрь естествомъ студен сухъ има днеи 31»; «м͠цъ генварь естествомъ теплъ водолеи имат днеи 31»; «м͠цъ ѳевраль естествомъ студенъ и сухъ рыбы имеяи дней 28 ввысокосъ 29». На единственномъ извѣстномъ экземплярѣ этой картины, находящемся въ моемъ собраніи, сзади карандашемъ помѣчено: «Изъ Коломенскаго дворца».

Въ XVII вѣкѣ *Звѣздотечное небо* писалось неоднократно на плафонахъ царскихъ теремовъ, а также изображалось въ видѣ рисунковъ на бумагѣ и на полотнѣ. Въ книгѣ «Домашній бытъ царей русскихъ», Е. Забѣлина, находимъ по этому предмету слѣдующія свѣдѣнія: «Въ столовой, построенной царемъ Алексѣемъ въ 1662 году, въ подволокѣ написано было *звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцовъ и бѣги небесные,* вѣроятно по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который строилъ эту Столовую Избу [1]). Въ сочиненіи Адольфа Лизека о посольствѣ римскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу сохранилось описаніе этого изображенія; 13-го октября 1675 г. въ Столовой была дана цесарскому посольству отпускная аудіенція, которую и описалъ Лизекъ, секретарь посольства [2]): «Стѣны Аудіенцъ залы (говоритъ онъ) были обиты дорогими тканями, а на потолкѣ изображены небесныя свѣтила ночи, блуждающія кометы и неподвижныя звѣзды, съ астрономическою точностію. Каждое тѣло имѣло свою сферу, съ надлежащимъ уклоненіемъ отъ эклиптики; разстояніе двѣнадцати знаковъ небесныхъ такъ точ-

[1]) Въ Расходной книгѣ Казеннаго Приказа, 7170 года, именно сказано что инженеръ и полковникъ Густавъ Декенпинъ «былъ у вымыслу Столовой Избы деревянной, у подволоки и у рѣзныхъ оконъ». Подволоку писали, какъ значится въ другой Расходной книгѣ, Поляки Иванъ Мировской, Степанъ Петровъ, Андрей Павловъ и Юрій Ивановъ (№ 1082 и 1020, арх. Оруж. Пал.).

[2]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1837 г., Ноябрь, отд. II., стр. 377.

но размѣрено, что даже пути планетъ были означены золотыми *тропиками* и такими же *колюрами* равноденствія и повороты солнца къ веснѣ и осени, зимѣ и лѣту». *Звѣздотечное небесное движеніе* царской Столовой Палаты пользовалось въ то время особеннымъ уваженіемъ и нѣсколько разъ служило образцомъ при украшеніи другихъ комнатъ (преимущественно также столовыхъ, на постельной половинѣ дворца); такъ, въ 1683 году, оно было написано въ столовой царевны Софьи Алексѣевны, на деревянной подволокѣ, по грунтованному холсту, живописцами Салтановымъ и Безминымъ; а въ 1688 году — въ деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и въ верхней каменной комнатѣ царевны Марьи Алексѣевны. Кромѣ того, столовыя избы загородныхъ царскихъ хоромъ, въ Коломенскомъ [3]) и въ Алексѣевскомъ, и столовая въ новыхъ хоромахъ царевича Ивана Алексѣевича, въ 1681 году, также были украшены изображеніями *небесныхъ бѣговъ.* Но несравненно большее значеніе получаетъ для насъ этотъ плафонъ въ томъ отношеніи, что онъ служилъ, можетъ быть, руководствомъ въ первоначальномъ обученіи Петра Великаго. Вотъ современное свидѣтельство по этому предмету: въ 1679 году живописнаго дѣла мастеръ Карпъ Ивановъ Золотаревъ писалъ на александрійскомъ большомъ листѣ (бумаги), золотомъ и красками, «двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того, какъ въ Столовой въ подволокахъ написано». — «Тотъ листъ (отмѣчено въ запискѣ) принялъ въ хоромы къ Государю Царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ» [4]). Составленіемъ подволочныхъ *чертежей* съ 1681 г. занимался живописецъ Иванъ Мировской, которому 1 марта велѣно было «знаменить чертежъ звѣздотечнаго небеснаго движенія противъ того, каково написано въ подволокѣ въ большой Столовой Палатѣ, и иные чертежи иными образцы» (Забѣлинъ, Бытъ царей русскихъ, стр. 130).

---

[3]) Наша картинка № 590 А. и сдѣлана повидимому съ Коломенскаго плафона передъ сломкой дворца, послѣдовавшей въ концѣ прошедшаго столѣтія.

[4]) Приходо-расходная Книга Оружейной Палаты 1188 года, № 248.

Въ 1680 г. живописецъ Иванъ Безминъ написалъ на полотнѣ въ 63 аршина, въ Верхъ къ Государю — лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; а въ 1694 году и для царевича Алексѣя Петровича была написана картина на полотнѣ—«солнце, луна, кругомъ двѣнадцать мѣсяцовъ» (тамъ-же, стр. 166); въ томъ же году и для него же писана картина, на четырехъ листахъ, иконописнымъ письмомъ,—«четыре стихіи, двѣнадцать мѣсяцовъ» (тамъ же, стр. 167).

592. **Глобусъ географическій.** У меня есть еще изданіе (*б*), отпечатанное съ этой же доски въ началѣ нынѣшняго вѣка, на синей бумагѣ. Оба глобуса, описанные подъ №№ 591 и 592, работы мастера Ростовцева.

Алексѣй Ростовцевъ, граверъ на мѣди первой половины XVIII вѣка, состоялъ при Московской типографіи, гдѣ учился гравированію у библіотекаря Василія Кипріянова (см. 1-й листъ Брюсова календаря, шестилистоваго); въ 1711 году онъ переведенъ въ Петербургскую типографію, гдѣ работалъ подъ смотрѣніемъ Пикара и находился еще въ 1726 году; въ этомъ году смотритель Аврамовъ писалъ о немъ въ докладѣ Синоду, что Ростовцевъ «не только грыдоровальному (искуству), но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился», при чемъ въ 1725 году награвированный имъ земной глобусъ отосланъ къ освидѣтельствованію въ Академію Наукъ къ академику Блюментросту (См. Русскіе Граверы, стр. 275).

598. Въ стихотвореніи къ двуглавому орлу, сочиненномъ по случаю побѣды надъ Шведами (Румянц. сборн. 1790 г., № 408), находимъ подобныя же вирши:

«Радуйся орле двоеглавый
Ты бо еси нн҃ѣ во всемъ мирѣ славный и т. д.»

Это есть повтореніе герба Петра Великаго, въ которомъ Гюйсенъ передѣлалъ въ бытность свою въ Вѣнѣ цвѣта, согласно съ тогдашними правилами геральдики, и который велѣно было

вырѣзать на мѣди; въ этомъ видѣ россійскій гербъ былъ два раза отпечатанъ, съ объясненіями въ Саксоніи (?).

599 А. Прибавить: Виды Москвы, Петербурга и 48 русскихъ городовъ—огромная шести листовая картина, гравированная рѣзцомъ въ концѣ прошедшаго столѣтія; вверху всрединѣ россійскій гербъ, по бокамъ его виды Москвы и Петербурга, съ слѣдующими надписями: «Описаніе славныхъ и великіхъ и правїнціалныхъ градовъ всероссїйскои имперїи ї исчисъление верстъ ѿ высокопрестолнаго и славнаго и великаго града Москвы. во всеиже Москве находїтся соборовъ 10, монастыреи мужескихъ 15, женскихъ 9, церквей каменныхъ 265. деревянныхъ 6, во оныхъ престоловъ 862.

«Царствующїи градъ санктпетербургъ ново(пос) *) прѣстолная россїиская столїца построенїе[м] бл҃женныя и вечно достоиныя памятї яко оц҃а от҃чества его їмператорскаго велїчества петра перваго и велїкого еще же устроївшаго и утвердївшаго карабелнои и галернои ѳлотъ крепость и утверждение россїискаго государства о[т] блїжняго соседства шведскаго королевства и о[т] їныхъ полїтїческїхъ странъ которые на россїскую имперїю брань начїнаю[т] самї побеждені бываю[т]: прї реке неве врастоянїи о[т] Москвы 730 версты». Далѣе въ трехъ продольныхъ полосахъ помѣщено по четыре вида въ каждой, а затѣмъ въ пяти слѣдующихъ полосахъ, по восьми видовъ въ каждой.

«бг҃охранимыи славныи градъ Киевъ наместнїчество первопрестолная россїиская столица внемже множество честныхъ монастыреи ст҃ыхъ цр҃квеи о[т] негоже бл҃годать бж҃їя воссїяла вроссїскую землю чре[з] ст҃аго ап҃стла андрея и ст҃аго равноапостолнаго князя владимера иже россїскї[и] народъ ст҃ымъ кр҃щениемъ просветившихъ и о[т] тмы їдолослуженїя и христианскои вере обратившихъ. врастоянїи о[т] Москвы 852 версты».

«великїи новъ градъ наместничество въ стране полунощнои надъ озеро[м] ильмеромъ надрекою болховымъ вяще бо красотою

*) Слово «пос» перечеркнуто.

преизряденъ и многолюденъ внемже множество стыхъ угодниковъ бжиіхъ и чесныхъ монастыреи и бжіихъ цркве́й множествожъ внемже княжілъ рюрикъ князь призванныи о^т^ варягъ. врастояніи о^т^ Москвы 544 версты».

«Градъ Нарва санктпетербургской губерніи také славный и велікіи крепостію и красотою преїзрядны прежде именовашеся ругодевъ но по взятіи о^т^ страны шведскія велики^м^ гдремъ нашїмъ їмператоромъ петромъ первымъ и великимъ повелено звати нарва понеже стоитъ при реке нарове врастояніи о^т^ Москвы 875 верстъ».

«Градъ псковъ наместнїчество славное и велїкое крепостїю и красотою преизрядныи и многолюдныи стоитъ при реке пскове отнеяже и наречеся псковъ градъ которая совокупляется свеликою рекою врастояніи о^т^ Москвы 717 верстъ».

«наместничество Архангелскій градъ изъ окїана моря такожъ всякимъ блгополучїемъ исполненъ и всякїмъ зданїемъ или строениемъ исправенъ ѣщеже внемъ славное россїиское купечество исполняется и сыноземческими иностранными купцами совокупляется врастояніи о^т^ Москвы 1236½ версты».

«Наместничество градъ владимеръ построениемъ великого князя владимера киевскаго егда восприя християнскую веру тогда поиде востраны суждалские и ростовския стремя епископы и обрете место нареке клязьме весма красно и возлюби его и поставї градъ во имя свое врастоянї о^т^ Москвы 175 ве^т^».

«Градъ ревель наместничество такожде славныи ї велїкіи крепостїю ї красотою преизрядныи прежде їменовашеся колывань когда взя^л^ о^т^ страны шведскія велїкіи гдрь нашъ императоръ петръ первы повеле звати ревель стоитъ при варяжскомъ море велми хкарабелному пристанищу угоденъ: врастояніи о^т^ москвы 1070 верстъ».

«Славныи и великіи градъ рїга наместничество крепостїю и красотою преизрядныи стоитъ пре реке двїне которая совокупляется смитавою внемже велїкое и славное иностранное купечество исполняется врастояніи отъ Москвы 1053 версты».

«Наместничество новопоселенныи градъ Нижнеи Построениемъ великаго князя Иωанна васильевича московскаго перваго собирателя крепостию и утверждениемъ о^т варварскїе страны отжестокихъ набеговъ отказанскихъ татаръ и тако по устроенїю онаго града бл҃гополучнымъ здравиемъ и непременнымъ щастиемъ и са^м поиде подказа^н сроссїискїмъ воїнство^м и бл҃агполучно взялъ и все татарское воиско сокрушї и самаго царя здетми его вполонъ получи^л, нїже городское наместнїчество; вра^с о^т мо^ск 390».

«Казанскаго наместничества градъ Свияжскъ на реке свияге о^т неяже наречеся градъ свияжскъ построенниемъ великаго г҃дря нашего цр҃я иоанна васильевича втораго поо^тступленїю града казани о^т россиїскои державы и тако по смерти о^тца своего великаго князя василия иоанновича подказань сроссїйскимъ воискомъ и благополучно взялъ и подроссискую протекцию утвердилъ врастоянїи ѿ Москвы чрезъ валадимеръ 715 верстъ».

«Градъ углечь ярославскаго наместнїчества такожде преизрядны внемже убиенъ ст҃ыи бл҃говерныи димитрїи цр҃вичь московскїи о^т бояріна борїса годунова мужа великаго коварства и далныхъ замысловъ и безмерной анбицїи которои видя слабость своего г҃дря цр҃я Өеодора їоаннавїча московскаго восхотелъ самъ похїтї^т росїскии престо^л ї тако коварны^м свои^м умысло^м цр҃я Өеодора їоанновїча о^травою уморилъ ї московскїи пр҃тлъ сїлою ї властолюбїем си^м воспрїя^л врастоянїи о^т Москвы 180 верстъ стои^т прї реке волге».

«Градъ Переяславль рязанскои наместнїчество построенїемъ велїкаго кн҃зя владїмера егда услыша владїмеръ яко печенегї мнози собрашася при реце трубеше и прошаше у кн҃зя борца неки мужъ о^т села резанї рече кн҃зю гд҃рь сынъ у меня есть братїся противъ печенега кня^з же возвеселїся и прїзва борца борецъ же нача братися спеченегомъ ї победї и зубы о^т него скровїю їскоренї ї душу о^т него їстрясе ї того радї кн҃зь владїмеръ нарече градъ переяславль резанскїй їдеже преславїся победа содеяшася. врастоянїи о^т Москвы 180 верстъ».

«Градъ Астрахань кавказскаго наместнiчества сторона калмыцкая прежде именовала^{с} преiзрядныи и велiкiи і вскякi^{м} блго-получiе^{м} ізобiленъ а наiпаче рыбны^{м} промысло^{м} iли купечество^{м} превосходи^{т} все^{х} градовъ россiискi^{х} внемже множество рождается вiнограду і арбузо^{в} iин^{х} благополучны^{х} вещей изобилно врастоянiи отмосквы 1412 верстъ».

«Градъ Тобольскъ наместнiчество востране синбiрскои бяше бо сїя хлебородна и всякiмi вещамi iзобiлная внеи же соболеи куницъ лисiцъ и всякiмi зверміi исполнено врастоянiи о^{т} москвы 2155 верстъ».

«Градъ Ярославль наместничество славное и великое и многолюдное похвалное и красотою преизрядное внем же множество стыхъ бжиихъ црквеи еще же внемъ три честныя обiтели стоитъ при реце волге и котрости врастоянii о^{т} москвы 243 версты».

«Градъ Казань наместничество страна татарская построениемъ цря татарскаго саiна егда прiиде на место сiе и возлюби его понеже хлебородно и лесисто внемже велiкiй змiи жiвяше прiскорбенъ бысть і обрете некоего волхва и возвестi ему о зьмiи тоиже волхвъ хiтростiю своею уморi змiя і тако саiнъ поставi юртъ iчасто iскараковъ прiе^{з}жаше і зело любляше і нарече градъ Казань идеже показалася место ему река казань совокупляется сволгою. врастоянiи отъ Москвы 735 верстъ».

«Градъ Тверь наместнiчество такожде преизрядны и блгополучныи доволныи строенiемъ и бжiихъ цркви и доволножъ стоiтъ при реке волге и тверце врастоянiи о^{т} москвы 162 ^{в}».

«новопоселенныи градъ Ладога санктпетербургской губернiи велми преизрядныи построенiе^{м} гдря нашего Петра велiкаго, стоi^{т} прiезере невско^{м} и болховымъ врастоянiи о^{т} москяы 744 вер.».

«градъ Суждаль володiмерскаго наместничества блгополучныи такожде преизрядный врастоянiи о^{т} москвы 209 верстъ».

«Градъ Бѣлозерскъ Новгородскаго наместнiчества. прi беломъ езере такожде преизрядныи славныи похвалныи. врастоянiи отъ Москвы 540 верстъ».

«Градъ Смоленскъ наместнїчество такожде славное великое и преизрядное врастоянїи о^{т} москвы 384 ве^{р}.».

«Градъ Черниговъ наместнїчество славное ї велїкое стои^{т} прї реке десне врастоянїи о^{т} москвы 676 верстъ».

«Невель градъ великїй и преизряденъ построеннемъ кн҃язя владимера кїевскаго врастоянїи о^{т} москвы 658 вер. кїевскаго наместничества».

«Градъ Переславль залескои наместничества владїмерскаго врастоянїи о^{т} москвы 125 верстъ.

«Градъ Олонецъ наместнїчество: преизобїленъ великъ такожде и преизрядный врастоянїї о^{т} москвы 874 вер^{ст}».

«Градъ вологда наместнїчество славное и великое врастоянїи о^{т} москвы 426 верстъ».

«Градъ Устюгъ вологоцкаго наместничества. славный и великїи: врастоянїи отмосквы и 899 верстъ и $^{3}/_{4}$».

«Новонаселенный градъ Аренсбургъ рижскаго наместничества врастоянїи о^{т} москвы 1356 верстъ».

«градъ воронежъ наместничество врастоянїи отъ москвы 490 верстъ».

«Градъ Орелъ наместнїчество славное и великое и блгполучное внемже главное россиское хлебное купечество. врастоянии о^{т} Москвы 367 ве^{р}».

«Градъ Тула наместнїчество врастоянїи о^{т} москвы 182 версты».

«Градъ Калуга наместнїчество врастоянїи о^{т} москвы 160 верстъ»

«Градъ Каргополь славныи и преизрядныи и блг҃получныи врастоянїи отъ москвы 1078 верстъ Олонецкаго наместничества».

«Градъ Саратовъ наместничество славное и великое стоитъ при реке волге врастоянїї о^{т} москвы 902 версты».

«Градъ Уѳимскъ наместничество преизрядное врастоянїи отъ Москвы 1183 версты».

«Градъ Синбирскъ наместничество славное и похвальное врастоянїї и отъ Москвы 745 верстъ».

«Градъ Серпуховъ Московскои губернїи врастоянїи отмосквы 38 верстъ».

«Градъ Батурїнъ въ стране черкасской врастоянїи о^т москвы 633 вер^ст».

«Крепость Азовъ. екатерїнославскаго наместничества стоитъ въ стране восточной врастоянїи отмосквы 1268 верстъ».

«Градъ Севскъ орловскаго наместничества славный и многолюденъ врастоянїи о^т москвы 512 верстъ».

«Градъ Царицынъ Саратовскаго наместничества такожде преизрядный врастоянiї о^т Москвы 1042 версты».

«Градъ Самоленскъ благополученъ врастоянїи отъ Москвы 384 версты наместничество».

«Градъ Галичь Костромскаго наместничества славныи и преизрядны и врастоянiї о^т москвы 396 верстъ».

«Градъ Глуховъ Новогородскаго наместнїчества такожье преизрядныи врастоянїи отмосквы 550 верстъ».

Орловскаго наместнїчества градъ брянскъ похвалны и блгополучныи врастоянїи о^т Москвы 347 верстъ».

«Градъ Коломна Московской губернїи такожде преизрядныи стоитъ прї реке оке врастоянiї отъ Москвы 100 верстъ».

«Градъ Ростовъ Ярославскаго наместничества славный и велики стоитъ прї озере врастоянїи о^т Москвы 189 верстъ».

«Будїже известно яко оные грады и провинцїи кто прїсовокупи под московскую протекцию понеже первый собиратель московскои кнзь иоанъ васїльевичь великїи и поїстинне великїи не словомъ но деломъ ибо рассыпанное отечество вразделенїе детеи владїмеровыхъ воедино собралъ и паки утвердїлъ честь имени своему и славу россиской империї яже и ныне ея Императорскаго величества *екатерина Алексѣевна* всероссиская самодержїца блгополучны^м здравїемъ ї непременнымъ щастїе^м всероссїская їмперїя славою и честїю процветаетъ».

Въ моемъ собранiи.

600. **Москва** упоминается въ лѣтописи впервые въ 1147 году; во время нашествія (1238 г.) Батыя она была еще ничтожна;

первый устроитель ея былъ кн. Даніилъ, сынъ Александра Невскаго, скончавшагося въ 1303 г. Сынъ его, Іоаннъ I Калита, успѣлъ переманить Петра митрополита изъ Владиміра въ Москву; съ тѣхъ поръ Москва стала престольнымъ градомъ. Въ началѣ 1340 г. построенъ градъ дубовый; весною 1367 г. заложенъ каменный Кремль; нынѣшній каменный Кремль построенъ Иваномъ III въ 1485—1492 гг. Новый или Китай городъ, т. е. посадъ около Кремля, обложенъ каменною стѣною въ 1535 году; въ 1586 году обнесенъ новою стѣною построившійся кругомъ Китая-города Царевъ или Бѣлый городъ. Наконецъ четвертая часть или кольце Москвы названо Землянымъ городомъ; Замоскворѣчье обнесено стѣною и рвомъ въ 1591—1681 гг. Въ 1742 году Камеръ-Коллегія присоединила къ Москвѣ огромныя прирѣзы, окруженные камеръ-колежскимъ валомъ, имѣющимъ до 30 верстъ окружности.

Пожары, обновлявшіе Москву, неисчислимы; Москва почти цѣликомъ выгорала въ слѣдующіе годы: Іюля 14, 1445 г.; Іюля 28, 1493 г.; Іюня 21, 1547 г.; Мая 24, 1571 г.; Мая 3, 1626 г.; Мая 29, 1737 г.; Сентября 3, 1812 года (Выходы Царей, Строева; Алфав., 56).

Образцомъ для вида Кремля въ нашей картинкѣ № 600 послужилъ большой видъ Москвы, который подробно описанъ въ моей книгѣ: Русскіе Граверы (М. 1870), на стр. 159, гдѣ этотъ видъ ошибочно приписанъ мастеру Бликландту, на самомъ же дѣлѣ онъ гравированъ Петромъ Пикаромъ (но безъ его подписи), а Бликландтомъ награвированъ другой видъ Москвы отличной работы, въ туже мѣру, отъ Воробьевыхъ горъ (Пикаровъ видъ снятъ отъ Каменнаго моста). Послѣдній видъ пріобрѣтенъ мною уже послѣ напечатанія моей книгѣ о русскихъ граверахъ; на немъ особенно хорошо выполнены монастыри въ московскихъ окраинахъ; подпись мастера подъ тѣмъ видомъ приведена въ Русскихъ Граверахъ вѣрно. Оба вида, Пикаровъ и Бликландтовъ, изданы до 1714 г., такъ какъ о нихъ уже упоминается въ описи типографской книжной лавки за этотъ годъ (Пекарскій, Наука и Лит., II. Прибавл.).

Снегиревъ (Лубочн. карт., 76) называетъ еще видъ Москвы съ южной стороны, изображающій Кремль и часть Китая и Бѣлаго города, гравиров. А. Зубовымъ. По его словамъ, на немъ представлены многія зданія, теперь уже не существующія въ Кремлѣ, какъ то: другая стѣна къ Москвѣ рѣкѣ, съ бойницами и съ навѣсомъ для пушекъ; шесть воротъ при въѣздѣ съ юга на Каменный мостъ и Всехсвятыхъ на западъ, съ лавками на немъ и съ мельницей при быкахъ его. На гребнѣ Кремлевскаго холма видны соборы: Срѣтенія, Александровскій, Черниговскихъ Чудотворцевъ, разобранные въ концѣ XVIII вѣка, и св. Николая Гостунскаго, въ 1818 г. уступившій мѣсто плацъ-параду, церковь Рождества Іоанна Предтечи, верхній и нижній сады на этихъ холмахъ, двухъ этажные приказы и другія зданія. Вида этого мнѣ не случилось встрѣтить; судя по приведенному описанію, это есть большой видъ Пикара, который Снегиревъ ошибочно описалъ въ другой разъ.

602. **Успенскій соборъ.** Первая каменная церковь заложена 4 авг. 1326 г.; освящена 14 авг. 1327 г.; весною 1472 г. сломана и сложена вновь въ болѣе обширномъ видѣ въ 1474 г. выстроенная вторично развалилась. Въ 1475 г. 17 апр. вызванный изъ Италіи зодчій Аристотель началъ строить соборъ вновь; въ 1479 г. 12 авг. соборъ освященъ; въ 1515 росписанъ стѣнописью; въ 1642 росписанъ вновь по золоту; въ 1652 устроенъ новый иконостасъ; обновленъ послѣ 1812 года (Выходы Царей, Строева; алфав. указ.); въ послѣднее время иконостасъ возобновленъ масляными красками, а стѣнопись переписана вновь, масляными же красками, московскимъ художникомъ Н. И. Подключниковымъ. На нашей картинкѣ весьма замѣчательно перечисленіе образовъ и святынь, находящихся въ соборахъ; въ числѣ упоминается и о ризѣ Спасителя, гречески матизма, хитонъ нешвенъ. Въ небѣ новомъ сказано (стр. 26, изъ Іоанна Картаг.), что она была соткана Богородицею, когда Христосъ былъ еще малымъ отрокомъ,—риза эта росла вмѣстѣ съ нимъ. О томъ, какъ

доставлена эта риза царю Михаилу Өеодоровичу и положена въ Москов. соб., см. въ опис. Успен. Соб. (стр. 170)—слово о ризѣ Господней.

602 А. Таже картинка, копія точь въ точь; изданіе на синей бумагѣ (Моск. фабр. 1800 года). Надпись въ картушѣ: «Краткое изображеніе... (а въ № 602:» Краткое изображение); текстъ скопированъ безъ измѣненій.—Въ моемъ собраніи.

602 Б. Прибавить: **Видъ трехъ Московскихъ соборовъ**; картина трехлистоваго размѣра (квадратная), работы мастера Петра Николаева Чуваева, монограмма котораго: «П. Н. Ч». стоитъ внизу, въ правомъ углу картины. Вся картина раздѣлена на три поперечныя полосы, изъ которыхъ, вверху, изображены: «стый соборъ благовѣщенской», — «стый соборъ успѣнской» — и «стый соборъ архангельской», а внизу помѣщенъ текстъ, скопированный съ № 602, почти безъ измѣненій.—Въ моемъ собраніи.

605 и 606. **Троицкая Сергіева Лавра** находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, недалеко отъ существовавшаго въ древности города Радонежа. Основана она преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ около 1341 года (ум. 1392 г. 25 сентября; мощи его открыты 1423 г.). Ученикъ и преемникъ его былъ преподобный Никонъ (ум. 17 ноября 1427 г.). Въ 1610 г. Троицкая Лавра, при архимандритѣ Діонисіѣ и келарѣ Авраміѣ Палицынѣ, отразила осаждавшихъ ее Поляковъ. При Императорѣ Петрѣ I въ Лаврѣ построена трапезная церковь и двухъ-этажный дворецъ; къ этому времени относятся обѣ картинки №№ 605 и 606.

Троицкая Лавра, издревле пользовалась особымъ уваженіемъ нашихъ Царей; в. к. Дмитрій Донской ходилъ туда за благословеніемъ преподобнаго Сергія, передъ отправленіемъ своимъ на Куликовскую битву. Позднѣе царь Алексѣй Михайловичь ежегодно совершалъ *походъ Троицкій* осенью, къ празднику св. Сергія

(25 сентября), кормилъ братію и самъ кушалъ въ трапезѣ; передъ входомъ въ монастырь царю подносили посохъ Троицкій. Въ выходахъ царскихъ упоминаются поѣздки въ Лавру царя Θеодора Алексѣевича (Алфав., стр. 97). Въ позднѣйшее время походы въ Троицкую лавру совершали Императрицы Елисавета и Екатерина II (см. Троицкіе походы И. Забѣлина).

607. **Воскресенскій монастырь Новый Іерусалимъ**, въ 46 верстахъ отъ Москвы; устроенъ патріархомъ Никономъ на подобіе Іерусалима въ 1656 году *). По порученію его, посланный въ Іерусалимъ (для сравненія нашего богослуженія съ греческимъ) старецъ Арсеній Сухановъ снялъ точную модель съ храма Гроба Господня, по которой и былъ въ 1657 году устроенъ соборный храмъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, при чемъ сосѣднія урочища и воды названы Палестинскими именами: Іорданъ (рѣка Истра), Кедронъ, Θаворъ, Назаретъ село Скудельничье, гора Елеонская... Во время ссылки Никона въ 1666 г. постройка Новаго Іерусалима была остановлена; въ 1679 г. она снова начата и окончена въ 1685 году. Въ 1749 году, послѣ посѣщенія Новаго Іерусалима Императрицей Елисаветой Петровной соборная церковь была возобновлена графомъ Растрелли, при чемъ каменный куполъ былъ замѣненъ деревяннымъ.

608. **Николаевскій Угрѣшскій** монастырь, въ 15 верстахъ отъ Москвы, основанъ въ 1381 г. по обѣту в. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго (данному передъ Куликовскою битвою); сожженъ татарами въ 1521 году; возобновленъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.

---

*) Патріархъ Никонъ, извѣстный вводитель новизны въ церковные обряды и книги и гонитель старообрядцевъ, въ 1642—1646 игуменъ Кожеозерскаго монастыря; 1646—48 архимандритъ Новоспаскаго монастыря; 11 марта 1649 г. митрополитъ Новгородскій; 25 іюля 1652 г. Патріархъ всея Россіи; 10 іюня 1658 г. оставилъ патріаршество (Акты Археог. Эксп. IV. 149); въ 1666 г. декабря 1, 5 и 12 сужденъ соборомъ, низложенъ и посланъ въ Θерапонтовъ монастырь (Собр. Госуд. Грам., IV. 182); умеръ въ Ярославлѣ 17 августа 1681 г. (Выходы Царей, Строева; алфав. 61).

608 А. **Видъ села Измайлова**, находящагося въ 7 верстахъ отъ Москвы, и славившагося звѣринцемъ, устроеннымъ въ немъ въ 1731 году,—гравированъ на мѣди Иваномъ Зубовымъ. На картинкѣ представлены дворцовыя зданія и соборъ, Измайловскій прудъ и каменный мостъ, черезъ который императоръ Петръ II, съ князьями (двумя) Долгорукими, въ коляскѣ, шестерикомъ, цугомъ, отправляется на соколиную охоту, въ сопровожденіи конныхъ и пѣшихъ охотниковъ; вверху, на лентѣ, надпись: «IZMALOWO»,—внизу: «Грыдоровалъ Иванъ Зубовъ». Картинка листовая. Экземпляры перваго изданія съ непоправленной доски очень рѣдки (въ Публич. библ., у г. Макова, въ моемъ собраніи); въ Олсуфьевскомъ собраніи находится экземпляръ 2-го тисненія, съ грубо выправленной доски и лубочной печати, которое и описано подъ № 608 А.

610. Основателями Спасо-преображенскаго Валаамскаго монастыря почитаются греческіе монахи Сергій и Германъ, которыхъ одни относятъ къ X, а другіе къ XIV вѣку. Въ XVI и XVII вв. монастырь этотъ совершенно запустѣлъ; въ 1721 г. онъ обновленъ, а въ 1785 г. устроенъ за̀ ново (Ротшинъ, Полное собр. историч. свѣд. о монастыряхъ. Москва 1852, стр. 474).

610 А. Въ моемъ собраніи есть **Видъ спасо-преображенскаго первокласнаго Валаамскаго монастыря.** Рис. Снатур. Шелковниковъ», четырехлистоваго размѣра, лубочной работы.

613 А. **Кіевскія Пещеры.** Древнѣйшія изображенія Кіевскихъ пещеръ гравированы на деревѣ монахомъ Ильею, для перваго изданія Патерика (Кіевъ 1661 г.) [1]) на двухъ картинкахъ, каждая двухлистоваго (книжнаго) размѣра; надписи на нихъ слѣдующія:

1. «Изѡбраженіе пещери Прдбнаго Θеодосїя. юже первѣе начатъ копати Стый Іларіѡнъ. таже Преподобный Антонїй иско-

---

[1]) Изъ котораго онѣ, по большей части, бываютъ выдраны; попадаются эти листы и отдѣльно отъ книги.

павъ совершеннѣ Пребысть вней лѣтъ четырдесятъ. и преиде воину гору. Послѣдиже Преподобный Θеωдосіи нетокмо Подвиzася. но втойже и погребенъ бысть».

2. «Изображеніе пещеры преподоб Антонія юже той ископа по прешествіи ѿ пещери яже подветхимъ монастыремъ. и вней пребысть лѣтъ шеснадесятъ. Таможе преставися и погребенъ бысть».

Въ рамкѣ каждой изъ картинокъ поставлено имя гравера «ИЛІЯ».

Планы пещеръ сдѣланы весьма отчетливо; церкви представлены съ «птичьяго полета»; надъ мощами угодниковъ сдѣланы надписи. Въ пещеру пр. Θеодосія показанъ одинъ ходъ изъ церкви св. Андрея Первозваннаго; надъ крайнею улицею сѣверной части пещеры надписано: «тою печерѣ конецъ zавалився. тая улочка втой печери барzо тѣсна»; надъ крайней улицей южной части пещеры надписано: «той пещерѣ конецъ zавалився»; на пещерной горѣ разсаженъ виноградъ. Въ пещеру Преподобнаго Антонія показано два входа: «вход чрез церковъ впещеру», и: «сія улица пошла зωлтаря впещеру». Въ пещерѣ препод. Антонія помѣщенъ и «Илїя Муроме[ц]».

Съ этихъ двухъ плановъ сдѣлано много копій: 1) въ точь въ точь, и туже величину на мѣди, безъ подписи мастера, съ помѣтою на каждомъ планѣ—«р. 36» и съ надписями на латинскомъ языкѣ, въ книгѣ: «Religiosae Kijovienses cryptae, sive Kijovia subterranea: Inquibus labyrinthus sub terra, Et in eo emortua, à sexcentis annis, Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum, et nec dum corrupta, corpora, ex nomine atque ad oculum, é ΠΑΤΕΡΙΚΩ Sclavonico detegit M. Iohannes Herbinus. Ienae, Impensis Martini Hallervordi. Literis Iohannis Nisii. Anno M. DC. LXXV». 16°. *).

---

*) Копіи точь въ точь, но въ уменьшенномъ видѣ, грав. на мѣди Б. Пикартомъ, съ помѣтами: надъ пещерою преп. Антонія—«fol. 120», а надъ пещерою преп. Θеодосія—«fol. 128», и съ надписями на голландскомъ языкѣ, находятся въ книгѣ: «Religie der Muscoviters. . . . Tot Thiel, By Ian van Leeuwen,

2) Точь въ точь и въ туже величину, грав. на деревѣ съ надписью, надъ пещерою преподобнаго Антонія—«Помощію божіею молитвами пречистой богородицы преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Өеодосія и прочихъ святыхъ печерскихъ; благословеніемъ господина отца Іоасафа Кроковскаго, изобразися пещера сія іеромонахомъ Никодимомъ Зубржицкимъ въ св. лаврѣ печерской року....», а на другомъ листѣ помѣчено—«1705» [2]). Планы Зубржицкаго вклеены въ экземпляръ Патерика 3-го Кіевскаго изданія 1702 года, напечатаннаго при митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, съ гравюрами на деревѣ монаха Ильи.

3) Тоже, гравюры на мѣди: 1-я съ плана пещеры препод. Антонія, съ подписью: «Знаменіе пещеръ святыхъ изобразися року... (1700?) мѣсяца марта. Leo Tarasewitz delineavit» (въ Публичной библіотекѣ), и 2-я съ плана пещеры препод. Өеодосія, съ подписью: «Leo Tarasewicz sculpsit» [3]). Этотъ послѣдній листъ, изданный въ видѣ летучей народной картинкѣ, на простой сѣрой бумаги, находится въ моемъ собраніи [4]).

Описанные подъ № 613 планы пещеръ, скопированные Нехорошевскимъ съ плановъ Тарасевича, представляютъ однакоже много разницы противъ плановъ сего послѣдняго, а равно и плановъ монаха Ильи. Во первыхъ, планы Нехорошевскаго, по размѣрамъ, нѣсколько больше плановъ Ильи; мощей угодниковъ въ планахъ Нехорошевскаго обозначено тоже гораздо большее число; на планѣ пещеры преподобнаго Өеодосія, съ южной стороны, въ томъ

Boekverkoper 1698. 16° (сочиненіе Шлейссинга, писавшаго подъ псевдонимомъ Вармунда).

[2]) Никодимъ Зубржицкій—плодовитый кіевскій граверъ на деревѣ, работавшій въ 1695—1724 гг. См. мою книгу: Русскіе граверы и ихъ произведенія, гдѣ работы его (въ числѣ 65 досокъ) описаны подробно (стр. 211—214).

[3]) Леонтій Тарасевичъ, черниговскій граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII в., ученикъ Киліановъ, былъ вызванъ въ 1690 году для гравированія портрета царевны Софьи Алексѣевны и другихъ досокъ, уничтоженныхъ впослѣдствіи по приказанію Петра Перваго. Подробное описаніе его произведеній помѣщено въ моей книгѣ: Русскіе граверы, на стр. 292—299.

[4]) Замѣчательное изображеніе пещеръ (въ уменьшенномъ видѣ) находится тоже на тезисѣ, гравированномъ Иваномъ Стекловымъ и посвященномъ Гедеону Грембеку въ іюлѣ 1711 г. (внизу справа подпись: «Іванъ Стекловскій грыдоровалъ»), см. Русскіе граверы, 291.

мѣстѣ, гдѣ на планѣ Ильи показанъ: «той пещерѣ конецъ zавалився», у Нехорошевскаго помѣщено продолженіе пещеры—шесть колѣнъ, съ двумя кельями, студней и тремя углубленіями съ мироточивыми главами; надъ послѣднимъ длиннымъ колѣномъ пещеры, съ выходомъ у Днѣпра, поставлена у него надпись: «пещера прежде бывшая варяжская». На планѣ пещеры преподобнаго Антонія, кромѣ двухъ ходовъ, чрезъ церковь и чрезъ алтарь, означенъ у Нехорошевскаго еще: «входъ вторый», идущій тоже отъ церкви; за тѣмъ прибавлена церковь преподобнаго Варлаама и пещерный переходъ отъ нея въ церковь преподобнаго Антонія. Въ числѣ мощей преподобныхъ помѣщенъ на планѣ Нехорошевскаго «Илья воинъ».

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія были изготовлены мѣдныя доски съ видами Кіево-Печерской Лавры и въ числѣ ихъ огромная доска (шестилистоваго размѣра) съ планами пещеръ и перечисленіемъ находящихся въ нихъ церквей и мощей св. угодниковъ. Доска эта сохраняется до настоящаго времени въ типографіи Кіево-Печерской Лавры; отпечатокъ съ нея находится въ числѣ оттисковъ, сдѣланныхъ съ Лаврскихъ досокъ ученымъ археологомъ, игуменомъ Амфилохіемъ. Этотъ планъ сдѣланъ вновь, по всѣмъ правиламъ землемѣрія, и во многомъ не сходится, въ очертаніяхъ, съ планами Ильи и Нехорошевскою. Вмѣсто церкви Андрея первозваннаго, изъ которой показанъ входъ въ пещеру преподобнаго Ѳеодосія у Ильи и у Нехорошевскаго, на новомъ планѣ показаны: «8. каменный вертѣпъ изъ котораго входъ въ пещеры». «Варяжскія пещеры» (№ 69) и въ тѣхъ пещерахъ келіи» (65) обозначены на большомъ планѣ гораздо подробнѣе и со многими развѣтвленіями. Подъ № 66 показана: «Полата каменная для содержанія безумныхъ»; а подъ № 52: «Келіи внутрь пещеръ при коихъ столбы съ цепьми для привязыванія безумныхъ» [5]).

[5]) По указамъ 1723 г. января 19 и 1725 г., мая 12 (Полн. Собр. Зак. № 4718), бѣснующихся опредѣлено посылать въ Сѵнодъ для размѣщенія по монастырямъ, гдѣ содержать ихъ въ особомъ мѣстѣ.

614 А. Въ моемъ собраніи есть еще: **«Видъ Кіево-Печерской Лавры изъ за Днѣпра»** — плохая гравюра на мѣди, начала нынѣшняго столѣтія.

616. **Кирилловъ бѣлозерскій** монастырь въ уѣздномъ городѣ Кириловѣ; основанъ въ 1391 г. препод. Кирилломъ, удалившимся сюда изъ Симонова монастыря; въ 1764 г. этотъ монастырь имѣлъ во владѣніи своемъ болѣе 21,000 душъ крестьянъ; онъ окруженъ высокою каменною стѣною, и имѣетъ 12 церквей (Ратшинъ, стр. 374).

616 А. **Видъ Кириловскаго Бѣлозерскаго монастыря;** четырехлистовая картинка, гравированная рѣзцемъ, въ 1742 году, Мартиномъ Нехорошевскимъ. Вверху картины два ангела держатъ образъ Успенія Богородицы, а по сторонамъ—образа̀ Преображенія и Введенія во храмъ Богородицы. По бокамъ изображены въ ростъ: слѣва Богоматерь со Спасителемъ на рукахъ, а справа преподобный Кириллъ Бѣлозерскій. Внизу тропарь, кондакъ и молитва Святому, и объясненіе монастырскихъ зданій, находящихся на видѣ, по нумерамъ: «Зри калико імать въ себѣ сия ѡбитель зданіи: а҃: цр҃ковъ успенія бц҃ы. в҃: цр҃ковъ введенія бц҃ы. г҃: цр҃ковъ преѡбраженния. На вратехъ: д҃ цр҃ковь чюдортворца Кирїлла: є҃: цр҃ков, кн҃зя владїмера: ѕ҃: цр҃ковь архангела гаврїила. з҃: цр҃ковь болнїшная евѳїмїя велїкаго: и҃: цр҃ковь епїѳанїа кипрскаго: ѳ҃: врата св҃тые: і: мн҃тырь пр҃дтченской: а҃і: часовня юже св҃тыи самъ созда: в҃і: цр҃ковь іѡанна пр҃дтчи. г҃і: цр҃ковь Сергія радонежскаго чюдотворца: д҃і: Болнїцы: є҃і: кузница: ѕ҃і: житнїцы: з҃ї: житенной дворъ: и҃ї: житенно[і] дворъ новои: ѳ҃і: огородъ: к҃: архїмандрїческая келья: к҃ї: келия казначеїская; к҃в: келїя келарская: к҃г: приказъ келарской: к҃д: кельи новые: к҃є: келья житеннаго: к҃ѕ: к҃з: кельи поповскіе: к҃и: келья ризничего: к҃ѳ: келї братские: л҃: хлебеной дворъ: л҃а: мушной анбаръ: л҃в: мелница: л҃г: мелнїшные врата: л҃д: солодовни: л҃є сушила. л҃ѕ: поварня. л҃з: оружейная: л҃и: черная. л҃ѳ: погребы: зри* м҃: караулна: м҃а: палата

казенная: мв іконная: мг: гостіной дворъ: мд: тюрмы: ме: плотнишной дворъ: мѕ: Башня вологоцкая вышіна: ві: саженъ кругъ ея. мѳ саженъ: мз: башня кузнішная. вышіна. ді: саженъ кругъ ея. н. саженъ: мн: башня свитошная вышіна по͡л ѳ: саженї: мѳ: башня хлебенная по͡д в: сажени: н: Башня поваренная: на: Башня мереженая вышіна: еі: саженъ кругъ ея. н. саженъ: нв: врата троицкие: нг: Башня косая вышіна еі саже͡н кругъ ея. мд: саженъ: нд башня Ѳероп͡онтовская вышіна еі саже͡н кругъ ея н саженъ: не: врата казанские вышіна і. саженъ.

Зри вне обители зданиї. а: ц͡рковь казанские Б͡цы. в: ц͡рковь андреа первозваннаго. г: ц͡рковь модеста патріарха Іерусали͡мскаго д: гостинои дворъ: е: таможня: ѕ: анбаръ свитошнои: з: баня. н: Ізба мереженная: ѳ: анбаръ мереженноі: і: мелница аі: конюшеі дворъ: ві: санной дворъ: гі: Ізбы въ которы͡х кормя͡т датошны͡х ді: козница.

Пр͡пдбныи ѿ͡цъ Кирілллъ родомъ бѣ ц͡ртвующаго града москвы ѿ родителеи благородныхъ І изученъ бысть кніжнаго чтенія. І шедъ въ м͡нтырь Симоновъ І постріжеся ѿ архімандріта Ѳеодора І нареченъ воиноцехъ Киріиллъ и труждаяся служаше братіи вхлѣбне І вповарне Ізбранъ на архімандію и паки сеї санъ ѡстави. І служа вбезмолвіи во ѡсобоі келліи. І преїде ѿтуду въ м͡нтырь р͡жтва пресвя͡тыя Б͡цы завомои старіи І пребываше тамъ І начатъ молітіся. І абие услыша гласъ вне келліи издалеча свысоты воздуха г͡лющъ: кирилле Ізыде о͡тсюду І гряди на бѣло озеро тамо бо тебѣ уготовахъ мѣсто нанемже спасешіся. Імѣяше же пр͡пдбныи дховнаго брата именемъ Ѳерапонта бывалже ѳерапонтъ ѡный набелѣ озерѣ. ї соглашившеся оба убо їзыдоста їзмонастыря и ястася пути кбелу озеру. І пріидоша коуказанному въ віденіи ему мѣста. І возлюби е зело. І водрузи на немъ крестъ. Іразлучштася другъ о͡т друга І о͡тиде ѳерапонтъ недалече о͡ттуда. яко запетнатца͡т попріщъ. І обре͡л место угодное І вселіся. Ідеже потомъ ї монастырь устрои иже їдоныне Ѳерапонтовъ нарицается. мѣсто їдѣже пр͡пдбный кирилъ вселіся красно и кругло а водами ѡкрестъ огражде͡нно. ї мнозіи пріходящіи пострізахуся. созідо-

вахуся келіи. ї стрїшеся мнтырь и создана бысть црковь во имя пресвтыя бцы честнаго ї славнаго ея успенія. потомъ научаше пподбныи братию общежителнаго житія кого угодіти. еже къ Бгу посихъ всехъ преподбный Кирїилъ старостїю изнемогъ прїблїжїся къ блаженнѣи кончине своеї ї призвавъ Братию тогда Бяше: нг: брата іпоучивъ доволно. Таже прїчастївся Бжественныхъ таїнъ честную ї свтую свою дшу предаде вруце бжїи. мца їюніа въ ѳ. въ лѣто бытія міра: ҂ѕцлє. е отвоплощеніи бга слова: ҂аук з. прежївъ всѣх лѣтъ жїтїя своего: ч: лє т. вбелозерскую пустыню прїиде. ѯ. лѣт. идѣже состави обитель поживе лѣтъ: л:

Новоиздадеся їтїсненїем їзобразїся сия свтая лавра совсемї внеп зданіи юже вся изобразїся вышепїсанными числы показуется влѣто от рождества Бга слова: аψкг: сеї обители приархимандрите Іринархе. а возобновлена: 1742 году. прї бытностї архимандрита Вавилы. Бгу блгодаренїе ітрудшихся прошение. а: Бже преблгїи будї слава тебѣ. вездепрїсущу и вземлї и внебѣ. в: яко дал есї нам труд сеї начатї. здравым безбедным ї конец скончатї г: помозї ї впред тебѣ ся трудити допдеже в мїре дасё нам пожити. Грыдоровалъ в москвѣ мартинъ нехорошевски».

616 Б. Есть видъ Бѣлозерскаго монастыря на образѣ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, въ большой листъ, съ надписью: «Ново іздадеся тиснениемъ ізобразися аψкг при архимандрите іринархе всанктъ питеръ бурхе Грыдоровал Алеѯѣ ростовцевъ». (Пуб. биб. Собр. Даля, 80).

617. **Коневскій Рождественскій** монастырь, на островѣ Ладожскаго озера, основанъ препод. Арсеніемъ 1392 г.; былъ разоряемъ Шведами въ 1577 и 1610 гг. и возобновленъ въ 1825 году.

620. Добавить: внизу этого листа подпись: «**Видъ Новгородскаго Сковородскаго Монастыря** отстоящаго отъ Нова Града въ 3-хъ верстахъ, гдѣ на вскрытіи почиваютъ мощи Святителя Мои-

сея. Усердіемъ Архимандрита Герасима съ братіею 1818 году». Гравюра въ листъ, рѣзцомъ, въ манерѣ А. Степанова.

621—629. **Соловецкій монастырь,** мужской 1 класса, ставропигіальный, на Бѣломъ морѣ; существуетъ съ первой половины XV столѣтія; основатели и первые строители его препод. Савватій, Германъ и Зосима. Въ 1590 году построена вокругъ монастыря каменная ограда; въ 1651 г. учреждена здѣсь архимандрія. Въ 1667 г. иноки Соловецкіе девять лѣтъ бунтовали противъ царя и не хотѣли принимать новыхъ Никоновскихъ книгъ; воевода Мещерскій взялъ обитель послѣ двухлѣтней осады 22 января 1776 года, причемъ предалъ монаховъ жестокимъ истязаніямъ и казнямъ.

Въ 1764 г. Соловецкій монастырь сдѣланъ первокласнымъ, а въ 1765 г. ставропигіальнымъ; онъ имѣлъ у себя до 5000 душъ крестьянъ и сохранилъ до настоящаго времени громадныя земли и угодья (Ратшинъ, 1—6). О значеніи Соловковъ въ народномъ обиходѣ и путешествіяхъ туда богомольцевъ черезъ поморье подробно говорится въ заключеніи, въ главѣ о русскомъ богомольѣ.

Въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря находятся еще слѣдующія мѣдныя доски съ видами и планами Соловецкаго монастыря и принадлежащихъ къ нему скитовъ [1]):

1. «Рисунокъ св. Лавры преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ иже въ отоце океана моря». Внизу: «печатана втоиже Лавры ıг года». «Грыдоровали вмосквѣ Іванъ и Алексѣй Зубовы 1744 года». Огромная картина, награвированная на семи доскахъ листоваго размѣра.—Въ моемъ собраніи.

2. Видъ Соловецкаго монастыря съ дѣяньемъ преподобныхъ Зосимы и Савватія въ 10 отдѣленіяхъ, съ подписью»: Сія доска издадеся лѣта 1748. Маіа 10 дня. Печатанъ гı года. 20 ко. № г.

---

[1]) Въ это описаніе досокъ включены и виды, описанные во II книгѣ подъ №№ 621—629, съ тѣмъ, чтобы представить полный перечень всѣхъ Соловецкихъ видовъ.

3. Видъ Соловецкаго монастыря съ четырьмя преподобными, описаный подъ № 622; на оригинальной доскѣ, кромѣ приведенныхъ затертыхъ подписей поставленъ: «№ 22».

Слѣдуя хронологическому порядку, сюда должны быть поставлены подъ №№ 4 и 5, виды, описанные въ текстѣ II книги подъ №№ 623 и 624.

6. Видъ Соловецкаго монастыря; внизу тропарь и кондакъ преподобнымъ. Гравированъ въ 1762 году; доска листоваго размѣра.

7. Видъ Соловецкаго монастыря; кругомъ рамка изъ особыхъ полосъ, въ которыхъ помѣщено дѣянье преподобныхъ Зосима и Савватія, въ двадцати отдѣленіяхъ. Большая гравюра на семи доскахъ; внизу подпись: «Штыховалъ на мѣди Дмитрій Пастуховъ 765. Печатанъ втойже Лавры ıг̃ года. 80 ко̃ (цѣна листу)». Отпечатки есть въ моемъ собраніи.

8. Видъ монастыря съ дѣяньемъ преподобныхъ кругомъ, въ восьми отдѣленіяхъ; гравированъ на двухъ доскахъ; всрединѣ подпись мастера: «гр̃ид. тщ̃аніемъ и иждивенїемъ сея обители Архимандрита Досиоея съ братіею 1768 года. Старался С[х] почитатель. Акад. Наукъ. М. Міхаило Махаевъ».

9. Видъ монастыря «гр̃авировалъ Иванъ Саблинъ», граверъ второй половины прошедшаго столѣтія; во вторыхъ отпечаткахъ позднѣйшаго времени обозначено, что этотъ видъ изданъ при Архимандритѣ Иларіонѣ, въ 1837 году.

10. Сюда слѣдуетъ помѣстить № 621 (по тексту II книги), работы Баскакова; доска отпечатана первымъ изданіемъ съ помѣтою 1821 года, а во 2-мъ съ помѣтою 1837 года [2]).

11. Видъ Соловецкаго монастыря, на двухъ доскахъ; вверху Богоматерь на престолѣ и преподобные Зосима и Савватій; кругомъ ихъ дѣянье, а внизу видъ монастыря и подпись: «Іздадеся сїя доска 1791 года в'стаѵропигїално[м] Соловецкомъ мн̃трѣ Пріархімандрітѣ Іеронімѣ збратіею Грыд: Лука Зубковъ».

---

[2]) При житіи препод. Зосима и Савватія (Москва 1825 г. 4[0]) помѣщено изображеніе преподобныхъ съ подписью того-же мастера: «Грав. Серг. Баскаковъ».

12. Видъ Соловецкаго монастыря 1772 г., описанный подъ № 625.

13. «Планъ островамъ Соловецкому Анзерскому заецким муксульминскимъ ї протчїмъ вкругъ ихъ лежащихъ съ показанїемъ монастыря взаливѣ окїана бѣлаго моря. А рѣзанъ при Архимандритѣ Іонѣ 1800 года». Картина огромнаго размѣра, гравированная на 11-ти доскахъ.

14. Планъ Соловецкаго монастыря 1800 г.

15. Часть Соловецкаго острова и т. д.; 1801 года,—видъ описанный подъ № 619-мъ.

16. Сюда по хронологическому порядку слѣдуетъ поставить № 629.

17. Преподобные Михаилъ и Елеазаръ Анзерскіе, съ видомъ Анзерскаго скита—«1802 года. Грыд. Лука Зубковъ». Картинка листоваго размѣра, описанная подъ № 627.

18. Видъ и планъ Соловецкаго монастыря, двѣ доски—«1802 г. Грыд. Лука Зубковъ»; съ изображеніями Елеазара Анзерскаго и Михаила Малеина (Пуб. биб. Собр. Даля II. 85.).

19. Видъ, описанный подъ № 626; грав. Касаткинымъ.

20. Богоматерь съ преподобными Зосимою и Савватіемъ и видомъ ихъ обители; кругомъ рамка рококо; внизу десять строкъ виршей; подпись гравера счищена. Доска квадратная, листоваго размѣра.

21. Соловецкіе чудотворцы (четверо), съ видомъ монастыря; внизу четыре строки виршей; въ листъ.

22. Видъ Соловецкой обители, гравированный въ 1827 году при Архимандритѣ Досиѳеѣ; подпись гравера стерта; повтореніе № 9-го.

23. Видъ Соловецкаго монастыря, изданный при архимандритѣ Макаріѣ въ 1825 году, двухлистоваго размѣра.

24. Такой же видъ, изданный «при Архимандритѣ Иларіѣ въ 1837 году Гр.... (подпись затерта) № 33». Въ экз. пуб. биб. (Собр. Даля II. 87) подпись эта цѣла: «Гр. Сергѣй Баскаковъ». (другой противъ № 10).

25. «Изображеніе ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря, изданное при Архимандритѣ Иларіонѣ въ 1837 году.... №82»; въ листъ.

26. Большой видъ Соловецкаго монастыря съ рисунка А. Заливскаго гравировалъ Алексѣй Аѳанасьевъ въ Москвѣ въ 1850 г.; двухлистоваго размѣра.

27. Соловецкіе святые (четверо), съ видомъ монастыря; изданіе 1837 года.

28. Видъ Соловецкой обители, гравированный въ 1850 году (отцомъ Александромъ), безъ имени гравера; двухлистоваго размѣра.

29. Такой же видъ въ четвертую долю листа, гравированный въ 1852 году.

30. Знаменіе Богородицы съ преподобными Зосимой и Савватіемъ. Доска въ листъ, гравирована анзерскаго скита монахомъ, граверомъ Иваномъ Александровымъ Александровымъ въ 1859 году (безъ его имени).

Въ настоящее время монаховъ-граверовъ въ Соловецкомъ монастырѣ нѣтъ и отпечатковъ съ описанныхъ выше досокъ не дѣлается, за неимѣніемъ печатнаго стана. За тѣмъ виды монастыря литографируются и печатаются въ Москвѣ.

630. **Тихвинскій Введенскій** женскій монастырь 3 класса, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ; неизвѣстно когда основанъ; въ 1613 г. сожженъ Шведами, когда здѣсь жила въ заточеніи 4-я супруга Ивана Грознаго Анна Алексѣевна Колтовская, которая возобновила монастырь въ 1616 году, и погребена здѣсь въ 1626 г. (Ратшинъ, 391).

630 А. «Изображеніе тихвинскаго веденскаго дѣвичьяго монастыря усердіемъ игуменіи таисій, съ сестрами. 1809-го года. сіе тщаніемъ: С: К: Н: Р:» (Собр. Даля II, 79).

631. **Тихвинскій большой Богородицкій** монастырь, мужскій 2 класса, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ; основанъ архіепископомъ

Новгородскимъ Пименомъ въ 1556 году на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона Тихвинской Богородицы. Въ немъ находятся иконы Тихвинской Богородицы, письма евангелиста Луки, и Старорусской, перенесенной сюда лѣтъ за 250 изъ Старой Руссы, гдѣ оставленъ съ нея списокъ (Ратшинъ, 379).

632. Григорій Качаловъ, который вырѣзалъ этотъ видъ, граверъ на мѣди XVIII вѣка, род. въ 1711 году; учился гравировать у Вортманна; въ 1754 году состоялъ мастеромъ въ гридоровальной типографіи фигуръ въ одно время съ главнымъ мастеромъ Иваномъ Соколовымъ (см. русскіе граверы стр. 230).

Прибавить еще слѣдующіе виды монастырей полулубочной гравировки, которые печатались въ типографіяхъ на равнѣ съ народными картинками:

632 А. Видъ Александро-Свирскаго Монастыря: «изобразися благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Высокопреосвященнійшаго Амвросія митрополита Новгородскаго и С.-тъПетербургскаго и кавалера, попеченіемъ онаго монастыря Архимандрита и Кавалера Товіи» . . . . «*Рис. съ натуры и гравир. И. Ивановъ*». Въ двойной листъ; грав. рѣзцомъ. (Собр. Даля II, 821).

632 Б. Видъ Святоезерскаго Иверскаго Богородицкаго (что на Валаамскомъ озерѣ) монастыря. Двухлистовая картинка рѣзцемъ, съ описаніемъ внизу зданій, помѣщенныхъ на видѣ. «Рис. Архитекторъ *А. Макушовъ. Грав. А. Степановъ*» (Собр. Даля II, 75).

636 А. Прибавить: **Изображеніе монастыря Пива въ Герцеговинѣ.** Всрединѣ представленъ образъ Успенія; подъ нимъ подпись: «Сіє изображеніе ст҃агѡ Общежительнагѡ Мн҃тыря, называемагѡ Пива во Херцеговинѣ сꙋщагѡ храма оуспенїя прест҃ыя Бц҃ы

съ прочими стыми во время Блженнѣйшаго Патріарха Сербскаго Гдина Гдина Василія Іѡанновича, и преѡсщеннаго Митрополита Гдина Стефана Радивоевича, при преподобнѣйшемъ Ігуменѣ. Гдарь Мѡѵсей Лѵкичъ свободныя кралевскія Вароши Новагѡ сада житель собственнымъ своимъ иждивеніемъ соорѵжити изволилъ и реченномѵ Мнтырю Пиви за свои, и своихъ Родителей и сродниковъ вѣчный споменъ въ своемъ Отечествѣ даровати оусердствовалъ. Лѣта Гдня ҂аѱѯѕ. Мца Авгѵста еі дне въ Віеннѣ».

Надъ Успеніемъ изображено коронованіе Богоматери; а кругомъ всего листа рамка, съ изображеніями слѣдующихъ святыхъ: Стый пррокъ Ісаиа, Стый пррокъ и црь Давидъ, стый пррокъ Моѵсей, с. пррокъ Аронъ, с. пррокъ Соломонъ, с. пррокъ амосъ стый пррокъ Езекил, с. пророкъ Аввакумъ, с пр Захарія; стый Ѳеѡктистъ стый Давидъ, с. Стефанъ кр. алб. серб., стый Владиславъ Краль Сербскій; Св. Анна Царица; с. Стефаннемань а црь серб., стый Никодимъ Архіеп сербск; стый Савва в. Архіеп Сербскій, с. Савва а. Архіеп сербскій, с. Арсеній чудотв. в. архіеп сербскій стый Стефанъ архіеп серб. стый Стефанъ первовѣч. црь серб., стая Елена црица, с. Милутинъ д. крлъ сербск., стый Стефанъ м: крлъ ѕег., стый Ѵрошъ црь серб. неман., с вѣ князъ Лазаръ серб., с пррк. Еремія, св. пррокъ Міхей, г пррокъ Даніилъ.

637 А. Прибавить: **Горы Синайская и Аѳонская.** «Новая радость всѣмъ православнымъ христіанамъ для вѣчнаго прославленія имени Господа нашего Іисуса Христа въ знакъ пресвятыя Тройцы изображеніе сихъ стародавнихъ мѣстъ Синайской горы и Аѳонскія горы и всѣхъ досточудныхъ святыхъ мѣстъ Іерусалима». Картина четырехлистоваго размѣра, гравирована крѣпкой водкой въ манерѣ мастера А. Аѳанасьева (Пуб. биб. Собр. Даля, VI).

638 А. Прибавить: копія съ № 638, съ незначительными измѣненіями; текстъ тотъ же; подписи Нехорошевскаго нѣтъ, а вмѣсто нея прибавлено въ концѣ объясненіе нумеровъ: «Ѯа здѣ

падаша манна и птицы евреемъ ідѣже мірры горкия воды кгалото^м глава д». Изданіе на синей бумагѣ 1810 года.—Въ моемъ собраніи.

638 Б. Прибавить: видъ Синайской горы, изд. В. Кипріановымъ.

638 В. Прибавить: тотъ же видъ, съ подписью внизу: «Къ галатомъ глава 4»; начала XIX вѣка (Пуб. библ. Собр. Даля, VI).

638 Г. Прибавить: гора Синай, большая гравюра 1820—30 гг. послѣдняя строка подписи ея: «томъ глава 4-я». (Тамъ же).

638 Д. Прибавить: «бг̃ошественная гора синаиская»; большая картина четырехлистоваго размѣра, съ означеніемъ внизу святыхъ мѣстъ показанныхъ на планѣ.

638 Е. Прибавить: «Изображеніе Синайской горы»; четырехлистовая картина съ надписью: «Архіепископъ священной горы Синайской въ Аравіи Афанасіи привѣтствуетъ всѣхъ въ Европѣ Господъ христіанъ». «*Грав. М. Курочкинъ*»; Во второмъ изданіи этой картины внизу прибавлено: «Печатать позволяется, декабря 9-го 1844 года цензоръ морскаго собора Тимофей Никольскій». Грав. рѣзцемъ, (Собр. Даля, II. 76).

642. **Виды Іерусалима и Константинополя**, работы А. Гошемскаго. Адамъ Гошемскій, награвировавшій виды Іерусалима и Константинополя, и Іосифъ Гошемскій, награвировавшій множество картинокъ духовнаго содержанія,—Почаевскіе граверы второй половины прошедшаго столѣтія. Кромѣ гравюръ, поименованныхъ въ настоящемъ описаніи, Іосифомъ Гошемскимъ награвированы еще на мѣди: а) заглавный листъ, съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и разныхъ святыхъ (съ монограмою I. G.), для служебника, изд. въ Уневскомъ монастырѣ въ 1747 г. [1]); и б)

[1]) Въ Русскихъ Граверахъ (М 1870, стр 185) ошибочно приписана ему гравюра: Соборъ Архистратига Михаила, въ Кіевскомъ Акафистѣ 1674 г.

заглавный листъ для Празднеп, печ. въ Почаевѣ 1757 г. (съ полной подписью гравера: Ioseph Goczemski Sculp. 1757).

643. Исправить: изображеніе Іерусалима гравировано Ростовцевымъ *на мѣди*, а не на деревѣ, какъ показано по ошибкѣ на 324 стр. II книги.

644 А. Прибавить: Планъ-видъ Іерусалима, по птичьему полету, грав. двухъ съ половиной листоваго размѣра въ 1823 г.; вверху подпись: «Зою Павловичу Зосимѣ съ истиннымъ усердіемъ и преданнѣйше посвящаетъ издатель»; внизу: «Сіе изображеніе представляетъ Іерусалимъ, древнюю столицу Іудеевъ; городъ извѣстный въ исторіи человѣчества, по множеству важныхъ и достопамятныхъ произшествій, случившихся въ немъ самомъ, такъ и въ окружностяхъ его; здѣсь показано все заслуживающее достойное вниманіе и особенное замѣчаніе, какъ внутри такъ и внѣ стѣнъ Іерусалимскихъ; какъ то: храмъ Соломоновъ во всѣхъ частяхъ его, дворецъ Соломоновъ и тронъ сего премудраго Государя, домъ и гробница Давидова, мѣста судебныя гдѣ судили Спасителя нашего, жилище Первосвященника; Овчая Купель, Лобное мѣсто на коемъ принесъ крестную жертву Богу Отцу Изкупитель рода человѣческаго, Вертоградъ Воскресенія гдѣ Богочеловѣкъ совоскресилъ съ собою всяческая; Гора Елеонская, столь извѣстная по проповѣдямъ Христа; Виѳлеемъ драгоцѣнное мѣсто гдѣ родился тотъ, который стеръ главу змія и учинилъ насъ быть сонаслѣдниками славы Своея; также всѣ примѣчательныя зданія, врата, горы, рѣки, источники, долины и все освященное чудесами Христа Спасителя; ибо сія картина представляетъ Іерусалимъ таковымъ каковымъ онъ былъ за 1823 года, то-есть, когда былъ на землѣ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ; она гравирована съ оригинала изданнаго Адамомъ Рейснеромъ за 265 лѣтъ до нашихъ временъ *); а по таковой древности заслуживаетъ особенное вниманіе. Въ сей картинѣ изображена совершенная точность и подобіе на-

*) То-есть, въ 1558 году.

стоящаго оригинала». «Въ Москвѣ издалъ книгопродавецъ Василій Логиновъ 1825 года продается у него на Никольской улицѣ».

645. **Описаніе Іерусалима**, на русскомъ языкѣ, издано было два раза въ Вѣнѣ. Одно изъ этихъ изданій, вышедшее въ 1748 году, скопировано точь въ точь въ нашемъ изданіи въ четверку, съ тою разницею, что въ Вѣнскомъ изданіи на 2-й страницѣ (помѣченной цифрами 2 и 3) помѣщенъ слѣдующій текстъ, котораго нѣтъ въ русскомъ изданіи: «Ѡписаніе стаго Бжія града Іерусаліма Цркве живѡноснагѡ Гроба Гдня и прѡчіх стыхъ мѣстъ внихже по свидѣтелству стых Еѵлістѡвъ ѿ Рожд до Вознесени хртова мнѡгая ко спсенію члческому содѣяшася Преѡсщеннѣйшій и словеснѣйшій Гднъ Гднъ **Исаіа Антоновичъ** православный Архіеппъ и Митрополітъ Всегѡ вдержавѣ вышняго и всеславнѣйшаго дома аустрійскаго ѡбрѣтающагѡся сербо Славенскаго и Валахійскаго народа, и ихъ Цесар кралевс. велич. дѣиствителный дворныи совѣтникъ на попизнѣйшее прошеніе стнѣйшаго гдна симеѡна сѵмоновича архимандрита Іерусалимскаго во еже желающих ради слышати читати и разумѣти тѵпомъ издати и в народ ѿпущати сё блгословляетъ в' віеннѣ 1748-го ноемвріа 30».

Въ концѣ тетради, послѣ словъ: «ѡ спасеніи всѣхъ бга молите непрестанно», сдѣлана тоже прибавка: «Всесмиренный и недостойный рабъ живоноснаго Гроба Гдня, Сѵмеѡнъ Сѵмоновичь Архимандритъ Іерусалимскій».

Всего въ этомъ Вѣнскомъ изданіи 52 страницы, занумерованныя цифрами: «1—53» (на второй страницѣ текста два нумера: «2 и 3»)[1]).

---

[1]) Въ экземплярѣ этого изданія, находящемся въ собраніи Дурова, сдѣлана приписка, что въ 1819 году составленъ съ греческаго перевода Ревельскимъ епископомъ Филаретомъ «чертежъ Іерусалима», и что *о напечатаніи этой книги* (?) трудился, по благословенію Патріарха Іерусалимскаго Поликарпа, іеромонахъ Лука,—кіевскій монахъ, оставленный Поликарпомъ при гробѣ Господнемъ, и жалованный отъ Императора Александра I золотымъ наперстнымъ крестомъ (Сообщено Н. П. Дуровымъ). О Вѣнскихъ изданіяхъ Описанія говорится въ Библіогр. Запискахъ за 1859 годъ, стр. 279 и 280. Изданіе 1771 г. поименовано у Сопикова подъ № 7720 и у Смирдина подъ № 9810.

Наше листовое описаніе скопировано съ другаго Вѣнскаго изданія тоже въ листъ, въ которомъ, какъ и въ нашемъ листовомъ изданіи, на 2-мъ заглавномъ листѣ поставлены №№ 1, 2, 3 (вмѣсто 2 и 3), а впереди прибавленъ планъ въ большой (сложенный) листъ, съ слѣдующею подписью: «Вѣрный Чертежъ Величайшаго и Божественнаго храма Спасительнаго Воскресенія Господа Нашего Іисуса Христа и святыя и Божественныя горы Голгоѳы, и молитвеннаго дома жертвы Авраамовой и дома Благочестиваго Патріарха православныхъ Восточныхъ христіанъ и другихъ нѣкоторыхъ лицъ, сдѣланный Іеродіакономъ, общественнымъ живописцемъ Сербскъ Христ. Зес. Sp. V изданіе» [2]).

646 А. Исправить подпись: Вѣрное изображеніе города Виѳлеема и прочихъ окрестностей взятое со стороны Іерусалима съ присовокупленіемъ означенія тѣхъ мѣстъ которыя нынѣ прославляются и почитаются отъ христіанъ съ великою набожностью. Сіе изображеніе тщательно нарисовано и вырѣзано однимъ Германскимъ урожденцемъ членомъ ордена братій Св. Франциска, которой въ тѣхъ святыхъ мѣстъ находился съ 1749 по 1752 годъ». Картина четырехлистоваго размѣра, гравирована въ манерѣ А. Аѳанасьева, рѣзцомъ. Внизу—означеніе церквей и мѣстъ по нумерамъ. (Пуб. биб. Собр. Даля VI).

648. И. М. Снегиревъ замѣчаетъ, что въ этомъ росписаніи не поименованъ Петербургъ, и упоминаетъ о двухъ изданіяхъ его, одномъ XVII и другомъ начала XVIII вѣка (Лубочн. картинки, 74).

651 А. Прибавить: **Видъ Константинополя 1829 г.** Картинка въ большой листъ, гравированная на мѣди рѣзцомъ; подлинникъ находится въ моемъ собраніи. Подпись внизу картинки: «*Видъ Кон-*

---

[2]) Во всемъ прочемъ, текстъ Вѣнскаго листоваго изданія сходенъ съ текстомъ изданія 1748 года; только въ концѣ его вмѣсто: «непрестанно», поставлено: «молити не престану».

стантинополя или Царя града. Примѣчаніе цыфровъ. 1. Сарачи то есть Царя Турскаго полаты. 2. Канцелярія. 3. Ценгаусъ. 4. Храмъ Святыя Соѳіи нынѣже мечеть Турецкой. 5. Ипподромъ. 6. Переѣздъ. 7. Темничная башня въ Перѣ. 8. Султана багіязита мечеть. 9. Сулейманова мечеть. 10. Султана Махометъ Сулейманова сына мечеть. 11. Водоважда и каналы. 12. Столпъ на Аурѣтъ Пашѣ. 13. Замокъ въ Эдикулѣ. 14. Мехмета Паши мечеть. 15. Султана Мехмета мечеть. 16. Султана Селима мечеть. 17. Отсюду начались палаты Константина Царя до конца града. 18. Алмаратръ. 19. Часть Константиновыхъ палатъ. 20. Врата Константиновы. 21. Обведенный стѣнами садъ кипарисныхъ древъ. 22. Града и Замка Константинова конецъ. 23. Арсеналъ мѣсто гдѣ корабли строятъ. 24. Церковь Святаго Венеранда. 25. Церковь Святыя Галатины. 26. Церковь Святаго Іакова. 27. Высокій столпъ. 28. Ибраима Паши домъ. 29. Темничная башня. 30. Старой Сераль въ которомъ женскій полъ. Гравирова: Позволя: Москва 1829 года Августа 13 дня въ должности Предсѣдатель Сергей Аксаковъ».

654. По поводу этого герба припомнимъ Черногорскую пѣсню, затрогивающую нашу народную честность. Петръ I посылалъ посла своего Милорадовича уговаривать Черногорцевъ стать противъ Турокъ; стали Черногорцы, но турки одолѣли Петра подъ Прутомъ, и недѣлю длилося веселье; обернулось оно на Сербское горе и бездолье, Петръ по неволѣ помирился съ Туркомъ; Милорадовичъ ушелъ въ Россію и оставилъ въ Россіи Черногорцевъ. «А у насъ», прибавляютъ Черногорцы, «ведется какъ тогда, такъ и доселѣ, до послѣдняго будетъ оборона противъ всякаго и паче Турки; не тѣнь одна союзъ Черногорскій, еще нѣтъ того, ктобъ объярмилъ ихъ» (Кир. VIII. 272).

655 и 656. **Листы сошнаго письма.** Текстъ № 655 былъ перепечатанъ гражданскимъ шрифтомъ въ типографіи II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (съ измѣненіемъ ороографіи). Листы,

подобные нашимъ, напечатаны въ Описаніи Холмогоръ Крестинина и въ книгѣ: «Опытъ историч. изслѣдов. о межеваніи земель въ Россіи», Иванова. Свѣдѣнія о сошномъ письмѣ, а частію и изданія такихъ писемъ, можно найти въ слѣдующихъ книгахъ:

1. Въ статьѣ митрополита Евгенія: «О старинной Славяно-русской ариѳметикѣ», въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. № 17; 2. Въ статьѣ: «Нѣчто о древнемъ народосчисленіи и взиманіи податей въ Россіи», въ Сѣверномъ Архивѣ 1823 г. Іюль, № 13. ст. IV, 46—49; 3. Въ Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, V, 147—148; 4. Сошное письмо и межеваніе, въ Вѣстникѣ Европы 1822. №№ 3 и 4; 5. Печатный списокъ съ рукописи Трехлѣтова во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1853 г. Кн. XVII. №№ 9 и 10. Смѣсь Стр. 35—65 (по рукописи 1629 г.); 6. Роспись полевой мѣрѣ 1709 г.—тамъ же, Стр. 66—90,—и 7. Счетная мудрость, изданіе Общества любителей древней письменности, 1879 г. № 114 (подъ этимъ именемъ напечатаны три рукописи). Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ Н. В. Калачовымъ, который составляетъ обширное изслѣдованіе по этому предмету.

Василій Андреевъ, рѣзавшій листъ сошнаго письма, описанный подъ № 655, состоялъ въ числѣ граверовъ серебрениковъ при Московской Оружейной Палатѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Онъ учился мастерству своему у Аѳанасія Трухменскаго и награвировалъ много небольшихъ картинокъ чрезвычайно тонкимъ и блестящимъ рѣзцемъ. Листъ сошнаго письма замѣчателенъ по микроскопическому размѣру буквъ въ надписяхъ и текстѣ; другаго произведенія въ этомъ родѣ ни въ XVII ни въ XVIII вѣкѣ не встрѣчается. Всѣ работы Андреева описаны въ настоящемъ изслѣдованіи, а краткій перечень ихъ помѣщенъ кромѣ того и въ алфавитномъ указателѣ, подъ именемъ Андреева.

658. **Брюсовъ календарь,** шестилистовой, напечатанъ мѣдными досками, а не деревянными, какъ показано у Сопикова (Опытъ росс. библіогр. 1813, I. CXXVII). Въ этихъ шести листахъ за-

ключается два отдѣльныхъ календаря: одинъ на 1711 годъ, въ пяти листахъ (лл. 1, 2, 3, 4 и 6), и другой на 1716 годъ на одномъ листѣ. Первый изъ нихъ гравировался два года: 1-й листъ конченъ 12 марта 1709 года, 2-й—1 ноября того же года, 3-й въ 1710 году (4 и 5-й безъ года). Составленъ онъ, какъ сказано въ помѣтѣ, «подъ надзрѣніемъ» извѣстнаго Брюса и по повелѣнію Петра I, «тщаніемъ и трудами библіотекаря Василія Кипріянова»; при этомъ обозначено, что текстъ 4-го листа «съ предзнаменованіемъ дѣйствъ по теченію луны» переведенъ изъ нѣмецкой Астрологіи Вольфганга Гилдебрандта, а изобрѣтенъ онъ Мартыномъ Албертомъ «ѳеофрастическимъ медикомъ изъ Кемницъ»; луна представлена здѣсь: «какъ она была въ лѣто 1694 г.» 3-я таблица «переведена съ латинскаго изъ книги Іоанна Заганъ»; эту послѣднюю таблицу Кипріяновъ представлялъ на «апробацію Брюса» еще въ 1709 году въ Москвѣ, подъ именемъ: «абрисъ карты о инфлюенціи планетъ» (Русск. Архивъ 1866, 129). Первая и вторая таблицы, съ изъясненіемъ долготы дней въ Москвѣ и показаніемъ лунныхъ теченій на 19 лѣтъ, составлены тоже «подъ надзрѣніемъ Брюса».

Въ послѣдней таблицѣ изложены правила, какъ пользоваться четырьмя предыдущими таблицами, причемъ всѣ примѣрныя выкладки сдѣланы на 1711 годъ; въ этомъ 1711 году и былъ изданъ въ первый разъ полный пятилистовой Брюсовъ календарь.

За тѣмъ, въ 1715 году, стѣнной календарь награвированъ вновь, но вмѣсто прежнихъ пяти листовъ, всего на одномъ листѣ. Хотя на немъ и обозначено, что онъ изданъ тоже по повелѣнію Петра I и подъ надзрѣніемъ Брюса, но въ описаніи прибавлено, что онъ составленъ непосредственно «изобрѣтеніемъ ѿ биб. В. Кипріанова.» Этотъ календарь не представляетъ впрочемъ никакого новаго *изобрѣтенія,*—это простая, сокращенная компиляція прежнихъ четырехъ таблицъ: святцы, пасхалія и лунникъ заимствованы изъ 2-й таблицы; таблица астрономическихъ часовъ въ Москвѣ—изъ 1-й; предзнаменованіе дѣйствъ по планетамъ—изъ 3-й, а дѣйствъ по лунѣ—изъ 4-й.

Три листа изъ перваго Брюсова календаря, а именно 1-й, 4-й и 6-й, съ прибавленіемъ стѣннаго календаря 1715 года Кипріянова (листъ 5-й) встрѣчаются въ продажѣ довольно часто; мѣдныя доски, которыми они отпечатаны, находились во владѣніи фабриканта народныхъ картинокъ въ Москвѣ Ахметьева и печатались до конца прошедшаго столѣтія.

Составитель календаря Василій Кипріановъ былъ взятъ къ типографскому дѣлу изъ мѣщанъ Кадашевской слободы; въ 1715 году ему положено быть во второй гражданской типографіи въ Москвѣ, писаться *библіотекаремъ* и печатать книги и картины, которыя, какъ видно изъ подписи подъ 1-мъ листомъ Брюсова календаря, онъ самъ и гравировалъ съ ученикомъ своимъ Алексѣемъ Ростовцевымъ (См. выше стр. 451, а также мою книгу: Русскіе граверы. М. 1870. 233).

Генералъ-фельдцейгмейстеръ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ — сынъ шотландца Брюса, состоявшаго въ русской службѣ полковникомъ. Яковъ Брюсъ родился въ Москвѣ, въ 1676 году; при взятіи Азова состоялъ въ чинѣ капитана, былъ губернаторомъ въ Новгородѣ, съ 1705 года завѣдывалъ книгопечатнымъ дѣломъ. Это былъ ученѣйшій изъ сподвижниковъ Петра и, за свои познанія въ математикѣ и астрономическія наблюденія, слылъ въ народѣ колдуномъ. Брюсъ умеръ въ Москвѣ, 19 апрѣля 1735 года; похороны его были назначены 6 мая, но по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ происходили 14 мая. Библіотека его и музей, по его завѣщанію, перешли въ академическую кунсткамеру; опись оставшихся послѣ него книгъ, и вещей напечатана И. Е. Забѣлинымъ (Лѣтоп. Тихонр. I отд. I. 31). Изъ описанія, помѣщеннаго подъ № 657 видно, что главныя свѣдѣнія, заключающіяся въ Брюсовомъ календарѣ, представляютъ слѣдующіе отдѣлы: святцы, пасхалія, предсказаніе погоды по планетамъ и наставленіе, что̀ каждый день дѣлать и предпринимать, сообразно съ лунным̀ъ теченіемъ. Всѣ эти свѣдѣнія помѣщались въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ съ давняго времени. О святцахъ сказано будетъ ниже (въ прим. къ № 957). Для опредѣленія

пасхи въ Россіи руководствовались, какъ это видно изъ лѣтописей, великимъ кругомъ или индиктіономъ (составленнымъ на 532 года); двѣнадцатый великій индиктіонъ окончился въ 876 году.

«Въ лѣто 7000 въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ собранъ соборъ, на которомъ опредѣлено написать пасхалію на 8-ю тысячу лѣтъ, которую Зосима митрополитъ и поручилъ составить Новгородскому архіепископу Геннадію (7001 г. ноября 27); Геннадій составилъ ее на 70 лѣтъ; расчисленіе его было разослано при окружной грамотѣ по церквамъ, съ изложеніемъ правилъ для вычисленія пасхаліи до конца міра. Впослѣдствіи митрополитъ Макарій поручилъ составить пасхалію Новгородскому священнику Агаѳону, которымъ написанъ такъ называемый миротворный округъ (подлинникъ находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры); въ этомъ кругѣ не представляется ничего новаго: Агаѳонъ только упростилъ систему Геннадія и способъ пасхальныхъ выкладокъ» (См. статью Ундольскаго, въ Архивѣ Калачова. I, отд. III, 3).

Индиктіонъ, или Пасхалія зрячая, начался съ 1 марта; періодъ годовъ сентябрскихъ (введенныхъ съ девятидесятыхъ годовъ XIV вѣка) называется индиктомъ; индиктъ предшествуетъ индиктіону на полъ года. Въ XVII вѣкѣ опредѣленіе пасхи дѣлалось и посредствомъ пестряднаго ученія или ручной пасхаліи «сирѣчь руки Богословли» (тамъ же, стр. 13; и въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1846, II, въ ст. И. Бѣляева).

Постановленіе о томъ, что̀ дѣлать и чего недѣлать въ какіе дни, встрѣчается у насъ въ первый разъ въ сборникѣ Святослава (1075 г.). Въ немъ находимъ такія напримѣръ указанія: «априля 30, рѣпы не яждь... мая 31 поросяте не яждь». Объ этомъ же предметѣ существуютъ и особыя рукописи, поименованныя въ Памятникахъ отреченной литературы И. Тихонравова: «О часахъ добрыхъ и злыхъ» (II, 382); 2) о дняхъ добрыхъ и злыхъ (II, 386); 3) о дняхъ лунныхъ, въ какой день луны что дѣлать и чего не дѣлать (II, 388; рукоп. XVI в.) и 4) Мартолей сирѣчь Астрологія, рукопись XV в., которая заключаетъ предсказанія: «о лѣтномъ обхожденіи и воздушныхъ перемѣнахъ», что̀ дѣлать и чего

не дѣлать и не ѣсть, чтобы не нажить себѣ бѣды и жить въ покоѣ и счастіи [1]), а также и наставленія, какъ лечить разболевшагося человѣка и т. д. Въ этой рукописи помѣщено, между прочимъ, изображеніе двѣнадцати знаковъ зодіака, которые воспроизведены въ книгѣ И. Тихонравова (II, 398) [2]).

Наставленія, въ какіе дни не слѣдуетъ пускать крови, творить браковъ, когда бываетъ звѣзда полезна или вредна, встрѣчаются въ рукописяхъ XV в., въ такъ называемыхъ травникахъ и планидникахъ (Пуб. биб. Q. № 58 и 68). Въ травникѣ Соловецкой библіотеки (1562 г. № 44) упоминается даже о быліи, которое наводитъ страхъ на непріятельское войско, даетъ успѣхъ въ борьбѣ на звѣрей; легкое разрѣшеніе въ родахъ даетъ и отъ лихорадки избавляетъ; рѣзь тяжелую исправляетъ, тѣлесную похоть возбуждаетъ (каломунъ трава); есть и такое быліе, «кое вкусившему человѣку можно семьдесятъ кратъ со женою совокупитися»; есть и другое, подъ названіемъ спинная вошь, которое производило совершенно обратное дѣйствіе. «Аще хощешь вѣрность жены своей извѣдати», сказано тамъ же, «привяжи ей у горла въ маломъ пузырькѣ склянномъ кафры; аще кафръ счезнетъ, тогда нѣтъ отъ ней вѣрности, аще же цѣлъ будетъ, то есть вѣрность» (Древне-русск. отречен. вѣрованія, Θ. Керенскаго: Журн. Мин. Народ. Просв., т. 172, стр. 66).

---

[1]) Такія же предостереженія встрѣчаются въ Каличьихъ пѣсняхъ и въ народныхъ повѣрьяхъ. Въ сказаніи о 12 пятницахъ говорится, что̀ будетъ тѣмъ, кто не будетъ въ эти дни поститься; «а кто эти пятницы не сохранитъ и совокупится съ женою, у того зародится дѣтище либо глупо, либо клеветникъ, либо воръ, либо разбойникъ, или всякому злу начальникъ будетъ (Калики VI, 147).

[2]) Въ Соловецкомъ сборникѣ XVII в. упоминяются относящіяся къ тому же отдѣлу запрещенныя книги: «путникъ, о часахъ злыхъ и добрыхъ и о дняхъ луны; звѣздочетецъ звѣздъ и другой звѣздочетецъ, ему же имя стоднецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ полученія, урока житія и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безуміемъ и, оставя божію помощь, призываютъ бѣсовъ на помощь и невѣдуще божіихъ судебъ (Буслаевъ, Очерки, I. 486).

Къ отдѣлу о предузнаваніи времени относятся статьи, помѣщенныя у Тихонравова подъ заголовками: Громникъ, собранный царемъ Иракліемъ (II, 361), Молніяникъ (II, 375) и Колядникъ или Колядарникъ пророка Ездры, содержащій въ себѣ предсказаніе о томъ, что будетъ, если рождество Христово случится въ тотъ или другой день (по рукописи XV в.—II, 377). У него же упоминается еще (II, 422) звѣздочетецъ: «мудрость знаменію небесному, по чему разсудити планеты небесныя, что на кой годъ будетъ; изобрана многими сія премудрость» (рук. XVIII в.).

Цари наши издавна занимались астрологіей и алхиміей. Царь Михаилъ Өеодоровичъ читалъ астрологію и алхимію фонъ деръ Гейдена и посылалъ за астрономическими разъясненіями къ Энгельгардту въ 1654 году. Этотъ послѣдній подробно разъяснилъ значеніе планетъ въ жизни человѣка и вліяніе ихъ и кометъ на разныя событія на землѣ (Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, II, стр. 20—96). У царя Алексѣя были постоянные придворные альманашники; попъ Лазарь даже обличалъ его: «Царю благородный! како время сего не испытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питавши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити!» (Керенскій, 78). Петръ I былъ тоже порядочный суевѣръ и заказывалъ себѣ гороскопы.

Календарь-Альманахъ, въ полномъ составѣ, переведенъ въ первый разъ на славянскій языкъ, по мнѣнію Ундольскаго, съ польскаго языка, въ 1664 году [3]), подъ слѣдующимъ названіемъ: «Альманахъ на многія впредь будущія лѣта отъ Германъ, еже есть отъ нѣмецъ изъображенъ, художествомъ ученія пресвѣтлѣи-

---

[3]) До этого времени, еще при Иванѣ Грозномъ, одинъ иностранный купецъ привезъ въ Россію книгу календарь (конечно на иностранномъ языкѣ). Царь вытребовалъ ее и такъ какъ ничего въ ней не понялъ, то и велѣлъ сжечь (Сказан. о Димитріи Самозв. V. 67, замѣтка Маскѣвича).

шимъ разумомъ просвѣщенъ». Послѣ листа 77 присоединена къ нему: «книга глаголемая математика, новопреложенная съ Еллинска и Латинска, и Полска языковъ на Славянскій, въ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7172 года, а еже отъ воплощенія Бога Слова 1664 го» (Архивъ Калачова I, отд. III, 3). Затѣмъ слѣдуютъ: переводный календарь, посвященный царю Алексѣю Михайловичу, на 1670 годъ, переводный календарь Фохта на 1696 годъ, поляка Словаковича на этотъ же годъ, и мн. др., которые подробно описаны въ Наукѣ и Литературѣ при Петрѣ I, П. Пекарскаго (I, 283).

20 Декабря 1699 года изданъ указъ впредь начинать новый годъ не съ сентября, какъ было прежде, а съ 1-го января, какъ принято, сказано въ указѣ, не только въ Европейскихъ земляхъ, но и въ народахъ славянскихъ, «которые съ восточною православною церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Е. И. В. подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра нами православная принята». «А въ знакъ добраго начинанія новаго года» приказано было въ Москвѣ на домахъ сдѣлать украшеніе изъ сосновыхъ, еловыхъ и можевеловыхъ вѣтвей «противъ образцевъ, каковы сдѣланы на гостиномъ дворѣ и у нижней аптекѣ, или кому какъ удобнѣе»; «людямъ же скуднымъ каждому хотя по древцу или вѣтвь на ворота или подъ крышкою своею поставить; а стоять тому украшенію до 7 января»; 1-го января, когда на большой Красной площади огненныя потѣхи зажгутъ «въ знакъ веселія поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ»; палить изъ пушечекъ у кого такія есть по трижды и пускать ракеты; и также до 7-го января по ночамъ зажигать костры изъ соломы, хворосту и дровъ, и старыя смоляныя бочки; «а передъ бурмистерскою ратушею быть стрѣльбѣ и огнямъ по ихъ усмотрѣнію».

Первый печатный русскій календарь изданъ въ Амстердамѣ Копіевскимъ на 1702 годъ. Единственно извѣстный экземпляръ его находится въ Московской синодальной типографіи; въ Пуб-

личной библіотекѣ есть изъ него одни святцы (изъ собр. Каратаева)[4]).

За нимъ слѣдуетъ первый стѣнной календарь 1705 г., гравированный Фосбейномъ въ Голландіи и описанный подъ № 657; подлинная доска находилась и печаталась до конца прошедшаго столѣтія на фабрикѣ Артемьева. 28-го декабря 1708 года напечатанъ типографскимъ шрифтомъ первый календарь въ Москвѣ, а въ 1710 году изданъ описанный подъ № 658 стѣнной Брюсовъ календарь на пяти листахъ. Въ Петербургѣ первый календарь, въ видѣ книги, отпечатанъ на 1713 годъ. Кромѣ своихъ календарей въ Россію ввозились и календари, печатанные въ Польшѣ (см. № 666); въ Полномъ Собраніи Законовъ находимъ подъ 1738 годомъ указъ (26 декабря № 7715), которымъ предписывалось сжечь отобранные у одного мѣщанина въ Кіевской губерніи календари на 1739 годъ на польскомъ языкѣ, Львовской печати двухъ авторовъ, Астрономовъ Францишка Невскаго и другаго безымяннаго, по 150 экз. каждаго, такъ какъ въ этихъ календаряхъ въ прогностикахъ находятся «о нашей Имперіи, а особливо о Украйнѣ зловымышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе»; при этомъ запрещено и впредь провозить такіе календари черезъ границу, а употреблять приказано каждому календари, издаваемые въ Академіи Наукъ.

Указомъ 20 февраля 1780 года (Полн. Собр. № 14, 985), послѣдовавшимъ по донесенію директора Академіи Наукъ Домашнева о томъ, что изданіе календарей Академіи «особо съ самаго начала ея принадлежитъ» и приращеніе отъ продажи календарей

[4]) При введеніи Юліанскаго календаря, 1699-й годъ получилъ 16 мѣсяцевъ (См. статью Д. Перевощикова о печатныхъ календаряхъ,—въ Магазинѣ землевѣденія Фролова, III. 509, гдѣ перечислены всѣ годовые календари, начиная съ перваго годоваго календаря, напечатаннаго Матвѣемъ Ленсбергомъ въ Люттихѣ въ 1636 году и 1-го русскаго, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1710 году). Обстоятельное и подробное перечисленіе русскихъ календарей за 1725—1825 гг. составлено Н. Собко и помѣщено во II т. Словаря русскихъ писателей Г. Геннади (стр 93 и 363).

и книгъ идетъ на покупку спирта и камфары и приращеніе кунскамеры,—запрещено содержателю типографіи Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса Клеену печатать впредь календари, а напечатанные имъ календари, не производя онымъ продажи, приказано отослать въ Академію Наукъ.

Въ 1800 году поданъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе президентомъ Академіи Наукъ барономъ Николаи докладъ о томъ, что календари, издаваемые отъ Академіи, расходятся весьма въ ограниченномъ количествѣ, всего въ 16 или 17 тысячахъ экземплярахъ, что происходитъ отъ изданія календарей частными лицами въ Кіевѣ и Вильнѣ, и что слѣдовало бы, по примѣру прусскаго короля Фридриха II, отдавшаго изданіе календарей въ исключительную привилегію Академіи Наукъ, постановить тоже для Санктпетербургской Академіи. Докладъ этотъ Высочайше конфирмованъ, частные календари дозволено было выпустить въ послѣдній разъ на 1801 годъ, а затѣмъ изданіе календаря составляло исключительную привилегію Академіи Наукъ, до 1865 года [5]).

Указомъ 14 іюня 1801 года (Полн. Собр. № 19, 915) опредѣлено было даже, какія свѣдѣнія слѣдуетъ помѣщать въ календаряхъ: 1) въ обыкновенномъ—роспись праздникамъ и торжественнымъ днямъ, хронологію вещей и событій, росписи городамъ съ разстояніемъ ихъ отъ столицъ, «при чемъ», сказано, «само тамъ по себѣ разумѣется, что Мальту въ число городовъ россійской имперіи включать не слѣдуетъ»; 2) въ мѣсяцесловѣ съ росписью чиновныхъ особъ—печатать ихъ по губерніямъ, какъ было до 1797 года; 3) въ придворномъ календарѣ прописываются: совѣтъ, придворный штатъ, орденскіе кавалеры (въ томъ числѣ и состоящій подъ покровительствомъ Е. И. В. орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго).

Указомъ 27 іюля 1801 г. (Полн. Собр. № 19, 959) дозволено издавать въ Ригѣ календари на латышскомъ, эстскомъ и еврей-

---

[5]) Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія 27 сентября 1865 г., эта привилегія отмѣнена, и издавать календари дозволено всѣмъ.

скомъ языкахъ «простонародные, содержащіе въ себѣ, по засвидѣтельствованіи цензуры, статьи весьма нужныя и полезныя для обывателей тѣхъ языковъ (Академія же оныхъ не печатаетъ, и потому отъ продажи тѣхъ календарей ей убытку быть не можетъ)»; а указомъ 29 декабря 1801 года (Полн. Собр. 20, 081) дозволено печатать вообще провинціальные календари «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде они издаваемы были, съ наблюденіемъ въ точности всѣхъ правилъ, цензурой предписанныхъ». Предложеніями Министра Народнаго Просвѣщенія Московскому Цензурному Комитету, отъ 21 января и 28 февраля 1829 года, 24 января 1830 года и 7 февраля 1833 года, предписано не дозволять печатаніе календарей вопреки привилегіи Академіи Наукъ, и вообще книгъ, «въ коихъ будутъ хотя и подъ другимъ названіемъ, заключаться свѣдѣнія, исключителъно принадлежащія календарю, издаваемому Академіею Наукъ». При этомъ впрочемъ дозволялось въ астрологическихъ книгахъ (?) перепечатывать святцы, а равно издавать и перепечатывать полные христіанскіе календари, издаваемые совершенно по другому плану, нежели академическій. Не смотря на всѣ эти запрещенія въ народѣ обращались старинные стѣнные календари и Брюсовъ календарь книжкой, которые печатались съ прежнимъ годомъ, въ огромномъ количествѣ, не только въ прошедшемъ вѣкѣ, но и въ первой четверти нынѣшняго; печатались на равнѣ съ ними и таблицы съ предсказаніемъ погоды по планетамъ (см. № 658—671). Стѣнной календарь 1831 года, описанный подъ № 672, изданъ уже Академіею Наукъ.

Въ заключеніе упомянемъ о такъ называемыхъ *разныхъ* народныхъ календаряхъ, рѣзанныхъ на палкахъ, табакеркахъ, дощечкахъ и т. д., и обращавшихся у сѣверныхъ обитателей въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ и въ Сибири. Большинство этихъ календарей придерживается мартовскаго года и только немногіе сентябрьскаго. П. И. Саваитовъ описываетъ деревянный зырянскій календарь, состоящій изъ шестигранной палочки, вершка четыре длиною; на граняхъ ея сдѣлано 365 зарубокъ, по числу дней простаго года, а на ребрахъ вырѣзаны знаки непо-

движныхъ праздниковъ; календарь этотъ изобрѣтенъ (въ половинѣ XIV в.) препод. Стефаномъ Пермскимъ, составителемъ зырянской азбуки (Труды 1-го археологическаго съѣзда. М. 1869, 409). Въ сочиненіи В. И. Срезневскаго, разобранномъ въ 16-мъ Отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ въ 1873 году, подробно описаны памятники этого рода, хранящіеся въ Санктпетербургской Академіи Наукъ, Гельсингфорсѣ и другихъ мѣстахъ.

660 А. Есть еще другое изданіе этого листа, начала нынѣшняго вѣка, отпечатанное на синей бумагѣ; подпись таже, но внизу помѣчено: «1787 года».

661 А. Въ моемъ собраніи есть повтореніе этого листа, скопированное точь въ точь съ гравированнаго Нехорошевскимъ въ 1756 году; внизу помѣчено: «1787 года».

662 и 663. **Брюсовъ календарь на 47 листахъ** заключаетъ въ себѣ тѣже свѣдѣнія, что и пятилистовой, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ таблицъ, поименованныхъ въ оглавленіи, помѣщенномъ на 1 листѣ его, и подробныя прогностики о томъ, какого будетъ нрава и жизни человѣкъ, родившійся подъ извѣстнымъ знакомъ Зодіака. На листѣ 45, въ этомъ календарѣ (№ 662), находится карта Московской губерніи, съ помѣтою: «1726 году мц҃а августа тщан.: в: к:» (II. 431), т. е.: тщаніемъ Василія Кипріанова (который составилъ календари, описанные подъ № 658), между тѣмъ какъ самые ранніе экземпляры 47-ми листоваго календаря посвящены Елисаветѣ Петровнѣ, и потому относятся ко времени гораздо позднѣйшему. По всей вѣроятности часть досокъ была изготовлена для изданія 47 листоваго календаря самимъ Василіемъ Кипріановымъ, за тѣмъ послѣ его смерти трудъ Кипріанова былъ продолженъ другими мастерами. Это предположеніе подтверждается и поставленнымъ на картѣ Россіи (листъ 46-й) именемъ гравера Нехорошевскаго.

666. **Календарь Квасовскаго**, тайнаго секретаря и присяжнаго транслатора его королевскаго Прусскаго величества. 1-е изданіе

его напечатано въ 1720 г. въ Кіевской Лаврѣ (на 1721 годъ); 2-е напечатано въ друкарнѣ Кролевца Прусскаго въ 1727 г.: оно посвящено Ѳеофану Прокоповичу, Феофилакту Лопатинскому и др. лицамъ (этимъ посвященіемъ наполнены цѣлыя двѣ страницы). Календарь двойной: старый православный и римскій (Фроловъ, Магазинъ землевѣд., III. 524. — Геннади и Собко, Справ. Словарь, II. 95 а).

Въ Публичной Библіотекѣ есть другое изданіе его, такой же печати, на 1730 годъ (20 листовъ: Строевъ Дополнен. 1841 г. № 155—Геннади и Собко, II, 84 а). Изъ Календарей Квасовскаго, печатанныхъ гравированными досками, въ Библіотекѣ есть два изданія: въ 8°, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Календарь грекω русски По штилю иулиянскому......», всего 44 листа; 2-е изданіе того же года, въ 8° же, съ слѣдующимъ заголовкомъ: » Календарь на сто лѣтъ. По штилю....»; оба напечатаны въ Кенигсбергѣ (сообщено Каратаевымъ).

674. **Времена года.** Текстъ этихъ картинокъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, взятъ изъ старинныхъ пасхалій (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 154); такой же почти текстъ находимъ и въ сборникѣ Буслаева, но нѣсколько подробнѣе (Очерки, II. 314). Въ хоромахъ царя Ѳеодора Алексѣевича времена года были написаны живописцемъ Салтановымъ на подстольяхъ.

Аѳанасій Трухменскій, рѣзавшій эти картинки, искуснѣйшій изъ всѣхъ граверовъ-серебрениковъ второй половины XVII вѣка; онъ находился при Оружейной палатѣ фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастеромъ, обучилъ мастерству своему хорошаго гравера Василія Андреева и награвировалъ множество разныхъ гравюръ, чрезвычайно тонкимъ и красивымъ рѣзцомъ. Съ его времени, кажется мнѣ, появляются у насъ украшенія и рамки, составленныя изъ цвѣтовъ (въ горшкахъ), птицъ и животныхъ, напоминающія обои и шкафныя доски, до нынѣ существующія въ Дамаскѣ и другихъ Малоазіатскихъ городахъ. Произведенія Трухменскаго подробно описаны въ книгѣ: Русскіе граверы (стр. 310); въ настоящемъ изслѣдованіи прежнее описаніе значительно пополнено.

675. **Предсказанія Мартына Задеки.** У меня есть еще два изданія этого предсказанія, въ 8 картинкахъ: *б*, съ надписью— «примечанія достоиное предсказаніе».... на бумагѣ 1820 года, и *в*, точно такое же и съ той же доски, но пройденной рѣзцемъ (напримѣръ земля съ правой стороны въ 5-й картинкѣ въ этомъ изданіи затѣнена въ двѣ черты на крестъ, тогда какъ въ изданіи *б*, она затѣнена въ одну черту). Этого предсказанія есть много изданій, напечатанныхъ типографскимъ шрифтомъ, начиная съ 1770 года. Онѣ перечислены въ книгахъ: Матеріалы для русской библіографіи 1725—1800. Н. В. Губерти. М. 1878, стр. 270, и Справ. Словарь Геннади и Собко, II. 21—22 и 377. Въ 1854 году они были перепечатаны отдѣльной брошюрой (безъ картинокъ), съ прибавленіемъ другаго предсказанія — о разрушеніи Турецкой имперіи. Въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ брошюра эта была представлена на усмотрѣніе государя Николая Павловича, который собственноручно положилъ на ней слѣдующую резолюцію: «лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

677. **Гадательная книжка царя Соломона** представляетъ извлеченіе разныхъ поученій изъ Колъ, описанныхъ подъ №№ 731—733, и Случаевъ сказанія за № 734, а также изъ №№ 735, 736, 759 и 761.

679. **Букварь Каріона Истомина** былъ составленъ для обученія царевича Алексѣя Петровича, и поднесенъ Истоминымъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, въ 1692 году; рукописный экземпляръ его находится въ собраніи гр. Уварова; Леонтьемъ Бунинымъ[1]) выгравированъ онъ въ 1694 году. Въ 1829 г. въ СПБ. азбука Истомина была напечатана типографскимъ шрифтомъ (Словарь Геннади и Собко, II. 70).

---

[1]) *Леонтій Бунинъ*, граверъ на мѣди и знаменщикъ (рисовальщикъ) серебряной палаты при Оружейной палатѣ, учился гравированію у А. Трухменскаго; послѣдняя доска его помѣчена 1714 годомъ; гравюры его рисованы и рѣзаны плохо, тѣни проложены короткими и грубыми черточками. Въ описаніе народныхъ картинокъ вошли всѣ произведенія Л. Бунина, безъ исключенія.

О букварѣ К. Истомина есть статья въ Сѣверномъ Архивѣ (1822. IV. 7—17), съ факсимиле съ буквы Ж. Сопиковъ говоритъ въ своемъ Опытѣ библіографіи, что букварь этотъ былъ изданъ два раза, и что оба изданія вышли въ 1694 г. (I. 168 и 169); Но какой либо разницы въ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ букваря Истомина мною не замѣчено.

До этого лицеваго букваря были напечатаны (шрифтомъ) слѣдующіе славянскіе буквари: 1-й, въ Вильнѣ въ 1596 году, въ друкарнѣ православнаго братства, подъ заглавіемъ: «Наука ку читаню и разумѣню писма словенского, тутыжъ и о святой троици и о въ человѣченіи Господни (Сахаровъ Обозр. библ. I. 2. № 101); въ этомъ букварѣ помѣщены: азбука, склады, символъ вѣры, молитвы, изложенія о православіи Стефана Зизанія и о знаменіи крестномъ (Стефанъ и Лаврентій Зизаніи, извѣстные противники папства, изложили здѣсь главные догматы православной вѣры). 2-й, въ Вильнѣ же въ 1621 году (Пекарскій, Наука и Литература при Петрѣ В., I. 168); 3-й—въ Москвѣ въ 1634 году, трудами Вас. Ѳед. Бурцова, дьякона при Москоскомъ патріархѣ, и 4-й—тамъ же въ 1637 году,—оба съ картинками, изображающими школу (послѣднія впрочемъ находятся рѣдко при книгѣ) [2]).

Затѣмъ идутъ буквари, изданные въ Вильнѣ въ 1652 году; въ Москвѣ и Кіевѣ въ 1664 г.; въ Львовѣ въ 1671 г. и въ Москвѣ въ 1679 г.; въ этомъ послѣднемъ помѣщены образцы риторическихъ привѣтствій къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе св. Духа и новое лѣто, и поученіе, въ стихахъ, о пользѣ розги (Забѣлинъ: Отеч. Зап. 1854. 12; см. выше IV. 336). Рядомъ къ этими печатными букварями и лицевымъ букваремъ Истомина, въ народѣ ходили азбуки рукописныя; одна изъ такихъ азбукъ 1707 года описана въ Архивѣ Калачова (III. отд. 3).

Относительно художественнаго исполненія букваря Каріона Истомина, замѣчу, что *буквицы* такого рода съ роскошными много-

[2]) См. Сѣвер. Архивъ 1823. I. 480—493 и VI. 314—327.

дѣльными украшеніями встрѣчаются въ рукописномъ обиходѣ XVII вѣка довольно часто: 1. Въ СПБ. Публичной Библіотекѣ хранится рукописная «буквица», сдѣланная искустнымъ каллиграфомъ конца XVII вѣка. Буквица эта состоитъ изъ двухъ столбцевъ, имѣющихъ до 12-ти аршинъ длинны (оба вмѣстѣ) и наполнена заставками, рамками, клеймами съ вязью и всевозможными украшеніями, которыя представляютъ много общаго съ украшеніями, встрѣчающимися въ Синодикѣ Бунина 1702 года, съ рамками (на черномъ фонѣ), рѣзанными мастеромъ Василіемъ Андреевымъ, и съ рамками, въ которыя вставляли свои произведенія граверы-серебренники конца XVII вѣка. Монахъ Каріонъ Истоминъ несомнѣнно имѣлъ въ виду эту буквицу, при составленіи своего букваря (№ 679): образцы буквъ обѣихъ книгъ очень сходны; только въ буквицѣ они сложнѣе и красивѣе, въ букварѣ же выпущено все то, что было не подъ силу граверу Бунину. Буквица Публичной Библіотеки издана въ 1877 году Обществомъ любителей древней письменности; она отлично выполнена посредствомъ фотолитографіи мастеромъ Рейнгардтомъ; жаль только, что издатели не потрудились прочесть находящіяся въ ней клейма и подписи вязью — 2. Въ Патріаршей Синодальной Библіотекѣ есть другая «азбука фряжская словенскаго языка», писанная вязью на 28 листахъ (это расклеенный столбецъ). Заставки и украшенія въ ней одного стиля съ Румянцевскою (№ 3); на одномъ изъ первыхъ листовъ представленъ левъ и попугай въ коронахъ, сходные по рисунку съ буквицей Публичной Библіотеки. — 3. Въ Румянцевскомъ Музеумѣ имѣется буквица, состоящая изъ широкаго столбца въ 13 аршинъ; впереди 3 листа съ разными украшеніями, въ числѣ которыхъ помѣщена птица *Сиринъ*. Обѣ послѣднія азбуки, точно такъ какъ и буквица Публичной Библіотеки, сдѣланы посредствомъ *перевода на зельъ*: въ этомъ процессѣ иконникъ дѣлаетъ свои рисунки на левкашеной доскѣ, выводя ихъ посредствомъ кисточки и пера — сажей стертой на липкомъ чесноковомъ соку; готовый просохшій рисунокъ *подсыряется* посредствомъ дыханія, за тѣмъ на него накладывается бумага, по которой осторожно притираютъ ног-

темъ или гладкимъ камнемъ; при этомъ способѣ искусный иконникъ можетъ получить съ жирно *проложеннаго рисунка* два и даже три послѣдовательные снимка или перевода; выгода такой рисовки заключается еще и въ томъ, что во время работы иконникъ можетъ дѣлать поправки, т. е. стирать свою рисовку и замѣняетъ ее новымъ рисункомъ [3]).—4. Въ Румянцевскомъ Музеумѣ есть еще столбецъ въ полулистовую ширину и въ 8 аршинъ длинны, съ буквицей, выполненной несравненно хуже предыдущихъ и прямо перомъ по бумагѣ, а не посредствомъ перевода.

Каріонъ Истоминъ, іеромонахъ Московскаго Чудова монастыря и справщикъ Московской духовной типографіи, обучался въ Московской духовной академіи у братьевъ Лихудовъ (См. Словарь писателей духовнаго чина Митрополита Евгенія). Кромѣ вышеприведеннаго букваря, онъ сочинилъ: 1. цѣлую книгу привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ въ 1681 г., (она хранится въ числѣ рукописей въ Академіи Наукъ); 2. стихотворную поэму на бракъ царя Петра съ Евдокіей Ѳеодоровной въ 1689 г. и т. д. Въ 1712 г., когда Лихуды завели при домѣ Іова митрополита Новгородскаго, греко-латинское училище, Каріонъ былъ вызванъ туда для перевода книгъ съ греческаго языка; черезъ годъ онъ вернулся въ Москву и умеръ въ Чудовомъ монастырѣ (Словарь Евгенія. СПБ. 1827, I. 310). Каріонъ былъ наставникомъ при царевичѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (См. выше, IV стр. 136).

684. **Ариѳметика.** Въ продолженіе XVII столѣтія, по удостовѣренію Пекарскаго, въ Россіи издано было только одно математическое сочиненіе, именно: «Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи. Москва 1682 года». Въ предисловіи такъ объяснялось употребленіе этого руководства: «Сія книжка, читателю любезный, надобна человѣку для скораго всякія вещи цѣны

*) Объ этомъ способѣ см. подробнѣе въ моемъ сочиненіи О русскомъ иконописаніи.

обрѣтенія, который кто купити или продати хощетъ: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книжкѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ посторонних верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положити, сколько чего продаетъ или покупаетъ въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа поиди рядомъ клѣточками и дойди до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа—столько будетъ за тотъ товаръ и цѣны копѣйками или алтынами, или рублями.... И о семъ, читателю, буди тебѣ извѣстно, что въ сей книжкѣ положено счету, краткости ради, только одно это. А если мѣра или цѣна превзыдетъ число счета, который положенъ въ сей книжкѣ, и тому возможно по сему же счету, мѣру и цѣну умножая, хотя многія тысячи счести. Здравствуй и о трудившихся въ семъ дѣлѣ, моли Бога» (Наука и Лит., I. 263). Книжка эта была перепечатана въ 1714 году въ Санктпетербургѣ, съ замѣной славянскихъ цыфръ арабскими; въ народѣ расходилась она плохо, такъ что въ 1715 году ея было на лице въ типографіи 980 экземпляровъ; въ 1717—21 гг. отпущено въ книжную лавку 678 экземпляровъ, а въ 1752 г. въ Московской синодальной типографіи она употреблена, въ числѣ 566 экземпляровъ, на обертку (Пекарск. II. 330). Въ 1715 году издана пространная ариѳметика Магницкаго, которую онъ, какъ самъ говоритъ, собралъ изъ многихъ разноязычныхъ книгъ, греческихъ, латинскихъ и старо-переводныхъ.

685. Сочинитель Альфы и Омеги Симонъ *Тодорскій*—переводчикъ съ нѣмецкаго языка; нѣсколько переведенныхъ имъ книгъ напечатано шрифтомъ типографіи Копіевскаго въ Галлѣ (Пекарскій, Наука и Лит., I 18). Тодорскій былъ наставникомъ Петра III и былъ назначенъ къ Екатеринѣ II, для обученія ея закону божію (Древн. и Нов. Россія. 1878, Февраль, 118).

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга III.

686—689. **Притча о Лазарѣ** была въ большомъ ходу въ Европѣ въ XVII вѣкѣ, лицевыя изображенія изъ нея помѣщались даже въ альманахахъ; они, впрочемъ, не имѣютъ съ нашими картинками №№ 686—689 никакого сходства (Nisard, I. 91). У насъ притча эта помѣщалась издавна на иконѣ Страшный судъ, а въ XVII вѣкѣ она была написана въ алтарѣ Московскаго Архангельскаго собора на стѣнахъ, гдѣ и сохранилась до настоящаго времени (Прохоровъ, Христіанскія Древности, 1876 г.).

Наши Калики перехожіе поютъ пѣсни о Лазарѣ преимущественно передъ прочими. По ихъ причитаніямъ оба Лазаря были родные братья; бѣдный просилъ у богатаго милостыни, но тотъ не подалъ ему и ушелъ пировать въ садъ; когда оба Лазаря умерли, Богъ послалъ по душу бѣднаго Лазаря тихихъ ангеловъ, а душу богатаго грозные ангелы вынули сквозь ребра, взоткнули ее на копье и унесли въ таръ-тарары; за тѣмъ слѣдуетъ причитанье о томъ, какъ богатый Лазарь, истязуемый въ аду, взываетъ къ бѣдному Лазарю о помощи (Безсоновъ, I. 43—97). Въ одномъ изъ нашихъ рукописныхъ сборниковъ начала XVIII вѣка попадается комедія—мистерія, сочиненная на эту же притчу (Пекар-

скій, Наука и Литература, I. 437 и 438). Притча о Лазарѣ, въ томъ видѣ, какъ она изображена на народной картинкѣ, помѣщается и на церковныхъ стѣнахъ. Описаніе ея въ греческомъ подлинникѣ Дидрона тоже согласно съ переводомъ нашей картинки (Didron, Manuel d'iconographie chrétienne. Paris 1845, 221).

686 А. Прибавить: Въ моемъ собраніи находятся два полулисточка, остатки большой картины притчи о Лазарѣ, гравированной на деревѣ, въ иконномъ пошибѣ; на нихъ (сложенныхъ вмѣстѣ) въ верхней полосѣ представленъ пиръ богатаго; справа лежитъ Лазарь въ гноищахъ; въ нижней полосѣ ангелы несутъ душу умершаго Лазаря, съ подписью: «несоша агг̃ли гд̃ні дш̃у Лаѕаря|убогаго налоно свт̃аго|авраама». Вся картина была повидимому четырехъ—листоваго размѣра.

696. **Комедія притчи о блудномъ сынѣ бываемое въ лѣто 1685.** Картинки этой книжечки награвированы на 64 отдѣльныхъ дощечкахъ, судя по работѣ, русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1687 году (См. Русскіе граверы, 262), и вѣроятно по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго въ иностранныхъ изданіяхъ.

Изъ внимательнаго обозрѣнія одинадцати неполныхъ экземпляровъ этой комедіи въ разныхъ собраніяхъ, оказывается, что она была издаваема три раза,—и всѣ три раза съ однѣхъ и тѣхъ же досокъ. Первое изданіе сдѣлано съ досокъ неподправленныхъ; во второмъ доски грубо пройдены рѣзцемъ, при чемъ на картинкѣ № 2, въ нижней части, на плащѣ актера, говорящаго прологъ, видна черта, снизу вверхъ, происшедшая отъ сорвавшагося рѣзца, которымъ граверъ проходилъ доску; третье изданіе напечатано въ концѣ прошедшаго столѣтія, на тогдашней желтоватой бумагѣ, съ досокъ, сохранившихся еще въ исправномъ видѣ. Бумажныхъ знаковъ ни въ одномъ изъ трехъ изданій не имѣется.

Комедія о блудномъ сынѣ написана въ виршахъ Симеономъ Полоцкимъ; монологи ея нѣсколько напоминаютъ: «Acolastus, de filio prodigo comaedia 1529» (Fullonius: Nisard, Hist. des livres popul., I. 191); но текстъ нашей комедіи пространнѣе и въ самомъ расположеніи пьесы много перемѣнъ и прибавленій, такъ что она должна быть сочтена произведеніемъ вполнѣ оригинальнымъ*) (См. тоже Сынъ Отеч. 1838. XII, VI, 110—112; Древняя и Новая Россія 1877 года). Авторъ нашей комедіи, Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полотскій, род. въ Полоцкѣ въ 1628 г.; послѣ присоединенія Малороссіи и Смоленска къ Россіи, онъ пріѣхалъ въ числѣ многихъ тамошнихъ ученыхъ людей въ Москву въ 1667 г., гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ ему воспитаніе сына своего Ѳеодора Алексѣевича. Полотскій составилъ множество книгъ, написалъ большое количество поздравительныхъ и прославительныхъ виршей царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу; онъ первый началъ говорить экспромптомъ проповѣди; онъ же предполагалъ поставить Никона папою, а митрополитовъ сдѣлать патріархами; умеръ 52 лѣтъ, 25 августа 1680 г. Виршевыя произведенія его собраны имъ самимъ въ книгѣ Риѳмологіонѣ (Москва 1678 г.); въ нее включена и наша комедія о блудномъ сынѣ, а также и трагедія о Навуходоносорѣ (Евгеній, Слов. духовн. писат., II. 216).—Мастеръ, подъ надзоромъ котораго сдѣланы картинки комедіи о блудномъ сынѣ, Петръ Пикаръ, голландскій граверъ прошедшаго столѣтія, вывезенъ въ Россію самимъ Петромъ, въ первую поѣздку его за границу. Въ челобитной, поданной въ 1727 году, Пикаръ пишетъ, что отецъ его служилъ Россіи до 1708 года, и что онъ (слѣдуетъ читать *вмѣстѣ съ* своимъ отцемъ) находится на службѣ русской близъ сорока лѣтъ, то-есть съ 1687 года (?); по этому не подлежитъ сомнѣнію, что доски комедіи блуднаго сына гравированы по инвенціи (рисункамъ) Пикара отца, имъ самимъ и подъ его смотрѣніемъ нашими граверами Леонтіемъ Бунинымъ и Григоріемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣкоторыхъ картинкахъ комедіи. Пикаръ сынъ, съ 1708 года, значится *грыдовальнаго дѣла мастеромъ* при

Московской типографіи, а при немъ подмастерьями Иванъ Зубовъ и Петръ Бунинъ; въ 1714 году онъ высланъ въ Петербургъ въ новозаведенную типографію (въ 1711 г.), въ качествѣ перваго гравера; здѣсь при немъ работали: старые мастера Алексѣй Зубовъ, Ростовцевъ и Мякишевъ. Пикаръ пробылъ здѣсь до закрытія типографіи, т. е. до 1727 года; съ этого года онъ жилъ въ крайней бѣдности, дряхлости и чахоточной болѣзни и подавалъ тщетныя просьбы о выдачѣ ему какого либо содержанія; послѣдняя изъ этихъ просьбъ помѣчена 1732 годомъ. Пикаръ награвировалъ множество картинъ для книгъ, нѣсколько большихъ портретовъ, видовъ и баталій, которые подробно описаны въ книгѣ: Русскіе граверы, на стр. 262—269.

697. **Не поминай имени дьявола.** Въ западной литературѣ есть много назидательныхъ легендъ о томъ, какъ опасно поминать и призывать дьявола. Въ *Promptuarion'ѣ* пастора Гандорфа (Франкф. на Майнѣ, 1574; лл. 63 и 64) разсказываются объ этомъ слѣдующіе случаи: 1) во время одной охоты, въ которой участвовалъ самъ Лютеръ, подъ однимъ дворяниномъ, гнавшимся за зайцемъ, пала лошадь; самый же заяцъ изчезъ въ воздухѣ, потому что онъ былъ ничто иное, какъ бѣсовскій призракъ; послѣ охоты все общество въ замкѣ разсуждало о томъ, какъ опасно во время охоты, перегоняя другъ друга, кричать «заднiй къ чорту»; при этомъ вспомнили и о томъ, какъ однажды изъ за этой клятвы бѣсъ поднялъ на воздухъ отставшую лошадь. 2) Одинъ богатый человѣкъ изъ Герлица звалъ къ себѣ гостей, и когда никто не пришелъ къ нему, то онъ въ досадѣ крикнулъ: «хоть бы одинъ чортъ пришелъ»!—тотчасъ же явилось къ нему въ гости нѣсколько чертей, которыхъ онъ узналъ по ихъ когтямъ.

Любопытная легенда о похищеніи чертями женщины разсказана въ одной Шотландской пѣснѣ (W. Scott. Paris 1826. III, 121). Каталонецъ Петръ Кабинамъ, разсердясь однажды на свою дочь, сказалъ: «чтобъ чертъ тебя побралъ». Дочь его исчезла и пропадала цѣлые семь лѣтъ, по истеченіи которыхъ

Кабинамъ, по совѣту одного человѣка, находившагося въ услуженіи у бѣсовъ, ходилъ къ нимъ въ указанное ему мѣсто, требовать возвращенія дочери; бѣсы отдали ему ее больную, исхудалую и почти безумную. У Аѳанасьева есть подобная же сказка о поповской дочери, которой отецъ сказалъ: «черти бы тебя побрали», и которая вслѣдствіе этого была похищена водяными чертями (II, 370—373)[1]. У Якушкина приведенъ мѣстный разсказъ про Ноя и Евгу (жену его): дьяволъ научилъ Евгу сдѣлать вино и напоить Ноя; отъ упившагося Ноя Евга узнаетъ, что будетъ потопъ и всѣ люди, кромѣ его да жены его Евгы, будутъ потоплены. Тогда дьяволъ, задумавъ спастись, уговорилъ Евгу не слушаться зова Ноева и не идти въ ковчегъ, покуда онъ не назоветъ ее проклятою. Когда насталъ потопъ, Ной вошелъ въ ковчегъ, и зоветъ Евгу, чтобы та тоже вошла въ него. «Сей часъ говоритъ, Евга, надо горшки захватить». «Иди скорѣй», кричитъ Ной въ другой разъ, видя уже потопленіе. «Погоди, Ной праведный, надо ложки да плошки забрать». «Да иди же ты, проклятая», закричалъ Ной въ третій разъ. Тутъ вошла Евга въ ковчегъ, а за нею и проклятый дьяволъ, который сидѣлъ у нея подъ платьемъ, и послѣ слова Ноя, который обозвалъ Евгу проклятою, получилъ право войти въ ковчегъ (Буслаевъ, Очерки, I. 440). Во время потопа дьяволъ хотѣлъ потопичь ковчегъ и, обратившись въ мышь, сталъ прогрызать его; но по молитвѣ Ноевой «прысни лютый звѣрь (левъ), и выскочиша изъ ноздріи его котъ и кошка, и скочиша и удавиша мышь».

Текстъ нашей картинки, какъ сказано въ концѣ его, заимствованъ изъ Великаго Зерцала[2]. Зерцала, или сборники повѣстей назидательнаго характера, были въ большомъ ходу въ средневѣковой Европѣ; въ Россіи Зерцало извѣстно въ многочисленныхъ

---

[1]) У Боричевскаго разсказано превосходное польское повѣрье о томъ, какъ одинъ отецъ отдалъ сатанѣ своего ребенка, незная даже, что онъ у него родился (I. 137). См. ниже примѣч. къ № 721 А.

[2]) Глава 57: «О гордости и ярости, иже славній подручныхъ своихъ нехочетъ имяны звати; но глаголютъ: поиди чортъ или діаволъ или бѣсъ».

спискахъ XVII вѣка. Въ одномъ такомъ спискѣ, принадлежавшемъ патріарху Адріану, сказано, что Великое Зерцало притчей или прилоговъ отъ многихъ исторій и отъ церковныхъ многихъ учителей собранное неизвѣстнымъ писателемъ сперва было написано на латинскомъ, потомъ римляниномъ (уніатомъ) іеромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на польскій, а наконецъ, по желанію и повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, переложено на Славяно-Россійскій языкъ въ 1667 году (Пыпинъ, Очеркъ, 199); въ этомъ Зерцалѣ 821 главы. Въ Румянцевскомъ музеѣ и у Н. С. Тихонравова есть экземпляры еще полнѣе, въ 862 главы и болѣе. Великое Зерцало напечатано на латинскомъ языкѣ, съ такимъ заглавіемъ: Magnum Speculum exemplorum ex plusquam octoginta auctoribus, pietate, doctrina, et antiquitate venerandis, variisque historiis tractatibus et libellis excerptum, ab Anonymo quodam, qui circiter annum Domini 1480 vixisse deprehenditur. Opus variis notis, actorumque citationibus illustratun, centum et sexaginta exemplis locupletatum, quae stellulae *) signo dignoscuntur, studio R. P. Ioannis Majoris Societatis Iesu Theologi. Editio novissima et correctissima, Citationibus, nec non ex Floribus Exemplorum, seu Catachismo historiali R. P. I. Dauroultii Sociatatis Iesu Theologi, aliquot ex selectioribus excerptis (quae in Indice stellulis **) insiguita dignoscuntur) auctior. Cum tribus indicibus utilissimis. Coloniae Agrippinae, Sumptibus Haeredum Ioan. Wilhelmi Friessem, p. m. Anno M. DCC. XVIII. 683 страницы 4°, кромѣ указателя.

Изъ предисловія издателя, іезуита отца Іоанна старшаго, видно, что составитель Великаго Зерцала былъ нѣмецъ, жившій около 1480 года; приведенное выше Зерцало было издано на латинскомъ языкѣ въ 1481, 1485, 1487 и 1519 годахъ; всѣхъ исторій въ немъ было перепечатано 1215; отецъ Іоаннъ прибавилъ къ нимъ еще 160, такъ что въ изданіи 1718 года общее число исторій доходитъ до 1375. Исторіи эти раздѣлены по содержанію и размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ: Abstinentia, Constantia и т. д. Въ концѣ приложенъ алфавитный индексъ исторіямъ, а

впереди индексы авторовъ, изъ которыхъ заимствованы исторіи въ Зерцало[3]). Зерцало это названо большимъ въ отличіе отъ существовавшихъ до него (до 1480 г.) малыхъ Зерцалъ т. е. такихъ же собраній анекдотовъ и легендъ.

Въ Россію Великое Зерцало, какъ сказано выше, проникло въ польской редакціи; по замѣчанію П. Владимірова, оно было переведено на церковно-славянскій языкъ не вполнѣ, а съ значительными сокращеніями и измѣненіями въ содержаніи нѣкоторыхъ повѣстей. «Еще въ концѣ XVII в. оно стало извѣстно у насъ въ двухъ главныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ вторая представляетъ нѣсколько варіантовъ, отличающихся отъ первой редакціи, какъ въ заглавіяхъ, такъ и по значительнымъ подробностямъ въ содержаніи. Русскіе книжники XVII в. смотрѣли на Великое Зерцало, какъ на душеспасительную книгу, забывая о ея католическомъ, иноземномъ происхожденіи. Они видѣли въ немъ много знакомаго и прежде всего сблизили Великое Зерцало съ проложными повѣстями. Затѣмъ въ XVIII в. повѣсти Великаго Зерцала вошли въ составъ синодиковъ и лубочныхъ картинокъ и даже отразились въ духовныхъ стихахъ, народныхъ легендахъ и сказкахъ. О распространенности Великаго Зерцала среди народныхъ грамотниковъ можно судить по 50 полнымъ спискамъ, извѣстнымъ въ настоящее время по разнымъ библіотекамъ и содержащимъ до 900 главъ, не говоря уже о массѣ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ встрѣчаются отдѣльныя повѣсти этого сборника»[4]).

698. **Притча о томъ, какъ дьяволъ обличилъ священника**, заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она составляетъ 78 главу, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «како въ службѣ святыя литургіи священника раздвоена мыслію демонъ обличи».

---

[3]) Экземпляръ изданія 1718 г., находится въ библіотекѣ Москов. университета; польскаго перевода мнѣ не случалось видѣть; изслѣдованіе о Великомъ Зерцалѣ кандидата Михайловскаго напечатано въ Трудахъ Кіев. Духовн. Акад. (Мартъ 1876).

[4]) Сообщено П. В. Владиміровымъ, который составляетъ о Великомъ Зерцалѣ обширную монографію.

699. **Отецъ съ сыномъ другъ друга взаимно проклинаютъ.** Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала, глава 212.

700—703. **Притча о грѣшной матери** заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она занесена въ 213 главу въ очень подробной редакціи и подъ заглавіемъ: «О нѣкоемъ священникѣ, иже о матери своей моляся, и каково ему показася за преизлишнее тѣлесное украшеніе ея». Повѣсть о грѣшной матери напечатана на малороссійскомъ нарѣчіи въ первомъ выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко; стр. 101), по рукописи Пуб. библіотеки (Погод. № 1333); редакція ея вполнѣ сходна съ текстомъ нашихъ народныхъ картинокъ. Тамъ же напечатана притча, подъ названіемъ: «видѣніе мукъ грѣшницы въ адѣ» (Погод. рукоп. № 1377), которая сходна съ притчею «о дѣвицѣ умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія», съ тою разницею, что въ видѣніи говорится о женѣ, «творившей чужеложство со сроднымъ своимъ», а въ народной картинкѣ о простомъ блудномъ грѣхѣ (стр. 105).

Подобная же исторія разсказана въ золотой легендѣ Іакова де Ворагине (La legende dorée. Paris 1843, I. 389); у него начало легенды подробнѣе, а конецъ короче: одна вдова, оставшаяся въ большой нищетѣ послѣ мужа, не знала что дѣлать съ горя; явился ей дьяволъ и обѣщалъ богатство и помощь, если она исполнитъ четыре приказанія его: во первыхъ будетъ соблазнять на блудъ всѣхъ монаховъ, которые у нея будутъ останавливаться, принимать нищихъ только днемъ, а на ночь немилосердно выгонять ихъ изъ дома, не давать благочестивымъ молиться, прерывая молитвы ихъ болтовнею, и никогда не исповѣдываться. Условія эти были вдовою выполнены и домъ ея наполнился гостями. Когда пришло время ей умереть, она созналась во всемъ своему сыну, человѣку очень благочестивому; онъ уговорилъ ее исповѣдаться; но демоны не допустили ее до исповѣди, бросились на нее и загрызли; сынъ ея исповѣдался за нее, и роздалъ въ поминки большія милостыни; черезъ нѣсколько времени мать явилась ему и съ благодарностію

объявила, что она получила избавленіе. Легенда эта самимъ Ворагине заимствована изъ діалоговъ святаго Григорія.

701. **Притча о дѣвицѣ, умершей безъ покаянія.** У меня есть еще два изданія этой картинки, конца прошедшаго вѣка; первая строка оканчивается въ нихъ такъ: въ изданіи *ж*—«Смертны грехъ»; въ изданіи *з*—«умре от» (въ изд. *б* первая строка заканчивается словами: «блудный»).

704. **Притча о воинѣ, простившемъ убійцу своего брата**, заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она напечатана въ главѣ 32-й, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Совѣтъ зло за зло братня ради убіенія ради страсти дня отда, и велику мзду воспрія». Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка (Румянц. № 164) повѣсть эта помѣщена съ слѣдующимъ началомъ: «иже зло за зло братня убіенія не отда» (л. 623). Скитскій Патерикъ, о которомъ упоминается въ текстѣ нашей картинки, перешелъ въ Россію изъ Болгаріи въ XI—XII вв.; на болгарскій же языкъ онъ былъ переведенъ съ греческаго. Патерикъ этотъ имѣлъ вліяніе и на составленіе нашего Кіево-Печерскаго Патерика (Труды Кіев. Дух. Академіи 1875 г. Ноябрь, статья А. Петрова).

705. **О женѣ нѣмецкаго Краля.** Извѣстіе о томъ, что «дочь Генриха Брабантскаго, брата бывшей жены краля нѣмецкаго» родила вдругъ 364 дѣтей, помѣщено въ 514 главѣ Великаго Зерцала; въ Зерцало же она заимствована изъ книги: Egidius Albertini, Der Teutschen recreation oder Lusthaus (1619, стр. 1043), посвященной Мельхіору, аббату и прелату монастыря св. Георгія въ Шварцвальдѣ. Голландская графиня Маргарита, разсказывается тамъ, надсмѣхалась надъ тѣми женами, которыя рожали двойни, заподозрѣвая, что они рожали ихъ не отъ одного отца, а отъ двухъ. Вскорѣ она сама забеременила и родила за одинъ разъ 363 ребенка, которые были величиною по орѣху: всѣхъ ихъ однако окрестили.

706. **Притча о покаяніи нѣкоего Князя** заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она помѣщена въ 92 главѣ и озаглавлена такъ: «О еже князь нѣкій дивное покаяніе сотвори и вся демонскія прилоги побѣди». Она напечатана (дословно съ текстомъ нашей картинки) въ Памятникахъ старинной русской литературы, изд. гр. Кушелева Безбородко, гдѣ рядомъ съ нею помѣщена такая же легенда на малороссійскомъ нарѣчіи (по списку Пуб. биб.: Погодинск. № 1333), сходная съ нашей, но въ очень сокращенной редакціи и съ измѣненіями въ подробностяхъ *).

708. **Аптека духовная.** Дополнить слѣдующими подписями: на столѣ—«Исаїа тако глаголетъ гдь вси жаждущія пріидите ксеи воде ї которыя непмеете пенязеи пріидите купите и піите беспенязеи и даромъ обою вино и млеко піите»; на лекарствахъ: «кореніе крестное—сострадание трудо-терпен—постоянство—міръ—вера—надежда—любовь—кротост—благост—пріятства — благоут—терпѣніе—чистота—благопріятство — учливост—никтоже сея любви совершитель токмо распятый на кресте спаситель—девства смиреніе—правд—щедрост—честь—благода—достої—радость — трезвость — покорность — умеренность — болше сея любви небываетъ кто за друга своего умираетъ». Вверху изображены: «солнце» и «луна», надъ ними надпись: «твой есть день и твоя есть нощъ»; у пришедшаго брата—надпись: «мои грехи тяжки суть и велицы каюся всемъ сердцемъ».

709. **Притча о двухъ юношахъ** заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она помѣщена въ 74 главѣ, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «О еже слушающіе литургію отъ бѣдъ спасаются, а не слушающіе погибаютъ».

710 и 711. Текстъ картинки заимствованъ изъ книги, составленной св. Дмитріемъ Ростовскимъ по приказанію епископа

*) Князь обращенъ въ ней въ рыцаря и т. д.

Лазаря Барановича: «Руно орошенное», Черниговъ 1683 г.; въ этой книгѣ содержится описаніе чудесъ отъ иконы Ильинской богородицы, а также и другія назидательныя исторіи, переведенныя изъ католическихъ подлинниковъ; въ наши картинки изъ этихъ исторій перешли: 1. Повѣсть Іакова де Ворагине о нѣкоемъ богатомъ человѣкѣ (л. 27), 2. Повѣсть о Петрѣ Мытарѣ (л. 84 об) и 3. картинка описанная, подъ № 710.

712. **Судъ Царя Соломона**. Добавить надписи такъ: надъ царемъ—«Суд прем^д^раго цр҃я Соломона»; вверху—«нищїи збираетъ на окупъ». Экземпляръ этой картинки находится также въ собраніи Кн. Вяземскаго.

Въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣковъ встрѣчаются статьи съ заголовкомъ: «судове Соломоне». Въ наиболѣе полномъ спискѣ ихъ, перепечатанномъ у Пыпина (стр. 119, по Толстов. рукоп.) помѣщено всего шесть судовъ *); въ числѣ ихъ нашего суда о вельможѣ не находится. Легенды, былины, стихи и сказанія о дѣяніяхъ Соломоновыхъ подробно разобраны и приведены въ систему Безсоновымъ, въ предисловіи его къ пѣснямъ Рыбникова (II. CCXXXVII—CCCLXIII). Сказанія о томъ, какъ Соломонъ леталъ на страусахъ (по примѣру Езопа) и какъ онъ нырялъ на морское дно (Аѳанас., Сказки, IV. 235), а равно и сказанія о прерѣканіяхъ Соломона съ Китоврасомъ—въ народныя картинки наши не вошли; за то вошло въ нихъ подробное описаніе Соломоновой печати, см. № 798. Что касается до текста нашей картинки, то уплата *тѣнью* за *тѣнь* составляетъ довольно обыкновенный пріемъ

*) Разсказы о судахъ Соломона вошли въ разные легендарные сборники, напр. въ Gesta Romanorum и во французскія Fabliaux и Contes; они были также предметомъ мистерій (Migne, Dict. des Apocr.). Эти разсказы, какъ и другія апокрифическія сказанія, на западѣ подвергались разнымъ переработкамъ. Черты, напримѣръ, въ которыхъ изображается Асмодей въ Іудейскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ, въ западной легендѣ перенесены на Морольфа и Мерлина. Исторія развитія этихъ сказаній о Соломонѣ изложена въ сочиненіи А. Н. Веселовскаго: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. См. также у Порфирьева, Апокриф. сказ., 127. Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ фацецій.

восточныхъ повѣстей: такъ напримѣръ одна прелестница, увидѣвъ во снѣ, что ее опозорилъ нѣкоторый юноша, пришла жаловаться на него въ судъ; тяжбу разрѣшилъ умный попугай: велѣлъ отвѣтчику положить требуемую сумму денегъ передъ зеркаломъ, для того, чтобы прелестница, посмотрѣвъ на нихъ въ зеркалѣ, тѣмъ получила себѣ удовлетвореніе за свою обиду. Другой молодой человѣкъ поцаловалъ въ зеркалѣ отраженное лице нѣкоторой дѣвицы, и будучи призванъ ею въ судъ, былъ наказанъ тѣмъ, что его тѣнь высѣкли плетьми (Benfey, Pantsch., I. 127.— Буслаевъ, Отеч. Зап., разб. книги Снегирева, Луб. карт., 46).

713. **Надпись, сдѣланная бѣсомъ въ Римѣ.** Эта картинка напоминаетъ сказаніе о папессѣ Іоаннѣ VIII: около 857 года дѣвица изъ Майнца, по имени Ангелика, выдававшая себя за мущину, за свою необыкновенную ученость и умъ была избрана, по смерти Льва IV, въ папы подъ именемъ Іоанна VIII. Однажды, шествуя въ Латеранскую базилику, она на мѣстѣ между Колизеемъ и церковью св. Климента родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году своего папства[1]); на этомъ мѣстѣ находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и съ тѣхъ поръ по этой дорогѣ папы въ базилику никогда не ходятъ, хотя она и короче другихъ. Послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ многіе писатели, передъ возведеніемъ папы на первосвященническій престолъ ощупывать его половые органы, на сѣдалищѣ, съ особымъ для того устроеннымъ отверстіемъ. Подроб-

[1]) *Іоанна папесса*, Джильберта или Агнеса, дочь англійскаго миссіонера, уѣхала отъ отца своего съ любовникомъ, англичаниномъ, въ Аѳины, гдѣ училась греческой литературѣ, а по смерти своего любовника переѣхала въ Римъ, и переодѣвшись мущиной, назвалась Иваномь англичаниномъ (Ioannes anglicus). Здѣсь она завела школу, а въ 854 г. избрана въ папы подъ именемъ Іоанна VIII (между Львомъ IV и Бенедиктомъ VIII). Она умерла отъ родовъ близъ Колизея, во время процессіи въ 851 г., и тамъ же и похоронена. Первый разсказалъ эту исторію въ своей хроникѣ Marianus Scotus. Писатель Блондель (въ своей книгѣ: Eclaircissement sur une femme, 1649) отвергаетъ это событіе; Фридр. Шпангеймъ, въ книгѣ: de Iohanna papissa, напротивъ того, доказываетъ его дѣйствительность (Старчевскій, V. 287).

ное описаніе этой церемоніи находится въ рѣдкой книгѣ «Roma triumphans» 1645 г., гдѣ разсказывается объ избраніи и посвященіи папъ и въ особенности Климента X (стр. 90 и 91). На одной изъ картинокъ, находящихся въ этой книгѣ, представленъ папа въ тройственной тіарѣ, стоящій въ прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ; около него, по обѣимъ сторонамъ, кардиналы; одинъ изъ нихъ, стоя на колѣнахъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: «Pontificalia habet» (первосвященническая имѣетъ). О самой церемоніи въ книгѣ говорится слѣдующимъ образомъ: «Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его (папу) понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: извѣстно достовѣрно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ Латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достовѣрно извѣстно, что новоизбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и сами католики: Platin et Sabin. in vit. Ioh. VIII. Stella sacerd. Venet. in ejusdem vit. Marian. Schot, qui vixit circa annum 1000. Raph. Volater. Anthrop. lib. 22—pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petr. Greg. Thaloss. Sintagm. jur. univers. lib. 15. cap. 3. num. 23» (Русская Старина 1872 г. VIII. 889). О папессѣ Іоаннѣ написалъ цѣлую книгу англичанинъ Егбертъ Гриммъ, который приводитъ о ней свидѣтельства 135 авторовъ. На русскомъ языкѣ о папессѣ Іоаннѣ есть обстоятельное изслѣдованіе г. Бильбасова (Кіевъ 1870) [2].

Забавный обрядъ ощупыванія genitalia перенесенъ Петромъ I въ шутовской церемоніалъ избранія князя-папы, исполнявшійся въ декабрѣ 1717 года. Церемоніалъ этотъ составленъ самимъ

[2]) Греческій хронографъ, изъ котораго заимствованъ текстъ нашей картинки, есть по всей вѣроятности хронографъ Дороѳея, Монемвасійскаго митрополита, въ переводѣ грека Арсенія (Замѣтка А. Е. Викторова).

державнымъ юмористомъ и заключаетъ въ себѣ по этому предмету слѣдующія правила: «III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придетъ на мѣсто свое и сядетъ; тогда изъ конклавіи и прочихъ мѣстъ придутъ всѣ по чину и, поклонясь, сядутъ на своихъ мѣстахъ.... IV. Пошлется отъ князь-цесаря и отъ собора ключарь къ архи-игуменьѣ, дабы баллы прислала къ князь-игуменьѣ. V. Пришедъ князь-игуменья (съ) носящимъ за нею балы дьяконимомъ съ музыкою и, поклоняся, сядетъ противу князь-цесаря; балы же поставятъ предъ нею на столѣ. VI. Избранные-же кандидаты да посадятся въ особой каморѣ на прорѣзанныхъ стульяхъ. VII. Тогда отъ собора посылаются папины архидіаконъ, ключарь и протодіаконъ свидѣтельствовать ихъ *крѣпкимъ* осязаніемъ. Они-же осязая воскликнутъ: «Габетъ, Габетъ, габетъ (т. е. habet) ѳораменъ!» VIII. По семъ свидѣтельствѣ, архижрецы и протчіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по единому, отъ руку князь-игуменьи по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси [3]). Потомъ возгласитъ ключарь имя перваго кандидата».

Относительно самаго процесса *крѣпкаго ощупыванія*, государь объясняетъ въ особой запискѣ, что «князь-цесарь повелѣваетъ служителямъ князь-папы осматривать избранныхъ, которые служители (по) его указу, осматриваютъ: аще совершенное естество имѣютъ? Сіе чинятъ тако: сѣдящу оному или онымъ на прорѣзанномъ стулѣ, и окрытъ епанчею; тогда подъ покрывало протягиваетъ руку, ему же повѣрено отъ кесаря; и щупаетъ по подобію: и аще обрящетъ довольно, да возгласитъ велегласно: «Габетъ, габетъ!» аще-ли ни то: «нонъ габетъ» (Русская Старина, VIII. 864).

714. Въ старинной англійской литературѣ есть комедія: Belphegor or the mariage of the Devil, 1691. Дьяволъ Бельфе-

---

[3]) Балы эти состояли изъ куриныхъ яицъ, простыхъ и обшитыхъ матеріею; обшитыя подавались въ знакъ отрицанія, а необшитыя яица означали утвердительный голосъ.

горъ бѣжалъ отъ своей жены точно такъ, какъ и бѣсъ изъ ямы отъ жены крестьянина (Dunlop, 275).

715. **Превращеніе немилосердаго Чеха въ пса** случилось въ Чешскомъ королевствѣ, близъ города Праги, въ 1673 году, какъ о томъ разсказывается въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка (Въ Синод. биб. л. 337, л. 234—8; Буслаевъ, Очерки, II. 55).

У Шейбле (Das Schaltjahr, I. 169) находимъ подобный же разсказъ о томъ, что г. Шотенбергъ, въ Италіи, обращенъ былъ 14 августа 1798 года въ крапчатаго пса, за то, что отнялъ у бѣднаго мужика, за долгъ, послѣднюю корову и т. д.

716. **Тысяча лѣтъ яко день единъ.** Поправить: первая строка надписи въ изданіи *а* оканчивается словомъ—«преидетъ», а въ изданіи *б* словами—«како преи»; изданіе, помѣченное на стр. 64 буквою *б*, слѣдуетъ помѣтить буквою *е*. Эта исторія заимствована изъ Великаго Зерцала *); она разсказана и въ книгѣ Hagen, Gesammtabenteuer, III. 464—623, съ нѣкоторыми измѣненіями: молодой монахъ Феликсъ, отличавшійся необыкновеннымъ благочестіемъ и любовію къ Богородицѣ, вышелъ однажды изъ монастыря, читая священную книгу и прославляя Бога. Богъ послалъ къ нему маленькую птичку, всю бѣлую, какъ снѣгъ, которая пѣла такимъ прелестнымъ голосомъ, что монахъ закрылъ книгу свою и, заслушавшись пѣсней, думалъ, что онъ попалъ въ рай. Вдругъ въ монастырѣ ударили къ обѣднѣ; Феликсъ встрепенулся и пошелъ къ монастырскимъ воротамъ. «Кого тебѣ надо», спросилъ его монастырскій сторожъ. «Я монахъ Феликсъ здѣшняго монастыря и хорошо извѣстенъ настоятелю», отвѣчаетъ тотъ. «Я уже тридцать лѣтъ сторожемъ, но тебя не знаю и монаха съ такимъ именемъ въ нашемъ монастырѣ нѣтъ», сказалъ сторожъ и затѣмъ отвелъ Феликса къ настоятелю. Никто не призналъ

*) Гдѣ она помѣщена въ 35 главѣ, съ заголовкомъ: «О славѣ небесной и радости праведныхъ».

Феликса, только одинъ монахъ, лежавшій въ больницѣ, который жилъ въ монастырѣ уже болѣе ста лѣтъ, вспомнилъ, что когда онъ еще былъ послушникомъ, въ монастырѣ жилъ монахъ Феликсъ, который ровно сто лѣтъ тому назадъ изъ монастыря пропалъ (сравни J. Paulis, Schimpf und Ernst 1535, cap. 536). Въ тойже редакціи этотъ разсказъ помѣщенъ въ сказкахъ Чудинскаго, подъ названіемъ: «Райская птичка» (Сказки. М. 1864, стр. 92). Въ сокращенной редакціи эта повѣсть находится въ числѣ древнихъ «Predigtmärlein», напечатанныхъ Пфейферомъ въ его журналѣ «Germania» (Stuttgart 1858 № 23. стр. 431.) подъ заглавіемъ: «*Wie tusent Iare vor gottes anegesihte kürzer sint wanne der Tag der gestern was uf ertriche*». Эту же легенду напоминаетъ и сказка объ Адольфѣ Лапландійскомъ (см. I. 43), а также сказка въ сборникѣ Аѳанасьева (III. 270) о томъ, какъ два пріятеля дали другъ другу слово, чтобы кто изъ нихъ первый женится, долженъ пригласить на сватьбу другаго, хотябы и умершаго. Одинъ изъ пріятелей померъ; другой ѣдетъ мимо кладбища съ невѣстой въ церковь, остановился на кладбищѣ и зоветъ умершаго товарища на сватьбу; тотъ встаетъ изъ могилы, благодаритъ за приглашеніе и зоветъ жениха къ себѣ въ гости выпить водки. Пьютъ они первый стаканъ, проходитъ 100 лѣтъ; пьютъ другой, проходитъ 200; пьютъ третій, проходитъ 300. Когда женихъ вышелъ изъ могилы, то не нашелъ на землѣ даже никого изъ знакомыхъ; только одинъ священникъ, по его указанію, отыскалъ въ книгѣ замѣтку, что 300 лѣтъ тому назадъ пропалъ безъ вѣсти на кладбищѣ женихъ, ѣхавшій вѣнчаться въ ихъ церковь.

717. **Притча св. Варлаама** о томъ, яко не по внѣшнимъ подобаетъ судити, помѣщена въ 6 главѣ Исторіи о Варлаамѣ и Іосафѣ царевичѣ; она помѣщена и въ прологѣ подъ 28 ноября (Буслаевъ, Очерки, I. 446). Наша картинка издана еще разъ въ другомъ переводѣ, съ цензурною помѣтою 19 апрѣля 1843 и подписью мастера: «гр.: Алексѣй Петровъ» (на мѣди), въ двухлистовомъ размѣрѣ.

718. **Повѣсть Іакова де Ворагине.** Переставить: вмѣсто изданія *ж*, поставить изд. *з*. Прибавить: въ моемъ собраніи еще три изданія этой картинки: *и*, отпечатанное истертой доскою изд. *а*, причемъ на правомъ полѣ доски произошло 8 трещинъ; *к*, съ тѣмъ же окончаніемъ, какъ и въ изд. *д*, только въ изд. *д* вторая строка подписи внизу заканчивается словами: «воста ї паде», а въ изданіи *к*—словами: «дрожаще и»; и *л*, въ которомъ текстъ 1-й картинки заканчивается такъ: «также востребую»,—изд. на бумагѣ 1810 года. Притча эта заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она помѣщена въ 25 главѣ, съ заголовкомъ: «О воинѣ непостояннаго житія, и о неизрѣченной благодати пресвятыя богородицы»; она помѣщена и въ книгѣ: Руно орошенное (см. № 710); текстъ заимствованъ изъ Золотой легенды Іакова де Ворагине (Legende dorée. Paris 1843, I. 275). Іаковъ де Ворагине родился около 1230 г. въ Вараджіо, около Савонны. Въ 1244 г. онъ поступилъ въ доминиканцы, въ 1292 г. былъ единогласно избранъ въ Генуэзскіе архіепископы; онъ примирилъ Гвельфовъ съ Гибелинами и умеръ въ 1298 году (69 лѣтъ). Онъ написалъ много сочиненій, но самое распостраненное изъ нихъ это его Золотая легенда (Legenda aurea)—сборникъ жизнеописаній и повѣствованій о разныхъ святыхъ и и чудесахъ Богородицы, въ духѣ нашихъ Четій Миней. Въ первой разъ Зототая легенда отпечатана (на латинскомъ) около 1473 года (Brunet, Manuel. P. 1820, III. 579). У Панцера поименовано 74 изданія ея, вышедшія до 1500 г., и тридцать переводовъ на разные языки.

719. **Сказаніе о Петрѣ Мытарѣ** заимствовано изъ книги: «Руно орошенное» (См. № 710).

720. **Видѣніе нѣкоего святаго** *) (сравни тоже № 765). Видѣніе это помѣщено было въ притчѣ, написанной въ Золотой Палатѣ, въ XVII вѣкѣ; описаніе всей стѣнописи было сдѣлано иконо-

*) Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала (замѣтка г. Владимірова).

писцемъ Симономъ Ушаковымъ; Карамзинъ, имѣвшій въ рукахъ это описаніе, приводитъ изъ него одни отрывки, изъ которыхъ видно, что на сводѣ былъ написанъ Спасъ Еммануилъ въ кругѣ: «и въ томъ кругу отъ ногъ Еммануиловыхъ до большаго круга врата, и во вратѣхъ Ангелъ съ скипетромъ; въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ... а около ангела облако раздвоплось; а подъ Ангеломъ и подъ облакомъ, среди тѣхъ-же вратъ, человѣкъ стоящій съ посохомъ; а отъ круга внутрь, въ кругъ, шесть крылъ; а среди круга солнце; а между тѣхъ крылъ сверху лице человѣче обвито змѣинымъ хоботомъ, конецъ хобота къ солнцу; на правой сторонѣ лице львово, межъ крылъ обвито также хоботомъ, конецъ хоботу къ солнцу; на лѣвую сторону глава зміина, окружена хоботомъ къ тому-жъ солнцу; съ правую-жъ сторону межъ крылъ-же, глава орля, обвита хоботомъ... А по правую сторону человѣка въ вратѣхъ подпись: узкимъ бо путемъ вводятся души праведныхъ въ Царство Небесное. А по лѣвую сторону человѣка того надъ зміинымъ кругомъ подпись въ тѣхъ же вратѣхъ: широкимъ бо путемъ вводятся души грѣшныхъ во врата лютаго ада... Подлѣ вратъ написано дѣвичьимъ образомъ воздухъ, надъ тѣмъ воздухомъ и подлѣ того, Ангелъ летящъ въ клинѣ огненномъ; а отъ того клина къ затворѣ вратной, къ низу, написанъ діаволъ: по земли бѣжитъ заяцъ. А на діавола изъ полукругу большаго стрѣляетъ изъ лука Ангелъ... Ниже Ангела сидитъ смерть, держитъ въ обѣихъ рукахъ трубу; и ту трубу положила, широкій конецъ въ половину во временной кругъ». Карамзинъ, читавшій подлинникъ описанія вполнѣ, дѣлаетъ общій очеркъ стѣнописи въ Золотой палатѣ въ слѣдующихъ словахъ: «на сводахъ и стѣнахъ палаты представлялись священная и россійская исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ природы (весна изображалась отроковицею, лѣто—юношею, осень—мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима—старцемъ, съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра» (Исторія Госуд. Росс. X, примѣч. 453.—Забѣлинъ. Бытъ русск. царей, 125).

721 А. Прибавить: **Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи.** По свидѣтельству московскаго старожила Щербакова картинка эта была трехлистоваго размѣра, гравирована на мѣди въ половинѣ прошедшаго столѣтія, съ текстомъ весьма сходнымъ (но сокращеннымъ) съ тѣмъ, который напечатанъ въ Памятникахъ старинной русской литературы, изданныхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко (I. 153). Повѣсть эта, написанная, какъ сказано въ предисловіи, со словъ двухъ пресвитеровъ,—слѣдующаго содержанія: Соломонія, дочь іерея Дмитрія и жены его Улиты, была выдана родителями зáмужъ за земледѣльца Матѳея. Въ первую ночь брака этотъ Матѳей вышелъ «на предверие храмины, телѣсныя ради нужды, і по изшествиі его, иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ диаволъ сатана, иже не престаяше человѣки боря, умысля такова самъ іли посланъ отъ человѣка недобра на погубленіе жены тоя, і пріиде аки нѣкто ко храминѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ: Соломоніе! отверзи! Она же воста от ложа своего і отверзи двери храмины тоя, мня мужа своего пришедша, і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое огнено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале пріиде і мужъ ея къ ней во храмину, наипаче ужасеся. I бысть во всю нощь без сна; приіде на нея трясенье і великій лютый ознобъ, і в третій день она очюти у себя во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то врея во иступленіи ума от живущаго в ней демона. I в девятый день во брацѣ, по захождениі солнца, бывши ей в клѣтцѣ с мужемъ своимъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша к ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, н ляже к ней на одръ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, абие же она очютися на утрия в третій часъ дня, і не повѣда никому бывшее дияволское казнодѣйство, і с того же дни окаянниї демони начаша к ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко-же нѣкоториі прекрасниі юноши, і тако нападаху на нея, і скверняху ея,

і отхождаху, людемъ же ничто же видевшимъ сего». Мужъ Соломоніи со страху отвелъ ее къ отцу; но и тамъ «окаяніи демони хождаху и скверняху ее». Наконецъ на нее стали нападать и сквернить демоны водяные, которые похищали её, уносили въ воду, держали тамъ по три дня, и всяческими истязаніями принуждали перейти въ ихъ вѣру, и остаться у нихъ жить навсегда. У водяныхъ Соломоніи встрѣтила дѣвку Ярославку, которая научила её не поддаваться бѣсамъ; «таже дѣвка Ярославка рече ей: аще ты, Соломония, жити здѣ не хощиши, і ты у нихъ не яждь, ни пій, и ничто же имъ не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. І по малѣ времени демони прiідоша, вопрошаху: вѣруеши ли в насъ? Она-же имъ ничтоже отвѣща. І много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаше. І по мнозѣмъ прещеніі взяша же они лукавиі дуси і отнесоша на лѣсъ едва живу сущу от многаго мучения і с великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. І живши в дому отца своего шесть днiй, паки они демони, пришедше невидимо, взяша ея і унесоша къ себѣ. И бысть у нихъ два дни і двѣ нощи, і зача у нихъ въ утробѣ, і носила ихъ полтора года. Пріиде же ей время родити, і бѣ она в дому отца своего, і выслала отца своего из дому вонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хотяше родити і еже бы ихъ темнозрачнихъ не убили. І в кое время нача она родити, и приде к ней от тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, і нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а видѣніемъ они сини, и взя ихъ та жена, что с нею водилась, і унесе из храмины подъ мостъ». «Жена же, которая с нею водилася, приде і принесе ей сосудъ крови, і веляше ей пити. Она же не можаше пити. І рече к ней темнозрачная жена: когда ты не пьешь крови, і ты заколи отца своего. Она рече имъ: дадите мнѣ еще урочное время, і язъ заколю отца. Того ради глаголаше имъ, яко не можаше уже терпѣти мучения от тѣхъ демоновъ, ихъ же родила; понеже ссаху ея за сосцы яко змиі лютыи; і три дни і три нощи не внидоша в домъ вси домашниі, страха ради смертнаго от каменнаго метания, і в четвертый день едва внидоша і не видѣша никого же. Соломонію же паки

демони с собою унесоша и скверниша ю. І паки зачатъ во утробѣ от насилия диявольскаго, і носила, і родила двоихъ демоновъ в дому же отца своего, і невидимо унесоша ихъ отъ нея. Во ино же время родила единаго демона, и паки родила еще двоихъ демоновъ, а когда она, Соломония, раждая, хлѣба не ядяше ни мало, но приношаху ей невидимо темниі они синцы птичью кровь, і траву, і коренье, тѣмъ ея питаху. І не помнозѣ времени, они окаянниі взяша ея невидимо і унесоша ю к себѣ в воду». Здѣсь дѣвка Ярославка назвала ей имена главныхъ бѣсовъ, и научила её, когда вернется на землю, проклясть тѣ имена въ святомъ алтарѣ. «І пріде та дѣвка Ярославка ко онымъ темнозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соломонию ко отцу проститися; и простясь она со отцемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и понесоша Соломонию ко отцу, и принесоша на нѣкое блато; бяше же ихъ окаянныхъ многое множество, и начаша ея Соломонию во блате топити; і в то время бысть туча велия с молниею і со громомъ страшнымъ, і тресканиемъ зѣлнымъ, и нача ихъ молниею палити, і убиша ихъ многое множество. І бяше ихъ блато і езеро исполнено аки смолою, і видя ихъ погибаемыхъ, и побѣже от нихъ и скрыся в нѣкую яму; они же окаянни оставшиі демони і тамо ея нашедше, і всякими муками неудобосказуемыми паки начаша мучити; і в той часъ бысть паче буря велия, і громъ, і молния, і они лукавиі, страху дѣля бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбию, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ». Средство Ярославки подѣйствовало, и проклятые водяные бѣсы на время оставили Соломонію. Тогда въ ночномъ видѣніи явилась ей преподоб. муч. Ѳеодора и объявила, что всѣ ея страданія происходятъ отъ того, что ее «попъ пьянъ крестилъ, и половины святого крещенія не исполнилъ». Соломонія вернулась въ домъ отца: «и бывши ей въ дому у отца своего нѣколико времени, і во единъ от дней по захожденіи солнца придоша нечистиі дуси темниі демони, і

начаша кликати ея іменемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласъ ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущіи людіе на погосте; і бывши ей у отца своего осмь недѣль, і они окаяннiі демони по многiі времена прихождаху, і кликаху какъ і преже, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышащимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота колько тебѣ годно; и паки блядуще они окаяннiі: намъ ея, полонянку, отдалъ братъ нашъ; аще вы ея нынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братья наша водяніи демони, а насъ она оболгала і проманула; не можемъ ли унести ея в лѣсъ. I по вся нощи прихождаху они оканнiі, кричаще і ревуще, і храмину ломающе, идѣже она пребыше». Вслѣдъ затѣмъ, въ 179 году, Соломонія снова почувствовала въ себѣ бѣса, который началъ въ утробѣ ея рваться «і прогрызе у нея лѣвый бокъ на сквозь». Соломонію стали водить по церквамъ, въ которыхъ она вопила, видѣла разныя видѣнія, имѣла разговоръ съ Богородицей, и получила наконецъ въ два пріема исцѣленіе отъ чудотворцевъ Прокопія и Іоанна. Въ первый разъ, какъ разсказываетъ она, святые явились ей на единѣ: «Прокопій перекрестилъ рукою своею утробу мою, а святый Іоаннъ держа копейцо въ рукѣ малое, і той приступи ко мнѣ и разрѣза утробу мою, і вся из меня демона, і подавъ его Святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися в руцѣ его, і святый Прокопій показа ми демона, і рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ-же зря его видѣниемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами Святый же Іоаннъ паки нача изнимати из утробы моея по единому и давати святому Прокопию; онъ же закалаше ихъ по единому. I рекоста святіі: Соломоние! нынѣ мы у тебя ізяли половину демонския силы вражия, а совершение исцѣления пріимеши в дому моемъ, у гроба святаго Прокопія». Тамъ и произошло окончательное исцѣленіе Соломоніи, которая послѣ молитвы святому Прокопію объявила: «I во утробѣ же моей не почюях силы вражия, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и

язва, иже отъ діавольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ» (стр. 161).

Повѣрье о смѣшеніи духовъ добрыхъ и злыхъ съ людьми существовало издавна; прежде всего обвиняютъ въ такой связи прародительницу Еву. Слова Моисея, что Адамъ жилъ сто тридцать (по другимъ источникамъ 230 и 930) лѣтъ и родилъ (сына) по подобію своему и нарекъ ему имя Сиѳъ (Бытія, 5. 3), талмудисты толкуютъ такъ, что Каинъ не былъ сыномъ Адама, а произошелъ отъ сѣмени злаго обольстителя: до рожденія Сиѳа Адамъ воздерживался отъ сношенія съ Евою, а совокуплялся съ первою женою своею Лилитъ, и народилъ отъ нея демоновъ, духовъ и ламій (Bartol. I. 74); Ева, въ свою очередь, совокуплялась съ демонами и народила множество демоновъ женскаго пола. Мученикъ Іустинъ (105—166 г.) въ первой апологіи говоритъ, что ангелы, поставленные Богомъ для охраненія людей, впали въ совокупленіе съ женами человѣческими и родили сыновъ, такъ называемыхъ демоновъ (Порфирьевъ, 80).

По другимъ источникамъ, отъ такихъ совокупленій съ женщинами добрыхъ духовъ произошли великаны и волоты. Въ еврейскомъ текстѣ книги Бытія (6, 2. 4) о томъ-же предметѣ сказано слѣдующее: «когда люди начали умножаться на землѣ, и родились у нихъ дочери, тогда сыны Божіи [1]) увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ къ себѣ въ жены, какую кто выбралъ .... Въ то время были на землѣ исполины, особенно съ того времени, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ. Это сильные, издревле славные люди» (Порфирьевъ, 28). Въ хронографѣ Іоанновомъ, говорится, что, по изгнаніи изъ рая, Адамъ поселился на островѣ Абфулинѣ, на которомъ дѣланъ ковчегъ Ноевъ, и что въ то время «вхождаху сн҃ове Бж҃іи рекше Сифови къ дщеремъ

[1]) Въ греческомъ переводѣ поставлено «ангелы Божіи». Тоже разсказываетъ и Іосифъ Флавій, что ангелы совокуплялись съ дочерьми человѣческими, произвели дѣтей въ родѣ древнихъ миѳологическихъ гигантовъ (Antiqu. Lib. I. cap III).

Каиновымъ и ѿ тѣхъ рождахуся *волотови* (Поповъ, I. 7). Тамъ же помѣщено и извѣстіе о томъ, какъ гиганты взбунтовались противъ Бога и были «уничтожены, како списа Воудій» (т. е. Овидій), равно и другія статьи, представляющія смѣсь библейскихъ сказаній съ древней греческой миѳологіею. Въ книгѣ Эноха даже перечислены имена 18-ти главныхъ ангеловъ, которые смѣшались съ женами человѣческими и произвели племя исполиновъ; старшій изъ нихъ былъ Самiаза, подъ нимъ: Уракабарамеель, Акибеель, Тамiель, Рамуель, Донель, Азкеель, Саракуялъ, Азаель, Армерсъ, Батраалъ, Анане, Заребе, Самсареель, Ертаель, Турель, Жомiель, Аразеаль (Порфирьевъ, 201). Въ сектахъ Манихейскаго склада (Павликiане, Богумилы, Катары, Альбигойцы), приписывавшихъ творенiе *женской половины* злому духу, тоже господствовала легенда о смѣшенiи Евы съ сатаною; самое совокупленiе съ женщиною почиталось *нечистымъ*. По византiйскому обычаю, женщины, имѣвшiя совокупленiе съ мужьями (а также и носившiя крови), не могли въ тотъ день входить въ храмъ и должны были стоять на паперти. Этотъ обычай, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, существовалъ въ XVII в. и у нашихъ дамъ; молодые люди собирались посмотрѣть и посмѣяться надъ женщинами стоявшими на паперти, зная, почему онѣ не входятъ въ церковь [2]). У женщинъ существуетъ еще правило не прикладываться во время очищенiя ко кресту; есть даже касацiонное рѣшенiе, которымъ онѣ въ новѣйшее время уполномочены на такое отступленiе отъ общепринятыхъ правилъ присяги.

Въ средніе вѣка смѣшенiю бѣсовъ съ женщинами не только вѣрили, но даже производили отъ такихъ смѣшенiй извѣстныя личности, какъ напримѣръ Полоцкаго князя Всеслава и Роберта Нормандскаго (Scheible, Das Kloster, 177 ff. — Dunlop, 468), былиннаго Волха Всеславича, цѣлое племя гунновъ и т. д. Особенно много извѣстій о такихъ противуестественныхъ сношенiяхъ дошло къ намъ изъ Испанскихъ извѣстій; въ нихъ разсказы-

---

[2]) Есть даже легенда о женщинѣ, которая вошла въ храмъ нечистою и тотчасъ же сдѣлалась за это бѣсноватою (Кушелевъ Безбородко, I. 210).

вается напримѣръ, что въ 1565 году въ Кельнскомъ монастырѣ Назаретѣ монахиня Гертруда 14 лѣтъ вела переписку съ самимъ Сатаною, въ половинѣ тогоже XVI вѣка одна игуменья изъ Кордовы, Магдалина Крусса, покаялась самому папѣ въ томъ, что бывши еще 12-ти лѣтней дѣвочкой совокупилась съ дьяволомъ, и за тѣмъ 40 лѣтъ жила съ нимъ въ связи. Пикъ де Мирандола называетъ двухъ *огнеупорныхъ* монаховъ, одного 75, другаго 80 лѣтъ, которые по сороку лѣтъ жили въ совокупленіи съ демонами женскаго пола; у одного такой демонъ назывался Гермелиною, у другаго Пигнетою. У Шейбле приведенъ летучій листокъ о томъ, какъ жена Гаутмана, въ Фельдкирхенѣ, родила трехъ злыхъ духовъ [3]).

Въ то время всему этому вѣрили не только простые смертные, но даже реформаторъ Лютеръ; онъ самъ совѣтовалъ *извести* одного мальчика, въ котораго, по его мнѣнію, вселился бѣсъ. Меланхтонъ тоже разсказываетъ совершенно серіозно объ одной умершей дѣвицѣ, которая выходила изъ гроба и странствовала цѣлыхъ два года по землѣ (Буслаевъ, I. 6). Сравните тоже прим. къ № 298, 590 и 697.

722. **Легенда о бѣсѣ Зерферѣ, искушавшемъ калугера** *), напечатана (съ незначительными варьянтами) въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. Кн. Кушелева-Безбородки, вып. I, стр. 203) по рукописи Пуб. биб., Погод. древлехр. № 1300 (по опредѣленію редактора конца XV или XVI вѣка). Эта же легенда разсказана въ житіи Анастасія Великаго. Замѣчу здѣсь, что соименный съ нашимъ бѣсомъ Зереферомъ бѣсъ Зеѳеоусъ упоминается въ повѣсти о водвореніи христіанской вѣры въ Ростовѣ (Памятн. Кушел., I. 223).

723. **О простолюдинѣ, нехотѣвшемъ слушать слово Божіе.** Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала, главы 43-й:

---

[3]) Scheible, Das Schaltjahr, IV. 125.

*) *Калугеръ*, греческій монахъ, отъ καλός (хорошій) и γέρων (старецъ или священникъ) — Didron, 402.

«О проповѣди слова Божія и како симъ иже нехотятъ слушати его».

724. **Притча о завистливомъ** заимствована оттуда же, глава 67: «о клеветницѣ, иже по смерти осужденъ бысть языкъ свой ясти».

725. **Притча о нѣкоемъ беззаконникѣ** заимствована оттудаже (замѣтка Владимірова).

726. **Повѣсть о нѣкоторомъ немилостивомъ человѣкѣ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки *е*, на синей бумагѣ 1800 года, въ которомъ вторая строка текста первой картинки заканчивается словами: «сирыхъ има».

727. **Казнь лихоимцамъ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки *з*, въ которомъ предпослѣдняя строка текста заканчивается словами: «его мона^х же»; а подъ картинкой поставлена монограма мастера: «Гр. ИМ», т. е. «Гравировалъ Иванъ Мякишевъ». Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала*). Отдача денегъ въ ростъ, т. е. на проценты, даже на самые умѣренные, считалась встарину большимъ грѣхомъ, а деньги, нажитыя ростомъ, деньгами нечистыми; въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. Кушелева-Безбородки, вып. I. стр. 22) помѣщена объ этомъ предметѣ исторія о Щилѣ посадникѣ Новгородскомъ, который скопилъ большое имѣніе, отдавая деньги въ ростъ, впрочемъ за очень умѣренные проценты. На скопленное имѣніе Щила, съ благословенія архіепископа Ивана, построилъ церковь. Въ день, назначенный для освященія ея, Иванъ спросилъ Щилу, на какія деньги построена церковь; Щила исповѣдалъ ему истину, «яко отъ лихвенскаго собранія создана бысть церковь». Тогда архіепископъ упрекнулъ его въ обманѣ, что онъ, подобно Исаву, лестію взялъ отъ него благословеніе на божественное дѣло, скрывъ грѣховное происхожденіе жертвуемаго на то имѣнія, и приказалъ Щилѣ устроить въ церкви, въ

*) Глава 62: «страшное сказаніе».

стѣнѣ, гробъ, исповѣдаться, одѣться въ саванъ, и лечь въ гробъ. Щила исполнилъ приказаніе архіепископа, и когда надъ нимъ было совершено отпѣваніе, гробъ его внезапно провалился и на мѣстѣ его образовался провалъ. Тогда архіепископъ Иванъ приказалъ иконописцамъ написать на стѣнѣ адъ и Щилу, сидящаго посреди ада, запечаталъ церковь, а сыну Щилову наказалъ молить Бога «о погибели отчей», сорокъ дней у сорока церквей «сорокоусты дати священникомъ съ причетники довольно», служить панихиды и литургіи и безпрестанно творить милостыню.

По истеченіи этихъ 40 дней архіепископъ послалъ въ церковь архидіакона, который донесъ, что адъ написанъ на стѣнѣ по прежнему и Щила въ немъ, но что голова его «внѣ ада».

Затѣмъ сынъ Щилы, по приказанію архіепископа, повторяетъ сорокоусты,—а архидіаконъ доноситъ, что Щила уже вылѣзъ изъ ада до пояса; наконецъ послѣ третьихъ сорокоустовъ архидіаконъ «видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила внѣ ада съ гробомъ всего изшедша», послѣ чего построенная Щилою церковь была освящена и на мѣстѣ томъ устроенъ монастырь, называемый Щиловъ. «Нѣцыи же глаголютъ (прибавлено въ рукописи Буслаева): архіепископъ заповѣда сыну Щилову по трижды на годъ по сту литургій пѣти в три лѣта. И сіе до здѣ» (стр. 22). Н. И. Костомаровъ относитъ это сказаніе къ началу XIV вѣка, такъ какъ построеніе Щилова монастыря относится къ 1309 году (тамъ-же, стр. 25).

727 А. У Снегирева (Лубочн. карт., стр. 47) упоминается еще о слѣдующей народной картинкѣ: «Слово св. Антіоха о мздоиманіи,—изъ Пролога. Здѣсь изображенъ дьяволъ сидящимъ на огненной колесницѣ съ сундукомъ; онъ погоняетъ бичемъ четырехъ запряженныхъ въ нее человѣковъ, представителей лихоимства, мшелоимства, рѣзоимства и мздоимства. Возница гонитъ ихъ прямо въ адъ. Изъ мира зрительнаго Зерцала». Мнѣ не случалось видѣть такой картинки.

728. **Хожденіе св. Θеодоры по мытарствамъ** заимствовано изъ житія Василія Новаго, которое попадается въ нашей рукописной литературѣ и преимущественно XVII и XVIII вѣка, въ разнообразныхъ редакціяхъ и съ многочисленными илюстраціями *). Текстъ нашей картинки значительно передѣланъ и поновленъ противъ рукописнаго текста XVII вѣка (Буслаевъ, Очерки, I. 435).

Въ Соловецкомъ монастырѣ, въ переходѣ изъ соборной церкви въ трапезу, по стѣнамъ написаны изображенія изъ хожденія Св. Θеодоры, въ живописномъ стилѣ нынѣшняго столѣтія.

728 А. **Хожденіе Богородицы по мукамъ** *). Эта народная картинка мнѣ не попадалась, о существованіи же ея сказывалъ мнѣ Московскій старожилъ В. Θ. Щербаковъ; по его словамъ, текстъ картинки былъ заимствованъ изъ легенды, напечатанной въ Памятникахъ старинной русской литературы (III. 118). Въ началѣ хожденія Богородица проситъ архангела Михаила показать ей сколько есть мукъ, въ которыхъ мучится родъ христіанскій. Михаилъ повелѣлъ явиться ангеламъ отъ полудня, которые и отворили адъ съ его мученіями; здѣсь: 1) множество женъ и мужей мучались за то, что не вѣровали въ Бога, а въ солнце, мѣсяцъ и гады, и устроили изъ камня Трояна, Харса, Велеса и Перуна; 2) грѣшники, пребывающіе въ вѣчной тьмѣ, за то, что не вѣровали ни въ Бога, ни въ Христа, ни въ Богородицу. Потомъ ангелы извели Богородицу на полудень, гдѣ текла огненная рѣка: 3) множество женъ и мужей стояли въ рѣкѣ той, которые до пояса, которые до пазухи, иные до шеи, другіе же «до верха». До пояса погружены, сказалъ Михаилъ, тѣ, которые прокляты

---

*) Житіе преподобнаго Василія Н. (944 г.) написано его ученикомъ Григоріемъ Мнихомъ; въ первой части этого житія Григорій передаетъ разсказъ кормилицы Василія Новаго, Θеодоры, какъ она ходила по мытарствамъ, а во второй Григорій описываетъ, какъ онъ сподобился увидѣть въ видѣніи страшный судъ, послѣ чего получилъ исцѣленіе отъ всѣхъ своихъ сомнѣній.

[1]) Хожденіе Богородицы по мукамъ по рукописи XV в. (Троицко-Сергіев. лавры. № 12. 30—38) и еще другое, сходное съ первымъ, хожденіе по мукамъ апостола Павла, по рукописи XV в. (Новгород. Софійск. соб. № 1264), помѣщены въ Памятникахъ отреченой литературы Тихонравова (II. 40).

своими родителями; до пазухи, тѣ, которые «присныя куми были, карящеся а другіи блудъ творяху» [2]); до шеи тѣ, которые ѣли человѣческое мясо,—до верха же погружены тѣ, которые лжеклялись, держа честный крестъ. 4) И увидѣла Богородица мужа, повѣшеннаго за ноги; черви ѣли его, и спросила Богородица «кто сей есть?» и отвѣчалъ ей Архистратигъ: «это тотъ, который бралъ на свое злато и сребро приклады (проценты)». 5) И увидѣла жену, повѣшенную за зубъ, и различные змѣи исхождали изъ устъ ея и ѣли ее. «Эта женщина», сказалъ Архангелъ, «ходила по сосѣдямъ своимъ, подслушивала и сплетничала и ссорила». Потомъ пошла Богородица на полунощь. 6) Тамъ въ огненномъ облакѣ на пламенныхъ одрахъ лежали мужи и жены,—это тѣ, которые во Святую недѣлю къ заутрени не ходили, а лѣнились и спали. 7) Тутъ-же на столахъ огненныхъ горѣло множество людей, которые не почитали поповъ. 8) И увидала Богородица дерево желѣзное, имѣющее вѣтви желѣзныя и на верхнихъ вѣтвяхъ его желѣзные крюки, и на нихъ повѣшено за языки много женъ и мужей. Это клеветники и «сваднице», которые ссорили братьевъ между собою и женъ съ мужьями. 9) На другомъ мѣстѣ увидѣла Богородица «мужа висяща за четверо»; кровь выходила у него изъ ногтей. «Это служитель церкви, который продавалъ церковные сосуды и имѣніе», сказалъ Архангелъ. 10) «И видѣ попы висяща, исхождаше огнь отъ тѣмени ихъ и опаляше я». «Это недостойные пресвитеры, егда проскомисаху просвиру роняху крупицы на землю», сказалъ Архангелъ. 11) И увидѣла крылатаго трехглаваго змѣя, который непрестанно мучилъ мужа. «Этотъ мужъ», сказалъ Архангелъ, «людей училъ и Евангеліе читалъ, самъ не творилъ воли Божіей, жилъ блудно и беззаконно». 12) Далѣе мучились огнемъ и червями тѣ, которые носили на землѣ чины ангельскій и апостольскій, патріархи: епископы и звавшіеся на землѣ святыми, но не названные святыми на небеси;

[2]) Въ одномъ хронографѣ XVII в. разсказывается о Тезіорѣ, который былъ прельщенъ прелестницею; душу его стегали плетьми на воздухѣ ефіопы (Буслаевъ, Очерки, I. 629)

13) пресвятыя жены, которыя повѣшены были за ногти; пламень исходилъ изъ устъ ихъ и опалялъ ихъ, и змѣи исходили изъ того пламени и лѣпились по нимъ. «Это», сказалъ Архангелъ, «черницы, которыя тѣлеса свои продали на блудъ; попадьи, которыя не почитали своихъ поповъ и по смерти ихъ повышли замужъ». 14) Тутъ-же лежали въ огнѣ другія жены и различныя змѣи жалили ихъ. 15) И увидѣла Пресвятая рѣку огненную, текущую аки кровь и посреди волнъ ея множество грѣшниковъ; тутъ были блудницы, любодѣи, тати, клеветники, «иже чужіе нивы ужинаху или урояху... иже ѣдятъ труды чюжы, женъ съ мужьями разлучаютъ, пьяницы, немилостивы князи, епископы, патріархи, цари и ростовщики».

Потомъ повели ангелы Богородицу на лѣвую страну (16), и увидѣла она рѣку смоляную съ огненными волнами,—въ ней мучались жиды, которые мучили Спасителя, христіане, вѣрующіе въ демоновъ, творящіе блудъ съ кумами, съ матерьми и дочерьми, отравители, убійцы и дѣтоубійцы. Наконецъ подошли они къ огненному озеру, въ которомъ мучился родъ христіанскій за то, что «крестъ словомъ нарицаху, а діаволя дѣла творяще». Пречистая, которая о прочихъ грѣшникахъ замѣчала, что «по дѣломъ мука ихъ», пожалѣла христіанъ и просила Архангела, «да вниду и азъ (въ озеро) да ся мучу со крестьяны», на что Архангелъ отвѣчалъ ей: «почивай въ раи». Но Богородица, возвратившись на небо, начала молить о помилованіи христіанъ Бога отца; къ ней присоединились Моисей пророкъ, Павелъ апостолъ, Іоаннъ Богословъ, Михаилъ Архистратигъ, всѣ Ангелы. Тогда умилосердился Господь, и послалъ сына своего, который за милосердіе отца своего, и за молитвы матери, и за Михаила Архангела, далъ покой мучащимся день и ночь отъ великаго четверга до святаго пантикостія [3]); и отвѣщаша вси: «слава милосердію твоему» [4]).

---

[3]) По Талмуду, грѣшники въ аду мучаются шесть дней, а въ субботу получаютъ отдыхъ. Рѣка Саббатіонъ, составляющая границу между раемъ и адомъ, течетъ тоже шесть дней, а на субботу останавливается (Диминскій о Талмудѣ: Труды Кіев. Духовн. Ак. 1868. I.—Порфирьевъ, 35).

[4]) Въ стихахъ Кирѣевскаго (Чтен. Москов. Общ. Истор. 1848. IX. 207)

На этотъ-же предметъ существуетъ слѣдующая старинная нѣмецкая легенда, замѣчательная по чрезвычайной наивности изложенія. Однажды Христосъ сдѣлалъ праздникъ всѣмъ святымъ; апостолу Петру приказано было принимать только самыхъ короткихъ знакомыхъ: четыре евангелиста разсѣлись по четыремъ угламъ съ трубами и волторнами; ангелы курили оиміамомъ; всѣ веселились; наконецъ самъ Христосъ съ Богородицей и Магдалиной принялъ участіе въ общей радости. А между тѣмъ души грѣшниковъ мучились въ вѣчномъ пламени и еще болѣе усиливались ихъ страданія тѣмъ, что до нихъ долстали звуки веселыхъ пѣсень съ неба Тогда Богородица приступала ко Христу съ словами: «сынъ мой возлюбленный, ты царь неба, но вспомни, что ты мнѣ сынъ, — изъ благодарности ко мнѣ, прошу тебя, освободи отъ мученія на сегоднишній день и на завтра эти несчастныя души, которыя приходятся мнѣ братьями и сестрами по міру». «Мать», отвѣтилъ Христосъ, «пусть будетъ по твоему желанію, я освобожу ихъ не только на два дня, но на цѣлые три дня». Съ этими словами апостолъ Петръ растворилъ райскія двери, и души погибшихъ вознеслись въ рай, чтобы принять участіе въ общемъ веселіи. Вотъ почему, прибавлено въ легендѣ, за днемъ всѣхъ святыхъ слѣдуетъ праздникъ всѣхъ душъ: въ этотъ день, каждый годъ, потухаетъ огонь въ чистилищѣ (Fegefeuer); но это только въ чистилищѣ, проклятые же, помѣщенные въ адѣ, не пользуются этой льготой: ихъ страданія не прерываются (F. W. Genthe, Jungfrau Maria. Halle. 1852, 81).

729. **Притча о великихъ мукахъ въ чистилищѣ.** Эта притча напечатана въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородки. Вып. I, стр. 109), подъ названіемъ: «легенда о временномъ посѣщеніи ада»; разницы въ текстѣ ея съ текстомъ народной картинки почти нѣтъ. Въ приложеніи къ легендѣ редакторъ говоритъ, что въ народѣ существуетъ вѣрованіе,

---

есть подобное же моленіе Богородицы за грѣшниковъ, а въ сербской литературѣ существуетъ подобное же хожденіе Богородицы по мукамъ.

*

что впадающіе въ летаргическій сонъ, похожій на смерть (т. е. обмирающіе), и снова возвращающіеся къ жизни, особеннымъ призваніемъ Божіимъ отпускаются обратно въ земную юдоль изъ загробнаго міра, сохраняя воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли въ томъ мірѣ (стр. 110). Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ 37 главы Великаго Зерцала: «Яко лучше здѣсь скорби терпѣти и пріимати бѣды нежели тамъ».

730. **О явленіи нѣкоему священнику Богоматери.** Текстъ этой картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала, гдѣ онъ напечатанъ въ 28 главѣ, съ заголовкомъ: «Священнику благополучныя щедроты богородицы».

732 А. **Коло.** Прибавить: Въ моемъ собраніи находится подлинникъ, съ котораго скопировано (въ обратную сторону и въ меньшемъ размѣрѣ) изданіе *а* № 732; внизу его подпись мастера: «Знамени[л] и рѣза[л] Аѳанасій Тру[х]менскій». За этотъ единственно извѣстный мнѣ экземпляръ фортуны Трухменскаго заплочено мною на аукціонѣ гравюръ, оставшихся послѣ смерти Н. М. Дмитріева (въ октябрѣ 1879 г.), ничтожная, сравнительно, цѣна — 12 руб. Переводъ картинки Трухменскаго несомнѣнно заимствованъ съ хорошаго западнаго, повидимому голландскаго, образца. Фортуна представлена съ высоко взбитыми кверху волосами, въ туникѣ и сандаліяхъ; особенно хорошо сдѣланы и довольно правильно нарисованы скелеты, сидящіе по сторонамъ мертвой головы, помѣщенной внизу картинки, а также и самая головя и купидонъ, пускающій тутъ же мыльные пузыри.

733. Наше **Коло** принадлежитъ къ числу *рафлей*, о которыхъ упоминается въ стоглавѣ, и употреблялось, наравнѣ съ №№ 734 (случаевъ сказаніе), 735, 736, 759 и 761, для гаданія по оному зерномъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ эти гадательные листы замѣнены Соломоновою головою, которая и представляетъ ничто иное, какъ усовершенствованныя гадательныя *рафли* прежняго

времени, которыя были строго запрещены и ставились на ряду съ волхвованіемъ *).

734 А. Прибавить: есть еще листовая картинка подъ названіемъ **«Суета суетъ»**, гравированная пунктиромъ въ 1820—21 годахъ; изданіе полулистовое. На ней всрединѣ представлено колесо, за ось котораго цѣпляются три человѣка (средній изъ нихъ царь). Кругомъ надпись «сице такъ на свѣтѣ все превратно»; вверху: «суета суетъ всяческая суета, стихъ 1 и глава 1». Вверху и внизу алегорическія изображенія суеты: дѣти, спускающія мыльные пузыри, фортунка, биліардъ, кости, карты, корона, шпага, ордена и т. д. Подъ картинкой подпись:

«Чуденъ всвете человѣкъ
Суетится цѣлои вѣкъ
Щастия Сыскать желаетъ
А того не воображаетъ
Что Судба имъ управляетъ».

735. **Притча житія человѣческаго**. Совершенно сходная съ нашей картинкой карикатура «свинья прядетъ нитки» находится въ «Musée de caricature», Жема (II, 161, D); впрочемъ тамъ она имѣетъ политическое значеніе.

Въ моемъ собраніи есть экземпляръ картинки № 735, отпечатанный на синей бумагѣ 1800 года.

735 А. Прибавить: **Притча житія человѣческаго**; текстъ изложенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Въ собраніи г. Яковлева.

---

*) Въ 136 году дьячекъ Семейка Григорьевъ за имѣніе *рафлей* (въ тетрадкѣ) былъ закованъ въ ножныя желѣза и велено ему быть годъ въ черныхъ монастырскихъ службахъ (Акты Археогр. Экспед. III. № 176). Рафля значитъ рѣшетка, а также и рошперъ (куря рафленое т. е. жареное на рошперѣ), рафлить—линовать; отсюда и гадательные листы названы *рафлями*, такъ какъ они раздѣлены или *раз-рафлены* на отдѣленія, въ которыхъ показаны, за нумерами, разные случаи и дѣйства.

737. **Возрастъ человѣческій.** Въ одномъ алфавитѣ XVII в. помѣщено «коло родства чл҃ча», въ которомъ возрасты обозначены слѣдующимъ образомъ: «а҃ мл҃нцъ до седми лѣтъ егда бываетъ зубомъ испадение. в҃ отроча до д҃і лѣт и до испущения сѣмене и оͭселе отрок. г҃ дѣтище до к҃а лѣта и оͭтолѣ юноша. д҃ ѿ к҃а лѣта до к҃ѳ юноша и оттолѣ мужъ. е҃ му͗ ѿ к҃ѳ до л҃е лѣта и ѿтолѣ средовѣченъ. ѕ҃ средовѣчне ѿ м҃в до м҃ѳ стерьбль. з҃ м҃в до н҃ѕ го старецъ пѡсемъ матерство» (Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. муз. № II) *).

742. **Зерцало грѣшнаго,** складное, гравировано Иваномъ Тесингомъ въ Амстердамѣ. Иванъ Андрѣевъ Тесингъ (Tesinh)—амстердамскій купецъ, типографъ и граверъ на мѣди; въ 1700 году Петръ первый выдалъ ему привиллегію печатать въ городѣ Амстердамѣ: Европейскія, Азіатскія и Американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и морскихъ ратныхъ людѣхъ, математическія, архитектурскія и городостроительныя и иныя художественныя книги на славянскомъ и на голландскомъ языкѣ вмѣстѣ, также славянскимъ и голландскимъ языкомъ порознь по особну, съ подлиннымъ размѣромъ и съ прямымъ извѣствованіемъ, кромѣ церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ, и подъ его клеймомъ и печатью безпошлинно чрезъ Архангельскъ провозить, а у другихъ привозимыя книги отбирать и брать штрафъ по 1000 эфимковъ за каждый привозъ (Полн. Собр. Зак. IV, 1751). Тесингъ умеръ въ 1701 г. (Пекарск. I. 12); данная Петромъ привиллегія принесла ему, повидимому, мало пользы; изданы имъ басни Езоповы (Амстерд. 1700 г.) и глобусъ небесный (1699 г.), да еще описанное подъ № 742 зерцало, и кажется другое зерцало № 741,—вотъ и вся память широкой привиллегіи, данной Амстердамскому купцу Ивану Андрѣеву

*) Сравни: Лавровскаго, Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Словенъ (Прилож. 2-е къ XII т. Зап. Акад. Наукъ); въ колѣ родства здѣсь показаны: младенецъ до 7 лѣтъ, отрокъ до 14 лѣтъ, дѣтище до 21, юноша до 29; мужъ до 35, средовѣченъ до 42 и старецъ до 56. См. тоже О. Миллера, Илья Муромецъ, 764.

Тесингу. Одно Зерцало его имѣло хорошій успѣхъ и было повторено много разъ, съ измѣненіями и безъ измѣненій; съ небольшими передѣлками оно было даже вставлено въ другія картинки.

744. **Зерцало грѣшнаго.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: *г*, отпечатанное на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ 1-я строка кончается: «адъ стонетъ»— также какъ и въ изданіи *в*, но вторая строка состоитъ изъ словъ: «и рыдает грешъ», въ изданіи же *в* эта строка состоитъ изъ словъ: «и рыдаетъ»; и *д*, отпечатанное доскою изданія *а*, но по словамъ: «приходитъ чреда» (справа) видна продольная трещина.

747. **Притча житія человѣческаго.** Прибавить: есть другое изданіе (*б*) этой картинки, отпечатанное на синей бумагѣ 1800 года; средняя строка надписи въ 1-мъ вопросѣ кончается въ немъ словами: «егда он», въ изданіи *а* она кончается словами: «егда 1». въ моемъ собраніи.

751 **Аника воинъ и смерть.** У меня есть еще два изданія этой картинки: *з*—листовое, конца прошедшаго вѣка; первая строка подписи въ немъ заканчивается такъ: «пришла когу», и другое *и*, отпечатанное доскою изданія *д*, но пойденною вновь: щека лежащаго Аники въ этомъ изданіи тушевана въ двѣ черты, тогда какъ въ изданіи *д*—она тушевана въ одну черту.

751 А. Прибавить: **Аника воинъ и смерть**—точное повтореніе предыдущей картинки, но увеличенное, въ четырехлистовомъ размѣрѣ; гравюра на деревѣ на манеръ Штелиновскихъ, отпечатана на бумагѣ съ знакомъ 1808 года. Вверху, въ срединѣ, надпись: «храбры воинъ езде по чисту полю и пріиде кнему смерть и виденением страшна носяща съ собою оружие и кривую косу (.) ты еси кто (.) она же рече азъ есмь смерть хощу тя взять и погубит кривою косою (.) воинъ же рече азъ тебя небоюся на ратномъ деле бывалъ и много силы побивал (.) я хоша и одна а собою невзра-

шна но сильныхъ и храбрыхъ побиваю (.) воинъ же отстраху ея паде на землю животъ свои умре».

Разсказы о борьбѣ воина со смертью встрѣчаются въ рукописяхъ XVII вѣка довольно часто; въ сборникѣ Царскаго № 410, л. 272—278, помѣщено «прѣніе смерти съ животомъ», начинающееся слѣдующими словами: «бѣ нѣкій человѣкъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многія...» Въ другомъ позднѣйшемъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 1773 помѣщена подобная же повѣсть: «ободрости человѣческой», съ слѣдующимъ началомъ: «человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собой имѣя крѣпостью обложенъ, звѣровиденъ». Встрѣтившая его смерть убѣждаетъ богатыря въ своей силѣ, между прочимъ такими примѣрами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противъ меня стояти не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ силный и онъ говорилъ тако: «аще было колцо въ землю вдѣлано азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ», — да и тутъ не смѣлъ со мною дратися; да еще каковъ былъ Акиръ премудрый, и тотъ спорится не смѣлъ; да и тѣхъ азъ есмь всѣхъ взяла, яко единого отъ сиротъ убогихъ» (Пыпинъ, Очеркъ, 136.—Буслаевъ, Очерки, I. 635)[1]). Въ Памятникахъ старинной русской литературы напечатаны двѣ подобныя легенды съ разными измѣненіями въ подробностяхъ, одна изъ коихъ на малороссійскомъ нарѣчіи (Вып. II. стр. 439); всѣ эти легенды оканчиваются побѣдою смерти надъ воиномъ.

Объ Аникѣ воинѣ сохранилось много народныхъ преданій и пѣсенъ. Въ пѣсняхъ говорится, что Аника жилъ 220 (по другимъ даже 390) лѣтъ, въ славномъ городѣ Евлесѣ (Едесѣ?); разорялъ

---

[1]) Подобный же разговоръ ведетъ со смертію Добрыня въ пѣсни Рыбникова (II. 36. XLIV). Царице Демьянище басурманище тоже упрашиваетъ Георгія храбраго пощадить, неубивать его три года, три мѣсяца и три дня (Калики, I. 467). Есть много миніатюрныхъ изображеній борьбы живота со смертію, несхожихъ съ нашею картинкою по переводу; Буслаевъ описываетъ ихъ Очерки, I. 625) съ приложеніемъ самыхъ изображеній.

монастыри, грабилъ церкви, много покорилъ царей и богатырей и много пролилъ русской крови (Кирѣевскій, IV. 115—130). Собрался разъ онъ въ путь разорять Іерусалимъ градъ; и вотъ на встрѣчу ему выѣзжаетъ смерть въ видѣ какого-то полкана: голова человѣчья, туловище звѣриное, а копыта лошадиныя (Кирѣевскій, тамъ же.—Рыбниковъ I, 465). Аника начинаетъ ругать ее и похваляться своею силою, точно такъ, какъ и въ пренія живота и въ народной картинкѣ; но смерть объявляетъ ему, что часъ его пришелъ, что жили на землѣ сильные и могучіе богатыри: Молоферъ (Олофернъ) и Святогоръ и Самсонъ [2]), и «тѣ мнѣ, смерти, покорилися; былъ сотворилъ небо и землю Богъ, и то меня смерти не миновалъ» (Кирѣевскій, I. 131). Увидавъ, что дѣло плохо, Аника началъ принижаться, просить ее дать ему сроку на три года, три мѣсяца, три часа... «Въ чемъ тя застану въ томъ и сужу», сказала смерть Аникѣ (въ рукопис. сборн. XVII в.) и подкосила его. Тогда Господь сослалъ двухъ ангеловъ, которые вынули душу Аники *сквозь реберъ*, взоткнули ее *нечестно* на копье, и низринули въ тьму кромѣшную (Кирѣевск. IV. 135). Кромѣ легендъ и пѣсень, сказаніе объ Аникѣ послужило сюжетомъ для одной интермедіи, которая по словамъ г. Котляревскаго разыгрывалась фабричными (Русск. Архивъ 1864 г., 78). Интермедія эта начинается задорнымъ разговоромъ Аники съ нѣкіимъ рыцаремъ Морицомъ (ужъ не Саксонскимъ ли?); по окончаніи разговора дѣйствующія лица дерутся; Аника убиваетъ Морица и произноситъ самъ себѣ лубочно-хвалебную рѣчь: онъ и воинъ славный, и царей побивалъ, и смерти не боится, и если она явится, «шлюха мякинное брюхо», то такъ ударитъ ее въ високъ, что «посыпется у нея изъ ж..ы песокъ». На эту похвальбу выходитъ смерть, и сразу осаживаетъ его; Аника начинаетъ упрашивать ее обождать расправой, какъ и въ нашей картинкѣ, но смерть непреклонна. Тогда Аника торжественно прощается съ востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ, съ царями,

---

[2]) Въ одной былинѣ смерть рядомъ съ Соломономъ богатыремъ упоминаетъ и о славномъ богатырѣ Полканѣ (Кирѣев. I, IV, 117).

богатырями и красными дѣвицами; смерть подкашиваетъ его и онъ падаетъ.

Что же касается до народныхъ преданій, то верстахъ въ восьми отъ г. Вологды и до сихъ поръ существуетъ Аникіевскій лѣсъ и Заоникіевская пустынь, а въ лѣсу показываютъ могилу Аники (Русск. Архивъ 1874, стр. 71). Погодинъ приводитъ народное преданіе, по которому разбойникъ Аника жилъ въ лѣсу, въ избушкѣ безъ оконъ. Разъ встрѣтилъ онъ прохожаго старика-богомольца; въ котомкѣ его не нашлось ничего, кромѣ узелочковъ съ мощами да разными святыми вещами; Аника разбросалъ все это по землѣ, не смотря на мольбы старика, который въ концѣ пригрозилъ ему божіимъ гнѣвомъ. Аника выхватилъ было ножъ, чтобы зарѣзать его, но старикъ исчезъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и Аникина избушка. Оставшись безъ крова, Аника сѣлъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу; здѣсь встрѣтилась ему смерть, и произошелъ между ними разговоръ, который переданъ на нашей картинкѣ, а затѣмъ конецъ Аникѣ. Кромѣ того въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о разбойникѣ *Аникѣ*, казненномъ при Петрѣ I и доставившемъ любопытный матеріалъ для Академической кунсткамеры. По увѣренію нѣкоторыхъ старожиловъ, этотъ Аника одно лице съ Вологодскимъ разбойникомъ; въ этомъ вѣроятно заключается и причина той извѣстности, которую получила народная картинка объ Аникѣ воинѣ и смерти, имѣвшая такое множество переводовъ и изданій.

А. Н. Веселовскій (Вѣстникъ Европы 1875. Апрѣль), а за нимъ И. В. Ягичъ (Archiv für Slavische Philologie. Berlin, I. 103), доказываютъ, что нашъ Аника заимствованъ изъ средневѣковой, византійской, повѣсти, въ которой описываемому воину, въ числѣ прочихъ эпитетовъ, придано и прилагательное ἀνίκητος; изъ этого прилагательнаго русскій разскащикъ сдѣлалъ имя собственное. Веселовскій приводитъ рядъ греческихъ пѣсень о борьбѣ богатыря Дигениса съ Харономъ, напоминающихъ бой Аники съ смертью; въ одной изъ нихъ Дигенисъ дерется съ Харономъ три дня и побѣждаетъ его; но Богъ посылаетъ золотаго орла, который пронзаетъ

клювомъ голову Дигениса и умерщвляетъ его. Въ другой пѣсни Дигенисъ зоветъ себя Аникитомъ (ἀνίκητος), т. е. непобѣдимымъ; по замѣчанію Веселовскаго, тоже значеніе имѣетъ и имя нашего Аники (Отзывы византійскаго эпоса въ русскомъ: Вѣстн. Евр. 1875, II, 766.—Пыпина, Очерки, 135—6.—Тихонрав. Лѣтопись, II. 185.—Пѣсни Кирѣевск. IV. Зам. Безсонова, CVIII.—Пѣсни объ Аникѣ, ibid. 115—138 (5).—Пѣсни Рыбникова, I. 465—466; II. 255—258.—Варенцовъ, Сборн. русск. духовн. стих., 100—127 (3).—Русское Слово, Янв). Весьма любопытны еврейскія апокрифическія сказанія о смерти Моисея, напоминающія борьбу живота съ смертію: узнавъ отъ Бога, что ему назначено умереть, Моисей безуспѣшно упрашиваетъ его отмѣнить этотъ приговоръ и Богъ посылаетъ взять его душу—сперва ангеловъ Гавріила, потомъ Михаила и Зингіеля, которые со страхомъ отказываются отъ этого порученія, и наконецъ—ангела Самаэля, который, опоясавшись мечемъ, съ великою радостію отправляется къ Моисею; онъ однако пришелъ въ ужасъ отъ лица Моисеева и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Самаэль*: для тебя насталъ последній часъ; дай мнѣ твою душу! *Моисей*: кто тебя послалъ? *Самаэль*: тотъ, кто создалъ міръ и души, которыя всѣ отъ начала міра предалъ моей власти. *Моисей*: я сильнѣе всѣхъ тварей, я отрѣзанъ отъ чрева матери моей, я въ тотъ-же день, какъ увидѣлъ свѣтъ, говорилъ съ отцемъ и матерью; на третьемъ году я уже пророчествовалъ, чрезъ меня Богъ далъ Израильтянамъ законъ..., на 80-мъ году сотворилъ я многія знаменія и чудеса, 60 тёмъ (600.000) я вывелъ изъ Египта..., раздѣлилъ море на 12 частей..., кто изъ людей можетъ справиться со мной? Самаэль въ ужасѣ удаляется отъ него; наконецъ самъ Богъ сходитъ съ тремя ангелами, чтобы принять душу Моисея, и послѣ довольно долгаго упорства, поцѣловалъ Моисея и только этимъ способомъ извлекъ изъ него душу (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., 67) [3]).

---

[3]) Соломонъ тоже просилъ ангела смерти не вынимать изъ него душу до тѣхъ поръ, пока не отстроится храмъ; но, получивъ отказъ, онъ ушелъ въ храмину, сталъ въ ней, опершись на свой жезлъ, и въ такомъ положеніи умеръ.

753 А. Прибавить: **Жизнь грѣшника**; листовая картинка, гравированная рѣзцомъ; въ моемъ собраніи. Грѣшникъ стоитъ посрединѣ, кругомъ его разныя аллегорическія изображенія пороковъ и соблазновъ; внизу подпись: «Притча Евангельская о^т^ луки глава 6. зачало 27 Стихъ 41 Іизображ. 2-хъ путей жиз. нашей: Христіанинъ вѣруй въ бога въ путь къ спасенію спеши Б҃гъ все взыщетъ съ тебя строга ты покайся негреши Мирскихъ суетъ удаляися Постомъ страсти побеждаи вера щитъ твои защищаися делъ чужихъ неосуждаи въ жизни есть всемъ две дороги всякъ любую выбираи куды самъ направитъ ноги влево адъ на право враи. Изволь грешникъ веселится вотъ богатство изволь брать коль умѣешъ вооружится честь и совесть потерять вотъ Мирскія утешеньи ты любое выбираи. Нещитай за согрешенья пей плеши вкарты играй въ слѣдъ за мнои ступа вчертоги Я тебя всемъ угащу А патомъ Скававши ноги воадъ прямо Потащу».

755. **Спасеніе человѣка, раздающаго милостыню.** Авторъ этой картинки, Иванъ Стекловъ (писался иногда и Стекловскій), упоминается въ числѣ живописцевъ Оружейной Палаты въ концѣ XVII вѣка—онъ писалъ ландшафты; гравюры его крѣпкой водкой сдѣланы въ фряжскомъ пошибѣ и ниже всякой посредственности. Кромѣ картинокъ, описанныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, имъ награвировано еще два листа: гербъ Петра перваго и Тезисъ Гедеона Грембека, 1711 г. (см. Русскіе граверы, стр. 291).

757. **Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ.** О трапезѣ благочестивыхъ людей въ поученіи Ѳеодосія Печерскаго говорится такъ (Правосл. Собес. 1866.—Учен. Запис. Акад. Наукъ, кн. 2. в. 2. 1866): «обѣдъ поставится, Христосъ Богъ славится и сѣсти пити лѣпо есть. А обѣдая пустошнаго не говорить, вспоминая видѣніе

Демоны, видя его стоящимъ съ жезломъ, не *замѣтили* его смерти и продолжали работу; между тѣмъ черви подточили жезлъ Соломоновъ, онъ упалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упало и тѣло Соломоново; но зданіе храма было уже кончено, къ большой досадѣ чертей, которые увидѣли, что проработали долгое время попустому.

Нифонта, какъ онъ видѣлъ нѣкотораго человѣка, съ женою и дѣтьми обѣдающаго. Передъ ними стояли нѣкіе въ прекрасныхъ ризахъ, числомъ столько-же, сколько ихъ обѣдало. И чудился тому Нифонтъ и молилъ Бога, да проявитъ ему, что знаменуетъ то видѣніе. Обѣдавшіе были люди убогіе, а стояли передъ ними въ чистыхъ ризахъ. И открылъ ему Богъ, что стоявшіе были ангелы. Никогда они не отходятъ, соблюдая вѣрныхъ. А если начнется смѣхъ или кощунство, и клевета и осужденье, то ангелы отходятъ, и бѣсъ, пришедши, насѣваетъ зло». Въ Домостроѣ тоже сказано, что на трапезѣ людей благочестивыхъ невидимо предстоятъ ангелы, и написуютъ дѣла добрая. Если же на трапезѣ происходитъ плясаніе и скаканіе, игры и пѣсни бѣсовскія, то какъ дымъ отгоняетъ пчелы, такъ и ангелы отходятъ прочь, а бѣсы возрадуются и нисходятъ на трапезу; и начинаются всякія безчинства, игры, зернь, шахматы, ѣда бросается на полъ, питье проливается; а дьяволы записываютъ дѣла нечестивыхъ, и приносятъ къ сатанѣ, и вмѣстѣ съ нимъ радуются (Гл. XI. 13). По сказанію нашихъ легендъ, тоже самое дѣлается бѣсами и во всякое другое время, кромѣ трапезнаго; въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородки. Вып. I, стр. 201) напечатанъ такой разсказъ о двухъ монахахъ, удалившихся въ пустыню. У одного изъ нихъ былъ сынъ отрокъ. Однажды старцы собрались побесѣдовать «духовнѣ» и незамѣтно свернули на житейское; подъ конецъ однако-же опомнились и стали просить другъ у друга прощенія въ прегрѣшеніи. Сынъ отрокъ, бывшій при этомъ, сталъ «безстудно смѣяться». Вопрошенный святыми отцами, о чемъ онъ такъ смѣялся, онъ разсказалъ имъ, что видѣлъ въ началѣ ихъ бесѣды двухъ ангеловъ, которые нашептывали имъ святое, каждому въ правое ухо; когда-же монахи стали говорить о житейскомъ, ангелы отошли отъ нихъ, а на мѣсто ихъ пришли бѣсы и начали записывать разговоръ монашескій на хартіхъ; когда же исписаны были хартіи, то бѣсы стали продолжать писаніе на себѣ «и уже исписалися бѣси, еже не остатися просту мѣсту на нихъ». А когда монахи снова обратились на разумъ, и стали творить

другъ другу прощеніе, то хартіи и писаніе на бѣсахъ загорѣлись, и бѣсы, палимые огнемъ, начали скакать по кельѣ съ воплемъ: «охъ намъ оувы! сами себя погубихомъ».

757 А. **Трапеза благочестивыхъ.** Въ моемъ собраніи находится верхняя правая часть такой-же четырехлистовой картины, гравированной на деревѣ, съ разницею въ переводѣ. Надпись надъ трапезою поставлена не сбоку, какъ въ № 757, а вверху. Въ правомъ углѣ изображено солнце (въ № 757 оно помѣщено въ лѣвомъ углѣ).

758. Еще **трапеза благочестивыхъ.** Кромѣ перечисленныхъ изданій *а—ж* и изданія *з*, скопированнаго съ изданія *б*,—въ моемъ собраніи есть еще два изданія, отпечатанныя на синей бумагѣ 1810 года: изданіе *и*,—въ немъ послѣдняя строка текста (въ одинъ столбецъ): «видитъ бесы веселящися сними», и изданіе *к*, въ которомъ строка эта состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «а плачетъ яко видитъ бѣсы веселящеся снімі» (текстъ въ 2 столбца).

758 А. Прибавить: **Миръ дому сему и внемъ живущим,**—надпись эта сдѣлана надъ тремя мущинами, сидящими въ комнатѣ, за круглымъ столомъ; надъ ними три иконы (Деисусъ), а внизу подпись: «зъдравие живущимъ». Слѣва подходятъ къ комнатѣ трое; подъ ними написано: «миръ входящимъ». Справа трое только что вышли изъ нея; подъ ними подпись: «впуть ѿходящімъ». Картинка полуторалистоваго размѣра, гравирована рѣзцемъ и отпечатана на синей бумагѣ 1800 года.—Въ моемъ собраніи.

759. **Лѣствицы, ведущія въ рай и адъ.** Въ моемъ собраніи есть экземпляръ изданія *а*, съ затертой подписью мастера Тихомирова; это будетъ по счету изданіе *ж*.

760. **Душа чистая и душа грѣшная.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки, *з*, отпечатанное въ 1840—50 гг. доскою изданія *д*, сильно потертою, и на мягкой бумагѣ того

времени, и кромѣ того два изданія, отпечатанныя съ одной и той-же доски: одно (*и*)—на бумагѣ 1800 года, другое (*к*), съ подправленной доски,—на бумагѣ 1810 года; расположеніе подписей этого перевода сходно съ изданіемъ *г*, первая строка надписи вверху заканчивается въ немъ словами: «двца преук» (Въ моемъ собраніи). Душа чистая и душа грѣшная изображены въ Кіевскомъ акаѳистникѣ 1629 года и въ синодикѣ 1702 года, на листѣ 24-мъ. Въ Крестовой палатѣ царевны Софьи Алексѣевны была написана на стѣнѣ притча: «Душа чиста, аки дѣвица преукрашена всякими цвѣты, стоитъ превыше солнца, луна подъ ногами ея». Эта-же притча писалась и на иконахъ въ XVII вѣкѣ и позднѣе; три изъ такихъ иконъ находятся въ христіанскомъ музеѣ Академіи Художествъ. На одной изъ нихъ (половины XVII в.) находится слѣдующая надпись: «Душевная чистота яко невѣста преукрашена всякими цвѣтами, имѣя на главѣ вѣнецъ царскій и сіяющъ солнечными лучи; равна есть ангельскому существу. Души святіи стоятъ у Престола Господня». Здѣсь, вверху, изображенъ Спасъ Вседержитель; подъ ногами у него солнце; слѣва ангелъ *), Справа отъ Спасова образа стоитъ чистая душа, въ женскомъ образѣ, въ царскомъ одѣяніи, въ вѣнцѣ, держа въ правой рукѣ чашу съ цвѣтами—знакъ ея красоты, а въ лѣвой—сосудъ, изъ коего льется вода, обозначающая, безъ сомнѣнія, слезы, ибо надпись говоритъ: «терпѣніе грѣховное слезами угаси». Изъ устъ написана красная черта—огонь, объясняемый надписью: «молитва же ея исходитъ изъ устъ, аки огнь до небеси». Подъ ногами ея луна, въ видѣ чернаго шара, съ надписью: «луна подъ ногами, пребысть выше небеси и солнца». Подлѣ изображены левъ, змія, дьяволъ, съ надписями»: «постомъ и молитвою льва связа; смиреніемъ змія укроти; позавиде діаволъ добротѣ ея, паде предъ нею». Въ углу изображена: «грѣшная душа тмою помрачена», въ человѣческомъ образѣ;

---

*) Ю. Д. Филимоновъ дѣлаетъ замѣчательное сопоставленіе иконы чистой души съ иконою Софіи премудрости Божіей, Вѣстникъ Общ. древне-русск. искусства 1874, 1—3.

она: «сидитъ въ темнымъ мѣстѣ, ожидаетъ вѣчныя муки» (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, I. 135).

Въ Вѣнскомъ Ambraser Sammlung находится образъ монастырскаго письма XVIII вѣка, 3-хъ вершковой мѣры, на которомъ изображена чистая душа въ такомъ-же видѣ, какъ и на нашихъ картинкахъ, а на поляхъ у него приписаны святые; слѣва: Аверкій Еропольскій и Варлаамъ преподобный, а справа: Кн. Михаилъ Черниговскій и *Насея* (?)

761 А. **О добрыхъ друзѣхъ.** Прибавить: при брошюрѣ И. Голышева «Лубочныя старинныя народныя картинки. Владимiръ 1879» приложенъ отпечатокъ со старой деревянной доски XVIII вѣка, съ слѣдующимъ текстомъ (безъ картинокъ): «ѡ добры[х] друзѣ[х], кі. Дру[г] правда.... (сколоно) Дру[г] чистота, къ бг҃у приводитъ... Дру[г] любовь, идѣ же любовь ту и бг҃ъ.... Дру[г] труды, дѣлу честь дш҃и споможенiе.... Дру[г] послушанiе, ст҃ое дѣло, скоры[и] пу[т] ко сп҃нiю... Дру[г] смиренiе со блг҃одаренiе[м] се[и] и са[м] сатана трепещ.... Дру[г] воздержанiе, сему нѣсть заповѣди... Дру[г] разсужденiе, всѣхъ добродѣтелей выше... Дру[г] покаянiе, самая радость бг҃у и агг҃ло[м]... Дру[г] мл҃итва спосто[м], съ бг҃омъ соединяетъ... Дру[г] милость, самаго бг҃а дѣло. Ѡ чл҃че имѣй сихъ кі друговъ, зѣло много добра ими получиши его[же] и нечаеши воздаду[т] тебѣ сугубо. Не зо сто, но паче тысяще. И люби сiи друзи паче всѣ[х] чл҃ков и дражайши имѣй ѕлата и сребра и камени многоцѣнны[х] и сладши паче меда.... понеже бо».. (сколоно).

768. **Въ темницѣ бѣхъ.** На этой картинкѣ представлена, между прочимъ, темница (отъ слова *темно*). Какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанiя, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ [1]), и тюрьмахъ (отъ слова Thurm = башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенiя, носившихъ названiя порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣш-

[1]) Устраивать подземельные остроги было запрещено еще въ 1566 году (Никитина, Тюрьма и ссылка: Истор. Вѣст. 1880. Iюнь, 374).

ковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ (Русск. въ послов. IV. 198) [2]). Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками [3]), или скованные желѣзами по рукамъ и по ногамъ [4]),—на шею надѣвалась имъ рогатка; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т. е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (клинья), чтобы они не могли говорить,—отсюда и пословица «кляпъ те въ ротъ»; такой кляпъ можно видѣть на портретѣ Арсенія Мацѣевича, или, какъ прозвала его Екатерина II, Арсюшки Вралева (см. мой Словарь портретовъ, стр. 18). По завѣренію Снегирева, въ крытомъ коридорѣ, ведущемъ къ Константиновской Кремлевской башнѣ, еще въ 1832 году видны были въ стѣнѣ пробои и кольца, къ которымъ приковывались подсудимые, ожидавшіе пытки (Русск. въ своихъ послов., 171. 199). Подробнѣе объ этихъ предметахъ говорится въ заключеніи, по поводу убійства Жуковыхъ. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, какъ вообще грязны и тѣсны наши крестьянскія избы и до сихъ поръ; накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни

---

[2]) Я видѣлъ ихъ тоже въ 1877 году, но уже въ совершенно разрушенномъ положеніи.

[3]) Названіе колодниковъ появляется съ XVII вѣка; съ начала XIX вѣка, съ уничтоженіемъ *колодокъ*, колодниковъ стали называть *арестантами* и заковывать въ *кандалы*. При Алексѣѣ Михайловичѣ колодники назывались *сидѣльцами* и, вступая въ темницу, должны были платить сторожамъ *влазную пошлину*.

[4]) Въ желѣза приказано было *сажать* еще по воинскому уставу 1710 г. (Полн. Собр. Зак. № 2310 и указъ 1716 г. № 3006); дворянъ запрещено было ковать указомъ 1803 г.; престарѣлыхъ и умалишенныхъ отсылали въ монастыри (указъ 1727 г; Полн. Собр. № 5034); мущинъ отъ женщинъ приказано было содержать отдѣльно (указъ 1744 г. № 8877). Съ 1825 г., въ предупрежденіе побѣговъ, установлено было брить половину головы: операція чрезвычайно мучительная, отмѣненная только въ нынѣшнее царствованіе по почину Московскаго Губернскаго Прокурора.

сидѣли за слѣдствіемъ, другіе, уже осужденные на битье кнутомъ, сидѣли часто по долгу за тѣмъ, что палачъ былъ боленъ и *пороть* ихъ было некому (Русск. Архивъ 1868, 1064). Кормъ колодникамъ шелъ плохой, почему имъ дозволялось ходить, подъ конвоемъ, для прошенія милостыни (Указы: 1736 г. Полн. Собр. № 7132; 1744 г. № 9068; 1761 г. № 11.242) [5]).

771 А. Прибавить: 72 руки, вруцелѣтія, круга солнечнаго, тріоди постной, Петрова поста и т. д. для вклеиванія въ рукописныя богослужебныя книги; награвированы рѣзцемъ въ трехлистовомъ размѣрѣ, на Ахметьевской фабрикѣ.—Въ моемъ собраніи.

772. **Темница святыхъ осужденикъ.** Картинка эта была вклеена въ рукопись Іоанна Лѣствичника; по своему формату, въ листъ въ ширину, она не могла принадлежать къ печатной книгѣ, такъ какъ книгъ такого формата (вдлинну) между старопечатными не встрѣчается; за тѣмъ картинка эта составляетъ самый ранній до селѣ извѣстный, летучій (отдѣльный) листъ (непринадлежавшій ни къ какой книгѣ). Находящаяся на ней монограмма: ПБ съ луною и звѣздою съ боку, находится еще на другой картинкѣ, на которой изображены «чистота яко дѣвица преукрашена» и «душа грѣшна», въ Кіевскомъ акафистѣ 1629 года; по работѣ эта послѣдняя картинка имѣетъ большое сходство съ темницею осужденникъ № 772; въ обѣихъ картинкахъ, замѣчаетъ В. Стасовъ, «одна и таже манера гравюры тонкими и отчетливыми штрихами, одна и таже манера выражать темныя мѣста (адъ, темница) посредствомъ одной, сплошной массы дерева, нетронутой рѣзцемъ. Буквы надписей не мало взаимно похожи. Но на гравюрѣ Акаѳиста стоитъ, кромѣ ПБ, монограмма *ЛМ*, что заставляетъ предполагать, что буквы ПБ означаютъ не имя гравера, а имѣютъ особенное значеніе, и что темница осужденникъ гравирована не ПБ, а граверомъ *ЛМ*. Въ пользу этого предположенія говоритъ въ особенности то, что

---

[5]) Были неоднократно издаваемы и указы, запрещавшіе такое хожденіе: въ 1737 г. (№ 7499); въ 1753 г. (№ 10. 121).

нѣтъ другаго примѣра, гдѣ-бы имя гравера было, какъ здѣсь, поставлено на самомъ верху эстампа». Къ работамъ этого-же мастера *ЛМ* Стасовъ относитъ слѣдующіе отдѣльные листки: неопалимая купина; смерть съ косою на бѣломъ конѣ съ 1627-мъ годомъ; Памва Берында въ Ливіи 1627 г.; Антоній великій, идущій къ Павлу Ѳивейскому, 1627 г., и Преп. Акилина, 1627 г. (№ 1346 А).

773. **Лѣствица монастырскаго подвижничества.** Картинка эта несомнѣнно гравирована Леонтіемъ Бунинымъ.

774. **Лѣствица преподобнаго Іоанна Лѣствичника.** Въ греческомъ подлинникѣ Дидрона описана *лѣствица спасенія души и небесной дороги*, сходная по переводу съ № 774 (Didron, 405); подобная же лѣствица, но съ бо́льшими подробностями и вычурами, находится въ Страсбургской рукописи 1160 года: *Hortus deliciarum* (тамъ же, стр. 406).

775 А. Прибавить: Снегиревъ упоминаетъ объ изображеніи этой лѣствицы въ другомъ переводѣ, котораго мнѣ не случалось видѣть: «лѣствица св. Іоанна Лѣствичника; одна о 37 ступеняхъ, вводящая къ небу, другая, съ такимъ-же числомъ ступеней, низводящая въ адъ; каждая ступень носитъ тамъ названіе грѣха, а здѣсь добродѣтели. Небо и адъ въ обыкновенныхъ символическихъ чертахъ своихъ. Такое изображеніе взято изъ книги св. Іоанна Лѣствичника,—Лѣствица, изд. въ Москвѣ 7155 (1647 г.), въ десть: къ ней приложена гравированная на мѣди картинка, представляющая восхожденіе иноковъ по тридцати-степенной лѣствицѣ на небо—достиженіе однихъ и паденіе другихъ» (Снегиревъ, Луб. карт., 44).

777. **Изображеніе монашеской чистоты.** Подобное изображеніе написано въ Соловецкомъ монастырѣ, въ переходѣ изъ соборной церкви въ трапезную (въ живописномъ стилѣ нынѣшняго вѣка):

представленъ распятый на крестѣ монахъ, губы его сомкнуты висячимъ замкомъ; слѣва *плоть*, въ видѣ прелестницы, посылаетъ въ его сердце стрѣлу изъ лука; *міръ*, въ видѣ воина, прельщаетъ его, показывая скипетръ и т. д. *). Такія-же изображенія, но живописныя и совершенно новаго пошиба, были находимы, при обыскахъ, у скопцевъ; г. Мельниковъ упоминаетъ объ одномъ такомъ «Распятіи плоти», написанномъ на доскѣ и стоявшемъ, въ видѣ мѣстной иконы, въ Чернухинскомъ скитѣ (поповщинскаго толка) на Керженцѣ (На горахъ: Русск. Вѣстн., CXXXV. 216). Къ этому-же разряду принадлежала символическая икона, почитаемая, по удостовѣрію г. Мельникова, скопцами—«изліяніе благодати»: она изображаетъ отрока въ бѣлой рубашкѣ, съ поднятыми къ небу руками и очами. Въ небесахъ изображенъ окруженный ангелами Святой Духъ въ видѣ голубя, изливающій на отрока благодать, въ видѣ сіянія и огненныхъ языковъ. Въ моемъ собраніи есть гравюра,—отпечатокъ съ мѣдной доски, отобранной при обыскѣ у скопцевъ,—на которой представленъ раскольничій праведникъ въ длинномъ балахонѣ, съ процвѣтшимъ жезломъ въ правой рукѣ и лѣстовкою въ лѣвой; кругомъ разныя аллегорическія изображенія: глаза, зубы, уши, сердце; монахъ, окруженный щитами, пронзенными стрѣлами, и пылающее сердце; внизу различныя поученія: «обнищахъ, чтобы тебе обогатить. Обезчестихся, чтобы тебе прославить. Уязвихся, чтобы тебе исцѣлить. Умеръ, чтобы тебе оживить. Ты согрѣшилъ, а я грѣхъ твой на себя взялъ. Ты виноватъ, а я казнь пріялъ. Ты должникъ, а я долгъ заплатилъ. Ты на смерть осужденъ, а я за тебя умеръ. Но къ сему любовь моя, милосердіе мое привлекло мене» и т. д. Изображенія эти напоминаютъ хитросплетенныя массонскія картины и толкованія, которыя были у насъ въ ходу въ первой четверти нынѣшняго вѣка и распространялись открыто тогдашнимъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Лабзинымъ. Въ рескриптѣ, при которомъ

*) Въ греческомъ подлинникѣ Дидрона описано аллегорическое изображеніе *жизни настоящаго монаха*, вполнѣ сходное по переводу съ нашею картинкою № 777 (Didron, 402—404).

былъ пожалованъ ему орденъ Владиміра 2-й степени, было даже сказано, что оный пожалованъ: «за труды и ревность, употребляемые Вами для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единымъ твердымъ и истиннымъ» (Петровъ, Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ за сто лѣтъ, II. 85).

778. **Семь смертныхъ грѣховъ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки, отпечатанныя—одно (*з*) на синей бумагѣ 1800 года, а другое (*и*) на сѣрой бумагѣ 1810 года; въ нихъ адъ съ правой стороны, вторая строка текста внизу оканчивается въ обоихъ словами: «нї теплъ нї». Изъ дѣла дьякона Висковатова (1554 г.) видно, что смертные грѣхи были написаны на стѣнѣ, въ царскихъ палатахъ. Висковатовъ, жалуясь на введеніе новизны въ иконописи, говорилъ, что «и въ палатѣ царской притчи писаны не по подобію, написанъ образъ Спасовъ, да туто-же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ; и подписано подъ нею блуженіе, а иное ревность и иныя глумленія». Созванъ былъ соборъ. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ недоумѣніе Висковатова и объяснилъ ему, что въ палатѣ написано было «приточнѣ Спасово человѣколюбіе еже о насъ, ради покаянія». «А писано было въ палатѣ большой (средней золотой) въ небѣ на срединѣ, Спасъ на Херувимѣхъ, а подпись: премудрость Іисусъ Христосъ; съ правыя страны у Спаса дверь, а пишетъ на ней: 1. мужество, 2. разумъ, 3. чистота, 4. правда. А съ лѣвыя страны у Спаса же другая, а пишетъ на ней: 1. блуженіе, 2. безуміе, 3. нечистота, 4, неправда. А межъ дверей, высподи, діаволъ седмиглавный, а стоитъ надъ нимъ жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копіе; а надъ тѣмъ стоитъ Ангелъ, Духъ страха Божія. А за дверью съ правыя стороны писано земное основаніе и море, и предложеніе тому во сокровенная его; да Ангелъ, Духъ благочестія, да около того четыре вѣтры. А около того все вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падаяй при водѣ; да Ангелъ, Духъ благоумія, а держитъ

солнце. А подъ нимъ отъ полудни гоняется послѣ дни нощь. А подъ тѣмъ добродѣтель да Ангелъ; а подписано: раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ. А на лѣвой сторонѣ, за дверью, писано тоже твердь, а на ней написанъ Господь, аки Ангелъ; а держитъ зерцало да мечъ; Ангелъ возлагаетъ вѣнецъ на него. И тому подпись: благословиши вѣнецъ лѣту благости Твоея. А подъ нимъ колесо годовое; да у году колесо; съ правую сторону любовь да стрѣлецъ, да волкъ; а съ лѣвыя стороны году зависть, а отъ ней слово къ зайцу: зависть лютъ вредъ, отъ того бо наченъ и прискочи братоубійцъ; а зависть себѣ пронзе мечемъ; да смерть; а около того все твердь: да Ангелы служатъ звѣздамъ и иныя всякія утвари Божія. Да 4 Ангелы по угламъ: Духъ премудрости, 2. духъ свѣта, 3. духъ силы, 4. духъ разума». (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1847. № 3, отд. II, стр. 7.—Буслаевъ, Очерки, II. 312.—Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, I. 124).

Симонъ Өедоровъ Ушаковъ (въ монашествѣ Пименъ), который гравировалъ картинку № 778, былъ знаменитый царскій иконописецъ Оружейной палаты въ XVII вѣкѣ, гдѣ дѣлалъ рисунки для гравировки; самъ онъ награвировалъ два листа, описанные подъ №№ 778 и 1056. Рисунки, дѣланные имъ для другихъ граверовъ, слѣдующіе: 1) Пророкъ Давидъ, гравированный А. Трухменскимъ для псалтыри Симеона Полоцкаго (7188 г.); 2) Христосъ съ крестомъ, описанный подъ № 1080; 3) картинки для житія Варлаама и Іосафа; 4) заголовокъ для Вечери душевной (М. 1683). Всѣ они описаны въ книгѣ: Русскіе граверы, стр. 314. Въ Московскомъ публичномъ музеумѣ есть его же рисунокъ перомъ: Зосима и Савватій, приготовленный для гравировки (В. Андреева).

779 А. Еще **семь смертныхъ грѣховъ.** Прибавить: таже картинка листоваго размѣра, съ подписью: «тяжко есть иго на сынехъ адамлихъ» . . . . . и т. д. Гравирована на мѣди въ 1830—1840 гг. Въ моемъ собраніи.

780. «Лімонарь сирѣчь цвѣтникъ Иже во стыˣ оца нашего Софроніа Патріарха Іерлимскагѡ. Составлеⁿ же Іоанноᵐ Іеромо-

нахом. Влѣто Шестьсотное. Нн҃ѣ же изданъ Тѵпо^м^, в' дворѣ Іѡва Борецкогѡ Митрополита К: Въ градѣ Киевѣ. Спиридоно^м^ Соболе^м^ Тѵпографо^м^. в'Року ѿ Ржтва Хв҃а ,ахки».» 4°. Книга эта содержитъ въ себѣ разныя краткія исторіи о святыхъ отцахъ и повѣсти духовно-нравственнаго содержанія; въ ней впрочемъ нѣтъ ничего, относящагося къ тексту нашей картинки.

783. **О злобахъ женскихъ.** Слово о злыхъ женахъ несправедливо приписывается Іоанну Златоусту [1]), ибо въ этомъ словѣ сдѣлана ссылка на св. Григорія Исповѣдника, который жилъ послѣ него, въ VII вѣкѣ. Древнѣйшій источникъ писаній по этой части есть книга *Пчела* (Μελίςςα) или собраніе разныхъ изрѣченій изъ св. Писанія, отцевъ церкви и еллинскихъ мудрецовъ. Составъ Пчелы относятъ въ VI вѣку; древнѣйшій славянскій переводъ ея сдѣланъ въ XV вѣкѣ; другой переводъ Антипія и Максима сдѣланъ въ 1597 году въ Дерманскомъ монастырѣ, въ Острогѣ (Москвитянинъ 1843 г. № 9). Изъ этой Пчелы почерпалъ свои притчи Даніилъ Заточникъ, который неизвѣстно кѣмъ и за что былъ сосланъ (около 1378 г.) на Лачеозеро, Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда. Легенда говоритъ, что моленіе свое къ заточившему его князю Даніилъ залилъ въ воскъ и бросилъ въ воду; большая рыба проглотила восковой шарикъ; она была поймана и подана на столъ князю, который и нашелъ въ ней моленіе; что было потомъ — неизвѣстно. Разсужденіе Соломоново о злыхъ и добрыхъ женахъ приводится вь нашихъ лѣтописяхъ; за тѣмъ общій сводъ изъ разныхъ сочиненій по этой части представляетъ поученіе, написанное въ XVII вѣкѣ, и носящее названіе: «Сказаніе и бесѣда чадолюбиваго отца, предание ї поучение къ сыну, снискателна от различныхъ писаниї богѡмудрыхъ отецъ, и премудраго Соломона, Іисуса Сирахова, и от многих философовъ ї искусныхъ, о женстеї злобѣ» (Памятн. старин. русск. литературы, изд. гр. Кушелева-Безбородки. Вып. 2, стр. 461).

---

[1]) Отрывки изъ бесѣдъ I. Златоуста: 1. объ умной женѣ и 2. о томъ, какъ мужья должны исправлять своихъ женъ,—помѣщены въ Православномъ обозрѣніи 1829 г., XXXVI. 178.

Поученіе написано въ видѣ вопросовъ сына, клонящихся къ защищенію женскаго пола, и отвѣтовъ отца, въ которыхъ женщина и женитьба изображаются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Горе граду, въ немже владѣтелствуетъ жена! Горе дому тому, имже владѣетъ жена! Зло и мужу тому, иже слушаетъ жены!»—говоритъ отецъ [2]). Всѣхъ жена погубила: «Ной праведный от жены напоен бысть квасомъ смѣшенымъ с травою... Давида жена соблазнить, Іосифа погубить безвинно хотѣла, Самсоновой силы не убоялась и продала его филистимляномъ, храбрый Александръ отъ жены отравленъ и скончался, Иродъ въ угоду женѣ Іоанну голову отсѣчь повелѣлъ [3]). Горе злая жена! «кротима высится и біема бѣсится, сварится, подобно болѣзни нѣкакой». «Но», возражаетъ сынъ, «Богъ даетъ мнѣ жену добронравну, послушливу, добродѣтелями украшену, съ нею радость навсегда въ дому моемъ будетъ». «Хорошо если такъ будетъ», отвѣчаетъ отецъ, «а если ты возмешь злонравную, пронырливу, льстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обовницу, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію, скорпію, василиску, аспиду? Жена василиска какъ змѣй зрѣніемъ человѣка убиваетъ, прехитро себя украшаетъ, приятни сандалія обуваетъ, і вежда свои ощипълетъ, і духами учинитъ, и лице и выю вапами повапитъ, и черности въ очесѣхъ себѣ украситъ, і во одѣяние себѣ облечетъ, и персни на руцѣ возлагаетъ, і верхъ главы своея златомъ и каменіемъ драгимъ украшаетъ, и на лукавыя дѣла тъщится; егда же ли грядетъ, ступаетъ тихо і выю кротце обращаетъ, и очима не въскоре, і зрѣниемъ умилно взираетъ, и устъ не гладце отверзаетъ, і вся составы своі к прелести ухищряетъ, і многая души огне палными стрѣлами устрѣля-

---

[2]) Въ поученіи къ своимъ дѣтямъ Мономаха между прочимъ говорится: жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти (Полн. собр. русск. лѣтоп., I. 102). «Не мужъ въ мужехъ, коимъ своя жена обладаетъ», говоритъ Данила Заточникъ (Изв. II Отд. Ак. Н., X. 270).

[3]) Подобное же перечисленіе человѣческихъ паденій отъ женщины помѣщено въ сочиненіи Iean de Marconville, De la bonté et mauvaistie des femmes.... Lyon 1571.

етъ яко ядомъ змiинымъ видѣниемъ своимъ юныхъ убиваетъ, яко разслабленны удове ихъ бываютъ»[4]).

Еще хуже жена льстивая и блядливая; такая жена мужа льстивно, съ улыбкою, встрѣчаетъ и одежду съ него снимаетъ, цѣлуетъ и льстивно говоритъ: свѣтъ мой, сладость моя, сердце мое, только и радуется, что глядя на тебя, братъ ты мой любезный. «И аще будетъ онъ мужъ ея, и она его вскоре оболститъ; аще в дому его не прилучится, i она близ оконъца приседитъ, сѣмо и овамо колеблющеся, а со смирениемъ не седитъ: скачетъ и пляшетъ, и всѣмъ тѣломъ движетъся, сандалиями стучитъ, руками плещитъ, и пляшетъ яко прелстившаяся блудница Iродиада, бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою кiваетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовскiя ризы многи пременяетъ, i воконце часто призираетъ, подобна Иродиаде чинитца, и многимъ юнымъ угодитъ, i всякаго к себѣ льститъ».

Плохо если навяжется на тебя «обовница и еретица. Издѣтъска начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества iскать, i вопрошати будетъ многихъ како-бо еi замужъ выiтить и какъ бы еi мужа обавити на первомъ ложе i в первой бане».

Взаключенiе отецъ разсказываетъ сыну три повѣсти: въ первой повѣсти нѣкiй добронравный мужъ злую жену свою, имѣвшую 7 дѣтей, «многого ради злонравия ея наказа жезломъ; она же, окаянная, убѣжа внѣкую пустыню, к затворнику старцу тол-

---

[4]) О томъ, до чего дѣйствительны прелести женскiя, въ книгѣ Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ (Кiевъ 1628, л. 3) разсказана слѣдующая легенда съ предложенiемъ противъ нихъ скопческаго средства, до котораго чадолюбивый отецъ не договарился въ своемъ наставленiи къ сыну: жилъ въ одномъ монастырѣ священникъ Кононъ и крестилъ приходившiе къ нему невѣрные; только жены сильно смущали его. Разъ пришла къ нему креститься Персiянка такой красоты, что не возмогъ Кононъ «наготы ея зрѣти ниже помазати мvромъ», и ушолъ отъ соблазна изъ монастыря. На горѣ встрѣтилъ его Iоаннъ креститель и обѣщалъ помочь его горю, съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся въ монастырь; онъ посадилъ Конона и, открывъ его ризы, перекрестилъ ему «трижды крестнымъ знаменiемъ подъ пупомъ». Послѣ того Кононъ вернулся въ монастырь, продолжалъ крестить и даже окрестилъ Персiянку «никакоже ощутивъ женѣ ей быти».

кися, глаголюще: «сего ради пришла к твоей святыни, да избуду напрасно смерти». Старецъ пріютилъ ее «и по малу прелсти его окаянная и падеся с нею»; послѣ этого, — какъ мужъ за палку, такъ жена къ затворнику; надоѣло ей и такъ жить: извела она мужа и шесть сыновей, но седьмой сынъ ушолъ въ городъ и объявилъ обо всемъ; собрался народъ, допросилъ жену и старца и сжегъ ихъ обоихъ въ пещерѣ. Въ другой повѣсти нѣкій человѣкъ женился на вдовѣ, которая оказалась зѣло злонравною. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла. Мужъ началъ продавать дѣтей ея. Зачѣмъ ты это дѣлаешь, спрашиваютъ его сосѣди; «если выростутъ да пойдутъ по матери, то тогда и меня продадутъ», отвѣчалъ мужъ. «Зачѣмъ же ты по женѣ плачешь? А плачу я дабы другая такова небыла!» Нѣкій человѣкъ говорилъ: «былъ я въ трехъ нуждахъ: въ темнице, и шибоницы, и от дву нуждъ убѣжахъ, а отъ третия нужды, отъ злыя жены, не могу убѣжати» (сравни № 784). Третья повѣсть о женской болтливости: въ одно время въ римскомъ сенатѣ происходилъ совѣтъ о весьма важныхъ дѣлахъ; на этотъ совѣтъ, вслѣдъ за своимъ отцомъ, сенаторомъ, вошелъ и отрокъ Папиръ, и со вниманіемъ слушалъ Сенаторскія рѣчи и рѣшенія. По возвращеніи домой, мать Папира начала его всячески распрашивать, что дѣлалось въ Сенатѣ. Не желая пересказывать матери слышанныхъ имъ рѣшеній, Папиръ, чтобы отвязаться отъ нея, сказалъ, что сенаторы совѣтовались между собою, чтобы всякому мужу по двѣ жены имѣть; иные же были мнѣнія противнаго, чтобъ каждой женѣ имѣть по два мужа; но что порѣшили на первомъ. На завтра мать Папира объявила о слышанномъ своимъ подругамъ, — всѣ онѣ, скопомъ, отправились къ сенаторамъ съ прошеніемъ, чтобы они измѣнили свое рѣшеніе и чтобъ порѣшили «единой женѣ имѣть два мужа». Сенаторы удивились такой просьбѣ своихъ женъ; но когда дознано было, что слухъ о небываломъ рѣшеніи былъ пущенъ Папиромъ, то сенаторы, одобривъ его поведеніе въ этомъ случаѣ, «зѣло возлюбили его и прияша его въ сенатырство; учиниша же ему надъ многими высочаишѣе мѣсто».

Четвертая повѣсть представляетъ повтореніе 5-го суда царя Соломона. Соломонъ, желая испытать «что есть смыслъ мужескій и женскій», призвалъ боярина своего Декира и сказалъ ему: «отруби голову своей женѣ и я дамъ тебѣ половину моего царства». Декиръ отказался исполнить приказъ Соломона, и рѣшился скорѣе подвергнуться его гнѣву. Затѣмъ Соломонъ сдѣлалъ тоже предложеніе женѣ Декира; та тотчасъ-же согласилась погубить мужа изъ за царской милости. Въ заключеніи этого суда прибавлено: «Соломонъ же царь славный повелѣ вписать (въ) соборникъ повѣстей сію и сказа вельможемъ своимъ о томъ, яко дивится имъ, и рече царь: обрѣтохъ въ тысящи мужей мудрыи многи, а жены не обрѣтохъ во тмѣ ни единой мудрыя, — во всемъ свѣтѣ». (Пыпинъ, Очеркъ, 121).

Въ Западной литературѣ есть довольное число книжекъ, повѣствующихъ о женскихъ коварствахъ; въ Парижѣ, въ 1566 году, напечатано цѣлое сочиненіе о злыхъ и добрыхъ женахъ, совершенно несходное съ нашими Пчелами и поученіями (Nisard, I. 422). Другая книга «La malice des femmes, contenant leurs ruses et finesses» относится къ числу шуточныхъ произведеній; болѣе сходства съ нашими притчами представляетъ сочиненіе Марконвилля: De la bonté et mauvaistie des femmes (Lyon 1571)[5]. Язычники полагали что женщина сотворена въ одно время съ дикими звѣрями, что всѣ ядовитыя животныя вмѣстѣ не содержатъ въ себѣ столько яда, сколько его на языкѣ злой женщины, а что разумная женщина столько же рѣдка какъ и фениксъ. Въ сказаніи Езопа приводится слѣдующее златое Еврипидино слово: «многъ гнѣвъ имѣютъ волны морскїя, и много дыханїе огненно, ѕло велїко есть и убожество, и

---

[5]) Къ такимъ-же шуточнымъ разсказамъ должны быть относены и польскіе разговоры Совѣстъ—драла большаго носа (1781 г.) съ профессоромъ, изложенные въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ, по этой части: «В. Какая вода обманчива? О. Женскія слезы. В. Сколько дней пріятныхъ съ женою? О. Два: первый, какъ бракомъ сочетается; другой, когда умершую со двора вынесутъ. В. Что есть жена? О. Жена есть нужное зло для размноженія рода человѣческаго, для утѣхи, скорби, сладости, горести, покоя и злости, и все что есть хорошее и худое».

ина многа ѕла, но всѣхъ болшее ѕло, ѕлая жена (стр. 286. т. I) [6]). Въ доказательство что въ женщинѣ бѣсовскаго больше, нежели въ мущинѣ, приводятъ и то, что при крещеніи мальчика имя изгоняемаго бѣса произносится всего двадцать разъ, а при крещеніи дѣвочки—тридцать разъ; ибо изъ дѣвочки его гораздо труднѣе изгнать, чѣмъ изъ мальчика (изъ неизд. примѣч. Ѳ. И. Буслаева). О другихъ источникахъ по этой части подробно упоминается въ сочиненіи И. Некрасова о Домостроѣ (Москва 1873).

784. **Слово св. Василія Великаго.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки: *в*, послѣднія слова текста 1-й картинки «слезами ты неопалися», какъ и въ изданіи *а*; но въ верхней надписи въ этомъ изданіи *в*—стоитъ: «васїлия великаго» (а въ изданіи *а*: «василия великаго»).

787. **Слово Златоуста о покаяніи.** Прибавить еще два изданія *г* и *д*; вторая строка снизу заканчивается въ нихь словами: въ изд. *г*—«огнь и воду» (конца прошедшаго столѣтія), въ изд. *д*—«ѡгнь и во» (1820—30 гг).

791. **Притча о хромцѣ и слѣпцѣ** въ русскихъ источникахъ встрѣчается въ первый разъ у Кирилла Туровскаго, писателя XII вѣка (Калайдовичъ, Памятники Росс. Слов. XII в. М. 1821, стр. 132—152). Текстъ нашей картинки представляетъ значительное сокращеніе притчи Кирилла Туровскаго, занимающей цѣлыхъ 20 печатныхъ страницъ въ четвертку. Въ картинкѣ выпущены почти всѣ толкованія и нравоученія, которыми переполнена притча XII

---

[6]) У Боричевскаго приведенъ Мазовецкій разсказъ о томъ, какъ чортъ женился на злой бабѣ и вскорѣ послѣ сватьбы незналъ куда отъ нея дѣться; онъ даже отказался отъ души, слѣдовавшей ему по договору, когда его начали стращать, что вотъ-де идетъ къ нему жена его (III. 199). Въ другой, черноруской, повѣсти у него-же разсказано, какъ добрая собака, въ угоду своему хозяину, столкнула жену его въ яму, въ которой поселился чортъ, и какъ на другой же день чортъ пришелъ умолять мужика, чтобы вытащилъ ее изъ ямы, ибо ему отъ жены его житья нѣту (III. 20).

вѣка; гораздо болѣе сходства представляетъ текстъ ея съ разсказомъ, помѣщеннымъ въ Тысячѣ и одной ночи: владѣлецъ одного сада пріютилъ хромца и слѣпца въ своемъ саду, изъ одной жалости, и, нарвавъ имъ плодовъ, просилъ ихъ ничего въ саду не портить. Плоды пришлись имъ по вкусу и они начали придумывать какъ-бы достать ихъ прямо съ дерева. Пришедшій на ту пору сторожъ сперва отговаривалъ ихъ отъ этого, а потомъ, вслѣдствіе неотступной просьбы ихъ, научилъ какъ приступить къ дѣлу. За тѣмъ хромой сѣлъ на слѣпаго, наломалъ вѣтокъ и нарвалъ плодовъ. Когда пришелъ хозяинъ, оба заперлись въ своихъ дѣйствіяхъ: мы не могли надѣлать этого, говорили они, ты видишь, что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ. Но хозяинъ обвинилъ ихъ, и за запирательство приказалъ заключить въ темницу, гдѣ они и погибли. Въ концѣ прибавлено слѣдующее нравоученіе, которое находится и въ нашей картинкѣ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «Слѣпой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и Творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. По сему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію». Пальцеръ, въ статьѣ о странствованіи восточныхъ повѣстей (Monatschrift für Geschichte... des Judenthums.. von Frankel... Febr. 1873. S. 75—77), находитъ въ этомъ разсказѣ большое сходство съ разговоромъ императора Антонина съ раввиномъ, приведенномъ въ Вавилонскомъ Талмудѣ. На этой-же канвѣ основанъ и разсказъ, содержащійся въ Римскихъ дѣяніяхъ; привожу его по переводу, сдѣланному академикомъ Сухомлиновымъ (Два семитическія сказанія, въ Запискахъ Акад. Наукъ): «жилъ-былъ царь, который задумалъ устроить пиръ на весь міръ, и разослалъ по всему своему царству бирючей сзывать на пиръ всѣхъ и каждаго, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ: на пиру этомъ раздавались не только роскошныя угощенія, но и драгоцѣнныя сокровища. Въ то время какъ бирючи объѣзжали земли и замки, возвѣщая царскую волю, въ какомъ-то городѣ жили хромецъ и слѣпецъ: слѣ-

пой былъ силенъ и крѣпокъ, а хромой слабъ и хилъ, но имѣлъ весьма хорошее зрѣніе. Слѣпой говоритъ хромому: другъ ты мой, бѣда намъ обоимъ! по всей странѣ объявлено, что царь въ такое-то время дастъ великолѣпный пиръ, на которомъ будутъ раздаваться не долько явства, какихъ кто пожелаетъ, но и большія богатства; но ты хромъ, а я слѣпъ: значитъ ни ты, ни я на пиръ не попадемъ. Хромой возразилъ на это: если ты хочешь послушаться моего совѣта, то и мы, какъ всѣ другіе, будемъ на пиру и получимъ сокровища. Слѣпой объявилъ, что готовъ послѣдовать всякому полезному совѣту. Тогда хромой сказалъ: ты силенъ и крѣпокъ тѣломъ, а я хилъ и хромъ; возьми меня на спину и понеси, а я буду указывать тебѣ дорогу, потому что хорошо вижу, и мы оба попадемъ на пиръ и получимъ часть свою подобно всѣмъ другимъ. На это слѣпой отвѣтилъ: аминь говорю тебѣ, совѣтъ твой хорошъ, садись сейчасъ же мнѣ на спину. И такимъ образомъ вышло, что хромой указывалъ слѣпому дорогу, а слѣпой несъ хромаго, и оба пришли на пиръ и получили обѣщанныя сокровища.

793 А. Прибавить: **Слово Ефрема Сирина**; листовая картинка, грав. на мѣди; въ собраніи Яковлева.

795. **Корабль. знаменующій церковь.** Есть новѣйшее повтореніе этой картины, первой половины нынѣшняго столѣтія, гдѣ надъ еретиками именъ не поставлено; мѣдная доска (съ фабрики Логинова) находится въ литографическомъ заведеніи г. Голышева, въ селѣ Мстерахъ; отпечатки пускаются въ продажу.

Низъ картинки, т. е. изображеніе еретиковъ, заимствованъ въ № 795-мъ изъ огромнаго тезиса (8 листоваго размѣра, печат. съ двухъ досокъ; обѣ доски въ Акад. Худ.), поднесеннаго Ероѳеемъ Іозефовичемъ епископу Суздальскому и Юрьевскому Варлааму Леницкому, въ 1720 году; на этомъ тезисѣ находится и портретъ Леницкаго (въ ростъ); въ числѣ еретиковъ, на этомъ тезисѣ, кромѣ помѣщенныхъ въ № 795, прибавлены: Социнъ

Фотинъ, Несторій, Ебіонъ, Македоній, Лютеръ, Евномій и самъ Папа (этотъ послѣдній безъ надписи), но пропущены: оба Уніата, Оригенъ, Епикуръ, Евтихъ, Ляхъ и Іезуитъ.

Мотивъ нашей картины, описанной подъ № 795-мъ, заимствованъ изъ слова св. Иполита, въ которомъ церковь представляется въ видѣ корабля, плывущаго по бурному морю и терпящаго гоненіе отъ невѣрныхъ; но кормчій на кораблѣ—Христосъ, который и охраняетъ его отъ напастей (Невоструевъ, Слово св. Иполита. Москва 1868, 91). Въ числѣ народныхъ картинокъ Ганса Сакса находится одна, напоминающая нашу: на ней изображено христіанское терпѣніе въ видѣ женщины, плывущей въ лодкѣ; въ нее пускаютъ стрѣлы: смерть, дьяволъ и свѣтъ (см. IV, прим. къ № 82).

795 А. Прибавить: таже картинка четырехлистоваго размѣра—точная копія съ предыдущей; текстъ внизу заканчивается словами: «ядъ свой изливати». Въ моемъ собраніи.

795 Б. Таже картинка, другаго перевода, полутора-листоваго размѣра, вдлинну; текстъ тотъ-же, что и въ № 795; въ числѣ еретиковъ прибавленъ «лютеръ». Въ моемъ собраніи.

797. **О сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія**. Текстъ этой картинки перепечатанъ дословно (но въ извлеченіи) изъ книги: «Извѣщеніе чудесе ѡ сложеніи трïех первыхъ перстовъ, въ знаменованïи ч҃тнагѡ и животворящагѡ кр҃та, напечатася повелѣнïемъ бл҃гочестивѣйшагѡ великагѡ Гд҃ря нашего Цр҃я, и Великагѡ Кн҃зя Ѳеодѡра Алеѯïевича, всея великïя, и малыя, и бѣлыя рѡссïи самѡдержца: Бл҃венïемъ же в дх҃овном чину оц҃а егѡ и бг҃омолца, великагѡ Гд҃на ст҃ѣйшагѡ кѵръ Іѡакима, Патрïарха московскагѡ и всея россïи в цр҃твующем великомъ градѣ Москвѣ, в лѣто ѿ сотворенïя міра, зрпе: ѿ рж҃тва же по плоти Бг҃а Слова, ҂ахоз. индікта, еı, мц҃а ïулïа».

При этомъ текстъ нашей картинки представляетъ значительныя измѣненія и пропуски противъ текста «извѣщенія», а въ са-

момъ началѣ въ немъ выпущена слѣдующая исторія о ясельничемъ Θеодорѣ: «Бж҃іимъ посѣщенїемъ мужъ нѣкто бл҃гочестивый, бывый цр҃кагѡ величества Яселничей, именуемый Θеодѡръ вышеславцевъ, тяжкою на долзѣ времени ѡдержимый болѣзнїю, лежаще на одрѣ своемъ єле движимь ст҃ыя четыредесятницы, в нл҃ю кр҃топоклонную, в часъ шестый дне, и ѡжидаже часа смертнагѡ: лежаше же на правомъ боцѣ, десницу свою низвѣсивъ из ложа, юже придержаше єму раба єгѡ дв҃ица маріна и внезапу нача десница єгѡ трястися, и тайною силою бж҃їею разведошася нуждною персты десницы єгѡ, и жилы в руцѣ ѡстрѡ напрягошася. Онъ же нача гд҃у бг҃у молитися тайнѡ, да извѣститъ ему, поне при кончинѣ жизни єгѡ, какѡ єсть дш҃еспасеннѡ персты согибати, во изѡбраженіи кр҃та ст҃агѡ: [ибо усумнѣнїем ѡдержи[м] бяше]. И абїе невидимою силою бж҃їею, три персты первїи совокупишася: великїй, оуказателный, и среднїй: два же послѣднїи, мизинецъ и со близъ єгѡ сущимъ ко длани пригнушася не разводима. То видящи раба єгѡ марїна, нача персты разгибати, но не возможе якѡ ѡкрѣпли бяху. И того ради оужаснувшися, нача велми плакати. А онъ Θеодѡръ лежаше молча. потомъ содержахуся, даже до четверти часа, и посе[м] сами разведошася». (Извѣщенія лл. к об., г и д). Далѣе идетъ описаніе, какъ объ этомъ чудѣ донесено было патріарху, по приказу котораго произведенъ розыскъ и воздано благодареніе Господу за показаніе такого славнаго чуда на увѣреніе и спасеніе православныхъ христіанъ. За тѣмъ въ текстѣ картинки перепечатаны, почти безъ измѣненія, вины 1—5 извѣщенія; *шестая вина* извѣщенія: «якѡ бл҃горазумнѡ есть первоѣ лице бг҃а, первымъ: второе, вторымъ: а третїе, третїе[м] перстомъ изѡбражати, неже второе четвертымъ, и третїе пятымъ»,—въ картинкѣ выпущена; за тѣмъ *седьмая вина* извѣщенія помѣщена въ картинкѣ подъ именемъ шестой вины; слѣдующія же за нею вины 8-я, 9-я и 10-я извѣщенія тоже выпущены, а именно:

«Осмая вина, якѡ перстъ первый, и два послѣднїи не могутъ числитися сице: первый перстъ, вторый, и третїй: но первый, четвертый, и пятый. Въ бж҃твеннѣй же тр҃цѣ нѣсть лѣть гл҃ати,

лице четвертое, и пятое убо ниже лѣпѡ есть сими персты ѡбразовати, но треми первыми персты, ѡнихже праведнѡ г҃лется: первый, вторый, и третій.

Девятая вина есть, їакѡ между первымъ перстом, четвертым, и пятымъ, есть дву перст ѡпосредство. Между о҃тцемъ паки, и с҃номъ и с҃тымъ д҃хомъ никоеже ѡбрѣтается посредство. оубо нѣсть лѣпо тѣми ѡбразовати персты. Но первым, вторым, и третїим, между ими же никоеже ѡбрѣтаемо есть посредствїе.

Десятая вина, якѡ то треперстное сложенїе, великим собором, въ ц҃рѣ градѣ, ѿ кѵръ Паїсїа патрїарха кѡнстантїнополскагѡ, собранымъ въ лѣто ҂зрѯв, осмїюдесятъ Архїереами, и многими клирїки великїя ц҃ркве оутвердися».

Конецъ тоже значительно сокращенъ въ картинкѣ, а слѣдующее обращенїе къ раскольникамъ совсѣмъ выпущено: «Вы оубѡ ѡ роскололюбцы, зрите кому противится; не противу ли рожну ваше пранїе; Не на солнце ли, ваше стрѣлъ д҃шевредныхъ изпущанїе; Жалость ны ѡбемлетъ ѡ безумїи вашемъ: болѣзнуемъ душами, видяще оупорную погибель вашу. Тѣмже оумиленїя движими д҃хом, паки къ вамъ вопїемъ; возвратитеся братїе возвратитеся, ко рождшей вы д҃ховнѡ м҃три ц҃ркви, Яже такѡ готова есть васъ прїяти, Яко-же блуднаго сына, о҃нъ милостивнѡ прїялъ есть. Престаните ѡ себѣ мудрствовати, то бо єсть буйство. но якѡ ц҃рковь, такѡ и вы мудрствуйте, сеже есть истинная мудрость и спасенїе. Ѡставите кѡзни вашя, и лукавства, имитеся же неӟлобїя и правды, да ѿ праведнагѡ, и пребл҃гагѡ б҃га помиловани будете. Исцѣляйте язвы душъ вашихъ пластырми д҃ховными: язву непослушанїя, пластыремъ послушанїя: рану непокорства, бл҃гопокоренїемъ: язву раскола, согласїемъ: рану суемудрїя, смиреннымъ ѡ себѣ разумѣнїемъ: язву иныхъ прелщенїя, пластыремъ ко познанїю правды оувѣщанїя: рану оупора, единосовѣтїемъ: и прочыя язвы, прочими противными имъ врачевствы. То егда аще сотворити, исцѣлѣетъ ч҃лкъ вашъ внутреннїй, и оугодни будете на служенїе всѣхъ ц҃рю и творцу, ѿ негѡ-же и оудостоитеся

мзды вѣчныя, вѣнца славы, во нбн҃омъ его цр҃твіи: ему же ѿ всея твари буди честь, и слава, во вѣки вѣкωвъ, аминъ».

Довольно подробный, хотя и односторонній разборъ всего, что было сказано по предмету перстосложенія, помѣщенъ въ книгѣ Лопатинскаго, поименованной въ предыдущемъ нумерѣ (796) «ωбличеніе неправды раскольническія». М. 1745. Въ этой книгѣ приложены три любопытныя картинки: 1) собраніе 105 рукъ, съ подписью внизу: «Сколко то трудилися раскольщики, и сколко то рукъ любившихся имъ с'ікѡ собирали, а нигдѣ любимѣйшаго имъ армен- скаго кукиша настоящаго не сыскали и не показали, и потому явственно сами свое суевѣрное оупрямство и зблуждение изобличили»; 2) изображеніе руки преподобнаго Іосифа многоболѣзненнаго и руки препод. Ильи Муромца, у которыхъ, по ложному увѣренію раскольниковъ, персты сложены по раскольнически, а по удостовѣренію соборныхъ старцевъ Кіевской Лавры сложены по православному уставу, — и 3) картинка раскольничьихъ толковъ, описанная подъ № 796. (Сравни статью: «о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія» въ Православномъ Обозрѣніи 1835. IV. 56). На древнѣйшихъ памятникахъ христіанскаго искусства встрѣчаются весьма разнообразныя перстосложенія, и правилъ на этотъ предметъ, въ первые вѣка христіанства, когда форма не заходила впередъ дѣла, установлено не было. Вотъ что было заявлено относительно перстосложенія на диспутѣ г. Кондакова, бывшемъ въ 1877 году (Исторія визант. искусства по миніатюрамъ, Одесса 1876): въ Царьградскомъ Софійскомъ соборѣ, паладіумѣ восточнаго православія, на открытыхъ мозаикахъ VI-го вѣка, изображены фигуры отцовъ церкви, стоящія рядомъ и воспроизведенныя, очевидно, по рисункамъ одной и той же руки, но благословляющія неодинаково: одни *двуперстіемъ* (указательный и средній пальцы вытянуты, остальные соединены), другіе *имянословно* (указательный палецъ вытянутъ, большой и безъименный сложены крестообразно, средній и мизинецъ слегка согнуты, такъ что получается анаграмма ІС. ХС.). Двоякое изображеніе одного и того же символа повторялось и въ

рукописяхъ, и на иконахъ до X-го вѣка, и проникло на Русь; по мѣрѣ утвержденія христіанства на Востокѣ, имянословная форма перстосложенія встрѣчается несравненно чаще и ко времени разъединенія церквей была окончательно канонизована восточною церковью; западная же удержала двуперстіе.

798. **Печать Царя Соломона.** Точно такое-же изображеніе печати, съ словами: «сатор арепо тенет опера ротас», находится въ Румянцевскомъ сборникѣ XVII в. (Востоковъ, стр. 541. № 368. л. 65); сбоку тамъ надпись: «сты^м^ дхо^м^ всякая тварь обновляется паки текущи на первое». Около печати страница исписана слѣдующими виршами: «сия печать премудраго Соломона цр҃я... толкъ же ея сице разположися яже здѣ ниже сего пред'явися: Протолкована ѿ мудраго нѣкоего ритора зри опасно увѣждь извѣстно. Вначалѣ бо ея о миробытно^м^ состояніи пред'явися елико всесилною бж҃иею рукою сотворися. Вконцы^ж^ ея о вочеловѣченіи бж҃іи і второ^м^ пришествіи его глетъ. яже бысть прежде и хощетъ паки быти вконецъ лѣтъ». На оборотѣ листа помѣщено описаніе сотворенія міра, грѣхопаденія первыхъ человѣковъ, потопа, рождества Христова и страшнаго суда (всего 25 строкъ). Описаніе это заканчивается такъ-же латинскими словами: «сатор арепо тенет опера ротас».

Въ другомъ Румянцевскомъ сборникѣ (Восток. № 375, л. 45) помѣщено другое толкованіе этой печати, въ концѣ котораго прибавлено: «и сего недостоино похвалити кто печать его переве^л^ на россійской язы^к^ и грамоту и разумъ и большія слова растолкова^л^. весно всемъ имѣющи^м^ умъ у соломона цр҃я не наша россійская грамота была но и^х^ настоящая». Въ рукописной ариѳметикѣ 1685 года (Востоковъ, Рум. муз. № XII) упоминается о Соломоновой печати (л. 136), на которой были изображены разныя астрономическія выкладки. О печати, или перстнѣ, посредствомъ котораго Соломонъ управлялъ духами, у магометанъ составилась слѣдующая басня: однажды къ Соломону явилось восемь ангеловъ, имѣвшихъ множество крыльевъ разныхъ цвѣтовъ; они сказали, что приставлены къ восьми вѣтрамъ, и Богъ по-

слалъ ихъ служить ему. При этомъ главный изъ нихъ подалъ Соломону драгоцѣнный камень, на которомъ были написаны слова: Богъ есть величіе и сила, и сказалъ: когда тебѣ нужно будетъ приказать намъ что-нибудь, подними этотъ камень къ верху, и мы тотчасъ явимся къ тебѣ. Когда эти ангелы удалились, явились четыре существа разныхъ видовъ: одно имѣло видъ кита, другое орла, третье льва, четвертое змѣя: они объявили о себѣ, что они начальники всѣхъ животныхъ на землѣ, въ водахъ и въ воздухѣ, и получили отъ Бога повелѣніе находиться подъ его властью и исполнять его волю. Они также дали Соломону драгоцѣнный камень, который имѣлъ надпись: «все одушевленное хвалитъ Господа». Соломону стоило только опять поднять камень надъ своей головой, чтобы заставить ихъ явиться къ нему за приказаніями. Потомъ явился ангелъ земнаго шара, на которомъ было написано: «небо и земля суть слуги Божіи». Наконецъ еще другой высшій ангелъ представилъ Соломону четвертый камень, на которомъ было написано: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ его пророкъ». Поднявши этотъ камень, Соломонъ могъ вызвать цѣлый міръ духовъ, ангеловъ и демоновъ. Всѣ эти четыре камня Соломонъ приказалъ вставитъ въ одинъ перстень, который и доставлялъ ему власть надъ всѣмъ твореніемъ, видимымъ и невидимымъ (Порфирьевъ, 75 и 76). Отправляясь въ баню, Соломонъ свой перстень, на которомъ четыре раза было вырѣзано великое имя Божіе и который давалъ ему власть надъ всей природою, обыкновенно отдавалъ одной изъ своихъ женъ, по имени Аминѣ. Этою неосторожностію Соломона вздумалъ воспользоваться демонъ Асмодей (по арабскимъ сказаніямъ Саккаръ). Принявъ видъ Соломона, онъ явился къ Аминѣ, взялъ у нея чудесный перстень и занялъ престолъ Соломона, а Соломонъ былъ изгнанъ изъ дворца и долженъ былъ странствовать какъ нищій. Это наказаніе Соломона продолжалось 40 дней, столько же времени, сколько во дворцѣ его почитался идолъ, который былъ сдѣланъ для другой жены его Тереды (см. тоже: IV. 163). Послѣ этого времени Богъ простилъ Соломона, и онъ возвратился на царство, а демонъ

убѣжалъ и бросилъ перстень въ море. Но перстень проглотила рыба, которую поймали рыбаки и представили Соломону. Нашедши перстень, Соломонъ заставилъ демона явиться къ себѣ и, навязавъ ему на шею камень, бросилъ его въ Тиверіадское море, гдѣ Асмодей началъ производить бури. Посредствомъ этого же перстня Соломонъ управлялъ демонами, которые по его приказанію строили Іерусалимскій храмъ; при этомъ они производили такой страшной шумъ, что во всемъ Іерусалимѣ нельзя было между собою разговаривать. Однажды Соломонъ приказалъ остановить работы и спросилъ: не знаетъ-ли кто, какъ обдѣлывать камни безъ шума. На это одинъ духъ отвѣчалъ, что знаетъ такой способъ одинъ Асмодей, но что онъ не подчиненъ Соломону. «Но какъ я могу заставить его придти къ себѣ?»—спросилъ Соломонъ. Асмодей, сказали демоны, каждый день восходитъ на небо, для преставленія Богу, и потомъ сходитъ на землю около одной горы, гдѣ у него вырытъ колодезь; изъ этого колодезя онъ пьетъ воду и напившись закрываетъ его камнемъ и запечатываетъ перстнемъ. Они посовѣтовали Соломону послать одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ къ этому мѣсту, давши ему цѣпь, на которой было написано имя Божіе, желѣзные узы, на которыхъ было вырѣзано то же имя, связку шерсти и мѣхъ съ виномъ. Вельможа долженъ былъ выкопать новый колодезь пониже колодезя Асмодеева, и выпить въ него воду изъ колодезя Асмодеева, а отверстіе задѣлать шерстію; потомъ выкопать другой колодезь, выше Асмодеева, и наполнить его чистымъ виномъ, а колодезь Асмодеевъ засыпать пескомъ, чтобы онъ не могъ узнать его. Сдѣлавъ все это, вельможа спрятался на деревѣ. Пришедши къ колодезю и найдя въ немъ вмѣсто воды вино, Асмодей сначала не хотѣлъ пить, сказавши: *писано есть: невинно вино, укоризненно же пьянство, и всякъ, пребываяй въ немъ, не будетъ премудръ* (Притч. 20, 1); но потомъ, когда уже больше не могъ выносить томившей его жажды, онъ началъ пить, опьянѣлъ и легъ спать. Тогда вельможа сошелъ съ дерева, надѣлъ на него цѣпь и стянулъ ему шею. Асмодей хо-

тѣлъ разорвать цѣпь, но вельможа дважды произнесъ: *имя Господа твоего да будетъ надъ тобою.* Асмодей смирился и пошелъ за вельможей. На дорогѣ онъ встрѣтилъ пальму и вырвалъ ее съ корнемъ; проходя мимо одного дома, онъ разрушилъ его; встрѣтивъ хлѣбную печь одной вдовы, разломалъ ее. Отъ этого Асмодея Соломонъ узналъ о червякѣ *Шамирѣ*, который имѣлъ подобіе ячменнаго зерна и хранился у предводителя орловъ, жившаго въ одной приморской странѣ. Чтобы взять у него Шамира, нужно было поставить предъ нимъ зеркало; увидѣвъ въ зеркалѣ свое изображеніе и принявъ его за орлицу, онъ бросился на него и въ это время выронилъ Шамира, который хранился подъ его крыломъ. Подъ *Шамиромъ*, очевидно, разумѣется алмазъ, употребляемый при рѣзаніи стекла и камней; въ другомъ сказаніи онъ и называется камнемъ. Когда Соломонъ спросилъ Асмодея, говоритъ это сказаніе, какъ можно обдѣлывать камни безъ шума, онъ сказалъ, что научить этому можетъ воронъ: «положи на гнѣздо, въ которомъ находятся его яица, хрустальную пластинку, и ты увидишь, какъ онъ будетъ пробивать ее». Соломонъ положилъ на гнѣздо вороны хрустальную пластинку. Прилетѣвшій воронъ пытался разбить хрусталь, но замѣтивъ, что не можетъ этого сдѣлать, улетѣлъ и чрезъ нѣсколько часовъ принесъ въ своемъ клювѣ камень, которымъ коснулся пластинки, и она тотчасъ раскололась. Гдѣ ты взялъ этотъ камень?—спросилъ Соломонъ. Этотъ камень есть *Шамиръ*, отвѣчалъ воронъ; онъ находится на краю востока, на высокой горѣ. Соломонъ приказалъ геніямъ отправиться туда съ ворономъ и принести такихъ камней, какъ можно больше. Принесенные камни онъ роздалъ работникамъ храма, и съ тѣхъ поръ они начали работать безъ всякаго шума (Порфирьевъ, 72). Разсказы о подчиненіи Соломону демоновъ вошли и въ коранъ; въ 21 главѣ Богъ говоритъ: мы подчинили Соломону бурный вѣтеръ, и между демонами мы подчинили ему тѣхъ, которые ныряли для ловли ему жемчуга и исполняли другія его порученія; геніи работали на его глазахъ, по изволенію Господа его, а кто изъ нихъ удалялся отъ нашего повелѣнія, того мы предавали мученію

въ пламени. Они исполняли для него всѣ работы, какія онъ хотѣлъ, дворцы, статуи, подносы, широкіе, какъ водоемы, котлы, твердо поставленные... (гл. 34-я).

Извѣстіе о томъ, что Богъ подарилъ Соломону перстень и черезъ него власть надъ демонами, въ то время когда Соломонъ задумалъ построить храмъ, попадается и въ нашихъ отреченныхъ книгахъ (Тихонравовъ, Памят. отреч. лит., I. 310). Слова, вырѣзанныя на Соломоновой печати «Sator arepo tenet opera rotas», имѣютъ такую силу, что стоитъ написать ихъ на тарелкѣ съ обѣихъ сторонъ, и бросить ее въ огонь,—и огонь тотчасъ погаснетъ.

Изъ древнѣйшихъ памятниковъ восточной литературы, Соломонова печать упоминается въ исторіи Гюльнары (въ 1001 ночи): на ней были вырѣзаны слова на языкѣ морскихъ жителей (водяныхъ); морской царь Салекъ, ныряя съ племянникомъ своимъ, земнымъ жителемъ, въ море, произносилъ надъ нимъ эти слова, и этимъ сообщалъ ему способность жить подъ водой. Печать царя Соломона, съ приведенною на ней надписью (Sator arepo tenet opera rotas), извѣстна была и у нѣмцевъ (Scheible, Das Kloster, III. 876). По удостовѣренію Іосифа Флавія, царь Соломонъ писалъ притчи о всѣхъ деревьяхъ и животныхъ, и сочинялъ заговоры противъ злыхъ духовъ. «Я самъ видѣлъ», говоритъ Флавій, «какъ одинъ человѣкъ, по имени Елеазаръ, изгналъ бѣса изъ бѣсноватаго, приложивъ къ ноздрямъ сего послѣдняго печать съ корнемъ, указаннымъ Соломономъ: и бѣсъ вышелъ изъ него» (Antiq. L. VIII. C. II).

Изъ апокрифическихъ книгъ, въ которыхъ говорится о Соломонѣ и его мудрости, въ индексѣ папы Геласія и у другихъ писателей упоминаются: Contradictio Salomonis; Clavis, sive clavicula Salomonis et tesaurus omnium scientiarum regi Solomoni per angelum Dei juxta altare revelatarum; Hygromantia Salomonis ad filium Roboam; Annulus Salomonis; Liber de lapide minerali sive philosophico. Sera Salomonis; De sigillis Salomonis; Somnia

Salomonis (Fabricii. Cod. Vet. test. I. 1052—1056; Migne, Dict. des Apocr. II. 842—844; Порфирьевъ, 127).

799. **Синодики.** Рукописные Синодики, или помянники *«о пособіи мертвымъ»*, ведутся въ русскихъ храмахъ и въ домашнемъ обиходѣ издавна ;церковь записываетъ на вѣчное поминовеніе тѣхъ покойниковъ, по которымъ внесены на ихъ поминанье вклады; каждая православная семья вносила въ свои поминанья умершихъ своихъ членовъ, а также и добрыхъ знакомыхъ. Въ XVII вѣкѣ начали составляться синодики, со включеніемъ впереди разныхъ душеспасительныхъ исторій [1]). Синодикъ получилъ опредѣленный составъ и отпечатанъ гравированными досками въ концѣ XVII вѣка. Въ этотъ Синодикъ включено много разныхъ повѣстей изъ Зерцала Великаго, Новаго Неба и другихъ источниковъ, а именно: Легенда объ отсѣченной головѣ разбойника, которая потребовала іерея и произнесла передъ нимъ исповѣдь,—заимствована изъ Новаго неба (въ которое перешла изъ Великаго Зерцала,—Magnum Speculum, XI. 455); легенда о явленіи сыну его матери, въ блудѣ жившей, заимствованная изъ Великаго же Зерцала; разсказы о исходѣ души изъ тѣла и ея похожденіяхъ заимствованные изъ твореній Кирилла Александрійскаго (Тихонравовъ, 33-е присужд. Демидовской преміи, 216). Нѣкоторыя картинки изъ Синодика, какъ напримѣръ: зерцало грѣшнаго человѣка (№ 742), притча о грѣшной матери, умершей безъ покаянія (№ 700), Адамова голова (№ 756) и чудо о литургіи, совершенной на китѣ, который только по окончаніи оной пошелъ въ море (№ 803), изданы впослѣдствіи отдѣльными листами.

Вирши на картинкахъ о мытарствахъ заимствованы изъ сочиненія Авраамія Смоленскаго о Страшномъ Судѣ и Мытарствахъ,

---

[1]) Какъ напримѣръ о Щилѣ посадникѣ Новгородскомъ, котораго сынъ избавилъ отъ адскихъ мукъ, заказывая по немъ панихиды (см. примѣч. къ № 727); о пресвитерѣ Кипріанѣ, любившемъ *ходить часто въ баню*; о юношѣ и распутной дѣвицѣ и т. д.; при чемъ повѣсти украшались картинками (Буслаевъ, Очерки, I. 623).

которое приведено Шевыревымъ и приписано имъ Кириллу Туровскому (III. 15)[2]). О значеніи синодиковъ см. въ заключеніи.

[2]) Это-же слово приведено прежде того у Калайдовича въ Памятн. Росс. Слов. XII. в.. стр. 92. Предлагаю здѣсь выписки изъ греческихъ патериковъ по Уваровскому сборнику (XVIII в. № 823) объ этомъ же предметѣ, которыя тоже отчасти вошли въ текстъ синодика: «*Исходъ души праведнаго.* Ангелъ Господень приходитъ по душу съ радостію, и взимаетъ честно, и благословеніе бываетъ души той, діяволу же бѣжащу посрамену отъ мѣста того» (л. 17 об.). «*Исходъ души грѣшнаго.* Тогда Ангелъ хранитель души тоя стоитъ прискорбенъ и плача, діяволу же пришедшу радующуся и кажущу свитки, дѣлъ ея множество» (л. 18 об.). «Въ третій день восходитъ душа поклонитися Христу, и того ради творимъ память за усопшихъ». (л. 19 об.). «Два бо дни носима душа ангеломъ по земли, идѣже хощетъ, ово въ дому, овогдэ же къ тылу» (л. 20 об.). «Третины-же творимъ яко въ третій день человѣкъ вида измѣняется» (л. 21 об.). «Девятины же творимъ, яко въ той день все зданіе растечется, токмо сердцу единому цѣлу»... (л. 22 об.). «Четыредесятый же день творимъ. яко въ той день и то самое сердце погибаетъ, и костемъ развалившимся» (л. 23 об.). «Потомъ повелѣ Господь ангелу показати души той различныя райскія красоты и жилища святыхъ. Аще праведва душа, то радуется; аще грѣшна, то большую скорбь пріемлетъ, яко таковыхъ благъ лишися». (л. 25 об.). «Егда іерей совершаетъ понахиду и молится получити души той мѣсто свѣтло и мѣсто покойное, тогда ангелъ хранитель радостенъ восходитъ на небо» (л. 28 об.) «И вошедъ на небо, написуетъ имя то въ вѣчныхъ обителяхъ» (л. 29 об.). «Тогда ангелъ Господень сходитъ въ темная мѣста и сноситъ души той свѣтъ небесный и освѣщаетъ ея» (л. 30 об.). «Егда священникъ совершаетъ литургію и поминаетъ имя умершаго, тогда ангелъ Господень стоитъ съ радостію» (л. 31 об.). «И сходитъ во удолная мѣста и темная, и сноситъ души той одѣяніе и вѣнецъ, и облачаетъ ея и возноситъ на небо» (л. 32 об.). «И посаждена бываетъ душа та въ райскихъ свѣтлыхъ мѣстахъ, хранима херувимомъ, и сѣдитъ ту отъ утра и до вечера» (л. 33 об.) «И по совершеніи вечерняго пѣнія сноситъ Ангелъ душу ту облакомъ, и обнажаетъ ея отъ одѣянія и вѣнца, и посаждаетъ ея въ прежнемъ мѣстѣ» (л. 34 об.). «Въ девятый день по умертвіи восходитъ душа праведная на небеса поклонитися Христу, и Ангели Господни срѣтаютъ ея на первомъ небеси съ радостію и начнутъ душу ублажати, глаголюще: блажена еси, душе! Яко жила еси на земли по закону Господню, и нынѣ-же приходиши въ вѣчный покой и радостна душа та» (л. 36 об.). «Такожде восходитъ и грѣшная душа на небеси поклонитися Христу. Срѣтаютъ ея Ангели съ плачемъ глаголюща: О многогрѣшная душе и окаянная! жила еси на земли не по закону Господню, нынѣ же идеши въ вѣчное мученіе; и печальна бываетъ душа та» (л. 37 об.). «Въ четыредесятый день душа грѣшная восходитъ на поклоненіе Христу, и гнѣвъ Божій приходитъ на душу ту, и шестокрилати херувими закрываютъ лице Господне, и ризы престолъ, не хотяще показати славы лица Господня. И гонима бываетъ душа та пламеннымъ оружіемъ» (л. 38 об.). Въ паралель къ разрушенію человѣческаго тѣла привожу выписку относительно зачатія и рожденія человѣка (Румянц. рукоп. № 461): «Яко сѣмя оубо во утробу вшедшее

803. **Чудо о совершеніи литургіи на китѣ.** Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зерцала, главы 76-й: «о слушающихъ литургію, како великій китъ не повреди». Эта легенда нѣсколько напоминаетъ персидскую повѣсть о Синдибабѣ, который причалилъ съ судномъ своимъ къ одному зеленому острову; Синдибабъ вышелъ съ товарищами на берегъ, и развелъ огонь. Вдругъ весь островъ потрясся; это была земная рыба Хутъ, которая грѣлась на солнцѣ; почувствовавъ на спинѣ жженіе огня, она проснулась, оборотилась на другой бокъ, и опрокинула Синдибаба и его товарищей въ море.

808. **Эмблематъ духовный**, судя по рисункамъ, заимствованъ изъ какого нибудь нѣмецкаго сочиненія. Онъ имѣетъ большое сходство съ «Geistliches Sittenspiegel. Würzburg 1732», приведеннымъ у Шейбле (Das Kloster, I. 198); въ этомъ сочиненіи представлены, въ разныхъ фазахъ, сердца̀ человѣка—праведнаго, грѣшнаго, порочнаго, покаявшагося и т. д.; грѣхи изображены въ видѣ свиньи, павлина, змѣи, жабы и пр.; двѣ картинки изображаютъ смерть праведнаго и смерть грѣшнаго, довольно схоже съ нашимъ Эмблематомъ. Сочиненіе это, замѣчаетъ Шейбле, переведено съ французскаго; Низаръ упоминаетъ о новомъ французскомъ изданіи (Епиналь, 1822) подобной книги, подъ названіемъ «зерцало грѣшнаго, составленное отцами капуцинами», но это зерцало во многомъ разнится отъ нѣмецкаго Sittenspiegel и отъ нашего Эмблемата. Въ славянской литературѣ есть духовно-нравственное сочиненіе Діоптра (Евю, 1612), которое содержаніемъ своимъ напоминаетъ Эмблематъ: въ 1-й части его говорится о суетѣ міра, во 2-й—о развратности его, а въ 3-й—о томъ, какъ слѣдуетъ презирать суету мірскую.

809. **Лицевая библія гравера Ильи.** Библія эта, какъ видно изъ подробнаго перечня всѣхъ составляющихъ ее 133-хъ картинокъ,

---

втретій день примѣняется вкровь и живописуется срце; вдевятый же днь согустѣвается во уды членовы; вчетыредесятый же днь въ видѣніе совершенно воображевается подобно яко по числу днеx и мсцехъ, третій бо мцъ движется во утробѣ одушевлено ѿтроча мужеска полу, женскій же вчетверый и пол въ ѳ же растворяется.

гравирована вся рукою монаха Ильи; экземпляры ея чрезвычайно рѣдки; полные находятся въ моемъ собраніи и въ Публичной библіотекѣ; въ этомъ послѣднемъ къ Библіи присоединена тетрадка съ картинками изъ Новаго завѣта, работы разныхъ мастеровъ и съ досокъ уже бывшихъ въ употребленіи (хотя и отпечатанныхъ въ одно время съ Библіей, судя по бумажнымъ знакамъ обѣихъ). Экземпляръ такой же тетрадки съ картинками изъ Новаго завѣта есть и въ Московскомъ музеумѣ. Въ этой тетрадкѣ картинки расположены въ томъже порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ Мечѣ духовномъ (Кіевъ, 1666 г.) и въ Вѣнцѣ Христовѣ (Кіевъ. 1688 г.) (кромѣ пяти картинокъ, которыхъ въ поименованныхъ книгахъ нѣтъ). При этомъ замѣчу, что № 33 (притча о Самарянинѣ) въ «Вѣнцѣ» нѣтъ; а картинка Страшный Судъ, гравера KZ 1676 г., помѣщена только въ «Вѣнцѣ Христовомъ», а въ «Мечѣ» доска другая.

Въ числѣ картинокъ Новаго завѣта работы Ильи всего двѣ— подъ нумерами 10-мъ (Троица) и 45 (Іоанна Лѣствичника). Изъ произведеній другихъ мастеровъ, въ тетрадку картинокъ изъ Новаго завѣта попала одна картинка, № 41. Страшный судъ, съ монограммой «ак ҂ахоз»—мастера Аѳанасія К, гравера на деревѣ, работавшаго въ Кіевѣ и Львовѣ въ 1663—1688 гг.; три доски Кіевскаго гравера в или вр, а именно: № 1. Воскресеніе, № 51. Исторія Іосифа, въ четырехъ отдѣленіяхъ,—обѣ съ монограммою «в», и № 54. Распятіе съ подписью: «вр рк. ҂ахл» (гравированы для Кіевской Тріоди 1631 года); одна доска, № 11. Страшный судъ, съ монограммой неизвѣстнаго мастера «KZ»; одна доска, № 9. Сошествіе св. Духа, съ монограммой (Тимоѳей Петровичъ, Кіевскій граверъ первой половины XVII вѣка), отпечатанная въ первый разъ въ бесѣдахъ Іоанна Златоуста, Кіевъ 1624 года, и еще одна доска, № 44. Воздвиженіе съ помѣтою: «року ҂ахѯѕ», съ именемъ мастера, но котораго нельзя разобрать. Большинство прочихъ досокъ заимствовано изъ досокъ отпечатанныхъ въ первый разъ въ Кіевской тріоди 1631 года и за тѣмъ, какъ сказано выше, въ позднѣйшихъ Кіевскихъ изданіяхъ конца XVII вѣка. Бумажные знаки, какъ въ Библіи Ильи и

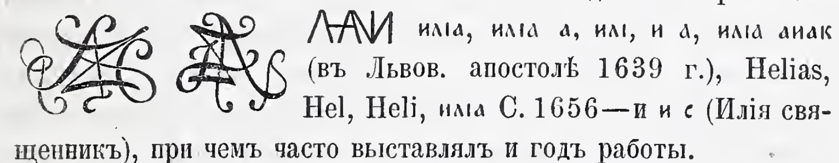
Новомъ завѣтѣ Публичной библіотеки, такъ и въ моемъ экземплярѣ библіи Ильи, одни и тѣже: 1) шутовская голова имѣющая сходство съ №№ 1316, 1317 и 1684, въ книгѣ Тромонина (Знаки писчей бумаги, Москва 1842), изъ которыхъ первые два отнесены къ 1676 г., а послѣдній къ 1686-му; 2) двуглавый орелъ, нѣсколько сходный съ бумажнымъ знакомъ Кіевской толковой псалтыри 1697 года (у Тромонина №№ 1342 и 1362), и 3) корона, составляющая верхнюю часть знаковъ, приведенныхъ у Тромонина подъ №№ 545 и 857 и относимыхъ, первый—къ 1681, а второй къ 1701 годамъ. Съ полною достовѣрностью можно заключить, что библія Ильи и тетрадка съ картинками изъ Новаго завѣта изданы въ концѣ XVII вѣка, самыя же доски Библіи награвированы Ильею гораздо ранѣе, что видно изъ №№ 6 и 7, на которыхъ, вмѣстѣ съ подписью Ильи, стоитъ 1645 годъ. Всѣ 133 картинки этой Библіи скопированы Ильею изъ знаменитой въ исторіи русскаго художества Библіи Ивана Пискатора. Этотъ Пискаторъ тотъ самый, который въ 1631 году издалъ карту Россіи (исправленный переводъ карты, составленной по повѣленію царя Бориса Годунова и которую еще въ 1614 г. издалъ Hesselus Gerardus) и посвятилъ ее царю Михаилу Ѳедоровичу. Первое изданіе лицевой Библіи Пискатора носитъ слѣдующее заглавіе: «Theatrum Biblicum hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum huius ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem. Anno 1650, въ листъ, вдлинну; отлично выполненное громадное изданіе, выгравированное по рисункамъ Гемскерка, Мартына Дево и др., подъ надзоромъ И. К. Вишера, граверами Садлерами и мн. другими. Картинки этой Библіи выходили до 1650 года тетрадками; въ этомъ году онѣ были соединены въ книгу, состоящую изъ 459 листовъ [1]). Граверъ Илья, копируя картинки Пискатора,

---

[1]) Въ Библіи Пискатора рисунки заимствованы изъ другой древнѣйшей

уменьшалъ ихъ изъ листоваго формата въ четвертку; при этомъ онъ выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справиться: фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда онъ соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну (С. 2 и 3), а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія: такимъ образомъ многимъ сыновьямъ Іакова приданы совершенно другіе атрибуты противъ Библіи Пискатора; въ Лотовомъ паденіи, одна изъ дочерей (та, которая сидитъ у Лота на колѣнахъ) представлена голая, тогда какъ у Пискатора она одѣта и т. д.

Граверъ на деревѣ, Кіево-печерскій монахъ Илья вырѣзалъ множество досокъ для Кіевскихъ и Львовскихъ изданій (более 370), начиная съ 1636 года. Подписывался онъ подъ своими работами



ЛАИ илиа, илиа а, илі, и а, илиа аиак (въ Львов. апостолѣ 1639 г.), Helias, Hel, Heli, илиа С. 1656—и и с (Илія священникъ), при чемъ часто выставлялъ и годъ работы.

Наибольшій трудъ онъ положилъ на гравировку Библіи, которая, какъ сказано выше, рѣзана вся его рукою, а также и на вырѣзку досокъ для Кіево-Печерскаге патерика, изданія 1661 года, съ которыхъ тоже были дѣланы отдѣльные отъ книги отпечатки (они описаны ниже, подъ заголовкомъ: «Кіево-печерскіе святые»)[2].

810. **Библія и Апокалипсисъ Кореня** рѣзанъ на деревѣ грубо и аляповато, на манеръ другихъ народныхъ картинокъ на деревѣ; единственно извѣстный неполный экземпляръ ихъ (36 листовъ), раскрашенный несравненно тщательнѣе противъ обыкновенныхъ народныхъ картинокъ, находится въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ. Рѣзаны картинки съ рисунковъ мастера Григорія, который заимствовалъ свои рисунки для—Библіи изъ славянской Палеи съ примѣсью западныхъ образцевъ, а рисунки для Апокалип-

---

Библіи: «Biblia ad Vetustissima exemplaria nunc recens castigata... Francoforti ad Moenum 1566. fol.».

[2]) Труды его подробно перечислены въ моей книгѣ: Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва 1870 г., стр. 214—226; всѣ картинки его рисованы весьма посредственно и гравированы на скоро, съ иностранныхъ образцовъ.

сиса—изъ библіи Пискатора (см. прим. къ № 809), въ которой, переводы картинокъ заимствованы, въ свою очередь, изъ книги: «Apocalypsis S. Joannis. Die Offenbarung S. Iohannis. Francofurti, Excudebat Hermannus Gulffericus. 16°; 24 картинки гравированныя на деревѣ. Мастеръ Григорій не рабски копировалъ Пискатора: напротивъ того, онъ многое измѣнилъ (№№ 21, 26, 30), другое совершенно переиначилъ (№№ 32, 26); въ №№ 27, 28 и 36 соединилъ по двѣ Пискаторскія картинки въ каждомъ (10+11, 12+13, 25+26); придалъ фигурамъ своимъ польскіе типы и одѣлъ ихъ въ польскіе костюмы (№№ 29, 32, 35: «сіи суть куплены злюдей первенцы»); не говоря уже о томъ, что картинки Григорія размѣромъ вчетверо болѣе картинокъ Пискатора. Этотъ Григорій есть никто иной, какъ извѣстный Григорій Тепчегорскій,—маляръ, гридеръ (см. № 959) и стихотворецъ (III. 712), который награвировалъ большіе святцы, коштомъ Агапитова, участвовалъ (въ санѣ іерея) въ гравированіи Библіи, описанной подъ № 811, да и написалъ для нея вирши; онъ-же упоминается и у П. А. Безсонова, какъ сочинитель духовныхъ виршъ, положенныхъ на ноты монахомъ Александромъ Мезенцемъ; въ то время Григорій былъ еще клирикомъ, какъ это видно изъ одного стихотворенія, въ которомъ онъ говоритъ: «Воспомянухъ житіе свое клироское Азъ недостойный Григорій» .... (Калики перехожіе, II. XI). Въ числѣ этихъ стихотвореній есть такія, которыя прямо служатъ какъ-бы толкованіемъ картинокъ его Библіи. Представляю объясненіе нѣкоторыхъ картинокъ Библіи Кореня, сочиненіе которыхъ заимствовано изъ текста Палеи и другихъ апокрифическихъ книгъ:

Картинка 1-я. Саваоѳъ изображенъ на ней, какъ и на послѣдующихъ пяти картинкахъ, въ ангельскомъ образѣ, съ крыльями, по Исаину пророчеству: «Велика свѣта Ангелъ яко съ нами Богъ!» (Соборъ на Башкина: Чтен. Москов. Общ. Исторіи 1847, III. 3). На немъ восьмиугольный вѣнецъ, означающій: «семи вѣкамъ творца и будущаго вѣка отца».

Картинка 4. Въ этотъ 4-й день, какъ показано на ней, низверженъ сатана. По Вавилонскому талмуду ангелы сотворены во

2-й день міробытія (Порфирьевъ, 27); Сатанаилъ съ его сообщниками низвержены въ бездну за четыре дня до созданія Адама (Памятн. Кушелева, III. 168). Въ Палеѣ паденіе Сатанаила разсказано слѣдующимъ образомъ: «Въ сіи оубо день единъ отъ ангелъ, нарицаемый Сатанаилъ, иже оубо бѣста старѣйшина і҃-му чину и видѣ яко украси Богъ твердь ту, о ней же рѣхомъ и землю. и развеличася гордостію. и рече въ помышленіи своемъ. коль красна поднебесная си. и не вижу живущаго на ней. да пріиду на землю и пріиму землю и обладаю ею и буду яко Богъ. и поставлю престолъ мой на облацѣхъ. ту абіе сверже й Господь с небесѣ за гордость помысла его. по немъ же спадоша иже быша подъ нимъ чинъ і҃-й. и аки песокъ просунушася съ небесе. и проразишася въ преисподняя. друзіи же ихъ на земли быша. другія же отъ нихъ на воздусе повѣси архангельскій гласъ. Архистратигъ Михаилъ сый начальникъ и воевода силы Господня иного чину старѣйшина видѣвъ отступника спадша съ чиномъ своимъ. и звучнымъ гласомъ крѣпко и страшно рече. вонмемъ и гласомъ силы похвалимъ всѣхъ Бога... Слышавше же дѣмони гласъ архангела. и абіе повѣшени бывше на аере. первіи же тіи спадшіи дѣмони проразишася въ преисподьняя и суть глуси. и тіи оттоле не свѣдятъ ничтоже въ мире, а иже отъ нихъ на землю спадоша. то тіи дѣлаютъ ходяще по земли злая своими прелестьми. послѣдняя же ихъ устави архангельскій гласъ по аеру и тіи же оубо висяще и что могуще пакости творити и то творятъ... Спадшій же той сатана погреши помысла своего и наречеся противникъ Божій. въ него же мѣсто постави Господь старѣйшину Михаила. спадшій же чинъ нарекошася дѣмони. отъ нихъ же Господь отъятъ славу и честь и свѣтлость бывшую на нихъ преже. и преложи я въ духъ теменъ и по воздуху облетати повелѣ. спадшаго же мѣсто чина і҃-го оумысли Богъ сотвори человѣка» (Порфирьевъ, 135).

Картинка 6. По одному сказанію, внесенному въ Румянцевскій сборникъ: «Earthemъ Богъ земли горсть отъ осьми частей: 1) отъ земли тѣло, 2) отъ камени—кости, 3) отъ моря—кровь, 4)

отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли; пріидеже окаянный Сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями. И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна; и разгнѣвася Господь на діавола и нача глаголати: окаянне діаволе, проклятый, не достоитъ-ли твоя погибель? Чего ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклятъ ты буди,—и діяволъ исчезе, аки молнія сквозь землю отъ лица Господня. Господь-же, снемъ-съ него пакости Сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою очисти его аки зерцало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлихъ, лежаща, и убояся вельми сотона. Собака начала зло лаяти на діавола, окаянный же Сотона, вземъ древо, и истыка всего человѣка Адама и сотвори ему 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнаго Іерусалима» .... и прогналъ діавола и «обрати вся недуги въ него» (т. е. внутрь Адамова тѣла.—Румянц. сборн. XVII в. № 370. Памятн. Кушел. III. 12).

По Талмуду, ангелы говорили Богу противъ сотворенія человѣка. По арабскимъ сказаніямъ, задумавъ сотворить Адама, Богъ послалъ ангела Гавріила взять для того земли всѣхъ слоевъ. Земля пришла въ ужасъ, узнавъ объ этомъ; Гавріилъ не рѣшился исполнить данное ему приказаніе и оно было выполнено ангеломъ Азраиломъ, который принесъ Богу семь горстей отъ разныхъ слоевъ земли, изъ которыхъ и созданъ первый человѣкъ. Оттого одни люди на землѣ бѣлые, другіе черные, третьи желтые и т. д. За исполненіе этого порученія Азраилъ получилъ назначеніе: отдѣлять души отъ тѣла и названъ ангеломъ смерти. Вначалѣ тѣло Адама было громадно: онъ распростерся отъ Востока до Запада и касался тверди небесной; ангелы пришли въ ужасъ, и

сказали Богу: теперь двѣ власти (силы) въ мірѣ. Тогда Богъ сократилъ тѣло Адама до 1000 локтей (Bartoloni, Bibliot. rabbinica, I. 65).

Картинка 8. Потомъ приступилъ Богъ къ сотворенію Евы; онъ сказалъ при этомъ: не сотворю ее ни изъ головы, чтобы она не поднимала головы своей, не превозносилась, ни изъ глазъ, чтобы не смотрѣла по сторонамъ, ни изъ ушей, чтобы не подслушивала, ни изъ устъ, чтобы не была болтлива, ни изъ сердца, чтобы не была ревнива, ни изъ руки, чтобы не воровала, ни изъ ноги, чтобы не шаталась; но сотворю ее изъ самаго скромнаго мѣста (изъ ребра), которое даже тогда, когда обнажатъ его, бываетъ покрыто, чтобы она была скромна (Bartol. I. 64) [2]).

Картинка 9. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ (изъ рукописи Григоровича XVI в., волошскаго письма съ юсами, 8°) рай описывается слѣдующимъ образомъ: «посреди рая древо животное, еже есть божество. И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣетъ-же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханье; а отъ корня его текутъ млекомъ и медомъ 12 источниковъ» (Бусл. Оч. I. 501). Древо познанія добра и зла, по мнѣнію однихъ (Талмудистовъ и Богомиловъ)—было виноградное, по мнѣнію другихъ—смоковничное: потому ее Христосъ и проклялъ; изъ листьевъ его первые люди сшили себѣ одежды; по мнѣнію третьихъ это было хлѣбное дерево. Аѳанасій Великій тоже полагаетъ, что древо познанія было смоковница (Написаніе Аѳанасія мниха Іерусалимскаго, въ Кормчей XVI в.: Румянц. муз. № 231. Памятн. стар.

---

[2]) Первая жена Адамова была Лилитъ и, по Талмуду, создана изъ земли въ одно время съ нимъ; она убѣжала отъ Адама, не желая признавать его главенства надъ собою; ангелы Сенной, Сансенной и Самонгелофъ не могли вернуть ее, несмотря на приказаніе Бога. Лилитъ сказала имъ: оставьте меня, я создана для того, чтобы дѣлать вредъ новорожденнымъ дѣтямъ, мальчикамъ въ теченіе 8, а дѣвочкамъ 20-ти первыхъ дней. Ангелы отпустили ее, заставивъ поклясться, что она не будетъ вредить тѣмъ дѣтямъ, которыя будутъ носить талисманы съ ихъ именами или изображеніями. Такіе талисманы и теперь привѣшиваются еврейскимъ дѣтямъ (Bartol. I. 70).

38*

русск. лит. (III. 84). Іосифъ Флавій разсказываетъ при этомъ, что до паденія Адама, всѣ животныя въ раю говорили однимъ языкомъ; змій былъ лишенъ голоса и ногъ за искушеніе первыхъ человѣковъ. Относительно мѣстонахожденія рая существуетъ краткое сказаніе св. Агапія (изъ Пролога XIII в.) и другое сказаніе препод. Макарія, о томъ, какъ три монаха: Сергій, Тефиль и Югинь, нашли въ пещерѣ, подлѣ рая, преподобнаго Макарія, который разсказалъ имъ, что за 20 поприщъ отъ того мѣста есть два города: одинъ желѣзный, другой мѣдный; за тѣми градами рай, и стерегутъ его херувимы и серафимы. Херувимы отъ ногъ до пупа человѣки, а перси львовы, а глава «іною тварью, а руцѣ яко ледяни» и оружіе пламенное въ рукахъ ихъ. Тутъ и поясы небесные, идѣже почивеетъ небо» (Памятн. старин. литерат., III. 134; изъ сборниковъ XIV и XVII вв.—ср. тоже у Буслаева, Оч. I. 497).

Картинка 10. Когда Адамъ и Ева вкусили отъ запрещеннаго плода, тогда со всѣхъ райскихъ деревьевъ опали листья, кромѣ одной смоковницы. Адамъ и Ева тотчасъ-же почувствовали похоть, «и бысть тако»; потомъ увидали, что они *наги* и сшили себѣ изъ листьевъ смоковницы одежды. Въ словѣ-же Меѳодія Патарскаго (по рукописи XV в., въ Памятникахъ отреченной литературы Тихонравова, II. 226) говорится, что, по выходѣ изъ рая, Адамъ и Ева были еще «дѣвственны», и что Каинъ и сестра его Калмана родились у нихъ черезъ тридцать лѣтъ; послѣ другихъ тридцати родился Авель и сестра его Девора; а въ 130-е лѣто сынъ Сиѳъ. Въ четырехсотое лѣто «сыновья Каиновы наскакаху на сестры братій своихъ; а ко второй тысячницѣ сыновья Сиѳовы составили брань на дщерей Каиновыхъ». По другимъ сказаніямъ, Каинъ зачатъ Евой отъ соблазнившаго ее дьявола (см. прим. къ № 721 А).

Какъ только Адамъ согрѣшилъ, ангелы Аза и Азаелъ поспѣшили сказать объ этомъ Богу, который низвергъ ихъ за это съ неба (Bartol. I. 352). Въ раю Адамъ пробылъ всего 6 часовъ: онъ созданъ въ 9 часу утра, а изгнанъ изъ рая въ 3 часа по-

полудни, въ тотъ же день (Bartol. I. 64). По другимъ сказаніямъ, онъ былъ въ раю отъ шестаго часа до девятаго.

Карт. 11 и 12. Послѣ изгнанія изъ рая Адамъ *«сѣде прямо раю и горько плача»*; на эту тему поется каликами множество плачей (Безсоновъ, Калики, VI. 236—314). Архангелъ Іоилъ непрестанно молилъ Бога о прощеніи Адама и Евы; наконецъ, послѣ пятнадцати-дневнаго плача, имъ отдѣлена была для житія седьмая часть рая; архангелъ Михаилъ научилъ Адама пахать. Но дьяволъ не позволилъ Адаму воздѣлывать данную ему землю; «земля моя», говорилъ онъ, «только небо и рай божій; дай мнѣ на себя рукописаніе, и тогда бери ее». Адамъ зналъ, что отъ Дѣвы родится Спаситель міра и спасетъ міръ, потому и далъ дьяволу на себя рукописаніе: «чья есть земля, того и азъ и чада моя». Получивъ это обѣщаніе, дьяволъ отдалъ ему землю [3]).

Картинка 14. Послѣ изгнанія изъ рая, Адамъ и Ева получили отъ Бога ризы кожаны (Бытія, 3. 38); одни, талмудисты, замѣчаютъ, что эти ризы были сдѣланы изъ шкуры змія соблазнителя; по другимъ, это были кожи оленя или зайца; онѣ были покрыты изображеніями животныхъ и птицъ. По сказанію Яшаръ, одежды Адама и Евы передавались ихъ потомкамъ и находились въ ковчегѣ у Ноя. По выходѣ изъ ковчега Адамову одежду взялъ себѣ Хамъ и передалъ сыну своему Нимроду, къ которому, вслѣдствіе того, сошлись всѣ звѣри и поставили его царемъ надъ собою. Потомъ одежда эта досталась Исаву, который черезъ нее сдѣлался искуснымъ охотникомъ (Migne, Diction. des Apocryphes, II. 1102.— Порфирьевъ. 40). По другимъ апокрифамъ Богъ сказалъ Адаму: «идите на берегъ моря, тамъ вы найдете кожи овецъ, которыхъ растерзали львы; возмите ихъ и сдѣлайте себѣ изъ нихъ одежду».

---

[3]) Чтобы искупить свое преступленіе Адамъ пошелъ поститься въ Іорданъ рѣку, гдѣ и былъ 40 дней. Ева же, по приказу Адама, стала въ рѣку Тигръ, подложивъ себѣ подъ ноги камень и на голову камень же. Здѣсь дьяволъ пытался прельстить ее, то въ видѣ ангела, то въ образѣ самаго Адама. Послѣ этого поста Адамъ и Ева были освобождены отъ дьявола (Тихонравовъ, Памятн. отречен. лит., I. 1—6). Тоже самое разсказывается и въ исповѣданіи Евы (Тамъ-же, I. 298).

Нашедши кожи они не знали что дѣлать съ ними; тогда Богъ послалъ къ нимъ ангела, который указалъ имъ на иглы кустарниковъ и научилъ сшить ими кожи (Порфирьевъ, 188).

Картинка 16. Больной Адамъ сидитъ въ вѣнкѣ изъ древа познанія, о которомъ въ апокрифахъ находится слѣдующее толкованіе: передъ смертію Адама сынъ его Сиѳъ ходилъ въ рай просить у Архангела вѣтвь отъ древа познанія и, получивъ ее, принесъ къ Адаму; Адамъ свилъ себѣ изъ этой вѣтви вѣнокъ, возложилъ его на главу свою, и погребенъ въ немъ. Впослѣдствіи изъ вѣтви этой выросло дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя (Тихонравовъ, Памят. Отреч. Лит., I. 303). По еврейскимъ апокрифамъ, когда Сиѳъ ходилъ въ рай за елеемъ милосердія для больнаго Адама, то ангелъ далъ ему вѣтвь отъ древа познанія добра и зла; Адамъ сдѣлалъ изъ него вѣнокъ и возложилъ его на свою голову; въ этомъ вѣнцѣ его и похоронили, и изъ этого вѣнца выросло древо, которое и раздѣлилось на три части. По другимъ сказаніямъ, ангелъ далъ Сиѳу только три зерна, которыя Сиѳъ положилъ въ ротъ умиравшему Адаму; изъ этихъ зеренъ выросли три древа, изъ которыхъ былъ сдѣланъ крестъ Спасителя (Порфирьевъ, 110.—См. примѣч. къ № 892).

Картинка 18. Когда Каинъ убилъ Авеля по наущенію дьявола челюстью, а по сказанію Палеи камнемъ [4]), то «заповѣдалъ Господь звѣрю трижды на всякій день пожирать Каина и выметать изъ себя, и еще триста лѣтъ трястись повелѣлъ и крови отъ крови отливаться». Авель-же 30 (300)? лѣтъ лежалъ на землѣ, Адамъ не зналъ, что сотворить съ нимъ. И послалъ Господь двѣ птицы горлицы, и убила горлица горлицу, и расклювавъ землю погребла ее; тогда и Адамъ похоронилъ сына своего Авеля въ землю».

Картинка 19. Апокрифъ объ этомъ погребеніи заимствованъ изъ Палеи и занесенъ оттуда въ лѣтопись Нестора, гдѣ прилетаютъ не горлицы, а просто двѣ птицы; одна летитъ и умираетъ, а

[4]) Въ Лавр. Лѣтописи говорится такъ: «рече ему сатана: возми камень и удари, и веземъ камень и уби» (Полн. Собр. Лѣтоп., I. 38).

оставшаяся погребаетъ ее. Такое же извѣстіе находится и въ еврейскомъ вѣтхозавѣтномъ кодексѣ: Codicis pseudepigraph. Veteris Testament. Vol. alter., 47 (Сухомлиновъ, О древн. лѣтописи, СПБ. 1856, 60). Впрочемъ въ краткой Палеѣ говорится, что похоронить тѣло Авеля научилъ Адама ангелъ. Адамъ погребенъ тоже ангеломъ на островѣ Афулисѣ (Рукоп. Румянц. Муз. № 367. листъ 57).

Картинка 20. Душа Адамова, послѣ его смерти, по однимъ сказаніямъ, перешла въ Еноха, а по другимъ—въ царя Давида, изъ сего же послѣдняго, послѣ грѣха его съ Вирсавіею, въ Мессію. Относительно продолженія рода Адамова Св. Епифаній приводитъ изъ еврейской апокрифической книги Юбилеевъ слѣдующія свѣдѣнія: «Когда Адамъ родилъ сыновей и дочерей, сдѣлалось необходимымъ въ то время, чтобы его сыновья вступили въ бракъ съ своими сестрами. И сыновья его были въ супружествѣ, Каинъ со старшею сестрою, называемою Савою, а третій сынъ, рожденный послѣ Авеля, Сиѳъ—съ сестрою своею, называемою Азурою [5]). По Малому Бытію у Адама было двѣ дочери и 12 сыновей (Порфир. 87). По Кедрину у Адама было 27 дочерей и 33 сына, а умеръ онъ 930 лѣтъ (Порф. 90). На основаніи апокрифической книги *Малаго Бытія* Каинъ погибъ подъ развалинами своего дома; животныя до грѣхопаденія имѣли даръ слова и змѣй разговаривалъ съ Евою человѣческимъ голосомъ (Порфир. 82).

Въ книгахъ Яшаръ, Талмудъ, Каббала и др. о смерти Каина разсказывается иначе: въ старости Ламехъ ослѣпъ; его водилъ всюду сынъ его Тубалкаинъ. Однажды Тубалкаину показалось, что онъ видитъ дикаго звѣря; онъ сказалъ объ этомъ Ламеху, который натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу по указанному направленію; но это былъ не дикій звѣрь, а братъ Ламеха Каинъ, который и убитъ стрѣлою. Узнавъ объ этомъ Ламехъ пришелъ въ отчаяніе; по слѣпотѣ своей, онъ схватилъ Тубалкаина, и раз-

[5]) Потомки Сиѳа изобрѣли астрономію. Каинъ изобрѣлъ вѣсы и мѣры, построилъ первый городъ, назвавъ его именемъ старшаго своего сына Аноха (Іосифъ Флавій, Antiq. Lib. 1 стр. I—II).

давилъ его въ своихъ объятіяхъ (Migne, II. 1094). Это сказаніе, составившееся вѣроятно на основаніи словъ Ламеха (Быт. 4. 23), перешло и въ Славянскіе апокрифы (Тихонравовъ, Отречен. книги, I. 24.—Порфирьевъ, 42). Въ нашу картинку оно попало изъ слова Меѳодія Патарскаго (Порфир. 96).

811. **Лицевая Библія мастера I Д.** Монограммы двухъ мастеровъ, встрѣчающіяся на листахъ этой Библіи, судя по работѣ картинокъ, означаютъ: 1-я «ıд па» и «грыдоровалъ ıд»=іерей Димитрій Пастуховъ, тотъ самый, который награвировалъ огромный видъ Соловецкаго монастыря и другіе духовные листы; а другая «гıг»=грыдоровалъ іерей Григорій, граверъ большихъ Святцевъ (№ 959), т. е. Григорій Павловичъ Тепчегорскій. Картинки этой Библіи скопированы съ нѣмецкаго образца, а вирши сочинены подъ польскимъ вліяніемъ. Въ описанномъ экземплярѣ, находящемся въ Московскомъ музеумѣ, кромѣ перемѣты славянскими буквами, почти на всѣхъ картинкахъ находится двойная нумерація арабскими цыфрами. Такая тройная нумерація даетъ поводъ предполагать, что первыя изданія этой Библіи, до насъ не дошедшія, были выпущены безъ перемѣты картинокъ славянскими буквами. Картинка съ помѣтою: «ıв» и арабскимъ «№ 95», помѣщенная въ Библіи вовсе не на своемъ мѣстѣ,—подтверждаетъ это мнѣніе и указываетъ на то, что для перваго изданія Библіи было изготовлено болѣе шести-десяти досокъ *).

814 А. Прибавить: есть одинъ изъ дней творенія съ подписью: «№ 2. Прелщеніе отъ змія. Прозябѣ . . . бѣша. Гр. Р. Курятниковъ, И. А. S. Печатать позволяе: Москва. 1845. Іюля 13 Ценсо: И. Зерновъ». Въ собр. Даля въ Пуб. биб.

818. **Апокалипсисъ Іерея Прокопія** (1646—1662 гг.) скопированъ изъ Библіи Пискатора (см. прим. къ № 809), причемъ

*) На многихъ другихъ доскахъ нумера тоже перепутаны (ʌS=54, ʌ3=37. 31, 49. 29, 50. 21; 21-я картинка тоже не на своемъ мѣстѣ.

Прокопій увеличилъ картинки вдлинну, опустилъ въ нихъ разныя подробности и тонкости, съ которыми не могъ совладать при передачѣ мѣдной гравюры на деревѣ, а въ нѣкоторыхъ (№ 2, 15, 16, 17, 21) сдѣлалъ значительныя измѣненія. Всего картинокъ въ Апокалипсисѣ Прокопія 23 (у Пискатора ихъ 28). Лицевое Отче нашъ, слѣдующее за Апокалипсисомъ, тоже скопировано у Пискатора. Работа іерея Прокопія (въ 1646 и 1647 гг. еще дьякона) весьма плохая, грубая, нечистая и неумѣлая. Полные экземпляры его Апокалипсиса чрезвычайно рѣдки и цѣнны; изъ него заимствованы одинадцать картинокъ, приложенныя къ толкованію на Апокалипсисъ Андрея Кападокійскаго, Москва 1712.

819. **Лицевой Апокалипсисъ.** Привожу вирши (по изданію *б*) №№ 6 и 16, которыхъ недостаетъ въ Олсуфьевскомъ изданіи *а*: «6 (нумера изданія *б* помѣчены арабскими цифрами) шестую агнецъ печать отрѣшаетъ | солнце и луну мрачны объявляетъ | звезды небеса весма разорена | всяже зелнейши[м] ветро[м] прекращена | рабовъ гд҃ъ и цареи текущихъ | взоры тамо же погибелі ждущи[х]»; «16. Ст҃ыи потрехъ днехъ возстановляются | побиты бывше внебо вваждаются | ихъ же улучи зверь избездны сущіи | прежде брань сними злѣ воздвизающіи | по семъ часть града десятая паде | И погибели многи[х] людеи предаде». Въ моемъ собраніи есть позднѣйшее изданіе (*в*) этого Апокалипсиса, отпечатанное съ грубо подправленныхъ досокъ изданія *б*.

819 А. Еще **лицевой Апокалипсисъ.** Прибавить: одинъ листъ изъ Апокалипсиса: «5. И пятый аг҃глъ веструби.... отъ татьбы ихъ» (16 строкъ); листовая картинка, отпечатанная на синей бумагѣ 1808 года; переводъ скопированъ съ иностраннаго образца. Въ моемъ собраніи.

819 Б. Таже картинка, точная копія или скорѣе оригиналъ предыдущей; вверху помѣчено: «5. Апокали҃ѱисъ гл҃ава ѳ҃»; гравюра рѣзцемъ, отпечатанная на бумагѣ 1790 года; низъ съ текстомъ обрѣзанъ. Въ моемъ собраніи.

823. **Изображеніе Вавилонской блудницы.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: *в* и *г*, отпечатанныя съ Ахметьевской доски (*а*), пройденной рѣзцомъ на̀ ново. Въ этихъ изданіяхъ послѣднія слова 3-й строки слѣдующія: «чашу злату вру»,—тогда какъ въ изданіи *а* въ нихъ ошибка: «чашу злото вру».

823 А. Смерть на блѣдномъ конѣ. Картинка эта описана подъ № 1346.

824. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*г*) этой картинки, 1830—40 гг., гдѣ первая строка текста заканчивается словами: «ѿ вина».

826. О созданіи Вавилонскаго столпа есть статьи въ Амартолѣ, Палеѣ и лѣтописяхъ (Полн. собр. лѣтоп., I. 2). О происхожденіи языковъ см. Очерки Буслаева, I. 499.

829. **Житіе Іосифа прекраснаго.** Въ Еврейскихъ апокрифахъ есть множество сказаній о Іосифѣ и о необыкновенной красотѣ его; привожу здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя отчасти относятся къ нашимъ народнымъ картинкамъ и былинамъ:

Колодезь, въ который бросили Іосифа его братья, былъ наполненъ змѣями и скорпіонами, которые однако не тронули его (кн. Талмудъ и Яшаръ); по другимъ сказаніямъ глубокій колодезь этотъ былъ наполненъ водою, но архангелъ Гавріилъ спустилъ въ него камень, на который Іосифъ и усѣлся. Когда братья принесли Іакову окровавленную одежду, сказавъ, что онъ съѣденъ хищнымъ звѣремъ, тогда Іаковъ приказалъ имъ привести ему перваго звѣря, который попадется. Они поймали волчицу; когда Іаковъ закричалъ на нее, зачѣмъ она пожрала Іосифа, волчица отвѣтила человѣческимъ голосомъ, что она не видала Іосифа, а что сама потеряла своего волченка и шла отыскивать его.

Когда Измаильтянскіе купцы проѣзжали мимо могилы Рахили, Іосифъ бросился на могилу и сталъ просить мать свою о защитѣ.

Рахиль ободрила его изъ своей могилы и увѣрила, что все обойдется для него благополучно. Этотъ разсказъ занесенъ въ слово Ефрема Сирина, въ четьи Минеи св. Дмитрія Ростовскаго и въ духовные стихи каликъ (Житіе Іосифа, 31 марта.—Калики Безсонова, I. 37 и 38.—Кирѣев. VIII.—Порфирьевъ, 53).

О красотѣ Іосифа въ книгѣ Яшаръ помѣщенъ слѣдующій разсказъ, занесенный Магометомъ въ Коранъ (гл. 12): «жена Пентефрія, Залиха, угнѣтаемая страстію къ Іосифу, сильно заболѣла. Всѣ знатныя женщины Египта пришли посѣтить ее и при этомъ выражали недоумѣніе, отчего она такъ страдаетъ, когда окружена всѣми возможными благами. Желая объяснить имъ причину своего страданія, Залиха приказала подать своимъ гостьямъ апельсиновъ и для чищенія и разрѣзыванія ихъ самые острые ножи, и когда это было сдѣлано, велѣла позвать къ себѣ Іосифа. Увидѣвъ Іосифа всѣ женщины такъ были поражены его красотою, что не могли отвести глазъ отъ его лица и изрѣзали свои руки; апельсины, которые онѣ держали, покрылись кровью, а онѣ этого не замѣчали. «Что вы дѣлаете?»—сказала имъ Залиха, «вмѣсто апельсиновъ вы рѣжете свои руки». Женщины признались ей, что красота ея невольника такъ поразила ихъ, что онѣ только на него и смотрѣли и не видѣли ничего другаго. «Но вы», замѣтила имъ Залиха, «видѣли его только на короткое время, и вотъ чему подверглись: какъ же вы хотите, чтобы я не страдала, когда онъ живетъ въ моемъ домѣ, и я могу видѣть его каждый часъ». [1])

Когда Фараонъ рѣшилъ сдѣлать Іосифа правителемъ Египта, жрецы объявили, что онъ рабъ, купленный за 20 серебрениковъ, и что если онъ дѣйствительно царскаго рода и можетъ быть назначенъ правителемъ, то долженъ знать 70 языковъ. Архангелъ Гавріилъ сошелъ ночью въ темницу Іосифа, вставилъ въ его имя одну букву изъ имени Іеговы (Iehoseph) и обучилъ 70 языкамъ; послѣ чего Іосифъ признанъ правителемъ (Migne, Dict. des apocr., II. 1195.—Порфирьевъ, 54).

---

[1]) См. въ былинахъ исторію о Чурилѣ Пленковичѣ и княгинѣ Апраксѣевнѣ.

Въ апокрифической книгѣ: «Завѣты двѣнадцати патріарховъ», которые вошли въ наши народныя картинки (№ 832), Іосифъ разсказываетъ свою исторію съ большею подробностію и многими прибавками противъ библейской редакціи [2]).

Исходнымъ пунктомъ Завѣтовъ 12-ти патріарховъ служитъ завѣщаніе патріарха Іакова своимъ дѣтямъ, изложенное въ книгѣ Бытія, 49. 1—28. Благословляя своихъ дѣтей, Іаковъ указываетъ на ихъ характеръ и сообразно съ ихъ характеромъ дѣлаетъ предсказанія о будущей ихъ судьбѣ и всего ихъ потомства; въ Завѣтахъ патріарховъ эти предсказанія распространены и украшены разными нравственными наставленіями и разными разсказами и подробностями, касающимися жизни патріарховъ (Порфирьевъ, 257). Каждый изъ патріарховъ разсказываетъ замѣчательныя черты изъ своей жизни, даетъ наставленія своему роду и дѣлаетъ предсказанія.

Когда купившіе Іосифа Измаильтяне стали спрашивать его, кто онъ такой, Іосифъ сказалъ, что онъ рабъ тѣхъ, кто продалъ его: «чтобы не осрамить братіи моей». Старшій изъ нихъ грозилъ ему смертію, если онъ не скажетъ правды, такъ какъ онъ видѣлъ, что Іосифъ совсѣмъ не походитъ на раба; но Іосифъ продолжалъ утверждать, что онъ рабъ. Прибывши въ Египетъ,

---

[2]) Первое указаніе на Завѣты 12-ти патріарховъ мы встрѣчаемъ у Оригена, въ толкованіи на книгу Іисуса Навина. Въ греческихъ спискахъ апокрифическихъ книгъ они отдѣльно не упоминаются, но вѣроятно разумѣются подъ общимъ указаніемъ: Πατριάρχαι. По общему мнѣнію, Завѣты первоначально написаны были на еврейскомъ языкѣ, съ котораго очень рано были переведены на греческій языкъ; съ греческаго на латинскій языкъ они переведены были въ XIII в. Робертомъ, епископомъ Линкольнскимъ. Въ XVII в. Грабе издалъ ихъ въ Specilegium Patrum et haereticorum saeculi 1. Oxoniae 1699; Фабрицій по изданію Грабе напечаталъ ихъ въ Cod. pseudep. Vet. Test. tom. 1. pag. 519—748. На французскомъ языкѣ они напечатаны въ Dictionnaire des Apocryphes, tom. 1. pag. 854—918. Когда Завѣты были переведены на славянскій языкъ, неизвѣстно, но, вѣроятно, еще въ Болгаріи или Сербіи и вошли въ славянскія Палеи. Въ Памятн. Отреч. Лит. они напечатаны по двумъ редакціямъ—по краткой съ Палеи XIV в. (т. 1. стр. 96—145) и пространной—съ Палеи Моск. синод. библіотеки 1477 г. (томъ 1. стр. 146—232); кромѣ того, въ Памятн. старин. рус. литер. (ч. 3. лист. 33—38) напечатаны два завѣта—Рувима и Симеона съ Палеи 1494 г.

купцы заспорили между собою о томъ, кому долженъ принадлежать Іосифъ, и вздумали оставить Іосифа на время у одного египетскаго купца, а сами отправились въ торговое путешествіе. Богъ расположилъ сердце купца къ Іосифу, и онъ поручилъ ему управлять своимъ домомъ. Домъ купца, по благословенію Божію, наполнился золотомъ и серебромъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, пока жилъ Іосифъ. Въ это время увидѣла его *Мемфія* (Μεμφια—такъ названа жена Пентефрія) и увлеклась его красотою. Она сказала своему мужу, Пентефрію, что Іосифъ украденъ купцомъ въ землѣ Ханаанской и посовѣтовала ему осудить купца и взять Іосифа къ себѣ. «Возьми отрока къ себѣ, говорила она, да благословитъ домъ твой Богъ еврейскій, потому что на немъ почиваетъ благословеніе неба». Купецъ разсказалъ Пентефрію, какъ попалъ къ нему отрокъ, и велѣлъ ему самому испытать, кто онъ такой. Когда привели Іосифа къ Пентефрію и спросили, кто онъ такой, рабъ или свободный, Іосифъ опять сказалъ, что онъ рабъ Измаильтянъ, купленный ими въ землѣ Ханаанской. Пентефрій не повѣрилъ и велѣлъ его бить. Мемфія, которая стояла въ дверяхъ въ то время, какъ били Іосифа, убѣдила мужа взять его къ себѣ въ слуги: «она хотѣла, замѣчаетъ Іосифъ въ своемъ Завѣтѣ, видѣть меня по своей похоти, а я не зналъ объ этомъ». Но Пентефрій сказалъ, что у Египтянъ нѣтъ обычая отнимать чужое прежде изслѣдованія дѣла, и повелѣлъ пока заключить Іосифа въ темницу. Спустя 24 дня послѣ этого возвратились Измаильтяне. Они узнали, что Іосифъ сынъ Іакова, великаго мужа въ землѣ Ханаанской, и начали упрекать Іосифа за то, что онъ назвалъ себя рабомъ, и прибавили, что отецъ его скорбитъ о немъ. Услышавъ о скорби отца, Іосифъ хотѣлъ заплакать, но, чтобы не выдать и не опозорить братьевъ, онъ воздержался отъ слезъ и сказалъ, что онъ не понимаетъ, о чемъ они говорятъ, —что онъ рабъ. Боясь мести Іакова, Измаильтяне положили освободиться отъ Іосифа и продать его. Узнавъ объ этомъ, Мемфія убѣдила Пентефрія купить Іосифа и послала евнуха къ Измаильтянамъ, но евнухъ возвратился и сказалъ, что за отрока просятъ слишкомъ большую цѣну.

Мемфія послала другаго евнуха и велѣла купить его, еслибы запросили и 200 драхмъ золота. Евнухъ далъ за Іосифа 80 драхмъ, а сказалъ, что далъ 100. Весьма подробно и въ романическомъ свѣтѣ представлено въ Завѣтѣ развитіе страсти въ египтянкѣ и трудная борьба съ нею Іосифа. «Сколько разъ египтянка, говоритъ Іосифъ, угрожала мнѣ смертію, сколько разъ подвергала наказаніямъ, когда я отказывался имѣть съ нею дѣло. Она говорила мнѣ: ты будешь господствовать надо мною и надо всѣмъ, что принадлежитъ мнѣ. Но я, помня завѣтъ отцевъ моихъ, удалялся въ опочивальню и въ продолженіе 7-ми лѣтъ молился и постился». Сначала египтянка только ласкала Іосифа и говорила, что она хочетъ имѣть его вмѣсто сына, потому что у нея не было дѣтей мужескаго пола. Іосифъ помолился Богу, и она родила сына. Потомъ она уже открыла свою страсть и стала убѣждать его раздѣлить ее. Іосифъ опечалился и увѣщевалъ ее отступить отъ своей мысли; она начала хвалить Іосифа предъ мужемъ, какъ человѣка мудраго, и говорила Іосифу, что если бы кто и донесъ на него мужу, то онъ не повѣритъ. Видя, что не успѣваетъ, египтянка объявила Іосифу, что изъ любви къ нему она готова отступить отъ идоловъ и можетъ склонить къ этому и мужа; но Іосифъ сказалъ ей, что Богъ не благоволитъ къ людямъ, живущимъ въ нечистотѣ. Однажды она призналась ему, что хочетъ уморитъ своего мужа, и тогда можетъ сдѣлаться его законною женою. Услышавъ это, Іосифъ въ ужасѣ разодралъ свои одежды и заклиналъ ее не дѣлать этого беззаконія. Разсердившись, египтянка вздумала отравить самого Іосифа и послала ему кушанье съ ядомъ; но Богъ открылъ ему ея злое намѣреніе, и Іосифъ, желая показать, какъ Богъ защищаетъ надѣющихся на него, взялъ кушанье и началъ его ѣсть предъ нею; она бросилась къ нему въ ноги и начала плакать. Отъ страсти она заболѣла и говорила, что или удавится, или бросится со стѣны. Наконецъ однажды она схватила Іосифа за одежду, которая осталась у нея въ рукахъ, а Іосифъ убѣжалъ. Въ бѣшенствѣ она оклеветала его предъ мужемъ, и тотъ послѣ сильныхъ истязаній посадилъ его въ темницу. Но

страсть не успокоилась въ египтянкѣ и послѣ этого случая. Въ темницѣ Іосифъ молился и тихимъ голосомъ славилъ Господа; египтянка приходила слушать его голосъ и предлагала освободить его, если онъ согласится исполнить ея волю. Іосифъ долженъ былъ переставать молиться, когда узнавалъ, что она слушаетъ его. «За долготерпѣніе я взялъ въ супруги дочь господина моего и съ нею мнѣ дано было сто талантовъ золота». Въ Библіи (Быт. 41, 45) сказано, что Фараонъ далъ Іосифу въ жену Асенеѳу, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго. Авторъ Завѣта, очевидно, смѣшиваетъ этого Потифера, съ Пентефріемъ, начальникомъ тѣлохранителей, у котораго жилъ Іосифъ [3]). Въ концѣ Завѣта Іосифъ разсказываетъ сонъ. Онъ видѣлъ, что 12-ть оленей паслись; 10-ть изъ нихъ раздѣлились и разсѣялись по землѣ. Онъ видѣлъ потомъ, что отъ Іуды родилась Дѣва, облеченная въ полотняную одежду. Изъ нея вышелъ агнецъ непорочный, который съ лѣвой стороны былъ подобенъ льву. Всѣ звѣри устремились на него, но агнецъ одолѣлъ и ниспровергъ ихъ. И возрадовались о немъ ангелы и люди и вся земля. Разсказавъ этотъ сонъ, Іосифъ убѣждаетъ дѣтей своихъ почитать Іуду и Левія, потому что отъ нихъ произойдетъ агнецъ Божій, имѣющій спасти языки и Израиля.

Исторія о Іосифѣ прекрасномъ распѣвается въ очень подробной редакціи Каликами перехожими (Безсоновъ, I. 155—205); въ причитаньяхъ ихъ между прочимъ разсказывается, какъ купившіе Іосифа Измаильтянскіе купцы ссорятся кому владѣть имъ, хотятъ, во избѣжаніе ссоры, бросить его въ море, и наконецъ соглашаются, по его-же совѣту, продать его въ рабы въ Египтѣ. Соблазны, творимые Іосифу женою князя *Перфилія* (т. е. Пентефрія) и ея клевета на Іосифа мужу разсказываются тоже съ большою подробностію. Затѣмъ въ каличьей пѣснѣ причитается сказанье, какъ Іосифъ при первомъ свиданіи съ отцемъ поставилъ Іакову

---

[3]) Впрочемъ Оригенъ замѣчаетъ, что по еврейскимъ апокрифамъ, тесть Іосифа Потиферъ есть одно лице съ Пентефріемъ и что онъ отдалъ за Іосифа дочь свою Асенеѳу, которая открыла отцу козни матери противъ Іосифа (Порфирьевъ, 84).

вмѣсто себя столпъ,—какъ Іаковъ обнялъ этотъ столпъ и изъ обоихъ концевъ столпа сокъ выступилъ; спасибо, говоритъ Іаковъ, что ты чадо не шелъ теперь ко мнѣ въ руки; зажалъ бы я съ тоски тебя до смерти (Калики, I. 171). Въ числѣ каличьихъ пѣсней есть особые плачи Іосифа на гробѣ матери его Рахили (I. 187, 199, 204, 732). Въ XVII вѣкѣ изъ житія Іосифа была написана у насъ комедія—мистерія.

Исторія Іосифа представлена съ особенною подробностію на входныхъ дверяхъ, находящихся въ мужскомъ монастырѣ въ Устюгѣ Великомъ; эти двери составлены изъ мѣдныхъ, гравированныхъ рѣзцомъ досокъ [4]), наколоченныхъ на деревянный остовъ. Всѣхъ досокъ сохранилось сорокъ пять (было прежде 52); на нихъ вырѣзано: 1—7, семь дней творенія,—Саваоѳъ въ видѣ безбрадаго юноши, какъ и въ Библіи Кореня, 6 и 7 недостаетъ; 8, изгнаніе изъ рая: 9, Ной строитъ ковчегъ; 10, столпотвореніе Вавилонское; 11, Авраамъ покланяется троицѣ; 12, недостаетъ; 13, Авраамъ угощаетъ троицу; 14, жертвоприношеніе Авраама; 15, Авраамъ провожаетъ троицу; 16, гибель Содома; 17, изведеніе Лота; 18, Іаковъ видитъ лѣствицу; 19, Моисей видитъ купину; 20, переходъ черезъ Красное море; 21, Моисей получаетъ скрыжали; 22, жертвоприношеніе его Богу; 23—25 недостаетъ; за симъ слѣдуетъ Исторія Іосифа на 18-ти доскахъ, 26—43; рисунокъ, а частію и сюжеты другіе противъ нашихъ картинокъ, а именно: 26, Рожденіе Іосифа; 27, обрѣзаніе его; 28, Іосифъ толкуетъ видѣнные имъ сны; 29, Іосифъ посаженъ въ ровъ; 30, братья продаютъ его; 31, Іосифъ плачетъ надъ гробомъ Рахили; 32, братья Іосифа приносятъ Іакову ризы Іосифа; 33, Іосифъ бѣжитъ отъ жены Пентефрія (переводъ сходенъ съ № Ѳ нашей картинки); 34, Іосифъ толкуетъ сны въ темницѣ; 35, толкуетъ сны Фараону; 36, Фараонъ ставитъ его царемъ; 37, братья плывутъ за пшеницею; 38, Іосифъ угощаетъ

---

[4]) Такія-же гравированныя двери находятся въ Псковскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

братьевъ; 39, Іосифъ требуетъ Веньямина; 40, братья объявляютъ объ этомъ Іакову; 41, Іаковъ переселяется къ Іосифу; 42, пиръ; 43-й недостаетъ (всрединѣ).

За исторіею Іосифа слѣдуютъ изображенія 12-ти сивиллъ, очень многоличные переводы; изъ числа ихъ сохранилось девять: Самія, Персика, Фригія, Либика, Дельфика, Европея, Димаѳила, Симера (?) и Тибуртина.

Всѣ доски гравированы въ манерѣ Л. Бунина; поля канфарены и вызолочены; размѣръ досокъ около $4\frac{1}{2}$ вершковъ въ ширину и вышину; между досками проложены валики, обитые басменною мѣдью съ выгравированными и выканфаренными на ней узорами; судя по работѣ, доски эти гравированы граверомъ Оружейной Палаты второй половины XVII вѣка Леонтіемъ Бунинымъ; всѣ подписи на нихъ вырѣзаны не на оборотъ, какъ это дѣлается на доскахъ, назначаемыхъ для печатанія, а прямо.

830. **Житіе Іосифа прекраснаго.** Въ моемъ собраніи есть еще три изданія этой картины, трехлистоваго размѣра: *г* — на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ приведенная надпись вырѣзана такъ: «Іосифъ же волхвуетъ»....; въ этомъ изданіи нумеровъ на картинкахъ нѣтъ, и картинка «Іосифъ волхвуетъ» поставлена пятою, а не восьмою; *д* — новое изданіе 1830—40 гг., съ подписью: «Іωсифъ же волхвуетъ»; и *е*, изданіе того-же времени, — съ подписью: «їосиѳъ же волхвуетъ».

830 А. Прибавить: такая же трехлистовая исторія Іосифа въ 12 картинкахъ, скопированныхъ съ западныхъ образцевъ; картинки безъ нумеровъ; подъ 8-й подпись: «Іосифъ Воегипте Заготовляетъ Хлѣбъ». Въ моемъ собраніи.

834 А. Прибавить: **Моисей предъ купиною;** внизу подпись: «Не приближайся сѣмо иззуй сапоги от ногъ твоих мѣсто бо на немже ты стоиши земля свято есть. Книги 2 Моїсеовы глава 3 стихъ 5: Дѣлано: Наѳа: М: а»; на рамкѣ (рококо) картинки — монограмма: «Р: Д: П:» (Рѣзалъ Дмитрій Пастуховъ). Картинка, въ четверку,

довольно хорошо выгравирована крѣпкой водкой съ иностраннаго оригинала (Олсуф. Собр. IV. 790).

837 А. Прибавить: **Давидъ смотритъ на купающуюся Вирсавію.** Отчаянная копія (листовая) съ иностраннаго образца, гравированная на мѣди, въ концѣ прошедшаго вѣка; внизу вирши: «всѣ нравы добрые попраны здѣсь давидомъ... Гдѣ вирсавіинымъ нѣжнымъ видомъ». Въ моемъ собраніи.

840. **Пѣсни пѣсней**; скопированы А. Зубовымъ изъ библіи Пискатора (см. IV. № 809).

851. **Виѳлеемскіе младенцы** побиты по приказанію Ирода и погребены подъ алтаремъ Виѳлеемской церкви. Одинъ изъ младенцевъ, задѣланный въ гробикѣ, находится въ Кіевскихъ пещерахъ; родильницы служатъ ему молебны *ради легкихъ родовъ* (см. заключеніе).

852. Еще **Избіеніе младенцевъ.** Въ моемъ собраніи есть другое изданіе (*б*) этой картинки—копія точь въ точь, отпечатанная на синей бумагѣ 1810 года; въ концѣ заголовка читается: «четыре надесять тысячь», а въ изданіи *а*: «четыренадесяти тысящъ».

861. **Страсти, работы П. Бунина**, скопированы въ туже мѣру и сторону изъ Библіи Пискатора (см. IV. № 809), причемъ прекрасный оригиналъ Пискатора совершенно обезображенъ. №№ 1 (тайная вечеря) и 3-й (Іуда получаетъ серебреники) у Пискатора награвированы въ листъ, въ длину; Бунинъ передѣлалъ ихъ въ полъ-листа, въ вышину; №№ 18, 19 и 21 придѣланы Бунинымъ съ совершенно другихъ (иконныхъ) образцевъ.

862. **Страсти Господни.** Эти страсти, хотя и представляютъ по сочиненію большое сходство съ предыдущими (№ 861), но дѣланы съ другаго образца, а не копированы изъ Библіи Пискатора, какъ это сказано на стр. 323 (т. III); при томъ онѣ и размѣромъ меньше Пискаторскихъ.

862 А. Прибавить: есть еще повтореніе этихъ 14-ти картинокъ, гравированное рѣзцемъ въ обратную сторону; экземпляръ его находится въ собраніи кн. Вяземскаго; впереди въ немъ приложено два изображенія: Спаса (пояснаго) и Богоматери, въ красивыхъ рамкахъ (овальныхъ), составленныхъ изъ завитковъ и раковинъ,—работы граверовъ серебренниковъ.

868. Другое повтореніе (б) тѣхъ-же 16-ти картинокъ,—изданіе на синей бумагѣ 1810 года; текстъ тотъ-же, но безъ заголовковъ; картинка листовая. Въ моемъ собраніи.

870. **Страсти, трехлистовыя.** Въ этихъ страстяхъ истолкованы монограммы, которыя поставлены на разныхъ отдѣленіяхъ страстей; въ дополненіе къ нимъ присоединю другія монограммы, встрѣчающіяся на священныхъ изображеніяхъ:

млрб. Мѣсто Лобное Рай Бысть (подъ распятіемъ), по гречески: τκπγ, т. е. «Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγονε».

еннг. Елена Нашла Находку на Голгоѳѣ; по гречески: ЕЕЕЕ, т. е. «Εὕρηκεν Εὕρημα Ελένη Ἐν γολγοθᾶ».

вввч. Божіе Видѣніе Божественное Чудо; по гречески: ΘΘΘΘ, т. е. «Θέα Θεοῦ Θεῖον Θαῦμα».

дддд. Древо Даруетъ Древнее Достояніе.

нннн. Невидимая, Непостижимая, Неизрѣченная, Неизглаголанная.

пппп. Пою, Почитаю, Поклоняюсь Подножію (твоему Владыко).

цццц. Цвѣти Церковнии Цвѣтъ Церкви.

чччч. Честна, Чиста, Чтущимъ Человѣкомъ.

сссс. Спасъ Сотвори Сѣть Сатанѣ.

Эти подписи встрѣчаются въ множествѣ на стѣнахъ и иконахъ въ монастыряхъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ (Савваитовъ, Древ. одежды, 471).

870 А. Прибавить: **Страсти господни**, двухъ съ половиной листоваго размѣра, изданіе на бумагѣ 1810 года; переводъ пред-

ставляетъ повторенiе № 870, но съ нѣкоторыми измѣненiями; первая строка нижней подписи заканчивается словами: «Лавасъ воинъ логи». Въ моемъ собранiи.

870 Б. Прибавить: **Страсти господни**, четыре гравюры на деревѣ полулистоваго размѣра, очень плохой неумѣлой и грубой работы съ западныхъ оригиналовъ. Судя по смѣшенiю въ надписяхъ славянскихъ буквъ съ русскими гражданскими, доски эти рѣзаны около половины прошедшаго столѣтiя. Изображенiя и надписи на нихъ слѣдующiя:

1. «При ве доша iса хс каяф». Воинъ замахивается на Христа рукою, слѣва Каiафа раздираетъ на себѣ ризы.

2. «Сѣде пилать и унми руцѣ» (такъ). Христосъ передъ Пилатомъ, который опускаетъ одну руку въ чашу съ водой, сзади видны воины и народъ.

3. «(тер) нови вѣнець возьложиша». Три воина ругаются надъ Христомъ; двое изъ нихъ надѣваютъ на него терновый вѣнецъ, а третiй подаетъ ему жезлъ; справа сзади видѣнъ первосвященникъ.

4. «поемь пилать iс҃а и бие ει ѵ҃». Три воина бьютъ Христа: одинъ розгами, другой плетью, третiй рукою; сзади слѣва видѣнъ Пилатъ.

Эти четыре доски находятся въ музеумѣ церковно-археологическаго общества при Кiевской Духовной Академiи, куда онѣ пожертвованы Кiевскимъ купцомъ, Митюкомъ; подъ наблюденiемъ г. секретаря общества, профессора Петрова, которому музей обязанъ своимъ существованiемъ, съ этихъ досокъ сдѣланы хорошiе отпечатки.

872. Въ моемъ собранiи есть еще изданiе этой картинки (*г*), трехлистовое же, въ которомъ первая строка подписи внизу заканчивается словам: «вребро лаба[с]».

873. **Образомъ разговоровъ устроена лядина.** Этотъ листъ пользуется уваженiемъ со стороны хлыстовъ; на немъ иносказательно представлено ихъ круговое радѣнiе.

875. **Крестное знаменіе узломъ положися.** Буслаевъ въ критикѣ на кн. Снегирева (Отеч. зап. CXXXVIII. отд. III. стр. 66) называетъ *печатный листъ*, одинаковаго содержанія съ нашей картинкой, но съ значительными измѣненіями въ подробностяхъ; предлагаю полный текстъ этого листа: «Сказаніе отъ житія святыхъ отецъ како притерпѣ Христосъ Господь вольное страданіе нашего ради спасенія. Старцу единому святому, иже всегда размышляя страданія Христова горцѣ рыдаше, явися Христосъ и сказа ему подробну, како притерпѣ, и колико крове спасенія ради человѣческаго пролія. Самыхъ рече воздыханій сердечныхъ испустихь, сто девять. Кровныхъ каплей отъ тѣла моего истече всѣхъ одинадцать кратъ сто тысящей, осмь тысящей двѣсти двадцать и пять. Воиновъ вооруженныхъ, посланныхъ яти мя, сто осмьнадесять. Къ нимъ же прилучися отъ простыхъ безчинныхъ людей, двѣсти тридесять, яко быти всѣхъ, триста четыредесять и осмь. Три воина ведоша мя и пакости различныя дѣяху. За власы и браду търганъ бѣхъ и влачимъ седмь десятъ седмь кратъ. Потткновенъ падохъ на землю, наченъ онъ вертограда до Архіерея Анны, седмижды. Дланми по устамъ и ланитамъ претерпѣхъ удареній, сто пять. Пястми въ лице двадесять. Порыванъ и драченъ отъ начала страсти до конца сто семьдесятъ кратъ. Синихъ удареній имѣхъ, тысяща сто девять десять и девять. Въ ноги ударенъ быхъ сто четыредесять, въ голени тридесять два. О столпъ смертнѣ ударенъ бѣхъ единого. При столпѣ ранъ пріяхъ, тысяща шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Смертного о землю ударенія три. Егда возложиша на мя терновъ вѣнецъ, удариша мя по главѣ тростію и палицею со всей силы, четыредесятъ кратъ. Отъ тѣхъ удареній, пять остей отъ тернова вѣнца пронзоша ми кость до мозгу, отъ нихже три приломлены осташа во главѣ, съ ними же и погребоша мя. Отъ прободенія вѣнца терновнаго истече крови каплей три тысящи. А ранъ бяше въ главѣ терновымъ вѣнцемъ прободенныхъ тысящи, понеже вѣнецъ возложенъ на главу спаде разовъ осмь. Егда отъ претора веденъ быхъ на Голгоѳу, нося крестъ, падъхъ на землю пять кратъ. Тогда подъяхъ удареній

смертныхъ девять на десять и подношенъ бѣхъ отъ земли за власы, и усы, двадесять три. На землѣ лежа донележе прибитъ на крестъ и поднесенъ, плевотинъ въ лице подъяхъ семьдесятъ три. Тогда и въ выѣ удареній подъяхъ, двадесять пять. Въ лице и въ уста удариша мя пястьми разовъ пять, отъ которыхъ удареній крове изъ устъ и изъ ноздрей много истече. Тогда и два зуба избиша ми. Между очію удариша мя пястьми трижды. Терзаху за носъ разовъ двадесять, за уши тридесять. Ранъ великихъ бѣху ми седмьдесятъ двѣ. Удареній великихъ въ перси и въ главу пріяхъ, пятьдесятъ осмь. Обаче три наибольшія болѣзни тогда во страданіи своемъ имѣхъ; 1-я яко не много кающихся видѣхъ, и аки всуе кровь моя проливашеся. 2-я. Болѣзнь тяжчайшая матере моея стоящія подъ крестомъ, и горцѣ плачющія. 3-я. Болѣзнь егда въ руцѣ и нозѣ на крестѣ распенше пригвоздиша мя. Яко сбытися реченію Давида пророка: «исчетоша вся кости моя». Подобный этому переченъ есть и во французскихъ народныхъ изданіяхъ, подъ заглавіямъ: «Райскій ключъ и путь къ небу, или откровеніе, данное самимъ Іисусомъ Христомъ святой Елизаветѣ, святой Бригитѣ и святой Мельхидѣ, которыя желали освѣдомиться о числѣ ранъ, полученныхъ имъ во время страстей его» (Nisard, Hist. des livres pop., II. 7—9); начало въ немъ такое: «внемлите мнѣ сестры! За васъ пролилъ я 62.000 слезъ и капель крови въ Гефсиманскомъ саду 97.307. Я принялъ на свое святое тѣло 1.666 ударовъ; по моимъ нѣжнымъ ланитамъ 110 ударовъ» и т. д. (всрединѣ включена легенда о св. Вероникѣ); въ возмездіе за все это видѣлъ я толко одинъ подвигъ милосердія отъ св. Вероники, которая убрусомъ отерла мое лице. И на этомъ убрусѣ моею кровью отпечатлѣлось мое изображеніе». Въ концѣ помѣщено увѣреніе въ отпущеніи грѣховъ и въ другихъ спасительныхъ льготахъ тому, кто будетъ читать «Райскій ключъ» въ теченіе сорока дней (Буслаевъ, стр. 68).

Изъ святыхъ останковъ (реликвій) отъ страстей Господнихъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ хранится одинъ изъ гвоздей, которыми Христосъ былъ распятъ; на Западѣ такіе останки по-

казываются во множествѣ [1]); тамъ сохранился и цѣлый рядъ легендъ о ихъ происхожденіи.

Въ романѣ Мерлина разсказывается, что онъ сдѣлалъ, по заказу короля Артура, круглый столъ, а въ немъ мѣсто для Saint Grahl (Greol) или чаши, изъ которой Спаситель причастилъ апостоловъ во время тайной вечери. Въ эту же чашу во время распятія Христова была собрана Іосифомъ кровь его. Чаша эта впослѣдствіи привезена Іосифомъ въ Англію и за тѣмъ потеряна; рыцари круглаго стола долгое время отыскивали ее по желанію Артура и подвиги ихъ послужили предметомъ для цѣлаго ряда романовъ. Отыскалъ ее наконецъ рыцарь Персиваль; у него она и хранилась. Въ день смерти этого рыцаря св. чаша, а также и святое копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель на крестѣ (и серебряное блюдо) улетѣли на небо (Dunlop. 469) *). Существуетъ пространная легенда Іоанна Гильдесгеймскаго (1375 г.) о 30 серебренникахъ, которые были первоначально поднесены Христу царемъ Мельхіоромъ, а впослѣдствіи были уплачены Іудѣ за предательство (Le Roman du Saint Graol, publié pour la première fos par Francisque Michel. Bordeaux 1841. 8°). По этой легендѣ серебреники были вылиты по приказанію Месопотамскаго царя Нимиса, отцемъ Авраама Таномъ; они перешли въ руки Авраама, который купилъ на нихъ въ Евронѣ землю для погребенія своихъ родныхъ. За эти тридцать монетъ Пентефрій купилъ Іосифа; во время голода братья Іосифа принесли ихъ назадъ въ Египетъ въ уплату за хлѣбъ; по смерти Іакова деньги эти были отосланы царицѣ Сабѣ за купленное у нея для погребенія мvро; Саба принесла ихъ въ даръ Соломону; по смерти же Соломона и по разо-

---

[1]) О многихъ изъ нихъ занесено въ записки русскихъ путешественниковъ и жизнеописанія святыхъ; такъ напримѣръ, въ прологѣ, изд. въ Москвѣ въ 1643 г., находится подробное жизнеописаніе препод. Михаила Малеина, который былъ въ Хиландарѣ и видѣлъ тамъ въ стеклянномъ крестѣ кровь Спасителя, власы изъ брады его, св. пелены и крестъ.

[2]) Генуезцы хвалились, что получили чашу изъ Іерусалима въ XI в.; они показывали ее Лудовику XII (Grässe 138 ff; сравните о нерукотворенномъ образѣ прим. къ № 1062).

реніи Іерусалима монеты перешли въ собственность одного Арабійскаго короля, отъ котораго перешли по наслѣдству къ Мельхіору. Богородица завязала эти монеты, а также и принесенные Спасителю мvро и ладонъ въ платокъ, и потеряла ихъ въ пустынѣ; пастухъ поднялъ все это и долгое время хранилъ, никому не показывая. Однажды онъ сильно заболѣлъ, и узнавши, что въ Іудеѣ есть Христосъ, который исцѣляетъ всѣ болѣзни, отправился туда; Христосъ исцѣлилъ его; въ благодарность пастухъ поднесъ ему найденные имъ монеты и дары. Затѣмъ по указанію Христа они были пожертвованы въ храмъ и впослѣдствіи выдапы жрецами Іудѣ, продавшему Христа; по возвращеніи отъ него, половина монетъ пошла на уплату воинамъ, сторожившимъ гробъ Спасителя, а другая половина обращена на покупку кладбища для бѣдныхъ богомольцевъ. Изъ мvра было приготовлено горькое питье, которымъ былъ напоенъ распятый на крестѣ Христосъ; другая часть мvра была употреблена Никодимомъ на умащеніе тѣла Спасителя, при его погребеніи. Въ писаніи эти тридцать монетъ Мельхіора несправедливо названы серебрениками: онѣ были вылиты изъ самаго чистаго аравійскаго золота, на одной сторонѣ имѣли изображеніе царской головы въ лавровомъ вѣнкѣ, а на другой халдейскую надпись, которую въ настоящее время никто прочесть не можетъ.

882—888. **Судъ надъ Спасителемъ.** Переводъ этой картинки имѣетъ большое сходство съ переводомъ такого же Суда, гравированнымъ на деревѣ, на восьми доскахъ, и изданнымъ въ половинѣ XVI вѣка Георгомъ Лангомъ въ Нюренбергѣ (до $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и до 1 арш. вышины). Фигура Спасителя, сидящаго въ терновомъ вѣнцѣ со связанными руками, вполнѣ схожа съ русскимъ переводомъ; всрединѣ судей (24-хъ) сидитъ Пилатъ, а справа Каіафа; судьи клеймъ съ надписями не имѣютъ; вдали виденъ народъ, требующей смерти Спасителя. Копія съ верхней части этого рѣдчайшаго листа (четыре доски) помѣщена въ: Galerie der Meisterwerke altdeutscher Holzschneidekunst. Eye und

Falke. Nürnberg 1857. Gr. fol. [1]). Имя одного изъ судей «Иозеоба» Буслаевъ читаетъ: *Іозефъ* (Очерки, II. 63). Картинка суда надъ Христомъ продавалась въ 1718, изъ казенной книжной лавки, по 6 денегъ (Пекарск., Наука и Лит., II. 694).

Въ текстѣ № 885 говорится, что начертаніе этого суда надъ Спасителемъ вырѣзано на доскѣ, которая найдена въ Вѣнѣ; Буслаевъ полагаетъ, не замѣненъ ли здѣсь французскій городъ Vienne австрійскою столицею?—такъ какъ средневѣковыя преданія ставятъ личность Пилата въ связи съ Франціею и именно съ городомъ Вьѣнпою. Одни разсказывали, что Пилатъ родился въ Ліонѣ, другіе—въ Майнцѣ; что будто-бы мать его звали Пила, а отца (дѣда) Атъ, отчего и составилось имя Пилатъ; что будто-бы Тиберій, разгнѣванный на Пилата за то, что онъ выдалъ Христа на мученіе, вызвалъ его къ себѣ изъ Іерусалима и заточилъ въ Вьѣннѣ (a Tiberio in exilium Viennam Burgundiae mittitur), гдѣ онъ и умеръ, будто-бы въ то время, когда мылъ свои руки; жители и доселѣ показываютъ его могилу. По другимъ преданіямъ, разгнѣванный Тиберій вызвалъ къ себѣ Пилата, и тотчасъ-же смягчился и ничего не могъ ему сдѣлать, потому что Пилатъ имѣлъ на себѣ ризу Іисусову, и только тогда погибъ, когда ее сняли съ него. Было еще преданіе, что тѣло Пилата брошено въ море (иначе въ рѣку) и что отъ зловонія его околѣли всѣ рыбы, а корабли тонули, подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ оно было погружено (Massmann, Kaiserchronick, III. 594.—Буслаевъ, Отеч. Зап., CXXXVIII. отд. III. стр. 65).

Въ русскихъ легендахъ сохранилось преданіе, занесенное въ апокрифическія «страсти», будто бы, по вознесеніи Христа, пришли къ Кесарю въ Римъ сотникъ Логинъ, сестры Лазаря, Маѳа и Марія, и Марія Магдалина, и повѣдали о чудесахъ Христа; будтобы Логинъ имѣлъ на себѣ Іисусову ризу, и оттого, когда входилъ въ палаты Кесаря, производилъ въ нихъ страшное трясеніе и коле-

---

[1]) Въ Акад. Наукъ (русск. библ.) есть новая нѣмецкая картинка, съ такою же подписью, что и на картинкѣ Матвѣева, но другаго перевода.

баніе; будто бы самъ Кесарь утерся этою ризою, исцѣлился отъ гнойныхъ струповъ на лицѣ, увѣровалъ въ Христа и крестился; потомъ призвалъ къ себѣ въ Римъ Пилата, Анну и Каіафу, для того, чтобы предать ихъ казни. Когда палачъ готовился отсѣчь голову Пилату, этотъ послѣдній обратился ко Христу съ теплою молитвою и раскаяніемъ, и былъ казненъ, уже примиренный съ Богомъ. «Ангелъ Господень сниде съ небесе и взя главу его и паки взыде на небо. Сіе же чудо видѣвъ Кесарь, повѣлѣ погребсти тѣло Пилатово съ великою честію» (Буслаевъ, тамъ-же, стр. 66). У Тишендорфа сказано, что Пилатъ, присуждая Христа къ смерти, дѣйствовалъ по принужденію; потомъ раскаялся и претерпѣвалъ всякія мученія; по этому онъ и жена его Прокла причислены къ лику праведныхъ. Іосифъ Аримаѳейскій *вѣчно живетъ* въ Арменіи (Tischendorff, Pilati circa Christum judicio... Leipzig 1855, 458). По замѣчанію, занесенному въ одинъ хронографъ XVII вѣка, Каіафа былъ застрѣленъ на охотѣ Кесаремъ, который принялъ его за оленя (Поповъ, Хроногр.; II. 81) [2]).

Сравни въ Православ. обозр.: О томъ, какъ Императоръ Тиверій принялъ донесеніе Пилата объ Іисусѣ Христѣ (1838. II. 81) и о самоубійствѣ Пилата (1838. II. 90).

882 А. **Соборъ и суда изрѣченіе.** Новѣйшее повтореніе (1820—30 гг.) картинки № 882, въ листовомъ же размѣрѣ; надписи у судей передѣланы на русскій языкъ, напримѣръ: «раванъ: но для чего-же учредили законъ ежели не ради сохраненія онаго». Въ моемъ собраніи.

882 Б. Прибавить: **Христосъ, сидящій на гробницѣ** (надпись: «гробъ гд҃нь»); въ рукахъ у него трость; по сторонамъ—орудія страстей; вверху: «гд҃ь Саваоѡвъ», а справа надпись: «ѡц҃ъ на сп҃а свыше призираше во царство его призываше іс҃ъ по кресто^м се-

[2]) Сказаніе Страстей Христовыхъ подробно разобрано Ѳ. Булгаковымъ въ Памятникахъ древней письменности, стр. 153.

дяша страсти своя помышляше багряницу терновецъ на себѣ ношаше». Листовая картинка, грубой работы на деревѣ; оригинальная доска находится у извѣстнаго археолога Голышева; она гравирована съ двухъ сторонъ; отпечатки съ нея приложены къ брошюрѣ Голышева: «Оттиски съ двухъ старинныхъ гравировальныхъ досокъ, съ изображеніемъ: Распятія Христова и Іисусъ Христосъ, сѣдящій на гробѣ въ багряницѣ» (Владимір. Губ. типогр. 1879). См. № 900 Б.

889. **Несеніе креста**; текстъ заимствованъ изъ поученія Тихона, епископа Воронежскаго (Снегир., Луб. карт., 35).

892. **Распятіе.** Кресты, на которыхъ были распяты Христосъ и разбойники, были сдѣланы изъ райскаго дерева; по славянскимъ апокрифамъ, происхожденіе этого древа объясняется слѣдующимъ образомъ: когда Господь садилъ въ раю деревья (виноградъ), Сатанаилъ кралъ отъ него тихонько отсадки (по другому пересказу *сѣмена*) и сажалъ особо; и выросло отъ тѣхъ отсадковъ дерево. Но дерево это выгнало Сатанаила изъ рая, и почернѣлъ Сатанаилъ. Дерево же разрослось на три ствола: средній въ Божье имя, другой стволъ Адама, третій Евинъ. Средній стволъ отданъ Сифу ангеломъ, изъ него тотъ сдѣлалъ вѣнокъ Адаму, въ которомъ онъ и погребенъ; впослѣдствіи стволъ этотъ проросъ въ большое древо, [1]) изъ котораго былъ срубленъ крестъ, на немъ-же былъ распятъ

---

[1]) Въ другой легендѣ о путешествіи Сиѳа въ рай (Жизнь Господа нашего Іисуса Христа), бывшей въ ходу на Западѣ въ средніе вѣка, разсказывается, что въ раю Сиѳъ получилъ отъ ангела не вѣтвь отъ древа познанія, а три зерна, которыя онъ и положилъ въ ротъ умершаго Адама; изъ этихъ зеренъ выросли три прекрасныя дерева, и каждое изъ нихъ имѣло особый родъ кедра, кипариса и певга (Порфирьевъ, 111); изъ нихъ то и сдѣланъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Въ церкви св. Креста, во Флоренціи, живописецъ XIV вѣка Аньоло Гадди написалъ исторію креста въ лицахъ, какъ Сиѳъ сажаетъ вѣтку райскаго древа надъ тѣломъ Адама, и какъ Сабская царица узнаетъ святое древо въ бревнѣ, положенномъ черезъ рѣку, и покланяется ему (Бусл. Р. В. CIV. 638).

Спаситель. Евино древо, во время потопа, уплыло изъ рая въ пустыню, гдѣ нашелъ его Моисей, который насадилъ его вѣтви крестообразно на Морской рѣкѣ и усладилъ тѣмъ воды оной; изъ этихъ вѣтвей выросло то древо, на которомъ былъ распятъ невѣрный разбойникъ. Адамово же древо упало въ рѣку Тигръ, которая вынесла его изъ рая на пески; Сиѳъ, желая сотворить память по отцѣ своемъ Адамѣ, зажегъ то древо; зажженный имъ огонь горѣлъ непрестанно, и лютые звѣри стерегли его. Когда Лотъ согрѣшилъ съ дочерьми своими, и пришелъ покаяться предъ Авраамомъ, Авраамъ приказалъ ему принести три головни отъ Ниловой рѣки, которыя стерегутъ звѣри, посадить эти головни и поливать ихъ; когда выростетъ изъ нихъ дерево и дастъ плодъ, тогда и грѣхъ его будетъ прощенъ Господомъ. Такъ и сдѣлалъ Лотъ: досталъ три головни и выростилъ изъ нихъ большое дерево, на которомъ былъ распятъ впослѣдствіи благоразумный разбойникъ (Тихонравовъ, Памятн. Отреч. Литер., I, 305—313)[2]. Легенда эта заимствована изъ Фабриція [3]), но тамъ говорится, что изъ Адамова дерева былъ срубленъ крестъ для самаго Спасителя, а не для благоразумнаго разбойника; такую-же развязку находимъ и въ русскомъ апокрифическомъ сказаніи Севирьяна, епи-

[2]) Объ отношеніяхъ вѣрнаго или благоразумнаго разбойника ко Христу существуетъ въ нашихъ апокрифахъ слѣдующая легенда: во время бѣгства Іосифа съ Богородицею, Спасителемъ и Іаковомъ братомъ Божіимъ въ Египетъ отъ преслѣдованія Ирода, они были пойманы двумя разбойниками. У этихъ разбойниковъ были жены; одна изъ этихъ женъ была уже 6-й день сильно больна и не могла кормить своего ребенка, который умиралъ съ голоду; жена другаго разбойника была объ одномъ соскѣ и могла прокормить только одного своего ребенка. Разбойникъ первой жены обѣщалъ не дѣлать худа бѣглецамъ, лишь бы Богородица «воздоила» его ребенка. И «воздои Богородица разбойничье отроча». Впослѣдствіи сыновья разбойниковъ сдѣлались сами разбойниками и были распяты по сторонамъ Спасителя; одинъ изъ нихъ Дизманъ, тотъ самый, котораго воздоила Богодица, призналъ Христа и былъ спасенъ, другой-же, именемъ Геста, не познать Бога, и погибъ (Сказаніе св. Григорія Богослова о крестѣ... Въ Румянц. сбор. XV в. № 358: Памятн. стар. лит., III. 79). Эпизоды изъ этой легенды написаны на стѣнахъ въ одномъ изъ придѣловъ Суздальскаго собора.

[3]) А Фабриціемъ она заимствована изъ примѣчаній къ хроникѣ Глики (Cod. Vet. Test. I, 428—431. Порфирьевъ, 114).

скопа Авасильскаго (т. е. Гавальскаго), «о древѣ спасеннаго креста гдѣ обрѣтается и како бысть»[4]). Въ одномъ спискѣ этого сказанія, напечатанномъ въ Памятникахъ старинной русской литературы (III. 82), головни приноситъ и поливаетъ, по совѣту Авраама, не Лотъ, а просто мужъ грѣшникъ, сидѣвшій у мѣста впаденія рѣкъ Иора и Дана въ рѣку Іорданъ. Древо это имѣло три ствола отъ одного кореня; за тѣмъ три ствола эти срослись въ одно дерево, а на высотѣ дерева оно опять раскинулось на три вѣтви. Соломонъ, поставивъ его въ храмъ, украсилъ 30-ю вѣнцами, каждый цѣною въ 30 серебрениковъ; одинъ изъ тѣхъ вѣнцовъ былъ назначенъ ученику Христову за преданіе Спасителя; изъ самого же древа былъ срубленъ крестъ, на которомъ распятъ Спаситель. Древо это имѣетъ естество трехъ деревъ: елоя, кедра и кипариса. Есть еще третья редакція легенды о крестномъ древѣ, принадлежащая, по замѣчанію А. Веселовскаго (Истор. Лит. Галахова, 469), Богомильскому изводу, гдѣ древо, на которомъ былъ распятъ Спаситель, произошло изъ древа Евинова, которое насадилъ Моисей при Морской рѣкѣ, сказавъ: «се образъ Святыя Троицы древо будетъ спасенію, се древо жизни, на семъ древѣ святый истинный вознесется отъ рукы ждущихъ спасенія, и осудятъ старѣйшины жидовскыя, іереи Старци людьстии хотящаго судити всему миру, живымъ и мертвымъ. Се слово Моисеи прорече о крестѣ».

Относительно того, какъ попали райскія деревья въ Іерусалимъ, въ нашихъ апокрифахъ существуютъ слѣдующіе разсказы: когда Соломонъ строилъ храмъ, то Господь далъ ему перстень— «да обладаетъ бѣсы всѣми». Когда пришло дѣло покрыть храмъ, онъ приказалъ срубить для того дерево, которое посадилъ Моисей на Мѣрѣ рѣкѣ; дерево это, во время перевоза, потонуло въ

[4]) Хотя въ сборникѣ Комберфиза, между сочиненіями Іоанна Златоустаго, дѣйствительно напечатано слово о крестѣ Северіана Гавальскаго: in pretiosam et vivificam crucem, но въ этомъ словѣ нѣтъ сказанія о трехъ головняхъ, поливаемыхъ Лотомъ, и ничего не говорится о происхожденіи дерева, на которомъ былъ распятъ Спаситель (Порфирьевъ, 113).

Іорданѣ. Тогда Соломонъ перевезъ для храма другое дерево— «иже израсти отъ трехъ главенъ»; но и это дерево не могли уставить на храмѣ. Услышавъ это, пришла посмотрѣть на древо Сивилла «и сѣдоша на древо, и подпали ихъ огнь». Тогда Сивилла и народъ возопили: «о треблаженное древо, на немъ же распятися (хощетъ) Царь и Господь». Въ это время одинъ плотникъ именемъ Елисей, работая на Іорданѣ уронилъ въ воду сѣкиру, и сѣкира его «улучи въ первое древо», которое потонуло во время перевозки; древо это было вынуто изъ воды, но не пригодилось для храмовой крыши. Тогда Соломонъ, узнавъ отъ «демоновъ иже держаша печать Господню», что въ Едемѣ есть еще древо, выросшее изъ главы Адамовой, завѣщалъ ихъ печатью Господнею (яже ми дастъ Богъ) [5]), принести его изъ Едема. Демоны добыли это древо и вмѣстѣ съ Адамовою главою, въ которую проросли коренья, принесли его къ храму [6]); но и это древо не пригодилось для храма [7]). Сначала Адамову голову не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ вниманія; но однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ засыпать пещеру кам-

---

[5]) См. печать Царя Соломона, картинка № 798.

[6]) Migne, Dictionnaire des Apocryphes (tome I, page 387—389). Здѣсь указано содержаніе и дальнѣйшая исторія деревъ, выросшихъ изъ головы Адама: «Моисей нашелъ эти три дерева и принесъ ихъ къ Чермному морю; Давидъ перенесъ ихъ въ Іерусалимъ съ торжественной церемоніей, при звукѣ инструментовъ; при этомъ деревья издавали чудное благоуханіе, всѣ больные получали отъ нихъ исцѣленіе. Давидъ посадилъ ихъ въ цистернѣ и обложилъ желѣзными обручами. Соломону, при построеніи храма, понадобилась балка въ 30-ть локтей; онъ приказалъ срубить кедръ, но дерево оказалось слишкомъ коротко и не годилось для той цѣли, для которой было срублено. Соломонъ велѣлъ положить его въ храмѣ. Іудеи, по злобѣ, бросили святое древо въ купель и потомъ сдѣлали изъ него мостъ. Приходившая въ Іерусалимъ царица Савская узнала святое дерево, и потому не хотѣла идти по этому мосту. Іудеи впослѣдствіи сдѣлали изъ этого дерева крестъ, чтобы распять на немъ Господа» (Порфирьевъ, 111).

[7]) Соломонъ поставилъ всѣ добытыя деревья въ церкви, и спросилъ демоновъ: повѣдайте ми, колико есть отъ Іерусалима до Едема? Отвѣщаста же демоны): ҂н҃ѯг мили сіи рече ҂҂л҃҂всѕ поприщъ (Памятн. Кушелева. III 8).

нями, изъ коихъ образовалась Голгоѳа. Когда Іудеи предали Іисуса Христа на распятіе съ двумя разбойниками, Пилатъ велѣлъ сдѣлать три креста изъ тѣхъ трехъ деревъ. Крестъ Спасителя былъ водруженъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась голова Адамова; во время распятія Спасителя, кровію изъ ранъ его и водою изъ прободеннаго ребра крестился Адамъ (т. е. голова его, находившаяся подъ крестомъ) и освободился отъ клятвы [8]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ расказовъ, а равно и легенды о насажденіи крестнаго древа Сатанаиломъ и о происхожденіи его отъ Евиной поросли,—разсказовъ приписываемыхъ Болгарскому попу Богомилу,—послѣдователи его, Богомилы, считаютъ, что крестъ измыслили демоны, чтобы погубить Христа, и называютъ его враждой Богу; вмѣстѣ съ тѣмъ они не покланяются и иконамъ, почитая такое поклоненіе за идолопоклонство (Порфирьевъ, 138).

893 А. Прибавить: **Распятіе**, съ виршами внизу: «и будетъ знамение гдѣ глагωлаше влунѣ и звѣзда[х] и что бг҃ъ нп҃ъ пре[д]видяше се видѣлъ встра[с]те[х] яко сл҃нце втму смѣ[ло] преложитися лунѣ вкровь потреб[а] было Се видѣлъ после что дне[с] стрела возлетела якъ ѿ лука ѿ луны всве[т] сл҃нца вперна[х]». Листовая гравюра на мѣди, въ манерѣ И. Любецкаго. Въ моемъ собраніи.

900 А. **Распятіе.** Прибавить: такое же распятіе съ Богородицей и Іоанномъ; картинка листовая, внизу подпись: «Стояху же при кресте ӏсусове мати его и сестра матери его мария магдалина и мария

---

[8]) Изложеныя сказанія о главѣ Адамовой и о крестномъ древѣ ходили на Востокѣ и въ устныхъ преданіяхъ. Въ XII в. нашъ игуменъ Даніилъ слышалъ въ Іерусалимѣ преданіе о главѣ Адамовой и внесъ его въ свое путешествіе: «и ту», говоритъ онъ, описывая мѣсто распятія Спасителя, «былъ водруженъ крестъ Христовъ. Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть Духъ свой тогда раздрася церковная катапетазма, и каменія распадеся, тогда же той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и омы грѣхи рода человѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего времени».

клеопова исусъ|» . . . . (3 строки). Въ моемъ собраніи. Подножіе у креста съ правой стороны приподнято и главу Спасъ склонилъ на десную сторону: «да преклонитъ вся языки вѣровати въ него; десную же ногу облегчи: «да облегчатся грѣхи вѣрующихъ въ него»; а лѣвую отягчи: «яко невѣрующіе въ него отягчаютъ и снидутъ въ адъ». О монограммахъ см. прим. къ № 870.

900 Б. Прибавить: **Распятіе** съ предстоящими Евангелистомъ Іоанномъ и Богоматерью; изъ подножія креста проросло виноградное дерево; вверху изображеніе луны и солнца, а вдали видѣнъ Іерусалимъ. Надписи въ двухъ круглыхъ клеймахъ по сторонамъ креста: «гл҃а матери се сн҃ъ твои» и «гл҃а ученику се мати твоя»; на подножіи креста: «мѣ͠сто лобно раи быть». Листовая картинка, грубо вырѣзанная на деревѣ; оригинальная доска находится у И. Голышева; гравирована съ двухъ сторонъ *); отпечатки съ нея приложены къ брошюрѣ И. Голышева: «Оттиски съ двухъ старинныхъ гравировальныхъдосокъ, съ изображеніемъ Распятія Христова и Іисусъ Христосъ, сѣдящій на гробѣ въ багряницѣ» (Владим. Губ. типогр. 1879 г.). Въ другой брошюрѣ г. Голышева: «Новыя пріобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзьбы на деревѣ» (Владиміръ 1878 г.) помѣщены два отпечатка: 1) съ деревяннаго рѣзнаго *креста*, который, какъ видно изъ подписи на немъ, построенъ лѣта ҂зри (1600) рабомъ Божіемъ Яневымъ, и 2) съ деревянной рѣзной доски съ молитвой, на которой всрединѣ написано красками распятіе. Надписи на крестѣ и вокругъ доски съ распятіемъ, а также и молитва, вырѣзаны *прямо*, а не на оборотъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что и крестъ и доска сдѣланы не для печатанія, а для постановки ихъ на ряду съ образами.

925. **Азъ есмь лоза.** Прибавить: у меня два изданія этой картинки—*а* и *б*; въ изданіи *а*—земля слѣва отъ креста, на которомъ

*) На другой сторонѣ вырѣзанъ Спаситель въ багряницѣ, описанный подъ № 882 Б.

распятъ апостолъ Симонъ, тушевана въ одну черту; въ изданіи *б*—она тушевана въ двѣ черты, въ клѣтку. Переводъ № 925 совершенно сходенъ съ № 920.

926 А. Прибавить: **«Азъ есмь лоза, Выже Рождіе»**—всрединѣ распятый Спаситель; слѣва ангелъ собираетъ въ чашу его кровь; кругомъ, въ 12-ти клеймахъ, перевитыхъ вѣтвями,—мученія апостоловъ. Въ моемъ собраніи.

938 А. Прибавить: **Изображеніе пятиглаваго собора** (видны только три главы), внутри коего—три креста; кругомъ въ четыреугольной рамкѣ надпись: «Крестъ твой Господи жизнь и заступленіе людѣмъ твоимъ есть и нань надѣющеся тебе распятаго бога нашего поемъ помилуй насъ». Подлинная деревянная доска находится у И. Голышева; отпечатокъ съ нея (8°) приложенъ къ его статьѣ: «Новыя пріобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзьбы на деревѣ. Владиміръ 1871».

940. **Антиминсъ 1680 года**, въ 9 фигуръ, сходенъ по переводу съ образомъ «не рыдай меня мати», находящимся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ и писаннымъ въ 1554 году Псковскими иконописцами: Останею, Якушкою и Семеномъ Высокимъ Глаголемъ (См. мою Исторію русскихъ школъ иконописанія, въ VIII томѣ Запис. Археолог. Общ., стр. 169); фигуръ въ немъ тоже девять: Богоматерь поддерживаетъ Спасителя за голову, Іосифъ лобзаетъ его ноги;—они полагаютъ тѣло его во гробъ, Іоаннъ Богословъ наклонился къ тѣлу Спасителя; слѣва двѣ жены мироносицы, справо Никодимъ, а сзади два ангела. Антиминсъ этотъ освящался въ 1661—1703 гг. (Никольскій, 178); оригинальная оловянная доска (гравюра вырѣзана на ней обронно, какъ на деревянной доскѣ), которою онъ печатанъ, сохраняется въ Московской Сунодальной типографіи; она была вырѣзана казначеемъ Знаменскаго монастыря, іеромонахомъ Іасафомъ, въ 1678 году за 30 рублей, по рисунку, сдѣланному знаменщикомъ старцемъ Паи-

сіемъ. Въ дѣлахъ Синодальной конторы упоминается еще объ антиминсной доскѣ, вырѣзанной Алексѣемъ Нефедьевымъ, который вступилъ въ рѣзцы въ типографію въ 1661 году, а выбылъ изъ нея въ 1692 (См. мою книгу: Русскіе граверы, стр. 363 и 368).

945 А. Прибавить: Положеніе во гробъ, въ 10 фигуръ, сходное съ предыдущимъ,—«с҃ іоаннъ б҃гослосъ» наклонился надъ Спасителемъ. Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ; изданіе на бумагѣ 1810 года. Въ моемъ собраніи.

946 А. Прибавить: такой же переводъ въ 10 лицахъ; картинка двухлистовая 1820—30 гг.; подпись внизу: «Положеніе Во гробъ|Г҃да Бога и спаса|нашего іисуса хри с та». Въ моемъ собраніи.

953 А. Прибавить: Антиминсъ въ 9 фигуръ, гравированный на деревѣ; академическаго рисунка, половины прошедшаго столѣтія. Въ углахъ поясныя изображенія Евангелистовъ, а по сторонамъ орудія страстей; вверху и внизу пустыя мѣста для надписей. Въ моемъ собраніи.

954 А. Прибавить: мною куплена въ 1879 г. эта же картинка (изданіе *а*) безъ цензурной помѣты; затѣмъ № 954 слѣдуетъ назвать изданіемъ *б*.

Антиминсъ [1]),—пелена, освященная архіереемъ и полагаемая на престолъ при совершеніи литургіи,—упоминается у духовныхъ писателей уже въ VIII вѣкѣ На Московскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1675 году, указано было полагать антиминсъ на каждый престолъ, хотя бы престолъ былъ освященъ архіереемъ лично: въ этомъ послѣднемъ случаѣ мощей въ антиминсъ не зашивали.

Дошедшіе до насъ древнѣйшіе антиминсы (XII в.) сдѣланы изъ холста; изъ холста же дѣлались они и до конца XVIII вѣка, что видно между прочимъ изъ указа 1766 г. (Полное Собр. Зак. т. XVII; № 12. 379), которымъ запрещалось брать какіе либо

[1]) Собственно *освященная пелена*, замѣняющая освященный престолъ.

поборы при освященіи церквей, кромѣ 50 коп. за холстъ, при отдачѣ антиминсовъ. Но въ тоже время, еще ранѣе XVIII вѣка, стали входить въ употребленіе антиминсы, отпечатанные на шелковыхъ матеріяхъ. До нашего времени сохранились два антиминса на атласѣ: одинъ 1655 года въ Ростовскомъ Авраміевскомъ монастырѣ, другой 1652 г. въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Указомъ 6 апрѣля 1722 г. уже предписывалось имѣть антиминсы печатные на приличной матеріи; а указами 16 іюля 1704 г., 31 іюня 1753 г. и 28 августа 1794 года рекомендовались антиминсы на атласѣ. Но въ 1862 году св. Синодъ снова дозволилъ приготовленіе холщевыхъ антиминсовъ наряду съ атласными. Одновременно съ антиминсами, отпечатанными на шелковой матеріи и холстѣ, появляются антиминсы, отпечатанные на писчей бумагѣ; въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора есть такой антиминсъ, освященный для служенія въ 1653 году, а въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ такой же антиминсъ, освященный въ 1650 году (Историч. опис. Лаврент. монаст., Іеромонаха Леонида. Калуга 1862, стр. 37).

Рисунки, сдѣланные отъ руки и помѣщаемые на антиминсахъ до половины XVII вѣка, состояли изъ изображеній: креста осьмиконечнаго (1623—1644 г.), съ подножіемъ (1610—1658), съ копьемъ, тростію и губою (1515—1654), и наконецъ съ Адамовою головою (1558—1667 г.); креста шестиконечнаго на подножіи (1581—1627); креста четырехконечнаго (1623); креста семиконечнаго съ копіемъ, тростію, Голгоѳою и головою Адама, согласно съ изображеніемъ его въ требникѣ 1651 г. (Москва); наконецъ вовсе безъ всякихъ изображеній (1551—1612).

Съ XVII вѣка печатные антиминсы начали вытѣснять ручные; а въ указныхъ статьяхъ патріарха Адріана (1697 г.) предписано было вездѣ въ церквахъ имѣть антиминсы печатные, новые [2]).

[2]) Свѣдѣнія эти по большей части заимствованы много изъ обширнаго труда священника Никольскаго объ Антиминсахъ, снабженнаго многочисленными примѣчаніями и рисунками (Спб 1872).

На древнѣйшемъ печатномъ Кіевскомъ антиминсѣ 1627 года изображена гробница, въ которой стоитъ, по поясъ, Спаситель, опирающійся на края ея; сбоку стоитъ чаша, въ которую льется его кровь [3]); сзади большой крестъ; по сторонамъ два ангела съ копьемъ и губою, а по четыремъ угламъ картины четыре Евангелиста. Подлинникъ находится въ ризницѣ Александро-Невской Лавры; снимокъ съ него приложенъ къ изслѣдованію объ Антиминсахъ священника Никольскаго (№ 1). Точно такое-же изображеніе находится и на антиминсѣ, освященномъ въ 1637 году Сильвестромъ Косовымъ, епископомъ Мстиславскимъ, Оршанскимъ и Могилевскимъ. Подлинникъ находится въ Уфимскомъ соборѣ (Уфимск. Губ. Вѣд. 1865 г. № 35; статья г. Игнатьева).

Въ ризницѣ Александро-Невскаго монастыря сохранился печатный антиминсъ простѣйшаго перевода, московской работы, освященный въ 1668 году (см. снимокъ, приложенный къ книгѣ священника Никольскаго, рис. 2. стр. 165); на немъ изображенъ семиконечный крестъ на подставкѣ (Голгоѳѣ), подъ нимъ Адамова голова, а по сторонамъ копье и губа, съ обычными надписями. За тѣмъ на всѣхъ прочихъ антиминсахъ, печатавшихся во второй половинѣ XVII вѣка, изображено положеніе во гробъ, которое перешло на антиминсъ, по справедливому замѣчанію священника Никольскаго, съ шитыхъ плащаницъ и воздуховъ, такъ какъ переводы шитыхъ изображеній въ большинствѣ случаевъ сходятся съ переводами печатными [4]).

---

[3]) Этотъ переводъ чисто западнаго католическаго пошиба не былъ принятъ для нашихъ антиминсовъ.

[4]) К. Невоструевъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Археолог. Общ. (VI томъ) сравнительное описаніе пяти такихъ плащаницъ: 1) плащаницы Митрополита Фотія 1410—1431 г., 2) Новгородскаго Софійскаго собора, шитой въ 1456 г., 3) шитой въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ въ 1545 г. 4) положенной кн. В. А. Старицкимъ въ Троицкую-Сергіеву лавру въ 1561 г. и 5) имъ же въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь въ 1568 году. Во всѣхъ пяти плащаницахъ Спасителя поддерживаетъ за ноги св. Іосифъ, а за голову Богородица, согласно канону на павечеріи св. великаго пятка: «положи на колѣну, молящи его со слезами» .... Позади Іосифа стоитъ Никодимъ, а лѣвѣе, вспрединѣ, припалъ къ тѣлу Спасителя Іоаннъ Богословъ. Позади Богородицы на Фотіевской плащаницѣ 1410 года изображенъ ангелъ съ рипидою; на плаща-

Подъ №№ 939—954 описаны тѣ изъ антиминсовъ и положеній во гробъ, которые печатались на фабрикахъ народныхъ картинокъ, или уцѣлѣли въ отпечаткахъ на писчей бумагѣ, въ собраніяхъ любителей; въ настоящемъ же примѣчаніи, съ цѣлію представить болѣе полный обзоръ печатныхъ антиминсовъ, предлагается описаніе всѣхъ вообще антимистовъ, отпечатанныхъ гравированными досками; здѣсь упомянуты: 1) антиминсы описанные въ книгѣ священника Никольскаго; 2) поименованные въ текстѣ III-й книги подъ №№ 939—954 и 3) находящіеся въ богатомъ музеѣ церковныхъ древностей въ Кіевской Духовной Академіи. Всѣ они расположены по числу изображенныхъ на нихъ фигуръ.

1) Антиминсъ 1668 г. (упомянутый выше)—крестъ съ Адамовой головою; изображенъ въ книгѣ священника Никольскаго, рис. 2-й.—2) Кіевскій Антиминсъ 1627 г.: Спаситель стоитъ въ гробу и по сторонамъ его два ангела (упомин. выше); изображенъ въ книгѣ священника Никольскаго, рис. 1-й.—3) Всрединѣ Спаситель, стоящій во гробѣ, по сторонамъ его два ангела, а въ углахъ четыре клейма съ евангелистами; находится въ музеѣ

ницахъ Новгородской 1456 г., Троицкой 1561 г. и Волоколамской 1668 г.—одна Марія Магдалина» а на Новодѣвичьей 1545 г.—двѣ «жены мvроносицы». Позади гроба Спасителя служатъ ангелы, въ дьяконскихъ одеждахъ; въ Фотіевской и Новгородской плащаницахъ ихъ по шести; на Троицкой и Волоколамской по четыре, а на Новодѣвичьей два—Михаилъ и Гавріилъ; на небѣ представлены летящіе ангелы, а на четырехъ древнѣйшихъ плащаницахъ солнце и луна. Въ Новодѣвичьей плащаницѣ кругомъ каймы вышита пѣснь: «святый боже, святый крѣпкій» . . . Въ Златоустникѣ (собраніе проповѣдей), въ проповѣди на великій пятокъ, находимъ относящееся къ этому апокрифическое сказаніе, будто-бы Спаситель, несомый на погребеніе, сказалъ Іосифу: «что ради несеши мя ко гробу молча, а не поеше ничтоже»? и повелѣлъ ему пѣть: «святый Боже». На это же сказаніе указываетъ слово Кирилла Туровскаго; въ проповѣди на недѣлю мvроносицъ Іосифъ говоритъ: «тѣмъ же сице возгласихъ погребу тя, милостиве, якоже Святымъ наученъ быхъ Духомъ: Святый Боже (Описаніе Славянск. рукописей Синод. библ. Отд. II, ч. 3, стр. 98. см. 130). Въ Волоколамской плащаницѣ внизу вышитъ платъ, назначенный на главу Спасителя, о которомъ говорится въ Ев. отъ Іоанна (20. 7). Въ каймѣ и углахъ, кругомъ плащаницы, изображались четыре евангелиста, или преображающія ихъ животныя, а также пророки и разные святые; въ срединѣ же верхней полосы, преображеніе Господне (1410 г.), Успеніе Богоматери, св. Троица, знаменіе Богородицы и другія изображенія.

Кіевской духовной академіи — 4) Три ангела спускаютъ тѣло Спасителя на плащаницѣ въ гробницу; въ большой листъ, съ монограммой Кіевскаго мастера Л; гравированъ на деревѣ; находится въ музеѣ Кіевской духовной академіи [5]).

Переводъ въ 6 фигуръ: 5) живописный, съ надписью гравера: «Ioseph Goczemski sculpsit 1762»; гравюра рѣзцомъ; тамъ-же.— 6) Копія съ предыдущаго; гравюра на мѣди: «АС. 1773 г.», тамъ же—7) Еще подобный же антиминсъ, съ подписью мастера: «Filipowicz sculp. Leopoli».—8) Положеніе во гробъ, со страстями, описанное въ III книгѣ подъ № 952.—9) Положеніе, описанное подъ № 954 въ III книгѣ и подъ № 954 А.

Переводъ въ 8 фигуръ (безъ Маріи Клеоповой): 10) Антиминсъ 1765 г., грав. на мѣди; рисунокъ съ него помѣщенъ въ книгѣ священника Никольскаго подъ № IX. [6])

Переводъ въ 9 фигуръ: 11) Описанный въ книгѣ III подъ № 939; грав. на мѣди 1670 г.—12) Тамъ же, № 940; антиминсъ 1680 г.—13) Сходный съ ними антиминсъ, освященный въ 1659 г. (другой въ 1662 г.); въ книгѣ священника Никольскаго рисунокъ № 4, стр. 174.—14) Антиминсъ 1798 г., академической работы на мѣди; у священника Никольскаго рис. XII [7]). 15) Антиминсъ, описанный въ книгѣ III подъ № 944.—16) Описанный въ книгѣ IV подъ № 953 А.

Переводъ въ 10 фигуръ: 17) У Никольскаго подъ № V, 1713 г., очень большаго размѣра (12 и $10\frac{1}{4}$ вер.), въ десяти лицахъ, по переводу сходный съ описаннымъ подъ № 3. Вверху изображенъ Господь Саваоѳъ; отъ него исходитъ св. Духъ, въ видѣ голубя.

---

[5]) Въ рисункахъ Солнцева есть подобный же антиминсъ, освященный Петромъ Могилою въ 1645 году; на немъ, кромѣ трехъ ангеловъ, полагающихъ тѣло Спасителя, видѣнъ еще четвертый, въ моленіи.

[6]) Съ этой доски антиминсы печатались болѣе 30 лѣтъ. Такого же рисунка антиминсы печатались въ Тобольской губерніи (Никольскій, стр. 201); это было дозволено Синодомъ въ 1754 году и запрещено въ 1709, а затѣмъ снова дозволено.

[7]) Рисунокъ для этой доски былъ сдѣланъ мастеромъ Антроповымъ въ 1775 году и вырѣзанъ сперва на грушевой доскѣ, а потомъ на мѣди крестьяниномъ Герасимомъ Ефесиковымъ въ 1783 году.

Грав. на мѣди.—18) У него же рис. № VI, около 1721 года; такого же размѣра, какъ и предыдущій, и того же перевода но вмѣсто Господа Саваоѳа здѣсь поставлено одно имя Бога по еврейски, согласно запрещенію впредь писать Саваоѳа въ человѣческомъ образѣ, сдѣланному по опредѣленію св. Синода отъ 6 апрѣля 1722 года; этимъ же опредѣленіемъ запрещено было писать евангелистовъ въ видѣ символическихъ животныхъ (Полн. Собр. постановленій по вѣдомству православн. испов. Росс. Импер. 1872, II. 163). Грав. на мѣди—29) У Никольскаго рис. VII, 1756 г.; переводъ живописный—19) У него же рис. VIII, 1732 г.; академической работы: кромѣ 10 фигуръ въ переводѣ, по сторонамъ поставлены апостолы Петръ и Павелъ; кругомъ былъ бордюръ съ 12 клеймами, съ изображеніемъ страстей господнихъ грав.; на мѣди (Никольск., 190)[8]).—21) Антиминсъ, описанный въ III книгѣ подъ № 941; 22) Тамъ же № 942; 23) Тамъ же № 943. 24) Тамъ же № 945; 25) Тамъ же № 947; 26) Тамъ же № 948; 27) Тамъ же № 953.—28) У Никольскаго рис. X, 1787 г.; рисунокъ этотъ сдѣланъ академическимъ рисовальщикомъ Гриммелемъ[9]); 29) У него же рис. XV, 1788 года; 30) У него же рис. XIV, 1797 г.,—всѣ грав. на мѣди; 31) У него же рис. XIII, 1823 г.; тоже.—32) Описанный въ III книгѣ подъ № 945; 33) Тамъ же № 946; 34) Тамъ же № 949; 35) Тамъ же № 950; 36) Описанный выше, въ IV кн. № 945 А; 37) Тамъ же № 946 А; 38) Въ III книгѣ № 953.

Переводъ въ 11 фигуръ: 39) Антиминсъ съ подписью гравера на мѣди: «Ieseph Goczemski Sculps: 1760»; въ музеѣ Кіевской духовной академіи.—40) Съ видомъ Іерусалима, описанный въ кн. III подъ № 951.

---

[8]) Эти бордюры, всего четыре доски, были куплены митрополитомъ Гавріиломъ за 10 руб., съ аукціона, въ Академіи Наукъ; пятая же доска утратилась; тогда же помощнику синодальнаго живописца Алексѣя Антропова, Михайлѣ Уткину, приказано было сдѣлать рисунокъ середины (положеніе во гробъ).

[9]) Илья Гриммель, изъ Мемингена, былъ вызванъ въ Академію Наукъ въ 1738 году, въ качествѣ учителя рисованія; онъ умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1759 году (Русскіе граверы 1870 г., 39).

Еще антиминсъ 1795 г. академической работы рѣзцомъ, въ большой листъ. Внизу изображены евангелисты и пророки и кромѣ того «Европа, Азія, Африка и Америка», въ видѣ четырехъ голыхъ женщинъ. Въ музеумѣ Кіевской духовной академіи [10]).

Въ 1774 году Московская Синодальная контора хотѣла пріобрѣсти антиминсную доску у владѣльцевъ бывшей фабрики Михаила Артемьева—Алексѣя Колокольникова и Петра Белавина; владѣльцы запросили за нее 120 руб. Тогда Синодъ вытребовалъ къ себѣ оттискъ съ нея, нашелъ, что изображеніе и текстъ на ней неправильны, и затѣмъ предписалъ конторѣ: если владѣльцы фабрики возьмутся исправить доску, то купить оную у нихъ по оцѣнкѣ, въ противномъ же случаѣ, въ опасеніи, что они будутъ печатать и распостранять такіе неправильные антиминсы между раскольниками, доску отъ нихъ вытребовать, сгладить и отдать имъ мѣдь обратно. Послѣ такой странной развязки, владѣльцы принесли свою доску конторѣ въ даръ—и доска была сглажена.

Въ 1781 году Никита Демидовъ представилъ въ Московскую контору антиминсную доску, гравированную черной манерой (вѣроятно на той же Артемьевской фабрикѣ). Мастеръ рисовальнаго художества Семенъ Второвъ и грыдоровальнаго Алексѣй Андреевъ отказались исправить эту доску, и её назначено было тоже стереть и награвировать на ней антиминсъ вновь (Никольск., стр. 215).

Въ 1783 году была выгравирована антиминсная доска граверомъ Челнаковымъ за 85 руб. (Никольск., стр. 222); а въ 1813 г. двѣ мѣдныя антиминсныя доски Никитою Плотцовымъ (стр. 223); въ 1816 году заказаны двѣ такія же доски граверу Василію Петрову, по 400 руб. за каждую; изъ нихъ одну онъ выгравировалъ самъ, а другую награвировалъ подмастерье Сер-

[10]) Въ книгѣ священника Никольскаго упоминаются еще гравированные антиминсы: 1827—1856 гг., сходный по переводу съ его рисункомъ № VI; 1844 г., съ Господомъ Саваоѳомъ вверху, благословляющимъ обѣими руками; и 1857—1862 гг.

гѣй Дмитріевъ (Баскаковъ). Въ 1827 году шли опять переговоры о выгравированіи антиминсныхъ досокъ: Скотниковъ и Флоровъ объявили цѣну по 1.500 руб. за доску; Московскій мѣщанинъ Александръ Аѳанасьевъ по 700 р. и Аркадьевъ по 800 р.: Московскіе граверы Андрей Васильевъ и Сергѣй Дмитріевъ отказались отъ работы.

Въ 1854 году рисунокъ для антиминса былъ сдѣланъ академикомъ Солнцевымъ; на мѣди вырѣзалъ его академикъ К. Аѳанасьевъ; а въ 1855 г. сдѣланъ Солнцевымъ новый, исправленный по указаніямъ Синода, рисунокъ, съ котораго выгравирована К. Аѳанасьевымъ стальная доска (Никольск., стр. 228).

Цѣна антиминсамъ (въ 1753 г.), съ большой грыдоровальной доски, заведенной патріархомъ Адріаномъ, была 1 р. 75 коп. (въ томъ числѣ мастерамъ за работу по 15 копѣекъ); съ вырѣзанной вновь мѣдной доски (1753 г.)—по 50 копѣекъ (въ томъ числѣ мастерамъ по 10 коп.), а съ оловянной—по четыре копѣйки (въ томъ числѣ печатнику 2 к.). Въ 1725 году директоръ Замятнинъ приказалъ было брать за нихъ по 25 к., но въ 1727 г. возстановлена прежняя цѣна. Указомъ 1765 года велѣно брать съ антиминса только за холстъ 50 коп. Этой продажей выручалось въ годъ отъ 4 руб. (въ 1748 г.) до 48 р. (1731 г.) и до 92 руб. (1733) (Никольск., стр. 284). Опредѣленіемъ Синода 21 января 1868 года положено впредь брать за каждый антиминсъ по одному рублю серебромъ (Ник., 290).

Въ заключеніе упомяну, что антиминсныя доски гравировались въ Россіи и для другихъ патріаршествъ: такъ въ 1729 году епископу Ѳиваидскому Арсенію дозволено было Синодомъ выгравировать три доски, съ обозначеніемъ патріарховъ Александрійскаго, Іерусалимскаго и Антіохійскаго, съ тѣмъ, чтобъ тѣми досками антиминсовъ въ Россійской Имперіи не печатать (Никольскій, 250).

959. **Святцы работы Тепчегорскаго.** Изданіе *а* находится не въ Публичной библіотекѣ; а въ Олсуфьевскомъ собраніи (подписи вверху и внизу во многихъ листахъ срѣзаны).

Изданіе *б*, съ 1714 годомъ (вм. 17 13), съ полными не срѣзанными надписями и подписями находится въ Публичной библіотекѣ (изъ собранія гр. Толстаго). Въ моемъ собраніи есть два изданія святцевъ Тепчегорскаго: *в*—точно такое же, какъ и изданіе *б*, но іюнь мѣсяцъ другая доска, безъ подписей мастеровъ (прочія надписи и подписи тѣже); эта доска заимствована изъ копій со святцевъ Тепчегорскаго, описанныхъ подъ № 959 А (съ прибавкою подписи въ картушѣ); и *г* — такое-же, какъ и изданіе *в*, но августъ мѣсяцъ другая доска, безъ подписей мастеровъ; внизу помѣта: «1722 году, мц҃а Апрѣля». Подписи: «календарь.... Постнікова», находящейся въ предыдущихъ изданіяхъ, въ изд. *г* нѣтъ; эта доска тоже заимствована изъ копій, описанныхъ подъ № 959 А, съ прибавкою подписи въ картушѣ). *)

Затѣмъ слѣдуетъ поставить изданіе *д*, описанное въ III томѣ (стр. 374) какъ изданіе *в*. Описаніе этого послѣдняго изданія доставлено мнѣ извѣстнымъ Московскимъ любителемъ древностей И. М. Остроглазовымъ.

959 А. **Точныя копіи съ святцевъ Тепчегорскаго**, 12 листовъ; рамки и подписи тѣже, но подписей мастеровъ нѣтъ и картуши внизу пустыя. На январѣ, мартѣ, августѣ и сентябрѣ, внизу слѣва, помѣчено: «1722 году мц҃а Апрѣля»; на мартѣ, кромѣ того, справа, поставлены буквы: «*в*: *к*:», т. е. Василій Кипріяновъ.

960 А. Прибавить: **Святцы, повтореніе святцевъ Тепчегорскаго**, въ меньшемъ размѣрѣ; подписи и надписи тѣже, но сокращены; подписей мастеровъ нѣтъ. Гравированы грубо крѣпкой водкой, въ первой половинѣ XVIII вѣка. Внизу, на іюнѣ мѣсяцѣ, вирши, оканчивающіяся словами: «Царя Петра россїиска во брани бг҃ъ умудрялъ самѱонъ же лва свіискаго дахрябре раздплалъ (такъ)», — тоже, что и на гравюрѣ Тепчегорскаго. Въ моемъ собраніи.

---

*) Изъ этого слѣдуетъ заключить, что копіи святцевъ, описанныя подъ № 959 А, были выпущены прежде изданій *в*, *г* и *д*.

960 Б. Прибавить: **такое же повтореніе святцевъ Тепчегорскаго,** въ мѣру предыдущихъ святцевъ; рамокъ изъ акантовыхъ листьевъ кругомъ нѣтъ. Очень грубой работы рѣзцемъ, второй половины XVIII вѣка. Надпись на 1-мъ листѣ: «месяцъ септемврій». Въ моемъ собраніи.

960 В. Прибавить: такое-же повтореніе святцевъ Тенчегорскаго; надпись на 1-листѣ: «мцъ септемврїи»; на іюнѣ вирши кончаются такъ: «Цря Петра Россїиска въ брани умудра бгъ». Въ моемъ собраніи.

960 Г. Прибавить: такое-же повтореніе (вольное) святцевъ Тепчегорскаго, съ незначительными измѣненіями въ переводѣ; рамка кругомъ изъ клѣтокъ, въ которыя вставлены восьмиугольныя звѣздочки; такія-же звѣздочки поставлены и по четыремъ угламъ. Грубой работы рѣзцемъ, конца XVIII вѣка. Надпись на 1-мъ мѣсяцѣ: «мѣсяцъ септемрїи».... Одной мѣры съ № 959. Въ моемъ собраніи.

961. Въ моемъ собраніи есть другое изданіе этихъ святцевъ, *б* (одинъ апрѣль мѣсяцъ), отпечатанное досками изданія *а*, но грубо подправленными рѣзцемъ; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мантія (на головѣ) препод. Евѳимія тушевана въ изд. *б* въ двѣ черты на крестъ, а въ изданіи *а*—только въ одну черту.

962 А. Прибавить: такія же святцы, копія съ № 962; на сентябрѣ мѣсяцѣ поставлена надпись: «Мцъ Сентември». Въ собраніи В. И. Яковлева.

966 А. «Краткїя святцы показывающїя господскїя=высокоторжественныя праздники, и викторїальныя дни 1808 года». Стѣнныя святцы двухъ съ половиною листоваго размѣра, съ 24-ю изображеніями праздниковъ и святыхъ, въ небольшихъ кружечкахъ. Въ моемъ собраніи.

967. Поправить: **Святцы Аөанасьева** въ 24 картинкахъ, въ малый листъ (по двѣ на каждый мѣсяцъ); на всѣхъ картинкахъ подпись Аөанасьева, за исключеніемъ: 1, 3, 5, 15, 17, 19, 21 и 23 (считая январь первой картинкой).

969 А. Точная копія съ № 969; различить ихъ можно по сентябрю, въ которомъ надписи орфографированы слѣдующимъ образомъ: въ № 969—«Благословиши венецъ....», а въ № 969 А—«благослови венецъ».... Въ моемъ собраніи.

Изъ гравированныхъ святцевъ, описанныхъ подъ №№ 957—969, только Бунинскіе № 957, изданные въ концѣ XVII вѣка, вырѣзаны въ иконномъ пошибѣ,—всѣ прочіе, начиная съ Тепчегорскихъ, изданы въ XVIII вѣкѣ въ Фряжскомъ живописномъ пошибѣ и представляютъ въ иконографическомъ отношеніи мало замѣчательнаго. Тоже самое должно замѣтить и о двухъ русскихъ святцахъ, напечатанныхъ за границею: 1) Такъ называемые Болландіанскіе святцы, 12 мѣсяцевъ съ русскихъ оригиналовъ XVII вѣка, рисунки въ листъ въ ширину; на каждомъ мѣсяцѣ, вверху, вирши и изображенія знаковъ зодіака. Надписи въ родѣ слѣдующихъ: «Февруарій. послѣдняя година есть и антихристъ грядетъ а нынѣ антихристи мнози быша отъ сего разумѣваемъ послѣдняе есть». Рисунокъ напоминаетъ гравюры Тепчегорскаго. Эти святцы помѣщены въ рѣдкомъ изданіи: «Bollandus, Acta Sanctorum. Antverpiae, 1643—1858», гдѣ они приложены къ мѣсяцу маю.—2) Другіе святцы, на пяти доскахъ, составляющихъ вмѣстѣ крестъ, написаны русскими мастерами XVIII вѣка: Андреемъ Ильинымъ, Никитою Ивановымъ и Сергѣемъ Васильевымъ; они были подарены Петромъ Первымъ священнику Герасиму Фокѣ, Кефалонитянину (какъ говорятъ, духовнику Петра), и послѣ его смерти проданы маркизу Каппони за 300 червонцевъ, а послѣднимъ подарены въ Ватиканскую библіотеку, гдѣ находятся и до нынѣ. Описывавшіе ихъ ученые относили ихъ: Кульчинскій (Specimen Ecclesciae Ruthenicae)—къ временамъ вел. кн. Владиміра; Ассеманій (Kalendar. Eccles. Univ. 8. I), имѣя въ виду, что

въ нихъ помѣщены святые, признанные таковыми послѣ Владиміра, и нѣтъ святыхъ, канонизированныхъ въ XIV вѣкѣ, — отнесъ ихъ къ XIII вѣку. Любопытно, что ученые итальянцы взялись за это дѣло, не знавши ни слова по славянски и не обративъ никакого вниманія на подписи, которыя помоглибы имъ сразу сойти съ ученыхъ ходулей на твердую почву. Вотъ что говорятъ они о технической части этихъ святцевъ: «la vernice e bellissima, e le figure non avendo corpo, ci fanno sospettare che i colori delle medesime sieno composizione de sughi d'erbe, o di mistura somigliante all' alchimio»; а между тѣмъ святцы эти писаны на желткѣ, по левкасу на тряпкѣ, точно такъ, какъ писали свои картины и старые италіанцы. При сочиненіи Ассеманія приложены и гравюры со всѣхъ пяти иконъ; оригинальныя доски этихъ гравюръ находятся въ настоящее время въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ.

Въ XVII—XVIII вв. святцы составляли принадлежность каждой церкви, такъ какъ они замѣняли собою собраніе иконъ на круглый годъ. Въ XVII вѣкѣ они уже писались иконниками во множествѣ; съ этого же времени въ рукописной литературѣ появляются такъ называемые подлинники, или правила какъ писать святыхъ и праздники на каждый день года, причемъ нерѣдко помѣщались въ такихъ подлинникахъ лицевыя изображенія ихъ. Первообразомъ такихъ подлинниковъ считаютъ Аѳонскій подлинникъ, XIV или вѣрнѣе XVI вѣка, изданный археологомъ Дидрономъ; впрочемъ подлинникъ этотъ, какъ по своему составу, такъ и по формѣ описанія, представляетъ значительную разницу съ нашими. Въ Аѳонскомъ подлинникѣ или руководствѣ къ иконописанію, какъ онъ названъ его составителемъ, содержится подробное и систематически расположенное наставленіе, во 1-хъ, какъ писать иконы, левкасить доску, составлять краски, золотить, покрывать лакомъ, писать на полотнѣ и по штукатуркѣ, — и во 2-хъ, какъ составлять самые переводы или рисунки образовъ. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ изложены правила, какъ писать: 1) сотвореніе міра и библейскія дѣянія; 2) исторію Спасителя, его страсти

и воскресеніе; 3) притчи; 4) страшный судъ; 5) богородичные праздники; 6) изображенія апостоловъ и разныхъ святыхъ (въ систематическомъ порядкѣ, а не по мѣсяцамъ) и чудеса ихъ; 7) мучениковъ, по мѣсяцамъ и наконецъ 8) разныя аллегорическія изображенія. Въ концѣ руководства приложена особая глава о размѣщеніи различныхъ изображеній въ церкви и прибавленія, состоящія изъ мелкихъ замѣтокъ о возрастѣ и земномъ видѣ Спасителя и Богородицы, о надписяхъ, которыя пишутся въ свиткахъ у святыхъ и надъ ихъ иконами, объ изображеніи благословящей руки и т. д.

Въ нашихъ подлинникахъ техническія наставленія о выдѣлкѣ краски, писанія иконъ и золоченіи ихъ, встрѣчаются только въ видѣ отдѣльныхъ статей и приписокъ, неимѣющихъ между собой связи [1]). Только въ одной рукописи XVII в., напечатанной мною въ Исторіи русской иконописи, свѣдѣнія эти собраны въ нѣкоторой системѣ и представляютъ довольно полное руководство для иконописца по технической части. Затѣмъ въ подлинникахъ нашихъ впереди всего стоитъ самое краткое описаніе святцевъ, т. е. изображеній праздниковъ и святыхъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ; здѣсь главное значеніе представляютъ надписи, поставляемыя надъ каждымъ святымъ или праздникомъ. Писать святцы по такому подлиннику иконникъ не можетъ: для него необходимо кромѣ того имѣть прориси или рисунки, калькированные съ подлинныхъ иконъ, съ тѣмъ, чтобы припорошить или перевести ихъ

---

[1]) Еще большее несходство представляетъ древнѣйшій греческій лицевой подлинникъ или менологіумъ съ нашими лицевыми святцами; въ этомъ менологіумѣ, сдѣланномъ въ X вѣкѣ, по заказу императора Василія младшаго, первое мѣсто занимаютъ изображенія истязаній мучениковъ, выполненныя въ античномъ стилѣ; между тѣмъ какъ такихъ мученій въ нашихъ подлинникахъ нѣтъ вовсе; въ переводахъ праздниковъ разница тоже значительная. Менологіумъ изданъ кардиналомъ Альбани въ гравированныхъ снимкахъ, весьма неточно передающихъ превосходныя миніатюры подлинника, подъ заглавіемъ: «Menologium graecorum jussu Basilii imperatoris Graece olim editum, munificentia et liberalitate sanctissimi domini nostri Benedicti XIII, In tres Partes divisum nunc primum Graece, et latine prodit, studio et opera Annibalis Tit. S. Clementis presbyteri Card. Albani .... Urbini MDCCXXVII.

на свои доски и за тѣмъ уже раскрасить сдѣланные рисунки согласно съ цвѣтами, указанными въ подлинникѣ, и выставить оттуда же надъ иконами надписи.

Кромѣ святцевъ въ нашихъ подлинникахъ, въ концѣ и въ началѣ, встрѣчаются разныя наставленія о томъ, какъ писать чудеса того или другаго святаго, подробное описаніе праздниковъ, страшнаго суда, притчей; но все это въ видѣ отрывочныхъ прибавокъ, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ намека на попытку сдѣлать *руководство къ иконописи*, на манеръ Аѳонскаго подлинника.

Наши подлинники сведены по разнымъ редакціямъ извѣстнымъ археологомъ нашимъ Ю. Д. Филимоновымъ и напечатаны въ двухъ порядкахъ, алфавитномъ и мѣсячномъ (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искуства 1875); остается свести и напечатать прибавочныя статьи, которыя помѣщены въ концѣ нашихъ подлинниковъ и представляютъ едва ли не самый главный интересъ въ нихъ. О составѣ подлинника и различныхъ редакціяхъ его подробно писалъ Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки, II. 223 и 224, 342 и 412).

Изъ лицевыхъ святцевъ лучшія изданы г. Бутовскимъ съ подлинника 1629 года, Строгановскаго письма, принадлежащаго гр. С. Г. Строганову [2]).

987. **Образъ воскресенія Христова съ сошествіемъ.** «Ісусъ воскресе изъ мертвыхъ смертію на смерть наступи и гробнымъ животъ дарова», какъ пишется на древнихъ (до Никоновскихъ) иконахъ. Такая икона есть въ Сергіевской церкви въ Устюгѣ Великомъ.

989. **Воскресеніе.** Въ разныхъ изданіяхъ этой картинки, въ крещеніи, въ 1-й строкѣ, надпись сдѣлана такъ: въ изд. *а*—«трческое я»; въ изд. *б*—«явїся»; въ изд. *в*—«явися». Всѣ три изданія въ моемъ собраніи.

---

[2]) Рядомъ съ этимъ превосходнымъ подлинникомъ въ иконографическомъ отношеніи можно поставить еще Сійское Евангеліе съ мѣсяцесловомъ и миніатюрами на 934 листахъ, лицевую Годуновскую псалтырь и Евангеліе Опракосъ 1690 г., находящееся въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ.

991. **Двунадесятые праздники.** Въ моемъ собраніи есть позднѣйшее изданіе этой картинки (1816 года), отпечатанное испорченой доской (правый уголъ ея отколотъ).

992. **Шестнадцать праздниковъ.** Прибавить: изданіе *е*, точная копія съ изданія *г*; но рамка въ немъ состоитъ изъ двухъ паралельныхъ черточекъ, съ пустой серединой, тогда какъ въ изданіи *г* середина эта оттушевана съ двухъ сторонъ картинки черточками; и изданіе *ж*, на синей бумагѣ 1800 года; надпись въ послѣднемъ клеймѣ въ немъ: «воздвиженне крта гдня». Въ моемъ собраніи.

998. **Вознесеніе.** Исключить вовсе отсюда: это одна и таже картинка съ № 995, только неправильно описанная и по неполному экземпляру.

1000. Копія съ **Сошествія св. Духа**, гравированнаго А. Зубовымъ (копировалъ А. Касаткинъ), приложена къ сборнику Есипова о Петрѣ Великомъ (М. 1872).

1001. О значеніи Космоса на иконѣ сошествія Св. Духа см. Очерки Буслаева, II. 292.

1006 А. Прибавить: остатки гравюры на деревѣ конца XVII вѣка, грубой работы (наклеенные на внутренней сторонѣ переплетныхъ досокъ), въ листъ: 1) На двухъ переплетныхъ половинкахъ остатки большой гравюры, изображавшей праздники: слѣва видны тайная вечеря и благовѣщеніе (съ надписями); съ боковъ еще по два изображенія. Въ собраніи Кіевскаго любителя древностей Кибальчича. 2) Остатокъ изображенія (трехъ головъ) церкви; вверху видна надпись: «я того копачу». 3) Остатокъ изображенія сидящей фигуры съ оголеной ногой; справа дьяконъ подаетъ ей потиръ.

1007. **Образъ страшнаго Суда.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *е*, на бумагѣ 1800 года; послѣдняя

строка праваго столбца состоитъ изъ словъ: «веки бесконечныя»; и *ж*, новѣйшее изданіе 1830—40 гг., гдѣ столбецъ этотъ заканчивается такъ: «сконечныя|аминь». По лѣтописнымъ сказаніямъ, икона страшнаго суда занесена къ намъ еще въ X вѣкѣ. Когда велик. кн. Владиміръ испытывалъ разныя вѣры, то греческій философъ Кириллъ показывалъ ему запону «на нейже бѣ написано судище Господне» [1]). Въ концѣ XII вѣка св. Авраамій Смоленскій, духовный писатель и иконописецъ, написалъ образъ страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ (Четьи Минеи, Августъ); а въ 1399 году подобный же образъ былъ присланъ Тверскому вел. князю Михаилу Александровичу отъ Цареградскаго патріарха (Софійск. Времен., II. 421).

Мысль о близости втораго пришествія Христова и о кончинѣ міра, бывшая въ ходу еще въ концѣ IX вѣка и послужившая по

---

[1]) См.: Полн. Собр. Лѣтоп. 1. 31; Лавр. 45; Русск. Врем. I. 31. По сказанію Строгановскаго подлинника, это былъ не Кириллъ философъ, а Меѳодій Моравскій, братъ Константина философа (Буслаевъ, Очерки, II. 57); икона же, которую онъ показывалъ вел. кн., была написана имъ самимъ. Въ славяно-русской хроникѣ разсказывается, что послѣ отъѣзда Кирилла философа, Владиміръ созвалъ своихъ бояръ во Владимірѣ, для разсужденія о вѣрѣ (Журн. Мин. Народн. Просв. Апр. 1871. 236); въ Никоновской лѣтописи подъ 1001 годомъ говорится: «посла Володомеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ въ Римъ, а другыхъ въ Іерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ, и обычаевъ ихъ» (Полн. Собр. Русск. Лѣтопис., IX. 68); въ числѣ этихъ пословъ былъ Іоаннъ Смера, докторъ в. кн. Владиміра изъ Александріи, который и прислалъ ему цѣлое донесеніе о разныхъ вѣрахъ; въ первый разъ это донесеніе было приведено въ рукописи поляка Будзина «Церковная исторія отъ начала реформаціи до 1593 г.»; въ 3-й главѣ этой книги (оставшейся неизданною) Будзинъ говоритъ, что списокъ съ донесенія Смеры былъ снятъ русскимъ Витебскимъ дьякономъ Андреемъ Колодинымъ, и въ 1567 г. переведенъ сперва на новорусскій, а потомъ на польскій языкъ; отъ него Будзинъ и досталъ это описаніе. Подложность всѣхъ этихъ извѣстій и самаго описанія несомнѣнная (Евгеній, Слов. свѣтск. писат., I. 256). Сандій, напечатавъ это посланіе въ своемъ «Nucleus Historiae Ecclesiasticae» (Кельнъ 1676), разсказываетъ, что оригиналъ, сдѣланный на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами (?), найденъ въ 1567 году въ Перемышльскомъ Спасовѣ монастырѣ. Кириллъ философъ особенно старался отвратить в. кн. Владиміра отъ принятія Болгарской вѣры, говоря, что Болгары уподобились Содому и Гоморѣ, «омываютъ оходы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажются... такоже и жены ихъ творятъ туже скверность, и ино пуще отъ совокупленья мужьска и женьска вкушаютъ» (Полн. собр. лѣтоп., I. 36).

всѣмъ вѣроятіямъ главной причиной составленія иконописныхъ изображеній страшнаго суда, возобновилась, съ особенною силою въ исходѣ XIII великаго индиктіона и въ началѣ осьмой тысящи отъ сотворенія міра (1492 году). Полтора вѣка спустя суевѣры опять стали ждать конца міра въ 1666 году, въ которомъ они видѣли звѣриное число 666 и мнимое явленіе антихриста въ Іерусалимѣ (Снегиревъ, Луб. карт., 40) [2].

Въ это смутное время составилось множество различныхъ переводовъ страшнаго суда и цѣлыя книги съ лицевыми миніатюрными изображеніями воздушныхъ мытарствъ, по видѣнію Григорія ученика Василія Новаго: слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христовомъ, хожденіе по мукамъ св. Ѳеодоры, толкованіе Апокалипсиса и притчи для Синодика, относящіяся тоже къ мытарствамъ [3]). Всѣ они составлены подъ сильнымъ вліяніемъ католицизма и особенно размножились съ возникновеніемъ уніятства, въ которомъ принято католическое ученіе о мытарствахъ человѣческой души послѣ смерти.

---

[2]) Развитіе ученія о концѣ міра начинается у Евреевъ со времени плѣна Вавилонскаго; самый же источникъ этого ученія находится въ канонической книгѣ пророка Даніила, написанной во время плѣненія Вавилонскаго; книга эта и сдѣлалась источникомъ апокалипсическихъ идей (Порфирьевъ, Апокрифич. сказанія. Казань 1873. 26). Подъ вліяніемъ этой книги составлена была и книга Эноха. По индѣйскимъ сказаніямъ предсказывается тоже конецъ міра, а признаки послѣдняго времени будутъ слѣдующіе: между людьми, одни будутъ исполнять святые законы единственно изъ послушанія и томиться въ той апатіи, которая ставитъ всѣхъ въ одинъ уровень; другіе, одержимые духомъ пытливости, будутъ съ жаромъ предаваться размышленіямъ; третьи, въ самообольщеніи отъ своей мудрости, станутъ отвергать все, что не можетъ быть доказано путемъ философіи и анализа .... будутъ такіе, которые съ гордостію скажутъ, что они ничему не вѣрятъ и не признаютъ никакихъ обязанностей. Тогда увидимъ мы глупцовъ и безумцовъ одѣтыхъ въ докторскія мантіи (Harivansa, trad. par M. Langlois. Paris 1835, II. 281). По увѣренію нашихъ раскольниковъ предпослѣдніе дни міра сего ознамянуются тѣмъ, что въ каждомъ домѣ будетъ *кипящій змій*, сирѣчь самоваръ (Гильтебрандтъ, Древн. и Нов. Россія 1877. Іюнь, 181).

[3]) Важнѣйшія произведенія литературы по этой части соединены въ большомъ Іосифовскомъ сборникѣ: 1) слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и о будущей муцѣ, 2) Ипполита, папы римскаго, о скончаніи міра и о антихристѣ; 3) Кирилла Александрійскаго о исходѣ души изъ тѣла (Тихонр., 33-е присужд. Демид. нагр. 216).

По правиламъ иконописнаго подлинника страшный судъ пишется въ церкви на западной стѣнѣ; особенно полные переводы его можно видѣть въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Успенскомъ соборѣ; переводы этихъ двухъ судовъ вполнѣ сходны съ переводомъ народной картинки, описанной подъ № 1007. Для сравненія съ текстомъ этой картинки предлагаю описаніе «полной» иконы страшнаго суда изъ Клинцовскаго подлинника XVIII вѣка (лл. 131—133). «О страшномъ Судѣ Христовѣ, како писать его. Первое скрая горніи Іерусалимъ и внемъ полаты и церкви и в дверяхъ ангели и 6 ликъ: 1 ликъ выше праведныхъ женъ, 2 ликъ мученицы по ряду, 3 ликъ страстотерпецъ, 4 ликъ праотецъ, 5 ликъ святитель, 6 ликъ пророкъ; отъ града облакъ, силы во облацѣ; на престолѣ херувимы около маленки; сынъ благословляется, сынъ опять грядетъ ко отцу; отецъ и сынъ сѣли на облацѣ, под ними аки львица, а подъ ногами у нихъ многоочитіи; отъ ногу пошла рѣка, тутъ отпадшій ликъ, и престолъ лѣжитъ криво, гдѣ Господь сѣде судити на престолѣ, облакъ кругла херувимы маленки; пресвятая Богородица и Предтеча стоятъ. Адамъ и Еѵва, у ногу апостоли с книгами и 2 ангела, у нихъ апостоли сидятъ. скрая Ѳома младъ риза киноварь. Варѳоломей русъ. рис. празел. ди^{ч}. испод. лазор: Іяковъ аки Петръ риз. верхъ багор. испод. лазор. Іоаннъ Богословъ верхъ дич. испод. лазор. Петръ апостолъ сѣдъ брада кругла; тѣ апостоли с правую сторону. апостолъ Матѳей сѣдъ космат̃ брадою верхъ празел. испод. лазор.; лука рус. риз. верх. празел. испод. лазор.; марко над. сѣд. верх. лазор. киновар.; Симонъ рус. верхъ дич. Филиппъ млад. риз. багор., испод. лазор. сидятъ на стулахъ подъ господемъ. Престолъ, на престолѣ капетазма и евангеліе и крестъ, подъ престоломъ сосудецъ и гвозди и за престоломъ два ангела держатъ по свитку, во свитку глаголетъ: пріидите благословенніи отца моего наслѣдуйте уготованное царство, и в другомъ свитцѣ: престолъ господенъ стояше и свѣтъ возсіявше праведнымъ. Над престоломъ облакъ изъ него рука въ руцѣ души праведныхъ, и на персту мѣрила праведная висятъ, и подъ мѣриломъ, стоитъ душа нага. И другой рядъ грядутъ на

судъ: 1) ликъ пророкъ и апостолъ, 2) мученикъ, 3) ликъ святитель, 4) преподобныхъ отецъ, 5) мученицъ, 6) преподобныхъ женъ. На сторонѣ Моисей показуетъ жидомъ Христа. вруцѣ свитокъ, в свиткѣ глаголетъ: «азъ вамъ далъ законъ, а вы не послушасте меня»; 1. стоятъ жидове, 2. стоятъ Литва, 3. синіе аравляне, 4. индіяне, 5. измаилтенѣ, песіи главы, 6. турцы, 7. срацыны, 8. нѣмцы, 9. ляхи, 10. русь, под ними море и земля кругла мертвыя отдаетъ, да тутже правда кривду стрѣляетъ, и кривда паде со страхомъ [4]) да Хс. Еленемъ вкругу о единомъ рогу; да в другомъ убилъ антихристово царство под море шло; по выше убійство каиново авель падъ на колѣну плачася оглянулся назадъ, діаволъ под локоть тычетъ каина, и от того мѣста идутъ бѣси къ мѣрилу со грѣхи и на мѣрило подаютъ, 5, ихъ всѣхъ, и два ангела скипетры колютъ отъ мѣрила. У ада из горла вышелъ змій а по немъ мытарства; ангелъ несетъ души праведныхъ, а отъ ангела по краю гора, на горѣ одръ, на одрѣ лазарь убогій; у главы царь Давидъ сидитъ с гуслми да три ангела наклонились принимаютъ душю. Іоаннъ синайскія горы в ногахъ, сѣд. брада долѣ власіевы на концѣ уже. в другомъ мѣстѣ отъ края Іоаннъ идетъ в рукѣ клюки, ряска вохра збѣлиломъ, левъ, оглянувся, унесъ мантію во ртѣ. Подъ тою горою предтеча в виноградѣ и два ангела, единъ держитъ крестъ, а другій копіе и трость, а пречистая сидитъ на престолѣ; отъ винограда пониже ангелъ показуетъ 4 царства погибельныхъ вавилонское, перское, римское, антихристово. На морѣ огненномъ подъ тѣмъ мѣстомъ гора: на горѣ ангелъ скипетромъ біетъ грѣшныхъ во озеро огненное. Діаволи ведутъ объвязавъ ихъ во огнь, а иныя молотами біютъ. а идутъ во адъ плачющеся игумены и игуменіи и старцы блудники, а подъ ними лѣжатъ блудницы жены главами во огнь, грѣшніи в порцѣхъ лица помраченіи сут. за ними князи и бояря и судіи немилостивіи и неправедніи. За ними цари немилостивіи плачются и обращаются вспять. За ними попы иже слу-

---

[4]) Эпизоды Кривды, побиваемой правдою, встрѣчаются въ Голубиной книгѣ (Буслаевъ, Очерки, II. 151),—а бѣсъ, мечущій красные цвѣты, помѣщенъ даже въ лѣтоп. у Нестора (въ образѣ Ляха: Собр. Лѣтоп. I. 82, Бусл. Очерки. II. 150).

жатъ неисправяся и нерадяще о своемъ стадѣ, за ними млади, иже не слушаютъ отцевъ своихъ и матерей, и до вѣнца блудъ творятъ, сами наги и ноги у нихъ перевязаны. Сатана сидитъ во огни. на адѣ стоитъ столпъ прикованъ цѣпію и замокъ. Июда на колѣнѣхъ огненъ, сила тутже его тмообразныхъ. Надъ огнемъ одръ, на одрѣ Лазарь богатый, и бѣси у него душу принимаютъ. Ангелъ ударилъ скипетромъ в груди, 3 раба у него плачюще. А за главою 4 царства погибельныхъ звѣриными образы: 1, что медвѣдь, а 2, аки лютый звѣрь глава человѣча, свѣнцомъ, 2 крылаты и у единаго 5 главъ. а отъ огня гора да столпъ, да стоитъ у столпа блудникъ привязанъ, и тутъ стоитъ ангелъ; подпись глаголетъ: что человѣче станеши, позираеши на рай и на муку, блуда ради лишенъ блаженнаго рая, а милостыни ради избавленъ вѣчныя муки [5]. За тѣмъ лики святыхъ идутъ в рай [6]. Петръ отмыкаетъ. Павелъ держитъ свитокъ вверхъ, а в свиткѣ глаголетъ: пріидите праведніи в рай невозбранно. Ангелъ сверху вѣнцы накладываетъ, в раю сидитъ Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ. Авраамъ сѣд. косматъ риз. вохра, испод. лазор. Исаакъ сѣд. косматъ. риз. празел. испод. киновар. Ияковъ рус. риз. верх багоръ дич. испод. празел. — Въ нѣдрѣхъ у нихъ младенцы и межъ ими разбойникъ со крестомъ и оттуду иноки

---

[5]) Полуправедникъ изъ чистилища, стоящій у столба, напоминаетъ иноковъ, о которыхъ говорится въ житіи препод. Василія Новаго: возлюбленная Богомъ милостыня, пришедшая на страшный судъ въ видѣ красной отроковицы, ходатайствовала у Бога за иноковъ и простую чадь, осужденныхъ въ муку вѣчную. Великій Судія изрекъ имъ: «яко милостыни вашей ради огня вѣчнаго избавляю; блуда же ради и иныхъ нечистотъ и страстей въ царство мое не внидете и благихъ моихъ не насладитеся и радости святыхъ не узрите. И повелѣ имъ дати мѣсто на сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудни» (Макаріев. Минея; Снегир. Луб. карт. 42). Въ одномъ лицев. хроногр. XVII в., находящемся въ Моск. духовн. акад., есть такое-же извѣстіе о человѣкѣ нѣкоемъ, иже милостыню творя а блуда не остави, выписанное изъ Амартола л. 204 (Поповъ, Хроногр., II. 142).

[6]) На раскольничьихъ образахъ Петровскаго времени грѣшники, осужденные на вѣчное мученіе, изображены безбородыми, а праведники, назначенные въ рай, съ длинными бородами; въ Каличьихъ стихахъ о страшномъ судѣ праведныхъ перевозитъ въ рай Михаилъ Архангелъ, а въ Сербскихъ народныхъ сказаніяхъ Николай чудотворецъ (Тихонрав., 33-е присужд. Демидовск. наградъ 216).

полѣтѣли Иоасафъ, Иосифъ, Еуфимій, Сава; а митрополитамъ и попамъ и владыкамъ и діакономъ и старцомъ котелъ кипящъ; 8) мука клеветницы за языки повѣшены, а плесуны за пупъ, 9) мука татемъ и разбойникомъ за ноги повѣшены во огнь, 10) мука княземъ и бояромъ и судіямъ неправеднымъ [7]) червь неусыпающій. 11) мука росты емлющимъ и сребролюбцемъ бѣси сребро в горло ліютъ, а они во огни сидятъ, и они нехотятъ пити, и бѣси шелепами біютъ; а который человѣкъ блудъ творилъ с попадьями и сестрами и с старицами, и с просвирницами, и с кумами ни покаялся бѣси человѣка за хрептомъ во огни. Да бѣсъ мохнатъ весь, носитъ цвѣтъки в рукѣ красныя и кидаетъ на люди, на коего прилипнетъ, тотъ человѣкъ стоючи в церкви пѣнія Божія не слушаетъ, но о зломъ дѣлѣ мыслитъ, а который стоючи въ церкви молитву творитъ и бога призываетъ на того человѣка цвѣтъ не прилипнетъ. Подпись. Даніилъ видѣхъ яко сынъ человѣческій идяше по облакамъ да ветхими денми» (Клинц. подл. 131 об. до 133 об.).

Описаніе страшнаго суда у Дидрона довольно сходно съ описаніемъ нашего подлинника (Didron, 262—278). Въ западной литературѣ есть по этой части особое сказаніе, подъ названіемъ: «Истинное описаніе страшнаго суда господня въ Іосафатовой долинѣ». Въ немъ сперва приведены пророчества св. Іоиля, Софронія, Григорія, Соломона и Іова; далѣе идетъ описаніе страшнаго суда по пророчеству Іеронима, по которому сперва на землѣ совершаются разныя опустошенія и несчастія въ продолженія пятнадцати дней; за тѣмъ слѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, при трубномъ звукѣ трехъ ангеловъ: Михаила, Гавріила и Рафаила; Христосъ приказываетъ четыремъ ангеламъ отдѣлить вѣрныхъ отъ невѣрныхъ (разговоръ Христа съ вѣрными); невѣрные молятъ его о пощадѣ, но Христосъ, не смотря на заступничество Богоматери, отдаетъ ихъ во власть Люцифера и сатаны, которые и

[7]) Въ Саламинскомъ монастырѣ въ числѣ грѣшниковъ идутъ: Пилатъ, Кесарь, Несторій, Арій, Діоклитіанъ; а въ монастырѣ св. Георгія, на Аѳонѣ, въ числѣ воскресшихъ: Киръ, Поръ, Дарій и Александръ Македонскій Изъ сравненія этого описанія съ гравированными картинками видно, что въ послѣднихъ очень много эпизодовъ выпущено.

уводятъ грѣшниковъ въ адъ; самъ Христосъ замыкаетъ двери адовы ключемъ, прячетъ ключъ, и удаляется на небо вѣчнаго блаженства, гдѣ апостолы привѣтствуютъ его (Simrock, XII. 1). Въ заключеніе замѣчу, что въ древнее время въ Кремлѣ происходило всенародно такъ называемое дѣйствіе страшнаго суда на площадкѣ у алтаря Успенскаго собора, которое состояло въ молебнѣ передъ иконою страшнаго суда (Древн. Росс. Вивл., XI. 3); дѣйствіе это прекратилось съ уничтоженіемъ патріаршества.

1007 А. Прибавить: повтореніе 1007 нумера; правый столбецъ заканчивается такъ: «поемлютъ воа | дъ на веки | бесконечныя». Мученія начинаются: «мука ростов|щикамъ та|тс дшегубц| и т. д. Изданіе на синей бумагѣ начала нынѣшняго вѣка (съ знакомъ: pro patria). Въ моемъ собраніи.

1008. **Страшный судъ.** Прибавить: изданіе *е*, точная копія съ изданія *а*; но въ немъ столъ, который летитъ внизъ (вверхъ ногами) справа, и черти, которыхъ поражаетъ ангелъ, — тушеваны въ двѣ черты на крестъ, тогда какъ въ изданіи *а* они тушеваны въ одну черту. Въ моемъ собраніи.

1014. **Древнѣйшій образъ Софіи премудрости**, Новгородскаго перевода, находится въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ числѣ мѣстныхъ иконъ, на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ (вышиною съ нижней приставкой 3 ар. $5\frac{1}{2}$ вер.; шир. 2 ар. $2\frac{1}{2}$ вер.).

На соборѣ 1554 года, знаменитый Сильвестръ удостовѣрялъ, что образъ св. Софіи, греческій переводъ, написанъ одновременно съ постройкой собора, т. е. въ XI вѣкѣ (Акты археогр. экспед., I. 248); но соборъ горѣлъ въ 1341 году и въ этомъ году архіепископъ Василій покрылъ его вновь свинцомъ, и *иконы исписа* и кивотъ доспѣ (Новгород. 1-я, стр. 80); за тѣмъ возобновленъ соборъ при архіепископѣ Макаріѣ въ 1528 году (Полн. Собр. Лѣтописей, VI. 285); а въ 1706 г. священникъ Георгій Тихвинецъ всѣ образа, въ томъ числѣ и мѣстные, чинилъ и олифилъ (Новг. III лѣтопись подъ 7214 г.).

По личнымъ моимъ наблюденіямъ въ теперешнемъ видѣ своемъ икона Софіи должна быть отнесена къ концу XVI или первой половинѣ XVII вѣка; въ это время она написана вновь, а въ 1706 году только поолифлена; подробныя свѣдѣнія о ней, а равно и о разныхъ повтореніяхъ ея, помѣщены: въ описаніи Кіево-Софійскаго собора г. Соловьева (Записки археол. общ. т. XI),—въ статьѣ преосвященнаго Игнатія объ иконѣ Софіи (тамъ же, стр. 260),—въ описаніи Кіево-Софійскаго собора митрополита Евгенія (Кіевъ 1825 г.) и въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ объ этой иконѣ Ю. Д. Филимонова (Вѣстникъ общества древне-русскаго искуства. М. 1874 г., 1—3).

Толки о томъ, какой имѣетъ смыслъ Новгородскій переводъ иконы св. Софіи, велись съ давняго времени. Въ посланіи Патріарха Филофея 1160 года къ кн. Андрею Боголюбскому (Никоновск. лѣтоп., II. 180) находится подробное разъясненіе по этому предмету; это-же разъясненіе, нѣсколько сокращенное и упрощенное, помѣщено въ Клинцовскомъ подлинникѣ (XVIII в.), принадлежащемъ гр. Строганову; оно же помѣщено и на поляхъ многихъ иконъ Софіи, въ томъ числѣ и на поляхъ замѣчательной иконы ея Новгородскихъ писемъ XVI вѣка, принадлежавшей извѣстному Московскому любителю Гаврилѣ Трифоновичу Молошникову, а именно: «У Софіи премудрости Божій писано смѣстнаго образа ижеввеликомъ новѣ градѣ церкви Божія. Софія пречистая дѣва Богородица спрѣчь дѣвственныхъ душа и неизглаголаннаго дѣвства чистота смиренныя мудрости, истина имѣетъ надъ главою Христа. *Толкъ.* Слово бо мудрость сынъ слово Божіе. Простерша небеса, выспрь господа. *т.* Преклонь небеса и снидe въ дѣву чисту. Елико бо любятъ дѣвство подобятся Богородицы, сія бо роди сына слово Божіе Господа Іисуса Христа, любящіе бо дѣвство раждаютъ словеса дѣтелна рекше неразумныя поучаютъ. — Сію возлюби іоаннъ и креститель крести Господа. *Т.* Уставъ дѣвства показавъ о Бозѣ жестокое житіе. Имать же дѣвство лице дѣвиче огненно. *Т.* Огнь бо есть божество попаляя страсти тлѣнныя просвѣщая же душу чисту. Имать-же надъ ушима тороцы, ѐже ангели

имутъ. *Т.* Житіе бо честно со ангелы равно есть тороцы же покоище святаго духа. На главѣ же ея вѣнецъ царскій. *Т.* Смиреніе бо царствуетъ надъ страстьми. Санъ препоясанія во чресла. *Т.* Образъ же старѣйшинства и святительства. Вруцѣ же держитъ скипетръ. *Т.* Царскій санъ являетъ. Креслѣ же огненіи. *Т.* Высокопариво пророчество и разумъ скоръ являетъ зѣло бо зрительная сія птица любящіе мудрость, егда видитъ ловца, выше возлѣтаетъ, тако-же любящіе дѣвства не удобь уловленіи отъ ловца діавола. В шуйцѣ же ея имать свитокъ написанъ в немже суть написаныи недовѣдомыя сокровенныя тайны.' *Т.* Рекше преданная писанія вѣдати непостижна бо суть божественная дѣйства ни ангеломъ ни человѣкомъ. Одѣяніе же свѣта престолъ на немже сѣдитъ. *Т.* Онаго будущаго свѣта покоище являетъ і утверженна седмію столпъ. *Т.* Седмію духа дарованіи что во Исаинѣ пророчествѣ писано. Нозѣ имать на камене. *Т.* На семъ рече камени созижду церковь мою, и врата адова неодолѣютъ ю, и паки рече на камени мя вѣры утверди: печать дѣвства отъ дѣвы родися Господь, прежде бо рождества дѣва, и в рождестве дѣва дѣвство бо его наполняетъ горнія бо тварь отъ падшая ангелы елико бо ангелы честнѣе человѣкъ смертныхъ, толико дѣвственныхъ чистота женившихся честнѣе, и тако Господь плоть свою отъ дѣвы пріятъ и дѣвство сохрани невреждено» (Клинцов. подл. 115 и 116).

Значеніе Новгородскаго перевода пытались объяснить многіе изъ нашихъ ученыхъ археологовъ; мнѣнія ихъ сведены и разобраны Ю. Д. Филимоновымъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи объ этой иконѣ (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искуства. М. 1874, 1—3). Онъ полагаетъ, что сидящій на престолѣ посреди образа огневидный ангелъ представляетъ олицетвореніе премудрости Божіей; Ѳ. И. Буслаевъ находитъ, что ангелъ этотъ изображаетъ самаго Христа, который и есть сама премудрость. Въ Новгородской иконѣ сочиненіе распадается на трое: вверху престолъ, на которомъ лежитъ Евангеліе,—это сама премудрость, предвѣчное слово Божіе, ему покланяются ангелы; въ срединѣ звѣздное небо, «его-же преклони Господь», и самъ Спаситель въ

человѣческомъ образѣ; наконецъ въ нижней части иконы, врединѣ Спаситель, сидящій въ видѣ грознаго, огневиднаго апокалипсическаго «ангела», будущаго вѣка «судіи и отца», а по сторонамъ его Богоматерь, храмъ, заключавшій въ себѣ премудрость сошедшую на землю *), и Предтеча, прежде всѣхъ возлюбившій и познавшій эту премудрость. Всѣ три фигуры съ крыльями, въ знакъ того, что они сохранили въ земной жизни своей дѣвство.

Въ заключеніе назову нѣсколько иконъ св. Софіи премудрости Божіей, заслуживающихъ вниманія въ иконографическомъ отношеніи.

1) Въ собраніи купца Глотова, въ Москвѣ, была икона Софіи отличнаго письма, Строгоновскихъ первыхъ иконописцевъ, — на ней, кромѣ ангеловъ, вверху помѣщены и другіе святые.

2) У Семена Кузмича, бывшаго настоятеля Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, была икона Софіи, по преданію письма Андрея Рублева, съ четырьмя ангелами (вмѣсто шести); Богоматерь и Предтеча держатъ, каждый, по клейму съ изображеніемъ Спасителя.

3) У него-же былъ образъ Софіи, обыкновеннаго Новгородскаго перевода, съ присоединеніемъ внизу святыхъ, тезоименитыхъ семейству Максима Яковлевича Строгонова; сзади образа подпись мастера: «писмо Івана Соболева ученика».

4) Въ церкви Ильи Пророка, въ Ярославлѣ, на иконѣ св. Софіи прибавлены Іоаннъ Богословъ и Іоаннъ Златоустъ.

5) Изображеніе Софіи премудрости,—тотъ же переводъ помѣщается на иконѣ: «явися Богородица на преломленіе хлѣбовъ». Два такихъ образа: одинъ съ акаѳистомъ, другой безъ онаго, находятся на женской половинѣ Московскаго Преображенскаго кладбища.

6) Въ Кириловскомъ монастырѣ, въ Новгородѣ, находится большой образъ, тоже въ переводѣ «явися Богородица на преломленіе хлѣбовъ», но особаго состава. Вверху, цѣлую полосу составляютъ семь мѣстъ, съ изображеніями семи вселенскихъ

*) Почему и праздники образу Софіи назначены Богородичные.

соборовъ. Всрединѣ, слѣва, кругъ, въ немъ икона Софіи премудрости, Новгородскаго перевода, и кругомъ восемъ клеймъ съ ангелами (по два въ клеймѣ); пониже два херувима и два престола; справа Богородица съ Спасителемъ на престолѣ (Печерская Богородица); а въ срединѣ «ста Соломонъ передъ жертвенникомъ». Въ нижней части иконы народъ и святой Козьма (всѣ со стаканами «жаждущіе напится премудрости»).

1014 А. Прибавить: тотъ же переводъ, съ тою же молитвою внизу; у Предтечи въ рукѣ вмѣсто свитка съ надписью—чаша, а въ чашѣ Спаситель-младенецъ; на персяхъ Богородицы, въ клеймѣ, Спасъ Еммануилъ; изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1015. **Образъ Софіи премудрости**, переводъ Кіевскій,—онъ написанъ по приказанію митрополита Петра Могилы въ западномъ, польскомъ, стилѣ; дружкой ему можно указать другой образъ, новѣйшей работы, о которомъ упоминаетъ И. М. Снегиревъ Лубочныя картинки. М. 1861 г.).

Въ Московской церкви Благовѣщенія на Бережкахъ находился образъ Софіи премудрости фряжскаго письма, начала XVIII вѣка, съ надписью на свиткѣ: «Логика Перипатетика, подъ смотрѣніемъ въ праотцахъ отца Варлаама Ясинскаго, Божіею милостію Архіерея Митрополита Кіевскаго и всея Россіи, свидѣтельствованная при великомъ собраніи православномъ Кіевскомъ».

На этой куріозной иконѣ, западнаго измышленія, помѣщено множество разныхъ фигуръ, ангеловъ, мученицъ и русскихъ святыхъ, и даже портретъ и гербъ самаго Варлаама Ясинскаго. Подробное описаніе этого образа и самое изображеніе его помѣщено въ изслѣдованіи Ю. Д. Филимонова объ иконахъ Софіи премудрости (Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. М. 1874. 1—3).

1016—1018. Объ антихристѣ см. книгу Невоструева: Сказаніе объ антихристѣ, и разборъ этой книги М. И. Срезневскаго;

также христіанскія легенды объ антихристѣ А. Н. Веселовскаго, въ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. т. 178, стр. 283.

1018. Прибавить: изданіе *г*, точная копія съ изданія *б*; только въ немъ земля, въ правомъ углѣ внизу, тушевана въ одну черту, тогда какъ въ изданіи *б* она тушевана въ двѣ черты, на̀ крестъ. Въ моемъ собраніи.

1019. **Лицевое изображеніе 103 псалма.** Картинка эта второй половины XVIII вѣка и замѣчательна тѣмъ, что астрономическіе чертежи въ ней, какъ-то: небесныя планеты, затмѣніе солнца и ущербленіе луны, представлены вѣрно, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ Брюсова календаря, и не имѣютъ ничего общаго съ свѣдѣніями, содержащимися въ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ и въ этихъ послѣднихъ, рядомъ съ сказаніями о великихъ китахъ и громномъ колѣ, попадаются и научныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ слѣдующее извѣстіе, помѣщенное въ Троицкомъ громникѣ: «небесъ семь; на каждомъ небѣ по одной звѣздѣ, а именно: луна, Ермиса, афродита, солнце, Арисъ, Зевсъ, Кронъ. Выше же седьмаго неба другія 12 звѣздъ: овенъ, юнецъ, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, яремъ, скорпіо, стрелецъ, козій рогъ, водоліатель, рыбы» (Памятн. старин. русск. лит., III. 156).

Въ апокрифической книгѣ Еноха сказано, что ангелъ Уріилъ объяснилъ Еноху, что такое мѣсяцъ и равноденствіе и что въ году 52 седмицы (Порфирьевъ, 90); въ этой книгѣ Эноха космическое ученіе изложено въ 12-ти главахъ (71—82). Энохъ доходилъ до конца земли; гдѣ кончается небо (на рисункахъ Палеи небо надъ землею сходится «яко кожа»): я видѣлъ, говоритъ онъ, шесть воротъ на востокѣ, изъ которыхъ выходятъ солнце и луна, и шесть воротъ на западѣ, въ которыя они возвращаются. Для звѣздъ, которыя имъ сопутствуютъ, есть рядомъ съ тѣми воротами еще по шести воротъ, а около нихъ множество оконъ. Солнце состоитъ изъ блестящаго огня и пламени; орбита его равна орбитѣ неба; вѣтеръ гонитъ колесницу, на которой оно возсѣдаетъ. Луна ше-

ствуетъ на такой-же колесницѣ; орбита ея тоже равна орбитѣ неба, по четыремъ сторонамъ находится двѣнадцать воротъ, изъ которыхъ дуютъ 12 вѣтровъ; изъ тѣхъ восточныхъ воротъ дуютъ: удушливый, жаркій вѣтеръ, несущій засуху и гибель, умѣренный вѣтеръ, дающій плодородіе, и холодный, производящій стужу и сухость. Съ юга дуютъ: жаркій вѣтеръ, несущій благорастворенiе, жизнь и ароматы, и вѣтеръ, несущій гибель, дождь и ржавчину. Сѣверные вѣтры и западные имѣютъ для своего выхода тоже трое воротъ. Далѣе объясняется: теченіе и измѣненія луны, и обращеніе свѣтилъ; все это объяснялъ Эноху ангелъ Уріилъ (Migne, Diction. des apocryphes, I. 426.—Порфирьевъ, 216).

Въ одномъ сборникѣ XVII в., въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ родѣ бесѣды 3-хъ святителей (Памятн. стар. русск. лит., III. 178), читаемъ: В. Коль велики планиты? Т. философи намъ повѣдаютъ, еже луна столь широка, яже всю землю кромѣ рѣкъ и морь покрыетъ; а солнце величествомъ вдвое, а планѣты якоже луна.

В. Какъ намъ мнится, звѣзды малы суть? Т. Сія есть тварь земная высота, яко аще бы стояло солнце толь высоко, что и звѣзды, и намъ бы такожъ видѣлось, что и звѣзды.

В. Нынѣ повѣждь о лунѣ. Т. Луна есть меншая планита и течетъ нижеи всѣхъ къ землѣ, того (ради?) судится по ней весь миръ.

1022. **Символъ вѣры.** Въ Клинцовскомъ подлинникѣ гр. Строганова икона символа вѣры описана слѣдующимъ образомъ:

1) Вѣ-рую во единаго .... невидимымъ. — Сице стояше Адамъ і Ева в верху во облакахъ Саваоѳъ а на земли море, и рыбы, древа и трава, звѣри и скоти и птицы по воздуху по сторонамъ облака мѣсяцъ и солнце и звѣзды вся.

2) И во единаго Господа. Преображеніе.

3) Насъ ради человѣкъ и прочая. Благовѣщеніе.

4) И Маріи дѣвы и вочѣловѣчшася. Сице рожество Христово и волсви иродовы идутъ.

5) Распятаго-же за ны и проч. Распятіе, а по сторону снятіе со креста, а по другую положеніе во гробъ, а внизу у креста градъ; а подъ крестомъ глава Адамова и два сосуда, по сторону Богородица, а по другую Іоаннъ Богословъ.

6) И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. Воскресеніе Христово.

7) Возшедшаго на небеса и проч. Вознесеніе Господне.

8) И паки грядущаго со славою судити и проч. Спасъ на облацѣ, благословляетъ; на сторонѣ Богородица, а на другой Предтеча, за ними апостолы и пророки и праотцы и вси святіи мученицы, подъ ними на облакахъ три ангела съ трубами, а во облакахъ души праведныхъ, а ниже ангелъ стоитъ и народи голы на земли плачютъ и кричатъ всяко.

9) И в духа святаго Господа и проч. Сошествіе святаго духа.

10) Во едину святую соборную и апостольскую церковь и проч. Церковь о пяти верхахъ, а в ней апостолъ Петръ в руцѣ евангеліе, а преднимъ странны и стары народи, жены и чада, на правой сторонѣ у Петра Богословъ в руцѣ чаша и подаетъ народомъ изъ нея, а передъ нимъ странны и стары, и жены и млады сидятъ и просятъ, а по сторону церкви колоколна и полата, а за ними градъ и все.

11) Чаю воскресенія мертвымъ. А средв Ісаія пророкъ, вверху Саваоѳъ, по угламъ главы дуютъ, а около по земли мертвыя встаютъ.

12) И жизни будущаго вѣка аминь. Градъ на четыре угла, а на немъ восемь башенъ а во вратѣхъ у башенъ стоятъ ангели, а по сторонъ града земля и гора, а противъ над сторону зданія стѣны два пророка стары, предъ ними стоятъ по ангелу и указуютъ, а во градѣ среди спасъ с крестомъ в сіяніи благословляетъ а надъ нимъ духъ святый, а посторонь богородица и предтечь а за ними 12 апостоловъ, а выше земля и святыя припали, а выше градъ (Клинцов. подл. 120 об. и 121).

Въ дѣлѣ Висковатова упоминается о трехъ изображеніяхъ Символа вѣры. Одно изображеніе принадлежало Василію Ма-

мыреву; оно было написано на трехъ доскахъ, постановленныхъ въ трехъ разныхъ кіотахъ; на двухъ доскахъ было написано *вѣрую*, а на третьей отдѣльно Духъ святой въ голубиномъ видѣніи. Впослѣдствіи всѣ эти три иконы, по приговору собора, положено поставить въ одинъ кіотъ вмѣстѣ «благочинія ради церковнаго, и почести ради иконныя» (Дѣло Висковатова, стр. 37).

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ были кромѣ того еще двѣ иконы *Вѣрую*, съ нѣкоторыми существенными различіями въ переводѣ; одна въ самой церкви, другая на паперти. Эти различія подали поводъ соблазительнымъ рѣчамъ, которыми Висковатовъ смущалъ православныхъ, утверждая, что «неподобаетъ писать на иконахъ невидимаго Божества и безтѣлесныхъ силъ, какъ это было сдѣлано на тѣхъ иконахъ, а писать бы на иконѣ только словами: Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ и т. д. а оттолѣ бы, писать иконнымъ воображеніемъ: во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, и прочее до конца». Противъ этого Висковатову, на соборѣ было объяснено, что онъ говоритъ о томъ не гораздо, что это мудрованье и ересь Галанскихъ еретиковъ, которые запрещаютъ невидимыхъ и безплотныхъ на землѣ плотію описывать. А живописцы невидимаго Бога не описываютъ, а пишутъ по пророческому видѣнію и по древнимъ образцамъ, по преданію Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ (Буслаевъ, Очерки, II. 285).

1026. **Всякое дыханіе да хвалитъ Господа;** картинка представляетъ олицетвореніе 108 псалма (Снегиревъ, 33). Въ Талмудѣ слова этого псалма объясняются въ буквальномъ смыслѣ: «когда Давидъ утомлялся отъ пѣнія псалмовъ, то горы, деревья, птицы и всѣ части творенія, одушевленнаго и неодушевленнаго, замѣняли его и облегчали въ прославленіи Бога» (Bartol. II. 125). Тоже повторяется и въ Коранѣ, гдѣ Богъ говоритъ: «Мы дали Давиду даръ, который исходитъ отъ насъ (умѣніе пѣть); мы сказали: о горы и птицы! чередуйтесь съ нимъ въ пѣсняхъ» (гл. 34, стихъ 10; Порфир., 70). Греческій писатель VIII в. Синкеллъ, а за нимъ

и Кедринъ (XI в.), разсказываетъ, что Адамъ далъ названія всѣмъ животнымъ; въ 600 году, послѣ своего покаянія, онъ получилъ разныя откровенія, а въ томъ числѣ и о томъ, что въ опредѣленные дни и часы архангелъ покаянія и князь ангеловъ Уріилъ возноситъ къ Богу молитвы отъ всѣхъ земныхъ тварей. Въ первый часъ дня совершаются первыя молитвы на небѣ; во второй—молитвы ангеловъ; въ третій—птицъ; въ четвертый—животныхъ; въ пятый—звѣрей; въ шестый—предстояніе ангеловъ; въ седьмый—восхожденіе и нисхожденіе ангеловъ; въ осьмый—хваленіе и жертвы ангеловъ; въ девятый—приношенія и молитвы людей; въ десятый—смотрѣніе водъ и молитвы небеснаго и земнаго; въ одинадцатый—безмолвное исповѣданіе и всеобщее ликованіе; въ двѣнадцатый—воззваніе людей къ благоволѣнію Божію (Порфир., 90). Въ апокрифическомъ *завѣтѣ Адама* служеніе тварей въ различные часы ночи изложено въ слѣдующемъ видѣ: «1-й часъ ночи: это часъ поклоненія демоновъ; въ это время они перестаютъ дѣлать зло и вредить человѣку, потому что сила Творца вселенной удерживаетъ ихъ. 2-й часъ: это часъ поклоненія рыбъ и всего, живущаго въ морѣ. 3-й часъ: поклоненіе глубинъ, или безднъ преисподнихъ. 4-й часъ: трисвятое Серафимовъ». Прежде моего паденія», разсказываетъ Адамъ, «я слышалъ въ этотъ часъ въ раю шумъ ихъ крыльевъ; ибо Серафимы, обыкновенно, ударяли крыльями, производя гармоническій звукъ въ храмѣ, назначенномъ для ихъ служенія; но съ того времени, какъ я согрѣшилъ и преступилъ заповѣдь Божію, я пересталъ видѣть ихъ и слышать шумъ ихъ». 5-й часъ: служеніе водъ превыше небесъ... 6-й часъ: собраніе облаковъ (тучь) и великій священный ужасъ, который знаменуетъ средину ночи. 7-й часъ: покой силъ и всѣхъ природъ, когда воды покоятся, и если въ этотъ часъ взять воды, которую священникъ Божій соединяетъ съ святымъ елеемъ, и помазать этимъ елеемъ тѣхъ, которые страдаютъ и не спятъ, то они выздоравливаютъ. 8-й часъ: благодареніе Богу за произведеніе травъ и сѣмянъ, въ то время, когда роса небесная нисходитъ на нихъ. 9-й часъ: служеніе ангеловъ, которые стоятъ предъ престоломъ величія. 10-й

часъ: поклоненіе людей: врата небесныя отверзаются, чтобы дать возможность войти туда молитвамъ всего живущаго; онѣ повергаются и потомъ выходятъ. Въ этотъ часъ Богъ благоволитъ ко всему, чего человѣкъ ни проситъ у Бога, въ ту минуту, когда Серафимы ударяютъ крыльями и когда поетъ пѣтухъ. 11-й часъ: великая радость по всей землѣ, въ минуту, когда солнце восходитъ отъ рая Божія и поднимается надъ вселенною. 12-й часъ: чаяніе и глубокое молчаніе между всѣми чинами свѣтовъ и духовъ до того времени, когда іереи поставятъ ѳиміамъ предъ Богомъ, и потомъ всѣ чины и силы небесныя раздѣляются (расходятся)». (Migne, Diction. des Apocryphes.—Порфирьевъ, 169).

1029. **Благовременное покаяніе.** Картинка эта уважается хлыстами; г. Мельниковъ описываетъ ее подъ именемъ «Ликовствованія», въ которомъ кающійся грѣшникъ замѣненъ пляшущимъ царемъ Давидомъ (На горахъ: Русск. Вѣстн., томъ 136, стр. 601).

1031 А. **Благовременное покаяніе.** Прибавить: таже картинка въ двухъ съ половиною листовомъ размѣрѣ; отпечатана на синеватой бумагѣ 1800 года; переводъ тотъ-же; надпись вверху: «сие істинное|ізображение|—і благовремя|ннаго покаянія». Въ моемъ собраніи.

1034. **Какимъ святымъ отъ какихъ болѣзней молиться.** Объ этомъ листѣ подробно говорится въ заключеніи; всего болѣе молитвъ, заговоровъ и разныхъ рецептовъ встрѣчается въ старинныхъ рукописяхъ отъ лихорадки, трясавицы—огневицы тожъ—и зубныхъ болей. Въ одномъ заговорѣ, помѣщенномъ въ раскольничьемъ сборникѣ апокрифическихъ статей новѣйшаго письма, упоминается 7 дѣвицъ лихорадокъ, простовласыхъ, которыя разсказываютъ о себѣ слѣдующее: «А имена наши сія суть: 1-я Лилія, 2-я Хорторія, 3-я Зыгрѣя, 4-я Невея, 5 я Тухія, 6-я Немія, 7-я Жыднѣя; еще старшая Трясавица, а меньшіи всѣ повинны насъ слушати, и кто будетъ наши имена при себѣ носити, тому жадная въ нашихъ не можетъ входити» (Арх. Калач. II. 57). Въ другомъ заговорѣ онѣ

являются въ видѣ 12-ти дѣвъ простовласыхъ, дочерей Иродовыхъ, выходятъ изъ огненнаго столпа: первая—Невѣя, вторая—Синя, третья — Легкая, четвертая — Трясуница, пятая—Желтуница, шестая—Мученица, седмая - Огненная, осмая—аки ледъ, девятая — временная, десятая — безъименная, одинадцатая — вешняя, двѣнадцатая — листопадная (Библ. для чтен. XC. III. 51—52.—Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар. 1841 г. о чернокнижіи I. 21.—Архивъ Калачова, II. 58). Отъ лихорадки указывается молиться Саввѣ Вишерскому и Евфимію Новгородскому; образа съ изображеніемъ двѣнадцати лихорадокъ описаны Ѳ. И. Буслаевымъ (въ селѣ Пушкинѣ; Очерки, II. 47 и 50) и И. Голышевымъ (въ селѣ Холуѣ). (Сравните: Щапова, Русск. расколъ 1859, I. 449, и Буслаева, Очерки, I. 482). У Ѳ. И. Буслаева (Очерки, I. 499) выписаны тоже имена ангеловъ, кому изъ нихъ отъ чего молиться; въ Памятникахъ отреченной литературы Тихонравова (II. 353) помѣщены молитвы слѣдующимъ святымъ на разные случаи: Апостолу Павлу — отъ укушенія змѣинаго; священно-мученику Антипію—отъ зубной боли; препод. Сисинію и архангелу Михаилу—отъ лихорадки, и св. Іоанну Златоусту—отъ всякихъ недуговъ. «Ангелу Вавилону молись, когда наливаешь воду; ангелу Потопилу, когда ложишься спать; Анастосиму, когда находишься въ печали; Михаилу, когда идешь на судъ; Рафаилу, когда шествуешь въ путь и начинаешь какое дѣло; ангелу Петру, когда идешь на пиръ: и всѣ тебѣ рады будутъ. Ангелу Макарію, когда начинаешь строить домъ. Ангелу Воестаму, когда гремитъ громъ (раскольничья новая рукопись въ Памятникахъ отречен. литерат. Тихонравова, II. 346). Тамъ же: 1-й Ангелъ Полутось—напиши имя его на крестѣ, поставь на ниву или виноградникъ, и оградитъ отъ града. 2-й Ангелъ Ефіимъ избавляетъ домъ отъ бѣсовъ. 3-й Ангелъ надъ водами. 4-й Ангелъ Михаилъ—молись ему когда просыпаешься (Памят. отречен. литерат. Тихонравова, II. 347; по сербск. рукоп. XV в.).

Въ сборникѣ Святослава говорится, между прочимъ, о томъ, что пророкъ Іеремія погребенъ близъ дома Фараонова, и что

земля отъ могилы его исцѣляетъ отъ укусовъ аспида и прогоняетъ крокодиловъ и другихъ водяныхъ звѣрей (Святославовъ Изборникъ, л. 257—258). Въ Кіевскихъ пещерахъ есть мощи Виѳлеемскаго младенца во гробикѣ, которому беременныя женщины служатъ молебны *ради легкихъ родовъ*, причемъ гробикъ кладется на брюхо молящейся.

1046. **Родословіе Спасителя.** Въ апокрифическихъ сказаніяхъ родство Спасителя дополняется слѣдующими свѣдѣніями: Іосифъ обручникъ, супругъ Богоматери, отъ первой жены своей Саломеи имѣлъ четырехъ сыновей: Іакова, Симона, Іуду и Осію и трехъ дочерей: Есфирь, Ѳамарь (т. е. Марѳу) и Саломею; послѣднюю онъ отдалъ за Іосифа Заведеева; отъ нихъ родились: Іаковъ и Іоаннъ Евангелистъ (Сборн. XVII в.; Памятн. стар. русск. лит., III. 90). Родословіе Спасителя на иконахъ не пишется, но пишется на стѣнахъ, на церковной паперти.

1047. **Родословіе Спасителя.** Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картины, отпечатанныя одною и тою-же доской: а) на твердой бумагѣ 1820—30 гг.; и б) съ истертой доски, на мягкой бумагѣ 1830—40 гг.

1049—1055. **Троица** пишется на иконахъ: 1) въ видѣ трехъ ангеловъ, сидящихъ за столомъ; 2) съ прибавленіемъ угощающаго ихъ Авраама; 3) съ прибавленіемъ еще Сарры, смотрящей изъ за дверей храмины; 4) съ прибавленіемъ юноши, закалывающаго тельца (съ античнаго образца), и наконецъ 5) съ дѣяньемъ кругомъ, состоящимъ изъ шести отдѣленій: Ангелъ останавливаетъ Авраама, собирающагося принести въ жертву Исаака; Господь является Аврааму; выходъ Лота изъ Содома; Авраамъ умываетъ ноги Господа; упрашиваетъ его пощадить Содомъ и обѣтованіе Аврааму (Изъ Клинцов. подл. гр. Строгонова XVII в.). Въ молельнѣ А. Е. Сорокина былъ образъ Троицы, письма первой половины XVII вѣка, съ дѣяньемъ кругомъ, въ ко-

торомъ было представлено, кромѣ выше приведенныхъ отдѣленій, и сотвореніе міра.

1053 А. Прибавить: **еще св. Троица**; картинка въ листъ, гравированная на деревѣ въ половинѣ XVIII вѣка; подлинная липовая доска находится въ Музеумѣ Академіи Художествъ: «ст҃ая тр҃ца сидитъ за столомъ»; «Авраамъ» подноситъ кушанье; «Сарра» видна сзади, въ дверяхъ дома; впереди юноша, закалывающій вола.

1056. **Отечествомъ** называется троичная икона, въ которой Богъ отецъ и Богъ сынъ возсѣдаютъ на облакахъ, а Духъ святой посреди ихъ, въ видѣ летящаго голубя. У Семена Козмича (бывшаго настоятеля Московскаго Преображенскаго кладбища) было отечество, въ которомъ и Духъ святый былъ представленъ въ видѣ юноши, посреди двухъ другихъ лицъ Троицы, — икона Строгоновскихъ вторыхъ писемъ. Наша картинка, описанная подъ № 1056-мъ, гравирована крѣпкой водкой знаменитымъ иконописцемъ Оружейной палаты Симономъ Ушаковымъ; о немъ смотри подробнѣе въ прим. къ № 778.

1061 А. Прибавить: на листѣ синеватой бумаги 1806 года отпечатано шесть слѣдующихъ картинъ, награвированныхъ на одной доскѣ:

1) **Царь Царемъ**, съ подписью внизу: «намирнно знамени судїе молю меренъ судъ грешну мне|да сотвориши мл҃те на всякомъ судѣ хввалима бы|ваетъ сия пане на твоемъ душа моя чаетъ» (подпись скопирована вѣрно).

2) **Отечество**; въ книгѣ, которую держитъ Спаситель, читается: «плю |вамъ|»... Подписи внизу нѣтъ (см. № 1061 А).

3) **Печерская Богородица**; внизу подпись: «неприкосновеный Бг҃ъ наруки двіца зрится вси побегнете кнему чл҃вцы ибо всехъ призываетъ[т] вое благїи пріидїте азъ краи есмъ желанїя мене полюбете» (см. № 1275 А).

4) **«Азъ есмь хлѣбъ животныи сошедыи снебесе** аще кто снѣсть ѿ хлеба сеи но жи[в] буде[т] въ векъ». Внизу изображенъ Іоаннъ Златоустъ и, въ двухъ клеймахъ, таинство причащенія; ниже подпись: «вкусите и видите яко благъ г҃дь». Это копія съ № 1115 А.

5) **Богородица поручница грѣшныхъ**, съ подписью: «азъ поручніца грешны[х] кмоему | сну сей даръ мнѣ за ні руцѣ слыща[т] мая дати їже радостъ выну мне принося радоватся вечне чрезъ мене їспрося» (см. № 1275 Б).

6) **Христосъ, источающій кровь въ чашу**; внизу подпись: «тела и крове хвы сила есть торлиа (такъ) совокупляе[т] весма | и бг҃омъ члвѣка иже недостоине ты стыню вкушаетъ|сеи отъ бга во веки о[т]лученъ бываетъ». Это копія съ № 1112 А.

1062. **Нерукотворенный образъ.** Въ Клинцевскомъ подлинникѣ XVIII в. упоминается о четырехъ нерукотворенныхъ образахъ: первый изъ нихъ былъ подаренъ семилѣтнимъ Христомъ Египетскому царю Евфродизію, пришедшему поклониться ему; этотъ образъ названъ: «Еммануилъ, еже есть сказаемо съ нами Богъ». Второй образъ посланъ Христомъ Едесскому князю Авгарю, который послалъ живописца своего Ананію звать Христа исцѣлить его, а если Христосъ откажется идти за нимъ, то списать съ него портретъ. Ананія засталъ Христа на проповѣди, началъ списывать съ него портретъ; но дѣло не ладилось, такъ какъ Христосъ «пременяше себе подобіи». Видя вѣру и заботу Ананія, Христосъ взялъ у него полотно, попросилъ у апостола Петра воды, умылся, отерся полотномъ, и отпечатлѣлъ на немъ свой ликъ. Этому образу дана надпись: «Божіе видѣніе, божественное чудо»; имъ исцѣленъ Авгарь отъ болѣзни. Въ третій разъ Христосъ «отре потъ», когда несъ святый крестъ; нерукотворенный ликъ, который произошелъ при этомъ на платѣ, онъ далъ апостолу Ѳомѣ. Наконецъ, уже послѣ своего вознесенія, Христосъ приходилъ въ домъ мученицы Акиліаны (въ Камиліанѣхъ); здѣсь онъ умылся и отеръ лице свое убрусомъ, отчего произошелъ четвертый

нерукотворенный образъ (см. у Григорія Нисскаго, объ убрусѣ) [1]).

Легенды этѣ повторяются въ другихъ отреченныхъ рукописяхъ (Тихонравова, Памятн. отреч. лит., II. 11), гдѣ живописецъ, писавшій портретъ Христа, названъ Лукою, а не Ананіемъ, какъ въ Клинцовскомъ подлинникѣ, и гдѣ Христосъ, отираясь убрусомъ, воды отъ апостала Петра не требовалъ.

Вь западныхъ источникахъ кромѣ того есть легенда о нерукотворенномъ образѣ, который данъ Христомъ св. Вероникѣ (отъ Vera icon), подавшей ему, во время несенія креста, убрусъ, которымъ онъ отерся. Въ Ватиканѣ есть статуя св. Вероники, держащей убрусъ съ изображеніемъ Спасителя [2]); а въ нашей Пицундѣ есть древній генуезскій колоколъ съ такимъ же изображеніемъ (Грузія и Арменія, III. 314).

Едесскій убрусъ, посланный Авгарю, былъ наложенъ на доску и поставленъ надъ воротами, какъ упоминаютъ объ этомъ Византійскій писатель XI вѣка Кедринъ, а до него Евагрій и Евсевій, и какъ это пояснено и въ текстѣ нашей картинки № 1063. Много лѣтъ спустя образъ этотъ былъ заложенъ въ стѣну Едесскимъ епископомъ, укрывшимъ его отъ иконоборцевъ; вмѣстѣ съ нимъ была заложена и горящая свѣча. Когда Персидскій царь Хоздрей взялъ Едессъ, стѣна была разломана, образъ найденъ въ цѣлости и передъ нимъ горящая свѣча (III. 432). Затѣмъ образъ этотъ подаренъ въ X вѣкѣ Константину порфирородному; при взятіи же Константинополя, при дѣлежѣ добычи, отданъ Венеціанскому дожу Дандоло и во время перевозки, въ Венецію, потонулъ въ морѣ, вмѣстѣ съ кораблемъ. По другому западному преданію, Едесскій образъ подаренъ Іоанномъ Палеологомъ въ XIV вѣкѣ дожу Леонарду Монтальто; онъ хранился въ Генуѣ за одинад-

---

1) Въ Клинцев. подлинникѣ упоминается еще объ иконѣ Спаса нерукотвореннаго, бывшей на островѣ Критѣ и творившей много чудесъ.

2) Pistolesi, Il Vaticano descritto. Roma 1829, I.—Въ Клинцовскомъ подлинникѣ упоминается о боярынѣ Верникіи, отлившей статую Іисуса Христа, которую царь Юліанъ повелѣлъ разбить.

цатью замками и выставлялся на поклоненіе богомольцамъ одинъ разъ въ году. При освидѣтельствованіи комисарами, посланными Наполеномъ I въ 1810 году (для оцѣнки и вывоза сокровищей), образъ этотъ оказался, по ихъ приговору, «не древней живописи и малоцѣнный».

Точно также, безъ всякихъ основаній, называется Едесскимъ подлинникомъ образъ Спаса, находящійся въ Московскомъ Верхоспасскомъ соборѣ (Вельтманъ, Достопам. Москов. Кремля. М. 1846, стр. 51). и привезенный будто бы въ Москву изъ Константинополя вел. кн. Софьею Ѳоминичною, супругою Ивана III.

Въ Римѣ, до настоящаго времени, въ соборѣ св. Петра хранится нерукотворенный образъ, который выдается за Едесскій подлинникъ; онъ и скопированъ въ нашихъ картинкахъ №№ 1062 и 1063. Образъ этотъ извѣстенъ съ 1249 г. (Scheible, Das Kloster, VIII. 153). Первый, извѣстный намъ списокъ съ этого убруса, хранящагося въ Римѣ, появился на Москвѣ въ XVI вѣкѣ; его прислалъ царю Ивану Васильевичу Римскій императоръ Рудолфъ; снимокъ съ него находится въ алтарномъ иконостасѣ придѣла въ честь св. Логина сотника, при церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что въ Барашахъ на Покровкѣ. Этотъ образъ писанъ на доскѣ, длиною $4\frac{1}{2}$ верш., вышиною 8 вершковъ. Лице Спасителя въ натуральную величину, въ 5 верш. длиною. Пошибъ живописи составляетъ переходъ отъ Греческой къ Фряжской. На поляхъ иконы читается слѣва любопытная надпись:

«Сіи образъ Слова Бога 7092 сентября 26-го, по прошенію великаго государя царя Іоанна Васильевича, отъ цезаря Рудольфа, сребромъ позлащеннымъ украшенъ, по обычаю Грековъ, списанъ съ сущаго образа, которой съ самого Творца, нашего Іисуса, въ Эдесъ ко Авгарю посланъ бяше, иже и нынѣ въ Римѣ, и свидѣтельствуетъ о томъ грамота въ посольскомъ приказѣ и по отшествіи жизни его, государя, сыну ево Ѳедору Іоанновичу отданъ въ чертоги царскія, и потомъ въ келіяхъ святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и по кончинѣ его, отданъ въ иконохранительницу чертоговъ царскихъ; свидѣтельствуетъ о томъ опись Па-

тріаршаго Приказу. 7187 году великій государь царь и великій князь Өедоръ Алексѣевичъ въ иконохранительницѣ некогда въ пришествіи своемъ за многую свою милость сію святую икону пожаловалъ аптекарскія палаты дьяку Андрею Виніусу [3]), и о семъ свидѣтельствуетъ расходная книга той палаты. Съ списка вторично списанъ въ 1761 году».

Надпись *на оборотѣ доски*: «Сей есть пришедый водою, кровію и духомъ Іисусе Христе Сыне и Слове Божій Отца Бога въ себѣ имый всегда и Самъ въ немъ пребывая со Святымъ Духомъ Богомъ. У кого прежде сія Святая икона была и впредь У кого будетъ, помилуй Ради имени Своего Іисусе Сыне Боже, не Лиши тѣхъ и всѣхъ Своего Божія небеснаго Царствія, идеже Царствуютъ вси со Отцемъ и со Святымъ Духомъ вѣчно и нескончаемо.

(Статья И. М. Снегирева въ № 73 Моск. Вѣд. 1852 г.).

Кромѣ того существуетъ легенда, что на доскѣ, на которой былъ наложенъ св. убрусъ, тоже отпечатался (съ убруса) образъ Спасителя; эта доска принесена была въ Грузію однимъ изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, но при нашествіи Тамерлана, доску эту Марткобскій епископъ Георгій заклалъ въ стѣну. Списокъ съ него находится въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ. Другой подлинный отпечатокъ, происшедшій подобно Марткобскому и тоже на доскѣ, показывается въ Ангисхатскомъ соборѣ (Грузія и Арменія. Спб. 1848, III. 28) [4]).

---

[3]) Андрей Денисовичъ Виніусъ, родомъ Голландецъ, въ 1632 устроилъ первые чугунно-плавильные заводы (Энциклопед. Лексик. Плюшара, X).

[4]) Въ Соловецкомъ монастырѣ, надъ вратами, есть колоссальный нерукотворенный спасъ (мокрая брада), написанный препод. Елеазаромъ Анзерскимъ по подобію Едесской иконы. *Вятская* чудотворная икона, такая же колоссальная копія съ Едесскаго Спаса, принесена въ Москву изъ города Хлынова (Вятки), по волѣ царя Алексѣя Михаиловича, 14 янв. 1647 г. и поставлена въ Успенскомъ соборѣ. 19 сентября ее перенесли въ Новоспасскій монастырь, а въ Хлыновъ посланъ съ нея списокъ. Въ монастырѣ Зографѣ есть тоже икона Спаса нерукотвореннаго (отъ нея и монастырь называется Зографскимъ); объ этой иконѣ разсказывается чудо, что одинъ невѣрующій мазалъ ее перстомъ, и перстъ его присталъ къ иконѣ: «и такъ видимо есть это дѣло» (Краткое опис. Аөонск. мон., л. є). Въ католической письменности есть множество описаній лица Спасителя; такое описаніе есть и въ нашихъ рукописяхъ см. По-

Въ заключеніе замѣчу, что по легендамъ существуютъ нерукотворенные образа не одного Спаса, но и Богоматери и другихъ святыхъ. По патерику Печерскому Богородица дала такую икону греческимъ мулярамъ; ангелы написали преподобному Алимпію, во время его сна, нѣсколько иконъ для собора; Богоматерь сама изобразилась на стѣнѣ храма мусіею; рука на иконѣ Богородицы троеручицы сама собою возобновлялась двукратно; тоже самое было съ иконами спаса Мануилова письма и Спаса во главѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Въ католическихъ храмахъ есть не мало такихъ же иконъ, написанныхъ ангелами и пр.

Царскій иконописецъ Іосифъ Владиміровъ, имя котораго упоминается въ текстѣ № 1062, извѣстенъ, какъ хорошій изографъ; онъ состоялъ при Московскомъ печатномъ дворѣ знаменщикомъ съ сентября 1660 года по 1664 г. (См. мои: Исторію иконописанія и Русскіе граверы, въ статьѣ В. Румянцева, стр. 374).

1065. Эта картинка принадлежитъ тоже къ подносным листкамъ (она поднесена отцу Лаврентію).

1066. Прибавить: изданіе *в*, отпечатанное доской изданія *а*, пройденною рѣзцемъ; надъ усами и брадою Спасителя видны грубыя черты рѣзцемъ. Въ моемъ собраніи.

1068. **Спасъ оплечный.** Слова «ѾОН», находящіяся въ вѣнцѣ Спасителя, въ Клинцовскомъ подлинникѣ XVIII вѣка толкуются слѣдующимъ образомъ: «*Толкъ словамъ яже у христа писаны ввѣнцѣ* ѾОН: азъ есмь сый. *Другій толкъ.* Жидовѣ узрятъ его встрашный день и рекутъ: вонъ онъ нашъ. *Толкъ греческій* Ѿ: отъ небеси пріидохъ. О: ониже мя непознаша. Н: на крестѣ пригвоздиша мя». Толкованіе этихъ словъ см. у Максима грека (рукоп. XVI в.; Востоковъ, Румянц. кат., CCLXIV. об. — Буслаевъ,

пова, Хроногр. XVII в. II. 82.—Буслаева, Очерки, II. 260. У Шейбле (Schaltj. IV. 303) приведена народная картинка 1655 года, съ изображеніемъ креста и съ означеніемъ роста Спасителя.

Очерки, II. 30). Богу есть 70 именъ: власть, сила, слово, животъ, милость люби, мудрость, ѡсотиръ, пандократоръ, параклитъ, свѣтъ и т. д. (Тихонравовъ, Памятн. отречен. лит., II. 339; по рукоп. XVII в.). Подобное же перечисленіе именъ Бога приведено по католическимъ источникамъ у Низара (Hist. des livres popul., I. 150). Имя ἰησοῦς, по объясненію сивиллы Кумейской, составляетъ число 888. О разныхъ написаніяхъ этого имени см. у Невоструева: Слово св. Иполита (М. 1861, стр. 172). Въ числѣ символовъ, замѣняющихъ изображеніе Спасителя, въ древнихъ памятникахъ чаще всего употребляется рыба «ἰχθύς», такъ какъ она состоитъ изъ начальныхъ буквъ имени: Іисусъ Христосъ Божій сынъ, спаситель.

Въ Клинцевскомъ подлинникѣ XVIII вѣка, вслѣдъ за объясненіемъ имени Іисуса, помѣщено перечисленіе: О Іисусехъ колико есть: 1) Іесусъ наввинъ воевода израильскій. 2) Іесусъ Сираховъ мужъ мудрый былъ. 3) Іесусъ Седековъ священникъ бга в вавилонѣ. 4) Іесусъ медіаловъ святая святыхъ обнови. 5) Іесусъ былъ апостолъ и пророкъ бѣ вплененіи Іерусалима. 6) Іесусъ Христосъ Богъ нашъ.

1071. **Спасъ поясной и въ ростъ.** Оригиналомъ для изображенія пояснаго Спаса служилъ образъ Спаса, написанный въ главѣ Новогородскаго Софійскаго собора, о которомъ въ Ростовскомъ лѣтописцѣ, подъ 6558 годомъ, записано, что писцы писали его съ благословящею рукою, къ утру-же рука оказывалась сжатою; и такъ было до трехъ разъ; на третье-же утро отъ Спаса бысть гласъ, чтобы писать руку его *сжатою,* ибо въ рукѣ той онъ держитъ Великій Новгородъ, и когда рука та распрострется, тогда будетъ Новограду скончаніе (Лѣтопис. XVII в. въ Москов. Арх. Иност. Дѣлъ). Предсказаніе это однако-же со взятіемъ Новгорода не сбылось. Спаса иконописцы пишутъ не съ сжатою, а съ благословящей рукой, съ какою онъ перешелъ и въ народныя картинки. Спасъ стоящій по большей части копировался съ такъ называемаго Спаса Смоленскаго, что на Спасскихъ воротахъ, напоми-

нающаго старинные итальянскіе типы (Джіов. Беллино); а Спасъ, сѣдящій на престолѣ во образѣ вѣчнаго Архіерея, представляетъ большею частію подражаніе образу Спаса, письма греческаго царя Мануила, находящемуся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. По легендѣ этотъ образъ былъ написанъ съ благословящею рукою. Однажды Мануилъ встрѣтилъ на пути своемъ священника «иже не подобная творяше»; священника этого онъ приказалъ строго наказать, «покрыть ранами»; тогда во снѣ явился ему Спаситель и, укоривъ его за то, что онъ принимаетъ на себя не данную ему власть судить священство, приказалъ ангеламъ наказать царя. Проснувшись царь увидѣлъ себя покрытымъ ранами, а руку Спасителя на иконѣ указывающую «долу». Если по сторонамъ Христа, во образѣ вѣчнаго Архіерея, представлены Богоматерь и Предтеча, — то икона называется «Царь Царемъ». Если при этомъ приписаны архангелы Михаилъ и Гавріилъ (служба которымъ въ понедѣльникъ), апостолы Петръ и Павелъ (служба въ четверегъ), и другіе святые (служба въ субботу),—то икона называется «Седмицею», такъ какъ на ней тогда находятся для поклоненія святые на каждый день *). Три иконы: Спасъ, Богоматерь и Предтеча вмѣстѣ, называются Деисусомъ; Спасъ при этомъ пишется по большей части благословящій съ Евангеліемъ въ рукѣ, а иногда и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ положенъ во гробъ (Спасъ уныніе=итальянская pieta). На груди Богоматери иногда бываетъ изображеніе Спасителя: «слово плоть бысть»; Предтеча тоже держитъ иногда чашу съ лежащимъ въ ней Спасителемъ; такихъ изображеній, впрочемъ, на нашихъ картинкахъ не встрѣчается и потому въ объясненіе символическаго значенія ихъ вдаваться здѣсь не приходится. Замѣчу, что отъ трехъ иконъ Деиуса, составляющихъ необходимую принадлежность втораго тябла иконостаса, все это тябло получило названіе *«деисуса»*.

---

*) Спасителю служба въ воскресенье, а кресту его въ пятницу, Богоматери служатъ въ середу, а Предтечѣ—во вторникъ.

1083 А. Прибавить: **Деисусъ**; всрединѣ Спасъ на престолѣ, по сторонамъ: «С Іωанъ прча, Мр Өу, архаггль Міхаилъ» и «архаггль Гавріилъ». Грав. на мѣди; полулистовая картинка вдлину. Въ собраніи В. И. Яковлева.

1086 А. Прибавить: «Сей агнецъ божиї вземляи грехи всего мира»; картинка листовая, рѣзанная на мѣди и отпечатанная на бумагѣ 1810 года. На ней изображенъ лежащій въ сіяніи Христосъ младенецъ, которому покланяется множество ангеловъ. Въ моемъ собраніи.

1098. Исключить: это подносный листъ, описанный подъ № 1684.

1104 А. Прибавить: **Спаситель съ св. Сергіемъ и Варлаамомъ.** Точно такая же листовая картинка (какъ и № 1104), съ надписями на святыхъ: «прпдбны варлаами» и «прдпбны сергий». Изданіе на синей бумагѣ 1809 года. Есть и другое изданіе этой же доски на бумагѣ 1810 года. Въ моемъ собраніи.

1110. См. 1061 А.

1115. «**Азъ есть хлѣбъ животный** сшедый съ небесе», слова изъ бесѣды Іоанна Златоуста. См. Христ. Чтен. 1851. О. I. II. 4. 177.

1120. **Изображенія Богородицы.** Въ одномъ подлинникѣ XVII вѣка (Царскаго, № 314) находится слѣдующее описаніе ея: Возрастомъ была средняя, другіе-же говорятъ выше средней, руса, съ желтыми волосами, и съ черными очами, благозрачна; черныя брови, лице кругловатое, долгія руки, и долгоперстна, исполненна непомысленнаго, непостыдна, непреложна смиренія.. [1]). Одежду-же

---

[1]) Относительно описанія Богородицы и Спаса по западнымъ источникамъ см. у Емерика Давида, въ его: Histoire de la peinture au moyen âge.

тмозрачную любила и всегда носила, какъ свидѣтельствуетъ и святый покровъ ея (Ѳ. Буслаевъ, Очерки, II. 360). Въ католическихъ картинкахъ есть указанія роста Богородицы (Scheible, Das Schatj. IV. 437), а въ нашемъ хронографѣ XVII в. указаны ея лѣта (Поповъ, II. 82) [2]).

О житіи Богородицы въ Клинцовскомъ подлинникѣ сказано, что: «отъ рожденія ея до введенія 3 лѣта, а в церкви была 11 лѣтъ. Пищу пріимала отъ ангела вдому Иосифове 12 мѣсяцъ; тутже и благовѣщеніе пріяла Марта въ 25 день, тогда бысть 15 лѣтъ и дву^х мѣсяцевъ, а по вознесеніи Господни успе в вѣчную жизнь».

Ѳома епископъ Кантуарійскій въ молитвахъ своихъ поздравлялъ ее съ 7-ю радостями: 1-я радость была ей, когда она зачала Спасителя, 2-я, когда носила его, 3-я, когда родила его, 4-я, когда ему покланялись волхвы, 5-я, когда обрѣла его во храмѣ, 6-я, когда Христосъ воскресъ, и 7-я, когда сама взята была на небо (Небо новое, 50).

На главѣ и персяхъ Богородицы пишутся три звѣзды; значатъ онѣ, что Богородица до рождества была дѣва, во время рождества «дѣвства двери невредны соблюде, Еммануилъ бо естествомъ двери отверзе яко человѣкъ, дѣвства же затворъ разверзи яко Богъ»; и по рождествѣ осталась «паки дѣвою». По другому толкованію три звѣзды этѣ означаютъ: «образъ рождьшія намъ Единого отъ Троицы Христа Бога нашего» (Буслаевъ, Очерки, II. 29).

Монограмма м҃р ѳ҃у, т. е. матерь Бога, толкуется въ нѣкоторыхъ подлинникахъ такъ: «Марія роди Фарисеямъ учителя»; самыя буквы, изъ которыхъ составлена монограмма должны обозначать драгоцѣнные камни: Маргаритъ, Адамантъ, Рубинъ и Іасписъ. Именъ у Богородицы, по отреченной рукописи XVII вѣка, 72: купина, жезлъ, корень, земля, святая, и т. д. Главное же имя

---

[2]) Въ этомъ же хронографѣ помѣщено апокрифическое сказаніе изъ ея жизни, о томъ какъ она воздоила разбойничьяго ребенка; это сказаніе написано на одной изъ стѣнъ Суздальскаго соборнаго храма. См. выше прим. къ № 892.

«Марія» (Тихонравовъ, Памятн., II. 339). Точно такое-же исчисленіе именъ Богородицы находится и въ католическихъ источникахъ (Nisard, hist. des livres popul., I. 150) [3]).

1123 А. Прибавить: «Мт҃рь Бж҃іа: Делано при фа^б: м: а. резалъ Дмитреи пастухо^в». Богоматерь $^3/_4$ влѣво, въ овальной рамкѣ; картинка гравирована грубымъ рѣзцомъ, въ полъ листа. Въ моемъ собраніи.

1125. **Богоматерь на лунѣ** изображается по видѣнію апокалипсиса: «явися жена облеченна въ солнце и луна подъ ногами ея и на главѣ вѣнецъ отъ звѣздъ двоинадесяти» (Апок. 12. 1—6, 13—17). Гравюра мастера Трухменскаго; одинъ экземпляръ ея есть у Ѳ. И. Буслаева, онъ вклеенъ въ рукопись: «звѣзда пресвѣтлая». Въ такомъ видѣ изображена Богородица и въ апокалипсисѣ Кореня № 810, л. 33.

1131 А. Прибавить: Богоматерь съ Спасителемъ; картинка 4°, которую гравировалъ крѣпкой водкой: «Иванъ Никитинъ»; внизу вирши: «Ст҃ая д҃ва бг҃а величаетъ, приятъ на руцѣ хвалу возсылаетъ несказанно всю тварь уповающу и мл҃тивно вѣрныхъ спасающъ». Въ собраніи В. А. Яковлева.

1159 А. **Богоматерь со Спасителемъ** (переводъ: умиленіе); вверху солнце и луна, на поляхъ: «о Антоніи» и «о Ѳеодосіи»; сверху и снизу рамка изъ завитковъ. Отпечатокъ съ оригинальной деревянной доски, принадлежащей В. А. Прохорову (хранится въ музеѣ Археологическаго Института Н. В. Калачева). Картинка листоваго размѣра; по работѣ напоминаетъ доски, описанныя подъ №№ 1459 А и 1459 Б и гравированныя въ 1695 году.

---

[3]) Въ землѣ Влосской (Валахіи), въ церкви св. Лаврентія, показывается перстень, которымъ была обручена Богородица съ препод. Іосифомъ; о ея поясѣ и ризѣ см. въ примѣчаніи къ № 1218; въ числѣ святынь, въ соборѣ св. Марка и въ Московскомъ Успенскомъ, сохраняется млеко пресв. Богородицы.

1159 Б. Прибавить: еще Богоматерь съ препод. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ. Внизу подпись:: «бл҃жимъ тя въ тябо| . . . съ тобою». Листовая картинка, гравированная на мѣди. У В. И. Яковлева.

1172 — 1184. **Успеніе Богоматери** празднуется съ VI вѣка; прежде праздновалось 15 января, а съ 582 г., по приказанію греческаго императора Маврикія, 15 августа; церковное празденство продолжается съ 14 по 23 августа. Икона Успенія Богоматери пишется разными переводами: 1) успеніе простое, съ апостолами, окружающими одръ Богоматери; 2) облачное, въ которомъ апостолы изображаются на облакахъ, въ воздухѣ, и 3) съ жидовиномъ, которому ангелъ отсѣкаетъ руки. О послѣднемъ происшествіи сохранилось апокрифическое преданіе: когда апостолы провожали съ пѣніемъ тѣло Богородицы, Іудейскій первосвященникъ (жидовинъ) хотѣлъ остановить ихъ; но только что онъ коснулся святаго тѣла, огонь попалилъ его руки. Тогда первосвященникъ обратился съ мольбою къ апостолу Петру, по заступленію котораго и получилъ исцѣленіе (Іаковъ де Ворагине, Legenda aurea. Paris 1843, I. 275).

1183 А. **Успеніе Богородицы**. Прибавить: копія съ № 1183-го, отпечатанная на синеватой бумагѣ 1810 года. Надпись орѳографирована такъ: «тутъ положены мощи святыхъ мученикъ . . . . и т. д.». Въ моемъ собраніи.

1194. **Покровъ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (*д*) на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ 1-я строчка кондака заканчивается словами: «свт҃ыхъ невидимо».

1196. **Покровъ.** Этой картинки есть три изданія: *а* — на бумагѣ 1800 года; *б* — на бумагѣ 1810 года, съ подправленой доски; въ надписи, изъ буквы *р* (пресвятыя) вышла, кверху, черта отъ соскочившаго рѣзца гравера (оба въ моемъ собраніи); и *в*, изданіе 1820—30 гг., въ собр. Даля I. 57. Происхожденіе праздника Покрова

слѣдующее: въ 911 г. 1-го октября, во время нападенія на Царьградъ Сарацынъ, въ Влахернской церкви, на всенощномъ бдѣніи, Андрей Юродивый увидѣлъ на воздухѣ Богоматерь, съ апостолами и ангелами, осѣняющую своимъ покровомъ христіанъ. Видѣніе Юродиваго не было однако возведено греками въ чинъ праздника и не было внесено въ мѣсяцесловы, празднество же Покрову установлено позднѣе (Жизнь Богородицы, 329). У насъ икона Покрова пишется на два перевода: въ одномъ Богородица пишется вверху, всрединѣ; а въ другомъ она представляется съ боку, подходящею принимать молитвенные свитки («молящая»).

1199. **О тебѣ радуется.** Здѣсь олицетворены: ангельскій соборъ, человѣческій родъ и освященный храмъ, которые упоминаются въ этомъ задостойникѣ (Снегиревъ. Луб. карт., 37).

1199 А. Прибавить: такая же полулистовая картинка работы мастера серебреника; первая строка молитвы заканчивается словомъ: «англскі»; въ собраніи В. И. Яковлева.

1203. **Икона Похвалы Богородицы.** Празднованіе ей по случаю (троекратнаго) избавленія Царяграда отъ нашествія Кагана Аварскаго совершалось сперва въ Влахернской церкви, а съ IX в. повсемѣстно, на 5-й недѣлѣ великаго поста въ субботу на утрени, отчего самая суббота эта назывался похвальною. Праздникъ похвалы назывался тоже праздникомъ акафиста, или похвалы Богородицѣ, состоящаго изъ 24-хъ стиховъ, начинающихся съ каждой изъ буквъ греческой азбуки, по очереди. Каждый гимнъ заканчивается или возгласомъ аллилуіа! или привѣтствіемъ архангела Богоматери; самый акафистъ заканчивается молитвою о заступленіи Богородицы за христіанъ (Воскресное Чтеніе № 49, стр. 416).

Древнѣйшій гравированной акафистъ въ 29 картинкахъ, работы мастера АК, изданъ въ Кіевѣ, въ 1674 г. Подробное описаніе образа Похвалы Богородицы помѣщено въ Вѣстникѣ древне-русскаго искусства. М. 1874. №№ 4—5, стр. 38.

1215 № подробно не описанъ, ибо экземпляръ его неполный.

1216. **Изображеніе 116 иконъ Богородицы.** Въ моемъ собраніи есть другое изданіе (*б*) этой картины, точная копія съ № 1216. Раздѣленіе строкъ въ подписи въ послѣдней иконѣ — слѣдующее: «Образъ прты БДцы віле|нския явися 6849 лето|апреля 14 дня»,—въ оригиналѣ же № 1216 подпись эта раздѣлена слѣдующимъ образомъ: «образъ прѣтыя бцы|віленския явіся 6849| лета апреля 14 дня».

1218. **Изображеніе 160 иконъ Богородицы.** Съ этого листа скопированы (рѣзцомъ) картинки въ книгѣ: Изображеніе иконъ пресвятыя Богородицы въ православныхъ церквяхъ прославляемыхъ съ краткими о нихъ сказаніями и съ присовокупленіемъ умилительныхъ моленій къ Божіей Матери. Второе изданіе исправленное и дополненное. Въ типографіи Семена на Софійской улицѣ 1853. 8°. VI и 39 страницъ, съ изображеніемъ 182-хъ иконъ Богородицы, съ текстомъ (41—67 стр.), молитвами и перечисленіемъ иконъ въ алфавитномъ порядкѣ. Тѣже изображенія, но литографированныя, помѣщены въ книгѣ: Жизнь пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, 2 части. С.П.Б., въ типографіи В. Прохорова, 1860. 8°. Они же повторены и въ книгѣ: Сборникъ изображеній явленныхъ и чудотворныхъ иконъ пресвятыя Богородицы, въ православной церкви прославленныхъ, съ 179 литографированными изображеніями. Москва. Изданіе книгопродавца Манухина. 1866. 8°.

Кромѣ этихъ лицевыхъ описаній, издано свящ. Пановымъ весьма обстоятельное: «Историческое, хронологическое и иконографическое описаніе 218 наименованій и изображеній пресвятыя Богородицы. С.-Петербургъ 1871». Другое подобное же перечисленіе иконъ помѣщено въ большомъ календарѣ г. Гатцука на 1878 годъ.

Надо сказать однакоже, что не смотря на всю добросовѣстность гг. изслѣдователей вышепоименованныхъ описаній,

иконографія Богородичныхъ иконъ представляется до настоящаго времени еще въ состояніи самомъ неудовлетворительномъ, въ особенности же по отношенію къ изображеніямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ сдѣланы съ народныхъ картинокъ и несходно съ подлинными иконами. Желательно было бы видѣть такой трудъ, въ которомъ изслѣдователь собралъ бы лицевыя изображенія Богородицы съ подлинниковъ всѣхъ иконъ, поименованныхъ въ описаніи, или же съ древнѣйшихъ и извѣстныхъ по вѣрности своей списковъ, и уже на основаніи ихъ составилъ подробное иконографическое описаніе, а равнымъ образомъ и излѣдованіе о ихъ происхожденіи и *дњяньи*. При настоящемъ нумерѣ прилагаю, съ своей стороны, алфавитный указатель Богородичнымъ иконамъ (числомъ около 340), въ надеждѣ, что этотъ *сырой матеріалъ* пригодится ожидаемому изслѣдователю Богородичной иконографіи.

Абалацкая—Знаменіе, съ изображеніями св. Николая чудотворца и препод. Маріи Египетской по сторонамъ; въ Абалацкомъ монастырѣ, Тобольской губ.; явилась въ 1637 г., празднуется ей 7 и 20 іюля (Тобольской Губ. Вѣд. 1850. № 32 и 33.—Странникъ 1865. Ноябрь, 68.—Сказаніе о ней священника А. Сулоцкаго. Москва 1849).

Абалацкая; названа по селу Абалакамъ, Тобольск. губ.; явилась 7 іюля 1636 г. (такъ значится въ подписи на иконѣ; Пановъ; Историч., хронологич. и иконографич. описаніе 218 наименованій и изображеній пресвятыя Богородицы. СПБ. 1871, 5). Въ рукахъ ея свитокъ съ подписью: «радуйся царица матеродѣвственная». Это д. б. списокъ съ предыдущей иконы.

Абульская; явилась въ 692 г. въ Сербіи, въ царствованіе Викентія Савина (Клинц. подлип. XVIII в. Гр. С. Г. Строгонова). Празднуется ей 11 іюня.

Азовская; упоминается въ Клинцовск. подл.

Азуровская; явилась 1 сент. 856 г. близь горы Азуры въ Амасійскомъ монастырѣ, въ Македоніи.

Акафистная; находится въ Аѳонскомъ Зографскомъ монастырѣ;

осталась цѣлою во время пожара, бывшаго въ монастырѣ при нашествіи папистовъ (Пановъ, 5).

Акафистная; въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; не сгорѣла во время пожара, бывшаго въ монастырѣ въ 1837 г. (Вышній покровъ надъ Аѳономъ. 1867, 69—73). Еретика попа утопила въ морѣ (Краткое описаніе 20 монастырей Аѳонскихъ. Солунск. типогр. 1839, л. д҃ об.).

Александрійская; празднуется ей 1 сентября.

Алтарница; находится въ Ватопедскомъ Аѳонск. монастырѣ; во время нашествія Сарацынъ она скрывалась 70 лѣтъ въ колодцѣ, и передъ нею все это время теплилась свѣча (Барскій. С.П.Б. 1800, 618). Рисунокъ съ нея изд. Общ. Любит. Др. Письмен. № II. Упом. въ кратк. опис. 20 монаст. Аѳонск., л. г҃.

Амартійская; въ Амартійской обители (Изобр. иконъ Богородицы. 1848, 21); празднуется ей 17 августа въ память избавленія отъ иконоборцевъ.

Антіохійская — Никейская; явилась 23 марта 1142 г. (по Клинц. подл., а по № 1216,—въ 5680 г.); праздн. 28 мая. Отвратила лице свое отъ Анатолія брадобритца. На 1-мъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) установлено пѣть ей: «бысть чревъ твое святая трапеза».

Ануфріевская; см. Онуфріевская.

Аравійская или Арапетская; явилась 6 сентября 322 г. (у Панова, стр. 6,—съ 1322 г.), когда апостолъ Ѳома обратилъ Индію въ христіанство (Клинц. подл.).

Ахремская; см. **Яхромская**.

Ахренская—Шахматница; явилась 17 окт. 1491 г. за 15 верстъ отъ г. Юрьева Польскаго, на р. Вазузѣ, преподобному Косьмѣ, игумену Ахренскому (Слава пресв. Богор. 1853 г., III. 106).

Ахтырская; въ г. Ахтыркѣ, Харьков. губ. Явилась 2 іюля 1739 г. священнику Даніилу Васильевичу. Вода, которою омываютъ икону, исцѣляетъ отъ лихорадки (Слава пресв. Богородицы, III. 92). См. №№ 1219, 1220, 1221 (III. 486).

Байбузская; явилась въ селѣ Байбузахъ, Черниг. губ.; перене-

сена въ Кіево-Печерскую лавру въ 1832 г.; празднуется ей 26-го декабря.

Балыканская, въ г. Орлѣ; празднуется 30 іюня.

Балыклей (отъ балыкъ=рыба); находится въ часовнѣ, на дорогѣ изъ Соловецкаго монастыря въ Муксальму; это копія съ иконы живоноснаго источника, сдѣланная въ 1869 г. въ Царьградѣ по заказу Соловецкаго архим. Александра. Сравни № 1245, прим. къ живоносн. источнику.

Барбарская; по Клинц. подлин. въ Райноніи (?); жидъ покололъ ее кинжаломъ, отъ чего изъ нея кровь текла; она же Барбарійская.

Барградская, въ Барѣ градѣ; упоминается въ Богогласникѣ, пѣснь 130.

Барловская, или Блаженное чрево; явилась 26 декабря 1392 г. (6900—Клинц. подл.). Наход. въ Москов. Благовѣщ. монастырѣ. Празднуется ей 25 дек. и 26 марта (Сказан. о земн. жизни Богор. Спб. 1869., 98).

Бердичевская; сказаніе о ней помѣщено въ Воскресн. чтен. 1869, XXI. 702. Она коронована папою; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 128.

Благовѣщеніе Устюжское, въ Москов. Успенск. соб.; празд. 8 іюня (№ 1216) и 25 Марта.

Благовѣщеніе; икона, написанная по штукатуркѣ, на стѣнѣ въ житномъ дворѣ, въ Москов. Кремлѣ (Слава пресв. Богор., III. 54). См. Здѣсь III. 457—459; 708.

Благодатное небо (что тя наречемъ), въ Москов. Арханг. соб. Принесена вел. княг. Софьею Ѳоминичною изъ Литвы. Переводъ западный (III. 465). Праздн. 6 марта (Клинц. подл.).

Благоуханный цвѣтъ; празднуется ей 15 ноября.

Блаженное чрево; въ Сибири (?), празднуется 6 окт. (Пановъ, 7).

Боголюбская; въ Боголюбов. монаст., Владимірской епархіи. Принесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1157 г. (III. 491—492). Празднуется ей, кромѣ 25 Марта, еще 18 Іюня, въ память избав. города Владиміра отъ моровой язвы въ 1771 году.

Боголюбская, у Варварскихъ воротъ въ Москвѣ; копія съ предыдущей. Прославилась въ 1771 г., во время моровой язвы (Дни Богослуж., I. 190).

Боголюбская, въ селѣ Зимаровѣ, Рязанск. губ., прослав. въ 1771 и въ 1848, во время холеры. Копія съ Боголюбской Владимірской (Москов. Вѣд. 1848. 30 Нояб. № 144; Пановъ, 9).

Богородица. Безымянныя иконы: *а*) что въ Русскомъ монастырѣ на Аѳонѣ (з҃); *б*) что указала св. Саввѣ сокровище (є҃ об.); *в*) что въ Сибири (въ № 1216); *г*) и *д*) что въ Успенскомъ соборѣ (въ № 1216, два раза); *е*) юже Царь Ѳеофилъ вверже въ огнь, и не изгоре (Кратк. опис., и҃ обор.—См. Вангаглійская); *ж*) явленіе Сергію и Михею (№ 1622—1625); *з*) явленіе разбойнику Домицеллу (№ 799—802; *и*) явленіе священнику (№ 730).

Бодянская, въ Сербіи; о ней поется въ стихахъ каличьихъ (П. Безсоновъ, Калики, I. 790).

Борисоглѣбская; въ Борисоглѣбск. монаст., гдѣ мощи кн. Бориса Глѣба; явилась въ г. Познани (?) 1 іюня 1191 г. (По Клинц. подлин.).

Братская Вышгородская; въ 1662 г. 10 мая во время нашествія Татаръ и Поляковъ, брошенная въ воду, приплыла изъ Вышгорода въ Кіевъ, гдѣ и находится теперь въ Братскомъ монастырѣ (Пановъ, 10). См. III. 492. № 1224.

Братская — Кіевская; въ Братскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ. Явилась въ 1654 г. (По № 1216 яв. 7162. въ Іюлѣ). Празднуется ей 10 мая, 6 сент. и въ субботу на 5-й недѣлѣ Великаго поста (Клинц.).

Братская Кременецкая; упом. въ Клинц. подл. См. № 1224 А. и 1224 Б. и въ Богогласникѣ, пѣснь 121.

Буцневская; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 133.

Бысть чрево твое; явилась 28 мая 5118; упом. въ № 1216.

Бѣжаніе въ Египетъ пресвятыя Богородицы. См. № 1708. 23.

Бѣлобережская; см. Троеручица, № 1302.

Бѣлостоцкая; наход. въ Бѣлостоцкомъ монастырѣ. Упом. въ Богогласникѣ (твореніе инока Базиліана, пѣснь 123).

Валкурійская; явил. 25 окт. 182 г. Ее написалъ Мартинъ, епископъ Валкурійскій, ученикъ Апостола Петра (Клинц. подл.).

Ванганглійская; явил. 12 февр. 849 г. на Аѳонѣ, юже царь Ѳеофилъ хотѣлъ сжечь и *«не изгоре»* (Клинц. подл.).

Ватопедская—Отрада и утѣшеніе—предвозвѣстительница—живопріятная (Слава Богор., I. 167), въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Писана не вапами, а изображена *хитростно*, мощами святыхъ (Клинцев. подл.); избавила отъ потопленія Аркадія, сына императора Ѳеодосія, 872 г. избавила лавру отъ разбойниковъ (Пановъ, 11). Явилась 24 нояб. 882 г.? Клинц. подл.). Въ 382 г. (?) она запретила женщинамъ входъ на Аѳонъ (Письма Святогорца, I. 94).

Введеніе во храмъ Богородицы; праздникъ извѣстенъ съ VIII вѣка; празднов. ему съ 20 по 25 нояб.

Великоустюжская; см. Благовѣщеніе.

Веницейская; явилась 3 апр. 1092 г. Привезена изъ Венеціи кн. Зборовскимъ въ Мытищи (Клинц. подл.).

Вертоградская (садовница); упоминается въ Клинцев. подл. Встрѣчается въ Строгоновскихъ 3-хъ письмахъ.

Взыграніе; яв. 7 ноября 1795 г.; наход. въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, въ 15 в. отъ Москвы. Отличная икона Взыграніе есть въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ, Московскихъ царскихъ иконописцевъ; въ Ватопедскомъ Аѳонскомъ монастырѣ есть съ нея копія.

Взысканіе погибшихъ; праздн. 5 февр.; въ Москвѣ, въ церкви Рождества въ Палашахъ и въ церкви въ Александровск. сиротск. институтѣ, устр. 1835 г. (Слава Богор., III. 70).

Взятіе на небо Богородицы; см. №№ 1185—1186 и 1210.

Византійская; праздн. 7 апр. и 1 мая принесена изъ Рима; яв. 30 мая 960 г. (Клинц. подл.). Ей Петръ I молился послѣ Полтавской баталіи.

Византійская, еще разъ у Панова (стр. 12); съ нѣкоторою разницею въ переводѣ противъ предыдущей; праздн. 1 Мая.

Виленская; праздн. 14 апр.; находится въ Виленской Троиц-

кой обители; это копія съ иконы Остробрамской, взятая въ Кармелитскомъ монастырѣ. Явил. 1341 г.; привезена въ Вильну дочерью Ивана III и женою Литовск. кн. Александра (Христ. чтен. 1845. III. 145. — Пановъ, 13 Русская Вильна. 1865). Сходна со Смоленской; у Панова эта икона поименована два раза.

Виленская Остробрамская; наход. на воротахъ въ г. Вильнѣ (Острыхъ). Праздн. 26 дек. (у Панова—14 апр.).

Вильневская; яв. 14 апр. 1341 г. въ г. Вильнѣ, въ церкви св. Николая; принесена изъ Рима, и писана Ев. Лукой (Клинц. подл.).

Вихромская; яв. 3 дек. 1472 г. (Клинц. подл.).

Виѳлеемская; упом. въ Клинц. подл.

Владимірская; о ней см. № 1925 и прим.

Владимірская, что въ Красногорскомъ монастырѣ, на рѣкѣ Пинегѣ; чудотворная.

Владимірская Заоникіевская, см. Заоникіевская.

Влахернская — многочудесная, въ Московскомъ Успенскомъ соб.; принесена изъ Іерусалима 17 октября 1653 г.; другая въ селѣ Кузминкахъ, близъ Москвы. Явилась греческимъ Мулерамъ, и приказала имъ идти въ Кіевъ для украшенія Печерской лавры (№ 1519. III. 632. ѕ҃л). Она вылита изъ воску, смѣшаннаго съ пепломъ изъ святыхъ костей, и раскрашена. Стояла эта икона первоначально во Влахернскомъ храмѣ въ Константинополѣ; оттуда, по взятіи Турками Константинополя, перенесена на Аѳонъ, а изъ Аѳона въ Москву въ 1654 г.

Вододательница; праздн. 11 окт. (Пановъ, 15).

Волоколамская; яв. 3 марта 1697 г. (Клинц. подл.—у Панова 1677 г.); перенесена Іосифомъ въ Волоколамскій монастырь изъ Москвы.

Волынская, въ монастырѣ Дворцы, на рѣкѣ Ротѣ; принесена изъ Аѳона; яв. 5 февр. 1092 г. (Клинц. подл.).

Воспитаніе; праздн. 5 марта; помѣщена на № 1216.

Всѣхъ скорбящихъ радость; наход. въ церкви Преображенія на Ордынкѣ, въ Москвѣ (III. 494); явил. 1688 г. (Древн. Росс. Вив-

ліоѳика, VIII. 148). Списокъ съ нея наход. въ Дымковской церкви въ Устюгѣ Великомъ (писанъ въ 1753 г.). См. №№ 1229—1234.

Всѣхъ скорбящихъ, въ Тобольской Захарьевской церкви. Сказаніе о ней въ Странникѣ 1860 г., 43.

Вутиванская; яв. 2 Мая 5740. См. № 1216.

Выдропусская (Смоленская Одигитрія), въ селѣ Выдропускѣ, Вышневолоцк. уѣзда Тверской губ. Въ памятн. древн. лит. Кушелева (IV. 180) помѣщено сказаніе о ней, составленное кн. Георгіемъ Звенигородскимъ-Токмаковымъ въ 1570 г.

Вычегодская, въ Вычегодск. монаст.; явилась 21 іюля 1555 г. (Клинц. подлин. — И. Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., IV. отд. III. 23).

Вѣнская, что въ Installation Builders Уграхъ изъ Аѳонск. монаст. св. Діонисія; возвращена въ Аѳонъ. Праздн. 12 февр. (Клинц. подл.—у свящ. Панова, 18,—явил. въ 62 г.).

Галатская или Галацкая, въ Персіи (Клинц. подл.). Списокъ съ нея находится въ Москвѣ, въ церкви Тихона, что у Арбатскихъ воротъ. Праздн. 4 іюня.

Галичская или Чухломская; яв. Авраамію Галичскому или Чухломскому чудотворцу около 1350 г. (Клинц. подл. — 20 іюля 1378 г., на озерѣ Чухломѣ), въ Галичской пустыни Костромск. губ., напротивъ г. Галича. Наход. въ Успенск. Городецкомъ монастырѣ, почему именуется тоже и Городецкою.

Галленская; яв. 772 г. 4 іюня въ Бургундіи (Небо новое, 119). Въ другомъ мѣстѣ показана въ Персіи (Клинц. подл.).

Гваделупіанская; упом. въ Клинц. подл. См. № 1234 А.

Гевсиманская; упом. въ Клинц. подл.

Гемынская; упом. въ Клинц. подл.

Гербовицкая, въ Успенск. Гербовицк. мон. близь Кишинева; яв. 30 сент. (Странникъ 1866. Февр.).

Германовская или Ерманская; яв. 7 апр. 732 г. въ Царьградѣ (Небо новое, 121). Празд. 12 окт. (Пановъ, 26).

Геронтисса, т. е. Старица; въ Аѳонск. монастырѣ Пантокра-

тора; умножила елей въ пустыхъ сосудахъ монастырскихъ (Вышній покровъ Аѳона 79).

Гидлянская; явил. 3 марта 1082 г. въ землѣ Лядской, назыв. Гидля; сдѣлана изъ камня (Клинц. подл.).

Гиспалская, въ г. Гиспалѣ (? Клинц. подл.).

Гликофилусса, т. е. сладкое лобзаніе; въ Аѳонск. Филоѳѣевск. обители. Праздн. въ понедѣльникъ св. Пасхи (Вышній покровъ, 81).

Глушицкая, рѣзной образъ; въ Глушицкой обители, куда она поставлена препод. Діонисіемъ Глушицкимъ (Поморскіе отвѣты, Рукопись Ундольск. № 503. Москов. Пуб. Муз., л. 37 об.).

Голубицкая; рѣдкая икона; отличнаго письма образъ находится въ Москвѣ, въ Преображенскомъ въ Николаев. мол.

Городецкая; см. Галичская.

Городищенская; упом. въ Клинц. подл. См. № 1234 А.

Гребневская, въ Москвѣ, въ церкви Успенія, что на Лубянкѣ. Жители с. Гребни поднесли ее в. к. Дмитрію Донскому, когда онъ возвращался послѣ Мамаева побоища. Поставлена на Лубянку въ 1471 г. Иваномъ III, который бралъ ее съ собою въ походъ на Новгородъ; по его приказанію на поляхъ ея написанъ акафистъ, вмѣсто написанныхъ на нихъ прежде того чудесъ ея (Пановъ, 21.— Жизнь Богор., 295). Праздн. ей 28 іюля (По Клинц. подл.— 21 авг.).

Григоріанская, въ Аѳонск. Григоріанск. монаст.; два раза во время пожаровъ оставалась невредимою (особенно 30 нояб. 1760 г.—Вышн. покр., 97). Пишется на подобіе Аѳонск. Зографск. (свящ. Пановъ, 21).

Грузинская; обрѣтена въ Двинск. области въ Черной горѣ, откуда перенесена въ Красногорскій монастырь, называвшійся прежде Черногорскимъ. Явил. 1733 г. 22 авг. Принесена въ Россію изъ Персіи 21 авг. 1629 г. Празд. установ. въ 1650 г. (Свящ. Пановъ, 21). Списки съ этой иконы находятся въ Москвѣ: въ церкви св. Троицы у Варварскихъ воротъ (Истор. Росс. Іер. IV. 796—798) и въ Алексѣевскомъ монастырѣ, а также въ

Раифской Богородицкой пустынѣ, въ 30 в. отъ Казани (Свящ. Пановъ, 22). См. Черногорскую Богородицу.

Далматская, въ Успенск. Далматск. монастырѣ въ Пермской губ. Принесена строителемъ Далматскаго мон. (Истор. Росс. Іер. IV. 3). Явил. 15 Февр. 1646.

Дамаскинская или **Дамасская**; праздн. 4 дек. (когда праздн. Іоанну Дамаскину). По Клинцов. подл. явилась 9 февр. 732 г. въ г. Дамаскѣ.

Двинская; по преданію принадлежала Клименту, папѣ Римскому; находится въ деревнѣ Цигломинѣ, Арханг. губ. (Отеч. Зап. 1827 г. № 43).

Девпетерувская; яв. 1392 г.; праздн. 29 февр.

Дектеурская; упом. у свящ. Панова; пишется на подобіе Амартійской (23).

Дехтеревская; находится въ мѣстечкѣ Дехтеревѣ близъ Кіева; яв. въ апр. 1392 г. (Клинц. подл.).

Долинская; праздн. 13 февр.; наход. во Франціи, въ Долиссѣ; сдѣлана изъ камня (Клинц. подл.).

Домницкая, въ Домницк. монаст. Черниговск. губ. Явил. 8 сент. 1696 г. (Истор. Росс. Іер. IV. 51.—См. III. 498. № 1235). Въ № 1216 она названа Думницкой.

Донская; см. № 1236 и примѣч.

Евстратьевская; явил. въ 792 г. въ Палестинѣ. Апостатъ Константинъ потопталъ ее ногами, за что былъ убитъ (Клинц. подл.).

Египетская; явил. 11 янв. 1060 г. (свящ. Пановъ, 24). По Клинц. подл. явил. 29 дек. 82 г. въ Египтѣ.

Египетская, въ Египтѣ; на иконѣ изображены св. Савва Сербскій и Богородица *чернымъ зракомъ преображена* (Клинц. подл.).

Едесская; явил. 12 марта 411 г. Отъ нея былъ гласъ понамарю ввести Алексѣя человѣка божія въ церковь (Клинц. подл.).

Екатериненская; явил. въ 304 г.; была дана старцемъ св. Екатеринѣ (во время ея невѣрія), которая была обручена Христу два раза (Небо новое, чудо 9 и 10).

Елеоточивая или Келарница; см. *Мироточивая*.

Елецкая, въ г. Ельцѣ, въ соборѣ (Орловск. губ.—Истор. Р. Іер. IV. 84). Праздн. 11 янв. Явил. 1060 г. (по Календарю г. Гатцука въ 1550 г.).

Елецкая Черниговская, въ Успенскомъ Черниговъ. мон.; явил. 5 февр. 1552 г. (по Клинц. подл. въ 1060 г.; по № 1216—6 февр. 6400 г. на елкѣ, на горахъ Болдинскихъ). Описаніе чудесъ ея издано Іоаникіемъ Галятовск., на славянск. и польск. (Типогр. Новгородъ Сѣверска 4°).

Ерманская; см. Германовская.

Ефесская; см. Корсунская.

Живоносный источникъ, см. № 1245 и примѣч.; тоже №№ 1239—1244.

Живодательница; см. Ватопедская.

Живопріятная или Предвозвѣстительница, см. Ватопедская; у свящ. Панова она поименована въ видѣ особой иконы: (27).

Жировицкая (у свящ. Панова, 28 Жировская; тоже и въ № 1216), въ Жировицкомъ монастырѣ Гродненск. губ. Явил. 1191 г. 7 мая. (Свящ. Пановъ, 28), а по Галятовскому въ 1470 (Небо новое).

Загаетская, въ монаст. Загаетскомъ (Упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 125).

Загоровская, въ Загоровскомъ мон.; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 119.

Закланая, въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; одинъ дьяконъ ранилъ ее ножемъ въ ланиту и потекла кровь, у дьякона же изсохла рука (Краткое опис., лг об.); по другому преданію дьяконъ былъ наказанъ слѣпотой (Письма святоторца, II. 207).

Заоникіевская — Владимірская; находится въ Заоникіевской пустыни Вологодской губ. Это списокъ съ Владимірской иконы; явил. въ 1588 г. (Истор. Росс. Іер. IV. 134). По Клинц. подл. явил. въ 1589 г.

Звѣзда пресвѣтлая; явил. въ 792 г. на Аѳонск. горѣ одному старцу во время службы (Клинц. подл.).

Зимнянская, въ монаст. Зимнянскомъ. Упом. въ Богогласникѣ,

(пѣснь 127); съ нея есть гравюра: «Filopowicz sc. Leopoli» (около 1762 г.).

Знаменіе; см. **Абалацкая.**

Знаменіе — Курская; см. № 1254, прим.

Знаменіе — Мирожская.

Знаменіе — Новгородская.

Знаменіе, что въ Оптинск. пустыни; см. № 1245.

Зографская; находится въ Зографскомъ Аѳонскомъ монастырѣ; явил. въ XII в. Изображеніе ея въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № II.

Зосимо-Савватьевская или Соловецкая, въ соборномъ храмѣ Соловецк. монастыря; изображена съ преподобными Зосимомъ и Савватіемъ; написана въ ҂зпг году. Упоминается въ поморскихъ отвѣтахъ (Рукоп. Ундольск. № 503. Москов. Публ. Муз., л. 40).

Иверская; см. примѣч. въ № 1258.

Иверская Валдайская; тамъ же.

Играніе двухъ младенцевъ; рѣдкій переводъ, встрѣчающійся въ Строгоновскихъ 3-хъ письмахъ; подраженіе западнымъ образцамъ.

Игрицкая — Смоленская; наход. въ Костромскомъ Игрицкомъ монастырѣ; явил. 1624 г. Праздн. 28 іюля (Истор. Росс. Іер. IV. 288). Это копія со Смоленской (свящ. Пановъ, 33).

Избавительница; въ русскомъ монаст. на Аѳонѣ; пишется на подобіе Григоріанской (Вышній покровъ надъ Аѳономъ, 105).

Избавленіе отъ бѣдъ страждущихъ; въ селѣ Боръ, Тарусскаго уѣзда Калужск. губ.; чудотворная (Свящ. Пановъ, 33).

Ильинская Черниговская; см. №№ 1259—1263, прим.

Ипатьменская или Ипатмецкая; праздн. 15 ноября; въ № 1216.

Исааковская; икона Рождества Богородицы; явил. 492 г. Она помогала Греч. царю Исааку прогнать Кондрата Лонгобардскаго (Клинцев. подл.).

Исааковская; явил. 8 сент. 1659 г. и наход. въ Исааковск. пустыни, Ярославск. губ. Пошехонск. уѣзда, въ верстѣ отъ села Исакова. На иконѣ представ. поясной образъ Богоматери, кото-

рый несутъ священникъ и три инока (Истор. Росс. Іер. IV. 303.—Свящ. Пановъ, 35).

Іерусалимская; находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; принесена изъ Царьграда в. кн. Владиміру въ 988 г., а написана апостолами (Клинц. подл.). Подлинникъ похищенъ Французами въ 1812 г.; на мѣсто его поставленъ списокъ, находившійся въ церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Другой списокъ съ нея находится въ Аѳонѣ (Вышн. покровъ, 99). Празднуется 12 окт.

Іерусалимская; наход. въ Троицкой Кривоезерской пустыни. Сказаніе о ней въ Страннике 1861 г. Іюнь.

Казанская; см. №№ 1264—1266 и примѣч. къ нимъ. См. Тобольская.

Казанская, что въ Симоновомъ монастырѣ. См. № 1266 А.

Калистратовская; явил. въ Римѣ въ 292 г.; писана Еванг. Лукою (Клинц. подл.).

Калужская; наход. въ церкви села Калуженки, Калужск. губ., а списокъ съ нея въ Калужскомъ соборѣ; Богоматерь изображена на иконѣ живописно, одна, въ образѣ монахини. Икона найдена на чердакѣ служанкою г. Хитрово, въ 1748 г. Празд. 2 сент. и 12 окт. (Дни богосл. Правосл. Ц. I. 142.—свящ. Пановъ, 37).

Каплуновская; наход. въ Вологодскомъ мужск. монаст.; это д. б. копія съ иконы, находящейся въ Ахтыркѣ и найденной около села Каплунова въ 1689 г. (Слава Богор. III. 18.—Свящ. Пановъ, 37).

Касперовская; наход. въ селѣ Касперовѣ, близъ Херсона. Съ 1852 г. ее носятъ крестнымъ ходомъ въ Херсонъ, и обратно приносятъ въ Касперовку, 29 іюня. Въ находящейся на ней надписи она называется: «прославленная святыня тысячелѣтняго благосостоянія Россіи», въ числѣ 12-ти наиболѣе православныхъ чудотвореніями св. иконъ Богородицы: Кіево-Печерской, Боголюбской, Иверской, Грузинской, Владимірской, Черниговской, Смоленской, Казанской, Тихвинской, Курской и Ахтырской; Касперовская занимаетъ въ числѣ ихъ 11-е мѣсто (Свящ. Пановъ, 38).

Кикская; см. **Милостивая**.

Кипрская; явил. 2 Іюня 392 г. (по Клинц. подл. въ 480 г. 10 апр. на мѣстѣ гдѣ погребенъ Лазарь, а по № 1216 іюля 9 5900 г.); наход. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Изобр. икон. Богор., 19). Празд. 20 апрѣля, 9 іюля и въ день сошествія св. Духа. Списокъ съ нея наход. въ церкви Николы въ Голутвинѣ, въ Москвѣ. См. тоже Стромынская икона Богородицы.

Кипяжская; праздн. 20 апр.

Китайская; упом. въ Клинц. подл.; не въ Китаевой ли пустыни, что подъ Кіевомъ?

Кіево-Печерская; см. **Печерская**.

Коломенская; праздн. 9 іюля.

Колочская; наход. въ Колочскомъ монастырѣ Смоленск. губ. близь г. Можайска; явил. въ 1413 г. Списокъ съ нея, заказанный мастерами Оружейной Палаты, находится въ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Петра и Павла. Праздн. 9 іюля.

Коневская; принесена изъ Аѳона препод. Арсеніемъ чудотв. въ 1393 г. іюля 10. Наход. въ Коневскомъ монастырѣ, что на Ладожскомъ озерѣ (Истор. Росс. Іер. IV. 616). Праздн. 10 Іюля.

Константинопольская, съ лиліей въ рукѣ. Явил. 11 мая 829 г. (Упом. въ Клинц. подл.).

Коренная; см. **Знаменіе—Курская**.

Коронованіе Богородицы; см. №№ 1188—1193.

Корсунская—Ефесская; находится въ соборѣ г. Торопца; явил. въ 989 г. 9 окт.; принесена изъ Греціи въ 1162 г. отъ императора Мануила и патріарха Луки княгинею Ефросиніею. Въ одномъ актѣ Торопецкаго собора говорится, что Ефросинія принесла эту икону въ Торопецъ изъ Полоцка и, по заключеніи брака съ кн. Александромъ Невскимъ въ г. Торопцѣ, поставила ее тамъ въ соборѣ подъ именемъ Ефесской (Русск. Вильно 1869 г.; свящ. Пановъ, 26); въ житіи св. Ефросиніи говорится, что икона эта письма Еванг. Луки (Истор. свѣд. о жизни препод. Ефросиніи. 1841, II. 42). Праздн. 9 окт.

Корсунская; копія съ нея въ г. Торопцѣ называ. *Торопецкой* (?).

Корсунскія упом. у свящ. Панова (40), празд. 9 Окт.; два списка съ предыдущей: одинъ въ уѣзд. городѣ Симбирской губ. Корсунѣ, другой въ селѣ Глинковѣ Владим. губ.

Костромская, см. Ѳедоровская.

Красногорскія иконы Грузинской и Владимірской Богородицы (въ Красногорскомъ монастырѣ, что на рѣкѣ Пинегѣ).

Крымская; яв. 13 іюня 982 г. «Сама собой на горѣ изобразилась» (Клинц. подл.).

Ктиторская; см. Алтарицкая.

Кукузелиса, принадлежавшая пѣвчему императ. Алексѣя Комнена—Іоанну Кукузелѣ; наход. въ Лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ (Письма Святогорца, I. 177).

Купина неопалимая; см. №№ 1267 и 1268, и прим.

Купятицкая; см. № 1269.

Ласковая; наход. въ Львовскомъ каѳедральномъ соборѣ (Клинц. подл.).

Лахернская; см. Влахернская.

Лидская или Рымляня; изобразилась сама собою на столпѣ храма, устроеннаго апостолами Петромъ и Іоанномъ (Клинц. подл.). Списокъ съ нея приказалъ снять патр. Германъ и назвалъ его Римскимъ, ибо икона сама собою ушла изъ Царьграда въ Римъ и пробыла тамъ 112 лѣтъ. Праздн. 26 іюня. Сходна съ Тихвинск. Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніи, XVII. 91. См. Тихвинскую, о которой тоже разсказывается, что и о Лидской.

Лопатинская; упомин. въ Клинцов. подл. См. № 1266 Б.

Лорецкая; наход. въ Италіи, въ монастырѣ г. Лоретто; явил. въ 1291 г.

Львовская; явил. 28 апр. 1182 г. въ Львовѣ дьячку Иларіону Симашкѣ (Клинц. подл.).

Любечская; явил. 7 мая 1691 г. Перенесена изъ мѣст. Любечи (Черниг. губ.) въ Кіево-Софійскій соборъ митрополитомъ Гедеономъ (по № 1216.—Силиверстомъ). Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніи 1870 г. VIII. 235.

Максимовская; написана въ 1299 г. по видѣнію Максима (грека),

митроп. Владимірскаго, и наход. въ Москов. Успенск. соборѣ. Праздн. 18 апр. (Дни богос., I. 178.—Взглядъ на достопам. г. Владиміра. М. 1846, 46).

Малетинская, Мальстинская или Мальтійская; праздн. 26 марта. Не онали *Филермская*?

Меteликійская; яв. въ X в. (991 г.). Праздн. 29 мая (Небо новое, 128).

Мателинитская; изобр. ея наход. въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № I.

Мати дѣво, или по № 1216: Мати и дѣва.

Межецкая; явил. 1492 г. близъ Кіева; праздн. 26 февр. наход. въ Кіевѣ, въ Богородицкомъ монастырѣ (По Клинц. подл.—явил. 1491 г.).

Милостивая; праздн. 12 нояб. (свящ. Пановъ, 45).

Милостивая—Кикская; праздн. 12 окт. (по № 1261—12 нояб.). Наход. на островѣ Кипрѣ (Слава Богор., II. 224 и Жизнь Богор., 335). Тамже есть и другая икона *Милостивая*,—по преданію, одна изъ трехъ, написанныхъ Еван. Лукою и поднесенныхъ имъ Богоматери; она написана безъ Спасителя. У свящ. Панова (45) Кикская написана Ев. Лукою; назыв. отъ горы Кикской; долгое время была въ Египтѣ, потомъ перенесена въ Константинополь, гдѣ находилась до 1082 г. Она закрыта на половину пеленою, такъ что лика Богоматери и Спасителя никто не можетъ видѣть, и дерзновенно подниманіе пелены строго наказывается (Дни Богосл. I. 160).

Минская была въ Кіевѣ при св. Владимірѣ; брошенная Татарами въ Днѣпръ, она явилась въ Минскѣ; теперь она въ православн. церкви въ г. Минскѣ (Слава пресв. Богор., III. 110).

Мирожская; см. Знаменіе, № 1254.

Мироносицкая; упом. въ книгѣ: Краткое сказаніе о чудотв. иконахъ: Казанской, Седміезерской (Смоленской), Раифской (Грузинской) и Мироносицкой. Москва 1849.

Мироточивая; наход. въ Аѳонскомъ монастырѣ св. Діонисія (Кратк. опис. 20 монаст., л. н҃. — Вышн. покровъ Аѳона, 63).

Мироточивая; см. **Пименовская и Писiйская.**

Мiасинская; праздн. 1 сент. 842; находилась сперва въ Мiасинской обители въ Арменiи, близъ г. Милетина; во время иконоборства была брошена въ озеро, откуда черезъ 100 лѣтъ явилась безъ всякой порчи (Свящ. Пановъ, 47).

Млекопитательница, или Типикарница; наход. въ Аѳонск. Хиландарскомъ монастырѣ въ часовнѣ, по правую сторону церковной двери (а не по лѣвую, по принятому правилу.—Слава пресв. Богор., III. 104). Принесена на Аѳонъ Саввою Сербскимъ изъ Саввинскаго Звенигор. монастыря; изображенiе ея помѣщено въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № II.

Моденская; праздн. 20 iюня; наход. въ селѣ Косинѣ Московскаго уѣзда, куда привезена гр. Шереметьевымъ изъ г. Модены (Письма святог. II. 170). Замѣчу при этомъ, что въ Устюжскомъ уѣздѣ есть Моденскiй монастырь на рѣкѣ Моденкѣ.

Молдавская; праздн. 13 марта; наход. въ Староииколаевскомъ Молдавскомъ монастырѣ въ г. Николаевѣ (Небо новое).

Молдавская на Аѳонѣ; наход. тамъ въ Молдавскомъ скитѣ Лавры св. Аѳанасiя. Прославилась чудесами въ 1863 г. (Вышнiй покровъ надъ Аѳон., 115).

Молченская; явил. 24 апр. 1606 г. на болотѣ Молче; перенесена въ Молченскую Софронiевскую обитель, близъ г. Путивля, въ 1656 г. (Истор. Росс. Iер. V. 97; VI. 186).

Мохнатинская; см. № 1271 и *Руденская.*

Муромская; наход. въ соборѣ Рожд. Христова въ Рязани, куда перенесена изъ Мурома въ 1291 г. архiеп. Василiемъ. Празднованiе установлено съ 1810 г. 12 апрѣля (Дни богосл., I. 175.—Жизнь Богородицы. Спб. 1860, 245).

Нарвская; явилась въ г. Нарвѣ, при осадѣ ея русскими войсками, въ 1558 г. (Слава Богор., III. 101).

Неаполитанская, въ церкви Monte Vergine, письма Ев. Луки.

Небо Новое; см. III. 514. **Неопалимая купина**; см. **Купина.**

Непорочная дѣва; изображенiе этой иконы находится въ числѣ

гравюръ Почаевской Лавры (Труды Кіев. Дух. Акад. 1880. № 4, 679).

Непрская, или Днѣпрская; см. III. 515 Онаже *Ченстоховская.*

Нерушимая стѣна; мозаическое изображеніе Богоматери въ ростъ, съ поднятыми кверху руками, на алтарной стѣнѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ продолженіи 8 вѣковъ стѣна, на которой изображена Богоматерь, оставалась нерушимою.

Не рыдай мене мати; съ западнаго перевода: это Итальянская Pieta, или Богоматерь, оплакивающая Спасителя, стоящаго во гробѣ.

Неувядаемый цвѣтъ; праздн. 3 апр. (Упом. въ Клинц. подл.). См. № 1273 А.

Нечаянная радость; явленіе, описанное въ Рунѣ Орошенномъ (на л. 90). См. №№ 710 и 711.

Никейская; см. **Антіохійская.**

Новгородская — Сѣверская; явил. 20 дек. 1301 г.; наход. въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Черниговъ. губ.

Новгородская, что въ Воскресенскомъ монастырѣ на Красномъ полѣ; явилась въ ҂зрна году. Упомин. въ Поморскихъ отвѣтахъ (Рук. Ундольск. № 503. Моск. Публ. Муз., л. 43).

Новгородская; явил. 6677 г. 27 нояб.; упом. въ № 1216.

Новгородская; написана Петромъ Митрополитомъ во время пребыванія его въ Волынской землѣ, въ устроенномъ имъ монастырѣ надъ рѣкою Рѣтью, въ урочищѣ Новый Дворецъ; во время уніи вынесена въ Елецко-Черниговъ. монастырь, а теперь наход. въ Суражскомъ Черниговъ. монастырѣ. По Клинцов. подл. явил. 20 дек. 6870 г. и наход. въ обители Дворцы, подлѣ г. Курска, гдѣ Петръ Митрополитъ былъ игуменомъ. Списокъ ея наход. въ дворцовой церкви Спаса Преобр. въ Москвѣ.

Новоникитская; явил. 15 сент. 312 г. великомуч. Никитѣ. Въ Москвѣ у Спаса за золотой рѣшеткой находится списокъ съ нея (свящ. Пановъ, 53).

Новосамборская; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 134.

Овиновская — Успеніе; праздн. 15 авг.; наход. въ Паисіевскомъ

монастырѣ въ Костромск. губ.; принадлежала Іоанну Овинову. Празднованіе ей установлено при в. к. Василіѣ Васильевичѣ, 15 авг. 1433 г., когда онъ взялъ г. Галичъ и унесъ оттуда эту икону; но икона возвратилась на прежнее мѣсто.

О всепѣтая мати; праздн. 6 октября (Свящ. Пановъ, 54).

Огневидная; праздн. 10 февр.

Одигитрія, — по гречески это слово значитъ: «Путеводительница». См. № 1225. Примѣч.

Одигитрія, что на Аѳонѣ; наход. въ обители Канофской; прославилась съ 1730 г., когда перенеслась невидимо изъ Ватопеда въ Канофскую обитель.

Одигитрія, что въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Москвѣ (свящ. Пановъ, 55). См. № 1225.

Одигитрія — Смоленская; см. Смоленская.

Одигитрія, что въ Христофоровой Богородицкой пустыни, въ Вологодской епарх.; копія съ предыд. (Свящ. Пановъ, 55).

Озерянская; явил. въ XVI в.; находится въ Преображенскомъ Курежскомъ монастырѣ въ Харьковск. губ. Приносится въ крестныхъ ходахъ въ Харьковъ 30 сент. и 23 апр.

Оковицская; явил. 8 іюля 1539 г. Наход. въ г. Ржевѣ въ приходской церкви ея имени. По Клинц. подл. явил. 11 іюня 1539 г.

Оранская; праздн. 21 мая; наход. въ Оранской пустыни въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода. Явил. въ 1629 г. Это копія съ иконы Владимірской Богородицы (Нижегород. Губ. Вѣд. 1840. № 12.—Свящ. Пановъ, 59). Каждую весну икона эта приносится въ Нижній Новгородъ.

Орловская; яв. 28 мая 1643 г. во Владимірѣ: «бысть гласъ Григорью Павлову купить ее въ ряду у Ивана Калистратова, и перенести въ Устюгъ на мѣсто Орловскія власти» (Клинц. подл.).

О тебѣ радуется; см. №№ 1199 и 1200.

Отрада и Утѣшеніе; см. Ватопедская.

Пахромская; явил. 3 дек. 1472 г. на рѣкѣ Пахрѣ, около Москвы; изъ нея шла кровь (Рукопись Моск. Общ. Истор. № 213, л. 149. об.).

Пермская; празднуется 4 іюля (Указат. Хавскаго. М. 1856, I. 21.)

Петровская; праздн. 24 августа. Въ Московъ. Успенск. соб. Писана Петромъ митрополитомъ и имъ принесена въ Москву въ 1323 г. Вмѣстѣ съ Ѳедоровской Богородицей она была выносима во время избранія на царство Михаила Ѳедоровича (Истор. Росс. Іер., VI. 648).

Печерская—Кіевская, Успеніе; праздн. 9 мая; наход. въ соборной церкви Кіево-Печерской Лавры надъ царскими вратами (подъемная). Украшена драгоцѣнностями отъ кн. Потемкина Таврическаго. Принесена греческими мулярами въ 1703 году (Обозр. Кіева Фундуклея. 1847, 66).

Печерская Кіевская; см. №№ 1274 и 1275, а также *Ярославская Печерская.*

Пименовская; явил. 6 іюня 6896 г. (8 Іюля 1388 г.—Свящ. Пановъ, 58). Въ Москов. Благовѣщ. соборѣ; принесена изъ Цареграда митрополитомъ Пименомъ въ 1381 г. (1368?); въ Благовѣщ. соборъ перенесена въ 1491 г.; называется мироточивою, ибо источала мѵро (Слава пресв. Богор., 106).

Писійская или **Писидійская**; явил. 692 г. 10 сент. въ г. Созополѣ. Изъ рукъ ея текло мѵро (Клинц. подл.).

Подгорѣцкая; упом. въ Богогласникѣ (пѣснь 122).

Поддубецкая; упомин. въ Богогласникѣ (пѣснь 120) эта икона находилась въ западно-русскомъ краѣ; съ нея есть гравюра на мѣди: «Andreas Holota Sculp. A. D. 1733» (Труды Кіев. Дух. Акад. 1880. № 4, 679).

Подемебеченская; см. № 1275 А.

Подкаменецкая, упом. въ Богогласникѣ (пѣснь 135).

Покровъ Богородицы; см. №№ 1194—1197.

Положеніе пояса Богоматери; праздн. 31 авг. Поясъ былъ отданъ Богородицею Апостолу Ѳомѣ, который не присутствовалъ при ея успѣніи и вернулся только на третій день послѣ онаго;— онъ не повѣрилъ ея успѣнію; тогда Богородица сбросила ему съ неба свой поясъ и за тѣмъ самъ Ѳома былъ принесенъ къ ней на

облакѣ (Небо новое, 28). Повѣсть эта разсказана въ Золотой Легендѣ Іакова де Ворагине (Legenda aurea. Legende dorée. Paris. 1843, I. 275) *). Поясъ этотъ хранился въ ковчегѣ, въ церкви Богоматери, построенной императ. Θеодосіемъ младшимъ. Празднество положенія пояса установлено въ X вѣкѣ, по случаю исцѣленія имъ императрицы Зои (Четьи Минеи, 31 августа).

Положеніе ризы Богородицы; праздн. 2 іюля; риза эта была похищена въ Іерусалимѣ Гальбіемъ и Кандидомъ, принесена ими въ Царьградъ и положена въ особо для нее устроенномъ Влахернскомъ храмѣ (Богослуж. правосл., церкви протоіерея Дебольскаго).

Полонская (Полоцкая?); упомин. въ Клинц. подл.

Попская (т. е. Іерейская) въ Аθонск. Хиландарск. монастырѣ (Сказан. о земн. жизни пресвят. Богор., 275).

Похвала Богородицы; см. №№ 1203—1207.

Почаевская; см. №№ 1276—1296.

Предста царица яко царь царемъ; такъ называется образъ, въ срединѣ котораго возсѣдаетъ на престолѣ Спаситель, а по сторонамъ его предстоятъ Богородица и Предтеча. Древній образъ «Предста царица» находится въ числѣ мѣстныхъ иконъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; о немъ упоминается и въ Поморскихъ отвѣтахъ (Рукопись Ундольск. № 503. Моск. Пуб. Муз., л. 43 об.).

Предвозвѣстительница — Ватопедская. У свящ. Панова она поставлена особой иконой, въ Аθонской Костамонитской обители. Прослав. 2 августа (Вышній покровъ надъ Аθономъ, 85).

Прежде рождества дѣва; празднов. 17 октября.

Прибавленіе ума; г. Виноградовъ видѣлъ такую икону въ г. Рыбинскѣ (Извѣст. Спб. Археолог. общ. IX).

Призри на смиреніе; въ Псковскомъ соборѣ; явил. 16 сент. 1420 г. на Каменномъ озерѣ. См. № 1297.

---

*) Въ церкви св. Лаврентія, въ землѣ Влоской (Валахіи) находится перстень, которымъ препод. Іосифъ былъ обрученъ съ Богородицею (Небо новое, 28).

Прилуцкая, наход. въ Прилуцкомъ монастырѣ; ей молился препод. Дмитрій Прилуцкій. Упоминается и въ поморскихъ отвѣтахъ (Рукописи Ундольскаго. № 503 въ Моск. Публ. Музеѣ, л. 36).

Присно Дѣво; праздн. 25 марта, съ III в. Принята во всѣхъ церквахъ съ VII в.

Псково-Печерская, Успеніе; праздн. 15 авг., 7 окт. и въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ. Наход. въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. Явилась 1472 г. въ 56 верст. отъ г. Пскова. Праздн. съ 1523.

Псково-Покровская; наход. въ Псковской Покровской церкви, а списокъ съ нея въ Москов. Успен. соборѣ, въ прид. Петра и Павла; праздн. 4 ноября съ 1581 г., послѣ осады Пскова Баторіемъ. Богородица написана на иконѣ вмѣстѣ съ препод. Антипіемъ и Корниліемъ, княз. Кіевск. и Псковск. Гавріиломъ и Тимоѳеемъ и съ Николаемъ Юродивымъ Псковскимъ. Чудесное шествіе ея по воздуху и избавленіе ею Пскова отъ осады описано у свящ. Панова (стр. 61).

Псковская; явил. въ Чирской волости 16 іюля 1420 г.; оттуда перенесена въ г. Псковъ, въ соборъ (Свящ. Пановъ, 60).

Пугинская, въ монаст. Пугинскомъ. Упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 127.

Путивльская; явил. 1238 г. 2 мая; наход. въ Путивльскомъ Печерскомъ монастырѣ Курской губ. Сходна съ Молченской (Пановъ, 62). По Клинц. подл. она явилась въ 1632 г.

Пѣнежская; упом. въ Клинц. подл.; это вѣроятно одна изъ иконъ, находящихся въ Красногорскомъ монастырѣ: см. *Грузинская* и *Черногорская.*

Раифская; см. *Грузинская.*

Ратьковская; явилась въ селѣ Руднѣ въ 1867 г. — Календ. Гатцука на 1876 г.

Решневская, въ селѣ Решневѣ близь Почаева; съ нея есть гравюра на мѣди, работы Адама Гошемскаго (Труды Кіев. Духовн. Акад. 1880. № 4, 679).

Ржевская Одигитрія; явил. 11 іюля 1540 г.. Въ 1540 г. была

приносима вмѣстѣ съ крестомъ изъ Ржева въ Москву для поновленія (Выходы царей, Строева; Алфавитъ, 79). Находится въ Москвѣ, въ церкви Ржевской Божіей Матери, что у Пречистенскихъ воротъ.

Римская, см. *Лидская*; по Клинц. подл. это другая икона противъ Лидской. Она явилась 696 г. 12 марта папѣ Григорію Римскому; наход. въ придѣлѣ Павлиновомъ въ Римѣ; письма Еванг. Луки; блѣднѣла во время страстной недѣли и пасхи. Вырѣзана она изъ камня *Маферъ* (Небо новое, 125). Въ Москов. Благов. соборѣ есть съ нея копія, съ означеніемъ что самая икона явилась 8 іюня 1388 г.—Сказан. о чудесахъ ея см. Небо новое, 71 и въ Соборникѣ, Москва 1647 г.

Рождество Богородицы; праздя. 8 сент. установлено въ IV вѣкѣ; (Дни Богосл., II. 113) и продолжается 6 дней (7—12). См. *Исаковская Богородица.*

Ростовская; см. № 1297 А.

Ругодивская; упом. въ Клинц. подл.

Руденская (Рудневская); явил. 12 окт. 1687 г., въ монастырѣ Руднѣ Могилевск. губ.—По Клинцев. подл. явил. 1191 г. 15 апр. въ селѣ Мохнатинкѣ, близъ Кіева; перенесена въ Кіево-Софійскій соборъ. См. тоже № 1271; *Мохнатинская* (она же?)

Рышковская; упом. въ Клинцев. подл.

Рѣпицкая; въ г. Черниговѣ, въ Борисоглѣбск. церкви; явил. въ селѣ Рѣпкахъ (Истор. Рос. Іер., IV. 35).

Рядитенская; явил. 6 іюля 1338 г. въ Новгородѣ, въ церкви Троицы (Клинцев. подл.) при митрополитѣ Ѳеогностѣ; стояла на воздухѣ и источала слезы (Поморскіе отвѣты—Рукоп. Ундольск. № 583. Московск. Пуб. Муз.)

Сабавдійская; явил. 11 дек. 1192 г.; Лютеръ укололъ ее мечемъ, и пошла кровь (Клинцев. подл.).

Свинская; явилась при кн. Даніилѣ Александровичѣ и при митрополитѣ Максимѣ Грекѣ въ 1288 г.—Упомин. въ Поморскихъ отвѣтахъ (по листу съ изображеніями 80 Богородицъ, явленіе

ея означено 17 августа 6726 года). Въ концѣ XVII столѣтія существовала еще извѣстная Свинская ярмарка.

Свѣнская-Печерская; писана препод. Алимпіемъ, иконописцемъ Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и находилась. Въ 1288 г. ослѣпшій князь Романъ Мих. Черниговскій получилъ отъ нея исцѣленіе и построилъ ей Свѣнскій монастырь, гдѣ она и поставлена (въ 3-хъ верстахъ отъ г. Брянска, Орловск. губ.). Праздн. 3 мая. Богоматерь изображена на ней вмѣстѣ съ препод. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Святогорская; явил. въ 1569 г. на Святой горѣ и находится въ Святогорскомъ монастырѣ, въ Псковск. губ. По Клинцов. подл. явилась 1 нояб. 1092 г., а по № 1216—17 іюля 6256.

Святоильинская; праздн. 10 марта.

Себежская, въ селѣ Липкахъ, Смоленск. губ. — См. календ. Гатцука 1879 г.

Седміезерская; въ Седміезерской Богородицкой пустыни, въ 19 верст. отъ Казани на седми озерахъ, составляющихъ нынѣ одно озеро. Съ 26 іюня по 26 іюля приносится въ Казань, въ память моровой язвы, бывшей въ 1654 и 1771 годахъ. Еще праздн. ей 13 октября въ память перенесенія ея изъ Устюга монахомъ Ефиміемъ. Сходна со Смоленской (Истор. Рос. Іер., IV. 75). Смотри: Сказаніе о Казанской Б. м. М. 1849.

Селигерская; наход. въ Ниловой пустыни на озерѣ Селигерѣ, Тверской губ.; называется келейной чудотв. Владимірск. иконой. Праздн. ей 26 мая и 7 дек. Принесена препод. Ниломъ Столбенскимъ.

Семигородская — Успеніе Богоматери; явил. 1593 г.; исцѣлила старицу, которая для нея построила Семигородскую обитель въ Вологодск. губ., въ Кадниковскомъ уѣздѣ, гдѣ она находится и до нынѣ (Истор. Рос. Іер., IV. 81). Она писана препод. Діонисіемъ Глушицкимъ въ XV в.

Силуянская; праздн. ей (1 авг.) установлено императоромъ Мануиломъ, по поводу побѣды надъ Сарацынами въ 1158 г.

Синайская; явил. 18 сент. 1491 г. на горѣ Синаѣ въ церкви (Клинц. подл.).

Сихомская; упомин. въ календарѣ Гатцука на 1879 г.

Сицилійская; явил. 1082 г. 5 февр.

Скоропослушница; въ Аѳонск. монаст. Дохіарѣ (Кратк. опис., X обор.); явил. въ 1664 г.—Праздн. во вторникъ Пасхи (Письма Святог., II. 136).

Сладкое лобзаніе; см. Гликофилуса.

Сладколюбивая; наход. въ монастырѣ св. Ильи на Аѳонѣ. См. № 1297 Б.

Словенская; явил. 1635 г. 23 сент.; находится въ упраздненной Словенской Богородичной пустыни, Костромск. губ. По Клинц. подл. явил. 21 сент. въ Нижегородск. губ.

Слово плоть бысть; праздн. 9 марта по Клинц. подл. (1 марта по свящ. Панову, 66).

Смирневская; явил. 6 февр. 892 г. въ г. Смирнѣ (Новое Небо, 10).

Смоленская; см. Игрицкая.

Смоленская Одигитрія; наход. въ Смоленскѣ въ соборѣ. Принесена изъ Греціи въ 1046 г. дочерью Константина Порфиророднаго, который, выдавая ее за кн. Всеволода Ярославича Черниговскаго, благословилъ этою иконою (3 мая 1101 г.). Въ 1239 угодникъ Божій Меркурій убилъ при ея помощи исполина въ полчищахъ Батыевыхъ. Праздн. установлено ей въ 1525 г. 28 іюля въ память принесенія ея изъ Москвы въ 1404 г. (Дни Богослуж. I.—Свящ. Пановъ, 54). *Смоленскую* икону Богоматери (съ другими иконами) привезъ въ Москву въ 1404 г. послѣдній князь Смоленскій Юрій Святославичъ, изгнанный Витовтомъ. По ходатайству Смоленскаго епископа Михаила, икона эта возвращена въ Смоленскъ, въ 1456 г. 18 янв., списокъ же съ нея оставленъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ 28 іюля (Выходы царей, Строевъ; алфав., 67). Другой списокъ со Смоленской находится въ церкви Рождества на сѣняхъ, третій въ Благовѣщен-

скомъ соборѣ. Она писана Еванг. Лукой. Въ 1669 г. икона эта была еще разъ въ Москвѣ.

Смоленская; см. **Седміезерская.**

Смоленская, что подъ Ярославлемъ; праздн. 12 окт.

Соболевская; явил. 20 ноября 1282 г., подъ Кіевомъ (Клинц. подлин.).

Сокольская; явил. 25 февр. 1172 г.; наход. въ Сокольскомъ монастырѣ Полтавск. епархіи, въ 3-хъ верстахъ отъ мѣстечка Соколки (Истор. Росс. Іер., VI. 174.). Это списокъ съ Ченстоховской. См. № 1315. Прим.

Соловецкая; см. **Зосимо-Савватіевская.**

Сосновская; явил. у Сосновской губы въ Соловецкомъ монастырѣ; наход. тамъ въ соборн. церкви Преображенія (Опис. Соловецк. мон. 1836 г., стр. 234—236).

Спасительница утопающихъ; въ селѣ Ленковѣ, въ 8 верстахъ отъ Новгорода Сѣверска, Черниговъ. губ. Около этого села водоворотъ; пловцы, сгоняя барки, бросаютъ здѣсь жребій, кому оставаться на баркѣ и проходить водоворотъ, при чемъ служатъ молебенъ этой иконѣ (Извѣст. Русск. Геогр. Общ. 1848. Вып. 3).

Споручица грѣшныхъ; наход. въ Николаевск. Одринѣ монастырѣ г. Карачева, Орловской губерніи. Списокъ съ нея (сдѣлан. Ѳоминымъ въ 1849 г.) наход. у Николы въ Хамовникахъ въ Москвѣ. Праздн. 29 мая и 7 марта. Сказаніе о ней въ Странникѣ 1867 г. Февр.

Старусская; праздн. 4 мая; явил въ 1570 г. По свящ. Панову это точный списокъ съ Тихвинской; наход. въ мужскомъ монастырѣ въ Старой Русѣ. Подлинная Тихвинская была приносима въ Старую Русу и оставалась тамъ по долгу; но по случаю мора была обратно унесена въ Тихвинъ. Староруск̆ій списокъ огромнаго размѣра: болѣе сажени длиною и болѣе 2-хъ аршинъ шириною (Свящ. Пановъ, 69). По Радшину, Староруская икона находится въ Тихвинскомъ мужскомъ монастырѣ, куда принесена 250 лѣтъ тому назадъ по случаю мора, а въ Старой Русѣ оставленъ съ нея списокъ (стр. 379).

Стисоново прореченіе; у свящ. Панова стр. 65. По описанію, это есть Умягченіе злыхъ сердецъ № 1305.

Страстная, см. № 1298.

Стромиловская или **Струмѣлово-Каменецкая**; въ Львовскомъ монаст. назыв. Стромилово-Каменецскомъ; явил. въ 7161 (1653) 15-го ноября. Упомянута въ Богогласникѣ, пѣснь 132.

Стромынская; въ селѣ Стромыни Московъ. губ.—По свящ. Панову это копія съ Кипрской, находящейся въ Москов. Успенскомъ соборѣ (38); но по изобр. Иконъ Богор. 1853 г.—это другая икона противъ Кипрской. На ней изобр. Богородица, два ангела, препод. Потапій и Фотинія. См. изд. Общ. любит. древн. письм. II.

Суражская, въ г. Суражѣ; явил. въ XIII в.; праздн. 20 дек. (Указатель Хавскаго, 26).

Сурдецкая; явил. въ 1530 г. въ вотчинѣ Сурдекъ, Ковенск. губ. Вилькомірск. уѣзда, въ 36 в. отъ Поневѣжа. Наход. въ Сурдецкомъ монастырѣ; праздн. 15 авг. (Западн. русск. мѣсяцесл. М. 1868, 74).

Сырковская; списокъ съ Владимірской; присланъ въ Сырковъ Новгородскій монастырь въ половинѣ XVI вѣка (Истор. Росс. Іер. VI, 340—356).

Сямская; празд. 8 сент.; явил. въ 1524 г. (по Клинц. подл. въ 1591 г.); наход. въ Сямскомъ монастырѣ въ Вологодск. уѣздѣ, въ 70 в. отъ Вологды (Истор. Русск. Іер., VI. 359).

Тамбовская; въ Тамбовѣ, въ церкви Архид. Стефана. Явил. 16 апр. 1692 г.

Терванская; явил. 14 мая 892 г. Избавила отъ нашествія нѣмцевъ (Клинц. подл.—Небо новое, 105).

Теребинская, въ Теребинской Николаевской пустыни Тверской губ.; праздн. 14 мая. (Истор. Росс. Іер. VI, 364).

Тернопольская, въ г. Тернополѣ; упомин. въ Богогласникѣ, пѣснь 131).

Тивровская; въ г. Тивровѣ; упом. въ Богогласникѣ; пѣснь 129.

Типикарница; см. *Млекопитательница.*

Тихвинская; см № 1299—1301.

Тихвинская, что въ Новгородѣ, въ кладбищенской Воскресенской церкви. Тамъ же.

Тихвинская: «явися Богородица понаморю Юрышу». Тамъ же. См. тоже *Старорусская.*

Тобольская; праздн. 5 августа (Свящ. Пановъ—5 іюля); наход. въ Тобольскомъ каѳедр. соборѣ. Это списокъ съ Казанской, найденный у колодца и обезображенный татарами (Странникъ 1860. Май, 136).

Толгская; явил. 8 авг. 1314 г. архіепископу Ярослав. Трифону или Прохору, въ 7 верст. отъ Ярославля, на р. Толгѣ, при впаденіи ея въ Волгу, и поставлена тамъ въ Толгскомъ монастырѣ, въ кедровомъ бору.

Торопецкая; копія съ *Корсунской*, въ г. Торопцѣ (Клинц. подл.).

Тотемская; см. **Тумбовская.**

Трапезонтская; явил. 9 марта 781 г. въ Антіохіи; сама изобразилась на доскѣ, которую Еванг. Лука приготовилъ для написанія иконы.

Требовльская; явил. 6 апр. 1655 г., въ Малороссіи, у рѣки Буга; плавала (Небо новое, 128).

Трехъ радостей; явил. 26 дек., въ церкви Троицы на грязяхъ въ Москвѣ (па Покровкѣ). Одна молельщица получила отъ нея три радости: мужа изъ ссылки, сына изъ плѣна и имѣніе изъ казны (Москов. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 11.—Свящ. Пановъ, 74).

Тригуринская; упом. въ Клинц. подл.; см. № 1304 В.

Троеручица; см. № 1302—1304.

Троеручица; въ Бѣлобережск. пустыни Орловск. губ.; принесена изъ Аѳонск. Хиландарск. монастыря въ 1661 г. Праздн. 28 іюня (Воскресн. чтен. XVII. 114).

Троеручица; списокъ съ Хиландарской, въ церкви Покрова въ Голикахъ въ Москвѣ. Праздн. 12 іюля.

Тумбовская или **Тотемская;** явил. въ 992 г. апр. 16 (№ 1216) на *«выспе названной тумба»* (Клинц. подл.). Праздн. 9 сент.

Тупичевская; праздн. на другой день пятидесятницы (свящ. Пановъ, 76), 15 авг. и въ день сошеств. св. Духа. Наход. въ Тупи-

чевскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, въ Могилевской губерніи; перенесена изъ г. Мстиславля. Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніяхъ. XXII. 275 (Отчетъ Оберъ-Прок. св. Синода за 1847 г. 28).

Туровецкая; что на Туровецкомъ погостѣ въ Великомъ Устюгѣ. Рукописное сказаніе о ея явленіи, со спискомъ ея чудесъ, находится въ Обществѣ Любит. Древн. Русск. письмен. (Подарено туда Л. Майковымъ въ 1879 году).

Тягтюревская; упом. въ Клинц. подл.

Умиленіе; явил. въ 1103 г. 19 марта; наход. въ Смоленскѣ (Свящ. Пановъ, 76).

Умиленіе; въ Псково-Печерскомъ монаст.; извѣстна съ 1524 г. Прослав. въ 1581 г. при осадѣ Пскова Баторіемъ. Праздн. на 7-й недѣлѣ по Пасхѣ и 7 окт. въ память освобожденія Пскова въ 1812 г. отъ Французовъ (Изобр. иконъ, 34.—Свящ. Пановъ. См. № 1304 А.

Умиленіе, что на Черной горѣ (Упом. въ № 1216), въ Святогорскомъ монастырѣ Опочскаго уѣзда Псковск. губ.; явилась въ 1563 г.—Праздн. 17 іюля (Истор. Росс. Іер., VI. 65).

Умягченіе злыхъ сердецъ; см. № 1305—1307.

Услышательница; наход. въ Аѳонскомъ Зографскомъ монастырѣ; поучила св. Косму, како спастися въ безмолвіи (Краткое опис. 20 монастырей Аѳонск., л. ꙁ҃ обор.).

Успеніе Богородицы; см. №№ 1172—1184.

Успеніе, что въ Крестовоздвижской церкви, въ городѣ Шуѣ, съ греческ. надписью: «Моленіе раба божія Николая Сокара и матери его Домны 1567 г., мѣсяца іюля 14-го».

Успеніе — Овиновское, см. Овиновская.

Успеніе — Печерское; см. Печерская.

Успеніе — Псково-Печерское, см. Псково-Печерская.

Успеніе — Семигородское, см. Семиградская.

Успеніе, что въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; упомин. въ № 1216.

Устюженская, въ г. Устюжнѣ Новгородской губерніи; избавила

Устюжну отъ Ляховъ и Нѣмцевъ. Пишется она какъ Смоленская (Свящ. Пановъ, 80).

Устюжская — Благовѣщеніе; ей молился въ 1290 г. препод. Прокопій Устюжскій о избавленіи города Устюга Великаго отъ каменнаго дождя; празд. по этому случаю установлено 8 іюня. Въ 1567 г. икона эта перенесена въ Московск. Успенск. соборъ, а копія съ нея оставлена въ Устюгѣ.

Утоли моя печали; празд. 25 янв.; наход. въ бывшемъ Воскресенск. монаст. въ Шкловѣ, Могилевск. губ. (III. 524); списокъ съ нея въ церкви Николы на Пупышахъ, въ Москвѣ.

Утѣшеніе въ скорбѣхъ и печаляхъ; въ Аѳонск. русскомъ Свято-Андреевскомъ скитѣ; подарена туда въ 1843 г. игуменомъ Виссаріономъ; была приносима въ 1863 г. въ г. Слободской (Свящ. Пановъ, 81); при Богородицѣ изображены на иконѣ: св. Іоаннъ Предтеча, св. Іоаннъ Богословъ, препод. Антоній, Евѳимій, Ануфрій, Савва, Спиридонъ, Георгій Побѣдоносецъ, Николай Чуд. и Димитрій Селунскій.

Филермская; по преданію, писана Евангелистомъ Лукою; принесена изъ Іерусалима въ Царьградъ императрицей Евдокіею и поставлена во Влахернской церкви; отсюда она взята въ XIII вѣкѣ и вывезена рыцарями св. Іоанна Іерусалимскаго сперва на островъ Родосъ, а потомъ на островъ Мальту (въ XVI в.). Когда Французы овладѣли Мальтою, рыцари избрали своимъ великимъ магистромъ Императора Павла Петровича и прислали ему въ 1799 году, въ даръ, въ г. Гатчину: эту икону Филермской Богоматери, часть животворящаго древа и правую руку Іоанна Предтечи. 12 октября святыни эти перенесены въ Петербургскій Зимній дворецъ; въ этотъ день установлено и празднованіе иконѣ (Воскресн. Чтен. 1844 г. № 90, стр. 263).

Флоренская — Благовѣщеніе; явил. въ 1092 г. Написана Ангелами въ итальянскомъ стилѣ. Упом. въ Клинц. подл. Въ моемъ собраніи есть съ нея древняя гравюра.

Хиленская; явил. 2 авг. 192 г. въ Хиленскомъ королевствѣ (по Клинц. подл.).

Хлѣбенная; явилась святому Филиппу, когда онъ былъ на послушаніи въ Соловкахъ, гдѣ она и находится въ церкви Преображенія (Опис. Солов. Мон. 1836 г., 234—237.—Свящ. Пановъ, 82).

Холмская, въ г. Холмѣ Черниговъ. губ.; она спасла Холмъ отъ татаръ; ранена ими въ двухъ мѣстахъ саблею и стрѣлою. О ней смотри въ книгѣ: «Phenix tertiatio redivivus sive imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis gloria gratiarum et miraculorum illustrata. 1684. an. Zamoscii typis» (Небо новое, 115).

Царевококшайская; явилась въ веси Дальнихъ Кузнецовъ, 1 мая 7155 (1647); наход. въ заштатной пустыни Царевокшайской въ Казанск. губ.—Вырѣзана на аспидной доскѣ (Клинц. подл.). Истор. русск. Іер , VI. 647.

Цареградская; явилась въ 1071 г.; праздн. 25 апр. и 17 сент. По Клинцев. подл. написана Еванг. Лукою.

Цареградская; явилась 17 сент. 1701 г. (Свящ. Пановъ, 82).

Цесарская; явил. въ 792 г. (по Клинц. подл. 9 апр. 1092, а по свящ. Панову въ 1157 г. 9 апр.) (Крестн. календарь Гатцука на 1869 г.). Наход. въ Аѳонской Ватопедской обители (Клинц. подл.).

Цѣлительница; явил. 18 сент. (III. 527). См. № 1316.

Ченстоховская; см. № 1315. См. тоже № 1273: *Непрская* и *Сокольская*, что на Бугѣ.

Черногорская; въ Двинскомъ уѣздѣ, на Ясной горѣ, на р. Пинегѣ. Явил. 13 авг. 1603 г.; наход. въ Красногорскомъ монастырѣ. Въ этотъ же монастырь былъ принесенъ и образъ Богородицы Грузинской (Клинцов. подл.). См. *Грузинскую.*

Черская; явил. 16 іюля 1420 г. близъ Пскова, въ Черской веси (Упом. въ Клинц. подл.).

Численская; праздн. 31 окт. (Клинц. подл.). Пишется какъ Боголюбская, но безъ предстоящихъ (Свящ. Пановъ, 85).

Что тя наречемъ; см. **Благодатное небо.**

Чухломская; см. **Галичская.**

Шуйская; наход. въ городѣ Шуѣ, Владимірской губ., въ соборѣ

Воскресенія Христова. Избавила г. Шую отъ мороваго повѣтрія 11 іюля 1654 г. Праздн. (по этому случаю) 2 ноября, 28 іюля, въ память избавленія отъ холеры въ 1831 г., и во вторникъ св. Пасхи (по поводу исцѣленія бѣсноватаго юноши Іакова). Сходна со Смоленской (свящ. Пановъ, 85).

Югская Одигитрія или Южская; по имени Югской обители, основан. въ 1615 г. старцемъ Дороѳеемъ, при рѣкахъ Югѣ Черной и Югѣ Бѣлой, въ 15 верстахъ отъ г. Рыбинска. Праздн. 28 іюля. Пишется подобно Смоленской (свящ. Пановъ, 86). Привезена Дороѳеемъ изъ Псково-Печерск. монастыря въ 1615 г. (Жизнь Богородицы, 298.—Истор. Росс. Іер., VI. 55. 56).

Яноборская (по № 2116 Яногорская); пишется на подобіе Лидской и Тихвинской (свящ. Пановъ, 86).

Ярославская, въ Ярославск. каѳедр. соборѣ; принесена кн. Василіемъ Константиновичемъ; праздн. 8 іюля.

Ярославская—Печерская; наход. въ церкви принесенія честныхъ древъ при Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ; это списокъ Богородицы Печерской. Въ 1823 г. исцѣлила какую то Александру Добычкину (Истор. Росс. Іер., IV. 566.—Дни Богосл., 159). Праздн. 14 Мая.

Яскинская или **Яскино-Печерская**; принесена въ Кіевъ изъ Царьграда въ 1085 г. По Клинцев. подл. явилась Іоанну пустыннику подлѣ Іерусалима; по № 1216 явилась 6190 г. 5 мая. Праздн. 3 мая. По свящ. Панову явил. 682 г.; праздн. 2 мая (стр. 87).

Яхромская или **Ахремская**; мѣдный, литой образъ (Клинц. подл.); явил. 14 окт. 1482 г. отроку Косьмѣ при истокѣ р. Яхромы; наход. въ Козьминѣ монастырѣ, въ Юрьевскомъ Польскомъ уѣздѣ, въ 40 верст. отъ г. Владиміра. Подлинная Яхромская икона, по замѣчанію свящ. Панова, находится въ Кіево-Печерской Лаврѣ (стр. 87).

Ѳедоровская—Костромская, Одигитрія, въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ; явилась въ 1239 г. 16 авг. кн. Георгію Квашнѣ, на сосновомъ деревѣ; перенесена въ Кострому изъ Городца, при вел. кн. Василіѣ Георгіевичѣ Костромскомъ и Галиц-

комъ. Праздн. ей 14 марта въ память избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, въ 1613 году. Праздн. ей и 16 авг. въ день явленія. По Клинцев. подл. и по № 1216, принесена въ Кострому великомуч. Ѳеодоромъ Стратилатомъ (отъ котораго и названа Ѳедоровскою), 16 авг. 6147 г. въ *Батыево плѣненіе.* Описаніе чудесъ этой иконы находится въ книгѣ: Жизнь Богородицы. Спб. 1860, стр. 233. Списокъ съ Ѳедоровской иконы поставленъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1613 г. въ церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ, съ установ. празднованія ему 14 марта (Древн. Росс. Вивліоѳика, VI. 193; X. 237).

Ѳедотьевская (Ѳеодотьевская); явил. въ 1487 г. въ селѣ Ѳедотьевѣ, Рязанск. губ.; перенесена въ Рязанск. Успенскій соборъ, гдѣ и находится. Въ 1611 г. съ нея снятъ списокъ, который посланъ въ село Ѳедотьево. Праздн. 2 іюля въ память избавленія Рязани отъ нашествія Запорожскихъ козаковъ въ 1618 г. (Жизнь Богородицы, 280). По Клинцев. подл. явил. 7 іюля 1294 г.— По № 1216—праздн. 7 іюня.

1120. **Ахтырская Богородица.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *г*, копія съ Бекетовской, на синей бумагѣ 1810 года; первая строка молитвы къ Господу заканчивается въ немъ словами: «предлагаю мт҃рь»; и *д*, копія съ изд. *в*; послѣднія слова 1-й строки молитвы «многогрѣшныи предлага[ю]».

1221. **Образъ Боголюбской Богородицы;** къ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ текстѣ картинки, прибавимъ, что списокъ съ этого образа былъ тоже у Варварскихъ воротъ и что изъ за него началось извѣстное Московское возмущеніе, окончившееся убійствомъ архіепископа Амвросія. Память образу празднуется 25 марта и 18 іюня.

1223. *Тоже.* Въ моемъ собраніи есть первое изданіе (*в*) этого листа, на синей бумагѣ 1810 года, послужившее образцемъ для изданій *а* и *б*; первая строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «еси обидїмы».

1224 А. **Образъ Братской Кременецкой Богородицы**, поясной (безъ Спасителя), находящійся въ монастырѣ Братскомъ Кременецкомъ (Bratskim Kremienieckim) Базиліанскаго ордена. Гравюра на мѣди, въ листъ, съ подписью: «Ioseph Goczemski scul: et excudit 1768».

1224 Б. Повтореніе предыдущей картинки въ четвертку гравированное на мѣди, съ подписью: «Ioseph Goczemski sculp. Paczaiow: 1767». Оба листа въ моемъ собраніи.

1225. **Образъ Владимірской Богородицы** въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Празднованіе ей 21 мая въ память поновленія ея въ 1514 г. и избавленія Москвы отъ нашествія Крымскаго хана Махмета Гирея; 23 іюня—въ память избавленія Москвы отъ нашествія (въ 1480 г.) Ордынскаго хана Ахмеда, и 26 августа,—въ память избавленія Россіи отъ нашествія Тамерлана въ 1395 г.; всѣ три съ крестными ходами въ Срѣтенской монастырь. По указу Сvнода 1722 г. ходъ 21 мая упразднепъ (Древн. Росс. Вивл. X. 299), а потомъ возобновленъ, и совершается въ церковь Владимірской Богоматери (Выходы Царей, П. Строева; Алфав., 13). (Т. III. 493. 494. Сказаніе о ней. М. 1849 г. 472). О принесеніи этой иконы въ Россію, въ Лаврентьевской лѣтописи сказано: «1155... иде Андрей отъ отца своего Суждалю и принесе ида икону святую Богородицу, юже принесоша въ единомъ корабли съ пирогощею изъ Царяграда; и вкова въ ню болѣ тріидесятъ гривенъ золота, кромѣ серебра и каменья драгаго и женчюга, и украсивъ ю постави и въ церкви своей Володимери». Въ Густитской лѣтописи (стр. 303) прибавлено, что икона эта «рукописанія святаго апостола Луки» и взята Андреемъ въ Вышгородѣ, изъ церкви Пирогощи По другимъ преданіямъ икона эта была принесена въ Константинополь, въ 450 году, при императорѣ Ѳеодосіѣ младшемъ изъ Іерусалима, а въ половинѣ XII вѣка прислана въ даръ велик. кн. Юрію Владиміровичу Долгорукову, Цареградскимъ патріархомъ Лукою Хризоверхомъ, и поставлена въ Вышгородѣ

въ женскомъ монастырѣ (Степен. кн. I. 295), гдѣ выходила изъ иконостаса на воздухъ (Карамз. II. прим. 383). Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ *Пирогощу* за другую икону Богородицы, отдѣльную отъ Владимірской; иные же, въ томъ числѣ Карамзинъ, основываясь на словахъ Степенной книги, полагаютъ, что изъ Царяграда въ Кіевъ принесена только одна икона Богоматери, *гостемъ купцемъ Пирогощею* (Степен. кн. I. 253.—Карамз. И. Г. Р. II. прим. 383.—Сравни текстъ картинки, III. 488). Въ 1175 году Ярополкъ отдалъ эту икону князю Глѣбу Рязанскому (Карамз. III. 25 и 27), который однако возвратилъ ее на прежнее мѣсто въ томъ же году.

Въ 1395 году, 26 августа, при вел. кн. Василіѣ Дмитріевичѣ, икона Владимірской Богородицы перенесена въ Москву. Въ Степенной книгѣ подробно описаны чудеса этой первоклассной святыни Московской. Она была поновляема два раза: 1) митрополитомъ Варлаамомъ въ 1514 году и 2) въ 1566 году митрополитомъ Аѳанасіемъ, который описываетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «апостолъ Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта въ образѣ возраста средніа мѣры: святое и благодатное лице ея мало окружіа, продолжающійся носъ достосладостнѣ лежащь на десно, приблизь пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты-же богопріемныхъ ея рукъ тонкостію истонченны» (Снегиревъ, Древн. Росс. Госуд., стр. 5). На этой иконѣ было множество привѣсокъ, которыя по приказанію Петра I-го были сняты и разобраны.

Владимірская икона называется Одигитріей, письмо же ея приписывается Евангелисту Лукѣ. *Одигитрія* по гречески значитъ путеводительница или наставница въ пути. Въ церковномъ Словарѣ Алексѣева сказано, что это названіе было присвоено образу, писанному Еванг. Лукой и поставленному царицей Пульхеріей въ храмѣ въ Царьградѣ; образъ этотъ давалъ исцѣленіе слѣпымъ, которые затѣмъ проводниковъ (ὁδηγῶ) уже не требовали. Имя это присвоено въ лѣтописяхъ и актахъ иконамъ: Владимірской, Влахернской, Смоленской, Страстной, Тихвинской, Ѳеодоровской

и др. Древняя икона *Одигитрія Смоленская* въ Вознесенскомъ монастырѣ, обновленная въ 1483 года (Карамзинъ, Исторія, VI. пр. 629; VIII. пр. 173), почиталась одною изъ главныхъ въ Москвѣ (Акты Археогр. Экспед. II. 29.—Выходы Царей Строева; Алфав. 63). Емерикъ Давидъ называетъ семь иконъ, приписываемыхъ кисти Луки (Hist. de la peinture au moyen âge. Edit. Charp.); четыре изъ нихъ находились въ Римѣ. Въ нашихъ документахъ упоминаются слѣдующія заграничныя иконы письма Еван. Луки: Вильневская, Римская, Калистратовская (въ Римѣ), Милостивная и Киккская (на островѣ Кипрѣ), Лоретская (въ Лореттѣ), Неаполитанская въ церкви Monte Vergine), Трапезонтская, которая сама изобразилась на иконѣ, для которой св. Лука приготовилъ только доску *). Въ Россіи письма Ев. Луки считаются иконы: Богородица Владимірская, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; Тихвинская, которая сама пришла по воздуху изъ Рима въ Царьградъ, а оттуда на рѣку Тихвинку, Корсунская въ Торопецкомъ соборѣ; Ченстоховская и Филермская.

1228 А. Прибавить: Владимірская Богородица; по сторонамъ поясныя изображенія двѣнадцати апостоловъ; внизу молитва. Листовая картинка, въ моемъ собраніи.

1229. **Богоматерь всѣхъ скорбящихъ.** Въ моемъ собраніи находится экземпляръ, обозначенный въ описаніи (кн. III) № 1229 какъ изданіе *в* и напечатанный на синеватой бумагѣ 1810 года.

1234 А. Прибавить **Гваделупіанская Богородица** съ Спасителемъ на рукахъ; оба въ коронахъ, въ ростъ. На Богородицѣ надѣтъ орденъ золотаго руна. Изъ подписи видно, что оригиналъ, письма Ев. Луки, находился въ костелѣ Гваделупіанскомъ, а настоящій списокъ съ него сдѣланъ въ Римѣ, по разсказамъ Григорія (Papieza), и поставленъ въ костелѣ Кодненскомъ. Грав.

*) На Scala Santa въ Римѣ показываютъ образъ Спасителя, тоже начатый Ев. Лукою и оконченный ангелами.

на мѣди, въ листъ, съ помѣтою внизу: «Wisztychowany w R. 1801».

1234 Б. Прибавить: **Городищенская Богородица.** Образъ Богоматери съ Спасителемъ и Антоніемъ Падуанскимъ, находящійся въ Кармелитскомъ костелѣ въ Городищѣ, на Волыни, въ Кременецкомъ повѣтѣ. Грав. на мѣди 8°, съ польскою подписью; въ моемъ собраніи.

1235. Икона **Домницкой Богородицы** находится въ Домницкомъ монастырѣ Черниговской губ.; явилась 8 сентября 1696 г. на р. Домницѣ, въ 9 верстахъ отъ г. Березны (Истор. Росс. Іер. IV. 50).

1236. **Икона Донской Богородицы** находится въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ; она была съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на Куликовомъ полѣ; ему же подарена въ 1380 г. отъ Донскаго войска (Дни богос. правосл. I. 236); въ 1591 г. помогла царю Ѳедору Ивановичу отразить Крымцевъ, вслѣдствіе чего былъ построенъ Донской монастырь, а иконѣ Донской Богородицы установлено праздновать 19 августа. Списокъ съ нея находится въ Донскомъ монастырѣ (по свящ. Панову тамъ находится подлинникъ, стр. 24).

1245. **Икона Богородицы живоноснаго источника** находится въ храмѣ при Балыклеѣ или живоносномъ источникѣ, въ 10 верстахъ отъ Константинополя. Превосходный образъ живоноснаго источника, царскихъ писемъ, есть въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Списокъ, сдѣланный прямо съ подлинника, по заказу епископа Александра, въ 1869 году, находится въ часовнѣ Соловецкаго монастыря, на дорогѣ въ Муксальму. Чудеса иконы подробно перечислены въ книгѣ: «Небо Новое» (30 л.)*); празднество ей установлено въ пятницу на святой, ибо въ этотъ день царь Левъ излѣчилъ водою Балыклея глаза слѣпцу.

---

*) *Небо Новое*.... т. е. Преблагословенная Дѣва Марія Богородица зчудами своими, Составленное трудолюбіемъ Іеромонаха Іоаникія Голятовского, ректора

1250. **Знаменіе со святыми.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе *б*, этой картинки (1810 года), съ подписью: «сїя похвала прс̃вятей богородице напечатана вкниге новаго неба чуда седмаго». Сюда же слѣдуетъ переставить изъ № 1251 и изданіе *в*,— которое ошибкой занесено подъ тотъ нумеръ.

1251. Прибавить: есть еще изданіе *г*, копія съ предыдущаго; 1-я строка молитвы заканчивается словами «еси радуися». Въ моемъ собраніи. Такая же цѣлебная сила приписывается въ отреченныхъ памятникахъ ношенію слѣдующаго сна Богородицы: «Богородица опочивала въ Виѳлеемѣ и видѣлась ей во снѣ вся жизнь Спасителя, его страданія и воскресеніе. Возставъ отъ сна она разсказала сонъ Спасителю, и тотъ сказалъ ей, что все видѣнное ею совершится. Въ концѣ прибавлено, что кто этотъ сонъ Богородицы спишетъ и будетъ при себѣ имѣть, того домъ сохраненъ будетъ, и тотъ помилованъ будетъ отъ бури, отъ грома и діавольскія силы, отъ всякаго гада, укушенія змѣи, отъ напрасныя смерти, отъ царя, отъ немилостиваго судьи, отъ лихаго человѣка, отъ падучія болѣзни и «черпижныя смерти»; адъ не приметъ того человѣка, и желѣзо на бою не ранитъ; если прочесть эту молитву надъ женщиною въ тяжелыхъ родахъ, то безъ болѣзни родитъ и будетъ здрава (напечатанъ съ новой рукописи въ Памятн. старин. русск. литературы, III. 128).

1254. На иконѣ Знаменія, Богородица пишется съ воздѣтыми къ небу руками; Спаситель—младенецъ на раменахъ ея. У насъ извѣстны слѣдующія иконы Знаменія:

и игумена м. брат. Кіевс. Могилевъ, типогр. Максима Вощанки, 1699. 4°. Заглавный листъ этотъ, съ изображеніемъ Богородицы и звѣзднаго неба, гравировалъ на деревѣ, какъ видно изъ подписи, «Василіи в.», т. е. Вощанко; на оборотѣ изображено крещеніе Спасителя, той же работы. Впереди книги помѣщены пророчества десяти (изъ 12-ти) Сивиллъ о Богородицѣ; потомъ описаніе чудесъ, бывшихъ при рождествѣ Богородицы (4), рождествѣ Христовѣ (6), бѣжаніи въ Египетъ (11), при жизни Богородицы (7), при ея Успеніи (11), и т. д. Чудеса эти выписаны изъ разныхъ византійскихъ и западныхъ писателей. Въ особыхъ главахъ перечислены чудеса, бывшія отъ иконъ Богородицы Иверской (17), Печерской (40) и Купятицкой (15). Первое изданіе Неба новаго, на польскомъ и польскорусскомъ языкѣ, напечатано во Львовѣ, въ 1665 году.

1. **Абалацкой** Богородицы; ей празднуется 7 и 20 іюля.

2. **Знаменіе Курское—коренное**; явил. 8 сентября 1295 году, въ лѣсу, при корнѣ древа, гдѣ и произошелъ въ то время ключъ. Перенесено въ г. Рыльскъ по приказу кн. Шемяки, который не увѣровалъ въ икону, за что и былъ наказанъ слѣпотою; послѣ исцѣленъ ею же и построилъ въ честь иконы церковь въ г. Рыльскѣ. Икона отсюда однако возвратилась сама въ Коренную пустынь; затѣмъ она была изрублена Татарами, но найдена іереемъ Боголюбомъ и снова сама срослась въ одну доску. Въ 1597 г. икона эта была приносима въ Москву, гдѣ царями Ѳедоромъ Іоанновичемъ и Годуновымъ украшена жемчугомъ и серебряною доскою *). Въ 1612 г. при помощи ея Куряне одержали побѣду надъ Поляками, а потому построили въ честь ея въ г. Курскѣ монастырь Знаменскій, гдѣ она и находится доселѣ. Въ память явленія ея въ 1726 г., она ежегодно переносится изъ г. Курска на мѣсто явленія ея въ пустынѣ, послѣ праздника св. Пасхи въ пятницу 9-й седмицы,—и остается тамъ до 12 сентября (Истор. Росс. Іер. IV. 195—204). Сказаніе о Курскомъ Знаменіи напечатано въ 1792 г. въ Курскѣ. Рукопись съ добавленіями, писанная въ 1818 г., находится въ Румянц. Муз. № 391.

3. **Знаменіе Мирожское**; явил. въ 1198 г.; находится въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ; праздн. ему 24 сент. 1567 г. въ память избавленія Пскова отъ моровой язвы. На немъ по правую руку Богоматери изображенъ въ моленіи благовѣрный Псковской кн. Довмонтъ (Тимоѳей), а по лѣвую руку его супруга Марія Дмитріевна (Дни богосл. православ. ц. I. 151).

4. **Знаменіе Новгородское**, находящееся въ Знаменскомъ соборѣ въ Новгородѣ, что на Ильиной улицѣ (построенномъ въ 1356 г.); празднованіе установлено ему въ честь чуда, бывшаго 27 ноября 1167 г. во время нашествія на Новгородъ Владимірскаго, Рязанскаго, Муромскаго, Полоцкаго и другихъ князей. Когда вынесъ

---

*) Икона вставлена въ доску, на которой приписаны, по приказу царицы Ирины Ѳеодоровны въ 1594 г., Саваоѳъ и пророки (Курск. лѣтописецъ). Образъ этотъ носилъ съ собой въ полкахъ Гришка Отрепьевъ (Клинц. подлин.)

икону на стѣну архіепископъ Іоаннъ, одна изъ стрѣлъ непріятельскихъ ударила въ ликъ Богоматери, которая отвернула лице свое отъ осаждающихъ и начала источать слезы; послѣ чего Новгородцы одолѣли враговъ своихъ (Дни богосл. прав. ц. I. 164).

5. **Знаменіе, что въ Оптиной**—введенской пустыни, изображенное на № 1254.

1256 А. Прибавить: «Образъ Пресвятыя Богородицы Иверскія. Грав. Поз. 1834. Декабря 30. С. Г. Филаретъ». Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ и пунктиромъ (лицо и руки); въ моемъ собраніи.

1258. **Образъ Иверской Богородицы.** Въ 1647-мъ году пріѣзжалъ въ Москву собирать подаянія архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря Пахомій; патріархъ Никонъ просилъ его прислать въ Россію хорошій списокъ съ иконы Иверской Богоматери; списокъ этотъ былъ сдѣланъ и присланъ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1648-мъ году съ екклезіархомъ Пахоміемъ, іеродіакономъ Дамаскинымъ и келаремъ Игнатіемъ. Написаніе иконы описано Иверскими старцами въ письмѣ Пахомія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Какъ есми пріѣхалъ Пахомій въ нашъ монастырь, собравъ всю свою братію, триста шесть десятъ пять братовъ, и сотворили есма великое молебное пѣніе съ вечера и до утра, и святили есмы воду со Святыми мощами, и Святою водою обливали чудотворную икону Пресвятыя Богородицы старую Портанскую, а въ великую чашу ту Святую воду собрали, и собравъ паки обливали новую доску, что сдѣлали всю отъ кипариснаго дерева и опять собрали ту Святую воду, и потомъ служили Божественную и Святую литургію съ великимъ дерзновеніемъ и вѣрою, и послѣ Святой литургіи дали ту Святую воду иконописцу, преподобно-Иноку Священнику и духовному отцу Іамвлиху Романову, чтобы ему смѣшавъ Святую воду съ красками, написать Св. Икону». Во время писанія иконы Романовъ принималъ пищу только въ субботу и воскресенье; а братіи совершали по два раза

въ недѣлю всенощныя и литургіи. «И та икона не рознится ничѣмъ отъ первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликомъ,— однимъ словомъ новая, аки старая» (Истор. Росс. Іер. VI. 103). Икона была встрѣчена Царемъ и Патріархомъ у Воскресенскихъ воротъ съ большимъ торжествомъ и поставлена сперва въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, а 19 мая 1669 года перенесена въ особо для нея устроенную Иверскую часовню (Жизнь пресв. Богородицы. СПБ. 1860. 228) *). Празднуется иконѣ 12 февраля и во вторникъ св. Пасхи, по примѣру Аѳонской обители (Истор. Росс. Іер. IV. 1004).

Списокъ съ Иверской иконы XVII в. находится въ Иверскомъ мужскомъ монастырѣ, Новгородской губер. Валдайскаго уѣзда; на немъ, на поляхъ, написано 12 апостоловъ, вверху два ангела и надпись: ἡ Ποδταιτίσοσά τῶ ἡβηςῶ, т. е. вратъ хранительница, а подъ правымъ плечемъ Богородицы ηεδευσά, т. е. «Милостивая» (Жизнь Богор. 333).

1259—1263. **Ильинская—Черниговская Богородица**; находится въ каѳедральномъ Троицкомъ. Ильинскомъ монастырѣ въ Черниговѣ. Прославилась съ 16 апрѣля 1662 г. Точный списокъ съ нея находится въ Московской церкви 12-ти апостоловъ. По Исторіи Росс. Іер. она напис. въ 1658 г. инокомъ Геннадіемъ. Сказаніе о чудесахъ ея помѣщено въ Рунѣ орошенномъ, л. 103 (текли слезы въ 1662 г.).

1264. **Икона Казанской Богородицы** явилась 8 іюля 1579 г., списокъ съ нея находился при кн. Д. М. Пожарскомъ въ 1612 г. и прославился при очищеніи Кремля 22 октября 1612 г. отъ Поляковъ; по поводу этихъ двухъ событій Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ установлено праздновать иконѣ 8 іюля и 22 октября,

*) Чудеса отъ иконы Иверской Богородицы перечислены въ книгѣ Небо Новое. Калики перехожіе сложили пѣсню о томъ, какъ эта икона была украшена патріархомъ Никономъ (Безсоновъ, Калики, I. 788).

съ крестными ходали (Никоновск. лѣт. VIII. 167. 209.—Выходы Царей, Строева; Алфав. 35). Царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю рожденія сына Дмитрія Алексѣевича 21 октября, повелѣлъ день 22 октября праздновать по всей Россіи (Акты Археогр. Эксп. IV. 61.—Никоновск. лѣт. VIII. 209).

Подлинный образъ находится въ Богородицкомъ монастырѣ, въ г. Казани, а списокъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Въ средней Россіи Казанская почитается особенно по тому случаю, что 8 іюля производится перерядка рабочимъ, плотникамъ, каменщикамъ и т. д. Первая ряда имъ идетъ отъ весны до 29 іюня, т. е. до Петра и Павла; вторая отъ 29 іюня до 8 іюля, третья отъ 8 іюля до 15 августа (Успеньевъ день) и четвертая отъ 15 августа до Покрова (1 окт.) или же до Кузьмы и Демьяна.

1264 А. Прибавить: **Образъ Казанской Богородицы**, съ дѣяньемъ въ 20-ти отдѣленіяхъ. Картина въ $2^1/_2$ листа. Всрединѣ представлено какъ «бл҃гочестивы воеводы и войство россійское вооѡружишася приступіти ко граду и вскоре взяша град китаи. праздновати ѡктября 22» и: «во граде кремле велію теⷭ҇ноту сотвориша ляхоⷨ и вїдяше онї себе неизбегънути ѿворїша кремль и предашася». Пониже: «Вдень неделныи собрашася бл҃гочестивыи воеводы соѡсвященныⷨ чиноⷨ и воинствоⷨ. вземъ честныя кр҃ты и ст҃ыя иконы. поидоша налобное мѣсто и тамо молебное совершашеся». Подъ картинкой: «По смерти благочестїваго цр҃я и великаго кн҃язя Василїя Ивановича всеа Россїи цр҃твующемъ великому граду Москве грехъ ради нашиⷯ ѿ злочестивыхъ ляховъ взяту бывшу тогда убо все.росиское воинство ѿ различных градовъ россїйския земли подвижеся к нему возложїша все хр҃тиан-

*) По словамъ Свиньина, въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ находится списокъ Казанской Богородицы, принесенный изъ г. Казани въ Москву въ 1579 году; списокъ этотъ оставался до 1721 года въ Москвѣ, и за тѣмъ по приказанію Петра I-го перенесенъ въ Петербургъ (Достопамят. С.-Петерб. 1817 г.).

стїи воїни трїдневныи постъ и призывая впомощъ Бг҃а и пре́чтую Бг҃а Мт҃рь и вїдя Бг҃ъ людей свои^х к нему ѡбращенїе вскоре милосердїе показа. бысть явление внутрь Москвы архїепїскопу некоему гречїну Галасунскаго града. арсенїю имянемъ ѿзлочестївы^х ляховъ нуждою воѡсадѣ удержану бывшу его-же до^м злочестївїи ра^зграбиша, и уже ѿ глада конечне и^знемогающу и на конечнемъ издыханїи бывше^м внезапу являе^тся преп^дбный сергїй слышитъ бо архиепїскопъ яко пришедъ некто хкелїи тихо мл҃тву со^творь: и вніде и абие свет во^зсия и гл҃а ему арсенїе се гдь услыша молитву рабов свои^х и мл҃твъ ради всенепорочныя мт҃ре своея и велики^х чюдо^творцевъ Петра Алеѯїа ионы и а^з ходатаи бы^х заутра град сеи гдь предаетъ вруце хртиано^м и враговъ и ни^зложит. архїеп̑копже во^зведе очи свои и вїде ст҃аго сергїя бли^з одра поклонїся он же невїди^м бысть и све^т разыдеся и ощути себе здрава. Грыдоровалъ Мартинъ Нехорошевскiи». Надъ средней картинкой надпись: «влѣто ҂зрка Октября. кв. уставїся праздновати чудотворною иконе. пресвтои вл^дцы нашеи б^дцы явленной во граде Казанї вонже день црствующїи градъ Москва ѿ ляховъ освободїся». Надпись вверху всей картины: «влѣто ҂зпз. При державе блг҃овернаго и хртолюбиваго гдря цр҃я и великаго кн҃зя иѡанна васильевїча всеа россїи самодержца прї свт҃ѣїшем (уголъ оторванъ)... нїи Московскомъ и вся россїи и прї архиепїскопе казанскомъ иеремїи бысть явленїе сея иконы пре́тыя б^дцы во граде Казани сицевымъ образом...... (уголъ оторванъ).

Подписи въ дѣяньѣ: 1) «явїся икона пре́втыя бцы некоего воина дщери именемъ матроне и веляше еи воград ити ї сказати о иконе архїепїскопу ї воеводам да шедше возмут из земных недръ двїца же ѿ неразумїа бояшеся повѣдати».

2) «ѡ оцче (?) повременї сказа мтри своеи матиже ея ниво-чтоже ѡ семъ вмени».

3) «последїже паки ввїденїи явїся тоїже девїце тояжде икона пртыя бцы и веляше еи безсомненїя поведати сїе вїденїе двицаже неедїною но многожды сказоваше мт҃рї своеї явленїе и нїчтоже успеваше еи».

4) «и гласъ бысть ѿ иконы страшен кдевіце аще убо неповедаеши взяти икону мою азъ бо имам инде явїтися двіца же ѿ страшнаго сего віденія зело ужасеся паде на землю яко мертва и лежаша на многъ часъ».

5) «и возопї к матерї своеи велїим гласомъ да поведаетъ архїепїскопу и воеводамъ града того явльшеїся еи иконе престыя бдцы исказа еї все глглы реченныя яже слыша ѿ стыя їконы и место указа».

6) «матїже ея иде вoград к воеводам и двцу преднїмї поставї и повеле еї да сама глаголь[т] двіца же поведе имъ глглы яже слыша ѿ стыя иконы и место еї указоваше онїже неверіемъ ѡдержїми нївочтоже о семъ вменїша».

7) «виде мти ѿрковїцы нїчто успеваетъ прослезися и вземше дщерь свою иде ко архиепископу и поведа ему глаголы и место сказуетъ дабы велелъ изяти стую икону архїепїскопу не внятъ речены[м] ѿ нея и отсла ю безделну».

8) «тогда к воеводамъ и архїепїскопу мца июлиа въ 6 день въ 7 часу дне въ часъ же 12. дне вземши жена мотыку и поишедшу к показанному месту начат копати многое время и необрете искамого».

9) «по малеже убо їнїи пачаша копати и все мѣсто воскопаше. и нїчтоже ѡбретоша».

10) «двца нача копатї явїся чудотворная икона пр[с]тыя бцы самая же икона чудотворная светлостїю сїяя якоже въ нове вапы начертана двца же вземши пречестную їкону со страхомъ и радостїю постави на томже мѣсте».

11) «Людї еже ту во граде слышавше сътекошася бесчїсленое множьство непредївное то чудо. вопїюще со слезами глюще спаспны».

12) «и пославше весть ко архїепи[с]кпу и к первымъ града».

13) «архїепкопъ же и воеводы сплачемъ моляху припадающе чюдотворней иконе м[с]тї просяше ѿ престыя бцы ѡ согрешенїи неверїа своего весьже народъ стекшїся хвалу Бгуї бце ѡ обретенїи могобогатаго сокровїща во[з]сылаху».

14) «и повеле архіепипъ стую икону спротчимі стыми иконамі и чтными крты нести вблізь сущую ту црковь стаго Николая име зовется толскиї и тамо молебная совершаше».

15) «паки ѿ иконы чюдо їсцели члвка убога имянемъ иосїфа очїма невїдяща три лета также пр̃стая бца исцели имянемъ Никиту очи болящи и певше молебная всоборнеи цркви разыдошася въ домы своя со страхомъ и радостїю».

16) «наутрїеже архїепїскъ служївъ бжественную литоргїю народъже собравшеся в церковь к чудотворному ѡбразу овъ злато овъ сребро ї ино что кїждо посїле своего даяше».

17) «архїепїскопже и воеводы ону икону препїсавше явленїе ея и чудеса напїсавше послаше в цртвующїи градъ Москву к самодержавному гдрю црю ї великому кнзю іоанъ».

18) «яже вїдевше зело удївишася изрядному начертанїю ея».

19) «на томъ месте идѣже чюдотворныя икона обретеся поставиша црковь воїмя престыя бцы чтнаго ея одїгитрїя древяную и мнтырь двнь возградїти».

20) «чтную-же эту икону новоявленую престыя бцы проводїша в мнтырь смолебнымъ пениемъ яже и до ныне сверою прїходящїмъ многое исцеление подаваетъ». Въ моемъ собраніи.

1265 А. **Икона Казанской Богородицы.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*д*) этой картинки, на бумагѣ 1808 года; первая строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «Бга нашего».

1265 Б. См. № 1161 А.

1266 А. *Тоже.* Листовая картинка, гравированная пунктиромъ; на поляхъ образа Казанской Богородицы изображены, въ ростъ, св. Тихонъ и св. Маѳа; внизу подпись: «Истинное Изображеніе и мѣра Преч. Чудотв. Образа Казанскія Пре́-Святыя Богородицы что въ Симоновомъ монастырѣ 183 (? здѣсь сорвано) въ Москвѣ». Въ моемъ собраніи.

1267 и 1268. **Образъ Богородицы купина неопалимая** пишется по видѣнію вѣтхозавѣтнаго пророка Моисея, какъ о томъ поется

въ канонѣ: «Иже во огни показавый Моисеови, еже по плоти на землѣ приходъ твой... Предочистимся и мы божественно во Дусѣ и въ горы Синайскія вѣрою изыдемъ, да видимъ тамъ купину огненосную Дѣвы провозвѣщающія рождество... Якоже бо купина не сгараше опаляема, тако Дѣва родила еси и Дѣва пребыла еси». По четыремъ угламъ иконы пишутся лицевые каноны: 1) «Видѣ Моисей на горѣ Синайской купину огнемъ палиму и несгораему» [1]); причемъ въ горящей купинѣ изображенъ Спасъ Еммануилъ; 2) «жезлъ отъ корене Іакова и цвѣтъ отъ него Христосъ..... отъ Дѣвы прозяблъ есть»; 3) «Іаковъ видѣхъ лѣствицу утвержену на земли и до небеси, ангели божіи восхождаме и низхождаше, Господь же утверждашеся на ней», и 4) «Іезекіиль видѣ отъ востока врата затворена, и никто же проиде ихъ, токмо единъ Господь Богъ нашъ». Всрединѣ иконы изображена Богоматерь съ младенцемъ Спасителемъ на колѣнахъ; лице свое она отвратила влѣво, а въ рукахъ ея находятся символы видѣній, написанныхъ въ углахъ иконы: прозябшій жезлъ Іессеевъ, лѣствица Іакова и врата Іезекіиля [2]); за этими символами *въ нѣдрахъ* Богородицы видно изображеніе Спасителя, въ образѣ вѣчнаго архіерея. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ особенности эти толкуются слѣдующимъ образомъ: *«чего ради пречистая пишется въ силахъ; на рукѣ имать младенца трехъ лѣтъ; отъ негоже лице свое отвративше, а въ нѣдрахъ имать другій младенецъ, руками своими пріятъ его держаще»*. Внутри младенецъ отъ отца *прежде вѣкъ вѣка невоздоенъ; а еже рукама пріяше внутренняго*

[1]) Когда Моисей возносился въ облакѣ на Синайскую гору, то на пути встрѣтились ему сперва Ангелъ *Кемуэль*, начальникъ надъ 12.000 ангеловъ, потомъ Ангелъ *Гадраніэль*, который привелъ его въ великій страхъ, ибо имѣлъ ужасный голосъ, раздававшійся въ 200.000 сферахъ, окруженныхъ огнемъ. Обоихъ этихъ ангеловъ Моисей обратилъ въ бѣгство, сказавъ имъ имя Бога: первому изъ 12 буквъ, а второму изъ 72 буквъ (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., 81). Также упоминается объ ангелѣ *Акразіэль*, наблюдающемъ за молитвами; онъ принимаетъ молитвы человѣческія и возноситъ ихъ къ Богу (64).

[2]) Въ древнѣйшихъ переводахъ неопалимой купины четырехъ угловыхъ приписокъ или *дѣяній* небываетъ; они замѣняются въ нихъ символами, находящимися въ рукахъ Богородицы.

младенца се образъ новаго закона иже млади суще дѣти срѣтаху Христа с ваiями и вѣтми. А сидящій на рукахъ младенецъ рожденный отъ дѣвы трехъ лѣтъ, есть триличное божество: 1) младенецъ, 2) Царь Іудейскій и 3) Богъ; и еще триличенъ: Іисусъ, Назарянинъ и царь Іудейской; и еще: отецъ, сынъ и святый Духъ. А что отвратила богоматерь лице свое, — то образъ Іудейскаго отверженія: многи племена отвергошася Христа».

Кругомъ изображенія Богоматери размѣщены изображенія четырехъ евангельскихъ животныхъ, десять ангеловъ съ разными символическими принадлежностями и одинадцать ангеловъ съ кадилами; названія десяти ангеловъ заимствованы изъ Палеи, въ которой разсказывается, что, кромѣ ангеловъ для служенія Богу и спасенія человѣка, есть ангелы, приставленные къ разнымъ стихіямъ: «ангели облакомъ, ангели мракомъ и ангели градомъ, ангели ледомъ и ангели мгламъ, ангели голотемъ, ангели инію, ангели мразу, ангели росамъ, ангели гласомъ, ангели молніямъ, ангели грому, ангели зноеви, зимѣ, лѣту, весни, осени и всѣмъ созданіемъ его» (Порфирьевъ, 134) [3]. Эти апокрифическіе ангелы пишутся при Богоматери только на иконѣ неопалимой купины; во всѣхъ же прочихъ переводахъ ей служатъ семь старѣйшихъ ангеловъ: Михаилъ (кто якъ Богъ, съ мечемъ въ рукѣ), Гавріилъ (крѣпость Божія, съ фонаремъ), Рафаилъ (лекарство Божіе, съ алавастромъ), Уріилъ (свѣтлость Божія, съ огненнымъ мечемъ), Селафіилъ (молитва Божія, съ кадиломъ), Егудіилъ (хвала Божія) и Варахіилъ (благословленіе Божіе, съ виноградымъ гроздіемъ) (Небо новое, стр. 159). Замѣчательно, что одинадцать ангеловъ, помѣщенные на иконѣ купины, независимо отъ апокрифическихъ названій, заимствованныхъ изъ Палеи, несутъ и поименованные выше символическіе знаки, присвоенные семи старѣйшимъ ангеламъ.

---

[3]) Въ апокрифическомъ маломъ бытіи говорится, что Богъ въ 1-й день сотворилъ небо, землю, воду и всѣхъ духовъ, которые служатъ передъ нимъ, ангеловъ лица, хваленія, огня, вѣтра, облаковъ, ангеловъ тьмы и града, инея, долинъ, грома и молніи, ангеловъ холода и зноя, зимы и весны, осени и лѣта, и всѣхъ духовъ своихъ твореній на небесахъ и на земли и во всѣхъ долинахъ, и ангеловъ мрака и свѣта, и утренней зари и вечера (Порфирьевъ, 234).

Образъ неопалимой купины въ сельскомъ обиходѣ служитъ охраною отъ огня; въ листѣ: «какимъ святымъ и отъ чего молиться» (№ 1034), подъ 4 числомъ сентября, означено: «неопалимой купинѣ, о сохраненіи отъ пожара и молніи». Въ нашихъ подлинникахъ упоминается объ одномъ образѣ купины, написаномъ на самомъ *томъ камени*, на которомъ Моисей видѣлъ купину; образъ этотъ находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ и принесенъ Московскимъ князьямъ въ даръ Палестинскими старцами въ 6898 году. Въ Поморскихъ отвѣтахъ указано, что этотъ образъ со створами, и что находится онъ въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (Рукописи Ундольск. № 503. Моск. Публ. Муз., л. 36 об.). Другой образъ купины проявился въ царствованіе Алексѣя Михайловича и поставленъ въ церковь Рождества Богородицы, что на Дмитріевкѣ (Буслаевъ, Очерки, II. 375).

Подробный обзоръ и обстоятельное сравненіе разныхъ переводовъ неопалимой купины сдѣланы въ замѣчательной статьѣ А. Виноградова, въ Записк. археолог. общ. 1877 г., т. IX).

1267. *Тоже.* Въ моемъ собраніи есть еще листовое изданіе этой картинки (*б*), на бумагѣ 1800 года; 12 надписей орфографированы въ ней такъ: «1) творяи агг҃ли своя | духи сиречь племе|ни мразу и снегу | служебны суть».

См. еще неопалимую купину, описанную въ примѣч. № 1346.

1269. **Купятицкая Богородица** явилась 15 ноября 1180 г. (въ мѣсяц. Гатц.—1182 г.) въ селеніи Купятичь, Минской губ. Пинскаго уѣзда, при рѣкѣ Ясолдѣ, гдѣ и построена церковь. Тамъ же прославилась чудесами. Въ 1656 г., вслѣдствіе смутъ уніатскихъ, перенесена православными въ Кіево-Софійскій соборъ (Слава пресв. Богор. III. 106). Чудеса ея описаны Купятицкимъ игуменомъ Иларіономъ Детесовичемъ (Мигурой), и напечатаны, вмѣстѣ съ защитою Кіевской святыни, Кальнофойскимъ въ Кіево печерской Лаврѣ въ 1638 г. 4°, съ изображеніемъ самой иконы, гравиров. на деревѣ. Чудеса ея тоже перечислены въ кн. Небо

новое (л. 194 об.). Сказаніе о ней въ Воскр. Чтеніи, XVII. 299 и Кіевск. Епархіальн. Вѣдом., 1867. IV. 105.

1269 А. Прибавить: **Лопатинская Богородица,** находящаяся въ костелѣ Лопатинскомъ; гравюра на мѣди 8°, съ польскою подписью. Въ моемъ собраніи.

1271. **Мохнатинская**; по всему вѣроятію, одна икона съ *Руденской*.

1273. **Непрская Богородица.** Прибавить изданіе *в*, отпечатанное доскою изданія *б*, пройденною рѣзцемъ; щека Богородицы оттушевана въ изд. *в* въ двѣ черты, а въ изданіи *б*—въ одну. Въ моемъ собраніи.

1273 А. Прибавить: изобр. иконы **Богородицы** *Неувядаемый цвѣтъ*, съ акафистами и чудесами, въ 24 отдѣленіяхъ, четырехлистовая картина, издана въ 1851 году В. Шераповымъ.

1274 и 1275. **Икона Печерской Богородицы — Успеніе**; празднуется ей 3 мая; явилась мулярамъ, приказавъ имъ идти въ Кіевъ для украшенія ея монастыря, вновь основаннаго препод. Θеодосіемъ и Антоніемъ (пишется съ этими преподобными). Принесена мулярами изъ Царьграда въ 1085 г. Исторію ея см. въ Печерск. Патерикѣ и въ кн. Новое небо (стр. 169; 40 чудесъ). По Клинц. подл. и по № 1216—явил. 3 мая 1069 г. См. тоже Богор. *Свинская*.

1275 А. Прибавить: **Богородица Подембеченская Базиліанская**; наход. въ алтарѣ Базиліанскаго Подембеченскаго монастыря. Гравюра на мѣди, въ полъ-листа, съ подписью мастера: «Ioseph Goczemski sc. 1778».

1276—1296. **Икона Богородицы Почаевской**; наход. въ Успенской Почаевской Лаврѣ, Волынской губ., на горѣ Почаевской,

на которой остался отпечатокъ правой стопы Богородицы (въ 1340 г.); икона принадлежала помѣщицѣ Гайской, которой подарена была греческимъ митроп. Неофитомъ въ 1559 г.; въ 1595 г. передана въ Почаевскую Лавру; въ 1773 году коронована діадимою, присланною папою Климентомъ XIV [1]); въ 1831 г. поступила въ вѣдомство православнаго духовенства [2]) (См. Гора Почаевск. 1803. Почаевъ; статья свящ. Хайпацкаго въ Душеполезн. чтеніи 1873 г.). Турки осаждали Почаевскую обитель въ 1675 г. 20, 21 и 22 іюля; въ ночь явилась Божія матерь въ сопровожденіи препод. Іосифа Желѣзы и Турки были прогнаны отъ обители. Викарій Волынской епархіи, Анатолій, изобразилъ это событіе въ картинѣ, находящейся до нынѣ въ Почаевскомъ монастырѣ; вѣроятно съ нея сдѣлана гравюра съ виршами и подписью: «in monasterio Poczaiowiensi invenit et sculp. Nicodem Zubrzycki. A. 1704». Доска сохраняется до сихъ поръ въ Кіево-Лаврской типографіи.

1295. **Почаевская Богородица.** Картинка, поименованная подъ этимъ нумеромъ, какъ изданіе *б*, гравирована на мѣди.

1297 А. Прибавить: **Образъ Богородицы Ростовской, Козмодемьянской.** «Истинное подобие образа престыя бцы яже обрѣтается во граде ростове вохраме стыхъ чюдотворцевъ безсребреникъ Космы и даміана». По сторонамъ, въ клеймахъ, изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ, а внизу тропарь, кондакъ и молитва: «О престая влчице моя бце . . . вековъ аминь». Листовая картинка, гравированная на мѣди въ прошедшемъ столѣтіи. Въ моемъ собраніи.

---

[1]) Въ теченіи XVIII вѣка въ капитулѣ св. Петра коронованo болѣе 100 иконъ Богородицы; онѣ перечислены въ книгѣ: «Raccolta delle imagini della Beatissima Vergine, ornate della corona d'ora. Roma. 1792. 4 vol.—Pietro Bombelli»; тотъ самый, который гравировалъ № 1276.

[2]) У перехожихъ Каликъ есть нѣсколько причитаній о Почаевской обители (Безсоновъ, Калики, I. 680—690). Сборникъ пѣсень въ честь ея помѣщенъ въ Богогласникѣ.

1297 Б. Прибавить: **Сладколюбивая Богородица.** «Изображеніе иконы, обрѣтающейся въ Общежительномъ скитѣ св. Иліи Пророка на Аѳонской горѣ, устроенномъ русскими монахами. Издана при настоятелѣ Пахоміѣ, тщаніемъ монаха Игнатія Кривенко въ 1847 г.» Рѣз. на камнѣ, въ большой листъ, съ видомъ обители. Богоматерь изоб. въ коронѣ; лѣвою рукою она обнимаетъ Спасителя, а правою держитъ его за ногу. Спаситель обнялъ ее обѣими руками за шею. Надпись: «И ѠΔΗΓΗΤΡΙΑ».

1298. **Страстная Богородица**; перенесена въ Москву изъ отчины кн. Бор. Мих. Лыкова (Нижегородскаго), изъ села Палецъ, въ 1641 г. Ее встрѣчалъ самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и въ 1654 г. построилъ для нея Страстной монастырь на мѣстѣ ея срѣтенія. Празднов. въ воскресенье послѣ Пасхи. Въ Клинцевск. подлинникѣ показано три списка съ нея: 1) въ страстномъ Московскомъ монастырѣ, 2) въ церкви зачатія Богоматери въ Углѣ, у Китайской стѣны въ Москвѣ, и 3) Нижегородской губерніи въ селѣ Палицахъ.

1298 А. Прибавить: «Ѡбразъ прстыя бцы страстныя»; переводъ сходный съ предыдущимъ; внизу молитва Богородицѣ (о престая гпже влдчце... аминь), въ которой поминаются: Императрица Екатерина II, в. к. Павелъ Петровичъ, в. к. Марья Ѳедоровна, Александръ и Константинъ Павловичи и Александра, Елена, Марья и Екатерина Павловны. Листовая картинка, гравированная на мѣди. Въ моемъ собраніи.

1299. **Икона Тихвинской Богородицы.** По рукописному сказанію XVII вѣка (у гр. Уварова № 804 съ миніатюрами и у Буслаева, рукопись 4°), икона эта принесена изъ Константинополя за 70 лѣтъ до взятія его Турками, т. е. въ 1387 г.; она находится въ Тихвинскомъ Успенскомъ монастырѣ. Списокъ съ нея есть въ Москвѣ (Выходы Царей, Строева, Алфав. 96). По другому сказанію икона эта называется Римляныня или Лидская, и была списана

46*

по приказанію патріарха Германа, въ городѣ Лидѣ (см. Лидская); во время иконоборства икона ушла сама въ Римъ; а черезъ 130 лѣтъ вернулась въ Константинополь*), и оттуда въ 1383 году перешла на рѣку Тихвинку, гдѣ и была построена во имя ея церковь и положено было на оную водрузить желѣзный крестъ. Но Богородица явилась въ лѣсу, въ сопровожденіи св. Николая Чудотворца, пономарю Юрышу, и объявила, чтобы крестъ былъ поставленъ на ея церковь деревянный (на этотъ предметъ пишется особая икона: «явися Богородица пономарю Юрышу»), что и было исполнено; самый же крестъ былъ сдѣланъ изъ колоды, на которой видѣлъ пономарь Юрышъ Богородицу. Есть другая чудотворная икона Тихвинской Богородицы: она находится въ Новгородѣ въ Кладбищенской Воскресенской церкви, что на красномъ полѣ; Новгородцы Василій и Дмитрій Воскобойниковы нашли ее на островѣ Біорко у одного ксендза, у котораго она служила дверью, купили ее за 15 ефимковъ, и въ 1643 году привезли въ Новгородъ (Жизнь Богородицы, 361). По преданію, Тихвинская икона писана Евангелистомъ Лукой (Клинц. подл. гр. Строганова. № 9). Въ 1614 г. икона эта спасла Тихвинъ отъ Шведовъ, вслѣдствіе чего установленъ ей праздникъ 26 іюля (Истор Росс. Іер. VI. 367). Пишется на подобіе Лидской или Римской (свящ. Пановъ, 72).

1299 А. Повтореніе предыдущей картинки (изд. 1808 года); въ молитвѣ упоминаются: Императоръ Александръ Павловичъ, Имп. Елисавета Алексѣевна и проч. Въ моемъ собраніи.

1301 А. *Тоже*. Прибавить: «изображенїя чудотворнаго образа прс҃тыя бц҃ы тїхѳинскїя яже по воздуху из рима прїиде вцарьградъ потомъ вроссию на тихоину реку идеже создана: і ц҃квь 6891-го лета явїся празднество їюнїя 26 дня чс҃тнеишая и славнейшая всехъ чиноначалїи нб҃ныхъ д҃во богородице мр҃їе рода християнскаго». Листовая гравюра на мѣди, конца прошедшаго столѣтія. Въ моемъ собраніи.

---

*) Въ текстѣ № 1221 (III. 486) тоже самое разсказывается объ иконѣ Владимірской Богородицы.

1301 Б. Прибавить: **Образъ Богородицы Тригуренской**, находившійся въ 1700 г. въ Базиліанской обители; грав. въ листъ на мѣди; Богоматерь изображена съ Спасителемъ на рукахъ; изобр. поясныя. Подъ гравюрою подпись мастера: «T. Rakowiecki sc. Berdicz». Почаевской работы; всѣ подписи на польскомъ языкѣ. Въ моемъ собраніи.

1302. **Икона Богородицы Троеручицы**; находится въ Аѳонскомъ славяно-сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ, въ которомъ она заступаетъ мѣсто игумена, игумена-же въ монастырѣ нѣтъ вовсе (Жизнь Богор. 270). О происхожденіи этой иконы въ житіи Іоанна Дамаскина, написанномъ Іоанномъ Іерусалимскимъ, разсказывается слѣдующее: императоръ Левъ Исаврянинъ, негодуя на преподобнаго Іоанна Дамаскина за обличеніе его въ иконоборствѣ, написалъ отъ имени его измѣнническое письмо князю Амиру. Князь Амиръ тотчасъ-же приказалъ отсѣчь святому руку; Іоаннъ Дамаскинъ долго молился Богоматери и, подвязавъ отсѣченную руку убрусомъ, уснулъ. Во снѣ явилась ему Божія Матерь и исцѣлила его. Въ ознаменованіе этого чуда Дамаскинъ привѣсилъ къ образу серебряную руку (См. тоже Небо Новое, 53). «Зрите въ полномъ писаніи изографи и сребрите третію руку необлажняйте народи», прибавлено въ одномъ рукописн. подлинникѣ XVIII вѣка (гр. Строганова) [1]).

Списокъ съ такою посеребреною рукою (хорошей работы) находится въ церкви св. Іоанна Малеина (въ Москвѣ). Другіе списки, присланные изъ Хиландарскаго монастыря, находятся: одинъ въ Бѣлобережской пустыни, въ Орловской губерніи (празднество 18 Іюня); другой въ церкви Покрова въ Голикахъ, въ Москвѣ (празднество 2 іюля); третій въ Воскресенскомъ Новоіерусалим-

[1]) Исторія эта разсказана въ Великомъ Зерцалѣ (Magnum speculum exemplorum. Coloniae. 1718. Horae canonicae, стр. 333), а туда заимствована изъ соч.: Vincentius Beluacensis, писателя, жившаго около 1256 г. (Ord. Praedicator. in Speculo suo historiali et morali). См. Magnum Speculum, лл. 2 об. и 4 об. Здѣсь впрочемъ о серебряной рукѣ, привѣшенной Дамаскинымъ къ образу Богородицы, не говорится.

скомъ монастырѣ; это тотъ самый, который описанъ подъ № 1304, и въ которомъ приведенъ разсказъ Аѳонскаго архимандрита о значенiи третьей руки (III. 523).[2] Разсказъ этотъ повторяется и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ подлинниковъ, но въ нѣсколько иномъ видѣ. См. тоже Небо новое.

Текстъ № 1302 составленъ изъ описанія иконы (1700 года), приложеннаго къ дѣлу, заведенному о ней въ 1722 году, когда икона была вытребована по указу Св. Синода въ Москву. Въ концѣ этого описанія приведено еще слѣдующее свидѣтельство, выпущенное изъ текста нашей картинки № 1305: «О сей бо ст҃ѣй iконѣ воспоминается ї вжити прпд бнаго ѿца михаила малеина впрологе. мц҃а iюля въ кі до, сказуетъ же убо сия вотопед еже есть обитель славная, внейже повѣсть о чюдеси пр҃тые бц҃ы, давно предлежит таже ї хиландаръ по рускiи лвова уста сказуется обитель вней же црковъ пр҃тыя бц҃ы чт҃наго ея введения iдѣже поведаютъ влки хр҃та бг҃а нш҃его крове всклянично м кр҃тѣ, i власы брады его, еже терзаху беззаконнii iюдеи во время ст҃ыя волныя страсти его i ст҃ыя пелены его и кр҃тъ, таможе i чт҃ная iкона пр҃тыя бц҃ы, яже глаголется троеручица, i мн҃трь тот iверъ нарицаемы, а сия ст҃ая iкона списана втоиже стои обители хиландарской, ссущия самыя тои чюдотворныя їконы греческимъ iꙁуграфомъ i принесена ѿ ст҃ыя горы тояж обители архимандритом Ѳеоѳаном во обител сию воскресенскую (еже есть новы iер҃лимъ) свт҃ѣишему Никону Патриарху влѣто ѿ создания мира ,зрча году мц҃а

[2]) Подобная же легенда разсказывается и о папѣ Львѣ великомъ, жившемъ въ V-мъ вѣкѣ. Во время обряда цѣлованія папской руки на пасхѣ, къ рукѣ папы Льва, въ числѣ прочихъ вѣрующихъ, приложилась одна хорошенькая женщина. Святой отецъ мгновенно почувствовалъ къ ней грѣховное вожделѣніе и, чтобы обуздать себя, отрубилъ опороченную руку. Вскорѣ ему стало жаль отрубленной руки и онъ обратился съ просьбой объ исцѣленіи къ иконѣ Богородицы, письма Евангелиста Луки, находившейся въ церкви Санта Марія Маджіоре въ Римѣ и пользовавшей особеннымъ уваженіемъ. Богородица услышала его молитву и нарастила ему новую руку; но съ этихъ поръ вышелъ указъ, вмѣсто папской руки, цѣловать на пасхѣ папскую туфлю (Zimmermam, ueber die Einsamkeit, I. 368.—Genthe, Die Jungfrau Maria. Halle 1852, 32). Въ легендѣ однако-же не сказано, привѣсилъ-ли папа къ образу своей исцѣлительницы благодарственную *ручку* по этому случаю.

октовриля дня 5; і написана сія таблица вѣдения ради сумнѣния імущим о иконѣ сен пр҃тыя бц҃ы троеручице лѣта ѿ рж҃тва хр҃това ҂аѱі году августа дня г҃і» (Собраніе гравиров. изобр. иконъ Божіей матери. СПБ. 1878. Изд. Общ. Любит. древн. писменности, лл. 4—7).

Обычай приносить иконамъ металическія привѣски, изображающія разныя части тѣла (нога, рука, голова, спина, и цѣлыя куколки), въ память чудесныхъ исцѣленій, сохраняется и до сихъ поръ въ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ Архангельскѣ я видѣлъ такія привѣски, вырѣзанныя изъ тонкаго листоваго серебра, которыя продавались во множествѣ на столахъ, на рынкѣ (1876 г.); многіе образа щедро увѣшаны ими, какъ напримѣръ образъ Николая Чудотворца въ церкви его имени, въ селѣ Дымковѣ въ Устюгѣ Великомъ, и мн. др.

1303 А. Прибавить: «Изображенїе Прекрасныя Цр҃кве Цр҃кїя И патрїаршескїя Славено-сербскїя хилондарскїя обители Введенїе Прст҃ыя Бц҃ы Яже въ святой Горе Аѳонской и внеи чудотворных образовъ Напечатано Поспешествомъ тояже Обители Архимандрита Киръ Елїсея». Вверху надъ обителью изображенъ: «Ѡбразъ Пр҃тыя Бц҃ы Троеручицы»; а по сторонамъ: «Рождество пр҃тыя Бц҃ы.—Благовѣщенїе Пр҃тыя Бц҃ы.—Введенїе Во храмъ Пр҃тыя Бц҃ы.—Успенїе Пр҃тыя Бц҃ы.—Ст҃ыи Димитрїи. Ст҃ый Георгїи.—Ст҃ыи ап҃лъ Павелъ. Ст҃ый ап҃лъ Петръ». Двухлистовая картинка, рѣзанная на мѣди; изданіе 1806 года. Въ моемъ собраніи.

1304 А. Прибавить; «Ѡбразъ пресветыя бц҃ы Умилениїе»; внизу молитва: «честнейшая . . . . . рода християнскаго». Листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1304 Б. Повтореніе предыдущей картинки, новѣйшее изданіе 1830—40 гг. Молитва таже; первая строка ея заканчивается словами: «бга слова бе». Въ моемъ собраніи.

1305. **Икона Богородицы Умягченіе злыхъ сердецъ.** Богородица съ 7-ю мечами, воткнутыми въ сердце, а также со Христомъ (умершимъ) на колѣнахъ, называлась на Западѣ Mater Dolorosa (K. F. Klöden, Zur Geschichte der Marienverehrung. Berlin. 1840, 74). У насъ списковъ ея ранѣе половины XVIII вѣка не встрѣчается.

Въ католическомъ мірѣ былъ установленъ особый праздникъ семи страданій Богородицы (Festum septem dolorum); эти семь страданій претерпѣла Богородица: 1-е) когда Христосъ съ нею прощался, 2-е) когда онъ былъ выведенъ въ терновомъ вѣнцѣ, 3-е) когда онъ былъ распятъ на крестѣ, 4-е) когда онъ былъ напоенъ виномъ и желчью, 5-е) когда онъ взывалъ къ Богу отцу: Господи! Господи! вскую оставилъ мя еси, 6-е) когда Христосъ испустилъ духъ и 7-е) когда Богородица держала на колѣнахъ тѣло умершаго Спасителя (Тамъ-же, стр. 63). Праздникъ этотъ совершался въ субботу передъ Лазаревымъ воскресеньемъ.

1310 А. **Утоли моя печали.** Прибавить: копія съ № 1310, съ тою же молитвой внизу; тропаря слѣва нѣтъ. Листовая картинка. Въ моемъ собраніи.

1312. **Образъ Богородицы Ченстоховской,** написанія Ев. Луки, привезенъ изъ Константинополя въ Бельзскій замокъ русскимъ княземъ Львомъ (?), который будто-бы получилъ его отъ Карла Великаго; а по другому преданію подаренъ городу в. к. Владиміромъ, который получилъ его въ приданое за греческой царевной Анной (Душеполезн. Чтен. 1873 г., статья свящ. Хойнацкаго); за тѣмъ, послѣ покоренія юго-западной Россіи Поляками образъ этотъ достался князю Владиміру Опольскому, а въ 1352 году перенесенъ королемъ Владиславомъ на Ясную гору Ченстоховскую, въ монастырь Паулинскаго ордена (Небо новое, 117). Король Янъ Казиміръ въ одномъ манифестѣ поручаетъ все государство свое покровительству Ченстоховой Богородицы и именуетъ ее Польскою королевою (Всеобщ. Памятн. VI. 164). Въ 1813 году, по взятіи Ченстоховской крѣпости русскими, икона эта была подне-

сена генералу Сакену, а за тѣмъ поставлена императоромъ Александромъ I въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ, въ придѣлѣ Рожд. Богородицы (Жизнь Богородицы, 232). Въ Небѣ Новомъ разсказана легенда, о томъ, что въ XVII вѣкѣ иконописецъ Иванъ Вежинъ дѣлалъ списокъ съ Ченстоховской иконы, но никакъ не могъ дописать его; однажды, вернувшись въ свою камору, онъ увидѣлъ икону, написанную неизвѣстною рукою; прославивъ Бога, онъ отнесъ свой списокъ въ городъ Соколъ, что на Бугѣ (Небо Новое, 126). «Описаніе иконы Ченстоховской Божіей Матери» составлено капелланомъ Станиславомъ Фелинскимъ (3-е изд. его, вышедшее въ 1879 г., было переведено на франц. языкъ).

1331 А. **Апостолы союзомъ любви связуемы.** Тоже изображеніе, но безъ рамки изъ акантовыхъ листьевъ; вверху представленъ Господь Саваоѳъ. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки: *а*, на бумагѣ 1800 г., и *б*, съ подправленной доски (облако около Саваоѳа перекрещено).

1331 Б. **Тоже изображеніе**; вверху представленъ св. Духъ въ видѣ голубя, по угламъ символы евангелистовъ; изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1332. **Евангелисты.** По старинному Іоаннъ Богословъ писался со Львомъ, а Маркъ съ Орломъ; изъясненіе этихъ символовъ читается въ Клинцевскомъ подлинникѣ, л. 141 об. (а туда заимствовано, какъ помѣчено въ немъ, изъ лексикона, стих. 695 и 369): «св. *Іоаннъ Богословъ* пишется со львомъ: понеже царство есть левъ и владычествено. Іоанъ бо отъ царскаго и владыческаго сана божества слову начатъ рекъ, «вначалѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово и прочее». В. Чего ради Маркъ Евангелистъ образомъ орлімъ пророку Іезекіилю проявленъ; отв. Понеже Маркъ отъ пророчества Благовѣстіе начатъ; пророческая бо благодать проводителна суть и страдалняя видящи, орелъ есть глаголютъ орла острозрительна быти, якоже и единъ точію отъ инѣхъ животныхъ къ солнцу

можетъ зрѣти не помизая отъ предотечева бо пребыванія и показанія Марко начатъ рече бо: зач. Евангелія Іисусъ Христова и прочая».

1333. Эта гравюра П. Бунина скопирована съ оригинала Дюрера (изъ числа пяти апостоловъ); въ сборникѣ Есипова (о Петрѣ I. М. 1872) приложена съ нея копія. Петръ Бунинъ, ученикъ А. Шхонебека представлялъ эту работу въ Оружейную Палату въ 1696 году при удостовѣреніи Шхонебека, «что тотъ листъ работы ученика его Петра Бунина, и что сверхъ того ко инымъ его Андреяновымъ мастерства вещамъ прилежаніе Бунинъ имѣетъ тщаливое со усердіемъ»; вслѣдствіе чего опредѣлено ему Бунину, «за его во ученіи вышеписаннаго дѣла прилѣжное радѣніе и во искуствѣ познаніе къ прежнимъ ево кормовымъ деньгамъ придать еще по четыре деньги, всего и съ прежними по 2 алтына на день», противъ Алексѣя Зубова, который получалъ тогда 2 алтына 4 деньги на день (Русскіе граверы, стр. 164).

1336. **Образъ Іоанна Богослова и Прохора.** Въ Клинцовскомъ подлинникѣ житіе Богослова описывается только въ 9-ти отдѣленіяхъ, но подписи подъ нимъ полнѣе, а именно: «надпись подписывать у житія Іоанна Богослова.

1) Гусарь пасяше гуси и писаше перстомъ на песцѣ образъ Іоанна Богослова: и несовершаше: и пріиде къ нему святый Іоаннъ Богословъ и глагола ему: хощеши ли иконы писати, и рече гусарь хощу Господи.

2) И написавъ писаніе пославъ гусаря въ Царьградъ къ цареву иконописцу Хенарю и глаголати повелѣ: послалъ мя къ тебѣ Іоаннъ Богословъ да научиши иконы писати.

3) Гусарь же скоро тече во градъ: и во утріи срѣте ѣдуща на конѣ Хенаря отъ церкви святыя Софіи: и даде ему грамоту запечатлѣнну и иде по немъ: писецъ же прочетъ грамоту подивися.

4) И повелѣ писецъ гусарю терти вапы самъ отыде на орудіе и умедли до обѣда: и пріиде къ гусарю Іоаннъ Богословъ: и

рече ему, что дѣеши гусарь онъ же рече вапы тру мастеру моему писати образъ Іоанна Богослова: и вземъ его святый за руку и повелѣ писати икону и абіе написа и просвѣтися яко солнце.

5) Пріиде мастеръ нача дивитися, и повѣдаша цареви яко ученикъ Хенаревъ написавъ икону Іоанна Богослова: свѣтится палата яко отъ солнца: и принесоша въ церковь: царя же объятъ страхъ а мастеру бысть зазоръ.

6) Глаголаху людіе что ученикъ гораздѣе мастера пишетъ, другіе рѣша мастеръ лучше пишетъ. и повелѣ царь написати два орла, и рече, аще пущу ястреба и котораго орла начнетъ драти, тотъ и гораздѣе. и вси рѣша право судилъ еси царю.

7) Шедша вскорѣ написаста два орла: и постависта на стѣнѣ царь же пусти ястреба, и нача хватати ученичю птицу: и оттолѣ пріятъ царь гусаря во своя палаты, и бысть гораздѣе мастера.

8) Представленіе святаго Іоанна Богослова и погребенъ бысть седмію ученикъ внѣ града.

9) Написати повелѣ Прохору ученику своему въ горѣ сидя и постяся святое Евангеліе, и предаде вѣрнымъ въ Патмѣ островѣ».

1337. **Ев. Іоаннъ Богословъ.** Доска изданія *б* была подправлена; въ моемъ собраніи есть оттискъ послѣ такой подправки— это будетъ изд. *в*.

1338 А. Прибавить: «**Святый Ева҃лістъ Лука.** Делано Вмосквѣ на Фа^{б}. Т. А^{х}». Въ моемъ собраніи.

1338 Б. Прибавить: «**Святый Ева҃лістъ Матѳей.** Делано Вмосквѣ на Фа^{б}. Т. А^{х}». Листовыя картинки, очень плохо выгравированныя пунктиромъ.

1340. Это **Обращеніе Павла** скопировано точь въ точь изъ Библіи Пискатора; см. № 810. прим.

1346. Прибавить: описанное подъ этимъ нумеромъ изображеніе *Акилины*, отпечатанное на летучемъ листкѣ, повидимому для

раздачи богомольцамъ, вклеено въ книжечку, вмѣстѣ съ другими картинками, рѣзанными на деревѣ (раб. того же мастера) [1]).

Книжка эта состоитъ изъ 7 листковъ въ четвертку; на первыхъ четырехъ помѣщена: «отъ отечника скитскаго повѣсть удивителна, о діаволѣ, како пріиде къ Великому антонію, во образѣ человѣчестѣ, хотя каятися»,—та самая, которая напечатана подъ № 722 (но безъ картинки). На оборотѣ 4-го листка типографскимъ шрифтомъ напечатано слѣдующее повѣствованіе: «ѿ патеріка Алфавітна. Знаменіе п. Моли авва Ѳеодѡр Феремскїй авву Памва. Рци ми слово: и многою нуждею рече ему: Ѳеодѡре, иде и имѣй млтиню свою на всѣх: ибо млтиня обрѣте дръзновеніе пред Бм҃. и паки рече. Аще имаши срдце трезвенно, можеши спастися. Гл҃аху ѡ аввѣ Памвѣ. яко николиже не оусклабися лице егѡ. Въ единъ же днь хотяще бѣсѡве сътворити егѡ смѣатися. привязаша къ древу Перо, и тягляху молву творяще, и вопіюще: алли алли. Видѣвъ же ихъ авва Памвѡ, въсмѣяся. Бѣсове же начаша ликоствовати, глаголюще: оуа, оуа, Памвѡ смѣяся Памвѡ смѣяся. Онъ же ѿвѣщав, рече им. Не смѣяхся, но посмѣяхъся немощи вашей, яко толици суще, понести перо не можете: В лѣто Гн҃е, по осмѡсугубнѣй сѡтници два десятно шесто, Октовріа, кн҃. Кругъ слнцу, кв҃. Кругъ лунѣ, ѳ҃. Усръдствующа ѡ семъ имя, пятописмно, двоскладно же. Пръвый тресложенъ съ гласѡвны три, гласѡвны же, двѣ. число ему, девятсотно съ двадесятьми и треми»; и еще надпись глаголическими буквами, которая повторена и на картинкѣ, изображающей душевную чистоту (эта надпись скопирована въ атласѣ, приложенномъ къ настоящему изслѣдованію).

На передней страницѣ 5-го листка изображены: 1) «Неопалимая купина и похвала престыя бцы»; на оборотѣ-же этого 5-го листка изображена: 2) смерть на блѣдномъ конѣ, вверху мечъ, цвѣточная вѣтка и песочные часы; внизу «ѕвѣріе» рвутъ на части человѣка, «адъ» и годъ «҂аχкѕ».

---

[1]) Единственный экземпляръ этой книжки находится въ СПБургской Пуб. Библіотекѣ, изъ собранія Каратаева; по замѣчательности находящихся въ ней первыхъ летучихъ картинокъ здѣсь предлагается описаніе ея вполнѣ.

На передней страницѣ 6-го листка: 3) крошечная картинка, изображающая препод. Памву Берынду. «Маланья» и «Аммонъ» приносятъ ему деньги для раздачи нищимъ; сзади распятіе, Адамъ, Моисей, Египетъ, а внизу надпись: «Лівія». На этой страницѣ типографскимъ шрифтомъ напечатано житіе преподобнаго Памвы[2]). На оборотѣ 6-го листка представлено въ лицахъ: 4) «Ст. Антоніе великій: ҁ҃ лѣте^н сы^н обрѣте павла фівеско^г в пещерѣ в пустыни внутрней. ѯ лѣ^т та^м живша іаннуар. ѕ҃і»; пониже, справа: «Ерміл дѣли глав: ЛД». Препод. Антонія встрѣчаютъ: «Сатіръ» и «Сатыренята», еще ниже его встрѣчаютъ: «іппокентавръ» и «Алеѯандръ ма́кид (онскій)»; справа сидитъ: «павел фівескї в пещерѣ», ему «вран хлѣбцѣ несет». Внизу «волкъ» и годъ: «АҲКЅ мца ноем: ѕ҃є». Подъ картинкою текстъ типографскимъ шрифтомъ, о томъ, какъ Антоній встрѣтилъ въ пустынѣ разныхъ чудъ, покланявшихся Богу, и Александра Македонскаго, «иже Бога незна» (который явился вслѣдствіе того, что Антоній ударилъ жезломъ своимъ землю).

На 7-мъ листкѣ изображены: 5) слѣва семиконечный крестъ, а справа «С. М. акѵлина». На оборотѣ этого листка типографскимъ шрифтомъ напечатано извлеченіе изъ пролога: «о дѣвичестей чистотѣ».

Въ Публичной библіотекѣ есть еще летучій листокъ, который несомнѣнно принадлежитъ къ составу этой же книжки; на немъ, съ одной стороны изображена: 6) *чистота*, съ монограммами «ЛМ 1626», съ луною и звѣздою, и «ПБ»; подъ картинкой помѣщена таже надпись глаголическими буквами, которая находится на оборотѣ 4-го листка книжки; на другой сторонѣ изобра-

[2]) Эта картинка отпечатана въ Лексиконѣ Памвы Берынды. Кіевъ. 1627. Памва Берында, Молдованинъ, въ началѣ XVII в. прибылъ изъ Іерусалима въ Кіевъ; былъ надзирателемъ при типографіи; его сочиненія: Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе, съ приложеніемъ именъ отъ еврейскаго, греческаго, латинскаго и отъ иныхъ языковъ; приданы же суть имена преложенія на постриженіи Калугерства, знаки Калугеромъ, або Инокомъ..... Первое типомъ изобразися въ Киновіи св. Вел. Чудотв. Лавры Печерск. Кіевск. лѣта 1627 (2-е изд. Кутейнск. монаст. лѣта 1653). Евгеній, Слов. дух. писат изд. 1827, II. 151

жена: 7) лѣствица препод. Іоанна лѣствичника. При картинкѣ *Чистоты* отпечатанъ на полѣ слѣдующій текстъ: «Постнику едину, в'скитѣ готовящу скръби ра Ѿити Ѿ пресѣдѣнія коліи своея и се в'нощ яви ему блгдт Бжїя як Два: и умил глаци не Ѿид никаможе, но сѣд зде съ мною и не бѫдет ти нікоег зла. вѣровав же сѣде и абіе исцѣли Ѿ скръби срдце егѡ. Пат, Сл: н». На картинкѣ представлена: «Чистота аки двца преукрашена, равна агглкому естству. имѣяи на главѣ вѣнец Црскїй; и сіают знего луча непрестанно Врукаx имѣет съ суды»; сосудовъ этихъ два, въ одномъ изъ нихъ произрастаетъ цвѣтъ, изъ другаго Чистота заливаетъ пламень: «Тръніе грѣха слъзами угаси». Душа чистая стоитъ на лунѣ: «луна под ногама ея свѣтитъ, всему міру»—здѣсь монограмма мастера «ЛМ» и подпись: «,ахкз. крт ѡ пасха (луна и звѣзда) ПБ». Душа держитъ на веревкѣ Льва: «Лва постомъ и безмолвїемъ связа», «дьяволъ (отъ нея) падеся аки котъ», «смѣреніемъ ѕміа укроти». Вверху изображена «чистота», предстоящая предъ Спаситетемъ, возсѣдающимъ на престолѣ,—по правую сторону престола стоитъ «арх Міхаилъ»; изъ устъ чистоты къ Спасителю тянется веревочка: «Дша чта прествит у Прла Гня. Млтва ея исходит изъ уст въ уши Гни». Внизу, въ темной пещерѣ, сидитъ нагая «дша грѣшна»—«Дша грѣшна въ тмѣ плачася грѣхъ своих». Подъ картинкой, какъ упомянуто выше, помѣщена таже глаголическая надпись, которая находится на оборотѣ 4-го листка книжки. На лѣствицѣ (карт. 7), вверху изображенъ рай; слѣва Богородица посреди двухъ архангеловъ; справа праотцы держатъ на полотенцахъ души праведныхъ. Всрединѣ поставлена лѣствица, по которой восходятъ къ небу монахи; демоны сталкиваютъ и сбрасываютъ ихъ въ адъ; справа дьяволъ записываетъ дѣла ихъ; въ правомъ верхнемъ углу Господь принимаетъ на лоно свое души праведныхъ, которыя возносятъ къ нему ангелы. Внизу сонмъ монаховъ и впереди ихъ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ; въ рукахъ его свитокъ съ надписью: «въсходите». Подъ картинкой от-

---

3) Эта доска отпечатана въ книгѣ: Акафистъ. Кіевъ 1629.

печатанъ типографскимъ шрифтомъ слѣдующій текстъ: «лѣствица, пят степенеи, иже к съвръшенію ведущых имат. а҃, Ѿвръженіе. в҃, Повинованіе. г҃, Послушаніе. д҃, Смиреніе. є҃, Бжтъвная Любов, яже ест Бгъ. Съ краще нѣкіи пут к' вышнему црствію, малою Лѣсвицею добродѣтелеи нѣст инъ якоже сіи, є҃, ѡбрази и Послушанія, иже и Пятем стастем съ противятся. Преслушанія, глю, и неповиновеніа, самоугодіа же и ѡправданія, и всепагубнагѡ възношеніа. Сіи бо уды и Пища, лукавому веліару, поглытающему повинующихся лжею. и съвдящему сія в' съкровища адова, к тамо живущему ѕмію. Преслушаніе же убо ест, уста несытаго ада. Прекословіе же, язык егѡ яко остры гідеч. Самоугодіе же, зубы его ѡправданіе же Перси ег. възношеніе же несытая его утроба, яже въ адъ посылающая. Иже бо прьвое Послушаніем побѣдит, прочая единѣм сим Ѿсѣчет: и единѣм въсходом на нбса встечет: якоже и единѣм преслушаніем, въ долная аду сходит. Григ: сінаит, гл, кд. л. ркл. въ ст вел: Лав П. К. ап: кз. рк: ,ахкз. кі пасха», т. е.: въ святой великой Лаврѣ печерской Кіевской.

По моему мнѣнію всѣ выше описанныя семь картинокъ, а также и темница святыхъ осужденникъ, описанная подъ № 772, должны были составлять иллюстрацію къ «приложенію на постриженіе калугерства», составленное Памвою Берындою. Монограмма стоящая подъ картинками: «*МЛ*» можетъ обозначать Монаха Леонтія—можетъ быть того монаха Леонтія Земку, который напечаталъ, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Тарасіемъ, Авву Дороѳея, въ Кіевѣ въ 1628 году (См. Русскіе граверы, стр. 245). Монограма ПБ, находящаяся на большинствѣ изъ этихъ картинокъ, безъ сомнѣнія означаетъ имя самаго сочинителя: Памву Барынду.

1348 А. Повтореніе точь въ точь № 1348; надъ видомъ крѣпости надпись: «санктъ питеръ бургъ»; изданіе конца прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи.

1350 А. Повтореніе точь въ точь № 1350; надпись ороогравирована такъ: «Кнзь Александръ нарицаетца невски поне-

же | . . . . .»; изданіе конца прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи. Празднованіе дня кончины Александра Невскаго 23 ноября установлено на Московскомъ соборѣ 1547 года (Карамзинъ, И. Г. Р., IX. прим. 87); другой праздникъ ему 30 августа назначенъ Петромъ I (Выходы Царей, Строева; алфав. 4).

1353. Есть изображеніе **Александра Невскаго** съ видомъ Александро-Невской Лавры, въ листъ; оно тоже можетъ быть отнесено въ картинкамъ народнымъ, хотя и гравировано академическимъ мастеромъ Григоріемъ Качаловымъ. Свѣдѣнія о житіи Александра-Невскаго см. у Ключевскаго: 62, 238, 251, 258 и 312.

1355. **Св. Алексѣй Митрополитъ** управлялъ Кіевскою и всея Россіи Митрополіею съ 1354 г.; скончался 12 февраля 1378 г.; святымъ признанъ на соборѣ 1519 г. (Карамз. Истор. VII. 189). Память ему празднуется: 12 февраля—день его кончины; 20 мая—перенесеніе его мощей и 5 октября—въ день трехъ святителей.

1356 А. **Препод. Алексѣй, человѣкъ Божій.** Повтореніе № 1356, точь въ точь; внизу, послѣ молитвы, поставлена монограма мастера: «РМИ». Изданіе на бумагѣ 1800 года; въ моемъ собраніи.

1357. См. тоже акаѳистъ Алексѣю человѣку Божію, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу (№№ 1651 и 1652); сказаніе житія сходно съ французскимъ народнымъ: Cantique spirituel à l'honneur de S. Alexis, vrai miroir de patience et de chasteté (Nisard, II. 181 и 183). Объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ поются Каликами перехожими разные стихи (Безсоновъ, I. 97—154. 723—743), представляющіе однако мало общаго съ нашимъ житіемъ; жена Алексѣя называется въ нихъ Лизаветой, мать—Аглаидой, а отецъ княземъ Ефимьяномъ (см. №№ 1356, 1357, 1651 и 1652).

1358—1366. **Ангелъ хранитель.** Серіозный образчикъ иконографическаго изслѣдованія объ иконѣ Ангела хранителя, съ дѣ-

яньемъ (XVII вѣка) напечатанъ гр. Уваровымъ въ Русскомъ Архивѣ (1864 г., 29); любопытныя статьи по этому же предмету помѣщены въ Православн. Обозр. 1823 г. X. 301; 1824. XIII. 84; 1842. IV. 276. О начертаніи ангела см.: Буслаевъ, Очерки, II. 314, 414.—Памятн. отречен. литерат., II. 349 (никто же видѣлъ ангела нагимъ естествомъ токмо пресвятая Богородица видѣла Архангела Гавріила нагимъ естествомъ). Всѣ наши лицевыя изображенія ангела—новѣйшаго пошиба.

1364 А. Прибавить: **«Ангелъ хранитель»**, въ ростъ, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ; правою онъ поддерживаетъ большой крестъ. Внизу подпись: «лѣта г҇дня ,аѱг҇ї издадеся в соловецкоᵐ м҇нтрѣ при архимандритѣ ѳурсѣ сбратїею а рѣзалъ монаˣ того же м҇нтря. .» (стерто).

1365 А. Повтореніе въ другую сторону: ангелъ стоитъ справа; вторая строка молитвы, снизу, оканчивается словами: «Б҇га і молсся»; изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1370. **Антипія** преподобнаго церковь была въ Чертольѣ (нынѣ таковая находится противъ Колымажнаго двора); царь Алексѣй Михайловичъ ежегодно бывалъ въ ней, въ день преп. Антипія—11 апрѣля (Выходы Царей, Строева; Алфав. 6).

1374. **Бѣсы искушаютъ препод. Антонія.** Прибавить: изданіе *жс*; верхняя надпись въ ней расположена такъ: «генваря 17 дня виденне Антоніе» | .. (1820—30 гг.). Въ моемъ собраніи. См. тоже № 1346.

1374 А. Прибавить: старинный образецъ картинки, описанной подъ № 1374; грав. на мѣди въ листъ; изданіе конца прошедшаго вѣка. Чертей въ этомъ образцѣ гораздо больше числомъ и они гораздо курьезнѣе, чѣмъ въ № 1374. Подпись внизу въ четыре строки; 1-я кончается словами: «множество бесовъ». Въ моемъ собраніи.

1379. **Св. великомуч. Борисъ и Глѣбъ.** Прибавить: изданіе *д*, отпечатанное доскою изданія *в*, но совершенно истертой, и на мягкой бумагѣ 1840—50 гг. Въ моемъ собраніи. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, написанное въ XII вѣкѣ монахомъ Іаковомъ, издано г. Срезневскимъ въ Изв. II Отд. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг. С.-Петерб. Археологич. Обществомъ издано сводное лицевое житіе Бориса и Глѣба. Пѣсни каликъ о нихъ см. у Безсонова: Калики, I. 625—669.

1381. Эта картинка описана вторично подъ № 1688.

1390. **Изображеніе великомученицы Варвары**, работы Кончаковскаго, рѣзцемъ, въ четвертку, приложено къ Акафисту великомученицы (Кіевъ 1794?). Въ честь великомученицы Варвары поется каликами множество пѣсней (Безсоновъ, Калики, I. 605; 763—767).

1390 А. Прибавить: повтореніе точь въ точь; окончаніе 1-й строки: «твоемъ боже^т^вено^м^»; внизу монограмма мастера «Р. М. I» Въ моемъ собраніи.

1398 А. Снегиревъ упоминаетъ еще о слѣдующей народной картинкѣ: Притча Св. Варлаама *о временнѣмъ семъ вѣцѣ* или (по Толстовск. рукоп.) *объ инърозѣ*, т. е. единорогѣ. Изъ Пролога Ноября 19. Сравненіе жизни человѣческой съ мужемъ, который, бѣжавши отъ разсвирѣпѣвшаго единорога, падаетъ въ глубокій ровъ, гдѣ шипитъ страшный змѣй; но въ своемъ паденіи онъ хватается за дерево, коего корень подгрызаютъ двѣ мыши, бѣлая и черная. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ держался, изъ стѣны выдаются четыре аспидовы головы. Среди угрожающихъ со всѣхъ сторонъ опасностей привлекаетъ его медъ на деревѣ. Это символическое изображеніе такъ объясняется въ текстѣ: «се подобіе въ прелести сущимъ сего житія: ибо единорогъ, гоняй выну, образъ есть смерти яти послѣдствуяй Адамля рода; ровъ же весь міръ есть, испол-

ненъ сый всѣхъ смертоносныхъ сѣтей; древо, еже отъ двою мышію безпрестани грызомо, путь есть житія нашего, яко живущимъ намъ комуждо, безпрестани погибаемъ часовъ ради дневныхъ и нощныхъ и усѣкновеніе коренное приближается. Четыре аспиды, еже отъ безмѣстныхъ стихій, составлено человѣческое тѣло, имъ же, безчинствующимъ и мятущимся, тѣлесный разрушается составъ. К сим-же огненный онъ и не милостивый змій страшное изобразуетъ адово чрево, зѣвающе пріяти иже нынѣшныхъ красотъ паче будущихъ благъ изволившихъ. Медвеная же капля сладость являетъ сего міра сладкихъ: богатство, златолюбіе, словохотіе: яже мы, вѣдуще будущую смерть и безъ конца муку и вѣчное царство Божіе, не лишаемся словохотія свѣта сего, ищуще богатства, гордыни, піянства, велерѣчія и тако въ невѣдѣніи приходящи смерть, напрасно вся ны восхищаетъ и во адъ сводитъ. Да лѣпо намъ, братіе, остатися сея славы и суетнаго богатства и всѣхъ злыхъ дѣлъ и воспріяти дѣла добрая и плоды духовныя, ими же обрѣсти царство небесное». Подобное изображеніе помѣщено на Васильевскихъ дверяхъ Успенскаго собора въ Александровскомъ монастырѣ Владимірской губерніи *). (Лубочн. картинки, стр. 46).

1398 Б. **Исторія Варлаама и Іоасафа.** Прибавить: точное повтореніе 4-хъ листовой картины № 1398, въ листовомъ размѣрѣ, повидимому работы Нехорошевскаго,—отпечатанное на бумагѣ 1800 года; въ моемъ собраніи. Исторія Варлаама и Іосафата, или Іоасафа,—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство Индѣйскаго царевича Іоасафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Авторомъ этого произведенія нѣкоторыя

*) Древности Россійскаго Государства, *И. Снегирева.* отдѣл. VI

старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина [1]), другія просто Іоанна; въ иныхъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Іоаннъ Синайскій или Іоаннъ Лѣствичникъ; въ заглавіи изданнаго Греческаго текста поставлено имя Іоанна, монаха изъ монастыря св. Савы; иные считаютъ эту исторію сочиненіемъ какого нибудь восточнаго, быть можетъ Эѳіопскаго или Абиссинскаго, христіанина — сочиненіемъ, перешедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынникъ Варлаамъ былъ лицо историческое, видно изъ свидѣтельствъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III—IV столѣтіи по Р. Х., въ землѣ Сеннааръ, въ Азіи. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іосафата былъ Греческій текстъ, переданный въ Латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго (Georgius Trapezuntius); легенда принесена была въ 1220—33 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько Нѣмецкихъ и Французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по Сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ Итальянскій и т. д. Русскій или вѣрнѣе Старо-славянскій переводъ Варлаама давно уже примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV—XV столѣтіямъ (Пыпинъ, Очеркъ, 124). Въ XVII вѣкѣ было напечатано два изданія этой исторіи, одно для Бѣлорусскихъ читателей, въ Кутейнскомъ монастырѣ, съ грубо вырѣзанными на деревѣ изображеніями Іоанна Дамаскина, Варлаама, Іоасафа и Авенира на заглавномъ листѣ (въ 1637 г.); другое въ Москвѣ, въ 1680 году, съ двумя гравюрами, отлично вырѣзанными на мѣди Аѳанасіемъ Трухменскимъ, по рисункамъ Симона Ушакова (см. Русскіе Граверы, 312). Ѳ. И. Буслаевъ, въ одной изъ своихъ ста-

[1]) Тамъ разсказывается, что при дворѣ калифа Алмансура въ Багдадѣ находился казначеемъ нѣкто Сергій изъ христіанъ и сынъ его первосовѣтникъ калифа Іоаннъ Дамаскинъ, удалившійся впослѣдствіи въ монастырь св. Савы, что близъ Іерусалима. Преданіе приписываетъ ему повѣсть о пустынникѣ Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, для которой оригиналомъ послужило индѣйское сказаніе о Буддѣ (Буслаевъ: Русск. Вѣстн. CX. 677).

тей о сравнительномъ изученіи быта и поэзіи (стр. 639), замѣчаетъ, что. по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ [2]), вся эта исторія есть ничто иное, какъ передѣлка на христіанскія понятія и нравы житія самаго Будды, въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Лалита-Вистара*, при чемъ буддійскія стремленія къ отшельнической жизни послужили образцомъ для стремленій юнаго царевича Іоасафа. Отецъ Будды тоже былъ царь. Когда родился у него сынъ, было предсказано, что онъ стяжаетъ великую славу и будетъ или знаменитымъ царемъ, или же вмѣстѣ съ собою возведетъ на престолъ отшельническую жизнь и прославится по всему міру. Чтобъ отклонить сына отъ мысли о лишеніяхъ, составляющей принципъ буддійскаго отшельничества, царь окружилъ своего сына во дворцѣ и садахъ всевозможными удовольствіями жизни, чтобы погрузить юную душу его въ чувственныя наслажденія, чтобы внушить и воспитать въ ней отвращеніе ко всякимъ бѣдствіямъ и болѣзнямъ; для того, такъ же какъ и предъ Іоасафомъ царевичемъ, строжайше было запрещено дѣлать малѣйшіе намеки на болѣзни, старость или смерть. Но и здѣсь всѣ старанія были напрасны. Черезъ нѣсколько времени, когда царевичъ получилъ отъ отца позволеніе дѣлать увеселительныя прогулки, онъ выѣзжаетъ трижды, и каждый разъ встрѣчаетъ въ мірѣ треволненій для себя новости о бѣдствіяхъ человѣческихъ и извлекаетъ изъ нихъ назиданіе. Въ первую прогулку, выѣхавъ въ восточныя врата, онъ встрѣчаетъ дряхлаго старика, и узнаетъ, что такое старость; во вторую прогулку, въ южныя врата, онъ видитъ изможденнаго страшною лихорадкой, и знакомится съ болѣзнію; въ третью прогулку, въ западныя врата, встрѣчаетъ похороны, и узнаетъ, что всѣ люди умираютъ. Возмущенный пріобрѣтеннымъ опытомъ, царевичъ остается въ сильномъ раздумьи и волненіи, до тѣхъ поръ, пока новая встрѣча не рѣшаетъ его недоумѣнія и самой судьбы его. Однажды, выѣзжая на прогулку черезъ сѣверныя врата, онъ встрѣчаетъ

---

[2]) Liebrecht, *Die Quellen des Barlaam und Iosaphat*, въ журналѣ Эберта *Jahrbuch für roman. u. engl. Literatur* 1860. II, стр. 314. А. Н. Веселовскаго, *Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ*, стр.—153.—Макса Миллера, *Essays* 1872. III, стр. 322 и слѣд.

необыкновенно страннаго человѣка. Смиреніе соединялось въ немъ съ величіемъ. «Что это за человѣкъ?» спрашиваетъ царевичъ своего возницу. «Господинъ, отвѣчаетъ возница, это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ нищими. Онъ отказался отъ всякихъ удовольствій и желаній и проводитъ жизнь строгую. Онъ стремится только къ одному, чтобы покорить самого себя, и избралъ житіе созерцательное. Безъ страстей и безъ зависти обходитъ онъ міръ и проситъ милостыню». «Вотъ это хорошо сказано, восклицаетъ царственный юноша: мудрецы всегда восхваляли созерцательную жизнь. Таково будетъ и мое прибѣжище и всѣхъ другихъ людей: это поведетъ насъ къ истинной жизни, къ счастію и безсмертію!» [3]).

Содержаніе романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Индійскій царь Абеннеръ (Авениръ), идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну. Когда одинъ изъ главныхъ приближенныхъ царя пошелъ въ отшельники, ненависть Абеннера къ христіанству усилилаеь еще болѣе. Въ это время у него, дотолѣ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ пророчатъ ему будущее богатство и могущество; одинъ только искуснѣйшій изо всѣхъ говоритъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ, лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобы избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить сыну отдѣльную палату съ богатыми покоями, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и строго запретилъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуетъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что-бы то ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.

3) Архим. Хрисанѳа, *Религіи древняго міра*, I, 377—371.—Буслаева, 640.

Въ своемъ искусственномъ заключеніи Іоасафъ совершенствовался и тѣломъ и душей, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держатъ въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того у одного изъ своимъ воспитателей, а за тѣмъ у и самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ. «Знай, говоритъ ему царевичъ, что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ», и даже, что онъ не иначе можетъ освободиться отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалять съ дороги царевича все, могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узнаетъ изъ распросовъ, что такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя, онъ увидѣлъ старика съ сморщеннымъ лицемъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ, — и узнаетъ, что такое старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. «Горестна эта жизнь», подумалъ царевичъ, «и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти! И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что будетъ потомъ со мною? Обращусь-ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь?» Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить. Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустынникъ, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Варлаамъ. Узнавъ по откровенію о душевномъ гладѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца прибрелъ въ землю Индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іоасафа, онъ говоритъ, что привезъ драгоцѣнный камень, который готовъ продать царевичу; такой драгоцѣнности еще не видано: сердца слѣпыхъ онъ освѣщатъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глупыхъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ; обладатель его пользуется всѣми благими, — но онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чи-

стое, здоровое зрѣніе и цѣломудренное тѣло. Царевичъ проситъ показать ему этотъ камень. «Прежде нежели исполнить твое желаніе, отвѣчаетъ Варааамъ, я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоемъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ за тебя совершилъ я этотъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видѣлъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде. Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іоасафа, также старую и изорванную. Между тѣмъ начальникъ надъ дворцемъ царевича, Зарданъ, слѣдитъ съ безпокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іоасафомъ и боясь отвѣтственности передъ царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника Арахеса, человѣка мудраго и опытнаго звѣздочета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать въ погоню за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. «Если же онъ успѣетъ скрыться, говорилъ Арахесъ, то я укажу вамъ мудраго пустынника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики, Нахора: онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить невозможно; мы уговоримъ его въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама и какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ». Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ спорѣ защитникомъ христіанства съ цѣлію дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога и, укрѣпленный царевичемъ въ истинахъ правой вѣры, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся, какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему дěмоновъ, обѣщаетъ обратить царевича. По со-

вѣту Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлью возбудить его страсти; волшебникъ наслалъ на него демона вожделѣнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣжалъ искушеній, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту,—демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ христіанство.

Видя безплодность своихъ начинаній, Абеннеръ, слѣдуя совѣтамъ Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. «Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекутъ его въ нашу сторону, говоритъ Арахесъ; еслижъ этого и не случится, ты все-же не лишишься сына». Іоасафъ не сопротивлялся волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ наставлялъ народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства; подъ конецъ самъ Абеннеръ раскаялся въ своемъ нечестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ во дворцѣ вельможъ и нѣкоторыхъ гражданъ, объявилъ имъ о своемъ желаніи удалиться въ пустыню. Кого желаютъ они, чтобъ онъ поставилъ надъ ними царемъ? Огорченные граждане не хотятъ отпустить его; тогда, назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахію, Іоасафъ скрывается отъ нихъ ночью. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись въ власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сепаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ одинъ пустынникъ указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и показалъ такую способность къ лишеніямъ, бдѣнію и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самаго учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, схоронивъ своего на-

ставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынникъ, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму, и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ и приказалъ идти въ царство Индійское возвѣстить о смерти угодниковъ. Варахія, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу (Веселовскій въ Истор. Лит. Галахова, стр. 422—425).

У Безсонова приведены разные варьянты *разговора* царевича Іоасафа съ пустынею (Калики, I. 205—268), а также и русская побывальщина о жизни царевича: у невѣрнаго царя Ѳевдула въ землѣ Идольской былъ сынъ Асафъ царевичь. Не ходитъ Асафъ царевичъ по гуляньямъ, не бываетъ онъ на бесѣдахъ, а сидитъ себѣ въ особой горницѣ затворникомъ. Стало тое дѣло королю, его батюшкѣ, не любо, пошелъ онъ къ нему въ особую горницу и говоритъ: «Что же ты, сынъ мой любезный, Асафъ Ѳевдуловичь, сидишь не веселъ, не радостенъ? Какъ повѣровалъ ты вѣру не нашую, повѣровалъ вѣру християнскую, не выходишь изъ особой горницы. Пошелъ бы хоть на гулянье».—Не хочу прогнѣвить тебя, батюшка, иду».—Даетъ король указы, чтобы старые на тотъ день не показывались на улицу. «Ступай же, сынъ мой любезный, забавляйся, сколько душѣ угодно».—«Не все батюшка, забавиться: надобно и о смертномъ часѣ подумать; вѣдь когда нибудь постарѣемъ и помремъ».—«Коли будешь, сынъ мой любезный, вѣру вѣровать нашую, не постарѣешь и не помрешь». Идетъ Асафъ царевичъ на гулянье; на улицахъ дородные молодцы, красныя дѣвицы, молодыя молодицы: поютъ, пляшутъ, забавляются; выкачены сороковыя бочки вина, накрыты столы на цѣлый городъ: пей, ѣшь, чуди, что хочешь. Асафъ царевичъ не глянетъ ни на молодцевъ, ни на дѣвокъ, идетъ за городъ. Встрѣтился ему старъ человѣкъ, такой ветхій, что и поле пахать не можетъ. Говоритъ Асафъ царевичь: «Батюшка сказалъ мнѣ, что въ его царствѣ не старѣютъ и не умираютъ, а вотъ какой есть старъ человѣкъ». От-

вѣчаетъ ему старъ человѣкъ: «Ой, дитятко! какъ въ лѣта войдешь, хуше меня будешь, да и помереть надо дитятко». Съ того слова прошелъ Асафъ царевичь въ пустыню. Здѣсь однажды говоритъ ему Ангелъ Господень: «Ты въ пустынѣ живешь—спасаешься; а есть крестьянинъ — мужикъ на деревнѣ, есть у него жена и полюбовница,—онъ выше тебя». Стало не любо такое слово преподобному Асафу: «Я, де, въ пустынѣ живу, женскаго пола не вижу, а тотъ мужикъ двухъ бабъ держитъ и выше меня!» — Ангелъ Господень отлетѣлъ прочь, а Асафъ царевичь отправился провѣдывать мужика, отчего онъ выше его. Прошелъ онъ верстъ десять, глядитъ: мужикъ оретъ. «Богъ помочь, крестьянинъ».— «Пожалуй старецъ [4]), милости просимъ».—Разговорился съ нимъ старецъ, а того не знаетъ, что это и есть мужикъ, который выше его. Ѣсть захотѣлось старцу, онъ и говоритъ мужику: «Крестьянинъ, пора обѣдать».—«Рано старецъ». — Второй разъ напоминаетъ Асафъ царевичь; слышитъ тотъ же отвѣтъ: «Рано, старецъ».— Наконецъ третій разъ крестьянинъ говоритъ: «Почти что тое время приходитъ; поди ступи на мою правую ногу. — Ступилъ старецъ на его правую ногу: трезвоны слышитъ небесные, на небеси обѣдня отходитъ. Сѣлъ крестьянинъ обѣдать и старца накормилъ, а потомъ сталъ опять орать. Между тѣмъ ночь подходитъ и Асафъ царевичъ собрался въ путь. — «Куды, старецъ, идешь?»—«Иду, куда въ путь несетъ, да не знаю хорошенько дороги, тебя сожидаю». До вечера мужикъ пахалъ, а потомъ пошли вмѣстѣ со старцемъ въ путь. Поужинали въ избѣ крестьянина. Мужикъ помолился Богу, три раза поклонился и легъ спать: законную жену взялъ на руку, незаконную на другую. Старецъ легъ въ большомъ углу и глядитъ на мужика. Поутра выссталъ Асафъ церевичь, вымылся, помолился и мужика за хлѣбъ-соль поблагодарилъ. Поблагодаривши, говоритъ ему: «Вотъ ты двухъ женъ держишь, а мы въ пустыни во вѣку женскаго пола не видимъ».—«Хорошо было тебѣ смотрѣть, старецъ, а ты поди, лягъ

[4]) Іоасафъ здѣсь называется *старцемъ*, будучи еще юношей; см. Безсоновъ Калики, I. 239.

на мою постель». — Пошелъ старецъ и хочетъ лечь. Анъ середи постели, гдѣ спитъ мужикъ, гвоздье въ палецъ. — «Какъ молодъ я былъ, сказалъ крестьянинъ, такъ спотѣшалъ и красную дѣвицу въ стыдъ ввелъ. Вѣдь не бросить же ее, вотъ долженъ кормить до старости». — Старецъ простился съ нимъ и пошелъ на свое мѣсто. Въ пустыни записка писана, на столъ кладена: «Когда ты чужіе грѣхи провѣдываешь, такъ вотъ яма: буде наполнишь ее водою, избудешь грѣхи, а не наполнишь, попадешь прямо въ адъ кромѣшный; вотъ пень смоливый: буде выростутъ листья, яма водою наполнится». Худо стало жить старцу: не придетъ Ангелъ Господень, не принесетъ пищи. Сталъ онъ воду таскать и лить въ яму: вода скрозь землю идетъ, а когда-то еще на пнѣ листья выростутъ. А былъ отъ пустыни не далеко городъ. «Пойду хоть въ городъ, говоритъ старецъ, ѣсть хочется, а нечего». Когда пришелъ онъ къ городу, солнышко было на закатѣ. Подошелъ къ церкви и черезъ церковную ограду видитъ, покойницу несутъ, а церковь-то заперта. Постояли, подождали, да и оставили покойника на паперти, а сами пошли спать. Видитъ старецъ: бѣжитъ молодецъ къ церкви; а покойница, красная дѣвица, при жизни надъ нимъ тѣшилась и издѣвалась. Вотъ онъ захотѣлъ хоть мертвой помстить, и надругался надъ дѣвицей. Думаетъ себѣ старецъ: не хорошо дѣвушкѣ во срамѣ въ могилу итти. Взялъ старецъ омылъ покойницу въ рѣкѣ, положилъ во гробъ, простился, приложился и пошелъ прочь въ пустыню по своимъ слѣдамъ. Глядитъ яма полнымъ полнехонька воды, на пнѣ листья выросли, прилетѣлъ Ангелъ Господень и говоритъ: «Теперь ты избылъ грѣхи, пиши писаніе про свою жизнь». Старецъ написалъ писаніе и прославился. По три дни, по три ночи явился въ церкви гласъ: «Ищите кругъ града святаго». Идетъ на градъ темняный (ладонный) духъ, дымъ столбомъ валитъ изъ пустыни. Пошли градскіе люди туды, нашли святаго старца и его писаніе. Писаніе это состояло изъ разговора Іоасафа царевича съ пустыней и его плача (Безсоновъ, Калики).

1400. О житіи Василія и Максима см. у Ключевскаго, 319 и 245.

1401. **Св. Василій Великій,** работы Карновскаго, долженъ быть отнесенъ къ подноснымъ листамъ.

1406. Въ моемъ собраніи есть изданіе этого листа (*в*) на синей бумагѣ 1800 года; первая строка молитвы заканчивается словами: «учителие пастырие».

1407. **Вѣра съ крестомъ въ рукѣ;** гравировалъ ее Адріанъ Шхонебекъ (Adrian Schoonebeck), голандскій граверъ 1661—1714, ученикъ Ромейна де Хогхе (de Hooghe). Въ 1698 году онъ познакомился съ Петромъ Первымъ вѣроятно у собирателя древностей де Вильде, къ которому Петръ часто хаживалъ смотрѣть музей и дочь котораго, Марія, училась у Шхонебека гравированію вмѣстѣ съ Петромъ. Въ 1698 году Шхонебекъ поступилъ на царскую службу при Оружейной Палатѣ, обучилъ своему искусству А. Зубова, П. Бунина и Василья Томилова и награвировалъ множество громадныхъ и неряшливо выполненныхъ крѣпкою водкой баталій, картъ и тріумфальныхъ картинъ, описанныхъ въ «Русскихъ Граверахъ», на листахъ 343—353. Шхонебекъ заставлялъ учениковъ своихъ копировать изъ Библіи Пискатора, онъ-же привезъ съ собой и нѣсколько экземпляровъ Дюреровыхъ страстей *для продажи* (одинъ экземпляръ ихъ съ такою помѣтою находится въ библіотекѣ Александро-Невской Лавры) и даже доску работы своего учителя, описанную подъ № 1340-мъ. Изъ картинокъ Шхонебека, попавшихъ въ народное обращеніе, описаны: Христосъ и Богородица № 1102 (гравиров. въ его манерѣ) и фигура Вѣры съ крестомъ № 1407.

1407 А. Прибавить: «Стыя Мчнцы сооія и дщері ея вера Надежда і любовь», въ ростъ. Листовая картинка, рѣзанная на мѣди въ концѣ прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи есть два

изданія ея: *а*,—доска внизу надтреснула, но оттискъ еще хорошъ; и *б*—трещина усилилась, голова св. Вѣры отпечаталась очень плохо.

1407 Б. Прибавить: Архангелъ Гавріилъ, съ лиліей въ рукѣ (изъ Благовѣщенія), съ подписью: «Аѳонасій Трухменской». Выш. 3¾ шир. 2¼ вершка. Картинка эта, вмѣстѣ съ тремя другими (Богоматерь на лунѣ, № 1126; Богоматерь: «красна яко луна», № 1246 и Знаменіе съ молитвой, № 1130), вклеена въ рукопись: «Звѣзда пресвѣтлая», принадлежащую Ѳ. И. Буслаеву.

1414 А. **Св. Великомуч. Георгій.** Прибавить: таже картинка, съ тѣми-же подписями; внизу, въ правомъ углѣ, подпись мастера: «грыдорова[л] марти[н] нехорошевски». Въ моемъ собраніи отпечатокъ на бумагѣ 1800 г. О Георгіи поется много стиховъ каликами и особый стихъ о томъ, какъ онъ избавилъ отъ змѣя царицу Алексафію (Елисавету).—См. О. Миллеръ, Опытъ, 321. См. также Георгіево мученіе въ Памятн. отреч. лит. Тихонравова, II. 100, и диссертацію г. Кирпичникова (СПБ. 1879), въ которой изслѣдованы всѣ матеріалы по этой части.—Въ наши картинки апокрифическія сказанія о великомуч. Георгіѣ не вошли.

1415. **Св. Георгій на конѣ.** Это долженъ быть подносный листъ.

1418. **Св. Георгій, Михаилъ, Бориеъ и Глѣбъ.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще четыре изданія этого листа, съ слѣдующими надписями надъ кн. Борисомъ: изд. *в*,—«с҃ бл҃говерныи кн҃зь борисъ»; изд. *г*. 1820—30 гг.—«страстотерпецъ великии Князь борізъ»; изд. *д*. 1830—40 гг.—«стастотерпоцъ ве князь боризъ»; и наконецъ изданіе *е* 1830—40 гг. съ совершенно истертой доски изданія *а*.

1420. **Препод. Герасимъ съ дѣяньемъ.** Прибавить еще изданіе *е*, въ которомъ послѣдняя строка текста кончается словами: «близъ гроба ст҃а». Въ моемъ собраніи. Исторія о препод. Герасимѣ, какъ онъ излѣчилъ льва и какъ левъ служилъ ему, заимствована,

съ значительными измѣненіями, изъ книги: «Лимонарь, сирѣчь цвѣтникъ. Кіевъ 1624», листъ 69 об. Легенда объ излѣченіи льва приписывалась также и св. Іерониму: въ СПБ. Пуб. Биб. есть древняя картинка, рѣзанная на деревѣ, которую г. Минцлоф относитъ къ 1400 году; на ней представленъ св. Іеронимъ въ кардинальской шапкѣ, извлекающій изъ лапы льва занозу (Minzloff, Souvenir de la bibliothèque Impériale publique de St. Petersbourg. Leipzig 1863. Тамъ приложена копія съ этой картинки). Бароній однако-же замѣчаетъ, что легенда о львѣ приписана св. Іерониму безъ достаточныхъ основаній и должна относиться къ преп. Герасиму (Baronii, Annales. Paris 1724. III. 413).

1423. **Св. муч. Григорій Армянскій.** Это долженъ быть подносный листъ.

1424. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ находится глава св. Григорія Богослова, принесенная туда въ 1643 г., вмѣстѣ съ иконою Влахернской Богородицы.

1427. **Образъ девяти мучениковъ.** Прибавить изданіе *в*, въ которомъ первая строка молитвы заканчивается словами: «руѳе антипатре». Въ моемъ собраніи.

1428 А. Прибавить: **Образъ девяти мучениковъ** «иже въ китцѣ». «*Гра. А. Петровъ*»; ценз. въ 1846 г.; изд. Лопухина; въ металлогр. Цвѣткова. Грав. на мѣди, въ большой листъ.

1429—1442. О портретахъ св. Димитрія Ростовскаго см. мой: Словарь русскихъ портретовъ (стр. 43); о брадобритіи (№№ 1435 и 1436) говорится подробно въ заключеніи; картинка № 1437, по предположенію Снегирева, есть копія съ той, которую запрещено было продавать, ибо она была выпущена въ то время, когда чудеса святаго еще «не были апробованы».

Св. Димитрій, митрополитъ Московскій, род. въ 1651 г. въ городѣ Макаровѣ близъ Кіева; вступилъ въ монахи 17-ти тѣтъ; съ 1684 года, по порученію Варлаама Ясинскаго приступилъ къ составленію Четьихъ Миней (которыя до него уже изготовлялись Петромъ Могилою и Гизелемъ); съ 1702 года состоялъ митрополитомъ Ростовскимъ; умеръ въ Ростовѣ 28 октября 1709 г.; признанъ святымъ 22 апрѣля 1757 года. Изъ его твореній упоминаются въ нашемъ изслѣдованіи: Руно орошенное (чудеса иконы Черниговской Ильинской Богородицы); Разсужденіе о образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ (Москва 1707, 1714, 1717. 8°); Книжка противъ защитниковъ бороды (она перепечатывалась часто по приказанію Петра 1-го), и включена въ сочиненія Димитрія Ростовскаго противъ раскольниковъ: *Розыскъ*. — Св. Димитрій написалъ тоже нѣсколько библейскихъ драммъ (Евгеній, Слов. духовн. писат. 1827 г., I. 153).

1439 А. **Св. Димитрій Ростовскій.** Прибавить: повтореніе точь въ точь № 1439, съ незначительными поправками и прибавками въ текстѣ; внизу прибавлено: «чудо к҃з. Ярославсково уѣзду вотчины капїтана аполона Иванова сына хомутова деревни виикї крестьянина егора савельева жена ево дарья ѡдержима была ѿ нечистаго духа девять мц҃въ в тою болезни страдала билась ламалась и тосковала дни и нощи видеже мужъ ея зело страдающю положилъ намѣрения какъ бы ѿвесть ю вростовъ кновоявлѣнному чудотворцу ст҃лю димитрию сего ѱн҃з году привесъ мужъ ея в'яковлевской мн҃трь тогда мужъ хотяще совѣсти ю въ цр҃ковь ко гробу ст҃аго димитриа то паки мучима ѿ бѣса зело тогда народъ въ ведѣ ю вцр҃ковь ко гробу ст҃го она-же ѿ великаго мучения паде на землю на долгъ часъ тогда сщ҃еникъ ѿпѣвъ панахиду патша стала здрава». Въ моемъ собраніи.

1443 А. **Димитрій Селунскій.** Таже картинка, изданіе 1808 года; въ тропарѣ — 8 строкъ. Въ моемъ собраніи.

1443 Б. Прибавить: Св. Великомученикъ Димитрій, на конѣ, поражаетъ дьявола. Выш. 11, шир. 9. 1 (франц. дюймовъ). Гра-

вюра на мѣди, которую дѣлалъ, какъ видно изъ подписи: «Анастасіи», — плохой граверъ половины XVIII вѣка (Русскіе граверы, стр. 150).

1444 А. Прибавить: «Святыи Велико | мчнкъ Димитріи» въ ростъ, съ пальмовой вѣтвію въ правой рукѣ; кругомъ рамка рококо. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ половинѣ прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи экземпляръ на бумагѣ 1801 года. Въ Дымковской церкви, въ Великомъ Устюгѣ, находятся два замѣчательные образа Великомученика Димитрія Селунскаго. На первомъ изъ нихъ Великомученикъ изображенъ въ моленіи передъ Спасителемъ; внизу подпись: «725 года Октября въ день повелѣніемъ Преосвященнаго Боголѣпа писалъ сей образъ Иванъ Кондаковъ». На второмъ — Великомученикъ представленъ сидящимъ на престолѣ (на подушкѣ), съ мечемъ въ рукѣ, до половины вынутымъ изъ ноженъ; внизу подпись: «Лѣта отъ рождества христова тысяча семь сотъ десятаго мѣсяца Апрѣля поновленъ сей образъ». По преданію, этотъ образъ подаренъ въ Дымковскую церковь в. к. Шемякой; на великомученикѣ огромный вѣнецъ и цата, емальированные по мѣди, — Сольвычегодской работы (смѣсь перегородочной и наплавной—champlevée).

1445. **Димитрія Царевича** въ моленіи Спасителю есть замѣчательный образъ въ Серпуховскомъ Владычномъ монастырѣ, сходный по переводу съ № 1445, съ надписью на окладѣ: «Влѣт ,зрѕі. іюня в. кв дн Поставлен бысть сіи стый ѡбразъ. стаго великомчника цркви прчтыя бца чтнаго і славнаго ея введенія. Повеленіем блгочтиваго и хртолюбиваго цря и великого кнзя василія івановича всея русіи віны ради сицевыя. в то убо время бысть междоусобица попущающу бгу. а врагу дѣйствующу грѣх ради нашихъ. понеже людіе завистію побѣждаеми і гордостію. воста оубо сѣверная страна на московское гдрьство корысти ради великих наоучени бѣсовскими лестьми. і крови пролишася тогда яко воды на землю. и бжіею млтію. и молитвами стаг црвича димитрія быс

побѣда велїя на бг҃опротивныя тыя люди и лютыя разбойники пришествием стг҃о сего ѡбраза с москвы в серпуховъ. іюня в. єдн на память стг҃о мчнка дороѳія епп҃а Тирьского» (Историческое описаніе Серпуховскаго Владычнаго монастыря. Москва 1866, стр. 63). Икону эту видѣлъ я въ совершенной цѣлости въ 1879 году.

1449 А. **Св. Евдокія.** См. подъ № 1479 А.

1454 А. Прибавить: **Преподобный Елеазаръ**, съ видомъ устроеннаго имъ Анзерскаго скита; листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе на синей бумагѣ 1800 г. Подпись внизу картинки: «Во дни Благочестиваго Црѧ Михаила Феодоровича, приіде Преподоб. Елеазаръ въ соловетс мнтырь и пріемлемъ бысть Ігуменомъ Іринархомъ и помалю времени преселися на анзерскій островъ отстоящъ отъ Соловецкаго острова моремъ 5 верстъ и пострижеся тамо въ лѣто 1616 по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ церковь каменную воздвиже и братію собра поживѣ во иночес на вышеречен остро 40 лѣтъ и преставися 1656 погребенъ ту честно». Въ моемъ собраніи.

1455. **Зосима и Савватій.** Изображенія ихъ кромѣ того находятся почти на всѣхъ видахъ Соловецкаго монастыря, перечисленныхъ во II-й и IV-й книгахъ. Въ Московскомъ Музеумѣ есть иконное изображеніе этихъ святыхъ, рисованное перомъ, въ листъ, и приготовленное для гравировки, съ подписью: «изобразилъ Симонъ Ушаковъ 194 г., рѣзалъ Василій Андреевъ»; гравюры съ этого рисунка мнѣ не встрѣчалось. Въ Соловецкомъ монастырѣ находится икона Зосимы и Савватія съ дѣяньемъ въ 30 отдѣленіяхъ, домашняго, монастырскаго, письма XVI вѣка, довольно хорошаго; въ ризницѣ сохраняются два вырѣзанныя изъ дерева изображенія Зосимы и Савватія на ихъ гробовыхъ крышкахъ; тамъ-же сохраняется чрезвычайно замѣчательное лицевое житіе ихъ, описаніе котораго, здѣсь предлагается: Книга въ большой листъ; 7 листовъ предисловія и 630 листовъ нумерованные (а — ҃х). На первомъ листѣ предисловія текстъ: «Сія дшеполезная

книга житія прдбныхъ и бгоносныхъ.оцъ нашихъ, первоначалныхъ ѡснователей, и строителей стыя чтныя соловецкіе киновіи, зѡсімы, и савватіа, и германа, и прѡчихъ оугодниковъ бжїихъ соловецких написася влѣто ѿ созданія міра ,зсҁі, ѿ воплощенія же бга слова ,аѱаі. въ Православное и преславное цртвіе блгочтиваго и хртолюбиваго, великаго гдря нашего цря. и великаго кнзя петра алеѯіевича..... тщаніемъ всечтнаго гдина отца Ѳурса архімандрита, казначеа іеромонаха дорѡѳея, тоя же чтныя соловецкія киновіи съ братїею. По ихъ же оусерднѣйшему тщанїю писали сїю книгу (садъ спсенія); зуграфное мастерство тоя-же Соловецкіе киновіи постриженикъ монах Ніконъ; да жители сава нікифоровъ, григорій сумеѡновъ. черниложе, новгородскаго и великолуцкаго архїереа, преѡсщеннагѡ митрополіта їѡва писецъ, діmитрій михайловъ алеѯандровец...»

Каждая страница окаймлена рамкою съ незатѣйливыми украшеніями изъ завиточковъ; въ концѣ каждой статьи заставка; все это раскрашено соковыми красками, часто съ позолотою на чесноковомъ сокѣ. Послѣ двухъ листовъ предисловія слѣдуетъ оглавленіе на пяти листахъ: листъ а—въ красивой рамкѣ заголовокъ: «садъ спсенія, сирѣчь, житія».....; на оборотѣ—заглавный листъ съ поколѣнными изображеніями въ медальонахъ: Преображенія Господня, Филиппа митрополита, препод. Зосимы, препод. Савватія, препод. Германа, препод. Василія, препод. Иринарха, препод. Васіана, препод. Іѡны, св. Іоанна, препод. Антонія и св. Логина. За тѣмъ слѣдуютъ текстъ и житіе и чудеса преподобныхъ, въ лицахъ*). Нѣкоторыя изображенія сдѣланы въ цѣлую страницу, остальныя занимаютъ не болѣе половины страницы; лица на желткѣ писаны корпусными красками (съ бѣлилами); вѣнцы вызолочены на чеснокѣ; украшенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, расписаны золотою краскою, кистью (по иконному); по колеру и манерѣ рисунки эти напоминаютъ иконы второй половины XVII в. Московскихъ царскихъ писемъ. По множеству рисунковъ и не-

*) На л. 128 обор. находится изображеніе вел. кн. Василія Васильевича и его бояръ.

обыкновенной тщательности ихъ отдѣлки, рукопись эта должна быть отнесена къ самымъ цѣннымъ и замѣчательнымъ иконографическимъ памятникамъ. Нѣкоторыя заставки — съ изображеніями изъ житія святыхъ; другія же составлены изъ однѣхъ травъ, и писаны простыми соковыми красками. Вполнѣ оконченныхъ рисунковъ въ цѣлую страницу 12; а въ полъстраницы 263; заставокъ 24, изъ нихъ съ лицами 3 и одна отлично исполненная съ изображеніемъ Успенія Богородицы (стр. 2). Всего 275 изображеній и 24 заставки.

1456. **Они же.** Прибавить: изданіе *г*, съ окончаніемъ «зосимо и саватїи». Въ моемъ собраніи.

1459 А. **Преподобные Зосима и Савватій,** Соловецкіе Чудотворцы; они изображены въ ростъ, съ хартіями въ рукахъ; позади ихъ видѣнъ Соловецкій монастырь, а посрединѣ столбецъ, на которомъ помѣщены тропарь и кондакъ преподобнымъ: «яко свѣтилніцы явистеся . . . ѡ всѣхъ насъ» (всего 20 строкъ). Листовая гравюра на деревѣ, отпечатана съ подлинной гравированной доски, принадлежащей В. А. Прохорову (временно находящейся въ музеѣ Археологическаго института Н. В. Калачова).

1459 Б. **«Молитва Ангелу Хранителю»,** вырѣзанная на оборотѣ той же доски № 1459 А. «Аггле Хртвъ стый к тебѣ припадая молю тя | хранителю мой . . . . . . и во вѣки вѣковъ аминь. | Издадеся на семъ листу. зсз году, мца сентября въ нї ден» (1695 г.). Листовая картинка.

1465. **Пророкъ Илья.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки, на бумагѣ 1810 года; первая строка молитвы заканчивается въ немъ словами: «еси въ убіе». Привожу изъ Клинцовскаго подлинника XVIII вѣка толкованіе о колесницѣ и коняхъ Ильи Пророка. «Лексиконъ стихъ 661. *Вопр.*: Колесница огненныи кони огненни в божественныхъ явленіяхъ свя-

тымъ пророкомъ что есть? *Отв.*: Навыкаемъ отъ святыхъ писаній, яко святіи дуси служебніи приточнѣ тако пишутся конемъ являетъ ихъ благопокоривое и благобраздное ко творцу богу всѣх а еже бѣлообразни кони симъ знаменуетъ свѣтлое и яко паче божественнаго свѣта сродное. а еже черны се являетъ сокровенное, червленнымъ же являетъ огневидное и сильное—смѣнныхъ же отъ бѣлаго и чернаго .... совкупочинныхъ пріобщеніе—... крилата ... невозвратнѣ .. шествующе» (Подл. Клинцов. 140 об). Тамъ-же приведена подпись у житія святаго пророка Иліи: «1) Пророчество философа о рожденіи святаго пророка Іліи. 2) Рожество святаго пророка Іліи. 3) Святый пророкъ Ілія молитвою заключи небо да не будетъ дождь на землю. 4) Святый пророкъ Ілія сѣдѣ при потоцѣ хораѳоѳѣ и вранове приношаху ему пищу. 5) Святый пророкъ Ілія пріидѣ въ домъ жены вдовицы. 6) Св. пророкъ Ілія пріиде ко вратомъ града и ту жена собираше дрова. 7) Умре сынъ вдовы у нея-же св. пророкъ Ілія пребываше. 8) Святой пророкъ Ілія молитвою воскреси сына вдовича. 9) Пріиде святый Илія ко Ахаву царю. 10) Срѣте Ахавъ с. п. Илію и рече ты ли еси развращаяй израиля. 11) Св. Илія повелѣваетъ жерцамъ уготовати жертву. 12) Жерцы Вааловы молятся о жертвѣ. 13) Св. Ілія молитвою огнь сведе на жертву. 14) Св. Ілія закла жерцовъ Вааловыхъ ножемъ. 15) Моленіе о дождѣ св. пророка Іліи. 16) Св. пророкъ Ілія ляже подъ древомъ усне и се ангелъ Господень явися ему. 17) Святый пророкъ Ілія пожже огнемъ два пятдесятника. 18) Святаго пророка Ілію вопрошаше царь о животѣ своемъ. Въ полныхъ переводахъ къ этимъ 18 отдѣламъ дѣянья прибавлены еще: 1) Пророку Иліи Богъ приказываетъ идти изъ Хорива въ пустыню Дамаскову; 2) Илія пророкъ помазуетъ *Азаила* на царство, а Елисея на пророчество; 3) Елисей раздѣляетъ воды Іордана своею монатьею; 4) Тоже дѣлаетъ Илія пророкъ и 5) Восхожденіе Иліи въ огненной колесницѣ на небо.

1465 А. Тоже изображеніе, картинка двухлистоваго размѣра въ вышину (1820—30 гг.). Въ моемъ собраніи.

1471. **Св. Исидоръ Ростовскій.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки *е*, копія на оборотъ съ изданія *а*, но съ упоминаніемъ Императрицы Екатерины Алексѣевны; окончаніе первой строки молитвы: «воспети ї восхва». О житіи препод. Исидора см. у Ключевскаго, стр. 280.

1474 А. Прибавить: **препод. Іоаннъ Власатый,** съ дѣяньемъ въ 12-ти отдѣленіяхъ; листовая картинка, которую гравировалъ на мѣди, какъ это видно изъ подписи внизу: «Петръ Николаевъ». Всрединѣ изображенъ: «ст҃ый бл҃женный їоаннъ власатыи | Ростовскій Чюдотворецъ». Дѣянье: «1) преставление ст҃аго бл҃женнаго їоанна милостиваго. 3) Блаженный їоаннъ мл҃твыи їцѣли Кирилла Митрополита ѿ ра^зслабления. 4) блаженныи їоаннъ мл҃тивыи їсцели жену Огрипену нему и сухоруку. 5) Чудо с^т їоанна мл҃тїваго о дв҃цѣ Матроне како прозрѣние получи очесемъ. 6) Чудо с҃ їоанна мл҃тиваго како нѣкоего монаха Мануїла їсцелї ѿ кровной болѣзни. 7) Чюдо ст҃аго їоанна мл҃тїваго и неизреченно^и болезни Колістрата Алеѯеева. 8) Чудо с҃ їоанна мл҃тиваго како їсцели отрока Петра отлихорадки. 9) Чудо с҃ їоанна мл҃тиваго како їсцели ігумена Леонтия отрясавицы. 10) Чудо с҃ їоанна мл҃тиваго о второи (?) иголкине како исцеле ѿ болезни главнои и горлянои. 11) Чудо с҃ їоанна милостиваго о болящихъ Михаила Светикова. 12) Чюдо ст҃аго їоанна мл҃тїваго како їсцели жену їменемъ Анну ѿ разслабленїя». Внизу тропарь и кондакъ въ два столбца и молитва святому Іоанну Власатому въ одинъ столбецъ. Въ моемъ собраніи.

1474 Б. **Св. Іоаннъ Власатый.** Точная копія съ № 1474 А, но кондакъ и тропарь напечатаны въ одну строку (а не въ два столбца), точно такъ, какъ и молитва святому; изданіе 1800 г.—Въ моемъ собраніи.

1475. Объ **Іоаннѣ воинѣ** см. Каличьи пѣсни у Безсонова (I. 406—782).

1479 А. Прибавить: **Св. преподобная Евдокія**, съ дѣяньемъ въ десяти отдѣленіяхъ. Изданіе 1848 года, съ болѣе древней доски. Въ Акад. Наукъ.

1489 А. Прибавить: **Св, Іоаннъ Милостивый**, съ дѣяньемъ въ 30-ти отдѣленіяхъ. Четырехлистовая картина, гравированная на мѣди, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія; въ моемъ собраніи отпечатокъ на синей бумагѣ 1790 года. Всрединѣ изображенъ «Стыи їωаннъ Млтивый», раздающій милостыню нищимъ; внизу подпись: «мца ноемвріа во ві день, житїе иже во стыхъ оца нашего іωанна млтиваго патріарха Алеѯандрійскаго. Іωаннъ стый Купрянинъ бѣ родомъ Епифаніа князя сынъ ѿ юности въ добромъ наказанїи воспитанъ, имѣ вкорененъ въ срцѣ своемъ страхъ Бжїй, иже бѣ ему начало премудрости. Пришелъ же въ возрастъ, принужденъ бысть ѿ родителей пояти жену, и роди съ нею чада но не въ долземъ времени первѣе лишися чадъ, потомъ и супружняго союза разрѣшися: ибо первѣе чада умроша, потомъ супруга вслѣд ихъ поиде, тако Бгу изволившу, да Іωаннъ свобождшися работы плотскїя воспрїиметъ житїе дховное: свободь убо бывъ, блгодаряше Бга». Пониже тропарь и кондакъ святому. Подписи въ отдѣлдніяхъ: «1. И отъ толе Безъ всякаго препятїя прилежнее нача работати господу въ частеи упражняяся молитве. 2. И егда престолъ патрїаршества Александрїискаго безъ пастыря бе: ираклїй царь по божїю стренїю Іоанна сего темъ саномъ почте. 3. Наченъ же пасти словесныя христовы овцы очисти отъ ереси яже тогда возрасташе къ трисвятому пенїю хулная словеса. 4. Повеле святыи преписати коликое число убогихъ обретается и бе число убогихъ семь тысящь и пять сотъ и всех святый пропиташе. 5. Стыи їоаннъ посла корабли сопшеницею излатомъ во іерусалим искуповатї пленныя. 6. Возвестиша святому яко девицы добре одеянныя милостины просяще подобаетъ ли подаяти оние повеле аще Христовы есте дадите. 7. Сказует стый яже виде ввиденіи милостыню въ девическомъ подобіи. 8. стыи іоаннъ трикратно милостыню подаетъ единому еже измени ризы

своя. 9. Стыи управляетъ кормиломъ на корабле у купца яже бе отбури колеблемъ бяше. 10. Милосердствуетъ святыи о некоемъ благороднемъ человеке приказа таино слузе дати пятьнадесять литръ злата они-же преслушаше даше ѕ҃. 11. Жена некая даде стому Хартію внейже написа яко даруетъ въ церковь пятсотъ литръ злата стыи по благодати узна яко не все даде еже въ умѣ своемъ положи. 12. Стый обличаетъ икономовъ въ преслушаніи повелеваетъ яко ихъ ради жена удержа дати въ церковь они-же прося прощенія со слезами у стаго. 13. Святый укоряетъ единаго клирика за святокупство. 14. Святыи оставя божественную литургію примиряется склирикомъ. 15. Племянникъ прося о защищеніи стаго онъ-же утеши его и приказа невзимати дани которыи обиде. 16. Повеле святый ради памяти смертныя создати себе гробъ. 17. Принесе некіи стому одеяніе он-же повеле продати и раздати нищим тои-же покупа три краты обратно принося стому. 18. Блаженныи принуди троила подаяти болнымъ и нищимъ милостыню иже бе скупъ зело. 19. І виде троилъ ввиденіи уготова богъ святому іоанну домъ на небеси. 20. стаго корабли потопше в мори он же рече гдь даде гдь і отятъ буди имя гдне благословенно ѿ нне и до века. 21. Срете стаго на пути вдовица прося о ѡбиде зятя своего иконом рече егда возвратишися послушаешї он же не соступи сместа утеши ю. 22. Юноша некіи прія отродителя образъ пресвятыя богородицы вместо злата и сребра. 23. узна стыи о юноше томъ посла иконома схартіею да речетъ ему яко родственник есть и призвати повеле. 24. И повеле святыи обогатити юношу и обогатися зело. 25. По единомъ плененномъ творяще поминовеніе трикраты в годъ освобождашеся отъ узъ в тыя дни. 26. стыи виде инока оболганнаго уязвленна ранами просяще прощенія яко незная сего учини. 27. святыи сказуетъ повесть иже бе въ тире и научаетъ неосуждати никого-же. 28. стому на пути явися некіи мужъ имея златои скипетръ и рече господь зовет тя стыи уведа о кончине своеи. 29. Погребен бысть стыи въ отечестемъ граде своемъ между двема епископовъ и тая телеса даша место святому. 30. Чудо стаго іоанна еже некая

жена прося у ст҃аго о ѿпущеніи греховъ он же воста из гроба даде писаніе заглаждено».

1493 А. **Св. Іоаннъ Предтеча.** Повтореніе № 1493; рамка простая, съ цвѣточками; изданіе на синей бумагѣ 1800 г.: на свиткѣ подпись таже: «Азъ видѣхъ | свидетельство о немъ се агнецъ Бж҃іи». Въ моемъ собраніи.

1498 А. Тоже. Копія № 1498 въ обратную сторону. Изданіе, отпечатанное на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1502. Весьма распространено у старообрядцевъ **Сказаніе о главѣ Іоанна Предтечи,** сочиненное архимандритомъ Маркелломъ (въ Торжественникѣ XVI в.—Румянцев. рукоп. 434; листъ 357—359). По западнымъ легендамъ Иродъ заключилъ Іоанна Предтечу въ темницу, гдѣ были закопаны его сокровища,—отсюда вѣроятно вышелъ обычай отыскивать клады въ ночь на Ивановъ день (Ивана Купала); объ Иродіадѣ разсказывается, что она питала преступную страсть къ Предтечѣ и потребовала его казни въ отмщеніе за его холодность; страсть Иродіады не угасла и послѣ смерти Предтечи; по одному нѣмецкому сказанію, когда она несла его голову, орошая ее слезами и лобзая, тогда изъ устъ усѣченной главы дохнулъ вѣтеръ, поднявшій Иродіаду на облакѣ, гдѣ она осуждена носиться на вѣчныя времена (Буслаевъ: Русск. Вѣстн. CIV. 631).

1503. Эта картинка описана подъ № 1610.

1505 А. **Соборъ Кіево-печерскихъ святыхъ.** Точная копія съ № 1505, съ подписью гравера: «изобрази Аверки Козачковски». Въ моемъ собраніи.

1517. **Тоже.** Въ моемъ собраніи еще три изданія этой картинки: одно, (*а*) на бумагѣ 1800 года; первая строка заканчивается въ немъ словами «подспудомъ са»; въ другомъ (*б*) она заканчивается

словами: «подспудомъ самому»; въ третьемъ (*в*) — словами: «потспудомъ».

Въ Клинцовскомъ подлинникѣ Печерскіе чудотворцы перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: **Правая сторона.** 1) Преп. Антоній, 2) преп. Өеодосій, 3) св. Михаилъ, 4) св. Макарій митроп., 5) св. Нифонтъ еписк., 6) св. Стефанъ Владимірск., 7) св. Никита Новгородск., 8) Симеонъ Сузд. 9) св. Меркурій Смолен., 10) св. Ефремъ Переяславск., 11) пр. Алексѣй затворникъ, 12) препод. Лаврентій затв., 13) преп. Аөанасій затв., 14) препод. Никита затв., 15) препод. Сисой затв., 16) препод. Өеоөанъ затв., 17) препод. Несторъ діаконъ, 18) п. Анастасій діаконъ, 19) препод. Онисимъ пустынникъ, 20) преп. Өеофанъ пустынникъ, 21) препод. Пименъ постникъ, 22) муч. Іоаннъ, 23) препод. Іоаннъ постникъ, 24) препод. Пименъ многоболѣзненный, 25) препод. Никонъ сухій, 26) препод. Даміанъ цѣлебникъ, 27) препод. Агапитъ врачъ, 28) препод. Матөей прозорливый, 29) препод. Іеремія прозорл., 30) препод. Арефа чудотворецъ, 31) препод. Григорій иконописецъ, 32) препод. Алимпій иконописецъ, 33) препод. Іоаннъ, 34) препод. Өеодоръ, 35) препод. Нектарій послушникъ, 36) препод. Ануфрій молчальникъ, 37) препод. Исаія пустынникъ, 38) препод. Спиридоній чудотв., 39) препод. Прохоръ Лободникъ, 40) препод. Сергій, 41) препод. Никодимъ просвирникъ, 42) препод. Еразмъ, 43) препод. Макарій, 44) препод. Варлаамій трудовникъ, 45) препод. 12 муровщиковъ церкви печерскія.

Лѣвая сторона. 1) Св. Өеофилъ епис. Новгорода, 2) препод. Игнатій арх., 3) препод. Поликарпъ архим., 4) препод. Никонъ игумен., 5) препод. Варлаамъ игум., 6) препод. Авраамій игум., 7) препод. Кн. Никола святоша, 8) препод. Өеодоръ кн. Острожскій, 9) препод. Іоаннъ многострадальный, 10) препод. Моисей Угринъ, 11) препод. Евстратій, 12) препод. Лука економъ, 13) препод. Онисифоръ исповѣдникъ, 14) препод. Паисій Келейникъ, 15) препод. Евфросинія Полоцкая, 16) св. Уліанія княгиня Ольшанская, 17) препод. Агаөонъ чудотв. 18) священ. муч. Лукіанъ, 19) св. праведн. Титъ воинъ, 20) препод. Логинъ вратарь, 21)

препод. Арсеній трудовникъ, 22) препод. Өеодоръ молчальникъ, 23) препод. Моисей чудотв., 24) препод. Евфимій схимникъ, 25) препод. Силуанъ схимн., 26) препод. Іосифъ болѣзненный, 27) препод. Зинонъ схимн., 28) препод. Иларіонъ сх., 29) препод. Григорій сх., 30) п. Сисой сх., 31) препод. Ипатій цѣлебникъ, 32) препод. Павелъ послушникъ, 33) препод. Касіанъ затворникъ, 34) препод. Руөъ затв., 35) препод. Мардарій затв., 36) препод. Аөанасій затв., 37) препод. Діонисій затв., 38) пр. Өеодоръ молчал., 39) препод. Панкратій затв., 40) препод. Аммонъ затв., 41) препод. Захарія постникъ, 42) препод. Веніаминъ, 43) препод. Сафроній затв., 44) препод. Лаврентій затв., 45) препод. Пафнутій затв., 46) препод. Меркурій, 47) препод. Несторъ некнижникъ, 48) препод. Пименъ постн., 49) преподоб. Анатолій, 50) препод. Мартирій діаконъ, 51) препод. Ахила діаконъ, 52) свящ. муч. Кукша, 53) препод. Илія Муромецъ, 54) препод. Марко гробокопатель, 55) препод. Григорій чудотв., 56) преп. Матөей, 57) Пименъ многоболѣзненный, 58) препод. Василій, 59) препод. Өеодоръ, 60) препод. Титъ свящ., 61) препод. Исакій затв., 62) препод. Елладій затв., 63) препод. Леонтій Канархистъ 64) препод. Геронтій канархистъ, 65) Святые младенцы убитые Иродомъ (Клинцов. подлин.).

1519. **Кіево-Печерскіе святые.** Тетрадь съ отдѣльными отпечатками 38-мъ досокъ, изъ Кіевскаго Патерика изданія 1661 года (тѣже доски и въ изданіяхъ 1678 и 1701 годовъ), и съ 8-ми досокъ, невошедшихъ въ Патерикъ и отпечатанныхъ въ первый разъ въ описанной подъ № 1519 тетради. Большая часть досокъ гравированы Кіевскимъ мастеромъ Ильею, о которомъ уже было говорено въ примѣчаніи подъ № 809. Нѣкоторыя изъ картинокъ безъ его подписи, другія съ подписями: «илıа» и «илıа св.» (Илія священникъ); большинство съ годами: 1655 и 1656-мъ, одна съ 1658 годомъ; одна (28-я—преп. Титъ) съ монограмою Кіевскаго мастера «кп» (см. Русскіе Граверы, стр. 241) и еще двѣ (19. препод. Өеодоръ и Василій и 23. препод. Кукша и Пиминъ), работы извѣ-

стнаго мастера Іерея Прокопія, выгравировавшаго въ 1646—1662 годахъ лицевой Апокалипсисъ (№ 818). Въ числѣ новыхъ восьми досокъ, невошедшихъ въ изданія Кіевскаго Патерика 1661, 1678 и 1701 годовъ и отпечатанныхъ только въ описываемой тетрадкѣ, находится весьма любопытное изображеніе преподобнаго Иліи Муромскаго, о которомъ подробно говорено въ примѣчаніи къ № 1. Описываемая тетрадка отпечатана, какъ видно, послѣ 1678 года, такъ какъ въ ней помѣщено изображеніе препод. Нестора, сдѣланное съ доски попорченой и неполной (см. въ описаніи картинки л҃); тогда какъ въ Патерикѣ изданія 1678 года доска эта отпечатана еще въ цѣльномъ видѣ.

1521 А. **Св. Муч. Кирикъ и Улита.** Прибавить: повтореніе № 1521; внизу подпись: «мл҃тва свты^м^ мчніко^м^ кирїку ї улитте»; изданіе на синеватой бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1524. **Житіе Кирила Бѣлозерскаго** сочинено Іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1555 году (Востоковъ, Опис. Румянцевскаго собр., № CLII).

1526. **Св. Косма и Даміанъ.** Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки, изъ которыхъ одно отпечатано съ доски, грубо подправленной рѣзцемъ.

1527. Эта картинка описана во второй разъ подъ № 1685.

1532. **Преп. Макарій и бѣсъ въ тыквахъ.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (*е*), на синей бумагѣ 1800 года; первая строка текста заканчивается въ немъ словами: «глагола препо». Исторія о препод. Макаріѣ, видѣвшемъ бѣса, обвѣшаннаго тыквами, которыя онъ предлагалъ желающему, одну за другою, пока которая нибудь изъ нихъ не приходилась ему по вкусу, заимствована изъ книги: «Руно орошенное», л. 72.

1533 А. Прибавить: **«Преподобный Макарій Калязинскій** чудотворецъ» съ видомъ монастыря; кругомъ рамка съ дѣяньемъ препо-

добнаго въ 10 клеймахъ; внизу тропарь и кондакъ ему, а подъ гравюрой подпись: «..... калязина мнтря архимандрита варлаама грыдоровалъ в москве мартинъ нехорошевски. 1754 го^ду^». Картинка двухлистоваго размѣра, гравирована на мѣди.

1535. **Св. Марія Египетская.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *i*, отпечатанное на бумагѣ 1810 г.; третья строка снизу оканчивается въ немъ словами: «копати лев же»; и *к*, съ такимъ окончаніемъ 1-й строки: «не могу копати». Житіе Маріи Египетской написано Софроніемъ патріархомъ Іерусалимскимъ (Небо новое, 33). Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ Золотой легенды Іакова де Ворагине (La legende dorée Paris. 1846, II. 63). Дунлопъ указываетъ на то, что одинъ изъ эпизодовъ этого житія сходенъ съ исторіею о томъ, какъ львы ископали могилу для св. Павла (при погребеніи его св. Антоніемъ), находящуюся въ той-же Золотой легендѣ (Dunlop, 305).

1542 А. **Архангелъ Михаилъ** на конѣ, поражающій копіемъ дьявола; по сторонамъ дѣянье его въ 11-ти отдѣленіяхъ, сходное съ № 1542-мъ, но безъ подписей; толкованіе же ихъ помѣщено внизу, справа. Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ, — судя по манерѣ, работы Ивана Любецкаго. Въ моемъ собраніи.

1545. **Архангелъ Михаилъ** работы Щирскаго. Іоаннъ или Иннокентій Щирскій, Черниговскій граверъ XVII вѣка, кажется былъ вызванъ въ Москву для гравированія портрета царевны Софьи Алексѣевны въ одно время съ Тарасевичемъ; гравюра его для книги Лазаря Барановича: Благодать и истина (Черниговъ, 1683 г.) напоминаетъ одну изъ досокъ, описанныхъ въ дѣлѣ Шакловитаго (Русскіе граверы, стр. 353 и 354).

1553. **Архангелъ Михаилъ**; изданіе *а* оканчивается словами: «памет шумом» (а не памятмомъ). Въ моемъ собраніи.

1558. **Соборъ Архистратига Михаила.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе *е* (1830—40 гг.), въ которомъ первая строка заканчивается словами: «недостоиніи да васи».

1559. **Онъ же.** Этой картинки есть въ моемъ собраніи два изданія; первая строка подписи въ нихъ заканчивается словами: въ изданіи *а*—«воині», въ изданіи *б*—«архистратїзе».

1561. **Московскіе митрополиты Петръ, Алексѣй, Іона и Филипъ. Св. Петръ** митрополитъ съ 1308 г.; скончался 21 декабря 1326 г.; причтенъ къ лику святыхъ при митрополитѣ Θеогностѣ (Степен. Кн. I. 422). Дни его памяти: 21 декабря—кончина, 4 августа (только до 1652 г.)—обрѣтеніе и 24—перенесеніе его мощей октября 5 въ день трехъ святителей. **Алексѣй** митрополитъ род. въ Москвѣ въ 1293 г.; въ митрополиты избранъ въ 1354 г. в. кн. Симеономъ гордымъ; въ тоже время Константинопольскій патріархъ Филофей назначилъ въ Россіи другаго митрополита Романа, которому подчинилась Литва и Волынь и съ этого времени произошло отдѣленіе западной митрополіи отъ восточной. Алексѣй Митрополитъ преставился въ 1378 г.; мощи его обрѣтены въ 1439 г. и почиваютъ въ Чудовомъ монастырѣ. Память ему празднуется 12 февраля, 20 мая и 5 октября. **Іона** митрополитъ, съ 1433 г. епископъ Рязанскій и правитель митрополіи Кіевской и всея Россіи; въ 1448 г. митрополитъ; умеръ 1461. марта 31; святымъ утвержденъ на соборѣ 1547 г. (Карамз. Истор. IX. пр. 87). Празднованіе ему въ день кончины 31 марта, въ день трехъ святителей 5 октября, и въ *другія числа* (Выходы Государей, Строева; Алфавитъ 33). **Филиппъ,** св. митрополитъ; съ 1546 г. игуменъ Соловецкій; 25 іюля 1566 г. митрополитъ Московскій и всея Русіи; 4 ноября 1568 г. сосланъ въ Тверской Отрочь монастырь; 23 декабря 1569 г. умерщвленъ. Его мощи перевезены въ 1591 г. въ Соловки, а лѣтомъ въ 1652 г. въ Москву. Память его празднуется 9 января и 3 іюля; но прежде праздновалась 23 декабря; тоже 9 и 10 января (съ 1662 г.) и

20 февраля (кончина его); также іюля 1, 6, 9, 16 и 18 (перенесеніе мощей) (Выходы царей; алфавитъ 100).

1564 А. Прибавить: **Св. Николай Чудотворецъ**, съ подписью: «Василій» (т. е. гравировалъ Василій Андреевъ); см. Русскіе Граверы, стр. 187—52. О принесеніи изъ Корсуня иконы Николая Зарайскаго въ 1225 г., см. въ Румянцевскомъ сборникѣ 1689 г. № 378, л. 57.

1568. Древнѣйшее гравированное дѣянье св. Николая въ 25 картинкахъ, работы мастера АК, помѣщено въ Акаѳистѣ, Кіевъ 1674 г. Въ «Памятникахъ старинной русской литературы» (издан. Кушелева-Безбородки. Вып. 1, стр. 71) помѣщена въ видѣ отдѣльнаго сказанія (изъ рукописи Пуб. биб. 293) повѣсть о томъ, что въ Кіевѣ жилъ нѣкій человѣкъ, имѣвшій великую вѣру въ святителя Николая. Въ домѣ его цѣлое лѣто содержался въ желѣзахъ плѣнный Половчанинъ; вотъ и говоритъ онъ ему: «доколѣ хочешъ ты сидѣть у меня? дай мнѣ выкупъ и иди въ свою землю или дай поруки». «Отпусти меня, и принесу тебѣ выкупъ», говоритъ Половчанинъ, «а поручиться за меня здѣсь, ты самъ знаешъ, некому». Привели его въ церковь и показали ему образъ св. Николы, съ вопросомъ: «хощешили, дамъ тя на поруки св. Николѣ». Половчанинъ, умышляя обмануть христіанина, согласился на такую поруку съ радостію. Тогда христіанинъ далъ ему коня и все нужное на дорогу и отпустилъ его. Вернувшись на родину, Половчанинъ забылъ о выкупѣ; св. Никола два раза являлся ему съ напоминаніями и угрозами; въ третій же разъ, когда приключилось «сонму быти княземъ и велможамъ», на который пріѣхалъ и Половчанинъ, «и, егда ставшю на кони въ сонмищи съ ними, сторже его съ коня сила невидимая .... и невидимо яко батоги біяше его». Тогда Половчанинъ повѣдалъ «роду своему» все бывшее съ нимъ, приказалъ рабамъ своимъ «нарядиться и стадо коней отлучити» и пригналъ оное къ церкви святато Николы своего поручителя. По замѣчанію Ко-

стомарова, сказаніе это принадлежитъ къ татарскому періоду (стр. 14). Про чудо св. Николая съ Агриковымъ сыномъ поется и въ Каличьихъ стихахъ. По народному повѣрью Никола главный покровитель на морѣ и на водахъ; такимъ онъ является и въ былинѣ о Садко богатомъ, въ подводномъ царствѣ морскаго царя.

1576. **Онъ-же.** Прибавить изданіе *в*, въ которомъ первая строка молитвы заканчивается словами: «скорыи помощниче». Въ моемъ собраніи.

1604. Поправить: картинка эта листовая, а не полулистовая.

1604 А. Прибавить: **Образъ Николая Чудотворца, что на Липне.** Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ и пунктиромъ. Всрединѣ поясное изображеніе Николы, а вверху и внизу дѣянье, въ трехъ мѣстахъ; подписи подъ нимъ слѣдую ія: «болящему Кнзю Мстиславу явися свят. Николла чуд: въ сонномъ видѣніи и рече ему: что скорбиши ѕело Кнже и вопіеш ко мнѣ? посли въ киевъ градъ за иконою моею показуя ему імеру иконы той и ѿпѣвше молебная получиши исцеленіе и аще здравъ будеши сотвори память ко иконе моей и въ предбудущие годы и сіе рекше невидимъ бысть. Князь возставъ от сна призвалъ къ себѣ дворецкаго болярина и повелѣлъ ему со освященнымъ клиромъ ѿправиться на ладіи по ильменю єзеру въ киевъ градъ за иконою св. николы чудотворца: давъ ему и меру той иконы; ѿправившуся же болярину склиромъ вдругъ востала силная буря и жестокій вѣтръ коимъ ладию принесло къ острову липну и тамо вводе обрѣте икону быстраго искор. помошника св. ник. чуд. и возвратися внов градъ и сретиша икону изгрда со кресты и принесе ко князю князь же Воставъ облобыза икону ст. николая чу лѣт. И повеле нести икону В церковь и себя Вести За иконою и остиша Воду и покропися и получи совершенное исцелен: лѣт». Подпись подъ картинкой слѣдующая: «Сей чудотворный образъ стителя николы обретенъ на езере ильмене у острова завомаго липно а оныи островъ

отстоитъ отъ великаго нова града за седмъ поприщъ в лѣто отъ сотворенія міра 6621-е, при благоверномъ Великомъ князе Мстиславе святославичѣ и тогожъ лѣта Великіи оный князь съ бабою своею Благоверною княгинею Анною в память обретенія ѳнаго ѳбраза и въ ознаменованіи своего благодаренія за полученное отъ него исцелѣніе отъ лютой и тяжкои болезни на острове липно создаша никололипенскій монастырь ѳный монастырь побѣдности его давно уже изпраженъ и приписанъ къ сковородскому мр҃ю и зъзданій внемъ находится нынѣ одна толко каменная церковь Авновѣ градѣ на торговой сторонѣ на ярославлѣ дворѣ воздвигнуша церковь каменну прекрасну, которая и ныне подъ именемъ николаевскаго дворищскаго собора существуетъ всовершенномъ благоустройствѣ и великолепій молитвами ст҃ителя и чуд. николая ему-же по бозе да будетъ отъ насъ честь и слава во веки вѣковъ аминь».

1604 Б. «**Преподобный Никола святоша**». «ПД» (т. е. гравировалъ Дмитрій Пастуховъ). Картинка на мѣди, выш. 5 и 8 (французск. дюймовъ и линій), шир. 4 и $1\frac{1}{2}$ (Русскіе Граверы, стр. 261).

1610. Св. **Павелъ Ѳивейскій**; слѣдуетъ поставить годъ 1732, вмѣсто 1742. Эта же картинка описана и подъ № 1503.

1616 А. Прибавить: **Ростовскіе Чудотворцы.** Вверху: «ѡбразъ пр҃естыя бц҃ы владимерския», а внизу изображены въ ростъ святые: «преп҃бныи сергій радонежскій.—кн҃зь василій—преп҃бный їринархъ затворник—ст҃ый їсидоръ бл҃женный.—ст҃ый димитрій митрополит.—ст҃ый їоаннъ хр҃иста ради юр—ст҃ый ѳеодоръ архиепископъ — ст҃ый петръ царевичъ.—ст҃ый їяковъ еп҃кп.—ст҃ый Аврамій архимандритъ—ст҃ый їгнатій еп҃кпъ.—Ст҃ый еп҃кпъ леонтій. Ст҃ый еп҃кпъ їсаій». Вверху, кромѣ того, надпись: «ѡбраз ротв҃скихъ чудотворцевъ». Листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе на бумагѣ 1809 года. Въ моемъ собраніи.

1617. Повѣсть «de Septem dormientibus» въ Ефесѣ помѣщена въ Золотой легендѣ Іакова де Ворагине.

49

1618. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (*в*), отпечатанное на синей бумагѣ 1800 года; первая строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «насъ всегда во». Превосходное лицевое житіе препод. Сергія (текстъ XVII вѣка) издано въ Троицкой Лаврѣ (въ 1870 г.?) въ немъ помѣщено и явленіе Сергію Богоматери. Перечисленіе учениковъ Сергія см. у Буслаева въ Очеркахъ (II. 355); о житіи его у Ключевскаго.

1620. **Препод. Сергій.** Въ изданіи *а* первая строка заканчивается такъ: «и тому»,—въ моемъ собраніи; изданіе *д* отпечатано одною доскою съ изданіемъ *в*, но въ послѣднемъ доска подправлена рѣзцемъ.

1624. Въ моемъ собраніи есть еще два новѣйшія изданія этой картинки 1830—40 гг. *в* и *г* въ которыхъ вторая строка тропаря заканчивается такъ: въ изд. *в*—«втя пресвть» и въ изд. *г*—гдѣ она кончается словами: «веліся втя».

1633. **Страданіе трехъ отроковъ.** Въ Серпуховскомъ Владычномъ онастырѣ есть огромная картина письма Петровскихъ мастеровъ, изображающая исторію трехъ отроковъ, по переводу сходная съ нашей картинкой (но безъ отдѣленій). Въ память страданія трехъ отроковъ было установлено особое *Пещное дѣйствіе,* которое отправлялось въ недѣлю Праотецъ, предъ Рождествомъ, въ Москвѣ, Новгородѣ и другихъ каѳедральныхъ городахъ. Чинъ этого дѣйства напечатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ (VI. 183, 363). Оно отмѣнено при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (Выходы царей, Строева; Алфав. 69). Пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю свят. отецъ, въ память трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, которые были ввержены въ халдейскую пещь и тамо «невредимы пребыша»; въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась и деревянная халдейская пещь, въ которой происходило это дѣйствіе*) Пещь эта, окруженная зажжеными свѣчами, устанавливалась

*) Такія-же печи были и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Русск. историч. биб. Тимоѳ. III. 309) и въ Вологодскомъ (Изв. Имп. Археолог. Общ. III. 242). О Новгородской печи въ Новгородѣ въ лѣтописи подъ 1553 годомъ сказано, что архіепископъ Макарій: «постави въ Соборной церкви св. Софіи въ ве-

посреди собора, и въ воскресенье, послѣ заутрени, Халдеи вводили въ нее трехъ отроковъ, державшихъ зажженныя свѣчи и пальмы въ рукахъ, и бросали на горнъ съ угольями, установленный внизу подъ печью,—плаунъ (ликоподій), отъ чего происходило полымя. Затѣмъ ключарь спускалъ въ печь, сверху, картоннаго ангела съ трещетками (въ трусѣ велицѣ зело съ громомъ), дьяконы опаляли плауномъ Халдеевъ, а отроки въ это время, взявъ ангела за крылья, кружились съ нимъ трижды въ пещи; наконецъ ангелъ улеталъ «выспрь», и мистерія заканчивалась угощеніемъ отроковъ и Халдеевъ съ ихъ учителемъ въ Патріаршей палатѣ. Кромѣ пещнаго дѣйствія всенародно розыгрывались еще слѣдующія мистеріи: обрядъ шествія святителя на осляти, который совершался съ большимъ противъ пещнаго обряда торжествомъ изъ Успенскаго собора къ лобному мѣсту и обратно, причемъ весь путь на разстояніи 234-хъ сажень былъ устилаемъ краснымъ сукномъ. Впереди шествія везли на саняхъ огромную вербу, разукрашенную разною разностію, а подъ нею пять пѣвчихъ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ; далѣе двигался крестный ходъ изъ духовенства, юноши со свѣчами, шесть кадокъ съ вербами и наконецъ патріархъ на осляти, котораго за поводъ велъ самъ царь. На лобномъ мѣстѣ святитель служилъ молебенъ и раздавалъ всѣмъ вербы, затѣмъ садился на своего осла, и шествовалъ тѣмъ же порядкомъ назадъ въ соборъ, гдѣ передъ южными дверями стрѣльцы бросались на вербу, общипывали съ нея украшенія и обдирали съ саней сукно (Снегиревъ, Памятн. Моск. древн., 55). Другой обрядъ—умовеніе ногъ—производился въ четвергъ на страстной недѣлѣ, послѣ вечерни; въ Іерусалимѣ для этой мистеріи устраивается и по нынѣ большое возвышеніе, на дворѣ храма. Изъ пещнаго дѣйствія было составлено еще въ XVII вѣкѣ полное комедіальное дѣйствіе, а

ликомъ Новгородѣ *амбонъ*, весьма чуденъ, и всякія лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесять». По замѣчанію г. Артлебена, въ описи собора, составленной въ половинѣ XVII вѣка, она названа просто: «пещь дровяна рѣшетчата» (Изв. Имп. Арх. Общ. III. 377); въ настоящее время она находится въ Христіанскомъ музеѣ С.-П.-Бургской Академіи Художествъ (Замѣтка Б. Гильтебрандта въ Древн. и Нов. Россіи 1878. I. 87).

вслѣдъ за тѣмъ появляется въ рукописной литературѣ нашей цѣлый рядъ такихъ-же пьесъ-мистерій, по большей части переводныхъ, назначенныхъ для театральныхъ зрѣлищъ; подробный списокъ этихъ пьесъ, составленный въ 1709 году, помѣщенъ въ 1-мъ томѣ книги: «Наука и Литература» Пекарскаго (стр. 428). Семинаристы и ученики Духовной Академіи розыгрывали въ торжественные дни эти виршевыя мистеріи; они тоже въ праздникъ Рождества ходили съ вертепомъ или кукольнымъ театромъ, въ которомъ представляли цѣлую импровизованную драму на данный случай (представленія съ вертепомъ описаны Безсоновымъ, въ его Бѣлорусскихъ пѣсняхъ стр. 104, и Пекарскимъ, Наука и Литер. I. 381; у послѣдняго находимъ объ этомъ предметѣ весьма любопытныя свѣдѣнія).

1633 А. Прибавить: **«Святый мученикъ Флоръ — святый мученикъ Лавръ»** въ ростъ; посреди ихъ храмъ. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ концѣ прошедшаго столѣтія. Внизу тропарь и кондакъ святымъ, и подпись: «Сіи свт҃ыи мученіцы бяху въ лѣто ,єѿк. братія и близнецы художествомъ каменосечьцы иже въ студенецъ глубокъ въ вержени быша ѿ ликинія мучителя и тако скончашася, мѣсяца Августа ит҃ дня». Въ моемъ собраніи.

1635 А. Прибавить: **Священномуч. Харлампій** съ дѣяньемъ; повтореніе № 1635-го. Въ послѣднемъ дѣяньи слѣдующая подпись: «Блаженая Голина дщи царева взяша тело мученика и положи взлатыи ковчегъ славяще Бга израилева». Изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1639. **Св. Муч. Христофоръ.** Въ № 1639 еще видны слѣды затертой волчьей головы, которая была на доскѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она отпечатана и описана подъ № 1637.

1640 А. Прибавить: въ собраніи А. Н. Оленина находился отломокъ липовой доски, гдѣ было вырѣзано изображеніе

святаго князя, отъ котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами; по всей вѣроятности, это былъ отломокъ отъ иконы Ярославскихъ святыхъ. Снегиревъ, упоминая объ этомъ отломкѣ, ошибочно замѣчаетъ, что доска была толщиною $1/4$ аршина: старинныя гравированныя доски дѣлались немного толще $1/2$ вершка (Снегиревъ, Лубочн. карт., стр. 16).

1644 А. **Св. Муч. Ѳеодоръ Стратилатъ.** Повтореніе № 1644. Первая строка послѣдняго дѣянія заканчивается такъ: «іраклиское все оставі». Изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1646. Переводъ этого изображенія напоминаетъ мѣдную доску, которая была вырѣзана граверомъ Тарасевичемъ въ честь Ѳедора Шакловитаго и по его заказу, въ 1689 году (см. мой: Словарь русскихъ портретовъ. СПБ. 1872).

1648 А. Прибавить: «**Преподобный Ѳеодосій Тотемскій чудотворецъ.** Преставися въ 1568 году тенваря 28-го дня стыя его мощи обрѣтены въ 1796-мъ году, празднество генваря 28-го дня». Листовая картинка, гравированная на мѣди въ концѣ прошедшаго столѣтія; въ моемъ собраніи. Преподобный изображенъ въ ростъ, въ рукѣ его свитокъ съ словами: «не скорбите..... во вѣки»; справа «градъ Тотма», а надъ нимъ два ангела держатъ на воздухѣ «ѡбразъ вознесенія гдня». Подъ картинкой текстъ: «Въ прошломъ 1796-мъ году Вологодской Епархіи въ городѣ Тотьмѣ въ спасо Суморине монастырѣ при копаніи|рва подъ фундаментъ новостроющеися церкви вознесенія господня обрѣтенъ гробъ и внемъ лежащее покрытое|схимою тѣло погребенное въ 1568 году Генваря 28 дня, у коего голова, руки весь корпусъ и одежда цѣла; по усмотреннымъ же вышитымъ на схимѣ литерамъ открылось, что тело сіе есть преподобнаго Феодосія суморина бывшаго того тотемскаго суморина монастыря начальника и основателя, котораго по происходящимъ чудотвореніямъ вся тотемская округа и

другія окрестныи мѣста издавна почитаютъ стымъ и изображаютъ на иконахъ почему и служба на память преставленія его на 28-е число генваря еще въ 1729-мъ году сочинена и по неи отправлялись ему в томъ суморине монастыре (монастыре) молебствія а при учиненныхъ оному телу трехъ свидѣтелствахъ сперва въ томъ-же 796-мъ году чрезъ двухъ присутствующихъ вологодской консисторіи при строителѣ того монастыря и при другихъ градскихъ церквей священникахъ съ светскими Города тотьмы чиновниками и лучшими гражданами потомъ въ 797-мъ преосвященными Архіепископом ростовскимъ и кавалером арсеніем и епископомъ вологодскимъ арсеніемже а на послѣдокъ и сего 798 года августа 21-го числа симъ же епископом вологодским обще стамошнимъ гражданскимъ губернатором шетневымъ оказалось оное тело нетлѣнно: бывшіе же по вынятіи его изъ земли чудотвореніи и многихъ исцеленія совершенно удостовѣрили что сіе нетленное тело есть помятаго прпбнаго Феодосія тотемскаго Чудотворца». О житіи преподобнаго Ѳеодосія см. у Ключевскаго, стр. 349.

1650. **Сивиллы.** Текстъ этихъ картинокъ заимствованъ, почти дословно, изъ одного подлинника XVII вѣка (Царск. № 314); къ числу 12-ти Сивиллъ [1]) въ подлинникѣ прибавлена: «Царица южская рече: О треблаженное древо на немъ же распятся Христосъ Царь и Господь». Подобныя же сказанія о Сивиллахъ, извлеченныя изъ хронографа Бѣльскаго, помѣщались въ русскихъ хронографахъ XVII вѣка (Поповъ, II. 105); въ одномъ Румянцевскомъ рукописномъ сочиненіи Максима грека (XVI в.—Восток.

---

[1]) Въ исторіи Сивиллъ трувера Германна (около 1167 г.) перечислено ихъ всего десять: Персидская, Ливійская, Дельфійская; Chimèra, родомъ изъ Лонгобардіи; Эриктрейская, Кассандра, 7-я Chimera или Elmateia, 8-я Elispontia, 9-я Marmutia и 10-я Tiburtina или Bulaea, которая путешествуетъ въ Вавилонъ, Сидонъ и Іерусалимъ, гдѣ бесѣдуетъ съ Соломономъ и т. д. и подъ конецъ становится святой Клодовиной (Веселовскій, Христіанскія Легенды: Журн. М. Н. П. 1875. томъ 178. стр. 302). Въ одной рукописи XIII вѣка послѣдняя изъ десяти Сивиллъ названа Tiburnica или Alburnea; она дочь Траянской Кассандры (ibid. 302).

CCLXIV) есть особая книга о Сивиллахъ, съ двѣнадцатью поясными изображеніями ихъ, написанными масляными красками, въ фряжскомъ стилѣ; книга, эта какъ видно изъ приписки, назначалась для печати: «совершися и издася сія новая книга повелѣніемъ великаго нашего монарха цр҃я и августа Алеѯіа Михайловича.... въ лѣто ҂зр҃пл», но осталась неизданною; текстъ ея переведенъ съ латинскаго, по всей вѣроятности изъ книги того-же «мудреца Маркуса», о которомъ упоминается въ изображеніи 1-й Сивиллы Нехорошевскаго (III. 681) [2]). Изъ печатныхъ источниковъ, сказаніе о Сивиллахъ находится въ книгѣ: «Небо новое» Голятовскаго. Сивиллы изображались въ нашихъ храмахъ ради того, что «они пророчествоваху о пречистѣй Дѣвѣ Маріи и о воплощеніи Божія Слова. Сіи пророчествоваша въ различныя времена до Христова Рождества. Аще и суть невѣрны; но честнаго ради житія ихъ открылася имъ земныхъ ради глаголаша предбудущая» (Подлин. Царск. № 314). Изображенія ихъ, помѣщенныя на входныхъ дверяхъ, можно видѣть въ Москвѣ, въ церкви Словущаго Воскресенія, въ соборахъ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ, въ соборѣ города Суздаля, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ и въ мужскомъ монастырѣ въ Великомъ Устюгѣ. Въ этомъ послѣднемъ, въ соборной церкви, находятся деревянныя двупольныя двери, на которыя наколочено внизу двѣнадцать мѣдныхъ дощечекъ, а на нихъ награвированы 12 Сивиллъ, иконописнаго перевода; каждая Сивилла представлена въ ростъ, въ дѣяньи. (См. прим. къ № 829). Кромѣ Сивиллъ, въ церквахъ писались изображенія древнихъ языческихъ философовъ, какъ напримѣръ въ притворѣ Новоспасскаго монастыря, въ Благовѣщенскомъ соборѣ и даже на нѣкоторыхъ иконахъ (Буслаевъ, Очерки, II. 362). Выписываю сюда краткое извѣстіе о нихъ изъ подлинника XVII в. (Царскаго № 314), изъ котораго заимствуются иконниками тексты надписей, находящихся въ ихъ свиткахъ:

---

[2]) Есть латинское изданіе книги о Сивиллахъ: «Crisp. Passaeus. Duodecim Sibillarum imagines in aes eleganter incisae, studio labore et aere Cr. Passaei. Arhhenai, apud. Ianssonium 1615. fol.».

«**О Елинскихъ философахъ**. Понеже и тіи прозменованія вѣры и чистаго ради житія ихъ оснушася истиннаго Духа святаго глаголюще будущая человѣкомъ, гранографъ глав 52. 1) Ѳале Ѳалесъ и Ѳукидидъ философъ. Сей бысть во царство д-го царя Вавилонскаго Дарія Мидянина, иже по меркновеніи солнца мудрствова, сице рече: едино тріе и тріе едино безплотно образно есть троица. 2) О Ереміи. Еремій тревеликій бысть мужъ хитръ уразумѣвъ златую руду и коповати и первіе нача злато копати сице рече: заклинаю тя небо великаго бога дѣло мудрое, заклинаю тя гласомъ отчимъ, иже провѣща прежь егда весь міръ утвердивъ и отцу прогла[г]. ко и единородному слову своему и паки той же рече Господа разумѣти убо ниудобъ ниже речщи возможно есть бо тріипостасенъ Богъ а несказаненъ. Существо-же его и естества неимущее въ человѣцѣхъ уподобленія. 3) О Аристотели. Аристель бысть во царство Александра Царя Македонскаго; сей мудрствова о нравѣхъ человѣческаго естества благихъ и злыхъ, разсуждаяй уды телѣсные прилагающися разумомъ смысла своего и добрѣ живущимъ и человѣкомъ паки-же и ко злымъ на ней есть благословенная вещь почтенъ бо есть самовластіемъ человѣкъ и спасенъ покаяніемъ. яко и разбойникъ при крестѣ Господни. Сей философъ рече неусыпное естество Божіе существа неимущи начала отъ негожъ все крѣпкое существится словомъ. 4) О Стисихорѣ. И Стихоръ философъ бысть въ лѣта Еліакима архіерея иже во Іерусалимѣ бысть; сей во Еллинѣхъ писмененъ слагатель сице рече: почтемъ Маріамъ яко добрѣ скрывшую таинство вѣка, яже хощетъ родитися Богъ. 5) О Ѳиксудисѣ. Ѳиксудисъ или Ѳилодисъ иже и аѳинейскій списатель сице рече преж. Богъ таковъ слово и духъ съ нимъ. 6) О Платонѣ. Платонъ рече понеже Богъ благъ есть и благимъ виновенъ злымъ же никако же. 7) О Діонисіѣ. Сей убо не философъ но куміръ иже отвѣты дая жерцу своему. Діонисіевъ куміръ рече пропію жерцу нынѣ отъятся отъ насъ честь иже отъ несытія въ сытіе приведшее слово божіе прійде ново творя всяческая. 8) Ино сказаніе о нѣкоемъ философѣ было по воплощеніи Слова Божія отъ третія лѣта въ царство Кон-

стантина благовѣрнаго и матери его Ирины. обрѣтоша гробъ мраморенъ подъ долгою стѣною града Антіохійскаго, на немже штуканина писмена глаголюща сице: Христосъ хощетъ родитися отъ Дѣвы Маріи иже во адъ сходящи никто же отъ Еллинъ прежъ мене никто же вѣрова въ него во дни благовѣрныхъ Царей Константина и Ирины, о солнце паки мене узриши и ниже глаголюще сего роду крестиша костей его и погребоша и честно. 9) О Валаамѣ волхвѣ. Валаамъ волхвъ сынъ Веоровъ иже бысть во дни моисеовы не отъ волхвованія о христѣ сказаніе позна но отъ духа святаго, яко-же рече и бысть Духъ Божій на немъ, сице на немъ возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля сіе пишехъ въ четвертыхъ книгахъ Моисеовыхъ кд главѣ. Слышавъ же сіе Валаамовы ученицы назряху таковыя звѣзды отъ рода и въ родъ даже и до рождества Христова. 10) Плутархъ рече Исусъ мужъ умру аще мужа того подобаетъ предышняго вина бываетъ. 11) Анакоридъ рече придите низ сущіи и препростыи существо отъ всечестія дѣвици и благообразныя невѣсты общее воскресеніе дарующи. 12) Солонъ рече чаю неприкосновенному родитися отъ дѣвы и воскресити мертвыя и паки судити имать. 13) Афродитіанъ рече Христу Богу родитися на земли отъ дѣвицы чистыя Маріи въ него-же и азъ вѣрую. 14) Омиросъ рече свѣтило на земли возсіяетъ во языцѣхъ Христосъ сходити начнетъ странно и совокупи хотя небесная со земными». Въ Клинцовскомъ подлинникѣ новѣйшей редакціи (XIX вѣка) перечисленъ двадцать одинъ мудрецъ, а именно: Валаамъ, Фукидидъ, Еремій, Аристотель, Стоикъ, Филодо^с^, Платонъ, Солонъ, Еврипидій, Олоръ, Алсаматъ, Аполонъ, Менандръ, Діогонъ, Хелонъ, Плутархъ, Афродитіанъ, Омиръ, Діонисъ, неизвѣстный философъ, тѣло котораго найдено въ гробѣ при царяхъ Константинѣ и Еленѣ, и Египетскій Царь Птоломей Филадельфъ.

1653. **Варлаамъ Ясинскій** въ 1669 г. избранъ ректоромъ Кіевской Академіи, а съ 1690 г. былъ Кіевскимъ митрополитомъ.

1658. **Даніилъ Апостолъ** служилъ полковникомъ въ Миргородскомъ полку въ царствованіе Петра I и оставался во все время вѣренъ ему. Въ 1727 году онъ былъ избранъ въ гетманы на 70-мъ году отъ рожденія. Фамилія его *Апостолъ Катарцеи*—молдаванская (Минцлофъ, Петръ Великій, СПБ. 1872, стран. 572).

1668. **Іосифъ Туробойскій**, архимандритъ Симонова монастыря, былъ префектомъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи; онъ написалъ книгу: Торжественныя врата, вводящія во храмъ безсмертныя славы», съ изъясненіемъ аллегорическихъ картинъ, бывшихъ на тріумфальныхъ вратахъ, построенныхъ Петру I по поводу побѣды подъ Полтавою 1709 г. (которыя имъ и изобрѣтены); еще листы съ изъясненіемъ: Эмблемъ тріумфальныхъ вратъ 1704 года, подъ названіемъ: Торжество Православное Свободителя Ливоніи (Евгеній, Слов. писат. духовн. чина 1827 г., I. 318; см. ниже № 1691).

1669 А. Прибавить: Изображеніе Препод. **Льва Катанскаго**,—подносный листъ съ аллегорическими фигурами, посвященный Леониду, епископу Сарскому и Подонскому, и гравированный Иваномъ Зубовымъ. Грав. крѣпкой водкой, въ малый листъ. Въ собраніи П. Я. Дашкова.

1672. **Даніилъ Галаховскій**—Кіевскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка; работы его перечислены въ книгѣ: Русскіе Граверы, стр. 179, гдѣ подробно описана и картинка № 1672.

1683. **Стефанъ Яворскій** род. 1658 г. въ январѣ (на Волыни); съ 1702 г.—Администраторъ, Блюститель, Викарій и Екзархъ Московскаго Патріаршаго престола, а съ 1721 Президентъ Синода; покорный слуга, прославитель подвиговъ и любимецъ Петра I-го; Творенія его подробно перечислены въ словарѣ духовныхъ писателей митрополита Евгенія, II. 251 (изд. 1827 г.). Умеръ въ 1722 г. ноября 27, 65 лѣтъ.

1684. **Христосъ**; посвящ. С. Яворскому; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1098-мъ.

1685. **Царь Константинъ и царица Елена**; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1527-мъ.

1688. **Св. Великомуч. Варвара**; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1381-мъ.

1691. **Θеофилактъ Лопатинскій**, изъ шляхты, былъ префектомъ въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи съ 1706 по 1780 гг. Вмѣстѣ съ Іосифомъ Туробойскимъ сочинилъ книгу въ 1709 г.: «Политиколѣпная Апоθеосисъ достохвальныя храбрости Всероссійскаго Геркулеса.... Петра Алексѣевича... возвращающагося въ Москву... (послѣ Полтавской баталіи); 178 страницъ, съ описаніемъ тріумфальныхъ вратъ (Евгеній, Слов. писат. духовн. чина; изд. 1827, II. 325).

1708—1782. **Артемьевская фабрика** находилась въ 25 верстахъ отъ Москвы; доски на ней гравировались черной манерой подъ руководствомъ академическаго гравера Ивана Штенглина. Граверъ этотъ родился въ Аугсбургѣ и учился своему мастерству у Боденера; въ 1741 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, по приглашенію академика Штелина и работалъ разные портреты по заказамъ Академіи Наукъ; съ 1744 года работы эти производились имъ сдѣльно; а около 1750 года, поссорившись съ Академіей, онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ въ крайней бѣдности, писалъ миніатюрные портреты и работалъ для Артемьевской фабрики. Листы, вышедшіе съ этой фабрики (75 листовъ), имѣютъ одну фабричную помѣту; только три изъ нихъ подписаны дѣлавшими ихъ матерами: Тихоновымъ, Дружинымъ и Лебедевымъ. Въ 1765 году Штенглинъ вызванъ снова въ Петербургскую академію, сдѣланъ шварцкунстнымъ мастеромъ, съ порученіемъ обучать своему мастерству двухъ учениковъ: Василія Соколова и Елисея Θедорова (см. Русскіе граверы. М. 1870 г., стр. 338).

Въ моемъ собраніи есть рисовальная азбука, гравированная крѣпкой водкой Дмитріемъ Пастуховымъ, съ надписью на главномъ листѣ: «Делано на фабрике изобретателя тушеванно-тисненнаго искуства михаила артемева».

1708—1782. № 18 А. Прибавить «Стый Митрополитъ Димитріи | Ростовскіи Чудотворецъ | Дѣ: в: на°: м: а^р»; на фонѣ, внизу справа, монограмма гравера: «Р Д. П», т. е.: рѣзалъ Дмитрій Пастуховъ. Копія съ портрета, гравированнаго Яковомъ Васильевымъ съ оригинала графа Ротари; погр., $^3/_4$ влѣво; грав. рѣзцемъ, лице пунктиромъ. Выш. 13. 11; шир. 9. 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ IV-й КНИГѢ.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Читать.
14	2	на булатахъ	на булатную
35	26	пришествіе	происшествіе
360	18	Михайловича	Мстиславича.
78	22	де Ворогине	де Ворагине.
81	16	ленемъ	оленемъ.
86	24	Костоморовъ	Костомаровъ.
88	31	Улика	Улисса.
105	12	Костоморовъ	Костомаровъ.
167	33 и 34	Примѣчаніе это относится къ Шемякину суду.	
199	1	Вирсовію	Вирсавію
238	4	Слова: «совѣтую прочесть», относятся въ повѣсти, напечатанной въ Памятникахъ гр. Кушелева Безбородки.	
392	34	Кремлевой	Кремлевской.
401	26	средней	западной.
406	22	послѣ словъ «СБ» прибавить	и бродягъ «Б».
436	12	франовъ	франковъ.
439	15	Енисейскихъ	Елисейскихъ.
491	12	1776 года	1676 года.
727;	8 и слѣд.	Здѣсь повторено описаніе картинки (№ 1303 А), которое уже было помѣщено въ кн. III, на стр. 522.